

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d. 80

Per. 278975 cl. 80

ОТЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

*Veritae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.*

Gersonius.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ. 28-го февраля 1847 года.

Ценсоры: *А. Крыловъ и А. Мещеряковъ.*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

С В О Е В Ъ.

П О В Ъ С Т Ъ .

(Посвящено А. А. Я — ой.)

Авторъ долженъ предупредить читателей, что поводомъ къ этому разсказу послужила одна русская повѣсть, которой, вѣроятно, еще не забыли читатели «Отечественныхъ Записокъ». Не столько искусною рисою, сколько умною мыслию, положенною въ основаніе, повѣсть возбудила вниманіе, раздѣлила мнѣнія. Перечитанная въ одномъ обществѣ добрыхъ пріятелей, она также подала поводъ къ разнымъ толкамъ и сужденіямъ. Между-тѣмъ, одинъ изъ собесѣдниковъ, непринимавшій въ споръ большаго участія, привелъ себѣ на память исторію довольно-аналогическую съ тою, о которой шла рѣчь, хотя, по его же словамъ, эта аналогія отнюдь не давала права заключать о сходствѣ. Какъ главное дѣйствующее лицо въ этой исторіи многимъ было знакомо по имени, то вниманіе достаточно было возбуждено однимъ его поименованіемъ. Начатый по этому случаю разсказъ передаемъ теперь печати.

Съ вашего позволенія, господа, я начну такъ, какъ еслибъ вы никогда не слышали о Сбоевѣ. Прежде, чѣмъ перейду къ моей исторіи, я долженъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, передать вамъ нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся его рожденія, воспитанія, занятій, цѣлей. Часто, чтобъ обсудить одинъ только случай въ жизни человѣка, надобно бываетъ пересмотрѣть по ступенямъ всю его прежнюю жизнь, еслибъ даже она вовсе не отличалась обиліемъ событій.

Сбоевъ родился въ семьѣ очень-почтенной. Отецъ его когда-то носилъ ученую мантию, потомъ оставилъ службу, успокоился на лаврахъ и жилъ пенсіономъ, въ особенныхъ случаяхъ пополняя свои расходы изъ того достатка, который скопилъ себѣ прежними трудами. Онъ былъ еще, впрочемъ, бодрый, свѣжій старикъ, знавшій силу болѣзней старости только по теоріи. Мать Сбоева между всѣми сосѣдями была извѣстна за умную женщину и прекрасную хозяйку. Она умѣла держать себя безъ важности, но всегда съ строгимъ приличіемъ и достоинствомъ: никто не называлъ ея горлою, однако всѣ относились о ней съ уваженіемъ. Въ домѣ у нихъ не было никакихъ излишествъ, но все необходимое было налицо, комнаты всегда содержались въ строжайшей чистотѣ, мѣбель—въ величайшей исправности. Никогда въ этомъ домѣ не оскорблялись никакія приличія, никогда безпокойная суетность, ни даже никакой неумѣренный крикъ не возмущали его строгой безмятежности. Только развѣ въ именинные обѣды, когда сходились старинные друзья хозяина, и бесѣда согрѣвалась добрымъ виномъ, оживлялась воспоминаніями, на нѣсколько часовъ нарушаема была однообразная тишина этихъ комнатъ.

За дѣтьми постоянно слѣдилъ бдительный глазъ матери, и едва только проходило ихъ первое ребячество, какъ отецъ спѣшилъ занять ихъ праздный смыслъ начатками ученія. Сыновьямъ особенно онъ посвящалъ все свое вниманіе. Съ молодыхъ лѣтъ основвшись съ методою, онъ умѣлъ приучить и ихъ въ самомъ раннемъ возрастѣ къ точности и отчетливости занятій, самъ былъ ихъ и руководителемъ и учителемъ, проводилъ съ ними цѣлыя часы, то объяснялъ имъ уроки, то поправлялъ ихъ пробныя работы. Сбоевъ, какъ младшій изъ сыновей, былъ особеннымъ предметомъ и любви матери и нѣжнаго вниманія отца. Это, впрочемъ, не значитъ, что его много нѣжили; нѣжность здѣсь смягчала только формы обращенія, но въ-самомъ-дѣлѣ онъ былъ воспитанъ въ той же строгости правилъ, какъ прочіе братья. Ему также не прощалась никакая неисправность, и всякаго рода послушаніе равно не проходило даромъ. Между-тѣмъ, планъ его занятій былъ начертанъ съ большею полнотою и былъ наблюдаемъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ: отецъ, въ то время бывшій уже въ отставкѣ, какъ-будто хотѣлъ приготовить въ немъ наследника не столько своему вещественному, сколько умственному богатству.

Впрочемъ, еслибъ даже старикъ вздумалъ увеличить свою обычную възыскательность, и тогда бы не пришлось ему много хлопотать съ нашимъ Сбоевымъ. Такова ужъ была счастливая натура этого человѣка. Рано обозначился въ немъ прекрасный складъ ума, способность скоро схватывать предметъ, живо представлять его и ясно понимать даже въ отвлеченной формулѣ; ему все давалось такъ легко — безъ усилія, безъ напряженія; отецъ-наставникъ съ тайною радостію признавался, что ему рѣдко случалось встрѣчать такую счастливую память, умъ столько гибкій. А между-тѣмъ, въ мальчикѣ съ годами росла пылливость, любознательность, залогъ столькихъ надеждъ въ будущемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтно было никакой безпокойной нетерпѣливости, требующей немедленнаго удовлетворенія первой потребности и потомъ тотчасъ же охлаждающей къ предмету: напротивъ, въ Сбоевѣ было это счастливое равновѣсіе способностей, въ которомъ усиленная дѣятельность одной не закрываетъ вовсе другой, и наполненіе предметомъ не убиваетъ всегда живаго стремленія къ нему, т. е. я разумѣю первое соприкосновеніе съ предметомъ, которое для иныхъ умовъ есть уже самодовольство. Самый нравъ Сбоева носилъ отпечатокъ той же гармоніи: живой, проворный мальчикъ, онъ охотно принималъ участіе въ играхъ своихъ сверстниковъ, гдѣ всегда почти опережалъ другихъ своею изворотливостію и никогда много не возмущался, если воля отца или матери останавливала его на первомъ горячемъ порывѣ: онъ такъ легко вразумлялся въ благоразумный совѣтъ, и на лицѣ его такъ скоро проходили слѣды первой досады. Природная мягкость его нрава легко выказывалась даже въ обращеніи его съ другими дѣтьми: всегда много пріятности къ нимъ, непринужденной уступчивости, и задоръ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда слишкомъ-грубо задѣвали его самолюбіе, въ которомъ у него не было недостатка.

Мнѣ бы хотѣлось показать вамъ портретъ Сбоева, когда онъ былъ лѣтъ двѣнадцати: очень-нѣжная бѣлокурая головка, мягкіе, вьющіеся волосы, черты лица правильныя, тонкія, деликатныя, свѣтлый взоръ—вообще эта пріятная внѣшность, на которой съ любовію останавливается глазъ, неоскорбляемый ни грубостію очерка, ни излишне-рѣзкимъ выраженіемъ. Возмужавъ, онъ сохранилъ, однако, эту деликатность формъ и естественную пріятность движеній.

Я, какъ видите, смотрю на Сбоева какъ на любимое дитя счастья. И въ-самомъ-дѣлѣ, все удивительно устроилось, чтобъ ни въ его натурѣ физической, ни въ нравственной не было яркихъ недостатковъ, пробѣловъ, опущеній. Я думаю, какъ бы ни превосходны были методы его отца, какъ ни много съ его стороны было вниманія, Сбоевъ даже по этому самому не ушелъ бы отъ нѣкоторой сухости, не избавился бы отъ односторонности. — Но съ нимъ постоянно была нѣжно-любившая его мать, женщина, которая въ-продолженіе своей супружеской жизни заняла отъ мужа

много благоразумія и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣла сохранить теплоту сердечную: на ея глазахъ этотъ мальчикъ росъ, возмужалъ почти, и никогда старикъ—отецъ не становился враждебно между влияніемъ матери и воспримчивостью сына: ученѣе шло ученѣемъ, а здѣсь, между—тѣмъ, происходилъ свой незамѣтный обманъ—больше чувствъ, чѣмъ понятій,—творился совершенно особый міръ, въ который отецъ позволялъ себѣ заглядывать лишь иногда для повѣрки. Наибольше—человѣческая сторона, сторона сердца и его благородныхъ инстинктовъ, чрезвычайно-много выигрывала въ Сбоевѣ подъ этимъ тихимъ, но глубоко—проницающимъ влияніемъ. Тутъ, если хотите, была и мораль, но мораль чуждая всякаго педантизма, и которая часто сама не знала своего имени.

Можетъ—быть, одинъ недостатокъ былъ въ этомъ воспитаніи: мальчикъ до своего выхода изъ родительскаго дома почти совершенно былъ удаленъ отъ того, что называютъ свѣтомъ; но сомнительно, чтобъ онъ вынесъ много изъ того свѣта, въ который могъ попасть тогда по своему положенію. Я забылъ сказать, господа, что семейство Сбоевыхъ жило не въ столицѣ, а въ губернскомъ городѣ. Какъ бы то ни было, когда пришло время начать университетскій курсъ, Сбоевъ вышелъ изъ дома совѣтъ—готовый: мать уже вѣрила въ его сердце, отецъ отпускалъ съ увѣренностію въ его добрую голову. Надежды ихъ не были обмануты. Сбоева скоро замѣтили и отличили, какъ одного изъ способнѣйшихъ студентовъ. Не нашлось въ немъ только особеннаго рвенія къ наукѣ, да что втайнѣ нѣсколько рассчитывалъ отецъ, но отъ другихъ Сбоевъ не отставалъ, легкостію труда восполняя то, что другимъ доставалось тяжелымъ усиліемъ. Природная ясность его ума давала ему еще ту выгоду передъ товарищами, что его не пугала затруднительность задачи: пока другіе думали, какъ приступить къ ней, онъ подходилъ къ ней просто и рѣшалъ по первому разумію, не пускаясь въ глубину вопроса. Но какой-то вѣрный тактъ всегда почти выводилъ его на настоящую дорогу, такъ—что, при всей легкости, его работъ никогда нельзя было назвать поверхностными.

Уже по этому можете судить, что жизнь академическая не поглощала въ Сбоевѣ всего человѣка. Еще болѣе: сначала особенно, онъ былъ даже слишкомъ увлеченъ свѣтской жизнью и позволилъ себѣ нѣкоторыя неумѣренности. Но это продолжалось недолго. Самъ того не зная, случайно столкнулся онъ съ однимъ стариннымъ пріателемъ своего отца и, по своему обычаю, не думалъ прикрываться передъ нимъ никакою маскою. Черезъ это посредствомъ нѣкоторыхъ неумѣренностей Сбоева стали извѣстны и отцу: самъ онъ хотѣлъ еще выжидать, какъ—бы боясь внушить сыну понятіе о какомъ—то шпіонствѣ съ своей стороны; но мать не вытерпѣла. Письмо ея было облитое слезами: она не выговорила никакого упрека, она только просила и заклинала его дружески... Я не знаю, что бы случилось, еслибъ это былъ прямой вызовъ на борьбу; но на

слезы матери Сбоевъ сдался съ перваго раза, и тотчасъ же пере-мѣнилъ многое въ образѣ своей жизни. То, что осталось при немъ навсегда, это была его обычная искренность, простота и доступность всякому живому впечатлѣнію. У него бывали минуты горячихъ порывовъ, и онъ отдавался имъ; но первое увлеченіе проходило, и онъ снова былъ полный хозяинъ своихъ дѣйствій. Случались столкновенія съ товарищами, но никогда не видали, чтобъ Сбоевъ выходилъ изъ себя; даже въ минутной запальчивости споровъ онъ умѣлъ сохранять отгѣнокъ любезности, добродушія, чѣмъ останавливалъ самыя дерзкія выходки со стороны другихъ. Онъ видѣлъ это и умно пользовался своимъ вліяніемъ.

Не знаю, что особенно руководило Сбоевымъ при выборѣ жизни, которая должна была начаться для него по выходѣ изъ университета,—но виды отца въ этомъ отношеніи не исполнились. Впрочемъ, онъ предоставилъ сыну полную свободу, и когда Сбоевъ извѣстилъ его о намѣреніи своемъ ѣхать на службу въ Петербургъ, старикъ, нисколько не противорѣча, тотчасъ озаботился пріисканіемъ ему приличныхъ рекомендацій. Съ новенькимъ дипломомъ въ карманѣ, Сбоевъ, между-тѣмъ, прилетѣлъ самъ въ родительскій домъ, чтобъ обнять еще разъ отца и мать и потомъ проститься съ ними, можетъ-быть, на долгую, долгую разлуку. Его приняли съ тою же горячею любовью, надѣлили всѣмъ нужнымъ, безъ излишества впрочемъ, и благословили на дальній путь. Воротившись въ Москву, Сбоевъ, впрочемъ, не спѣшилъ ѣхать: онъ удержанъ былъ здѣсь еще нѣкоторыми обстоятельствами, которыя потомъ вы узнаете изъ моей исторіи.

Это была, конечно, довольно-важная минута въ жизни Сбоева: школа кончилась, открывалась широкая дорога жизни,—новая школа, но гдѣ уже образуются не ученики, а люди, и гдѣ кладется послѣдняя проба на искушенное въ борьбѣ человѣческое достоинство. Сбоевъ, впрочемъ, съ открытымъ челомъ готовился выступить на эту борьбу: что бы жизнь ему ни представила, онъ уже имѣлъ довольно вѣры въ себя. Въ-самомъ-дѣлѣ, чего было ему бояться? Первая мать, природа, надѣлила его своими дарами съ такимъ умнымъ расчетомъ, что равновѣсіе этихъ силъ могло нарушиться развѣ только сильнымъ, чрезвычайнымъ потрясеніемъ. Потомъ, не прошелъ ли онъ полной школы воспитанія, руководимаго умною мыслію, согрѣтаго въ то же время теплотою материнской любви? Озираясь на этотъ періодъ своего прошедшаго, Сбоевъ могъ сознательно сказать, что не было въ немъ ни одной черты, которая бы отзывалась рѣзкою исключительностью, нетерпимостью, и обличала бы неспособность къ жизни. Наконецъ, не прошелъ ли онъ съ честью и послѣдняго преддверія къ жизненной дѣятельности, того, которое уже тѣсно граничитъ съ жизнью, и куда она часто заглядываетъ даже съ своими суровыми требованіями? На счетъ его товарищи почти не раздѣлялись въ мнѣніяхъ; эти симпатіи, которыми онъ всегда пользовался въ товарищескомъ кругу

и которыя не слабѣли, а укрѣплялись со временемъ, — не-уже-ли онъ одолженъ былъ ими только своей счастливой природѣ? Внимательнѣе прислушиваясь къ отзывамъ о Сбоевѣ, можно было замѣтить въ нихъ даже нѣчто похожее на уваженіе къ его личности: развѣ это не былъ залогъ характера самостоятельнаго, независимаго? Характеръ, правда, испытывается собственно въ жизни дѣйствительной, устанавливается въ тѣхъ столкновеніяхъ, которыя разсыпаетъ она на пути всякому идущему подъ ея знаменемъ; но нельзя брать уроковъ отъ будущаго, а прошедшее, пережитое, по-крайней-мѣрѣ ничего не говорило Сбоеву, что бы могло внушить ему недоувѣрчивость къ себѣ, ослабить вѣру въ характеръ, какъ первую основу своей самостоятельности. Впрочемъ, его убѣжденіе оставалось только при немъ: онъ былъ такъ-мало суеуенъ, что не могъ призывать на него чьего-либо вниманія со стороны.

Въ это самое время я сошелся ближе съ Сбоевымъ. Отцы наши были близкіе сосѣди и добрые пріятели. Я только-что перешелъ за половину университетскаго курса и былъ нѣсколько озабоченъ перемѣною квартиры. Узнавъ, что Сбоевъ одинъ остался на квартиру, которую прежде занималъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, я обратился къ нему. Онъ откровенно объяснилъ мнѣ выгоды и невыгоды своего помѣщенія и далъ мнѣ свободу выбирать. Я былъ уже доволенъ и тѣмъ, что не встрѣтилъ съ его стороны никакого противорѣчія, и немедленно перемѣстился къ нему.

Пріютившись подъ одну кровлю съ Сбоевымъ, я имѣлъ наконецъ возможность всматриваться въ его ежедневную жизнь, — едва ли не лучшее средство узнать человѣка короче. (До того времени я встрѣчался съ нимъ только на лекціяхъ, или у нашихъ общихъ знакомыхъ.) Чувство, которое я уже приносилъ съ собою, было также родъ уваженія къ личности Сбоева, всегда такъ много меня занимавшей, — хотя мнѣ очень-трудно было бы сказать, какъ оно во мнѣ образовалось, — и для меня было очень-любопытно слѣдить за этою въ сущности очень-простою и однообразною жизнію въ самыхъ ея мелочахъ, ежедневныхъ привычкахъ, первыхъ наклонностяхъ. Интересъ науки для него не кончился вмѣстѣ съ курсомъ, и всѣ его занятія были у меня передъ глазами: я могъ знать книгу, которая возбуждала въ немъ интересъ, впечатлѣніе, которое она на него производила; могъ иногда заглянуть мимоходомъ въ его журналъ, забытый на столѣ... господа, не вмѣните мнѣ въ грѣхъ этой нескромности. Впрочемъ, занятія Сбоева отнюдь не были строги: это было первое, что я замѣтилъ. Онъ легко отъ нихъ отрывался, хотя бы для самаго простаго пріятельскаго кружка. Жизнь ему правилась, жизнь иногда даже увлекала его: стоило только попасть на хорошее общество, на живой, веселый кругъ, и онъ позволялъ себѣ забываться на нѣсколько дней. Зато я болѣе, чѣмъ когда-нибудь, могъ увѣриться въ живой воспримчивости его натуры: всякое свѣжее впечатлѣніе, — было ли оно отъ лица или отъ книги, — высказывалось у него тотчасъ же, немедленно, хотя

въ самомъ скоромъ времени потомъ онъ уже не такъ охотно возвращался къ тому же предмету. Въ первомъ случаѣ, онъ очевидно повиновался ощущенію, но вслѣдъ за тѣмъ возвращалась строгая въискательность мысли, потребность отчетливости, и налагала на него молчаніе. Впрочемъ, никакая вдумчивость въ мысль не убивала въ немъ свѣжести чувства: долго еще потомъ сохранялъ онъ весь букетъ его, и всякій разъ, какъ только возвращался къ нему въ разговорѣ, глаза его зажигались новымъ одушевленіемъ.

До короткости у насъ съ нимъ дошло не вдругъ: во-первыхъ, онъ былъ старѣе меня нѣсколькими годами, кругъ понятій его былъ гораздо-обширнѣе, взглядъ на жизнь опредѣленнѣе; словомъ, онъ не могъ подарить мнѣ большого дружелюбія, не приведя напередъ моихъ понятій въ нѣкоторый уровень съ своими, а это, какъ вы знаете, дѣлается нескоро. Сбоевъ же такъ уважалъ свои убѣжденія, что не вводилъ въ нихъ перваго встрѣчнаго, отдаваясь случайности первыхъ пріятельскихъ отношеній. Но даже и послѣ, когда между нами почти всѣ неровности сгладились и исчезла всякая принужденность, онъ не всегда былъ одинаково-обязателенъ. Многое въ нашей общей жизни проходило такъ, что Сбоевъ какъ-будто не видѣлъ и не слышалъ, и навѣрное промолчалъ бы вовсе, еслибъ я не догадывался первый повести слово. Но зато выпадала часъ искренней, задушевной бесѣды, когда онъ высказывался весь. Сначала, я только увлекался этими бесѣдами, послѣ полюбилъ за нихъ Сбоева: Тутъ исчезала обыкновенная его недовѣрчивость, и онъ открыто высказывалъ свои чувства, мысли, планы, надежды... Ихъ было много—и этихъ плановъ, и этихъ надеждъ, и всѣмъ имъ нельзя было не сочувствовать, потому-что ихъ не омрачало ни одно корыстное побужденіе, потому-что въ нихъ слышалась дѣтски-простая душа, которой даже зрѣлость мысли не научила хитрости изворотовъ и которая вся была полна вѣрою въ добро! И чѣмъ болѣе узнавалъ я Сбоева, тѣмъ болѣе любилъ его: то-есть, это была невольная дань благородству его инстинктовъ, чистотѣ его убѣжденій, которыя становились мнѣ тѣмъ яснѣе, чѣмъ больше случаевъ представлялось ему высказываться. Я былъ еще моложе его,—стало-быть, мечта имѣла еще для меня всю свою магическую прелесть: легко понять, что его увлеченіе скоро отражалось и на мнѣ, и если я когда рѣшался противорѣчить, то это было не столько въ силу внутренняго убѣжденія, сколько въ-слѣдствіе начавшейся между нами короткости отношеній, при которой противорѣчіе часто есть только новый оборотъ разговора.

Надобно, впрочемъ, признаться, что, при всей его искренности, въ немъ оставалась одна черта, которая одинаково не нравилась какъ мнѣ, такъ и всему кружку нашихъ общихъ пріятелей: онъ былъ такъ гордъ духомъ, что никогда и ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ прибѣгнуть ни къ чьему совѣту. Бывали и для него затруднительныя обстоятельства: онъ хмурился—я это видѣлъ; иногда даже онъ былъ столько смущенъ, что не могъ привязаться

ни къ какому занятію, и ни я, ни кто другой никогда не слышали отъ него вопроса, какъ бы поступили мы въ подобномъ положеніи. Въ такомъ случаѣ онъ не любилъ даже никому объяснять своихъ обстоятельствъ. Къ-счастію, подобные случаи встрѣчались рѣдко.

Всего интереснѣе на мои глаза казалось въ Сбоевѣ то, что онъ — любилъ... любилъ, какъ самый юнѣйшій изъ насъ, со всею горячестію страсти, со всеѣмъ ея энтузіазмомъ, и въ то же время съ яснымъ сознаниемъ своего чувства. Эту новость узналъ я только со времени послѣднихъ моихъ отношеній къ Сбоеву. Никогда прежде не случалось мнѣ слышать, чтобъ онъ открыто выражалъ свои чувства объ этомъ предметѣ, но почему-то мнѣ казалось всегда, что онъ скорѣе способенъ былъ смѣяться надъ любовью. Было очень-странно и вмѣстѣ пріятно увѣриться въ противномъ. До-сихъ-поръ я думаю, что Сбоевъ не рѣшился бы скоро заговорить со мной о своей любви, еслибъ я самъ не попалъ на слѣды ея. Это было вскорѣ послѣ того, какъ я номѣстился съ нимъ на одной квартирѣ. Разъ, темнымъ декабрскимъ вечеромъ, мы возвращались вмѣстѣ домой послѣ двадцати-четыре-часоваго отсутствія. Сверхъ обыкновенія, дверь маленькаго корридора, черезъ который намъ надобно было проходить въ наши комнаты, была вполнину отворена, и изъ-за нея свѣтился тусклый огонекъ. Я шелъ впереди и остановился, едва сдѣлавъ два шага въ корридоръ... Передо мною была прехорошенькая женская головка, одна изъ тѣхъ, передъ которыми всегда такъ хочется остановиться, хотя бы вы спѣшили на самое срочное время. Я принагнулся, чтобъ лучше взглянуть на нее, и едва-лишь замѣтилъ большіе голубые глаза, которые смотрѣли на меня съ робостію и смущеніемъ, какъ она отъ меня отворотилась... Въ ту же минуту, Сбоевъ сталъ между ею и мною, и я долженъ былъ податься къ самой двери и взяться за скобу, хотя мнѣ вовсе не хотѣлось входить въ комнату. Любопытство, однако, еще разъ остановило меня, когда я былъ уже у порога. Сбоевъ какъ-будто совсѣмъ позабылъ обо мнѣ: оборотившись ко мнѣ спиною, онъ безъ всякихъ церемоній развернулъ шаль, въ которую была закутана головка, и высвободилъ изъ-подъ нея хорошенькую, маленькую ручку. Дѣвушка, очевидно, не была для него незнакомкой.

— Зачѣмъ ты здѣсь, цвѣточекъ? сказалъ онъ, проводя рукою по ея волосамъ, и сказалъ такимъ мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ, какаго я никогда и не подозрѣвалъ у него.

— Мнѣ хотѣлось встрѣтить тебя... ты такъ долго не былъ! тихо сказала она, робко озираясь на меня.

— Ты ужъ думала Богъ-знаетъ что? продолжалъ онъ, поднося ея руку къ своимъ губамъ. — Мы просто просидѣли до свѣту за картами, а потомъ я спалъ цѣлый день... Вотъ и все!

— Соня... Это слово она сказала какъ-будто въ упрекъ, но съ такою милою улыбкой, что я отнялъ руку отъ скобы и подошелъ

къ нимъ на шагъ. Она тотчасъ замѣтила мое движеніе и снѣшила вырвать свою руку изъ руки Сбоева. Онъ далъ ей волю, но усмѣхнулся.

— Попалась, птичка... сказалъ онъ. — Закутайся же скорѣе, чтобъ онъ тебя не видалъ... Вотъ такъ! Видишь, какъ здѣсь холодно: ты простудишься.

Она покачала головой.

— Ступай же домой... Тебя тамъ ждутъ, сказалъ Сбоевъ, видя, что она вовсе не торопилась идти.

— Меня никто не ждетъ, отвѣчала она, и опять оглянулась на меня.

— Ты боишься его? спросилъ онъ, указывая на меня. — Какая же ты смѣшная, смѣшная! Развѣ ты еще не знаешь его? Подожди, я тебя познакомлю съ нимъ.—Я подошелъ къ нимъ. — Дай же ему свою руку—это мой товарищъ и пріятель, если хочешь... И вслѣдъ за этими словами я почувствовалъ у себя въ рукѣ ту же маленькую ручку, которую за минуту передъ тѣмъ сжималъ Сбоевъ.

— Ну, что? не страшень? продолжалъ онъ смѣясь, когда она взяла отъ меня назадъ свою руку.

Она стыдливо опустила свою головку.

— Иди же, сказалъ Сбоевъ съ нѣжностію. — Надо бояться не ея, а другихъ.

— Нашихъ нѣтъ дома, отвѣчала она, какъ-будто выпрашивая себѣ еще одну минуту.—Они уѣхали на цѣлый вечеръ...

— И оставили тебя одну... съ братьями, можетъ-быть?

— Они ужъ спятъ...

— Все равно... пора и тебѣ. Вотъ тебѣ на дорогу, прибавилъ онъ, цалуя ее въ бѣлый лобъ, который она сама подставила ему, нагнувъ къ нему свою головку. — Все ли?

— Нѣтъ еще, отвѣчала она.—Пришли мнѣ завтра книгу.

— Пришлю десять, только иди скорѣй... Слышишь — подѣхали?..

Она ужъ готова была бѣжать, но, послушавъ минуту, остановилась.

— Ты мнѣ приснился прошлою ночью, сказала она, опять подходя къ нему и смотря ему прямо въ глаза.

— Завтра, завтра расскажешь, отвѣчалъ онъ, и, втолкнувъ меня въ комнаты, вошелъ за мною и самъ.

— Я на тебя сердита, успѣла сказать она, когда онъ затворялъ за собою дверь.

На эти слова Сбоевъ только усмѣхнулся, но не сказалъ ни слова. Онъ ушелъ потомъ въ свою комнату и не выходилъ ко мнѣ болѣе часа. Не знаю, былъ ли онъ смущенъ этою печальною встрѣчею при постороннемъ свидѣлѣ, или ему хотѣлось дать на нѣсколько времени полную свободу своимъ чувствамъ. Я же съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты объясненія: никогда еще подобныя

отношенія не интересовали меня до такой степени. Бѣлокурая головка съ большими голубыми глазами безпрестанно мерещилась мнѣ въ темнотѣ (я нарочно погасилъ у себя свѣчу), и потомъ у меня не выходилъ изъ ума этотъ Сбоевъ, который въ моихъ глазахъ такъ коротокъ былъ съ этой маленькой ручкой... Кому бы ни принадлежала бѣлокурая головка, но они были хорошіе друзья между собою — она, эта хорошенькая дѣвушка, и онъ, то-есть Сбоевъ, мой пріятель: это было первое мое заключеніе изъ всего, что я видѣлъ и слышалъ. Разсуждая далѣе, я скоро дошелъ и до другаго весьма-естественнаго заключенія, то-есть, что дѣвушка была дочь нашего хозяина: потому-что, кромѣ насъ и хозяевъ, въ домѣ не жилъ никто. Третье заключеніе состояло въ томъ, что эта дѣвушка, чья маленькая ручка оставила на моей рукѣ такой горячій слѣдъ,—очень-мила. Далѣе этого заключенія я не подвинулся до-тѣхъ-поръ, пока Сбоевъ не вошелъ въ мою комнату.

— Какая у тебя темнота! сказалъ онъ, входя ко мнѣ. — Развѣ ты не намѣренъ работать нынче вечеромъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я отрывисто.

— Я самъ немного не расположенъ, продолжалъ онъ.

— И мудрено бы было послѣ такихъ сюрпризовъ, возразилъ я, прикрываясь темнотою.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ спокойно. — Сюрпризовъ никакихъ не было. Все это такъ обыкновенно — то, что ты видѣлъ. А ты замѣтилъ ее? прибавилъ онъ такимъ тономъ, что я могъ подозревать въ немъ маленькое волненіе.

— Даже очень... Ты очень-счастливъ, Сбоевъ; поздравляю тебя...

— Она тебѣ нравится? продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ.

— Я бы не сталъ тебя и поздравлять.

— Да, сказалъ онъ увѣренно:—она очень-мила. И замѣть, что ты сказалъ бы то же самое, еслибъ увидѣлъ ее въ самый яркій дѣтній день, когда—ты знаешь—такъ блекнетъ женская красота. Видѣлъ ли ты ея глаза большіе, голубые? ея высокій, бѣлый лобъ?..

— Видѣлъ.

— А знаешь ли ты, какъ ее зовутъ?

— Смѣшной вопросъ. А какъ?

— Ольга.

— Что жъ изъ этого?

— Разумѣется, ничего. Но я какъ-то люблю иногда произносить вслухъ ея имя. Мнѣ нравится это.

— Это значитъ — ты любишь ее... отвѣчалъ я почти въ той увѣренности, что Сбоевъ тотчасъ отвергнетъ мою мысль, какъ нелѣпность.

— Иначе, разумѣется, этого бы не было, отвѣчалъ онъ, принимая мои слова за самую простую и обыкновенную мысль.—Но

я не понимаю, отъ-чего мнѣ нравится повторять это имя? Ольга, Ольга... Какъ-будто я люблю эти самые звуки...

— А давно ты любишь ее? рѣшился я спросить, пользуясь его маленькимъ увлечениемъ.

— Я знаю ее давно—больше года. Друзьями мы стали недавно.

— Ужь и друзьями! Въ какомъ же смыслѣ, позволь спросить?

— Глупый вопросъ. Я тебѣ сказалъ, что мы любимъ другъ друга: развѣ тутъ можно быть не друзьями? Ужь не думаешь ли ты, что дружба существуетъ между товарищами?

— По-крайней-мѣрѣ скорѣе, чѣмъ между молодымъ человѣкомъ, каковъ, на-примѣръ, ты, и молодой дѣвушкой. Я разумѣю тутъ что-то вовсе другое.

— Разумѣй—это твое дѣло, отвѣчалъ Сбоевъ. — Я совершенно понимаю тебя и вовсе не намѣренъ тебѣ противорѣчить, потому-что самъ бывалъ въ подобныхъ отношеніяхъ, о которыхъ ты думаешь. Не дальше года, я зналъ одну дѣвушку: мнѣ рѣдко случалось встрѣчать такія роскошныя формы... Она готова была отдаться мнѣ вполнѣ, и я долго и прилежно слѣдилъ за нею, но никогда не приходило мнѣ въ голову видѣть въ этой интригѣ что-нибудь болѣе, кромѣ обыкновенной шалости. Я скажу тебѣ еще болѣе: она знала это и никогда на меня не сердилась. Такъ мы и разстались, когда порядкомъ надоѣли одинъ другому.

— Эта самая мысль у меня и была...

— Она вѣрна, только не всегда. Иногда подъ однимъ и тѣмъ же видомъ могутъ скрываться и шалость и чувство очень-серьезное.

— Ужь не истинная ли любовь? Говоря эти слова, я чуть удерживался отъ смѣха.

— Пожалуй, и она.

— По какимъ же примѣтамъ можно узнать ее? Я, признаюсь, не знаю ни одного вѣрнаго признака.

— Разумѣется, по силѣ и искренности чувства. Только ребенокъ не можетъ различать, что шалость и что не шалость. А гдѣ ты почувствовалъ это различіе, тамъ, конечно, не станешь шутить серьезными вещами. Пусть шалость остается шалостью, но когда зашло уже дальше, то смѣяться глупо. Я самъ сначала шутилъ, когда знакомился съ Ольгою. У меня не было никакой мысли впереди...

— Стало-быть, ты ужь не шутишь теперь, когда думаешь о своей Ольгѣ? спросилъ я, отчасти потерявъ уже охоту смѣяться.

— Всего менѣе, и если я заговорилъ съ тобою о ней, то именно для того, чтобъ поутирить немного твою охоту смѣяться по этому поводу. Тебѣ, разумѣется, и нельзя было имѣть другихъ мыслей. Впрочемъ, я увѣренъ, ты самъ скоро переимѣнишь свое мнѣніе, когда покороче узнаешь Ольгу. Я постараюсь познакомить тебя съ этимъ семействомъ... какъ оно ни гадко, прибавилъ онъ послѣ мгновенной паузы.

— Плохая рекомендація для новаго знакомства, замѣтилъ я.

— Извини, отвѣчалъ онъ. — Чтобъ показать тебѣ вблизи моего идола, я долженъ буду провести тебя черезъ довольно-грязныя двери...

Не знаю, сдержалъ ли бы Сбоевъ свое слово, еслибъ я не стоялъ на томъ, что онъ, казалось мнѣ, забылъ на другой же день. Была ли особенная заманчивость въ обстановкѣ нашей нечаянной встрѣчи, или въ самой Ольгѣ было что-то болѣе обыкновеннаго красиваго личика, — не умѣю въ этомъ отдать себѣ отчета, но во мнѣ часто пробуждалось немного-безпокойное желаніе увидѣть ее снова, и всякій разъ, когда я возвращался домой морознымъ вечеромъ, подъ безмолвнымъ покровомъ звѣздами сіяющей зимней ночи, мысль моя прежде меня забѣгала въ нашъ темный корридоръ и пылко стремилась и надѣялась, что опять повторится мнѣ та же самая встрѣча. Входя потомъ въ корридоръ, я въ самомъ дѣлѣ, уже не мыслю, а глазами искалъ вокругъ себя бѣлокурой головки... Ея тамъ не было, но мнѣ видѣлись ея большіе голубые глаза, и когда, наконецъ, переступивъ черезъ порогъ въ комнаты, я медленно затворялъ за собою дверь, мнѣ слышалось, какъ-будто позади меня кто-то повторялъ: «я сердита на тебя». Такъ легко разгорячалась тогда во мнѣ кровь и разыгрывалась фантазія. Не даромъ называли меня въ то время фантазеромъ. Сбоеву наконецъ такъ надоѣли мои напоминанія, что онъ рѣшился отворить передо мною «грязныя двери», то-есть, познакомить съ нашими хозяевами. Это было въ одинъ святочный вечеръ. За Сбоевымъ прислали: онъ взялъ съ собою и меня, посоветовавъ мнѣ, впрочемъ, напередъ — похрѣпче запереть глаза и уши. Мы вошли въ большую комнату, среди которой, въ облакахъ табачнаго дыма, я увидѣлъ столъ съ зеленымъ сукномъ и около него нѣсколько крупныхъ мужскихъ головъ, а немного поодаль — нѣсколько женщинъ. Хозяишъ, къ которому подвелъ меня Сбоевъ, сидѣлъ также за столомъ, съ стаканомъ пива въ рукѣ. Лицо этого господина ярко отличалось отъ другихъ окружавшихъ его лицъ своею необыкновенною краснотою, переходившею въ багровость; глаза были большіе, неподвижные, какъ у рыбы... Выслушавъ Сбоева, онъ уставилъ ихъ на меня, какъ на какую-нибудь диковинку, но потомъ очень-непринужденно протянулъ мнѣ довольно пухлую руку, приложивъ: «добро пожаловать». Вслѣдъ за тѣмъ, тою же рукою онъ потянулъ меня ближе къ себѣ, такъ-что я вовсе неожиданно очутился рядомъ съ нимъ на стулѣ, который онъ какъ-то успѣлъ подставить мнѣ. Я почувствовалъ себя такъ неловко, что не зналъ, что говорить... Краснолицый господинъ смотрѣлъ на меня съ мигнутою, какъ-бы мѣряя своего новаго знакома.

— Ну, вотъ и вы, началъ онъ, путаясь языкомъ: — удостоили насъ... Какого чорта вы ломались до-сихъ-поръ? Вотъ этотъ господинъ давно знаетъ насъ... и вамъ, кажется, не стыдно бы...

Я извинился кое-какъ, ссылаясь на студенческіе недосуги.

— Чорта-съ-два — недосуги! прокричалъ онъ на всю комнату, опрокидываясь на спинку стула, такъ-что тотъ затрещалъ подъ нимъ.—Знаемъ мы эти недосуги... Великая вещь прочитать по писанному страницы двѣ-три!.. Я самъ, батюшка мой, бывалъ студентомъ—не хуже васъ, и знаю всѣ тамъ эти штуки... Центральное движеніе что ль, али воздушное давленіе?.. Эстетика какія, али геральдики? Давай ихъ сюда... Эхъ вы, мухортики! прибавилъ онъ съ полнымъ самодовольствомъ, поднесши руку къ моему лицу и какъ-бы стараясь поймать мой подбородокъ...

Въ отвѣтъ на этотъ странный родъ ласки я поспѣшилъ отодвинуться.

— А! не-тронь-меня?.. сказалъ онъ тогда, понизивъ голосъ и дѣлая странное движеніе бровями. Впрочемъ, онъ тотчасъ снова обратился ко мнѣ:—вы что же больше любите?.. Хотите съ нами «въ горку», или будете трубку курить? У насъ есть все...

Я избралъ послѣднее. Онъ опять посмотрѣлъ на меня насмѣшливыми глазами...

— А! такъ будете трубку курить?.. Извините, извините: я ошибся... Вы изъ дворянъ, что ли?.. Маменька у васъ есть, папенька?.. Имѣю честь быть знакомымъ... (Онъ отвѣсилъ мнѣ при этомъ низкій поклонъ.) Руку вашу... Я самъ, сударь, личный дворянинъ, титулярный совѣтникъ, къ вашимъ услугамъ...

— Да еще и орденокъ скоро зашибемъ, смѣясь замѣтилъ кто-то со стороны.

— И орденокъ зашибемъ, продолжалъ мой собесѣдникъ.—Намъ не нужно центральныхъ вашихъ движеній, воздушныхъ давленій—проживемъ и безъ нихъ, а орденокъ зашибемъ... Я самъ былъ въ университетѣ, на бобахъ-то меня не проведешь, любезный. Какъ-бы не захотѣлъ скорѣе на службу, не хуже другихъ кончалъ бы курсъ... А что бы взялъ? Все то же... Пожалуй, начинивай себѣ голову хоть до старости, а послѣ хватъ — и пошелъ съ сумою... Много видали мы этихъ ученыхъ головъ, да чортъ ли въ нихъ—съ позволенія вашего сказать...

— Зато ума палата! опять замѣтилъ кто-то со стороны, съ усмѣшкой.

— Экая палата—выснаться негдѣ! отвѣчалъ мой титулярный совѣтникъ, заливаясь самымъ задушевнымъ смѣхомъ.—Нѣтъ, братъ Корней Петровичъ, не тѣ нынче времена: на одномъ умѣ далеко не уѣдешь, да и дома-то изъ него не построишь... А вотъ мы съ тобой, хотя и невысокаго образованія, а какъ Богъ благословилъ, такъ и живемъ-себѣ своимъ домкомъ, да и кланяться никому не хотимъ...

— Да, слава Богу, намъ съ вами пока нельзя пожаловаться: тепленько, отвѣчала длинная истертая фигура въ поношенномъ виц-мундирѣ. — Особенно нынѣшній годъ Богъ посылаетъ-таки...

— Да, ты-таки понагрѣлъ нынче руки, завистливо замѣтилъ мой собесѣдникъ.—Вотъ тебѣ и ума палата! По-нашему, куй же-

дѣло, пока горячо; а какъ будешь считать звѣзды, такъ, пожалуй, насидишься и въ ямѣ... ха, ха, ха! Такъ ли, Корней Петровичъ? Ну, самъ ты умный человѣкъ — понимаешь...

И оба они принялись хохотать отъ всего сердца. Я былъ въ большомъ затрудненіи, не зная, отвѣчать ли мнѣ на эти грубыя выходки невѣжества, или на первый разъ сохранить скромность самыхъ простыхъ приличій... Я взглянулъ на Сбоева: онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ меня и—смѣялся моему замѣшательству...

— Насмѣшили вы меня, Иванъ Кирилычъ, сказалъ наконецъ Корней Петровичъ, немного успокоившись послѣ продолжительнаго хохота.

— Погоди, братъ, и не такъ еще насмѣшу—только скажи мнѣ въ другой разъ про эту палату! отвѣчалъ Иванъ Кирилычъ, принимая видъ человѣка съ достоинствомъ или съ вѣсомъ.— Ты знаешь—я чортъ на правду: отцу родному не спущу, а не то, чтобъ замолчалъ передъ какимъ-нибудь молокососомъ, маменькинымъ сыночкомъ, у котораго нѣтъ и волоса въ бородѣ...

Я сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе съ тѣмъ, чтобъ отвѣчать на эту наглость, но Сбоевъ такъ стиснулъ мнѣ рукою плечо, что я остался на своемъ мѣстѣ и промолчалъ. Между-тѣмъ, Иванъ Кирилычъ тоже, кажется, замѣтилъ мое движеніе.

— Прошу извинить, сказалъ онъ, поворачиваясь ко мнѣ всѣмъ своимъ полновѣснымъ корпусомъ и схвативъ меня за кисть руки.—Я говорю не про васъ и не про этого молодца (онъ указалъ на Сбоева): васъ я очень уважаю... Не хотите ли вы пива, или чего-нибудь? Ну, хоть пуншу?..

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчалъ я сквозь зубы, проклиная внутренно всѣхъ присутствовавшихъ, не исключая и Сбоева.

— Какъ красная дѣвка, проговорилъ онъ съ досадою, обращаясь опять къ своему Корнею Петровичу.— Экая нехристь проклятая! ужъ и этимъ брезгаютъ... Ученый народъ, чортъ бы ихъ не взялъ! Гдѣ имъ съ нами! А того не знаютъ, что и вся-то ихъ ученость стоитъ гроша: ни тепла отъ нея, ни холода... Чтѣ ты мигаешь мнѣ съ коса-то, Корней? Я, братъ, ни на кого не посмотрю...

— Послушай, сказалъ я Сбоеву, вставая и отведя его въ сторону.—Веди меня вонъ, или я наплюю въ рожу этому господину...

Онъ продолжалъ смѣяться.

— Что? струсилъ? Жарко стало? Я вѣдь тебѣ говорилъ—запри глаза и уши.

— Идемъ же, сказалъ я.—Нѣтъ терпѣнья...

— Какой вздоръ! отвѣчалъ Сбоевъ.— Нѣтъ, ты не пойдешь: я долженъ еще познакомить тебя съ «прочими».

— Избавь, ради Бога!

— А Ольга? развѣ ты ужъ не хочешь видѣть ее?

Я почувствовалъ себя немного-лучше.

— Веди куда хочешь, только вонъ отсюда, сказалъ я ему.

— Минуту терпѣнія, отвѣчалъ онъ, вводя меня въ другую комнату, смежную съ первой.

Здѣсь, за чайнымъ приборомъ, сидѣла дама — такихъ лѣтъ, которыя нельзя было назвать ни молодыми, ни старыми, и съ такимъ лицомъ, котораго нельзя было назвать праздничнымъ. Въ чертахъ этого лица не было ничего дурнаго, или непріятно-отталкивающаго, но въ выраженіи его было что-то, вовсе нерасполагавшее къ веселью: на немъ, особенно надъ глазами, какъ-будто висѣло облако старой, изношенной грусти, которая давно утратила всю свою энергію, но такъ срослась съ этимъ лицомъ, что составляла едва-ли не главное въ его выраженіи. Дама сидѣла сложивъ крестомъ руки и разсѣянно слушая какого-то малорослаго господина, который пускалъ къ ней, вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ, бесвязныя слова, съ трудомъ сходявшія у него съ языка. Ольги тутъ не было.

— Анна Ивановна, сказалъ Сбоевъ, обращаясь къ дамѣ. — Я привелъ къ вамъ моего товарища. Надѣюсь, онъ будетъ у васъ не лишній.

— Ахъ, какъ мы вамъ благодарны, Николай Васильчъ! отвѣчала дама, принуждая себя принять веселый видъ. — А мы думали, продолжала она, обращаясь ко мнѣ: — что вы такіе гордые... Садитесь, сдѣлайте милость. Я очень люблю молодыхъ людей: съ ними всегда бываетъ такъ весело... Не угодно ли вамъ чаю?

Я попросилъ чашку.

— Извините, что я назвала васъ гордыми, продолжала Анна Ивановна, подавая мнѣ чашку. — У меня и въ умѣ бы этого не было, еслибъ не Иванъ Кирильчъ: онъ у насъ такой шутникъ! (По привычкѣ, она говорила эту ложь безъ смущенія.) А я, признаюсь, я очень люблю студентовъ. Господа-студенты такіе ученые, такіе благородные... У меня братъ тоже былъ студентомъ и золотую медаль получилъ... Всѣ профессора очень его любили, а потомъ — его послали на Кавказъ. Тамъ онъ и умеръ...

— Вашъ братъ былъ въ военной службѣ? спросилъ я, не зная, къ чему привязать разговоръ.

— Нѣтъ, онъ былъ лекаремъ, и ужь собирался держать экзаменъ на доктора. А въ военной службѣ у меня былъ другой братъ. Тотъ тоже очень любилъ меня, покойникъ. Его убили въ турецкую кампанію.

— Вы перенесли много потерь, замѣтилъ я.

— Очень-много, отвѣчала она съ непритворною грустію, подавая въ себѣ вздохъ. — Да ужь и сама, кажется, немного наживу... Что-то все такъ не весело — сама не знаю отъ-чего. Кажется, слава Богу, — нужды не видимъ никакой, — а все что-то скучно.

— Я вамъ давно говорилъ, Анна Ивановна, что вамъ надобно полечиться, сказалъ Сбоевъ, не выражая впрочемъ никакого особеннаго участія.

— Не вы одни, Николай Васильчъ, отвѣчала она: — Оди́нка мнѣ то же безпрестанно твердить. Да отъ чего же я стану лечиться? Вѣдь я не больна. Иванъ Кириловичъ, такой шутникъ! говорить, что я и его переживу... Все смѣется надо мной, говорить, что я жеманюсь...

— Предосторожность однако не мѣшаетъ, продолжалъ Сбоевъ довольно громко, какъ-бы желая закрыть отъ меня ея послѣднія слова.—Здоровьемъ пренебрегать нельзя, особенно вамъ.

— Нѣтъ, право, я здорова. Только сердце ноетъ какъ-то... Сама не знаю, отъ чего мнѣ все кажется, что я скоро умру... Ахъ, еслибъ вы знали, какъ мнѣ не хочется умереть! прибавила она вполголоса, какъ-бы боясь, чтобъ ея не услышали.

— Чтò за страшныя мысли у васъ, отозвался Сбоевъ.—Неужели вы еще не оставили ихъ до-сихъ-поръ?

— Пусть бы ужъ на яву, Николай Васильчъ, а то и во снѣ... Вчерашнюю ночь опять приснился мнѣ этотъ старичокъ, весь въ бѣломъ, помните, о которомъ я вамъ сказывала? Будто подходит ко мнѣ и говорить тихонько: ты умрешь...

— Умреть, меньше вретъ, раздался позади грубой мужской голосъ.

Я оглянулся и увидѣлъ сіяющее лицо Ивана Кириловича, который въ эту минуту входилъ въ нашу комнату.

— Чтò? ужъ запѣла себѣ панихиду? сказалъ онъ, поставивъ на столъ свой стаканъ и сдѣлавъ гримасу Аннѣ Ивановнѣ. — А ты прежде налей-ка мнѣ послѣдній, да ужъ и пой-себѣ чтò хочешь. Вы, господа, продолжалъ Иванъ Кириловичъ, обращаясь къ намъ: —не слушайте ея много: баба, ну, однимъ словомъ баба... Съ нею бываетъ истерика, а у нея все смерть на умѣ...

— Чтò смерть? у кого смерть?.. съ недоумѣніемъ спросилъ, поднявъ голову, малорослый господинъ, который почти заснулъ-было во время нашего разговора съ Анной Ивановной.

— А ты ужъ и радъ! отвѣчалъ Иванъ Кириловичъ. — Да хотя бы умерла твоя кума, а моя жена, признайся, ты бы радъ былъ?..

— Мы бы помянули ее, проворчалъ кумъ.

— Хорошо, очень-хорошо! Ну, а потомъ?

— А потомъ?.. повторилъ кумъ и прищурилъ одинъ глазъ.—А потомъ сталъ бы сватать на Матренѣ Федоровнѣ.

— Люблю, кумъ! bravo, bravo! и съ громкимъ смѣхомъ Иванъ Кириловичъ захопалъ въ ладоши. На этотъ шумъ сбѣжались изъ первой комнаты почти всѣ собесѣдники.

— И радѣхонька будетъ, ей-Богу радѣхонька, продолжалъ кумъ, тряхнувъ съ важностью головою, какъ-бы съ чувствомъ истины своихъ словъ.—Ужъ она мнѣ не разъ моргала. Да и подь пару она тебѣ; Иванъ Кириловичъ!

— Баба здоровая, свѣжая, и обнять-то есть чтò... Поживемъ съ Матреной Федоровной, ха, ха, ха! И Иванъ Кириловичъ снова разразился хохотомъ, которому дружно вторили всѣ гости. Я смо-

трѣтъ на Анну Ивановну: она старалась по-крайней-мѣрѣ подражать общему хохоту, хотя я и не знаю, что было у нея на душѣ. Недостатокъ ея веселости въ лицѣ она хотѣла, кажется, скрыть сильнымъ наклоненіемъ всего корпуса, какъ бываетъ при неумѣренномъ смѣхѣ, и вдругъ однимъ неосторожнымъ движеніемъ опрокинула со стола миску и чайную чашку съ блюдечкомъ. Все это тотчасъ разлетѣлось въ дребезги... Хохотъ вдругъ слился.

— Бей, жена, посуду, свои фабрики есть! первый началъ Иванъ Кириловичъ, смотря какъ Анна Ивановна подбирала съ пола черешки.—Заслушалась, мать моя, разинула ротъ-то? какъ ужь самовара-то не свалила! Ужь бы кстати!.. Али мужу угрозить хотѣла, что задумалъ при чахлой женѣ думать о здоровой? Да ты бы лучше ему въ лицо виѣкнулась, знаешь? по-кошачьи...

— Вы все шутите, Ивапъ Кириловичъ, отозвалась Анна Ивановна, все еще не поднимая головы.

— Все шутите, все шутите! сказалъ тоненькимъ голоскомъ Иванъ Кириловичъ, передразнивая Анну Ивановну.—Молчала бы... Нѣтъ, ужь мнѣ надобли шутки... когда-нибудь такъ расшучусь, и онъ сдѣлалъ такое движеніе рукою, что Анна Ивановна смирнехонько прижалась въ уголь дивана.

Всѣ молчали; только кумъ нашелся.

— Какъ бы услышала это Матрена Ѳедоровна, такъ она бы цѣлый чайникъ на тебя вылила. Экъ въ задоръ пришелъ! Ты этакъ, пожалуй, и на пасъ напустишь...

Иванъ Кириловичъ молча обтиралъ лобъ платкомъ.

— Такъ и смотришь Голиаеомъ, продолжалъ кумъ.—Ну, Голиаеъ, настоящій Голиаеъ!.. А ну-ка, за здоровье Матрены Ѳедоровны! закричалъ онъ, поднявъ стаканъ съ пуншомъ и вытянувшись самъ.

Иванъ Кириловичъ усмѣхнулся, и подставлялъ свой стаканъ къ Аннѣ Ивановнѣ, дѣлая видъ, чтобъ она наполнила тѣмъ слѣдуетъ его пустоту. Буря прошла. Примѣру Ивана Кириловича слѣдовали и другіе. Анна Ивановна, улыбаясь, начала наполнять стаканы. Я считалъ эту минуту за самую удобную, чтобъ незамѣтно ускользнуть изъ этого общества, гдѣ мнѣ наконецъ становилось душно. Но только лишь я сдѣлалъ это движеніе, какъ Сбоевъ, который стоялъ у меня за спиною, дернулъ меня за рукавъ и показалъ выходъ въ другую дверь, противъ той, которою мы вошли. Я слѣдовалъ его жесту. Черезъ маленькую темную комнату, въ родѣ чулана, мы вышли въ другую, низенькую, но довольно просторную, съ большимъ столомъ у стѣны, за которымъ трое бѣлоголовыхъ мальчиковъ, вполонину сидя, вполонину лежа, играли въ карты. На одномъ изъ мальчиковъ я замѣтилъ форменный сюртучокъ съ краснымъ воротникомъ. Два другіе, помоложе, были вовсе безъ сюртучковъ. Ихъ задорнаго крика и шума не слышно было въ переднихъ комнатахъ только потому—что дверь, которая вела туда, часто притворялась. Впрочемъ, этотъ шумъ нисколько не мѣшалъ

дремать сухощавой старушкѣ, сидѣвшей на полуизломанномъ креслѣ за однимъ изъ мальчиковъ.

Когда мы вошли, всѣ три головы обернулись на насъ, и одинъ изъ мальчиковъ вскочилъ даже со стула, чтобъ повиснуть на шеѣ у Сбоева. Но это было лишь минутное движеніе. Прокричавъ намъ въ три голоса «здравствуйте, здравствуйте», мальчики опять ушли, какъ-будто ни въ чемъ не бывали. Мы подошли къ столу. Старушка на пол-секунды полураскрыла сонные глаза и тотчасъ задремала снова.

— Что у васъ за игра, ребята? спросилъ Сбоевъ.

— Не видишь? бойко отвѣчалъ младшій, пока двое другихъ горячо били картами по столу:—горка. Хочешь играть съ нами?

— Проиграешься, Петя! сказалъ Сбоевъ, проведя рукой по головѣ мальчика.

— Охъ ты! отвѣчалъ мальчикъ, вывертываясь изъ-подъ руки Сбоева.—Самъ ты не умѣешь играть... Василій, знаешь, какъ тебя обыграетъ! Онъ ужъ нынче выигралъ у Алеши гривенникъ...

— Врешь ты, сказалъ, продолжая кидать карты, мальчикъ въ мундирѣ:—я ужъ отыгралъ половину.

— Увидимъ, какъ отыграешь ты, отозвался третій мальчикъ.—Еще не хвались, братъ, заранѣе. Посмотри коли ты не будешь безъ очка.

— Да когда жъ вы, братцы, успѣли урокъ приготовить? спросилъ Сбоевъ.

— А тебѣ какое дѣло? закричалъ бойкій Петя.

— Что кричишь? Чтобъ тамъ слышали?.. И съ этимъ словомъ Василій далъ Петѣ порядочнаго толчка, на что тотъ въ минуту отвѣчалъ тѣмъ же.

— Намъ нынче ничего почти не задали, самую малость, отвѣчалъ наконецъ старшій на слова Сбоева.

— А сестра слушала васъ?

— Да какъ она будетъ слушать? продолжалъ Алеша:—развѣ она знаетъ по-латинѣ? Нынче только у Пети урокъ изъ російской грамматики. Спрашивайте у него.

— Проигралъ, проигралъ! закричалъ въ это время Василій.—У, у, у!

— Что же, Петя, слушался ты нынче сестры? продолжалъ спрашивать Сбоевъ.

— Да отстаньте вы: я хочу играть. Я ничего не слышу, чтѣ вы говорите, и Петя зажалъ себѣ уши.

— Я спрошу у сестры.

— Спрашивайте... воиъ она притаялась за вами... Да она по чемъ знаетъ, что намъ за дѣло! Развѣ она знаетъ, какой у насъ урокъ, старый или новый?..

Ольга точно стояла за нами притаявшись. Ни я, ни Сбоевъ не слышали, какъ она подошла къ намъ. Мы раскланялись. Отвѣчая мнѣ мой поклонъ, она въ то же время подала обѣ руки Сбоеву.

Счастливецъ! подумалъ я про себя. Эти руки, казалось, готовы были обнять его; на лицѣ ея было столько радости, въ самомъ этомъ движеніи, съ которымъ она подала ему руки, было столько доверчивости къ нему, что въ эту минуту по-крайней-мѣрѣ трудно было не позавидовать. Я пришелъ съ большимъ запасомъ словъ собственно для нея, и съ разу увидѣлъ, что они были тутъ только другъ для друга, и что мнѣ не оставалось болѣе никакой части. Лучше быть наглымъ, чѣмъ некстати-навязчивымъ.

— Ну, здравствуй, здравствуй, говорилъ Сбоевъ, впиваясь ей въ глаза.—Что же, знаетъ Петя урокъ?

— Знаетъ, кричалъ мальчикъ, весь, впрочемъ, занятый картами.

— Знаетъ, машинально проговорила за нимъ Ольга и потомъ, сдѣлавъ Сбоеву плутовской знакъ на старушку, которая продолжала дремать на креслѣ, отвела насъ (я, разумѣется, шелъ за ними) на другой конецъ комнаты, гдѣ стояло ея руководѣлье и какой-то продолговатый ящикъ въ родѣ стола. Здѣсь ожидало насъ старое канапѣ, крытое пестрымъ новенькимъ ситцемъ.

— Ахъ, они совсѣмъ не учатся! продолжала она, усаживаясь противъ Сбоева на стулѣ.

— Зачѣмъ плохо смотришь за ними! отвѣчалъ онъ, впрочемъ на этотъ разъ, кажется, очень-мало думая о вопросѣ.— Да, впрочемъ, это не новость. Скажи мнѣ лучше... Что это такое я хотѣлъ спросить у тебя; но, право, ты у меня всегда отбиваешь память. Видишь ли, ты меня портишь, испортила совсѣмъ, сдѣлала такимъ же шалуномъ, какъ Петя. Это ужасъ, какая ты баловница, Ольга!.. Или, можетъ-быть, ты не помнишь ли?

Ольга не смѣшила отвѣчать. Да и въ отвѣтѣ ли было дѣло? Пока Сбоевъ «шѣлъ», она смотрѣла въ глаза на него съ этою улыбкою самоуслажденія, съ какою можетъ смотрѣть только юность любящая, пока еще носить цѣлый міръ въ любви своей. Впрочемъ, въ этотъ разъ Ольга мнѣ показалась менѣе веселою, чѣмъ обыкновенно.

Сбоевъ рѣшительно начиналъ дѣтствовать.

— Что же, птичка? замолчала? заговорилъ онъ опять, взявъ снова обѣ ея руки.— Богъ-знаетъ, что такое! — Ну, скажи намъ по-крайней-мѣрѣ, о чемъ ты теперь думала — сейчасъ, передъ нами?

— Я ждала тебя... васъ.— Зачѣмъ ты такъ долго тамъ оставался.

— Зачѣмъ— вотъ прекрасно! за тѣмъ, что мнѣ нравилось... Ты знаешь, я люблю быть тамъ, гдѣ тебя нѣтъ; я не могу быть вмѣстѣ съ тобою; я не терплю, я умираю отъ скуки, если ты со мной въ одной комнатѣ...

Ольга посмотрѣла на меня и засмѣялась. Она какъ-будто хотѣла сказать: какой вздоръ болтаешь этотъ человекъ, вмѣсто того, чтобъ сказать, что онъ меня любитъ!

— А долго ты насъ ждала? продолжалъ Сбоевъ.

— Я совсѣмъ васъ не ждала...

— Вотъ что! это новость! — Послушай, продолжалъ Сбоевъ, обращаясь ко мнѣ: — она совсѣмъ васъ не ждала? Что вы на это скажете?

— Стало-быть, я лишній? сказалъ я.

— Ахъ, нѣтъ! отвѣчала Ольга, вспыхнувъ слегка и схвативъ меня за руку, какъ-бы желая этою невинною ласкою поправить свою неловкую шутку.—Я этого никогда не думала; я рада вамъ, право...

Сбоевъ смѣялся, смотря на ея замѣшательство.

— Она не виновата, право, не виновата, говорилъ онъ. — Она бы готова любить васъ, но выйти никакъ нельзя: у ней совсѣмъ нѣтъ времени, она такъ занята однимъ... дѣломъ...

И отъ этихъ глупостей бѣдная дѣвушка мѣшалась все больше и больше, такъ-что, жалѣя ее, я долженъ былъ сдѣлать знакъ Сбоеву, что вовсе не имѣю охоты раздѣлять съ нимъ эту неумѣстную шутку. Онъ въ-самомъ-дѣлѣ тотчасъ перемѣнилъ тонъ.

— Вспомнилъ, вспомнилъ! началъ онъ опять. — Я хотѣлъ тебя спросить, отъ-чего же ты сама не пришла туда?

Она покачала отрицательно головою.

— И не хотѣла?

Тотъ же знакъ.

— О, какая же ты упрямая, упрямая! А вотъ онъ (Сбоевъ указалъ на меня) все ждалъ, что ты прійдешь, онъ нарочно шелъ за тѣмъ, онъ хотѣлъ быть твоимъ «гостемъ»...

Ольга посмотрѣла на меня съ нѣкоторымъ изумленіемъ. — Я сказалъ, что хотѣлъ быть гостемъ—только въ этой комнатѣ. Она кивнула мнѣ головою, какъ-бы въ знакъ согласія.

— А впрочемъ, продолжалъ Сбоевъ:—зачѣмъ тебѣ и быть тамъ! Ты хорошо сдѣлала, прибавилъ онъ чуть-чуть цалуя ее въ лобъ, который наклонился въ это время слишкомъ-близко къ его губамъ.—Скажи же мнѣ, зачѣмъ ты ждала меня? Развѣ ты что хочешь сказать мнѣ?

Ольга хотѣла отвѣчать, но вдругъ остановилась сама и сдѣлала намъ знакъ молчать. Глаза ея быстро устремились въ ту сторону, гдѣ братья ея играли въ карты. У нихъ въ это время завязался какой-то сильный споръ: двое кричали, третій билъ руками по столу... Сонная старушка начинала продирать глаза, но крикуны скоро стихли, и она закачалась снова. Ольга успокоилась.

— А-га! заговорилъ опять Сбоевъ:—боишься бабуся! О, бабуся строга! бабуся не любитъ баловать насъ, не любитъ, чтобъ внучка ея принимала гостей — о, не любитъ! Смотри же, цвѣточекъ, будь остороженъ!.. А, кстати, зачѣмъ ты вчера такъ скоро ушла отъ меня? Точь-въ-точь молоденькая козочка: повернулась, прыгнула, и только видѣли!

Подумавъ съ минуту, Ольга что-то начала говорить ему на ухо.

— Вотъ что! сказала Сбоевъ, когда она перестала говорить, и потомъ смолкъ. Она также молчала, только по-временамъ взглядывала на него, какъ-бы ожидая отъ него или объясненія, или поощренія... Но Сбоевъ уставился въ потолокъ и что-то думалъ про себя. Мнѣ, признаюсь, было довольно-неловко между ними; одна невысказанная мысль, въ которой мнѣ не было ровно никакой части, занимала ихъ обоихъ. Чтобы, однако, дать свободный ходъ этому странному разговору, я взялъ лежавшее подлѣ меня шитье и принялся разбирать его.

— Да впрочемъ... началъ Сбоевъ какъ-бы еще въ той же думѣ:—ну, да объ этомъ въ другой разъ... Потомъ онъ снова обратился къ ней съ яснымъ лицомъ:—а ты однако еще разъ выходила послѣ на крыльцо?.. Я видалъ: ты проходила дворомъ послѣ десяти часовъ? Я смотрѣлъ въ окно изъ коридора... Зачѣмъ?

— Ночью, я люблю смотрѣть на небо.

— На звѣзды!..

— Какъ блещутъ звѣзды, зимой особенно. Нѣтъ, я лучше люблю смотрѣть, когда онѣ падаютъ.

— Что же тебѣ тутъ нравится?

— Ничего... Маменька говоритъ, что когда падаетъ звѣзда на небѣ, то въ это время чья-нибудь душа оставляетъ тѣло, т. е. умираетъ кто-нибудь.

— Вотъ видишь, какъ это хитро придумано.—Однако, какъ же это? ты, стало-быть, радуешься, когда душа оставляетъ человѣка, то-есть, когда человѣкъ умираетъ?

Сбоевъ, какъ видите, не только не скучалъ пустотою этой болтовни, но даже умѣлъ находить въ ней софистическую сторону.

— Я этого совсѣмъ не говорила, отвѣчала она пресерьезно, качая головой, какъ-бы въ знакъ того, что отрицаетъ и самую шутку въ подобномъ предметѣ:—я не говорила!

— Согласенъ. Но... но зачѣмъ же ты ждала меня въ другой разъ? Вѣдь, признайся,—ты ждала меня?.. Ну, вижу по глазамъ. Развѣ у тебя было что сказать мнѣ? Я нынче хотя только взглянулъ на тебя, сейчасъ увидалъ, что тутъ (онъ указалъ на ея носъ) есть что-то недосказанное. Такъ вотъ—какъ ты нынче! Можешь цѣлый день носить секретъ отъ меня!

Не смотря на всю мягкость тона, упрекъ слышался въ этихъ словахъ. Я взглянулъ на нее: тяжелое впечатлѣніе упрека отразилось на лицѣ ея сильнѣе, нежели какъ я бы ожидалъ. Она молчала, видимо подавленная, недовольная словами Сбоева. Вотъ странность, подумалъ я, и, посторонній зритель, все больше и больше заинтересовывался сценою, которая происходила у меня передъ глазами. Сбоевъ однако скоро и самъ замѣтилъ непріятное дѣйствіе своихъ словъ и, какъ-бы желая разсѣять впечатлѣніе, началъ барабанить по столу. Мнѣ послышался звукъ струны, и чѣмъ сильнѣе падали удары руки, тѣмъ слышнѣе пѣла струна. Замѣтивъ мое недоумѣніе, Сбоевъ приподнял крышу мнимаго сто-

да, и вмѣсто дна или ящика, я увидалъ деку съ протянутыми по ней струнами.

Это были «гусли». Вы вѣрно видали гдѣ-нибудь въ скромномъ уголку этотъ нехитрый инструментъ, давно уже заброшенный, отнесенный на чердакъ, но когда-то занимавшій почетное мѣсто фортепяня и угѣшавшій нашихъ грустныхъ отцовъ своими томными звуками? Сфера ихъ была всегда самая скромная, почти только домашняя: съ памятью о нихъ не соединено имя ни одного великаго артиста; но были прежде люди, которые въ сумерки угрюмаго осенняго дня любили этими звуками разбивать свою скуку, можетъ-быть, искали въ нихъ отвѣта своимъ завѣтнымъ чувствамъ и, почему знать? можетъ-быть иногда подъ нихъ заводилась и сердечная музыка, та, изъ которой, говорятъ, рождается любовь. Все это, впрочемъ, прошло, изветшало, да и памяти не стѣить оно! Я говорю только къ слову, чтобъ, наконецъ, сказать вамъ, что, не смотря на огромные успѣхи цивилизации, которую мы вбираемъ въ себя всѣми пораи, не смотря на повсемѣстное господство фортепяня, уцѣлѣли еще кое-гдѣ патріархальныя гусли, и не всѣ струны на нихъ перержавѣли. Одинъ экземпляръ ихъ стоялъ теперь передъ нами, можетъ-быть, доставшійся Ивану Кирилловичу въ наслѣдство отъ отца.

Упрекъ Сбоева какъ-будто обратился на него самого. Онъ вдругъ потерялъ расположеніе говорить и, кажется, съ намѣреніемъ прибѣгъ къ гуслимъ, чтобъ звуками прогнать память словъ. Ольга—о, она понимала каждое его движеніе, угадывала самую его мысль. Онъ только посмотрѣлъ на нее, и она ужъ знала его желаніе. Но напередъ надобно было взять нѣкоторыя предосторожности. Она посмотрѣла сначала на старушку: та въ это время сидѣла оракуломъ подъ большимъ платкомъ, которымъ шалуны накрывали ее во время сна. Потомъ, она послушала у двери, которою мы вошли: тамъ почти не перемежались возгласы, иногда довольно-неистовые. Совершенно успокоенная съ этой стороны, Ольга сѣла за гусли. Сбоевъ, разумѣется, помѣстился только-что не на плечахъ у ней. Я... но вѣдь не во мнѣ дѣло, господа. Правая рука Ольги легла на струнахъ. Я всегда смотрѣлъ на эту хорошенкующую ручку съ особеннымъ удовольствіемъ и, когда случалось, еще съ большею пріятностію сжималъ ее въ своихъ рукахъ. Вотъ она пробѣжала по струнамъ; инструментъ какъ-будто нарочно былъ сдѣланъ для суроваго, монотоннаго протестантскаго гимна, но я услышалъ—романсъ Мерзлякова. Впрочемъ, такова ли ужъ была обстановка сцены, мнѣ нравился въ этотъ разъ даже и романсъ Мерзлякова. Ахъ, иногда нравятся очень-странныя вещи! Но меня больше занимала эта маленькая ручка, ударявшая въ эти полуржавыя желѣзныя струны.

— Вамъ не нравится? спросила она, вдругъ переставъ играть и обратившись ко мнѣ.

— О, напротивъ!

— Нуъ, на гусяхъ это выходитъ нехорошо. У меня одна знакомая дѣвушка, дочь нашихъ сосѣдей: какъ она хорошо играетъ ее на фортепьянахъ!.. Ахъ, еслибъ у меня были фортепьяны!..

— Тогда бы мы не играли на гусяхъ, замѣтилъ Сбоевъ, какъ бы желая склонить мысль ея отъ предмета неисполнимыхъ желаній.—А я люблю слушать, когда ты играешь на гусяхъ.

Не знаю, поняла ли она смыслъ этой лести; но выраженіе лица ея не измѣнилось, и она ничего не сказала въ отвѣтъ. Сбоевъ долженъ былъ еще разъ просить ея играть. Какое-то горькое чувство, между-тѣмъ, изобразилось на лицѣ его.

— Что же я сыиграю? спросила она.

— Что за выборъ! Миѣ нужно только, чтобъ ты играла. Только не «Коль славень», и не «Среди долины ровныя»...

Ольга не преклословила. Струны опять пришли въ движеніе. Она пробовала попасть на веселый ладъ, но предаваясь, можетъ-быть, невниманному чувству, которое сама неосторожно разбудила въ себѣ, все больше и больше сбивалась на тонъ противоположный. Какъ-будто нарочно, самыя заунывныя русскія мелодіи попадались ей подъ руку, тѣ тоской задумчивой напѣтыя мелодіи, надъ которыми, можетъ-быть, иногда и потѣшаешься въ веселый часъ, но изъ которыхъ сердце стонетъ жалостью, когда хоть лишь немного подстроишься подъ ихъ безотрадный ладъ. А Сбоевъ опять начиналъ уже подлаживаться подъ этотъ тонъ.

— Сыиграй «Катилось зерно по бархату», перервалъ онъ ее.

Тутъ она не утерпѣла, чтобъ хотя слегка не слѣдить голосомъ за мелодіей. Шумливые мальчики—какъ-будто сочувствіе простиралось и на нихъ—притихли. И вотъ она пѣла «Катилось зерно по бархату». Я слушалъ, и хотѣлъ еще слушать долго и долго... А что было такого въ этой «Катилось зерно по бархату», едвали сумѣю сказать и теперь. Да и не берусь. Иногда не знаешь сказать, что нравится; иногда нравится открыть душу первой счастливой мелодіи и отдаться съ нею теченію—не мыслей, не чувства даже, а какихъ-то неопредѣленныхъ ощущеній. Сколько тутъ обмана, самообольщенія, разсудите вы между собою, но эти минуты бываютъ.

Но теченію, на которое я намекнулъ, всѣхъ больше, кажется, отдавалась сама Ольга: сказала, можетъ-быть, нѣжная раздражительность желаній души. Взавшись повторить по невольному движенію вторую половину того же «Катилось зерно по бархату», она не кончила, оборвала вдругъ и упала взволнованная на спинку канапѣ. Никто изъ насъ не произнесъ ни слова. Сбоевъ вздумалъ взглянуть ей въ глаза... быстрымъ движеніемъ руки она скрыла ихъ подъ платкомъ, но не скрыла глухаго рыданія, которое прерывалось невольно и обличало потокъ слезъ.

— Вотъ новость! сказалъ Сбоевъ, впрочемъ въ-полголоса, какъ-будто лишь для меня.—Наконецъ мы даже и плачемъ.

Робко, осторожно отнималъ онъ между-тѣмъ у ней платокъ отъ глазъ. Она не сопротивлялась много, и когда ему удалось отвести ея руку, она спѣшила плачущее лицо свое прояснить улыбкою, какъ плачущій день сквозь тучу иногда озарится отраднымъ солнечнымъ лучомъ.

— Какъ же это можно, мой другъ, говорилъ Сбоевъ съ нѣжностью, взявъ ея руку.—Какъ можно! Откуда вдругъ такая тревога? Ну, перестань же, ради Бога, смѣйся...

И она старалась смѣяться... можетъ-быть, даже и не старалась...

— Признайся, вѣдь по пустому? Вѣдь это былъ одинъ капризъ?

Она хотѣла вооружиться новымъ усиленіемъ противъ этихъ словъ, но, была вѣрно въ нихъ какая-то горечь, слезы вновь брызнули у ней изъ глазъ.

— О, это ужъ больше не шутка! проговорилъ встревоженный Сбоевъ.—Ну, ради Бога, прости... Почему я знаю, что у тебя въ головѣ, что у тебя на сердцѣ! Ты же сама хотѣла носить съ собою эту лишнюю тягость и не говорить мнѣ... Однимъ словомъ, что съ тобой? Прочь отъ насъ всѣ тайны!..

— Ты ѣдешь отъ насъ, ты ѣдешь скоро! проговорила она сквозь частаго дыханья.

— Я? Кто сказалъ тебѣ? Откуда такая новость?

— Я знаю, продолжала она увѣреннымъ тономъ.—Ты не говоришь мнѣ.

Кто сказалъ ей, это осталось и потомъ задачею не только для меня, но и для самого Сбоева. Иногда любовь владѣетъ путями, которые навсегда остаются недоступны намъ, этимъ огнемъ несогрѣтымъ.

— Знать и не говорить мнѣ, за чѣмъ же было налагать на себя такой обѣтъ? Вѣдь вотъ теперь же тебѣ легче, не правда ли?

— О, да! отвѣчала Ольга, и, кажется, въ-самомъ-дѣлѣ начинала успокоиваться.

— Э, другъ мой, зачѣмъ же сомнѣнья? говорилъ Сбоевъ, и какъ-будто заставлялъ ее всматриваться въ свое лицо.—Они отъ того и родились, что ты хотѣла спрятаться въ себя. Теперь смотри на меня: что, еще есть они, еще говорятъ противъ меня?—И голова его все ближе была къ ея губамъ, и тихій, неслышный поцалуй недолго заставилъ ждать себя: въ немъ умирилось все противорѣчіе, отошло всякое сомнѣніе.

— Нѣтъ, отвѣчала она, стыдливо отклоняя въ сторону свое лицо, которое уже разгоралось зарею новаго чувства.

И я былъ тутъ, зрителемъ сцены между двумя влюбленными дѣтьми!

— Митя, Митя! закричалъ въ эту минуту неугомонный мальчикъ:—Василій укралъ карту, ей-Богу укралъ, пока ты снималъ со свѣчи.

Между мальчиками поднялся гвалтъ. Мы оборотились въ ту сторону и смотрѣли... А старушка, между-тѣмъ, смотрѣла на насъ большими глазами,—не столько на меня, сколько на нихъ, забывшихся дѣтей,—не на тѣхъ, которые кричали такъ неистово, какъ будто въ домѣ сдѣлался пожаръ, а на тѣхъ, которые сидѣли подлѣ меня на канapé. О, она смотрѣла на нихъ давно! она вѣрно пробудилась еще при пѣснѣ «Катилоса зерно по бархату»; эти звуки, можетъ-быть, и ей напомнили дни, часы, когда, въ давно-погибшей молодости, почти исчезнувшей для мысли, и она была счастлива, любила, можетъ-быть!.. Они сдернули сонъ съ глазъ ея волшебствомъ напоминанія, они воскресили въ ней на мигъ бодрую жизнь тѣхъ за десятки лѣтъ закатившихся дней, когда и у ней билось сердце неровно, безпокойно, когда и она не владѣла собою!.. О, вы, погибшіе дни, по временамъ возвращающіеся призраками къ вашимъ старымъ хозяевамъ! Что жь, что на мигъ и вольете вы молодое вино въ этотъ старый мѣхъ?.. Что жь... Не полно о нихъ, набѣглыхъ. Наша рѣчь о старушкѣ. Встрепенулась она и смотрѣла, и кто знаетъ, что она не видѣла и не слышала всего? — У Ольги въ-минуту сбѣжала краска съ лица, Сбоевъ спѣшилъ освободить ея руку; я... я чувствовалъ странное желаніе — хотъ бы заслонить ихъ собою.

Сбоевъ однако не могъ потеряться совсѣмъ, хотя сначала и былъ отуманенъ.

— Видите ли, Аграфена Егоровна, началъ онъ, обращаясь къ старушкѣ: — мы знали чѣмъ разбудить васъ? Вѣдь вы любите «Катилоса зерно по бархату»?

— Хотъ бы и такъ, сударь, отвѣчала старуха, смягчавшая свой грубый тонъ подлѣ ласковый тонъ Сбоева:—да только не въ этотъ бы часъ хотѣла я слушать ее... Ужь и вамъ бы, кажется, въ этотъ часъ не влѣсь быть: извините, сударь, мое невѣжество...

— Эхъ, бабуся! отвѣчалъ Сбоевъ, стараясь быть еще ласковѣе: — вѣдь еще дѣти не спятъ! Да намъ же хотѣлось и васъ посмотреть... Вотъ мы и пришли сюда съ нею... Тамъ же шумъ такой, бьются въ карты, всю голову разломило! А впрочемъ, и мы сейчасъ будемъ «гости»; мы идемъ туда; прощайте, бабуся! Покойной ночи!

И онъ толкнулъ слегка Ольгу, чтобъ заставить ее идти въ тѣ комнаты, изъ которыхъ мы пришли. Она повиновалась машинально. Но я уперся.

— Нѣтъ ли возможности хотъ выпрыгнуть въ окно?

— И въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчалъ онъ. — Ты ужь довольно наказанъ. Эй, Петя, продолжалъ онъ:—проводи вотъ этого соню до нашей лѣстницы.

Петя послушался и вывелъ меня заднею дверью въ сѣни, откуда шла лѣстница въ нашъ корридоръ.

Усталый, какъ послѣ широкаго бала, воротился я домой и, не дожидаясь Сбоева, повалился въ постель. Долго держалъ меня сонъ, до-тѣхъ-норъ, пока Сбоевъ, проснувшись тоже не рано, не пришелъ въ мою комнату и не разбудилъ меня. Мнѣ снились разные сны, господа... но вы давно не любите никакихъ грезъ, и потому я удержу ихъ при себѣ. Сбоевъ же едва-ли расскажетъ ономъ: это вообще было не въ его характерѣ.

— Ну, каковъ вчерашній вечеръ? сказалъ онъ, садясь у моей постели.

— Таковъ, что другаго я ужъ не захочу.

— Ты, впрочемъ, самъ хотѣлъ, смѣясь продолжалъ онъ.

— О, конечно, и съ одной стороны я очень-доволенъ. Но, это совсѣмъ не мѣшаетъ мнѣ признаться, что весь вечеръ, за исключеніемъ послѣдней сцены, не стоить гроша.

— Еще меньше, если хочешь. И даже эта послѣдняя сцена, которую ты разумѣешь — извини, что она приняла нечаянно такой странный оборотъ... это было сверхъ всякаго ожиданія!

— Для меня, впрочемъ, все равно — тотъ или другой оборотъ, отвѣчалъ я. — Можетъ-быть, ты хотѣлъ извиниться въ чемъ-нибудь передъ самимъ собою?..

— И то возможно. Да вообще мнѣ хочется сказать съ тобою объ этомъ нѣсколько словъ.

На лицѣ у него въ-самомъ-дѣлѣ было написано это какъ-бы невольное расположеніе къ откровенности, которымъ страдаютъ обыкновенно люди, запутавшіеся въ нѣжныя или сердечныя отношенія. И всегда, когда слышишь подобный призывъ, когда хотятъ моего вниманія, чтобъ рассказать ему повѣсть любви ея же словами, или лучше, ея ощущеніями, признаюсь, не могу утерпѣть, чтобъ не поворотиться всѣмъ сердцемъ къ такому человѣку. Это одна изъ моихъ неисправимыхъ слабостей. Да и какъ хотѣть отъ себя безсердечнаго вниманія, когда вамъ говорятъ едва не задыхаясь отъ любовнаго жара, — хотя иногда — увы! — и фальшиваго! Итакъ, я поворотился къ Сбоеву всѣмъ сердцемъ.

— Впрочемъ, ты отнюдь не имѣешь нужды рассказывать мнѣ свои секреты, свои тайны, началъ я предупредительно, намекая Сбоеву на то, что Ольга говорила ему на ухо.

— Въ томъ-то и дѣло, отвѣчалъ онъ: — что нашъ секретъ больше не секретъ. Иванъ Кириловичъ знаетъ обо всемъ.. Третьяго дня вечеромъ, встрѣтивъ Ольгу въ корридорѣ, онъ сказалъ ей: «смотри ты у меня — не проштрафься!..» Для меня, впрочемъ, это не новость: я знаю, эта хитрая лиса потому только и смотритъ на все сквозь пальцы, что имѣетъ на меня виды. Не можетъ быть, чтобъ онъ не замѣчалъ давно моихъ отношеній къ Ольгѣ, по-крайней-мѣрѣ, не догадывался объ нихъ...

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю, что же тебя смущаетъ? былъ мой вопросъ.

— Знаешь, однако—въ сознаниі дѣвочки является сознание вины: это тяжело! Я боюсь, эта мысль будетъ давить ее: у ней пропадетъ эта свободная прелесть движеній... словомъ, она будетъ не та, какою я ее узналъ, полюбилъ...

— Позволь тебѣ замѣтить, отвѣчалъ я дѣйствительно софтовательнымъ тономъ:—что, мнѣ кажется, любовь твоя начинаетъ создавать призраки. Если бы ты сознавалъ нечистоту своихъ намѣреній, боялся замарать ея имя, и тому подобное...

У меня какъ-то не стало словъ кончить эту важную рѣчь. Къ тому же, и онъ спѣшилъ перервать меня. Вообще у него въ этотъ разъ было больше охоты поговорить, нежели слушать мои слова, хотя бы то былъ отвѣтъ на его же вопросъ.

— Какъ думаешь, говорилъ онъ: — я буду счастливъ съ нею, очень-счастливъ?.. Но мнѣ бы всего больше хотѣлось сдѣлать ея счастье: въ этомъ чувствѣ, кажется, будетъ и мое. А она, право, стоитъ всякаго счастья. И если можно—скажемъ такъ—предвкушать въ чужомъ счастьи и свое, то я, кажется, знаю уже это чувство...

И, настоящее дитя, онъ въ-самомъ-дѣлѣ полонъ былъ непри-творнаго удовольствія. Я въ это время съ своею важною казался старикомъ передъ нимъ.

— Это видно по лицу, отвѣчалъ я.

— Тогда-то посмѣемся мы надъ тонкимъ шпионствомъ Ивана Кирилловича! Пусть его пока думаетъ, соображаетъ, рассчитываетъ, какъ бы лучше поймать меня... О, какъ онъ ошибется, какъ ошибется, мой почтенный! Кажется, я готовлю ему пріятное разочарованіе...

— Еще бы!.. Впрочемъ, Сбоевъ, если хочешь, чтобъ я былъ вполне откровененъ съ тобой...

— Сдѣлай милость, прошу объ этомъ.

— Видишь ли: до-сихъ-поръ я плохо вѣрилъ въ вашу любовь; вчера, положимъ, вѣра моя укрѣпилась... Но въ то же время, какъ я посмотрѣлъ на васъ, волею и неволею, а пришло мнѣ на мысль,—вѣдь бѣсъ-то недалеко отъ васъ...

— Пожалуйста, договори, съ задушевымъ хохотомъ отвѣчалъ мнѣ Сбоевъ:—сдѣлай такую великую милость... По-крайней-мѣрѣ, посмѣемся...

— Подумай однако: еслибъ случилось такъ, что, на-примѣръ, эта старуха, бабуся, какъ ты называешь, и въ нелюбви къ которой вы, кажется, соединяетесь оба,—что она бы отлучилась изъ дома, эти крикливые мальчишки играли бы на дворѣ въ снѣжки, пріятель твой благоразумно отказался бы быть празднымъ свидѣтелемъ свиданія двухъ своихъ друзей различнаго пола... Я, конечно, вѣрю въ твою честность, знаю твой прекрасный образъ мыслей, твою, такъ-сказать, неповрежденность...

— Душа моя, ты заврался! добродушно перервалъ меня Сбоевъ.

— Дай же однако кончить, сказалъ я, прерывая его въ свою очередь.

— Если ужъ не можешь выдержать, то продолжай. Только, пожалуйста, не убивай разомъ.

— Я хочу только сказать, что ты, какъ честный человѣкъ, не можешь и не долженъ за себя ручаться...

— Это дѣло! Ты совершенно угадалъ мою мысль, отвѣчалъ Сбоевъ, принявъ спокойный и серьёзный видъ. — Точно: я боюсь за себя, именно потому-что я боюсь увлеченія любви, я боюсь этой дѣвушки... Ты видѣлъ ее вчера: а если бъ видѣлъ ее, когда ничей глазъ не слѣдитъ за нами, когда никакое опасеніе не раздѣляетъ ея мысли, не разбиваетъ ея чувства, когда она вся — глазъ, устремленный на меня, когда она дышетъ лишь моимъ дыханіемъ, когда слово ея прежде падаетъ на мои губы, чѣмъ достигаетъ моего слуха,—о, да, ты совсѣмъ не знаешь этихъ минутъ, ты совсѣмъ не представляешь себѣ всей опасности!.. Или я могу у нея въ рукахъ истлѣть, какъ листь... Нѣтъ, мнѣ надобно бѣжать отсюда, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

— Прекрасно... но... и ты можешь ее оставить?..

— Ну, призовемъ въ помощь всю бодрость духа, твердость, рѣшимость, мысль, наконецъ, что иначе невозможно наше счастье... Наконецъ, надобно же и разсуждать! Не для размноженія же нищихъ должны мы заключить нашъ пожизненный контрактъ!.. А средства наши, т. е., какъ мои, такъ и тѣ, которыми, разумѣется, по милости Ивана Кириловича, можетъ располагать она, тебѣ извѣстны. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я долженъ воспользоваться случаемъ и ѣхать въ Петербургъ: мѣсто, мѣсто — вотъ что мнѣ нужно.

— Ну, кажется, мы съ тобой спустились наконецъ до такой прозы, что ужъ дальше нельзя и ступить, замѣтилъ я.—И ты надѣешься скоро отсюда вырваться?

— Не въ томъ дѣло, душа моя. Главное—мнѣ надо утвердиться. А потомъ, я могу взять отпускъ хоть на время.

— А Ольга между-тѣмъ...

— Да, если хочешь, маленькое испытаніе. Но повѣрь мнѣ, что она выдержитъ его лучше многихъ.

— Ты думаешь?..

— Нѣтъ, не думаю, потому-что въ этомъ случаѣ стою повыше всѣхъ сомнѣній.

— Виноватъ; впрочемъ, замѣтилъ я: — любовь всегда слѣпа, почему же и твоей не страдать тѣмъ же недостаткомъ?

— Положимъ; но эту заботу предоставь по-крайней-мѣрѣ мнѣ, а я съ своей стороны уступаю тебѣ право сомнѣваться сколько угодно.

Этимъ кончился нашъ разговоръ. Да и потомъ онъ почти не возобновлялся. Вообще, это было въ свойствѣ Сбоева—высказавшись опредѣленно разъ, не возвращаться болѣе къ тому же пред-

мету. И кто хотѣлъ знать его сердечное убѣжденіе, надобно было ловить его въ счастливую минуту. Между-тѣмъ, все шло своимъ чередомъ: дни, вечера и ночи; въ Ольгѣ, вопреки предчувствію Сбоева, не было никакой переменны, въ немъ точно также; онъ продолжалъ иногда раздѣлять общество Ивана Кириловича, держась известной методы; я продолжалъ довольствоваться первымъ знакомствомъ и никогда не чувствовалъ охоты даже спросить у Сбоева, что тамъ происходило. Тамъ происходила обыкновенная исторія, и къ намъ достигали иногда вакхическіе клики. Сбоевъ все назначалъ себѣ день отъѣзда и всегда переносилъ этотъ день на слѣдующую недѣлю. Такъ дотянулъ онъ до масляницы. Наканунѣ, впрочемъ, передъ наступленіемъ этой недѣли, онъ далъ мнѣ слово, что въ чистый понедѣльникъ я буду провожать его на почтовый дворъ. Это былъ человѣкъ чрезвычайно-рѣшительный! Я не знаю, сказалъ ли онъ то же самое Ольгѣ.

А впрочемъ, господа, чтобъ ужъ не потаить грѣха, временемъ я засматривался на Ольгу, и временемъ, смотря на нее, если не думалось, то чувствовалось, что вѣдь вотъ же не ты пришелъ первый, чтобъ внять въ себя благоуханіе этого цвѣтка. А какъ не первый; ты даже и не второй, и не третій: для тебя нѣтъ не только аромата любви, нѣтъ ни ея алмазной слезы, когда блестящая она въ глазу, выгнанная тоскою предчувствія, тою же любовію, только неосторожно взглянувшюю въ печальную даль,—нѣтъ даже этой простой, всендневной ласки, которая ей такъ мало, такъ ничего не стѣбитъ! Эхъ, не любилъ бы и ты также, ты, которому теперь досталось только завидовать!.. Иногда вдругъ вбѣгала она къ намъ въ комнату, —можетъ-быть, ловя первую свободную минуту,—спрашивала у меня—разумѣется о немъ, и даже этимъ глупымъ словомъ «онъ», и когда его не было, она любила на минуту усѣсться въ его кресла, набросить себѣ на голову его шапочку, не говоря ни слова измять, измарать у него листъ бумаги, испортить перо, сдѣлать еще десять подобныхъ шалостей, на которыя у инаго не стало бы и головы, и потомъ также скоро вспорхнуть и улетѣть — совершенною птичкою. Сбоевъ выбралъ слово очень-метко, называя ее иногда птичкою. Смотри на ея летучую бѣглость, нельзя было не повторить хоть про себя этого слова... Но вы правы, думая, что рѣчь тутъ не о мнѣ, а о «немъ», какъ называла его Ольга.

Масляница пришла и потомъ—пошла, какъ водится, своимъ широкимъ, размашистымъ шагомъ. Анна Ивановна непремѣнно хотѣла, чтобъ мы хоть разъ были у нихъ на блинахъ. На этотъ счетъ у нея была своя логика: чтобъ намъ, т. е. мнѣ и Сбоеву, ни разу во всю масляницу не быть на блинахъ у нихъ, нашихъ хозяевъ,—это было по ея понятіямъ невозможно, даже, если хотите, болѣе, чѣмъ невозможно. Не доставало только слова, которое бы могло выразить эту степень невозможности; но чего не было въ словѣ, то дополнялось голосомъ, движеніемъ головы, жестомъ даже.

Добрая женщина! нельзя вспомнить о ней безъ нѣкотораго рода сердечнаго умиленія. Назначень былъ уже и день—въ среду или четвергъ, не довольно-хорошо помню. Намъ заранѣе дали знать, что лишнихъ никого не будетъ. Слово «лишний» принимало въ этомъ случаѣ значеніе экстраординарное: подъ нимъ можно было подразумѣвать нѣкоторымъ образомъ самого Ивана Кирилловича. Характеръ у Анны Ивановны былъ очень-слабый, но за то глазъ очень-вѣрный: безъ нашихъ словъ, она очень-тонко понимала всѣ наши симпатіи и антипатіи. Но у меня не было вѣры этимъ словамъ, или, можетъ-быть, я еще не успѣлъ стереть впечатлѣнія того вечера: какъ бы то ни было, въ назначенный день (это было около самаго полудня) я сказалъ Сбоеву, когда онъ звалъ меня съ собою, что приѣду тотчасъ за нимъ, и вмѣсто того ушелъ вовсе изъ дома... Меня ждали, за мной посылали, меня не нашли дома, подивились на мою гордость ли, грубость ли, дикость ли—назвать не умѣли, и кончили тѣмъ, что принялись за блины.

Воротившись часа черезъ два, я нашелъ Сбоева дома.

— Жаль однако, что ты не вошелъ хоть на четверть часа, началъ онъ безъ дальнихъ объясненій, очень-хорошо понимая причину моей отлучки:—если не для себя, то хоть для удовольствія этихъ добрыхъ людей. Что жъ, если это доставляетъ имъ удовольствіе? Ты не повѣршишь, что за добродушіе, что за доброта неліцепріятная! этой стороны ты не знаешь до-сихъ-поръ: ее-то мнѣ хотѣлось показать тебѣ. Все же было такъ приспособлено...

— Но ты бы, я думаю, и самъ не поручился напередъ, что все это такъ хорошо кончится?

— Вотъ видишь, какъ это случилось, продолжалъ онъ.—Иванъ Кирилловичъ заранѣе былъ отозванъ на нынѣшній день къ куму, у котораго какъ-то съ блинами прищисъ и крестины—игра случая, рока, видишь ты. Анна Ивановна отозвалась какою-то хворобою, да и въ-самомъ-дѣлѣ она нездорова, бѣдная. За нею осталась дома и Ольга. Когда же Иванъ Кирилловичъ пошелъ на крестины, значить, не жди его раньше рожденія другаго дня. Сейчасъ только объяснили мнѣ всѣ эти обстоятельства, прибавивъ, что...

Дверь хлопнула: Ольга была передъ нами, раздурившаяся, разгорѣвшаяся. Она сложила руки, стала передо мной, покачала головой.

— И не стыдно вамъ? сказала она, смотря на меня такъ, что, если не я, то лицо мое нѣкоторымъ образомъ стало признаваться въ стыдѣ.

Я началъ извиняться, и помнится, очень-искренно. Съ нею какъ-то нельзя было иначе: точно какъ боишься, бывало, потерять Богъ-знаетъ какое расположеніе.

— Васъ надо наказать, сказала она, слегка грозя мнѣ пальцемъ.

— Накажите.

— Строго?..

— Только съ условіемъ, чтобъ намъ остаться друзьями.

Она подала мнѣ руку.

— Я вѣдь не сердита, сказала она:—маленькій штрафъ съ васъ, и потому все забыто... Какъ же я рада, что вы провинились! прибавила она, припрыгнувъ и прихлопнувъ руками.—Какъ я рада, какъ я рада!

— А, вы мстительны!

— Я? да, я знаю, что вы меня не любите, но ужь если попалъ, то теперь не уйдете отъ меня. Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я рада!..

— Такъ наказывайте меня скорѣе. Я жду.

Она смѣялась отъ души, бросая отъ времени до времени какое-то слово Сбоеву.

— Встаньте же, сказала она мнѣ, принявъ степенный видъ (это была настоящая комедія).— Вѣдь вы виноватый, а не я. Да не смѣяться, не смѣяться!.. Теперь слушайте.

Между-тѣмъ, новый припадокъ веселости остановилъ ее еще на минуту.

— Э, Олинъка, это не годится, виѣщался Сбоевъ.—Судь такъ не судать. Чтò же тутъ смѣшнаго?

— Да какъ же! отвѣчала она, все еще не одолѣвъ своей веселости.—Я вамъ сказала: встаньте, а они и въ-самомъ-дѣлѣ встали передо мной.

— Потому-что они виноватый, замѣтилъ Сбоевъ.

— Не они, а онъ, сказала она тотчасъ, цолявъ намекъ Сбоева.—Слушайте же: назначается вамъ штрафъ, чтобъ нынче на разу не быть ослушникомъ. Согласны?

— Только передъ вами, былъ мой отвѣтъ.

— Мнѣ только это и нужно. Дайте же вашу руку. Поздравляю, продолжала она, держа мою руку:—теперь вы попались!

— Какой же приговоръ? спросилъ я.

— Приговоръ? Вамъ скажетъ секретарь.

Съ этимъ словомъ она кивнула на Сбоева, вернулась и исчезла. Я остановился вопросительнымъ знакомъ. Сбоевъ не могъ удержаться отъ смѣха, смотря на меня.

— Послушай, однако, сказалъ я ему полусмѣясь, полусердясь:—если ужь начали комедію, то кончимъ ее по-крайней-мѣрѣ. Да въ чемъ же дѣло, господиже секретарь?

— Да въ томъ, что ты обязался своимъ словомъ быть у нихъ сегодня вечеромъ: первое и послѣднее послушаніе!

— Какъ? опять блины!

— Пожалуй и безъ блиновъ, просто масляничный вечеръ. Все это ей затѣи, чтò же ты хочешь! Этотъ плачь она устроила сегодня за блинами и ужь, кажется, успѣла совать своимъ подружь.

— Это чтò такое?

— Какой важный тонъ! Чего ты хочешь, кромѣ маленькаго-маленькаго глумленія? Ты видишь, ей хочется повеселиться, «пошарить»

гать, а одной какъ-то совсѣмъ не весело: вотъ она и собрала своихъ знакомыхъ.

— Но, дитя мое, возразилъ я: — какъ же мы-то съ тобою будемъ прыгать между ними?

— Э, вздоръ какой! есть о чемъ разсуждать! отвѣчалъ онъ. — Ну, отладимъ одинъ вечеръ на дурачество—вотъ и все. Авось отъ этого не поглупѣемъ. Отъ-чего иногда не быть и дѣтьми?

— Отъ-того, естественно, что это совсѣмъ не такъ просто для насъ съ тобою. Но во всякомъ случаѣ я связанъ словомъ: быть по-вашему, былъ мой послѣдній отвѣтъ.

Между-тѣмъ, я былъ съ Сбоевымъ не совсѣмъ искрененъ. Не одно только данное слово,—меня располагалъ къ уступчивости и другой болѣе-простой мотивъ. Это было мое молодое время, а въ такую пору любишь молодость всюду, гдѣ бы она ни встрѣчалась. И когда мнѣ сказали, когда меня увѣрили, что все неприятное для насъ будетъ удалено на этомъ вечерѣ, я больше не имѣлъ противъ него почти никакого предубѣжденія. Родился даже нѣкоторый интересъ... и какъ у Сбоева недостатка въ немъ тоже не было, то мы и спустились внизъ только-что смерклося. На этотъ разъ насъ приняли въ первой же комнатѣ—наши друзья: Ольга первая встрѣтила насъ въ дверяхъ и мнѣ первому дружески пожала руку; Анна Ивановна, которая полусидѣла, полулежала на большомъ диванѣ, облокотясь на подушку, на встрѣчу намъ засмѣялась всѣмъ лицомъ.

— Какъ вы добры, какъ я вамъ благодарна! сказала она, обращаясь именно ко мнѣ. — Еслибъ вы знали, какое удовольствіе Оливникѣ, всѣмъ дѣтямъ...

Ну, это мнѣ не очень понравилось, что приходомъ своимъ я доставлялъ удовольствіе всѣмъ дѣтямъ.

— Чтѣ это съ вами, Анна Ивановна? перервалъ Сбоевъ. — Да когда же перестанете вы хворать? Вѣдь мы уговорились нынче утромъ, развѣ вы забыли?..

— А развѣ вы не замѣчаете, отвѣчала она смѣясь: — что мнѣ гораздо-лучше? Вотъ подождите еще часикъ: я съ вами въ веревочку буду играть. Нѣтъ, мнѣ, право, гораздо-лучше, и кашель гораздо-меньше. На этомъ словѣ она кашлянула.

Я былъ весьма-доволенъ, что Сбоевъ освободилъ меня отъ разговора. Передо мной мелькали бѣленькія платица и свѣженькія, молоденькія лица. Ольга, которая вдругъ сдѣлалась даже у себя дома необыкновенно-развязна, тотчасъ подѣла ко мнѣ и назвала мнѣ по порядку — Машеньку, Надиньку, Настиньку и Сашу. Последнюю она назвала мнѣ два раза, и всегда «Сашей», а не Сашинькой: это ужъ былъ ея капризъ, можетъ-быть. Сверхъ-того, я замѣтилъ тутъ и двѣ или три головы мужскія; но Ольга вовекъ не хотѣла распространяться о нихъ; только объ одномъ замѣтила она: это Павелъ Лукичъ. Павелъ Лукичъ былъ человекъ въ возрастѣ средняго, съ замѣчательно-большою головою, рѣдкими волосами и

лицомъ необыкновенно-добродушнымъ. Его любили въ домѣ за постоянную веселость и безотвѣтность. Къ нему то-и-дѣло подбѣгали мальчишки, братья Ольги, осаждали его всячески, лѣзли къ нему на шею, не давали ему покоя, а онъ — онъ все былъ покоенъ; улыбка почти не сходила съ лица его. Миѣ очень понравился Павелъ Лукичъ.

Но больше нравилась Саша. Она безпрестанно что-то говорила шопотомъ съ Настинькой (обѣ сидѣли рядомъ, прямо противъ насъ) и наводила на меня большіе черные глаза. Этотъ былъ одинъ изъ тѣхъ плутовски-наивныхъ взглядовъ, которые такъ соблазняютъ въ молодости. Будто не замѣчая васъ, она удивительно умѣла давать замѣтить себя. Я помню: только-что мы вошли, ея глаза бросились миѣ первые. И потомъ она умѣла отвлечь мое вниманіе даже отъ Павла Лукича и опять обратить его на себя — безъ словъ, но какою-то особенною женскою тактикой, которой тайны я тогда, можетъ-быть, и постигалъ, но теперь не умѣлъ бы объяснить. Между ними — ею и ея сосѣдкой — было много смѣха, и, какъ я замѣчалъ, этотъ смѣхъ всегда зараждался со словъ Саши и всегда послѣ того косвеннаго взгляда, который она кидала на меня. Насмѣшки тутъ не могло быть никакой — это понималось само-собою, но было что-то глупо-заманчивое въ этомъ полутаинственномъ разговорѣ, перемежавшемся веселымъ дѣвическимъ смѣхомъ. Я просилъ Ольгу — нельзя ли намъ пересѣсть къ нимъ поближе. Она тотчасъ угадала мою мысль.

— Погодите, сказала она, усмѣхаясь. — Я лучше позову ее сюда. Я скажу, что вы знавали ея брата...

— Какого брата? у ней есть братья?

— Одинъ братъ у ней учился въ Коммерческомъ-Училищѣ, не захотѣлъ быть купцомъ, поступилъ въ университетъ, пробылъ тамъ годъ... Да все равно, впрочемъ! Скажите только, что вы знали ея брата, и что хотѣли бы знать, гдѣ онъ теперь.

Я еще думалъ, какъ отвѣчать на такое быстрое предложеніе, а ужъ она успѣла сдѣлать знакъ Сашѣ, и та тотчасъ подсѣла къ ней съ другой стороны, такъ, какъ-бы до меня ей рѣшительно не было никакого дѣла. И когда я предложилъ ей заученый вопросъ, она отвѣчала миѣ, стараясь не смотрѣть на меня и очень-скромно перебирая руками свой чернилькій фартучекъ. Потомъ она взглянула на меня... потомъ Ольга ушла отъ насъ... потомъ я занялъ ея мѣсто, и мы много разговаривали о разныхъ предметахъ, всего менѣе о братѣ Саши. Разговоръ былъ нельзя сказать чтобъ занимателенъ, но мы какъ-то занялись другъ другомъ, такъ-что бесѣда у насъ текла по-немножку. Наконецъ, мы расшутились и много смѣялись. Глаза ея миѣ больше и больше нравились, и я чувствовалъ себя совершенно какъ-бы на своемъ мѣстѣ. Опираясь на мнимыя пріятельскія отношенія съ братомъ, я предлагалъ и ей мою дружбу; Саша сначала находила такое предложеніе страннымъ, говорила, что для нея довольно одного друга —

Настиньки; я отвѣчалъ, что влюбленъ въ Настиньку по уши и что по этому самому имѣю право и на ея дружбу; она смѣялась, между-тѣмъ увѣряла меня, что очень жалеть о моей безнадежной страсти, и изъ этой жалости — согласилась наконецъ быть моимъ другомъ, впрочемъ, только на одинъ вечеръ. И какъ въ это время всѣ были заняты какою-то шуткою Павла Лукича, то она позволила мнѣ даже пожать ея руку—за стуломъ. Не забудьте, господа, что всякое общество имѣетъ свои нравы, и что у Саши—были плутовскіе черные глаза.

А когда кипитъ горячая молодая кровь въ жилахъ, тогда достаточно и однихъ черныхъ глазъ, чтобъ человѣка одолѣлъ любовный хмѣль, хотя бы только на часъ времени. Не то, чтобъ любовь, господа: о любви у меня нѣтъ слова, а этотъ особеннаго рода лихорадочный жаръ, маленькое опьянѣніе, которое въ извѣстные лѣта дѣлается отъ двухъ-трехъ нетрезвыхъ, хотя очень-стыдливыхъ взглядовъ шестнадцатилѣтней дѣвочки и напускаетъ иногда такого угара въ голову, что человѣкъ становится и весьма-близорукимъ и очень-глухимъ. Чай на минуту развлекъ-было насъ, даже развелъ-было въ разныя стороны; но, переговоривъ нѣскольکو съ Настенькой, Саша скоро отошла отъ нея и сѣла такъ, что мнѣ ужъ ничего не стоило опять очутиться съ нею рядомъ. Тутъ я опять потерялъ изъ вида и Павла Лукича, и Анну Ивановну, и Ольгу, и Сбоева... только иногда задѣвалъ уши крикъ мальчишекъ, да веселый, дружный смѣхъ «барышень». Но о чемъ они шумѣли, чему онѣ смѣялись, объ этомъ—когда я спросилъ у Саши—и она не умѣла дать мнѣ настоящаго отвѣта.

Мы очнулись только тогда, когда передъ нами протянулась «сверевочка», и около нея образовался кружокъ. Ольга подбѣжала къ намъ первая.

— Вы совсѣмъ завладѣли моею Сашей, шепнула она мнѣ.—Или она вами? Становитесь же скорѣе, сюда, сюда... А не правда ли, прибавила она опять шопотомъ:—у Саши миленькіе глазки?

Насъ поставили рядомъ. По лѣвую сторону отъ меня пришѣлся Павелъ Лукичъ. Всякому, кто попадалъ въ кругъ, непременно хотѣлось бить по рукамъ Павла Лукича. Такъ ужъ было заведено въ домѣ. Но Павелъ Лукичъ зналъ свою участь и отвертывался очень-ловко; его старались развлекать, но онъ не давался въ обманъ. Мальчики между-тѣмъ закидывали его своими вопросами, на которые непременно хотѣли отъ него отвѣта. «Павелъ Лукичъ, въ какой губерніи находится Малороссія? Павелъ Лукичъ, въ какую рѣку впадаетъ Волга? Павелъ Лукичъ, при какой рѣкѣ стоитъ Крымъ?» и т. п. Павелъ Лукичъ, чтобъ показать свою ловкость, старался и отвѣчать и держать руки на сторожѣ, и сверхъ-того, когда ему давали немножко покоя, обращался ко мнѣ съ замѣчаніемъ, что когда-то и онъ учился, но забылъ все отъ времени. Наконецъ, однако, его поймали, что произвело всеобщую радость, на которую отозвалась добродушно даже Анна Ивановна, оста-

вавшаяся по-прежнему на диванѣ. Смѣхъ увеличивался все болѣе и болѣе отъ затруднительнаго положенія Павла Лукича, котораго всѣ сговорились «помучить», т. е. не поддаваться ему какъ-можно-долѣе.

— А если я попадусь въ кружокъ, вы мнѣ поддайтесь, шепнула мнѣ Саша.

По своей манерѣ, она хотѣла приложить къ этой просьбѣ и свой томно-ласковый взглядъ. Павелъ Лукичъ воспользовался этою минутою: раздался такой ударъ по рукѣ, что нѣсколько голосовъ вскрикнули — у! Разумѣется, я не замедлилъ замѣнить Сашу въ кругу; но какъ мнѣ потомъ пришлось долго оставаться въ немъ, да и вообще нельзя было надѣяться долго сохранить свое мѣсто, то при первомъ случаѣ, какъ только намъ опять удалось стать вмѣстѣ, мы согласились, что веревочка — это ужасно-скучно! что непременно надобно придумать другую игру!

— Вотъ еслибъ жмурки! продолжала Саша. — Жмурки — какъ можно сравнить! Мы у себя дома, съ братьями и сестрами, рѣдкій вечеръ не играемъ въ жмурки.

И всякій разъ слово «жмурки» произносилось съ особеннымъ удареніемъ и внятнѣе всего прочаго. Павелъ Лукичъ не пропустилъ слова мимо ушей: у него засіяло лицо, когда онъ услышалъ «жмурки». Онъ тотчасъ обратился къ намъ.

— Я вамъ скажу, что это самая лучшая, самая благородная игра въ свѣтѣ, замѣтилъ онъ дѣйствительно-увѣреннымъ тономъ. — Кто что ни говори, а для меня тотъ вечеръ не въ вечеръ, въ который не играютъ въ жмурки. Да вотъ какъ: зовите меня въ театръ на самое лучшее представленіе, пусть тамъ хоть самъ Мочаловъ играетъ. Давайте билетъ даромъ, и скажите, что здѣсь будутъ жмурки — не промѣняю, ей-Богу не промѣняю! Только покрѣпче завязывать глаза — и хорошо, и весело, и обмана никакого не можетъ быть!

— Ну, а если вамъ завяжутъ глаза? замѣтила Саша.

— А что же такое? Да хоть сейчасъ... позвольте вашъ платочикъ... завяжите сами, если угодно... О, на этотъ счетъ мнѣ совершенно все равно!

— Я не знаю еще, всѣ ли согласны — замѣтила Саша, оглядываясь по сторонамъ.

— Всѣ, всѣ — было въ отвѣтъ ей.

Саша взглянула на Ольгу: та кивнула ей головой. Павлу Лукичу начали завязывать глаза. Но въ эту минуту Анна Ивановна сбѣжала къ намъ съ дивана какое-то замѣчаніе, внушенное чуть ли не Сбоевымъ, который стоялъ въ то время подлѣ нея. Никто не противорѣчилъ... только Павелъ Лукичъ, съ изидиной повязкой на головѣ, бросился впередъ и — растянулся у самыхъ ногъ Анны Ивановны.

— Что же это такое, маменька? вопилъ онъ притворно-плаксивымъ голосомъ. (Маменькой называлъ онъ Анну Ивановну, можетъ-

быть, потому—что говорилъ въ этомъ случаѣ за всѣхъ дѣтей). Да что же вы хотите съ нами дѣлать? За что такая обида? Скажите, чѣмъ я провинился передъ вами... Родная, матушка, Анна Ивановна! я поцалую вашу ручку, вашу ножку—только позвольте намъ играть въ жмурки!

Все это мнѣніе онъ закрѣпилъ такою гримасою, что Анна Ивановна не могла удержаться отъ смѣха и — разрѣшила жмурки. Всеобщая радость: дѣти прыгали, Павелъ Лукичъ просто бѣсновался. Но его скоро укрѣпили, стянувъ покрѣпче платокъ на глазахъ и поставивъ на середину комнаты. Всѣ прочіе между-тѣмъ бросились въ рассыпную—по угламъ, по стѣнамъ, около столовъ, между стульями. На минуту наступила тишина; но едва только Павелъ Лукичъ распустилъ руки и звѣремъ началъ бросаться въ разные стороны, ворочая столы и стулья, въ комнатѣ сдѣлался сущій содомъ: одни кидались направо, другіе налево, толкали, давили другъ друга, въ одномъ углу раздавался визгъ, въ другомъ—хохотъ, дѣти кричали какъ большіе, взрослые стали какъ дѣти. Между-тѣмъ, Саша, укрываясь отъ распростертыхъ рукъ Павла Лукича, тѣснѣе и тѣснѣе жалась ко мнѣ... Мы притавили дыханіе, насъ было совсѣмъ не слышно... Но еще одинъ размахъ Павла Лукича, и мы должны были искать спасенія въ другомъ углу: когда и тамъ не было покоя, мы бросились въ другую комнату. Это былъ наконецъ верхъ дурачества, и я не помню въ жизнь свою вечера глупѣе.

Но позвольте ужъ мнѣ досказать. Вслѣдъ за нами бросились въ двери и другіе, такъ—что Павлу Лукичу оставалось ловить одни стулья, или Анну Ивановну. Но подлѣ нея еще притаился Сбоевъ. Павелъ Лукичъ какъ-разъ наложилъ на него руку и снялъ съ себя повязку... Увидѣвъ, что комната была почти—пуста, онъ возопилъ на нарушеніе одного изъ коренныхъ правилъ жмурокъ, приказалъ крѣпко-на-крѣпко затворить двери, и чтобъ никто не смѣлъ выбѣгать вонъ изъ комнаты. Тогда начали прятаться подъ столы, огораживались стульями, дѣти какъ-то липли на окнахъ... Павелъ Лукичъ истинно тѣшился, смотря на эти проказы: онъ точно былъ тутъ въ своей сферѣ. «А впрочемъ» говорилъ онъ: «если мнѣ еще достанется ловить, отъ меня не спрячетесь нигдѣ: я вездѣ отыщу». Черезъ нѣсколько минутъ—потому-что перемѣны происходили чрезвычайно-быстро — въ-самомъ-дѣлѣ пришла опять и его очередь. Пока ему завязывали глаза, какъ-будто наступала гроза: всякій оглядывался около себя, ища надежнаго пріюта; распростертые руки Павла Лукича всѣмъ казались какою-то страшною пастию. «Теперь мы пропали!» замѣтила около меня Саша. Какъ изъ шутовства могла выйти такая странная настроенность, я не умѣю сказать вамъ, но она была всеобщая. Даже Анна Ивановна какъ-будто принимала въ ней участие, укрывая около себя шалью маленькаго сына; кромѣ того, самое лицо у нея было озабочено. Павелъ Лукичъ, между-тѣмъ, какъ-будто

хотѣлъ насладиться этимъ страхомъ: не снимая повязки, онъ сѣлъ на стулъ и выжидалъ... Пользуясь этой интермедіей, Петя вылѣзъ изъ-подъ шали, подъ которою не считалъ себя довольно-безопаснымъ, и утвердился на стулѣ въ углу, прижавшись за большимъ зеркаломъ въ старинной черной рамѣ, такъ-что оно закрывало его до половины. Алеша также умѣлъ оцѣнить выгоду этой позиціи и присоединился къ брату, хотя тотъ сначала отбивался отъ него и ногами и руками. Отъ чуткаго слуха Павла Лукича не укрылось движеніе въ углу... Онъ всталъ и прямо направился въ ту сторону... Чтобы лучше спрятать свои ноги, мальчики потянулись выше, взбираясь по спинкѣ стула... Павла Лукича между-тѣмъ тащили сзади за шюртукъ, чтобы отвлечь его вниманіе отъ Пети и Алешки... Онъ схватился за концы зеркала, мальчики сдѣлали еще одно движеніе къ верху, какъ вдругъ — зеркало рухнулось...

Черезъ спину Павла Лукича оно опрокинулось на полъ и разлетѣлось въ куски...

Когда бы даже гроза Бояія разразилась надъ нами неожиданно, она бы не оставила между нами ни больше страха, ни больше оцѣпенѣнія. Не столько оглушительный шумъ паденія, сколько эти куски разбитаго стекла, такъ обличительно лежавшіе на полу передъ смущенною, онемѣвшею шалостью: смутилась она, потеряла слово, мысль, самый умъ и глупо смотрѣла всѣми глазами на эти сверкающіе осколки, какъ-бы ожидая, не сойдутся ли они сами-собою, не пройдетъ ли какъ это злое навожденіе... Одну мысль подсказывало всѣмъ неясное чувство, однимъ тайнымъ упрекомъ свлзывало всѣ совѣсти и малыхъ и взрослыхъ, что это старое зеркало не даромъ висѣло въ переднемъ углу, не даромъ оставалось въ своей ветхой черной рамѣ, что вѣрно оно было насльдственнее въ домѣ, что утѣшался, можетъ-быть, имъ суровый хозяинъ дома, что, можетъ-быть, соединялъ съ нимъ память отца, любимаго человѣка, и что мы, виноватые, пришли къ нему въ домъ не спросясь, какъ воры, и набѣдокурили во время его отсутствія... Бѣда, сушая бѣда! Еслибы даже и поздно было поправить ее, то поздно было уйдти отъ чувства своей провинности, которое ужъ проснулось, сказалось, громко вопіяло внутри всякаго, что это не хорошо, не честно, непростительно-глупо... Вотъ что окаменило вдругъ всю эту живую группу и мгновенно розлило болѣзненную блѣдность по всѣмъ лицамъ, вотъ что!

Я, конечно, менѣе другихъ былъ пораженъ этимъ чувствомъ; я былъ тутъ болѣе посторонній, чѣмъ другіе, да и не могъ я вдругъ оцѣнить всей великости бѣды, ни понять мѣры моего участія въ ней... Тѣмъ свободнѣе могъ я наблюдать за другими. Павелъ Лукичъ, оглушенный ударомъ, не смѣлъ приподнять спины и, упираясь руками въ полъ, держалъ голову внизъ, какъ-бы ждалъ, не разразится ли надъ нимъ второй ударъ. Петя и Алеша оставались на стулѣ какъ пригвожденные. Ольга стояла какъ статуя, закрывъ лицо обѣими руками, а около нея — Сбоевъ, опустивъ ру-

ку въ карманъ, печально качая головою и между-тѣмъ не сводилъ глазъ съ разбитаго зеркала. Всѣхъ блѣднѣе, — я бы могъ сказать всѣхъ мертвѣе была Анна Ивановна: много, много вѣрно отдалось у нея въ сердцѣ при этомъ ударѣ. Однако она же первая вышла изъ неподвижности, и первымъ ея движеніемъ было подовать къ себѣ дѣтей и опустить ихъ головы. Но они только сострипали бѣду, а она прошла и даже не задѣла ихъ головы. Материнское чувство успокоилось, даже чувство нѣкотораго счастья расплѣтило на минуту это блѣдное лицо, чувство, — что по-крайней-мѣрѣ одинъ страхъ, ближайшій къ сердцу матери, былъ мнимый. Оставалась другая сторона бѣды, сторона, которой дѣйствительность была ужъ такъ ясна, что не нужно было еще увѣряться осязаніемъ, — и какъ злая совѣсть глядѣла изъ дверей неугомонная старушка, «бабуся» Ольги, ставъ на порогъ съ скрещенными на груди руками и качая головою. До-сихъ-поръ ея было и не видно и не слышно — спала ли гдѣ она, ворчала ли про себя въ темномъ углу, а тутъ и она вышла на сцену, конечно пробужденная тѣмъ же роковымъ ударомъ. По счастью, ея не замѣчали; только видѣлъ ее зоркій глазъ Анны Ивановны, которая сидѣла прямо противъ дверей на диванѣ.

Когда прошло первое остоленіе, дѣти робко подошли ближе къ опустѣвшей въ половину рамѣ, обошли ее раза два, потомъ начали собирать куски и складывать ихъ вмѣстѣ, пробуя, какъ они могли приходится одинъ къ другому. При видѣ этого глупаго занятія, у кого-то на минуту показалась на лицѣ улыбка и тотчасъ спряталась снова, какъ-бы устыдившись сама себя. Сбоевъ поглотилъ, кажется, не меньше дѣтей: онъ взялъ одинъ большой кусокъ и какъ-будто разсматривалъ толщину стекла. Павелъ Лукичъ наконецъ поднялся на ноги. Анна Ивановна какъ-то робко обратилась къ нему съ вопросами, передвинувшись съ нѣкоторымъ успѣхомъ на другой конецъ дивана: она какъ-будто боялась еще узнать, не потерялъ ли еще этотъ бѣдный Павелъ Лукичъ отъ разразившагося надъ нимъ удара. Но пасынокъ судьбы (какимъ по всему казался Павелъ Лукичъ) на этотъ разъ былъ хорошо прикрытъ ея щитомъ: онъ отдѣлался лишь легкимъ ушибомъ. Ольга такъ растерялась, что не знала, къ кому обратиться и что начать, хоть слова бродили у нея на губахъ: лишь по-временамъ, бросивъ взглядъ на зеркало, она какъ-то судорожно всплескивала руками. Наконецъ, къ Сбоеву возвратилась способность говорить.

— Это надобно поправить, Анна Ивановна, непременно надобно поправить.

Самый голосъ его сталъ глухъ, невнятенъ. Я, впрочемъ, понимаю чувство, которое должно было мучить его, бѣднаго.

— Какъ поправить, Николай Васильичъ? отвѣчала Анна Ивановна съ этою привычною, но на этотъ разъ больше, чѣмъ когда-нибудь, принужденною улыбкою, которая у нея почти всегда была на лицѣ. — Извѣстно, какъ поправить: купить новое, вотъ и все!

И купимъ. О чемъ же вы задумались? Ахъ, Господи! вотъ велика бѣда! Мы, слава Богу, не въ деревнѣ живемъ: стѣнитъ только дойти до перваго магазина, а тамъ выбирайте себѣ, какое хотите... Вотъ дайте мнѣ немножко съ силами собраться, и бѣда вся пройдетъ...

— Правда, все правда, Анна Ивановна, перерывъ Сбоевъ, стараясь сохранить видъ совершеннаго равнодушія.—Но знаете, мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ именно это зеркало разбилось... Я какъ-то привыкъ, присмотрѣлся къ нему... я бы хотѣлъ, чтобъ оно же самое опять висѣло здѣсь въ углу, и въ этой самой рамѣ.

— Ахъ, что вы за шутникъ, Николай Васильичъ! ужъ чего только не скажете!.. Да что вамъ въ этомъ зеркалѣ? Подумайте только, сколько ужъ оно живетъ на свѣтѣ: вѣдь старое—престарое, изъ рода въ родъ по наслѣдству шло! Да и рама-то, посмотрите-ка, какая цескладная, и ужъ давно полиняла вся. Ну, гдѣ жъ вы нынче увидите такія рамы? Вѣдь это смѣхъ сказать... Нѣтъ, я такъ вовсе не любила этого зеркала, и право, рада, что оно... Вотъ есть о чемъ думать!

Какъ она лгала, Боже мой, какъ лгала эта женщина, чтобъ только успокоить, т. е. обмануть сколько-нибудь встревоженное чувство человѣка, котораго самый приходъ дѣлалъ праздникъ въ этомъ домѣ и на котораго только-что не приходилось сваливать всей бѣды. Эхъ, какое это горькое чувство, господа!.. Я говорю впрочемъ за Анну Ивановну.

Между-тѣмъ, что куда пошло! Не говоря уже о веселости, которой не осталось слѣда, самыя лица, въ ней участвовавшія, начинали исчезать по-немногу. Пока Сбоевъ говорилъ съ Анной Ивановной, «барышни» собирали свои платки, шали, шляпки. У всѣхъ открылась такая нужда идти домой, всѣ такъ спѣшили! Напрасно приговаривала Анна Ивановна остаться еще хоть на часочикъ, напрасно увѣряла, что ей ничего не было бы пріятнѣе (она опять лгала, бѣдная!): «барышни» надѣли шляпки, раскланялись какъ-то принужденно, неловко, какъ-будто сознавая тамъ и свою часть въ общей винѣ, и торопились выйти, ссылаясь на позднее время. Паведа Лукичъ, которому «барышни» предложили проводить ихъ до дому, съ радостью ухватился за этотъ предлогъ и также оставилъ насъ. Не долго ждали и остальные. Я далъ замѣтить Сбоеву, что и для насъ, кажется, тоже наступило «позднее время». Онъ однако не поддавался.

— И вы бѣжите? сказала Анна Ивановна, замѣтивъ мое движеніе, но обращаясь вмѣстѣ и къ Сбоеву. — Какъ-будто вамъ такъ далеко! Что это, Одиныка, какъ нынче скоро всѣ уходятъ отъ насъ! прибавила она, какъ-бы не понимая причины этого скорого бѣгства.

Что предпринималъ Сбоевъ, я не знаю; но по самому тону Анны Ивановны онъ могъ видѣть, что ей уже было бы неприятно, еслибъ мы оставались еще долѣе. Онъ не хотя взялся за шляпу.

Съ этимъ рѣшительнымъ движеніемъ его и Анна Ивановна стала искреннѣе.

— Я ужъ впрочемъ не хочу и держать васъ, Николай Васильичъ, сказала она. — Что дѣлать! Не задамся намъ нынче вечеръ! Такъ ужъ вѣрно Богу угодно... Съ утра у меня было какое-то предчувствіе... У меня, знаете, всегда бываетъ напередъ этакая тоска, если что не къ добру... вотъ какъ и умереть братцу, тоже напала на меня тоска...

— Вотъ ужъ у васъ сейчасъ и предчувствія, Анна Ивановна! возразилъ Сбоевъ съ нетерпѣніемъ, даже съ нѣкоторою досадою. — Гдѣ жъ такая бѣда? я не вижу. Не сами ли вы сейчасъ говорили... Эхъ, Боже мой, Боже мой! Всегда только себя разстроиваете! Ужъ и смерть брата сейчасъ вспомнили!

— И рада бы не помнить, да вспомнишь, Николай Васильичъ! продолжала она, по обыкновенію улыбаясь. — И какъ вы думаете? вотъ также и его смерть случилась совершенно-нечаянно...

— А развѣ есть еще чья-нибудь смерть? перервалъ Сбоевъ съ тѣмъ же нетерпѣливымъ чувствомъ. — Какъ же это можно, Анна Ивановна! Разбилось старое стекло, а вы говорите о смерти!

Она засмѣялась...

— Да ужъ хоть бы стекло-то новое! Я и сама не знаю, Николай Васильичъ, откуда у меня такія мысли берутся... Можетъ-быть, отъ-того, что я вспомнила, что покойникъ-братъ смотрѣлся иногда въ это зеркало... Все былъ здоровъ, и вдругъ...

— Анна Ивановна! сказалъ наконецъ Сбоевъ рѣшительно. — Если ужъ вамъ пришла такая охота говорить о смерти, то я остаюсь... Гоните меня или не гоните, я не выйду до-тѣхъ-поръ, пока не дождусь...

— Ахъ, нѣтъ, ради Бога, идите! Что вамъ за охота слушать неприятности!.. (Понятно, кого она разумѣла.) Нѣтъ, ступайте и будьте покойны: мы какъ-нибудь сдѣлаемся.

Мы откланялись.

— Только бы какъ намъ забыть этотъ вечеръ, сказала Анна Ивановна во слѣдъ.

Ольга непремѣнно хотѣла проводить Сбоева до послѣдней двери. Печальная, потерянная, она даже не смотрѣла ему прямо въ глаза, ничего не находила, что бы ему сказать, а между-тѣмъ, когда онъ хотѣлъ переступить черезъ порогъ, подняла руку, какъ-бы желая удержать его еще на минуту. «Завтра, завтра!» могъ онъ только сказать ей.

— Нѣтъ, отвѣчала она, дѣлая отрицательный знакъ головой: — до-тѣхъ-поръ, пока я сама не прийду къ вамъ...

— Завтра, утромъ? спросилъ онъ.

— Не знаю, ничего не знаю. Только не приходи къ намъ—ради Бога!

Въ голосъ ея было такое моленіе, что Сбоевъ не возразилъ. Она взяла руку Сбоева, сжала ее съ нѣкоторымъ безпокойнымъ усиленіемъ, потомъ опустила снова. Сбоевъ еще мѣшкалъ, но она ужъ уходила отъ насъ къ матери. Черезъ минуту мы были у себя дома.

Сбоевъ не начиналъ говорить. Да и о чемъ было говорить? Что за важное происшествіе случилось? «Разбилось стекло» — стоило объ этомъ толковать, поминать нѣсколько разъ! Или еще рассуждать о слѣдствіяхъ? Но вѣдь только маленькія дѣти боятся слѣдствій отъ разбитаго стекла. Да и какія могутъ быть слѣдствія?.. Не покажется ли даже страшнымъ, если одинъ спроситъ другаго, что можетъ изъ этого выйдти?.. Посуду въ домѣ быють часто: смѣшно было бы обращать на это вниманіе. Миѣ, впрочемъ, было понятно тяжело-досадное чувство Сбоева; но какъ смѣяться надъ нимъ у меня не было никакой охоты, а говорить пустыя слова — еще менѣе, то я не нашелъ ничего лучше, какъ оставить его на свободѣ, убравшись самъ въ свою комнату.

Во миѣ, однако, было еще много этого юношескаго чувства, которое, даже не вѣря въ важность послѣдствій, хочеть непременно знать ихъ, видѣть, слышать, если можно. Вотъ почему я нѣсколько разъ выбѣгалъ въ корридоръ, какъ только на дворѣ хлопала калитка. Но не прежде, какъ часа черезъ три, воротился Иванъ Кириловичъ, и, какъ миѣ показалось, очень-куражный. Въ снѣгахъ встрѣтила его старуха; я не знаю, что она ему сказала, но слышалъ, какъ послѣ того онъ сильно хлопнулъ дверью. Я тотчасъ перебѣжалъ въ нашу общую комнату, чтобъ не пропустить ни одного тона, сколько, то-есть, могло ихъ доходить къ намъ изъ нижняго этажа. Иванъ Кириловичъ не заставилъ ждать себя. Словъ, правда, разобрать было нельзя: но онъ гремѣлъ, онъ свирѣпствовалъ, какъ буря — этого нельзя было не слышать, и, признаюсь, нельзя было не почувствовать нѣкотораго удовольствія, что мы убрались заранѣе. Не знаю, что чувствовалъ въ то время Сбоевъ, до котораго также должны были доходить эти неистово-свирѣпыя тоны. Иногда, въ промежутки, слышались еще звуки какъ-бы въ дребезги разбиваемаго стекла; иногда какъ-будто голосъ Анны Ивановны, потомъ еще чей-то голосъ... Наконецъ, буря, кажется, истошила всю свою грозу, начала стихать по-немногу, стихла совсѣмъ... Я подождалъ еще нѣсколько времени, но подъ нами, какъ и на дворѣ, была мертвая тишина... Всклидалъ полный мѣсяцъ и серебрилъ бѣлый снѣгъ... Но я мало чувствовалъ расположенія къ мечтѣ, къ поэзии: меня клонилъ сонъ, — и крѣпко, очень-крѣпко былъ онъ, друзья мои, послѣ этого «разбитаго» вечера.

Говоря правду, миѣ бы хотѣлось здѣсь же кончить съ этой годной исторіей стараго разбитаго стекла; но она, къ-сожалѣнію,

имѣла нѣкоторыя слѣдствія, такъ-что я долженъ передать ихъ вамъ хотя въ краткомъ разказѣ. Это маленькія бѣдствія домашней жизни, бѣдствія, въ которыхъ не участвуютъ никакія страсти, ни добрыя, ни злыя, и которыя бы надобно забывать въ ту же минуту; но они непремѣнно хотятъ поминна о себѣ, и даже, прежде чѣмъ въ памяти, врѣзываютъ слѣды свои въ самой жизни, этой бѣдной жизни простыхъ людей, слагающейся изъ родинъ, крестинъ, именинъ, свадебъ и похоронъ!.. Не даромъ у меня есть къ нимъ нѣкотораго рода отвращеніе.

На другой день Сбоевъ и я за нимъ — напрасно ждали мы какихъ-нибудь извѣстій съ низу. Тамъ какъ-будто водворился снова обыкновенный ежедневный порядокъ; не слышно было ни шума, ни стука, ни даже крупнаго говора. Къ намъ никто не являлся. Съ худо-скрытымъ нетерпѣніемъ, Сбоевъ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ, какъ-бы случайно дѣлая это восклицаніе: «Странно, что она до-сихъ-поръ не идетъ! Или еще рано?» А между-тѣмъ, было ужъ одиннадцать. Мы ждали потомъ и слѣдующій часъ: Сбоевъ ничего не дѣлалъ; я ворочалъ книгу и читалъ на его лицѣ, по которому въ то время мысли и догадки бѣгали одна за другою. Мои наблюденія были, однако, имъ замѣчены.

— Я все думаю о вчерашнемъ, сказалъ онъ наконецъ, повернувъ ко мнѣ голову.

— Чтò же о немъ думать? было и прошло, отвѣчалъ я равнодушно.

— И въ-самомъ-дѣлѣ, прошло... Да и ничего не было... А какой у насъ день сегодня?

— Пятница.

— Стало-быть, завтра суббота?

— Я думаю. Ты идешь сегодня? Не забудь, что ты нынче званъ.

— О, непремѣнно!.. Я все думалъ, не забѣжитъ ли она на минуту.

— Между-прочимъ, ты, кажется, могъ бы одѣваться.

Онъ еще тянулъ время и одѣвался. Но никто не приходилъ разрѣшить нашихъ сомнѣній. Сбоевъ не могъ болѣе оставаться: у него случились на этотъ разъ какіе-то неизбѣжные визиты, которыхъ онъ не могъ отложить, по причинѣ своего скорого отъѣзда. Уходя, онъ, впрочемъ, спросилъ, не останусь ли я дома. Но у меня были свои обстоятельства: черезъ полчаса послѣ него и я вышелъ изъ дома. Я, правда, обѣщалъ ему скоро вернуться. Но случилось такъ, что мы оба довольно-поздно воротились домой — онъ — прежде часомъ, я позже... Выбравшись изъ дому, я какъ-то ужъ позабылъ дорогою, что и у меня должны были бы оставаться нѣкоторыя заботы. Глухой поздній вечеръ ровно не принесъ намъ ничего новаго...

Зато нетерпѣніе Сбоева возрасло въ ночь до такой степени, на которой, если человѣкъ и спрашиваетъ совѣтовъ благоразумія, то

для того только, чтобъ поступить именно противъ нихъ. Такъ было съ нами въ это второе утро. Роль благоразумнаго досталась на этотъ разъ мнѣ, и мой совѣтъ былъ тотъ, что надобно ждать еще по-крайней-мѣрѣ день.

— Я то же самое думаю, отвѣчалъ мнѣ Сбоевъ:—а между-тѣмъ, хочу заглянуть къ нимъ на минуту...

— Ну, это не значить, чтобъ ты думалъ то же самое...

— Еслибъ она сколько-нибудь любила... продолжалъ онъ, кусая ногти и вообще очень походя на ребенка въ припадкѣ нетерпѣнія.

— А вотъ это, перервалъ я: — походить ужь даже и на ревность...

Въ эту минуту я съ гордостью чувствовалъ свое превосходство надъ нимъ.

— Что за вздоръ говорю я! сказалъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ нѣсколько растерянный. — Но согласишься самъ, что вѣдь это очень-странно...

— Мнѣ страннѣе, что люди иногда такъ мало умѣютъ владѣть собою...

Для Сбоева это былъ самый щекотливый упрекъ. Я никогда его прежде не высказывалъ, даже въ нашихъ пріятельскихъ спорахъ; мнѣ чувствовалось, что этотъ упрекъ былъ бы слишкомъ-оскорбителенъ для него, сказанный мною; но въ этотъ разъ Сбоевъ самъ уступилъ мнѣ свое преимущество надъ собою, самъ поставилъ меня рѣшителемъ вопроса довольно-серьезнаго, и какъ я повемногу вошелъ наконецъ въ эту роль, то мнѣ уже легко было взяться и за послѣдній, самый сильный доводъ противъ него — высказать ему иронию какъ-бы отъ лица его-самого. Впрочемъ, славъ мнѣ благоразуміе, онъ какъ-будто вмѣстѣ съ нимъ убавилъ и своей щекотливости; мое замѣчаніе произвело свой эффектъ на Сбоева, нисколько не оскорбивъ его. Оно даже сорвало съ него улыбку.

Мы договорились потомъ ждать ровно часъ, оба въ той увѣренности, что въ это время намъ принесутъ какое-нибудь извѣстіе. Такой же договоръ повторили мы и въ слѣдующій за тѣмъ часъ. Наконецъ, между нами положено было, что если и послѣ обѣда не будетъ никакихъ извѣстій, Сбоевъ пойдетъ справляться самъ. Ободренный его непостижимымъ ребячествомъ, я выдержалъ роль свою очень-серьезно. Но наконецъ она надоѣла мнѣ какъ принужденіе, какъ маска; я сбросилъ ее долой и далъ свободу Сбоеву дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится... Онъ тотчасъ отправился внизъ, и—послѣ рассказалъ мнѣ весь свой визитъ.

Сбоевъ попалъ въ добрый часъ: Иванъ Кириловичъ былъ дома, но спалъ крѣпкимъ послѣ-обѣденнымъ сномъ, такъ-что слышалось черезъ стѣну его храпѣніе. Ольга вышла къ Сбоеву въ переднюю, чуть ступая и держа палецъ на губахъ: знакъ былъ монятный; отсюда она провела его черезъ маленькую дверь въ ту самую комнату, гдѣ стояли гусли, гдѣ мы провели этотъ странный вечеръ,

о которомъ я вамъ рассказывалъ. На томъ же самомъ канapé — если только вы его не забыли—сидѣла Анна Ивановна, обкладенная подушками. На лицѣ ея было еще больше мертвой блѣдности, чѣмъ въ ту минуту, когда упало зеркало... Движеніе, которое она сдѣлала—было для пріѣтствія Сбоева, ей не удалось — отъ истощенія силъ. Только ея всегдашняя радушная улыбка не измѣнила ей и на этотъ разъ.

— Извините насъ, Николай Васильчъ, начала она: — что принимаемъ васъ не въ залѣ. Я вотъ все хвораю, никакъ не справлюсь съ собой... Думала, что выйду въ концѣ этой недѣли, а видно, придется пролежать и слѣдующую. Ужъ хоть и непріятно, да дѣлать нечего!

Сбоевъ замѣтилъ, что дыханіе у нея слишкомъ-часто и голосъ глуше обыкновеннаго.

— Это за то, что вы не любите лечиться, Анна Ивановна, отвѣчалъ онъ, скрывая свое безпокойное чувство. — Вотъ теперь, вмѣсто того, чтобъ заплатить за одинъ визитъ, заплатите доктору и за два. Я вамъ давно говорилъ.

— Ахъ, не подумайте, Николай Васильчъ, что мы скупимся! И Иванъ Кирилычъ, вы знаете, какъ онъ въ этакихъ случаяхъ ничего не жалѣетъ, и онъ говорилъ мнѣ нѣсколько разъ, чтобъ полечиться... Да и теперь не отказывается отъ своего слова.

— Мнѣ кажется, и откладывать бы нечего. Еслибъ послушались его словъ, теперь бы здоровы были.

— Болѣзнь-то бы не важная, Николай Васильчъ, сама видите, да больно только, что случилось въ масляницу... Ни самой выйдти никуда нельзя, ни дѣтей вывезти. Оленька вотъ не отходить отъ меня ни на шагъ — съ того самого вечера...

— Не больше ли разстроилъ васъ этотъ вечеръ? спросилъ Сбоевъ, который до-сихъ-поръ не зналъ, какъ заговорить о томъ, что равно было непріятно обоимъ.—Я думаю, лучше бы вовсе не было этого вечера.

— Ахъ, что вы, Николай Васильчъ! Не-ужь-то вамъ такъ непріятно было? А мы всѣ, и дѣти, и я сама были такъ ради повеселиться, и только объ одномъ жалѣли, что такъ рано кончилось.

— И такъ непріятно кончилось — для васъ.

— Что это? зеркало? отвѣчала Анна Ивановна, усиливаясь выдержать тотъ же тонъ и стараясь одолѣть кашель. — Какъ вамъ хочется помнить о такихъ пустякахъ! А мы съ Оленькой давно ужъ и забыли.

Сбоевъ посмотрѣлъ на Ольгу: она стояла передъ нимъ сложивъ руки и, не говоря ни слова, выдержала его взглядъ. Печаль связывала ея мысль; она вся была полна чувствомъ этой опасности, которая была у ней передъ глазами, но которой степени она не могла опредѣлить себѣ, и только слушала, собирала чужія слова,

чтобъ, если можно, извлечь изъ нихъ сколько-нибудь утѣшенія, или хотя прояснить свои опасенія.

— Вотъ еще Богъ-знаетъ о чемъ задумалась! продолжала Анна Ивановна, указывая на Ольгу. — Побраните хоть вы ее, Николай Васильичъ. Вдругъ стала Богъ-знаетъ какая! Сидитъ цѣлый день на одномъ мѣстѣ, развѣ что перейдетъ изъ комнаты въ комнату, когда велю принести что себѣ, не говорить ни съ кѣмъ ни слова, только что я спрошу. Вотъ, посмотрите на нее! Васъ, бывало, она слушалась, не знаю, какъ теперь.

— На васъ жалуются, сказалъ Сбоевъ, обращаясь къ Ольгѣ.

— Не могу жъ прыгать, когда маменька больна, отвѣчала она твердо, смотря прямо Сбоеву въ глаза и какъ-бы стараясь взоромъ выразить ему свою досаду, что онъ также повторяетъ ей этотъ упрекъ, какъ-будто не понимая его смысла.

— Но зачѣмъ же не хотѣтъ говорить? продолжалъ Сбоевъ, много смягчивъ тонъ, хотя собственно онъ и прежде не былъ жестокъ.

— Я бы и рада говорить... Я буду говорить цѣлый день, если хотите... Ахъ, Боже мой, какъ вы ничего не понимаете! прибавила она, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе руками.

— Вотъ какое капризное дитя, сказала Анна Ивановна: — еще сердится! И не хотѣла бы, а приходится ссориться.

Анна Ивановна хотѣла еще продолжать шутку, но кашель, долгое время сдерживаемый, вырвался съ силою, произвелъ потрясеніе ея слабой груди и на нѣсколько минутъ оставилъ больную въ страшномъ изнеможеніи. Лицо Ольги при этомъ отразило на себѣ все, что было въ ней темнаго страха и горечи печали. При каждомъ новомъ усилии Анны Ивановны, она вздрагивала, какъ-будто въ ней повторялись тѣ же самыя страданія. Это неясное, но вѣрное чувство больше чѣмъ самый видъ больной дало Сбоеву понять опасность ея положенія. Воспользовавшись первою минутою, когда Ольга вышла, чтобъ принести какое-то лекарственное питье, онъ хотѣлъ говорить съ Анной Ивановной прямо, если не объ опасности, то о сильныхъ и рѣшительныхъ мѣрахъ, которыя должно взять противъ этой опасности. Но больная предупредила его. Сдѣлавъ ему знакъ сѣсть еще ближе, она начала, почти сквозь слезы, глухимъ голосомъ, еще болѣе ослабѣвшимъ отъ послѣдняго припадка:

— Ради Бога, найдите мнѣ лекаря. У васъ такъ много знакомыхъ, васъ такъ любятъ всѣ!.. Я, право, готова лечиться, я буду исполнять все, что мнѣ прикажутъ, не буду ни пить ни ѣсть — только бы не лечилъ меня тотъ лекарь, котораго хочеть позвать Иванъ Кирилычъ. Онъ бывалъ у насъ и прежде, онъ лечилъ моихъ дѣтей: нѣтъ, я скорѣе умру, а у него не буду лечиться.

Сбоевъ благоразумно не пустился ни въ какія неумѣстные объясненія и только просилъ больную успокоиться, общая съ своей стороны всякое возможное содѣйствіе.

— Вы видите, Николай Васильичъ, продолжала она, все больше и больше увлекаясь своимъ болѣзненнымъ чувствомъ.—Вы видите: я иду не къ жизни, а къ смерти; я боюсь, что мнѣ ужъ немного остается жить, но, можетъ-быть, еще есть какое-нибудь средство, можетъ-быть, и не всегда умирають отъ такихъ болѣзней... Хотя бы одинъ годъ еще пожить мнѣ на свѣтѣ!

Сбоевъ, разумѣется, старался отъратить отъ нея эту безотрадную мысль.

— Вы меня всегда утѣшаете, всегда! отвѣчала она съ жаромъ непритворнаго чувства, взявъ руку Сбоева.—Нѣ знаю, какъ другіе, а я всегда благодарю Бога, что Онъ послалъ намъ такого добраго человѣка. Ахъ, если бы вы знали, какъ мы любимъ васъ!..

Сбоевъ естественно отвѣчалъ, что онъ не знаетъ за что бы.

— Нѣтъ, этого не говорите, продолжала Анна Ивановна. — Вотъ и теперь — мнѣ какъ-будто легче, когда вы у насъ. А шоя бѣдная Олинька, еслибъ вамъ сказать, какъ это много значитъ для нея!.. Хотя изъ любви къ ней, прибавила она съ выразительностию, въ первый разъ выражая такимъ-образомъ отношенія Ольги къ Сбоеву:—не забудьте вашего слова, если можно, пришлите мнѣ ишьче же лекаря: какой бы онъ ни былъ, только бы вамъ знакомый, я буду исполнять всѣ его приказанія. Ради Бога, навѣ добрый другъ!

Такъ, подъ грозою злаго предчувствія высказывалась въ Аннѣ Ивановнѣ ея простая, искренняя женская натура. Но Ольга возвратилась, и Анна Ивановна сдѣлала знакъ Сбоеву—не продолжать болѣе разговора. Только отпуская его, она просила у него извиненія въ своей, можетъ-быть, излишней откровенности.

Сбоевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ нескромныхъ натуръ, которыя на лицѣ носятъ слова своихъ мыслей и чувствъ. Когда онъ вошелъ, я уже по одному его виду могъ судить о тяжести впечатлѣнія, принесеннаго имъ съ собою. Я не помню еще случая, когда бы видалъ его съ такимъ дурнымъ лицомъ. «Что и какъ?» спросилъ я его. Онъ рассказалъ мнѣ все подробно, отъ слова до слова. На дѣй его разказа лежала такая мрачная безнадежность, такое чувство совершенной беспомощности, что, я думаю, сама Анна Ивановна показала бы гораздо-бодрѣ въ сравненіи съ нимъ. Между-тѣмъ, на свое внутреннее состояніе, на свое смущеніе, онъ не хотѣлъ мнѣ даже намекнуть. Не то чтобъ онъ скрывалъ его передо мною, хотѣлъ бы обмануть меня — нисколько: скорѣе всего онъ обманывалъ самъ себя. Это былъ, можетъ-быть, первый случай, когда онъ, волею или неволею, сталкивался лицомъ-къ-лицу, если не съ самымъ несчастіемъ, то съ одною изъ самыхъ горькихъ, дѣйствительно беспомощныхъ «мизерей» человѣческой жизни (какъ говорить одинъ изъ моихъ друзей): отъ него требовали содѣйствія, скорой помощи, на него смотрѣли какъ на ангела-утѣшителя, а онъ, расточая сладкія рѣчи, во глубинѣ души сознавалъ свое совершенное бесиліе, воображалъ себѣ бесполезность

всякаго пособія! Между-тѣмъ, у него было столько вѣры въ себя, что сознать на себѣ тяжесть перваго непріятнаго впечатлѣнія, свое смущеніе, упадокъ духа предъ нимъ—онъ не могъ, онъ былъ не въ силахъ. Это было въ немъ одно изъ сильныхъ противорѣчій, котораго я сначала не замѣчалъ вовсе, но которое потомъ со-дня-на-день становилось мнѣ яснѣе и яснѣе. Но по другому странному противорѣчію человѣческой природы, открывая въ Сбоевѣ эту слабость, я едва-ли не утверждался вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей собственной самоувѣрчивости. Впрочемъ, вы согласитесь, господа, что этотъ пунктъ не относится къ нашему разсказу.

— И ты рѣшительно думаешь? спросилъ я Сбоева, когда онъ все пересказалъ мнѣ.

— Что жъ тутъ думать? отвѣчалъ онъ, въ-самомъ-дѣлѣ сохраняя рѣшительность тона.—Это видно съ перваго взгляда: чахотка, самая злая чахотка, и всякая помощь бесполезна!

— Но, можетъ-быть, она еще не такъ усилилась, не развилась совершенно?

— Это могъ ты говорить назадъ тому мѣсяць или два, можетъ-быть; а теперь—значитъ только, что ты ничего не видалъ. Эхъ, еслибъ ты слышалъ ея голосъ, ты бы и не заикнулся говорить о выздоровленіи!

— Ты, однако, обѣщалъ найти ей доктора?

— Да что тутъ докторъ! Докторъ, извѣстное дѣло, скажетъ тебѣ, что онъ докторъ—только не этихъ болѣзней, что еслибъ его позвали, когда еще она не начиналась... О, да что тутъ и говорить о докторѣ: хотъ владѣй онъ неземными средствами, ничего не сдѣластъ.

Я не хочу переводить вамъ этихъ словъ: вы догадаетесь сами, что за желаніе выражалось ими.

— Но хотя для утѣшенія больной, продолжалъ я, чтобы опять привести Сбоева къ его же собственной мысли:—не-уже-ли ты не поищешь доктора?

— О, безъ сомнѣнія, за этимъ дѣло не станетъ... Но это жалкое утѣшеніе—къ чему оно? Чтобы только поддержать обманъ на нѣсколько времени? чтобы ей лишь отвести глаза отъ неминуемой бѣды, а самимъ дать лишній случай посмѣяться? или, наконецъ, чтобы приготовить ее къ смерти съ приличными «перемоніями»?..

Вотъ въ какую иронію уходилъ онъ съ своимъ мнимымъ равнодушіемъ! Нѣтъ, признаюсь, въ эту минуту онъ давалъ мнѣ только видѣть излишнюю нѣжность своего сердца, но на героя не походилъ... Однако надобно было подумать о желаніи больной. Общимъ совѣтомъ мы рѣшили, къ кому лучше прибѣгнуть въ такомъ случаѣ: при выборѣ мы имѣли въ виду не столько знаменитаго врача, сколько человѣка, разсчитывали не столько на медицинскія средства, сколько на «бальзамъ» нравственнаго дѣйствія. Относительно этого пункта, должно признаться, мы оба равно были мечтатели. Сдѣлать приглашеніе и объяснить цѣль, Сбоевъ,

разумѣется, взялъ на себя, и исполнилъ дѣло съ умѣньемъ, усердіемъ и даже большою горячностью. На другой же день, утромъ, докторъ явился, исполняя данное слово, съ участіемъ вошелъ въ положеніе больной, потомъ очень-искусно далъ ей прочесть на своемъ неизмѣнно-спокойномъ лицѣ разныя неопредѣленные надежды и, наконецъ, какимъ-то чудомъ тонкаго обращенія, соединеннаго съ извѣстнымъ достоинствомъ, умѣлъ даже расположить въ свою пользу самого Ивана Кириловича, который сначала принималъ-было это нововведеніе въ домѣ съ очень-кислою миною. Оттуда докторъ завернулъ на минуту къ намъ, и чтобъ, какъ говорилъ онъ, не питать въ насъ ложнаго заблужденія, просилъ насъ — не имѣть никакого сомнѣнія относительно тѣхъ надеждъ, которыя онъ могъ оставить въ больной... Переведенныя на простой языкъ, эти слова значили, что онъ рѣшительно не имѣетъ никакой надежды...

Сбоевъ отложилъ свой отъѣздъ до неопредѣленнаго времени. Это значительное пожертвованіе онъ сдѣлалъ безъ всякаго колебанія и совершенно безъ всякихъ фразъ. На вопросъ мой, думаетъ ли онъ ѣхать въ предположенный срокъ, онъ отвѣчалъ мнѣ только, что ужъ это дѣло кончено — ѣхать нельзя, и что время дать совѣтъ. Но время и совѣтъ не спѣшили приходить. Анна Ивановна примѣтно таяла съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ днемъ росла въ ней надежда, или лучше, вѣра въ жизнь: ободрилъ ли ее нашъ умный, привѣтливый докторъ, точно ли задержалъ онъ на время разрушительный ходъ болѣзни, или, наконецъ, сама природа внушала это самообольщеніе, напрягая естественную любовь къ жизни до вѣры въ неистощимость силъ ея, — я не умѣю вамъ сказать, но Анна Ивановна такъ отдавалась этой вѣрѣ, что иногда самыя неблагопріятныя признаки толковала въ свою пользу. Она съ удовольствіемъ замѣчала, какъ зима постепенно утоляла свою жестокость, какъ съ каждымъ днемъ возрастала теплотворная сила солнца, снѣгъ растекался ручьями, обнажалась земля, — и все ждала первыхъ красныхъ дней, воображая, что благодатное дыханіе весны волеетъ послѣдній цѣлительный бальзамъ въ ея изнуренныя силы.

Было одно время, что самъ Сбоевъ поддался вліянію этихъ прізрачныхъ надеждъ, такъ-что и ему не казалось невозможнымъ выздоровленіе Анны Ивановны. Я это угадалъ по его спокойной миѣ. До-сихъ-поръ онъ былъ очень озабоченъ, — что, впрочемъ, было замѣтно мнѣ, чѣмъ ему самому, — слишкомъ занять одною мыслию; всякой разъ, какъ только случалось, что посланный съ низу, обыкновенно одинъ изъ братьевъ Ольги, вбѣгалъ къ намъ по лѣстницѣ слишкомъ-скорымъ шагомъ, ему казалось, что идутъ звать къ послѣднимъ минутамъ больной... Въ тотъ промежутокъ, о которомъ я говорю, это лихорадочное безпокойство исчезло, движеніе уравнилось; даже слыша поспѣшные шаги на лѣстницѣ, Сбоевъ спокойно продолжалъ курить сигару и не прерывалъ легко-

шутливого разговора со мною, — любимый имъ родъ бесѣды въ свободный часъ. Но за то я скоро замѣтилъ въ немъ тѣнь новаго чувства, которое прежде было ему вовсе несвойственно. Оно относилось къ Ольгѣ. Ея молодое, неопытное чувство, вдругъ застигнутое грозною неминуемой бѣдой, отдалось недоброму ощущенію безъ упорства, безъ сопротивленія; какъ — она не знала сама, по въ чувствѣ ея вдругъ сдѣлался странный поворотъ: все, что въ сердцѣ ея было любви, горячности, страсти, все это, не спросившись и не сказавшись, обратилось теперь къ больной матери. У Ольги будто не стало ни глаза, ни слуха, какъ только для ней, для больной. Она сама не подозрѣвала, что любила ее столько! Съ лица Анны Ивановны не сводила она глазъ: стоя обыкновенно у ея изголовья, она смотрѣла на него съ напряженнымъ вниманіемъ, ловила каждое движеніе, и все для того, чтобъ поймать какой-нибудь лучъ надежды! Начиналъ ли говорить Сбоевъ, она улыбалась его словамъ — по привычкѣ, по я не поручусь, что она ихъ слушала, понимала; — развѣ когда ободрительнымъ голосомъ начиналъ онъ говорить о надеждѣ, выражалъ свою увѣренность въ несомнѣнное выздоровленіе, — о, тогда иное дѣло, тогда она была вся слухъ, вся вниманіе; тогда ясное самое лицо ея, смягчалось на минуту разлитое по немъ владычество страха, и непринужденная улыбка напоминала ея лучшіе дни!.. Входила ли она къ намъ, — что случалось ужъ довольно-рѣдко, — у нея не было ни довольно словъ, ни привѣтливости для Сбоева; она даже забывала подать ему руку, смотрѣла больше куда-то въ сторону, лучше сказать, никуда не смотрѣла, отвѣчала такъ странно, почти не впадѣ; наконецъ, не дѣлала ни одной шалости...

Возродившаяся въ Сбоевѣ надежда, казалось, нѣсколько разсѣяла ее, но не столько, чтобъ она стала прежнею Ольгою, чтобъ, уступая его желанію, охотно оставалась у насъ лишнія двѣ-три минуты. Если иной разъ она и уступала, то не могла скрыть принужденія; но чаще, отдаваясь своей нетерпѣливой мысли, обрывала однимъ словомъ и убѣгала... Пока Сбоевъ раздѣлялъ то же самое безпокойство, для него были почти-незамѣтны эти крутые, рѣзкіе перерывы ихъ обычныхъ свиданій; но когда оно разсѣялось на время, чувство нѣкотораго недовольства прокралось въ его душу. Въ первую минуту послѣ того, какъ Ольга уходила, лицо его покрывалось легкимъ выраженіемъ досады. Тутъ какъ-будто зараждалась эта нѣсколько-темная мысль: конечно, мать ей всего дороже; это такъ и должно быть, это я даже люблю въ ней; но для меня — не-уже-ли ужъ нѣтъ и минуты?.. И въ думѣ съ этою мыслию онъ оставался потомъ нѣсколько времени, — до-тѣхъ-поръ, пока улыбка, нѣсколько-ироническая, не поворачивала всей этой его бесѣды съ самимъ-собою. Я ждалъ, что онъ, по-крайней-мѣрѣ, выскажется Ольгѣ, и не совсѣмъ обманулся.

Разъ она пришла къ намъ даже скучнѣе обыкновеннаго. День былъ очень-непогодливый: снѣгъ мѣшался съ дождемъ и дулъ

сильный вѣтеръ, снова напоминавшій холодное дыханіе зимы, Сбоевъ, который видѣлъ Анну Ивановну за часъ передъ тѣмъ, приписалъ неблагоприятную переѣну въ ея расположеніи временному вліянію погоды. Онъ уже встрѣтилъ Ольгу съ лицомъ мало-довольнымъ.

— Что жь? послѣ нѣсколькихъ словъ сказалъ онъ, взявъ ее за руку:—когда же, наконецъ, мы съ тобой перестанемъ умирать заживо?..

Она обратила на него вопросительный взглядъ.

— А развѣ ты не замѣчаешь, продолжалъ онъ съ легкою усмѣшкою:—что ты съ нѣкотораго времени совсѣмъ не живешь? Если и живешь, по-крайней-мѣрѣ не для меня—гдѣ и какъ, я не знаю...

Съ тѣмъ же недоумѣніемъ Ольга обратилась ко мнѣ.

— Я спрашиваю, заговорилъ опять Сбоевъ, стараясь уже не придавать своему вопросу никакого страннаго выраженія:—долго ли тебѣ оплакивать живыхъ какъ мертвыхъ? Не-уже-ли, Беже мой, тебѣ еще не наскучило изнывать каждый день? Ты какъ-будто ничего не видишь, ничего не замѣчаешь, ничего добраго.

— Она умирать, отвѣчала Ольга съ кроткою покорностью своему безотчетному убѣжденію, понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло. — Я знаю, что она умретъ.

— Вотъ, наконецъ, ты ужъ и пророчишь!.. Не слишкомъ ли смѣло? Не ошиблась ли ты? Впрочемъ, продолжалъ онъ съ легкимъ выраженіемъ ироніи:—вѣдь мы, въ-самомъ-дѣлѣ, не вѣчны рано или поздно, умремъ всѣ, стало-быть, когда-нибудь умретъ и она...

Иронія, а больше увѣренность Сбоева и легкость его тона не замедлили оказать свое дѣйствіе: если онѣ не убили въ Ольгѣ безнадежности, то заставили ее забыть на минуту, бросили искру свѣта въ ея тоскующую душу.

— Положимъ, что твое пророчество непременно сбудется... что ужъ даже оно сбылось...

— Ахъ, нѣтъ, ни за что! прервала она, въ суевѣрномъ страхѣ простирая къ нему руки.

— Сама хотѣла, сама хотѣла, продолжалъ Сбоевъ, смѣясь:— я не виноватъ... что же? у тебя никого больше не остается? ты совсѣмъ сирота? некому больше ласкать птичку, любить ее? Никто надъ ней не сжалится, не посмотритъ ей въ голубые глаза, не отретъ съ нихъ горькой слезы — вотъ такъ?..

Тихимъ погалуемъ онъ въ-самомъ-дѣлѣ снялъ слезу, которая навернулась на глазахъ у Ольги. Она не выдержала, трепетное рыданіе всколебало ея грудь; она упала къ нему на шею, мѣшая грусть по-поламъ съ восторгомъ.

И мнѣ было легче, смотря на нихъ, и я былъ радъ ихъ минутной радости! Радость, счастье — они приходятъ иногда такъ внезапно, уходятъ часто такъ невозвратно: благословенна будь каж-

дая минута, когда они посящают нашъ маленькій уголокъ, когда свѣтомъ ихъ озаряется скорбящее сердце!

То, впрочемъ, было только минутное торжество благоразумнаго заблужденія надъ слѣпымъ, но вѣрнымъ предчувствіемъ. Ольгѣ стоило только воротиться домой, чтобъ къ ней возвратилось ея прежнее убѣжденіе. Надобно было имѣть излишнюю довѣренность къ самому-себѣ, вѣру въ непреложность своей мысли, чтобъ, какъ Своевъ, рядомъ софистическихъ заключеній открывъ въ своемъ умѣ возможность выхода изъ самыхъ опасныхъ положеній, приложить эту теорію къ состоянію Анны Ивановны и мечтать о ея выздоровленіи! Напрасно, послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ несчастныхъ дней, опять засіяло солнце; напрасно бросало оно теплый лучъ свой сквозь чистое стекло въ комнату больной; напрасно, въ часъ передполуденный разливался въ воздухъ тотъ нѣжный, неуловимый, но чувствуемый всѣми нервами ароматъ, которымъ новая весна таинственно любитъ возвѣщать свое приближеніе — напрасно: Анна Ивановна потеряла самое чувство радости, она сохранила только чувство своей болѣзни. Кромѣ немногихъ, рѣдкихъ минутъ, когда привычка жизни снова вызывала ея утомленную мысль въ свою среду, обращала ея взоръ на дѣтей, съ глухою тоскою тѣснившихся у ея постели, она жила только для самой-себя, прислушивалась только къ своему дыханію и отъ него доспрашивалась послѣдняго приговора себѣ, послѣдняго слова своей погасающей надеждѣ, которая еще не переставала бросать чуть-замѣтный трепетный свѣтъ!

Даже Иванъ Кириловичъ, который всякое здоровье мѣрялъ лишь на свой аршинъ и вообще не допускалъ никакого различія въ человѣческихъ организмахъ, въ ихъ относительной крѣпости, даже и онъ, наконецъ, понялъ ту мысль, что Анна Ивановна можетъ умереть, хотя бы онъ не чувствовалъ въ себѣ ни малѣйшаго болѣзненнаго расстройства. Разъ онъ вошелъ къ намъ... Но я долженъ предупредить васъ на-счетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ немъ со времени послѣдней болѣзни Анны Ивановны. Вы помните, что умный докторъ, котораго первое появленіе въ домѣ показалось Ивану Кириловичу непріятнымъ нововведеніемъ, скоро умѣлъ расположить его въ свою пользу. Долго, впрочемъ, упрямялся Иванъ Кириловичъ смотрѣть на него какъ на лицо необходимое: если онъ не отказалъ ему со втораго или третьяго раза, то это было лишь изъ нѣ котораго рода снисхожденія къ пріятной и легкой его болтовнѣ... Но разрушительный ходъ болѣзни, наконецъ, самъ-собою открылъ глаза Ивану Кириловичу. Опасность показала ему тѣмъ ужаснѣе, что доселѣ она не приходила ему на умъ. Онъ оробѣлъ не шутя, и не только не считалъ болѣе его присутствія лишнимъ, но съ нетерпѣніемъ ждалъ каждаго его пріѣзда, встрѣчалъ какъ благодѣтеля, спрашивалъ съ подобострастіемъ, понизивъ голосъ, понизивъ самое лицо. Докторъ, естественно, не могъ подать ему прямой надежды... Иванъ Кириловичъ

тотчасъ возмѣлъ подозрѣнія на свою скупость и просилъ доктора ничего не жалѣть, прописывать хоть бы самыя дорогія лекарства; наконецъ, самъ бѣгалъ въ аптеку, вмѣсто того, чтобъ, какъ прежде, посылать дѣтей. Съ доктора, котораго научился уважать, онъ перенесъ свою довѣрчивость, свою пріязнь и на Сбоева (только меня онъ продолжалъ не жаловать по-прежнему), что даже странно, сталъ какъ-то учтивъ съ нимъ, мягокъ, съ школьнической миною приходилъ совѣтоваться относительно больной или доктора, котораго очень боялся оскорбить, и развѣ только разговорившись, опять попадалъ на свой обычный, грубый тонъ. Тогда, конечно, съ нимъ трудно было поладить.

Разъ пришелъ онъ къ намъ самъ не свой.

— Нѣтъ, говорилъ онъ, усѣвшись въ кресла: — вѣрно отъ бѣды не отдѣлаешься ни крестомъ, ни пестомъ...

— Какъ, что такое?

— Да что! умереть у меня жена, ей-Богу, умереть... Будь онъ хоть раздокторъ, такъ ничего не сдѣлаетъ! Голову отдамъ подъ закладъ, если онъ ее вылечитъ! Вотъ помяните мое слово: я не хочу никого обманывать.

— Но за чѣмъ же бы, кажется, прежде времени совершенно отчаяваться?..

— Что вы тутъ мнѣ говорите, Николай Васильичъ! Вы только тѣшите меня, стараго дурака!.. Какъ тутъ не отчаяваться, когда у ней смерть на носу, просто на носу! Вѣдь этого только ребенокъ не видитъ...

Сбоевъ отвѣчалъ какимъ-то общимъ мѣстомъ.

— Что только я буду безъ нея! продолжалъ Иванъ Кириловичъ, видя, что Сбоевъ самъ отклонялся отъ прямого отвѣта. — Что я стану безъ нея съ моею охапкою дѣтей!..

Мнѣ очень хотѣлось сказать въ отвѣтъ: женитесь, Иванъ Кириловичъ; но мнѣ не было никакой части въ этомъ разговорѣ.

— Вѣдь вы не знаете, что это была за баба, продолжалъ онъ: — вы просто ничего не знаете. Да я двадцать лѣтъ жилъ за ней, ничего знать не хотѣлъ. Вѣдь она у меня весь домъ вела—вы это подумайте! Ну, что я теперь, останусь одинъ, сирота-сиротой! Бывало, какое слово ни скажешь, все снесетъ, даже не поморщится.

Опять хотѣлось мнѣ въ эту минуту забросить ему словцо о зеркалѣ... Видите, что и во мнѣ было немного симпатіи къ нему, что самая печаль его мало меня трогала. Между-тѣмъ, Сбоевъ вздумалъ опять проповѣдывать надежду, взявшись отъ способностей доктора. Но расчетъ его былъ самый неудачный.

— Только, что называется-то онъ докторъ, перервалъ Иванъ Кириловичъ, выходя изъ себя: — а знать онъ такой же шарлатанъ, какъ и другіе... Пичкалъ столько времени и тѣмъ и сѣмъ, наговорилъ туруса на колесахъ, а что сдѣлалъ? Хоть бы на волосъ помогъ! Какихъ-то лекарствъ не прописывалъ, и морскихъ, и за-

морскихъ, и всякихъ тамъ разныхъ, какія ему пришли въ пустую голову, и все только мориль-мориль... Разбойникъ онъ просто, а не докторъ: я бы его живаго въ землю зарылъ...

Сбоевъ, который долженъ былъ принять этотъ грубый упрекъ частію и на себя, замѣтилъ, что докторъ не заклинатель отъ смерти, и что странно было слышать такія рѣчи отъ Ивана Кириловича, который самъ же видѣлъ недавно все спасеніе въ докторѣ. Но Иванъ Кириловичъ уже вошелъ въ азартъ: этого самаго и не могъ онъ простить доктору, что нѣсколько времени смотрѣлъ на него какъ на спасителя, какъ на чародѣя, въ рукахъ котораго власть жизни и смерти. Большаго труда стоило потомъ Сбоеву, послѣ того, какъ Иванъ Кириловичъ въ потокѣ необузданныхъ словъ излилъ свое негодование, нѣсколько успокоить его, привести въ себя, чтобъ, по-крайней-мѣрѣ, къ большой не перенесъ онъ остатковъ своей крутой горечи. По счастью, самъ Сбоевъ имѣлъ столько духа, что подобныя выходки никогда не принималъ къ сердцу.

Но не далеко уже и конецъ моей исторіи. Я, впрочемъ, здѣсь разумію только исторію разбитаго стекла. Не помню дней, но ихъ переминилось немного послѣ визита, о которомъ я сейчасъ рассказывалъ, какъ прислали къ намъ сказать, что Анна Ивановна желаетъ говорить съ Сбоевымъ. Не нужно было прибавлять, что это было за желаніе. Есть вещи, которыя прямо не выговариваются, но отъ которыхъ при одномъ намекѣ челоуѣкъ останавливается среди комнаты, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его застали, и стоятъ тутъ нѣсколько времени безчувственно-неподвижнымъ столбомъ, какъ-будто ноги его вдругъ приросли къ полу. Такъ было на этотъ разъ и съ Сбоевымъ. Однако, не показавъ никакой слабости, онъ въ нѣсколько минутъ одолѣлъ себя и отправился внизъ. Анна Ивановна лежала какъ-будто въ забытіи, окруженная дѣтьми и двумя-тремя старушками. Иванъ Кириловичъ стоялъ у ней въ-головахъ съ сложенными на груди руками. Когда вошелъ Сбоевъ, она открыла глаза.

— Боялась умереть безъ васъ, Николай Васильчъ, слабо начала она, сядясь подать ему руку. — Нѣтъ больше силъ... Хотѣлось въ послѣдній разъ поблагодарить васъ, добрый нашъ другъ, чтобъ не отойдти неблагодарною... Я не забуду васъ никогда, я и тамъ буду молиться за ваше счастье...

Она уже могла говорить только съ частыми передышками, должна была останавливаться отдыхать послѣ каждой фразы.

— Я думала, продолжала она послѣ небольшого промежутка:— что доживу, увижу ваше полное счастье... А, знать, угодно Богу, чтобъ я его не видала... знать, пришелъ мой предѣлъ... Охъ! какъ съ жизнью разставаться не легко, не легко... Все думается, хотъ бы мнѣ еще одинъ годъ посмотрѣть вотъ на всѣхъ, которые здѣсь... больше всего *ее* бы пристроить...

При этихъ словахъ она показала на Ольгу, которая лежала какъ мертвая, припавъ къ ея ногамъ.

— Знать, Богъ судилъ иначе... Онъ знаетъ лучше насъ, кому надобно жить, кому умереть... кому вѣнецъ, кому бѣлый саванъ. Вотъ я и не горда, кажется, была, а и не думала, что изжила свой вѣкъ... За грѣхи ли мои онъ сократился, не знаю, только умру спокойно..

— Маменька, маменька! закричалъ въ слезахъ одинъ изъ мальчиковъ, понявъ, что дѣло идетъ о смерти: — поживи съ нами, не оставляй насъ...

— Полно плакать, Петя, отвѣчала она спокойно на жалобный крикъ мальчика. — Кто жъ тебѣ сказалъ, что я оставляю васъ?.. Я всегда буду съ вами, я не оставлю васъ... Я каждую минуту буду просить у Бога счастья вамъ, а вы молитесь за меня... Мы будемъ въ молитвахъ разговаривать, Петя: ты будешь говорить мнѣ свои нужды, я буду просить Бога, чтобъ Онъ послалъ умъ тебѣ, здоровье... Да не забудь молиться за сестру, ей проси счастья... чтобъ Богъ не отнялъ у нея ея радости...

Тяжкимъ рыданіемъ отвѣчала Ольга, осыпая поцалуйми руки матери.

— Надѣйся всего отъ Бога, дитя мое, продолжала Анна Ивановна, приподнявъ одну руку и положивъ ее на голову Ольги. — Онъ не оставитъ тебя... и въ мірѣ не безъ добрыхъ людей.

При послѣднихъ словахъ, глаза ея прояснѣли, и взоръ упалъ на Сбоева. Какъ-бы отвѣчая на этотъ дружественный, довѣрчивый вызовъ, Сбоевъ сдѣлалъ движеніе и хотѣлъ говорить... Я увѣренъ, что слова его были бы чисты и искренни. Но Анна Ивановна была довольна и безмолвнымъ подтвержденіемъ своей мысли: ей нужно было только видѣть, что ее поняли, согласились съ нею. Остановивъ Сбоева на первомъ словѣ, она сдѣлала ему знакъ, что онъ можетъ оставить отвѣтъ свой при себѣ, такъ-сказать, хранить въ сердцѣ тотъ обѣтъ, который бы онъ могъ сдѣлать въ эту минуту. Между-тѣмъ, послѣднее усиліе еще болѣе изнурило больную. Надобно было дать ей покой. Сбоевъ подошелъ къ ней ближе, какъ-бы спрашивая, не имѣетъ ли она еще чего сказать ему. Протянувъ къ нему руку, она сказала:

— Прощайте... это было мое послѣднее желаніе... я умру спокойно.

Черезъ два дня потомъ, Анна Ивановна тихо, неслышно отошла отъ міра. Но лицо ея и въ гробѣ сохранило тѣнь той привѣтливой улыбки, которою она встрѣчала людей, ея искренне любимыхъ.

Въ природѣ много таинствъ, вы это знаете. Я чту въ нихъ особенно ея благотворную возстановляющую силу, я люблю въ ней этотъ таинственный законъ, по которому часто крайняя степень

душевной горечи есть вмѣстѣ и начало ея безсилія, признакъ возрожденія челоуѣка къ радостямъ жизни. Природа такъ полна жизненныхъ силъ, такъ отвращается она самаго подобія смерти!

Не стало бѣдной Анны Ивановны, и самый прахъ ея былъ засыпанъ землею. Но мысль Ольги была неразлучна съ нею: не могла она отогнать отъ себя ея образа; съ кѣмъ бы ни говорила, не могла ни на минуту побѣдить этого печальнаго разсѣянія, отъ котораго тускнѣетъ самый свѣтлый взоръ, блѣднѣетъ самый сердечный отвѣтъ, и которое въ-самомъ-дѣлѣ есть только глубокое сосредоточеніе на одномъ предметѣ, живомъ или мертвомъ, все равно. Она какъ-будто даже не залюбила домъ свой; ей больше нравилась на краю кладбища новая могила, покрытая свѣжимъ дерномъ: пользуясь первымъ попавшимся предлогомъ, она тотчасъ же сваряжалась и шла туда вмѣстѣ съ братьями, или съ первою старушкою, которая по старой памяти приходила въ домъ навѣстить сиротъ. Вы, господа, не любите меланхолиі, всегда подозрѣвая въ ней приторную сентиментальность; но, я надѣюсь, вы простите Ольгѣ ея печаль, хоть за то, что въ эту печаль перешла вся ея любовь къ матери. Повѣрьте, что не всякая печаль есть та меланхолія, о которой вы думаете; есть печали искреннія, святыя, передъ которыми бы устыдилась ваша меланхолія, еслибъ встрѣтилась съ ними въ жизни и не нашла бы себѣ никакого оправданія. Спросите ее, эту меланхолію, знаетъ ли она, что такое печаль дочери, которая навсегда теряетъ любящее ее сердце матери передъ тѣмъ, какъ ей вступить въ жизнь?.. Но мы въ-самомъ-дѣлѣ становимся сентиментальны. Я возвращусь къ Ольгѣ. Мнѣ не одинъ разъ случалось встрѣчать ее на дорогѣ, когда она выходила на свое въ обычай переходившее пилигримство, и всегда я находилъ въ такомъ случаѣ родъ нѣкотораго удовольствія на ея лицѣ, такъ-что мнѣ думалось, что вотъ и печаль имѣетъ свои свѣтлыя, если не веселыя, стороны. И когда возвращалась домой, она какъ-будто была покойнѣе, довольнѣе, она какъ-будто наговорила тамъ съ матерью, или, можетъ-быть, наплакалась вдоволь, я не знаю.

Сбоевъ медлилъ отъѣздомъ, хотя собственно не было болѣе причины откладывать, и были всѣ причины спѣшить. Я хочу сказать, что не оставалось болѣе ничего, что бы еще требовало ожиданія. Но онъ гораздо-болѣе былъ привязанъ къ этимъ людямъ, нежели сколько самъ думалъ о томъ; привычкою ли, или иною болѣе-правственною силою онъ былъ поставленъ къ нимъ въ то отношеніе, гдѣ печали, болѣе чѣмъ самыя радости, становятся общими. Оторваться отъ нихъ вдругъ ему было невозможно, тѣмъ больше, что Иванъ Кириловичъ, котораго бѣда застигла всего менѣе приговореннаго, впалъ въ совершенное отупѣніе, въ эту печальную апатію духа и тѣла, въ которой несносна самая мысль о всякомъ дѣльномъ занятіи и противъ которой у него было одно средство—удвоенный пріемъ пунша, всегда приливавшій къ глазамъ его новыя слезы... Итакъ, Сбоевъ медлилъ. Но, мимо печальныхъ

и радостныхъ, не медлило идти впередъ время: весна цвѣла, благоухала; зелень дерева густѣла, земля убиралась цвѣтами, воздухъ переливался теплыми струями. Было невозможно не спѣшить на великолѣпный праздникъ природы, нельзя было не отвѣчать на ея краснорѣчивый призывъ. И Сбоевъ не былъ глухъ къ нему; его молодое сердце также билось радостно въ эти свѣтлые дни. Но въ городѣ ему казалось душно, тѣсно: ему надобно было дышать свободнымъ воздухомъ полей... Въ этой послѣдней потребности, я думалъ видѣть обыкновенный припадокъ юношеской восторженности; но тутъ были иныя причины. Опъ, правда, всегда одинъ отправлялся на свою загородную прогулку, но это случилось всякій разъ именно въ тотъ день, когда Ольга шла на могилу, и, какъ я узналъ послѣ, въ томъ же самомъ направленіи. Большею частію эти прогулки приходились на воскресенье. Тогда были свободны братья Ольги, и неизмѣнный Павелъ Лукичъ охотнѣе въ эти дни вызывался въ спутники: Сначала они размыкивали свое горе только между собою, вовсе и не подозрѣвая, чтобъ гдѣ близко былъ человекъ, посившій съ собою теплое сочувствіе къ нимъ. Потомъ случилось такъ, что Сбоевъ встрѣтился съ ними на дорогѣ, когда они возвращались съ кладбища; ему, разумѣется, были рады, улыбнулись, можетъ-быть, на его неожиданное появленіе: нечаянная радость срываетъ улыбку даже у самой печали—все это такъ естественно! Павелъ Лукичъ, который всякое чувство выражалъ по-своему, сдѣлалъ въ честь Сбоеву веселый прыжокъ; мальчики радостно прикрикнули вслѣдъ за нимъ. Въ другой разъ встрѣча со Сбоевымъ на той же дорогѣ, конечно, не была уже нечаянностью, но тѣмъ пріятнѣе было ждать — и не обмануться! Въ третье воскресенье они уже возвращались домой рука-объ-руку, рвали дорогіи цвѣты, пересыпали тихую грусть дружеской бесѣдой и было такъ печально-весело! Я видѣлъ изъ окна, когда они подходили къ дому, и мнѣ казалось, что эти дѣти были даже счастливы. И что жъ удивительнаго? Молодое сердце такъ охотно бѣжитъ на счастье; есть въ немъ мѣсто печали, но вѣчная печаль невозможна; время прикасается къ самымъ больнымъ душевнымъ ранамъ и лечитъ ихъ невидимою, но вѣрною рукою. Только дряхлость осуждена вѣчно страдать подъ бременемъ своей печали, потому-что ей—нѣтъ болѣе возрожденія. А Ольга подъ свѣжимъ дыханіемъ весны снова возраждалась для любви; печаль ея была глубока, безъ сомнѣнія, но вѣдъ любовь была заложена прежде и глубже: могло ли статься, чтобъ она наконецъ не пробудилась съ новою силою и не одолѣла чувства по натурѣ своей столько болѣзненнаго? Признаюсь, я бы менѣе любилъ Ольгу (если только *мнѣ* позволено это слово), когда бы видѣлъ ее только въ безсильной борьбѣ съ грустію, безъ надежды торжества надъ нею, безъ признаковъ возрожденія.

Есть всегда въ любви источникъ новыхъ жизненныхъ силъ. Мнѣ случалось видѣть послѣ, какія чудеса творила она надъ женщи-

ною, которая уже готовилась переступить за черту средних лѣтъ: я видѣлъ, какой яркій румянецъ пробѣгалъ по ея щекамъ, какой огонекъ зажигался въ глазахъ, когда передъ ней стоялъ человѣкъ, который имѣлъ несчастіе напомнить ей первую молодость... Въ Ольгѣ любовь возвращалась, или, я бы долженъ сказать, пробуждалась тихо, чуть-замѣтно: никакихъ порывовъ, ничего, что бы походило на страсть; но для глаза, который привыкъ и любилъ слѣдить за нею со вниманіемъ, каждый день происходило нѣчто новое. Прежней беззаботной неселости не было: она еще не приходила; но Ольга уже не пугалась, не отвращалась чужой веселости; Павлу Лукичу не разъ даже удавалось заставить ее забыть на минуту. Въ ней появлялась почти новая энергія, мужественная какая-то твердость воли, хотя чувство ея все болѣе и болѣе принимало нѣжный оттѣнокъ: сама покушалась она заговаривать со Сбоевымъ о его отъѣздѣ. Я, господа, не смѣю рѣшительно говорить о дѣйствиіи нравственныхъ болѣзней на душу человѣка; но думаю, что если только намъ удалось счастливо перенести душевный недугъ, мы выходимъ изъ него болѣе твердыми, и самое женское сердце получаетъ нѣсколько - мужественный закалъ. Не всегда, конечно: согласенъ съ вами на исключенія.

Сбоевъ все это видѣлъ, видѣлъ глазомъ человѣка, въ которомъ любовь не ослѣпляетъ разсудка, и соображалъ по этимъ даннымъ возможность привести въ исполненіе свой давно-задуманый планъ. Сбоевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, разъ обдумавъ свои цѣли, не теряютъ ихъ легко изъ вида: жизнь не успѣла развить въ немъ настоящаго практическаго смысла, но зародышъ его былъ — этого отрицать нельзя. Обрадовавшись бодрости, съ которою Ольга сама приступила къ трудному вопросу объ отъѣздѣ, Сбоевъ принялся умно и осторожно приучать ее къ этой мысли, начиналъ самъ, если Ольга молчала, старался, обыкновенно, замѣть представленія самой разлуки и расцвѣтитъ самыми живыми красками отдаленныя послѣдствія, — и поэтическій ореолъ, въ которомъ, подъ его словами, рисовалась ихъ общая будущность, плѣнял, занималъ воображеніе Ольги. Съ одной стороны, я готовъ былъ удивляться успѣхамъ Сбоева въ этомъ отношеніи, но съ другой, зная, какъ все это дѣлалось искренно, и какимъ сильнымъ помощникомъ была тутъ любовь, ничего не находилъ непонятнымъ. Между-тѣмъ, мнѣ очень нравилась приготовлявшаяся тихая развязка: мелодрама на сценѣ, какъ уродство, порождаетъ только отвращеніе эстетическое; когда же хотя нѣкоторое подобіе ея какъ-нибудь еще отразится на жизни, то, какъ бы ни была фальшива эта жизнь, какъ бы ни безнамѣренно прокралось въ нее отраженіе мелодрамы, меня всегда беретъ тоска невыносимая...

Я не могу, естественно, рассказать вамъ всей постепенности, съ которою Сбоевъ приходилъ къ своей цѣли: мнѣ доставалось видѣть, такъ-сказать, лишь отрывки его дѣйствиіи, по которымъ потомъ долженъ былъ я соображать о цѣлой системѣ. Но иногда приходи-

дось мнѣ быть вмѣстѣ съ ними въ саду, то-есть съ Сбоевымъ и съ Ольгою. Это былъ небольшой садъ, отгороженный въ концѣ двора, прямѣе бы сказать — садикъ, о которомъ я до-сихъ-поръ не имѣлъ нужды вамъ говорить, потому-что онъ ни для кого не существовалъ зимою и былъ дѣйствительно ничѣмъ, но который становился очень-милъ съ открытіемъ весны, когда убирался цвѣтами, воспитанными Ольгою. Между-прочимъ, замѣчу, что говорилъ Сбоевъ: что онъ любитъ нашихъ женщинъ за то, что онѣ любятъ цвѣты... Правда ли это, господа?.. Но не о томъ рѣчь. Иногда мы вмѣстѣ бродили по этому садику. Ольга останавливалась передъ всякимъ цвѣткомъ, ею особенно любимымъ, наклонялась къ нему, какъ-бы желая полюбоваться имъ вблизи, замѣтить, на сколько болѣе распустился онъ противъ прошедшаго дня, потомъ съ минуту смотрѣла на него нѣжно-задумчивымъ взглядомъ, опираясь на руку Сбоева... Сбоевъ, разумѣется, скоро угадывалъ ея мысль.

— Нѣтъ, онъ меня не дождется, говорилъ онъ, указывая на цвѣтокъ.

— Зачѣмъ расцвѣлъ такъ рано, отвѣчала Ольга съ нѣкоторою живостию: — вотъ ему и не дожждаться! Нѣтъ, продолжала она, отводя насъ въ сторону: — тюльпаны, ландыши, всѣ эти отцвѣтутъ; а вотъ здѣсь, въ этой маленькой куртнѣ, у насъ будутъ прекрасные розаны—помнишь, какъ въ прошломъ году? или нѣтъ, ты не засталъ... Они тебя дождутся...

Сбоевъ молчалъ.

— Дождутся они тебя? повторила Ольга съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— О, я думаю, отвѣчалъ онъ, уклоняясь отъ опредѣленнаго отвѣта.

— Они расцвѣтаютъ—въ іюлѣ... ахъ, нѣтъ, раньше: въ іюнѣ, прежде петрова-дня... тутъ они ужъ отцвѣтаютъ... Они не дождутся тебя?

И ужъ слышалась въ словахъ вся сердечность вопроса.

— А въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Сбоевъ: — ты сдѣлаешь вотъ что: тотъ, который тебѣ будетъ больше нравиться, срѣжешь осторожно, пока онъ будетъ во всей свѣжести, уложишь его въ коробочку...

— Точно въ клѣтку! смѣясь прервала Ольга. — Нѣтъ, если и они отцвѣтутъ, у меня будутъ другіе цвѣты: у меня будутъ махровыя гвоздики, бѣлая пахучая мальфа, бархатцы... Ахъ, вспомнила! ты не любишь бархатцевъ?.. Отъ-чего ты ихъ не любишь?

— Это осенній цвѣтъ...

— Но если ты воротиться осенью — то какъ же?... спросила Ольга съ недоумѣніемъ.—Боже мой, да что же я? прибавила она съ нѣкоторымъ торжествомъ: — у меня будутъ тогда совершенно бархатныя георжины, у меня будутъ чудесныя георжины — онѣ непременно дождутся тебя... Георжины ты любишь, я знаю.

— Прекрасно! я такъ и буду знать, и какъ только съ дороги, тотчасъ въ садъ — смотрѣть, какъ ты сдержала слово.

— Пойдемъ же, я укажу тебѣ мѣсто, гдѣ онѣ растутъ, сказала Ольга и повлекла насъ далѣе.

Иногда же она заводила даже со мною споръ, что осень — лучше весны.

— Какъ такъ? скажите. Не-уже-ли вамъ больше нравятся желтые листья?

— А для васъ — не-уже-ли лучше зеленые?

— Зеленый цвѣтъ — цвѣтъ надежды, кромѣ всего прочаго...

— Нѣтъ, извините, желтый цвѣтъ — цвѣтъ надежды...

И съ-тѣхъ-поръ, какъ-бы въ укоръ мнѣ, она, которая прежде не любила этого цвѣта, любила употребить желтую ленточку или желтую шелковую нить вездѣ, гдѣ только приходилось. кстати: за-блადкою въ книгѣ, вензелемъ на платкѣ, — что довольно забавляло Сбоева.

Наканунѣ отъѣзда Сбоева, передъ сумерками, мы опять сидѣли въ саду. Ольга, не смотря на всѣ усилія, не могла одолѣть давившей ее грусти: она искала словъ, она не находила своихъ прежнихъ естественныхъ движеній. Она надѣялась найти въ себѣ гораздо-больше твердости для послѣднихъ минутъ, и была довольно смущена, когда вдругъ ощутила всю прежнюю горечь давно-знакомой печали... Умышленная говорливость Сбоева не помогала: онъ самъ безпрестанно терялъ нить рѣчи и, чтобъ связать ее, часто долженъ былъ прибѣгать къ такимъ страннымъ оборотамъ, что мнѣ было жалко ихъ обоихъ... Иногда онъ совсѣмъ не ходилъ...

— Завтра будетъ дурной день! сказала Ольга въ одну изъ такихъ минутъ, смотря на небо, на которомъ едва бродили легкія облака.

— Ясный или неясный — мы встрѣтимъ его съ свѣтлымъ лицомъ, не правда ли, отвѣчалъ Сбоевъ.

— Да, съ свѣтлымъ... то-есть, не очень-печальнымъ, хотѣлъ ты сказать?.. А, впрочемъ... прибавила она, подумавъ нѣсколько: — отъ-чего нельзя сдѣлать такъ, чтобъ этого дня вовсе не было?.. Сегодня у насъ среда: отъ-чего завтра не можетъ быть прямо пятница? Мнѣ бы только не хотѣлось, чтобъ былъ завтрашній день...

Сбоевъ покачалъ головою.

— Ты говоришь, Олинъка, такія странности, что я не знаю что тебѣ отвѣчать.

— Только бы одного этого дня не было!.. отвѣчала она, мало-внимательная къ словамъ Сбоева.

— Что жъ? черезъ день ты можешь сказать, что его какъ-будто и не было?.. А потомъ ты продолжай смотрѣть все впередъ — придутъ новые дни, когда мы опять вмѣстѣ будемъ вспоминать объ этомъ злосчастномъ, который ты такъ гонишь немилосердно...

— Я то же думаю, отвѣчала она, подавляя вздохъ.

Передъ тѣмъ, какъ намъ выйти изъ сада (ужь накрывала темнота), Ольга еще остановила Сбоева у скамьи, гдѣ они часто сидѣли вдвоемъ. Онъ сѣлъ, послушный малѣйшему ея желанію; она ваяла маленькій табуретъ, который обыкновенно стоялъ у нея въ ногахъ, когда она работала въ саду, сѣла на него передъ Сбоевымъ и долго-долго смотрѣла ему потомъ въ глаза, не говоря ни слова... Онъ не мѣшалъ ей и только положилъ ей руку на плечо... Я вертѣлся около нихъ, повинуюсь желанію Сбоева, который при моемъ движеніи сдѣлалъ мнѣ знакъ остаться... Но у Ольги наворачивалась слеза, но я видѣлъ, какъ въ этомъ безмолвномъ бorenіи рука ея нѣсколько разъ хваталась за виски, какъ, наконецъ, между двухъ чувствъ, она была сама не своя, — я не могъ больше выдержать, я бѣжалъ отъ нихъ изъ сада, хотя слышалъ еще, какъ она внѣ себя произнесла, вставая: «ахъ, еслибъ все былъ одинъ день, только одинъ день!..»

На другой день, впрочемъ, она удивила насъ своею твердостью до послѣдней минуты. Только въ послѣдній разъ, подавая Сбоеву руку на прощанье, она осталась нѣма, совершенно-нѣма: конечно, не языкъ только упорствовалъ въ ней, скорѣе кажется мнѣ — это было минутное оцѣпенѣніе всего организма. Сбоевъ остановился въ нерѣшимости, но она показала ему рукою — не дожидаться больше. Мы поѣхали...

Она еще стояла у окна, когда я возвращался домой, проводивъ Сбоева до заставы. Я передалъ ей послѣднія его желанія, послѣднія слова. Она хотѣла, чтобъ я повторилъ: я повторилъ.

— А ваше послѣднее слово? спросилъ я потомъ. — Вы его не сказали? Онъ много жалѣлъ объ этомъ...

— Оно за мной, отвѣчала Ольга.

И послѣ того, сколько разъ ни вызывался я переслать это слово въ письмѣ, она никогда не соглашалась сказать мнѣ его, всегда ссылаясь на то, что онъ пріѣдетъ за нимъ самъ. Итакъ, господа, я, къ-сожалѣнію, не могу теперь сказать вамъ послѣдняго слова Ольги: оно осталось за ней, какъ тотъ поцалуй, о которомъ говоритъ поэтъ: «но жду его, онъ за тобой»...

Примѣч. автора: Исторія этого слова составитъ вторую часть разсказа.

А. ИВСТРОВЪ.

КУКОЛЬНАЯ КОМЕДИЯ.

Повѣсть.

(З. Л. В — ой.)

I.

Притворной нѣжности не требуй отъ меня;
Я сердца моего не скрою хладъ печальной;
Ты права: въ немъ ужъ нѣтъ прекраснаго огня
Моей любя первоначальной.

БАРАТЪМСКІЙ.

Право, мой садикъ очень недурень. Я бы хотѣлъ, чтобъ вы пришли ко мнѣ весной, когда цвѣтутъ сирень и черемуха, и сѣли подъ открытымъ, хотя и единственнымъ, окномъ моего кабинета. Что за прелесть! Два душистые тополя растутъ по обѣ стороны окна, шагахъ въ двухъ отъ стѣны. Ихъ вѣтви такъ и просятся ко мнѣ въ комнату. Я часто срываю съ нихъ листочки, не покидая своего мѣста, а протянувъ только руку. Когда же игривый вѣтеръ, пробѣжавъ по деревьямъ, ворвется въ растворенное окно и область меня благовоніемъ цвѣтовъ, тогда, вмѣстѣ съ ароматами, летятъ цвѣты сирени и черемухи, бѣлые, лиловые, и усыпаютъ письменный столъ душистымъ покровомъ. Я люблюсь цвѣточною тканью, а между-тѣмъ, своенравный вѣтеръ сбрасываетъ со стола двѣ-три бумаги, только-что написанныя и, къ-несчастью, незасыпанные еще пескомъ. Что дѣлать? Надобно терпѣливо поднять бумаги и привести въ порядокъ письменный столъ.

Но знаете ли, что мнѣ особенно нравится въ моемъ небольшомъ саду? Обманъ, въ который онъ меня вводитъ, своего рода поэтическое очарованіе, которое скрываетъ отъ взоровъ надоѣвшую намъ дѣйствительность. Вѣдь посмотрите: всего-то въ немъ, въ моемъ саду, аршинъ десятокъ ширины, да аршинъ двадцать дли-

ны, и однакожь, я не вижу конца зелени, когда въ немъ гуляю. Ограда закрыта густыми акаціями, которыя такъ сильно поднялись въ вышину, что со стороны улицы уходятъ у меня изъ вида не только двухъэтажные дома, но даже каланча съ своимъ неусыпнымъ надзоромъ. Мнѣ кажется, что я одинъ въ городѣ — не только въ моемъ саду, что за акаціями, скрывающими заборъ, идутъ еще деревья, а тамъ дальше, можетъ-быть, лугъ или село. Вотъ до чего доводятъ насъ фантазіи!.. Одно только предмета не скрываетъ мой садикъ: она въ мезонинѣ сосѣдняго дома, которое пришлось противъ моего кабинета. Но какое мнѣ дѣло до сосѣднихъ домовъ и не принадлежащихъ мнѣ оконъ!

Однакожь, теперь еще не весна, а крещенскіе морозы: надобно поудержать свой восторгъ. Въ окнахъ двойныя рамы, въ саду иней на деревьяхъ и глубокій снѣгъ по дорожкамъ. Гулять нѣ гдѣ, хотя для мечтаній есть приличное мѣсто: вотъ, вольтеровскія кресла, поставленныя у письменнаго стола, противъ того окна, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Садитесь и летите мыслью за тридцать земель въ тридцатое царство. Я часто помогаю своему воображенію искусственнымъ образомъ: тушу свѣчу и остаюсь въ темнотѣ... то-есть, не совсѣмъ въ темнотѣ, потому-что свѣтъ изъ сосѣдняго окна освѣщаетъ стѣну моей комнаты и блѣдной половицей ложится на полъ. Я радуюсь, что свѣтъ не яркъ. Сосѣднее окно рѣдко отходитъ отъ намерзшаго на него льда: оно тускло пропускаетъ лучи свѣчки, которая всегда окружена туманнымъ кругомъ. Видно, тамъ живутъ не богатые люди.

Особенно люблю я оставаться въ полутемнотѣ, когда получаю письма отъ нея, моего степеннаго и печальнаго друга. Одно изъ нихъ и теперь передо мною. Я прочелъ его нѣсколько разъ, чтобъ сравнить ея чувства съ моимъ къ ней внутреннимъ отношеніемъ. Боже мой, сколько печальнаго въ каждой строкѣ! Какія жалобы на незаслуженную судьбу, на томленіе надежды, которая болѣе и болѣе теряется изъ вида, на усталость ожиданія, на суровое одиночество въ кругу родныхъ, въ глуши деревни! Воля ваша, древняя судьба сохранила и въ наше время свое прежнее владычество, обрекая нѣкоторыхъ людей отъ самаго рожденія жить подъ тяжестью непонятнаго наказанія. По-крайней-мѣрѣ, не могу себя представить ее иначе, какъ въ горѣ. На ней всегда почти черное платье. Для дополненія траура, я приколотъ бы къ ея темнымъ волосамъ кипарисную вѣтку. Когда она, въ мгновенномъ припадкѣ непривычной веселости, захочетъ улыбнуться, я думаю сказать ей: остановись, мой другъ! Улыбка на лицѣ твоемъ—цвѣтокъ, случайно брошенный на могилу, лучъ, ненарокомъ упавшій въ темницу. Я мысленно ставилъ ее рядомъ со мною, какъ жену мою—и тутъ упрямое воображеніе создавало изъ нея жертву, а не предметъ наслажденія: на яву и во снѣ, мнѣ грезились бѣдныя комнаты, мужъ истомленный работою, судорожное дыханіе больного ребенка... Мнѣ кажется, она не станетъ ласкать и дѣтей...

Нѣтъ, она не будетъ счастлива... я хотѣлъ сказать: мы не будемъ счастливы.

Странное, непонятное дѣло! Когда письмо ея увѣдомляетъ меня о печальномъ ходѣ ея деревенской жизни, жизни безъ раздѣла, скучной своимъ однообразіемъ, однообразной своею тяжестью; когда я вижу, какъ сильна ея искренняя ко мнѣ преданность, какъ неизмѣнна вѣрность ея давнишнихъ, однажды навсегда завязанныхъ отношеній; когда я знаю, кто одинъ можетъ помочь ей, наградивъ достойно ея страдальческую привязанность — отъ-чего, скажите, въ моемъ сердцѣ нѣтъ другаго чувства, кромѣ состраданія? Отъ-чего на любовь отвѣчаю не любовью, а благодарностью? Ни упреки благоразумія за это невольное отчужденіе отъ преданнаго намъ человѣка, ни явное негодованіе людей, посвященныхъ въ наши отношенія—ничто не могло пробудить во мнѣ страстнаго влеченія. Дружба оставалась дружбою. Иногда мнѣ казалось, что тихій свѣтъ ея разгарается въ яркій блескъ инаго чувства, но какъ жгучій блескъ погасалъ мгновенно, какъ вотъ сію минуту погасъ въ есѣднемъ домѣ огонь, на который я люблю по-временамъ смотреть... Ахъ, видно природа знаетъ, что нужно человѣку! Она умнѣ нашего благоразумія. Она не терпитъ обмана и насилія. Вѣчный свѣтель разнообразныхъ благъ, допуская несоразвѣрность чувствъ между двумя сердцами, она строго караетъ малѣйшее ея противодѣйствіе.

Послушаніе природѣ — вотъ гдѣ мудрость человѣка. Но я не былъ мудръ въ то время, когда завелъ переписку съ моимъ печальнымъ другомъ. Я былъ только благоразумецъ. И я расцѣль своимъ благоразуміемъ, какъ неприлично оставаться холоднымъ зрителемъ страданій любящаго насъ сердца, какъ поступлю я прилично, если воспользуюсь удобнымъ случаемъ промѣнять одиночество на жизнь вдвоемъ, какъ иногда полезно довольствоваться мирнымъ положеніемъ души, находя въ привычкѣ замѣну счастья... однимъ словомъ, многія причины обязывали меня кончить дѣло, которое могло имѣть одинъ только конецъ — и я выговорилъ, въ письмѣ къ ней, это обязательство.

II.

Слова гений жизни вѣтъ!
Возвратилася весна?

Жуковский.

Но я встрѣтилъ обновленную природу безъ радостнаго привѣта. Особенное чувство, какъ ожиданіе чего-то неизбѣжнаго, стѣсняло грудь мою. Передо мной лежали новыя заботы — новыя оковы жизни. Мысль о будущемъ примѣшивалась къ моимъ дѣламъ и

удовольствіямъ, отнимая у трудолюбія свободу располагать трудомъ, у наслажденій — способность предаваться имъ вполне, до забвенія всего прочаго. Я былъ обязанъ парализовать себя во многомъ и больше всего беречь спокойствіе сердца, оковать бездѣйствіемъ ту стихію существованія, которая противоположна всякому обязательству... Внутреннее чувство, по преимуществу своеправное въ своемъ развитіи, не знаетъ, что съ нимъ будетъ въ наступающую минуту, не только по истеченіи года. У него нѣтъ правильнаго маршрута... Не осуждайте его: въ этихъ столько же прихотливыхъ, сколько и разнообразныхъ путяхъ, въ этомъ возвратѣ къ прошлому или отреченіи отъ прошлаго, въ быстрой силѣ неожиданныхъ порывовъ или въ добровольной остановкѣ на одномъ предметѣ, и заключается истинная красота чувства, какъ въ разнообразіи цвѣтовъ, зелени и благоуханій заключается изящество растительнаго царства.

Я рѣже сталъ выходить изъ дома, но тѣмъ усердѣе началъ заниматься обработкой сада. Въ цвѣтникѣ явились новыя дѣти Флоры; къ прежнимъ деревьямъ присоединилось нѣсколько экземпляровъ бѣлой сирени. Мнѣ весело, что не я одинъ пользуюсь запахомъ цвѣтовъ и видомъ зелени: это удовольствіе раздѣляютъ со мной мои сосѣди... Но кто жъ они такіе? Я до-сихъ-поръ не только не знаю ихъ фамиліи, но даже не видалъ ни одного лица. Дай раздвину акаціи и посмотрю въ щель забора... Никого и ничего! ни собаки, ни курицы! Передъ домою пустое мѣсто, на которомъ можно бы развести садъ не меньше моего. Но видно хозяинъ не охотникъ до природы и бережетъ пустырь для пристройки. Въ окна уже нѣтъ двойныхъ рамъ, но бѣлая занавѣска всегда почти опущена. Впрочемъ, Богъ съ ними!

Однажды, воротясь домой отъ моего пріятеля, я отправился въ садъ и сѣлъ на скамейкѣ противъ цвѣтника. Въ рукѣ у меня было ея письмо, только-что полученное—одно изъ тѣхъ писемъ, которыя такъ долго и съ такимъ неопредѣленнымъ чувствомъ читаю, не умѣя рѣшить, какого рода паша связь и на какомъ основаніи моя судьба соединена съ ея судьбою. Я сталъ вникать въ мое настоящее положеніе и мысленно сравнивать его съ положеніемъ предстоящимъ. Какіе недостатки въ первомъ? спросилъ я самого-себя? Нѣтъ ли обмана во второмъ? Я разумѣю подъ обманомъ не мое или ея коварство, чуждое намъ обоимъ, по обманъ сердца, которое взяло на себя обязанность разсуждать, или обманъ головы, которая хочетъ чувствовать. Разумъ и чувство—два разные предмета. Сосудъ, наполненный горячею кровью, не то же, что сосудъ, наполненный мозгомъ. Человѣкъ способенъ самообольщаться, принимая движеніе мысли за біеніе пульса, и наоборотъ: тогда онъ близкое называетъ отдаленнымъ, въ отдаленномъ видитъ близкое, и хочетъ дать сердцу то, что навсегда утрачено сердцемъ. Не нахожусь ли и я въ подобномъ обманѣ, забывъ, что

вымышленное обаяніе часто налагаетъ на человѣка существенное бремя?..

Здѣсь длинная цѣпь моихъ разсужденій была прервана женскимъ голосомъ. Я поднялъ глаза: окно было растворено. Дѣвушка лѣтъ семнадцать (вѣроятно, моя сосѣдка), держась за половинки раствореннаго окна и немного наклонившись внизъ, разговаривала съ другою, которая, должно думать, была у ней въ гостяхъ и остановилась подъ окномъ, чтобъ сказать еще нѣсколько словъ съ своей пріятельницей.

— Когда жъ ты еще прійдешь, Саша? Ты меня вовсе забыла.

— Прійду, Зиночка, прійду непременно. Я люблю тебя по-прежнему и не думала забывать.

— Пожалуйста! Мнѣ такъ скучно!

— О чемъ скучать? Авось, Богъ милостивъ. Прощай.

Я не сводилъ глазъ съ окна, которое затворялось медленно, очень-медленно. Если это не игра воображенія — мнѣ показалось, что сосѣдка моя, затворяя окно, какъ-бы всматривалась въ меня... Но нѣтъ, это мнѣ такъ показалось: можетъ-быть, окно не притворяется свободно, или она хотѣла проводить взорами свою гостью. Чтó жъ касается до меня, то я не успѣлъ коротко познакомиться съ ея физиономіей: я разглядѣлъ только, что она блондинка, что у ней миловидное лицо, что на этомъ еще очень-юномъ лицѣ замѣтна какая-то печаль,—можетъ-быть, естественное слѣдствіе бѣдности и заботъ, съ нею неразлучныхъ. Вскорѣ потомъ занавѣска опустилась, засвѣтился огонь, и все опять стало по-прежнему тихо на дворѣ и въ домѣ...

Уже давно смерклось, а я и не думалъ оставить своего мѣста. Мнѣ хотѣлось дожидаться луны, когда она взойдетъ надъ моимъ садомъ. Но луна не являлась въ обычное время. Облака заволокли небо. Теплый вѣтеръ грозилъ дождемъ. Надобно было пожелать идти въ комнату. Я бы то и сдѣлалъ, еслибъ на концѣ переулка не послышались голоса, сначала тихіе, потомъ крупныя. Вскорѣ голоса начали пѣть, и чѣмъ ближе къ моему дому, тѣмъ громче. Я различилъ пьяную компанію, которая загулялась иди только собиралась гулять. Вотъ привелъ Богъ полуночниковъ, подумалъ я: чего добраго! они, пожалуй, не дадутъ спать добрымъ людямъ и... моей сосѣдкѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, вмѣсто того, чтобъ убираться домой по-добру-по-здорову, гуляки какъ нарочно остановились у воротъ сосѣдняго дома.

— Здѣсь, проревѣлъ одинъ изъ нихъ хриплымъ басомъ:—я знаю, онѣ жили здѣсь, въ этомъ мезонинѣ: Груша, Дуняша, Ариша.

— Здѣсь такъ заѣбъ, отвѣчали другіе:—пойдемте. И кулаковъ десять застучали что есть мочи въ ворота.

Можете представить мой испугъ за сосѣдку... Ахъ, Боже мой! чтó это они дѣлаютъ! и я опрометью бросился на улицу, взявъ съ собою кучера и слугу.

— Отвори, кричало нѣсколько голосовъ:—что вы тамъ? а въ окна рекогнѣли?

— Кого вамъ надобно, господа? сказала я поспѣшно.

— А тебѣ кого надобно, господа? отвѣчали они передразнивая.— Убирайся прочь, пока цѣль. «Во всей деревнѣ Катенька»...

— Здѣсь нѣтъ тѣхъ, кого вамъ надобно. Здѣсь живутъ другіе.

— Вотъ мы имъ дадимъ другія! прохрипѣлъ тотъ, который стоялъ ко мнѣ ближе.—Эй, вы, голу...

Я зажалъ ему ротъ.

— Какъ ты смѣешь зажимать мнѣ ротъ своей мерзкой ручищей! завизжалъ онъ отъ сильнаго гнѣва, вцѣпившись мнѣ въ грудь. Вся толпа ринулась на насъ троихъ и дѣло могло бы кончиться плохо, еслибъ противникъ мой не посмотрѣлъ на меня довольно-пристально...—Александръ! какъ ты здѣсь очутился? Стой, братцы! это нашъ.

— Алаевъ! это ты! полно тебѣ проказничать! Господа, ради Бога, не кричите. Въ этомъ домѣ живутъ мои добрые знакомые, а не тѣ, кого вы ищете. Пора вамъ и домой. Ужь скоро двѣнадцать часовъ.

— Нѣтъ, Саша, мы къ тебѣ всѣ. Это все славные люди.

— Господа, радъ бы радехонько, да теперь поздно. Завтра же надобно рано вставать, много дѣлъ.

— Къ чорту всѣ дѣла! Мы всѣ къ тебѣ.

— Приходите лучше завтра.

— Не завтра, а теперь, сейчасъ же, сію минуту.

Дѣлать было нечего. Мнѣ пришлось бы возиться съ разгульной ватагой; но, къ счастью моему, прогремѣлъ громъ и сталъ накрашивать дождь.

— Что это? громъ?

— Да, господа, громъ и молнія. Сейчасъ пойдетъ проливной дождь.

— А у насъ нѣтъ шинелей.

— Такъ скорѣй же по домамъ, бѣгомъ.

И одинъ изъ нихъ побѣжалъ. Всѣ другіе бросились за нимъ. Я выдохнулъ свободно, хотя спалъ безпокойно: всю ночь слышался мнѣ стукъ въ сосѣднія ворота.

III.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не силъ, не могу
Волнѣнать любви безумно предаваться,
Покой души моей я строго берегу
И сердцу не даю пмылать и забываться.

А. Пушкинъ.

Пробудясь я довольно-поздно и тотчасъ вышелъ въ садъ. Дождикъ, шедшій ночью, освѣжилъ зелень; цвѣты заблестали ярче,

иногда стали еще душнѣе. Природа особенно ласкаетъ человѣка отъ какой-нибудь тревоги. Незмѣняемая въ своемъ ходѣ, она составляетъ измѣчиваго человѣка завидовать ея ровной жизни: гь любитъся ея безстрастіемъ, когда страсти, свои или чужія, неожиданно потрясаютъ его нервы. Мученикъ напряженнаго, безжизненнаго состоянія, какъ часто человѣкъ находитъ облегченіе, спадая къ прохладнымъ струямъ рѣки, къ мягкой свѣжести вѣтра! Чѣмъ сильнѣе душевная тревога, тѣмъ больше хочется отрѣчься на синюю полосу далекаго лѣса, на синій сводъ неизмѣнимаго неба.

У меня въ то время не было страстей ни утромъ, ни вечеромъ; головная боль, слѣдствіе безночной проведенной ночи, лишила меня возможности заняться дѣломъ. Я сидѣлъ на скамейкѣ у дерева, безъ всякой мысли, въ какомъ-то забытьи или ступорѣ. Книга Богъ-знаетъ для чего находилась въ моихъ рукахъ. Не знаю, долго ли я вробылъ въ этомъ дремотномъ состояніи, но когда я захотѣлъ взглянуть, высоко ли солнце, сосѣдка моя растворила окно.

— Позвольте поблагодарить васъ за одолженіе, которое вы намъ сдѣлали.

Я вовсе не былъ приготовленъ къ разговору, такъ-что первый слова слушалъ глазами, не вставая съ мѣста и думая, что она обращаетъ ихъ къ кому-нибудь другому. Потомъ я увидѣлъ, что она смотритъ на меня. Смутившись отъ своей безответности, я поспѣшно всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ забору.

— Это вы мнѣ изволите говорить?

— Вамъ. Вы сдѣлали намъ большое одолженіе. Безъ вашей помощи мы не избавились бы отъ этихъ господъ: они навязали бы намъ порядочныхъ хлопотъ.

— Признаюсь, я испугался за васъ.

— За себя я не такъ боялась, но боялась за матушку. Она только-что заснула, а ей такъ нужно спокойствіе.

— Развѣ она нездорова?

— Ахъ, давно ужь, очень-давно.

— Что жь вы не позовете доктора?

Знаюца (такъ звали сосѣдку) горестно улыбулась.

— Доктора не помогутъ старости и душевнымъ огорченіямъ.

Неделикатно было разспрашивать о причинахъ огорченія, но, чтобъ нѣсколько поддержать разговоръ, я обратился къ ночной вѣтринѣ.

— Вы напрасно меня благодарите. Я игралъ самую послѣднюю роль. Компанію разогналъ не я, а дождикъ.

— Нѣтъ, я знаю, вы спасли насъ отъ тревоги. Мы вамъ очень благодарны.

— Кому жь и охранять другъ друга, какъ не добрымъ сосѣдямъ?

— Ваша правда, но не всякій можетъ это дѣлать, хотя бы и желалъ. Прощайте. Еще благодарю васъ.

Я радъ и не радъ былъ случаю, который познакомилъ меня съ сосѣдкой. У знакомства много привилегій, но есть и невыгоды. До сегодняшняго утра я могъ, сколько душѣ угодно, глазѣть на окно, не боясь укора въ дерзости. Кто бы осмѣлился спросить меня: зачѣмъ вы туда смотрите? и какъ доказать, что я смотрю туда? Но теперь другое дѣло: я самъ наложилъ на себя запрещеніе, которое, впрочемъ, по-временамъ разрѣшаю... Сосѣдка моя хороша, очень-хороша. Я разглядѣлъ ее какъ слѣдуетъ и могу нарисовать мысленно портретъ. Она блондинка — это вамъ ужь известно. Длинные рѣсницы ослѣняютъ умные глаза, которые отъ этого не вполне раскрыты. Живость юности видимо стѣснена неприятностями жизни—бѣдностью, болѣзнію матери, можетъ-быть, работою. Удивительное, оригинальное сочетаніе миловиднаго, нѣскольکو-дѣтскаго выраженія съ печальною заботливостью взрослого. Дитя и женщина — дитя, которому не прошло еще время играть, и женщина, готовая на жертву. Вотъ что я разсмотрѣлъ въ Зенандѣ и не боюсь обмана, потому-что портретъ составленъ безъ помощи воображенія. Воображеніе можетъ только замѣтить, что роза послужила бы лучшимъ украшеніемъ этой граціозной бѣлокурой головкѣ. А что? пошлю ей цвѣтовъ. Легко представить, какъ она будетъ мила, раскинувшись въ вольтеровскихъ креслахъ, и кривя глаза и вдыхая ароматъ изъ цвѣточнаго букета... Мечта, двадцать разъ мечта! У сосѣдки моей нѣтъ вольтеровскихъ креселъ, нѣтъ, вѣроятно, и порядочныхъ стульевъ. Притомъ же, я чувствую, какъ мнѣ грозятъ издалека... Однакожь, имя прекрасно. Воля ваша, имя много значить, что бы ни говорили натуралисты, доказывающіе, что въ природѣ все хорошо. Я любого изъ нихъ заставлю трепетать, подаривъ ему въ невѣсты Феклу Фоминишну или, по малой мѣрѣ, Матрену Сидоровну. Одинъ и тотъ же предметъ производитъ разное вліяніе, смотря потому, какъ онъ окрещенъ. Назовите челоуѣка, перегорѣвшаго въ страстяхъ — потушимъ вулканомъ: прилично, хорошо! но скажите: угасшая соловка—и многіе засмѣются. Другой примѣръ беру изъ современныхъ интересовъ. Произнесите: извощикъ! ничего,—извощикъ откликнется безъ малѣйшаго недоумѣнія; но скажите: отвлеченная русская субстанція! и я узнаю въ васъ конкретное явленіе чистѣйшаго славянофильства.

VI.

Разстался мы; но твой портретъ
 Я на груди моей храню:
 Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,
 Онъ душу радуетъ мою.

Дермонтовъ.

Переулочъ, въ которомъ находилась моя квартира, былъ изъ числа самыхъ глухихъ. Онъ лежалъ вдали отъ мѣстъ, посѣщаемыхъ изъ удовольствія или по надобности, и потому очень-рѣдко проѣзжали по немъ экипажи. Нижний этажъ сосѣдняго дома стоялъ пустой, хотя объявленіе, ужъ нѣсколько мѣсяцевъ прибитое къ воротамъ, приглашало наемщиковъ. Противъ насъ не было строеній, а тянулся заборъ сада, принадлежащаго богатому купцу, который жилъ очень-скромно. Я радовался такому стеченію тихихъ обстоятельствъ, какъ потому-что расположеніе души своей требовало уединенія, такъ и потому-что я могъ продолжать мое знакомство съ сосѣдкой, не возбуждая оскорбительныхъ подозрѣній. Разговоръ нашъ не останавливалъ проходящихъ, посланныхъ по самоскорѣйшей надобности. Притомъ же, эта уединенная, такъ-сказать, отдѣльная жизнь, обязывала живущихъ на взаимное охраненіе, на попечительную заботу другъ о другѣ, если не всегда дѣломъ, то всегда искреннимъ желаніемъ. Приятно думать, что подлѣ насъ живетъ человекъ, ничѣмъ намъ необязанный, но хорошо къ намъ расположенный и нисколько насъ нестѣсняющій. А если этотъ человекъ хорошенькая, семнадцатилѣтняя дѣвушка... предоставляю каждому судить о прелести участія, которое тогда въ насъ принимаютъ. Конечно, случайное знакомство наше подерживалось только разговоромъ, но я больше и не требовалъ: другія связи казались мнѣ ненужными, даже опасными.

Черезъ нѣсколько времени послѣ перваго разговора съ Зенаидой, я попросилъ хорошаго моего пріятеля, доктора Д., отправиться въ сосѣдній домъ, подлѣ видомъ желанія нанять его (онъ отдавался вмѣстѣ съ мезониномъ), а въ-самомъ-дѣлѣ для того, чтобъ посмотреть большую и дать ей нѣсколько совѣтовъ. Онъ долженъ былъ вызваться отпустить безденежно лекарства. Между-тѣмъ, я имѣлъ нѣсколько свиданій съ сосѣдкой и въ каждое свиданіе знакомился болѣе и болѣе. Мы оба дѣлались другъ къ другу довѣрчивѣй, расположительнѣй. Боязливое ожиданіе разговора перешло нечувствительно въ требованіе, случай обратился почти въ ежедневный обычай.

— Хотите ли, сказалъ я ей однажды:—я расскажу вамъ расположеніе вашей комнаты и что у васъ въ комнатѣ?

— Хорошо, угадайте. Мнѣ очень-любопытно видѣть въ васъ чародѣя.

— Начинаю съ главнаго. Слушайте: въ переднемъ углу образъ

— Ахъ, Боже мой! да кто жь этого не знаетъ? Для этого и нужно быть колдуномъ.

— Рядомъ съ кроватью столикъ, на которомъ лежитъ ваша избранная библиотека.

— Первая ошибка, любезный сосѣдъ. У меня нѣтъ никакой библиотеки, хоть мнѣ очень хочется читать. Пришлите мнѣ книгу.

— Извольте: этой дряни у меня съ излишкомъ.

— Пожалуйста! я умираю отъ тоски въ свободное время.

— А много у васъ свободного времени?

— Очень-немного; впрочемъ, для чтенія найдется.

— Что жь вы дѣлаете въ несвободное время?

— Вы очень-любопытны. Я могу не отвѣчать на этотъ вопросъ: онъ не идетъ къ устройству моей комнаты.

— Согласенъ. Пойдемъ дальше. Противъ кровати, у другой стѣны, фортепяна.

— Увы! опять ошиблись. У меня были фортепяна, теперь нѣтъ; иначе, вы слышали бъ, какъ я играю.

— Гдѣ жь они?

— Матушка продала ихъ: намъ понадобились деньги. Да къ-тому жь на этой квартирѣ нѣгдѣ и поставить фортепянь.

— Ну, вотъ я почти все угадалъ.

— То-есть, ничего не угадали.

— Остается спросить объ одномъ: чьи это два портрета, которые мнѣ видно въ ваше окно?

— Одинъ—мой. Батюшка срисовалъ меня, когда мнѣ было только восемь лѣтъ. Я какъ теперь помню, чего мнѣ стоило выносить сеансы. Я то вертѣлась, то зѣвала, и однажды чуть-было не уснула. Батюшка терялъ терпѣнiе; наконецъ сказалъ мнѣ: послушай, Зина, если ты не станешь сидѣть смирно, я не позволю тебѣ срисовать мой портретъ, когда выучишься рисовать. Послѣ этой угрозы, я сидѣла какъ слѣдуетъ, отъ-чего и вышла на портретъ серьезной.

— Батюшка любилъ васъ?

— Очень! я была его фаворитка. Онъ самъ училъ меня. Если я что-нибудь знаю, такъ этимъ ему обязана. Возвращаясь домой съ рисовальныхъ уроковъ, онъ тотчасъ садился со мной за книгу. Даже и тогда, какъ его здоровье разстроилось, онъ продолжалъ со мной заниматься. Часто наши занятія прерывались долгимъ, сухимъ его кашлемъ. Я просила его перестать, но онъ дома былъ такъ же добросовѣстенъ, какъ и на службѣ, и тѣмъ прилежитъ училась дочь его, тѣмъ онъ самъ становился усерднѣе. Вскорѣ случилось съ нимъ несчастiе. Новый начальникъ велѣлъ ему подать въ отставку, и онъ подалъ, не дослуживъ полгода до половинной пенсiи. Это убило послѣднее его здоровье: онъ умеръ...

У Зинаиды навернулись слезы. Я послѣдилъ перемѣнить разговора.

— А другой портретъ?

— Другой—моей сестры, которая замужемъ.

— Хороша ли собой ваша сестрица?

— Да, она лучше меня.

— Стало-быть, очень-хороша?

— Я не то хотѣла сказать... Вы ужь тотчасъ готовы смѣяться и заставляете меня краснѣть... я только хотѣла сказать, что она хороша... что мужъ ея потому на ней и женился... вѣдь приданого за ней вовсе не было.

— Часто ли вы съ ней видаетесь?

— Ахъ, вы пришли теперь къ самому горестному обстоятельству! Нѣсколько мѣсяцевъ мы всѣ были счастливы. Мы жили вмѣстѣ. Мужъ моей сестры ласкалъ и меня и матушку. Потомъ ужасный характеръ его обнаружился: онъ эгоистъ, ревнивецъ, и мучитъ сестру каждую минуту. Безъ всякой причины началъ онъ сердиться на меня и на матушку, говорилъ, что мы живемъ на его счетъ, что мы нищие. Наконецъ, кончилось тѣмъ, что онъ съѣхалъ на другую квартиру; съ этихъ поръ мы живемъ здѣсь. Разставшись съ нами, онъ въ первое время дѣлалъ намъ кой-какое вспоможеніе и позволялъ сестрѣ изрѣдка навѣщать насъ: потомъ не только пересталъ помогать, но и запретилъ сестрѣ бывать у насъ... Мы по дѣлымъ мѣсяцамъ о ней не слышимъ... что за жизнь ея! мученье, каторга.

Зенаида не могла удержать слезъ своихъ. Я поспѣшилъ ее успокоить:

— Ну, полноте, любезная сосѣдка: онъ, можетъ — быть, образумится. А помощь приходитъ неожиданно... полноте... найдутся добрые люди и безъ родныхъ... Отрите ваши слезы: вотъ такъ... и кончимъ нашъ разговоръ. Мы еще не все кончили. Извините нескромный вопросъ мой: чѣмъ же вы теперь живете?

— Я ужь вамъ сказала, что мы продали фортепьяна... и другія кой-какія вещи. Сверхъ-того, я работаю... теперь вы знаете, чѣмъ я занимаюсь въ несвободное время.

Я вздохнулъ глубоко и не могъ отвести глазъ отъ своей прекрасной сосѣдки.

— Теперь, сказала она, улыбнувшись:—моя очередь угадывать.

— Очень-радъ, извольте.

— Я не стану рассказывать о вашихъ комнатахъ: почему я знаю, что у васъ тамъ такое! но я буду говорить о васъ. Вы часто получаете письма, которыя приводятъ васъ въ какое-то особенное состояніе.

— Угадайте, что въ этихъ письмахъ.

— Нѣтъ, это выше силъ моихъ. Но знаете ли, что я вамъ скажу? Вы невеселы, очень — невеселы. Я часто наблюдаю за вами, когда приходять къ вамъ знакомые или друзья ваши—все равно. Вы много шутите и смѣетесь... другой назвалъ бы васъ весельчакомъ... но меня вы не обманете. Вы смѣетесь безъ всякой охоты

смѣяться: вы шутите, но вамъ не до шутокъ. У васъ есть что-то на душѣ. Мнѣ кажется...

— Что вамъ кажется?

— Что вы какъ-будто дѣлаете вдругъ два дѣла.

V.

И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кинитъ въ крови.

Лермонтовъ.

Зенаида сказала правду. Точно, я дѣлалъ вдругъ два дѣла. Одно, непричастное сердцу, шло впереди: я занимался имъ безъ охоты, безъ желанія, но занимался дѣйствительно. Другое, постоянный предметъ моихъ мыслей, оставалось только въ мысли, не двигаясь исполненіемъ. Я машинально отдалъ себя первому, какъ безсмысленная жертва; вторымъ я увлекался душевно, подобно чело-вѣку, который въ сновидѣніяхъ отыскиваетъ замѣну того, что неприятно и безотвязно тревожить его на яву. Внутренняя преданность завѣтной цѣли, безъ преданности ей дѣломъ, не то же ли сновидѣніе? Не губимъ ли мы лучшей части себя-самихъ, осуждая искреннѣйшія желанія на сладкую неподвижность, тогда-какъ другая, противная половина, выходитъ въ міръ совершенія, вооружается правами жизни?

Не я одинъ убиваю время въ раздвоенномъ состояніи, достойномъ слезъ и смѣха. Легіоны мнѣ подобныхъ живутъ не такъ, какъ имъ хочется, или отъ невозможности жить по желанію, или отъ ложнаго, забавнаго страха употребить средства возможные, смотря на нихъ глазами запретительной системы. Въ первомъ случаѣ, оправдываетъ ихъ сама невозможность; но чѣмъ оправдаться во второмъ? Мы и такъ мало живемъ; и такъ у насъ несообразны средства для удовольствій съ самими удовольствіями; цѣлая жизнь наша проходитъ въ заготовленіи способовъ для жизни хорошей... и такъ довольно всякихъ невзгодъ: зачѣмъ же злое бремя неизбѣжнаго увеличивать еще добровольными помѣхами, трудностями собственнаго издѣлія, за которыя никто не скажетъ намъ спасибо?.. Наша обязанность — помогать искренно развитію природы. Когда умъ отказывается отъ прежнихъ мыслей, сознавая ихъ односторонность или ложность, тогда всякій видитъ въ этомъ отреченіи прогрессъ мыслящей способности. Отъ-чего же подобное событіе въ области сердца называется, на томъ же языкѣ, не успѣхомъ, а измѣной? Отъ-чего на новую игру чувствъ, возбужденную новымъ предметомъ, мы смотримъ какъ на уголовное преступленіе? Развѣ чувство не имѣетъ своего неотъемлемаго развитія, своей неотъемлемой власти? Какъ мы странны въ своихъ понятіяхъ о вѣрности чувства, въ своихъ обязательствахъ прошедшему, въ своемъ по-

веденіи относительно себя—самихъ! Мы не умѣемъ безъ заблужденій воспользоваться своимъ правомъ, безъ ошибки покориться долгу: мы или раздвигаемъ ихъ незаконно, или незаконно ихъ стѣсняемъ.

Въ числѣ этихъ странихъ я занималъ не послѣднее мѣсто. Я стоялъ въ срединѣ между прожитой степенью чувства и новымъ его влеченіемъ, свободно возникшимъ. Минувшее не страшило меня укоромъ, голосъ естественной совѣсти говорилъ въ мою пользу. Я рассуждалъ такъ: ты любишь Зенаиду, не спрашивай, какъ не любилъ: довольно того, что любовь твоя искренна. Покорившись охотно увлекающему тебя движению, ревностно принимайся за дѣло. Облеки жизнью силу внутренняго хотѣнія: исполни его. Препятствій нѣтъ: васъ раздѣляетъ нѣсколько шаговъ. Стоить только сказать одно слово, сдѣлать то, что ты хочешь и можешь сдѣлать... Что же мѣшаетъ?

Здѣсь глаза мои упали на письмо, полученное изъ деревни... Оно показалось мнѣ траурнымъ. Какое горе! Мнѣ нѣчего сказать противъ нея, но вѣдь мнѣ нѣчего сказать и противъ себя. Никто изъ насъ не виноватъ, мы оба правы, только съ разныхъ точекъ зрѣнія.

— О чемъ задумались, любезный сосѣдъ?

— Такъ, бездѣлица: я думалъ о себѣ.

— Бросьте печальныя мысли. Мнѣ хочется васъ утѣшить. Легко утѣшать, когда мы сами веселы. Раздѣлите со мной радость.

— Какую?

— Вчера вечеромъ... такъ ужь совсѣмъ смерклося... я снаѣла съ матушкой. Матушка горевала объ Апетѣ, сестрѣ моей, отъ которой мы нѣсколько недѣль не получали никакого извѣстія. «Я боюсь, Зиночка» говорила она: «не случилось ли съ ней чего-нибудь: жива ли она? здорова ли? Гаврило-то Петровичъ началъ, сказываютъ, пить.»

— Кто это Гаврило Петровичъ?

— Мужъ моей сестры: вѣдь я вамъ нѣсколько разъ ужь говорила. Какъ только матушка сказала это, Прасковья, наша кухарка, вошла и подала пакетъ. Отъ кого это?—Отъ вашей сестрицы, прислалъ Гаврило Петровичъ. Мы распечатали, и что же? въ пакетѣ деньги, безъ всякой записки. Онъ вспомнилъ о насъ.

— Да, это пріятно... Какая нынѣ славная погода!

— Матушка очень обрадовалась, а я вдвое. Сестра моя жива, думала я, мужъ любить ее и помнить насъ. Я опрометью бросилась внизъ, къ человѣку, что принесъ пакетъ; но представьте, его уже не было: онъ ушелъ.

— Знать, кухарка велѣла идти ему назадъ. Посмотрите, кака я меня расцвѣла роза.

— Да подните вамъ перебивать меня. Дайте мнѣ подѣлиться съ вами радостью. На минутку это такъ подѣйствовало, что она се-

годня почувствовала себя здоровою и поѣхала съ Прасковей къ Иверской благодарить Бога за милость.

— А вы остались одни: и вамъ не страшно?

— Вчера я вспомнила ваши слова, что помощь приходитъ иногда неожиданно. Не правда ли, онъ очень-добрь?

Я не могъ преодолѣть нѣкотораго смущенія при послѣднихъ словахъ. Зенаида замѣтила, можетъ-быть, и легкую краску на моемъ лицѣ. Она пристально посмотрѣла на меня. Лицо ея приняло нѣжное и вмѣстѣ горестное выраженіе, и она сказала: ну, теперь начнемъ говорить о цвѣтахъ и погодѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, я условился съ однимъ моимъ знакомымъ провести день за городомъ, въ Волынскомъ. Но знакомый заболѣлъ, и я одинъ скитался по саду, полямъ и сосѣднимъ роцамъ. Къ вечеру, когда солнце стало уже заходить, я сѣлъ на скамейку, на краю прекрасной горы, гдѣ внизу течетъ Сѣтунь и откуда видна лучшая часть Москвы—Кремль. Сидя, насвистывалъ я пѣсню и чертилъ палкой на пескѣ.

— Вы вдругъ дѣлаете два дѣла, произнесъ очень-знакомый мнѣ голосъ.

Я вздрогнулъ и быстро повернулъ голову: шагахъ въ двухъ отъ меня стояла Зенаида, смѣясь моему изумленію.

— Какъ, вы здѣсь? съ кѣмъ? вскричалъ я, сжимая ея руки въ восторгѣ неожиданой встрѣчи.

— Разумѣется, не одна. Здѣсь сестра съ мужемъ и еще одинъ знакомый. Они пьютъ чай вонъ въ той аллеѣ, а я отправилась полюбоваться еще разъ видами съ этой горы. Не правда ли, прекрасно?

Мы сѣли на скамейку и спѣшили воспользоваться нѣсколькими минутами нечаяннаго свиданія. Разговоръ торопливо переходилъ отъ однихъ предметовъ къ другимъ; отвѣты едва могли слѣдовать за вопросами, и уже готовы были новые вопросы. Я говорилъ и слушалъ, больше слушалъ, нежели говорилъ, и еще больше смотрѣлъ на прекрасное лицо моей сосѣдки. Она искренно радовалась нашей встрѣчѣ, но вдругъ, посреди самаго веселаго расположенія духа, печально задумалась.

— Что съ вами, Зенаида?

— Ничего, ничего. Я подумала, что такое свиданіе наше единственное, что, можетъ-быть, я вижу васъ такъ близко въ первый и послѣдній разъ.

— Отъ-чего же, Зенаида? Вы меня пугаете...

— Такъ, глуное предчувствіе, невольная мысль.

Зенаида посмотрѣла направо и быстро встала. Изъ аллеи вышелъ молодой человекъ, въ очкахъ и съ сигаркой во рту. Онъ взглянувъ на меня и даже не отвѣтивъ на мое привѣтствіе, опять обратился къ сосѣдкѣ.—Вы очень загулялись, Зенаида Николаевна, сказалъ онъ полунасмѣшливымъ тономъ:—вѣрно предести приворо-

ды сильно дѣйствуютъ на васъ. Вы очень-встревожены. Однакожь, пожалуйста: мы заждались васъ.

— Позвольте и мнѣ проводить васъ, приближилъ я поспѣшно.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ молодой человѣкъ заикаясь: — я одинъ знаю дорогу. И онъ дерзко намѣрилъ меня глазами. Я хотѣлъ сказать ему какую-то грубость, но мнѣ жаль было бросить этой драмы послѣднія секунды свиданія, и я откланялся Зенаидѣ.

VI.

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!..

А. Пушкинъ.

Между-тѣмъ, время незамѣтно приближало развязку моего положенія—единственную, тягостную развязку. Я зналъ, что другой не могло быть, что — нѣсколько раньше или нѣсколько позже — обязательство потребуеъ исполненія; по любовь къ Зенаидѣ, почти ежедневныя съ ней свиданія, искренность новаго чувства до того овладѣли мною, что для меня неизбежное какъ-будто не существовало. Не только лучшія минуты дней моихъ—всѣ дни, вся внутренняя жизнь моя была посвящена сосѣдкѣ; другому дѣлу отдалъ я формальныя заботы, машинальное устройство. Я не считалъ, когда наступитъ срокъ развязки; я хотѣлъ забыть его и дѣйствительно отвлекся отъ него мыслию, отвлекшись желаніемъ: близкое казалось мнѣ отдаленнымъ, даже неначинавшимся. Забвение сердца помогало забвенію ума. Всѣ хлопоты о предстоящей семейной жизни принялъ на себя, къ великой моей радости, одинъ добрый другъ мой: онъ заказывалъ приданое, нанималъ домъ, покупалъ мѣбель; онъ даже велѣлъ напечатать пробный пригласительный билетъ на свадьбу, на который я и не взглянулъ, положивъ его разсѣянно въ боковой карманъ сюртука. До всего этого я не касался ни краемъ сердца. Я не выходилъ почти изъ дома цѣлый день, сидѣлъ въ саду (чему, какъ нарочно, благопріятствовала прекрасная погода), да съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда наступитъ вечеръ, обычное время нашихъ разговоровъ, когда отворится окно, и бѣлокурая головка обрадуеъ, утѣшитъ меня своимъ ласковымъ привѣтомъ... мнѣ такъ нужно было утѣшеніе!

Но вотъ ужъ третій день, какъ я не вижу моей сосѣдки. Здѣсь что-нибудь не даромъ. Или она больна, или ея нѣтъ дома. Для меня же трехдневное отсутствіе показалось необыкновеннымъ проществіемъ, долговременнымъ наказаніемъ. На четвертый день утромъ окно также закрыто. Пришелъ полдень — ея нѣтъ. Я толмачился ожиданіемъ. Наконецъ, вечеромъ, часу въ восьмомъ, Зенаида подошла къ окну.

— Чтѣ съ вами, Зенаида? вы больны? спросилъ я, замѣтивъ ея блѣдность.—Гдѣ вы были трое сутокъ?

— Гостила у сестры. Что новаго, любезный сосѣдь?

— Нѣтъ, вы больны; вамъ надобно посоветоваться съ докторомъ. Посмотрите, какъ вы блѣдны; вы даже похудѣли. Что вы дѣлали у сестрицы?

— Приучала себя къ перемѣнѣ жизни.

— Зачѣмъ приучаться къ новому положенію, когда старое пріятно? Теперь мы можемъ видѣть другъ друга, слышать, а въ эти несносные три дня я не слыхалъ и не видалъ васъ.

— Это имѣетъ свою хорошую сторону. Надобно быть готовой на все.

— За чѣмъ же надобно?

Зенаида пристально посмотрѣла на меня, какъ-бы желая прочесть въ глазахъ моихъ скрываемую тайну, и потомъ повторила прежній вопросъ: что новаго, любезный сосѣдь?

— Пусть ничего не будетъ новаго; пусть все останется постарому.

— Между нами?

— Да, между нами. А тамъ, дальше, много новостей: вчера былъ балъ, сегодня будетъ два. Впрочемъ, лѣтомъ не бываетъ баловъ. Если угодно политическихъ новостей, то доложу вамъ, что Тьеръ и Гизо недавно пощипали другъ друга въ палатѣ депутатовъ. Что это за французскіе ораторы! настоящіе русскіе пѣтухи: бойки и задорны. Въ англійскомъ парламентѣ другое дѣло: постановка партій величавѣе, разсужденія идутъ покойнѣе, ораторы говорятъ увѣреннѣе. Кстати, читали ль вы рѣчь Роберта Пиля о свободной торговлѣ? Рекомендую прочесть: васъ ждетъ большое наслажденіе.

— Вы все не то мнѣ рассказываете. Не объ этихъ новостяхъ я васъ спрашивала.

— Другихъ не знаю и не хочу знать.

Здѣсь опять наступила пауза, послѣ которой Зенаида сказала:— Подарите мнѣ что-нибудь на память изъ вашего сада.

— Съ такимъ условіемъ не дарю. Кто проситъ на память, тотъ не довѣряетъ своей памяти.

— Ну, такъ какъ же? подарите на забвеніе.

— Это еще хуже. Я подарю вамъ просто, безъ всякихъ условій. Выбирайте: что вамъ угодно?

— Вонъ, я вижу розу—одну только. Она, кажется, послѣдняя въ нашемъ саду.

— Извольте, съ большимъ удовольствіемъ. И я бросился сорвать цвѣтокъ; но колючій стебель укололъ мнѣ руку.

— Видите, любезный сосѣдь: нѣтъ розы безъ шиповъ.

— Ничего, мы поможемъ этому горю. И я вынулъ изъ кармана первый попавшійся мнѣ листокъ бумаги, завернулъ имъ стебель и закричалъ сосѣдкѣ: держите! Она протянула руки и ловко схватила цвѣтокъ, удачно брошенный.

— Благодарю. Какая славная роза! Я долго не дамъ ей завянуть. Прощайте до свиданія—до завтра.

Четыре дня прошло послѣ этого завтра — четыре мучительные дня, которые показали ясно, въ какомъ отношеніи нахожусь я къ Зенаидѣ. Они были временемъ сознанія, что мнѣ трудно, невозможно приучать себя къ разлукѣ. На пятый—какъ теперь помню этотъ проклятый день!—окно открылось, и я увидѣлъ Зенаиду въ вѣнчалномъ уборѣ. Волоса ея украшала полуувядшая роза, послѣдняя роза моего сада.

Вся кровь моя хлынула къ лицу. Сердце застучало молоткомъ. Я всталъ съ скамейки, но долженъ былъ придержаться рукою за дерево. Зенаида! произнесъ я умоляющимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Я пришла съ вами проститься.

— Какъ!.. вы идете за мужъ?

— Да, такъ должно!

Я невольно сѣлъ на скамейку и закрылъ руками глаза. Боже мой! Боже мой! повторялъ я въ отчаяніи.

— Прощайте, любезный сосѣдъ... прощайте, другъ мой. Позвольте назвать васъ этимъ именемъ. Я все знаю, что вы для насъ дѣлали. Докторъ не случайно зашелъ къ намъ на квартиру: вы его послали. Не отъ брата получили мы пакетъ съ деньгами: вы помогли намъ. Богъ да наградитъ васъ за вашу доброту. Будьте счастливы, много счастливы.

— Зенаида! зачѣмъ вы не сказали мнѣ этого прежде?

— Любезный другъ, трудно рѣшить, кто изъ насъ виноватѣе, не сказавъ другому *этого*? Я надѣялась многого... и вотъ Богъ наказываетъ меня за излишнія надежды. Я такъ же какъ и вы, дѣлала вдругъ два дѣла.

Послѣ минутнаго молчанія съ обѣихъ сторонъ, я поднялъ глаза: Зенаида была вся въ слезахъ.

— Не-уже-ли нѣтъ никакого средства поступить иначе?

— Никакого. Дѣло кончено. Я рада, что матушка будетъ обезпечена.

— Но кто же вашъ женихъ?

— Вы его знаете: вы видѣли его на гуляньѣ, за городомъ.

— Какъ, этотъ грубый, необразованный человѣкъ! Зенаида, мнѣ жаль васъ; онъ не сдѣлаетъ васъ счастливой.

— Будущее извѣстно одному Богу.

— У него долженъ быть дурной характеръ. Онъ золъ и дерзокъ; онъ будетъ мучить васъ.

— Я безъ ропота перенесу мученія.

— Вспомните участь вашей сестры: вамъ готовится то же.

— Что дѣлать! такъ, видно, рѣшено судьбою.

— Нѣтъ, сказалъ я рѣшительнымъ тономъ, сдѣлавъ движеніе впередъ. — Нѣтъ, этого быть не можетъ, этого не должно быть.

— Дѣло кончено, любезный другъ... успокойтесь.

— Зенаида, послушайте: можно еще поправить...

— Что вы хотите дѣлать?

— Я сейчасъ иду къ вашей матушкѣ.

— Ради Бога, оставьте... выслушайте меня...

— Я на все готовъ, на все... я никого еще такъ не...

— Остановитесь! прервала меня испуганная Зенаида: — черезъ недѣлю ваша свадьба.

Она поспѣшно закрыла окно. Обезсиленный волненіемъ, я какъ добредъ до скамейки, — и давно забытыя слезы горькими каплями полились изъ глазъ моихъ.

VII.

On dit que le temps peut vaincre le chagrin; mais, je le sens, ce ne peut être vrai: le coup qui a anéanti mon espérance a rendu ma mémoire immortelle.

ВѢРОЯ.

Ударъ былъ нанесенъ, отравя жизни разлилась на жизнь, жестокая лѣза осталась надолго, быть-можетъ навсегда. Положеніе мое было положеніе человѣка, страждущаго болью въ груди: дѣтъхъ-поръ онъ спокоенъ, пока не прійдется ему вздохнуть сильнѣе обыкновеннаго. Тогда онъ чувствуетъ, что страданіе еще живо, что боль не затихла. Такъ и я, при каждомъ стремленіи жизни (а что и жизнь безъ стремленій?), чувствовалъ вѣдную живучесть боли, томительное страданіе моей природы, которой отказано въ необходимомъ для нея удовлетвореніи, которая неражна въ лучшемъ, сильнѣйшемъ своемъ требованіи. Какъ баснословная водова арфа издавала печальные стоны при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, такъ душа моя болѣзненно потрясалась при каждомъ движеніи чувства. Напрасно мечталъ я забыться въ невмѣстѣ семейнаго быта: посреди дружескихъ объятій моей жены подступала къ сердцу горечь. Внутренній голосъ твердилъ мнѣ: ты идешь не по своей дорогѣ. Этотъ голосъ былъ въ крови, вопиавшей на самоубійство. Даски друга напоминали о тѣхъ даскахъ, которыя законно мнѣ принадлежали, но которыхъ я лишился, не знаю для чего и за что. Каждый шагъ моей жизни служилъ укоривной: онъ былъ потерянъ для той жизни, которою надобно мнѣ было жить. Я, какъ воръ, укралъ у самого-себя собственное сокровище; какъ скупецъ, зарылъ его глубоко въ землю, безъ надежды возвратъ... сохранявъ только гибельную память о цѣнѣ сокровища. Вотъ она, суровая, благоразумная покорность общимъ положеніямъ! она принесла свои плоды; обязательство торжествовало побѣду, природа была отвержена, наказавъ того, кто дерзнулъ на это отлученіе. Я страдалъ... не мысленно, не пригудами фантазій: я страдалъ всѣмъ существомъ моимъ, страдалъ плотью и душою.

Наконецъ, во что бы ни стало, надобно было излечиться отъ истерической болѣзни. Я началъ искать противоядія. Миѣ указали на философію, какъ на готовую помощницу: но что же общаго между философіей, которая постигаетъ природу, и природой, которая живетъ сама-по-себѣ, своюю необходимою жизнію? Философія признала только законность боли, слѣдствіе неестественныхъ путей. Потому предстало миѣ служеніе общественной жизни со всѣмъ своимъ величіемъ и мелочностью; но ея шумъ и движеніе не заглушаютъ жизни внутренней, не скрываютъ изъ вида семейства, которое сохраняетъ свои права, какъ принадлежность человѣческой натуры. Я бросился въ разсѣяніе, посѣщалъ театры и собранія, слушалъ концерты, толпился на гуляньяхъ; но вездѣ слышалъ одинъ и тотъ же голосъ: все это хорошо, но это не все; гдѣ же другое, лучшее? Тогда, сознавъ необходимость своего несчастія, я пересталъ убѣгать отъ того, что внутри насъ, что бѣжитъ вмѣстѣ съ нами, что думаетъ и чувствуетъ съ нами, что живетъ нашею жизнію или, вѣрнѣе, чѣмъ мы живемъ. Названіе моему несчастію — манкированная жизнь. Я выбралъ иностранное слово за неимѣніемъ русскаго, столь же точнаго. Впрочемъ, можно назвать его жизнью несполненной. Мудрая природа требуетъ согласнаго дѣйствія всѣхъ жизненныхъ элементовъ, отправленія всѣхъ органовъ духа и сердца. Каждое дѣйствіе имѣетъ силу закона. Если не достаетъ хоть одного изъ нихъ, человѣкъ страдаетъ неполнотою бытія, которая необходима для бытія счастливаго. Его раба несчастна, его печаль безутѣшна. И тогда только надѣйся онъ на возвращеніе спокойствія, когда разрушенное встанетъ и умершее оживетъ.

УЩ.

Elle trainera la chaîne de ses jours avec cette force désabusée, avec ce calme de la douleur qui lui va si bien. L'adversité est bonne à qui la porte ainsi.

ВЕНАНСОУ.

Прошло семь лѣтъ. Однажды лѣтнимъ вечеромъ, я отправился гулять въ Останкино съ женой и шестилѣтнимъ сыномъ. Вечеръ былъ прекрасный, июльскій. Напившись чаю, мы пошли изъ сада въ паркъ, по дорогѣ къ прудамъ, которые, какъ огромныя водяныя гусени, возвышаются одинъ надъ другимъ. Направо — чистый лугъ, а за нимъ, вдали, Свирлово; надъ вою — алый проевѣтъ сквозь березы отъ потухающаго солнца; прямо — синий, волнистый туманъ надъ поверхностью прудовъ, — все это заставило меня предаться вполне безсмертнымъ прелестямъ природы, предаться нераздѣльно, безъ помѣхи со стороны вчерашняго и наступающаго дня. Жена моя, плохой ходокъ, присаживалась иногда на скамей-

ки, и потому отстала. Впереди бѣжалъ сынъ, поминутно обращаясь ко мнѣ съ вопросами дѣтскаго любопытства. Вдругъ онъ остановился и указалъ мнѣ на дѣвочку, которая бѣжала къ намъ на встрѣчу. За нею слѣдовала какая-то дама, вѣроятно мать ея. При видѣ незнакомыхъ лицъ, дѣвочка перестала смѣяться и боязливо подходила къ моему сыну, который тоже нѣсколько присмирѣлъ. Наконецъ, мы поровнялись: это была моя сосѣдка, Зенаида.

Мы нѣсколько времени не говорили ни слова, какъ-будто растались вчера и знаемъ все, что хотѣли бы сказать другъ другу.

— Вотъ черезъ сколько лѣтъ мы свидѣлись! сказала она, протянувъ мнѣ руку. — Въ Москвѣ можно прожить цѣлый вѣкъ, не встрѣтивъ ни разу своихъ друзей.

— И можно видѣть друзей каждый день, для того, чтобъ послѣ съ ними...

— Полноте, любезный другъ. Я понимаю вашу мысль. Но къ чему она теперь?.. Это сынъ вашъ?

— Дѣ, страшный шалунъ.

— Знаете ли что, любезный другъ? Когда выростетъ моя дочь, я отдамъ ее за вашего сына. Мы устроимъ ихъ судьбы, хоть не могли устроить своей. Чему жъ вы смѣтаетесь?

— А если, отвѣчалъ я:—не удастся намъ это сдѣлать, то дѣти дѣтей нашихъ устроятъ судьбу свою и будутъ счастливы за насъ. Вѣдь это, кажется, все равно.

Лицо Зенаиды приняло серьезное выраженіе.

— Любезный другъ, сказала она, послѣ минутнаго молчанія:— я вижу, въ васъ нѣтъ еще спокойствія.

— Въ комъ же есть оно?

— Въ тѣхъ, кто усмиривъ себя покорностью и благоразуміемъ.

— Будь проклято мое и ваше благоразуміе! Оно напоминаетъ мнѣ слова полководца, котораго побѣды приписывали счастью. «Сегодня счастье» сказалъ онъ: «завтра счастье, недѣля, годъ, цѣлый вѣкъ счастье! воля ваша, надобно немножко имѣть и ума». Въ настоящемъ случаѣ, надобно обратить этотъ отвѣтъ и сказать: сегодня благоразуміе, завтра благоразуміе, мѣсяцы, годы, цѣлая жизнь благоразуміе... воля ваша, надобно немножко и счастья.

— Что же дѣлать? И Зенаида подняла глаза вверхъ, гдѣ не было ничего, кромѣ голубаго, безотвѣтнаго свода.

— Что дѣлать? отвѣчалъ я, схвативъ ея руку со всѣмъ жаромъ юности.— Не смотрѣть на небо, когда надобно смотрѣть на землю, жить тѣмъ, чего требуетъ жизнь, не искать въ головѣ чувствъ, не требовать отъ сердца мыслей.

Зенаида поспѣшно отняла руку. Я обернулся: вдали показалась моя жена, а съ противоположной стороны, изъ-за деревьевъ, выходилъ мужъ Зенаиды.

IX.

...Если робкое сомнѣнiе медлитъ дѣломъ
И гибнетъ въ нерѣшительной тревогѣ—
Три четверти здѣсь трусости постыдной
И только четверть мудрости святой.

Гамлетъ.

Любезный читатель! кто бы ты ни былъ, молодой или не молодой человѣкъ, выслушай наставленіе моеи повѣсти. Не строй настоящаго на развалинахъ прошедшаго. Воспоминаніе о счастьи не одно и то же съ счастьемъ. Вся бѣда наша въ томъ, что мы смѣшиваемъ разнородные предметы, не пользуясь истиннымъ значеніемъ каждаго, не извлекая изъ него той пользы или наслажденія, которыя хранятся въ его нѣдрахъ; но, по какому-то странному заблужденію, ставимъ одно на мѣсто другаго и такимъ образомъ убиваемъ энергію собственныхъ силъ, лишаемъ самихъ-себя животворныхъ началъ благодатной жизни, которую природа предлагаетъ намъ съ такою любовію. Не бойся, если влеченіе сердца готовить тебѣ тревогу, скопляетъ въ будущемъ грозу: лучше, въ тысячу разъ лучше испытать волненія, заключенныя въ удѣлѣ твоихъ силъ, нежели истощить свои годы въ безплодномъ благоразуміи, несвойственномъ твоей природѣ. Принеси въ жертву все, противное естественной цѣли. Главное, дѣйствуй рѣшительно. Нерѣшительность — гибель человѣка. Когда мы начинаемъ раздумывать о подвигѣ, на который вызываетъ насъ убѣдительный внутренній голосъ, какъ тѣнь отца вызывала Гамлета на мщеніе, значить, въ насъ три четверти постыдной трусости и только четверть мудрости. И не мудрости, которую мы часто забываемъ, а глупаго благоразумія, — потому глупаго, что оно противорѣчитъ нашему удѣлу. Сложивъ руки, понуривъ голову, не смѣя дать воли страстямъ, но и ничего не выигрывая отъ нашего безстрастія, мы ждемъ, что счастье придетъ къ намъ. Безсмысленный! оно ждетъ, чтобъ ты пошелъ къ нему: ступай же! чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Наградю твоей будутъ законныя блага, немногимъ извѣстныя: полное наслажденіе дарами твоего удѣла, довольство самимъ-собою, свѣтлая жизнь безъ стыда за прошлое, безъ черной мысли о будущемъ.

СТО-ОДИНЬ.

1-го января 1847.

Москва.

Н Е Л И Д А.

Романъ Даниэля Стерна.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ИЛИ ПОСЛЕДНЯЯ.

=

1.

Мало странъ, въ которыхъ силы природы приняли такой величественный характеръ, какъ въ швейцарскихъ Альпахъ; нигдѣ онѣ не говорятъ страсти языкомъ столь сходнымъ съ ея требованіями. Слѣды человѣческой цивилизаціи исчезаютъ въ этихъ гранитныхъ и снѣговыхъ пустыняхъ; голосъ міра заглушенъ тамъ шумомъ водопадовъ; самое воспоминаніе о препятствіяхъ, поставляемыхъ общественными законами и обычаями удовлетворенію нашихъ наклонностей, исчезаетъ въ глубинѣ тѣнистыхъ равнинъ, гдѣ пастушеская жизнь является въ своей спокойной, гордой прелести, гдѣ все напоминаетъ душѣ о потерянныхъ радостяхъ первобытной простоты, внушаетъ ей презрѣніе къ шумной суетѣ и зоветъ ее къ тихому обладанію безспорнымъ счастіемъ.

Нелида, печальная, угрюмая, сосредоточенная сама въ себѣ въ продолженіе всего долгаго пути, Нелида, едва стѣнчаящая страстной нѣжности, постоянной заботливости, которыми Германъ старался побѣдить ея страдальческое безмолвіе, переѣхавъ за границу, почувствовала себя облегченной отъ тяжелаго бремени. Гигантскихъ размѣровъ картины, открывавшіяся передъ ея изумленными глазами, невольно вывели ее изъ тягостнаго оцѣпенѣнія. Живительныя испаренія сосновыхъ лѣсовъ, здоровый горный воздухъ, ароматный запахъ богатыхъ пастбищъ входили во всѣ ея поры и заставляли обращаться кровь ея, какъ-бы остывшую въ ея жилахъ отъ грусти. Физическое благосостояніе сильно противодѣйствуетъ нравственному страданію. Германъ заботливо сторожилъ эти первые признаки возвращенія къ жизни; видя по лицу Нелиды, какое счастливое дѣйствіе производятъ на нее эти новыя небеса и величественныя пустыни, онъ послѣдно оставилъ большія

дороги и углубился вмѣстѣ съ нею въ менѣе всего посѣщаемыя части Альповъ. Подъ руководствомъ опытнаго проводника, онъ взбирался на крутизны, посѣщалъ негостепріимныя пріюты, переносилъ усталость, голодъ, даже подвергался опасностямъ. Съ внутренней радостью смотрѣлъ онъ, какъ, въ сумерки, его утомленная подруга торопила мула къ сельской гостинницѣ, садилась съ дѣтскимъ аппетитомъ за непокрытый столъ, на который подавали имъ болѣе нежели скромный ужинъ и потомъ, измученная, кидалась на грубый одръ, гдѣ сонъ тотчасъ же смыкалъ ея вѣки. Всякое сообщеніе между ними и внѣшнимъ міромъ было на время прервано; ни одно письмо, никакой журналъ не могли настичь ихъ въ этихъ прихотливыхъ странствіяхъ по горамъ. Германъ говорилъ Нелидѣ только о великой будущности, которая раскрывалась передъ ними; онъ описывалъ ей огненными чертами блаженство единенія, суровой работы и святаго пыла неизмѣнной привязанности. Рѣчи его были постоянной кантатой, восторженнымъ гимномъ любви. Онъ расцвѣчалъ картины своего воображенія всѣмъ, что только видѣлъ, всѣмъ, что только слышалъ; онъ бралъ всю природу въ свидѣтельница своего счастья, зывалъ къ ней, приглашалъ ее раздѣлить это счастье; очарованіе его слова превращало дѣйствительность въ блестящія видѣнія.

Однажды къ вечеру они взобрались на одну изъ возвышенныхъ площадокъ Фаульгорна; подъ ними росли сосны; вокругъ видѣнь былъ только жалкій мохъ и блѣдный подснежный цвѣтокъ, прозванный ледянымъ ранункуломъ. Они остановились на нѣсколько минутъ на берегу темнаго и неподвижнаго озера. Въ водѣ его, говорилъ имъ проводникъ, не могла жить ни одна рыба; никогда серна не приходила изъ него выпиться; никогда птица не задѣвала крыломъ его поверхности. Луна поднималась на горизонтъ и кидала на уснувшее озеро длинную полосу свѣта, словно взгляды влюбленной дѣвушки.

— О, милая! вскричалъ Германъ, обнимая Нелиду своей магнетической рукою и показывая ей на лазоревый сводъ: — посмотри на это кроткое и чистое свѣтило, какъ ему жалко проклятое озеро, какъ оно утѣшаетъ несчастнаго! Такъ ты, звѣзда спасенія, поднялась надъ моею жизнію...

Нелида склонилась на плечо художника, и двѣ радостныя слезы скатились по щекамъ ея.

Страсть Нелиды къ Герману принадлежала къ тѣмъ страстямъ, которыя живутъ и убиваютъ. Бодрая и восторженная натура молодой женщины не могла долго оставаться въ онѣмѣніи, въ которое погрузило ея дерзкое угрызеніе совѣсти. Вскорѣ она стала упрекать себя въ этомъ угрызеніи, какъ въ слабости, и съ чувствомъ пламеннаго удивленія къ своему любовнику увѣрила себя, что его величіе выше всѣхъ человѣческихъ законовъ. Странная и удивленная жизнь, которую они вели съ Германомъ, поддерживала эту восторженность; Нелида дошла до убѣжденія, что въ жертвы,

даже жертва совѣсти, были слишкомъ—недостаточны для отплаты за подобную любовь, и совершенно предавшись могучему чувству счастья, съ рѣшимостью покорилась всѣмъ послѣдствіямъ своей невольной ошибки.

Такъ прошелъ мѣсяць, мѣсяць непрерывно возобновлявшихся восторговъ и постоянного очарованія. Надобно самому испытать, чтобъ понять, какое неизмѣримое блаженство открывается сердцу человѣка, когда онъ смѣло отбросилъ всѣ препятствія и, вдали отъ ревнивой зависти, вдали отъ заботъ пошлой жизни, вдали отъ міра и его оскорбительнаго вліянія, откровенно предается всему пылу любви и преданности, вдохнутыхъ въ него Богомъ. О вы, пившіе чашу упоенія, не жалуйтесь, что она разбилась въ рукахъ вашихъ, и что обломки ея чистаго кристалла нанесли вамъ неизлечимыя раны! Робкія души! трусливыя сердца! не оскорбляйте своего несчастія, — оно свяшенно. Вы избранники судьбы; вы приближались къ божеству на столько, на сколько позволено слаботому человѣку; восторгамъ и страданіями своими, отчаяніемъ и упоеніемъ вы измѣрили всю тайну жизни.

II.

Вставъ однажды утромъ, Нелида почувствовала довольно-рѣзкій холодъ и въ узкое окно шалѣ, въ которой жила уже недѣлю, увидѣла, что вершина горы, гдѣ они были еще наканунѣ, покрыта бѣлой пеленою, ослѣпляющей зрѣніе. То былъ первый снѣгъ, то былъ сѣверный вѣтеръ, дувшій въ долину и предвѣщавшій зиму. Надобно было подумать о надежномъ убѣжищѣ; кочующая жизнь дѣлалась невозможна. Германъ предложилъ провести зиму въ Женевѣ. Тамъ у него былъ другъ, прежшій товарищъ, промышленшій живопись на честное, наслѣдственное ремесло, доставившее ему безбѣдное существованіе.

— Онъ поможетъ мнѣ устроить тебя какъ слѣдуетъ, сказалъ Германъ Нелидѣ, съ грустью видѣвшей необходимость покинуть уединенную шалѣ: — и сверхъ-того, прости, что я говорю тебѣ о своихъ дѣлахъ,—доставить мнѣ возможность открыть мастерскую, давать уроки, можетъ-быть, писать иногда портреты; мой небольшой капиталъ не можетъ стать на долго; а ты знаешь наши условія, моя гордая патриціанка, знаешь, что ты стала подругою цыгана, бѣднаго художника, который никогда не воспользуется ни однимъ оболкомъ изъ твоего богатства; ты помнишь, что согласилась раздѣлить его бѣдность...

— Когда мы ѣдемъ? сказала Нелида, закрывши Герману уста своей прекрасной бѣлой рукою.

Они медленно собрались въ дорогу. Нелидѣ надобно было собрать въ дорогѣ свои драгоценности: растенія, собранныя по альпійскимъ тропинкамъ, кристаллы, найденные на краю ледниковъ,

куски яшмы и агата, гагачьи перья и прекрасныя издѣлія, вырѣзанныя и выточенные горными пастухами изъ нѣжнаго тиса и козьего рога. Для чистыхъ сердецъ, простодушное удовольствіе созерцанія продолжается въ самыхъ трудныхъ испытаніяхъ жизни.

Черезъ три дня пути они были въ Женевѣ.

Они остановились въ гостиницѣ. Гермацъ тотчасъ же отправился искать своего пріятеля; въ первый разъ послѣ своего бѣгства, Нелла осталась одна. Увидѣвъ, что будетъ свободна на нѣсколько часовъ, потому-что Германъ долженъ былъ запяться дѣлами и не могъ возвратиться прежде вечера, она тотчасъ вынула дорожный портфель и взяла изъ него всѣ письменныя принадлежности. Съ нѣкотораго времени, она чувствовала непреодолимую потребность и подавляла ее, боясь огорчить Германа, — она хотѣла написать къ тѣткѣ и даже къ своей невѣрной пріятельницѣ, не для того, чтобъ извинить себя въ ихъ глазахъ, или испрашивать увизительнаго прощенія, но чтобъ сказать имъ обѣимъ ласковое слово, чтобъ увѣрить ихъ еще разъ въ своей привязанности. Она взяла перо и твердой рукою написала слѣдующія письма:

Виконтессъ Геспель.

«Милая, дорогая тѣтушка, что напишу я вамъ? Увы! что я могу написать? Я не хочу оправдываться, еще менѣе обвинять кого бы то ни было. Я знаю свою ошибку, оплакиваю ее, страдаю ею и буду страдать до конца жизни. Но позвольте мнѣ по крайней-мѣрѣ всѣми силами отклонить отъ себя упрекъ въ неблагодарности, въ равнодушіи или въ забвеніи, въ которыхъ вы, можете-быть, меня обвиняете. Нѣтъ, милая тѣтушка, ничто не изгладилось изъ моего сердца; ваша материнская доброта, ваша безконечная снисходительность съ каждымъ днемъ врѣзываются въ меня глубже и глубже. Я не смѣю льстить себя надеждою снова васъ увидѣть: судьба осудила меня на одиночество; но позвольте мнѣ надѣяться, что если мы не должны видѣться въ этомъ мірѣ, то по крайней-мѣрѣ наши молитвы встрѣтятся у подножія престола Господня. Я была бы очень-счастлива, еслибъ время отъ времени имѣла о васъ извѣстія, и не буду знать, какъ благодарить васъ, если вы не заставите меня долго дожидаться.»

Баронессъ Соньянкуръ.

«Ортанса, Ортанса! ты мнѣ сдѣлала много зла; но вѣрно страдаешь за то въ глубинѣ сердца, потому — что ты добра, Ортанса, и любишь меня, я въ этомъ увѣрена. Не оскорблю тебя моимъ прощеніемъ; избави Богъ. Теперь я сама знаю, что нѣкоторыя страсти бываютъ сильнѣе нашей воли, что можно увлечься при самыхъ твердыхъ намѣреніяхъ!

«Не смѣю писать къ моему мужу, но, умоляю тебя, напиши мнѣ о Тимолеонѣ. Скажи мнѣ, гдѣ онъ, что дѣлаетъ, счастливъ»

«ли. Ты едва повѣришь, но я только и думаю, что о немъ. Увы! «еслибъ онъ согласился принести мнѣ самую ничтожную жертву, «онъ навсегда приковалъ бы меня къ себѣ узами страстной бла- «годарности.

«Я надолго поселяюсь въ Женевѣ. Я никого не буду видѣть... «отнынѣ вся жизнь моя посвящена одному существу, существу столь «благородному и великому, что я должна бы говорить съ нимъ «стоя на колѣняхъ. Не скажу тебѣ, что я счастлива; не могу «обманываться: я несчастна и никогда не буду счастливой. Вос- «поминаніе о моемъ прошедшемъ не покидаетъ меня, какъ роко- «вой призракъ. Но я живу въ полномъ самоотверженіи, поглощен- «ная жизнью другаго, потерянная въ ней, въ созерцаніи безсмерт- «наго генія.

«Ортанса, пиши ко мнѣ. Подадимъ другъ другу руки черезъ наши «горести, черезъ наши заблужденія. Я чувствую, что все люблю «тебя. А ты?»

Едва г-жа де-Керваэнсъ окончила эти письма, какъ вошелъ Гер- манъ. Онъ не замѣтилъ, что глаза ея были красны отъ слезъ...

— Я нашелъ Анатоля, весело сказалъ онъ:—намъ везетъ счастье. Онъ водилъ меня на возвышенную часть города, въ прекрасный до- микъ, гдѣ онъ живетъ одинъ; онъ отдаетъ намъ въ наемъ небольшую квартиру съ прекраснымъ видомъ на Юру. Правда, это чердакъ, моя бѣдная Нелида. Ты, я думаю, только по слуху знаешь, что такое чердакъ; но я сказалъ тебѣ, что для спасенія своей чести я долженъ избѣгать даже вида какой-нибудь роскоши. Мнѣ нужно даже, чтобъ всѣ знали о моей бѣдности. Въ тебѣ достанетъ муже- ства, я это знаю; ты будешь входить своими ножками въ пятый этажъ своего скромнаго жилища... моего рая, прибавилъ онъ, становясь передъ ней на колѣни и цалуя одну за другой ея ма- ленькія ножки. — Я нанялъ также мастерскую въ той же улицѣ, сошелся съ обойщикомъ, который поставитъ намъ, за весьма- дешевую пѣну, мѣбель, правда, очень-простую, но совершенно новую. Анатолий хочетъ предложить тебѣ фортепьяно Эрара, кото- рое, говоритъ онъ, стоитъ у него безъ употребленія. Завтра онъ пріѣдетъ за тобой на своихъ лошадяхъ, чтобъ отвезть тебя въ свой дворецъ... Довольна ли ты своимъ управляющимъ, Нелида?

— Не-уже-ли я непременно должна видѣть г. Анатоля? спро- сила г-жа де-Керваэнсъ, пугаясь при одной мысли о встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ. (До-сихъ-поръ она никого не видала.)— Я желала бы обойтись безъ этого.

— Это невозможно, отвѣчалъ Германъ. — Онъ будетъ тебѣ не- обходимъ всякую минуту.

— Мнѣ, Германъ? Можетъ ли мнѣ быть необходимъ кто бы то ни былъ въ свѣтъ, кромѣ тебя?

Онъ взялъ ея руку и пламенно поцаловалъ ее.

— Принеси мнѣ эту маленькую жертву, Нелида, возразилъ онъ. — Анатолий хорошо воспитанъ и не употребитъ во зло твоего по-

зволениа. Совершенное уединеніе для тебя не годится; повѣрь мнѣ, ты иногда рада будешь, для разсвѣнія, разговаривать съ кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ меня...

Нелида улыбулась съ видомъ сомнѣнія и, какъ всегда бывало, согласилась. На другой день, около полудня, Германъ представилъ ей своего пріятеля Анатоля. Не смотря на всю свою скромность, Анатолю не могъ удержаться, чтобъ не бросить на г-жу де-Керваэнсъ нѣсколько долгихъ, удивленныхъ взглядовъ, которые ее оскорбили.

Видъ новаго ихъ жилища развлекъ ее. Это была чистая и веселая квартирка на чердакѣ. Въ залѣ было два окна, изъ которыхъ виднѣлось теченіе Роны и голубой поясъ Юры. Съ одной стороны стоялъ фортепьяно; широкая софа, кресло на пружинахъ и корзинка съ цвѣтами придавали этой скромной комнаткѣ весьма-комфортабельный видъ.

— Само-собой разумѣется, сударыня, сказалъ Анатолю, сажая Нелиду:—что мой садъ совершенно къ вашимъ услугамъ. Распо-ряжайтесь въ немъ какъ въ собственномъ; вы тамъ никогда никого не встрѣтите, даже хозяина, прибавилъ онъ, улыбаясь:—кото-раго дѣла держать по цѣлымъ днямъ въ несносной конторѣ. Но я забылъ объ одномъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Герману:—теперь въ Женевѣ прекрасная итальянская труппа; сегодня вече-ромъ дають «*Gazza ladra*»; у меня есть ложа на авансценѣ; еслибъ г-жа де-Керваэнсъ позволила мнѣ предложить ей...

— Я вамъ очень-благодарна, прервала Нелида:—но я останусь дома, я очень устала.

— Музыка тебя успокоитъ, сказалъ Германъ:—если ты хочешь возвратиться домой пораньше, мы уѣдемъ послѣ перваго акта.

Г-жа де-Керваэнсъ сдѣлала знакъ, что она принуждена согла-ситься. Ей было непреодолимо противно выставлять себя такимъ образомъ на показъ въ театрѣ. Нѣжное чувство женщины и лю-бовницы возмущалось при мысли о томъ, что она выкажетъ пе-редъ толпою тайну свою; но еще болѣе-тонкое чувство заставило ее скрыть свое неудовольствіе. Ей хотѣлось бы, чтобъ Гер-манъ понялъ и раздѣлилъ это чувство; но онъ, казалось, и не по-думалъ о томъ. Онъ старательно вынималъ изъ дорожныхъ сун-дуковъ лучшія платья Нелиды, мило помогалъ ей оканчивать туа-летъ и самъ опредѣлялъ малѣйшія его подробности. Видя, какъ онъ веселъ, Нелида забыла свои сомнѣнія, и когда пришло время ѣхать въ театръ, она почти помирилась съ мыслью, что должна появиться въ свѣтѣ.

Но все ея мужество едва не покинуло ея, когда, входя въ ложу Анатоля, она увидѣла, что на нее обратились всѣ взоры, направи-лись всѣ лорнеты, что всѣ дамы склонялись къ своимъ сосѣдямъ и нагдо указывали на нее! Женева, какъ извѣстно, городъ купцовъ и методистовъ, то-есть городъ, гдѣ изъ экономіи и набожности от-казываются отъ самыхъ невинныхъ удовольствій, оставляя себѣ

лишь дешевое право лицемѣрить и злословить. Да и во всѣхъ странахъ, молодой мужчина и молодая женщина, красивые собой, счастливые другъ другомъ, возбуждаютъ негодование и гнѣвъ завистливой публики, состоящей изъ всѣхъ честныхъ женщинъ, которымъ надоѣло быть честными, изъ всѣхъ свободныхъ женщинъ, старающихся прикрыть свою легкую жизнь строгостию сужденій, изъ всѣхъ старыхъ развратниковъ, по ремеслу ненавидящихъ страсть чистую и благородную, изъ всѣхъ мужей, подводящихъ сравненія; наконецъ изъ всѣхъ тѣхъ, и число ихъ весьма-значительно, которые съ досадою несутъ бремя принужденной добродѣтели, тяжелую скуку семейной жизни, или жестокаго наказанія разврата.

Анатоль половину дня дѣлалъ визиты, и забавляясь слухами о г-жѣ де-Керваснсъ и Германѣ; онъ поспѣшно обходилъ ложи, чтобъ выслушать новыя замѣчанія, возбужденныя ихъ присутствіемъ въ театрѣ, и черезъ полчаса возвратился съ торжествующимъ видомъ. Нелида, чтобъ скрыться отъ взоровъ, углубилась въ уголокъ ложи; она подняла экранъ изъ зеленой тафты и, подперевъ голову руками, слушала музыку.

— Любезный другъ, сказалъ Герману Анатоль, котораго она не замѣтила:—мы втроемъ произведемъ удивительный эффектъ; я пользуюсь вами, какъ золотымъ рудникомъ. Вопросы не изсякаютъ. На одни я отвѣчаю; другіе оставляю безъ отвѣта; принимаю самый таинственный видъ; но наконецъ все-таки всѣ уже знаютъ, что ты первый живописецъ во Франціи, стало-быть, въ мірѣ; что, сверхъ-того, ты уменъ, какъ чортъ, и, прибавилъ онъ, понизивъ немного голосъ:—что женщина, которая тебя любитъ, знатная дама Сен-Жерменскаго-Предмѣстья. Всѣ матери семействъ въ тревогѣ; никакъ не могутъ унять дѣвщъ отъ разговора. Васъ рвутъ на части, но нетерпѣливо желаютъ съ тобой познакомиться. Наши франты требуютъ даже, чтобъ я свелъ ихъ къ тебѣ въ мастерскую... Ты понимаешь? Я нахожу затрудненія, говорю, что вы не хотите никого видѣть, что вы очень-счастливы сами-собою: это еще болѣе усиливаетъ любопытство. Я увѣренъ, что завтра утромъ получу тридцать приглашеній, которыя, клянусь тебѣ, будутъ не для меня назначены; но я добръ и покажу видъ, что не понимаю настоящей цѣли этихъ учтивостей; я позволю себя дурачить. Всегда пріятно, когда тебя ласкаютъ, хотя бы это было и для другаго.

Слушая эту дружескую болтовню, Германъ почувствовалъ щеколтаніе давно-уснувшаго тщеславія. Въ разсказахъ Анатоля онъ видѣлъ не одинъ сплетни маленькаго города: онъ видѣлъ осуществленіе своихъ мечтаній, подчиненіе свѣта его генію, побѣду надъ обществомъ. Отправляясь домой и подавъ ему руку, Нелида съ удивленіемъ замѣтила, что онъ былъ одержимъ необыкновенною веселостью. Это было первымъ разногласіемъ ихъ задушевной мысли, потому-что она слышала конецъ словъ Анатоля и возвращалась домой въ глубокой грусти. Она чувствовала, что дерзкіе взгляды нарушать ея

удиненіе, что презрительныя рѣчи оскорбятъ любовь ея, что, можетъ-быть, вскорѣ вторгнется въ ея святилище свѣтъ, отъ котораго она бѣжала и въ который вдругъ снова бросало ее неумолимое предопредѣленіе...

III.

На другой день, Герману принесли письмо отъ Анатоля. Прочитавъ, онъ передалъ его Нелидѣ. «Любезный другъ» писалъ ему молодой негодіантъ: «мнѣ некогда зайти къ тебѣ. Пишу изъ конторы, чтобъ предупредить, что я согласился обѣдать сегодня у г-жи С... съ тобою. Я сдѣлалъ это не спросившись, потому-что иначе ты, можетъ-быть, отказался бы и поступилъ бы дурно. Г-жа С... важная особа въ Женевѣ. У ней собирается самое лучшее общество; она принимаетъ замѣчательныхъ иностранцевъ. Ты мнѣ говорилъ, что ты не прочь написать нѣсколько портретовъ, и потому тебѣ надобно съ ней познакомиться; тебѣ всего лучше будетъ показаться въ свѣтъ у нея въ домѣ. Я найду за тобой около четырехъ часовъ.»

— Анатолю правъ, сказала Нелида Герману, передавая ему записку, которая жгла ей глаза: — ты долженъ идти къ г-жѣ С...; это тебя разсѣветъ.

— Вотъ первое жесткое слово, которое ты мнѣ говоришь, Нелида. Давно ли мнѣ надобно разсѣваться отъ моего блаженства? Но, къ несчастію, Анатолю слишкомъ правъ: мнѣ надобно работать, жить, и потому нужно покориться печальнымъ требованіямъ общества, въ которомъ я нуждаюсь... Ты будешь скучать, Нелида?

— Я, мой другъ? возразила она съ ангельской кротостью:—ни минуты. У меня есть ноты, которыхъ я еще не открывала; это фортепьяно превосходно. Къ-тому же, мнѣ еще надобно привести въ порядокъ для своего гербарія растенія, которыя мы сушили въ Валленштадтѣ. Ты вѣдь знаешь, я хочу собрать валленштадтскую флору, прибавила она, стараясь улыбнуться.

Въ четыре часа, Анатолю зашелъ за Германомъ; Нелида осталась одна. Вѣрная своему обѣщанію, она открыла фортепьяно и хотѣла пѣть; но во рту у ней была горечь; ей тѣснило грудь. Она взяла свои растенія и стала раскладывать ихъ по столу... Тогда сердце ея наполнило воспоминанія объ озерѣ, о горахъ, объ удивленіи, о счастливой любви, — и крупныя слезы, долго удерживавшіяся, потекли на завядшіе стебли и на блѣдныя коронки этихъ цвѣтовъ, собранныхъ нѣкогда въ радостномъ упоеніи. Испытаніе было не по силамъ. Она быстро отошла отъ стола и, рѣшившись не принуждать себя болѣе, кинулась въ кресло, опустила голову на руки и стала думать о Германѣ. Она представляла себѣ, какъ онъ входитъ въ гостиную г-жи С..., сочиняла нѣсколько разговоровъ, которые могли происходить между имъ и хозяйкою дома.

Но мало-по-малу голова ея, истощенная этой работой, пришла въ разстройство, и вскорѣ она впала въ такое состояніе, что могла только слѣдить съ возрастающимъ безпокойствомъ за непримѣтнымъ движеніемъ стрѣлки по циферблату и слушать смятеннымъ ухомъ бой сосѣднихъ часовъ, отвѣчавшихъ другъ другу и бывшихъ одни за другими, съ могильною медленностью.

Германъ обѣщаль воротиться въ восемь часовъ. Въ восемь часовъ безъ пяти минутъ, онъ сильно зазвонилъ у дверей. Нелида вспрыгнула съ кресла, побѣжала къ нему и повисла ему на шею: онъ тысячу разъ прижималъ ее къ своему сердцу, какъ-будто прѣхалъ изъ дальняго путешествія; и точно, онъ возвратился издалека, — онъ возвратился изъ *свѣта*.

Послѣ минутнаго молчанія, во время котораго любовники рачотали другъ другу самыя нѣжныя ласки, Нелида посадила Германа въ кресло, съ дѣтской граціей сѣла къ нему на колѣни и сказала: «Теперь расскажи мнѣ о твоёмъ долгомъ отсутствіи».

Между-тѣмъ, какъ она тонкими пальцами своими перебирала густые локоны молодаго художника, онъ пересказывалъ ей сухой, педантической и натянутой разговоръ кружка, въ которомъ онъ имѣлъ честь находиться, тонко и оригинально очертивъ ей мужчинъ и женщинъ, которымъ былъ представленъ. Нелида кончила тѣмъ, что расхохоталась надъ этою картиною, показывавшею смѣшныя стороны жизни маленькаго города.

— Не было ли тамъ молодыхъ женщинъ? спросила она.

— Были двѣ, слывущія здѣшними красавицами, отвѣчалъ Германъ, и, взявъ карандашъ, начертилъ на картѣ талію, лицо, поступъ и видъ этихъ аллоброгскихъ нимфъ, какъ онъ ихъ называлъ. Онъ наблюдалъ ихъ какъ живописецъ: ничто отъ него не ускользнуло. Нелидѣ лучше хотѣлось бы, чтобъ въ этомъ наблюденіи было меньше точности, особенно, когда онъ сталъ дѣлать сравненія, которыя, не смотря на то, что были совершенно въ ея пользу, произвели на нее непріятное впечатлѣніе. Сравнить ее съ другими женщинами — значило ставить ее наряду, давать ей мѣсто между ними. Нелидѣ никогда не пришло бы въ голову сравнивать Германа съ кѣмъ бы то ни было! Для нея съ одной стороны былъ родъ человѣческой, съ другой — ея любовникъ, одинъ и несравненный, какъ всякій человѣкъ, любимый нѣжной и страстною женщиною.

Два мѣсяца прошли безъ всякой видимой переменъ въ жизни двухъ любовниковъ. Г-жа де-Кервазансъ получила отвѣты отъ своей тѣтки и пріятельницы; сердце ея было растерзано этими отвѣтами. То было жестокое и послѣднее обольщеніе, окончательно закалившее ея мужество и заставившее ее совершить, безусловно, тѣмъ когда-либо, заключиться въ своей любви, какъ въ неприступной крѣпости. Вотъ что писала ей г-жа Геспель:

«Я пишу вамъ, потому-что вы, какъ кажется, этого желаете, съхоть я никакъ не могу понять, какую цѣну можете имѣть для

«вась письмо мое. — Вы въ послѣдній разъ увидите мой почеркъ. Вы поношеніе своей фамиліи; вы обезславили ее тѣмъ, что гораздо-хуже преступленія: вы сдѣлали себя предметомъ насмѣшекъ. Мужъ вашъ показалъ себя человѣкомъ, умѣющимъ соблюдать тактъ. Возвратившись изъ путешествія, болѣе нежели оправдываемаго предшествовавшими отношеніями, о которыхъ вы, вѣроятно, не знали, онъ объявилъ тѣмъ изъ своихъ друзей, которые имѣли право его спрашивать, что вы всегда были подвержены припадкамъ, обратившимся теперь въ сумасшествіе. Впрочемъ, онъ не произноситъ больше вашего имени и объявилъ мнѣ, что приказалъ отдавать всѣ ваши доходы моему нотариусу, который будетъ беречь ихъ для васъ. Ему ничего больше не оставалось дѣлать; онъ не могъ рваться съ низкимъ человѣкомъ, котораго всѣ мы видѣли въ положеніи почти домашняго лакея. Я не говорю вамъ о томъ, чтобъ вы сдѣлались благоразумнѣе: это невозможно; свѣтъ и ваше семейство закрыты для васъ навсегда. Да сжалятся надъ вами Богъ, — это единственная надежда; которая вамъ осталась.»

Письмо Ортансы было такого же содержанія и написано тѣмъ же тономъ.

«Вы странно обманываетесь, моя бѣдная Нелида» писала она своей прежней приятельницѣ: «полагая, что мнѣ можно оставаться съ вами въ какихъ бы то ни было связяхъ. Я въ отчаяніи, но обязанности мои въ-отношеніи къ мужу, моя репутація, даже будущность моей маленькой дочери, о которой я теперь же должна думать, не позволяютъ мнѣ вести переписку, которая могла бы показаться безмолвнымъ одобреніемъ соблазна, произведеннаго вами въ свѣтъ. Повѣрьте, это мнѣ тяжело, и я желаю вамъ всего лучшаго. Желаю, чтобъ вы были счастливы, но, увы! не надѣюсь. Здѣсь на землѣ счастье можно найти только въ строгомъ соблюденіи общественныхъ законовъ, а вы, милый и несчастный другъ, такъ оскорбили ихъ, что не можете никогда найти даже спокойствіе.»

IV.

Германъ съ жаромъ работалъ надъ большой картиной, представлявшей Иоганна Гусса передъ соборомъ. Лишь-только свѣтало, онъ уходилъ къ себѣ въ мастерскую. Позже къ нему приходила туда Нелида и проводила долгіе часы почти не говоря съ нимъ, счастливая тѣмъ, что могла быть возлѣ него и слѣдовать за быстрыми успѣхами его работы. Впрочемъ, г-жа де-Кервазисъ не была поглощена такъ, какъ прежде, жизнію Германа. Праздность скоро утомила ее. Первые философскія книги, которыя она прочла въ Бретани съ любовникомъ, возбудили въ душѣ ея благородное любопытство. Мало-по-малу, дѣлаясь смѣлѣе и отрѣшаясь отъ

дѣтскихъ предрасудковъ, она наконецъ съ рѣшительностію вступила на дорогу свободнаго мышленія. Нѣсколько замѣчательныхъ людей, встрѣчавшихся съ Германомъ у г-жи С... и съ которыми онъ ее познакомилъ, ободряли ее и помогали ей въ ея зачатіяхъ. Въ ней была чистосердечная любовь къ истинѣ, и потому она въ короткое время приобрѣла свѣдѣнія болѣе основательныя и болѣе правильныя, нежели Германъ, постоянно искавшій въ книгахъ софизмовъ, нужныхъ для его страстей, или смѣлыхъ парадоксовъ, которые могли бы придать ему блеска между глупцами. Разумъ Нелиды, развиваясь методически, возвышался и укрѣплялся. Черезъ шесть мѣсяцевъ въ ней произошла значительная перемена; мысль ея совершенно вышла изъ пеленъ. Слѣпую вѣру смѣнило сознательное чувство; католическіе обряды — религиозное созерцаніе судебъ человѣчества.

Наконецъ, «Іоганнъ Гуссъ» былъ оконченъ. Весь городъ сбѣжался смотрѣть на него; Германъ былъ упоенъ похвалами. Приглашенія сдѣлались чаще и чаще; его требовали во всѣ гостинныя. Онъ согласился появляться въ нихъ, и вскорѣ, мало-по-малу, то полъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ, сталъ проводить внѣ дома большую часть вечеровъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ находилъ большое удовольствіе въ этомъ новомъ образѣ жизни; у него было такъ-много вкуса, что онъ не предпочиталъ естественный и полный мысли разговоръ Нелиды надменной болтовнѣ женевскихъ львицъ; но онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, какое вліяніе приобреталъ въ этомъ угрюмомъ обществѣ и убѣждалъ самъ себя, что для самой г-жи де-Кервазансъ, чтобъ окружить ее уваженіемъ, ему необходимо было создать себѣ блестящую репутацію не только артиста, но и свѣтскаго человѣка. Къ-тому же, Нелида, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе предававшаяся серьезнымъ занятіямъ, казалось, не страдала отъ его отлучекъ и не показывала ему ни малѣйшаго неудовольствія.

Во время самаго большаго свѣтскаго разсѣянія, Германъ получилъ изъ Парижа слѣдующее письмо отъ одного пріятеля, которому онъ отослалъ свою картину и поручилъ дѣла свои:

«Я сперва думалъ, что тебѣ довольно было прислать сюда твоего Іоганна Гусса, не пріѣзжая самому. Но теперь это было бы ошибкой съ твоей стороны. По странному случаю, могущему послужить, — намъ нельзя этого скрывать отъ тебя, — къ твоей славі или къ твоей гибели, Д... выставилъ своего *Савонаролу*. Сравненія неизбѣжны. Всѣ ученики Д... уже приготавливаются къ бою и, возвышая его до небесъ, оуждаютъ тебя. Увозъ г-жи де-Кервазансъ и твое продолжительное отсутствіе очень тебѣ повредили. Всѣ говорятъ и повторяютъ, что ты не любишь больше искусства. Я нарочно говорилъ со многими критиками; всѣ журналы будутъ тебѣ непріязненны, если ты не пріѣдешь какъ-можно-скорѣе, и не попытаешься снова завоевать потерянное, снова приобрѣсть

«то вліяніе, которое всегда дадутъ тебѣ твое симпатическое слово «и твой возвышенный умъ.»

При чтеніи этого письма, художникъ затрепеталъ. Мысль о подобномъ пораженіи была невыносима для его восторженнаго самолюбія. Онъ возвратился домой мрачный и грубый и объявилъ г-жѣ де-Кервансъ, что уѣзжаетъ въ тотъ же вечеръ. Суровый видъ его, отрывистая рѣчь обманули ее. Она думала, что онъ въ отчаяніи отъ того, что покидаетъ Женеву, и приняла видъ совершеннаго равнодушія, чтобъ не поколебать благоразумной рѣшимости, стоившей ему, какъ ей казалось, столькихъ усилій. Германъ не ожидалъ найти ее такою. Это очень его облегчило, и онъ сѣлъ въ карету безъ грусти, безъ угрызений, съ раненымъ сердцемъ, мечтающая только объ успѣхѣ, о побѣдѣ, о мщеніи. Угрожаемый въ своей славѣ, художникъ былъ нечувствителенъ къ другимъ страданіямъ; одна минута высушила въ этой гордой душѣ такъ долго сохраняемый источникъ любви.

Германъ къ Неллидѣ.

Парижъ, 15 марта.

«Блаженство моей жизни, теперь я далеко отъ тебя! Такъ было нужно! это было необходимо для насъ обонхъ, для тебя еще больше, нежели для меня. Иначе могъ ли бы я вырваться изъ твоихъ объятій? Но это составляло мою непремѣнную обязанность. Цѣлый міръ, Неллида, долженъ знать, каковъ человѣкъ, котораго ты выбрала. Я въ нетерпѣніи, моя Беатриче, чтобъ любовь твоя была прославлена по лицу земли такъ, какъ она прославлена въ глубинѣ моего сердца.

«Пора мнѣ было пріѣхать въ Парижъ. Мои соперники умѣли воспользоваться моимъ отсутствіемъ; имъ помогли новые враги, которыхъ мнѣ доставило мое счастье. Распустили множество оскорбительныхъ слуховъ, которымъ начинали вѣрить: то я оставилъ живопись и жилъ, бесполезный Неморенъ, у ногъ своей пастушки; то талантъ мой пропалъ, гений погасъ... имъ отвѣтитъ *Иоганнъ Гуссъ*. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что жюри пріимлетъ его съ восторгомъ. Гостиныя волнуются отъ моего прибытія. Въ некоторыхъ мѣстахъ спрашиваютъ, приглашать ли меня; но я совершенно спокоенъ. Ты знаешь, что такое успѣхъ въ Парижѣ. Успѣхъ здѣсь все оправдываетъ. Мой будетъ чрезвычайный. Журналисты уже окружаютъ меня и, кажется, начинаютъ понимать, что у меня болѣе будущности, нежели у плохихъ талантовъ, которыхъ они такъ силчались прославить.

«Выставка открывается черезъ пятнадцать дней. *Савонарола*, говорятъ, очень блестятъ красками, но онъ бѣденъ, очень-бѣденъ рисункомъ и созданіемъ. Иначе и быть не могло, и со времени моего возвращенія, друзья мои начинаютъ принимать видъ суевѣрности, тогда-какъ въ мое отсутствіе они смиренно гуляли

«головы. О, друзья, друзья! Съ каждымъ днемъ я больше и больше чувствую цѣну того благороднаго и гордаго мужества, съ которымъ ты послѣдовала за мною сквозь пламя. Нелида! будь благословенна, почтенна, обожаема передъ всѣми женщинами. Печалью твоею я обращаюсь въ безмолвіе и молитву.»

Анатолю Герману.

«Ты просилъ меня извѣщать тебя о г-жѣ де-Керваансъ. Не могу скрыть отъ тебя, любезный другъ, что со времени твоего отъѣзда она видимо намѣнилась; она не жалуется, старается улыбаться; но ясно, что она страдаетъ. Въ часъ прихода почты, у ней замѣтно лихорадочное безпокойство. Я часто бываю при этомъ и вижу, какъ она блѣднѣетъ и краснѣетъ, читая твои письма. Когда они не приходятъ, она впадаетъ въ задумчивость, которой ничто не можетъ разсѣять. Мы съ величайшимъ трудомъ можемъ убѣдить ее выходить изъ дому. Я говорю мы, потому что Р... и П... очень-часто у ней бывають. Въ особенности послѣдній, не нашедъ въ Женевѣ женщины, которая бы показала ему достойную его вниманія, показываетъ г-жѣ де-Керваансъ странное участіе. Онъ говоритъ о ней кстаги и некстати, и еслибъ онъ не принадлежалъ къ числу лучшихъ друзей твоихъ, я могъ бы предполагать, что онъ хочетъ ее окомпрометтировать. Возвращайся какъ-можно-скорѣе. Г-жа де-Керваансъ обожаетъ тебя, и я считаю ее одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя могутъ умереть отъ любви.»

Германъ Анатолю.

«Никто не умираетъ отъ любви, мой милый, и я не такъ самолюбивъ, чтобъ думалъ, что г-жа де-Керваансъ такъ несчастна, какъ ты говоришь. Она кашляетъ, потому-что въ Женевѣ холодно; отъ моего возвращенія морской вѣтеръ не прекратится. Очень-понятно, что за ней волочатся; она прекрасна, умна; предъѣвшись мнѣ, она приобрѣла себѣ нѣкотораго рода извѣстность, которая привлекаетъ; я не ревнивъ и никогда не прійму на себя глупаго и гнуснаго ремесла ея тюремщика. Я еще не могу оставить Парижа. Завтра открывается выставка; подамъ видъ, что бѣгу съ поля битвы. Но черезъ двѣнадцать или пятнадцать дней, если не встрѣтится ничего новаго, отправлюсь въ Женеву. Прощай. Благодарю тебя за твою заботливость и обнимаю тебя отъ всего сердца.»

Анатолю Герману.

«Пишу къ тебѣ, любезный другъ, на скорую руку и въ величайшемъ безпокойствѣ. Возвращайся какъ-можно-скорѣе; здѣсь случились важныя происшествія. Г-жа де-Керваансъ въ постели, и очень-больна въ слѣдствіе ужаснаго потрясенія, которое можетъ имѣть, если ты не прійдешь, самыя гибельныя послѣдствія.

«Пріѣзжай,—дѣло идетъ о твоей чести. Вотъ что случилось. Третьяго-дня, видя, что она груститъ и страдаетъ больше обыкновеннаго, я до того настаивалъ, что она обѣщала мнѣ выйдти прогуляться немного пѣшкомъ. Мнѣ было некогда: П... подалъ ей руку. Ты знаешь, какъ его не любятъ въ Женевѣ. Онъ дерзокъ и имѣетъ репутацію забіяки, за что всѣ его ненавидятъ. Вѣроятно, гордясь тѣмъ, что появляется въ свѣтъ съ г-жею де-Керваэнсъ, онъ велъ себя еще невыносимѣе обыкновеннаго; какъ бы то ни было, но когда онъ проходилъ мимо толпы молодыхъ людей, одинъ изъ нихъ громко сказалъ какое-то замѣчаніе, оскорбительное для него и для нея. Не могли оставить ее одну, онъ съ выразительнымъ жестомъ кинулъ въ толпу свою карточку.

«Г-жа де-Керваэнсъ все слышала. Она отправилась домой, ты можешь представить себѣ, въ какомъ положеніи, умоляя П... прекратить это дѣло. Потомъ послала за мной и просила меня употребить всѣ средства, чтобъ предупредить огласку. Это было невозможно. П... и молодой С... только того и хотѣли, чтобъ нагдѣлать шума. Они дрались сегодня утромъ. П... получилъ только царапину, но ужасная рана нанесена г-жѣ де-Керваэнсъ. Этотъ несчастный поединокъ совершенно окомпрометтировалъ ее. Въ гостиныхъ носятъ преглуемые слухи: говорятъ, что ты ее покинулъ, что она утѣшается съ П... и пр. и пр.

«Заклинаю тебя небомъ, пріѣзжай не теряя ни минуты.»

Это письмо было для Германа громовымъ ударомъ. Нельзя было колебаться; должно было ѣхать, ѣхать въ самую минуту его торжества, когда на него были устремлены глаза цѣлаго Парижа, и ѣхать за тѣмъ, чтобъ найти тамъ глупое дѣло, большую женщину, упреки, по-крайней-мѣрѣ молчаливые, несносныя сплетни. Въ первый разъ онъ почувствовалъ, что жизнь его *связана*. Эта женщина, составлявшая его славу, цѣль, свѣтило, сдѣлалась препятствіемъ, *обязанностію*. А чувство обязанности Германъ ненавидѣлъ. Длинная дорога была ужасна; его ѣла сосредоточенная досада. Онъ пріѣхалъ въ Женеву съ сердцемъ, полнымъ больше ярости, нежели любви. Но когда онъ увидѣлъ Нелиду со впадыми щеками, потухшими взорами, поблѣднѣвшими губами, еще прелестью несравненной красотой страданія, дурная природа его была побѣждена. Онъ упалъ къ ногамъ ея, обнялъ ее съ большимъ жаромъ, нежели въ первый день любви и, въ упоеніи восторговъ, заставилъ ее забыть все, что она перестрадала въ-продолженіе этого жестокаго отсутствія.

Докторъ совѣтовалъ переѣхать въ болѣе-теплый климатъ. Германъ, которому надоѣла Женева, поставленный продажею его картины въ состояніе путешествовать, предложилъ переѣхать Симпсонъ и поселиться въ Миланѣ. Нелида согласилась, но съ условіемъ, что по-крайней-мѣрѣ тамъ она не будетъ никого видѣть и станетъ жить въ совершенномъ уединеніи. Германъ обѣщавъ все, чего она желала.

V.

Онъ взялъ кредитивное письмо на одного миланскаго банкира, и тотъ, тотчасъ по его прїѣздѣ, пригласилъ его на балъ, гдѣ онъ былъ представленъ цѣлому городу. Не смотря на все стараніе, которое онъ употреблялъ до-сихъ-поръ, чтобъ показать, что гордится своей бѣдностію, плебей-художникъ былъ больше ослѣпленъ, нежели сколько онъ сознавался самъ себѣ, величественными вѣщностями аристократической жизни. Нѣсколько разъ, рассказывая г-жѣ Керваэнсъ, несогласившейся выѣзжать съ нимъ въ свѣтъ, о празднествахъ, гдѣ онъ бывалъ безъ нея, онъ одушевлялся и хвалилъ ей съ такой дѣтской радостью блескъ и великолѣпіе итальянскихъ дворцовъ, изысканность ужиновъ, роскошь герцогинь, что изумленная Нелида тайнѣ спрашивала сама себя, тотъ ли это человѣкъ, который прежде съ такой строгой суровостію судилъ о радостяхъ дѣтей вѣка, тотъ ли, который такъ просто и такъ гордо оторвалъ ее отъ подобнаго великолѣпія, чтобъ вести къ бѣдности и уединенію. Она не сообщила Герману своихъ тайныхъ размышленій, но часто разсѣянными отвѣтами показывала, какъ мало принимаетъ участія въ этихъ разговорахъ о предметахъ, которыхъ она хотѣла остаться чуждою. Въ этой разсѣянности, въ которой художникъ предполагалъ болѣе участія воли, нежели сколько было дѣйствительно, видѣлъ онъ протестъ противъ его свѣтской жизни и усилилъ свои просьбы, чтобъ склонить Нелиду сонувствовать ему. Онъ удивился, найдя въ ней твердость, къ которой не привыкъ. Самолюбіе его было оскорблено; онъ сталъ настаивать и въ жару спора до того забылся, что сказалъ г-жѣ де-Керваэнсъ, что для него будетъ очень-невыгодно, если она не станетъ пріобрѣтать знакомствъ, которыя, благодаря итальянскимъ нравамъ, было такъ легко сдѣлать и которыя могутъ быть выгодны и для его интересовъ и для его славы. Противъ его ожиданія, это разсужденіе не убѣдило Нелиды. Она отвѣчала съ величайшей кротостію, но и съ серьезнымъ видомъ человѣка, облуманно-принявшаго безвозвратное рѣшеніе: «Я не могу повѣрить, другъ мой, чтобъ присутствіе мое въ нѣкоторыхъ гостиныхъ, гдѣ меня будутъ только терпѣть, прибавило что-нибудь къ твоимъ личнымъ достоинствамъ. Я буду для тебя постояннымъ предметомъ хлопотъ и безнокойства. Малѣйшій оттѣнокъ холодности въ обращеніи какой-нибудь знатной дамы будетъ для тебя источникомъ смертельнаго страданія, или раздраженія, которое можетъ повести къ горестнымъ сценамъ. По самой меньшей мѣрѣ ты будешь связанъ мыслию и, стало-быть, потеряешь тѣ выгоды, которыхъ ожидаешь для себя отъ знакомства съ свѣтомъ. А я, Германъ, добровольно покинувъ отечество, семейство, обыкновенное мое общество, какъ и для чего стану я робко прокрадываться въ свѣтъ, мнѣ чуждый, куда меня допустить, ты самъ это сказалъ, только изъ терпимости, которая

сравнить меня и нѣкоторымъ образомъ сдѣласть подругою женщинѣ безчестныхъ и дурнаго поведенія. Нѣтъ, другъ мой, дѣлай самъ все, что тебѣ кажется лучшимъ. Если ты думаешь, что отъ этихъ жертвъ зависитъ твоя слава и твой геній, поступай рѣши-тельно и не заботься обо мнѣ. Уединеніе для меня полезно, оно мнѣ дорого. Пока ты будешь возвращаться въ него съ любовью, я не буду жаловаться на то, что ты принужденъ не раздѣлять его со мною».

Этотъ отказъ былъ такъ благоразуменъ самъ-по-себѣ, такъ смягченъ въ способѣ выраженія, что Германъ не смѣлъ показаться обиженнымъ. Но онъ съ досадою увидѣлъ, какъ нравственно-высоко стала надъ нимъ Нелида въ этомъ случаѣ. Это превосходство съ каждымъ днемъ дѣлалось для него замѣтнѣе и невыносимѣе. Какъ мы видѣли, г-жа де-Кервазансъ имѣла наклонность къ серьезнымъ занятіямъ; глубокое уединеніе, въ которомъ жила она въ Миланѣ, благопріятствуя ея наклонности къ размышленію, окончательно придавало ея уму твердость и силу, рѣдкія въ женщинѣ, рѣдкія особенно у людей съ поэтическимъ воображеніемъ, такъ охотно уносящихся въ заоблачныя страны и только съ величайшими страданіями спускающихся въ область дѣйствительности. Напротивъ, Германъ, нечувствительно начавшій вести жизнь свѣтскаго человѣка, вставалъ поздно послѣ утомительныхъ ночей, съ головою, отуманенной тысячею ребячествъ, изъ которыхъ образуется жизнь гостинныхъ. Ему еще некогда было подумать о какой-нибудь значительной работѣ. Для того, чтобъ создать произведеніе искусства, какое онъ могъ создать, необходимо сосредоточеніе, которому была слишкомъ-противна разсѣянность его новой жизни. Его умъ и особенно красота его, ввели его въ моду между миланскими львицами, и заказы портретовъ слѣдовали одинъ за другимъ. Эта легкая и выгодная работа была совершенно приспособлена къ состоянію его души и доставляла ему возможность жить блестящимъ образомъ. Вскорѣ онъ нашелъ необходимымъ имѣть экипажъ и лошадей, чтобъ пріѣзжать къ своимъ моднымъ образцамъ въ несмятомъ костюмѣ. Онъ не хотѣлъ также отставать отъ нѣкоторыхъ богатыхъ сынковъ, предупреждавшихъ его, и сталъ давать ужины, о которыхъ весь городъ говорилъ съ восторгомъ. Тщеславіе его росло. По-мѣрѣ-того, какъ увеличивались издержки, становилась нужнѣе спѣшная работа. Онъ не чувствовалъ необходимости изученія съ-тѣхъ-поръ, какъ-не былъ больше занятъ серьезными трудами, и преимущественно съ-тѣхъ-поръ, какъ пустой разговоръ товарищей его удовольствій столь легко доставлялъ ему случаи блистать и преобладать. Случилось однажды, что въ спорѣ съ г-жею де-Кервазансъ объ одной книгѣ, которую она изучила основательно, а онъ пробѣжалъ не вполнѣ, онъ былъ побѣжденъ и принужденъ молчать. Съ этой минуты для него исчезъ весь интересъ, который онъ находилъ нѣкогда въ разговорѣ съ нею. Онъ увидѣлъ, что

его парадоксы потеряли дѣйствіе свое на этотъ умъ, напичканный болѣе-серьезною пищею; онъ увидѣлъ, что не производитъ большаго эффекта; съ этого времени онъ сталъ тщательно избѣгать всякаго серьезнаго разговора и разногласіе между нимъ и ею увеличилось.

— Угадай, кого я сегодня вечеромъ встрѣтилъ въ Скалѣ, кемъ я былъ представленъ и кто просилъ меня списать портретъ? скажи мнѣ Германъ Нелидъ, поблѣднѣвшей отъ какого-то страннаго предчувствія. . . . — маркизу Зенпони.

При этомъ имени, г-жа де-Керваэнсъ почувствовала, какъ-будто чья-то рука скользнула ей въ грудь и обвилась около ея сердца.

— И она, право, очень-хороша, продолжалъ Германъ: — такъ хороша, что твоего мужа можно было бы извинить, еслибъ онъ покинулъ для нея всякую другую женщину, только не тебя, Нелида.

Легкомысліе этихъ словъ возмутило Нелиду.

— Ты отказался, произнесла она измѣнившимся голосомъ.

— Отказался? Нѣтъ; почему мнѣ было отказаться?

— Потому-что я не хочу, чтобъ ты былъ у ней! вскричала Нелида, внезапно вставая и устремивъ на Германа взоры, въ первый разъ блиставшіе гнѣвомъ: — потому-что, можетъ-быть, я такъ же имѣю право требовать, въ свою очередь, жертвы.

И, не дожидаясь отвѣта, въ припадкѣ остраго страданія, пересилившаго ея твердость, забывъ всякое благоразуміе и не удерживаясь болѣе, г-жа де-Керваэнсъ дала волю потоку горячи, который до того времени сдерживали ея гордость и доброта. Она представила своему любовнику патетическую и раздражающую сердце картину страданій, горестей, угрызений и отчаянія, которыхъ добычею была жизнь ея съ того времени, какъ эта чужая странка похитила у ней сердце мужа; въ-особенности съ того времени, когда Германъ, употребивъ во зло великодушную довѣренность, увлекъ ее на роковую дорожку.

Казалось, ее вдохновлялъ демонъ мщенія; горькое краснорѣчіе вышло изъ устъ ея, обыкновенно безмолвныхъ. Покорность судьбѣ, истощенная собственными своими усиліями, не сдерживала болѣе души ея; наконецъ, въ ней говорила одна истина.

Она была прекрасна тогда, эта женщина, вышедшая изъ себя. Негодование оживляло щеки ея грустными цвѣтами; глаза ея блистали молніями, голосъ дрожалъ, въ жестахъ ея вдругъ явилось странное величіе. Германъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Не столько проникнутый глубокимъ смысломъ словъ ея, сколько пораженный какъ художникъ этою новою въ ней формою красоты, онъ нѣсколько времени созерцалъ ее молча. Потомъ, увлеченный однимъ лишь энтузіазмомъ, къ которому только и былъ способенъ, воскликнулъ: «Ты божественна, Нелида; никогда Малибранъ не была увлекательнѣе!»

Эти слова нанесли г-жѣ де-Керваэнсъ рану, отъ которой нѣтъ

исцѣленіи. Она внезапно остановилась, кинула на своего любовника долгій-долгий взглядъ, въ которомъ сосредоточилась вся сила страданія и упрека, съела молча, опять взяла работу, оставленную ею на столѣ и прилежно стала вышивать нѣжные арабески на прозрачномъ мусселинѣ. Германъ, не находя возможности возобновить приличнымъ образомъ разговоръ, то бралъ въ руки, то бросалъ нѣсколько ногъ, лежавшихъ на фортепяно, потомъ медленно отправился къ двери, ожидая, что г-жа де-Керваэнсъ позоветъ его. Она не подняла головы; онъ вышелъ. Съ этого времени, между ними было не только тайное несогласіе, но начало непріятности, обоими признанное; зерно ненависти пало въ любовь ихъ.

На другой день, Германъ отправился къ маркизѣ. Нелида не спрашивала его; не было произнесено имени Элизы. Молчаливымъ согласіемъ избѣгали они въ разговорахъ всего, что могло возбудить о ней хотя отдаленное воспоминаніе. Когда начатъ былъ портретъ, Германъ каждый день регулярно проводилъ три или четыре часа въ палаціѣ Зеппони. Правда, онъ вмѣнилъ себѣ въ непремѣнную обязанность оставаться всѣ вечера съ Нелидою; но эта обязанность, хотя онъ самъ наложилъ ее на себя, была тяжела для его характера, нетерпѣвшаго никакого принужденія. Такъ-какъ г-жа де-Керваэнсъ никого не принимала, то эти tête-à-tête не были прерываемы; для разговора не было пищи. Германъ чувствовалъ, что неловко говорить о своей свѣтской жизни. Онъ предложилъ читать вслухъ; онъ читалъ со скукой; она слушала безъ удовольствія. Съ каждымъ днемъ становился онъ задумчивѣе, она молчаливѣе. Они были въ періодѣ настойчивой любви, хотѣвшей быть одинокой и исключительной; противъ этой любви природа, не дающая человѣку ничего безусловно, начинаетъ съ горькой ироніей обращать ту же самую силу, при помощи которой эта любовь восторжествовала и, кажется, должна была бы сдѣлаться невредимою.

Однажды утромъ, Нелидѣ принесли письмо, въ которомъ она не узнала ни печати, ни почерка. Она очень удивилась, потому-что, получивъ отвѣты отъ тѣтки и подруги, никому больше не писала. Печаль дѣлаетъ подозрительнымъ. Она ожидала какого-нибудь новаго несчастія и нѣсколько минутъ смотрѣла на тонкія черты письма, которое распечатала, не рѣшаясь однако ни прочесть его, ни посмотреть на подпись.

Это письмо содержало въ себѣ слѣдующее:

«Помните ли вы меня? Сохранилось ли въ вашей памяти имя бѣдной Нелюдины? Я не смѣю надѣяться. Души благородныя, подобныя вашей, вѣчно помнить о полученномъ ими благодѣяніи, не удостоиваютъ вспоминать о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыми онѣ распочають. Не смотря на то, я думаю, что мое присутствіе не будетъ вамъ непріятно, и что въ васъ не произведетъ неудовольствія видъ счастья, которое вы устроили, тихой и кроткой жи-

«ни, которая принадлежит вамъ. Черезъ нѣсколько дней я буду съ вами. Нелида! дитя, вами усыновленное, дитя вашего состраданія выскажетъ вамъ наконецъ всю любовь, которую оно чувствовало къ вамъ и удерживало въ-теченіе долгихъ лѣтъ разлуки... Но сердце увлекаетъ меня. Позвольте рассказать вамъ въ скороткихъ словахъ, что со мной происходило съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались и какъ случилось, что теперь я къ вамъ ѣду.

«Послѣ того, какъ вы вышли изъ монастыря, я впала въ глубокую грусть. Все мнѣ стало ненавистно въ этихъ стѣнахъ, гдѣ васъ больше не было. Я думала только о васъ, говорила только о васъ, молилась только за васъ. Родители мои, бывшіе три мѣсяца въ отсутствіи, пріѣхали навѣстить меня. Они были удивлены моими успѣхами въ ученіи и еще болѣе удивлялись моею грусти, оказывавшей чувствительность, къ которой меня считали неспособною. Я умоляла ихъ взять меня домой; они съ радостію согласились. Два года провела я въ ихъ помѣстьѣ, въ Туренѣ, кротко, послушно, прилежно занимаясь хозяйствомъ. Матьменька начала думать, какъ бы выдать меня замужъ; но это заблужденіе не долго продолжалось; молва о томъ, что я дурочка, дошла прежде меня, и ничто не могло ее уничтожить. Провинція зла, потому-что пуста. Завидовали моему богатству и постановили правиломъ, что честный человѣкъ не долженъ подвергаться опасности имѣть дѣтей-идіотовъ. Общій крикъ разстроилъ однажды сватовство, довольно уже подвинувшееся. Мать моя приходила въ отчаяніе, когда провидѣніе привело въ Тулузу молодого негодяя, только-что передъ тѣмъ имѣвшаго случай оказать моему отцу важную услугу. Его пригласили остановиться у насъ. Родители мои рассказали ему свои безпокойства на мой счетъ. Тогда онъ объявилъ, что въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ никогда не осмѣлился бы подумать о рукѣ моей; но что теперь онъ предлагаетъ мнѣ значительное состояніе и уважаемое имя. Мать моя колебалась, но отецъ мой человѣкъ безъ предразсудковъ; онъ отвѣчалъ, что надобно только узнать о моемъ мнѣніи на счетъ этого брака. Я съ восторгомъ приняла предложеніе. Мысль о семейномъ счастьи, о дѣтяхъ, которыхъ я буду воспитывать, любить, часто заставляла меня плакать: я начинала опасаться вѣчнаго одиночества. Уже три года какъ я замужемъ — и я счастливѣйшая женщина! У насъ есть сынъ, котораго мы обожаемъ. Но все это счастье не помѣшало мнѣ думать о васъ, Нелида. Я часто говорила г. Бернару, — это фамилія моего мужа, — о томъ, чѣмъ вы для меня были. Я хотѣла писать къ вамъ; онъ мнѣ отговѣвался, замѣтивъ, что я, по положенію своему, не могу входить въ дружескія сношенія съ знатной дамой; но когда мы узнали о вашемъ бѣгствѣ изъ Вика, онъ вскричалъ: «Бѣдная женщина, она стремится на свою погибель. Она непремѣнно будетъ несчастлива и покинута; она будетъ имѣть нужду въ насъ,

«Клодина, и тогда, клянусь тебѣ, она найдетъ двухъ друзей. По- стараемся знать постоянно, что съ ней дѣлается!»

«... Простите мнѣ, Нелида, что я трогаю такія тайныя и большыя струны. Мы узнали по слухамъ, что вы несчастливы. Собирались ѣхать въ Неаполь, съ которымъ мой мужъ хочетъ войти въ коммерческія сношенія. Намъ должно было отправиться въ Марсель и тамъ сѣсть на корабль. «Поѣдемъ черезъ Женеву», «сказалъ онъ мнѣ однажды:—кто знаетъ? можетъ-быть, мы будемъ ей чѣмъ-нибудь полезны...» Вотъ мы въ Женевѣ, но васъ тамъ нѣтъ. Насъ увѣряютъ, что вы въ Ломбардіи. Мужа моего ожидаютъ въ Неаполь почти съ-часа-на-часъ; онъ предложилъ мнѣ отвезти меня въ Ломбардію, и, если вы еще тамъ, оставить съ служителемъ, на вѣрность котораго онъ можетъ положиться. Я согласилась, и черезъ три часа мы отправляемся. О, Нелида, «Нелида! да сохранить меня Богъ и доведетъ до васъ, хотя бы мнѣ должно было умереть, васъ обнявши!»

Г-жа де-Керваансъ была глубоко тронута этимъ письмомъ, напомиравшимъ ей счастливейшіе дни ея жизни, одни, счастливые совершенно. Она не могла удержаться отъ жестокихъ сближеній, бросившихъ жгучее угрызение въ ея сердце. Клодина, бѣдная дурочка, Клодина пренебреженная, забытая, о которой она даже не вспомнила, о которой никогда не думала ни въ минуты радостей, ни въ минуты страданій, возвращалась къ ней и кидалась въ ея объятія, когда всѣ другіе ее покидали. У ней, у одного робкаго дитяти, у смиренной мѣщаночки достало и мужества и нѣжности, чтобъ идти наперекоръ общественному мнѣнію и показать себя столько же твердою въ своей безкорыстной привязанности, сколько была тверда Нелида въ эгоизмъ своей страсти. Ни одно слово этого письма не показывало усилія, заранѣе-припятого намѣренія; все въ немъ было просто и истинно, во всемъ было видно величіе доброты. А между-тѣмъ, подруга счастливыхъ дней, подруга виновная и прощенная, которой представился неожиданный случай смыть свой проступокъ нѣсколькими дружескими словами, подруга, къ которой она обратилась въ движеніи благороднаго довѣрія, презрительно отвергала ее и сторонилась отъ ея дороги безъ сожалѣнія, безъ вздоха...

— О, Клодина! сказала г-жа де-Керваансъ, говоря сама съ собою:—какъ видно, что ты не свѣтская женщина! Свѣтъ отбросилъ бѣдную дурочку. Въ-самомъ-дѣлѣ, дурочка, продолжала она съ горечью:—смѣетъ приближаться къ тѣмъ, которые страждутъ, смѣетъ подавать руку тѣмъ, которыхъ клеймитъ свѣтъ, смѣетъ любить тѣхъ, дружба съ которыми даетъ безславіе!..

И Нелида, давно уже неплакавшая, потому-что страданія ея были жгучи и засушили въ ней источникъ слезъ, почувствовала, что вѣки ея влажны. Она почти испугалась своего чувства и рѣшилась не повѣрять Клодинѣ своей печали.

Въ тотъ же вечеръ подруги были въ объятіяхъ одна другой. Клодина стала совершенно — другою : счастье сдѣлало изъ нея почти красавицу. Кротость придавала гармонію довольно-неправильнымъ чертамъ ея. Во взорѣ ея еще видны были медленность и неопредѣленность мысли, невѣрящей самой въ себя; во время-отъ-времени онъ блисталъ восхитительнымъ выраженіемъ нѣжности и веселія. Таія ея превосходно развилась; кожа сохранила свѣжость и атласъ первой молодости. Въ ней во всей была та невыразимая прелесть, которая происходитъ отъ чистоты сердца и ума, невкусившихъ еще познанія добра и зла. Нѣсколько дней прошло въ грустныхъ, но пріятныхъ разговорахъ. Г-жа де-Керваэнсъ спрашивала о своихъ прежнихъ монастырскихъ знакомыхъ; она хотѣла знать въ подробности все, касавшееся настоятельницы.

— Увы! сказала ей Клодина:—самые грустные слухи носились о ней, когда, я въ послѣдній разъ была въ монастырѣ. Говорили, хоть я и не могу этому вѣрить, что мать Елизавета вышла изъ иночества, оставила монастырь, что она кинулась въ разныя политическія интриги. Говорили о тайныхъ обществахъ, о республиканскомъ заговорѣ. Мнѣ было тяжело слышать какъ носили женщину, которую я почитаю всѣмъ сердцемъ...

Эта новость не такъ удивила г-жу де-Керваэнсъ, какъ воображала себя добрая Клодина. Нелидѣ часто казалось, что буря встѣла надъ головою матери-Елизаветы. Есть натуры, которыя инстинктивно понимаютъ другъ друга. Страстные души узнаютъ себя подобныхъ даже въ осторожномъ молчаніи монастырской жизни.

VI.

— Какъ я вамъ благодаренъ, сударыня, сказалъ Германъ Клодинѣ въ первый разъ, какъ имъ случилось быть наединѣ:—за все, что вы дѣлаете для г-жи де-Керваэнсъ. Вашъ пріѣздъ сюда былъ небеснымъ посланіемъ. Присутствіе третьяго лица между мной и Нелидой сдѣлалось необходимо, а кромѣ васъ, она не согласилась бы принять никого другаго. Позвольте мнѣ сказать вамъ безъ всякаго самолюбія,—впрочемъ вы сами легко могли это замѣтить,—г-жа де-Керваэнсъ таеъ отъ-того, что находится подъ властію одного чувства; ее сѣдаетъ страсть ея, слишкомъ-исключительная. Всѣ старыя раны ея раскрылись отъ постоянныхъ думъ въ этомъ уединеніи, котораго никогда и ничто не разсѣваетъ; мои руки такъ-грубы, что не могутъ лечить подобныя раны. Не знаю, какое-то недоразумѣніе вкралось между нами; съ каждымъ днемъ оно тровитъ увеличиться, и если говорить съ вами откровенно, то мнѣ кажется, что отсутствіе, разлука, какъ бы она ни была коротка, необходима для возобновленія между нами довѣрія и свободы духа, исчезнувшихъ, какъ я увѣренъ, безъ всякой вины съ чѣй бы

то ни было стороны. Если вы можете убѣдить г-жу де-Керваансъ сѣлать вмѣстѣ съ вами небольшую поѣздку, пережвѣнить образъ ея мыслей, то, вѣроятно, ей будетъ лучше, и такимъ образомъ безъ потрясенія и тягостныхъ объясненій мы выйдемъ изъ положенія, одинаково непріятнаго и для нея и для меня.

Клодина нашла, что Германъ весьма-благоразуменъ, и это ее обрадовало. Она не знала, что расудокъ, когда онъ приходитъ такъ поздно, въ крайностяхъ, не излечиваетъ ранъ, но только измѣряетъ всю глубину ихъ. Г-жа де-Керваансъ довольно-охотно согласилась сѣздить во Флоренцію. Германъ обѣщалъ прїѣхать къ нимъ лишь-только кончить начатый имъ съ нѣкотораго времени портретъ. Подруги поѣхали въ каретѣ Клодины. Художникъ проводилъ ихъ до первой станціи, и надобно признаться, почувствовалъ необыкновенное довольство, воротясь въ Миланъ одинъ, видя себя свободнымъ, отдѣлвшимся, по-крайней-мѣрѣ на нѣсколько дней, отъ самаго грустнаго зрѣлища, отъ вида глубокихъ страданий, произведенныхъ его же виною, которыя не знаютъ ни жалобъ, ни утѣшенія.

Уже нѣсколько дней онъ былъ недоволенъ; портретъ маркизы Зеппони не удавался. Онъ приписывалъ эту неудачу своей работы, эту помѣху своей кисти душевной атмосферѣ, которою дышалъ дома, и вліянію, каково бы оно ни было, производимому на него гордымъ молчаніемъ Нелиды. Въ тотъ же день онъ опять отправился къ маркизѣ; она представилась ему въ новомъ свѣтѣ; онъ разорвалъ полотно и тотчасъ же началъ другой портретъ, смѣлостью, живизною и истиной совершенно его удовлетворившій. Прошло около недѣли. Письма изъ Флоренціи были благопріятны. Нелида съ любопытствомъ осматривала галереи, церкви, тысячи образцовыхъ произведеній тосканскаго искусства. Она почти каждый день присылала ему родъ дневника, гдѣ были небрежно набросаны ея легучія впечатлѣнія. Чаше всего на этихъ страницахъ, написанныхъ съ свободой души, говорящей съ собою, высказывались рѣдкая деликатность и чистота вкуса; время отъ времени, внушаемая восторгомъ, онѣ доходили до краснорѣчія. Германъ и гордился и чувствовалъ себя униженнымъ, читая ихъ. Женщина, чувствующая, думавшая и писавшая такимъ образомъ, принадлежала ему,—было чѣмъ гордиться; но когда, обращаясь къ самому-себѣ, онъ видѣлъ, что, не смотря на то, что былъ художникомъ, онъ не могъ бы въ столь опредѣленныхъ словахъ высказать такое быстрое, такое вѣрное сужденіе, то чувство его униженія производило въ немъ невыносимое страданіе.

Портретъ Элизы быстро приближался къ концу; ежедневно она давала Герману сеансы по пяти и шести часовъ, никогда не жалусь ни на малѣйшую усталость. Онъ былъ влюбленъ въ свою работу; маркиза была влюблена въ него; изъ этого происходило какое-то двусмысленное положеніе, котораго онъ не замѣчалъ, но которое ее приводило въ страшное замѣшательство.

За день до того времени, которое художник назначилъ для своего отъезда къ г-жѣ де-Керваснсъ, по случаю свадьбы одного изъ эрцгерцоговъ, былъ балъ и маскарадъ въ Скалѣ. Г-нъ Негри, банкиръ, къ которому былъ адресованъ Германъ, пригласилъ его къ себѣ въ ложу. Когда онъ вошелъ туда, его ослѣпило представившееся ему зрѣлище. Огромная зала великолѣпно освѣщалась колоссальныхъ размѣровъ люстрой и кандебрами, висѣвшими между пятью ярусами ложъ. Въ партерѣ, сравненномъ со сценой, при могучихъ звукахъ оркестра волновались, расходились во всѣ стороны пестрыя волны масокъ и домино, — толкались, сходились, кричали другъ другу, бранились, смѣшили ложки, гдѣ почтительно ухаживали кавалеры за великолѣпно-убранными дамами, блиставшими въ брильянтахъ и цвѣтахъ. Вездѣ блестящія удовольствіемъ взоры; чудныя обнаженные руки, опиравшіяся на шелковыя подушки, смуглыя плечи въ бархатѣ и кашмирѣ; рубиновыя и изумрудныя ожерелья, сіявшія на слоновой бѣлизнѣ шеи; возбудительныя опахалы, то скрывавшія, то открывавшія кокетливыя улыбки; томительныя нѣгой положенія тѣла, оборванные букеты, обмѣненные взоры, быстрые и блиставшіе какъ молнія; смутный ропотъ, похожіи на шумъ отъ огромнаго пчелинаго роя; время-отъ-времени восклицаніе, вырвавшееся изъ толпы, громкій хохотъ, заставлявшій головы нагибаться изъ ложъ, — словомъ, неопредѣлимое цѣлое, составленное изъ движенія, свѣта, цвѣтовъ, музыки и шума, какое-то всеобщее головокруженіе, въ которомъ было открытое поле для наслажденія и разврата.

— Что вы объ этомъ скажете? вскричалъ г. Негри, съ какою-то національною гордостью видѣвшій изумленіе Германа. — Не правда ли, что это единственное зрѣлище? Да здравствуетъ Миланъ и его веселый карнавалъ! Наши дамы не недоступны, и особенно такому прекрасному иностранцу, какъ вы, онѣ ни въ чемъ не откажутъ. Знаете ли, что въ Корсо съ нѣкотораго времени только и смотрятъ, что на васъ? На вашемъ мѣстѣ я воспользовался бы случаемъ. Нынче вечеромъ вы увидите здѣсь всѣхъ нашихъ красавицъ. Смотрите, вотъ, на аван-сценѣ, герцогиня Лина съ ея любовникомъ, графомъ Пембергомъ; вотъ Джузеппина Тольди, съ сестрой своею Каролиной; тамъ, въ 22 номерѣ, маркиза Маззипи съ Бертольдомъ; онъ кинулъ для нея Ругетту, которая умираетъ съ досады: посмотрите-ка, въ 4-мъ номерѣ, эти блѣдныя щеки и красные глаза! Но гдѣ же маркиза Зеппони? Это Сицильянка, но лучше всѣхъ нашихъ Миланокъ. А! вотъ она входитъ со своимъ *cavaliere servente*.

Лакей въ полной ливреѣ открылъ занавѣсы ложи, находившейся противъ ложи г. Негри. Элиза, закутанная въ горностаевую мантилью, сѣла на кресло съ-права. За ней слѣдовалъ молодой чело-вѣкъ; онъ отдалъ ей лорнетъ; она взяла, не обративъ на него ни малѣйшаго вниманія; потомъ, откинувъ назадъ мантилью, бѣлымъ взоромъ окинула залу. Когда она посмотрѣла на ложу

банкира, тотъ униженно ей поклонился; она отвѣчала безпокойнымъ и страстнымъ взоромъ, брошеннымъ на Германа. Этотъ взоръ въ первый разъ смутилъ его. По какой-то странности сердца, которую нельзя объяснить, онъ почувствовалъ то, что до-сихъ-поръ только видѣлъ, — именно, что маркиза Зеппони была удивительно хороша.

Г. Негри предложилъ Герману пройтись по залѣ. Нѣсколько молодыхъ людей тотчасъ же пригласили художника ужинать, и онъ отправился въ ихъ ложу. Послѣ ужина, они вмѣстѣ пошли въ фойе: тамъ плелась всѣ интриги и завязывались всѣ приключенія. Сопутниковъ его тотчасъ стали называть по именамъ разныя домини и уводили ихъ одного за другимъ. Онъ остался одинъ, утомленный шумомъ, нѣсколько отуманенный винными парами и испарениями этой душевной атмосферы; въ головѣ его тѣснились тысячи образовъ, тысячи смутныхъ ощущеній; онъ собирался уѣхать домой, какъ вдругъ женская рука взяла его подъ руку, и измѣненный голосъ, заставившій его однако вздрогнуть, сказалъ ему по-французски: «мнѣ надобно поговорить съ тобой; пойдёмъ».

Германъ позволилъ вести себя этой рукѣ, которая, слегка пожимая его руку, съ удивительной ловкостью провела его сквозь самую густую толпу. Когда они пришли въ тѣ части корридоровъ, гдѣ не было народа, гдѣ лишь время-отъ-времени ходили рѣдкія пары и можно было разговаривать не будучи услышаннымъ, маска сказала:

— Говорять, что ты ѣдешь? не уѣзжай. Ты не долженъ ѣхать, слышишь ли?

— А что ты сдѣлаешь, прекрасная маска, чтобы помѣшать мнѣ уѣхать? сказалъ Германъ, улыбаясь.

— Все, что хочешь; все, что хочешь, если ты можешь любить, быть скромнымъ и благоразумнымъ.

— Благоразумнымъ? возразилъ Германъ, стараясь придать шутивый оборотъ разговору, такъ странно начатому маской. — Мнѣ двадцать-три года; скромнымъ? я Французъ? любить? я именно потому и ѣду, что люблю.

Маска выпустила его руку. Съ минуту продолжалось молчаніе; потомъ она вновь сильно схватила его.

— Ты уѣзжаешь потому-что влюбленъ въ одну женщину, но ты останешься, потому-что полюбишь другую.

Эти слова были сказаны съ страннымъ выраженіемъ.

— Такъ ты очень надѣешься на свои прекрасные глазки, восхитительная маска? возразилъ Германъ, хотя онъ чувствовалъ въ себѣ серьезное безпокойство:—въ-самомъ-дѣлѣ, хоть я и не совершенно ихъ вижу, но мнѣ кажется, что я никогда не видалъ лучше ихъ.

— Надѣюсь на твою любовь, сказала маска тронутымъ голосомъ:—надѣюсь на предчувствіе, которое говоритъ мнѣ, что твоя рука вотъ такъ сожметъ мою руку (и она страстно сжала ему ру-

ку), что уста твои скажутъ мнѣ съ такимъ же выраженіемъ, съ какимъ я говорю теперь и которое не можетъ обманывать: «я люблю тебя».

Маска пошла быстрыми шагами, часто оборачиваясь назадъ, чтобъ видѣть, не преслѣдуютъ ли ея; она вошла въ пятый ярусъ, быстро отворила ложу, впустила въ нее Германа и, войдя сама, заперла дверь на ключъ; все это было дѣломъ секунды. Заванасы ложи были опущены; небольшая лампа разливала неопредѣленный свѣтъ.

— Ты не знаешь, кто я, сказала незнакомка Герману, взявъ его руку:—и, можетъ-быть, никогда не узнаешь. Что тебѣ за дѣло? Я молода, хороша собою и страстно люблю тебя. Я не скажу тебѣ, гдѣ и когда я тебя видѣла, но признаюсь, что съ первой минуты почувствовала къ тебѣ непреодолимое влеченіе. Я даже думала,— такъ я была глупа, — что это влеченіе должно быть обоюднымъ, что ты долженъ былъ желать моей любви, какъ я желала твоей, во что бы то ни стало. Но ты Французъ; ты не знаешь, подобно намъ, этихъ внезапныхъ и непобѣдимыхъ влеченій, этихъ жгучихъ страстей, которыя насъ убиваютъ.

— Я вамъ сказалъ, сударыня, прервалъ Германъ, у котораго не смотря на упоеніе этой безпорядочной ночи, сохранилось еще желаніе уклониться отъ пошлаго маскараднаго приключенія: — Французъ, холоденъ и сухъ, какъ всѣ Французы, и, что еще хуже влюбленъ, какъ только можно быть влюбленнымъ... въ другую.

— Ты насмѣхаешься надо мною, сказала маска, кидая руку ея которую она до-сихъ-поръ держала въ своей рукѣ;—жестокое и необузданное чувство, привлекавшее меня къ тебѣ, внушаетъ тебѣ одно презрѣніе. Я должна была это предвидѣть. Итакъ, все очевидно. У меня нѣтъ больше причины отъ тебя скрываться. Узнай женщину, которая осмѣлилась любить тебя первая и сказала отъ тебѣ въ минуту непонятнаго увлеченія; смѣйся надо мною; оскорбляй меня; называй меня самыми гнусными именами: они мнѣ будутъ пріятны, потому-что падутъ на меня изъ устъ твоихъ; презирай меня; насмѣхайся не только надъ моей страстью, но и надъ мною; посмотри въ лицо той, которой завтра не будетъ; посмотри на нее этимъ ледянымъ, мертвящимъ взоромъ... Я Элиза Зеппони.

Съ этими словами Элиза отбросила закрывавшій ее кашюшонтъ маска ея оторвалась; отъ внезапнаго движенія вырвалась золотая стрѣла, сдерживавшая ея волосы, и черныя волны ихъ распустелись до земли. Щеки ея были блѣдны, какъ мраморъ; глаза блѣдые стали въ темнотѣ; губы судорожно сжимались. Истощенная своимъ усиліемъ, она безъ чувствъ упала къ ногамъ Германа.

Легкій ударъ въ дверь заставилъ ее вскочить на ноги. Германъ кинулся, чтобъ вытолкать того, кто осмѣлился бы войти.

— Это ничего, сказала Элиза, вдругъ успокоившись и садясь въ кресло:—я забыла... это моя горничная приходитъ напомнить мнѣ, что пора ѣхать домой. Дѣйствительно, сказала она, надѣвая ма

ку и осторожно открывая занавѣски ложи:—Скала пустѣть; должно быть, скоро день... Забудь меня!

— Никогда! вскричалъ Германъ, не понимая хорошенько, что говорить.

— Въ такомъ случаѣ, до завтра, сказала Элиза съ спокойствіемъ, странно противорѣчившимъ всему случившемуся.

И она сдѣлала знакъ Герману, чтобъ онъ за ней не слѣдовалъ.

Художникъ возвратился домой въ безпокойствѣ, близкомъ къ опьянію. Одѣтый кинулся онъ въ постель и заснулъ свинцовымъ сномъ. Когда онъ проснулся, было очень-поздно. Солнце освѣщало безпорядокъ его комнаты. Вѣроятно, къ нему входилъ слуга, потому-что каминъ былъ затопленъ и на столѣ лежали письма изъ Флоренціи. Увидѣвъ почеркъ Неллиды, онъ почувствовалъ тяжелое впечатлѣніе, похожее на упрекъ совѣсти и заставившее его внезапно принять намѣреніе болѣе благоразумное и благородное, нежели какое можно было ожидать отъ него. Онъ рѣшился не йти на свиданіе къ маркизѣ и тотчасъ же ѣхать во Флоренцію. Не разсуждая болѣе, онъ сталъ приготовляться къ дорогѣ. Принявшись искать въ комнатѣ г-жи де-Кервансъ воть, которую она просила его привезти, онъ отворилъ бюро, гдѣ она обыкновенно писала, и наверху увидѣлъ книгу въ черномъ сафьяновомъ переплетѣ; онъ не разъ видалъ эту книгу у нея въ рукахъ; но она всегда поспѣшно прятала ее при его приближеніи. Германъ не былъ любопытенъ, но онъ почувствовалъ непреодолимое искушеніе просмотрѣть эту таинственную книгу. Большая часть страницъ были пусты; на другихъ была одна фраза, одно имя, число, молитва къ Богу... Художникъ не былъ такъ спокоенъ, чтобъ могъ отыскивать смыслъ этихъ отрывковъ; но ему попалась страница, написанная еще совершенно-свѣжими чернилами, и онъ прочелъ ее отъ начала до конца съ лихорадочною поспѣшностью. Вотъ что было начертано на ней рукою Неллиды:

«О, моя *грусть!* будь велика и спокойна; вырой въ душѣ моей такое глубокое русло, чтобъ никто, даже онъ не услышалъ твоей жалобы. Соверши свое дѣло молча; увлеки съ собою любовь мою далеко отъ береговъ, гдѣ цвѣтетъ надежда. Я не сопротивляюсь твоей горькой волнѣ; перестань же пѣниться и рокотать. О, грусть моя! будь велика и спокойна!

«О, мой *гнѣвъ!* будь гордъ и великодушень; охвати и сожги мое сердце, но не выражайся словами. Останься скрытымъ даже отъ Бога, потому-что ты такъ справедливъ, гнѣвъ мой, что Богъ сможетъ исполнить твои желанія, и тогда ты будешь побѣжденъ, ты перестанешь существовать; а я хочу, чтобъ ты былъ безсмертенъ, какъ любовь, которая произвела тебя. О, гнѣвъ мой! будь гордъ и великодушень!

«О, моя *гордость!* закрой навсегда уста; запечатай душу мою тройною печатью. Того, что я говорила, никто не понялъ; того, что я чувствовала, никто не угадалъ. Тотъ, котораго я любила, про-

«никъ только поверхность любви моей. Тебѣ одной довѣряюсь я.
«О, гордость моя! закрой навсегда уста мои!»

«О, мое *благоразуміе!* не старайся меня утѣшить; напрасно ты хотѣло бы сдѣлать меня невѣрною моему отчаянію; я знаю, что оно сошло изъ странъ, гдѣ ничто не оканчивается. Въ своей «мрачной красотѣ, оно пригласило душу мою на бракъ съ вѣчно-астью; ничто больше не должно разрывать связывающей насъ цѣпи. О, мое *благоразуміе!* не старайся меня утѣшить!»

При этомъ чтеніи, у Германа въ жилахъ задрожала кровь. Всѣ его добрыя намѣренія исчезли: худшая часть существа его увлекла его еще разъ. Зубы его застучали отъ гнѣва и бѣшенства; пальцы судорожно сжались отъ ярости; гордости его былъ нанесенъ смертельный ударъ. Онъ видѣлъ, что онъ разгаданъ, понятъ, осужденъ гордостью, которая была больше его гордости, умомъ, имѣвшимъ такую силу, какой онъ не подозрѣвалъ. Женщина, бывшая его рабыней, освободилась, и если соглашалась еще носить его цѣпи, то уже не слѣпо, а сознательно, — не для того, чтобъ остаться вѣрною другому, но чтобъ остаться вѣрною самой-себѣ. Эта мысль привела его въ страшное бѣшенство. Онъ позвонилъ, приказалъ тотчасъ же подать экипажъ, кинулся въ него, какъ-будто опасался, чтобъ его не удержали, и закричалъ кучеру громовымъ голосомъ: «*Strada del Corso, palazzo Zeproni!*»

VII.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Нелида не была больше тою покорною и кроткою женщиною, незнавшею жизни, незнавшею себя, которая, какъ мы видѣли, увлекалась своими мечтами и на удачу выбирала всякій путь, открывавшійся передъ нею. Она перенесла великое испытаніе въ судьбѣ человѣческой, — испытаніе, которое разбиваетъ сердца слабыя, унижаетъ обыкновенныя души, но посвящаетъ въ добродѣтель истинно-добродѣтельныя природы: она пала. Никто не можетъ постигнуть во всемъ объемѣ ни истинную справедливость, ни истинную благость, если онъ, по-крайней-мѣрѣ разъ въ жизни, не чувствовалъ противоположныхъ направленій своей природы и слабости существа своего. Въ признаніи всякаго заблужденія, переносимаго съ мужествомъ, есть зародышъ героизма; этотъ зародышъ былъ въ душѣ Нелиды; онъ росъ въ ней уже годъ, онъ укрѣплялся въ ней ежедневно-возраставшимъ чувствомъ отчаяннаго самоотверженія и безиллудной преданности.

Строки, прочтенныя Германомъ съ такимъ негодованіемъ, были крикомъ души ея; это была твердая, всизмѣнная рѣшимость страдать молча и до конца, безъ надежды и жалобы вынести тяжелую муку отъ слишкомъ-поздно узнанной истины. Она отправилась во Флоренцію съ мыслию, довольно-похожею на мысль ея любовника; она хотѣла, чтобъ былъ промежутокъ, такъ-сказать, пере-

ривъ между этими двумя годами оболъщенія, сомнѣнія, восторга и отчаянія и тихимъ, твердымъ покорствомъ несчастію, извѣданному до корня. Наконецъ, она увидѣла ясно душу Германа. Она не считала уже его столь великимъ, чтобъ это величіе могло извинить ея заблужденіе. Съ этого времени, ей больше нѣчего было ожидать отъ будущаго.

Клодина, видя, что она спокойна, занята, въ ясномъ расположеніи духа, обманулась этими признаками, и когда мужъ пріѣхалъ за ней во Флоренцію, радостно сообщила ему о счастливомъ результатѣ своихъ стараній. Онъ не смѣлъ выводить ее изъ заблужденія; но одного взгляда на изнеможенные черты и лихорадочный цвѣтъ лица г-жи де-Керваэнсъ довольно было для него, чтобъ узнать больше и объяснить иначе это наружное спокойствіе. Германа ждали со-дня-на-день. Онъ не пріѣзжалъ; писемъ не приходило. Клодина начинала тревожиться, но дѣлала видъ, что совершенно-спокойна, придумывала множество невѣроятныхъ объясненій этому непонятному молчанію, полагая, что г-жа де-Керваэнсъ добродушно вѣрить ея словамъ, ибо она ей не противорѣчала. Г. Бернаръ, водившій Нелиду подъ руку по артистическимъ прогулкамъ, которыя они каждый день предпринимали, чувствовалъ, что она съ часа на часъ ходитъ съ большимъ трудомъ, дышетъ съ большимъ усиленіемъ, говоритъ болѣе-неровнымъ и нервическимъ голосомъ. Онъ опасался, чтобъ подобная неизвѣстность не продолжалась, и искалъ уже предлога, чтобъ ѣхать въ Миланъ, какъ однажды утромъ получилъ на имя г-жи де-Керваэнсъ посылку и заштемпелеванное письмо, которое подалъ ей съ страннымъ біеніемъ сердца. Не смотря на свою скромность, онъ остался возлѣ нея въ то время, какъ она читала. Онъ долго ожидалъ. Нелида, казалось, съ трудомъ разбирала хорошо-знакомую ей руку; письмо было отчаянно длинно.

— Не оставляйте меня, вскричала наконецъ г-жа де-Керваэнсъ, глядя на него съ потеряннѣмъ видомъ и схвативъ его за руку, въ которую впилась ногтями. Не оставляйте меня ни на минуту: мнѣ кажется, я схожу съ ума!

И она подала ему письмо, которое только-что прочитала: — Читайте, читайте! продолжала она: — читайте скорѣе и скажите мнѣ, что я ошиблась. Это не онъ писалъ, не правда ли?

Пока г. Бернаръ читалъ, Нелида, впервые взоры въ его глаза, продолжала сжимать его руку и ждала его перваго взгляда или перваго слова какъ приговора къ жизни или смерти.

Такъ прошло пять минутъ.

— Остается одно, сударыня, сказалъ наконецъ этотъ холодный и добрый человекъ, вставая и принуждая встать вмѣстѣ съ собой г-жу де-Керваэнсъ: — одно, что еще васъ достойно и согласно съ уваженіемъ вашимъ къ самой-себѣ. Оставьте Италію; возвратитесь во Францію; поѣзжайте въ деревню, къ Клодинѣ. Не рѣшайте ни на что въ подобную минуту. Живите и ожидайте. Ожидайте

всего отъ времени, отъ себя-само́й; вы принадлежите къ числу благородныхъ созданий, которыя не могутъ погибнуть презрѣннымъ образомъ. Не позволяйте разрушить себя вредной силѣ, которой вы долго покорялись, страсти недостойной...

— Ни слова больше! сказала Неллида:— для того ли, чтобъ жить, или для того, чтобъ умереть, все равно, но вы говорите правду: я должна увидѣть родину. Мнѣ надобно найти тамъ прощенье прежде, нежели я оставлю землю.

Вотъ, что Германъ Ренѣ писалъ Неллидѣ де-Керваансъ, спустя два года послѣ того, какъ увезъ ее:

«Есть *страданіе*, которое *большо*, но не спокойнѣе вашего, сударыня: это мое страданіе о томъ, что я не нахожу въ вашемъ сердцѣ ни одного изъ тѣхъ чувствъ, въ которыхъ нуждается мое сердце.

«Есть *милосердіе* болѣе справедливый; это гнѣвъ, возжигаемый во мнѣ несправедливымъ мученіемъ, которымъ вы тяготите жизнь мою.

«Есть *гордость*, которая выразится только одинъ разъ, потому-что вы смертельно поразили ее. Это гордость человѣка, котораго вы не понимаете, потому-что ваша пугливая душа и вашъ робкій умъ могутъ сочувствовать только пошлымъ натурамъ, покорнымъ мелкимъ условіямъ обыкновенныхъ требованій.

«Есть *благоразуміе*, говорящее намъ, что мы не можемъ больше понимать другъ друга, что мы должны разстаться до-тѣхъ-поръ, пока глазамъ вашимъ откроется другой свѣтъ, который я не могу васъ заставить видѣть.

«Ваше упорное молчаніе, вашъ раздражительный протестъ противъ моей жизни въ-продолженіе болѣе года, произвели во мнѣ внутреннюю боль, которая, вѣроятно, сдѣлалась бы немалочислою, еслибъ я не успѣшилъ освободиться отъ вашего губительнаго на меня вліянія. Не толкуйте въ дурную сторону словъ моихъ. Я *уѣзжаю* изъ Милана, удаляюсь на время отъ разрушительнаго дѣйствія, которое вы имѣете на мою душу; но преданность моя остается при васъ. Куда бы я ни поѣхалъ, или гдѣ бы вы ни были, дайте мнѣ вѣсть, и я полечу къ вамъ. Но прежде всего я *сделаю* снасти въ себѣ художника; пламя, животворившее мой гений, должно снова загорѣться. Оно погасло бы въ той атмосферѣ, въ которой вы хотите, чтобъ я жилъ.

«Я ѣду въ В... Великій герцогъ, котораго я встрѣтилъ въ Миланѣ, воздвигъ музей и поручилъ мнѣ расписать фресками сводъ огромной галереи, построенной по рисункамъ первыхъ архитекторовъ Германіи. Этотъ славный трудъ покажетъ моимъ друзьямъ въ врагамъ моимъ, къ чему я способенъ. Думаютъ, что я палъ, *увидѣть* себя (я знаю, что и вы также думаете), что я неспособенъ ни къ чему великому, потому-что не живу пустынно-скемъ и съ нѣкотораго времени занимаюсь только мелкими работами. Черезъ два года отпѣтъ мой художельникъ, отпѣтъ онъ ваши

«несправедливости будетъ начертанъ невогладимыми чертами на стѣнахъ великолѣпнаго дворца.

«Прощайте, сударыня. Съ вами преданные друзья. Полагаю, что они останутся при васъ и помогутъ вамъ основаться приличнымъ образомъ или во Флоренціи, или въ Неаполѣ, который вы желали видѣть, и гдѣ климатъ, кажется мнѣ, будетъ всего благопріятнѣе для вашего здоровья. Теперь ничто не препятствуетъ вамъ начать снова жить сообразно съ вашимъ званіемъ и вашимъ состояніемъ. Когда будутъ окончены первыя мои работы, лѣтъ черезъ шесть, я приѣду къ вамъ туда, гдѣ вы будете жить и тогда, можетъ-быть, намъ можно будетъ возобновить то существованіе, въ которомъ я былъ бы всегда счастливъ, еслибъ вы, какъ-будто съ намѣреніемъ, не отравили его.

«Если же не такъ... Но я не хочу при своей горести, и безъ того почти непреодолимой, предугадывать горестъ еще большую.

«Прощайте, сударыня; прощай, Нелида; позволь мнѣ сказать тебѣ до свиданія.»

Противъ всякаго ожиданія, г-жа де-Керваэнсъ, покидая Италію, никакимъ внѣшнимъ проявленіемъ не выразила того, что въ ней происходило. Въ-продолженіе всего пути, она была молчалива, но довольно-спокойна, и находила еще нѣжныя слова, чтобы благодарить Клодину и мужа ея за тѣ трогательныя заботы, которыми они ее окружали.

Но, доѣхавъ до Ліона, г. Берцаръ увидѣлъ, что она была въ изнеженіи и что далѣе нельзя ѣхать. Остановиться въ Ліонѣ ему казалось менѣе опаснымъ, потому-что г-жа де-Керваэнсъ ни разу не была здѣсь съ Германомъ и, стало-быть, не могла найти ни одного изъ тѣхъ, такъ-сказать, жеманныхъ воспоминаній, которыя такъ губельны въ неизлечимыхъ страданіяхъ.

Въ глубинѣ души онъ смотрѣлъ на принятое Германомъ намѣреніе, какъ на событіе горестное, но которое, если Нелида преуспеетъ свою горестъ, должно было имѣть благодѣтельныя послѣдствія. «Г-нъ де-Керваэнсъ ушій человѣкъ» говорилъ онъ часто Клодинѣ, оставаясь съ нею наединѣ: «онъ пойметъ, что лучше всего будетъ опять принять къ себѣ жену. Можетъ-быть, для пріличія, потребуетъ онъ, чтобы она прожила нѣсколько мѣсяцевъ въ монастырѣ, потомъ поѣдетъ къ ней, забудетъ прошлое, приѣдетъ ее назадъ къ Бретань, и въ свѣтъ, послѣ необходимой гримасы, рады будутъ прекрасной и богатой женщиной, которой вся жизнь заключалась, наконецъ, только въ томъ, что она была слишкомъ-откровенна и не воспользовалась терпимостью, въ которой могла быть увѣрена при самомъ легкомъ лицемѣрствѣ.»

Поглестивъ жену и Нелиду въ порядочной гостинницѣ, г. Берцаръ отправился на городскую почту, чтобы справиться о мѣстѣ жительства одного родственника, съ которымъ онъ находился въ близкихъ дружескихъ, хотя довольно-рѣдкихъ сношеніяхъ. Рѣкое-

различіе мнѣній раздѣляло ихъ еще болѣе, нежели разстояніе: Честный негоціантъ, очень-мало заботясь о политическихъ волненіяхъ и соціальныхъ реформахъ, сердцемъ и умомъ преданный своему состоянію и благоденствію своего семейства, былъ, какъ легко понять, рѣшительнымъ приверженцемъ правительства. Напротивъ того, его двоюродный братъ, воспитанникъ политехнической школы, кинулся очертя голову въ радикализмъ; говорили, что онъ начальникъ тайнаго общества; имя его нѣсколько разъ бывало упомянуто въ республиканскихъ заговорахъ, еще угрожавшихъ въ то время новой династіи. Итакъ, между этими людьми не могло быть слишкомъ-короткихъ отношеній. Однако, родство и естественная между благородными людьми симпатія сохраняли права свои и г. Бернаръ съ истинной радостью отправился къ предмѣстію Гильйотьеры и постучался у дверей кузена своего, Эмиля Фереза.

Послѣ первыхъ, безотвѣтныхъ вопросовъ, перекрещивающихся и сталкивающихся обыкновенно по возвращеніи изъ долгаго отсутствія, г-нъ Бернаръ вкратцѣ рассказалъ своему кузену о грустныхъ событіяхъ, приведшихъ его въ Ліонъ, и опасеніяхъ, которыми его тамъ удерживали. Произнося имя г-жи де-Керваэнсъ, онъ былъ прерванъ женщиной, которой до того времени не замѣтилъ: комната была темна, а она сидѣла за каминомъ, около котораго, по другую сторону, онъ разговаривалъ съ Ферезомъ.

— Г-жа де-Керваэнсъ здѣсь? вскричала эта женщина, подходи и обращаясь къ нему съ странною живостью:—гдѣ же? Отведи меня, сударь, тотчасъ же къ ней, прошу васъ.

Эта просьба очень была похожа на приказаніе. Изумленный г. Бернаръ проговорилъ нѣсколько словъ о разстроенномъ здоровьѣ г-жи де-Керваэнсъ, которое не позволитъ ей принять...

— Я увѣрена, что она меня пріиметъ, отвѣчала незнакомка. Потомъ она тихо сказала что-то на ухо Ферезу.

— Исполните ея желаніе, продолжалъ Ферезъ. — Присутствіе ея можетъ принести только пользу вашей пріятельницѣ.

Г-нъ Бернаръ не возражалъ. Онъ подалъ руку незнакомкѣ и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ подумалъ, что ему прійдется пройти по всему городу съ женщиной, весьма-странно одѣтой. Незнакомка была въ черномъ платьѣ изъ грубой матеріи; большой деревянный крестъ висѣлъ у ней на шеѣ; вмѣсто того, чтобъ надѣть шляпку, она накинула на свои сѣдые волосы, остриженные и причесанные какъ у мужчины, шерстяной шарфъ, закрывшій ей голову и плечи.

— Я привыкла ходить одна, сказала она, отказываясь отъ руки г. Бернара:—я не опираюсь ни на чью руку.

Онъ не совсѣмъ былъ недоволенъ такой неучтивостью. Проходя отъ жилища Фереза къ отели Сѣвера, г. Бернаръ съ удивленіемъ замѣтилъ, что костюмъ, казавшійся ему такимъ страннымъ, не привлекалъ ничего вниманія. Удивленіе его удвоилось, когда, проходя мимо открытыхъ мастерскихъ, онъ увидѣлъ, что ремес-

девки встають и кланяются странной незнакомкѣ. Нѣсколько дѣтей, игравшихъ на улицѣ, увидя ее, оставили игру и подбѣжали къ ней. Она побранила ихъ за то, что они ничего не дѣлають и приказала прійти къ себѣ на другой день. Г-нъ Бернаръ былъ изумленъ совершенно; наконецъ, они подошли къ отели.

— Какъ мнѣ сказать о васъ г-жѣ Керваэнсъ? спросилъ онъ, отворяя дверь въ ея комнату. Въмѣсто отвѣта, незнакомка кинулась въ дверь. «Маменька!» вскричала Клодина, увидѣвъ ее первая; и обѣ женщины бросились въ объятія другъ другу. Неллида сдѣлала усиліе, чтобъ приподняться, и упала на канапé, на которомъ лежала. Незнакомка подбѣжала къ ней. Нѣсколько минутъ продолжались обниманья, слезы, отрывистыя слова. Г. Бернаръ, изъ скромности остановившійся въ дверяхъ, видя, что нечего опасаться этого свиданія, отправился назадъ, не будучи замѣченъ женою, и пошелъ къ Ферезу, чтобъ узнать объясненіе этой загадки.

— Особа, которую ты провожалъ, сказалъ ему кузень, предупредая его вопросы: — самая необыкновенная женщина, какую я когда-либо видѣлъ. Она долго была настоятельницей въ монастырѣ Аннонсіады и сняла съ себя рясу по самымъ уважительнымъ причинамъ. Ты не совсѣмъ нашъ, продолжалъ Ферезъ, положивъ руку на плечо г. Бернара: — и потому я не могу открыть тебѣ тайну ея жизни. Но достовѣрно, и это здѣсь всѣ знаютъ, что она имѣетъ на рабочей классѣ, въ особенности на женщинѣ, почти чудесное вліяніе, плоды котораго вскорѣ должны оказаться. Своими благотвореніями, возвышеннымъ умомъ, краснорѣчіемъ, она создала себѣ какое-то могущество, приличное ея мужественному характеру и инстинктамъ ея натуры. Это великая женщина, которая оставитъ послѣ себя слѣдъ на землѣ.

Два пріятели долго еще разговаривали. Г. Бернаръ не переставалъ разспрашивать Фереза о непонятой съ его точки зрѣнія жизни незнакомки, когда мать-Елизавета, которую, вѣроятно, уже узнали читатели, вошла въ комнату, и, подходя прямо къ нему, сказала:

— Г-жа де-Керваэнсъ не въ состояніи доѣхать до Парижа. Къ тому же, Парижъ для нея не годится. Клодина говоритъ, что вы не можете оставаться здѣсь безъ значительнаго вреда вашимъ дѣламъ. Оставьте Неллиду со мною; я вамъ за нее отвѣчаю. Никто въ настоящее время не можетъ быть для нея полезнѣе меня. Я поселюсь въ отели, въ самой ея комнатѣ, до-тѣхъ-поръ, пока можно будетъ перевезти ее сюда. Я не покину ея ни на минуту; я буду аккуратно извѣщать васъ о ней; если она поправится и изъявитъ желаніе возвратиться въ Парижъ вы за ней прійдете... Все это уже условлено съ Клодиной, прибавила она нетерпѣливымъ тономъ, видя, что г. Бернаръ колеблется: — подите, помогите вашей женѣ собраться въ дорогу; черезъ часъ я буду въ отели Сѣвера.

Г. Бернаръ, уже испытавшій на себѣ вліяніе матери-Елизаветы, хотѣлъ говорить ей о будущности Неллиды и о своихъ надеж-

Т. I. — Отд. I.

дахъ помирить ее съ мужемъ. Монахиня посмотрѣла на него съ странной улыбкой.

— Намѣреніе ваше, независимо отъ другихъ неудобствъ, имѣетъ еще то, что оно слишкомъ-поздне, сказала она.—Развѣ вы не читаете журналовъ? И, порывшись въ грудѣ газетъ, наваленныхъ на столѣ, она взяла одинъ изъ номеровъ «Монитѣра», вышедшій дней за шесть или за восемь, и прочла слѣдующее:

«Ужасное происшествіе привело въ ужасъ Департаментъ Илли-«Вилена. Графъ Тимолеонъ де-Керваансъ, послѣдній потомокъ этой славной фамиліи, былъ убитъ на охотѣ по неосторожности одного изъ сосѣдей. Подобные случаи возобновляются такъ часто, что мы считаемъ обязанностью и проч. и проч.»

Г. Бернаръ ничего не отвѣчалъ и вышелъ, пожавъ руку Ферезу.

VII.

*«Alleen musst du entfalten deine Schwingen,
Alleen Dich auf die See des Lebens wagen,
Alleen nach Deinen Idealen jagen,
Alleen, allein, nach Deinem Himmel ringen.»*

Гюгоен Нивален.

Одна должна ты расправить свои крылы,
одна пуститься по жизненному морю; одна
стремиться за своими идеалами; одна, одна
лѣтѣть въ свое небо.

Жоржъ Гюгоенъ.

Прошло около мѣсяца. Нелида, которой нанесенъ былъ новый ударъ извѣстіемъ о смерти мужа, далеко не поправлялась. Надежды матери—Елизаветы не осуществлялись, и она начинала раздѣлять опасенія Фереза, считавшаго Нелиду неизлечимою. Она хотѣла и не смѣла прямо дѣйствовать на эту безмолвную тоску; и боялась и желала кризиса, потому—что онъ могъ быть гибельнымъ, но могъ также пробудить Нелиду отъ нравственной летаргіи, которой она предавалась такъ охотно.

Однажды вечеромъ, обѣ онѣ сидѣли въ комнатѣ Нелиды по сторонамъ камина и приготовляли корпію для одного раненнаго. Пальцы г-жи де-Керваансъ машинально щипали полотно; мысль ея была далеко.

— Нелида, Нелида, сказала наконецъ мать—Елизавета, будучи не въ силахъ болѣе удерживать свою раздраженную горестъ:—Я недовольна тобою, дитя мое. Я имѣла право больше ожидать отъ твоей ко мнѣ привязанности и отъ твоего мужества.

Нелида подняла на нее глаза, посмотрѣла на нее съ невыразимымъ удивленіемъ, нѣсколько минутъ молчала и потомъ, по вольному движенію, кинулась въ ея объятія и зарыдала.

— Вот мы точно въ такомъ же положеніи, какъ въ то время, когда я нашла тебя молящеюся въ твоей кельѣ, сказала монахиня важнымъ тономъ.—Богъ избралъ насъ, Нелида, своими орудіями, соединивъ насъ нынѣ, послѣ такихъ тяжелыхъ испытаній, въ одномъ и томъ же чувствѣ.

Нелида покачала головой.

— Богъ не можетъ избрать орудіемъ мертвую, сказала она:—во мнѣ нѣтъ больше жизни; мнѣ нѣчего больше дѣлать въ этомъ мѣрѣ ни для себя, ни для другихъ.

— Не богохульствуй, вскричала монахиня. — Ради Бога, не богохульствуй, не кляни жизни, не кляни самой-себя! Жестокій эгоизмъ нѣкоторыхъ страданій — самое преступное безбожіе...

При этомъ горькомъ упрекѣ, Нелида вырвалась изъ объятій монахини и молча сѣла въ кресло.

— Судьба моя свершилась, сказала она, видя, что мать-Елизавета не прерываетъ молчанія.

— Судьба! пустое слово! Наша судьба — это нашъ характеръ, наши способности, которыя или управляются нашею волею, или низко покидаются ею. Кто же осмѣлится сказать передъ смертнымъ часомъ, что самъ вполне окончилъ дѣло, достойное похвалъ вѣчнаго художника, допущенное въ нѣдра красоты безконечной? Твои способности велики, Нелида; ты должна будешь отдать въ нихъ строгій отчетъ.

— Я васъ не понимаю, матушка; что же могу я теперь сдѣлать? чего могу желать?

— Я виновата, сказала монахиня болѣе-кроткимъ голосомъ, съ вѣжностью сжимая руку Нелиды:—ты не можешь понять смысла словъ моихъ, потому-что я никогда не открывала тебѣ своего сердца. Ты еще не знаешь меня. Не утомлю ли я тебя краткимъ разсказомъ о своей жизни? Когда ты меня выслушаешь, можетъ-быть, мы легко поймемъ другъ друга. Если же не поймемъ, то увидимъ по-крайней-мѣрѣ, что намъ нельзя оставаться вмѣстѣ. Я возвращу тебя друзьямъ твоимъ, отъ которыхъ оторвала тебя съ ревнивой страстью и огромными надеждами, и сама покорно возвращусь къ своей уединенной жизни.

— Я васъ слушаю всей душою, сказала Нелида, подвигая кресло къ табурету, на которомъ всегда садилась мать-Елизавета.

Монахиня подумала съ минуту и начала такъ:

«Я не помню моей матери. Отецъ мой былъ человѣкъ твердый, холодный, съ положительнымъ умомъ, съ сердцемъ... я никогда не думала, чтобъ у него было сердце. Исключительное занятіе дѣлами, которымъ онъ долго предавался, поглощало въ немъ всю возможность живыхъ порывовъ. Все остальное, считая въ томъ числѣ и дѣтей его, не встрѣчало въ немъ никакого сочувствія. Онъ, казалось, не заботился о томъ, чтобъ быть любимымъ: ему не достало бы для этого времени. Ему достаточно было, что ему повинуются, и въ этомъ всѣ его окружавшіе удовлетворяли его со-

вершенно. Никто не спорилъ, не разсуждалъ о его приказаніи; ему повиновались какъ неизмѣнной силѣ, какъ отвлеченной справедливости, и думали, что стараніе смягчить эту справедливость—безумство. У меня была еще сестра отъ другой матери, воспитывавшаяся въ Германіи, у своей тѣтки. Что до меня касается, я оставалась дома не по какимъ—нибудь побужденіямъ родительской нѣжности, но только потому—что отцу моему, всегда занятому другимъ, некогда было подумать о томъ, чтобъ отдать меня куда—нибудь. Я никогда не бывала больна, не шумѣла, была очень—сосредоточена и весьма—свободна въ обращеніи. Поэтому я не была для него тягостна, никогда ничѣмъ не давая замѣчать своего присутствія. Такимъ—образомъ, я много лѣтъ оставалась на его глазахъ, и мое присутствіе никогда не было для него ни удовольствіемъ, ни помѣхой. Само—собой разумѣется, что я не получила никакого образованія. Въ шестнадцать лѣтъ, кажется, я еще не умѣла раскрыть книги. Не смотря на то, способности мои не оставались безъ развитія; о, напротивъ! Отецъ мой, неизмѣвнѣйшій друзей въ томъ смыслѣ, какъ ты и я понимаемъ это слово, имѣлъ тѣсныя политическія связи. Гостиная его обыкновенно была мѣстомъ свиданія министровъ, бывшихъ или будущихъ, и всѣхъ сколько—нибудь замѣчательныхъ лицъ по части дипломатіи, администраціи или журналистики. Тамъ говорили свободно и умно. Судили о людяхъ и обстоятельствахъ съ высшей точки зрѣнія и съ непоколебимой строгостью безстрастной логики. Тамъ, въ углу этой гостиной, гдѣ меня скорѣй забывали, нежели позволяли мнѣ находиться, напрягая слухъ и зрѣніе, получила я первое понятіе о томъ, какъ идетъ міръ. Умъ мой, склонный къ наблюдательности, въ серьезныхъ разговорахъ этихъ избранныхъ умовъ прivityкъ къ сильной мысли и энергическому дѣйствію. Ободряемая вниманіемъ одного добраго старичка, ходившаго къ намъ, я нѣсколько разъ осмѣливалась обращаться къ нему съ вопросами, которые его изумили. Онъ сталъ меня спрашивать и нашель, что мнѣ не только извѣстны всѣ предметы, о которыхъ при мнѣ говорили, но что я была способна къ строгимъ логическимъ выводамъ, быстро схватывала настоящую точку зрѣнія на вопросы и часто разрѣшала ихъ по—свѣдому, съ необыкновенною смышленностью. «Знаете ли» однажды сказалъ онъ одному изъ обычныхъ посѣтителей нашихъ, удивлявшемуся, что я около часа пресерьезно разговариваю съ нимъ: «знаете ли, что это у насъ маленькая Роландъ? Она напишетъ намъ письмо къ королю, когда будетъ нужно.» Это имя осталось за мною.

«Мнѣ хотѣлось узнать, было ли въ мою пользу сравненіе, и я просила секретаря моего отца дать мнѣ мемуары гордой жирондистки. Одно меня въ нихъ поразило и произвело сильное впечатлѣніе на мою душу: это серьезная роль, которую могла разыгрывать женщина, вліяніе ея на умы мужчинъ и высокая смерть, увѣнчавшая эту геройскую борьбу. И женщины могутъ быть вели-

ни, мужественны, могутъ что — нибудь значить. Отъ этой мысли я дрожала какъ въ лихорадкѣ. Удивляясь г-жѣ Роландъ, я хотѣла узнать и другихъ женщинъ, о которыхъ память сохранилась во Франціи. Элоиза, Жанна д'Аркъ, г-жа де-Ментенонъ, г-жа де-Сталь, сдѣлались для меня предметами особаго изученія; потомъ, я расширила кругъ своихъ изслѣдованій и вступила въ область исторіи и философіи. Секретарь моего отца помогалъ мнѣ въ занятіяхъ. Ферезъ былъ человекъ съ рѣдкими епособностями; въ немъ, подъ молчаніемъ, на которое онъ осужденъ былъ своимъ положеніемъ, кипѣли бурныя страсти; республиканецъ съ головы до ногъ, онъ ждалъ только времени, когда ему достанется небольшое наслѣдство, чтобъ, сдѣлавшись независимымъ, отказаться отъ своей рабской должности и открыто пристать къ партіи, бредившей въ то время соціальною реформою. Видя энтузіазмъ мой къ благороднымъ идеямъ, онъ отложилъ со мной всякую недовѣрчивость, и въ продолженіи долгихъ свиданій, слѣдовавшихъ за моими занятіями, посвятилъ меня въ намѣренія радикальной молодѣжи. Видя въ перспективѣ подобную будущность, я чувствовала, какъ дрожать всѣ фибры моего сердца. Вскорѣ дня было недостаточно для удовлетворенія моей страсти къ учению. Я цѣлыя ночи проводила въ чтеніи, пожирая исторію французской революціи, писателей восемнадцатаго вѣка и всѣ замѣчательныя произведенія новѣйшихъ соціалистовъ. Я повѣсила у себя надъ столомъ портретъ г-жи Роландъ. Ферезъ увѣрялъ меня, что я похожа на мою героиню. Съ этого времени, таинственный голосъ не переставалъ твердить мнѣ на ухо, что, можетъ-быть, и я нѣкогда...

«Въ это время, смерть тѣтки заставила моего отца взять къ себѣ дочь, о которой я уже говорила: я никогда не видала ея. Она пріѣхала, по нѣмецкому обычаю, въ сопровожденіи сухошавой и вытянутой старухи, внушившей мнѣ съ самаго начала непреодолимое отвращеніе. Что касается до сестры моей, то, признаюсь, мнѣ было чрезвычайно-трудно привыкнуть къ странному ея виду. Она не была безобразна, по-крайней-мѣрѣ не имѣла того безобразія, которое можно опредѣлить, но рѣшительно была лишена всякой прелести, сколько это возможно въ двадцать-два года, имѣла прекрасный цвѣтъ лица, роскошные волосы и порядочныя черты лица. Была ли она расположена къ необычайной толстотѣ, или китовые усы, которыми она стягивалась, располагали тѣло ея къ противоположенію, или она слишкомъ-много ѣла мучнаго, или мало думала и страдала, но она была толста до смѣшнаго, до того, что не имѣла человѣческаго образа. Не замѣчая своего несчастія, она еще увеличивала непріятное впечатлѣніе своими неумѣренными претензіями. Она поднимала носъ, закидывала назадъ голову, говорила падменнымъ тономъ и одѣвалась въ яркіе цвѣта, какъ театральная царица. Вступленіе ея въ гостиную моего отца было настоящимъ бѣдствіемъ. Старики разборчивы на красоту.

«Знаете ли, что ваша восхитительная сестрица похожа на одну изъ тѣхъ дутыхъ и пустыхъ лепешекъ, у которыхъ такое дурное имя» сказалъ насмѣшливый и циническій старикъ, давшій мнѣ мое милое прозваніе. Я захохотала, и смѣхъ мой сообщился всѣмъ присутствующимъ. Не знаю, слышала ли моя сестра. Дѣло въ томъ, что она поблѣднѣла, и съ этой минуты я замѣтила, что возбудила въ ней къ себѣ неугасимую ненависть, слѣдствія которой вскорѣ оказались. Съ каждымъ днемъ тайная неприязнь между нами растравлялась болѣе и болѣе. Въ несчастномъ гдѣ, которое я описала тебѣ, помѣщался самый хитрый умъ, зараженный, упоенный, набитый мыслию о своемъ превосходствѣ. Мою сестру слушали какъ оракула при гильдбургсгаузенскомъ дворѣ, гдѣ она, какъ Француженка, имѣла неоспоримое преимущество. Всего смѣшнѣе было, что и въ Парижѣ она сохраняла гордое и надменное чувство этого преимущества, гордилась тѣмъ, что она Француженка, что говорить по-французски, правильно писать по-французски, носить французскія шляпки. Я никогда не видала тшеславія, которое заблуждалось бы до такой степени. Ея компаньонка, безстыдно ей льстившая, открыла однажды, что я не училась систематически, какъ учатъ въ пансіонахъ, и что фразы мои не всегда выглажены съ грамматической правильностью. Я думаю, она плакала отъ радости, и съ сострадательнымъ пренебреженіемъ совѣтовала мнѣ попросить у сестры трактатъ о нарѣчійхъ мѣста, сочиненный ею для молодой гильдбургсгаузенской принцессы, копій съ котораго просили ко всѣмъ дворамъ Германіи, потому-что сестра моя, изъ скромности, никакъ не соглашалась его напечатать. Я превозмогла себя болѣе обыкновеннаго и общала совѣтоваться съ Евфразіи о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ въ синтаксисѣ. Но это ни къ чему не послужило. Зависти не обманешь. Не смотря на ослѣпленіе самолюбія, она не могла не замѣтить, какъ мало эффекта производитъ она въ гостиной отца своими безконечными разсужденіями о причастіяхъ и неизмѣримыми описаніями церемоній гильдбургсгаузенскаго двора. Мало-по-малу, рѣдкіе гости, изъ учтивости подходящіе къ дивану, на которомъ она возсѣдала съ оффиціальнымъ величіемъ, начали дезертировать и толпились въ амбразурѣ окна, около табурета, очень-похожаго на этотъ» прибавила мать-Елизавета, у которой воспоминанія юности сгладили на нѣсколько минутъ морщины съ мрачнаго и задумчиваго чела. «Тамъ, помѣстившись довольно-неловко, я сидѣла, съ работой въ рукахъ, изрѣдка бросая въ разговоръ слово или даже взглядъ, придававшіе ему новую живость и ту прелесть, которую скоро теряютъ мужскіе споры, если при этомъ нѣтъ женщины, чтобъ сдерживать ихъ въ границахъ умѣренности и деликатности. Сестра моя стала сердиться и, по своей дальновидности, убѣдилась, что пока я останусь въ домѣ, ей не только нельзя будетъ произвести ни малѣйшаго эффекта, но, что всего важнѣе, не найдти себѣ мужа. Она рѣшилась вытѣснить меня какимъ бы то ни было способомъ. Я

сама помогла ей своимъ неблагоразуміемъ. Какъ я уже тебѣ сказала, я страшно любила ученые и серьезныя разговоры моего молодого учителя. Цѣлый день онъ былъ очень занятъ; мнѣ казалось всего проще видѣться съ нимъ у себя въ комнатѣ, послѣ чая, который подавали въ десять часовъ. Я читала ему извлеченія изъ прочитанныхъ мною книгъ, объясняла трудности, задерживавшія меня. Эти свиданія продолжались иногда очень-долго; случилось то, что непременно должно было случиться: Ферезъ влюбился въ меня и вступилъ со мною въ переписку; его восторженности и мое невѣдѣніе о значеніи нѣкоторыхъ словъ на языкѣ свѣта придали этой перепискѣ преступный видъ. Сестрица моя и ея компаньонка были на сторожѣ, перехватили наши письма, извѣстили отца о нашихъ ночныхъ свиданіяхъ. Онъ ужасно разсердился, прогналъ Фереза, велѣлъ позвать меня и объявилъ, что даетъ мнѣ двадцать-четыре часа на размышленіе, что въ это время должна я рѣшиться или выйти замужъ за одного кузена, которому я уже два раза отказывала, или идти въ монастырь. Отецъ мой, задавая мнѣ такую задачу, былъ совершенно увѣренъ, что я выберу замужство; онъ ошибся. Этотъ кузень былъ дворянчикъ изъ Департамента Сены-и-Гарроны, страстный охотникъ и скаредный хозяинъ. Я затрепетала при одной мысли о существованіи, въ которомъ самыми дальними границами и величайшими радостями будутъ управленіе заднимъ дворомъ и приключенія охоты за лисицей. Богъ не далъ мнѣ инстинкта материнской любви; я едва понимала любовь, какъ ее описываютъ въ романахъ, и не могла представить себѣ другаго счастья, кромѣ владычества; уже сердце мое билось только мыслию о великой будущности. Въ послѣднее время, я нѣсколько разъ была въ монастырѣ Аннонсіады, у одной родственницы, постригшейся отъ несчастной любви. Это было слабое твореніе, стонавшее и жаловавшееся съ утра до вечера. Она часто говорила мнѣ: «Зачѣмъ не ты на моемъ мѣстѣ? ты никогда и никого не будешь любить; съ тебя будетъ довольно повелѣвать; ты здѣсь всѣхъ будешь водить по стрункѣ; не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ тебя сдѣлаютъ настоятельницей.» Эти слова, сказанныя на вѣтеръ, врѣзались въ моей памяти. Я всюду искала дороги для моего неопредѣленнаго честолюбія и не находила. Самое блистательное супружество налагало на меня самое худшее иго—дѣлало зависимою отъ человѣка, который, правда, могъ быть умень и благороденъ, но точно также могъ быть глупъ и циникъ; къ-тому же супружество было хозяйство, гинекей, жизнь гостиницы. Это было почти-вѣрное отреченіе отъ моей душевной силы, отъ развитія лучей моей жизни на жизнь другихъ, о которомъ одна мысль воспламеняла въ умѣ моемъ неудержимыя желанія. Управлять нѣкогда цѣлой общиною и воспитаніемъ двухъ-сотъ молодыхъ дѣвицъ, постоянно возобновляющихся и принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества представилось мнѣ единственною цѣлію, достойною моихъ усилій. Что, если я могу, говорила я сама себѣ, влить въ эти молодые сердца чувства, ко-

торыми через край полно мое сердце; что, если, вмѣсто надменности и тщеславія, которыми ихъ напивываютъ, внушу я имъ начало равенства; если зажгу въ сердцахъ ихъ восторженную любовь къ народу: вѣдь я произведу реформу... У меня кружилась голова отъ этого слова.

«Я объявила отцу, что хочу вступить бѣлицей въ монастырь Аннонсиады. Онъ съ жалостью улыбнулся, видя въ этомъ одно дѣтское упорство любви, которой идуть наперекорь. Сестра моя поддерживала въ немъ эту мысль, зная, что онъ не столько равнодушенъ, чтобъ позволить мнѣ принять такую рѣшительную мѣру, и увѣряла его, что пятнадцать дней, проведенныхъ въ монастырѣ, побѣдятъ мое упрямство. Отецъ не говорилъ со мной больше объ этомъ, и черезъ двадцать-четыре часа, предупредивъ настоятельницу Аннонсиады, отпривилъ меня въ монастырь. Прощаясь со мною, Евфрази улыбнулась улыбкой, въ которой выразилось все лицемѣрное удовольствіе мстительной ограниченности.

«Послѣ настоятельницы, я прежде всего увидѣла въ монастырѣ отца-Эмери; его дарованія поразили меня. Я тотчасъ угадала въ немъ человѣка, сходнаго со мною честолюбіемъ, мужествомъ и настойчивостью; казалось, и онъ разгадалъ меня. Эту встрѣчу сочла я дѣломъ Провидѣнія. Я знала, что онъ всемогущъ въ своемъ орденѣ и имѣетъ большое вліяніе въ свѣтѣ. Я мысленно стала смотрѣть на него, какъ на соучастника всѣхъ моихъ замысловъ, и, еще не открывая ему своего сердца, основала на немъ всѣ свои надежды. Вскорѣ послѣ моего вступленія въ монастырь, отецъ мой занемогъ; онъ умеръ наканунѣ дня, назначеннаго для моего постриженія, все ожидая, что я переимѣню намѣреніе и приѣду просить у него прощенія. Подъ предлогомъ разсѣянія, но въ-самомъ-дѣлѣ чтобъ испытать меня, меня увезли изъ Парижа и возили по самымъ отдаленнымъ провинціямъ. Поведеніе мое въ-продолженіе шести лѣтъ было самое примѣрное, какое когда-либо видали въ монастырѣ. Въ немъ ничего нельзя было замѣтить, кромѣ величайшей набожности и полнѣйшаго самоотрицанія воли. Сверхъ-того, мое рожденіе и богатство давали мнѣ такія преимущества, что когда насталъ день избранія, я единогласно была выбрана настоятельницею. Получивъ власть, я рѣшилась открыться отцу-Эмери, не сомнѣваясь, что найду въ немъ готовность мнѣ содѣлать свою. Разговоръ-продолжался битыхъ шесть часовъ. Мы начали съ-того, что опредѣляли исходный пунктъ; онъ былъ одинъ и тотъ же: сосредоточить въ насъ двоихъ какъ-можно-больше власти; достигнуть внутри монастыря до слѣпнаго повиновенія; помогать другъ другу, чтобъ склонить на свою сторону или обмануть тѣхъ изъ нашихъ начальниковъ, которые могутъ намъ препятствовать, лстять молодѣжи, намъ вѣреинной, обольщать ее и чрезъ нее вкрасться въ нѣдра семействъ. До-сихъ-поръ, все шло какъ-нельзя-лучше; но вдругъ въ разговорѣ оказался огромный перерывъ. Почва, по

которой мы шли без всякой осторожности, шумно ослѣла; отецъ-Эмери и я увидѣли себя раздѣленными другъ отъ друга цѣлою пропастью. Цѣлью всего этого вліянія, всего внутренняго и внѣшняго могущества для него—было полное и совершенное возстановленіе прежняго всемогущества его ордена въ пользу всего того, что я считала презрѣнными предразсудками. Онъ намекнулъ мнѣ о тайныхъ связяхъ съ главами аристократіи, о взаимныхъ обѣщаніяхъ, о намѣреніи возстановить порядокъ вещей, приводившій меня въ негодованіе... Я была жестоко изумлена, не могла удержатъ себя, и въ потокѣ словъ, выразившихъ всѣ надежды мои, столь долго подавленные, съ ребяческимъ неблагоразуміемъ высказала тайну моей жизни. Отецъ-Эмери долго смотрѣлъ на меня, какъ-будто передъ нимъ была сумасшедшая; потомъ я видѣла, что онъ внутренне творить молитву; потомъ онъ объявилъ мнѣ, что я величайшая обманщица, что я обманула его и всѣхъ съ дьявольской ловкостью, но что онъ помѣшаетъ мнѣ быть вредною; что онъ не можетъ отнять у меня власти, принадлежащей мнѣ по новому моему званію, но по-крайней-мѣрѣ будетъ ежеминутно слѣдить за мною и донесетъ на меня при первомъ неблагоразумномъ словѣ, которое у меня вырвется. Впрочемъ, прибавилъ онъ, смягчившись, онъ надѣется на время и размышленіе, которыя вылетчатъ мой разсудокъ и возвратятъ меня себѣ-самой.

«Когда онъ меня оставилъ, я въ свою очередь не могла повѣрить, что онъ говорилъ правду; мнѣ казалось, что онъ хочетъ испытать меня... Но это заблужденіе недолго продолжалось, и вскорѣ я встрѣтилась лицомъ-къ-лицу съ самой несчастной участью.

«Слишкомъ-долго будетъ рассказывать тебѣ о всѣхъ мученіяхъ моихъ въ послѣдующіе годы: о бесплодныхъ усиліяхъ склонить отца-Эмери хотя на отдѣльные измѣненія въ курсѣ ученія, о стараніяхъ моихъ около нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ лицъ, стараніяхъ, оставшихся напрасными, и наконецъ о совершенномъ бездѣйствіи, на которое я была осуждена ихъ подозрительнымъ надзоромъ. Когда ты вступила въ монастырь, Нелида, я была въ самомъ глубокомъ отчаяніи. Видъ лица твоего, озареннаго небеснымъ свѣтомъ, благородство, величіе и гордость, которыя я разглядѣла въ душѣ твоей, снова зажгли во мнѣ любовь къ жизни, и когда ты мнѣ сказала, что чувствуешь призваніе къ иночеству, я не могла скрыть своей радости. Отецъ-Эмери сталъ подозрѣвать какую-нибудь хитрость; онъ, вѣроятно, думалъ, что ты раздѣляешь мои убѣжденія, и что ему, вмѣсто одной строптивой души, придется бороться съ двумя; словомъ, онъ воспротивился твоему вступленію въ монастырь, и по этому случаю у насъ были очень сильныя ссоры, кончившіяся угрозою лишить меня моего званія на общемъ собраніи всей братіи. Я съ трепетомъ увидѣла, что рано или поздно меня дѣйствительно могутъ лишить власти, служившей мнѣ оградой, и что тогда я буду совершенно-беззащитна въ рукахъ враговъ своихъ. Тутъ въ первый разъ пришла мнѣ мысль о бѣгствѣ.

«Письмо, полученное мною вскорѣ отъ Фереза, черезъ прежнюю мою горничную, которая осталась мнѣ вѣрной, утвердило меня въ этомъ намѣреніи и ускорило его исполненіе. Ферезъ увѣдомлялъ меня, что онъ женился въ Женевѣ и основалъ тамъ журналъ. Онъ собиралъ вокругъ себя даровитыхъ людей и дѣлательно трудился для добраго дѣла. Жена его, прибавлялъ онъ, раздѣляла всѣ его убѣжденія и ревностно ему помогала.

«Последнія слова рѣшили меня. Я ушла изъ монастыря съ моей вѣрной Розой. Она достала мнѣ паспортъ и почтовый экипажъ, который я нашла у ней совершенно-готовый. Черезъ три дня, я была въ Швейцаріи. Два года жила я тамъ, почти скрываясь, изъ опасенія преслѣдованій отца-Эмери. Но меня разувѣрило полное его молчаніе. Сестра моя, вышедшая замужъ въ Германіи, также вовсе обо мнѣ не заботилась. Въ-продолженіе этого времени, можно сказать, я съ жаромъ приготовлялась къ тому назначенію, къ которому считала себя призванною, и когда Ферезъ рѣшился возвратиться во Францію и утвердить центръ своей дѣятельности въ Лионѣ, я объявила ему, что готова за нимъ слѣдовать.

«Ты, можетъ-быть, удивляешься, Нелида, что я искала убѣжища въ домѣ человѣка, котораго страсть ко мнѣ была мнѣ извѣстна. Ты вѣроятно думаешь, что съ моей стороны было неблагородно становиться посреди мирнаго союза и подвергаться опасности возмутить счастье двухъ существъ, которыхъ я уважала. Разумѣется, я дѣйствовала опрометчиво. Я была болѣе счастлива, нежели благоразумна. Я оставила молодого человѣка и нашла старика, со лбомъ, сморщившимся отъ размышленія, съ сердцемъ, поглощеннымъ политическими страстями, съ чувствами, погашенными отъ усилія мысли. Увидѣвшись снова, мы почти не говорили о себѣ. Дѣло, важное дѣло, за которое Ферезъ готовъ былъ отдать жизнь, исключительно поглощало его. Онъ радъ былъ найдти во мнѣ помощницу, которой достоинства онъ преувеличивалъ. Сильный, съ перомъ въ рукѣ, Ферезъ не имѣлъ дара слова и не могъ дѣйствовать непосредственно на массы. Онъ нашелъ, что я красно-рѣчива, убѣждалъ меня откинуть всякое сомнѣніе и безъ страха, открыто проповѣдывать наше ученіе. Я попыталась сперва набрать нѣсколько прозелитокъ между женщинами, хотѣла основать общину, нѣчто въ родѣ свободной обители, гдѣ не будутъ требовать другой клятвы, кромѣ клятвы христіанской любви. Но увы! какъ скоро я была разочарована! какъ пусты были всѣ эти головы! какъ ничтожны сердца! Эти женщины упивались идеями, какъ мужчины напиваются виномъ, къ которому не привыкли, и если что-нибудь воодушевляло ихъ какимъ-то нелѣпымъ энтузіазмомъ къ новымъ ученіямъ, такъ это плохо-скрытая надежда, что имъ можно будетъ безъ границъ и стыда предаваться своимъ грубымъ страстямъ. Не видя успѣха съ одной стороны, я обратила вниманіе на другую. Я часто ходила съ Ферезомъ въ мастерскія и тюрьмы, куда онъ приносилъ помощь и надежду; тамъ я встрѣча-

за такое твердое мужество, такія геройскія добродѣтели, что мысль, долго во мнѣ таившаяся, воскресла съ прежнею силою.

«Отечество наше, говорила я сама себѣ, послѣ послѣдней революціи не пришло еще въ равновѣсіе. Два класса общества, дворянство и народъ, сильно страдаютъ; одно терпитъ отъ воображаемаго зла, другой отъ дѣйствительнаго: дворянство отъ-того, что надменное мѣщанство лишило его привилегій и титуловъ; народъ — отъ того, что торжество этого мѣщанства, которому онъ помогъ овладѣть властію, было для него жестокимъ обманомъ. Сравнивая, онъ начинаетъ сожалѣть о своихъ прежнихъ господахъ. Мало зная исторію, онъ помнитъ только о благосклонномъ обхожденіи и щедротахъ знатнаго. Отъ-чего же эти классы, наученные опытомъ, не соединятся противъ своего общаго врага? Почему мужественнымъ инстинктамъ народа и благороднымъ привычкамъ, чувству чести дворянства не восторжествовать надъ мѣщанствомъ, невѣжественнымъ, себялюбивымъ и уже разслабленнымъ своимъ благоденствіемъ? Отъ-чего не попытаться произвести это сближеніе? Отъ-чего бы женщинамъ, въ одно и то же время, по самой природѣ своей, имѣющимъ всю деликатность аристократіи и весь жаръ любви, хранящейся въ народѣ, не быть провозвѣстницами и посредницами этого союза?

«Ферезъ ободрялъ мои мечты. Бываетъ время, говорилъ онъ, когда духъ истины покидаетъ мужчинъ. Тогда провозвѣстнической взглядъ на предметы дается женщинѣ, и она, часто не совсѣмъ понимая ихъ, произноситъ слова спасенія. Женщина просвѣтила Францію христіанствомъ; женщина спасла ее отъ чуждаго ига; женщина же, — все говорить мнѣ это, — зажжетъ свѣтильникъ будущаго.

«Восторженная, смѣлая, я удвоила старанія и составила многочисленное общество изъ работниковъ, которымъ прежде всего объяснила ихъ матеріальные интересы, заставила ихъ стыдиться пьянства, глупыхъ и кровавыхъ распрей компаньонажа; потомъ возбудила въ нихъ желаніе учиться самимъ и учить дѣтей своихъ. Когда я увидѣла, что меня слушаютъ съ кротостію, мнѣ пришла въ голову мысль довершить свое дѣло, отыскать въ замкахъ нѣсколько добрыхъ и сострадательныхъ женщинъ, въ которыхъ думала я возбудить участіе, представивъ имъ это дѣло съ точки зрѣнія христіанскаго милосердія. Я достала рекомендательное письмо къ одной изъ самыхъ значительныхъ дамъ провинціи. Она приняла меня хорошо и познакомила съ своими пріятельницами; на этотъ разъ я дѣйствовала съ большею осторожностію, шла шагъ за шагомъ, мало-по-малу, сперва добываясь денегъ, потомъ стараясь возбудить живое участіе, — далѣе, завязывая личныя отношенія между образованнѣйшими изъ моихъ аристократическихъ адептовъ и семействами работниковъ, имѣвшими самыя деликатныя привычки. Тамъ, гдѣ я замѣчала наклонность къ новымъ идеямъ, я осмѣливалась идти далѣе. Ежедневно мы съ Ферезомъ радовались успѣхамъ моей пропаганды, какъ вдругъ, благодаря моей несчастной

участи, я была открыта отцомъ-Эмери. Это было моею гибелью. Онъ объявилъ всюду, что я бѣгла монахиня дурнаго поведенія. Тотчасъ же всѣ двери заперлись для меня. Но его ненависть этия не ограничилась. Онъ умѣлъ повредить мнѣ даже во мнѣи честныхъ работниковъ, которымъ я стала матерью и сестрою: онъ выпустилъ между ними слухи, что я шпионка; недовѣріе закралось въ ихъ души, и съ-тѣхъ-поръ я должна бороться со всевозможными препятствіями, которыя преодолѣть отчаяваюсь.»

Нелида, слушавшая монахиню съ возрастающимъ любопытствомъ, вперила въ нее большіе глаза свои, блиставшіе страшнымъ огнемъ надъ впалыми и поблѣднѣвшими щеками, и сказала:

— Видите ли, матушка, и вы также отчаяваетесь.

— Я отчаяваюсь въ себѣ, а не въ дѣлѣ, возразила монахиня:— Провидѣніе правосудно; оно не могло избрать для моей цѣли столь низкаго орудія. Цѣль моя была чрезвычайна, но побужденіе ничтожно; всѣ мы должны вынести наказаніе за наши проступки. Честолюбіе погубило меня; желаніе составить себѣ имъ заставило меня произнести преступную клятву; я вступила въ монастырь не имѣя слѣпой вѣры, которая поддержала бы меня тамъ; я искала только власти, и два раза власть ускользала изъ моихъ рукъ въ ту самую минуту, какъ я думала, что овладѣла ею. Да, Нелида, въ судьбѣ человѣка совершается строгое правосудіе. Ты видишь, что я разбита тѣмъ же самымъ орудіемъ, которое сама избрала для своего возвышенія. Я легкомысленно нарушила клятву, недобросовѣстно произнесенную; эта клятва преслѣдуетъ меня и уничтожаетъ все, что я дѣлаю. Я хотѣла для себя славы и великаго имени; чело мое заклеяно позоромъ, справедливо постигающимъ клятвopреступницу...

— Къ-тому же, продолжала она:—я созданіе не полное, потому-что никогда не любила. Я не знала этого высокаго чувства, заставляющаго жить двойною жизнію. Я не желала имѣть ни супруга, ни дитяти... Я была только гордой женщиной, по-видимому великой, сколько можно быть великимъ силою ума, но въ дѣйствительности ничтожнымъ созданіемъ, которому природа отказала въ сердцѣ, способномъ любить...

И монахиня, въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ, заплакала горькими слезами. Наконецъ, превозмогая себя, она воскликнула: «Но чего я не могла сдѣлать, чего мнѣ не было дано, то исполнять другія, болѣе-достойныя или болѣе-счастливыя. О, Нелида! еслибъ у тебя было хоть вполонину моего мужества! еслибъ ты только согласилась жить... Еслибъ ты хоть разъ видѣла, хоть разъ слышала эти жгучія страданія, съ которыми я такъ часто бесѣдовала, ты устыдилась бы своего отчаянія. И ты, ты была бы услышана», прибавила монахиня, взявъ г-жу де-Кервансъ за руку и сжимая ее: — «потому-что ты достойна такой участи! Ты уже не эгоистическая любовница, не преступная супруга; ты свободная и испытанная вдова, страданіемъ и любовью завоевавшая себѣ пра-

во посвятить себя моимъ идеямъ. Душа твоя не раскрывалась ни разу для низкихъ страстей; Богъ еще можетъ изливать въ нее чистѣйшіе лучи свои...»

Нелида горько улыбнулась.

— Умѣю ли я еще молиться Богу, котораго вы призываете? Инако ли я, какъ ему должно молиться?..

— Не довольно ли для тебя надежды? съ жаромъ возразила монахиня.—Отвлеченная увѣренность философовъ смѣшна, потому что не удовлетворяетъ ни сердца, ни воображенія. Все это надменное заблужденіе! Для человѣка, этого слабаго и ограниченнаго созданія, едва достаточно всѣхъ способностей его, чтобъ возвестись мыслію къ Богу; и когда онъ сосредоточилъ на одномъ пунктѣ всѣ силы разума, сердца и воли, онъ еще не достигъ до вѣры: онъ дошелъ только до надежды.

Въ тебѣ, Нелида, есть жажда идеальнаго. Идеальное составляетъ яду и мѣку твоей жизни. Ты думала найти его въ монастырскомъ самоотверженіи: не смотря на твои несчастія, я всегда буду рада, что вывела тебя изъ этого заблужденія. Оно представилось тебѣ въ замужствѣ; въ немъ оно было бы для большей части женщинъ, еслибъ общество не извратило естественныхъ условій этого важнаго пункта. Потомъ ты искала его въ страстной любви одного человѣка: это было для тебя самымъ губельнымъ обольщеніемъ. Прочь отъ меня мысль обвинять того, кого ты любила; можетъ-быть, онъ стоить ни больше, ни меньше, какъ и всякій другой мужчина; эгоизмъ въ немъ принялъ самую прекрасную форму: форму поэтическую. Но онъ не былъ достоинъ твоего высокаго самоотверженія; онъ чувствовалъ, что ты ослѣплена, и это познаніе производило въ немъ сильныя страданія, отъ которыхъ онъ освобождался сильными проступками. Развѣ ты вѣчно хочешь оплакивать заблужденіе, которое можно загладить? Развѣ ты хочешь потонуть въ слезахъ? Развѣ ты хочешь отдать Богу душу, въ которой не лежитъ ни одного добраго дѣла?..

Мать-Елизавета долго говорила. Ночь прошла. Лампа погасла, и первые лучи солнца проникали въ комнату. Въ пустыхъ улицахъ начались раздаваться важные звуки, возвѣщающіе пробужденіе работника. Нѣсколько телегъ, везшихъ въ городъ припасы, тяжело катились по звучной мостовой. Монахиня подошла къ окну; Нелида встала и молча за ней послѣдовала. Онѣ обѣ оперлись на раму и смотрѣли то на улицу, по которой время-отъ-времени проходилъ работникъ, навьюченный своими инструментами, то на небо, на которомъ блѣдныя звѣзды еще боролись съ быстро-распространявшимся дневнымъ свѣтомъ.

Монахиня рукою указала ей на проходившихъ мимо труженниковъ...

Нелида наклонилась къ этой рукѣ и смущеннымъ голосомъ проговорила нѣсколько словъ, которыя мать-Елизавета скорѣй угасала, чѣмъ поняла...

- Ты соглашаешься жить? въ восторгѣ сказала монахиня.
 — По-крайней-мѣрѣ попробую, отвѣчала Нелида.

IX.

Покинувъ Нелиду такъ внезапно и такимъ обиднымъ образомъ, наигравшись жизнью, которою онъ овладѣлъ такъ дерзко и въ которой долженъ былъ отдать отчетъ Богу и людямъ, Германъ далеко не понималъ всей важности своего проступка; онъ даже не подумалъ о его послѣдствіяхъ. Уже давно онъ чувствовалъ и говорилъ какъ полупьяный. Продолжительная праздность и ложное возбужденіе свѣтской жизни произвели въ немъ смятеніе, среди котораго слышался только глухой голось его нетерпѣливой и большой гордости. Его мучило одно: необходимость заглушить въ себѣ, какою бы то ни было цѣною, сознание своей вины, ѣдкое недовольство самимъ-собою—неумолимое наказаніе вышнихъ натуръ, когда онѣ дѣлаютъ недостойное употребленіе изъ своихъ способностей. Онъ думалъ, что все выигралъ, не видя больше около себя блѣднаго и суроваго образа г-жи де-Кервазанъ, которой молчаніе давило его и заставляло сосредоточиваться въ самомъ-себѣ; и, такъ-какъ въ его глазахъ успѣхъ оправдывалъ, даже прославлялъ всякое заблужденіе, то онъ жадно схватился за возможность снова привлечь на себя общественное мнѣніе, ни мало не сомнѣваясь, что, ослѣпленная его славою, Нелида, которую онъ еще любилъ гораздо-больше, нежели самъ думалъ, признается въ своей несправедливости и раскаявшаяся, счастливая склонится передъ гениемъ своего любовника, минутно-непризнаннымъ ею.

Нервы его были потрясены такой крутой рѣшимостью; воспоминаніе о легкой побѣдѣ его надъ маркизою Зеппони и сверхъ-того, неопредѣленная надежда на высокое положеніе, которое онъ можетъ разомъ занять въ свѣтѣ, въ новой странѣ, болѣе и болѣе разстроивали, въ-продолженіе долгой дороги, его безпокойную душу. Когда онъ пріѣхалъ въ В..., въ немъ пробудилось все честолюбіе молодости, и сердце его съ ускореннымъ біеніемъ, казалось, стремилось къ великому и быстрому осуществленію мечты его.

Едва отдохнувъ нѣсколько минутъ, онъ побѣжалъ во дворецъ великаго герцога. Его высочество былъ въ отсутствіи, но, отданы приказанія, чтобъ тотчасъ по прибытіи Германа, его отвели къ первому камергеру, завѣдывавшему придворными театрами и празднествами. Было десять часовъ утра.

Пріемная этой высокой особы была наполнена клиентами и посетителями, сидѣвшими рядкомъ на узкихъ скамьяхъ, окружавшихъ комнату, и ожидавшими молча, терпѣливо, торжественно, со взорами, устремленными на дверь его превосходительства, счастливыми минутами, когда эта дверь отворится для кого-нибудь изъ нихъ. Прибытіе Германа произвело легкое волненіе въ собраніи. Крайніе потѣснились, чтобъ дать мѣсто иностранцу;

но онъ не удостоилъ этого замѣтить и черезъ нѣсколько минутъ принялся мѣрить полъ шумными шагами, произнося разные неуважительныя слова, заставлявшія молчаливыхъ просителей взглядывать другъ на друга съ видомъ величайшаго изумленія. Германъ, который, находясь въ этомъ плохо-одѣтомъ, нечесаномъ, неумытомъ, неуклюжемъ обществѣ, состоявшемъ изъ бѣдныхъ актѣровъ, заслуженныхъ пѣвцовъ, нуждающихся авторовъ, ни мало не забывалъ скучныхъ часовъ ожиданія, чувствовалъ уже, что кровь поднимается ему въ голову. Онъ машинально приблизился къ печкѣ и обжегъ себѣ пальцы; подошелъ къ окну: оно выходило на плоскую аспидную крышу, съ которой темная вода декабрьскаго дождя собиралась въ широкіе желоба и съ однообразнымъ шумомъ лилась въ свинцовый резервуаръ. Видъ этотъ вовсе не былъ привлекателенъ. Германъ яростнымъ движеніемъ задернулъ небольшую, накрахмаленную, кисейную занавѣску и разорвалъ ее. Наконецъ, довершая свои дерзости, онъ вышелъ на середину комнаты, подошелъ къ столику, составлявшему единственное ея украшеніе и взялъ оставленную на немъ книгу: то былъ Готскій «Альманахъ». Собраніе просителей пришло въ волненіе; но вдругъ дверь къ его превосходительству отворилась, и къ всеобщему удивленію камердинеръ позвалъ г. Германа Реньѣ. Художникъ толкнулъ столикъ и уронилъ на полъ почтенную книгу. Одна молодая дѣвушка встала, подняла ее и положила на мѣсто, заботливо оставивъ замѣтку на тѣхъ страницахъ, гдѣ, по ея мнѣнію, она должна была находиться. Въ это время Германъ предсталъ передъ перваго камергера двора великаго герцога. Эта важная особа, въ халатѣ, кушала кофе со сливками и, нимало не тревожась, обмакивая въ чашку огромный бутербродъ, сказала: «Вы господинъ Реньѣ, французскій живописецъ?» Германъ поклонился въ половину, взявшись за ручку стула, на который онъ непременно сѣлъ бы, еслибъ камергеръ далъ ему время. «Потрудитесь дернуть два раза эту сонетку» продолжалъ его превосходительство: «его высочество великій герцогъ путешествуетъ; но ему угодно было приказать, чтобъ вамъ отвели квартиру въ его дворецъ и кормили васъ на его счетъ за третьимъ столомъ. Вотъ господинъ, который займется вашимъ помещеніемъ» прибавилъ онъ, указывая на что-то въ родѣ секретаря, явившагося по звуку колокольчика. «Сегодня или завтра вамъ надобно будетъ явиться къ господину директору музея; онъ покажетъ вамъ галерею, которая для васъ назначена. Вы хорошо сдѣлаете, если тотчасъ же прійметесь за работу, чтобъ по приѣздѣ своемъ его высочество могъ найти что-нибудь готовымъ».

Германъ едва не отвѣтилъ колоссальной дерзостью; но, по знаку интенданта, дверь, въ которую онъ вошелъ, отворилась снова: явился проситель. Художникъ успѣлъ только поклониться по-французски, т. е. какъ-можно-меньше нагибаясь, и послѣдовалъ за секретаремъ, поклявшись въ душѣ, что когда-нибудь его превосходитель-

тельство г. камергеръ, управляющій театрами и празднествамъ двора великаго герцога, дорого расплатится съ нимъ за свое смѣшное чванство.

Секретарь провелъ Германа по нѣсколькимъ заднимъ дворамъ. Пришедъ на дворъ, гдѣ помѣщались конюшни, они взшли по маленькой, крутой и темной лѣстницѣ, довольно похожей на ту, которая вела въ мастерскую улицы Бошъ; эта лѣстница привела ихъ въ корридоръ, куда выходили нумерованныя двери. Секретарь вложилъ ключъ въ дверь подъ № 1 и ввелъ Германа въ просторную спальню, очень-низкую, освѣщенную какъ только можно было меньше двумя окнами съ небольшими осмиугольными стеклами, оправленными въ свинецъ. Огромная печь, по сторонамъ которой стояли двѣ плевальницы, придавала своею темной и уродливой массою еще болѣе грустный видъ этой негостеприимной комнатѣ; постель съ желтыми занавѣсами и красной отторочкой, два кресла изъ утрехтскаго бархата, поблекшій коверъ, съ почти совершенно-новыми заплатами, двѣ ужасныя гравюры, представлявшія великаго герцога и великую герцогиню въ парадныхъ костюмахъ, и наконецъ фортепьяно, рѣдко забываемое въ Германіи, и такое маленькое, что его можно было принять за игру въ три тракъ, безобразили ее тою отвратительною роскошью, которая повсюду характеризуетъ служительскія помѣщенія во дворцахъ.

— Въ верхнемъ этажѣ есть комната, освѣщенная сверху, которая завтра будетъ отдана въ ваше распоряженіе, сказалъ секретарь, въ первый разъ обращаясь къ Герману:—его превосходительство полагаетъ, что она удобна для мастерской; вотъ дѣвушка, которая служить въ этой части дома, прибавилъ онъ, вида вошедшую дѣвушку, тучную Мариторпу съ волосами, похожими на пенику, съ голубыми фаясовыми глазами, безъ вѣкъ и рѣсницъ, державшую въ одной рукѣ кружку съ водою, а въ другой грудю сафетокъ:—Анхенъ! при первомъ ударѣ колокола, ты отведишь этого господина въ столовую № 3.—Анхенъ улыбнулась.—За столъ сударь, садятся въ два часа, продолжалъ секретарь:— вы найдете надпись на своемъ мѣстѣ; приборъ вашъ будетъ за большимъ столомъ въ ре-де-шоссе; я пошлю въ гостинницу за вашими вещами. Вамъ ничего больше не нужно?

— Рѣшительно ничего, сударь, отвѣчалъ разсерженный художникъ.

— Кто обѣдаетъ за столомъ номеръ третій? спросилъ онъ служанки, лишь только секретарь вышелъ изъ комнаты.

— Обѣдъ прекрасный, сударь, будьте покойны, отвѣчала Анхенъ, продолжая улыбаться и только вполонину понимая пробагматическій нѣмецкій языкъ Германа:— здѣсь всѣ обѣды готовятъ въ одной кухнѣ; за однимъ столомъ не подаютъ противъ друг друга блюда лишняго.

— Я этого не спрашиваю, продолжалъ едва удерживаясь Германъ, котораго гордость уже съ часъ получала одну за другой съ

ны ядовитыя раны:— я спрашиваю васъ, кто обѣдаетъ за этимъ столомъ?

— О! прекрасные люди, сударь. Прежде всего тамъ обѣдаетъ первая горничная, которая была три года въ Парижѣ; потомъ господинъ партикулярный казначей, очень-добрый человекъ; онъ хотио чокнется съ вами, сударь, за здоровье великаго Наполеона, о которомъ всегда говорить; потомъ вторая нянька дѣтей...

— Довольно, сказалъ Германъ, хватаясь за шляпу:—вы скажете, что я не буду обѣдать за общимъ столомъ. И онъ вышелъ, такъ сильно хлопнувъ дверью, что испуганная дѣвушка уронила на полъ всю груду салфетокъ и спрашивала сама себя, не-уже-ли дѣйствительно всѣ Французы такіе безумные, какъ ей говорили. Германъ кинулся съ лѣстницы, шагая черезъ четыре ступени, долго блуждалъ по дворамъ, заходилъ въ тысячи безвыходныхъ закоулковъ. Послѣ многихъ ходовъ и переходовъ, отыскавъ наконецъ отворенную на улицу рѣшотку, онъ вышелъ изъ дворца, раздраженный какъ вельзя-больше, и долго шелъ подъ дождемъ, не зная куда идетъ и чего хочетъ. Первою мыслию его было сѣсть въ дилижансъ и отправиться, по какой бы то ни было дорогѣ, назадъ въ Италию. Предположеніе это, измѣняясь подъ успокоительнымъ вліяніемъ дождя, превратилось наконецъ въ твердое намѣреніе возвратиться въ гостиницу, гдѣ онъ остановился по пріѣздѣ, и на отрѣзъ отказаться отъ распоряженій, благодаря которымъ онъ долженъ былъ жить между конюшенъ и обѣдать съ горничными. Пройдя нѣсколько дальше, онъ положилъ отправиться къ великой герцогинѣ, рассказать ей обо всемъ, случившемся, по-видимому, безъ ея вѣдома, и что слѣдовало приписать одному грубому нерасположенію интенданта.

Дождь продолжалъ идти и мало-по-малу пробивалъ тонкое сукно его платья. Уменьшая шаги, Германъ сталъ разсуждать съ большимъ хладнокровіемъ; онъ подумалъ о томъ, какъ будетъ онъ смѣшонъ въ глазахъ г-жи де-Керваэнсъ, возвратясь къ ней словно капризный и обманутый ребенокъ; онъ вспомнилъ о своемъ кошелькѣ, который позволялъ ему прожить независимо еще нѣсколько мѣсяцевъ, но никакъ не продолжать бездѣйствовать и отвергать въ припадкѣ гнѣва всѣ выгоды, предстоявшія ему отъ значительнаго содержанія и серьезной работы.

Сырость и холодъ проникали его плечи. Онъ наконецъ заключилъ, что отсутствіе великаго герцога было единственнымъ причиною этихъ недоразумѣній, неизмѣвшихъ, вѣроятно, въ германскихъ обычаяхъ той важности, которую онъ придавалъ имъ, судя какъ Французъ. Нечувствительно и самъ того хорошенько не сознавая, онъ пошелъ по дорогѣ ко дворцу герцога, и вдругъ, переходя черезъ площадь, усаженную липами, увидѣлъ довольно-обширное зданіе, привлекшее его вниманіе правильной архитектурой. Странное бѣненіе сердца, казалось, предупредило его.

— Что это за зданіе? спросилъ онъ одного мѣщанина, важно

прогуливавшася, не смотря на дождь, съ трубкою въ зубахъ, между динами.

— Это новый музей, сударь.

При этихъ словахъ, Германъ почувствовалъ такой внутренній трепеть, что поблѣднѣлъ отъ слишкомъ-сильнаго волненія. Убитая гордость его какъ-бы снова возсталла. Весь гнѣвъ его, вся раздражительность, все отчаяніе исчезли при одной мысли: здѣсь будущая слава дней моихъ, здѣсь безсмертіе моего имени!.. Онъ поклонился ибщанину (онъ желалъ бы кинуться ему на шею), и быстро войдя подъ портикъ музея, спросилъ г-на директора. На этотъ разъ, Германъ не дожидался. Директору слишкомъ-интересно было увидѣть, обсудить, осудить этого пришельца, этого Француза, котораго ему навязывали, и тотчасъ его принялъ.

— Что же, милостивый государь, какъ вамъ нравится нашъ музей? спросилъ онъ у Германа съ довольнымъ видомъ, послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Я нахожу, что архитектура его безупречна.

— Онъ долженъ показаться вамъ очень-малымъ, очень-ничтожнымъ, вамъ, пріѣзжему изъ Парижа.

— Я не дѣлаю сравненій, сударь, прервалъ Германъ.—Лувръ—Лувръ, и я не сравниваю герцогства В..., хоть оно и великое герцогство, съ Французскимъ—Королевствомъ.

Директоръ сдѣлалъ гримасу и продолжалъ нѣсколько-учтивѣе, взявъ связку ключей, висѣвшихъ у него надъ бюро: — Не угодно ли вамъ видѣть внутренность? Большая часть залъ окончена; его высочество великій герцогъ оставилъ для васъ среднюю галерею; это очень-непріятная задержка въ работахъ, но за нее мы безъ сомнѣнія, будемъ вознаграждены превосходствомъ творенія. Я нетерпѣливо желаю видѣть ваши картоны, сударь. Вы знаете, что здѣсь ничто не можетъ быть выполнено безъ моего одобренія... Это, впрочемъ, одна лишь форма, прибавилъ онъ, вида, что лицо Германа помрачилось. Съ такимъ художникомъ, какъ вы, не можетъ быть и рѣчи объ исправленіяхъ.

— Точно, сударь, еслибъ я зналъ, что мои картоны должны будутъ подлежать предварительно чьей бы то ни было ценсурѣ, я тотчасъ бы отказался отъ работы, которою обязанъ слишкомъ-лестному для меня мнѣнію его высочества.

Директоръ, не отвѣчая ни слова, пошелъ впередъ, по мраморной лѣстницѣ, украшенной барельефами Шванталера, и ввелъ его въ первую залу Музея, гдѣ помѣщалось собраніе антиковъ; на стенахъ и плафонѣ были написаны фресками разные мифологическіе сюжеты.

— Это первая зала, произведеніе двухъ моихъ учениковъ, сказалъ директоръ съ скромнымъ самодовольствомъ: — этотъ «Судъ Нариса» только-что оконченъ молодымъ Эвальдомъ изъ Кёльна, молодой человѣкъ далеко пойдетъ.

Германъ могъ чистосердечно похвалить благородство стиля и грандіозный эффектъ этихъ созданий.

— Я знаю, что во Франціи упрекають нѣмецкихъ артистовъ въ слабости исполненія, продолжалъ директоръ:—но этотъ упрекъ напрасенъ. Живопись фресками требуетъ смѣлости, несогласной въ обработкою подробностей и оконченностью. Вы писали фрески, неправда ли? спросилъ директоръ, указывая Герману пальцемъ на плафонъ галереи, въ которую они вошли. Вотъ прекрасное поле, чтобъ отличиться; свѣтъ здѣсь чудесный, что бываетъ весьма рѣдко на плафонахъ.

При видѣ этой огромной галереи, Германъ почувствовалъ болезненное сжатіе сердца; холодный потъ выступилъ на лбу его; онъ молча обѣгалъ устрашеннымъ взоромъ этотъ сводъ, торжественный своей ослѣпительной бѣлизною, это огромное пространство, блитое свѣтомъ! Взоръ его, опускаясь, встрѣтилъ насмѣшливый взглядъ директора. Ему показалось, что онъ видитъ Мефистофеля.

Въ эту минуту передъ нимъ открылось страшное страданіе. Сопѣніе закралось въ его душу; ему показалось, что онъ ниже воего дѣла; онъ понималъ страшную несоразмѣрность своихъ силъ и желаній. Такъ перелетная птица, плавающая надъ океаномъ, по какой-то отяжелѣлости своихъ крыльевъ, чувствуетъ, что она слишкомъ понадѣялась на ихъ силу и что они не донесутъ ея до берега.

О Нелюда! еслибъ ты могла знать внутреннее униженіе и жгучія страданія этой одной минуты сомнѣнія, ты нашла бы, что судьба слишкомъ за тебя отомстила.

Х.

Возвратясь въ свою комнату, Германъ заперся въ ней на весь этотъ день и на нѣсколько слѣдующихъ. Усталость отъ дороги, борющаяся въ немъ ощущенія—произвели явные лихорадочные припадки, и болѣзнь духа, какъ это часто случается, превратилась въ болѣзнь тѣла. Душа его, насильственно оторванная отъ пожившей ея мысли, приобрѣла въ этомъ временномъ бездѣйствіи новыя силы, и когда онъ могъ встать съ постели и начать работать въ мастерской, способность творчества снова ожила въ немъ. Онъ одинъ за другимъ, не колеблясь, не смущаясь, сочинилъ четыре прекрасные эскиза, долженствовавшіе, съ легкими измѣненіями, сообразно требованіямъ мѣстности, составить одну цѣлую фреску.

Эта работа временно успокоила его душу, сдѣлала его менѣе чувствительнымъ къ неприяностямъ вѣшной жизни и заставила равнодушнѣе смотрѣть на униженное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ этикетомъ в..... двора.

Онъ не былъ у директора: отъ ссѣдки своей за столомъ, отъ этой горничной, бывшей въ Парижѣ, и къ болтовнѣ которой онъ наконецъ привыкъ отъ нечего-дѣлать, узналъ онъ, что его всюду

ожидало недоброжелательство, что герцогу не могли простить обиды, нанесенной туземнымъ художникамъ вызовомъ иностранца въ В... Сама великая герцогиня, патриотка въ душѣ, то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ отказывалась принять, до пріѣзда мужа, этого Француза, котораго ей представили революционеромъ и кровопійцею. По счастью, Германъ былъ столько доволенъ своимъ эскизомъ, что сталъ переносить его на картонъ, и эта серьезная работа заняла все его время и развлекла его отъ безпокойныхъ желаній.

Однажды утромъ, когда онъ пришелъ въ мастерскую и довольно-спокойно приготавливалъ себѣ палитру, постучались у дверей. Прежде, чѣмъ онъ отвѣтилъ, вошелъ молодой человекъ, совершенно ему незнакомый и, подойдя къ нему рѣшительно, сказалъ съ весьма-замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ: «Вы Германъ Рене, я Эвальдъ изъ Кѣльна, дайте мнѣ руку». На лицѣ этого молодого человека было такое откровенное и добродушное выраженіе; улыбка его была такъ пріятна, лобъ такой открытый; прекрасные блондуры волосы его такъ граціозно упали на бархатную одежду, что Германъ, въ первый разъ послѣ долгаго времени, почувствовалъ къ нему невольную симпатію: онъ сжалъ руку этому неожиданному другу и ласково, сказалъ ему: — Очень радъ; позвольте мнѣ извиниться, что вы меня предупредили...

— Нужны ли эти церемоніи между художниками? сказалъ Эвальдъ, кладя на стулъ, какъ-будто желая совсѣмъ расположиться, свою тирольскую шляпу изъ сѣраго бобра, украшенную зеленой шелковой кокардой съ бахромой изъ козьяго пуха и пучкомъ куропаточьихъ перьевъ. Вы не могли знать, что я возвратился, прибавилъ онъ, кидая на рисунки Германа быстрый и глубокій взглядъ, взглядъ художника, однимъ разомъ измѣряющій всего человека въ малѣйшемъ отрывкѣ его произведенія:—я не имѣлъ бы терпѣнія васъ дожидаться. Я знаю вашего «Юанна Гуса», вы знаете мой «Судъ Париса»: стало-быть, мы знаемъ другъ друга и, кажется, должны любить одинъ другаго?

Германъ улыбнулся, не отвѣчая ни слова. Это наивное выраженіе безкорыстнаго удивленія было для него очень-лестно, но его почти конфузили смѣлые и фамиллярные приемы молодого человека.

— Честное слово, вы хорошо сдѣлали, милый Германъ, продолжалъ Эвальдъ, не обращая никакого вниманія на странную холодность французскаго художника:—что покинули эту проклятую живопись на станкѣ и пришли помогать намъ. Въ этихъ галереяхъ можно сдѣлать много великаго. Архитекторъ молодецъ и не скупился на свѣтъ. Писали ли вы фресками?

При этомъ вопросѣ, предложенномъ ему вторично, Германъ, какъ и въ первый разъ, почувствовалъ странное безпокойство. Онъ хотѣлъ солгать, но откровенный взоръ молодого Эвальда заставилъ его сказать правду.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — и, признаюсь, начинаю немного бояться...

— Чего? перерывалъ Эвальдъ: — что значитъ для художника затрудненіе въ приемѣ? Недѣля работы, и только. Я, который не знаю ничего того, что вы знаете, какъ мастеръ, — я знаю живопись фрескою съ малолѣтства: я разомъ передамъ вамъ все свое знаніе и не слишкомъ-дорого возьму съ васъ за ученіе... А! вотъ чудная головка, сказала онъ, вышима я изъ картона, гдѣ онъ рылся уже нѣсколько минутъ, фигуру, представляющую задумчивость, которой, самъ того не замѣчая и не желая, Германъ придалъ черты, видъ и выраженіе лица г-жи де-Кервансъ. — Сказать откровенно, это лучше всего, что я теперь видѣлъ. Это ново, это изобрѣтено! это создано карандашомъ Микель-Анджело! И глаза молодого артиста блистали неподдѣльнымъ удивленіемъ. Германъ смѣшался, слыша, какъ прославляютъ созданіемъ его генія то, что было только воспоминаніемъ любви его. Онъ вдругъ погрузился въ задумчивость, какъ это стало часто случаться съ нимъ въ послѣднее время. Воспоминаніе о Нелидѣ снова тревожно и жестоко вошло въ его сердце...

Эвальдъ замѣтилъ смущеніе Германа, и опасаясь помѣшать присутствіемъ своимъ вдохновенію музы, сократилъ свое посѣщеніе и оставилъ мастерскую гораздо-прежде, нежели располагалъ, обѣщая прийти на слѣдующій день.

Дѣйствительно, онъ пришелъ не только на другой день, но и на третій, и сталъ приходилъ каждый день; онъ приходилъ, влекомый богатой натурой Германа, его очаровательнымъ обхожденіемъ и тѣмъ, что было для него страннаго, непонятнаго въ безпорядкѣ идей и неопредѣленномъ мученіи этой столь сильной и вмѣстѣ столь слабой природы. Онъ видѣлъ, что Германъ почти постоянно страдаетъ и, въ германскомъ простодушіи своемъ, никакъ не могъ допустить, чтобъ чувство общественнаго неравенства, о которомъ безпрерывно говорилъ ему Германъ, могло быть причиною дѣйствительной грусти; съ изумленіемъ слушая проклятія, которые произносилъ раздраженный художникъ все съ большею и большею горечью, онъ предполагалъ, что тайная грусть, можетъ-быть, тоска по родицѣ или скорѣй отсутствіе любимой женщины выражалась, изливалась такимъ образомъ въ мнимомъ гнѣвѣ, и еще больше любилъ за то своего новаго друга; но вмѣсто того, чтобъ опровергать его мысли, онъ думалъ, что будетъ полезнѣе вырвать его изъ гибельнаго уединенія и волей-неволей разсѣять. Съ этими добрыми намѣреніями пригласилъ онъ Германа отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ таверну Бенедиктиновъ, гдѣ самъ онъ обыкновенно проводилъ вечера съ студентами. Германъ пошелъ съ нимъ. Онъ находилъ въ обществѣ Эвальда несказанную прелесть, и хотя они никогда ничего не говорили другъ другу о своей внутренней жизни, но ихъ сближало какое-то молчаливое согласіе. Эвальдъ смотрѣлъ на Германа съ удивленіемъ и грустію, какъ смотрятъ на грозящую вуд-

канъ, который ужь дымится, а Германъ охотно впивалъ въ себя изліянія этой души, простой, благородной, восторженной и вѣжливой, предлагавшей ему, ничего не удерживая, всё благовопія своей поэтической юности.

Германъ очень удивился, когда они пришли на обнесенный аркадами дворъ древняго бенедиктинскаго монастыря, и Эвальдъ, сойдя внизъ по пяти или шести изломаннымъ ступенямъ, отворилъ дубовую дверь, обитую толстыми желѣзными гвоздями и ввелъ его въ самую знаменитую и болѣе всего посѣщаемую таверну въ В... Ему сдѣлалъ горло отвратительный воздухъ, наполненный табачнымъ дымомъ, запахомъ пива и жареной говядины; адскій шумъ оглушилъ его.—Смѣлый! сказалъ Эвальдъ:—я согласенъ, въ первую минуту надобно немножко смѣлости; но вы тотчасъ же прывыкнете и перестанете объ этомъ думать. Я объявилъ уже, что вы грустны; вы ни къ чему не будете обязаны, и, если я не ошибаюсь, видъ этой легкой и откровенной жизни, удовольствій братства, въ сущности очень дружескаго, хотя нѣсколько грубаго снаружи, будетъ для васъ не безъ интереса.

Когда онъ говорилъ, къ нимъ подошелъ хозяинъ таверны, пивоваръ Антонъ Крюгеръ, въ короткихъ штанахъ, тканыхъ чулкахъ и бѣломъ фартукѣ, застегнутомъ по горло, съ бумажками колакомъ въ рукѣ и связкою ключей за поясомъ. Онъ поклонился Эвальду съ почтительной фамильярностью и сказалъ, кидая довольный взглядъ на чужестранца, котораго присутствіе могло придать много извѣстности его тавернѣ: «сегодня пиво у меня прекрасно, всё эти господа отъ него въ восхищеніи». Пока онъ хвалилъ такимъ-образомъ товаръ свой, а Эвальдъ, сквозь волны тусклаго дыма, тамъ-и-сямъ освѣщаемыя нагорѣвшей свѣчю, пробирался во внутренность таверны, Германъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ странную сцену, передъ нимъ находившуюся.

Погребъ Бенедиктинцевъ не напрасно присвоилъ себѣ это имя: это былъ настоящій погребъ; стѣны влажны, покрыты паутинами; наружный свѣтъ проходитъ въ узкія отдушины; середина занята огромными бочками съ пивомъ; вокругъ стѣнъ симметрически расположены столы и скамейки. Единственная служанка этого уютнаго мѣста, дочь г. Крюгера, свѣжая Баби, которой висятъ косы, заплетенныя въ ленты, красная юбка, убранная чернымъ бархатомъ, манишка изъ тонкаго бѣлаго полотна, богатое гранатовое ожерелье и въ-особенности смѣлый взглядъ и рѣзкіе приемы показывали красавицу, увѣренную въ самой-себѣ, безъ отдыха ходила взадъ и впередъ, отъ столовъ къ буфету, отъ буфета къ бочкамъ, отвѣчая каждому глазами и голосомъ, умножая свои улыбки, и время-отъ-времени строгимъ словомъ удерживая слишкомъ-выразительное движеніе какого-нибудь дерзкаго студента.

— Господа, сказалъ молодой художникъ, подходя къ столу, гдѣ сидѣли многочисленныя друзья его:—рекомендую вамъ г. Германа Реньэ, французскаго живописца.

За этимъ веселымъ столомъ былъ такой гамъ, что слышали только сидѣвшіе по близости; другіе не обратили никакого вниманія на прибытіе новаго гостя, и споры, тосты, хохотъ, чоканье стакановъ, звонъ вилокъ, импровизированныя рѣчи и пошлыя любезности съ прекрасной Гебой, прислуживавшей на этомъ неуклюжемъ Олимпѣ, продолжались какъ прежде и даже усилились.

— Что это съ ними дѣлается нынѣшній вечеръ? спросилъ Эвальдъ у своего сосѣда, болѣе другихъ серьезнаго, котораго шапка систематически покоилась на лысомъ лбѣ, и который, спокойно опершись на столъ, съ важнымъ видомъ курилъ свою трубку.

— Это Рейнгольдъ расшевелилъ ихъ; онъ пріѣхалъ изъ Берлина, гдѣ напился всѣми глупостями Шеллинга. Онъ дошелъ до того, что сейчасъ сказалъ намъ, будто Гегель не понималъ хорошенько абсолютнаго тождества. Это ужъ слишкомъ. Мюллеръ отвѣчалъ ему какъ слѣдуетъ. Еслибъ я не вмѣшался, они подрались бы на томъ же мѣстѣ. Филистеры до того струсили, что ушли, оставивъ недопитыми свои стаканы.

Германъ всѣми ушами слушалъ эти странныя рѣчи и съ любопытствомъ рассматривалъ группу, сидѣвшую на другомъ концѣ стола: онъ увидѣлъ между ними открытыя и смѣющіяся лица, напоминавшія, съ меньшимъ умомъ и привлекательностію, благородный типъ Эвальда. Костюмъ молодыхъ людей дополнялъ юношескую ясность ихъ физиономій. Почти всѣ они были въ короткихъ сюртукахъ, стянутыхъ въ талии, или въ бархатныхъ блузахъ, украшенныхъ галунами и шелковой бахромою. Ихъ бѣлыя, нѣсколько-женскія шеи свободно выходили изъ рубашки съ откиднымъ воротникомъ, безъ галстука. У нѣкоторыхъ висѣли черезъ плечо буйволовые рога, оправленные въ серебро. У всѣхъ были въ рукахъ длинные чубуки съ фарфоровыми трубками, на которыхъ видѣлся гравированный портретъ какого-нибудь великаго человѣка: Лютера, Гуттенберга, Бетховена или Гёте. Передъ каждымъ стояла классическая кружка съ оловянной крышкою, шире къ низу, въ которую входило полбутылки пива, и въ которой студентъ обыкновенно топилъ каждый вечеръ небольшое количество разсудка, пришедшаго къ нему со времени послѣдней попойки, то есть, для самыхъ умѣренныхъ, въ-продолженіе много-много двухъ или трехъ часовъ времени.

Эвальдъ, слѣдовавшій по лицу Германа за его впечатлѣніями, увидѣлъ, что, удовлетворивъ въ первыя минуты свое любопытство, онъ не находилъ большаго удовольствія въ этомъ соперничествѣ легкихъ, горлъ и жестовъ, которое студенты чтятъ именовъ свободнаго разсужденія: вдругъ, вставъ съ мѣста и сильно ударивъ кулакомъ по столу, такъ что задрожали стаканы и всѣ глаза обратились къ нему, онъ сказалъ:

— По-моему, господа, мы твердимъ одно и то же, какъ Шеллингъ, и разсуждаемъ какъ филистеры. Повѣрьте мнѣ, оставьте въ покоѣ Гегеля и Шеллинга, и, чтобъ угостить моего друга, фран-

пузсаго живописца, споемъ ему хоромъ нѣмецкую пѣсню. Ну же, господа, кто изъ насъ дастъ ла?

Wo ist des Deutschen Vaterland?

Молодые люди тотчасъ встали и вдругъ отъ самой грубой веселости перешли къ какой-то почти религіозной важности. Одинъ изъ нихъ звучнымъ голосомъ задалъ ла, и они заплѣли съ энергіей и безупречной чистотою знаменитую пѣсню профессора Арендта, въ которой, съ позволенія тридцати-двухъ правительствъ Германіи, дышетъ весь избытокъ патриотизма и чувства независимости, волнующихъ школьное юношество Германіи.

Германъ былъ артистъ и не могъ не почувствовать истиннаго удовольствія, слыша эту прекрасную музыку, исполнявшуюся съ такою откровенностью и силою. Пиво, котораго онъ не могъ не выпить, не смотря на первое отвращеніе, сдѣлало его сообщителемъ, онъ подошелъ къ молодому Рейнгольду, пѣвшему соло, и, подавая ему руку, съ жаромъ выразилъ все свое удивленіе.

Это пожатіе произвело всеобщее волненіе. Двадцать рукъ почти разомъ простерлись къ Герману. Стали приглашать его пить вѣстѣ. Онъ не считалъ себя въ правѣ отказываться: Эвальдъ предупредилъ его, что это считается неучтивостью. Однако, замѣчая, что пиво производитъ слишкомъ-сильное дѣйствіе, и опасаясь дурнаго вліянія какой-то аристократической надменности и тона знатнаго вельможи въ рѣчахъ Германа, которые прошли сначала незамѣченными, но потомъ заставили нѣкоторыхъ прислушиваться, онъ избралъ благовидный предлогъ и, покинувъ таверну въ самый развалъ шума, отвелъ Германа, не слишкомъ-твердо державшагося на ногахъ, до его квартиры во дворцѣ герцога.

XI.

— А почему вы хотите, чтобъ меня раздражало то, что говорится, думается и дѣлается тамъ, гдѣ я вовсе не хочу быть? сказалъ Эвальдъ Герману во время спора, часто возобновлявшагося между ними, послѣ вечера, проведеннаго въ тавернѣ.—Спрашиваю васъ, что мнѣ за дѣло до золотой тюрьмы, которую вы называете свѣтомъ, когда я владѣю всѣмъ, что есть видимаго моимъ глазамъ и доступнаго моему уму?

— Но какъ, говорилъ Германъ: — у васъ, человѣка съ благородной и сильной душою, нѣтъ желанія унижить гордость этихъ привилегированныхъ дѣтей вѣка и возстановить въ своемъ лицѣ классъ людей угнетенныхъ и благородныхъ?..

— Еще разъ, что они этимъ выиграютъ, милый Германъ? Вы находите, что я слишкомъ-скромнень; не отъ-того ли это, напротивъ, что у меня болѣе гордости, нежели у васъ, и что она не удостоиваетъ зависти блага, не стоющія зависти? Вы думаете, что у меня нѣтъ честолюбія? у меня есть одно, ничѣмъ-неудовлетворимое, но и ничѣмъ-неприводимое въ отчаяніе: я желаю болѣе и болѣе приближаться къ высокому идеалу въ своемъ искусствѣ.

— Положимъ, что вы благоразумно дѣлаете, не желая вступать въ общество, которое прійметъ васъ снисходительно, продолжалъ Германъ:—но возможно ли, чтобъ вы, человекъ самой превосходной натуры, деликатный и чувствительный какъ женщина, могли переносить ежедневно...

— А! такъ вотъ гдѣ мы, прервалъ смѣясь Эвальдъ:—грубыя удовольствія таверны, не слишкомъ—нѣжныя сношенія съ моими грубыми друзьями, не правда ли? Что дѣлать, Германъ! Когда я провелъ цѣлый день въ серьезной работѣ, въ важныхъ бесѣдахъ съ своей чистой музой, мнѣ надобно успокоить свои нервы, подкрѣпить утомленную душу въ свободныхъ волнахъ матеріальной жизни. Таверна составляетъ для меня необходимое противодѣйствіе, приводящее въ равновѣсіе все существо мое. Не скрою отъ васъ, я приношу туда чувство собственнаго превосходства, которое достаточно льститъ моей тайной гордости. Все, что еще остается во мнѣ отъ тщеславія, зависти, печали, уходитъ въ мою трубку, и я вижу, какъ мало-по-малу страданія мои поднимаются, выются и испаряются въ воздухъ веселыми кругами... подобно этимъ, смотрите!.. И онъ втянулъ въ себя огромное количество дыма, выпустилъ его медленно и мало-по-малу изъ своихъ прекрасныхъ розовыхъ губъ въ разнообразныхъ фантастическихъ арабескахъ.

— Вы мудрецъ, сказалъ Германъ вздыхая.

— Во всякомъ случаѣ, я далеко ходилъ за мудростью, отвѣчалъ Эвальдъ: — мнѣ не нужно было переѣзжать морей; я не собѣтовался ни съ египетскимъ фивинкомъ, ни съ эхомъ Пареннона, ни съ развалинами Колизея, не изучалъ ни Будды, ни Конфуція, ни Пифагора. Вся моя наука, вся моя система заключаются въ одной аксіомѣ, вырѣзанной на крышкѣ моей трубки...

И онъ далъ прочесть Герману, невольно улыбнувшемуся, слѣдующую итальянскую фразу:

Fumo di gloria non vale fumo di pipa.

Германъ слушалъ эти рѣчи и другія подобныя имъ съ весьма-странными чувствами. То онъ отдавалъ справедливость здравому смыслу, простой и твердой философій своего молодого друга, то, напротивъ, ему жаль было этого обыкновеннаго благоразумія, и онъ чувствовалъ почти презрѣніе къ такой пошлой покорности. Въ это время, возвратился великій герцогъ. Но Германъ нашелъ его въ В... не такимъ, какъ онъ былъ въ Миланѣ. Потому ли, что въ Италиі онъ позволилъ себѣ, противъ обыкновенія, увлечься легкостью нравовъ, которая въ отечествѣ Рафаэля и Льва Х устанавливаетъ какое-то равенство между вельможею и художникомъ, или на него подѣйствовали интриги придворныхъ и предубѣжденіе великой герцогини, но онъ былъ учтивъ — и только, и послѣ официального визита въ мастерскую и приглашенія Германа обѣдать съ нисшими придворными чинами, не подалъ ему знака жизни.

Какая противоположность для гордаго и жаднаго впечатлѣній

художника между одушевленной жизнью въ Миланѣ и этимъ однообразнымъ существованіемъ, удаленнымъ, такъ-сказать, отъ всякихъ сношеній съ людьми, въ присутствіи труда медленнаго, исполненнаго препятствій, котораго результатъ ему-самому казался весьма сомнительнымъ! Уединеніе полезно только для сильныхъ душою. Германа въ его уединеніи посѣщали только злые дѣхи. Присутствіе Эвальда, временно имѣвшее на него успокоительное дѣйствіе, сдѣлалось для него несноснымъ. Совѣты, которые онъ принужденъ былъ принимать, какая-то подчиненность человѣку, который былъ его моложе и считалъ самъ себя еще ученикомъ, такъ отдаляли его отъ этого артистическаго преобладанія, которое онъ хотѣлъ приобрести разомъ, что онъ нѣсколько разъ послѣ спрашивалъ самъ себя, не забавлялся ли онъ химерами, полагая, что рожденъ для великой будущности, и не лучше ли было бы... Тутъ тысячи предположеній, изъ которыхъ одни были невозможныѣ другихъ, терзали его душу. Сонъ не успокаивалъ больше ни вѣждъ его, ни его мозга. Ужасныя видѣнія мучили его цѣлыя ночи; первы его до такой степени раздражились, что даже матеріальный трудъ стоилъ ему тягостныхъ усилій. Смущенный своею медленностью, онъ велѣлъ построить въ музеѣ обширныя подмостки и былъ тамъ два раза, рѣшившись начать наконецъ эту страшную фреску. Два раза мужество покидало его; перейдя во всѣхъ направленіяхъ лѣстницы и подмостки, онъ въ отчаяніи возвратился домой. Здоровье его, прежде столь крѣпкое, болѣе и болѣе слабѣло; вскорѣ онъ сталъ какъ ребенокъ бояться лица человѣческаго, видѣлъ во всѣхъ глазахъ или упрекъ, или насмѣшку, и вдругъ пересталъ пускать Эвальда къ себѣ въ мастерскую. Эвальдъ съ грустью покорился, и Германъ, неспособный держать кисть, неспособный подпятъ давившую его тяжесть, по цѣлымъ днямъ сидѣлъ, склонивъ голову на руку плача медленными и горькими слезами. Въ томъ ослабленіи, въ которое впалъ онъ, воспоминаніе о г-жѣ де-Кервансъ овладѣло имъ исключительно. Суевѣрное угрызение совѣсти вкралось къ нему въ сердце; въ сомнѣніяхъ души своей и слабости таланта онъ видѣлъ наказаніе за свои проступки, и какъ для него самыя быстрыя рѣшенія и величайшія крайности всегда имѣли непреодолимую прелесть, то, спустя ровно два мѣсяца послѣ отъѣзда своего изъ Милана, онъ написалъ Нелидѣ слѣдующее письмо, изъ котораго видна какъ-вельзя-больше вся несвязность его мыслей:

«Нелида! Нелида! позволъ мнѣ повторить сто, тысячу разъ «священное имя! Оно меня давить, жжетъ, терзаетъ сегодня, «если ты захочешь, оно еще будетъ имѣть надо мной магическую «силу прежнихъ дней.

«Прійди, о прійди! не теряй ни часа, ни минуты! Прійди «мой объятія, сжимавшія одинъ призракъ, прійди на мою грудь «которая не можетъ удержать въ себѣ стѣнаний!

«О, Нелида! какія тайны любви и величія я еще открою, «мысль моя такъ сильна, что давить меня: я не могу снести!

«Одинъ. Во мнѣ цѣлый міръ, стремящійся выйти изъ хаоса; я чувствую, что твой взглядъ долженъ раздѣлить свѣтъ отъ мрака. Не могу летѣть къ тебѣ: честь приковываетъ меня здѣсь. Я жаду тебя и умираю отъ нетерпѣнія и любви!..»

Это письмо не дошло по адресу. Нелида оставила Италію. Никто не зналъ, что съ ней сдѣлалось. Прошли три недѣли, три недѣли, въ—продолженіе которыхъ художникъ жилъ въ страшномъ сосредоточеніи мысли. При каждомъ стукѣ экипажа на дворцовомъ дворѣ, при каждомъ шумѣ шаговъ на лѣстницѣ, онъ какъ—будто просыпался, прыгалъ со стула, бѣжалъ къ окну или двери... Потому снова садился и въ тысячный разъ принимался думать объ одномъ и томъ же.

Однажды утромъ онъ едва всталъ и по одной изъ частыхъ непослѣдовательностей, характеризовавшихъ его необъяснимый характеръ, кинулся на колѣни и съ жаромъ просилъ небо о скоромъ пріѣздѣ Нелиды (онъ чувствовалъ, что жизнь въ немъ угасала, и пугался этого), когда къ нему вошелъ слуга съ извѣстіемъ, что въ отели *Императора* остановилась молодая дама, желающая тотчасъ же его видѣть.

— Нелида! вскричалъ Германъ и такъ скоро кинулся изъ комнаты, что слуга не пошелъ за нимъ, а принялся разговаривать съ служанкой, мывшей лѣстницы, рассказывая ей о своемъ таинственномъ посольствѣ и описывая прекрасные экипажи красивой дамы, пріѣхавшей изъ Италіи, и великолѣпную квартиру въ ре-де-шоссе, которую она тотчасъ же наняла на шесть мѣсяцевъ.

Въ одно мгновеніе Германъ былъ въ отели «Императора». Одинъ служитель увидѣлъ его издали; его ждали, потому—что лишь—только отворилась дверь, какъ двѣ женскія руки охватили его шею, и пламенные губы обожгли ему щеку. Германъ упалъ на землю, какъ—будто пораженный злобѣщей молніей, брошенной на него черными и жгучими взглядами Элизы Зеппони.

ХІІ.

Вечеръ былъ ясенъ. Нѣсколько блѣдныхъ и дрожащихъ звѣздъ появились на небѣ, еще облитомъ послѣдними огнями заходившаго солнца. Цвѣтуція лиліи наполняли благоуханіемъ воздухъ. Спрятанныя въ розовыхъ вѣтвяхъ дерева палестины, соловей потрясалъ воздухъ быстрыми звуками сладострастныхъ пѣсень. Опершись на каменную стѣну широкой террасы, возвышавшейся надъ городомъ, мать—Елизавета разговаривала съ Ферезомъ, впервые взоръ въ обширный горизонтъ.

— Не сомнѣвайся, говорила монахиня своимъ обыкновеннымъ важнымъ и торжественнымъ тономъ:— духъ добра остался побѣдителемъ въ этой великой душѣ. Она сама приняла твердую и благоразумную рѣшимость вступить въ управленіе своимъ имѣніемъ, возвратиться въ Бретанъ и употребить доходы свои на осуществленіе по—крайней—мѣрѣ части тѣхъ проектовъ, о которыхъ мы за

шесть мѣсяцевъ назадъ едва смѣли думать. Она принимаетъ, какъ послѣднюю внутреннюю жертву, испытанія, ожидающія ее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она провела молодость. Мужъ Клодины пріѣхалъ за ней, чтобъ отправиться вмѣстѣ въ Викт. Она заставила меня дать слово, что я къ ней пріѣду, и съ тобою: намъ нужны будутъ твои совѣты и твоя помощь.

— Безразсудная! сказалъ Ферезъ, качая головою съ недовольнымъ видомъ:— видно, что ты никогда не испытала движеній сердца. Ты позволяешь этой жепицѣ, едва излечившейся, подвергаться самому опасному изъ всѣхъ воспоминаній.

— Для моеѣ дочери нѣтъ опасности. Воля ея возсталла, мысль освободилась. Она не унижится до грустнаго выхода слабыхъ сердецъ, спасающихся отъ любви ненавистью, отъ увлеченія отчаяніемъ. Она спокойно уважаетъ прошедшее, потому — что твердо вѣритъ въ будущее. Она говоритъ о своей любви, какъ поэтъ, а о своихъ заблужденіяхъ, какъ философъ. Въ душѣ ея безмолвно и непримѣтно совершилось то, что совершается въ ледникахъ альпійскихъ: собственною силой, безъ потрясеній, выкинула она на берегъ все посторопшее, омрачавшее естественную чистоту ея...

Мать-Елизавета долго еще говорила о Нелидѣ, о которой она постоянно, съ любовью заботилась. Ферезъ больше не прерывалъ ея. Вдругъ, обратясь къ нему, она замѣтила, что онъ глубоко задумался и, казалось, не слышалъ словъ ея.

— О чемъ ты думаешь? сказала она.

Онъ тихо улынулся и сказалъ, бросая на нее долгій взглядъ, въ которомъ упрекъ смѣшивался съ любовью, и въ первый разъ называя ее по имени, которое она носила до ппочества:

— Вы очень-краснорѣчивы, Фаустина. Послушайте: этотъ соловей, что поетъ тамъ, въ молодыхъ вѣтвяхъ, краснорѣчивѣе васъ, потому-что въ полчаса, которые я его слушалъ, онъ унесъ меня на крыльяхъ своей веселой пѣсни отъ дѣйствительности въ міръ мечтанья и воспоминаній. Знаете ли, гдѣ я былъ сейчасъ, когда вы меня оторвали отъ моего раздумья?.. Помните ли вы одинъ вечеръ?.. Десять лѣтъ тому назадъ... пробило полночь; мы были одни въ вашей комнатѣ. Еще одѣтыя въ бальное платье, вы, прележное дитя, позвали меня, чтобъ прочесть мнѣ серьезное историческое сочиненіе. Вамъ пришла въ голову мысль, которой я не противился, испробовать, какъ вы говорили, крѣпость вашихъ глазъ, читая при лучѣ, и спрятавъ лампу за ширмы. Я оперся на раму окна. Какъ и сегодня, лиліи цвѣли въ саду вашего отца; небо было усыяно звѣздами; вы приляпсь читать серьезно, спокойно; какъ сегодня же, я не слушалъ. Ослѣпленнымъ взоромъ слѣдить я за движеніемъ вашихъ губъ и смотрѣлъ на вашу прекрасную, обнаженную руку, поддерживавшую склоненную голову. Вдругъ, уступая непреодолимому влеченію, я почувствовалъ, что ноги мои сгибаются и, я невольно сталъ передъ вами на колѣни... Черезъ

нѣсколько времени, усталые глаза ваши оторвались отъ книги. «Я ничего больше не разберу», сказали вы, закрывая тетрадь. Замигивъ меня у вашихъ ногъ, вы воскликнули отъ удивленія. Я схватилъ вашу руку; моя рука горѣла. «Что вы хотите прочесть на этой мертвой страницѣ?» вскричалъ я: «Фаустина, читай въ моемъ сердцѣ, читай въ немъ тайну жизни, тайну любви.» Взоръ вашъ обратился на меня безъ гнѣва, но я замолчалъ, испугавшись того, что сказать, того, что вы скажете. Вы также молчали. Черезъ минуту я увидѣлъ... мнѣ показалось, что слеза скатилась по вашей рѣсницѣ... «Благодарю!» проговорилъ я, и убѣжалъ не оглядываясь, опасаясь слова, которое у меня отняло бы ее, эту слезу, первую, единственную, которую я у васъ видѣлъ. О, Фаустина, Фаустина, еслибъ вы меня любили!..

— Но что говорили вы мнѣ сейчасъ? продолжалъ Ферезъ равнодушнымъ тономъ и спокойнымъ голосомъ. — Г-жа Керваэнсъ ѣдетъ въ Бретань.

— Завтра, отвѣчала мать-Елизавета, персвязывая крестомъ на груди свой черный шерстяной шарфъ.—Но свѣжѣетъ; подымается сырость; возвратимся домой... И она величественной поступью своей пошла къ дому, погруженному во мракъ, глядя на высокое окно, въ которомъ, за кисейной занавѣской, горѣла одинокая лампа г-жи де-Керваэнсъ.

Въ-продолженіе этого разговора, Нелла отдавала послѣднія приказанія касательно своего скорого отъѣзда. Вдругъ отворилась дверь и вошелъ г. Бернаръ, въ ту минуту, когда она всего менѣе о немъ думала.

— Очепъ-рада, вскричала она, подбѣгая къ нему:—я васъ ожидала; вы находите меня готовою; я выиграла послѣднюю битву и спѣшу уѣхать.

Блѣдное лицо г. Бернара, разстроенный видъ его испугали г-жу де-Керваэнсъ.

— Праведный Боже, вскричала она:— что случилось? Нѣтъ ли какого несчастья? Клодина!..

— Клодина здорова, сказалъ г. Бернаръ, подводя Неллу къ кресламъ и заставляя ее сѣсть:—но соберитесь съ силами, сударыня, вамъ предстоитъ новое испытаніе...

— Умилось, Боже! вскричала г-жа де-Керваэнсъ, закрывая лицо руками. — Еще!

— Божія кара пала на человѣка, котораго вы любили; уже мѣсяць, какъ онъ опасно болѣнъ...

— Гдѣ онъ? Отвезите меня къ нему, поспѣшимте! произнесла Нелла, съ потеряннѣмъ видомъ накидывая на плечи дорожную мантилью...

— Сударыня, сказалъ г. Бернаръ съ никогда-непокидавшимъ его хладнокровіемъ:— экипажъ мой у подѣзда, и я къ вашимъ услугамъ... Но я обязанъ заставить васъ подумать о томъ, что

вы хотите дѣлать... дорога длинна... мнѣ пишутъ, что мало надежды...

— Ёдемъ! сказала Нелида.

— Онъ едва ли васъ узнаетъ, продолжалъ г. Бернаръ: — и я еще долженъ предупредить васъ, что вы найдете у его постели чужестранку...

— Хотя бы при немъ были всѣ демоны ада, я ёду къ нему! вскричала Нелида.

— Не хотите ли проститься съ вашей пріятельницей? сказалъ г. Бернаръ.

— У меня не достанетъ мужества, отвѣчала Нелида, склоняя голову:—уѣдемъ такъ, чтобъ никто меня не видѣлъ. Я не знаю куда ёду, не знаю что дѣлаю; не знаю, исполняю ли я обязанность, или еще разъ заблуждаюсь... но разсуждать некогда, ёдемте.

хш.

Маркиза Зеппони, пріѣхавъ къ Герману, покорилась внезапному движенію своей страстной натуры. Пылкая склонность ея, раздраженная отсутствіемъ, приняла всѣ признаки страсти,—страсти итальянской, болѣе жгучей, чѣмъ гордой, которой не убилъ ни грубый пріемъ Германа, не сковали несомнѣнныя доказательства его равнодушія. Тщеславные люди питаютъ величайшее презрѣніе къ женщинамъ легко доступнымъ. Послѣ первыхъ дней, прошедшихъ въ объясненіяхъ и ссорахъ и нѣсколько оживившихъ его, давъ ему случай говорить о г-жѣ де-Кервансъ, Германъ впалъ въ свое прежнее грустное расположеніе, и такъ—какъ ему надоѣдали безпокойство, вопросы и слезы Элизы, онъ не только пересталъ къ ней являться, но покинулъ мастерскую, куда она безстрашно къ нему приходила, и сталъ шататься по полямъ, проводя цѣлые дни, а иногда и ночи на большихъ дорогахъ.

Эти странности не могли остаться незамѣченными въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ В... Ихъ преувеличили, и вскорѣ восторженный художникъ прослылъ совершенно—помѣшаннымъ. Всѣ стали бояться; директоръ концертовъ увѣрилъ великую герцогиню, что и для нея и для дѣтей ея очень-опасно держать во дворцѣ безумнаго, который съ минуты на минуту могъ сдѣлаться бѣшеннымъ.

Узнавъ объ этомъ, маркиза Зеппони наняла дачу у самыхъ городскихъ воротъ. Она сказала Герману, что честь его требовала оставить дворецъ, такъ—какъ онъ почти пересталъ работать, и разнаго рода маленькими хитростями дошла до того, что онъ обѣщалъ переселиться туда на нѣсколько дней, подышать вмѣстѣ съ ней чистымъ воздухомъ, вдали отъ городского шума.

Сначала эта переменна мѣста, казалось, благопріятно подѣйствовала на Германа; онъ былъ въ лучшемъ расположеніи духа, не такъ грубо отвѣчалъ на истинно—трогательныя заботы маркизы.

Впрочемъ, истощеніе силъ, болѣе и болѣе увеличивавшееся, припадки долгаго и упорнаго молчанія, за которыми слѣдоваль стран- ный хохоть, совершенная потеря сна и аппетита, возбуждали серьёзные опасенія въ докторѣ, внимательно его наблюдавшемъ. Весна только усилила болѣзнь; явилась постоянная лихорадка: ча- стые припадки бреда приводили въ ужасъ маркизу. Самоотверже- ніе ея увеличивалось вмѣстѣ съ опасностью; она день и ночь си- дѣла надъ изголовьемъ Германа и съ несвойственнымъ ей терпѣ- ніемъ переносила его колкости. Женщины, преданныя удоволь- ствіямъ, мало понимаютъ душевныя страданія, которыя онѣ нена- видятъ, но инстинктивно сочувствуютъ страданіямъ физическимъ.

Чтобъ содѣйствовать медику въ леченіи столь необъяснимой бо- лѣзни, Элиза разсказала ему, сколько знала, прежнюю жизнь Гер- мана. Она очень изумилась, когда ему пришло въ голову, что эти страданія, для которыхъ наука не находила лекарства, могли быть слѣдствіемъ одной постоянной идеи, одной глубокой печали; по- стоянной мыслию его о Нелидѣ онъ объяснилъ себѣ много не- понятнаго и прямо объявилъ маркизѣ, что присутствіе столь до- рогой для больного особы можетъ еще и, можетъ-быть, одно толь- ко можетъ произвести благопріятный кризисъ и спасти его. Элиза не колеблясь приняла геройское намѣреніе для ревнивой женщи- ны—рѣшилась написать къ г. Бернару и просить его, чтобъ онъ привезъ ея соперницу. Мы видѣли, какое дѣйствіе произвело это письмо на г-жу де-Кервансъ. Время, прошедшее со времени от- правленія его до того, когда могъ быть полученъ отвѣтъ, было исполнено страданій. Германъ, упорно хранившій молчаніе, не узнавалъ подходившихъ къ нему. Съ трудомъ уговаривали его принимать нѣсколько питья, едва поддерживавшаго въ немъ жизнь; истощеніе силъ быстро увеличивалось; Элиза съ ужасомъ читала въ глазахъ доктора, котораго она не смѣла болѣе спрашивать, вѣрный приговоръ къ скорой смерти.

Однажды вечеромъ, болѣе обыкновеннаго утомленная и груст- ная, отойдя на минуту отъ постели больного, который заснулъ, она открыла окно въ сосѣдней комнатѣ и вдыхала воспаленной грудью свѣжій вѣтерокъ. Все молчало внутри и снаружи. Блѣд- ная, растрепанная, накинувъ на обнаженные плечи большую шаль, Элиза безъ цѣли смотрѣла въ поле, когда отдаленный стукъ ко- лесь по кремнистой дорогѣ заставилъ ее вздрогнуть. Стукъ этотъ приближался; вскорѣ, сквозь едва-опушившіяся листьями вѣтви са- ловыхъ акацій, она замѣтила, что дорожный экипажъ остановился у маленькой зеленой двери. Желѣзный ключъ съ скрипомъ пово- ротился въ замкѣ; дверь отворилась. Элиза вскрикнула, увидя, какъ рисовалась на тѣни и приближалась по розовой аллеѣ, вед- шей прямо къ крыльцу, бѣлая фигура г-жи де-Кервансъ, опи- равшейся на г. Бернара. Она положила обѣ руки на сердце, быв- шее съ страшною быстротою, и кинулась вонъ изъ комнаты.

Какая ветрѣча! Какъ забавляется судьба роковыми играми! Во

второй разъ сводила она вмѣстѣ этихъ двухъ женщинъ, назначенныхъ страдать одна черезъ другую, страдать одной вмѣстѣ съ другою. Въ первый разъ, на блестящемъ праздникѣ, онѣ подали другъ другу руки, дрожавшія отъ ревности, обмѣнялись вызывающими взглядами, въ которыхъ еще блистала вся надменность молодости; теперь, въ двухъ шагахъ отъ умирающаго, обѣ, до того блѣдныя, что ихъ можно было принять за призраки, онѣ ищутъ другъ у друга руку и жмутъ ее пожатіемъ, которое несчастіе сдѣлало чистосердечнымъ; глаза ихъ встрѣчаются безъ ненависти; въ нихъ не сверкаетъ болѣе ни одной искры: ихъ леденить одинъ и тотъ же ужасъ, убиваетъ тотъ же рокъ.

Не произнеся ни слова, Элиза увлекла госпожу де-Керваэнь на каменную скамью, стоящую въ концѣ аллеи; тамъ, прерывающимся голосомъ, сквозь потокъ слезъ, она рассказала ей, въ какомъ положеніи находился Германъ. — Спасите его, спасите! вскричала она, вперивъ въ г-жу де-Керваэнь свои большіе, мутные глаза: — вы одинъ можете не дать ему умереть.

И бѣдная женщина, смиренная и суевѣрная, не въ силахъ будучи удержать безпокойство души своей, умоляла Нелиду простить ее, обѣщала идти въ монастырь, — предавалась всему неистовству отчаянной страсти.

Привыкнувъ владѣть своею горестью, г-жа де-Керваэнь, тихо пожимая руку маркизѣ, убѣждала ее быть спокойнѣе и потомъ, оставивъ ее съ г. Бернарромъ, одна пошла къ дому.

Инстинктъ привелъ ее прямо въ комнату больного. Герметически-закрытыя сторы пропускали въ нее самый слабый свѣтъ. Она подошла къ постели Германа, не будучи имъ замѣчена. Она едва узнала его: такъ измѣнило черты лица страданіе. Волосы его, которые онъ отпускалъ нѣсколько мѣсяцевъ, длинными черными прядями падали на его исхудавшія щеки, еще болѣе увеличивая ихъ мертвенную блѣдность; ротъ былъ судорожно стиснутъ, вся гармонія прекраснаго лица разстроена. Склонившись на постель своего любовника, удерживая задушавшія ее слезы, Нелида вперила въ смутные и неопредѣленные взоры его взглядъ, въ которомъ сосредоточивалась вся ея любовь и воля; больной затрепеталъ, сдѣлавъ быстрое движеніе и, поднявшись, посмотрѣлъ сперва вокругъ; потомъ глаза его надолго остановились на г-жѣ де-Керваэнь, стараясь узнать ее. Она потупила взоры и осталась неподвижна, чтобъ дать ему время прійти въ себя; эта минута была вѣчностью. Когда она подняла глаза, она встрѣтила взоръ любовника, уже не смутный и неопредѣленный, но устремленный на нее и свѣтлѣющій внутреннимъ свѣтомъ.

— Нелида! проговорилъ Германъ, и долгое молчаніе послѣдовало за этимъ восклицаніемъ. — Нелида! повторилъ онъ съ глухимъ стѣнаніемъ.

Она хотѣла говорить; страхъ сковалъ уста ея.

— Какъ ты хороша! сказалъ Германъ. И рука его искала рѣ-

ки г-жи де-Керваэнсъ. Сколько любви еще оставалось въ сердцѣ Германа, сколько прощенія было въ душѣ г-жи де-Керваэнсъ, все было обмѣнено въ этомъ послѣднемъ пожатіи.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ пробормоталъ: — О! да, ты прекрасна и добра; я звалъ тебя, ты меня услышала и пришла... О! какъ я люблю тебя!.. и слезы покатались по лицу его... Но уже поздно.

Нелида не могла долѣе удерживаться; она кинулась въ объятія Германа и устами любовницы впила въ себя его горькія слезы.

Въ это время докторъ и Эвальдъ, непропускавшій дня, чтобъ не посѣтить Германа, вошли въ комнату. При шумѣ двери, Нелида вырвалась изъ объятій своего любовника, судорожно ее сжимавшаго.

Онъ мрачно взглянулъ на вошедшихъ.

— Оставьте меня одного, вскричалъ онъ голосомъ, который слѣдался звученъ и повелителенъ. — Я хочу умереть спокойно. Оставьте мнѣ послѣднюю мечту мою.

Ихъ оставили.

— Нелида, продолжалъ Германъ раздрающимъ голосомъ: — не правда ли, ты все прощаешь?

— Что мнѣ прощать? сказала она, трепетной рукою отирая холодный потъ на лбу Германа. — Забудь прошлое. Живи...

— Къ-чему жить? Жизнь горька, сказалъ онъ.

— Живи для твоей чести, для твоей славы...

— Ахъ! ты больше не любишь! сказалъ онъ, прерывая ее съ грустной улыбкой. — Ты не говоришь мнѣ, чтобъ я жилъ для нашей любви... и послѣ минутнаго молчанія, прибавилъ: — Она была такъ прекрасна, такъ чиста, такъ глубока и такъ велика, твоя любовь! Съ той минуты, какъ я могъ тебя покинуть, я покинулъ, и потомъ ни разу не находилъ, свою добродѣтель, свой покой, свое счастье, свой геній...

— Ты все найдешь снова, сказала Нелида.

— Я все нашелъ, потому-что ты со мною, произнесъ онъ, смотря на нее какъ въ изступленіи. — Рука твоя, пройдя по моему лбу, какъ-бы чарами согнала съ него грустныя мысли. Дыханіе твое очищаетъ воздухъ, которымъ дышу я, и который еще сегодня утромъ жегъ мнѣ грудь. Твои слова чудная музыка для ушей моихъ.

Онъ упалъ, ослабѣвъ отъ слишкомъ-сильнаго волненія... глаза его закрылись. Г-жа де-Керваэнсъ думала, что онъ испустилъ послѣдній вздохъ. На крикъ ея вбѣжалъ докторъ, бывшій въ сосѣдней комнатѣ..

Популавъ нульсъ у Германа, онъ сдѣлалъ знакъ г. Бернару, вошедшему вслѣдъ за нимъ, чтобъ онъ увелъ Нелиду.

Германъ жилъ еще два дня, но не приходилъ уже въ себя. Смерть его была спокойна. Казалось, онъ пересталъ страдать.

Можно думать, что это послѣднее, магнетическое пожатіе руки,

этотъ послѣдній взглядъ любви, были для его безпокойной души залогомъ вѣчнаго мира. Нелида могла вѣрить, что по-крайней-мѣрѣ въ часъ смерти она сдѣлалась для своего любовника тѣмъ, чѣмъ хотѣла быть въ-продолженіе жизни: удовлетвореніемъ молитвы, прощеніемъ заблужденія, Беатричею, указующею на отверстое небо.

Что сдѣлалось съ Нелидой? Если читателя столько заинтересовала эта мужественная женщина, что онъ хочетъ знать послѣдствія дней ея испытанія, если онъ желаетъ видѣть, каковъ зрѣлый возрастъ, слѣдующій за подобною юностью, каковъ вечеръ, наступающій послѣ такого утра; если онъ спроситъ насъ, гдѣ пристань, въ которой отдыхаютъ души, созданныя такимъ образомъ, можетъ-быть, мы скажемъ ему это въ своемъ мѣстѣ. Но нельзя ли этого предвидѣть?

У женщинъ высоко-одаренныхъ, сердце быстрыми порывами своими далеко опережаетъ мысль и одно волнуется, подчиняетъ себѣ, извращаетъ и влечетъ на удачу всю первую половину жизни. Мысль, болѣе медленная въ пути своемъ, сперва незамѣтно растетъ въ буряхъ; но мало-по-малу она возвышается надъ ними, узнаётъ ихъ, осуживаетъ, осуждаетъ или оправдываетъ: дѣлается могучею. Битва была долга и жестока для Нелиды; и когда она получила всѣ силы, которыми одарила ее природа, она увидѣла передъ собою внѣшнихъ враговъ, столько же ужасныхъ, какъ была любовь ея. Борьба началась въ другомъ видѣ и на другой аренѣ. Каковъ былъ конецъ и какая награда? Это легко угадать.

Только нѣкоторые, и въ томъ числѣ Нелида, не смотря ни на что, неумоимо повторяютъ, при самомъ густомъ наружномъ мракѣ, святыя слова пѣснопѣвца, послѣднюю надежду благородныхъ сердець: *что бы ни было, Господь милосердъ.*

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПРОЛЕТАРИИ И ПАУПЕРИЗМЪ ВЪ АНГЛІИ И ВО ФРАНЦІИ.

Статья третья.

**ПРИЗНАКИ И ПОСЛѢДСТВІЯ БѢДНОСТИ. — ЖИЛИЩА БѢДНЫХЪ ВЪ
АНГЛІИ И ВО ФРАНЦІИ. — ВЛІЯНІЕ ПАУПЕРИЗМА НА ФИЗИЧЕСКОЕ,
УМСТВЕННОЕ И ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ РАБОЧИХЪ КЛАССОВЪ
ВЪ ГОСУДАРСТВАХЪ ЗАПАДНОЙ — ЕВРОПЫ.**

Мы указали на причины, порождающія нищету; укажемъ теперь на *послѣдствія*, которыми она сопровождается.

Ближайшее и самое непосредственное послѣдствіе нищеты состоитъ въ томъ, что она подвергаетъ чело­вѣка тяжкимъ мученіямъ и страданіямъ, какъ физическимъ, такъ и моральнымъ; заставляетъ его ограничивать свои потребности и отказывать себѣ въ удовольствіи самыхъ необходимыхъ нуждъ, она превращаетъ жизнь его въ безконечный рядъ тягостныхъ лишеній, въ существованіе, чуждое всѣмъ тѣмъ благамъ, наслажденіямъ и удобствамъ, которыхъ необходимо требуетъ самая его природа и которыми въ глазахъ его пользуются его собратья. Но этимъ не ограничивается вліяніе нищеты и ея дѣйствіе на чело­вѣка; оно простирается гораздо-глубже и гораздо-дальше — на самое существо чело­вѣка, на его тѣло и душу, на его физическія, ум-

Т. II. — Стд. II.

ственные и нравственные качества. Обрекая свои жертвы на горе, страданія и несчастія, нищета не щадитъ въ то же время ни здоровья ихъ, ни жизни, ни умственныхъ способностей, ни нравственныхъ силъ, ни всѣхъ другихъ существенныхъ достоинствъ человеческой природы; она давитъ челоуѣка, убиваетъ его, уничтожаетъ въ немъ все, чѣмъ отличается онъ отъ животнаго, и служитъ прямой и непосредственной причиною упадка и деморализаціи рабочихъ классовъ; нѣтъ ничего легче, какъ убѣдиться въ этихъ страшныхъ послѣдствіяхъ нищеты: стоить ближе ознакомиться съ современнымъ положеніемъ нисшихъ классовъ Англіи и Франціи, какъ по отношенію къ физическому, такъ и нравственному ихъ состоянію.

Самое видное послѣдствіе и вмѣстѣ самый наглядный, очевидный признакъ нищеты составляютъ тѣ мѣста, въ которыхъ бѣдные поселяются, живутъ и умираютъ. Весьма-понятно, что чѣмъ бѣднѣе и недостаточнѣе челоуѣкъ, тѣмъ хуже, грязнѣе и неудобнѣе должно быть его жилище; а такъ — какъ въ настоящее время въ Англіи и во Франціи экономическое положеніе рабочихъ классовъ въ высшей степени очевидно и бѣдственно, то понятно, что слѣды этого положенія должны по необходимости отражаться и въ образѣ помѣщенія людей, принадлежащихъ къ этому нисшему слою общества. Дѣйствительно, въ этихъ двухъ государствахъ топографія бѣдности обнаруживаетъ самыя неутѣшительныя факты, самыя горестныя явленія. Въ деревняхъ Франціи, Англіи и особенно Ирландіи рѣдко можно найти крестьянина, который бы не жилъ въ грязной, темной и отвратительной хижинѣ; но въ этомъ отношеніи, въ городахъ, и особенно въ городахъ мануфактурныхъ, куда работники стекаются отвсюду въ безчисленномъ множествѣ, топографія нищеты представляется наиболее-любопытною и поучительною, какъ потому — что въ городахъ сосредоточеніе множества людей на чрезвычайно-тѣсномъ пространствѣ влечетъ за собой necessarily испорченность воздуха и климата, чего, разумеется, не бываетъ никогда въ деревняхъ, такъ и потому — что только въ городахъ живутъ въ самомъ тѣсномъ сопркосновеніи между собой богатство и бѣдность, роскошь и нищета, что естественно обнаруживается еще болѣе жалкимъ и печальнымъ видомъ бѣдныхъ жилищъ. Въ каждомъ большомъ городѣ Англіи и Франціи есть непремѣнно одинъ или несколько кварталовъ, исключительно населенныхъ бѣдными; кварталы эти стоить внимательнаго изученія и насладованія, потому — что они всего лучше доказываютъ существованіе нищеты, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняютъ причину той болезненности и недолговѣчности, которою оглачаются работники, принадлежащіе къ мануфактурной промышленности. Но подробное описаніе этихъ кварталовъ заняло бы слишкомъ-много мѣста и было бы слишкомъ-утомительно; а потому ограничимся здесь указаніемъ на особенно-любопытныя факты, представляемые въ этомъ отношеніи некоторыми самыми значительными городами Англіи и Франціи.

Начнемъ съ Лондона, гдѣ противоположность между богатствомъ и бѣдностью представляется въ особенно-рѣзкихъ и яркихъ чертахъ:

Этотъ огромный городъ славится, какъ извѣстно, чистотой и шириной своихъ улицъ, великолѣпиемъ своихъ площадей и домовъ. Дѣйствительно, если дѣло идетъ только объ аристократическихъ кварталахъ, о Вест-Эндѣ или вообще о западной части города, то въ цѣломъ мірѣ едва-ли найдется другое мѣсто, подобное Лондону по отношенію къ комфорту, блеску и роскоши. Съ этой стороны, Лондонъ вполне заслуживаетъ названія столицы; именно, такова должна быть столица самаго богатаго народа въ мірѣ. Но тотъ, кто понинетъ эти блестящія улицы, обитаемыя людьми по-большой-части достаточными, лордами, аждельменами, банкирами и фабрикантами, и проникнетъ въ восточную часть города, служащую пристанищемъ для людей бѣдныхъ и немущихъ, тотъ увидитъ самое печальное и возмутительное зрѣлище. Эта восточная часть Лондона составляетъ какъ-будто особый городъ: резиденцію и столицу нищеты. Въостъ щегольскихъ улицъ и зеленѣющихъ скверовъ Вест-Энда, здѣсь встрѣчаются хижины полуразвалившіяся, улицы немощеныя, неосвѣщенныя, вовсе-не-снабженныя стоками, и площади узкія, тѣсныя, представляющія собой сборище нечистотъ всякаго рода. Всего отвратительнѣе въ этомъ отношеніи сѣверо-восточная часть Лондона, которую составляютъ три квартала: Бетналъ-Гринъ, Спиталфилдъ и Вит-Чеапелъ. Въ нихъ живетъ болѣе пятидесяти тысячъ человекъ. Большая часть Бетналъ-гринскаго Квартала состоитъ изъ участковъ, сохранившихъ до-сихъ-поръ названіе садовъ (gardens); на этихъ участкахъ построено владѣльцами ихъ или спекуляторами безчисленное множество деревянныхъ домиковъ, имѣющихъ по-большой-части одинъ только этажъ, и назначенныхъ для помѣщенія бѣдныхъ семействъ. Между этими хижинами, построенными изъ гнилыхъ досокъ, нѣтъ ни улицъ, ни канавъ для протока воды; на каждомъ шагу встрѣчаются кучи всякихъ нечистотъ, ямы, наполненныя гнилой и гнѣющей водой; передъ всякимъ домомъ лежитъ непременно куча навоза; вездѣ соръ, грязь и вонь! Эти отвратительныя кварталы не подвергаются никакому надзору. Полиція никогда не посѣщаетъ ихъ, не обращаетъ на нихъ никакого вниманія и не заботится нисколько о принятіи самыхъ обыкновенныхъ мѣръ, составляющихъ необходимое условіе всякаго образованнаго города. Жители этихъ мѣстъ совершенно предоставлены самимъ-себѣ; это такое же *laissez-faire*, *laissez-passer*, какъ и въ экономической сферѣ. Кварталы эти какъ-будто вовсе исключены изъ круга дѣйствій правительства и законовъ; общественная власть, по отношенію къ этимъ мѣстамъ, ничего не предпринимаетъ, ничего не запрещаетъ.

Официальные документы могутъ служить доказательствомъ, что это описаніе не только не преувеличено, но даже еще не вполне соответствуетъ самой дѣйствительности. Въ 1838 году, правительство обратило вниманіе на преобладаніе горячки надъ всеми другими болѣзнями въ нѣкоторыхъ кварталахъ Лондона. Снаряжена комиссія для изысканія причинъ этого явленія. Комиссіей эта, состоявшая преимущественно изъ медиковъ, представила лорду Джону Росселю докладъ, въ которомъ находится описаніе нѣкоторыхъ частей Бетналъ-

гринского Квартала. Вот несколько выписок из этого любопытного доклада: «*Лэмбс-Фильдс* (Lamb's fields) — открытое и ровное место, имеющее около семисот футов в длину и более трехсот футов в ширину. На этом пространстве около трехсот футов в длину и льотом постоянно покрыты стоячей водой. В этой затопленной части всегда есть множество гниющих веществ животных и растительных; испарения, от них исходящая, в настоящую минуту весьма-вредны. Нечистый и открытый ров окружает эту площадь; он имеет от восьми до девяти футов ширины; сюда выкидываются все нечистоты из отхожих мест, принадлежащих к домам улицы *North-street*. Самые отхожие места совершенно открыты. Нельзя вообразить себе ничего отвратительнее этого рва, длиной от трех до четырех сот футов; испарения, от него исходящая, весьма-вредны для здоровья.

«*Лэмбс-Фильдс* представляет обильный источник горячек для окружающих его домов и для маленьких улиц, выходящих на эту площадь. Мне указывали на дома, в которых целые семейства вымерли от этой болезни, никогда не покидающей некоторых улиц. В иных домах Улицы-Коллингвуд (*Collingwood*), в продолжение нескольких месяцев непрерывно свирепствовала жестокая и чрезвычайно-опасная горячка. Часть улицы, называемой *Dike-street*, нередко покрывается водой на всем своем протяжении. В этой улице около сорока домов; в двенадцати из них все до одного обитатели подверглись горячке одни за другими, и весьма-немногие из них остались в живых.

«*Виргиния-Роу* (*Virginia-Row*, другая часть Бетнал-гринского Квартала). В самой середине этой улицы находится яма, куда бросают и выливают грязную воду, остатки картофеля и всякого рода вещества растительные и животные, которые там прьют и гниют. По прямой линии, идущей от *Virginia-Row* к *Shoreditch* и занимающей в протяжении своем около мили, из всех соседних переулков (*lanes*), дворов и аллей бросаются нечистоты на середину главной улицы. Некоторые семейства живут в погребках и в кухнях этих мрачных, сырых и грязных домов. Во многих из этих домов горячка свирепствует непрерывно. Меня сопровождал тамошний доктор; он говорил, что его безпрестанно требуют в эти места, и что ему почти всегда приходится иметь дело с людьми, больными горячкой.»

Доклад доктору Кэ (*Кау*), написанный в том же году, подтверждает новыми показаниями справедливость этого неутешительного описания. По мнению доктора Кэ, горячка — болезнь, свойственная там кварталам Лондона, которые населены бедными; она свирепствует в них постоянно, и, подобно чуме, обнимает дома и целые улицы. Едва лишь больной переходит в больницу или умирает, как уже место его немедленно занимает новым жильцом; нищета с удивительной быстротой наполняет эти грязные убогища. В другом квартале, на правом берегу Темзы (*Shadwell*), жилища бедных по

отношенію къ чистотѣ и наружному ихъ виду гораздо-хуже самыхъ грязныхъ хивовъ, какъ сказано въ томъ же докладѣ. Врачи постоянно замѣчали, что бѣдные питаютъ къ больницамъ непреодолимое отвращеніе. Въ Бетналь-Гринъ и Вит-Чеапелъ комиссарамъ часто случалось видѣть, что въ одной и той же комнатѣ находилось шесть или семь человекъ, больныхъ горячкой; часто даже они лежали въ одной постели. Врачи, принадлежащіе къ этимъ двумъ кварталамъ, показали, что въ 1837 году у нихъ было 4640 больныхъ горячкой, такъ что одинъ больной приходился на двадцать-семь человекъ; и въ этотъ итогъ включены только тѣ жители, которые обращались къ приходскому начальству съ просьбой о пособіи. По словамъ доктора Смита, нищета ежеминутно угрожаетъ чумою всей восточной части Лондона. Къ этому можно присовокупить показаніе одного французскаго путешественника, который посѣтилъ всѣ дома въ этой части города въ сопровожденіи чиновниковъ, раздававшихъ, по порученію приходскаго начальства, пособія самымъ несчастнымъ изъ этихъ жителей. Онъ рассказываетъ, что ему часто случалось встрѣчать многочисленныя семейства, которыя жила въ одной комнатѣ, не имѣя рѣшительно никакой мебели. У нихъ не было даже досокъ, на которыхъ могли бы положить солому, служащую имъ и вмѣсто постели и вмѣсто тюфяка. Все ихъ имущество состояло въ изодранныхъ лохмотьяхъ, которые не могли совершенно скрыть наготы ихъ тѣла.

Тотъ же самый путешественникъ (*) въ своемъ описаніи приводитъ слѣдующіе два примѣра ужасной нищеты: «Между множествомъ деревянныхъ хижинъ, построенныхъ въ бетналь-гринскихъ садахъ, насъ особенно поразила одна, которая была отвратительнѣе и грязнѣе прочихъ. Она стояла на навозѣ и построена была изъ гнилаго дерева; отъ другихъ хижинъ отдѣлялась она заборомъ, кое-какъ составленнымъ изъ гнилыхъ и до неимовѣрности грязныхъ досокъ. Сама она уже разваливалась и ежеминутно грозила паденіемъ. Она состояла только изъ одной комнаты, въ которой полъ былъ нѣсколькими дюймами ниже поверхности двора, покрытаго навозомъ. Въ комнатѣ жило семейство, состоявшее изъ десяти человекъ. И за это жилище, занимавшее пространство въ десять квадратныхъ футовъ и имѣвшее менѣе семи футовъ вышины, жильцы платили въ недѣлю шиллингъ и шесть пенсовъ (около двухъ франковъ). Что касается до состоянія, въ которомъ находилось это семейство, то о немъ еще труднѣе дать надлежащее понятіе, нежели о мѣстѣ его жительства. Глава семейства, человекъ 37 лѣтъ, дрожалъ отъ лихорадки. Болѣзнь и лишенія совершенно изнурили его; онъ былъ чрезвычайно-худъ и болѣе походилъ на мертвеца, чѣмъ на живаго человека; жизнь проявлялась въ немъ только въ его печальныхъ взорахъ, въ его глазахъ, сіявшихъ лихорадочнымъ огнемъ. Человекъ этотъ, родомъ Англичанинъ, по ремеслу былъ красильщикомъ шелковыхъ матерій. Когда онъ имѣлъ занятіе,

(*) Eug. Buret. De la misère des classes laborieuses.

то выработывалъ въ недѣлю около 15 шиллинговъ, какъ говорилъ онъ самъ; но уже болѣе пяти мѣсяцевъ не могъ онъ найти себя никакой работы. Чинovníкъ, меня сопровождавшій, угадалъ, что онъ всегда отличался хорошимъ поведеніемъ и что плачевное его состояніе должно быть приписываемо не лѣности и не порокамъ его, а единственно несчастнымъ обстоятельствамъ. Жена его лежала подлѣ полуразвалившагося очага, держа на рукахъ груднаго ребенка; три другіе ребенка, всѣ три въ самой пѣхвой юности, бѣгали босые по двору. Отецъ признался намъ, что остальные дѣти отправились искать счастья, въ надеждѣ выпросить что-нибудь у прохожихъ или добыть денегъ *другими какими-нибудь образомъ*. Въ—продолженіе цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ, онъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ существованію, кромѣ того, что получалъ отъ благотворительнаго комитета, и что приносили ему иногда дати. Не смотря на крайнюю свою недостаточность, семейство это никакъ не хотѣло поступать въ рабочій домъ.

«Въ другомъ мѣстѣ этого отвратительнаго квартала мы нашли другое семейство, которое было еще несчастнѣе перваго. Оно жило въ одной комнатѣ во второмъ этажѣ. Комната была свѣтла и довольно-велика; но въ нее вела лѣстница грязная, темная, полу-разломанная. Семейство это состояло изъ восьми человекъ; во время нашего посещения они были всѣ налицо. Отецъ, человекъ еще молодой, родомъ Англичанинъ, ремесломъ ткачъ. Онъ выработывалъ въ недѣлю около семи шиллинговъ съ половиной, но не имѣлъ достойнаго занятія. За квартиру онъ долженъ былъ платить по два шиллинга съ половиной въ недѣлю; но онъ былъ въ долгу передъ хозяиномъ дома почти за два мѣсяца. Въ комнатѣ не было никакой мебели, ни стульевъ, ни стола, ни постели; былъ только одинъ ткацкій станокъ. Въ углу лежала большая куча разрубленной на мелкіе куски соломы, полузакрытая грязнымъ лоскутомъ полотна; на этой соломѣ лежало трое дѣтей; они, какъ—будто животныя, были совершенно-голы. Мать изъ сидѣла къ намъ задомъ и тщетно старалась соединить лохмотья своей одежды, чтобъ прикрыть наготу свою. На ткачѣ не было рубашки; онъ былъ въ голубомъ сюртукѣ, на которомъ еще сохранились двѣ или три стальные пуговицы. Онъ принялъ насъ учтиво и рассказывалъ о своемъ несчастіи съ грустнымъ, но спокойнымъ видомъ. Когда мы вошли, онъ держалъ въ рукахъ Библію. Я спросилъ у него, почему онъ не ходитъ въ церковь; онъ показалъ мнѣ рукой на свою обнаженную грудь, на свою жену, которая отъ стыда неподвижно стояла въ углу, на дѣтей, которыя, чтобъ скрыться отъ насъ, прятались другъ за друга, — и отвѣчалъ, что скоро ему вовсе нельзя будетъ выходить изъ дома для того, чтобъ искать себя работы. Это семейство отличалось безукоризненнымъ поведеніемъ; благотворительный комитетъ нѣсколько уже разъ надѣялся его платѣемъ и бѣльемъ; но недостатокъ работы заставлялъ всякій разъ отца семейства промѣнивать эти вещи на кусокъ хлѣба. «Моя комната», сказалъ намъ этотъ несчастный: «прежде не была въ такомъ видѣ, какъ теперь; прежде я могъ бы

предложить имъ стулъ; прежде тутъ была мебель, но все мое имущество перешло мало-по-малу въ руки ростовщиковъ.»

Не должно, впрочемъ, думать, чтобъ Лондонъ, по отношенію къ бѣднымъ кварталамъ, составлялъ исключеніе изъ общаго правила; то, что мы видали въ Лондонѣ, встрѣчается и во всѣхъ другихъ большихъ городахъ Англіи. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Манчестеръ и Ливерпуль. Въ Манчестерѣ, улицы, населенныя бѣдными работниками, построены весьма-недавно; а потому онъ большею-частью отличаются шириной и правильностью. За исключеніемъ нѣсколькихъ сотенъ жилищъ, построенныхъ на берегу рѣки Медлокка, наружность домовъ опрятна, прилична и даже красива. Вообще говоря, эти кварталы весьма-похожи на городъ, который сначала былъ хорошо выстроенъ, но который портится и разваливается въ-сладствіе нерадѣнія жителей. Нѣкоторыя части Манчестера какъ-будто не совершенно оживлены; народонаселеніе этого города такъ быстро умножилось, что не успѣвали строить достаточнаго количества домовъ. Между новыми пришельцами было весьма-много Ирландцевъ, которые, какъ извѣстно, вовсе неприхотливы. Поселившись въ балаганахъ, наскоро устроенныхъ для нихъ спекуляторами только на первое время, они остались въ нихъ навсегда. Они довольствовались всѣмъ, что находили, поселились въ погребахъ и подъ лѣстницами. Англичане смотрятъ на эти переселенія Ирландцевъ въ Англію, какъ на величайшее для себя бѣдствіе. «Ирландцы», говоритъ одинъ англійскій публицистъ, «дали пагубный урокъ рабочимъ классамъ нашего отечества... Они научили нашихъ работниковъ ограничивать свои потребности поддержаніемъ одного физическаго существованія и довольствоваться самымъ малымъ, тѣмъ, безъ чего человекъ уже никакъ не можетъ обойтись».

Во время холеры произведено было въ Манчестерѣ изслѣдованіе о состояніи рабочихъ классовъ этого города. Комиссія освидѣтельствовала 687 улицъ; изъ числа ихъ нашлось 248 вовсе немощенныхъ; 55 вымощенныхъ только отчасти; въ 112 воздухъ былъ совершенно смертъ; 352 наполнены были кучами нечистотъ и покрыты стоячей и грязной водой. Изъ 6950 осматрѣнныхъ домовъ 2656 нуждались въ очищеніи; 960 требовали немедленныхъ поправокъ, въ 939 проточныя трубы находились въ дурномъ состояніи; 1436 отличались своей сыростью, а наконецъ 2220 домовъ вовсе не были снабжены отхожими мѣстами. Бесполезно объяснять значеніе этихъ цифръ,—онѣ говорятъ сами за себя.

Коммиссары, производившіе слѣдствіе, часто находили, что два, три, даже четыре семейства жили въ одномъ домикѣ, состоявшемъ только изъ двухъ комнатъ: одна служила спальней, другая столовой. Часто нѣсколько семействъ обитали въ сыромъ погребѣ, состоявшемъ изъ одной комнаты, въ которой жило отъ 12 до 16 человекъ. Въ этихъ погребахъ часто вмѣстѣ съ людьми живутъ свиньи и другія животныя, увеличивающія нечистоту и вонь. Но всего ужаснѣе тѣ пріюты, въ которыхъ нищія, бродяги и бездомныя люди находятъ себя убѣжище по ночамъ. Эти отвратительныя мѣста, столь же пагубныя для здоровья,

какъ и для общественной безопасности, въ Англіи не подчинены никакому надзору. Городская полиція проникаетъ въ эти дома только тогда, когда отыскиваетъ преступниковъ; она не знаетъ ни числа этихъ пріютовъ, ни количества ихъ обитателей, ни ихъ устройства. Состояніе этихъ домовъ стало известно только въ слѣдствіе недавнихъ произведенныхъ осмотровъ и въ слѣдствіе свиданій, сообщенныхъ частными лицами. Въ этихъ отвратительныхъ убажищахъ, на одной и той же соломѣ, на одной и той же постели, спитъ обыкновенно до десяти человекъ разнаго пола и возраста, покрытыхъ лохмотьями одного и того же одеяла. Часто всю комнату занимаетъ одна огромная постель, а на полу навалены разныя тряпки, платья, рубища! Въ эти работники приходятъ сюда нищие, воры и распутныя женщины, а потому эти жилища для нравственности работниковъ столько же опасны, сколько и для ихъ здоровья... «Эти пріюты по справедливости могутъ быть названы глазами горячки», говоритъ одинъ манчестерскій врачъ. «Владельцы ихъ ставятъ въ каждую комнату столько постелей, сколько можетъ въ ней помѣститься. Постели эти такъ близки другъ другу, что между ними едва можетъ пройти человекъ. Ночью мѣста эти представляютъ зрѣлище въ высшей степени плачевное; постели наполнены мужчинами, женщинами и дѣтьми, лежащими другъ подле друга; полъ покрытъ вещами этихъ людей и отвратительными лохмотьями, составляющими ихъ одежду. Человекъ, приходящій туда съ воздуха, едва можетъ вынести духоту, жаръ и зловеридныя испаренія этой атмосферы. Днемъ эта комнаты столько же нездоровы, сколько и ночью. На постеляхъ, даже вь днемъ, лежитъ обыкновенно несколько человекъ; одинъ изъ нихъ больной, другіе отдыхаютъ отъ ночнаго распутства; остальные убиваютъ такимъ образомъ время, потому что не имѣютъ никакихъ занятій, или спятъ днемъ, потому что живутъ ночной работой. Окна постоянно закрыты; объ очищеніи воздуха нисколько не заботятся, и испорченная атмосфера разливаегъ свой ядъ на тѣхъ, которые приходятъ сюда въ первый разъ и въ которыхъ привычка не произвела еще совершенной нечувствительности. Иногда эти пріюты помѣщаются въ погребахъ; тогда спальней служитъ задняя комната, въ которой по-большой-части не бываетъ оконъ; воздухъ и свѣтъ проходятъ такимъ образомъ черезъ дверь. После этого понятно, почему горячка никогда не свирѣпствуетъ съ такой силой, какъ въ этихъ мѣстахъ. Въ 1832 году, холера преимущественно подвергалась обитатели ночныхъ пріютовъ; въ одномъ изъ нихъ изъ 18 жильцовъ остались въ живыхъ только восемь».

Наряду съ Манчестеромъ, какъ по отношенію къ богатству, такъ и по отношенію къ числу, стоитъ Ливерпуль, имѣющій около 230,000 жителей. Въ этомъ обширномъ и богатомъ городѣ, замѣчательномъ по великолѣпію зданій, по величинѣ и красотѣ гавани, — въ этомъ городѣ, гдѣ цѣлыя улицы состоятъ изъ великолѣпныхъ дворцовъ, насчитано болѣе 7,800 погребовъ, населенныхъ работниками, и въ это число еще не входятъ тѣ погреба, въ которыхъ жильцы живутъ только ночью, не проводя тамъ дня; сюда не входятъ также и тѣ, въ которыхъ не-

ищаются кабаки. Погребѣ эти, но-большой-части темные, узкіе, сырые и грязные, содержать въ себя седьмую часть всего народонаселенія Ливерпуля и пятую часть рабочаго населенія; въ нихъ живеть, по численію тамошняго начальника констаблей, около 40,000 человекъ.

«Если вы хотите составить себѣ понятіе о ливерпульскихъ погребахъ (cellars)», говоритъ одинъ путешественникъ: «то представьте себѣ дыру, занимающую поверхность въ 10 или 12 квадратныхъ футовъ и часто низшую менѣе 6 англійскихъ футовъ въ вышину, такъ-что человекъ не вначе можетъ тамъ стоять, какъ нагнуть голову. Въ этихъ берлогахъ никогда не бываетъ окошекъ; воздухъ и свѣтъ проникають туда посредствомъ двери, верхняя перекладина которой находится на одной линіи съ поверхностью улицы. Въ эту яму, точно какъ въ колодезь, или спускаются по веревкамъ, или сходятъ по совершенно-отъясной лѣстницѣ. Поверхность погреба бываетъ обыкновенно покрыта водой, грязью и всякимъ соромъ; вентиляціи никакой тутъ быть не можетъ, и потому помѣщенія эти отличаются чрезвычайною сыростью. Иногда погребъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій; заднее служитъ обыкновенно спальней; оно бываетъ по-большой-части совершенно-темно; свѣтъ проникаетъ туда только изъ передней комнаты. Въ каждомъ такомъ погребѣ живеть отъ трехъ до пяти человекъ, и за такую квартиру платятъ обыкновенно не менѣе двухъ шиллинговъ въ недѣлю (130 франковъ въ годъ).»

Другую отличительную черту Ливерпуля составляетъ особое устройство заднихъ, по-большой-части крытыхъ дворовъ, также служащихъ мѣстомъ жительства для рабочихъ классовъ. Они состоятъ обыкновенно изъ двухъ рядовъ трех-этажныхъ домовъ, которые пристроены къ другъ другу задніями, выходящими фасадами своими на улицы. Эти два ряда домовъ отдѣлены другъ отъ друга пространствомъ, имѣющимъ отъ шести до пятнадцати футовъ; между дворами и улицей не бываетъ никакого другаго сообщенія, кромѣ узкаго и темнаго корридора, по которому надо идти нагнуть голову, и въ которомъ человекъ не можетъ совершенно выпрямиться. Жители этихъ мѣстъ дышать воздухомъ зараженнымъ, который никогда не возобновляется; и какъ-будто для того, чтобъ еще увеличить зловердныя испаренія, исходящія изъ этихъ дворовъ, жалцы обыкновенно бросаютъ туда всякій соръ; а если въ домахъ живутъ Ирландцы, то къ этому присоединяется запахъ отъ свиней, которыхъ они откармливаютъ, и отъ ословъ, которыхъ часто помѣщаютъ въ своихъ спальняхъ. Въ Ливерпулѣ есть около 2,500 такихъ дворовъ, и въ каждомъ изъ нихъ отъ 6 до 8 домовъ. Такимъ-образомъ, половина города (Ливерпуль состоитъ изъ 32,000 домовъ) находится въ самомъ неудовлетворительномъ и вредномъ для здоровья состояніи.

Во Франціи, кварталы, населенные бѣдными, не исключены, какъ въ Англии, изъ круга дѣйствій правительства, и муниципальныя начальства во всехъ большихъ городахъ дѣлательно заботятся о приведеніи этихъ мѣстъ въ лучшее положеніе. Не смотря на то, однакоже, и доселѣ въ некоторыхъ большихъ городахъ Франціи существуютъ такъ-на-

звѣзды *маленькія Ирландіи*. Въ этомъ отношеніи, особенно замѣчательнъ Мюльгюзъ (Mulhouse), который во Франціи имѣетъ точно такое же значеніе, какое Манчестеръ въ Англіи. Въ этотъ недавно построенный городъ, точно такъ же, какъ и въ Манчестеръ, быстро развитіе промышленности привлекло многочисленное народонаселеніе, которое такъ быстро умножилось, что спекуляторы не успѣвали заготовлять для нихъ достаточнаго количества домовъ. Валлеріе говоритъ, что въ этомъ богатомъ и цветущемъ городѣ, дома, населенные рабочими, представляютъ самое печальное и жалкое зрѣлище. Народа такъ много, что часто два семейства живутъ въ одной и той же комнатѣ и спятъ въ одномъ углу на солому, разложенной по полу. Солома эта бываетъ обыкновенно покрыта или изодраннѣмъ одеяломъ, или до невероятности грязной периной. Отъ внезапнаго скопленія работниковъ около бумажныхъ фабрикъ, кварталы стали чрезвычайно дороги. За одну небольшую и грязную комнату платятъ въ мѣсяць по 6, 8 и 9 франковъ. Заработная плата на бумажныхъ фабрикахъ въ послѣднее время вѣсительно уменьшилась, между-тѣмъ, какъ цѣна квартиръ не только не понижалась, но даже, напротивъ, повысилась въ большей части случаевъ. Народонаселеніе быстро умножается, и по мѣрѣ его умноженія, по мѣрѣ усиленія конкуренціи и развитія нищеты, цѣна за квартиры возрастаетъ. Квартирныя деньги платятся обыкновенно помѣсячно, и низкая, нездоровая комната, занимающая не болѣе 12 квадратныхъ футовъ поверхности, стѣитъ отъ 72 до 108 франка въ годъ. Дома, занимаемые работниками, приносятъ владельцамъ ихъ, такой большой барышъ, что спекуляторы ежегодно воздвигаютъ для этой цѣли значительное количество новыхъ строеній, которыя никогда не остаются пустыми; едва-лишь домъ построенъ, какъ уже нищета спѣшитъ испортить его жителями. И, не смотря на эту конкуренцію между спекуляторами, множество работниковъ не находятъ для себя квартиръ въ самомъ городѣ. Для того, чтобъ платить дешевле за квартиру, они принуждены поселяться внѣ города, часто въ нѣсколькихъ верстахъ отъ фабрики, на которой работаютъ. Такъ-какъ они ежедневно утрамъ должны отправляться на фабрику, а вечеромъ возвращаться домой, то имъ приходится такимъ-образомъ дѣлать каждый день по три и по четыре версты взадъ и впередъ. Такихъ работниковъ, живущихъ внѣ города, насчитано болѣе 5,000 человекъ.

Но изъ всехъ городовъ Франціи, ни въ одномъ жилища бѣдныхъ не находится въ такомъ ужасномъ состояніи, какъ въ Лиллѣ (Lille). Тутъ нищія классы доведены до самой крайней степени нищеты. Вилковъ де-Вилльнёвъ-Баржонъ говоритъ въ своемъ сочиненіи, что въ 1828 г. въ погребахъ жило около 37,000 человекъ. Въ сочиненіи Валлеріе находимъ слѣдующее описаніе одного изъ кварталовъ этого богатаго города:

Улица *des Etaques* вместе съ аллеями, переулками и узкими, назидательными дворами, къ ней примыкающими, образуетъ тотъ кварталъ Лиллѣ, въ которомъ, по соразмѣрности съ народонаселеніемъ, находится всего болѣе работниковъ, ведущихъ беспорядочную жизнь. Кварталъ

этотъ занимаетъ поверхность въ 24,000 квадратныхъ метровъ. На основаніи ревизіи, произведенной въ 1826 году, можно полагать, что населеніе его состоитъ изъ 3,000 человекъ.

Самые бѣдные работники живутъ въ погребахъ и на чердакахъ. Погребъ эти не имѣютъ никакого сообщенія съ внутренностью домовъ; изъ нихъ выходъ обыкновенно бываетъ прямо на улицу или на дворъ; сходять туда по лѣстницѣ, которая служитъ вмѣстѣ и лезерью и окисью. Они имѣютъ обыкновенно отъ шести до шести съ половиной футовъ въ вышину, и отъ десяти до четырнадцати футовъ въ ширину.»

И, если вѣрить тому же автору, — въ сравненіи съ чердаками, погреба эти составляютъ еще завидное жилище!

Въ отчетъ комиссіи, осматривавшей эти мѣста въ 1832 году, напомнимъ слѣдующія слова: «Кто самъ не посѣщалъ жилищъ, въ которыхъ наши бѣдные находятъ для себя пріютъ, тотъ не можетъ составить себѣ о нихъ надлежащаго понятія. Въ этихъ темныхъ погребахъ, въ этихъ комнатахъ, похожихъ на погреба, воздухъ никогда не перемѣняется; онъ совершенно испорченъ; стѣны покрыты нечистотами всякаго рода. Бѣдные по-большой-части не имѣютъ постелей, и тамъ, гдѣ постеля встрѣчаются, она состоитъ изъ голыхъ и грязныхъ досокъ, или изъ сырой и гнилой соломы, покрытой изорванными одеялами. Въ окнахъ, всегда затворенныхъ, вставлены разбитыя стекла, заласканы бумагой; но стекла эти такъ черны и покрыты такою копотью, что свѣтъ черезъ нихъ никакъ не можетъ проникнуть въ комнату; и часто даже домовладельцы нарочно заколачиваютъ окна для того, чтобъ жилища, отворяя и закрывая ихъ, не разбивали стеклы. Полъ въ этихъ комнатахъ грязнее всего прочаго; на немъ навалены нечистоты, зола, овощи, поднятыя на улицу, гнилая солома, птичьи гнѣзда, и проч. Отъ всего этого распространяется по комнатамъ вонючій запахъ, и воздухъ такъ портится, что имъ рѣшительно нельзя дышать.»

Можно было бы привести безчисленное множество подобныхъ примѣровъ, но довольно и приведеннаго. Изъ всѣхъ этихъ описаній ясно видно, что мѣста, въ которыхъ живутъ бѣдные, въ тысячу разъ грязнее и отвратительнее хлѣбовъ, въ которыхъ помѣщаются свиньи и коровы. Такія жилища должны, по-видимому, и разстроивать здоровье ихъ обитателей и совращать ихъ жизнь. Факты, замѣстоувавшіеся изъ достовѣрныхъ источниковъ, вполне оправдываютъ и подтверждаютъ это заключеніе.

Мы уже прежде говорили, что въ кварталахъ Лондона, населенныхъ низшими классами, постоянно свирѣствуетъ заразительная горячка. Отчеты медицинскіихъ комиссій единогласно приписываютъ это явленіе расположенію домовъ и внутреннему ихъ устройству. Но горячка не составляетъ исключительной принадлежности лондонскихъ кварталовъ; какъ неразлучная спутница нищеты, она является безпрестанно во всѣхъ значительныхъ городахъ Англіи и Шотландіи, а въ некоторыхъ мѣстахъ свирѣствуетъ даже постоянно и непрерывно. Въ столицѣ Шотландіи, заразительныя горячки составляютъ явленіе періодическое; въ послѣдніе два года, она похитила болѣе десяти тысячъ человекъ. Въ

Эдинбурга существует общество, учрежденное для вспоможенія недостаточнымъ больнымъ. Общество это, составленное изъ людей опытныхъ, оказывающихъ пособія не иначе, какъ по строгомъ изслѣдованіи, въ 1814 году помогло 3,223 больнымъ; по съ-тѣхъ-поръ число больныхъ увеличивалось постоянно, и въ 1838 году число людей, получившихъ вспомошествованіе, простиралось уже до 10,570. Кроме того, около 4,000 больныхъ принято было въ этомъ году въ Королевскую-Больницу (Royal Infirmary), и въ этомъ благотворительномъ заведеніи смертность умножалась такъ быстро, что безпрестанно открывались новыя вакантныя мѣста. Дѣтъ тридцать тому назадъ, въ этой столицѣ среднимъ числомъ изъ 20 человекъ умиралъ 1; но съ этого времени смертность постоянно увеличивалась, и по послѣднимъ извѣстіямъ, число умирающихъ относится къ числу принимаемыхъ въ больницу, какъ 1 къ 8.

Извѣстно и доказано, что Заразительная горячка есть признакъ и послѣдствіе нищеты. Чѣмъ сильнѣе общая бѣдность, тѣмъ значительнѣе число людей, страдающихъ отъ этой болѣзни; по реестрамъ больницъ и госпиталей можно съ достовѣрностью судить объ экономическомъ состояніи высшихъ классовъ. Ирландія доставляетъ множество примѣровъ, подтверждающихъ это заключеніе. Въ 1817 году, въ-слѣдствіе всеобщаго неурожая, заразительная горячка обнаруживается въ Дублинѣ и въ другихъ частяхъ Ирландіи; въ Коркѣ, седьмая часть народонаселенія переходитъ въ госпитали; въ Ватерфордѣ, на каждыя 20 человекъ приходится 19 больныхъ. Въ 1837 году, въ дублинскихъ больницахъ находилось 12,635 человекъ, страдавшихъ горячкой, и кромя того весьма-многіе больные не приняты были по недостатку мѣстъ.

Въ Глазгоу, до 1815 года, въ королевской больницѣ не бывало никогда болѣе 150 случаевъ горячки въ годъ. После кризисовъ промышленности въ 1825, 1826, 1827 и 1828 годахъ, каждый годъ приходилось лечить въ этой больницѣ среднимъ числомъ около 1,070 человекъ. Въ 1832 году, горячка обнаружилась съ новой силой, а въ 1837 году, въ королевской больницѣ находилось уже 5,387 человекъ, подверженныхъ этой болѣзни.

Само-собою разумеется, что жилища бѣдныхъ, содѣйствуя распространенію заразительныхъ болѣзней, должны также содѣйствовать и увеличенію смертности между низшими классами. Дѣйствительно, въ бѣдныхъ кварталахъ большихъ городовъ умираетъ гораздо-болѣе людей, нежели въ кварталахъ богатыхъ. Сравнительная статистика смертности въ различныхъ кварталахъ Лондона приводитъ къ слѣдующимъ замѣчательнымъ результатамъ. Среднимъ числомъ, въ Лондонѣ умираетъ ежегодно одинъ человекъ изъ сорока; но эта общая норма въ различныхъ частяхъ города подвергается значительнымъ измѣненіямъ; въ западной, аристократической, части умираетъ одинъ человекъ изъ сорока пяти; въ восточной части — одинъ изъ тридцати-восьми. Но если мы сдѣлаемъ сравненіе между самымъ богатымъ и самымъ бѣднымъ кварталомъ, то получимъ еще болѣе разительное отношеніе. Въ Вит-Челсеъ умираетъ въ годъ около 4,000 человекъ, что составляетъ четыре

процента на сто; въ аристократическихъ кварталахъ Вест-Энда число смертныхъ случаевъ не простирается свыше 1,785, что не составляетъ даже и двухъ процентовъ. Такимъ-образомъ, въ одномъ и томъ же городе человекъ живетъ вдвое-болѣе или вдвое-менѣе другаго, смотря по тому, богатъ онъ или бѣденъ, поселяется ли онъ въ одной улицѣ, или въ другой.

Для того, чтобъ вполне оцѣнить вліяніе жилищъ на жизнь человека, необходимо обратить вниманіе на смертность между женщинами. Женщина всегда ведетъ жизнь болѣе правильную, болѣе сидячую, болѣе воздержную, нежели мужчина, а потому здоровье ея совершенно зависитъ отъ климата, отъ того воздуха, которымъ она дышетъ, отъ той среды, въ которой живетъ. На женщинъ вообще жилища имѣютъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ на мужчинъ, потому-что послѣдніе большую часть дня проводятъ вне дома. Мы находимъ въ Лондонѣ, что въ прихода св. Георгія, находящемся на краю аристократическаго квартала, умираетъ ежегодно одна женщина изъ 57, между-тѣмъ, какъ въ Вят-Чемелъ умираетъ одна изъ 28. Такимъ-образомъ, и этимъ путемъ мы приходимъ къ тому же результату! И этотъ примѣръ показываетъ намъ, что среднимъ числомъ жизнь богатаго вдвое продолжительнѣе, нежели жизнь бѣднаго!

Парижъ, по отношенію къ смертности низшихъ классовъ, ничѣмъ не отличается отъ Лондона. Въ аристократическихъ его улицахъ умираетъ одинъ человекъ изъ 52; въ улицахъ, населенныхъ рабочими, одинъ изъ 26. Результаты, доставляемые рекрутскими наборами, показываютъ, что чѣмъ бѣднѣе въ Парижѣ кварталъ, тѣмъ больше въ немъ людей слабого здоровья, людей, негодныхъ къ военной службѣ. Въ первомъ округѣ (arrondissement), самомъ богатомъ, изъ тысячи представляемыхъ рекрутъ, не принимается въ службу среднимъ числомъ по слабости здоровья—48 человекъ, по причинѣ малаго роста—165; въ 12-омъ округѣ (самомъ бѣдномъ) не принимается по слабости здоровья—120 человекъ, по причинѣ малаго роста—200. Этотъ фактъ доказываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что нищета не только отнимаетъ у людей силу ихъ и здоровье, но уменьшаетъ также ихъ ростъ и дѣлаетъ неспособными къ отправленію обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ обществомъ.

Вообще, въ различныхъ слояхъ общества смертность бываетъ различна; и чѣмъ ниже слой, тѣмъ она значительнѣе. Въ Лидсѣ высшіе классы теряютъ ежегодно одного человека изъ 44; торговцы и фермеры одного изъ 29; работники, наконецъ, одного изъ 19. Въ Манчестерѣ лица, принадлежащіа къ высшимъ классамъ (professional persons and gentry), живутъ среднимъ числомъ около 38 лѣтъ; мелкіе торговцы въ бѣдныхъ кварталахъ не болѣе 20 лѣтъ; а работники и поденщики всего только 17 лѣтъ. Въ Броугтонѣ, находящемся въ окрестностяхъ Манчестера и населенномъ исключительно богатыми фабрикантами, умираетъ одинъ мужчина изъ 44⁴⁵/₁₀₀ и одна женщина изъ 89⁹⁰/₁₀₀, а если взять среднее число для обоихъ половъ, одинъ человекъ изъ 63. Но въ цѣлой Англій, смертность относится къ народонаселенію какъ 1 къ 41. Этотъ избытокъ жизни, которымъ пользуются броугтонскіе фабриканты, достигается

тъмъ избыткомъ смертности, который оказывается между манчестерскими беднотцами.

Извѣстно, что успѣхи цивилизаціи уменьшаютъ значительнымъ образомъ смертность, и, въ-сѣдствіе этихъ успѣховъ, жизнь человека стала гораздо-продолжительнѣе, чѣмъ прежде. Если вѣрить Неккеру, во Франціи до революціи среднимъ числомъ ежегодно изъ двадцати человекъ умиралъ одинъ; въ настоящее время, это отношеніе измѣнилось; нынѣ смертность относится къ народонаселенію, какъ 1 къ 30 и это намѣненіе легко можетъ быть объяснено. Въ настоящее время людей, пользующихся достаткомъ гораздо-болѣе, нежели какъ было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Довольство и благосостояніе, бывшіе прежде исключительною принадлежностью немногихъ аристократическихъ семействъ, нынѣ составляютъ уделъ почти всехъ семействъ средняго класса. Кроме того, успѣхи медицинскихъ наукъ и распространеніе оспопрививанія должны были естественно увеличить продолжительность жизни человеческой; и можно надѣяться, что чѣмъ болѣе будетъ развиваться образованность, тѣмъ долговѣчнѣе будетъ становиться человѣкъ. Но, въ-сочеланію, эти выгоды цивилизаціи не распространяются на рабочіе городскіе классы, которые, какъ обнаруживается изъ статистическихъ документовъ, приняли весьма-мало участія въ этомъ общемъ прогрессѣ. Мы уже видали, что въ парижскихъ кварталахъ, населенныхъ рабочими, умираетъ одинъ человекъ изъ 26; въ другихъ городахъ Франціи, мы находимъ столько же неутѣшительныя факты. Одинъ писатель вычислилъ, что въ Мюльгаузѣ, на основаніи теоріи вероятностей, можно предполагать, что негодянтъ и вообще человекъ достаточный проживаетъ 29 лѣтъ, мельникъ и булочникъ — 12 лѣтъ; ткачъ и прядильщикъ всего только полтора года или даже 15 мѣсяцевъ. Продолжительность жизни человеческой въ Мюльгаузѣ, населенной преимущественно рабочими, значительно уменьшилась съ 1812 года: въ этомъ году, житель этого города жилъ среднимъ числомъ 25 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 12 дней; въ настоящее время онъ живетъ только 21 годъ 9 мѣсяцевъ. Изъ этого ясно видно, что уменьшеніе смертности во Франціи распространяется не въ одинаковой степени на всѣ классы общества.

Физическій упадокъ рабочихъ классовъ не долженъ быть, впрочемъ, незначительно приписываемъ вліянію жилищъ. Конечно, места, въ которыхъ живутъ бѣдные, дѣйствуютъ самымъ неблагоприятнымъ образомъ и на ихъ здоровье и на жизнь ихъ; но бѣдность приводитъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ и многими другими путями. Мы уже видали, что самый образъ и свойство занятій въ мануфактурной промышленности имѣетъ вредное вліяніе на физическія силы работника; и независимо отъ этого, можно принять вообще, что человекъ, страдающій отъ нищеты, никогда не можетъ оставаться сильнымъ и здоровымъ. Постоянныя лишеныя, недостатокъ въ пищѣ и одеждѣ, изученія физическія и нравственныя, — все это нарушаетъ тѣло бѣднаго, распространяетъ его организмъ и подвергаетъ его безпрестаннымъ болезнямъ. Въ случаѣ болѣзни, бѣдность препятствуетъ ему принять долж-

ныя мѣры для возстановленія здоровья и такимъ-образомъ преждевременно сокращаетъ жизнь его. Шотландія, прежде славившаяся красотой и силой своихъ жителей, представляетъ нынѣ самый разительный примѣръ губительнаго вліянія бѣдности на физическія свойства людей. «Обитатели Гленшила (Glensheil), находящагося въ окрестностяхъ города Дунди (Dundee)», сказано въ одномъ оффиціальномъ документѣ, «отличались прежде отъ своихъ сосѣдей превосходствомъ своихъ физическихъ свойствъ. Мужчины были по-большой-части рослы, сильны, дѣятельны и мужественны; женщины привлекательны, привѣтливы и граціозны; и въ тѣхъ и въ другихъ замѣтенъ былъ необыкновенный вкусъ къ поэзіи и къ музыкѣ. Нынѣ, увѣе, долговременная бѣдность, тяжкія лишенія, постоянный недостатокъ въ потребной пищѣ и въ приличной одеждѣ, чрезвычайно унизили и испортили это племя, которое прежде было весьма-замѣчательно по красотѣ своей».

Рекрутскіе наборы, ежегодно производимые во Франціи, доказываютъ самый очевидный образомъ физическій упадокъ людей, живущихъ въ городахъ и принадлежащихъ къ мануфактурной промышленности. Мануфактурные департаменты Франціи почти не въ состояніи доставлять того количества солдатъ, которое отъ нихъ требуется. Изъ рекрутъ, ими ежегодно представляемыхъ, не принимаются на службу, по причинѣ физическихъ недостатковъ, среднимъ числомъ два человека изъ пяти, между-тѣмъ, какъ въ земледѣльческихъ департаментахъ увольняются только два человека изъ семи. И этотъ физическій упадокъ рабочихъ классовъ дѣлается съ каждымъ годомъ чувствительнѣе и замѣтнѣе. Въ Парижѣ, число неприняемыхъ по причинѣ физическихъ недостатковъ рекрутъ увеличивается постоянно и въ значительной пропорціи. Въ 1800 году, изъ 3,003 молодыхъ людей, не принято было въ службу 177 человекъ; въ 1810 — изъ 3,774 — 350; въ 1824 и 1825 годахъ изъ 13,041—3,950. Въ этомъ последнемъ году по слабости здоровья не принято 905 человекъ, по причинѣ слишкомъ-малаго роста 889; по причинѣ разныхъ болезней — 580.

Смертность въ городахъ бываетъ всегда гораздо-значительнѣе, нежели въ деревняхъ; это происходитъ частію отъ самаго свойства мануфактурнаго труда, частію отъ невыгодъ городской жизни въ медицинскомъ отношеніи, частію отъ того, что города, по отношенію и къ богатству и къ нищетѣ, имѣютъ всегда перевѣсъ надъ деревнями. Во Франціи, смертность относится къ народонаселенію цѣлой страны какъ 1 къ 39; но въ городахъ, это отношеніе измѣняется, и къ городскому населенію смертность относится какъ 1 къ 36. Въ Англій, одинъ публицистъ сдѣлалъ весьма-любопытное сравненіе между Лондономъ и пятью земледѣльческими графствами, имѣющими одинаковое съ Лондономъ количество народонаселенія. Съ 1 іюля по 31 декабря 1838 года, въ столицѣ было 24,259 смертныхъ случаевъ; въ графствахъ только 15,210. Съ 1 января по 31 іюля 1839 года, въ Лондонѣ умерло 28,638 человекъ; въ графствахъ — 18,864. Такимъ-образомъ, смертность въ столицѣ относится къ смертности въ деревняхъ, какъ 53 къ 34; и не надо забывать, что этотъ огромный избытокъ доставляется одними бѣдными классами.

Но этого мало. Статистика обнаруживает постоянно, что между городами смертность всегда бывает значительнее тамъ, гдѣ болѣе фабрикъ, гдѣ сильнѣе развились производительность и богатство. Но если смертность можетъ служить признакомъ нищеты, то очевидно, что при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, нищета представляется веразлучною спутницей богатства и въ развитіи своемъ содѣлываетъ постоянно развитію производительности. Существованіе такого неутѣвительнаго закона можетъ быть доказано безчисленнымъ множествомъ примѣровъ. Мюльгаузъ во Франціи принадлежитъ къ числу тѣхъ главнѣйшихъ пунктовъ, на которыхъ сосредоточивается мануфактурная промышленность, и въ-слѣдствіе того, какъ мы уже видали, въ Мюльгаузѣ смертность гораздо-значительнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, и увеличивается постоянно вмѣстѣ съ усиленіемъ производительной деятельности этого города. Исчисленія, произведенныя въ 1836 году, обнаружили, что въ цѣлой Англіи среднимъ числомъ смертность относится къ народонаселенію, какъ одинъ къ сорока-одному. Но это отношеніе измѣняется съ каждой мѣстностью; и эти измѣненія показываютъ, что чѣмъ богаче и производительнѣе городъ, тѣмъ болѣе въ немъ нищеты, тѣмъ значительнѣе въ немъ смертность. Такъ въ Бармингемѣ въ 1836 году число умершихъ относилось къ числу жителей какъ 1 къ 33, въ Манчестерѣ какъ 1 къ 28, въ Ливерпулѣ какъ 1 къ 24. Въ Англіи и въ Княжествѣ-Валлисскомъ среднимъ числомъ изъ 1,000 человекъ 145 достигаютъ семидесятилѣтняго возраста. Но и это отношеніе подвергается значительнымъ измѣненіямъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ графствахъ земледѣльческихъ, изъ тысячи человекъ преклонной старости достигаютъ въ нѣкихъ мѣстахъ 200, въ другихъ 198 человекъ. Но въ большихъ городахъ мы находимъ совсѣмъ другую пропорцію. Въ Лондонѣ на тысячу человекъ приходится только 105 семидесятилѣтнихъ стариковъ; въ Бирмингемѣ — 80; въ Лидсѣ — 79; и наконецъ въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ всего только 60. Такимъ-образомъ, въ сѣверной части Ланкастерскаго-Графства, если возьмемъ ее для примѣра, людей, достигающихъ до глубокой старости, бываетъ стрѣе болѣе, нежели въ Манчестерѣ и Ливерпулѣ.

Смертности въ низшихъ слояхъ общества особенно подвержены малолѣтніа дѣти; это происходитъ по-большой-части отъ недостатка пищи, одежды и присмотра. Само-собою разумеется, что работники, занятые въ-продолженіе цѣлаго дня на фабрикѣ или на заводѣ, не имѣютъ ни времени, ни возможности заботиться о своихъ дѣтяхъ, а потому оставляютъ ихъ безъ всякаго надзора и присмотра на произволъ случая. Этотъ недостатокъ попечительности и заботливости обнаруживается уже при самомъ ихъ рожденіи. Въ бѣдныхъ семействахъ, матери не-большой-части для освобожденія себя отъ бремени, прибѣгаютъ къ несобію общественной благотворительности. Немедленно по излеченіи, она принимаются снова за обыкновенную свою работу и оставляютъ своего ребенка на попеченіе какой-нибудь старой соседкѣ или другому ребенку, который бываетъ только нѣсколькими годами старше перваго. Проводя большую часть дня на фабрикѣ, матери не могутъ постоянно кормить

дтей своихъ и часто для того, чтобъ избавиться отъ этой обязанности, даютъ имъ опіума вмѣсто молока. Въ Англіи случается даже, что родители позабываютъ окрестить своего ребенка и дать ему человеческое имя. И во всемъ этомъ не столько должно обвинять самихъ родителей, сколько бѣдность, которая заставляетъ ихъ пренебрегать семейными обязанностями. Подъ вліяніемъ этого пренебреженія, во всѣхъ большихъ городахъ Англіи и Франціи между малолѣтними дѣтьми обнаруживается страшная смертность, смертность, которая гораздо-значительнѣе между низшими классами, нежели между людьми достаточными. Мы уже видѣли, что въ Мюльгаузѣ, при рожденіи дѣтей, на основаніи теоріи вероятностей, можно предполагать, что дѣти негодяитовъ проживутъ 29 лѣтъ, а дѣти работниковъ всего только два года и даже менше. И вообще между бѣдными семействами большинство дѣтей умираетъ не достигши еще двухъ лѣтъ. Среднимъ числомъ, изъ ста бѣдныхъ дѣтей умираютъ прежде четырехъ лѣтъ въ Ливерпулѣ — 55; въ Бирмингемѣ — 50; въ Графствѣ Варвикскомъ — 35. Въ Манчестерѣ изъ 1000 дѣтей, принадлежащихъ къ рабочему классу, только 430 доживаютъ до пятого года; остальныхъ похищаетъ смерть преимущественно на первомъ ихъ году.

Впрочемъ, умирающіе, въ тысячу разъ счастливѣе тѣхъ, которые остаются въ живыхъ. Въ настоящее время, судьба дѣтей, принадлежащихъ къ рабочимъ классамъ, въ высшей степени бѣдственна. Они не должны ожидать отъ своихъ родителей ни покровительства, ни охраненія, ни попеченія. Никто не заботится объ ихъ здоровьѣ, объ ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи. Во всѣхъ большихъ городахъ Англіи и Франціи, и особенно въ кварталахъ, населенныхъ бѣдными, прохожій встрѣчаетъ на каждомъ шагу дѣтей отъ четырехъ до восьми лѣтъ, грязныхъ, босыхъ и покрытыхъ отвратительными лохмотьями. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ они уже по-большой-части бѣдны, худы, изнурены, живутъ и воспитываются на улицахъ, валяются въ грязи и въ нечистотахъ и лежатъ на навозныхъ кучахъ и троттуарахъ. За ними никто не смотритъ; объ нихъ никто не думаетъ; они пользуются совершенной свободой и не получаютъ ни религіознаго, ни умственнаго, ни нравственнаго образованія. Такой образъ жизни, естественно, долженъ развивать въ нихъ страсть къ бродячеству и нищенству. Съ другой стороны, весьма-понятно, что работникъ, съ трудомъ достигающій для одного себя достаточное содержаніе, видитъ въ дѣтяхъ своихъ новое бремя, новую тяжесть. Онъ старается извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу, и потому ребенокъ уже съ самой ранней юности долженъ самъ заботиться о своемъ прокормленіи: онъ или работаетъ на фабрикѣ, или достаетъ себе хлѣбъ другими какими-нибудь средствами. Какъ-скоро ребенокъ достигъ шести лѣтъ, родители уже начинаютъ посылать его каждый день таскаться по городу, приказывая возвращаться домой не иначе, какъ съ деньгами или съ съѣстными припасами. И дѣти свято исполняютъ родительское приказаніе, просятъ милостыню, продаютъ спички, ленты, всякую дрянь,

и многія изъ нихъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ начинаютъ прибѣгать къ обманамъ, мошенничеству и воровству.

Отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ тѣ, которые имѣютъ дурныя наклонности, которыя побуждаются къ злу примѣромъ и совѣтами родителей, навсегда вступаютъ на поприще воровства и разврата. Между преступниками, въ настоящее время, встречается весьма-много людей несовершеннолѣтнихъ; и число преступленій, совершаемыхъ дѣтьми увеличивается съ каждымъ годомъ. Во Франціи въ 1837 году изъ 8094 человекъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ разнаго рода, 113 не имѣли еще шестнадцати лѣтъ; 1363 имѣли отъ 16 лѣтъ до 21 года; 1398 отъ 21 года до 25 лѣтъ, и 1340 отъ 25 до 30 лѣтъ. Изъ этого видно, что на сто обвиненныхъ приходилось 36 такихъ, которые не достигли еще 25 лѣтъ. Въ числѣ 39,618 человекъ, присужденныхъ въ 1837 году исправительной полиціей къ тюремному заключенію, было 588 дѣтей, имѣвшихъ шестнадцать лѣтъ. Но въ Англіи нравственное состояніе дѣтей еще ужаснѣе. Изъ официальныхъ документовъ, обнаруженныхъ англійскимъ правительствомъ, видно, что въ 1838 году въ тюрьмахъ королевства содержалось болѣе 12,000 молодыхъ преступниковъ, имѣвшихъ отъ роду менѣе двадцати лѣтъ. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, отъ 17-го октября 1839 до 17-го февраля 1840 года манчестерской полиціей схвачено было 1255 человекъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола; всѣ они были моложе двадцати лѣтъ. Ихъ обвинили въ нарушеніяхъ и проступкахъ разнаго рода; между ними было 296 дѣвушекъ. Въ Ливерпулѣ, въ 1842 году, изъ 6202 человекъ, обвиненныхъ въ важныхъ проступкахъ (felonies), 2197 не имѣли еще шестнадцати лѣтъ. По мнѣнію одного англійскаго статистика, между уголовными преступниками, лѣта среднимъ числомъ представляютъ въ Манчестерѣ 13 процентовъ на сто, въ Лондонѣ 20, въ Ливерпулѣ 22. Но по отношенію къ числу несовершеннолѣтнихъ преступниковъ всего любопытнѣе факты, относящіеся къ Парижу и особенно къ Лондону. Въ Парижѣ изъ 14,370 лицъ, арестованныхъ въ 1841 году, 3375 были моложе 21 года, а между ними 1442 не имѣли еще шестнадцати лѣтъ. Это число молодыхъ преступниковъ ко всему народонаселенію Сѣйскаго Департамента относится, какъ одинъ къ 400. Въ Лондонѣ дистриктъ, на который простирается дѣйствіе городской полиціи, за исключеніемъ Сити, имѣющей особое управленіе, доставилъ въ 1842 году 16,987 преступниковъ моложе двадцати лѣтъ; это число къ народонаселенію дистрикта относится какъ одинъ ко сту. Между различными возрастными и полами оно распределяется слѣдующимъ образомъ:

	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
Моложе десяти лѣтъ	104	42	146
Отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. . .	2,168	428	2,591
Отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ . .	9,509	4,748	14,250
	11,769	5,218	16,987

8500 дѣтей признаны были виновными въ преступленіяхъ отчасти полицейскими судами, отчасти судомъ присяжныхъ. Ими совершены были преимущественно слѣдующіе роды преступленій:

Смертоубійство, нанесеніе ранъ и побоевъ	485
Значительное воровство.	93
Незначительное воровство, мошенничество, обманъ	3,321
Нарушеніе общественной тишины, беспорядки на улицахъ.	1,931
Бродяжество и распутство	1,551

Такимъ-образомъ, между всѣми этими преступленіями первое мѣсто занимаетъ воровство. Это—промыслъ, къ которому приучаютъ дѣтей въ бѣднѣйшей части бѣдныхъ семействъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни. «Лондонскіи улицы», сказано въ донесеніи одного полицейскаго чиновника, «наполнены безчисленнымъ множествомъ бѣдныхъ дѣтей, о воспитаніи которыхъ родители не заботятся; единственное образованіе, «даваемое этимъ несчастнымъ, состоитъ въ томъ, что ихъ научаютъ «добывать себѣ хлѣбъ нищенствомъ или воровствомъ. Я часто видалъ дѣтей моложе семи или восьми лѣтъ, которыя весьма-искусно «умѣли рыться въ карманахъ прохожихъ, подъ надзоромъ взрослыхъ «женщинъ, которыя по-видимому были ихъ матери». Иногда родители не принимаютъ на себя и этого труда, а отдаютъ дѣтей своимъ въ ученіе какому-нибудь опытному вору. Въ последнее время, устройство лондонской полиціи подверглось значительному преобразованію, и въ-слѣдствіе того значительно улучшилось; но до этой реформы въ отдаленныхъ частяхъ города толпы маленькихъ воровъ собирались ежедневно на улицахъ, и тамъ какой-нибудь старшій воръ, содержавшій эту ватагу на своемъ жалованьи, приходилъ каждый день съ огромной корзиной для того, чтобъ раздавать своимъ подчиненнымъ деньги и съѣстные припасы.

Прежде, даже въ Лондонѣ были особенныя школы воровства (purseries), гдѣ дѣти посвящались въ таинства этого искусства. Опытные воры выбирали обыкновенно молодыхъ мальчиковъ, составляли изъ нихъ свою дружину и давали имъ уроки утромъ и вечеромъ. Со времени учрежденія новой полиціи, это преподаваніе перестало быть постояннымъ. Время-отъ-времени, когда старому вору случится быть вмѣстѣ съ молодыми, молодые показываютъ старому свое искусство, а онъ поправляетъ ихъ, даетъ имъ совѣты, но уже не возбуждаетъ въ нихъ соревнованія раздачей наградъ, какъ это было прежде. Теперь и уроки эти даются только случайно и не болѣе, какъ разъ въ недѣлю.

Молодые воры въ Лондонѣ и въ Парижѣ начинаютъ обыкновенно свое поприще тѣмъ, что похищаютъ съ лотковъ фрукты и мясо. Послѣ они дѣлаются смѣлѣе и крадутъ уже изъ лавокъ малодѣнные товары, которые продаютъ потомъ за нѣсколько пенсовъ и вырученные деньги истрачиваютъ на конфеты и на лакомства. Отчеты, представляемые полицейскими чиновниками, указываютъ часто на малевскіе театры, какъ на обстоятельство, подающее первый поводъ къ этому нравственному упадку. Дѣти стекаются въ эти театры сотнями, привлекаемыя низкой цѣной удовольствія, которое стоитъ имъ часто не болѣе десяти копеекъ; потомъ, не смѣя уже возвратиться домой въ такой поздній часъ, они проводятъ ночь на рынкахъ, гдѣ ужинаютъ шельмициными корками и другими объѣдками. Но самое полное и самое

точное описаніе тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ дѣти совмѣкаются съ истиннаго пути на путь порока и разврата, находится въ замѣчательной брошюрѣ, напечатанной въ Лондонѣ въ 1831 году г. Гиббономъ Вакефильдомъ, сидѣвшимъ несколько времени въ ньюгетской тюрьмѣ. Приведемъ здѣсь одно мѣсто изъ его любопытнаго сочиненія:

«Лондонъ изобилуетъ маленькими школами воровства, которыя содержатся людьми всякаго возраста. Мнѣ часто случалось разспрашивать воровъ, имѣвшихъ отъ восьми до четырнадцати лѣтъ, о тѣхъ причинахъ, которыя побуждали ихъ къ воровству, и въ болшей части случаевъ оказывалось, что ребенокъ совершилъ первое свое преступленіе не по собственному побужденію, но что онъ былъ увлеченъ собѣтами и обольщеніями другихъ лядъ. Эту обязанность принимаютъ обыкновенно на себя опытные воры, какъ несовершеннолѣтніе, такъ и взрослые; они отвѣскиваютъ еще невинныхъ дѣтей и выхваляютъ передъ ними ремесло свое. Въ такихъ случаяхъ, средства обольщенія не ограничиваются одними словами; голоднымъ даютъ хлѣбъ, а тѣмъ, которые не чувствуютъ недостатка въ пищѣ, предлагаютъ всякаго рода наслажденія. Опытный воръ часто въ-продолженіе несколькихъ дней истрачиваетъ болѣе десяти фунтовъ стерлинговъ для того, чтобъ развратить мальчика. Онъ водить его по театрамъ и угощаетъ въ фруктовыхъ лавкахъ и кабакахъ. Когда ребенокъ втягивается понемногу въ этотъ новый для него образъ жизни и начинаетъ показывать отвращеніе къ труду, тогда его уже прямо уговариваютъ вступить въ ремесло вора, и по-болшей-части достигаютъ своей цѣли.

«Часто для обольщенія ребенка употребляютъ еще болѣе дѣйствительное средство, именно возбуждаютъ въ немъ преждевременныя страсти съ помощію женщинъ, принадлежащихъ къ шайкѣ воровъ. Этими женщинами поручаютъ обыкновенно внушить молодымъ мальчикамъ въ минуту ихъ опьяннія, что только одно воровство можетъ дать имъ возможность постоянно вѣсти эту развратную жизнь. Такое средство некогда не употребляется безъ успѣха.

«Другой разрядъ обольстителей состоитъ изъ мужчинъ и женщинъ, преимущественно же изъ старухъ, которыя торгуютъ фруктами и пирогами для того, чтобы скрыть свое настоящее ремесло. Для обольщенія дѣтей они употребляютъ обыкновенно слѣдующее средство. Когда ребенокъ приходитъ покупать фрукты или пироги, съ нимъ ласково разговариваютъ для того, чтобъ приобрести его довѣріе. Когда онъ проходитъ мимо лавки въ другой разъ, его останавливаютъ, приглашаютъ войти, и если онъ отвѣчаетъ, что у него нѣтъ денегъ, то предлагаютъ взять въ долгъ. Если онъ уступитъ первому искушенію, если согласится на сдѣланное ему предложеніе, то о немъ тогда же можно сказать, что онъ пропалъ навсегда. Ему будутъ постоянно давать въ долгъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не задолжаетъ значительной суммы, которой не въ состояніи будетъ уплатить. Тогда ему говорятъ о строгости его родителей или хозяевъ, жалуютъ о томъ, что у него нѣтъ денегъ, и внушаютъ, что онъ легко бы могъ уплатить долгъ свой, еслибъ согласился украсть что-нибудь изъ дома своихъ

родителей или изъ лавки своихъ хозяевъ. Сдѣлавъ первый шагъ, онъ на этомъ не остановится и станетъ уже красть постоянно. Обольстившая его торговка принимаетъ отъ него украденныя вещи, продаетъ ихъ и даетъ ему только часть вырученныхъ денегъ; она знакомитъ его съ другими мальчиками, занимающимися тѣмъ же самымъ ремесломъ, и ребенокъ, которому трудно было сдѣлать только первый шагъ, скоро начинаетъ предпочитать это праздное и веселое житье жизни трудолюбивой и воздержной. Наконецъ, онъ дѣлается совершеннымъ воромъ, бросаетъ свою обольстительницу, съ которой не хочетъ болѣе дѣлаться, присоединяется къ какой-нибудь воровской шайкѣ, беретъ себя любовницу и такимъ-образомъ вступаетъ уже навсегда на поприще порока и преступленія.»

Свидѣтельства Вакефилда вполне подтверждаются отчетами полицейскихъ чиновниковъ, представленными парламенту.

Къ этимъ официальнымъ показаніямъ нельзя ничего прибавить; можно только замѣтить, что число молодыхъ преступниковъ въ Лондонѣ, не смотря на строгое ихъ преслѣдованіе, не только не уменьшается, а напротивъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ 1837 году, ихъ было 11,780; въ 1838 — 14,635; въ 1839 — 13,587; въ 1840 — 14,031; въ 1842, какъ мы уже видѣли, 16,987. Эти цифры, конечно, не могутъ не возбуждать сильнаго опасенія на-счетъ участи будущихъ генерацій, тѣмъ болѣе, что умственное состояніе дѣтей совершенно соответствуетъ нравственному ихъ состоянію. Дѣти работниковъ въ настоящее время не получаютъ почти никакого образованія, потому-что родители ихъ или вовсе не заботятся объ этомъ, или по своей бѣдности не имѣютъ никакой возможности дать имъ приличное воспитаніе. Притомъ же, эти дѣти по-большой-части въ самомъ нѣжномъ возрастѣ начинаютъ уже работать на фабрикахъ или на заводахъ и, работая ежедневно въ продолженіе 14,15 часовъ, не имѣютъ, разумѣется, времени посѣщать школы. Въ Англіи къ этому присоединяется еще совершенный недостатокъ въ школахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ для дѣтей, принадлежащихъ къ рабочему классу. Тамъ бѣдные не имѣютъ рѣшительно никакихъ средствъ для образованія. Но и во Франціи, не смотря на лучшее устройство этой части, невѣжество между низшими классами также весьма-значительно. Изъ отчетовъ министра юстиціи видно, что въ 1835 году на каждые 100 преступниковъ приходилось 56 такихъ, которые не умѣли ни читать, ни писать. Изъ отчета военнаго министра оказывается, что въ томъ же году изъ 300,640 рекрутъ — 139,585 были совершенно-безграмотны; а 11,022 умѣли только читать, не умѣли писать. Къ-сожалѣнію, свѣдѣнія, относящіяся къ этому важному предмету, рѣдко обнародываются французскимъ правительствомъ, и потому по-большой-части остаются неизвѣстными. Въ Англіи, напротивъ, парламентъ давно уже обратилъ вниманіе на невѣжество, въ которое погружены низшіе классы, и если не принялъ еще надлежащихъ мѣръ для искорененія этого зла, то по-крайней-мѣрѣ обнародовалъ множество интересныхъ документовъ относительно этого важнаго вопроса. Въ 1833 году, онъ предписалъ произвести по всему королевству изслѣдованіе объ

образъ воспитанія дѣтей. Это слѣдствіе обнаружило, что изъ 4,294,230 дѣтей, имѣющихъ отъ 3 до 15 лѣтъ, только 1,276,647 получаютъ первоначальное образованіе, — образованіе, которое, какъ сказано въ докладѣ, бываетъ по-большой-части совершенно-безполезно, а въ некоторыхъ случаяхъ даже вредно. Изъ отчета Манчестерскаго Статистическаго Общества о воспитаніи дѣтей въ Манчестерѣ, Сальфордѣ, Ливерпулѣ и Йоркѣ видно, что въ этихъ городахъ на 550,000 жителей приходилось 80,050 дѣтей; изъ нихъ болѣе 58,000 не получали рѣшительно никакого образованія; а остальные получали образованіе по-большой-части совершенно-недостаточное и безполезное. Смотритель претонскаго смирительнаго дома доноситъ въ своемъ докладѣ, что изъ 1,129 заключенныхъ 554 не умѣютъ ни читать, ни писать. Смотрители тюремъ въ своихъ отчетахъ постоянно показываютъ, что весьма-многіе заключенные не имѣютъ никакого понятія объ основныхъ истинахъ откровенной религіи. Въ отчетѣ, представленномъ парламентскимъ комитетомъ, находится множество примѣровъ самаго страннаго и почти-невероятнаго невѣжества. Въ одномъ мѣстѣ встрѣчается, что мальчикъ 16 лѣтъ въ первый разъ слышитъ объ Иисусѣ Христѣ; въ другомъ — взрослый гражданинъ не знаетъ навѣрное, принадлежитъ ли Шотландія къ соединенному-королевству. Одинъ работникъ некогда не слыхивалъ о Франціи (*I never heard of France*); другой — не слыхивалъ никогда о Богѣ. И такіе примѣры встрѣчаются на каждомъ шагѣ! Въ томъ же отчетѣ, председатель комитета, изслѣдовавшаго вопросъ объ образованіи бѣдныхъ классовъ, говоритъ, что въ обширной столицѣ Англіи средства образованія для высшихъ классовъ въ высшей степени недостаточны, а что результаты его изслѣдованій о самыхъ населенныхъ и богатыхъ городахъ заключаются въ слѣдующемъ: во-первыхъ, воспитаніе, получаемое дѣтьми въ рабочихъ, совершенно-недостаточно и не достигаетъ своей цѣли; во-вторыхъ, это воспитаніе получаютъ только весьма-немногія; въ-третьихъ, если правительство не употребитъ дѣятельныхъ усилій для улучшенія этой части, то эта небрежность будетъ сопровождаться несомнѣнно самыми ужасными и гибельными бѣдствіями для всѣхъ классовъ общества.

Будучи источникомъ невѣжества, нищета служитъ также прямымъ и непосредственнымъ источникомъ преступленія. *Malesuada famēs!* мы уже разъ приводили это мудрое изреченіе древнихъ, вполне сообразное съ природою челоуѣка. И дѣйствительно, когда челоуѣку нѣчего ѣсть, когда законныя средства пріобрѣтенія для него недоступны, когда онъ не находитъ для себя никакой помощи, онъ спасаетъ свою жизнь, возмущаясь противъ общественнаго порядка, противъ предписаній закона, противъ требованій челоуѣческаго правосудія. Когда челоуѣкъ поставленъ въ такое положеніе, что ему остается только или умереть голодною смертію, или прибѣгнуть къ преступленію, то онъ, естественно, рѣшится на послѣднее, и выборъ его будетъ не законенъ, но понятенъ. Тѣсная связь нищеты съ преступленіемъ видна какъ изъ того, что нарушенія закона совершаются по-большой-части людьми, принадлежащими къ высшимъ слоямъ общества, такъ и изъ того, что число пре-

ступленій всегда значительнѣе въ тѣхъ мѣстахъ, которые отличаются особеннымъ развитіемъ бѣдности. Большіе города, въ которыхъ по преимуществу поселяется и господствуетъ нищета, имѣютъ въ этомъ отношеніи перевѣсъ надъ деревнями, гдѣ бѣдность бываетъ обыкновенно не такъ велика и не такъ мучительна. И какъ скоро въ какомъ-либо мѣстѣ страданія пролетаріевъ усиливаются отъ неурожая, отъ промышленнаго кризиса или отъ какого-нибудь другаго несчастнаго событія, то вмѣстѣ съ тѣмъ умножается въ значительной пропорціи и число преступленій всякаго рода. Такимъ-образомъ, можно принять за общее правило, что статистика преступленій, указывая въ известной степени на нравственное состояніе рабочихъ классовъ, указываетъ къ то же время и на степень развитія матеріальнаго ихъ благосостоянія.

Нельзя не сознаться, что въ этомъ отношеніи Англія и Франція представляютъ весьма-неутѣшительныя явленія. Въ этихъ двухъ государствахъ число преступленій увеличивается въ такой значительной пропорціи, что нельзя не заключить изъ этого о постоянной деморализаціи рабочихъ классовъ, — деморализаціи, которая можетъ, конечно, внушать самыя справедливыя опасенія на счетъ спокойствія и безопасности европейскихъ обществъ. Въ Англіи, какъ видно изъ оффиціальныхъ отчетовъ, обвиненныхъ въ различныхъ преступленіяхъ противу лицъ или противъ собственности было:

Въ 1814 году	—	6,930	человѣкъ.		
— 1815	—	7,818	—	—	
— 1816	—	9,901	—	—	
— 1817	—	13,902	—	—	
— 1825	—	14,437	—	—	
— 1834	—	22,451	—	—	
— 1838	—	23,612	—	—	
— 1842	—	31,309	—	—	

Такимъ-образомъ, въ-теченіе двадцати-восьми лѣтъ число преступниковъ въ Англіи увеличилось на 390 процентовъ! Съ 1836 до 1842 годъ, число преступленій и проступковъ увеличилось въ страшной пропорціи 59 процентовъ на сто; а въ мануфактурныхъ графствахъ оно увеличилось во сто процентовъ на сто. Въ Ирландіи въ 1828 году совершено было 5,830 преступленій противу лицъ; въ 1834 году число этихъ преступниковъ простиралось уже до 7,688. Въ настоящее время, число убійствъ въ этой странѣ увеличилось до такой степени, что въ прошломъ году правительство принуждено было предложить парламенту особый законъ, такъ-называемый «билль для охраненія жизни», съ той целью, чтобъ противодействовать по возможности чрезмѣрному размноженію преступленій въ Ирландіи. Билль этотъ подчиняетъ Ирландію дѣйствию особыхъ законовъ, по духу и содержанію своему совершенно подобныхъ тѣмъ варварскимъ постановленіямъ, которые налагались въ средніе вѣка Норманнами для того, чтобъ упрочить свое

завоеваніе и подавить волненія покореннаго народа. Другими словами, Ирландія ставится этимъ биллемъ въ осадное положеніе; и эта строга мѣра оправдывается до известной степени тѣмъ действительно-опаснымъ состояніемъ, въ которомъ находится въ настоящую минуту эта несчастная страна.

Во Франціи, точно такъ же, какъ и въ Англіи, число преступленій увеличивается по мѣрѣ развитія народонаселенія и промышленности. Отношеніе преступниковъ къ народонаселенію въ большихъ городахъ гораздо-значительнѣе, нежели въ земледѣльческихъ округахъ; и преступленіе постоянно является неразлучнымъ спутникомъ нищеты. Въ 1836 году, число обвиненныхъ въ преступленіяхъ противъ собственности, было восемью процентами выше, чѣмъ въ 1835 году: въ первомъ году было 3,742 обвиненія, во второмъ — 3,457. Въ 1837 году прогрессъ возвысился на 15 процентовъ, и отчеты уголовной юстиціи представляютъ въ этомъ году 4,318 обвиненій въ преступленіяхъ противъ собственности. Это увеличеніе особенно замѣтно въ мѣстахъ богатыхъ и производительныхъ; въ одномъ Сенскомъ Департаментѣ число преступленій увеличилось съ 1836 по 1837 годъ 18 процентами на сто. Но нравственное состояніе низшихъ классовъ всего лучше раскрывается изъ отчетовъ исправительнаго правосудія. Этого рода суды судятъ преимущественно дѣла о пьянствѣ, о дракахъ, о мошенничествѣ, о бродяжествѣ и нищенствѣ. Въ 1837 году, исправительные суды рѣшили 140,247 дѣлъ, въ которыхъ замѣшано было 193,065 человекъ. Въ сравненіи съ 1835 годомъ, число рѣшенныхъ дѣлъ увеличилось 22,022 дѣлами; а число подсудимыхъ — 28,176. Въ томъ же самомъ году число самоубійцъ простиралось до 2,443, — 103 случаями больше, чѣмъ въ 1836 году. Въ одномъ Сенскомъ-Департаментѣ было 437 случаевъ добровольной смерти. Эти цифры, кажется, довольно-краснорѣчивы; она ясно показываютъ, что опасенія, возбуждаемыя нравственнымъ упадкомъ рабочихъ классовъ, совершенно основательны и, къ сожалѣнію, слишкомъ-правдоподобны.

Всего неутѣшительнѣе то, что между преступниками въ настоящее время встрѣчается весьма-много женщинъ. Онѣ между преступниками составляютъ въ Парижѣ 15 процентовъ на сто, въ Лондонѣ — 28; въ Манчестерѣ — 30; въ Ливерпулѣ — 35. И не надо думать, чтобъ проступки, совершаемые женщинами, принадлежали къ числу неважныхъ или имѣли свой отличительный характеръ. На пути преступленія, она идутъ совершенно наравѣ съ мужчинами, совершаютъ такіе же противозаконныя дѣйствія и съ такой же смѣлостью, съ такимъ же злостствомъ. Онѣ участвуютъ въ смертоубійствахъ, въ воровствахъ, въ разбояхъ, въ дракахъ и даже въ возмущеніяхъ; онѣ пьянствуютъ и дерутся, какъ мужчины, и, такъ же какъ они, нередко обгагриваютъ руки въ крови. Слѣдующая таблица показываетъ то отношеніе, какое существуетъ въ Лондонѣ между мужчинами и женщинами въ преступленіяхъ и проступкахъ равнаго рода:

Преступленія:	Обвиненные:	Мужчины:	Женщинамъ:	Проценты на сто.
Смертоубійство	25	18	7	28
Побой и тяжкія раны . . .	43	32	11	25 1/2
Насильственные дѣйствія противъ полиціи	1,769	1,512	257	14 1/2
Насильственные дѣйствія противъ частныхъ людей	5,193	4,290	903	17
Простыя воровства.	5,673	3,931	1,742	30
Воровство въ домахъ . . .	1,307	535	722	59
Воровство со взломомъ . .	141	120	21	15
Выдѣлка фальшивой монеты	961	580	281	39
Мошенничество	12,338	7,988	4,350	35

Ко всѣмъ этимъ цифрамъ мы присоединимъ еще одинъ фактъ, который совершенно объясняетъ причину горестныхъ явленій, представляемыхъ статистикой преступленій въ Англіи и во Франціи:

Независимый поденщикъ въ Англіи на вырабатываемую имъ плату можетъ доставить себѣ не болѣе 122 унцій пици въ недѣлю, и въ томъ числѣ 13 унцій мяса.

Бѣдный, состоящій на содержаніи прихода, получаетъ сто—пятьдесятъ—одну унцію пици въ недѣлю и въ томъ числѣ двадцать—одну унцію мяса.

Преступникъ, заключенный въ тюрьму, получаетъ 239 унцій пици въ недѣлю, и въ томъ числѣ 38 унцій мяса.

Это значитъ, что въ Англіи матеріальное состояніе преступника лучше, нежели состояніе бѣднаго, получающаго содержаніе отъ прихода, а состояніе бѣднаго, получающаго содержаніе отъ прихода, лучше, нежели состояніе честнаго человѣка, живущаго трудомъ своимъ. После этого понятно, почему работники такъ легко рышались на совершеніе преступленія, такъ часто покидаютъ прямой и законный путь, и такъ мало дорожатъ своей нравственностью и своимъ добрымъ именемъ.

За нищетою слѣдуетъ преступленіе; за преступленіемъ распутство, которое безъ сомнѣнія представляетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ современной дѣйствительности. Въ европейскихъ обществахъ положеніе женщины въ отношеніи экономическомъ менѣе благопріятно, нежели положеніе мужчины; если занятія, для которыхъ употребляютъ женщинъ, бывають обыкновенно менѣе тягостны и изнурительны, нежели занятія фабричныхъ работниковъ, за то женщина почти всегда получаетъ за свой трудъ весьма-незначительное вознагражденіе. Говоря о задѣльной платѣ, мы уже видѣли, что она въ большей части случаевъ не доставляетъ работницамъ средствъ для пропитанія. Если семейство молодой работницы бѣдно и если ея доходы для ней недостаточны, то она, естественно, подвергнется искушенію обратить свою молодость и красоту въ средство для существованія. Тутъ ее ожидаетъ обольщеніе, которое никогда не оставитъ ее безъ вниманія, обольщеніе, которое проложитъ и облегчитъ ей путь къ пороку, скрывъ

предъ ней отвратительную его сторону подъ обманчивымъ покровомъ любви. Известный Паранъ-Дюшатель (Parant-Duchatelet), написавшій классическое сочиненіе о распутствѣ молодыхъ дѣвушекъ въ Парижѣ, полагаетъ, что нищета составляетъ самый обыкновенный источникъ разврата, и доказываетъ это тѣмъ, что распутство набираетъ своихъ жертвъ преимущественно между рабочими классами и въ большихъ городахъ, гдѣ находится много фабрикъ и заводовъ. Другой французскій публицистъ, Фрежье (Frégier), изучавшій тотъ же предметъ, совершенно согласенъ въ этомъ отношеніи съ Дюшатель: оба они утверждаютъ, что молодыя дѣвушки всего чаще продаютъ себя для того, чтобъ прокормить свое семейство. Это заключеніе вполне подтверждается цифрами, къ-сожалѣнію, слишкомъ-знаменательными, и за вѣрность которыхъ ручается имя ученаго, извѣстнаго своею добросовѣстностью и неутомимымъ усердіемъ въ собраніи и разборѣ фактовъ. Дюшатель полагаетъ, что изъ 5183 публичныхъ женщинъ въ Парижѣ:

- 1441 были доведены до этого состоянія нищетою,
- 1255 — жестокимъ обращеніемъ родителей, изгнаніемъ изъ отеческаго дома и недостаткомъ попеченія,
- 29 — для содержанія своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, лишившихся родителей, и
- 37 — для содержанія больныхъ родителей.

Самое лучшее доказательство тѣсной связи распутства съ нищетою заключается въ томъ обстоятельстве, что села и деревни по-большой-части остаются чуждыми этому пороку, который избираетъ себя убѣжище преимущественно въ большихъ мануфактурныхъ городахъ, гдѣ развиваются въ огромныхъ размѣрахъ роскошь и нищета. Въ настоящее время, столицы особенно представляются главнымъ средоточіемъ порока и разврата, и потому, чтобъ судить о степени развитія этой общественной язвы, лучше всего обратиться къ Парижу и Лондону, гдѣ распутство дѣйствуетъ съ наибольшей силой и достигло до самыхъ ужасныхъ размѣровъ.

Что касается до Лондона, то число женщинъ, ведущихъ въ этомъ городѣ распутную жизнь, опредѣляется неодинаково у различныхъ писателей. По словамъ одного полицейскаго чиновника, въ началѣ XIX столѣтія, этихъ женщинъ было около 50,000; сочиненія, изданныя въ послѣднее время, насчитываютъ ихъ уже до 80,000. Авторъ одного оффиціального доклада, г. Чедвикъ полагаетъ, что въ Лондонѣ, имѣющемъ около двухъ милліоновъ жителей, находится не болѣе десяти тысячъ распутныхъ женщинъ. Это мнѣніе, которое уже съ перваго взгляда оказывается невѣроятнымъ, опровергается документами, представленными тѣмъ же чиновникомъ. Дѣйствительно, самъ онъ говоритъ, основываясь на показаніяхъ полицейскихъ агентовъ, что въ частяхъ, подвѣдомственныхъ городской полиціи, существуетъ 3335 развратныхъ домовъ. Если, какъ онъ предлагаетъ самъ, на каждый домъ положить по четыре женщины, то найдется въ Лондонѣ 13,340 та-

нихъ женщинъ, и почти 16,000, если включить сюда Сити, не состоящую въ ведомствѣ городской полиціи. Другой комиссаръ, произведшій по этому предмету изслѣдованіе, полагаетъ, что въ одномъ графствѣ Миддлсекскомъ находится 16,675 женщинъ, открыто торгующихъ своею любовью. Вся путешественники единогласно утверждаютъ, что тому, кто самъ не посѣщалъ почью лондонскихъ улицъ, нельзя составить себѣ понятія о невароятномъ множествѣ женщинъ и особенно молодыхъ дѣвушекъ, пристающихъ къ прохожимъ. Въ некоторыхъ кварталахъ развратныя дома стоятъ рядомъ другъ подле друга и занимаютъ цѣлыя улицы. Въ Сен-Жильскомъ-Кварталѣ, на пространствѣ, являющемъ около семисотъ метровъ въ окружности, находится двадцать-четыре подозрительныя дома и въ каждомъ изъ нихъ по десяти распутныхъ женщинъ. Эти цифры достаточно показываютъ, что Лондонъ никакъ не можетъ похвалиться своею нравственностью и что онъ въ этомъ отношеніи уступаетъ даже Парижу. Изъ изслѣдованій Дюшатле оказывается, что въ Парижѣ число распутныхъ женщинъ, извѣстныхъ полиціи и записанныхъ въ ея реестрахъ, никогда не простиралось свыше четырехъ тысячъ, и что число этихъ несчастныхъ въ столицѣ Франціи увеличивается далеко не въ одинаковой пропорціи съ народонаселеніемъ. Само-собою разумѣется, что полиція, какъ бы ни была хорошо устроена, не можетъ имѣть точнаго и полнаго свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которымъ это низкое ремесло составляетъ средство существованію. Кроме женщинъ, открыто объявляющихъ свой промыселъ и живущихъ въ подозрительныхъ домахъ, и въ Парижѣ и въ Лондонѣ весьма распространено тайное распутство, недоступное для полицейскаго надзора. Число распутныхъ женщинъ этого рода не можетъ быть определено съ точностью; извѣстно только, что въ обѣихъ столицахъ между молодыми работницами, употребляемыми на фабрикахъ и въ магазинахъ, весьма-мало можно насчитать такихъ, которыя бы не имѣли незаконныхъ связей и не прибѣгали къ распутству для увеличенія своихъ доходовъ.

Въ Лондонѣ распутство вообще значительнѣе, чѣмъ въ Парижѣ, потому-что въ Лондонѣ молодымъ дѣвушкамъ гораздо-труднѣе находить для себя занятіе и добывать себѣ хлѣбъ честнымъ образомъ. За исключеніемъ фабрикъ, въ Англіи по-большой-части мужчины исполняютъ тѣ работы, которыя должны бы принадлежать женщинамъ; они ведутъ счетную часть въ лавкахъ и во всѣхъ общественныхъ заведеніяхъ и даже служатъ прикащиками въ модныхъ магазинахъ, надзираютъ за работою швей и модистокъ. Во Франціи, напротивъ, женщины присвоили себѣ большую часть тѣхъ занятій, которыя обыкновенно достаются въ удѣлъ мужчинамъ: онѣ переносятъ тяжести, занимаются торговлей, исполняютъ должность прикащиковъ, ведутъ счетную часть и употребляются даже въ типографіяхъ въ качествѣ наборщиковъ. Въ Лондонѣ женскія руководыя доставляютъ такъ мало вознагражденія, что молодыя дѣвушки, живущія этимъ ремесломъ, съ трудомъ могутъ выработать себѣ отъ трехъ до четырехъ шиллинговъ въ недѣлю (отъ 3 франковъ 75 сантимовъ до 5 франковъ), работая по шестнадцати и по

восемнадцать часовъ въ день. *Максимум* задельной платы, получаемой швейщи, не превышаетъ пятидесяти или шестидесяти сантимовъ въ день; за шитье рубашки онѣ получаютъ тридцать сантимовъ, за шитье панталонъ отъ двадцати до двадцати-пяти сантимовъ. Нельзя вообразить себѣ ничего ужаснаго существованія этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Во всякое время года онѣ должны вставать въ четыре или въ пять часовъ утра и тотчасъ же приниматься за дѣло, или идти къ купцамъ для полученія работы. Онѣ работаютъ безъ отдыха, часто до полуночи, въ тѣсныхъ комнатахъ, гдѣ для сбереженія дровъ собираются обыкновенно по пяти и по шести вмѣстѣ. Если онѣ живутъ въ модномъ магазинѣ, то тамъ ихъ дурно кормятъ, подъ предлогомъ крайней необходимости заставляютъ очень часто работать днемъ и ночью и не позволяютъ спать болѣе четырехъ или пяти часовъ въ день. Эта сладкая жизнь, эти непрерывныя занятія производятъ или преждевременную старость, или чахотку, которая часто уноситъ ихъ въ гробъ. Мудрено ли послѣ этого, что многія изъ нихъ не выдерживаютъ такихъ тяжелыхъ испытаній и предаются пороку, не имѣя въ себѣ столько нравственной силы, чтобъ идти по трудной и тернистой стезѣ добродѣтели?

Дюпатель, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи, показываетъ, что въ Парижѣ изъ 3,248 публичныхъ женщинъ, записанныхъ въ реестръ полиціи, 196, въ то время, какъ она записывались, имѣли отъ роду отъ десяти до шестнадцати лѣтъ. Изъ этого видно, что въ Парижѣ число несовершеннолѣтнихъ ко всему числу распутныхъ женщинъ относится въ замѣчательной пропорціи—шести процентовъ на сто. Но въ Лондонѣ и вообще въ Великобританіи эта преждевременность порока еще поразительнѣе. Въ отчетѣ общества, учрежденнаго для покровительства молодымъ дѣвушкамъ и для предохраненія ихъ отъ распутства, находимъ, между-прочимъ, слѣдующія слова: «въ трехъ самыхъ значительныхъ больницахъ Лондона въ-продолженіе восьми лѣтъ пребывало не менѣе 2,700 лѣтей отъ одиннадцати до шестнадцати лѣтъ, зараженныхъ постыдною болѣзью». Къ этому указанію не нужно прибавлять никакихъ толкованій. Эти цифры не могутъ не внушать жалости и состраданія къ этимъ несчастнымъ жертвамъ вѣщеты, которыя подвергаются губительному вліянію порока прежде, нежели природа успѣваетъ развить ихъ разумъ и укрѣпить тѣло.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, всеобщее вниманіе во Франціи и, можно сказать, во всей Европѣ возбуждено было процессомъ, производившимся передъ парижскимъ исправительнымъ судомъ, процессомъ, который обнаружилъ факты, дотоле безпримѣрные во Франціи. Мать, желая извлечь для себя выгоду изъ красоты своей дочери, едва достигшей двенадцати-лѣтняго возраста, продала ее за нѣсколько франковъ содержательницѣ распутнаго дома; ребенокъ, но истинно живому сознанію долга, чувствовалъ отвращеніе отъ порока и сопротивлялся требованіямъ своей матери; отвратительная мегера для того, чтобъ преодолѣть упрямство своей дочери, прибѣгла къ насильственнымъ мерамъ и едва не лишила ее жизни. Такого рода преступленія въ Ан-

глин весьма-обыкновенны. Приведемъ свидѣтельство одного опытнаго миссіонера, внимательно изучавшаго эту мрачную сторону лондонской жизни: «въ одной изъ нашихъ больницъ» говоритъ онъ: «я нашелъ пять молодыхъ дѣвушекъ, страдавшихъ тайной болѣзью; одной изъ нихъ было тринадцать лѣтъ, другой—дѣвнадцать, третьей—одиннадцать, четвертой—девять, пятой—восемь. Мать послѣдней также лежала въ больницѣ и заражена была тою же болѣзью. Изъ числа этихъ дѣвушекъ три оболочены были въ домъ своихъ родителей, съ ихъ согласіемъ и съ ихъ содѣйствіемъ.»

Не надо, впрочемъ, думать, чтобъ одна столица заражена была этою язвой: вся большіе мануфактурные города служатъ также гнѣздами пороку и разврату, и этому въ весьма-значительной степени способствуютъ вредное вліяніе нынѣшнихъ способовъ производства на нравственность работниковъ. Въ Болтонѣ существуетъ 90 распутныхъ домовъ; въ Лидсѣ 175; въ Манчестерѣ насчитано 330 такихъ заведеній и въ нихъ около 700 публичныхъ женщинъ. Въ Ротшалѣ, маленькомъ городкѣ, имѣющемъ несколько фланелевыхъ фабрикъ, находится болѣе ста распутныхъ женщинъ. Въ Ливерпулѣ число этихъ женщинъ постоянно увеличивается; въ 1838 году ихъ, по реестрамъ полиціи, было 1,902; въ 1839—1,695; въ 1840—2,394; въ 1841—2,683; въ 1842—2,900. Въ 1844 году было 770 подозрительныхъ домовъ, извѣстныхъ полиціи; но само-оубой разумеется, что свѣдѣнія полиціи весьма-неполны, недостаточны и не обнимаютъ собой всего распутства, действительно существующаго въ Ливерпулѣ.

Исслѣдованія Дюшатлѣ показываютъ, что наибольшая часть женщинъ, ведущихъ въ Парижѣ распутную жизнь, доставляется большими мануфактурными городами, какъ, напримѣръ, Руаномъ, Реймсомъ, Лиллемъ. Содержательницы распутныхъ домовъ ежегодно посылаютъ въ эти города своихъ агентовъ для набора бѣдныхъ дѣвушекъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, говорятъ Дюшатлѣ, полиціа обратила вниманіе на то, что множество дѣвушекъ приходило въ Парижъ изъ Реймса для поступленія въ непотребные дома; она навела справки и узнала, что эти несчастныя присланы были къ содержательницамъ домовъ провинціальными ихъ агентами (commiss voyageurs). Тотъ же самый авторъ, слѣдившій до самаго конца за судьбой этихъ дѣвушекъ, показываетъ, что изъ 3400, лично ему извѣстныхъ, 428 похищены были смертію прежде 30 лѣтъ, что составляетъ страшную пропорцію 13 процентовъ на сто.

Въ большихъ промышленныхъ городахъ Франціи, каковы Лилль и Реймсъ, распутство распространено до такой степени, что всякій полицейскій надзоръ надъ нимъ оказывается совершенно-невозможнымъ. «Въ Реймсѣ» говорятъ Виллерме: «находится, можетъ-быть, около ста дѣтей моложе пятнадцати лѣтъ, для которыхъ распутство составляетъ единственное средство существованія; и изъ числа этихъ дѣтей десять или дѣвнадцать не достигли еще дѣвнадцатилѣтняго возраста. Въ этомъ городѣ, на четыре рожденія приходится одно незаконное, между-тѣмъ, какъ въ целомъ департаментѣ Марны незаконныя рожденія къ законнымъ относятся какъ одинъ къ дѣвнадцати.»

Наложничество вошло нынче въ постоянное обыкновеніе между рабочими классами; нельзя не прийти въ ужасъ при видѣ значительнаго числа незаконныхъ связей, посредствомъ которыхъ бѣдные уклоняются отъ исполненія общественныхъ законовъ. Бракъ сдѣлался теперь прерасудкомъ, надъ которымъ ругаются безъ всякаго угрызенія совѣсти; работники теперь обходятся весьма-легко и безъ благословенія священника и безъ санкціи гражданского законѣ. Это неутѣшительное явленіе также должно быть приписано нищете. Для бѣднаго—семейство рѣшительно необходимо; но между-тѣмъ бѣдность препятствуетъ ему вести правильную и законную семейную жизнь. «Для заключенія брака» говоритъ Фрежье: «нужно непременно исполнить весьма-много обременительныхъ и разорительныхъ формальностей: нужно достать разнаго рода акты, которые по-большой-части стоѣтъ весьма-дорого; эти акты дерзко выдаются только въ Парижѣ и то лишь бѣднымъ, записаннымъ въ реестрахъ полиціи». Любвники часто не имѣютъ достаточныхъ средствъ для исполненія всѣхъ этихъ обрядовъ; не желая ожидать обстоятельство больше-благопріятныхъ, они соединяются между собой незаконнымъ образомъ; и въ слѣдствіе того непозволительныя и непостоянныя связи, уничтожающія собой семейственность и подрывающія самыя основанія общественности, распространяются все болѣе и болѣе въ низшихъ слояхъ городского и даже отчасти сельскаго населенія.

Судить о степени развитія наложничества въ той или другой странѣ можно только по его послѣдствіямъ, по числу незаконнорожденныхъ дѣтей, подкидышей и сиротъ, оставленныхъ родителями. Это зло, точно такъ же, какъ и преступленіе, не знаетъ предѣловъ; въ своемъ быстромъ усиленіи оно не задерживается никакими преградами. Неккеръ полагалъ, что прежде 1789 года число незаконнорожденныхъ дѣтей, находившихся въ различныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ Франціи, не простиралось свыше 40,000; черезъ четырнадцать лѣтъ оно уже достигло 51,000. Въ 1815 году, черезъ четыре года послѣ учрежденія воспитательныхъ домовъ, число незаконнорожденныхъ достигло до 67,966; въ 1819 году ихъ было уже 99,346; наконецъ, въ 1834 году отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ полагаетъ это число въ 129,699. Содержаніе воспитательныхъ домовъ стоило тогда около десяти милліоновъ франковъ.

Испуганное этими цифрами, французское правительство рѣшилось ограничить дѣйствіе благотворительности для того, чтобъ положить преграды страшному развитію зла. Въ этихъ видахъ оно подвергло существенному преобразованію тѣ законы, которые относились къ устройству такъ-называемыхъ башенъ (tour) для приѣма незаконнорожденныхъ. Прежде, въ эти башни дѣти прививались тайно: новый законъ предписалъ принимать ихъ не иначе, какъ отъ самихъ матерей, въ той надеждѣ, что, опасаясь подвергнуться постыдному признанію, женщины стѣнутъ рѣже вступать въ незаконныя связи. Въ то же время предписано было не воспитывать дѣтей въ томъ мѣстѣ, гдѣ они были найдены, а переводить ихъ въ другіе департаменты. При этомъ законодатель видѣлся, что родители, чтобъ не лишиться навсегда своихъ дѣтей, станутъ рѣже прибѣгать къ пособію общественной благотворительности. Но

эта строгая реформа, сокративъ государственные расходы, сопровождалась за то весьма-вредными послѣдствіями: она послужила только къ распространенію дѣтубійствъ, не уменьшивъ при этомъ нисколько разврата и наложничества.

Въ Англіи число незаконорожденныхъ, состоящихъ на содержаніи приходовъ, уменьшилось значительнымъ образомъ съ-тѣхъ-поръ, какъ реформа законодательства о бѣдныхъ ввела въ это законодательство новый принципъ, на основаніи котораго на мать возлагается обязанность заботиться о содержаніи ребенка и отвѣчать передъ обществомъ за свой проступокъ. Прежніе законы, напротивъ, возлагали всю отвѣтственность на отца, и если онъ оставался неизвѣстнымъ, отдавали ребенка на попеченіе прихода. Въ-слѣдствіе этого нововведенія, число сиротъ, содержащихся на счетъ приходовъ, которое въ 1835 году простиралось въ одной Англіи (не включая сюда Шотландіи и Ирландіи) до 71,298, въ 1836 году опустилось уже на 61,828, а въ 1837 году на 45,135. Но не надо заключать изъ этого, чтобъ въ-самомъ-дѣлѣ уменьшился порокъ или его слѣдствіе: этотъ результатъ долженъ быть исключительно приписанъ новому закону, который предписалъ болѣе строгія условія для дѣйствій благотворительности и тѣмъ самымъ уменьшилъ число несчастныхъ, пользовавшихся ею пособіями.

Нищета почти-всегда сопровождается двумя пороками, которые являются вмѣстѣ и причиной ея и слѣдствіемъ; эти два порока — неопрятность и пьянство. Человѣкъ, дохода до извѣстной степени нищеты, вдругъ перестаетъ бороться съ своимъ несчастіемъ и впадаетъ въ рѣшительную апатію; его утомленная, изнуренная воля не способна болѣе ни къ какому усилію, и онъ безъ сопротивленія увлекается мало-по-малу въ самую глубину бездны пауперизма. Подъ гнѣтомъ лишеній, онъ ограничиваетъ постепенно свои потребности и доходитъ наконецъ до того, что довольствуется однимъ только желаніемъ сохранить и поддержать свое физическое существованіе. Достигши до такого состоянія, онъ уже теряетъ всякое уваженіе къ самому-себѣ, и если случится ему имѣть лишніи деньги, то онъ употребляетъ ихъ не на то, чтобъ улучшить свою участь, но на то, чтобъ доставить себя средство позабыть на минуту о своемъ несчастіи. Тогда онъ уже дѣлается настоящимъ Ирландцемъ, нуждающимся только въ картофелѣ для того, чтобъ не умереть, и въ крепкихъ напиткахъ для того, чтобъ освободиться по-временамъ отъ тягостнаго самосознанія.

По болѣе или меньшей неопрятности домовъ, обитаемыхъ бѣдными, можно съ достовѣрностію судить о настоящей степени ихъ недостаточности. Можно встрѣтить несчастныхъ, которые среди самой крайней нищеты заботятся еще о чистотѣ своего платья и жилища; это значитъ, что такіе люди еще не подверглись окончательному упадку; они еще не потеряли всякой надежды; они еще не принадлежатъ душой и тѣломъ той страшной нищетѣ, которая въ Ирландіи находитъ для себя полное осуществленіе. Настоящіе бѣдные, будутъ ли они Французы, Ирландцы или Англичане, все сходны другъ съ другомъ; у нихъ не найдешь уже никакого следа чистоты; дома ихъ окружены

навозомъ; полъ покрытъ золой и угольями, рубищами и пачистотами; они ничего уже не моютъ, ничего не чистятъ; дѣти ползаютъ въ грязи, какъ поросята, и человекъ не имѣетъ другихъ потребностей, кромѣ потребности жить и не умереть съ голода.

Невоздержность почти всегда сопровождается нищетою, развивается въ-стѣ съ нею и въ одинаковой пропорціи. Наука показываетъ, что есть племена, которыя имѣютъ болѣе склонности къ крепкимъ напиткамъ, нежели другія; причины этого явленія должно искать не въ одной климатъ и не въ однихъ физическихъ свойствахъ народа, но всего болѣе въ общественномъ его устройствѣ. Это видно изъ того, что страсть къ пьянству уменьшается вмѣстѣ съ развитіемъ образованности и достатка между классами, принимающими участіе въ этомъ развитіи; напротивъ, страсть эта сохраняется и даже усиливается въ нисшихъ классахъ, на которыхъ мало распространяются благотельные плоды общаго прогресса; бѣдные всѣхъ народовъ въ этомъ отношеніи составляютъ какъ-бы одно племя, и пьянство для всѣхъ ихъ составляетъ равно-необходимую потребность, равно-необходимую страсть.

Кабаки во Франціи и джиншопы (*gin's shop*) въ Англіи заманяютъ бѣдными работникамъ храмы и театры. Чѣмъ бѣднѣе въ городѣ кварталъ, тѣмъ больше въ немъ кабаковъ и тѣмъ значительнѣе доходъ, ими приносимый. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ Англіи, лавочники, торгующіе крепкими напитками, украшаютъ свои лавки со всевозможной роскошью и называютъ ихъ дворцами — *Gin's Palace*. Множество людей толпится безпрестанно во всякое время дня близъ дверей этого дворца, гдѣ на широкихъ, мѣдныхъ бляхахъ блистаютъ обольстительныя слова: *gin, beer, spirits*. Во внутренности этого дворца, половина каждой комнаты занята длинными рядами огромныхъ бочекъ, расписанныхъ и раскрашенныхъ самымъ страннымъ образомъ. «Въ этихъ кабакахъ» говоритъ одинъ путешественникъ: «на верхушкахъ этихъ бочекъ намазаны изображенія разныхъ государственныхъ людей Англіи — лорда Брума, Пилла, Веллингтона, или стоятъ золотыя бюсты королевы Викторіи и принца Альберта. Вдоль бочекъ, на всемъ протяженіи комнаты, которая иногда имѣетъ болѣе ста футовъ въ длину, тянется деревянная, всего чаще дубовая перегородка, называемая конторкой — *bar*. Къ этой-то конторкѣ и подходят посетители; множество мальчиковъ стоятъ за перегородкой, безпрестанно отвертываютъ краны и наливаютъ желающимъ вино изъ той или другой бочки. Чрезвычайно любопытно наблюдать за наружностію посетителей, въ числѣ которыхъ женщины бываетъ обыкновенно столько же, сколько и мужчины; часто даже первыя составляютъ большинство. Костюмъ ихъ описать невозможно; онъ состоитъ по-большой-части изъ самыхъ грязныхъ и отвратительныхъ лохмотьевъ. Держа въ рукахъ деньги, они подходятъ къ конторкѣ съ какимъ-то безмысленнымъ иломъ, и тихимъ голосомъ просятъ того напитка, котораго желаютъ. Получивъ деньги, мальчикъ немедленно отвертываетъ кранъ и ставитъ на конторку стаканъ, наполненный пивомъ, джиномъ или водкой. Нельзя не почувствовать ужаса при видѣ той безмолвной важности, съ

которой эти несчастные медленно и понемногу выпиваютъ поднесенное имъ питье. Смотри на этихъ людей, можно подумать, что они исполняютъ тутъ какой-нибудь религіозный обрядъ; совершивъ жертвоприношеніе, каждый садится на деревянную скамью, стоящую противъ конторки, и остается тамъ, какъ-будто погруженный въ какое-то блаженное самозабвеніе; потомъ, черезъ несколько минутъ, онъ возвращается къ конторкѣ, снова пьетъ и повторить то же самое до-тѣхъ-поръ, пока остаются у него въ карманѣ деньги». И сюда-то, на этотъ-то прилавокъ переходить мало-по-малу все имушество бѣднаго; для того, чтобы удовлетворить своей страсти къ пьянству, онъ рѣшается подвергать голодной смерти себя и дѣтей своихъ. Многочисленные вслѣдствія показали, что денежные пособія, которыя выдавались приходами, по-большой-части истрачивались на пьянство, и что этими пособиями пользовались одни только хозяева кабаковъ. Высшіе классы въ Англіи такъ низко упали, что благотворительность уже не въ состояніи поднять ихъ; дары ея они всегда спѣшатъ обвинять на минутное опьяненіе чувства и мысли. Реформа въ законодательствѣ о бѣдныхъ, ограничившая кругъ дѣйствія общественной благотворительности, во всякой другой странѣ была бы жестокостью; но здѣсь она была необходима: въ ней, къ-сожалѣнію, заключалось единственное благодѣяніе, которое могло быть даровано несчастнымъ. Для унижившихся и падшихъ пролетаріевъ отказъ въ пособіи есть уже благодѣяніе! Только этимъ путемъ можно заставить ихъ почувствовать свое униженіе и тѣмъ самымъ возбудить въ нихъ желаніе бороться съ нищетой, а не склоняться передъ нею безмолвно и безропотно!

Количество крѣпкихъ напитковъ, потребляемыхъ въ Великобританіи, достигаетъ въ настоящее время до самыхъ громадныхъ размѣровъ. Одна Англія, имѣющая 13,897,000 жителей, потребляетъ ежегодно 12,341,238 галлоновъ спиртовыхъ напитковъ, что составляетъ по 7½ пинты на человѣка; Ирландія съ народонаселеніемъ въ 7,767,400 человекъ потребляетъ 12,293,464 галлона (по 13 пинты на человѣка); а Шотландія съ народонаселеніемъ въ 2,365,114 жителей потребляетъ 6,676,715 галлоновъ (по 23 пинты на человѣка). Чтобы понять страшное значеніе этихъ цифръ, надо замѣтить, что въ Парижѣ, имѣющемъ около милліона жителей, потребляется только 42,785 гектолитровъ воды, что составляетъ четыре литра и семь сантилитровъ на человѣка. Такъ-какъ пинта равняется полу-литру, то выходитъ, что для цѣлой Англіи среднее количество потребленія почти то же, что для одного Парижа, для столицы, отличающейся особеннымъ развитіемъ пьянства. Среднее количество потребленія спиртуозныхъ напитковъ въ Ирландіи, если принять французскую мѣру, составляетъ 7 литровъ и 38 сантилитровъ на человѣка; а въ Шотландіи 13 литровъ и 6 сантилитровъ, слѣдовательно, втрое болѣе, нежели въ столицѣ Франціи.

Само-собой разумѣется, что наибольшая часть этихъ напитковъ потребляется бѣдными, и всего болѣе такими людьми, которые посредствомъ неутомимаго труда едва успѣваютъ сохранять равновѣсіе между голодной смертію и недостаточной пищею, людьми, которыхъ по сира-

ведливости можно назвать несчастными изъ несчастныхъ. Въ бѣдной Ирландіи народъ умираетъ съ голоду и потребляетъ большее количество водки, нежели богатая Англія. Въ Шотландіи—лауданумъ замѣняетъ спиртуозные напитки для тѣхъ, которые не могутъ доставать себя водки по причинѣ своей бѣдности.

Во Франціи, пьянство составляетъ преимущественно язву работниковъ, принадлежащихъ къ мануфактурной промышленности; но изъ всѣхъ французскихъ городовъ одинъ только Лиль представляетъ сходство съ тѣмъ, что мы видѣли въ Англіи. Порокъ этотъ въ Лиль проявляется съ такой же силой, какъ и въ Англіи, съ такой же глубиной, съ такимъ же объемомъ и въ тѣхъ же формахъ. Работники въ этомъ городѣ пьютъ не вино, а водку, и для того, чтобъ достать себя количество ея, достаточное для опьянѣнія, они жертвуютъ наибольшую часть своего незначительнаго дохода. Многіе поверхностные наблюдатели думаютъ, что работники употребляютъ на пьянство только излишки своей платы, и что еслибъ можно было искоренить этотъ порокъ, экономическое состояніе бѣдныхъ было бы таково, каково оно должно быть на-самомъ-дѣлѣ. Но тѣ, которые хотятъ уничтожить пьянство, думая черезъ это уничтожить нищету, находятъ въ совершенномъ заблужденіи и предпринимать дѣло рѣшительно невозможное; единственное средство для того, чтобъ отучить пншіе классы отъ этого вреднаго порока, состоитъ въ томъ, чтобъ энергически дѣйствовать противъ причинъ, производящихъ и усиливающихъ нищету.

По количеству потребленія водки можно судить приблизительно о нравственномъ состояніи народонаселенія. То опьянѣніе, которое доводитъ человека до состоянія животнаго, производится не посредствомъ вина, но посредствомъ водки; и надо замѣтить, что въ Парижѣ потребленіе последней усиливается постоянно въ болѣе-значительной пропорціи, нежели потребленіе перваго. Въ 1836 году, выпито было вина 922,363 гектолитра, водки 36,441. Въ 1837, потребленіе вина возвысилось только до 950,912 гектолитровъ, между-тѣмъ, какъ потребленіе водки возвысилось гораздо-болѣе, именно до 42,785. Въ 1836 году, потребленіе вина къ потребленію водки относилось какъ 23,31 къ 1; въ 1838, какъ 22,24 къ 1. Этотъ результатъ заслуживаетъ особаго вниманія, и если прогрессія эта не будетъ измѣняться, то скоро для рабочаго населенія вино совершенно замѣнится водкой. Для нѣкоторыхъ классовъ этого населенія, перемѣна эта уже успѣла совершиться; такъ, на-примѣръ, для парижскихъ трипшниковъ вино составляетъ уже роскошь, которую они пренебрегаютъ: обыкновеннымъ ихъ напиткомъ сдѣлалась водка. Фреждѣ полагаетъ, что въ Парижѣ есть около 17,000 человекъ, которыхъ страсть къ пьянству убиваетъ и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи и доводитъ, безъ преувеличенія, до состоянія животныхъ.

Наконецъ, исчисляя пороки, производимые нищетой, нельзя не упомянуть о бродяжествѣ и нищенствѣ,—объ этихъ двухъ необходимыхъ и постоянныхъ послѣдствіяхъ пауперизма. Къ-сожалѣнію, статистическіе матеріалы оказываются въ этомъ отношеніи совершенно-недостаточными; нѣтъ почти никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мож-

но было бы определять число бродягъ и нищихъ въ государствахъ Западной-Европы и степень развитія этихъ двухъ равно-вредныхъ послѣдствій и вмѣстѣ признаковъ бѣдности. Известно только съ достовѣрностью, что эти противозаконные промыслы, весьма-опасные какъ для общественнаго порядка, такъ и для общественной нравственности, чрезвычайно распространены нынѣ и въ Англіи и во Франціи. Не смотря на всѣ усилія правительства, не смотря на всю строгость законовъ, не смотря на постоянное преслѣдованіе людей, виновныхъ въ бродяжествѣ и нищенствѣ, пороки эти нисколько не уменьшаются своего дѣйствія, а напротивъ усиливаются постоянно въ весьма-значительной пропорціи, грозя обществу возстановленіемъ первобытнаго варварства и дикости въ самомъ средоточіи и фокусѣ цивилизаціи и прогресса.

Въ заключеніе этого бѣлаго очерка физическаго и нравственнаго состоянія рабочихъ классовъ въ Англіи и во Франціи, необходимо замѣтить, что между ними въ настоящее время обнаруживается сильное и постоянное волненіе. Прежде, рабочіе классы страдали безмолвно и безропотно, смотрѣли на свою нищету какъ на зло неизбежное и вовсе не заботились объ отысканіи истиннаго источника и корня этого зла. Но въ послѣдніа пятьдесятъ лѣтъ, въ этомъ отношеніи произошла значительная перемѣна. Нынѣ рабочіе классы, выведенные своими несчастіями изъ терпѣнія, не хотятъ уже сносить своего жребія съ покорностью и смиреніемъ; они стараются выйти изъ этого состоянія и, въ невѣжество своемъ не постигая настоящаго источника своихъ бѣдствій, приписываютъ ихъ причинамъ политическимъ, ставятъ ихъ въ вину высшимъ классамъ. Это новое и опасное направленіе проявляется въ безпрестанныхъ беспорядкахъ, въ возстаніяхъ, въ бунтахъ, въ постоянномъ волненіи, которое въ послѣдніа тридцать лѣтъ принимало разныя формы, но не прекращалось ни на минуту. Здѣсь не мѣсто исчислять всѣ противозаконныя проявленія народнаго неудовольствія; стоить только вспомнить о возстаніяхъ луддистовъ, реббекаитовъ и хартистовъ въ Англіи, о безпрестанныхъ беспорядкахъ въ англійскихъ мануфактурныхъ дистриктахъ, о преступленіяхъ витбойсовъ и моли-магировъ въ Ирландіи, о постоянныхъ волненіяхъ между работниками во Франціи, о кровавомъ ліонскомъ возмущеніи 1833 года и, наконецъ, о волненіи сент-втьенскаго каменноугольнаго бассейна,—волненіи и доселѣ еще непрекратившемся совершенно. И въ Англіи и во Франціи многіе публицисты, приписывая это зло невѣжеству низшихъ классовъ, требуютъ, чтобъ правительство, для устраненія опасныхъ послѣдствій этого невѣжества, приняло дѣятельныя мѣры къ распространенію образованія въ низшихъ слояхъ общества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что невѣжество весьма-много содѣйствуетъ нравственному упадку низшихъ классовъ: работники, не имѣя истиннаго понятія о настоящихъ своихъ интересахъ, легко могутъ быть приведены въ волненіе первыми интригантомъ, который пріиметъ на себя трудъ возбудить ихъ страсти и руководить ихъ движеніемъ. Но съ другой стороны нельзя не сознаться, что невѣжество не главная и единственная причина этой деморализаціи; настоящій корень зла заключается въ той ужасной ни-

щеть, отъ которой страдаютъ высшіе классы, въ томъ бѣдственномъ положеніи, въ которомъ они находятся. Поэтому-то и не надо думать, чтобъ распространеніе просвѣщенія въ народъ могло уничтожить его нравственную испорченность и предотвратить ту страшную опасность, которою грозятъ обществу его безпрестанныя возстанія. Этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ только посредствомъ улучшенія судьбы рабочихъ классовъ, посредствомъ уничтоженія тѣхъ коренныхъ недостатковъ, которые кроются въ современномъ экономическомъ устройствѣ Англіи и Франціи. Различныя народныя элементы, находящіеся нынѣ въ совершенномъ противорѣчій и разрывѣ, могутъ быть примирены между собой только посредствомъ существеннаго преобразованія хозяйственныхъ отношеній, и это-то объясняетъ намъ то сильное волненіе, которое возбуждаетъ нынѣ въ Европѣ вопросъ объ организаціи труда: живой вопросъ; въ немъ дѣло идетъ объ интересахъ необъятно-важныхъ, о всей дальнейшей будущности обществъ Западной-Европы.

В. И — НГЪ.

ЗАПИСКИ РУССКАГО ВРАЧА, ПУТЕШЕСТВУЮЩАГО НА ВОСТОКЪ.

Статья третья ().*

(СМИРНА, СИРА.)

Выхавъ изъ Константинополя 1/10 августа въ 5 часовъ вечера, а на другой день ночью прибылъ въ Смирну, столицу древней Ионіи, столь знаменитую некогда своими храмами, памятниками, великопавными зданіями, а нынѣ представляющую печальную картину разрушенія и развалинъ послѣ пожара 1845 г., 3 іюля, истребившаго бѣдшую в лучшую часть города.

Тридцать часовъ плаванія переносятъ васъ изъ Константинополя въ Смирну: но какая разница между этими двумя городами! Вы не только перешли въ Азію—но все, что поражаетъ ваши глаза, все окружающее васъ, топографическія и климатическія условія, произведенія природы, характеръ и одежда народа, даже архитектура домовъ, наружный видъ улицъ, образъ жизни и языкъ жителей—все это иначе, чѣмъ въ Стамбулѣ. Пределы статьи не позволяютъ мнѣ входить въ подробное изображеніе всѣхъ этихъ отношеній, и я довольствуюсь краткимъ очеркомъ того, что непосредственно касается моего предмета.

I. Мѣстоположеніе и климатъ Смирны.

Городъ лежитъ у пространной бухты, врезавшейся на 45 верстѣ въ землю, и окруженной съ сѣвера, востока и юга цѣпью очевидно-вулканическихъ холмовъ, образующихъ огромную дугу. Къ востоку, у самой вогнутой части этой дуги, круто подымается высокій холмъ, совершенно-изолированный отъ цѣпи прочихъ холмовъ; у подножія его разстилаются пространныя равнины, и на горизонтальной плоско-

(*) Первая и вторая статьи были напечатаны въ декабрьской книжкѣ прошлаго года (Отч. Записки 1846, т. XLIX).

сти, находящейся къ СВ. между залвномъ и западною отлогостью холма, увѣчаннаго на вершинѣ своей развалинами древняго *astropolis*, выстроена Смирна, въ видѣ большого треугольника, котораго основаніе омывается волнами бухты, а вершина взобралась на юго-западную покатость холма, разделяя такимъ образомъ городъ на нижній и верхній. Въ первомъ поселились христіане, числомъ до 60,000 (*), и занимаютъ кварталы Франкскій, греческій и армянскій; Турки, которыхъ въ Смирнѣ около 42,000, не любя имѣть «гууровъ» надъ собою, выбрали, какъ вездѣ на Востока, верхній городъ; еврейскій кварталъ, съ населеніемъ 7 или 8000 душъ обоего пола, вдавленъ въ предѣлы турецкаго и составляетъ переходъ отъ верхняго города къ нижнему.

Прошлогодній пожаръ, истребившій въскрѣско тысячъ домовъ, преимущественно въ христіанскихъ кварталахъ, которыхъ наибольшая часть еще не отстроилась до-сихъ-поръ, въ томъ отношеніи сдѣлался полезнымъ, что показалъ жителямъ необходимость воздвигать зданія каменные и располагать ихъ вдоль улицъ широкихъ и прямыхъ. Дѣйствительно, новые кварталы по возможности удовлетворяютъ этапъ двумъ требованіямъ здчества. Изобиліе камня всякаго рода—базальтческаго и гранита, для фундаментовъ, мягкаго известняка, для стѣнъ; породы бѣлой, ноздреватой какъ пемза, но крапкой, для дверныхъ и оконныхъ пролетовъ; мрамора для лѣстницъ; синеватой глины, дяуцей, по обжиганіи, хорошую черепицу, и известя—доставляетъ жителямъ удобный и дешевый матеріалъ, и новыя улицы Смирны представляютъ наружный видъ европейскихъ городовъ. Дома по-большой-части двухъ-этажные (считая, по русскому обычаю, нижній ярусъ *rez-de-chaussée*, за этажъ); выше строятъ оцасно по причинѣ частыхъ землетрясеній; улицы пересѣкаются подъ прямыми углами и довольно широки, чѣмъ конечно лишаются тѣни, столь-необходимой въ знойномъ климатѣ, но вознаграждаются большею доступностью освѣжающему вѣтру. Мостовая во всемъ городѣ плохая, но вездѣ каменная, и при *собриваніи* отсутствіи экипажей и повозокъ, требуетъ мало починки. Турецкій кварталъ, уцѣлѣвъ отъ пожара, сохранилъ свойственную ему въ Турціи фizioномію и архитектуру: дома, высокіе и деревянные, выстроены какъ въ Стамбулѣ, не изъ досокъ или брусевъ, а рѣшительно изъ щепокъ; отъ неосторожно-зароненной искры они закипаются и сгораютъ какъ спички; при мнѣ, 8 сентября, пожаръ истребилъ 20 домовъ до основанія въ-продолженіе полчаса. Улицы до того узки, что верблюды, которые непрерывно тянутся по городу лѣвшими караванами, нося съ каждой стороны тукъ съ товарами или жарвину съ плодами, совершенно наполняютъ ихъ собою, принуждая проходящихъ людей прижаться къ стѣнѣ или поспѣшно войти въ двери лавокъ, чтобъ не быть раздавленными. Средину улицы занимаетъ канавка, по которой течетъ вода, доставляемая трубами Многочислен-

(*) По самымъ достовернымъ свѣдѣніямъ, въ Смирнѣ живутъ 40,000 Грековъ, 15,000 Армянъ обоихъ исповѣданій, и около 5000 Евреевъ разныхъ націй.

ныхъ фонтановъ и поддерживающая сырость и никогда-невысыхающую грязь; но отлогое положеніе улицъ на покатоств холма даетъ свободный стокъ нечистотамъ въ предѣловъ этого квартала, и столь же свободный доступъ прохладному западному вѣтру (*эмбатъ*), дующему здѣсь почти постоянно въ-теченіе всего лѣта, каждый день съ 10 часовъ утра до вечера, и очищающему и освѣжающему воздухъ. Въ этомъ отношеніи, турецкій и еврейскій кварталы, не смотря на невыгодныя условія, соединенныя въ нихъ, считаются здѣсь здоровѣе нижней части города, расположенной на горизонтальной равнинѣ, не возвышающейся надъ уровнемъ залива. Въ-самомъ-дѣлѣ, положеніе это, при безпечности мѣстнаго начальства, лишаетъ канавы всякаго стока; къ-тому же, онѣ не глубоки и по-большой-части открыты, или слегка покрыты досками. Нечистоты всякаго рода, изъ отхожихъ мѣсть и т. п., остаются въ нихъ и заражаютъ воздухъ въ лучшихъ улицахъ до высшей степени. То, что, по большей жидкости своей, кой-какъ добралось до берега залива, вмѣсто того, чтобъ унести въ море, бивніемъ волнъ, бросаемыхъ эмбатомъ къ берегу, не выпускается изъ устья канавъ, такъ-что переулки, заселенные Греками и лежащіе вскрай залива, особенно позади такъ-называемой «Англійской-Набережной», представляютъ собою совершенные клоаки! Запахъ, который они распространяютъ, и миллионы комаровъ, развивающихся въ сосѣдствѣ ихъ и наполняющихъ все дома въ неизмеримомъ количествѣ — составляютъ ужасный бичъ для жителей. Достойно примѣчанія, что, по свидѣтельству древнихъ писателей, въ Смирнѣ, прозванной тогда «красою и лѣномъ Іоніа и царидею Азіи» и отличавшейся «своими храмами, театрами и роскошью архитектуры, забыли устроить — канавы, отъ-чего воздухъ былъ нездоровъ» (*). Мы потому такъ долго остановились на этомъ предметѣ, что смирнскіе контагіонисты изъ него выводятъ заключеніе въ пользу своей теоріи, какъ ниже сего изложено будетъ.

Окрестности Смирны, стѣсненныя дугою вулканическихъ горъ, дико, живописны, но по-большой-части безплодны или необработаны. Отлогости холмовъ лишены всякой почти растительности, и на голыхъ бокахъ ихъ одиѣ громады гранитныхъ скалъ торчатъ въ видѣ огромныхъ, исполинскихъ грибовъ. Впрочемъ, равнина, разстилающаяся къ Св. отъ города, красуется пышною растительностью, и въ деревняхъ, окружающихъ городъ—Бурнабадъ, Бужа, Севдикѣя, Гаджиларъ и пр., встрѣчаются прекрасныя сады. Вездѣ, гдѣ рука челоука воздѣлывала землю, гдѣ находятся пласть удобной почвы, труды щедро вознаграждаются благодатью южнаго солнца. Винныя ягоды (**), маслины, виноградъ собираются въ чрезвычайномъ количествѣ; гранатовыя, ли-

(*) См. подробности въ сочиненіи: Voyage dans l'Asie mineure etc. en 1764 — 66, par R. Chandler; Tom. I, 131.

(**) Я могъ убѣдиться въ деревнѣ Гѣз-Тепе, что искусственное оплодотвореніе смоковичныхъ деревьевъ (*sapricatio*) дѣйствительно производится садовниками, чрезъ прививаніе мужскихъ цвѣтовъ къ вѣтвямъ женскихъ деревьевъ, которыхъ безъ того остаются безплодными.

монныя и апельсиныя деревья остаются круглый годъ на открытомъ воздухѣ и богато покрываются плодами; мирты и лавро-розы (*Nerium oleander*) наполняютъ атмосферу благоуханіями; огромныя туковыя деревья и платаны осѣняютъ берега повтическаго *Мелеса*, рѣчки, прославленной въ древности (*) и окружающей городъ какъ поля; кипарисы выше, нашихъ пирамидальныхъ тополей, украшаютъ могилы мусульманъ; заборы въ деревняхъ сделаны изъ чрезвычайно-мелкаго дуба, отличающагося колючими краями листьевъ и похожаго на терновый кустарникъ; онъ даетъ большіе жолуди, употребляемые красильщиками. Жизненные припасы дешевы и хороши, особенно всякаго рода зелень и плоды; но наши европейскіе плоды дурно поспеваютъ: сливъ и черешень вовсе нѣтъ; яблоки, груши, персики не хороши; арбузы посредственны; только дыни, особенно растущія около мѣстечка Касаба, превосходны. Хлѣбъ лучше чѣмъ въ Константинополѣ; вода, добываемая изъ тысячи ключей, встречаемыхъ въ горахъ на каждомъ шагу, прекрасна и проводится во всю часть города въ изобиліи. Дичи разной, особенно птицы, рыбы, преимущественно сардинокъ, весьма много. Промышленной дѣятельности мало, но торговля богатыми привозными товарами Малой-Азіи и Сиріи—сухими плодами, хлопчатого бумажного, деревяннымъ масломъ, оіемъ и ии. др., даетъ жителямъ возможность легко обезпечить свое существованіе. Не смотря на это, въ настоящее время бѣдность крайняя въ низшихъ классахъ населенія. Палачій летній жаръ не располагаетъ человека къ утомительнымъ телеснымъ усиліямъ, и онъ довольствуется малымъ, чтобъ свободнѣе предаться бездѣятельности; съ другой стороны, частые пожары, особенно прошлагодній, и вслѣдъ за тѣмъ банкротство значительной части купеческихъ домовъ разорили торговлю Смирны и лишили много семействъ пріюта и пропитанія.

Улицы Смирны поражаютъ совершеннымъ отсутствіемъ въ нихъ женщинъ. Смирніотки-христіанки весьма-рѣдко выходятъ изъ жилищъ своихъ, и только подъ вечеръ садятся у открытыхъ дверей домовъ, чтобъ видѣть проходящихъ и показать щегольскіе, полу-восточные, полу-европейскіе наряды свои. Этотъ сидячій родъ жизни, по сужденію туземныхъ врачей, не остается безъ значительнаго вліянія на здоровье. Турчанки еще строже отдѣляются отъ общественной жизни, и, вмѣсто красиваго константинопольскаго костюма, онѣ кутаются съ головы до ногъ въ дѣвную бѣлую простыню и закрываютъ лицо кускомъ чернаго толстаго крепа, такъ-что развѣ по голосу можно узнать, стара ли женщина или нѣтъ? Однѣ Еврейки толпятся по улицамъ занимаемаго ихъ единоверцами квартала и ходятъ съ открытыми лицами, нося, впрочемъ, костюмъ и бѣлую простыню наравнѣ съ Турчанками.

Касательно климата Смирны замѣтимъ, что весна начинается весьма-рано, съ февраля мѣсяца (нов. стила); тогда земля покрывается бѣ-

(*) *Гомаръ*, по преданію, родился у берега *Мелеса*, и потому называется *Melastomum*.

гатою растительностью; впрочемъ, жаръ весьма-скоро становится едва стерпимымъ и заставляетъ богатыхъ Европейцевъ выезжать въ деревни. *Лѣто* продолжается съ мая по октябрь; во все это время, дождей почти не бываетъ и ртуть подымается до $+ 27$ или 28° R. въ тѣни. *Осень* составляетъ пріятнѣйшее время гола, жаръ умеренный, вечера прохладные; на дачахъ живутъ до наступленія дождей, въ декабрь и январь поддерживающихъ непріятную сырость; въ иные годы, зимою влѣтъ снѣгъ, лежащій, впрочемъ, весьма-недолго; термометръ рѣдко опускается до 0° ; при $+ 5^{\circ}$ R. жители жалуются на холодъ; печей нигдѣ въ домахъ нѣтъ; мѣсто ихъ заступаютъ *мангалы*, мѣдные сосуды съ перегорѣвшими угольями, которые ставятся въ комнаты, и *тандуры*, столы покрытые стеганымъ бумажнымъ или шелковымъ одеяломъ, падающимъ до пола; подъ столъ ставится мангалъ, и домашніе равно какъ и гости садятся вокругъ, закрывая колѣни одеяломъ. Врачи не безъ основанія приписываютъ тандурамъ столь частыя въ Смирнѣ раздраженія и расстройства половыхъ органовъ у женщинъ и дѣвицъ, и ослабленія этихъ органовъ у молодыхъ мужчинъ.

Вѣтры, царствующіе постоянно въ Смирнѣ, имѣютъ важное вліяніе на температуру воздуха и на здоровье жителей. Лѣтній жаръ умѣряется *зѣботомъ*, дующимъ прямо съ запада и происходящимъ, по моему мнѣнію, отъ слоя прохладнаго воздуха надъ заливомъ, устремляющагося, по законамъ физическимъ, къ берегу, гдѣ онъ замѣняетъ пластъ атмосферы, раскаленный и разжиженный лучами солнца, отражаемыми скалистою почвою; *сѣверный вѣтеръ* тутъ самый знойный, сухой и вредный для здоровья: проходя надъ Анатоліею, онъ теряетъ всякую свѣжесть и насыщается мiasmатическими испареніями; подъ вліяніемъ его *лжорадки* дѣлаются злокачественными, и горячки принимаютъ опасный характеръ. *Южный вѣтеръ* пригоняетъ тучи и не увеличиваетъ жара, теряя свою сухость при проходѣ надъ поверхностью моря. Отъ *восточныхъ вѣтровъ* городъ защищенъ вогнутою частью дуги, образумой горамъ вокругъ залива.

II. Очеркъ болѣзней, господствующихъ въ Смирнѣ.

Онѣ совершенно-различны отъ тѣхъ, которыя я видѣлъ въ Константинополѣ, и двѣ формы, по частому проявленію своему, заслуживаютъ особенное вниманіе: это *тифозныя горячки* и *перемежающіяся лихорадки*. Первыя наиболее свойственны исходу лѣта и осени, и дождливая погода значительно увеличиваетъ число поражаемыхъ ими. Горячки эти бываютъ или чисто-первыми, съ сильнымъ бредомъ, уступающимъ дѣйствию валеріаны и подобныхъ лекарствъ и безъ явнаго участія кишечнаго канала, или *тифозно-гастрическія*, съ поносомъ, чернымъ налетомъ на языкѣ, и проч.; онѣ обыкновенно оканчиваются благополучно, хотя нерѣдко сопровождаются *петехіями* и даже небольшими *карбункулами*; оба вида встрѣчаются у взрослыхъ и у дѣтей, но съ некотораго времени, въ-теченіе шести или семи лѣтъ, чисто-первыя, болѣе-опас-

ныя горячки стали рѣже, а гастрическія чаще. Пользованіе пустое: въ началѣ плевки къ брюху, потомъ промывательныя, внутрь тизаны, однимъ словомъ: выжидающій методъ (meth. expectativa).

Другой важнѣйшій видъ тифовъ встрѣчается въ Смирнѣ подъ названіемъ *желтой горячки* (febris flava, typhus icteroides). Она является ежегодно, хотя число случаевъ не превышаетъ 8 или 12 въ христіанскомъ населеніи, конечно, кромѣ тѣхъ, которые не далаются известными врачамъ. Болѣзнь сопутствуется въ началѣ болью и круженіемъ головы, болью въ икрахъ и чувствомъ сжатія подъ ложечкою, вокругъ брюха,—эти два признака считаются патогномическими. Отдѣленіе мочи уменьшается, и иногда совершенно прекращается: явленіе, служащее предвѣстникомъ несчастнаго исхода; впрочемъ, недугъ почти всегда смертеленъ. Около 6 или 7 дня, кожа принимаетъ желтый цвѣтъ, начиная съ бѣлой ободочки глаза; урина вновь отдѣляется обильнѣе, съ свойственнымъ ей въ желтухѣ (icterus) окрашеніемъ. Являются жидкія кирпичнаго цвѣта испраженія низомъ, потомъ бредъ, и больной умираетъ около 12 дня. Жаръ бываетъ незначителенъ; пульсъ почти нормальный; языкъ часто хорошъ, иногда красенъ и сухъ; чувствительности въ печени никакой нѣтъ. Исцѣленія весьма—рѣдки. Врачи, выдавшіе *антильскую* желтую горячку, увѣряли меня, что смирнская отличается только отсутствіемъ рвоты (извергающей, въ первой, черную матерію), и совершенною незаразительностью своею. Въ 1833 году, въ Смирнѣ *эпидемія* желтаго тифа продолжалась десять мѣсяцевъ и погубила много жертвъ; почти всегда предъ наступленіемъ подобной эпидеміи являются *желтухи* (icterus), въ которыхъ опытный врачъ узнаетъ предвѣстника означенной горячки. Причины этой послѣдней неизвѣстны: она является лѣтомъ, послѣ сѣвернаго вѣтра, царствовавшего въ продолженіе некотораго времени.

Необыкновенно—часты въ Смирнѣ, и почти эндемически въ окрестностяхъ, *лихорадки*, просто перемежающіяся съ разными типами, и лихорадки злокачественныя. Онѣ свойственны веснѣ и осени, и замѣчено, что послѣ дождливой зимы, умножившей воду въ озерахъ около города, лихорадки весною до того умножаются, что Европейцы бываютъ принуждены оставить дачи и воротиться въ Смирну. Лихорадки злокачественныя поражаютъ преимущественно людей, отправляющихся во внутрь области на 8 или 15 часовъ ѣзды отъ Смирны, въ мѣста нынѣ незаселенныя, а прежде украшенныя знаменитыми въ древности городами, какъ *Эфезъ*, *Магнезія*, *Пергамъ*, и многія другія. Кто тутъ, какъ и во внутренности всей Анатолиі, спитъ ночью на открытомъ воздухѣ, почти неминуемо схватываетъ злокачественную или потайную лихорадку (febr. larvata). Она характеризуется совершеннымъ отсутствіемъ свободныхъ промежутковъ, хотя сопутствуется въ началѣ ознобомъ и потомъ испариною. За то являются сильнѣйшія раздраженія внутреннихъ органовъ, страшный бредъ или совершенное безпамятство, продолжающееся иногда сутки и болѣе; или же признаки воспаленія печени, легкихъ, желудка, смотря по индивидуальному расположенію больного къ разстройству того или другого органа. Опытъ научилъ здѣшнихъ вра-

чей прибѣгать къ обильнымъ кровопусканіямъ, и колы скоро пульсъ сталъ медленнѣе, давать тотчасъ хининъ, въ большихъ приѣмахъ, отъ 4 до 6 гранъ чрезъ каждые два часа. Обыкновенно, на другой день больному лучше и всѣ признаки воспаленія исчезли. Если же медикъ, основываясь на отсутствіи свободнаго промежутка, не знаетъ болѣзни и продолжаетъ антифлогическое леченіе, то больной неминуемо погибаетъ. Весьма-часто встрѣчаются также *febres interm. algidae*, и болотистое вліяніе (*influence paludéenne* Французскихъ носографовъ), производящее въ Смирнѣ эти лихорадки, до того тѣсно сплетается съ общимъ геніемъ недуговъ, что нередко тифозныя и другія горячки «*continguae*», не могутъ исцѣлиться безъ хинина, и это замѣчено было даже во время холеры 1831 года. Озера, образовавшіяся на сѣверовосточной сторонѣ города, около устья Мелеса, подвергаютъ живущихъ въ окрестности работорговцевъ бумажной фабрики безпрестаннымъ лихорадкамъ, какъ мнѣ подтверждали директоры и врачъ этого заведенія, выстроеннаго у такъ называемыхъ *dianinixъ банъ*. Я съ особеннымъ вниманіемъ осмотрѣлъ это заведеніе.

Поносы простые и кровавые (дисентерія) у взрослыхъ вызываются лѣтомъ сплывымъ зноемъ и, безъ сомнѣнія, употребленіемъ несплывыхъ плодовъ, которые жители Востока вездѣ, кажется, предпочитаютъ сплывымъ. Исходъ этихъ болѣзней обыкновенно благополучный, исключая людей, получившихъ свою дисентерію въ Египтѣ: они часто умираютъ въ Смирнѣ. Въ простомъ народѣ, лѣтніе поносы похищаютъ огромное число *дѣтей*, и поэтому прорываніе зубовъ, если оно случается лѣтомъ, здѣсь весьма-опасно.

Ревматизмы являются зимою; особенно между высшими сословіями жителей, въ-слѣдствіе сыраго холода этого времени года, впрочемъ не часто; болѣзни *сердца* рѣдки при отсутствіи причинъ, развивающихъ ихъ въ Константинополѣ; *ломота* (*arthritis*) и разные виды ея почти неизвѣстны въ Смирнѣ.

Леточная чахотка, напротивъ того, встрѣчается гораздо-чаще, чѣмъ по жаркому климату города должно было предполагать. Развившись, она быстро ведетъ къ пагубной развязкѣ и больные рѣдко переживаютъ *шестой мѣсяць*. Болѣзнь эта въ Смирнѣ почти всегда наследственная, и въ новыхъ семействахъ 4, 5, 6 членовъ похищены ею. Нѣкоторые врачи находили ее болѣе всего между Армянами, у которыхъ преобладаетъ золотушное расположеніе: у нихъ тонкая, вѣжная кожа, обрюзглое лицо и нѣсколько-распухшіе концы костей въ составахъ. Религіозныя и народныя предубѣжденія, разделяющія на Востока христіанскія исповѣданія между собою, принуждаютъ молодыхъ людей вступать въ бракъ только съ своими единовѣрцами. При существующемъ предрасположеніи, услабленномъ у мужчинъ рукоблудіемъ, у дѣвиць разстройствомъ матки, бѣзьями и т. п., произведенными сидачимъ родомъ жизни и въ-слѣдствіе употребленія тандура, совершеннаго пренебреженія омовеній, столь необходимыхъ въ жаркомъ климатѣ, и пр., чахотка весьма-легко можетъ развиваться и передаваться печальнымъ наследствомъ потомству. Все сказанное здѣсь объ Армянахъ въ равной степеніи отнесется и къ

Грекамъ, живущимъ въ Смирнѣ. Замѣтимъ при этомъ, что присутствіе причинъ, производящихъ перемежающіяся лихорадки, тутъ не мало мешаетъ развитію чахотки: новое доказательство, какъ должно быть осторожнымъ въ приложеніи наблюденій, сдѣланныхъ въ одной мѣстности, къ оцѣненію явленій, свойственныхъ другому краю!

Въ Смирнѣ вовсе нѣтъ публичныхъ домовъ разврата, но женщины, промышленяющихъ тѣмъ, весьма-много, и онѣ живутъ безъ надзора въ равныхъ кварталахъ, принимая сифилитическую больнь в переданъ безпрепятственно. *Сифилисъ*, поэтому, довольно распространенъ столько же въ формахъ простыхъ, какъ и вторичныхъ; впрочемъ, послѣдніе благодаря климату, сосредоточиваются обыкновенно на кожѣ или в горлѣ, не поражая костей. Для пользованія врачѣ употребляютъ и в больницахъ и въ частной практикѣ сулею въ растворя вѣтрѣ и мер куріальныя втиранія, даже при первичныхъ ранахъ, начиная съ по лудрахмы ртутной мази, и дѣлая 24 втиранія. По окончаніи пользованія, больные принимаютъ извѣстное число горячихъ сѣрныхъ ваннъ. Не знаю, слѣдуютъ ли смирнскіе медики требованію мѣстныхъ условій для слѣпой рутинѣ при выборѣ такого метода? Последнее предположеніе чуть ли не вѣроатнѣе!

О частомъ проявленіи *золотушныхъ* пораженій мы уже говорили. Весьма-часты хроническія кожные сыпи, особенно между бѣднымъ классомъ населенія. Мы упомянули также о разстройствѣхъ половыхъ органовъ у мужчинъ и у женщинъ, преимущественно высшаго сословія. Попадаются весьма-многочисленныя страданія глазъ, и навбол хроническія *слизотеченія вълк* (*blepharrhoea palpebrarum*) чрезвычай по упорныя. Въ простомъ народѣ употребляютъ слѣдующее средство по вывернутому вѣку проводятъ шероховатую поверхность листка *parietariae officinalis*. Тонкія колючки раздражаютъ грануляцію и производятъ обильное кровотеченіе, которое уменьшаетъ раздраженіе, причѣ непное операцію; потомъ промываютъ глазъ свѣжимъ женскимъ мѣ локомъ и накрываютъ хлопчатую бумагою, прокуренною ладаномъ. Докторъ *Wood* и *Maddax* увѣрили меня, что употребленіе *parietariae* перемежающееся черезъ день съ прижиганіемъ посредствомъ азото-кислаго серебра или сѣрно-кислой мази, во многихъ упорныхъ случаяхъ оказалось имъ полезнымъ.

Умалшенія, послѣ несчастій, постигшихъ Смирну въ послѣдніе годы и разорившихъ столько семействъ, проявляются чаще прежняго и я видѣлъ многіе примары ихъ въ разныхъ больницахъ. Достойны замѣчанія, что хотя число безгосподнихъ собакъ, бродящихъ по улицамъ, тутъ несравненно-меньше, чѣмъ въ Константинополѣ, въ Смирнѣ ежегодно представляется нѣсколько случаевъ *водоболзни* у людей съ губнымъ исходомъ, тогда-какъ тамъ эта болѣзнь почти неизвѣстна. Какъ объяснить это обстоятельство?

Корь, оспа, скарлатина не представляютъ ничего особеннаго.

Случаевъ производитъ *большія хирургическія операціи* въ частной практикѣ весьма-мало. Докторъ *Ракоръ*, впрочемъ, совершилъ успѣшныя нѣкоторыя трудныя операціи въ подвѣдомственной ему *французско-*

больница. Чаше публика прибѣгаетъ къ пособію *акушерскихъ* снарядовъ. Докторъ *Фабрици* сообщилъ мнѣ подробности кесарскаго сѣченія, сдѣланнаго имъ надъ рахитическою Еврейкою, впрочемъ, съ несчастнымъ успѣхомъ. Докторъ *Wood*, одинъ изъ лучшихъ смирскихъ врачей, занимается также глазами операціями, но мнѣ больно было смотреть, какъ онъ, совершивъ въ своемъ кабинетѣ трудную операцію надъ бѣдными, позволяетъ несчастнымъ больнымъ возвращаться домой пѣшкомъ и оставаться тамъ безъ присмотра. Не лучше ли въ подобныхъ случаяхъ отказаться отъ операціи?

III. Больничныя и благотворительныя заведенія.

Смирна въ этомъ отношеніи отличается духомъ челоѣколюбія, встречаемымъ между членами разныхъ христіанскихъ обществъ, и особенно въ высшемъ сословіи, т. е. купеческомъ, — другой аристократіи здѣсь нѣтъ. Представляемъ описаніе разныхъ заведеній, содержимыхъ изъ общественныхъ доходовъ. Между ними

1) *Греческая больница*, во имя св. Харлампія (*St. Roch*), заслуживаетъ первое мѣсто по объему, устройству и хорошему содержанію своему. Во время чумныхъ эпидемій, она принимала зачумленныхъ въ особое отдѣленіе свое. Заведеніе это открыто было въ 1781 г. иждивеніемъ богатыхъ Грековъ, между которыми докторъ *Михаилъ Мазгана* правялъ на себя безмездно обязанность врача, и это званіе перешло наследственно къ сыну и потомъ внуку его, нынѣшнему медину больничны. Шесть администраторовъ, выбираемыхъ на три года, половина изъ Грековъ турецкихъ подданныхъ, половина изъ иностранцевъ, православныхъ, управляютъ заведеніемъ, котораго расходы простираются до 300,000 піастровъ (17,000 р. с.) ежегодно, собираемыхъ съ 2% сбора съ купечества и добровольныхъ приношеній благотворителей; впрочемъ, врачъ совершенно независимъ въ дѣйствіяхъ своихъ, и вся его предложенія исполняются безпрекословно и охотно.

Больница содержитъ въ огромномъ дворѣ, окруженномъ стѣнами, которыя отдѣляютъ ее отъ сообщенія съ многолюднымъ кварталомъ — многіе флигеля, выстроенные въ разное время и по разнымъ планамъ. Главный одноэтажный каменный корпусъ содержитъ въ себя большую залу для *внутреннихъ* болѣзней мужчинъ. Въ ней поставлены 20 желѣзныхъ кроватей съ хорошими постелями; зала вымощена широкими кирпичами и содержится весьма-опрятно. Небольшая комната, въ которую переносятъ *издыхающихъ* (мѣра не филантропическая, хотя и имѣющая цѣлью избавить прочихъ больныхъ отъ печальнаго зрѣлища борьбы жизни съ смертію), отдѣляетъ этотъ покой отъ другаго, меньшаго, въ которомъ помѣщено 12 деревянныхъ кроватей, для болѣзней *хирургическихъ*. Я видѣлъ тутъ нѣсколько случаевъ кистозды золотушной и ранъ, произведенныхъ ножами, къ которымъ здѣшніе Греки, особенно на-веселѣ, охотно прибѣгаютъ. Въ особомъ флигелѣ помѣщено 10 желѣзныхъ кроватей для женскихъ внутреннихъ болѣзней, и 6

для наружныхъ. Рѣдко бываетъ тутъ полный комплектъ, и въ это отдѣленіе принимаютъ двоекъ незаконно-забеременившихъ.

Для стариковъ дряхлыхъ или изувѣченныхъ обоого пола, устроена тутъ же *богадельня*, содержащая въ себѣ 25 деревянныхъ кроватей для мужчинъ и 20 для женщинъ. Сюда также отправляютъ на время женщинъ развратнаго поведенія, въ видѣ мѣры исправительной. Въ сосѣдствѣ, въ отдѣльномъ покоѣ, стоятъ 6 кроватей, въ которыя врачъ помышаетъ страждущихъ сифилисомъ, хотя по уставу больницы ни ихъ, ни чахоточныхъ не должно принимать въ заведеніе. Позади всѣхъ этихъ строеній, въ особомъ дворѣ, расположены 8 небольшихъ комнатъ для *умалишенныхъ* мужчинъ. Они содержатся по четыре въ каждомъ покоѣ и спать на полу; бѣшеные укрощаются надѣваніемъ «*saisivole de force*», или кандаловъ на руки и на ноги. При моемъ посещеніи находилось на-лицо помѣшанныхъ мужчинъ 25, и женщинъ 20, которыя занимаютъ особое отдѣленіе въ другомъ дворѣ. Между ними меня поразила Гречанка лѣтъ 45, съ острова Родоса, по имени Кала, которую природа надѣлила длинною черною бородою и усами. Помѣшанные пользуются врачомъ только тогда, когда онъ приписываетъ умалшеніе разстройству физическому, удобо-исцѣлимому; въ противномъ случаѣ, довольствуются призваніемъ ихъ.

Во дворѣ позади главнаго корпуса, устроено 12 комнатъ въ одной друкъ; въ каждой по одной или по двѣ кровати, назначенныя для больныхъ *платящихъ*, которыя, однакожъ, не подвергаются никакой таксѣ и дарить, по выходѣ изъ заведенія, сколько имъ угодно. Больные же немущіе принимаются совершенно бесплатно. Въ этомъ дворѣ находится въ мостовой около пятидесяти каменныхъ плитъ, прикрывающихъ могилы, въ которыя прежде хоронили покойниковъ; нынѣ онѣ на глухо задѣланы и оставлены. Но за то сосѣдніе два двора служатъ нынѣ кладбищемъ для умирающихъ не только въ больницу, но и въ городъ. Этотъ обычай искони вѣковъ господствовалъ въ Смирнѣ у христіанскаго населенія. Покойники постоянно хоронятся внутри города, въ больницахъ и около церквей или внутри этихъ послѣднихъ. Желаніе избавить прахъ родныхъ отъ поруганій фанатическихъ мусульманъ, было, вѣроятно, поводомъ къ этому обыкновенію въ прежнія столѣтія: нынѣ побудительная причина исчезла, а вкоренившійся обычай остался, — «*der Mensch ist ein Gewohnheitsthiere*», говорятъ Нанцы (*).

Такъ-какъ по мнѣнію антиконтрагистовъ, подобное устройство кладбищъ среди города можетъ содѣйствовать къ *произведенію* чумы, то и здѣсь, какъ и въ Константинополь, обратилъ особенное и тщательное вниманіе на этотъ предметъ, и долженъ сказать по совѣсти, что никогда въ Смирнѣ не могъ замѣтить малѣйшаго дурнаго запаха, не только отъ могилъ, находящихся внутри церквей, гдѣ онѣ герметически за-

(* Турецкія кладбища устроены за городомъ, и самое большое, содержащее въ себѣ многія тысячи могилъ, находится на берегу Мелеса, подлѣ такъ-называемаго «*Буреваннаго моста*». Еврейское кладбище, весьма древнее, если судить по числу могилъ, лежитъ на отлогости холма, у заднихъ, также изъ города.

дьяны, но и въ означенныхъ дворахъ, равно какъ на кладбища армянскомъ и другихъ. Въ первомъ изъ упомянутыхъ дворовъ греческой больницы, мостовая составлена изъ ста-пятдесяти нумерованныхъ плитъ, поднимаемыхъ посредствомъ желѣзныхъ колець. Подъ каждую плиту находится яма, выложенная кирпичомъ, и длиною въ три аршина, при глубинѣ двухъ и ширинѣ полутора аршинъ. Въ эти ямы покойники кладутся въ саванъ, безъ гроба, по одному, а въ случаѣ большой смертности, по два, и оставляются въ нихъ до совершеннаго разложенія, которое въ здѣшнемъ климатѣ совершается весьма-скоро, и чрезъ восемь или десять мѣсяцовъ совершенно кончено. Тогда кости вынимаются изъ могилы, и, отцѣваясь больничнымъ священникомъ, опускаются въ глубокую общую яму, имѣющую видъ отромнаго крытаго колодезя, и находящуюся во второмъ дворѣ; въ ней накоплены останки многихъ поколѣній. Плиты замазываются по краямъ известью, которая весьма-скоро стирается ногами проходящихъ. По просьбѣ моей, докторъ Мазганъ велѣлъ раскрыть яму подлѣ нумеромъ 67, въ которой ровно два мѣсяца передъ тѣмъ похоронено было тѣло. Эта операція сдѣлана была 19 августа, въ полдень, при температурѣ воздуха $+24^{\circ}\text{R}$.; я сѣлъ на край могилы и палкою своею вынулъ совершенно отдѣлившійся черепъ — мягкія части исчезли, и только клочки сѣдыхъ волосъ прилипли къ костямъ; отъ остальной части трупа равномерно остался одинъ остовъ, безъ всякаго следа влажности, хотя верхняя часть савана, покрывавшая грудь покойника, уцѣлѣла. Такъ скоро тѣлѣ совершается подлѣ южнымъ солнцемъ! Ни я, ни находившійся тутъ штаб-лекаръ Коробка, и врачъ больницы, не ощущали никакого запаха. По этому все, что говоритъ докторъ Оберъ (*De la peste, ou typhus d'Orient, etc., Paris 1840, pag. 108: j'ai senti, à l'hôpital grec de Smyrne, autour de moi une odeur cadavéreuse «insupportable», и также pag. 105 seqq.*) о смирнскихъ кладбищахъ—рѣшительно преувеличено.

Въ дворѣ, смежномъ съ первымъ, ямы просто вырываются въ землю и ею же покрываются: къ нимъ прибѣгаютъ, когда все прочія могилы заняты; но народъ не любитъ этого, и предпочитаетъ, чтобъ трупы опущены были въ такъ-называемые склепы перваго двора. Жалобъ соседей на вѣсносный запахъ, распространяемый больничными кладбищами, о которыхъ говоритъ Оберъ, здѣсь никогда не слышали; впрочемъ, некоторые смирнскіе врачи уверяли меня, что хотя на турецкомъ кладбища, въ дождливую погоду, сѣвѣро-похороненныя тѣла иногда распространяютъ трупныя испаренія, но никто изъ нихъ не замѣтилъ никогда вреднаго вліянія отъ этого на здоровье жителей: наблюденіе, вполнѣ подтвердившееся для меня въ Константинополѣ, какъ я говорилъ о томъ подробнѣе во второй моей статьѣ.

Изъ кладбища двери ведутъ въ чужное отдѣленіе больницы. Въ больномъ дворѣ, раздѣленномъ стѣною на два подворья, выстроено съ грѣхъ сторонъ двухъэтажное зданіе, заключающее въ обоихъ ярусахъ шестьдесятъ покоевъ средней величины, открывающихся на просторныя галереи. Въ нихъ во время эпидемій помѣщались чуждые, а больные сомнительные въ палатахъ, занимаемыхъ нѣкъ уменьшенными

мужчинами. Тутъ же дѣлалъ свои наблюденія въ 1837 году Бюларъ, вскорѣ поссорившійся съ докторомъ Мазгана и оставившій больницу. Въ галереяхъ мнѣ показали вѣшанные въ стѣну желѣзные кольца, къ которымъ привязывали чумныхъ въ бреду. Нынѣ все это отдѣленіе занято бѣдными семействами, оставшимися безъ пріюта послѣ прошлогодняго пожара. Часть двора, отдѣленная стѣною, служила прежде чумнымъ кладбищемъ; трупы въ немъ покрывались пегашеною известью, которая не употребляется никогда для умирающихъ отъ болѣзней обыкновенныхъ. Теперь въ этомъ дворѣ откармливаютъ свиней для заведенія.

Больница имѣетъ свою аптеку, хорошо-устроенную баню и весьма опрятную кухню. Отхожія мѣста не довольно удалены отъ палатъ. Требования врача на-счетъ медикаментовъ и пищи до того исполняются въ точности, что, не смотря на присутствіе двухъ больничныхъ священниковъ, пища больнымъ дается скоромная круглый годъ, даже въ страстную пятницу. Раздѣленіе порцій сообразно съ состояніемъ и развитіемъ недуга; въ острыхъ болѣзняхъ здѣсь, какъ и въ Константинополѣ, прописывается абсолютная діета. Между служителями я нашелъ двухъ Русскихъ: одинъ изъ нихъ, *Василій Ивановъ*, Московской-Губерніи, находился въ 1834 году матросомъ на русскомъ суднѣ и заразился въ Константинополѣ отъ чумы. По прибытіи въ Смирну, болѣзнь его до того усилась, что его отправили въ греческую больницу, а судно ушло дальше, считая его погибшимъ. Ивановъ выздоровѣлъ и съ-тѣхъ-поръ остался въ больницу, гдѣ хорошее поведеніе и неустранимость при ухаживаніи за чумными пріобрѣли ему расположеніе начальства. По общему мнѣнію Смирнитотъ в Левантійцевъ, человекъ, выздоровѣвшій отъ чумы, не легко вторично поражается ею: впрочемъ, мнѣ показали тутъ же служителя изъ Грековъ, *Теодора*, имѣвшаго чуму семь разъ.

2) *Австрійская (католическая) больница, во имя св. Антонія*. Она находится рядомъ съ греческою, и, подобно ей, во время эпидемій принимала чумныхъ въ особое отдѣленіе свое. Послѣдній пожаръ истребилъ большую часть зданія, такъ-что число кроватей должно было уменьшиться со 100 на 60, которыя помѣщаются въ наскоро-устроенныхъ деревянныхъ флигеляхъ. Сборъ, производившійся съ-тѣхъ-поръ въ Австріи, и пожертвованія благотворителей позволяютъ приступить въ скоромъ времени къ постройкѣ новой больницы. Больные принимаются безъ различія вѣроисповѣданія, хотя преимущественно изъ католиковъ, и безъ всякой платы, развѣ сами пожелаютъ жертвовать что-нибудь въ пользу заведенія. Это заведеніе состоитъ подъ покровительствомъ австрійскаго правительства; при посѣщеніи моемъ, я нашелъ тамъ несколько больныхъ, одержимыхъ тифозными горячками, съ десяткомъ ума-лишенныхъ обоюбого пола, и несколько дряхлыхъ стариковъ, прерываемыхъ въ больницу. Чумное отдѣленіе, уцѣлѣвшее отъ пожара, состоитъ изъ 8 палатъ и 2 большихъ залъ, расположенныхъ въ двухъ-ярусномъ зданіи вокругъ особаго двора, освѣяемаго тутовыми деревьями; нынѣ въ нихъ помѣщены семейства, потерявшія отъ пожара въ

прошломъ году. Подлѣ находится больничное кладбище; способъ хоронить тотъ же, какъ и въ греческомъ госпиталѣ: гробовъ не употребляютъ; известью засыпаютъ только трупы чумныхъ; черезъ годъ кости вынимаются изъ могилъ и склаываются въ общую яму. Заведеніемъ управляетъ докторъ Гохенбергъ, служившій прежде въ австрійскомъ флотѣ; онъ двадцатый годъ живетъ въ Смирнѣ.

3) *Англійская больница* находится въ недалекомъ разстояніи отъ предъидущей и устроена въ прошломъ столѣтїи вживленіемъ лондонской «Левантской Компаніи», по закрытіи которой заведеніе перешло въ вѣдѣніе правительства. Оно содержитъ въ двухъ залахъ 10 желѣзныхъ кроватей; больные поступаютъ изъ матросовъ англійскихъ и, по взаимному сношенію консуловъ, также изъ сѣверо-американскихъ купеческихъ судовъ. Всякое судно этихъ націй, приходящее въ Смирну, платитъ нѣсколько копеекъ съ тонна, и имѣетъ за то право посылать своихъ больныхъ безмездно въ заведеніе. Я нашелъ въ немъ только 3 больныхъ, но въ нынѣ времена число ихъ доходило до 24. Смертность незначительна и не превышаетъ 2% въ годъ, что объясняется молодостью больныхъ, хорошимъ присмотромъ, и самымъ родомъ недуговъ: большая часть пациентовъ одержима *сифилисомъ*. Врачъ заведенія, д-ръ Вудъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ смирнскихъ практиковъ, получаетъ ежегодно 300 фунт. стерл. отъ англійскаго правительства.

4) *Голландская больница* выстроена насупротивъ англійской и окружена прекраснымъ садомъ, въ которомъ огромные платаны распространяютъ тѣнь и прохладу. Десять свѣтлыхъ, просторныхъ палатъ назначены для больныхъ, которыхъ, впрочемъ, давно тутъ не было въ слѣдствіе незначительнаго числа Голландцевъ въ Смирнѣ, и еще меньшаго прихода судовъ этой державы въ Левантъ. Въ саду находятся мраморные памятники надъ могилами нѣкоторыхъ Голландцевъ, Англичанъ и одного Француза. Небольшое госпитальное кладбище помѣщено въ особомъ дворѣ.

5) *Французская больница* имѣетъ болѣе-выгодное положеніе, чѣмъ всѣ описанныя до-сихъ-поръ заведенія, находясь въ саду, недалеко отъ моря, и на большой открытой площади. Въ ней 50 желѣзныхъ кроватей, размѣщенныхъ въ просторныхъ палатахъ бель-этажа. Больные принимаются только изъ французскихъ подданныхъ, и поступаютъ съ военныхъ кораблей, часто приходящихъ въ Смирну, съ почт-пароходовъ, купеческихъ судовъ, и наконецъ изъ Французовъ, живущихъ въ городѣ; послѣдніе, въ случаѣ бѣдности, принимаются безмездно; за прочіе платятъ имъ начальство. Впрочемъ, больница состоитъ въ вѣдѣніи морскаго министерства въ Парижѣ, отъ котораго врачъ ея, докторъ Рагоръ, получаетъ свое жалованье. Въ случаѣ прибытія цѣлой эскадры въ Смирну, число больныхъ нередко доходитъ до 100, и тогда кровати берутся съ кораблей. Кладбище помѣщено въ особомъ дворѣ; трупы хоронятся безъ гробовъ. Болѣзни, наиболѣе-пользуемыя въ заведеніи: тифозныя горячки, перемежающіяся лихорадки, особенно у работниковъ бумажной фабрики при діанниныхъ-баняхъ, поносы, *сифилисъ*, противъ котораго врачъ употребляетъ ртутныя втиранія. Вообще же спо-

собъ леченія — французскій двадцатыхъ годовъ нашего столѣтїя, незнающій сложныхъ и разнообразныхъ веществъ немецкой и англійской школы. Рисовая вода, лимональ, eau gommée, тизаны, промывательныя, припарки, пѣвки и кровопускающія (которыя, однакожь, въ Смирнѣ несравненно—рѣже и умереннѣе употребляются, чѣмъ въ Константинополѣ), — вотъ кругъ, изъ котораго врачъ рѣдко выходитъ, и, конечно, нельзя сказать, чтобъ больнымъ отъ него было хуже. Докторъ Ракоръ, искусный операторъ, сообщилъ мнѣ некоторыя весьма-любопытныя наблюденїя. Онъ живетъ десять лѣтъ въ Смирнѣ, и подтвердилъ мнѣ, что никогда не замѣтилъ вреднаго вліянїя на здоровье жителей отъ присутствїя кладбищъ внутри города.

6) *Армянская больница*. Она уцѣлела отъ пожара въ кварталѣ почти совершенно истребленномъ и содержитъ въ себѣ 30 желѣзныхъ кроватей въ большой, высокой залѣ, открывающейся съ одной стороны на опрятный дворъ, окруженный колоннами, съ другой на огородный садъ. Свѣтъ она получаетъ только чрезъ эти двое дверей, потому-что въ боковыхъ стѣнахъ, вмѣсто оконъ, сдѣланы двери же, ведущія въ небольшія комнаты, въ которыхъ больные лежатъ по-большой-части на полу. Въ дворѣ находится церковь и расположены отдѣльные покои, занимаемые нынѣ погорѣлыми семействами. Я не видѣлъ врача заведенїя, больныхъ на лицо было только 6, а порядка особеннаго я не нашелъ. Между-тѣмъ, помѣщенїе больницы удобное и веселое, особенно если освѣтить залу сверху, что весьма-нетрудно; но она мала по числу Армянъ, живущихъ въ Смирнѣ.

7) *Еврейская больница* выстроена года три тому иждивенїемъ вѣвскаго банкира Ротшильда, пожертвовавшаго 200,000 піастровъ на это богоугодное дѣло. Заведенїе находится въ лабиринтѣ тѣсныхъ переулковъ Еврейскаго Квартала, но уже въ той части города, которая занимаетъ покатость холма, возвышающагося надъ низкими кварталами. Оно содержитъ въ себѣ 24 комнаты, расположенныя вокругъ двора, обсаженнаго деревьями; кроватей въ покояхъ нѣтъ, и больные, помѣщаемые по одному или по два въ каждомъ, лежатъ на полу на тюфякахъ. Заведенїе, впрочемъ, содержитъ весьма-опратно; но при бѣдности здѣшнихъ Евреевъ способы его такъ ничтожны, что обыкновенно большіе выпускаются при едва-начавшемся выздоровленїи, а многіе другіе вовсе не принимаются, потому-что нѣ на что содержать и кормить ихъ. Врачъ больницы одинъ изъ тѣхъ левантійскихъ эмпириковъ, которые занимаются практикою безъ всякихъ теоретическихъ познанїи; впрочемъ, онъ знаетъ латинскїя названїя болѣзней и многихъ лекарствъ и, конечно, долговременнымъ обращенїемъ въ своемъ ремеслѣ долженъ былъ прїобрѣсти кой-какія свѣдѣнїя. Посѣщая больницу ежедневно, онъ получаетъ 200 піастровъ (40 руб. асс.) жалованья *ex toto*. Недуги вѣнчаще-пользуемые здѣсь, какъ и въ прочихъ заведенїяхъ, горячки и лихорадки.

8) Кроме всѣхъ этихъ больницъ, строится новая *католическая*, въ хорошемъ мѣстоположенїи, совершенно за городомъ, въ такъ-называемомъ «Садовомъ Кварталѣ». Во избѣжанїе несогласїи насчетъ во-

проса — какой европейской державѣ поручить «протекторатъ», попечители рѣшились ввѣрить заведеніе покровительству *Порты*, которая съ благосклонностью приняла это предложеніе. Постройка будетъ стоить 400,000 піастровъ, и, не смотря на стѣсненное положеніе торговли, не позволяющее многимъ негодіантамъ, жертвовавшимъ отъ 20 до 100,000,000 піастровъ, нынѣ сдержатъ свое обѣщаніе, постройка быстро подвигается впередъ. Весь нижній ярусъ этого обширнаго каменнаго зданія конченъ; въ заведеніи предположено имѣть 48 кроватей, изъ которыхъ 16 для больныхъ хирургическихъ; но помѣщенія будетъ на гораздо-большее число. Больные будутъ принимаемы совершенно бесплатно, какого бы званія и вѣровсповѣданія они ни были, и заведеніе старается вполне заслужить названіе *каволическаго*. Купцы добровольно наложили извѣстный процентъ на обороты свои въ пользу больницы, и сверхъ-того 200 членовъ, подъ названіемъ *братьевъ*, обязались жертвовать ежегодно не менѣе 20 піастровъ каждыи.

9) Описавъ вся эти больницы, я долженъ упомянуть еще о другомъ учрежденіи, нынѣ упраздненномъ пока, но игравшемъ весьма-важную роль во время чумныхъ эпидемій, посѣщавшихъ Смирну съ 1815 г.: въ немъ помѣщались родственники и сожильцы лицъ, пораженныхъ чумою, и выдерживали тамъ 21 дневный срокъ, между-тѣмъ, какъ самые больные поступали для пользованія въ австрійскую больницу. Заведеніе находится совершенно за городомъ въ Садовомъ-Кварталѣ, и носитъ слѣдующую надпись на французскомъ языкѣ, надъ воротами: *Hospice destiné pour les pauvres, compromis de peste, catholiques et protestants. 1815.* Какъ-скоро глѣ-нибудъ въ домъ открывался чумный случай, больного переносили въ госпиталь св. Антонія, а семейство переходило въ описываемое нами заведеніе. Тутъ каждое лицо порознь, мужчины подъ надзоромъ врача, женщины — особой бабки *ad hoc*, дѣлали *споліо*, принимали ванну, надѣвали чистое платье, а свои пожитки бросали чрезъ явко въ каменную кадъ съ водою, откуда *мортусы* вынимали и развѣшивали ихъ. Потомъ эти лица поступали въ особые домики, окруженные рѣшеткою, и тамъ оставались трое сутокъ на діэтѣ, не сообщаясь съ прочими жителями заведенія. Если въ-теченіе этого срока на нихъ обнаруживалось сомнительныхъ признаковъ, то на четвертый день они переходили въ другіе домики, и тамъ кончали 21 дневный терминъ, который потомъ уменьшенъ былъ до 19, и, во время эпидеміи 837 г., до 17 дней. Пища и все нужное давалось имъ безмездно изъ заведенія, а квартира въ городѣ между-тѣмъ тщательно очищалась мортусами. По окончаніи терміна, семейства возвращались въ свои квартиры. Богатые не принимались въ заведеніе, а подвергались обсерваціи на дачахъ, за городомъ, или въ сосѣднихъ деревняхъ.

Заведеніе содержитъ въ себѣ 33 домика, расположенные по сторонамъ громаднаго двора, обсаженнаго тузовыми деревьями и содержащаго въ себѣ хорошую воду въ четырехъ колодезяхъ. Въ 1837 году принято было 900 душъ обоаго пола; между ними во время обсерваціоннаго срока обнаружилось 6 чумныхъ случаевъ; въ эпидеміи 1838 года, при значительномъ числѣ «комприметтированныхъ», открылось 16 такихъ слу-

часъ. Докторъ Эвардсъ, показавшій мнѣ заведеніе и бывшій въ упомянутомъ году попечителемъ его, приписываетъ эту разницу большей строгости, съ которою дѣлали *споліо* въ 1837 году. Экономъ заведенія долгое время былъ богатый Смирніотъ, выздоровѣвшій отъ чумы и посвятившій себя уходу за больными. Его призывали въ немъ *помято* (expert) въ домъ, въ которыхъ открывались чумные случаи. Учрежденіе прежде зависѣло отъ прихода св. Роха въ Смирнѣ, но безпрестанное вмѣшательство католическаго духовенства во внутреннее управленіе его заставило попечителей совершенно отдѣлиться отъ прихода и даже сложить съ заведенія названіе св. Роха (покровителя чумныхъ), во имя котораго оно прежде существовало.

Нынѣ вся эти домики и многіе другіе временно-выстроенные на обширной площади, купленной заведеніемъ въ прошломъ году — заняты семействами, разоренными отъ пожара; число душъ, въ нихъ живущихъ, простирается до 820 обоюга пола. Квартары отведены имъ безмездно, и директоры «Hospice» раздали бѣднѣйшимъ платье и постели, хранившіяся въ кладовыхъ заведенія собственно для «компрометтированныхъ». Но такъ-какъ съ 1838 года турецкое правительство стало учреждать карантинны, а чумной эпидеміи сверхъ-того съ-такъ-портъ не было, то директоры полагаютъ, что во всякомъ случаѣ, даже при появленіи заразы, мѣры предосторожности впредь будутъ принимаемы отъ правительства и на его счетъ, а не частнымъ образомъ отъ общества разныхъ націй.

10) Семейства *Грековъ*, пораженныхъ чумою, прежде выводились изъ городъ, на берега Мелеса, и тамъ, подъ палатками, выдерживали observationalный терминъ. Но невыгоды, сопряженныя съ этимъ бивуакированіемъ цѣлыхъ семействъ на открытомъ полѣ заставили общество основать, уже послѣ эпидеміи 1837 года, насупротивъ католическаго Hospice, подобное заведеніе для Грековъ. Выстроили изъ досокъ, на большой площади, окруженной заборомъ, шалаши, крытые черепицею. Вся они нынѣ заняты жертвами прошлогодняго пожара; но неудобное устройство шалашей, сплоченныхъ прямо изъ досокъ безъ штукатурки, должно зимою поддержать холодъ и сырость и имѣть вредное вліяніе на здоровье людей, живущихъ въ нихъ. Истощенный и болѣзненный видъ многихъ обитающихъ тутъ семействъ свѣдѣлъ для меня это предположеніе правдоподобнымъ.

11) Въ Смирнѣ существуетъ *турецкій военный госпиталь*, который мнѣ не удалось осмотрѣть; впрочемъ, по случаю выступленія гарнизона въ Сирію, больныхъ въ то время въ немъ не было.

IV. Мнѣнія смирнскихъ врачей относительно чумы.

Наибольшая часть медиковъ въ Смирнѣ рѣшительно contagіонисты. Они разделяютъ со всеми левантійцами слѣдующее убѣжденіе: во-первыхъ, что чума сообщается чрезъ прикосновеніе къ большому или по-

житкамъ его, а не иначе, и, во-вторыхъ, что лучшей и вѣрнѣйшей способъ предохранять себя отъ болѣзни состоитъ въ разобщеніи (*isolement*), въ наблюденіи строгаго карантина и избѣжаніи случаевъ къ прикосновенію. Они съ равной энергіей отрицаютъ *эпидемическое распространение* заразы и *эпидемическое проявленіе* ея, по-крайней-мѣрѣ въ Смирнѣ и Константинополѣ.

Краснорѣчивѣйшимъ поборникомъ этой теоріи и самымъ абсолютнымъ контагионистомъ въ Смирнѣ должно считать доктора Раффинеска, образующаго *l'extrême droite*, если можно сравнить ученыхъ пренія съ парламентскими и если считать приверженцевъ стараго ученія легитимистами, въ противоположность сторонѣ реформы и радикальнымъ мнѣніямъ египетской школы. Докторъ Раффинескъ—медикъ весьма-образованный и просвѣщенный и около его знамени собираются разные отъѣздки прочихъ врачей. Но чтобъ мнѣ однимъ словомъ и съ самаго начала характеризовать поле, на которомъ они принуждены сражаться, скажу, что *никто* изъ смирнскихъ медиковъ никогда *чумы* не видѣлъ, и что, не смотря на частое проявленіе эпидемій въ ихъ городѣ до 1837 года, *никто* изъ нихъ не имѣетъ практическихъ опытовъ въ этомъ дѣлѣ! Врачи, живущіе по двадцати лѣтъ и болѣе въ Смирнѣ, говорятъ о чумѣ только по наслышкѣ и знаютъ про нее не менѣе и не больше прочихъ образованныхъ жителей изъ Европейцевъ. Правда, они въ этомъ сознаются неохотно, и трудно встрѣтить у нихъ откровенность, съ которою докторъ Ракуръ на вопросъ мой: вѣрить ли онъ въ прилипчивость чумы, отвѣчалъ: «*Ma foi je vous avoue que je n'ai pas d'opinion arrêtée là dessus; j'habite Smyrne depuis dix ans, mais pas plus que tous mes confrères de la ville, je n'ai eu l'occasion d'observer un seul cas de peste!..*» Если иной медикъ имѣлъ случаи *видѣть* чумнаго, то это потому-что его призывали, не зная характера недуга; коль-скоро маломальски подозрѣвали, что это чума, за медикомъ не посылали, и онъ на призывъ, конечно, не пошелъ бы.

Впрочемъ, причины этого страннаго факта просты и весьма-естественны. Еслибъ медикъ, поправъ убѣжденіе, что чума абсолютно прилипчива, врожденное ему, какъ и каждому Смирнитю, рѣшился пользоваться чумныхъ, то европейское общество никогда бы этого не допустило. Семейства, составляющія *clientèle* каждаго врача, прямо запрещали вся подобныя попытки, угрожая въ противномъ случаѣ не только закрыть ему входъ въ дома ихъ во время эпидеміи, но потерю навсегда практики между ними. Такъ-какъ, сверхъ-того, Франки и Европейцы зажиточные всегда держатъ строгій карантинъ въ домахъ своихъ и не сообщаются на съ кѣмъ, «компрометтировавшимъ» себя, то медикъ, который рѣшился бы жертвовать своею практикою для пользы науки, долженъ былъ бы еще жить во все продолженіе эпидеміи, свирѣпствовавшей перьдко многіе мѣсяцы сряду, въ совершенномъ уединеніи и какъ-бы *отлученнымъ* отъ общества. Разумеетсяъ, что при соединеніи столькихъ препятствій никто не находилъ ни выгоды, ни даже возможности противостать *всѣмъ*, и успокоивался при мысли, что чума, конечно, прилипчива, потому-что *вѣдь* *всѣ* въ томъ убѣждены!

Коль-скоро въ Смирнѣ открывалась чумная зараза, должность врачей по этой части тотчасъ прекращалась. Въ дома вызывали къ больнымъ *юмлять*, людей разнаго званія, прежде когда-нибудь въздоровывшихъ отъ чумы. Эти-то «*experts*», нивые изъ благочестія, многіе вѣвъ корысти, свидѣтельствовали недужествующихъ и рѣшали, чумою ли они поражены или нѣтъ; часто при совершенномъ отсутствіи признаковъ, считаемихъ существенными (патогномическими). Въ такихъ случаяхъ они уверяли, что узнаютъ болѣзнь по языку или глазамъ человека. Но если сообразить, какъ легко врачъ опытный и осторожный можетъ ошибиться въ распознаваніи всякаго тяжкаго недуга, а если припомнить, что въ Смирнѣ горячки и тифы съ петехіями и даже карбункулами совсѣмъ нередки, то можно составить себѣ понятіе о томъ, какіе промахи должны были дѣлать эти понятые, между которыми Еврей *Илья Кеба-саканъ* (турецкое прозваніе, значащее «густая борода») нѣкогда слылъ неоспоримымъ авторитетомъ, и котораго память, по выѣздѣ его въ Яеу, живетъ и славится въ народѣ. Нѣтъ сомнѣній, что во время эпидеміи многіе больные, одержимые простыми горячками, гастрическими расстройствами и т. п., отправляемы были въ чумные госпитали, гдѣ убивающее нравственное впечатлѣніе, прикосновеніе къ дѣйствительно чумнымъ, находившимся въ одной съ ними палатѣ, и превратное пользованіе понятыхъ (имъ поручалось и пользованіе!) должны были сдѣлать хоть какую болѣзнь скоро и неизбежно смертельною! Докторъ Эдвардъ разскажалъ мнѣ, что онъ въ 1837 году долженъ былъ удалиться изъ католическаго Носрисе эконома, не смотря на безмездную службу и самоотверженіе его, за то, что онъ слишкомъ-ревностно предавался леченію и между-прочимъ кормилъ «компрометтвованныхъ», въ первые три дня обсервации, *икрою*, чтобъ, по народному повѣрью, приваудить чуму выказаться кнаружи..

Обрисовавъ такимъ-образомъ точку, на которой смирнскіе врачи стоять касательно практическаго знанія чумы (чѣмъ, конечно, они въ положеніи весьма-невыгодномъ въ сравненіи съ своими египетскими собратьями), свяжемъ, что теоретическіе доводы, приводимые ими, во многихъ отношеніяхъ достойны всякаго вниманія. Не считаемъ нужнымъ распространяться здѣсь на счетъ общихъ, умозрительныхъ возраженій ихъ противъ анти-контагіонистическаго ученія, которыя сами-собою представляются всякому размышляющему врачу; такъ, напр., говорятъ они, что «странно называть контагіонистовъ людьми, защищающими «свѣтлость», тогда-какъ патологическія кадры представляютъ еще столько болѣзненныхъ формъ, или *чисто-прилипчивыхъ*, какъ сифилисъ и чесотка, какъ сапъ и водоболѣзнь, переходящія съ животныхъ на людей, или *эпидемико-прилипчивыхъ*, какъ оспа и прочія острые сыпи, какъ дисентерія и госпитальный или лагерный тифъ при особыхъ условіяхъ: допуская *туть* существованіе прилипчиваго начала, почему хотѣть, чтобъ въ непрѣменно ошибались, которые принимаютъ его, основываясь на столѣтнихъ опытахъ, и въ чумѣ?» Не будемъ также развивать мысли основательной, но не новой, которую докторъ Раффинескъ защищаетъ съ особеннымъ жаромъ: что для произведенія чумы въ *индивидуал-*

какъ, данномъ случаѣ, требуется соединеніе трехъ условій: во-первыхъ, частнаго расположенія *человѣка*, примчивости; во-вторыхъ, присутствія жваго или неодушевленнаго предмета, способнаго передать болѣзнь, и въ-третьихъ, несуществованія вліаній постороннихъ, могущихъ «нейтрализовать» дѣйствія одного или другаго изъ приведенныхъ условій, напр., крайняго жара или сильнаго холода. Для развитія же изъ частнаго случая *эпидеміи*, четвертое условіе должно приступить къ первымъ грѣмъ, а именно: особое состояніе *атмосферы*, располагающее *населеніе* заразиться болѣзью. Гдѣ одного изъ этихъ условій не достаетъ, чума не развивается, или дремлетъ, пока находятъ ихъ въ соединеніи. Такъ въ кремнѣ и огнѣвъ дремлетъ искра, — въ трутѣ, *если она сухъ*, способность воспламениться; сильное треніе огнива или ударъ зажжетъ его: отгните одинъ изъ этихъ факторовъ, — вы огня не произведете. Въ чемъ заключается упомянутое состояніе атмосферы — неизвестно; но что оно положительно существуетъ, это доказывается Смирніотамъ, во-первыхъ, изъ того, что люди, выздоровѣвшіе отъ чумы, въ-послѣдствіи чувствуютъ боль въ пахахъ или подъ мышкою предъ наступленіемъ эпидеміи, или приближаясь къ мѣстности, въ которой свирѣпствуетъ зараза, и во-вторыхъ, тѣмъ, что, по увѣренію ихъ, *никогда* чума, завезенная изъ Константинополя въ Смирну, не производила тутъ эпидеміи (но не наоборотъ); больной умиралъ, иногда умирали и некоторые изъ находившихся съ нимъ въ постоянномъ и непосредственномъ прикосновеніи; но тѣмъ дѣло оканчивалось. Чумныя эпидеміи, опустошавшія Смирну, всегда завозимы были съ юга — изъ Египта или Сиріи. Чума въ Константинополѣ прекращалась зимою и свирѣпствовала лѣтомъ; но тогда перенесеніе ея въ Смирну не могло произвести эпидеміи, потому-что таковыя тамъ лѣтомъ постоянно прекращались.

Антиконтагіонисты насмѣхаются надъ противниками ихъ, когда тѣ говорятъ о болѣзняхъ, *совершенно* похожихъ на чуму, и потому только не признаютъ ихъ за чуму, что «никто отъ больнаго не заразился» (Aubert, *libr. cit.* стр. 114). Конечно, отрицательный результатъ не можетъ имѣть большаго вѣса, но я спрошу: мало ли случаевъ въ практической медицинѣ, гдѣ мы судимъ о характерѣ или родѣ недуга а *postlegiōi*, по *неудачѣ* способа леченія, т. е. по доводу отрицательному? Васъ, напр., позовутъ въ Смирну къ пациенту, пріѣхавшему накануне изъ Ефеза или Магнесіи, лежащему въ бреду или одержавшему всеми признаками воспаленія легкихъ. Вы пропишете кровопусканія и *salicel*, пиявки и рвотный камень, и какъ вы рационально это пользуете — больной на третій или четвертый день умретъ. Вамъ представится вновь подобный случай, вы дадите хининъ — и человекъ также скоро выздоровѣетъ: не будете ли вы убѣждены, что у перваго больнаго вы имѣли дѣло не съ воспаленіемъ, а съ потайною, злокачественною лихорадкой? А на чемъ будетъ основано это мнѣніе, которое въ-послѣдствіи послужитъ вамъ руководствомъ въ практикѣ? — на доводѣ *отрицательномъ!*

Два обстоятельства, заимствованныя изъ мѣстныхъ условій, служатъ мощнымъ оружіемъ въ рукъ смирнскихъ контагіонистовъ. Почему, спра-

живають они, *иоскій* городъ, заключающій въ себя 60,000 жителей христіанъ, обитающихъ въ кварталахъ, зараженныхъ канавами, кладбищами, присутствіемъ госпиталей, недоступныхъ очищающему дѣйствию ветровъ, почему смертность отъ чумы тутъ несравненно-меньше, чѣмъ въ *смирнѣ* городѣ, между Турками и Евреями, гдѣ означенныя вредныя вліянія гораздо-меньше дѣйствуютъ или вовсе не существуютъ? По ученію непримирчивости, противоположное явленіе, касательно смертности, должно было бѣ имѣть мѣсто. Но христіане держатъ карантинъ въ кварталахъ своихъ, и какъ ни недостаточны и неполны мѣры разобщенія, онѣ все-таки по возможности прекращаютъ сношенія между жителями; больные же тотчасъ переносятся изъ частныхъ домовъ въ госпитали и лишаются возможности передавать недугъ. Турки и Евреи остаются въ сообщеніи съ больными, не очищаютъ ни домовъ, ни пожитковъ, и по-этому, не смотря на выгодное положеніе ихъ кварталовъ, тысячами умираютъ. На это Оберъ возражаетъ (*libr. cit. стр. 113*), что Турки, не удаляясь отъ больныхъ, остаются въ *фокусы заразы* (*foyer d'infection*), и поражаются ею безъ (необходимаго по мнѣнію контагіонистовъ) содѣйствія прикосновенія и прилипчиваго начала: «*dissipez ces foyers et vous réduirez l'épidémie à une simple endémie*», говоритъ онъ. Это мнѣніе его совершенно-ошибочно; всѣ смирнскіе врачи подтвердили мнѣ, «что *никогда* соседство госпиталей св. Розы и св. Антонія, наполненныхъ чумными во время эпидемій и обрѣзовавшихъ, конечно, огромные фокусы заразы, не имѣло ни малѣйшаго вліянія на здоровье людей, жившихъ подлѣ этихъ заведеній. Сосуществованіе это не только чумы не производило, но рѣшительно никакой другой болѣзни, которую бы можно было приписать присутствію этихъ «*foyers d'infection*».

Изъ сказаннаго видно, что ни египетская школа, ни комиссія Парижской Медицинской Академіи не рѣшали еще всѣхъ сомнѣній и возраженій, оспаривающихъ ученіе ихъ, и что легче «*trancher la question*», нежели дать совершенно-удовлетворительные отвѣты на приведенные вопросы.

Я нашелъ, однакожъ, въ Смирнѣ одного ревностнаго антиконтагіониста: это врачъ греческой больницы, докторъ Мазганъ. Онъ, правда, чумныхъ въ ней не наблюдалъ, но основываетъ мнѣніе свое на томъ, что въ 1837 году собственная сестра его, дѣвица лѣтъ 20, жившая съ семействомъ на дачѣ, въ строгомъ карантинѣ, и «невыразимо болѣвшая заразы» — умерла отъ чумы на рукахъ брата и прочіихъ членовъ семейства, неоставившихъ ея до послѣдней минуты; кромѣ сего, никто въ домѣ не заболѣлъ. Изъ этого докторъ Мазганъ заключаетъ, «что чума можетъ развиваться у человека, наблюдающаго тщательный карантинъ, и безъ всякаго сообщенія съ зараженными, и что, съ другой стороны, прикосновеніе не переноситъ чумы отъ одного человека на другаго.» На это контагіонисты отвѣчаютъ, что изолированный фактъ ничего не доказываетъ, что напрасно докторъ Мазганъ не во что не ставитъ *страхъ*, которымъ сестра его была одержима, и что, наконецъ, карантинъ, которому она съ семействомъ подвергалась, *вовсе*

не былъ такъ строгъ, какъ воображаетъ докторъ; что дѣвица, гуляя каждый день подлѣ дома, встрѣчалась съ людьми, о которыхъ ничего не говорила брату... Эти неутомимые противники дѣлаютъ еще другое возраженіе, общее, не говоря уже о томъ, что послѣ смерти больной, семейство тотчасъ приняло всѣ употребительныя мѣры очищенія себя и дома, и тѣмъ могло задуть и разрушить въ самомъ зародышѣ прилипчивое начало. «Развѣ до изобрѣтенія прививанія оспы, натуральной или коровьей, спрашиваютъ они, врачи и родные не ходили за больными, одержимыми этою сыпью? Эта болѣзнь въ высшей степени прилипчива, но не-уже-ли ослѣ поразились ею, которые прикасались къ больнымъ? Нѣтъ! нѣые, конечно, заражались, но это малѣйшая только часть «компрометтировавшихся»; гораздо-большая часть оставалась невредимой, даже безъ мѣръ предосторожности». То же самое мы видимъ въ чумѣ, и если никто не думаетъ отрицать прилипчивость оспы, которую вѣдь всакій человекъ *долженъ* имѣть развѣ въ жизни, то почему удивляться, если Смирноты вѣрятъ въ прилипчивость чумы?

Впрочемъ, докторъ Мазганъ, наравнѣ со всеми смирнскими медиками, энергически протестуетъ противъ утвержденія анти-контагиозности, что будто чума развивается эндемически въ Смирнѣ («à Smyrne comme à Alexandrie la peste est sporadique, endémique, épidémique»; *Aubert*, *libr. cit. pag. 116*). Вольно имъ назвать горячки съ петехіями или даже карбункулами, но всегда *безъ бубоновъ*—чумою; но это, по убѣжденію Смирнотовъ, не есть чума, хотя безъ сомнѣнія во время эпидемій подобныя случаи считаются чумными. Съ этимъ можно согласиться: я самъ не разъ пользовалъ больныхъ горячечныхъ, въ *Одессѣ*, у которыхъ передъ кончиною выступали на тѣлѣ петехіи; никто не скажетъ, однакожъ, что въ *Одессѣ* являюся *эндемическіе* чумные случаи (*). Сказанное здѣсь также точно относится къ спорадическимъ и эндемическимъ чумнымъ случаямъ, которые Брейеръ будто видалъ въ Константинополѣ: это были, безъ сомнѣнія, подобныя же горячки. Стоить только обратить вниманіе на ужасный страхъ, который одно названіе чумы возбуждаетъ у Левантійцевъ, — и вы увѣритесь въ рѣшительной невозможности, чтобъ эндемическіе случаи этой болѣзни являлись въ Константинополѣ или Смирнѣ «et у passent inaperçus», какъ увѣряютъ эти писатели!

V. Новый смирнскій карантинъ.

При такомъ крайнемъ мнѣніи, какого держатся Смирноты относительно чумы, учрежденіе новаго карантина должно было показаться имъ благодарнымъ для города и края. Дѣйствительно, это заведеніе, конченное не болѣе двухъ мѣсяцевъ назадъ, въ вещественномъ отношеніи

(* Такъ между прочими привелъ примѣръ безсрочно-отпущеннаго солдата Игната Лебедева, у котораго наканунѣ смерти, осенью 1843 г., до того вся кожа покрывалась петехіями, что я изъ предосторожности извѣстилъ о томъ инспектора врачевой управы одесской.

достойно всякой хвалы, какъ видно будетъ изъ слѣдующихъ подробностей:

Новый карантинъ вѣстроенъ на разстояніи трехъ или четырехъ верстъ къ ЮЗ отъ города, на берегу залива. Зданія, входящія въ составъ его, расположены по прямой линіи, длиною въ 296 шаговъ, идущей съ ВСВ къ ЗЮЗ, и составляютъ красивый фасадъ, который, для лучшаго пониманія описанія нашего, можно представить себѣ хордою огромной дуги, образуемой каменною стѣною, идущею, сгибаясь полукругомъ, позади фасада отъ одного конца его до другаго. Первая зданіе къ С, на-дѣво отъ посвященнаго въ карантинъ моря — одноэтажно; оно содержитъ въ особомъ дворѣ десять покоевъ, назначенныхъ преимущественно для пассажировъ-Европейцевъ или Франконовъ. Каждый покой состоитъ изъ передней, съ особымъ выходомъ въ дворъ, небольшимъ очагомъ, отдѣльнымъ отхожимъ местомъ, и изъ комнаты средней величины, опрѣтной, но безъ всякой мѣбели, которую пассажиры должны брать на прокатъ въ городѣ. Тутъ же находится турецкая баня для *споліо*, и во дворѣ фонтанъ, дающій въ изобиліи хорошую воду. Для пассажировъ-мусульманъ назначенъ другой, двухэтажный корпусъ, содержащій внизу семь, наверху восемь покоевъ, такого же расположенія, какъ и вышеописанные; въ каждомъ будутъ помѣщаться по десяти человекъ, подъ надзоромъ гвардіона. Выходы покоевъ на два свѣтлые, пространные корридора, которые можно закрыть, запираемыми на ключъ, раздѣлить на два половины, чтобъ разобщить пассажировъ разныхъ категорій. Женщины и цѣлыя гаремы помѣщаются въ четырехъ покояхъ, въ отдѣльномъ двухэтажномъ здании, примыкающемъ съ боку къ главному корпусу; для нихъ особый выходъ въ дворъ и особый фонтанъ. Между главными пассажирскими корпусами находится красивый двухэтажный киоскъ, въ которомъ внизу живетъ директоръ карантиннаго дома, а наверху устроены три приемныя комнаты, чисто мѣблированныя. Позади киоска устроены шесть *парламентовъ* для пассажировъ первого корпуса, другія шесть находятся рядомъ съ мусульманскимъ корпусомъ. По одной линіи съ этимъ послѣднимъ вѣстроенъ въ край широкой набережной, лежащей передъ фасадомъ, *магазинъ*, длиною въ шестьдесятъ шаговъ и раздѣленный деревянными перестѣнками на шесть номеровъ: въ нихъ очищаются и провѣтриваются товары и пожитки «заразу пріемлющіе»; *окурныхъ* въ карантинѣ нѣтъ.

Пространство, лежащее позади фасада, между нимъ и «крутымъ холмомъ», у подножія котораго воздвигнутъ карантинъ, окружено наружною дугообразною стѣною и раздѣляется на три большіе двора, посредствомъ двухъ стѣвъ, перпендикулярно опирающихся на фасадъ, сзади. Въ первомъ дворѣ, имеющемъ 126 шаговъ въ длину и 66 въ ширину, находится большой колодезь, снабжающій водою все заведеніе, и на противоположномъ концѣ два площадки, для кладбищъ христіанскаго и мусульманскаго. Тутъ же предположено помѣщать подъ палатками войска или богомольцевъ, прибывающихъ въ карантинъ. Во второмъ дворѣ (длинною въ 104 шага, и шириною въ 78), имеющемъ выходъ на набере-

режную чрезъ мраморныя ворота, украшенныя позолоченною надписью на арабскомъ языкѣ, выстроены однорусный домикъ для карантинной больницы; въ немъ три палаты, и въ каждой удобно помѣстятся шесть большихъ. Нѣсколько-дальше находятся *комюнна*, для животныхъ, при-возимыхъ въ карантинъ, и надъ нею два проема для кучеровъ. Третій дворъ, наконецъ, длиною въ 104 шага и шириною въ 97, лежитъ позади магазина, отъ котораго онъ отдѣляется каменною стѣною, образующею узкій проходъ вдоль магазина. Въ немъ каменный домикъ для работниковъ, занимающихся очищеніемъ или раскрываніемъ товаровъ; деревянный навѣсъ для провѣтриванія пожатковъ, большой бассейнъ съ водою, квартира надзирателя магазиновъ, и наконецъ, небольшой флагель для тѣхъ работниковъ, которые, кончивъ карантинный терминъ наравнѣ съ пассажирами, выступаютъ въ практику; впрочемъ, подобное помѣщеніе въ одномъ дворѣ людей практическихъ съ карантинными несообразно. Третій дворъ тоже имѣетъ выходъ на набережную, тогда-какъ въ первый входить не иначе, какъ чрезъ кіоскъ и малый дворъ, длиною и шириною въ 38 шаговъ, находящійся между пассажирскими корпусами.

По оба конца набережной выстроены два *караульни*, въ которыхъ команда двадцати солдатъ съ офицеромъ защищаютъ входъ въ карантинъ съ сухопутной стороны. Передъ набережною два *пристани*, для выгрузки товаровъ и пассажирскихъ вещей; наконецъ, у кіоска съ каждой стороны по высокой мачтѣ, на которой выкидывается *желтый* флагъ въ случаѣ нахождения въ карантинѣ пассажировъ или товаровъ пріемлющихъ. Вся зданія карантина, кромѣ кіоска, каменные и крыты черепицею. Сооруженіе ихъ, по планамъ турецкаго архитектора, стоило не болѣе 500,000 піастровъ (100,000 руб. ассигнаціями) и кончено было въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ карантинѣ живутъ: директоръ, Турокъ, и помощникъ его, изъ Грековъ, надзиратель магазиновъ съ помощникомъ, дворникъ и два гвардіона; по мѣрѣ надобности, къ этимъ послѣднимъ присоединяютъ людей вольнонаемныхъ.

Главное мѣстное карантинное *правленіе* (*office de santé*) находится въ городѣ и состоитъ изъ директора, шекир-эфенди, достаточнаго числа писцовъ и двухъ медиковъ, докторовъ *Jead* и *Edwards*, принявшихъ меня и показавшихъ мнѣ подвѣдомственное имъ заведеніе съ необыкновенною благосклонностію.

Новый смирскій карантинъ имѣетъ одно весьма-важное преимущество предъ многими другими подобнаго рода учрежденіями: всѣ частіи его сосредоточены, и надзоръ за ними и людьми, живущими въ нихъ, весьма-легокъ; следовательно, гораздо-меньше прежняго должно опасаться тѣхъ нарушеній устава, которыя въ старомъ карантинѣ не разъ позволяли себѣ пассажиры, особенно Англичане, выходявшіе слою, рже за деньги, изъ покоевъ и отправлявшіеся въ сосѣднія деревни погулять. Несуществованіе положительныхъ мѣръ наказаній и неумѣстное вмѣшательство европейскихъ консуловъ, принимавшихъ всегда вышнихъ подъ свою защиту, до-сихъ-поръ лишила турецкое начальство

возможности въспыскать съ должною энергіею за подобныя преступленія.

Для того, чтобъ новый карантинъ вполне соответствовалъ своему назначенію, необходимо—нужны слѣдующія улучшенія: а) обведеніе наружной стѣны, мимо которой идетъ большая дорога изъ города въ деревню Гѣз-Тенѣ, широкимъ рвомъ; б) увеличеніе числа гвардіоновъ, постоянно находящихся въ заведеніи; в) устройство большаго помѣщенія для больницъ; г) другое помѣщеніе для работниковъ, выпускаемыхъ на практику, не въ одномъ дворѣ съ людьми карантинными и е) отведеніе квартиры въ самомъ карантинѣ одному изъ врачей, для постоянного присутствованія въ немъ. Очевидно, что на эти улучшенія нужны издержки незначительныя, и на осуществленіе ихъ я готовъ присоединить голосъ свой къ мнѣнію трехъ медиковъ, написавшихъ, по порученію австрійскаго правительства, рапортъ о доваріи, которое заслуживаетъ смирскій карантинъ; въ этомъ документѣ, котораго копию сообщалъ мнѣ докторъ Раффинексъ (подписавшійся на немъ вмѣстѣ съ докторами Фабрици и Баржили, въ прошломъ августѣ), карантинъ безусловно одобряется. По приглашенію высшихъ оттоманскихъ властей въ Константинополь, я представилъ къ сего высочеству Ахмету-Феті-паша, главному начальнику надъ турецкими карантинными, «Описаніе Смирскаго Лазарета» на французскомъ языкѣ, и обратилъ въ этомъ трудѣ вниманіе этого шаховника на упомянутыя легко-исправимыя несовершенства.

VI. Греческій центральный карантинъ въ Сирѣ.

Кончивъ въ Смирнѣ изслѣдованія свои, которыхъ результатъ развить на предъидущихъ страницахъ, я выехалъ $\frac{7}{10}$ сентября, въ 5 часовъ пополудни, въ Александрію на пароходѣ австрійскаго Лойда. Черезъ 18 часовъ мы бросили якорь въ небольшой бухтѣ, образующей портъ острова Сирѣ. Тутъ пассажиры, слѣдующіе въ Египетъ, переходятъ на другой пакетботъ, Лойда же, дѣлающій по два раза въ мѣсяцъ рейсы между Сирою и Александріею.

Мы должны были остаться 52 часа въ Сирѣ, безъ позволенія выйти на берегъ, такъ-какъ мы, прибывъ изъ Смирны, находились въ карантинномъ положеніи; на пароходѣ выкинули желтый флагъ, и къ нему приставили гвардіона, для наблюденія за несообщеніемъ нашимъ съ людьми практическими. Но чрезъ посредство консула нашего, г. Эбергара, къ которому я отнесся въ офиціальномъ писемѣ, мнѣ разрѣшено было осмотрѣть карантинъ, «съ должными предосторожностями». Практическій барказъ этого заведенія подошелъ къ пароходу и прибуксировалъ къ берегу яликъ, въ который я сѣлъ съ гвардіономъ.

Каменная лѣстница ведетъ съ пристани въ карантинъ, лежащій наскрѣпя противъ города, обращая съверный фасадъ свой къ морю. Зданія, составляющія его, образуютъ продолговатый параллелограммъ, заключающій въ себя внутренній пространственный дворъ, окружаемый съ сѣверо-востока и юга 36 покоями; они расположены въ одноэтажныхъ каменистыхъ кор-

духахъ, построенныхъ на грунтъ скалистомъ, слюдистой породы. Западную сторону двора занимаетъ круглая крытая галерея на аркахъ, обладающая отдѣльнымъ дворикъ, съ особымъ выходомъ въ сомнительной части карантина. Это *парлаторія*; люди практическіе находятъ въ дворикъ, а пассажиры разговариваютъ съ ними, отдаваясь деревянной рѣшеткою или, лучше, частоколомъ, чрезъ который, конечно, можно перебросить изъ карантина все, что угодно; хотѣли-было сдѣлать другую рѣшетку изъ проволоочной сѣти, но нашли, что морской воздухъ слишкомъ-скоро разъедаеть проволоку, и при ограниченномъ бюджетѣ введенія предпочли оставить парлаторію въ нынѣшнемъ ея устройствѣ.

Каждый покой имѣеть отдѣльный дворикъ, небольшую кухню и отхожее мѣсто, и состоитъ изъ одной большой комнаты, неимѣющей сообщенія съ соседними покоями; въ каждую комнату помѣщаются отъ 5 до 8 пассажировъ, съ однимъ гвардіономъ, которому они платятъ въ день по $1\frac{1}{2}$ драхмы и особо на харчи. Для женщинъ устроены особые покои, въ нижнемъ этажѣ обращеннаго къ порту фасада; съ обоихъ концовъ этого послѣдняго находится небольшой верхній этажъ, назначенные,—лежащій къ востоку, для почетныхъ пассажировъ, лежащій къ западу для канцеляріи инспектора, г. Заво, чиновника опытнаго и образованнаго. Рядомъ съ этимъ бюро, внизу, въ двухъ небольшихъ кабинетахъ, поставлены двѣ ванны для *споліо*, которому, впрочемъ, не подвергаются пассажиры судовъ съ *patente nette*; имъ сверхъ-того позволено гулять въ сопровожденіи гвардіона изъ карантина, или кататься по морю въ катеръ. Пассажиры платятъ по двѣ драхмы въ день за занимаемый ими покой, а мебель берутъ на прокатъ отъ маркетанта, котораго ресторація устроена въ практическомъ дворикѣ парлаторіи; отъ него же они получаютъ пищу, по установленной таксѣ. Гвардіоны изъ каждаго покоя приходятъ къ рѣшеткѣ парлаторіи, и тамъ, посредствомъ доски передаютъ имъ требуемое пассажирами. Карантинъ имѣеть недостатокъ въ *водѣ*: добываемая изъ находящагося въ немъ колодезя годится только для мытья бѣлья и т. п., для питья же собирается дождевая вода въ цистернѣ, запираемой на ключъ, и изъ которой ежедневно утромъ отпускается на каждый покой по 45 фунтовъ (15 окъ),—количество, недостаточное для 8 пассажировъ, особенно въ лѣтнее время.

Нѣсколько-понизе карантинъ, въ сторонѣ отъ лѣстницы, ведущей въ него съ берега, выстроенъ двухэтажный каменный магазинъ, въ которомъ раскрываются и очищаются товары, заразу приѣмлющіе. Хлопчатая бумага, привозимая на судахъ съ «*patente nette*», не окуривается. Навѣсовъ для провѣтриванія товаровъ и пожитковъ пассажирскихъ изъ, и всѣ представленія объ этомъ мѣстнаго начальства остались безуспѣшными. Министерство въ Афинахъ такъ озабочено хлопотами, до него лично и его существованія относящимися, что не обращаютъ вниманіе на подобныя *сторотепенныя* улучшенія!

Сараскій карантинъ принимается ежегодно до 6,000 пассажировъ, подвергающихся въ немъ слѣдующимъ терминамъ: а) при *patente nette*, 7 дней безъ *споліо* и 5 при *споліо*; б) для *patente suspecte* 12 дней и 7

дней, и в) для *patente boats* 21 день и 17 дней, смотря по тому, является ли сполію или нѣтъ. Суда подвергаются, смотря по патенту, 7-ми 12-ти или 21 дневному, а товары 11-ти, 17-ти и 28-ми дневному карантину. Для упомянутого числа пассажировъ, карантинъ очевидно слишкомъ-малъ, и это обстоятельство, при убѣжденіи здѣшняго населенія, что мѣры предосторожности рѣшительно бесполезны (какъ не уверялъ консулъ нашъ), должно подавать поводъ къ частымъ нарушеніямъ устья. Сверхъ-того, гвардіоны, приставленные къ покоямъ пассажировъ разныхъ категорій, свободно сообщаются между собою, что собственно самая разнища между пассажирскими термами дѣлаетъ тщетною. Портъ также слишкомъ-малъ; суда практическія стоятъ в немъ рядомъ съ карантинными, и гвардіоны, находящіеся при этихъ послѣднихъ, едва-ли въ состояніи будутъ мѣшать сообщеніямъ, запрещаемымъ доблѣно-стрѣго въ королевскомъ повелѣніи 25 ноября 1846 года. Впрочемъ, должно полагать, что въ случаѣ действительно-обнаружившейся заразы, на суднѣ или внутри карантина нужнымъ мѣрамъ предосторожности исполнятся съ надлежащею точностью.

Въ слѣдующей, четвертой, статьѣ моей, я сообщу изъ Каира результаты первыхъ моихъ наблюденій въ Египтъ.

Докторъ мед. А. РАФАЛОВИЧЪ.

Александрія,
24 сентября
8 октября 1846.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБЗРЪНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ЯНВАРЬ 1847 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (Измѣненіи и дополненіи состава и правъ ихъ.)

— Въ дополненіе къ правиламъ объ отношеніяхъ кавказскаго наместника, Высочайше утвержденнымъ 6 января 1846 года положеніемъ восстановлено еще слѣдующее по предметамъ, относящимся до министерствъ: а) *Финансовъ*: 1) горныхъ офицеровъ, находящихся въ Закавказскомъ Краѣ и Кавказской-Области, считать въ откомандировку отъ Главнаго Управленія Корпуса Горныхъ Инженеровъ. 2) Дела по конфискаціи контрабандныхъ товаровъ въ Закавказскомъ Краѣ и Кавказской Области исключитъ изъ общаго разряда судебныхъ делъ и окончательное рѣшеніе оныхъ предоставить наместнику кавказскому. По этимъ деламъ, таможеннымъ учрежденіямъ Закавказскаго Края и Кавказской Области доставлять въ Департаментъ Внѣшней Торговли одна только ведомости о распределеніи денегъ, вырученныхъ за конфискованные товары

и взысканныхъ въ пеню, вмѣстѣ съ тѣми суммами, которыя изъ сихъ денегъ будутъ слѣдовать въ капиталъ департамента, на основаніи таможенныхъ узаконеній, и 3) дѣла о конфискаціи, поступившія уже въ Департаментъ Внѣшней Торговли, имъ еще окончательно не рѣшенные, такъ и тѣ, которыя по апелляціямъ на рѣшенія департамента еще не получили окончанія установленнымъ порядкомъ, препроводить къ намѣстнику кавказскому для окончательнаго рѣшенія; равно какъ и тѣ дѣла, по которымъ не приведены еще въ исполненіе рѣшенія насчетъ взысканія пени за контрабанду, прогоновъ и различныхъ штрафовъ, для дальнѣйшаго производствъ и наблюденія за взысканіемъ означенныхъ денегъ; 6) *Государственныхъ Имуществъ*: 1) предоставить намѣстнику кавказскому о тѣхъ распоряженіяхъ по личному составу корпуса лѣсничихъ, по которымъ Министръ Государственныхъ Имуществъ испрашиваетъ Высочайшее разрѣшеніе, сообщать сему министру на правлахъ, по военному ведомству существующихъ. Палаты Государственныхъ Имуществъ Кавказская и Закавказская обязаны доставлять въ Министерство Государственныхъ Имуществъ установленные формулярные и кондуктныя списки о штаб- и обер-офицерахъ корпуса лѣсничихъ. 2) Производимый на основаніи ст. 92 и 93 т. XIII Св. Уст. о Народ. Продов., изд. 1842 года, сборъ денегъ съ государственныхъ крестьянъ Кавказской Области, для продовольствія ихъ при неурожаѣ, не причислять съ 1846 года къ общему продовольственному капиталу, состоящему въ вѣданіи и распоряженіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, а обращать въ составъ отдѣльнаго продовольственнаго капитала государственныхъ крестьянъ означенной области, по усмотрѣнію намѣстника кавказскаго, которому предоставить и принятіе истръ къ продовольствію сихъ крестьянъ, когда мѣстные запасы окажутся недостаточными, и 3) съемку по Кавказской Области казенныхъ земель, предназначенныхъ для переселенцевъ, переводимыхъ туда изъ малоземельныхъ губерній, для общей связи дѣйствій по сему предмету во всей Имперіи, оставить, на прежнемъ основаніи, въ распоряженіи Министерства Государственныхъ Имуществъ.

— Высочайшимъ указомъ, даннымъ 22 минушаго декабря, на имъ военного министра, повельно: 1) дѣлопроизводство по завѣдыванію личнымъ составомъ гражданскихъ чиновъ военного ведомства, съ 1-го января 1847 года, сосредоточить въ Инспекторскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства, на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, какія постановлены въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 5-й день сентября 1846 года и въ образованіи Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Ведомства, того же числа утвержденномъ; и 2) проекты приказа по личному составу гражданскихъ чиновъ военного ведомства подносить на Высочайшее утвержденіе вмѣстѣ съ проектами приказа Его Величества по войскамъ и объявлять за подписаніемъ военнаго министра.

— Высочайше повельно образовать въ Царствѣ Польскомъ XIII округъ путей сообщенія.

— Представляет извлечение из Высочайше утвержденного в 10-ю декабрь учреждения Министерства Иностранных Дѣлъ. Это министерство имеет предметомъ политическія сношенія съ иностранными государствами, ходатайство о законной защитѣ россійскихъ подданныхъ въ чужихъ краяхъ, и содѣйствіе къ удовлетворенію справедливыхъ домогательствъ иностранцевъ по дѣламъ ихъ въ Россіи. Министерствомъ управляетъ государственный канцлеръ; въ небытность же его, вице-канцлеръ или министръ иностранныхъ дѣлъ. При государственномъ канцлерѣ или управляющемъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ состоятъ советники министерства, занимающіеся редакціею политическихъ бумагъ, и чиновники особыхъ порученій. Министерство составляютъ: 1) Советъ; 2) Канцелярія Министерства; 3) Особая Канцелярія; 4) Азіатскій Департаментъ; 5) Департаментъ Внутреннихъ Сношеній; 6) Департаментъ Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ; 7) Государственный Архивъ; 8) Санктпетербургскій Главный Архивъ и 9) Московскій Главный Архивъ. Къ ведомству министерства принадлежатъ пребывающія при иностранныхъ дворахъ и правительствахъ россійскія посольства и миссіи, равнымъ образомъ находящіяся въ иностранныхъ государствахъ и городахъ генеральныя консульства, консульства, вице-консульства и агентства. Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ хранится государственная печать, которою утверждаются грамоты, договоры, патенты и другіе акты. Въ Советъ министерства поступаютъ дѣла, требующія совокуннаго обсужденія со стороны всѣхъ департаментовъ министерства и вообще всякія другія по усмотрѣнію государственнаго канцлера или заступающаго его мѣсто. Въ канцеляріи министерства сосредоточивается переписка политическая. При особой канцеляріи состоятъ цензура политическихъ статей, помѣщаемыхъ въ русскіхъ газетахъ, издаваемыхъ въ Санктпетербургѣ. Сверхъ-того, при ней состоитъ Экспедиція Церемоніальныхъ Дѣлъ, которая, состоя въ управленіи обер-церемоніймейстера Императорскаго двора, завѣдываетъ всѣмъ, что касается до церемоніальной части. Она наблюдаетъ за этикетомъ при приѣмѣ и отпускѣ иностранныхъ пословъ, посланниковъ и другихъ дипломатическихъ агентовъ; даетъ имъ знать о приглашеніи къ Высочайшему двору; извѣщаетъ о траурахъ, налагаемыхъ по кончинѣ иностранныхъ владѣтельныхъ особъ; ведетъ списки пребывающихъ при Императорскомъ дворѣ дипломатическимъ лицамъ и почетнымъ иностранцамъ, представленнымъ къ Высочайшему двору. Въ вѣдѣніи этой экспедиціи состоятъ церемоніймейстеры Императорскаго двора. Въ Азіатскомъ Департаментѣ сосредоточивается переписка по дѣламъ, касающимся собственно до Азій, а также до областей турецкихъ и Греціи, и производится вся дѣла, относящіяся до управленія состоящими подъ главнымъ завѣдываніемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ оренбургскими Киргизами, или Киргизами такъ-называемой Малой-Орды, и Киргизами Большой-Орды. Въ вѣдѣніи этого департамента состоятъ учебное отдѣленіе восточныхъ языковъ, которое имеетъ предметомъ образованіе драгомановъ для миссіи и консульствъ въ Турціи и Персіи. Предметы Департамента Внутреннихъ Сношеній суть:

а) составленіе отвѣтовъ на формальныя грамматы и кабинетныя письма, доставляемыя отъ чужестранныхъ владѣтельныхъ особъ къ Императорской фамиліи; б) сношенія съ римскимъ дворомъ по текущимъ духовнымъ дѣламъ; в) признаніе въ Россіи иностранныхъ консуловъ и коммерческихъ агентовъ; г) переписка о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Европою и Америкою; д) дѣла, относящіяся къ мореплаванію, также къ военнымъ и купеческимъ судамъ и ихъ экипажамъ; е) собраніе свѣдѣній о карантинныхъ, существующихъ въ Европѣ и Америкѣ, и о заразныхъ болѣзняхъ, тамъ оказывающихся; ж) переписка объ иностранцахъ, пріѣзжающихъ въ Россію изъ Европы и Америки, и о колонистахъ, поселившихся въ Россію; з) переписка о русскихъ подданныхъ, проживающихъ за границею; и) дѣла о наследствахъ, доставшихся какъ русскимъ подданнымъ въ чужихъ краяхъ, такъ и иностранцамъ въ Россію; і) дѣла по долговымъ и другимъ всякаго рода требованіямъ тѣхъ и другихъ; к) дѣла о наградахъ и орденахъ, илуемыхъ Императорскимъ Величествомъ иностранцамъ, и получаемыхъ российскими подданными отъ иностранныхъ государей; л) собраніе свѣдѣній по требованіямъ министерствъ и главныхъ управленій объ изобрѣтеніяхъ, открытіяхъ и усовершенствованіяхъ по части наукъ, художествъ, ремеслъ и проч. Въ Департаментѣ Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ сосредоточиваются предметы: 1) опредѣленіе, увольненіе, отпуска, представленіе къ чинамъ и прочимъ награжденіямъ и пенсіямъ чиновъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, состоящихъ внутри и въ Имперіи, а также священно-церковно-служителей, находящихся за границею; 2) завѣдываніе всѣмъ казеннымъ имуществомъ, принадлежащимъ министерству какъ въ Россіи, такъ и за границею; содержаніе домовъ, занимаемыхъ министерствомъ, постройка ихъ, починки, освѣщеніе, отопленіе, содержаніе служительской команды и заготовленіе и расходъ канцелярскихъ матеріаловъ и 3) составленіе сметы расходовъ министерства, ревнзія счетовъ по всѣмъ частямъ, ведомству его подлежащимъ, и составленіе отчетовъ. Въ Государственномъ Архивѣ хранятся акты и бумаги, относящіяся до особенныхъ внутреннихъ дѣлъ и важнѣйшихъ происшествій Имперіи.

— Дѣлопроизводство по завѣдыванію личнымъ составомъ гражданскихъ чиновъ морскаго ведомства, съ 1-го января 1847 года повелѣно сосредоточить въ Инспекторскомъ Департаментѣ Морскаго Министерства, на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, какія постановлены въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 5-й день сентября минувшаго года, и въ образованіи Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Ведомства, того же числа утвержденномъ. Проекты приказовъ на Высочайшее утвержденіе подносятся вмѣстѣ съ проектами Высочайшихъ приказовъ по флоту и объявляются за подписаніемъ начальника Главнаго Морскаго Штаба.

— Къ управляющему XII Почтовымъ Округомъ назначенъ особый помощникъ, для завѣдыванія почтовою частію въ Кавкасской Области и Черноморіи.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ.)

— По вопросу: должно ли по просьбамъ помѣщиковъ пересылать въ имѣнія крестьянъ ихъ дурнаго поведенія посредствомъ внутренней стражи, постановлено: 1) означенныхъ людей пересылать посредствомъ внутренней стражи не въ самыя помѣщичьи имѣнія, а до уѣздныхъ городовъ, гдѣ состоятъ имѣнія, въ которыя тѣ люди слѣдуютъ; 2) передачу ихъ изъ уѣзднаго города въ имѣнія возложить на мѣстную полицію, или же требовать, чтобъ для принятія ихъ были высылаемы люди изъ имѣній; 3) пересылку производить въ исправной, сообразно съ временемъ года, одежда и обуви и въ ручныхъ укрѣпленіяхъ, на основаніи 840 ст. 2 кн. 3-й части Свода Восп. Постан., не иначе, какъ по отношеніямъ мѣстнаго гражданскаго начальства къ командирамъ внутреннихъ гарнизонныхъ батальоновъ или къ начальникамъ мѣстныхъ командъ внутренней стражи, съ подробнымъ объясненіемъ, какъ всякъ свѣдѣній, для внесенія въ путевой списокъ, такъ и того города, куда людей надлежитъ препроводить; 4) въ то же время доставлять на продовольствіе пересылаемыхъ въ пути кормовыя деньги, по расчету дней, сколько будетъ приходиться до самаго уѣзднаго города, въ которомъ они имѣютъ быть сданы, и 5) въ случаѣ болѣзни пересылаемыхъ въ пути, принимать ихъ отъ внутренней стражи безпрепятственно въ городскія больницы, а деньги за пользованіе и содержаніе, сколько будетъ причитаться, взѣскивать съ помѣщиковъ (Ми. Гос. Сов., Высоч. утв. 25-го ноября 1846 года).

— Въ разрѣшеніе представленія о правахъ Евреевъ на жительство въ городъ Ковно, повелѣно: оставить въ самомъ городѣ однихъ тѣхъ Евреевъ, которые до 18-го числа минувшаго декабря имѣли въ немъ собственные дома, съ правомъ располагать ими какъ хотятъ, но деревянныхъ домовъ *въ самомъ городѣ* не строить, а дозволить возводить такіе на новомъ форштадтѣ, на которомъ тоже строятся и *вновь* приписывающимся Евреямъ. По мѣрѣ обветшанія деревянныхъ домовъ въ городѣ, тоже вновь ихъ не возводить, а строить или каменные, или переходить на форштадтѣ, съ правомъ продавать свое прежнее мѣсто кому хотятъ; но съ обязанностію строить тоже каменные дома вместо деревянныхъ. Форштадтѣ сей устроить гдѣ будетъ удобнѣе, не препятствуя строятся тутъ и христіанамъ (Выс. пов., 18-го декабря).

— Въ Тифлисѣ, по примѣру городовъ Санктпетербурга и Москвы, разрѣшено учредить особую торговую полицію. Эту полицію должны составлять: а) городское общественное управленіе, обязанное отражать попеременно на одинъ мѣсяцъ своего члена, для ближайшаго наблюденія за порядкомъ торговли во всемъ городѣ; б) торговый смотритель, избираемый городскимъ управленіемъ съ утвержденіемъ начальника гу-

берник. Этотъ смотритель состоитъ въ непосредственной зависимости городского управленія и наблюдаетъ за производствомъ торговля съ съственными припасами и напитками въ лавкахъ и торговыхъ заведеніяхъ, и в) шесть базарныхъ смотрителей, для надзора собственно за порядкомъ на торговыхъ площадяхъ. Они назначаются и увольняются городовымъ управленіемъ. Възисканіе за нарушеніе правилъ торговой полиціи должно быть примѣняемо къ постановленіямъ, изложеннымъ по этому предмету въ Уложеніи о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ (Выс. пов., 31-го декабря).

— Разрѣшено Евреямъ въ губерніяхъ Мотилевской и Витебской производство по подрядамъ шоссейныхъ работъ въ селеніяхъ, съ тѣмъ только, чтобъ они по окончаніи производства работъ не имѣли тѣмъ постоянного пребыванія. (Выс. утв. въ 5 день ноября положеніе Комитета Министровъ.)

— Отпускъ лѣсныхъ товаровъ отъ санктпетербургскаго порта за границу дозволено производить безъ брака, съ предоставленіемъ продавцамъ и покупателямъ права относительно доброты этихъ товаровъ постановлять взаимныя между собою условія. (Высоч. утвержденное мнѣніе Госуд. Совета 2 дек.)

— При назначеніи въ Астраханской-Губерніи земель для пользованія и поселенія Калмыковъ, Высочайшимъ указомъ 1808 года мая 19 повелѣно было войти въ разсмотрѣніе полезныхъ видовъ, представленныхъ мѣстнымъ начальствомъ чрезъ генерала князя Цицианова о заселеніи дорогъ, существующихъ на пространствѣ тѣхъ земель. Предположеніе это донынѣ не осуществилось и пути сообщенія чрезъ калмыцкія земли, не имѣя никакого удобства, препятствуютъ развитію въ томъ край промышленности и лишаютъ Калмыковъ выгодъ отъ земель и скотоводства. Въ отвращеніе этихъ неудобствъ и для ободренія промышленной дѣятельности Калмыковъ, повелѣно: 1) По протяженію назначенныхъ на планѣ дорогъ чрезъ калмыцкія земли, учредить 44 станицы. 2) Поселеніе Калмыковъ произвести по добровольному ихъ согласію, вызвавъ къ сему желающихъ, подъ ближайшимъ руководствомъ главнаго попечителя Калмыковъ, въ улусахъ казенныхъ — чрезъ правителей и улусныхъ попечителей, а въ улусахъ владѣльческихъ — посредствомъ владѣльцевъ. 3) Для поселенія Калмыковъ отвести къ станицамъ потребное число земли по 30 десятинъ на душу и одну пятую часть въ запасъ. Сію землю предоставитъ поселеннымъ Калмыкамъ въ постоянное пользованіе, сохраняя за ними право участія въ пастбищномъ скотѣ на общихъ земляхъ, улусамъ отведенныхъ. 4) Если при станицахъ пожелаютъ поселиться калмыцкіе владѣльцы, то въ пользованіе ихъ отвести ноюнамъ-владѣльцамъ по 1,500, владѣльцамъ и зайсангамъ, имѣющимъ аймаки, по 400 и зайсангамъ безаймачнымъ по 200 десятинъ на семейство, съ правомъ на пользованіе общими пастбищами и мѣстами въ улусахъ. 5) Для постройки домовъ и вообще для

устройства осёдлости и хозяйства Калмыковъ, а также для улучшенія пути между поселеніями, сдѣлать Калмыкамъ денежные пособия ссудою и безвозвратно и преподать имъ другіе зависящіе отъ мѣстнаго управленія снособы, на основаніи особой Высочайше утвержденной инструкціи, а для большаго убѣжденія Калмыковъ въ выгодахъ осёдлой жизни примѣромъ благоустроеннаго хозяйства, допустить въ каждой станицѣ поселеніе нѣкотораго числа государственныхъ крестьянъ, съ надѣломъ ихъ тридцати-десятиною пропорціею на душу.

— Времѣмъ, находящимся въ Бессарабіи, въ теченіе 1847 и 1848 годовъ новельно произвестъ перепись, и съ сдѣдующаго за тѣмъ набора подвергнуть ихъ рекрутской повинности на общемъ основаніи.

— Упраздненъ Бакинскій Уездный Судъ въ Шемахинской Губерніи, Уездъ же Бакинскій, по подсудности, причисленъ къ вѣдомству Шемахинскаго (бывшаго ширванскаго) Уезднаго Суда, но предоставленное уездному суду право совершенія и явки актовъ по Бакинскому Уезду поручено бакинскому уездному управленію. При семъ бакинскому уездному начальнику предоставлено завѣдывать не только уездомъ, но еще государственными въ немъ имуществами, бакинскимъ участкомъ и городской полиціею вмѣсто городничаго, должность котораго упраздняется.

III. Законы гражданскіе.

По вопросу: слѣдуетъ ли взискывать крепостныя пошлыны за переходъ къ правымъ наследникамъ по духовнымъ завѣщаніямъ крепостныхъ людей безъ земли, ностановлено, чтобъ съ права на этихъ людей, переходящихъ какъ по завѣщаніямъ, такъ и по всѣмъ другимъ актамъ, установленныя пошлыны были взимаемы по цѣнѣ, определенной въ 364 ст. Уст. о Пощ. Св. Зак. т. V, изд. 1842 г. (Мн. Гос. Сов. Выс. утв. 4 ноября 1846 года.)

— Въ дополненіе къ 12 пункту 2277 ст. X т. Св. Зак. Гражд. постановлено: когда при аппелляціонныхъ прошеніяхъ не прилагаются узаконенныя вѣрющія письма, собственно по той причинѣ, что оныя находятся при подлинномъ дѣлопроизводствѣ, то это обстоятельство слѣдуетъ непремѣнно объяснить въ самыхъ прошеніяхъ, бошь чего оны не прилагаются.

— Ностановлено: отъ одноворцовъ западныхъ губерній находящіяся во владѣніи ихъ населенныя имѣнія и крестьянъ бошь земли, на основаніи 225 ст. и 1 примѣч. къ этой ст. IX т. Св. Зап. о Сост., изд. 1842 г., немедленно обратитъ въ назенное вѣдомство, съ выдачею изъ казны положеннаго означенною статьею вознагражденія. (Ук. Прав. Сен. 29 января.)

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: что крѣпостные люди, которые послѣ изданія манифеста о 8-й народной переписи проданы, или иначе до распубликованія Высочайше утвержденного 2 января 1841 года мнѣнія Государственнаго Совѣта уступлены безъ земли такимъ лицамъ, которыя не имѣютъ за собою недвижимыхъ населенныхъ имѣній, получаютъ свободу, съ предоставленіемъ имъ права избирать родъ жизни на общихъ правахъ. За такихъ пріобрѣтенныхъ въ теченіе означеннаго промежутка времени, то-есть отъ 1833 до 1841 года, крѣпостныхъ людей, покупщикамъ, если они при покупке этихъ людей, относительно владѣнія населеннымъ имѣніемъ никакого исправнаго или ложнаго показанія не сдѣлали, выдавать изъ казны определенное въ статьѣ 1036 Зак. о Сост. (Св. Зак. т. IX, изд. 1842 г.) вознагражденіе за отходящихъ изъ частнаго владѣнія крѣпостныхъ людей, съ тѣмъ, чтобъ деньги сіи, для возвращенія ихъ въ казну, взыскивать, если подлежатъ сложенію по всемплодѣвѣйшему манифесту 16 апреля 1841 года, съ присутственныхъ мѣстъ, виновныхъ въ совершеніи актовъ на продажу или иное пересуказаніе крѣпостныхъ людей безъ земли. (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 16 декабря.)

=

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ЯНВАРЬ 1847 ГОДА.

Народное просвѣщеніе и благотворительность. Для попеченія объ открываемомъ въ Рыбинскѣ Женскомъ Начальномъ Училищѣ учреждено званіе почетнаго блюстителя, преимущественно изъ купеческаго сословія.

— Разрѣшено въ пансіонъ, состоящемъ при Кавказской Областной Гимназіи, вмѣсто 20 положенныхъ нынѣ воспитанниковъ имѣть впредь 45. Въ число ихъ обращается 15 воспитанниковъ изъ дѣтей офицеровъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска, обучающихся тамъ на счетъ войсковыхъ суммъ по Высочайше утвержденному 27 сентября минушаго года положенію Военнаго Совѣта, и за тѣмъ предоставлено содержать еще десять воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ Кавказской Области, преимущественно сиротъ, на основаніи правилъ, въ положеніи 1 іюля 1837 года постановленныхъ.

— Въ г. Александрополя Тифлисской-Губерніи повелѣно открыть узкое училище.

— Высочайше утвержденъ проектъ устава женскаго благотворитель-

яго св. Нины общества въ г. Тифлисъ. Представляемъ изъ этого устава извлеченіе. Общество состоитъ изъ особъ женскаго пола, изъявившихъ желаніе участвовать въ благотворительныхъ дѣлахъ онаго. Каждая дама, обязавшаяся вносить 10 руб. сер. въ годъ, принимается за члена. Общество имѣетъ главною цѣлю учрежденіе заведенія для воспитанія и необходимаго образованія дѣвицъ недостаточныхъ родителей, и въ послѣдствіи времени открытіе подобныхъ заведеній въ другихъ городахъ Закавказскаго Края и пріюта въ Тифлисъ для дѣтей жителей простаго класса. Снособы общества состоятъ: 1) изъ процентовъ имѣющагося уже капитала; 2) денежныхъ ежегодныхъ взносовъ членовъ; 3) добровольныхъ приношеній; 4) платы, получаемой за своекопныхъ пансіонерокъ; 5) изъ денегъ, выручаемыхъ посредствомъ лотерей и проч. Общество управляется правленіемъ, котораго, состоитъ изъ пресыдательницы, вице-пресыдательницы, пяти членовъ и секретаря. Дома и постройки, принадлежащія обществу, освобождаются отъ платежа городскихъ повинностей. Оно не платитъ также за пересылку своей корреспонденціи по почтѣ въсовыхъ денегъ. Учебное заведеніе св. Нины учреждается въ г. Тифлисъ, съ цѣлю образованія добрыхъ женъ и хорошихъ матерей семействъ. Дѣвицы принимаются отъ 8 до двѣнадцати лѣтънаго возраста. Комплектное число воспитанницъ на первый разъ ограничивается числомъ 29 дѣвицъ. За содержаніе каждой воспитанницы платится по 80 руб. сер. въ годъ. Кромѣ пансіонерокъ, принимаются для воспитанія полупансіонерки, которые приходятъ утромъ и остаются въ заведеніи цѣлый день, отправляются на ночь домой. За содержаніе и ученіе ихъ вносится въ годъ 40 р. сер. Учебный курсъ разделяется на два класса и продолжается по три года въ каждомъ классѣ. Предметы преподаванія: катихизисъ, священная исторія, русскій языкъ; армянскій и грузинскій, чистописаніе, грамматика, ариметика, географія, всеобщая и россійская исторія, и въ послѣдній годъ танцованіе. Если кто изъ родителей пожелаетъ, чтобъ дочь училась французскому языку или музыку, то ей дозволяется брать уроки этихъ предметовъ въ самомъ заведеніи, но съ платою отъ родителей. Воспитанницъ знакомятъ съ хозяйственною частію заведенія и онѣ поочередно занимаются однимъ изъ предметовъ хозяйственныхъ въ домѣ, а также веденіемъ счетовъ по этимъ предметамъ. Правила эти учреждены въ видѣ опыта на два года, по истеченіи которыхъ представится на утвержденіе уставъ заведенія.

— Высочайше утверждено положеніе о вдовей и сиротской кассѣ Фармацевтическаго Общества въ Санктпетербургѣ. Учрежденіе этой кассы имѣетъ цѣлю составленіе капитала, изъ котораго вдовы и сироты всѣхъ участвующихъ въ ней аптекарей и безъ собственной вины обдѣлившіе члены ея могутъ получать по возможности пенсія и пособія. Число членовъ ея ограничивается шестьюдесятью, изъ которыхъ учредителями кассы признаются только вступившіе въ теченіе перваго года со дня учрежденія кассы и пользуются предоставленными преимуществами. Добровольныя приношенія могутъ быть принимаемы отъ стороннихъ лицъ обоого по-

ла; но эти лица преимуществами членов кассы не пользуются, а о каждом приношении ихъ сообщается членамъ, и имена ихъ, какъ благотворителей, вносятся въ особо-заведенную для сего книгу. Дѣйствительными членами могутъ быть какъ женатые, такъ и холостые всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, содержатели вольныхъ аптекъ и управляющіе казенными аптеками, аптечными магазинами и лабораторіями, если они имѣютъ ученую степень аптекаря или провизора и вмѣстѣ съ тѣмъ суть дѣйствительные члены Высочайше утвержденнаго Фармацевтическаго Общества, исполняющіе въ званіи членовъ этого общества лежащія на нихъ обязанности. Сборъ съ членовъ въ пользу кассы бываетъ ежегодный и единовременный: первый опредѣляется по 50 руб. сер. съ каждаго члена, и второй назначается за право вступленія въ члены, но на учредителей кассы не распространяется и устанавливается сообразно съ лѣтами членовъ, т. е., члены не старше 35 лѣтъ платятъ 50 руб. сер. и потомъ за каждыя пять лѣтъ прибавляется эта же сумма. Сверхъ-того, членъ, при платѣ за первый годъ слѣдующей съ него суммы, вноситъ въ кассу 4 руб. сер., которые опредѣляются въ пособіе на похороны умершаго члена, вдовамъ или дѣтямъ его. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы каждый членъ вноситъ для выдачи означенныхъ пособій столько рублей серебромъ, сколько за произведенными въ прошедшемъ году на погребеніе выдачами слѣдовать будетъ, для составленія наличной суммы по 4 руб. сер. на каждаго члена. Предоставляется членамъ право дѣлать какъ ежегодный, такъ и единовременный взносы вполнину противъ означенныхъ размѣровъ того и другаго со взъисканіемъ также половины и ценныхъ денегъ; но тогда вдовы и дѣти ихъ пользуются правомъ только на половинную пенсію. Определенные же на пособіе 4 руб. сер. должны члены вносить сполна на тотъ конецъ, чтобъ, въ случаѣ смерти ихъ, семейство имѣло право воспользоваться этимъ пособіемъ. Если кто изъ членовъ пожелаетъ обезпечить пенсію для своей вдовы и дѣтей, то ему предоставляется внести установленные сборы за пять лѣтъ впередъ, но на внесенный такимъ образомъ капиталъ никакихъ процентовъ не причитывается. Вдова и дѣти такого члена, если онъ умретъ прежде истеченія пяти лѣтъ, имѣютъ право на полученіе пенсіи не прежде, какъ по прошествіи пяти лѣтъ со дня вступленія его въ кассу. Установленное же пособіе на похороны выдается имъ сейчасъ по полученіи извѣстія о смерти члена. Право на полученіе пенсій и пособій изъ кассы имѣютъ только законныя жены и дѣти умершихъ членовъ кассы, внесшихъ за пять лѣтъ средю установленные сборы. Вдова и дѣти умершаго члена, не внесшаго сбора въ-теченіе полныхъ пяти лѣтъ, права на пенсію не имѣютъ; но получаютъ внесенныя мужемъ или отцомъ ихъ деньги обратно, безъ процентовъ. Вдова, имѣющая дѣтей, и бездѣтная, получаетъ ежегодно пенсію до вступленія въ другой бракъ, или по смерти своєю. Жена члена, съ нимъ разведенная, не имѣетъ послѣ смерти его права на пенсію; дѣти же, прижитыя съ нимъ въ законномъ бракѣ, наследуются чрезъ то права своего. Законныя дѣти умершаго члена получаютъ по смерти матери всѣ вмѣстѣ слѣдовавшую ей ежегодную пен-

сію до достиженія или совершеннолѣтія, т. е. 21 года отъ рода, или до вступленія въ бракъ, такимъ образомъ, что младшему дитяти, безъ различія пола, когда старшіе братья и сестры достигли совершеннолѣтія и тѣмъ лишились права на пенсію, остается полная пенсія до совершеннолѣтія, или до вступленія въ бракъ. Тѣмъ сиротамъ обоого пола, которыя, оставшись послѣ матери не въ состояніи сами снискивать себѣ пропитаніе, назначаются, если они не вступятъ въ бракъ, пожизненные пенсіи. Членъ, пришедшій въ бѣдность за старостію, по болѣзни или другимъ несчастнымъ случаямъ, получаетъ ту пенсію, которая въ случаѣ смерти его слѣдовала бы вдовѣ, или дѣтямъ его, съ разрѣшенія двухъ третей членовъ, присутствовавшихъ на сей предметъ въ собраніи. Выдаваемыя изъ кассы пособія и пенсіи, не подлежа никакому запрещенію, ни по частнымъ искамъ, ни по требованіямъ казенныхъ мѣстъ, выдаются лицамъ, право на то имѣющимъ, безъ всякаго вычета.

Промышленность. — Обнародованъ Высочайше утвержденный уставъ Аренбургскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Это общество имѣетъ цѣлю распространеніе усовершенствованнаго, свойственнаго мѣстности хозяйства, и содѣйствіе въ этомъ Лифляндскому Общепольному Экономическому Обществу. Оно состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, почетныхъ и корреспондентовъ. Дѣйствительные члены избираются преимущественно изъ мѣстныхъ жителей губерніи, извѣстныхъ своими трудами и свѣдѣніями, по части сельскаго хозяйства и промышленности. Вся дѣйствительные члены Лифляндскаго Общепольнаго Экономическаго Общества считаются почетными членами Аренбургскаго Общества. Въ члены-корреспонденты могутъ быть избираемы какъ русскіе подданные, такъ и иностранцы, живущіе въ Россіи и внѣ ея. Общество пользуется особымъ покровительствомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и Лифляндскаго Общепольнаго Экономическаго Общества, заботится о собраніи самыхъ подробныхъ свѣдѣній относительно состоянія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства и промышленности на островъ Эзелъ; изыскиваетъ средство къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію сельскаго хозяйства и въ особенности тѣхъ его отраслей, которыя свойственны странѣ; обязанность его также заключается въ изданіи сочиненій и предложеніи наградныхъ задачъ по какимъ-либо хозяйственнымъ вопросамъ, въ испытаніи и введеніи въ употребленіе такихъ усовершенствованныхъ способовъ производства, по части сельскаго хозяйства и земледѣльческихъ орудій, которые будутъ признаны особенно полезными для Аренбургскаго Уѣзда, въ учрежденіи выставокъ земледѣльческихъ произведеній, въ образованіи хорошихъ хозяевъ по тѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, распространеніе которыхъ, судя по мѣстнымъ нуждамъ, общество найдетъ наиболее необходимымъ, въ безденежной раздачѣ или въ продажѣ по умереннымъ цѣнамъ семянъ растений, племенныхъ домашнихъ животныхъ, хозяйственныхъ орудій и проч., въ награжденіи изъ суммъ общества денежными преміями и медалями лицъ, отличившихся усовершенствованіемъ

сельскаго хозяйства и въ ходатайствѣ у высшаго начальства наградъ за особые подвиги въ этомъ отношеніи.

— Выдана привилегія почетному гражданину Лихачеву, учителю Канасу и мащанну Юдну, на новообретенный способъ очищенія хлопчатой бумаги, бывшей въ употребленіи на фабрикахъ, дѣйствующихъ машинами, известной подъ именемъ маслянки.

=====

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ОТЧЕТЪ, ЗА ОДИННАДЦАТЬ ЛѢТЪ, О ХОДѢ И ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ВОЛХОВСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я.

Статья седьмая.

О КОРНЕПЛОДНЫХЪ РАСТЕНІЯХЪ И ОВОЩАХЪ.

ОЦѢНКА КАРТОФЕЛЯ; ЕМУ ЛИ ПРЕНАЗНАЧЕНО ОБЕСПЕЧИВАТЬ НАРОДНОЕ ПРОДОВОЛЬСТВІЕ ВЪ РОССІИ? ВЫГОДНО ЛИ У НАСЪ РАЗВОДИТЬ КАРТОФЕЛЬ ДЛЯ КОРМА СКОТА? РАЗСЧЕТАТЬ, СКОЛЬКО МОЖЕТЪ ПРИНЕСТИ ПИТАТЕЛЬНАГО КОРМА ДЕСЯТНА КАРТОФЕЛЯ И ОВСА; ПО СКОЛЬКУ, НЕ ОТЯГОЩАЯ КРЕСТЬЯНЪ, МОЖНО РАЗВОДИТЬ КАРТОФЕЛЯ ВЪ ЗЕМЛЕНАШЕСТВЕННЫХЪ КОМЪСТВАХЪ; ПОЧЕМУ НАШИ КРЕСТЬЯНЕ НЕ ВОЗДѢЛЫВАЮТЪ МНОГО КАРТОФЕЛЯ.

КАРТОФЕЛЬ.

Въ главѣ всѣхъ корнеплодныхъ растеній, разводимыхъ какъ для пищи людей, такъ и для корма скота, обыкновенно помѣщаютъ *картофель*. Это знаменитое растеніе, съ нѣкотораго времени, вошло у насъ въ такой почетъ и даже моду, что и нѣльзя удивляться появленію безчисленныхъ брошюръ о пользѣ картофеля и руководствъ къ разведенію этого овоща съ увѣреніями, что онъ плодъ преполезный. Въ подобныхъ сочиненіяхъ встрѣчаются фразы въ родѣ слѣдующихъ: «картошка хартъ благословенный!» «картофель овощъ непоганый!» и тому подобное.

Не оспаривая полезности подобныхъ краснорѣчивыхъ увѣщаній, мы, съ своей стороны, покровителей картофеля можемъ утѣшить извѣстіемъ, что въ губерніяхъ средней полосы Россіи: Московской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской и другихъ, никто не считаетъ картофеля овощемъ поганимъ, и что здѣсь издавна всѣ простолюдины съ большимъ удовольствіемъ кушаютъ его во всѣхъ возможныхъ видахъ. Но если крестьяне упомянутыхъ губерній не разводятъ картофеля въ большомъ количествѣ, такъ этому причиною то, что они до вѣлыя убавляютъ свои овощники въ пользу коноплянниковъ, доставляющихъ болѣе выгодъ, чѣмъ первые; притомъ, на огородахъ, гдѣ картофель всегда приходится по картофелю; урожай его не могутъ быть значительны. Въ поляхъ же картофеля не разводятъ, потому-что по мѣстнымъ расчетамъ прибыльнѣе высѣвать на нихъ зерновой хлѣбъ, а также и потому-что участокъ, занимаемый картофелемъ, необходимо ежегодно крѣпко обгораживать, а иначе *благословенному харчу* не слобровать отъ скота и особенно отъ свиней. Свинки, при непрочной огородакъ, часто забараются и въ овощники, что, кажется, не увеличиваетъ сбора овощей.

Конечно, въ глазахъ столичныхъ агрономовъ, особенную цѣну картофелю придаетъ то предположеніе, что онъ въ неурожайные годы можетъ замѣнить зерновой хлѣбъ и такимъ образомъ обезпечить народное продовольствіе.

Но совершенно обезпечивать пропитаніе простолюдиновъ можетъ только такое растеніе, урожай котораго *постояненъ, мало зависитъ отъ состоянія погоды*, и которое притомъ *не требуетъ труднаго и многосложнаго воздѣлыванія*, или такое растеніе, которое хотя и воздѣлывается съ трудомъ, но можетъ *удобно и безвредно сохраняться въ-теченіе продолжительнаго времени*, чтобъ поступать въ употребленіе только тогда, когда въ немъ окажется надобность. Теперь спрашиваемъ: прославляемый картофель имѣетъ ли хоть одно изъ упомянутыхъ качествъ? Пусть отвѣчаютъ безпристрастно: всегда ли картофель родится удовлетворительно? не зависитъ ли урожай его отъ состоянія погоды, точно въ той же мѣрѣ, какъ и урожай зерновыхъ хлѣбовъ? Помѣстителенъ ли онъ, и способенъ ли сохраняться въ-теченіе продолжительнаго времени, до случая сильнаго неурожая зерновыхъ хлѣбовъ? Нѣтъ! и тысячу разъ нѣтъ!

Въ 1839 году; картофель отъ засухи почти-совершенно пропагъ (*) (а тогда въ немъ была надобность), и въ послѣдующіе

(*) Въ этомъ году въ болховскомъ хозяйствѣ картофель родился великою въ волошской оръхъ, а въ другихъ мѣстахъ онъ не возвратилъ и сѣмь или пропалъ вовсе, что почти всегда съ нимъ случается и въ очень-сухивные годы и въ очень-дождливые и холодные.

годы онъ мѣстами родился очень-дурно. Въ мочливое же и холодное лѣто, картофель хотя и бываетъ крупень, но *водлянъ, не-кусень и неспособенъ* должно *сохраняться*, однимъ словомъ: когда яровые хлѣба принесутъ хорошій урожай, тогда урожай и на картофелѣ, въ которомъ на ту пору нѣтъ большой надобности. При томъ, во многихъ мѣстахъ Европы появилась на картофелѣ болѣзнь (мокрая гниль), истребляющая цѣлыя поля этого овоща (*). Болѣзнь эта, вѣроятно, появится и въ Россіи. Съ нѣкотораго времени замѣчаютъ, что картофель сталъ у насъ родиться бугроватымъ, съ кожей негладкой и нечистой. Потому, картофель, требующій въ сравненіи съ колосовыми хлѣбами излишней обработки и ухода (его необходимо въ-теченіе лѣта пропахивать, опалывать и наконецъ выкапывать изъ земли), должно тщательно сохранять въ нарочно-устроенныхъ *ямахъ* или *подвалахъ*, которые стоютъ не дешево (**); да и здѣсь, при всѣхъ предосторожностяхъ, картофель можетъ сохраниться только до слѣдующей за уборкою весны.

Итакъ, что за спасительное растеніе тотъ овощъ, который *долженъ быть израсходованъ непременно въ-теченіе восьми мѣсяцевъ* (***), не смотря на то, есть ли въ немъ большая надобность или нѣтъ? Овощъ, который *измѣняетъ урожайамъ, или портится* тогда, какъ въ немъ можетъ встрѣтиться существенная нужда? Повторяемъ: *не картофелю предназначено у насъ обезпечивать народное продовольствіе!*

Конечно, въ Ирландіи или тамъ, гдѣ почва обильнѣе всего производитъ картофель, или гдѣ мало земли и зерновые хлѣба и дороги и рѣдки (****), этотъ овощъ и необходимъ и спасителецъ; но въ

(*) Хотя до-сихъ-поръ и спорятъ о томъ: вредно ли питаться зараженнымъ картофелемъ или нѣтъ? но достаточно и того, что упомянутая болѣзнь почти все уничтожаетъ посѣвы картофеля.

(**) Сохранять картофель на поверхности земли, въ нучахъ, прикрываемыхъ соломою, землею и проч., возможно не въ каждую зиму, и что бы ни говорили провозглашатели этого способа сохранять картофель, а онъ у насъ не можетъ назваться способомъ надежнымъ.

(***) Полагая въ этотъ терминъ и то время, когда картофель еще находится въ землѣ и вынимается изъ нея понемногу для ежедневнаго употребленія.

(****) Если иностранцы разводятъ много картофеля, то это, кажется, еще не можетъ служить доказательствомъ, чтобъ и у насъ то же дѣлать было и выгодно и необходимо. Въ мѣстахъ, гдѣ лѣто продолжительнѣе, а народонаселеніе гораздо-многочисленнѣе нашего, и гдѣ крошечные участки распашной земли хорошо удобрены, тамъ возможно и рано сажать картофель и вынимать его изъ земли задолго до посѣва озимыхъ хлѣбовъ; слѣдовательно, въ такой мѣстности этотъ овощъ удобно разводить въ паровомъ полѣ (здѣсь воздѣлываніе пара замѣняется обработкою земли подъ картофелѣ); а потому тамъ картофель и приходится въ чистыхъ барышахъ хозяйству, ибо безъ него земля во время пара ничего бы не производила. При малыхъ же посѣвахъ

большей части Россіи, гдѣ зерновой хлѣбъ родится изобильнѣе и гдѣ онъ, обыкновенно, продается по весьма-низкой цѣнѣ, что можетъ лучше и надежнѣе обезпечивать продовольствіе жителей, какъ не запасы этого хлѣба,—хлѣба, убираемаго съ полей сравнительно съ картофелемъ скоро и легко, и сохраняемаго весьма-долго, безъ особеннаго о немъ понеченія, въ обыкновенныхъ амбарахъ или хлѣбныхъ ямахъ, и наконецъ, приготовляемаго въ пищу всѣмъ извѣстнымъ простымъ способомъ? Замѣтимъ и то, что, по сравнительной питательности, громоздкій и тяжелый картофель занимаетъ гораздо-болѣе мѣста, чѣмъ хлѣбъ, и не можетъ перевезиться далеко.

Здѣсь кстати сказать, что у насъ появилось нѣсколько проектовъ, касающихся обезпеченія народнаго продовольствія запасами зерноваго хлѣба и емкостью уравненія цѣны на хлѣбъ. Конечно, нѣкоторые изъ этихъ проектовъ могли бы принести не малую пользу, еслибы были осуществлены хоть и не вполне. Но для успѣха въ какомъ бы то ни было общественномъ учрежденіи, необходимы въ исполнителяхъ его усердіе, дѣятельность и добросовѣстность. Не-уже-ли у русскихъ людей не достаетъ котораго-либо изъ упомянутыхъ качествъ? потому-что ни одно изъ подобныхъ предположеній не только не было выполнено на дѣлѣ, но даже сомнѣваются въ возможности учредить у насъ что-либо общественное, подобное этимъ предположеніямъ!

И такъ, въ Россіи, по нашему мнѣнію, картофель долженъ занимать второстепенную ролью—*подсобною овоща* (какъ свекла, капуста и пр.), который въ постные и скоромные дни разнообразитъ вкуснымъ блюдомъ пищу крестьянъ. Но для этой потребности, за исключеніемъ небольшого числа хозяйствъ, у насъ карто-

зерноваго хлѣба и при избыткѣ рабочихъ рукъ, съ этимъ овощемъ справиться легко. Но въ русскомъ хозяйствѣ, гдѣ посѣвы хлѣбовъ очень-велики, а кортенькое лѣто избыточно разнаго рода полевыми работами, олдѣвающимъ непрерывно одна за другою, — нельзя успѣть много посадить, а главное, убрать картофеля до посѣвовъ овинаго хлѣба. Слѣдовательно, у насъ, —если бы качество нашей почвы и дозволяло, — невозможно садить этого овоща по одному въ пару, какъ промежуточное растеніе, а необходимо его помѣстить или въ четвертомъ клѣну, или въ яровомъ полѣ вмѣсто яровыхъ хлѣбовъ, и выходящую на събытъ и нѣкоторую цѣнность, тогда-какъ картофель никакой не имѣетъ.

Конечно, и въ Россіи есть экономія, которая, по особымъ видамъ хозяйства, разводитъ много картофеля, но здѣсь всѣ силы и средства хозяйства устремлены уже исключительно на одинъ этотъ овощъ. Впрочемъ, говорятъ, есть и такіе агрономы, которые, принявъ однажды за правило сѣять много картофеля, готовы жертвовать частью своего дохода, для того, чтобы поддержать невыгодный для нихъ сѣвоборозъ и не сознавать, что они ошибаются въ своихъ расчетахъ.

фея воздѣлываютъ достаточно. Печь же хлѣбъ съ примѣсью картофеля наши крестьяне согласятся только въ крайней нуждѣ, ибо для этого необходимо картофель варить, чистить и мелко растирать, а наши православные крайне не любятъ многосложныхъ и хлопотливыхъ продѣлокъ, почему скорѣе согласятся ѣсть хлѣбъ съ овсомъ или мякиною, нежели прибѣгнуть къ хлѣбо-печенію съ картофелемъ (*).

Но могутъ сказать намъ: «почему же не воздѣлывать этого овоща для переработки его въ крахмалъ, патоку, вино и проч.?» Во-первыхъ, потому-что потребление крахмала и патоки весьма-ограниченно: кажется, что и немногіе нынѣ существующіе заводы не въ большихъ барышахъ отъ выдѣлки упомянутыхъ продуктовъ; а что жъ будетъ, когда станутъ — не говоримъ всѣ — но многія сельскія хозяйства добывать патоку и крахмалъ? Завести же винокурню можетъ не всякій, да и не достало бы для всѣхъ поставки вина, а издавна-устроенныхъ винныхъ заводовъ, которые перерабатываютъ и картофель, имѣется немного — и слава Богу! Слѣдовательно, только ближайшія къ этимъ заводамъ сельскія хозяйства могутъ съ нѣкоторою для себя пользою доставлять туда этотъ овощъ.

Воздѣлывать же картофель собственно для продажи на рынкахъ нѣтъ никакой возможности. Въ годы обыкновенныхъ урожаевъ на хлѣбъ, картофель бываетъ такъ дешевъ, что не стѣитъ извоза и въ близкомъ разстояніи: въ нашихъ городахъ можно кое-какъ продать его небольшое количество, а попробуйте привезти туда изрядную пропорцію картофеля, такъ его и вовсе не раскупятъ.

Теперь обратимся къ послѣдному способу употреблѣть картофель, наиболее-рекомендуемому деревенскимъ жителямъ, а именно: къ кормленію имъ скота.

И здѣсь не представляется никакихъ существенныхъ выгодъ для сельскаго хозяина той мѣстности, гдѣ зерновой хлѣбъ родится хорошо, а скотъ чрезвычайно-дешевъ (**). Притомъ, о питательности картофеля мнѣнія различны, или лучше сказать: еще положительно не дознана сравнительная питательность его съ другими хлѣбами. Известно только то, что однимъ картофелемъ кормить животныхъ нельзя: отъ этой сытной пищи они непременно помрутъ. Но положимъ, что картофель и очень-питателенъ, то и тогда, кромѣ многосложной обработки и заботливаго храненія въ дорого-стою-

(*) Дознано, что хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ примѣсью большого количества картофеля, продолжительно питаться нельзя.

(**) На-примѣръ, гдѣ, какъ и въ Болховскомъ-Уѣздѣ, можно купить осенью изрядную говядину не восьми новеекъ ассигнаціями за фунтъ.

щихъ подвалахъ, гдѣ онъ не всегда безопасенъ отъ поврежденія, сколько хлопотъ и при употребленіи картофеля въ кормъ: его надобно ежедневно вытаскивать изъ подвала и опять подвалъ тщательно закрывать отъ мороза; потомъ возить его на скотный дворъ и тамъ варить (на что нужно и топливо); а давалъ сырой, рѣзая руками или корне-рѣзкою, и наконецъ, задавать въ теплыхъ хлѣвахъ, а иначе онъ замерзнетъ (многіе утверждаютъ, что продолжительное кормленіе сырымъ и мерзлымъ картофелемъ вредно животнымъ) (*). Итакъ, можно себя представить, какъ все это удобно при нашихъ скотникахъ и скотницахъ, обыкновенно нердивыхъ, беспечныхъ и до крайности нелюбящихъ никакой точности и порядка (**), и какихъ заботъ и непріятностей будетъ стоить подобное кормленіе самому хозяину.

Изъ сказаннаго, однакожь, не слѣдуетъ заключать, чтобъ мы изъ опасенія хлопотъ не совѣтовали кормить скотъ сколь можно лучше; нѣтъ, мы хотѣли только доказать, что кормленіе картофелемъ не вознаграждаетъ за хлопоты, труды и издержки, сопряженные съ этимъ кормленіемъ. Продовольствовать же хорошо свой скотъ можно и сѣномъ, и зерновымъ хлѣбомъ, и конопляными выжимками. По нашему мнѣнію: лучше и удобнѣе, вмѣсто картофеля, высѣвать для кормленія скота зерновой хлѣбъ, напримеръ—*овесъ*, который родится на всякой почвѣ и щелочной и кислой, или сѣять для этой же цѣли *клеверъ* и *вику*. Попробуемъ доказать справедливость нами сказаннаго.

На тучной и хорошо-обработанной экономической десятинѣ, родится круглымъ числомъ за нѣсколько лѣтъ не болѣе ста четвертей картофеля (**). Весь огромный урожай въ 180 и 200 четвертей съ десятины, о которыхъ такъ охотно разглашаютъ попровители картофеля, есть только случайныя произведенія отличной огорода-

(*). Мы нѣсколько разъ кормили рогатый скотъ сырымъ, но не мерзлымъ картофелемъ, впрочемъ, короткое время и въ теплыхъ хлѣвахъ; справедливость требуетъ сказать, что дурныхъ послѣдствій отъ этой пищи мы не замѣтили.

(**) Конечно, въ богатыхъ помѣстьяхъ, гдѣ иногда содержится по нѣскольку штукъ отличнаго рогатаго скота для показа посѣтителямъ, можно завести и рачительнаго скотника и любящую порядокъ и чистоту скотницу; но мы говоримъ о обыкновенной русской прислугѣ при скотныхъ дворахъ и о кормленіи скота, содержащаго для земледѣлія.

(***) На плохой же землѣ нѣчего и помышлять о разведеніи этого овоща: влѣсь онъ едва принесетъ сѣмена; а притомъ, между рѣдко растущимъ картофелемъ расплодятся сорные травы, и если ихъ не будутъ тщательно выкашивать (трудъ, который не окупится сборомъ картофеля), такъ онъ сообразитъ и осѣмевать какъ картофельный участокъ, такъ и сосѣднія поля.

ной земли или конопляника, при содѣйствіи особенно-благоприятной погоды. Но подобныхъ урожаевъ нельзя принимать въ расчетъ, когда дѣло идетъ объ обыкновенныхъ, ежегодныхъ и въ болышомъ видѣ дѣлаемыхъ посѣвахъ картофеля. Итакъ, мы получимъ съ десятины сто четвертей или тысячу пудовъ картофеля (и пудами даже менѣе, ибо не каждый картофель тянетъ десять пудовъ къ четверти, какъ не каждый одинаково питателенъ), которые переедемъ на сѣно, всегда принимаемое при сравненіи кормовъ за единицу питательности. Въ хорошемъ луговомъ сѣнѣ, по мнѣнію многихъ агрономовъ (*), заключается питательности только *едвое* болѣе противу картофеля (въ чемъ, однакожъ, да позволено будетъ намъ усомниться!); слѣдовательно, урожай десятины этого овоща равняется по питательности 500 пудамъ сѣна.

На почвѣ, съ которой можно снять по сту четвертей картофеля съ десятины, и овесъ родится богатый, не менѣе самъ-одиннадцать, но отъ трехъ четвертей посѣва доставить, за исключеніемъ сѣменъ, *тридцать четвертей зерна*. Здѣсь надо упомянуть, что мы вовсе не преувеличиваемъ урожая овса. Въ болховскомъ хозяйствѣ, на торшей землѣ, весьма-часто роживалось на десятинѣ болѣе сорока копенъ (**) этого хлѣба съ умоломомъ по четверти изъ копы (а во многихъ намъ знакомыхъ хозяйствахъ весь овсяной посѣвъ приносить по 24 четверти зерна кругомъ съ десятины). Полагая четверть овса въ шесть пудовъ вѣсомъ, мы получимъ 180 пудовъ хлѣба, который, по увѣренію тѣхъ же агрономовъ, почти *едвое* питательнѣе сѣна (питательность овса относится къ сѣну, какъ 60 къ 100). Итакъ, урожай зерна будетъ равняться 300 пудамъ сѣна; да отъ тридцати копенъ овса получится соломы, полагая бѣдно, по десяти пудовъ отъ каждой, всего 300 пудовъ; овсяная солома питательна *едвое менѣе* сѣна, слѣдовательно, 300 пудовъ соломы будутъ равняться 150 пудамъ, а весь урожай десятины овса — 450 пудамъ сѣна.

Но г-нъ Буссенго (***) опредѣляетъ питательность разсматривае-

(*) Тора, Блока, Пабста и другихъ.

(**) А иногда и по столько же ржи; но намъ извѣстно, что въ некоторыхъ хозяйствахъ снимали съ экономической десятины по восьмидесяти копенъ ржи и пшеницы. Эти случайные урожаи можно поставить въ параллель съ 200 четвертями картофеля, получаемыми съ десятины. Невеликимъ считаемъ напоминать часто забываемое правило: что при разсчитываніи прибыли, ожидаемой отъ какого-нибудь произведенія сельскаго хозяйства, нельзя принимать въ соображеніе одною урожай, взятаго на выдержку.

(***) Г. Буссенго, ученый агрономъ-математикъ, членъ многихъ ученыхъ академій, заслуживаетъ полнаго довѣрія, почему мы и ссылаемся на его анализы, помѣщенные имъ въ «Economie Rurale» par J. B. Boussingault. Tome 2-me, de 386 à 438 pag.

мыхъ нами произведеній почвы иначе, и, кажется, выводы его ближе къ истинѣ. У него питательность картофеля относится къ сѣну, какъ 280 ко 100; а питательность овса, какъ 50 ко 100, и овсяной соломы, какъ 520 ко 100 частямъ сѣна. Итакъ, по положенію г-на Буссенго, тысяча пудовъ картофеля равняются 357 пудамъ сѣна; а 180 пудовъ овса—360 пудамъ, и 300 пудовъ овсяной соломы 57 пудамъ, а весь урожай десятины овса 417 пудамъ сѣна. Здѣсь перевѣсъ въ питательности находится уже на сторонѣ овса.

Итакъ, вся огромная прибыль, доставляемая, будто-бы, картофелемъ, если его сравнивать съ зерновыми хлѣбами, состоитъ въ томъ, что онъ съ десятины, по даннымъ г-на Буссенго, приноситъ корма, въ-отношеніи къ питательности, *меньше, нежели овесъ на шестьдесятъ пудовъ сѣна*; а рассчитывая по выводамъ другихъ агрономовъ, доставляетъ *прибыль равную пятидесяти пудамъ сѣна же*. Спрашиваемъ: можетъ ли этотъ излишекъ корма, буде онъ дѣйствительно и получается, вознаградить за всѣ труды, неизбежныя при обработкѣ и собираніи картофеля и при кормленіи имъ скота? а также, вознаградить ли всѣ издержки, употребленныя на устройство погребовъ для помѣщенія этого овоща?

Вышеприведенное нами разногласіе въ вопросѣ, столь важномъ для сельскаго хозяйства, какъ опредѣленіе питательности кормовъ, и разногласіе со стороны извѣстнѣйшихъ и ученѣйшихъ агрономовъ Европы, къ-сожалѣнію, доказываетъ намъ, какъ еще шатки тѣ основанія, на которыхъ мы смѣло утверждаемъ свои системы полеводства, рассчитываемъ свой фуражъ и назначаемъ, какое количество скота намъ прокормить возможно. Это разногласіе въ опредѣленіи степени питательности различныхъ веществъ невольно напоминаетъ намъ *супъ изъ костей*, которыми такъ долго потчевали больныхъ и бѣдныхъ, приговаривая имъ: *«кушайте на здоровье!»* И что жь? недавно только открыли, что этотъ супъ, или правильнѣе студенистое вещество (gelatine) вовсе не питательно. Касательно же рассматриваемыхъ нами растений, мы убѣждены, что сѣно, вопреки мнѣнію некоторыхъ агрономовъ, *больше, нежели вдвое сильнѣе картофеля*, заключающаго въ себѣ воды 75° на сто во вѣсу; тогда-какъ сѣно содержитъ ея отъ 10° до 12° на сто. И наконецъ, мы еще сильнѣе увѣрены, что хорошій овесъ (въ шесть пудовъ четверть) сытнѣе картофеля болѣе, нежели въ 3½ раза. Всякой, кто наблюдалъ за откармливаніемъ животныхъ, согласится съ нами, что одинъ пудъ овса, составляющій одну мѣру 2½ гарца, гораздо питательнѣе для какого угодно скота 3½ пудовъ картофеля, составляющихъ двѣ мѣры 6½ гарцовъ, и что несравненно-скорѣе и *вѣрнѣе* можно откормить вола или другую скотину, отпуская ей

ежедневно, при десяти фунтахъ сѣна, $5\frac{1}{2}$ гарцовъ овса, чѣмъ выдавая ей, при томъ же количествѣ сѣна, ту дачу картофеля, которая, по увѣренію агрономовъ, соразмѣрна упомянутой дачѣ овса, а именно: одну мѣру $3\frac{1}{4}$ гарнца картофеля.

Остается еще одно возраженіе въ пользу этого овоща: по мнѣнію нѣкоторыхъ сельскихъ хозяевъ, онъ утучняетъ и хорошо prepares землю для слѣдующихъ за нимъ колосовыхъ хлѣбовъ.

Дѣйствительно, картофель хорошо подготавливаетъ землю для овса и ячменя, или, говоря правильнѣе, истощаетъ почву нѣсколько мѣнѣе озимыхъ хлѣбовъ, за которыми у насъ обыкновенно слѣдуютъ упомянутые яровые: но не смотря на это, кто рѣшится утверждать, что въ русскихъ губерніяхъ выгодно разводить картофель вмѣсто озимаго хлѣба? А въ пару (чтобъ не гуляла земля) у насъ садить картофеля нельзя, ибо озимый хлѣбъ, посѣянный тотчасъ послѣ него, не будетъ такъ удаченъ, какъ посѣянный по землѣ, отдохнувшей въ мертвомъ пару, и притомъ большихъ плантацій картофеля не успѣешь убрать до поры сѣять озимое.

Если мы предлагали садить картофель по конопляникамъ (смотри въ главѣ «() масличныхъ растеній» статью «Конопля») съ тѣмъ, чтобъ тотчасъ за нимъ сѣять пшеницу, такъ это потому-что столь тучную почву, какова подъ конопляниками, жаль оставлять на цѣлое лѣто праздною, — и потому-что эта почва, принеся хорошій урожай картофеля, все еще достаточно-жирна для пшеницы. Но чтобъ картофель утучнял самъ - по - себѣ землю, это несправедливо, въ чемъ удостовѣряетъ и самъ Тэръ, — впрочемъ, весьма расхваливающій этотъ овощъ (*). Тэръ именно говоритъ, что «послѣ картофеля рожь родится замѣтно хуже». Если и случается, что послѣ картофеля удаются нѣкоторые хлѣба, такъ это потому - что обыкновенно подъ овощи, высѣваемые въ полѣ, кладутъ навозъ, а онъ — то и производитъ то хорошее вліяніе на хлѣба, которое несправедливо приписываютъ одному картофелю. Посадите на тощей нивѣ это растеніе, и тогда увидите, въ-состояніи ли оно улучшить почву.

Чтобъ мало истощая землю получить съ нея хорошій сборъ сытнаго фуража, гораздо-лучше, вмѣсто картофеля, сѣять клеверъ, котораго доброе вліяніе на почву несомнѣнно. Клеверъ, съ десятины могущій принести сто четвертей картофеля, доставитъ тѣ же

(*) Вотъ слова Тэра: «Всѣмъ признано, что на вновь-удобренной почвѣ урожай картофеля бываетъ сильнѣе; однакожъ, онъ можетъ хорошо родиться и вторымъ или третьимъ плодомъ послѣ навоза, но въ послѣднемъ случаѣ виднѣе истощаетъ почву». («Основанія Рациональнаго Хозяйства», томъ V, стр. 185, 1235 и 1236.)

400 пудовъ сѣна, а иногда и болѣе, и сверхъ того настѣще по оставъ. При томъ, уборка клевера все-таки менѣе затруднительна уборки картофеля.

— Но когда большимъ хозяйствамъ затруднительно убирать много картофеля, то почему жь не садить его крестьянамъ, нуждающимся въ фуражѣ? вѣдь у нихъ при общемъ усилии всего семейства эта уборка пойдетъ успѣшнѣе?

— Потому, отвѣчаемъ мы: что и для крестьянъ расчетъ въ доходности картофеля все тотъ же, что и для большихъ хозяйствъ, и потому - что крестьяне едва могутъ сберегать до весны и тотъ картофель, который имъ нуженъ на посѣвъ; а небольшое количество этого овоща, потребное для всендневной пищи, они сохраняютъ въ ямахъ, вырытыхъ подъ поломъ избы или въ какомъ-нибудь надворномъ строеніи. Для храненія же значительнаго запаса картофеля, необходимы хорошіе подвалы или обширные погреба съ удобнымъ входомъ, чтобъ, доставая картофель для употребленія, не поморозить остающагося въ подвалѣ.

— И такъ, *надобно*, чтобъ крестьяне устроили хорошіе и безопасныя подвалы! возразятъ намъ живущіе въ городахъ агрономы, которые видятъ, какъ въ столицахъ воздвигаютъ огромныя зданія для разведенія и храненія какихъ-нибудь цвѣточныхъ луковичъ.

— Да мало ли что *надобно* нашимъ крестьянамъ! — имъ *надобно* устроить свои избы такъ, чтобъ не продувало ихъ вѣтромъ и не пронизало морозомъ; имъ *надобно* завестись двойными стекольными рамами, чтобъ зимою куски льда и потоки воды, падающіе съ окончинъ, не распространяли вредной сырости; имъ *надобно* сложить себѣ хорошія печи съ дымовыми трубами, чтобъ не имѣть нужды по цѣлымъ днямъ забиваться, ради тепла, на полатахъ и не коптиться въ дыму; имъ *надобно* устроить теплыя хлѣва, которые избавляли бы ихъ отъ пріятнаго сообщества телятъ, овецъ, свиней и подъ-часъ тельной коровы (*); имъ тоже *надобно* устроить себѣ порядочные овины, которые не загорались бы отъ малѣйшей неосторожности и не подвергали бы пожарамъ цѣлыя деревни. Однимъ словомъ, мало ли еще чего *надобно* нашимъ крестьянамъ прежде, нежели мы доберемся до надобности устроить хорошія помѣщенія для картофеля. Да научите, господа покровители картофеля, гдѣ взять поселянамъ средства для исполненія всѣхъ этихъ надобностей!

(* Въ тѣхъ хлѣвахъ, которые теперь существуютъ у большей части нашихъ мужичковъ, рогатый слотъ отмороживаетъ ноги, а молоденькіе жеребята иногда и вовсе замерзаютъ.

О воздѣлываніи и уборкѣ этого овоща, какъ о дѣлѣ весьма знакомомъ и описанномъ въ столькихъ малыхъ и большихъ брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ, мы здѣсь распространяться не станемъ, изъ опасенія повтореніемъ давно-извѣстнаго наскучить читателямъ, которымъ и безъ того нашъ разговоръ о картофелѣ могъ показаться слишкомъ-длиннымъ.

Въ болховскомъ хозяйствѣ, по выше-объясненнымъ причинамъ, картофеля въ полѣ не садятъ, а разводятъ его на огородѣ (стараясь не сажать ежегодно на одномъ и томъ же мѣстѣ) и на опытныхъ участкахъ конопляника, о которыхъ мы говорили въ главѣ «О масляныхъ растеніяхъ». На огородѣ урожай картофеля не превышаетъ у насъ 80-ти четвертей кругомъ съ десятины, а на конопляникѣ онъ простирается отъ 100 до 110 четвертей. Вообще, мы садимъ столько картофеля, сколько можемъ его убрать безъ затрудненія и не оставляя совершенно для этой уборки прочихъ текущихъ работъ, которыхъ всегда вдоволь въ сельскомъ хозяйствѣ.

По нашему мнѣнію, чтобъ не затруднять излишне крестьянъ и не вредить правильному и своевременному ходу всѣхъ земледѣльческихъ работъ, можно засаживать картофелемъ въ господскомъ хозяйствѣ не болѣе 5-ти экономическихъ десятинъ на каждыя 100 тяголъ крестьянъ; когда же тягло обрабатываетъ на господина менѣе двухъ десятинъ въ полѣ, то въ такомъ случаѣ посадка картофеля можетъ быть увеличена противу указанной пропорціи.

Что жъ касается до самихъ крестьянъ, то остается желать, чтобъ они не сажали картофеля всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, но старались правильнѣе и выгоднѣе пользоваться своими отличнѣе-удобренными овощниками и конопляниками; а это и дастъ имъ возможность увеличить урожай картофеля безъ прибавки полъ не-го земли. Неоспоримо, что нѣкоторый излишекъ этого овоща пригодится въ домоводствѣ крестьянъ.

Тѣ господа хозяева, которые, увлекаясь непомерными похвалами картофелю, стали разводить его въ большомъ видѣ, были весьма-озадачены, когда наступила пора убирать этотъ овощъ: здѣсь приходилось употреблять на означенную работу всѣ силы хозяйства (*), оставляя молотбу и уборку конопли, отъ-чего крестьянская и господская конопля, переставаясь въ полѣ, теряла значительную

(* Не каждое хозяйство можетъ прислать, за сносную цѣну, нужное число волюнтерскихъ для уборки своего картофеля, потому-что въ хлѣбопашественныхъ нашихъ губерніяхъ, въ осеннее время, всѣ земледѣльцы весьма-завяты уборкою своего хлѣба, который хотя цѣннѣе картофеля, а и то, иногда, долго выставляется въ полѣ.

часть зерна и поздно поступала в мочку. Если же, во время уборки картофеля, наступит ненастная погода, то возня с большими посъвами этого овоща дѣлается еще затруднительнѣй, тягостнѣй и продолжительнѣй. Картофель, выкопанный изъ грязной земли и за невозможностію недостаточно просушенный, легко портится въ подвалахъ и ямахъ, а оставляемый, въ ожиданіи лучшей погоды, въ землѣ или на полѣ въ кучахъ, подвергается морозамъ, весьма обыкновеннымъ въ Россіи даже въ началѣ осени.

Впрочемъ, есть надежда, что *картофелеманія* у насъ скоро пройдетъ. Даже и теперь найдутся сельскіе хозяева, вполне разочарованные на счетъ этого овоща, и разочарованные послѣ многихъ опытовъ, доказавшихъ на дѣлѣ, что разводить его въ большомъ видѣ немножко хлопотливо, трудненько и не весьма — прибыльно. Такъ, рано или поздно, истина всегда одерживаетъ верхъ надъ пристрастіемъ и предубѣжденіемъ.

У.

К Р И Т И К А.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ, М. Погодина, о Русской Исторіи. Изданы Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. 1846. Три тома.

Статья вторая и послѣдняя.

Третій томъ «Исслѣдованій», по названію живую—лучшее, что только когда-нибудь написалъ г. Погодинъ. Въ нашей исторической литературѣ рѣдко встрѣтишь подобную книгу, особенно въ послѣднее время. За исключеніемъ лекцій о формациі государства параллель русской и европейской исторіи относительно начала — слабыхъ и очень-неудовлетворительныхъ, — вся собственно-историческая, критическая часть превосходна. Мы вовсе не хотимъ даже сказать, что въ этомъ томѣ всѣ выводы и разсужденія равно хороши и неоспоримо-истинны. Напротивъ, здѣсь мы находимъ очень-много ошибокъ, съ которыми никакъ не можемъ согласиться; есть статьи, обработанныя или слабо или слабѣ остальныхъ. Наконецъ, односторонній взглядъ автора выстѣпаетъ здѣсь рѣзче, ярче

Т. II. — Отд. V.

бросается въ глаза, нежели въ первыхъ двухъ томахъ. Но эти недостатки съ избыткомъ выкупаются неотъемлемыми достоинствами: единствомъ мысли, строгою послѣдовательностью, большимъ остроуміемъ и проницательностью. Читая третій томъ, великій согласится, что односторонній взглядъ автора не только не можетъ быть вѣненъ ему въ недостатокъ, но составляетъ его силу, есть одно изъ главныхъ его достоинствъ. Только такой взглядъ далъ ему возможность подѣлать и освѣтить новымъ свѣтомъ многія черты нашего древняго быта, до-сихъ-поръ ускользавшія отъ вниманія изслѣдователей. Цѣну книги еще возвышаютъ параллельныя мѣста изъ исторіи другихъ сѣверныхъ, скандинавскихъ народовъ. Вѣрный мысли, что наши Варяги-Русь были Скандинаво-

Германы, авторъ безпрестанно, почти на каждой страницѣ, сопоставляетъ извѣстія нашей лѣтописи съ мѣстами изъ сѣверныхъ сагъ, изъ новѣйшихъ лучшихъ сочиненій о скандинавскихъ народахъ, и этимъ придаетъ жизнь и яркій колоритъ нашимъ скучнымъ сказаніямъ. Слѣду, значеніе параллельныхъ мѣстъ онъ, впрочемъ, не переплыва-етъ. Онъ понимаетъ, что они значатъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ.

Читатели замѣчаютъ, говорить онъ (стр. 367, примѣчаніе 851), «что я ве-здѣ провожу параллель между исторі-ей Норманновъ у насъ и исторіей Норманновъ въ прочихъ странахъ Каролы, и вижу вездѣ отраженіе одного народа. Я очень понимаю, что параллель, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подвергается возраженіямъ, даже благовиднымъ: можно-де и изъ другихъ исторій подобать соотвѣ-ственные явленія. Да — можно, но не въ такой совокупности и послѣдова-тельности; притомъ, я предлагаю па-раллель только какъ поясненіе, до-полненіе къ прочимъ главнымъ до-казательствамъ единства. О каж-домъ предметѣ авторъ сначала выпи-сываетъ всѣ мѣста изъ лѣтописи, по-томъ сравниваетъ ихъ между собою, выводитъ результаты и въ заключеніе подводитъ сходныя извѣстія изъ исто-риі сѣверныхъ народовъ. Методъ са-мый вѣрный. Наконецъ, даже томъ ис-слѣдованій въ третьей части гораздо-споконѣе, безпристрастнѣе. Вообще, эта книга представляетъ отрадное яв-леніе въ нашей литературѣ».

Весь третій томъ посвященъ разрѣ-шенію вопроса, поставленнаго, какъ мы надѣялись, еще во второмъ: какъ со-единились пришельцы съ туземцами? Другими словами: при какихъ услови-яхъ началось русское государство? Со-бытія этого времени такъ извѣстны, что мы не хотимъ утомлять читателей ихъ повтореніемъ. Отмѣтимъ здѣсь только результаты, которые кажутся намъ новыми, принадлежащими г. По-годину.

На страницѣ 11 замѣчено, и, ка-жется, не безъ основанія, что Вара-ги или прѣзжали къ намъ за данью изъ-за моря, или оставляли сборщи-ковъ, подобныхъ татарскимъ баска-камъ; на страницѣ 12 мы находимъ, что Норманны, принудившіе насъ пла-тить имъ дань, составляли, вѣроятно, особый народъ, племя, которое по-преимуществу называлось *Варманн* (какъ Словенами по преимуществу на-зывались Новгородцы). Послѣ ихъ из-гнанія опять были призваны Варяги. Но какіе? Предположеніе, что тѣ же самые, которые прежде были, или что будто Варяги явились у насъ завоев-телями, не выдерживаетъ критики. Г. Погодина думаетъ (стр. 24), согласно съ Арцыбышевымъ, что призваны бы-ли не изгнанные, а другіе, тоже Нор-манны, для того, чтобы защищать при-званные племена отъ нападеній ихъ единоплеменниковъ. Это предположеніе очень-вѣроятнымъ, если мы вспо-нимъ, что со времени призванія Ро-рика съ братьями, нападенія Славя-назовъ на Россію совершенно прекра-тились. Нѣсколько параллельныхъ со-бытій еще болѣе поясняютъ возмож-ность такого призванія.—Все это вѣр-но; только въ нѣкоторыхъ частныхъ разсужденіяхъ мы не можемъ согла-ситься съ авторомъ. На страницѣ 17 находимъ критику мнѣнія Карамзина. Мнѣніе очень-плохо и натауто, но и критика нехороша. Мы не видимъ, и-примѣръ, почему бы не могло совер-шиться въ-продолженіе трехъ лѣтъ все-то, что предполагаетъ Карамзинъ въ промежутокъ времени между изгнані-емъ Варяговъ и призваніемъ Руси. Не-налобно забывать, что всѣ обстоятель-ства, рассказанныя Карамзинымъ: не-разумное правленіе бояръ, междоусе-біе, страданіе народа — могли быть приготовлены заранее, а безъ того и не могли быть. А г. Погодинъ нахо-дитъ, что нужно для всего этого гораздо-больше трехъ лѣтъ. Также неспра-ведливо его мнѣніе, будто-бы управ-ленія Варяги не могли имѣть никака-го; черезъ 200 лѣтъ еще едва оно на-

«чинается» (стр. 19). Еслибъ у насъ не было никакого другаго извѣстія, кромя словъ, сказанныхъ Варягами-Руси нашими и финскими племенами, да мѣста въ лѣтописи о введеніи смертной казни при Владимирѣ—и тогда мы убѣдились бы, что г. Погодинъ не правъ. Далѣе, на той же страницѣ, мы находимъ предположеніе, ни на чемъ неоснованное, что у Славянъ не было вовсе бояръ. Если званіе боярина принесено къ намъ, отъ-чего же мы находимъ его у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ племенъ? — Прочія возраженія Карамзину (стр. 20) такъ слабы, что и не заслуживаютъ опроверженія, напоминая собою неудачныя соображенія, которыми г. Погодинъ хотѣлъ доказать невѣроятность нѣкоторыхъ сказокъ у Нестора. О возраженіяхъ противъ мнѣнія, что Славяне были завоеваны Варяго-Руссами, мы скажемъ послѣ. Здѣсь замѣтимъ однако, что несправедливо говорить авторъ (стр. 21), будто у насъ не было слѣдовъ завоеванія. Вся система управленія древней Россіи скорѣе заставляетъ принять завоеваніе, чѣмъ мирное пришествіе, и только положительныя слова лѣтописи принуждаютъ исследователя искать другихъ объясненій для этой системы. Это видитъ и г. Погодинъ. Сравнивая начала русскаго и западно-европейскихъ государствъ, онъ говоритъ, что занятіе Россіи Варяго-Руссами было сходно съ завоеваніемъ, а въ возраженіяхъ г. Кирѣевскому (стр. 533) откровенно сознается, что гораздо-легче возражать тому, кто не допускаетъ никакого сходства между занятіемъ и завоеваніемъ, нежели противоположному критику, который сталъ бы утверждать, что Россія была завоевана. — Далѣе, желая доказать, что призваны были не изгнанные, а другіе — лѣло само-по себѣ очень-вѣроятное—г. Погодинъ прибѣгаетъ къ натяжкѣ и приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ Нестора, изъ которыхъ будто-бы видно, что Несторъ различалъ Руссовъ, призванныхъ и поселившихся у насъ, отъ Варяговъ вообще. Различіе видно, прав-

да, но только въѣзжихъ Варяговъ отъ служившихъ и приходившихъ на время, а не Варяговъ вообще отъ Варяго-Руссовъ. Слова: «Хрестіанскую Русь» «водиша ротъ въ церкви св. Ильи, мнози бо бѣша Варязи хрестіани», подавляютъ только, что Русь были Варяги, никакъ не болѣе. Словомъ, изъ всего этого въ пользу мнѣнія г. Погодина ровно ничего не слѣдуетъ.—На страницѣ 25, авторъ говоритъ, что «Новгородцы звали къ себѣ княземъ *ищественно для защиты*», чего, однако, лѣтопись не говоритъ. Въ параллельномъ мѣстѣ, приведенномъ изъ Деппинга о призваніи Роллона жителемъ Руана, сказано, что послѣдніе хотѣли признать его дюкомъ съ условіемъ, чтобъ онъ ихъ *защищалъ и судилъ по праву*. И отсюда видно, что защита была не главнымъ, не единственнымъ поводомъ къ призванію. Вообще, напрасно г. Погодинъ оставляетъ въ тѣни слова Нестора: они слишкомъ-ясны и опредѣленны.

Третья глава посвящена Рюрику и событіямъ его времени. Особенно интересно опроверженіе мнѣнія профессора Крузе, который думаетъ, что нашъ Рюрикъ и Рюрикъ франкскихъ лѣтописей одно и то же лицо. Опроверженіе основано на соображеніяхъ хронологическихъ. — Слова *полша по себѣ всю Русь*, авторъ правильно переводитъ: *взялъ съ собою часть Руссовъ*, отступая въ этомъ случаѣ отъ мнѣнія Карамзина и другихъ.—Первымъ мѣстопребываніемъ Рюрика былъ не Новгородъ, а Ладога.—На страницѣ 57-й, авторъ переходитъ къ важному для того времени вопросу: въ чемъ состояло достоинство князя? Рѣшеніе его кажется намъ неудовлетворительнымъ. Главная цѣль Новгородцевъ говорить онъ «была—имѣть защитниковъ отъ Варяговъ, которые всегда могли грохотить ихъ землѣ». Въ этомъ случаѣ, авторъ очевидно отступилъ отъ правды, котораго придерживается вездѣ очень-строго, и за нарушеніе котораго часто укоряетъ своихъ противниковъ: онъ не основывается на примочъ смѣ-

дѣтельствѣ лѣтописи, гдѣ сказано только: «изгнаша Варяги за море, и не даша имъ лани и почаша сами въ собѣ воладѣти и не бѣ въ нихъ правды и вѣста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поимъемъ со бѣ князя, иже бы воладѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ и Руси..... Рѣша Руси..... земля наша велика и обильна, а на земля въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и воладѣти нами». (Лаврент. лѣтоп. стр. 12). Что къ намъ пришло въ слѣдствіе этого призыва цѣлое войско — ничего не значитъ. Это могло быть дѣйствиємъ произвольнымъ со стороны Руси, безсознательно-добродушно дозволеннымъ со стороны призывавшихъ. Плата, назначенная Олегомъ въ 300 гривенъ «мира дѣля», нисколько не доказываетъ, что Русь была призывана союзными племенами съ цѣлью защищать ихъ отъ набѣговъ Норманновъ; ибо Олегъ могъ возложить ее на Новгородцевъ для того, чтобъ обезопасить свои владѣнія послѣ того, какъ онъ самъ отправился далѣе на югъ. Вообще, мы не можемъ понять, почему авторъ не хочетъ принять призыванія такъ, какъ оно рассказано лѣтописцемъ, и отыскиваетъ другія причины, на которыя у послѣдняго нѣтъ даже намека? Г. Соловьевъ, въ своемъ разсужденіи объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, весьма остроумно и основательно замѣтилъ, что такое призываніе повторялось нѣсколько разъ въ исторіи Новгорода. (Мы прибавимъ отъ себя, что то же видимъ весьма-часто и въ другихъ частяхъ Россіи въ періодъ удѣловъ.) Сами собою Новгородцы не могли управляться. Это свойство и необходимая принадлежность всѣхъ юныхъ полупатриархальныхъ, граждански неустроенныхъ обществъ. Какъ только лѣтъ князя—возникаетъ страшная неурядица, междуусобія, и Новгородцы посылаютъ къ какому-нибудь князю идти къ нимъ княжить, водворить тишину и правый судъ. Можетъ-быть,

этотъ случай, рассказанный въ лѣтописи, не былъ первымъ, а если онъ и былъ первымъ, то легко объясняется тѣмъ, что Новгородцы и другія племена не могли согласиться, кого выбрать въ князя изъ своей среды, когда явилось нѣсколько родовъ, равныхъ между собою, изъ которыхъ каждый имѣлъ большія партіи. Подтверженіемъ нашей мысли служитъ извѣстіе о призываніи, сохранившееся въ никоновской лѣтописи. Тамъ говорится, что долго спорили племена, кого набрать: одинъ предлагали Козаровъ, другіе Полягъ, Дунайчей и Варяговъ; нѣкоторые изъ своей среды. На этомъ мѣстѣ, конечно, нельзя твердо основываться, потому-что въ никоновской лѣтописи много вставокъ и повидѣйшихъ допущеній. Но когда авторъ изъ однихъ соображеній хочетъ построить свой взглядъ, мы въ правѣ сослаться на это мѣсто. Изъ него прямо видно, что главнымъ вопросомъ при избраніи было внутреннее устройство, порядокъ страны, а не защита ея отъ внѣшнихъ враговъ. Это, конечно, не значитъ, что вопросъ объ охраненіи земли не могъ тогда же возникнуть. Даже весьма-иногда, что онъ склонилъ выборъ на сторону Варяговъ-Руси, сосѣднихъ и дружественныхъ Норманнамъ. Но мы думаемъ, что это обстоятельство не было первое, главное, а скорѣе второстепенное. Г. Погодинъ видѣлъ это и говоритъ (стр. 57): «Но они звали Князей вслѣдствіе междуусобія? Междуусобіе началось у нихъ по изгнаніи Варяговъ, вслѣдствіе перваго общаго дѣйствія, какъ догадывался и Шлегель, потому, можетъ быть, что какое племя желало первенствовать: прекратить междуусобіе — это была временная нужда, а безопасность — всегдѣшная».

Опять толкованіе совершенно-произвольное! Лѣтописи прямо говоритъ: «не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся». Здѣсь нѣтъ и намека на то, чтобъ племена ссорились между собою: *случилъ имъ проис-*

ходили междуособія, и родъ возста-
валъ на родъ.

И такъ, внутреннее управленіе было
главнымъ, первымъ мотивомъ при из-
браніи трехъ братьевъ. Г. Погодинъ
думаетъ на оборотъ и говорить, что
князю очень-рѣдко случалось принимать
участіе въ управленіи внутрен-
ними, особенно судными дѣлами. Въ
доказательство онъ приводитъ, что еще
въ XIII, XIV и слѣдующихъ вѣкахъ
Новгородцы говорили: а безъ посади-
ника тебѣ, княже, не судити (стр. 58).
Но это мѣсто говоритъ противъ г. По-
година. Изъ него слѣдуетъ, во-первыхъ,
что *князь судилъ*; во-вторыхъ, что онъ
судилъ сначала одинъ, а потомъ уже
съ посадниками, иначе не для чего
было бы и включать это условіе въ до-
говоры. Последнее подтверждается и
цѣлымъ ходомъ развитія новгородскаго
внутренняго быта. Ограниченія княже-
ской власти появляются здѣсь уже поз-
же, когда Новгородъ сдѣлался политиче-
ски-самостоятельнымъ. Въ отноше-
ніи къ суду и судопроизводству, мы
имѣемъ на это и прямыя и косвенныя
доказательства. Къ прямымъ относится
«Русская Правда», которая, какъ при-
знаетъ самъ г. Погодинъ, есть законо-
дательство новгородское. По синодаль-
ному списку «Правды», слѣдовательно,
не позже XIII вѣка, передъ княземъ
происходилъ судъ о наследствѣ; на
княжій дворъ приводили тата, схва-
ченного ночью на дѣлѣ, и продержан-
наго до разсвѣта. Не говоримъ уже о
продажѣ и вирахъ, которыя сбывались
въ пользу князя почти съ каждаго дѣ-
ла. И такъ, участіе князя въ судебныхъ
дѣлахъ и равно и несомнѣнно. Далѣе,
изъ лѣтописи мы знаемъ, что Влади-
миръ Мономахъ (XII в.) призывалъ къ
себѣ на судъ Новгородцевъ и заклю-
чилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это заста-
вляетъ насъ не безъ основанія думать,
что ограниченія княжеской власти въ
судныхъ дѣлахъ тогда еще не было, и
что оно возникло позже. Намъ могутъ,
пожалуй, возразить, что въ Киевѣ Мо-
номахъ могъ судить при посадникѣ, но
это невѣроятно, потому что въ позд-

нѣйшихъ условіяхъ Новгородцы всег-
да обязывали князей не судить ихъ въ
новгородской территоріи. Причина по-
нятна: подсудимые въ чужой землѣ
не были ничѣмъ обезпечены. Итакъ,
ограниченіе княжескихъ правъ при-
шло послѣ. То же должно сказать и въ
отношеніи всѣхъ другихъ княжескихъ
правъ. Даже въ духовномъ управленіи
тотъ же порядокъ развитія. Въ XI вѣ-
кѣ, Ярославъ поставилъ въ Новгородѣ
епископа Луку Жидату, а митрополитъ
Ефремъ черезъ нѣсколько лѣтъ вы-
звалъ его въ Кіевъ и осудилъ; въ по-
слѣдствіи же, архіепископы новгород-
скіе не спѣшили въ Москву для поста-
вленія, управляли епархіей по одному
избранію и спорили съ митрополитами
за мѣсячный судъ и подѣлывы. Та-
кимъ-образомъ, сначала, князь управ-
лялъ Новгородомъ своими посадника-
ми, намѣстниками или посредствомъ
князя, своего сына или внука, кото-
рый былъ тамъ на правахъ княжескаго
правителя. Новгородъ былъ тогда
подчиненъ великому князю кievскому
наравнѣ со всѣми прочими областями
Россіи. Но когда власть великаго кня-
зя ослабла, Новгородцы этимъ восполь-
зовались и стали управляться сами со-
бою. Съ этого времени начинается из-
браніе князей, избраніе владыки и по-
степенное ограниченіе княжескихъ
правъ, сдѣлавшееся особенно необхо-
димымъ, когда князья получили отдѣ-
лость въ своихъ вотчинныхъ-княженіяхъ,
и стали пытаться обратить и Новго-
родъ въ свою полную, наследственную
вотчину. Такой же ходъ развитія былъ
и въ остальной Россіи. Мы имѣемъ по-
ложительныя свидѣтельства, что уже
въ XII вѣкѣ княжескіе тиуны судили
и взимали виры и продажи. Къ такимъ
свидѣтельствамъ относится рассказъ
лѣтописи о вступленіи на княжескій
престолъ Игоря Ольговича и объ уби-
еніи Андрея Боголюбскаго. При Іоаннѣ
III начинаютъ показываться слѣды ог-
раженія княжескихъ правителей и
судей выборными, цаловальниками,
потому что произволъ и корыстолюбіе
первыхъ были разорительны, невыно-

сныи. При Иоаннѣ IV, эта система судоустройства и администраціи развита подробно и стала общою, исключительною въ тогдашней Россіи. Чтѣ въ Новгородѣ сдѣлалось въ слѣдствіе его политической независимости, то въ остальной Россіи старались сдѣлать несковские цари, когда стали обращать вниманіе на внутреннее устройство государства. Такимъ образомъ, и свидѣтельства источниковъ, и наведенія, и аналогическое развитіе въ областяхъ, имѣвшихъ совершенно-различное устройство—все заставляетъ насъ думать, что въ Новгородѣ съ самаго начала князь былъ судьей, и ограниченіе его другими выборными судьями есть явленіе позднѣйшее, относящееся къ тому времени, когда въ немъ утвердилось народовластіе.

Чтобъ отстоять свою мысль, чтобъ набросить сильное подозрѣніе на извѣстіе лѣтописи о призваніи ивоземцевъ для внутренняго распорядка, для водворенія правды и тишины, г. Погодинъ прибѣгаетъ, наконецъ, къ послѣднему, чрезвычайно средству. На стр. 58, прим. 90, онъ говоритъ: «Признаюсь, въ этихъ выраженіяхъ слышится мнѣ *Норманское преданіе*: не было ли какой Саги у насъ, поступившей въ повѣствованіе Нестора? — Мы думаемъ, что здѣсь авторъ, можетъ-быть, увлекся ложно-понятнымъ чувствомъ, которое въ другомъ мѣстѣ такъ несправедливо заставило его заподозрить чуждый голосъ въ простомъ ученномъ результатѣ; ибо г. Погодинъ рѣшительно отступилъ отъ обыкновенной своей методы вѣрить только источникамъ и не прибѣгать къ предположеніямъ, когда они совершенно не нужны. Пристрастіе къ извѣстнымъ любимымъ мыслямъ здѣсь ввало верхъ надъ наукой и строгой истиной. Читатели сами видятъ, что здѣсь вѣтъ никакихъ основаній отвергнуть сказанія и прибѣгать къ догадкамъ.

Послѣ того, какъ-будто недовольный еще приведенными доказательствами, г. Погодинъ ссылается на мнѣнія Шлёцера, Миллера, которые видятъ въ

призванныхъ Варяго-Руссахъ только защитниковъ, предводителей, оберегателей границъ,—мнѣнія, доказывающія только, что оба, какъ иностранцы, не довольно вникли въ древній русскій бытъ, чтобъ понять призваніе, какъ оно расказано въ лѣтописи. Надобно быть Русскими, или ужь по-крайней-мѣрѣ совершенно сжиться съ простыми народамъ, чтобъ понять такое явленіе за тысячу лѣтъ назадъ. Слова г. Севковскаго о значеніи нашего князя доказываютъ только, что онъ обратилъ особенное вниманіе на военное значеніе князя—не болѣе; ибо о томъ, имѣлъ ли князь участіе въ судѣ или нѣтъ, онъ не говоритъ ни слова.

Наконецъ, г. Погодинъ находитъ, что исключительно военное назначеніе князя подтверждается и послѣдовавшими событіями послѣ набранія: пребываніемъ Рюрика въ Ладогѣ, преданіемъ о Вадимѣ, оставленіемъ Новгорода Олегомъ, совершеннымъ отдѣленіемъ Новгорода при Святославѣ и, наконецъ, остальной исторіе этого города (стр. 59). Разсмотрѣвъ всѣ эти событія, мы найдемъ, что большая часть изъ нихъ говоритъ противъ мнѣнія г. Погодина, прочія ничего не доказываютъ. Пребываніе Рюрика въ Ладогѣ находитъ свое объясненіе въ извѣстии Никоновской лѣтописи, что «пришельцы боухусъ звѣринаго ихъ обочая и врага». Объ этомъ звѣрствѣ говорятъ и арабскіе писатели. Преданіе о Вадимѣ показываетъ только, что Новгородцы думали видѣть въ пришельцахъ князей по своимъ повѣтіямъ, но ошиблись: пришельцы стали ихъ грабить и притѣснять. О причинахъ оставленія Новгорода Олегомъ мы ничего не знаемъ. Можно насчитать много причинъ; одною изъ важныхъ, конечно, было желаніе быть ближе къ Византіи. Совершеннаго отдѣленія Новгорода при Святославѣ мы не видимъ. Напротивъ, вѣстойтельное и дерзкое требованіе князя и слова: «если не дашь князя, мы найдемъ себѣ», показываютъ только, что Новгородцы не могли жить безъ него. Это же мы видимъ и въ послѣд-

ствіи. Г. Погодинъ согласится съ нами, что необходимость защиты отъ вѣшнихъ враговъ не могла имѣть вліянія на такое дерзкое требованіе, ибо онъ самъ говоритъ, что Новгородцы платили дань за море «мира дѣла», и что до самой смерти Ярослава, вѣроятно, именно въ слѣдствіе этого, дружескія отношенія между Россією и Скандинавами не нарушались ни разу. Стало-быть, въ князѣ Новгородцы искали не защитника, а правителя. Наконецъ, вся исторія Новгорода блистательно доказываетъ, что они не умѣли управиться у себя сами-собою и нуждались въ посредничествѣ князя. Отсутствие его всегда ознаменовывалось кровавыми сценами и страшными волненіями.

Въ слѣдствіе всего сказаннаго, мы не видимъ никакого основанія отвергать причины призванія, выставленныя у летописца, или перетолковывать ихъ по-своему, какъ сдѣлалъ Шлёцеръ. Намъ кажется это событіе очень-простымъ и естественнымъ. Когда въ обществѣ по-преимуществу патриархальномъ имѣтъ головы, старѣйшины, раздоры и междоусобія рано или поздно должны возникнуть. Всего естественнѣе они возникаютъ при набраніи въ старѣйшины. Взаимная зависимость родовъ дѣлаетъ невозможнымъ избраніе кого-либо изъ своей среды. Естественно, что прибѣгаютъ къ избранію совершенно-посторонняго, равно чужаго для всѣхъ избирающихъ. Сколько тяжель и теперь еще рѣшается у насъ въ простомъ народѣ тѣмъ, что спорная вещь отдается третьему, постороннему, и такимъ рѣшеніемъ остаются оба совершенно довольны! Такъ объясняетъ призваніе и Рейцъ въ своей «Исторіи Русскаго Законодательства».

На страницѣ 60-й, по-поводу одного мѣста изъ летописи, гдѣ говорится о раздачѣ «мужамъ» городовъ, г. Погодинъ мимоходомъ касается важнаго вопроса, былъ ли у насъ при Варягахъ феодализмъ или нѣтъ? И рѣшаетъ его отрицательно. По нашему мнѣнію, такое рѣшеніе ошибочно. Изъ того, что Рюрикъ раздавалъ города своимъ спо-

движникамъ, нисколько не слѣдуетъ, что Варяго-Руссы принесли къ намъ феодальную систему: это справедливо. Но мы думаемъ, что есть другія доказательства болѣе-важныя. Поводомъ, заставляющимъ предполагать у насъ феодальную систему при Варягахъ-Руси, мы считаемъ дружинное устройство послѣднихъ. Пришедшіе къ намъ съ Рюрикомъ являются болѣе его сотоварищами, нежели подданными. Если этого не видно именно при немъ, то это видно при послѣдующихъ князьяхъ этого періода. Дружина договаривается съ княземъ, присягаетъ ему, объявляетъ свое неудовольствіе; князь ею дорожатъ, даютъ ей часть изъ добычи, и мы не имѣемъ никакого повода думать, чтобъ они такъ поступали по доброй волѣ. Напротивъ, видно, что князь имѣлъ къ своимъ сотоварищамъ отношеніе договоренныхъ, а не основанное на госуларственныхъ началахъ, какъ въ-послѣдствіи. Это-то и заставляетъ насъ думать, что система управленія, принесенная къ намъ Варягами-Русью, была по-всѣмъ вѣроятіямъ дружинная, т. е. феодальная, а не другая. Эта мысль подтверждается и нѣкоторыми фактами, на которые, какъ намъ кажется, г. Погодинъ слишкомъ мало обратилъ вниманія, хотя онъ повимааетъ ихъ правильно. Еслибъ у насъ не было феодальной системы, для чего бы, кажется, было князю, въ трактатахъ съ Греками, выговаривать «уклады» на города? Ясно, что Олегъ выговариваетъ часть на долю своихъ мужей, оставшихся въ этихъ городахъ. А изъ этого слѣдуетъ, что они находились не въ подданическомъ, а скорѣе въ вассальномъ отношеніи къ Олегу. Далѣе, г. Погодинъ дѣлаетъ весьма-остроумное и, по нашему мнѣнію, вѣрное замѣчаніе, что имена, оканчивающіяся на *и* или *овъ* въ игоревомъ договорѣ означаютъ лица, отъ которыхъ отправлены послы къ Грекамъ. Кто же эти лица? По-всѣмъ вѣроятіямъ, князя, получившіе въ Россіи владѣнія. Не возможно иначе объяснить этотъ фактъ. Еслибъ такъ не было,

почему бы, кажется, Игорю не послать одних своих пословъ? И если его приближенные, товарищи, были его подданные, какъ они могли вѣстѣ съ нимъ посылать своихъ пословъ? Далѣе, Константинъ - Багрянородный говоритъ, что съ наступленіемъ ноября тысяща русскіе князья оставили Кіевъ и разѣзжались по другимъ городамъ или въ земли подвластныхъ Руссамъ Славянъ, гдѣ и проводили зиму, а со вскрытіемъ Днѣпра въ апрѣлѣ, опять прѣѣжали въ Кіевъ. Г. Погодинъ думаетъ, что подъ русскими князьями здѣсь разумѣются кіевскіе (стр. 235). Но мы не видимъ никакого основанія къ такому толкованію; напротивъ, вѣстѣ съ другими доказательствами, особливо съ договорами нашихъ князей съ Греками, это интересное извѣстіе Константина-Багрянороднаго еще болѣе убѣждаетъ насъ, что въ Россіи былъ не одинъ князь, а многіе, которые находились, вѣроятно, въ вассальномъ отношеніи къ великому князю, начальнику пришедшей къ намъ дружины. Последнее подтверждается мѣстами изъ договоровъ, въ которыхъ говорится о князьяхъ сущихъ подъ рукою великаго князя кіевского, и еще болѣе лѣтописью, въ которой именно сказано: «по тѣмъ бо городомъ сѣдаху велиція князѣ, подъ Ольгомъ суще». — Къ этимъ доказательствамъ, что кромѣ кіевского были у насъ въ варяжскій періодъ и другіе владѣтельные князья, зависѣвшіе отъ перваго, присоединяются и другія. Въ лѣтописи говорится, что Рогволодъ пришелъ иза моря, имѣше власть свою в Полольскѣ, а Туры Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася. (Лаврент., стр. 45). Что они, по крайней мѣрѣ Рогволодъ, дѣйствительно владѣли этими городами потомственно, постоянно, видно изъ того, что Владиміръ отдалъ Рогвѣдѣ и сыну ея, Изяславу, преждее владѣніе Рогволода, по совѣту бояръ, которые сказали ему «воздвигни (ей) вотчину ея». Потомъ мы находимъ въ лѣтописи, послѣ описанія похода Ольги на Древ-

лянъ: «И възложиша на ня дань тѣку: 2 части дани идета Кіеву, а третья Вышегороду к Ольгѣ, бѣ бо Вышегородъ градъ Волыанъ» (стр. 31). И такъ, часть дани шла къ Ольгѣ (параллельное къ этому мѣсто мы находимъ пѣсколько странницъ выше, въ разказѣ объ убіеніи Игоря: здѣе дружина понуждаетъ князя идти и дань, чтобъ поживиться ею вѣстѣ съ княземъ, а князь, желая получить больше, отсылаетъ дружину и отправляется опять въ дань съ немногими). Вѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что и отъ Ольги былъ посланъ кто-то въ Грецію вѣстѣ съ послами Игоря, какъ мы темно слово *искусеви*. Вотъ все, что мы запомнили изъ лѣтописи въ подтвержденіе нашей мысли. Изъ соображенія этихъ фактовъ выходитъ, что, кромѣ великихъ князей, были у насъ въ ирражскій періодъ и другіе князья, младѣвшіе городами, можетъ быть наследственно, — князья, которые находились подъ властью великаго князя, но вѣстѣ съ тѣмъ получали часть изъ дани, собираемой имъ, посылали вѣстѣ съ нимъ пословъ, вѣстѣ съ нимъ вели торговлю, и не находились у него въ безусловномъ повиновеніи, судя по горлому отвѣту Рогвѣды на предложеніе Владиміра. Лѣтомъ, эти князья окружали великаго князя кіевского, ходили съ нимъ въ дань, въ походы, а на зиму разѣзжались по своимъ владѣніямъ. Чтѣ съ ними стало потомъ — мы не знаемъ; быть-можетъ, ихъ постигла одна судьба съ Рогволодомъ.

Что феодальная система, занесенная къ намъ Варягами - Русью, не была строгой, юридической опредѣлительности, не успѣла развиться и изъ личной обратиться въ территориальную — это почти вѣрно. Но мы и не хотѣли доказывать противнаго. Вся цѣль нашихъ выписокъ — показать, что князья кіевскіе сначала не управляли Россіей посредствомъ намѣстниковъ, посланныхъ, которые находились къ нимъ въ подданническихъ отношеніяхъ; что сначала эти князья-подручники были нѣчто болѣе обыкновенныхъ правите-

лей, не только въ теперешнемъ смыслѣ, но даже въ смыслѣ удѣльнаго періода. (Мы разумѣемъ здѣсь не отношенія удѣльныхъ князей между собою, но ихъ отношенія къ посадникамъ и намѣстникамъ). Прибавимъ къ этому, что такой порядокъ вещей отозвался и въ политической системѣ Ярослава. Онъ раздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ, подчинивъ ихъ старшему, кievскому. Удѣльные князья не были намѣстниками послѣдняго; но какія были ихъ отношенія къ ихъ владѣніямъ? Разрѣшить этотъ вопросъ, особенно съ самаго начала періода удѣловъ, чрезвычайно-трудно. Они были въ удѣлахъ полновластные господа и въ то же время удѣлы не были ихъ собственностью, потому-что они безпрестанно переходили изъ одного удѣла въ другой. Скажемъ въ заключеніе, что параллельныя мѣста, приведенныя г. Погодинымъ, доказываютъ противное его мнѣнію: яри далеко не намѣстники.

Общій взглядъ автора на княженіе Рюрика показало намъ страннымъ. Г. Погодинъ задаетъ себѣ вопросъ: есть ли княженіе Рюрика событіе Новгородское или Всероссійское и въ какой степени? Здѣсь ли основаніе государства? Въ какой связи находится это происшествіе съ послѣдующими? Суть ли послѣдующія происшествія развитіе онаго и въ какой мѣрѣ? (стр. 69) и отвѣчаетъ на нихъ такъ: Это событіе принадлежитъ одному Новгороду, особенно потому, что преемникъ Рюрика оставилъ Новгородъ — и послѣ него все здѣсь пришло въ первобытное положеніе. Здѣсь на время только появилась новая германская форма, поэтому прибытіе Рюрика нельзя считать началомъ Русскаго Государства. Оно ничто иное какъ прибытіе Норманновъ въ Россію — Норманновъ, которые въ послѣдствіи, въ теченіи *шести вѣковъ* (?) ослаблялись, будутъ давать, по мнѣнью своего *размноженія* (?) гражданскую форму поселеніямъ племенъ Славянскихъ. (стр. 70). Вся важность этого событія, связь его съ послѣдую-

щимъ, въ Рюрикѣ, родоначальникѣ будущей династіи, государѣ «добровольно приглашенномъ, слѣдовательно по пришедшемъ съ чувствами дружбылюбными, а не враждебными». Прозваніе Рюрика — начало начала. Послѣ того, г. Погодинъ находитъ нужнымъ воздать честь Новгороду, старшему сыну Россіи, который признавалъ Рюрика, начальника династіи, преобразовавшей патриархальный славянский бытъ.

Что сказать на все это? Странное благоговѣніе передъ частнымъ событіемъ помимо главнаго, передъ случайностью помимо необходимаго! Еслибъ умеръ Рюрикъ, не оставивъ преемниковъ — его мѣсто, вѣроятно, занялъ бы другой, была бы не рюрикова, а какая-нибудь другая династія, вѣроятно, тоже русско-варяжская, и дѣла бы отъ этого насколько не перемѣнились въ главномъ, а перемѣнились бы только въ частности. Съ какими чувствами пришелъ къ намъ Рюрикъ — этого мы не знаемъ, а въ призваніи заключить нельзя; знаемъ только, что Варяги-Русь дѣйствовали у насъ такъ, какъ-будто-бы они завоевали Россію, и бунтъ Вадима, безпрестанныя возстанія подвластныхъ племенъ и множество другихъ фактовъ, которые собраны самимъ авторомъ въ концѣ книги, очевидно доказываютъ, что вопросъ о томъ, пришли ли Варяги-Русь къ намъ, какъ завоеватели, или по призыву, — вопросъ любопытства — никакъ не болѣе: какъ бы ни явились они въ Россію, но поступали они крутенько. Почему авторъ думаетъ, что Варяги-Русь ослаблялись въ продолженіе шести вѣковъ (если это только не опечатка) — понять не можемъ. Наконецъ, не знаемъ также, за что именно мы должны благодарить Новгородъ. Думаемъ, что, призывая къ себѣ князей, или допустивъ ихъ въ свою землю, Новгородцы мало объ насъ думали; сверхъ-того, мы знаемъ, что они и сами потомъ раскаялись. Еслибъ кто-нибудь, побѣдавъ на дорогѣ, оставилъ хлѣбъ, а другой голодный нашолъ его случай-

но и найлся нѣтъ досыта — не знаю, за что бы послѣдній сталъ благодарить перваго. Не ясный ли тутъ историческій мистицизмъ. Здѣсь онъ стравенъ, и только; но часто онъ доводитъ до самыхъ ложныхъ выводовъ. Всѣ эти ни къ чему неведущія разсужденія заключаются слѣдующимъ очень дѣльнымъ и основательнымъ замѣчаніемъ: «Итакъ, здѣсь нѣчего еще говорить ни объ завоеваніи, ни о призваніи; нѣчего искать отсюда только слѣдствій призванія, и еще нѣтъ завоеванія; нѣчего основывать на этомъ отличіи отличія прочей Россійской Исторіи, отъ Исторіи всѣхъ европейскихъ государствъ. Причины этого отличія исторіи заключаются не въ этомъ одномъ событіи, а вмѣстѣ со слѣдующими». (стр. 71).

Въ IV главѣ находимъ изслѣдованія объ Олгѣ. Отмѣтимъ только то, что намъ показалось неудовлетворительнымъ. На стр. 74 авторъ говоритъ, что Олегъ оставилъ Новгородъ совѣмъ не думая возвратиться, и находитъ подтвержденіе этой догадки между прочимъ въ томъ, что при Святославѣ Новгородъ принадлежалъ кромѣ дани, нисколько не принадлежалъ кіевскому князю. Но, во-первыхъ, въ другихъ мѣстахъ г. Погодинъ говоритъ же, что вся зависимость заключалась въ дани. Въ этомъ смыслѣ Новгородъ принадлежалъ Святославу. Во-вторыхъ, дани установилъ Олегъ у Славянъ (Новгородцевъ) уже послѣ взятія Кіева; слѣдовательно, Новгородъ принадлежалъ ему и тогда, когда онъ назъ него вышелъ съ мыслію не возвращаться. Ольга, по словамъ лѣтписца, ходила въ Новгородъ и уставляла по Мстѣ погосты и дани; слѣдовательно, онъ находился подъ ея властью, когда она правила землей. Наконецъ, требованіе князя со стороны Новгородцевъ и отвѣтъ Святослава не даютъ намъ никакого права думать, что Новгородъ не принадлежалъ ему. Святославъ всю свою жизнь провелъ на войнѣ, не заботясь о правильномъ внутреннемъ устройствѣ своей земли. Новгородцы, прося у него князя, показали,

что хотѣтъ отъ него зависть и призываютъ его власть, а отвѣтъ Святослава, можетъ-быть, столько же истолкованъ неугомонностію Новгородцевъ, сколько отдаленностію Новгорода отъ Греціи, юга, куда такъ и тянуло пришельцевъ Русь. Самое лучшее объясненіе ухода изъ Новгорода есть то, которое предлагаетъ г. Погодинъ: шли куда глаза глядятъ, и шли не думая, какъ и что они оставляютъ, не думая о зависимости или независимости страны послѣ ея оставленія.

Потомъ говорится о занятіи Олегомъ Кіева. Г. Погодинъ находитъ, что и здѣсь нѣтъ завоеванія (стр. 78).

Насиліе сдѣлано только противъ единоплеменниковъ, Аскольда и Дира. Тихіе Поляне столь же покойно стали называть своимъ господиномъ Олега, какъ прежде Аскольда и Дира и еще прежде Коваръ и Кія съ братьями. Чувство, такъ-сказать, призванія оставалось при видѣ этой безпрекословной покорности, которою обезоружено было даже звѣрство Норманновъ. Это было спокойное занятіе — при томъ занятіе одного города малочисленною ватагою. Слѣдовательно, и здѣсь нѣчего говорить о завоеваніи и слѣдствіяхъ его:

Удивительное желаніе хитрости и обходить вопросъ! Изъ словъ г. Погодина выходитъ, что завоевать Славянъ было математически-невозможно. Мы, право, не понимаемъ, чего онъ хочетъ. Пришла дружина, шайка — какъ хотите назовите — съ сѣвера, убила князя кіевского и овладѣла Кіевомъ. Авторъ находитъ, что это не завоеваніе, а занятіе, что Славяне обезоружили Варяговъ-Русь своею покорностію. Стало-быть, для завоеванія нужно сопротивленіе со стороны завоевываемыхъ? Странное, хотя и новое понятіе о завоеваніи! И какой герой былъ Рюрикъ, какъ великодушны его сподвижники! Славяне покорились нѣмъ добровольно, и они, какъ истинные рыцари (ироничемъ, не дѣйствительно бывшіе, а замышленные, въ романахъ), даровали имъ и жизнь и свободу! Правда, фактъ

в этой эпохи и послѣдующей, удѣльной, доказываютъ противное; они показываютъ угнетеніе, разореніе земли пришельцами. Но что за нужда? Източись говорить, что пришельцы были призваны, слѣдовательно, они не зазывали... Можно ли такъ обезобразить исторію готовыми теоріями и любимиыми взглядами!

Рядомъ съ этой странной натяжкой мы находимъ весьма-дѣльное замѣчаніе, уже предложенное Рейндомъ, но не развитое такъ подробно, какъ здѣсь—замѣчаніе, что 300 гривенъ, которыми бложилъ Олегъ Новгородцевъ, платилъ имъ не кіевскимъ князьямъ, не осмизшимъ въ Новгородѣ Варягамъ, а а морю, чѣмъ и куплемъ былъ у нихъ ир.

Пятая глава занята исследованиями о одѣ кіевскихъ князей. Особенно интересно исследование о происхожденіи Ольги. Авторъ, на основаніи историческихъ преданій и еще болѣе изъ характера дѣйствій Ольги доказываетъ, что она была варяжскаго рода. Все то исследование ведено превосходно, обстоятельно. Впрочемъ, и въ этой главѣ мы нашли нѣсколько мыслей, съ которыми не можемъ согласиться. Такъ, напр. (стр. 121), г. Погодинъ думаетъ, что туземцы, т. е. земледѣльцы, не употребляли Варягами на войну, и нѣста изъ Нестора, въ которыхъ исчисляются племена, давшія войско—зашиствованы, вѣроятно, изъ домашней саги и должны означать только могущество Олега, какъ повелителя столь многихъ племенъ. Г. Погодинъ говоритъ, что нигдѣ въ древней лѣтописи даже о позднѣйшемъ времени нѣтъ ничего подобнаго и въ подтвержденіе того живѣнія приводитъ слѣдующее нѣсто: «нача (Владиміръ Мономахъ) залагати къ Святлополку, понужая его на воганыя, на весну... Дружина (Святлополкова) рекоша: не верема нынѣ побудити смерды отъ ролы... И рече Володимерь: во се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнуть смердъ тотъ брати лошадыю тою, и при-

ѣхавъ Половчичи ударити смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту, и жону его и дѣти, и гумно его зажметъ». Кажется, говорить онъ, что у земледѣльцевъ брались только лошади въ случаѣ нужды. Едва-ли это такъ. Всѣ параллельныя нѣста, приведенныя г. Погодинымъ въ статьѣ о нуждахъ юрриковъ изъ нѣвстій о Норманнахъ, доказываютъ противное: яри должны были ставить конугантъ войско. Но положимъ, это извѣстіе ничего не доказываетъ, потому-что эти войска могли быть набранныя изъ охотниковъ. Возьмемъ другіе примѣры: Норманны вовлекали въ свои походы в Славянъ; Гунны, Готы, Монголы тоже. Не знаемъ, почему бы того же самого не дѣлали Норманны и у насъ. Наконецъ, нѣсто, приведенное г. Погодинымъ, говоритъ прямо противъ него. Слова: *не время нынѣ побудити смерды отъ ролы* и отвѣтъ Владиміра: *оже смердовъ жалуете и ихъ коній*, показываютъ, что и смердовъ и ихъ коней брали на войну. Къ этимъ доказательствамъ присоединяются и самыя нѣста изъ лѣтописи, о которыхъ идетъ рѣчь: иде Олегъ на Греки, и поа иножество Варягъ и Словенъ, в Чуди, и Кривичи, и Мерю и Деревляны и т. д., всего двѣдцать племенъ. Безъ рѣшительныхъ, ясныхъ свидѣтельствъ эти слова не могутъ быть отвергнуты; перетолковать ихъ не возможно.— Далѣе г. Погодинъ говоритъ: «Пришлое воинственнае племя Варяги-Русь разошлось съ князьями и мужами ихъ по всѣмъ главнымъ городамъ или селамъ Славянскимъ, и населеніе ихъ, вслѣдствіе этого при-бавленія, измѣнилось. Варяги-Русь сдѣлались основаніемъ городовыхъ дружинъ, военнаго сословія, которое дополнялось часто новыми пришельцами». (Стр. 122).

Доказывая это положеніе разными свидѣтельствами, г. Погодинъ между прочимъ ссылается на возстаніе Кіевлянъ и рѣшительный токъ, которымъ они говорятъ съ князьями. Эту переимѣну въ тихихъ и кроткихъ Полянахъ, онъ приписываетъ вновь привишедше-

му къ нимъ норманскому элементу. Но такое доказательство не убѣдительно. Въ Сѣверо-восточную Россію Варяги не приходили: однако и тамошніе жители говорили и дѣйствовали иногда довольно-рѣзко, даже Москва. А тамъ Варяговъ не было! Поляне образовала и имѣла исторію, опытность, а не приплыль новыхъ стихій; иначе должно бы предположить, что наши Славяне переродились и столько же оваряжились, сколько Варяги ославянились; но перваго принять нельзя, и самъ г. Погодинъ не припиааетъ. — Такъ же разсуждаетъ г. Погодинъ о Новѣгородѣ, и по нашему мнѣнію такъ же неосновательно. Самое раздѣленіе на пятинны кажется ему варяжскимъ. Нортумберландъ, говорилъ онъ, назывался также пятинною Англіи. Это сближеніе любопытно—не болѣе, большіи цѣны въ историческомъ разсужденіи оно не имѣетъ.

Въ VI главѣ говорится о дѣйствіяхъ кievскихъ князей до кончины Ярослава, преимущественно о ихъ походахъ. И здѣсь такъ же, какъ и во всей книгѣ, авторъ безпрестанно сравниваетъ дѣйствія нашихъ князей съ дѣйствіями конунговъ и вождей норманскихъ, и представляетъ на первый планъ ихъ разительное сходство. О походахъ къ племенамъ славянскимъ онъ говоритъ слѣдующее: «Вѣроятно, Несторъ обра-цалъ вниманіе только на тѣ, послѣ которыхъ то или другое племя начинало платить дань кievскимъ князьямъ. О повторительныхъ онъ не упоминаетъ, развѣ въ случаѣ сопротивленія племенъ». (Стр. 135.)

То-есть, сказали бы мы, Несторъ записалъ только походы противъ племенъ неподвластныхъ, или возмущившихся, нехотѣвшихъ быть подвластными,—словомъ, одни походы военные. О мирныхъ походахъ съ цѣлью собрать дань онъ не говоритъ, потому что они столько же отличались отъ военныхъ, сколько послѣдующіе походы московскихъ царей въ Троицкую Лавру отъ походовъ въ Казань, въ Крымъ и т. д. Можетъ-быть, то же са-

мое хотѣлъ сказать и авторъ, толь слова его темны.

Эта глава, подобно другимъ, не ошлась безъ замѣчаній—не историчскихъ, а какихъ-то странныхъ.

• Характеръ походовъ варяжскихъ былъ у насъ иной, нежели въ восточной Европѣ: они не являлись грабительскими и опустошительными. Это было бы всякаго сомнѣнія по той причинѣ, что славянскія племена, тихія, свирмы не раздражали ихъ, не представляли имъ никакого сопротивленія (наи-более Поляне, Радимичи), не такъ, какъ на Западѣ, или представляли малое (Древляне, Сѣверяне), исполняли то часть ихъ требованія, кромѣ Тиверцевъ, Вятичей, которые, кажется, не тались-было воспользоваться своею отдаленностію» (стр. 138).

Съ чего же взялъ г. Погодинъ, что Варяги-Русь не являлись грабителями и опустошителями? А разскажъ о поступкѣ Игоря съ Древлянами, за который онъ былъ убитъ? Почитайте грамату уставыя времени Іоанна Грознаго: съ тогда намѣстники и ихъ люди тамъ грабили области, что жители разбѣгались. Врядъ ли при Варягахъ-Руси было лучше. Еслибы они были такъ добры, за что же бы, кажется, племена возмущались—имъ, впрочемъ, мирнымъ Славянамъ, которые такъ охотно переходили изъ-подъ власти Козаръ подъ власть Аскольда и Дира, и изъ-подъ ихъ власти подъ власть Олега? А воходы противъ одного и того же племени повторялись часто.

Потомъ говорится о походахъ противъ сосѣднихъ племенъ. По этому поводу авторъ вновь исследовалъ вопросъ о мѣстоположеніи Тмуторокани и опровергаетъ мнѣніе академика Шегрена, что подъ Чудью, платившую дань Руси, должно разумѣть сосѣднихъ съ Новгородомъ, а не заволооченную Чудь, Емъ искать на юго-восточномъ берегу Ладожскаго-Озера, въ Тихомскомъ-Уѣздѣ, а не въ Южной-Финляндіи. Потомъ о походахъ Руси въ Грцію; наконецъ, о междоусобицахъ.

Глава VII посвящена военному дѣлу въ этотъ періодъ. Методъ намъ понравился. Г. Погодинъ выписываетъ всѣ глѣта лѣтописи, гдѣ говорится о войсѣхъ, и потомъ дѣлаетъ изъ нихъ выводы и заключенія. Правда, не всегда этотъ методъ вполне достигаетъ своей цѣли. Нужно, чтобъ мѣста говорили о предметѣ ясно, опредѣленно; но тамъ, гдѣ мѣсто основано юльте на соображеніяхъ, чѣмъ на прямыхъ свидѣтельствахъ, выписка мѣста не ведетъ насъ къ чему. Мы скажемъ еще объ этомъ въ послѣдствіи. Также образы мѣста и объ отрокахъ, гридахъ. Почему г. Погодинъ думаетъ, что отроки были наибольшіе изъ дружины — право, не знаетъ. Изъ приведенныхъ мѣстъ этого не видно. Сверхъ того, оныхъ выписокъ лѣтописи не достаточно. Сколько намъ известно, проки были молодые люди знатныхъ фамилій, служившіе при князѣ, а все же наибольшіе въ дружинѣ. О гридахъ сказано, что они были всегда при князѣ въ видѣ тѣлохранителей. Отъ чего же они были и въ Новгородѣ въ этотъ періодъ? О содержаніи дружины говорить авторъ очень-неопредѣленно:

«Равнѣется, она имѣла содержаніе отъ князя, который получалъ дань по большей части естественными произведеніями. Это также ясно изъ Эймудовой саги. Можетъ быть, содержаніе, какъ князя, такъ дружины въ воевь, предоставлено было известнымъ волостямъ, изъ которыхъ каждая обязывалась кормить, имѣть на своемъ содержаніи такое-то количество или отрядъ, тануть къ такому-то городу. Въ Русской Правдѣ читается же мы исчисленіе, что должны получать въ постный и скоромный день Вирики съ ихъ отроками: по мудрому предположить подобныя распредѣленія и для воевь» (стр. 225 и 226).

Эта неопредѣленность очевидно происходитъ отъ ложнаго понятія автора объ отношеніи дружины къ князю. Известно, что князь имѣлъ свою дружи-

ну, его приближенные свою, не говоря о тѣхъ, которые владѣли городами и областями. Каждый начальникъ содержалъ свою дружину, которая служила ему отчасти по найму, временно, отчасти была постоянная, и тогда дружинникамъ, можетъ-быть, предоставлялись на прокормленіе волости. Точно то же мы видимъ и въ послѣдствіи. Содержаніе вириковъ вовсе сюда не идетъ. Въ дань и добычѣ участвовала дружина, потому-что она имѣла къ предводителю не подданническое отношеніе.

Изображеніе норманской дружины по Стривгольму, дѣйствительно, разительно сходно съ отрывочными извѣстіями лѣтописи, и авторъ правъ, говоря: не кажется ли, что оно сдѣлано по Нестору? Но въ переводѣ есть вѣдъжки. На-примѣръ, *Amring* авторъ переводитъ словомъ *гривна* и говорить, что иначе нельзя перевести. Но кольцо, которое налѣзалось на руку, и гривна, которую носили на шеѣ — большае различіе.

Наконецъ, замѣтимъ, что въ исчисленіи русскаго войска пропущено показаніе арабскихъ писателей, которое находимъ въ другомъ мѣстѣ въ разбираемой нами книгѣ.

За исключеніемъ этихъ частныхъ недостатковъ, вся глава превосходна.

Глава восьмая, о древней русской торговлѣ, какъ намъ кажется, еще лучше, еще совершеннѣе. Это образецъ исторической критики, хотя со всѣми выводами мы тоже не можемъ согласиться. Читатели, вѣроятно, уже знакомы съ этой превосходной статьёй, помѣщенной авторомъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; поэтому мы и не станемъ надъ ней долго останавливаться, и поставимъ въ короткихъ словахъ разсказать ея содержаніе и главные результаты. Сначала говорится о торговлѣ съ Греціей. Эта торговля велась изъ Кіева, Новгорода, Смоленска, Любеча (?), Чернигова и Вышегорода, по пути, давно известному подъ названіемъ *треческая*, и котораго подробное описаніе,

равно как и самой торговли, находивъ у Константина-Багрянороднаго и Нестора. Эта торговля велась самими князьями. Кроме того, по Дибру, Черному-Морю, Руссы торговали съ Черною Болгаріей, Хозарами и съ Сиріей, а по Волгѣ и Каспійскому-Морю съ землицы на югъ отъ Каспійскаго-Моря. По-крайней-мѣрѣ есть извѣстіе, что они были въ Итилѣ (Астрахани). На западѣ они вели торгъ съ дунайскими Болгарами и карпатскими странами—Венгріей, Галиціей и Богеміей, на сѣверъ съ балтійскими Славянами. Есть поводъ думать, что позднѣйшая торговля Новгородца, Пскова, Смоленска, Полоцка съ Даніей, островомъ Готландомъ и Любекомъ процвѣтала очень-рано. Торговля Новгородцевъ съ Біарміей или Пермью и Югрюю также весьма-древняя. — Съ другой стороны, есть у арабскихъ писателей извѣстіе о торговлѣ волжскихъ Болгаръ съ Візи, кажется, Везью, которые, какъ видно изъ лѣтописи, находились въ сношеніяхъ съ Новгородомъ и были извѣстны Варагамъ. Такимъ-образомъ, изъ туземныхъ и иностранныхъ извѣстій открываются слѣдующіе торговые пути: изъ Скандинавіи въ Гардарикъ, —изъ Скандинавіи въ Біармію, по Бѣлому-Морю, —изъ Новгорода въ Кіевъ, —изъ Новгорода въ Везь, Пермь, Югрю, Печору, къ Самоѣди, —изъ Кіева въ Константинополь, въ Корсуни, къ дунайскимъ Болгарамъ, —изъ Кіева въ Итилъ (Астрахань), Булгаръ (около Казани), —изъ Булгаръ въ Итилъ къ Вези, —изъ странъ каспійскихъ въ Итилъ (стр. 277). Товары, которые составляли предметъ этой торговли и главныя торговыя мѣста въ Россіи тоже исчислены. Этими торговыми сообщеніями объясняются географическія свѣдѣнія Нестора объ отдаленныхъ странахъ, равно какъ и Арабовъ о сѣверѣ. —Всѣ эти свѣдѣнія, дочерпнутыя изъ лѣтописей и вообще письменныхъ памятниковъ, авторъ подтверждаетъ авторитетомъ Френа, Стригольма, Сенковского и въ особенности г. Григорьева, которые, на основаніи восточныхъ монетъ, во множе-

ствѣ находимыхъ въ Россіи и въ Сѣверной-Германіи, дошли въ главныхъ чертахъ до тѣхъ же результатовъ, вероятно, послужившихъ въ пользу г. Погодицу при его наследованіи. Какъ бы то ни было, это согласное мнѣніе многихъ ученыхъ очень-важно и должно освѣтить новыми свѣтомъ древнѣйшую исторію сѣверо-востока Европы. Не довольствуясь этимъ, г. Погодица отыскиваетъ слѣды этой торговли гораздо-раньше, нежели какъ можно судить по непосредственнымъ даннымъ. Онъ связываетъ извѣстія о ней съ извѣстіями Геродота о торговлѣ въ Сѣверо-восточной Европѣ и находитъ, что послѣдняя была лишь продолженіемъ первой.

Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ и догадкахъ много завлекающаго. Нѣтъ сомнѣнія, что результаты очень-любопытны и, кажется, основаны на твердыхъ историческихъ данныхъ. Совсѣмъ тѣмъ мы осмѣливаемся думать, что авторъ въ окончательныхъ своихъ выводахъ увлекся слишкомъ-далеко. Говоря о торговлѣ VIII, IX и X вѣковъ, онъ смотритъ на нее глазами нашего времени, придаетъ ей значеніе, котораго она, какъ намъ кажется, тогда не имѣла и не могла имѣть, и потому приписываетъ ей дѣяствія, подлежащія большому сомнѣнію, по-крайней-мѣрѣ извѣстнѣ-недоказанныя. Извѣстно, что торговля и происходящія чрезъ нее безпрестанныя столкновенія между равночленными народами, жителями различныхъ странъ, только тогда порождаетъ богатство, гражданственность, образованіе, когда самъ народъ принимаетъ въ ней *дѣятельное* участіе, когда торговля есть плодъ его потребностей, которыми онъ не можетъ удовлетворить не можетъ, и ищетъ возполнить недостающее у него мѣною собственныя произведенія на продукты чужихъ странъ и чужой промышленности. Блужденныя потребности вынуждаютъ его на трудъ, на умноженіе своего, на то, чтобъ посредствомъ его приобрести нужное чужое. Благоего, такого

значенія дровянаго торговаго внутри Россіи не имѣла. Она была, вѣроятно, отчасти транзитная, отчасти не активная, а пассивная. О томъ и другомъ мы можемъ заключать и изъ самыхъ извѣстій объ этой торговлѣ, и изъ послѣдующаго. Еслибъ она не была транзитная, отъ-чего бы, кажется, было прекратиться ей въ половинѣ XI-го вѣка? Сильныхъ переворотовъ внутри Россіи, сколько извѣстно, тогда не было. Итакъ, переворотъ долженъ былъ произойти или на сѣверѣ, или на югѣ, которые вели между собою торговлю чрезъ Россію. Другаго объясненія нельзя придумать. Далѣе, еслибъ торговля была дѣятельная, а не пассивная, отъ-чего бы, кажется, осталось такому множеству восточныхъ монетъ? Самые исследователи невольно пришли къ мысли, какъ намъ кажется, очень-вѣрной, что покупалось у сѣверныхъ жителей (въ томъ числѣ и въ Россіи) больше, чѣмъ продавалось изъ южныхъ товаровъ. Торговлю активную уничтожить нельзя ниенно потому-что корень, цѣль ея—въ самомъ торгующемъ народѣ, тогда-какъ торговый путь, закупка товара можетъ, конечно, уменьшиться или вовсе исчезнуть, оставивъ по себѣ одинъ лишь воспоминаніе, а иногда и не оставляя по себѣ никакихъ воспоминаній. Далѣе, судя по послѣдующему, мы имѣемъ то же право думать, что древнѣйшая торговля въ Россіи была отчасти транзитная, отчасти пассивная, по-крайней-мѣрѣ по преимуществу такая. Нѣтъ рѣшительно никакихъ слѣдовъ высшаго образованія губерній, черезъ которыя пролегалы торговые пути, въ сравненіи съ прочими. Въ XII вѣкѣ, владимирскій край былъ мало заселенъ и имѣлъ очень-немного городовъ (Суздаль и Ростовъ); только Новгородъ и Псковъ отличались отъ прочихъ болѣею гражданственностью. Наконецъ, торговля наша была пассивною до самого Петра-Великаго, который съ необыкновенными усиліями старался возбуждать въ нашемъ купечествѣ желаніе и охоту самому торговать съ чужими

краями, и хотѣлъ вырвать нашу торговлю изъ рукъ иностранцевъ, которые до него завладѣли ею совершенно. Всѣ послѣдующія мѣры торговаго политики доказываютъ то же самое. Эти мѣры врядъ-ли были бы нужны, еслибъ мы издавна привыкли торговать съ чужими странами. Вотъ почему, повторяемъ, извѣстія о древнѣйшихъ торговыхъ путяхъ въ Россіи очень-важны, интересны и любопытны; но, обогащая насъ фактическими свѣдѣніями, служа къ объясненію частныхъ явленій и событій, они не могутъ совершенно измѣнить нашъ взглядъ на древнѣйшій русскій бытъ и заставить искать въ отдаленныя времена образованности, которая съ такими усиліями и пожертвованіями начинается доставаться намъ только въ наше время.

Столько о статьѣ вообще. Укажемъ теперь на нѣкоторыя частности, которыя намъ кажутся ошибочными. На страницѣ 285, г. Погодинъ приводитъ мѣсто изъ Константина-Багрянороднаго: «Россійскіе Князья, оставивъ со-всѣмъ своимъ народомъ Кіевъ, раз-вѣзались (въ ноябрѣ) по городамъ своимъ или племенамъ.... а какъ Дябрь вскрыется, то отъѣзжали на-задъ въ Апрель мѣсяцъ въ Кіевъ, и вооруживъ.... суда, предпринимали обыкновенное путешествіе въ Грецію». Подъ русскими князьями г. Погодинъ разумѣетъ однихъ великихъ князей кievскихъ. Но почему? Доказательствъ нѣтъ. Между-тѣмъ, слова по городамъ своимъ или племенамъ ясно указываютъ на областныхъ, а не кievскихъ князей. Это же доказываетъ и мѣсто изъ договора Олега съ Греками: «въ странѣ нашей приходяще Русь да витають у Св. Мамы, и после царство наше, да испишуть имена ихъ, и тогда вознугъ мѣсячникомъ свое первое отъ города Кіева, и пакы изъ Чернигова, и изъ Переяслава и прочия грады». Впрочемъ, объ этомъ было уже говорено выше. — На страницѣ 248, авторъ задаетъ себѣ вопросъ: кака малая монета означается словомъ *лумы*—кожаная или серебряная, и го-

говорить, что, кажется, послѣдняя, на томъ основаніи, что куны давались наемнымъ Варягамъ, а ихъ нельзя было удовлетворить монетою, имѣвшею лишь мѣстную цѣну. Но врядъ-ли это разсужденіе справедливо. Авторъ самъ приводитъ (стр. 113) разсказъ изъ Эйнундовой Саги о сѣбѣхъ Эйнунда съ Ярославомъ, гдѣ между прочимъ находимъ слѣдующее:

• Эйнундъ примолвилъ: сверхъ того • долженъ ты отпускать на каждаго на- • шего воина по унциѣ серебра, а каж- • дому начальнику лодки платить еще • по пол-унциѣ. Ковунгъ возразилъ: • этого мы не можемъ. Эйнундъ ска- • залъ ему: можешь, господарь, потому • что *смысло этой платы мы принимаемъ* • *бобровъ, и соболей и другихъ добро, какое* • *здѣсь въ вашей землѣ водится въ изо-* • *быліи; опѣнку же имъ будемъ произ-* • *водить мы сами*. Ошибка вся въ томъ, что авторъ непремѣнно хочетъ видѣть въ кунахъ кожаные деньги, тогда-какъ онѣ всего вѣроятнѣе были куньи шкурки и тѣмъ охотнѣе могли приниматься Варягами вмѣсто серебра и золота, что составляли предметъ торговли. — Поэтому намъ непонятно, на какомъ основаніи авторъ говоритъ, что во всѣхъ мѣстахъ лѣтописи, гдѣ упоминается о кунахъ, всего менѣе можно разумѣть настоящіе куницы. Если кожаные деньги у насъ когда-нибудь и существовали, то едва-ли такъ рано, и мы думаемъ, что въ варяжскій періодъ разумѣть подъ кунами дѣйствительныя куньи шкурки всего вѣроятнѣе и естественнѣе. — Далѣе, на той же страницѣ находимъ слишкомъ поспѣшное заключеніе, что слово *skott* есть очевидно (*) по-шведски значить сокровище, подать, плата. *Можетъ быть* и такъ, но гдѣ доказательства? Если слово имѣетъ корень въ своемъ туземномъ языкѣ, нельзя выводить его изъ иностранныхъ варѣчій, не

(*) Тутъ явная ошибка, ибо слово это пишется *Skatt*, а не *Skott*. По-нѣмецки *Schatz*. *Ред.*

представивъ положительныхъ доказа- тельствъ, что оно изъ нихъ заимство- вано. Слѣдовательно, до очевиднаго при одномъ звукоподобіи далеко. Авторъ здѣсь увлекся норманскимъ элемен- томъ.

Глава IX имѣетъ предметомъ религію нашихъ Руссовъ и Славянъ. Въ этой главѣ много очень-любопытныхъ и остроумныхъ замѣчаній, но въ то же время есть и натяжки, которые бро- саются въ глаза и внушены автору его любимою мыслью. Эти натяжки даже нисколько не согласованы съ общею мыслью автора о нашихъ и вообще всякомъ историческомъ развѣтѣ. Вообще, видно, что, взиравши на этотъ предметъ, авторъ крѣпко стоитъ за свою мысль, и началъ проводить ее не обращая вниманія ни на что, кромѣ всего на сказанное имъ же самимъ въ другихъ мѣстахъ сочиненія.

Сначала г. Погодинъ весьма-остру- мно замѣчаетъ, что и въ отношеніи къ нашему обращенію въ христиан- скую вѣру первыми дѣятелями бы- ли Варяги, и что они были первыми христианами — такъ что христиан- ствомъ обяваны мы Варягамъ, точно также какъ и гражданскимъ устрой- ствомъ (стр. 302). Это справедливо а priori и доказывается исторически- ми свидѣтельствами. Но вотъ чего мы никакъ повяты не можемъ: вывясить всѣ мѣста изъ Нестора, гдѣ упоминается о религіи и божествахъ въ и- ряжскій періодъ, авторъ говоритъ (стр. 304): «Всѣ эти мѣста относятся къ Варягамъ-Руси, а не къ Славя- намъ, представляютъ дѣйствія и вѣ- рованія Варяговъ-Руси, а не Славян- скихъ нашихъ племенъ, всѣ онѣ слѣ- довательно принадлежатъ Мискологіи Варяго-Русской, Скандинавской, а не Славянской, и съ этой точки должны быть объяснены. Такъ требуетъ здравый разумъ и историческая послѣдовательность. Въ первомъ мѣ- стѣ мы находимъ даже и положитель- ное подтвержденіе нашей мысли: Ольга водивше (Гречи) на роту и му- ждъ его по Руссовому закону дѣлаше

оружіемъ своимъ, и Перуномъ, боготомъ своимъ, и Волосомъ, скотымъ боготъ. Можетъ ли быть какое сомнѣніе, что это были боги Норманнскіе, а не наши Славянскіе: Олегъ и мужи его, чистые Норманны, первопокоѣвнн, большею частію пришедшіе съ Рюрикомъ, не могли бы клясться чужими богами, богами, которыми не вѣрили: всякой клянется своею клятвою. Какъ послѣ въ некоторыя Варяги-Христіане присгаютъ въ Церкви по Христіанскому закону: такъ и Олегъ клялся по своему Русскому закону.

Силлогизмъ вѣренъ, и до-сихъ-поръ намъ нигдѣ еще не случилось встрѣтить его въ печатной книгѣ. Г. Погодинъ первый замѣтилъ, что Варяги-Русь не могли клясться чужими богами и не могли принять чужой религіи въ короткое время, протекшее между пришествіемъ ихъ въ Россію и договорами съ Греками; но онъ дѣлаетъ изъ этого выводъ поразительно-странный — что эта религія была не славянская, а норманнская. Послѣ этого спрашивается: какъ же наши Славяне въ такое короткое время могли принять чужую религію? Это несравненно-труднѣе себѣ представить, нежели переимѣну ея у Варяговъ-Руси. Признаемся, для насъ эта загадка неразрѣшима. Не только всѣ привыкли такъ думать, но дѣйствительно можно принять за несомнѣнную историческую истину, что Перунъ и Волосъ были божества славянскія, а не норманнскія. Сравненіе скандинавской мифологіи съ той, о которой говорится въ нашихъ лѣтописяхъ, показываетъ, что между ними не было ничего общаго. Это приводитъ къ мысли, что наши Варяги-Русь не были чистые Норманны-Германцы, какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ, и чего никакъ не хочется допустить г. Погодинъ. Онъ охотно жертвуетъ историческою вѣрою, правдоподобіемъ, охотно замѣняетъ естественный смыслъ фактовъ, охотно отступаетъ отъ законовъ

историческаго развитія, такъ рѣзко защищаемыхъ имъ противъ своихъ противниковъ — и все для того, чтобы спасти свое любимое положеніе, что Варяги-Русь были Скандинаво-Германцы. Странная настойчивость, особенно въ писателѣ неулоимо-строгомъ въ неточностямъ другихъ исследователей! Вообще, вся эта статья, за исключеніемъ самаго начала ея, глѣ г. Погодинъ такъ смѣло и прямо поставилъ вопросъ, очень, очень-слаба. Представимъ примѣры. Константинъ-Багрянородный говоритъ, что у насъ не было скотоводства. Г. Погодину, который вездѣ буквально держится его словъ, это извѣстіе не нравится. Положимъ, что онъ правъ. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы привести положительныя, ясныя доказательства, что въ этомъ отношеніи императоръ Константинъ ошибался; того требуютъ законы исторической критики. Въмѣсто этого, мы находимъ вотъ что (стр. 306): «Чтобы у насъ не было скотоводства, (и потому скотій богъ не можетъ значить богъ стадъ)—это ни съ чѣмъ не сообразно: извѣстіе И. Константина Багрянороднаго, столько смущающее Сабинина, основано на какомънибудь недоразумѣніи, или имѣетъ смыслъ относительный, т. е., что на Руси рогатаго скота было меньше, чѣмъ у Печенѣговъ».

И только. Не правда ли, такимъ-образомъ справляться съ историческими свидѣтельствами очень-неумудрено? Принимая изъ нихъ что намъ нравится, отвергая что не по сердцу, очень-легко писать исторію. А какъ досталось покойному Каченовскому за точно-такія же сомнѣнія!

Разборъ мѣвнн протоіерея Сабинина, который въ нашемъ Перунѣ и Волосѣ видитъ скандинавскихъ Тора или Біорна и Одина, любопытенъ. Не понимаятъ, какъ можно, подобно Сабинину, изъ сходства двухъ-трехъ чертъ обычаевъ, при совершенномъ различіи всѣхъ прочихъ, выводить тождество двухъ религіи!

Рассматривая далѣе наши божества, которыя в г. Погодинъ считаетъ русскими (т. е., скандинаво-германскими), онъ удивляется, какъ могли замѣшаться въ нихъ число два славянскія божества, *Дажбогъ* и *Стрибогъ*, и въ объясненіи говорить (стр. 310):

• Можетъ быть, это были собственно славянскія божества, которыя присоединены Владиміромъ къ его Русскому сонму. Можетъ быть, онѣ соответствовали какимъ нибудь его божествамъ, и потому имъ допущены, равно какъ и Перунъ. Можетъ быть имена ихъ суть переводы Русскихъ именъ..

Что это такое? Повѣрить ли читатель, что подобныя вещи онъ встрѣтитъ въ книгѣ, посвященной ученымъ изслѣдованіямъ о предметѣ спорномъ, мало-извѣстномъ и изслѣдованномъ, и въ то же время крайне-важномъ для того времени?

И въ этой статьѣ лучшую часть составляютъ безпрестанныя сближенія туземныхъ извѣстій съ извѣстіями, относящимися къ Германско-Скандинавамъ.

О введеніи христіанской вѣры въ Россію сказано очень-мало, особливо послѣ подробныхъ изслѣдованій архимандрита Макарія. Мимолетомъ остроумно замѣчено, что спокойное, полюбившееся принятіе новаго ученія (Славянами) совершенно соответствовало мирному соединенію Варяговъ съ Славянами при первомъ зарожденіи государства. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что ни распространеніе христіанской вѣры, ни водвореніе Варяговъ-Руси не было совершенно-мирное. — Наконецъ, эту главу заключаетъ очень-интересное замѣчаніе, что въ Новѣгородѣ есть слѣды римско-католическаго христіанства, завезеннаго, можетъ-быть, въ слѣдствіе торговыхъ сношеній съ Готландцами и Норманнами. Мѣста, приводимыя въ подтвержденіе этой мысли, выбраны очень-удачно. Присоединяемъ къ этому еще

и извѣстіе изъ «Русской Правды», томъ, что въ постные дни, между пятницу, вириникамъ давали смръ. Погодину показалось это извѣстіе чему-то неѣроятнымъ, а почему—и видно.

Глава VI разсуждаетъ о грамотности языка и образованіи въ варяжскій періодъ. Говорится о рунахъ у нашихъ Русовъ, и потомъ о письменныхъ памятникахъ, начавшихся, какъ извѣстно, священнаго писанія. Засимъ находимъ довольно-подробное исчисленіе этихъ памятниковъ. Самая интересная часть главы — о языкѣ. Авторъ полагаетъ, что въ этотъ періодъ времени у насъ былъ языкъ *русскій* или скандинаво-германскій, языкъ *церковный* письменный, чужой хотя и сродственнымъ понятный. О немъ авторъ справедливо замѣчаетъ, что онъ всего вѣроятнѣе близко подходитъ къ какому-нибудь славянскому нарѣчію, а не особенно извѣстное нарѣчіе, ибо Кириллъ и Меѳодій, какъ Греки и иностранцы, перевода съ обработаннаго развитаго, грамотнаго языка, и языкъ чистый, свѣжій, дѣятельный могли многое ввести, сотворить. Если же они были и Словене, то все не могло, въ своемъ положеніи, набѣгнуть на многихъ грецизмовъ, какъ это случается и теперь съ самыми опытными переводчиками (стр. 356). Наконецъ, былъ и третій языкъ *туземный простонародный*, который и тогда ужъ дѣлился на нарѣчія и проглядывалъ въ сочиненіяхъ.

• Всего негнѣе мысль или волюше, которое находится у насъ въ общемъ оборотѣ, будто Русскій языкъ происходитъ отъ Славянскаго. Отъ какого Славянскаго? Отъ этого или мѣтнаго, церковнаго? — Но какъ могло отъ этого одного языка произойти два, три, четыре нарѣчія, въ Киевѣ или Черниговѣ Малороссійское, въ Москвѣ новое настоящее или письменное, Велико-россійское? — Какъ говорили тамъ, прежде нежели присоединены были туда нероссыми же язы?

— Вотъ какая неаѣность, которая кажется должна бы броситься въ глаза, и которая однакожь укрывалась до сихъ поръ отъ многихъ словесниковъ. — Нѣтъ, Милостивые Государя, нарѣчія Сербское, Болгарское (церковное), Чешское, Польское, Великороссійское, Малороссійское и прочія, со-временны, — это суть вѣтви, произшедшія отъ одного корня въ незапамятное время. Они говорили въ 9 столѣтіи такъ какъ говорятъ въ 19; (разумѣется каждое изъ этихъ нарѣчій образовалось вслѣдствіе своихъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, развивалось естественно и совершенствовалось искусственно, — и въ этихъ отношеніяхъ новое отличается отъ древняго). — Писалось же съ 9-го столѣтія у большей половины Славянскихъ племенъ на одномъ южномъ нарѣчій, поможимъ Болгарскомъ, которое для грамотѣвъ нашихъ, Велико-россіянъ, Малороссіянъ, и прочихъ, было чуждымъ, мертвымъ. Ясно ли? (стр. 357 и 358).

Мысль чрезвычайно-вѣрная, хотя и не новая. Она ужъ давно въ ходу.

Вся большая VII глава посвящена обзорѣнію юридическаго быта и законодательныхъ памятниковъ варяжской эпохи. Изъ названія «Русской Правды» авторъ выводитъ, какъ и надо было ожидать, что она была законодательствомъ русскимъ, т. е., варяго-германскимъ, а не туземнымъ, славянскимъ. Потомъ переходитъ къ юридическимъ обычаямъ нашихъ Варяго-Руссовъ, и наконецъ обзорѣваетъ всѣ свѣдѣнія о нашихъ законахъ и юридическихъ обычаяхъ по лѣтописи. Мѣсто объ отмѣненіи виры и введеніи казни при Владимірѣ авторъ находитъ затруднительнымъ и, перебравъ толкованія, оставляетъ необъясненнымъ; ибо предположительное толкованіе его не имѣетъ никакаго основанія и нисколько не вѣроятно. Въ-самомъ-дѣлѣ, невозможно слова епископовъ и старцевъ: рать многа; оме вира то оружьи и на конехъ буди разумѣть такъ: «у тебя

много войска, в ты можешь замѣнить себѣ виру: будь на коняхъ и веди войну, и добуешь» (стр. 366). Не знаемъ, почему авторъ не обратил вниманія на толкованія Розенкранца и Тобина (Ueber die Blutgache), самыя вѣроятныя изъ всѣхъ, хотя и не совершенно-удовлетворительныя въ отдѣльности. Въ большей части списковъ это мѣсто, съ нѣкоторыми измѣненіями, читается такъ:

«Живяше Володимиръ въ страхѣ Божіи, и умножишася разбойницы, и рѣша Епископи Володиміру: умножишася разбойницы, и почто не казниши ихъ? Онъ же рѣче: боюся грѣха. Они же рѣша ему пакн: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а на милованіе добрымъ: до-стоитъ ти казнити разбойникъ, но съ испытаніемъ. Володимиръ же отъвергъ виры, абіе нача казнити разбойники. И рѣша Старцы Епископы: рать многа, а ежъ вира, тѣ на оружьи и на конехъ буди. И рече Володимиръ да тако буди. И живяша Володимиръ по устроенію Божію и лѣдию и отъчю».

Тутъ повѣствуется о двухъ различныхъ событіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ и тѣсно связанныхъ между собою. Греческое духовенство, принесшее съ собою христіанскій и римскій взглядъ на частную расправу, не могло равнодушно смотрѣть на кровавую месть, которая тогда еще существовала въ обычаяхъ, и хотѣло ввести уголовныя наказанія. Вотъ что побудило его просить Владиміра отмѣнить кровавую месть и тѣсно связанную съ нею виру, и ввести вмѣсто ихъ казнь — уголовныя наказанія. Владиміръ согласился. Но такое нововведеніе слишкомъ противорѣчило нравамъ: они еще не успѣли смягчиться на столько; чтобъ было возможно введеніе болѣе нравственнаго, гражданскаго порядка вещей. Весьма-вѣроятно, что не столько духовенство видѣло это, сколько народу и его старѣйшинамъ было не по-нутру нововведеніе Владиміра. Къ этому могли приводить и особенныя, слу-

чайныя обстоятельства, а именно безпрестанныя войны, требовавшія больших издержекъ, тогда-какъ доходы князя уменьшились вмѣстѣ съ уничтоженіемъ вирь. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ духовенство, а вмѣстѣ съ нимъ и *земскіе старейшины* (объ которыхъ не упомавуто при прежнемъ представленіи духовенства), *слова* пришли къ Владиміру, вѣроятно спустя нѣсколько времени послѣ отиѣны вирь, и сказали ему: много войнъ; употреби виру на оружіе и коней; другими словами: возстанови виру, потому-что много войнъ, не на что запастись оружія и коней. Владиміръ на это предложеніе согласился и, возстановивъ виру, разумѣется, сталъ жить по «устрое-нію» отца и дѣда, какъ было при нихъ.

Потомъ авторъ переходитъ къ «Русской Правдѣ». Новаго о ней мы не нашли здѣсь ничего. Все, что говорить г. Погодинъ, было уже сказано и полнѣе и лучше. Онъ полемизируетъ противъ выводовъ Карамзина — но кто же въ наше время не знаетъ, что эти выводы очень-шатки, слабы и давно опровергнуты? Послѣ всего, что писано о «Русской Правдѣ», нельзя говорить о ней на нѣсколькихъ страницахъ, тѣмъ болѣе, что самыя противоположныя мнѣнія о ней подкрѣпляются равно-сильными доказатель-ствами, и ученая обработка этого предмета, вѣсто того, чтобы привести вопросы къ разрѣшенію, сдѣлала ихъ еще болѣе-трудными и многосложными. Съ «Русской Правдою» теперь почти то же, что съ вопросомъ о происхожденіи Варяговъ-Руси: одинъ разборъ мнѣній о ней составитъ самъ по себѣ цѣлую книгу, и можно сказать спасибо тому, кто за это возьмется, ибо такая работа очень-нелегка. Какъ и вездѣ, г. Погодинъ подводитъ къ «Правдѣ» параллельныя мѣста изъ скандинавскихъ законовъ и другихъ памятниковъ, и положенія, встрѣчающіяся въ «Правдѣ», считаетъ скандинаво-германскими. Кровавая месть, судебныя поединки, суды Божіи, онъ

считаетъ принесенными къ намъ Варягами-Русью — мнѣніе, поражающее своею односторонностью и давно подвергнувшееся основательнымъ возраженіямъ. Должно бы, по-крайней-мѣрѣ, опровергнуть эти возраженія, чтобы имѣть право повторить мысль столько невѣроятную. Отказы о ярославскомъ уставѣ о «Мостовыхъ», и первоначальныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава такъ кратки и поверхностны, что не заслуживаютъ упоминанія.

Обозрѣвъ поверхностно законы и законодательныя памятники, г. Погодинъ переходитъ къ самому юридическому быту. Мѣста изъ лѣтописи о власти и значеніи князя удачно выбраны, и выводъ изъ этихъ мѣстъ довольно-удовлетворителенъ. Намъ кажется также очень-остроумнымъ замѣчаніе, что слово *подданный*, въ своемъ этимологическомъ значеніи, вѣрно характеризуетъ первоначальныя, древнѣйшія отношенія князей къ племенамъ: они брали съ нихъ дань, и въ этомъ преимущественно выражалось тогда господство. Но особенно-хорошо представлено постепенное развитіе верховной власти князей въ эту эпоху. Въ этомъ отношеніи, авторъ превосходно воспользовался отрывочными извѣстіями лѣтописи (стр. 395 и 396).

• Князь былъ сперва защитникомъ, • предводителемъ сборной дружины, • безъ твердой мысли о постоянномъ • пребываніи. (Рюрикъ въ Новгородѣ, • Олегъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Переяславцѣ). Преемство было оче- • неопредѣленно, подвергалось слу- • чайностямъ (послѣ Рюрика родствен- • ники Олегъ, а потомъ уже сынъ • Игорь; послѣ Игоря на нѣсколько • времени Ольга), и относилось пре- • имущественно къ дружинѣ. Потомъ • Князья утвердились на одномъ мѣстѣ, • водворились (Владиміръ), сдѣлались • владѣтелями земли, которая стала • переходить дѣлать въ вѣдѣнство • вмѣстѣ съ дружиною (Владиміръ). • Первая дружина Князя была собранная,

вольная, зависящая отъ него, но не слишкомъ, болѣе или менѣе равная, и потому наемная, выборная, подчиненная (также съ Владиміра, а прежде погилла съ Святославомъ). Впрочемъ, Князья *ладѣли* собственно только тѣми городами, гдѣ жили Святославъ отдалъ Кіевъ Ярополку, и землю Древлянскую, не задолго покоренную, Олегу, а Новгородцы сами потребовали себѣ Владиміра, грозя найти другаго Князя, въ случаѣ отказа), хотя всякій преемникъ былъ сильнѣе своего предшественника, и хотѣлъ дальше его брать дань съ соседнихъ племенъ. *Дань* эта была сперва неопредѣленная (Рюрикъ), потомъ опредѣленная (Олегу), отъ которой, однакожь, племена иногда отказывались, при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ (Древляне при Игорѣ), потомъ принуждены были платить безпрекословно, а наконецъ возятъ сами въ Кіевъ (Радимичи къ Владиміру), привыкая между тѣмъ постепенно платить ее и повиноваться все одному роду. Они шѣли у себя сперва данщиковъ, потомъ Намѣстниковъ, потомъ Княжескихъ дѣтей (отъ Святослава, отъ Владиміра), а наконецъ Удѣльныхъ Князей (отъ Ярослава).—Кромѣ дани, Князья, рѣдко сила въ домѣ, принимали мало участія въ правленіи, а потомъ *примали олов за плату*, какъ наемники (а се поконя Ярослава), прежде нежели это званіе получило благороднѣйшее значеніе, а наконецъ сдѣлались законодателями — сперва повинувшись прошедшему, обычаю (по устроенію отню и дѣдню; Правда Русская), а потомъ съ намѣреніемъ устроить будущее. (Опытъ Владиміровъ о вирѣ, опредѣленіе дѣтей Ярославыхъ, которое относится уже къ слѣдующему періоду.)

Все остальное въ этой главѣ очень слабо. Не говоря уже объ отдѣльныхъ исследованияхъ — въ единственномъ учебникѣ, «Исторіи Русскаго Законодательства» Рейца, сказано и болѣе и лучше. Принятая г. Погодинымъ ме-

тода выписывать всѣ мѣста изъ памятниковъ и изъ нихъ дѣлать выводы о значеніи извѣстнаго слова, не всегда удачно приложена. Такъ, на-примѣръ, о словѣ «*боляринъ*» приведено одиннадцать мѣстъ, и изъ всѣхъ ихъ ничего не выходитъ. Сверхъ того, здѣсь мы находимъ также безпрестанныя натяжки въ пользу любимой мысли объ исключительномъ господствѣ скандинаво-германскаго элемента въ эту эпоху,—натяжки тѣмъ болѣе очевидно, что онѣ противорѣчатъ общезвѣстнымъ историческимъ даннымъ. Такъ г. Погодинъ стоитъ за мнѣніе протоіерея Сабинина, что слово *боляринъ* происходитъ отъ скандинавскаго баерменъ, слѣдовательно, оно пришло къ намъ отъ Скандинавовъ. Однако мы знаемъ, что это слово есть и у другихъ славянскихъ племенъ, и самъ г. Погодинъ это знаетъ. Зачѣмъ же натягивать заимствование? То же должно сказать и о названіи *люди*. Не знаемъ, зачѣмъ непреиѣнно выводитъ это слово изъ скандинавскихъ языковъ (въ которыхъ, правда, есть очень-близкое), когда оно встрѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Г. Погодинъ говоритъ, что у Славянъ этого слова нигдѣ нѣтъ, но это не правда: въ любви польскомъ лексиконѣ можно найти слово *ludzie*, что то же, что наши люди. И *смерды*, говоритъ г. Погодинъ, тоже присвоенное слово. Опять неправда, потому-что въ актахъ другихъ славянскихъ народовъ мы находимъ названіе *Smurdone* и въ томъ же значеніи, въ какомъ употреблялось у насъ.

Вообразивъ себѣ однажды, что *боляринъ* слово скандинавское, г. Погодинъ говоритъ (стр. 401): «Куда же дѣвались эти Боаре, равно-какъ и лица Княжескаго рода, кои мы замѣчаемъ при Рюрикѣ и Игорѣ — вотъ вопросъ любопытный и важный. Мы не видимъ почти никакихъ потомковъ отъ нихъ въ слѣдующемъ періодѣ, гдѣ возобладалъ одинъ родъ Ярославовъ, и никакой аристократіи не могло ужъ завестись? — Я думаю, что первые

• Бояре наши положили свои головы въ несчастную войну Святослава въ Болгаріи, и потомъ вмѣстѣ съ нимъ отъ Печенѣговъ. Владиміръ привелъ съ собою *новыя* дружины, отъ которыхъ избралъ нѣсколько мужей, а прочихъ выпроводилъ въ Грецію. Дети и внуки его не имѣли нужды въ такихъ помощникахъ, потому-что сами начали размножаться.

Все это—неосновательное разсужденіе и ненужный вопросъ—родилось въ слѣдствіе ложной мысли, будто бояре были у насъ пришлые, а не свои. Откуда взялъ г. Погодинъ, что бояре у насъ когда-то исчезли? Не только нѣтъ столѣтія—едва ли можно указать на десять лѣтъ, въ которое бы о нихъ не упоминалось. Поэтому, напрасно говоритъ г. Погодинъ, что мы почти не видимъ ихъ потомковъ въ слѣдующемъ періодѣ. Были ли послѣдующіе бояре потомки первыхъ, или нѣтъ, мы не знаемъ, и даже не считаемъ особенно важнымъ знать. Но что бояре были—это мы знаемъ навѣрное. Отъ того и всѣ послѣдующія разсужденія и догадки не имѣютъ въ нашихъ глазахъ никакого ученаго достоинства.

О мужь, значеніе котораго очень темно, мы не находимъ у г. Погодина ничего интереснаго. Онъ только затронулъ вопросъ, но далеко не исчерпалъ данныхъ для его рѣшенія. На стр. 403, онъ говоритъ:

• Мы знаемъ по распространенной Правдѣ, что за оскорбленіе и умерщвленіе Князя мужа платилось вдвое, чѣмъ за другаго человека: • Бояре тамъ не упоминаются, слѣдовательно, ясно, что они разумѣлись подъ мужами.

Странное заключеніе! Еслибъ оно и было вѣроятно, то оно далеко еще неясно. Но, судя по другимъ историческимъ даннымъ, оно даже и *нейтролто*. Въ Русской Правдѣ мы находимъ статью подъ заглавіемъ: *О Задницѣ* (имѣнія, оставшемся послѣ кого-нибудь)

Болрстѣи и о *дружинилъ*. Начинается она такъ: «*Аже въ болрѣхъ, или въ дружинилъ, то за Князя задница не вѣдетъ.*» (Это чтеніе по синодальному списку. Не знаемъ, почему г. Погодинъ позволилъ себѣ вмѣсто *дружинилъ*, поставить *болрской дружинилъ*, что совершенно измѣнило смыслъ этого мѣста, столько важнаго для нашихъ юридическихъ древностей). Здѣсь ясно, *дружинилъ* различенъ отъ *болрима*, и мы видимъ, что они не одно и то же. Если теперь сообразимъ всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается слово *мужь* въ лѣтонисіи (они собраны у г. Погодина), то увидимъ, что подъ нимъ большею частію разумѣются дружинники. Такъ приводятъ къ присягѣ Олега и его мужей; такъ Олегъ посылаетъ своихъ мужей заключить миръ; за поединкомъ съ Печенѣгомъ Владиміръ дѣлаетъ побѣдителя *великимъ мужемъ*, вмѣстѣ съ отцомъ, и т. д. Отсюда дѣлается очевидно вѣроятнымъ, что дружинники назывались *мужами* (хотя и нельзя сказать наоборотъ, что подъ мужами всегда должно разумѣть дружинниковъ). Этимъ объясняется и приведенное мѣсто въ Русской Правдѣ, тогда-какъ при теперешнихъ помятыхъ, что *болринъ* и *мужь* одно и то же, оно непонятно. Самое рѣшительное различіе *болръ* отъ *мужей* находимъ мы въ грамматѣ рязанскаго князя Олега (Истор. Акт. Т. I, № 2) XIV вѣка, гдѣ сказано: «*Коли ставили по первыхъ прадѣи наши Святую Богородицу, Князь Великій Ингваръ, Князь Олегъ, Князь Юрья, а съ ними болръ 300, а мужей 600*», и т. д.

Заключимъ слѣдующимъ: въ источникахъ есть весьма-нелвуцмысленныя указанія на различіе между *болрами* и *мужами*. Кто именно разумѣлся подъ послѣдними, мы не можемъ сказать по недостатку данныхъ. Но если предположить,—что не совсѣмъ вѣроятно,—что подъ ними разумѣлись по преимуществу дружинники, т. е. люди, отличавшіеся отъ другихъ только тѣмъ, что служили въ княжеской дру-

звѣтъ, то изъ этого можно вывести нѣ-
олько заключеній, объясняющихъ и
значение боярина и значение мужа.
званіе дружинни (если только можно
то такъ назвать) было личное, нерав-
нннмъ связанное съ службой. Отъ-того
то можно было приобретать, и оно не
передавалось наследственно. Званіе же
арина было наследственное, родовое,
е жалуемое, и потому болѣе нежели
броятъ, что оно было не принесен-
ое къ намъ, а туземное; да иначе и
рудно объяснить множество бояръ,
оторые находились въ древней Рос-
іи всѣхъ, во всѣхъ городахъ: Утвер-
ждать, что это именно такъ было, мы
е смѣемъ, потому-что эти выводы
нованы на предположеніи. Но мы
ожемъ рѣшительно сказать, что г.
огодинъ не имѣлъ никакого основа-
ія разумѣть въ «Русской Правдѣ»
отъ бояриномъ—мужа, когда мужъ и
аринъ — не одно и то же. Приба-
ннмъ къ этому еще вотъ что: изъ того,
то въ «Русской Правдѣ» упоминается
ннжъ мужъ, а не бояринъ, мы видимъ
е тождество ихъ, а совершенно-дру-
ое, именно, что бояринъ былъ чинъ
ли званіе по преимуществу земское.
ессма-естественно, что, опредѣляя
иру за убійство, князь подумалъ
режде о своемъ дружинникѣ, при-
лиженномъ, нежели о бояринѣ, для
его тогда чуждомъ.

Сверхъ того, слово мужъ имѣло еще
общее неопредѣленное значеніе —
еловѣкъ, гражданинъ, и т. д. Это
ожно видѣть въ лѣтописяхъ.

Удостоверившись, какъ легко, без-
оказательно авторъ выводитъ изъ
лавинннн названія и даже цѣлыя
чрежденія, нельзя прочесть безъ не-
овѣрчивости слѣдующія слова (стр.
05):

«Всѣ эти сословія только что мель-
нули въ началѣ нашей Исторіи, и
чуждыя туземнымъ племенамъ ни-
какъ не могли завестися между ними!..
Новое доказательство, что пришлое
лемя было совершенно иное, т. е.
принадлежало къ числу нѣмцевнхъ,

у которыхъ такое раздѣленіе было
повсемѣстно). У насъ же осталось
«раздѣленіе естественное, прежнее,
«по занятіямъ.»

Кѣкъ знатъ, что они исчезли, пото-
му-что были чужеземныя? Мы видимъ,
что мнгое исчезаетъ въ народѣ и замѣ-
няется другимъ въ-слѣдствіе внутрен-
няго и историческаго развитія. Боль-
шая часть сословій, о которыхъ гово-
рнтъ г. Погодинъ, встрѣчается у дру-
гихъ Славянъ; слѣдовательно, они на-
ши, а потому гораздо-вѣроятнѣе, что
они исчезли, ибо внутренній бытъ
органически измѣнился. Также не-
справедливо, что эти сословія «толь-
ко что мелькнули въ началѣ нашей
«Исторіи»: они долго существовали въ
періодъ удѣловъ, а бояре удержались
до XVIII вѣка и теперь еще живутъ
въ устахъ простаго народа. Наконецъ,
если даже сословія и весь первоначаль-
ный нашъ бытъ занесены къ намъ
—какъ объяснить, что въ Новгородѣ
слѣды этого чуждаго элемента удер-
жались долѣе, нежели въ остальной
Россіи, что признаетъ и самъ г. Пого-
динъ (стр. 417)? Вѣдь варяжская дру-
жина пустила свои корни на югъ, а не
на сѣверѣ. Новгородъ рано могъ раз-
виваться и развивался самъ собой, то-
гда-какъ въ остальной Россіи это раз-
витіе совершалось подъ непосред-
ственнымъ вліяніемъ норманскаго эле-
мента. Съ чѣмъ это сообразно? Не
явно ли изъ одного этого, что большая
часть учрежденій, которыя г. Пого-
динъ считаетъ норманскими, были на
самомъ дѣлѣ нашими, славянскими и
имѣли только случайное сходство съ
норманскими; въ Новгородѣ они мог-
ли сохраниться и болѣе опредѣлиться
безъ помѣхи, тогда-какъ въ осталь-
ной Россіи они естественно должны
были измѣняться отъ чуждаго, недо-
бровольно-принимаемаго вліянія.

Очень-важное мѣсто находимъ мы
въ разбираемой нами книгѣ въ объ-
ясненіе слова *млюй*. Если не ошибаем-
ся, оно впервые помѣщено здѣсь. Въ
«Рукописномъ Церковномъ Уставѣ В.

К. Всеволода, хранящихся въ библиотекѣ г. Погодина, сказано: «Изюмъ-тронъ: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ, холопъ—изъ холопства выкупитъ-ся, купецъ одолжаетъ, а и четвертое—изюмство и себе приложимъ, аще Князь осиротѣетъ.» (Стр. 408.) Итакъ, кажется, изюми назывались люди, вышедшіе изъ своего званія; но не знаемъ, не будетъ ли и теперь слишкомъ-поспѣшно провозводить это слово отъ *изюмъ*. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что изюмъ — не племя, не люди особаго происхожденія, какъ думалъ Карамзинъ.

О посадникахъ говоритъ авторъ, что ихъ учрежденіе должно приписать также норманскимъ князьямъ. Мы думаемъ, что это вовсе — невѣроятно. Названіе ихъ славянское, и самый характеръ ихъ власти весь славянской.

Производство *тиуна* изъ не славянскихъ нарѣчій очень-вѣроятно, какой бы, впрочемъ, ни былъ корень, или первообразъ этого слова. Но мы не согласны съ мнѣніемъ автора, что *тиуны* не были общими названіемъ, какъ бояринъ, а означало особливую должность, вѣроятно казначейскую. (Стр. 410.) О первоначальномъ назначеніи *тиуновъ* мы ничего не знаемъ, а въ послѣдствіи они были такіе же судьи, управители, какъ намѣстники и волостели. Отъ-того, можетъ-быть, очень-рано мы встрѣчаемъ ихъ въ деревняхъ и областяхъ, въ духовномъ и свѣтскомъ вѣдомствѣ. Въ «Судебникѣ о Уставныхъ Жалованныхъ Грамотахъ» прямо говорится, что волостели и *тиуны* не должны судить безъ старосты и цаловальниковъ.

Мѣста о старцахъ, старѣйшинахъ, собраны не всѣ. Укажемъ, на-прим., на мѣсто, гдѣ говорится объ отиѣлѣ вирѣ при Владимірѣ. Есть и другія.

Изъ всего сказаннаго читателя видать, что статья о правѣ въ варяжскій періодъ составлена весьма-небрежно. Есть мысли очень-дѣльные, но болѣею частію набросанныя безъ доказа-

тельствъ, безъ необходимой ученой обработки. За то есть множество такого, что нигде не годится, такъ-что удивительно, какъ ученый рѣшился такъ слегка говорить о предметѣ, если не установившемся и обработанномъ, то по-крайней-мѣрѣ уже обсмотрѣнномъ съ нѣсколькихъ сторонъ и изгнани!

Въ VIII главѣ подробно изслѣдованіе о частной жизни въ варяжскую эпоху. Особенно-замѣчательнаго имъ въ ней не нашли ничего. Она вся состоитъ изъ мѣстъ, собранныхъ изъ летописей и изъ параллельныхъ скандинавскихъ извѣстій. Глава IX разбираетъ черты народнаго характера въ это время. Этими чертами авторъ очень-искусно и удачно пользуется въ доказательство, что Варяги-Русь были Скандинавы и что они одни исключительно дѣйствовали въ первый періодъ нашей исторіи. Мысль о Святополкѣ, — что онъ не былъ таковъ наперкомъ, какъ говорятъ объ немъ летописцы и какими риторически повторилъ Карамзинъ — чрезвычайно-вѣрна. Святополкъ истилъ за своего отца Владиміра и его потомству, но мечь его, во несчастію, пала на любимыхъ князей древней Руси — св. Бориса и Глѣба, и Святополкъ прослылъ злодѣемъ, исполняя, по-тогдашнему, священный долгъ мести. Сверхъ того, онъ не былъ и похитителемъ престола, а какъ сынъ старшаго брата Владимірова, имѣлъ лучшее право на Кіевъ, нежели потомство Владиміра.

Переходимъ къ послѣднимъ двумъ главамъ, которыя, какъ выводъ изъ всего сочиненія, должны заключать въ себѣ послѣднее слово автора о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи.

Глава X носитъ заглавіе: *Формиціа Государства*. Это лекція, читанная г. Погодинымъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 года и потомъ помѣщенная въ «Москвитяинѣ».

Въ самомъ началѣ статьи встречаемся съ основною мыслью авторъ.

которая, сознательно или бессознательно, проходит чрезъ всѣ его взгляды, чрезъ всѣ разсужденія объ историческихъ явленіяхъ.

• Намъ остается говорить оны: • вѣдѣть слѣдовать теперь, какъ сами отрывочными, безсвязными событіями, обстоятельствами, случаями произошло Государство, и какъ изъ киданныхъ на удачу по сторонамъ камнями, складывалось правильное званіе (стр. 475).

Итакъ, г. Погодинъ считаетъ всѣ событія, даже самыя важныя, каково, напримѣръ, основаніе новыхъ государствъ, если не совершенно-случайными, то, по-крайней-мѣрѣ, такими, въ которыхъ случайность играетъ большую роль и имѣетъ верѣдко рѣшительное участіе. Изъ слѣдующихъ за тѣми строки мы видимъ, что г. Погодинъ такъ смотритъ только на самую первоначальную исторію народа, когда еще только готовятся матеріалы для будущаго органическаго, проникнутаго одною жизнью, однимъ духомъ цѣлаго.

Въ такомъ взглядѣ есть своя большая доля правды, и мы думаемъ, что оны особенно плодотворны для исторіи тѣмъ, что предохраняетъ изслѣдователя отъ отвлеченнаго схоластическаго воззрѣнія, въ послѣднее время верѣдко величавшагося громкимъ, но не заслуженнымъ именемъ философскаго воззрѣнія, отъ котораго блѣднѣли народности, лица, происшествія, и на мѣсто ихъ являлись какіе-то неестественныя, мертвыя признаки. Идя отъ отвлеченной идеи, многіе историки слишкомъ пренебрегали дѣйствительными, такъ-сказать, физическими условіями и элементами народоу жизни, и потому не могли понять ее. Но съ тѣмъ вѣстѣ мы требуемъ, чтобъ этотъ взглядъ былъ проведенъ строго, логически. Элементы государства, сами до себя живые, верѣдко, при случайныхъ условіяхъ, соединяются и производятъ третье, органическое, жи-

вое существо, въ образованіи котораго участвуютъ оба, но сами утрачиваютъ въ немъ свою особливую, отдѣльную жизнь. Это первое. Слѣдовательно, оба они являются соподчиненными третьему, которое теперь является самостоятельнымъ и такимъ-то, но которое при другихъ условіяхъ, при соединеніи тѣхъ же элементовъ съ другими, могло быть совершенно-другимъ, нежели какимъ мы его знаемъ. Далѣе, отсюда же слѣдуетъ, что главное, при такомъ образованіи государства — элементы и ихъ соединеніе; частности и случайности, въ которыхъ выражается ихъ присутствіе и существованіе, — дѣло постороннее, неважное для изслѣдователя-писателя.

Но г. Погодинъ смотритъ совершенно-иначе, и изъ вѣрнаго положенія дѣлаетъ ложныя выводы. Вмѣсто того, чтобъ, въ образованіи государства, все вниманіе устремить на составныя его элементы и результаты ихъ соединенія, оны сосредоточиваетъ его на тѣхъ частныхъ, случайныхъ явленіяхъ и событіяхъ, при которыхъ эти элементы соединились, и эти частности выдвигаетъ на первый планъ. Въ поэтѣ такой взглядъ необходимъ, составляетъ его неотъемлемую принадлежность и достоинство; въ ученомъ, который переводитъ событія и историческія факты въ сферу мысли, это важный недостатокъ, отъ котораго терпитъ наука. Въ г. Погодинѣ оны ошутителемъ и тѣсно связанъ съ его полумистическимъ воззрѣніемъ на исторію, — воззрѣніемъ, которое проглядываетъ во всемъ, что оны ни писалъ объ историческихъ эпохахъ и событіяхъ: и въ историческихъ афоризмахъ, и въ очеркѣ исторіи Москвы, и т. д.

Призваніе Рюрика Новгородца, говоритъ г. Погодинъ (стр. 476), есть событіе исключительно новгородское, ибо съ переходомъ дружины норманской, оно тамъ не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ. Поэтому ни оно, ни утвержденіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ не можетъ въ строгомъ смыслѣ быть

навано началомъ русскаго государства. Это только начало водворенія норманскаго элемента между нашими Славянскими племенами. Русская исторія имъ начинается потому только, что въ немъ играетъ роль лицо Рюрика, *родоначальника династии* — Рюрика, который пришелъ съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ.

Началось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это произшествіе бессмертно въ Русской Исторіи! Воздадимъ честь и Новгороду, старшему сыну Россіи (рожденному впрочемъ прежде матери), за призваніе Князя, котораго роду предначинано было основать впоследствии величайшее Государство въ мірѣ. Младенецъ Рюриковъ, Игорь, съ его дружиною, есть единственный плодъ Норманскаго призванія въ Новгородъ, единственный ингредиентъ въ составленіи Государства, тонкая вѣть, кою оно соединяется съ послѣдующими производными. Все прочее прошло, не оставивъ слѣда. Еслибъ не было Игоря, то объ этомъ сверномъ Новгородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можетъ быть, говорить въ Русской Исторіи, или только мимоходомъ. — Такимъ непригляднымъ атомомъ относительно къ формациі, началось Государство, за рѣдкимъ, который именнно едва поимать можно микроскопомъ историческихъ соображеній. Это, употребимъ сравненіе, корень бессмысленный слова, первый элементъ звука (стр. 477 и 478).

Изъ этихъ словъ и разсужденій читатель можетъ самъ удостовѣриться, какъ мы правы, говоря, что г. Погодинъ имѣетъ полумистическій взглядъ на нашу исторію. Самое важное въ прибытіи Рюрика въ Новгородъ есть то, что внесенъ былъ въ жизнь нашихъ Славянъ новый элементъ, котораго въ ней прежде не было, или который по-

крайней-мѣрѣ не былъ развитъ — элементъ государственный, живущій, организующій, который далъ намъ формы общегитія, удержавшіяся, хотя и съ важными видоизмѣненіями, до Петра, — такъ онѣ были прочны. Были ли именно Рюрикъ представителемъ этого новаго элемента, главою дружины, или иной кто, — дѣло второстепенное, не особенно-важное; ибо дружина, пришедшая къ намъ, во своему положенію въ чужой землѣ и воинственному характеру должна была необходимо имѣть вожака, не того, такъ другаго. Г. Погодинъ думаетъ противоположно съ нами. Для него жизнь Рюрикъ, важна династія — все прочее не важно. Предоставляемъ дружинѣ судить, кто изъ насъ правъ, а себѣ позволимъ только замѣтить, что такъ-какъ новый элементъ въ исторіи важнѣе того или другаго лица, его представляющаго, то и русская исторія должна начаться прибытіемъ чуждой дружины въ Новгородъ — не потому-что Рюрикъ, основатель княжеской династии, былъ ея главою, а потому — что въ составъ нашихъ Славянъ привозило нѣчто новое, у насъ прежде неизвѣстное, такое, которое непременно высказалось бы и безъ Рюрика. Далѣе, съ какими чувствами пришелъ къ намъ начальникъ воинственной дружины, и съ какими чувствами приняли его наши Славяне, кажется намъ также фактомъ второстепеннымъ и маловажнымъ, потому особенно, что слѣдовъ его не видно. Пришли Варяги по призванію, а потомъ стали распорядиться, какъ завоеватели, на что есть прямая свидѣтельница летописи; иначе и быть не могло при тогдшнемъ граждански-неустроенномъ бытѣ. Точно также мы не знаемъ, за что бы, кажется, благодарить Новгородъ, который, положимъ, поступилъ очень-недурно, но поступилъ такъ, имѣя въ виду только самого-себя, и нисколько не думая о томъ, что у Рюрика будетъ преемникомъ Олегъ, что этотъ Олегъ пойдетъ въ Кіевъ, и его дружина, при его преемникѣхъ,

осиуетъ тамъ величайшее въ мѣрѣ государство. Наконецъ въ томъ же смыслѣ мы должны сказать, что не буди Игоря, призваніе Варяговъ Новгородцами все-таки не было бы эпизодомъ русской исторіи, и другой князь, все несвязанный съ Рюрикомъ тѣсными семейными связями, былъ бы не менѣе связанъ съ нимъ тождествомъ элемента, котораго оба были представителями.

Также странны и умствованія объ Олегѣ и Игорѣ! Олегъ пошелъ на Кіевъ случайно и могъ не завладѣть имъ.

• Или — Олегъ могъ отправиться съ своей дружиной мимо Кіева, на службу въ Грецію, и пропасть тамъ вмѣстѣ съ Игоремъ, не оставивъ слѣда, подобно сотнямъ своихъ единоплеменниковъ, и тогда другой видъ Исторіи, другія лица и другія имена!—А какъ сомнительна судьба Игоря, младенца, только что рожденнаго, младенца, на которомъ однакожъ лежитъ судьба отечества, который остался связать всю послѣдующую Исторію съ Новгородскимъ призваніемъ Норманновъ, который долженъ утвердить еще за отцомъ своимъ мѣсто во главѣ Русской Исторіи. — Кроивъ тѣхъ опасностей, кои раздѣлялъ онъ съ Олегомъ, онъ имѣлъ другія: Олегъ могъ имѣть дѣтей, которые отняли бы власть у него, то есть предводительство, начальство надъ дружиною, легко достававшееся въ это бурное время болѣе рѣшительному, храброму, искусному.— Вотъ какими случайностями подвергался Олегъ, и при немъ Игорь, и зародышъ Русскаго Рюрика Государства!—Но не слишкомъ ли еще много видѣть здѣсь зародышъ Русскаго Государства? Точно, — это менѣе чѣмъ зародышъ, это математическая точка, почти идея. — Оставляя Новгородъ, Олегъ дѣлался странствующимъ рыцаремъ съ своею дружиною, лишался мѣста. Въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государство. Минута невѣ-

• стности! Сѣмя предано произволу вѣтровъ! — Не должны ли мы трепетать за него? Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ найдетъ себѣ родимую почву? — Успокойся! Благопродуманной Десницею несется оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ новому Государству поставлена цѣль. Мнимую прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оставшись въ Новгородѣ, повела бы дѣла по необходимости иначе: въ Новгородѣ должна бы утвердиться у насъ связь, не только государственная, но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было надо, по высшему предначертанію, чтобъ Европа состояла пока изъ двухъ половинокъ, чтобъ распадавшейся въ то время религіи приготовилась особая Церковь на Востоку, чтобъ тамъ когда-то чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славянскихъ племенъ, народилось Государство — наследникъ Римскому Востоку, Греческой Имперіи, Константинополю, какъ Римскій Западъ достался въ наследство, съ землею, жителями, религіею и образованіемъ, Нѣмецкому народу. — Олегъ пошелъ, точка двинулась, это правда, точка, не болѣе, но выйдеть линія, и какая линія? Полъэкватора, треть меридіана. (стр. 478 — 480).

Еслибъ Олегъ отправился на службу въ Грецію, лица и имена дѣйствительно были бы не тѣ, какія теперь знаемъ, но характеръ исторіи едва-ли бы измѣнился. Норманскій или другой, какой хотите, элементъ, принесенный въ Россію пришельцами, не исчезъ бы, ибо мы знаемъ, что даже въ Новгородѣ, откуда ушли Варяги, часть ихъ осталась. Итакъ, завскаса была, и она произвела бы тѣ же дѣйствія, какія и дружина, перешедшая въ Кіевъ, потому-что была съ нею однородна. Судьба Игоря точно была сомнительна, но не болѣе какъ и каждаго живаго человѣка. Прибавимъ къ тому, что особенной заслуги его въ

русской исторіи мы не видимъ, а потому и сомнительность его судьбы не имѣетъ права возбуждать въ насъ большихъ, тревожныхъ опасеній. Если вся нѣтъ его существованія только въ томъ и состояла, чтобъ связать всю послѣдующую исторію съ новгородскимъ призваніемъ Норманновъ, и утвердить за его отцомъ Рюрикомъ мѣсто во главѣ русской исторіи, то этотъ подвигъ сыновней любви и почтительности, конечно, заставляетъ насъ думать объ немъ лучше, нежели какъ мы думали до-сихъ-поръ, судя по его дѣйствіямъ, засмѣдѣльствованнымъ лѣтописью, — но для русской исторіи изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Его существованіе не такъ дорого для нея, какъ для чести его рода, и потому, мы думаемъ, ни одинъ Русскій, любящій пламенно свое отечество, не трепещетъ при мысли, что Олегъ могъ имѣть дѣтей, которые лишили бы Игоря власти, особенно, еслибъ его отгѣснилъ отъ начальства надъ дружиною болѣе рѣшительный, храбрый, искусный вождь, — потому-что зародышъ русскаго рюрикава государства, судьбы его не могли бы нисколько измѣниться отъ случайностей, которымъ подвергся Игорь. — Что касается до взаимныхъ отношеній зародыша, математической точки и идеи — мы слишкомъ мало знакомы съ физиологіей, математикой и философіей, чтобъ опредѣлить совмѣрность этихъ величинъ и повѣрить автору, правъ ли онъ, что менѣе чѣмъ зародышъ = математической точкѣ, и оба = почти идеѣ. Вѣрныя своей мысли, что въ исторіи важное, существенное, главное — элементы, а не тѣ случайныя обстоятельства, въ которыхъ выражается ихъ сочетаніе, мы не понимаемъ, что хотѣлъ сказать авторъ странной фразой: «въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся государство», точно какъ-будто государство имѣетъ крылья и летаетъ по воздуху, — и не трепещемъ за судьбу государства, зная, что не тотъ, такъ другой

выразитъ собою то, что приготовлено предъидущими событіями, и что нѣкто свято пусто не бываетъ.

Потомъ г. Погодинъ особенно налегаетъ на мысль, что мирные кіевскіе жители приняли Олега безъ сопротивленія, и что поселеніе его было такъ же мирно, какъ и рюриково въ Новѣгородѣ, чѣмъ и опредѣлился характеръ ихъ отношеній къ жителямъ.

Мы бы хотѣли спросить автора: это мирное занятіе не математическая ли точка, не почти идея ли? Кіевляне были народъ стравный. Приходить къ нимъ одинъ — они покоряются ему добровольно; приходитъ другой — ему точно также; приходитъ третій, убиваетъ ихъ влстителей — они покоряются ему безъ сопротивленія. Такой народный характеръ отнимаетъ рѣшительно всякое право говорить о мирномъ занятіи и завоеваніи. Въ отношеніи къ Полянамъ и вообще тѣмъ изъ нашихъ Славянъ, которые охотно, безъ боя подчинялись первому пришельцу, различіе добровольнаго подчиненія или приаванія и завоеванія не могло имѣть никакого значенія, и, слѣдовательно, никакого вліянія на дальнѣйшую ихъ судьбу. Объяснимъ. Представимъ себѣ, что народъ сильный, независимый, граждански-развитой, и не поддающійся первому встрѣчному, призоветъ къ себѣ постороннихъ влстителей. Такое приаваніе даетъ ему возможность заключить съ призванными условія, обезпечить свои права, поставить границы провозу пришельцевъ, и такимъ-образомъ извлечь изъ приаванія всевозможную пользу, не подвергаясь опасности порабощенія. Представимъ себѣ теперь другой случай, что этотъ же самый народъ будетъ завоеванъ пришельцами. Тогда послѣдніе дѣлаются его безусловными господами и устраиваютъ его судьбу по провозу, неограниченно. Ясно, что въ отношеніи къ такому народу различіе между завоеваніемъ и добровольнымъ подчиненіемъ

нѣтъ неизвѣрно велико и на всю послѣдующую судьбу его имѣетъ рѣшительное и важное вліаніе. Тутъ стоить повзглаговать, былъ ли народъ завоеванъ или нѣтъ — ибо вся исторія его получаетъ отъ такого или другаго разрѣшенія этого вопроса противоположное значеніе и колоритъ. Но когда племя, едва-только начинающее выработываться изъ первоначальной, грубой непосредственности и при этомъ коснѣющее въ патриархальныхъ, ширьхъ и вроткихъ нравахъ, охотно, безусловно подчиняется всякому, который захочетъ имъ владѣть, — не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что оно и не могло быть завоевано, потому-что всегда предупреждало завоевателя своею безусловною покорностью и ничѣмъ не обезпечивало себя и своихъ правъ, слѣдовательно, не будучи завоевано, могло подвергаться всѣмъ невыгодамъ завоеванія по произволу пршельцевъ? Г. Погодинъ поминилъ это, хотя, можетъ-быть, и не соискъ-исно. Ему видно хотѣлось удержатъ для начала нашего государства принципъ мирнаго занятія, и танъ-какъ провести его никакъ нельзя было, то онъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія долженъ былъ прибѣгать къ отчаяннымъ предположеніямъ. Напримеръ, онъ говоритъ, что Славяне своею безусловною покорностью обезоружили дикихъ Варяго - Руссовъ. Далѣе нельзя идти! Въ-самомъ-дѣлѣ, представить хищныхъ, вѣроломныхъ и грубыхъ Руссовъ, какими мы ихъ знаемъ по нашей лѣтописи, благородными и великодушными рыцарями, есть верхъ историческаго *tour de force*, натяжки столько же невѣроятной, сколько и неожиданной въ наслѣдователѣ, который на каждой строкѣ своего сочиненія проповѣдуетъ историческое безпристрастіе и жестоко преслѣдуетъ противниковъ за натяжки и любимыя мысли. Пора же, наконецъ, понять, что если пришествіе дружины не имѣло у насъ тѣхъ послѣдствій, какія въ другихъ земляхъ, то причина не въ великодушіи Руссовъ, не въ спо-

собѣ занятія ими славянскихъ земель, а только въ томъ, что Варяги не думали основать у насъ государства, и потому долго блуждали по огромной поверхности безъ цѣли и постоянного жительства. Нѣчто похожее на государство начинаютъ показываться не ранѣе Владиміра, а особенно при Ярославѣ, слѣдовательно, спустя сто или полтораста лѣтъ послѣ прибытія Руссовъ. А мы все толкуемъ, было ли у насъ завоеваніе или нѣтъ, точно какъ-будто отъ этого факта зависитъ все, — тогда-какъ онъ самый неважный изъ неважныхъ въ нашей исторіи, въ эти отдаленныя, грубыя времена, когда Россія представляла собою не что иное, какъ

*rudis indigestaque moles
Non bene junctarum discordia semina geritum.*

А иса бѣда отъ-того, что мы даже досихъ-поръ не можемъ привыкнуть смотрѣть на нашу исторію прямо, просто. Мы непремѣнно смотримъ на нее съ точки зрѣнія западной или европейской исторіи, гдѣ для начала государствъ были другія условія. Что тамъ важно, здѣсь совершенно-неважно, и на оборотъ. Къ этому мы необинуясь причисляемъ различіе между завоеваніемъ и мирнымъ занятіемъ, которое у грубыхъ, первоначальныхъ племенъ не влечетъ за собою тѣхъ послѣдствій, какія у народовъ цивилизованныхъ и просвѣщенныхъ.

Мистическимъ тономъ проникнуто и все дальѣйшее въ этой статьѣ. Какъ ни скучно, ни утомительно для читателя слѣдить за фантазіей автора, который въ событіяхъ самыхъ естественныхъ и неважныхъ видитъ таинственное водительство судьбы, трудные и важные іероглифы, проникающіе наблюдателя какими-то священнымъ ужасомъ и благоговѣніемъ, — послѣдуемъ за нимъ, чтобъ показать до конца, какъ эти призраки не страшны, какъ они напротивъ съ значеніемъ, приданнымъ имъ авторомъ, мелки.

Лѣтний Игорь потерялъ было дани, переставъ ходить за ними, и племена, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отлагались. По крайней мѣрѣ, всю свою жизнь онъ прожилъ въ Киевѣ, и привычка, которую называютъ второю природою, привычка дружины и города къ князю и его роду, а князя къ дружинѣ и народу, привычка къ ослѣдлости и какому-то порядку вещей, укоренялась. Таково было при Игорѣ приобрѣтеніе, почти невоспетое, къ родительскому наследству. Сѣмя не развилось, но нѣсколько укрѣпилось, приготовилось для развитія. Подъ конецъ своей жизни Игорь захотѣлъ было притѣснить сосѣднихъ Древланъ, и погибъ за то отъ руки ихъ. Новая опасность, по крайней мѣрѣ опасность Рюрикову роду: ближнее племя возстало, и рѣшилось на такое отважное дѣйствіе — убить князя: что жъ сдѣлаютъ дѣти! Что будетъ съ самою дружиною? Какъ легко, кажется, какому-нибудь смѣльчаку захватить начальство и увести ее на промыселъ, или самому сѣсть на престолъ! (стр. 481 и 482).

Изъ чего авторъ взялъ, что Игорь былъ лѣтний и потерялъ дани, мы придумать не можемъ; ни одно мѣсто не даетъ права такъ говорить. Какъ мало Варяги ослѣды при Игорѣ, видно изъ жизни Святослава, который не хотѣлъ остаться въ Киевѣ. Бунтъ Древланъ — явленіе частное, которое не имѣло никакого отношенія къ другимъ племенамъ, можетъ-быть, даже оставалось имъ неизвѣстнымъ, да и убійство князя тогда далеко не то значило, что въ послѣдствіи, особливо, когда Россія начала гораздо-болѣе походить на государство, на-примѣръ, въ московскій періодъ. О тщетныхъ и смѣшныхъ овасеніяхъ на счетъ рюрикова рода, не стоитъ и говорить; право, тогда Рюриковъ родъ еще не много вѣшалъ въ судьбахъ Россіи.

Судя по словамъ г. Погодина, русской исторіи съ начала началъ благо-

пріятствовало необыкновенное счастье. Все вышло, разумеется, такъ, какъ въшло. Но авторъ во всемъ этомъ видитъ какую-то высшую необходимость. На-примѣръ, у Игоря былъ одинъ сынъ: Тутъ, кажется, нѣтъ ничего необыкновеннаго. У Святослава ихъ было три, Владиміра двѣнадцать, а единство Руси удержалось. Но, читая книгу г. Погодина, подумаешь, что такъ было необходимо нужно по тогдашнему состоянію Россіи. Вотъ какъ онъ объ этомъ рассуждаетъ:

У Игоря былъ такъ же одинъ сынъ какъ у Рюрика, Святославъ, къ счастью молодой Руси, которой необходимо было распространиться прежде нежели раздѣлиться, которой необходимо было расклиниться, хоть слегка, изъ одного центра, а не многихъ; одно сѣмя должно было пока развиваться, одно государство расти, и не многія равносильныя возникнутъ вдругъ. Рано было начинаться удѣльнымъ княжествамъ: еслибъ у первыхъ князей было по многу дѣтей, то они поссорятся тотчасъ между собою, (неизбѣжный случай), воспрепятствовали бы развитію, неукрѣпясь ослабли бы, и не успѣли бы захватить столько постороннихъ земель, кои могли отойти въ составъ другихъ сосѣднихъ государствъ. Тяжело дѣтямъ остаться сиротами, пока отецъ не устроитъ хозяйства. Силѣ предлежало еще поприще внѣ, а не внутри (стр. 482 и 483).

Пожалуй и такъ. Но можно бы рассуждать и совершенно на выворотъ. Вотъ почему всѣ такіа разсужденія — пустыя слова, отъ которыхъ научишь ничего не выигрываетъ, но проигрываетъ очень-часто.

Святославъ считалъ Киевъ постоянную столицу, какъ думаютъ нѣкоторые — замѣчаніе глубоко-вѣрное — а переехалъ на другую квартиру. (Стр. 483). Какъ ни отстаиваетъ авторъ послѣднее выраженіе, но оно и сдѣлано и выдѣ-

но, потому-что взято изъ совершенно-другаго порядка вещей, неизмѣющаго ничего общаго съ тогдашнимъ. Не дурно замѣтить также, что постоянное пребываніе Игоря въ Кіевѣ (если это и фактъ достовѣрный) немного, кажется, послужило къ водворенію, къ осѣдлости Варяговъ въ этомъ городѣ. Зачѣмъ же было объ немъ и говорить? Непонятная страсть напыивать факты на одну нитку и вытягивать въ длину, тогда какъ они обыкновенно выпадаютъ такъ пестро, и только въ цѣлой эпохѣ, чрезъ отвлеченіе, мы можемъ открыть общія черты.

Мысль о разлачѣ удѣловъ Святославоу Ярополку, Олегу и Владиміру очень-недурна и во всякомъ случаѣ нова.

• Передъ отбытіемъ Святославъ отдалъ старшему сыну Ярополку свой Кіевъ, а втораго послалъ княжить на Воынь. Святославъ не раздѣлилъ, какъ говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія, но другаго сына послалъ въ дикое поле. Древлянъ племя самое близкое къ Кіеву, разоренное Ольгою, обложенное двойною данію, и потому тѣснѣе связанное съ Кіевомъ, легче было держать въ повиновеніи. Вотъ главная причина, почему Святославъ послалъ туда сына. Третьяго сына, Владиміра, вытребовали себѣ сами Новгородцы, почти противъ воли Святослава, которой говорилъ имъ даже: кто къ вамъ пойдетъ? Слѣдовательно, Святославъ все-таки владѣлъ однимъ Кіевомъ, *идъ жмилъ*, гдѣ жилъ и отецъ его; всѣхъ нечего говорить о дѣленіи, ибо дѣлать цѣлое, дѣлать свое владѣніе, а Святославъ не владѣлъ Древлянами, которые платили ему только дань. Тѣмъ болѣе должно сказать это о прочихъ дальнихъ племенахъ, и всего вѣрнѣе и точнѣе о Новгородцахъ. Но еслибъ даже и владѣлъ—все только Кіевомъ и близкою Воынью. Вотъ что отдалъ онъ двумъ сыновьямъ своимъ. — Не было дѣленія и еще менѣе пагубнаго при-

мѣра!! Дѣленіе было общее во всей Европѣ, необходимая принадлежность, степень гражданскаго общества, а не частная ошибка. Но у насъ, повторяю, не было ни дѣленія, ни частной ошибки, ни примѣра. (стр. 484 и 485).

Да не подумаетъ, однако, благосклонный читатель, что съ раздачею удѣловъ всѣ опасности для русской исторіи миновались. Напротивъ, вы знаете, что противникомъ Святослава былъ Цимисхій, императоръ храбрый и умный. Онъ тоже родился не даромъ, и если онъ не могъ возродить дряхлѣющую Византію, то призваніе его было еще выше — удержать Варяговъ-Русь въ Кіевѣ и дать имъ возможность окончательно осѣсться. Не забудьте, что сыны Святослава могли послѣдовать за своимъ отцомъ въ Болгарію. Чтѣ бы случилось тогда съ славянскими племенами? Авторъ наивно восклицаетъ: какъ все зыбко!

• Случился же именно въ это время въ Греціи такой Государь, какъ Юваннъ Цимисхій, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ Государей въ цѣломъ ряду Византійскихъ Императоровъ, въ продолженіи долговременнаго періода. Онъ заставилъ Святослава удалиться изъ любовной Болгаріи, который на возвратномъ пути и сложилъ буйную свою голову, съ остальными мужами. Сыновья его лишены были средствъ итти въ Болгарію, отнятую Греками, не могли переселиться туда, еслибъ и хотѣли. Они остались у насъ владѣя порознь Кіевомъ, Воынью и Новгородомъ. — Сѣмя переслао опять къ намъ, или лучше, укрѣпилось, глубже опустилось въ нашу землю. Опасностей стало меньше, по крайней мѣрѣ дома. (стр. 486).

Послѣ этого, разумѣется, могли ужь безопасно явиться нѣсколько князей, и ихъ явилось теперь трое. Какъ все дѣлается кстати, особливо когда въ головахъ исследователя приготовлены, по

известному и данному, причины и условия случайныхъ событій!

Можно ли такъ смотрѣть на исторію?

Остальная половина варяжскаго періода, начиная съ Ярополка, обрисована довольно-живо и удачно. Событія рассказаны просто, естественно и вѣстѣ и оригинально, а потому и не лишены интереса. Любителей отсылаемъ къ самой книгѣ.

Одиннадцатая и послѣдняя глава включаетъ въ себѣ *параллель Русской Исторіи съ исторіей Западныхъ Европейскихъ Государствъ относительно начала*. Особой статьей эта глава, въ 1844 году, была отпечатана въ «Москвитянинѣ». Въ библіографіи «Отечественныхъ Записокъ» ея коснулись слегка и вообще объ ней писано было меньше, нежели разсуждаемо на словахъ. Только въ самомъ «Москвитянинѣ» противъ нея была поднята сильная полемика, отчасти справедливая, но по основной мысли пристрастная. Не смотря на то, что эта статья была мало замѣчена, она заслуживаетъ большаго вниманія, какъ по своей парадоксальности, такъ и по непониманію главныхъ, основныхъ явленій нашей исторіи.

Русская и западная, или, правильнѣе, европейская исторія до того различны между собою, что при всѣхъ видныхъ, случайныхъ, иногда разительныхъ сходствахъ, нѣтъ никакой возможности сравнивать ихъ между собою. Весьма-вѣроятно, что главная причина такого разительнаго различія — въ различіи элементовъ, исторической почвы, на которой совершались событія. Какъ ни возбужденъ въ настоящее время вопросъ о славянскомъ племени—онъ еще далеко не рѣшенъ, и едва-ли можно надѣяться, что онъ скоро разрѣшится. Ключа къ національному характеру этого удивительнаго племени, что ни говорено, ни писано объ немъ, мы еще не имѣемъ, и мы твердо

увѣрены, что его въ силахъ дать одна событія, исторія, а не кабинетныя занятія ученыхъ, не наследованія его прошедшаго. Отъ-того сравнительно положеніе всякаго мыслящаго челоука, когда онъ говоритъ или пишетъ объ этомъ племени. Прежде о немъ вовсе не думали, потомъ говорили свысока, съ какимъ-то презрѣніемъ, или по-крайней-мѣрѣ неуваженіемъ. Теперь это совершенное невѣдѣніе и эти снѣжные предрассудки исчезли, но самое племя не сдѣлалось отъ этого понятнѣе. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, попробуйте прикинуть къ нему или его исторіи какой бы то ни было готовый аршинъ, которымъ мѣрится исторія другаго племени: ни одинъ изъ вы его не смѣряете. Отъ-того и событія, съ перваго взгляда сходныя, даже тождественныя въ европейской и нашей исторіи, такъ же далеки между собою, какъ небо отъ земли; часто ихъ невозможно сравнивать, потому что они несоизмѣрны. Мы думаемъ, что въ этомъ должно, между прочимъ, искать причины, почему до-сихъ-поръ наша историческая литература такъ блѣда, тоща и неплодотворна. Она возникла въ тотъ періодъ нашей исторіи, когда мы жили подъ исключительнымъ вліяніемъ европейской цивилизаціи, а потому естественно смотрѣли на свое прошлое европейскими глазами. Какъ ни важно, ли благотѣльно было такое вліяніе на наше духовное и нравственное возрожденіе, оно не могло, однако, быть благоприятно для правильнаго уразумѣнія нашего прошедшаго. Въ теперешнее переходное время, когда самосознаніе начинаетъ пробуждаться, принимая нерѣдко странныя формы, — начинаетъ просыпаться и мысль объ этомъ коренномъ различіи нашей и европейской исторіи, и исследоволь созрѣваютъ другія понятія, другіе взгляды, которые намѣняютъ, наконецъ, представленіе о прожитомъ нами времени и событіяхъ.

Г. Погодинъ тоже чувствуетъ это различіе, но онъ проводитъ его не до

онца. Невысказывая, онъ предполагаетъ въ европейской и русской исторіи одинаковую почву, считаетъ ихъ сравнѣнными величинами. Обѣ по его мнѣнію существенно-различны, но это потому только, что существенно-различны условія ихъ первоначальнаго существованія: въ Европѣ было завоеваніе, у насъ не было. Къ этому въ послѣднемъ итогѣ сводится все. Изъ того видно, что по своему взгляду, очно такъ же, какъ и въ области изслѣдованій, г. Погодинъ занимается раздѣломъ между прежнимъ и новымъ временемъ. Онъ не смотритъ на русскую исторію съ точки зрѣнія, данной исторіею большей части европейскихъ государствъ, но въ то же время ставитъ ихъ на одну доску, проводитъ между ними параллель, какъ-будто-бы ни при всемъ различіи мѣли между обою много общаго.

Послѣдующимъ историкамъ славянскаго племени и Россіи въ особенности мы предоставляемъ честь разрушить то предубѣжденіе, столько же объяснимое исторически, сколько само-въ-себѣ ложное и неосновательное. Многіе уже теперь догадываются, что это не такъ, что между европейской и русской исторіею существуетъ только случайное, поверхностное сходство; теперь начинаютъ даже понимать, что систематическія положенія въ европейской исторіи, съ помощью которыхъ можно безошибочно судить объ исторіи любого европейскаго государства, ничего не объясняютъ въ русской исторіи, напротивъ затемняютъ ее. Это до насъ касается, мы намѣрены теперь прослѣдить внимательно выводы г. Погодина, которые, кромя ложнаго основанія, отличаются еще необыкновенною парадоксальностью и тѣми же историческими особенностями, на которыя мы уже не одинъ разъ указывали въ его новомъ сочиненіи. Все это дробно и по своей необыкновенности, яркости, можетъ-быть и потому еще, върооятно, есть люди, съ нѣкоторыми отгѣн-

ками раздѣляющіе взглядъ г. Погодина; ибо, не смотря на то, что мы живемъ, по-видимому, быстро, не по днямъ, а по часамъ, мысль для насъ еще до-сихъ-поръ трудна и мало доступна; два противорѣчающія положенія, взаимно себя исключаютія, много дѣтъ живутъ дружески, рядомъ—по преданію, привычкѣ, или дѣности сообразить ихъ между собою—и такъ дается черезъ нѣсколько поколѣній. Страшно подумать, сколько такихъ взглядовъ пушено у насъ въ борьбѣ и получило право гражданства!—Статья г. Погодина начинается очеркомъ исторіи западно-европейскихъ государствъ, теперь довольно-извѣстной и у насъ. Эти государства основаны на *завоеваніи*. Завоеваніе положило въ основаніе этимъ государствамъ бырбу словесій, классовъ, которые представляютъ собою прежнихъ покорителей и покоренныхъ, и воспроизводятъ ихъ взаимную ненависть. Сначала аристократію побѣждаетъ среднее сословіе и само становится на ея мѣсто. Въ этомъ событіи видно освобожденіе покоренныхъ когда-то туземцевъ изъ-подъ ига пришельцевъ. Но теперь ниснее борется вмѣстѣ и съ среднимъ и съ высшимъ, и что изъ этой новой борьбы выйдеть — Богъ вѣсть. То же было и въ древней исторіи, въ Греціи, въ Римѣ. Въ русской исторіи, напротивъ, главныхъ, характеристическихъ событий европейской исторіи нѣтъ. Это различіе происходитъ отъ-того, что у насъ не было завоеванія, а было призваніе, безпрекословное занятіе и полюбовная сдѣлка между туземцами и пришельцами. И такъ все различіе отъ различія въ началѣ.

Мы уже выше сказали, въ какомъ случаѣ различіе завоеванія и призванія важно въ исторіи, и объяснили причины, почему въ русской исторіи XIX вѣка оно кажется намъ совершенно-неважнымъ, несущественнымъ. Поэтому вновь распространяться объ этомъ мы не станемъ. Замѣтимъ здѣсь покуда мимоходомъ, что это различіе

въ русской исторіи и не существовало. Въ Новгородѣ дружина была призвана, но поступала недружелюбно, какъ завоеватель. Многія славянскія племена были рѣшительно покорены, и платили дань недобровольно, о чемъ можно судить по ихъ частымъ восстаніямъ. Что и съ ними недружелюбно поступали Варяги, по крайней мѣрѣ многократно видно изъ разсказа о поступкѣ Игоря съ Древлѣнами. Поэтому были ли мы завоеваны, или приняли иноплеменцевъ добровольно, — фактъ еще очень спорный, о которомъ нельзя рѣшительно судить на томъ только основаніи, что сѣверныя племена признавали Рюрика; а на спорномъ фактѣ нельзя строить цѣлой теоріи. Потомъ, допустивъ даже, что Варяги - Русь не завоевали насъ, и всѣми племенами были приняты съ распростертыми объятіями, мы не видимъ никакого права заключать отсюда, что у насъ отъ этого было легче; по крайней мѣрѣ, изъ частыхъ восстаній племенъ и безпрерывныхъ походовъ къ намъ этого видѣть нельзя. И такъ, различіе завоеванія и призванія въ нашей исторіи ничего почти не значить и не играетъ никакой роли.

Постановивъ основное различіе между нашей исторіей и исторіей европейскихъ государствъ и рѣшивъ, что въ этомъ различіи простираются всѣ вѣщія, г. Погодинъ разсматриваетъ составные элементы нашего государства порознь. Послѣдуемъ за нимъ.

У насъ князь былъ добровольно призванный (въ Новгородѣ), или принятый безъ сопротивленія (въ Кіевѣ).

• Тотъ и другой не имѣлъ, следовательно, и даже не могъ имѣть враждебныхъ чувствъ побѣдителя, завоевателя, какія питали Западныя государства, тотъ и другой не могъ смотрѣть на свое владѣніе, какъ на добычу, зватаю съ бою, приступомъ; не имѣлъ никакихъ внутреннихъ враговъ, никакихъ соперниковъ, въ своемъ,

хотѣ и ничтожествѣ, въ сравненіи съ Западными королевствами, владѣніемъ. Нашъ Государь былъ званымъ иррегулярнымъ гостемъ, желаннымъ защитникомъ, а Западный Государь былъ ненавистнымъ пришельцемъ, главнымъ врагомъ, отъ котораго народъ иррегулярно искалъ защиты. (стр. 500).

Какъ на враговъ, призванный или не смотрѣлъ на племена — это правда; но, вѣроятно, смотрѣлъ какъ на источникъ обогащенія и добычи. Примите, г. Погодинъ, все, что угодно говорить о дѣйствіяхъ Варяговъ у насъ, и вы съ нами согласитесь. А Славяне, которые принуждены были испытывать на себѣ ихъ своеволие, хищничество, насиліе, — право, было все равно, пришли ли они какъ завоеватели, или какъ призванные. Итъ отъ этого не было легче, и голословныя различія ихъ, вѣроятно, трудно было утѣшить.

Развивая далѣе свою мысль, г. Погодинъ сдается показывать, что таковыя характерныя нашихъ князей условія зависѣли отъ отношенія къ боярамъ, горожанамъ и народу, — другое, нежели какое было на западѣ.

Къ боярамъ: На Западѣ король былъ обязанъ своимъ сюзеренинамъ (герцоги, лорды), понесавшимъ ему покорить землю, а нашъ князь не имѣлъ никакихъ обязанностей къ боярамъ, болѣею частію его родственникамъ, которые сопровождали его безъ всякой со стороны его нужды. не имѣли случая оказать ему никакихъ важныхъ, необходимыхъ услугъ, — и въ случаѣ неудовольствія могли только оставить его. (стр. 500 и 501).

Чистый вымыселъ, потому что основанъ на однихъ голыхъ предположеніяхъ! Почему нашъ князь не имѣлъ никакихъ обязанностей къ боярамъ? Почему знаетъ авторъ, что они были болѣею частію его родственники?

Ужъ не вѣтъ словъ ли лѣтописей, что избрались три брата съ роды своими? Если наши князья безпрестанно воевали — что достовѣрно извѣстно — какое право имѣеть авторъ сказать, что бояре сопровождали его безъ всякой со стороны его нужды и не имѣли случая оказать ему никакихъ важныхъ, необходимыхъ услугъ? Право оставить начальника дружины имѣли дружинники не только у насъ, но и вездѣ; а если тамъ они имѣли и другія права, то эти права условливались осядлостію дружины, чего у насъ долго не было. — Словомъ, такое опредѣленіе отношеній князя къ боярамъ такъ произвольно, такъ натянуто, что не заслуживаетъ опроверженія. Пусть авторъ подтвердитъ свои положенія дѣльными доводами, и мы тогда опровергнемъ ихъ, ибо ихъ нѣтъ, а есть доводы противъ него, хотя ихъ и немного. Показавъ этого не сдѣлаешь, мы считаемъ неумѣстнымъ серьезный разборъ неосновательныхъ и недоказанныхъ предположеній.

Къ народу: «Съ народомъ у насъ князь имѣлъ дѣло лицомъ къ лицу, какъ его защитникъ и судья, въ случаѣхъ, впрочемъ, очень рѣдкихъ, за что и получалъ опредѣленную дань, — вотъ въ чемъ состояло его отношеніе, — а Западный государь отдѣленъ былъ совершенно своими вассалами» (стр. 501).

Легкій способъ рѣшать трудныя задачи! О которомъ времени говоритъ авторъ? О варяжскомъ періодѣ, вѣроятно? Но что жъ мы о немъ знаемъ, и вѣтъ чего вѣдалъ г. Погодинъ, что съ народомъ наши князья имѣли дѣло лицомъ къ лицу? Хоть одно мѣсто въ доказательство, г. Погодинъ, одно мѣсто! Что князь за защиту и судъ получалъ опредѣленную дань — этого мы тоже, признаемся, не знали! Что, собирая дань на мѣстѣ, князь въ то же время судилъ и бралъ за то пошлину, это, можетъ-быть, и отчасти вѣроятно. Но чтобъ ему за судъ давалась дань, такъ

могетъ думать только тотъ, кто совершенно незнакомъ съ нашими юридическими древностями! Примѣръ Новгородцевъ, платившихъ 300 гривенъ мира дѣла, ничего не доказываетъ. Мы не знаемъ, было ли это данью; вѣроятно, нѣтъ, ибо дань платилась сама собою кievскимъ князьямъ. Но допустить, что дань платилась за защиту, спрашивается, за что жъ платили ее не пограничныя, а внутреннія славянскія племена? Наконецъ, до какой степени князь не былъ отдѣленъ своими правителями и дружинниками отъ народа — кто возьмется разрѣшить этотъ вопросъ, особливо въ эпоху, изъ которой до насъ не сохранилось почти никакихъ извѣстій?

Объ отношеніи князей въ городамъ не сказано ничего. Этотъ вопросъ также бѣденъ извѣстіями, но за то посложнѣе. Авторъ, вѣроятно, боялся за него приняться.

Также разбираетъ г. Погодинъ бояръ. У насъ ихъ было меньше, говорить онъ, чѣмъ на Западѣ. — Потому, что они не составили у насъ особаго класса, многочисленнаго сословія, сильнаго элемента; а были только не рединымъ рядомъ княжеской свиты, гвардіи, дружины» (стр. 501).

Въ другомъ мѣстѣ мы высказали мысль, что въ самомъ началѣ у насъ былъ феодализмъ, потомъ исчезнувшій, и привели доказательства. Поэтому, имѣние автора, что наши мужи и бояре были только переднимъ рядомъ княжеской свиты, дружины, кажется намъ ложнымъ. Сверхъ-того, еще не рѣшено, что бояре были дружинники съ самаго начала. Объ этомъ мы тоже сказали свое имѣніе.

Объ отношеніяхъ бояръ (т. е. по терминологіи автора, дружинниковъ) къ князю сказано слѣдующее:

«Воеводы Западные почитали себя почти равными Королю, который безъ

• нихъ ничего не значилъ, не могъ вла-
• дѣть Государствомъ, не могъ дѣйстви-
• вать, всего менѣе повелѣвать ими, а
• наши находились въ полномъ распо-
• ряженіи Князя, — ближайшіе исполни-
• тели его приказаній, — его родствен-
• вники, слуги, наемники, безъ которыхъ
• онъ могъ обойтись всегда. Они зави-
• сѣли отъ Князя, а на Западѣ Князь за-
• висѣлъ отъ нихъ. Тѣ дѣлали, что хо-
• тѣли, а наши, что приказывалъ имъ
• Князь» (стр. 501 и 502).

Изъ чего жъ заключается г. Погодинъ,
что наши дружинники находились въ
полномъ распоряженіи князя, испол-
нители его приказаній, слѣпые органы
его воли? Странно читать такія вещи,
съ важностію выдаваемые за истину,
и между-тѣмъ лишенные всякой опо-
ры! Пусть г. Погодинъ приведетъ хоть
одно доказательство, мы вызываемся
представить ему до десяти въ опро-
верженіе. И это называется провести
параллель между исторіями!

Объ отношеніи дружинниковъ къ
землѣ. • Наши (феодалы) не прикосну-
• лись къ землѣ, а получали плату отъ
• Князя, временно, въ родѣ жалованья,
• или по договору за свою службу,
• часть дани, доходовъ, съ того или
• другого города, — какъ его намѣстни-
• ки, прикащики или откупщики, ко-
• торыхъ онъ могъ всегда смѣнить,
• безъ наибѣйшаго для себя вреда и не-
• удобства. Феодалы *разстались* по все-
• му пространству покоренной земли,
• а наши не имѣли постоянного пребы-
• ванія, и жили тамъ, гдѣ начиналъ
• имъ Князь, — преимущественно при-
• немъ, участвуя въ его походахъ во-
• енныхъ и мирныхъ» (стр. 502).

Уступалась ли дань дружинникамъ
съ городовъ, мы не знаемъ, потому-что
нѣтъ извѣстій. Если у насъ былъ въ
началѣ феодализмъ, то очень-неудре-
но, что были зачатки раздѣленія зе-
мель, но неуспѣвшіе развиться, пото-
му-что дружина не получила осязато-
сти. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что

мы объ этомъ не имѣемъ никакихъ из-
вѣстій изъ варяжскаго періода. Такъ
же мало знаемъ мы, на какомъ основа-
ніи управляли дружинники городами,
и жили ли они постоянно въ однихъ
мѣстахъ, или нѣтъ.

Отношеніе дружинниковъ къ наро-
ду. • Феодалы Западные, отнявъ зем-
лю и заставивъ *работать* на себя ея
• обитателей, съ самаго начала поста-
• вили себя въ враждебное отношеніе
• къ нимъ, а наши бояре, не имѣя ни-
• какого дѣла до народа, кромѣ сбора
• дани и суда, жили въ добромъ согла-
• сіи съ ними» (стр. 502).

Бояре, пока ихъ званіе не стало од-
новначительно съ слугой царскимъ—
можетъ быть; дружинники за свое
хищничество, какъ въ-послѣдствіи всѣ
областные правители, вѣроятно, не
очень были любимы народамъ. Впро-
чемъ, и объ этомъ мы не имѣемъ ника-
кихъ извѣстій изъ варяжскаго пери-
ода.

Наконецъ, и отношенія феодаловъ
къ государству были тоже разными у
насъ и въ Европѣ.

• Феодалы Западные основали мно-
• гія владѣнія, малыя Государства, изъ
• коихъ отвлеченно состояло одно боль-
• шое, а у насъ было одно малое Госу-
• дарство. Западное Государство мож-
• но выразить такою дробью $\frac{1}{10}$, а
• наше десятичною» (стр. 503).

Если у насъ были зачатки феодал-
лизма, то все это рассужденіе дѣлает-
ся совершенно-важнѣйшимъ. Потому,
мы долго ломали себѣ голову, чтобы
понять математическое сравненіе,
употребленное г. Погодинымъ. Стран-
ная охота говорить не-спроста, а вы-
чурно, іероглифически! Мы утѣраемъ,
что многіе читатели такъ же были за-
труднены этимъ мѣстомъ, какъ и мы.

Сказанное о народѣ и землѣ сара-
вѣдливо. Онъ сохранилъ свои владѣ-

ня, остался свободнымъ, и теперь сталъ только платить подать, дань, чѣмъ и ограничилась его зависимость. Но мы не согласны съ авторомъ, что земля досталась на Западѣ пришельцамъ *сполна*. Это бывало, но довольно рѣдко. Отбирались, обыкновенно, часть земли, треть или двѣ трети. Далѣе, страннымъ намъ показалось заключеніе автора о дани, платимой Славянами пришельцамъ. Эта дань, говоритъ онъ, состояла въ естественныхъ произведеніяхъ, которыхъ было у нихъ въ изобиліи, которыхъ дѣлать имъ было нѣкуда — слѣдовательно, была вовсе не отягонительна. Мы назвали такое заключеніе страннымъ, потому что оно основано на однихъ предположеніяхъ, ничѣмъ не подтвержденныхъ. И здѣсь мы вызываемъ автора привести хоть два-три доказательства, а за то обязуемся представить столько же фактовъ, заставляющихъ думать противное. Но самое главное, въ чемъ мы не согласны съ авторомъ, — это важность, которую онъ придаетъ тому, что у насъ туземцы остались свободны и не потеряли своихъ земель. Этотъ фактъ ни больше, ни меньше значителенъ, какъ указанное нами различіе завоеванія и призванія въ русской исторіи, и по тѣмъ же причинамъ. Варяги пришли къ намъ дружиной безъ всякой определенной цѣли. Всего менѣе располагались они поселиться, обосноваться въ новой землѣ. Отъ-того и земли в свобода туземцевъ остались нетронутыми. Вотъ, елибъ наши Славяне, призывая Варяговъ-Русь, выговорили себѣ и то и другое, мы сочли бы это фактомъ необычайно-важнымъ и многолѣтнимъ для всей нашей послѣдующей исторіи; но этого не было. Отъ того въ-послѣдствіи, уже въ періодъ удѣловъ, мы видимъ, что свобода поселенъ была ограничена. Какъ на Западѣ, князь былъ наследникомъ послѣ смерти, помимо его дѣтей; онъ отнималъ и возвращалъ его себѣ изъ чужихъ владѣній. Въ московскую эпоху, всѣ земли, невринадежавшія въ

частную собственность, даже заселенныя цѣлыми крестьянскими общинами, стали мало-по-малу получать характеръ государевыхъ земель. Изъ этого мы заключаемъ, что во время прибытія Варяговъ о свободѣ и землѣ не было ни мысли, ни рѣчи; это былъ вопросъ обыденный, еще невозникавшій. Рѣшеніе его было вперед, что и показываетъ исторія. Слѣдовательно, онъ могъ рѣшиться или такъ или иначе. Вотъ почему неотнати земли и свободы туземцевъ Варягами ровно ничего не значить въ русской исторіи; это не фактъ, нѣчто совершенно несуществующее; слѣдовательно, объ этомъ и говорить нѣчего.

Сказанное о нашихъ городахъ, что они были то же, что деревни, спрашивается. Только авторъ себѣ немного противорѣчитъ. Въ XI главѣ онъ говоритъ, что городами назывались у насъ нѣкоторыя общины потому *только*, что князья избрали ихъ мѣстами пребыванія для себя, или для своихъ мужей и городовъ (стр. 504), а въ VIII-й, на стр. 293, не прилагая никакихъ опроверженій, приводитъ выводъ г. Григорьева (п. 6), что на прострѣтствѣ помянутыхъ губерній (въ 4 п.) были города, не въ смыслѣ огороженныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностію и въ которыхъ развиты были первыя зачала гражданскаго благоустройства. И то и другое мнѣніе имѣетъ за себя многія доказательства; у насъ были города и въ томъ и въ другомъ смыслѣ. Не знаемъ, почему же авторъ говоритъ, что у насъ были города только въ смыслѣ огороженныхъ центровъ управления? Можетъ-быть, изъ такого ихъ значенія легче было объяснить отсутствіе у насъ средняго сословія, нежели изъ городовъ въ смыслѣ средоточій промышленности и торговли. Такъ-какъ мы этого не знаемъ навѣрное, то и не можемъ рѣшить.

Потомъ авторъ беретъ тотъ же вопросъ, но съ другой стороны. Сравни-

вая опытъ начало европейскихъ государствъ съ началомъ русскаго, онъ говоритъ, что на Западѣ государства родились въ одночасье, а наше родилось двѣсти лѣтъ (стр. 505). Пріймемъ это за истину и посмотримъ, что выводитъ авторъ изъ своей мысли.

Такая долговременность, по его мнѣнію, имѣла вліяніе на наши первоначальныя отношенія и образовала ихъ различно съ европейскими.

Первые Князья владѣли у насъ по одному городу, въ коемъ жили, или, лучше сказать, остановились постоянно, ибо не имѣли мысли о постоянномъ пребываніи; они не боялись потерять ничего, тѣмъ болѣе, что ни чѣмъ не дорожили, слѣдовательно — какъ сначала имъ не нужны были помощники для водворенія, такъ естественно и теперь были не нужны для того, чтобъ сохранять владѣніе. — Пользуясь благоприятными обстоятельствами, они начинаютъ ходить въ походы по разнымъ сторонамъ и распространять предѣлы своей дани, все еще не думая о прочномъ владѣніи. Если у нихъ недоставало собственныхъ средствъ, они нанимали себѣ войско у бранныхъ единоплемениковъ. Всего чаще цѣлю ихъ были богатые сосѣди, особенно Греція, вознаграждавшая сторицею ихъ труды. — Такимъ образомъ Князья постепенно богатѣли, распространяли свои владѣнія, усиливались и утверждали еще болѣе первоначальную самобытность къ тому времени, когда духъ движенія успокоился, пути всѣ преградились, и привычка къ давнишнему мѣсту жительства взяла свою силу. Это было уже при Владимірѣ и Ярославѣ, которые покончили очертаніе окружности, и положили по послѣднему камню основанія, черезъ двѣсти лѣтъ почти послѣ перваго пребыванія Варяговъ. — Вотъ какъ первоначальное отличіе Русскаго Князя отъ Западнаго Короля, утвѣ-

дилось окончательно. — Точно такое же дѣйствіе долговременныя основаніемъ Государства произведено и на бояръ, сравнительно съ Западомъ: первыя поколѣнія ихъ не имѣли большаго значенія, а послѣднія, Владиміровы и Ярославовы, почти никакого. Слутники Юриковы и Олеговы, какъ товарищи, могли еще, можетъ быть, представлять какое-нибудь право, но роды ихъ пресѣклись едва ли не вырочженіемъ несчастныхъ походовъ Святославовыхъ, и Владиміръ привелъ себѣ новыхъ мужей, нанятыхъ имъ на Сѣверѣ для войны съ Ярополкомъ; кончивъ войну, однихъ по волю онъ оставилъ у себя, для службы, а другихъ выпроводилъ въ Грецію. Ярославъ поступалъ одинаково. — Наши мужи по городамъ получали отъ Князя воиновъ, которые помогали имъ исправлять ихъ должность, между тѣмъ, какъ Феодалы Западные, получивъ землю, облавы были ставить Королю воиновъ, которые и составляли единственно его войско. Такимъ образомъ наши бояре не потребности были подчинены Князю, и боярство въ Западномъ смыслѣ рѣшительно отстранилось. Самая дружная, вслѣдствіе непрерывныхъ многолѣтнихъ войнъ, нѣсколько разъ перевозилась и возобновлялась сполна, и слѣдовательно не могла пустить глубокихъ корней, усилиться насчетъ Князя, а находилась въ совершенной отъ него зависимости. — Пленена Славянскія обитавались одно за другими данью, на томъ же основаніи, какъ первыя, — оставаясь свободными, владѣя по прежнему землею, и не питая никакой ненависти къ пришельцамъ. Предѣлы Государства распространялись, слѣдовательно, исподоволь, безъ усилій со стороны Князя, безъ непосредственнаго участія бояръ, безъ отягощенія народа. — Число городовъ увеличивалось только какъ жилища для княжескихъ наместниковъ и сборщиковъ дани (стр. 505—508).

У г. Погодина страннѣйшій способъ разсужденія. Поставить рядомъ два

факта, неимѣющіе между собою ровно ничего общаго, и говоритъ: посмотрите, какъ они различны! Важнѣе такой ошибки въ дѣлѣ исторіи мы не знаемъ. Изъ нея по необходимости все идетъ наоборотъ, и истина, вмѣсто того, чтобы уясниться, затемняется. Сравнивать въ частностяхъ между собою можно только *однородное*. Только между однородными есть частныя сходства, есть частныя различія. Сказать о разнородныхъ, что они въ томъ или въ другомъ различны, мало. Въ отношеніи къ нимъ нужно объяснить, почему сравненіе ихъ невозможно; въ частныя сличенія вѣсего и владаться. Мы это отчасти показали на значеніи вассаловъ и призванія въ русской исторіи, на сохраненіи нашими Славянами земель и свободъ по прибытіи Варяговъ. Приведенныя теперь слова автора даютъ намъ возможность пояснить нашу мысль еще болѣе.

Сначала авторъ говоритъ о нашихъ князьяхъ. Вникните въ его слова, и вы удостоверитесь, что между кѣнгами европейскихъ и русскими князьями, — не было ровно ничего общаго. Задачки ихъ совершенно различны. Первые хотѣли основать государство, а послѣдніе объ этомъ не думали. Первые пришли въ землю завоеванную съ цѣлью возвратиться, послѣдніе жили въ немъ постоянно. Поэтому первые дорожали своими приобретеніями и дружиной, поддерживавшей ихъ силу, которая имъ была нужна, а послѣдніе, какъ временные пришельцы, не дорожили ничѣмъ, ни владѣніемъ, которыхъ у нихъ не было сначала, ни дружиной, нужной для ихъ поддержанія. Прибавивъ къ этому отъ себя, что первыя, по ихъ задачѣ, положенію, было необходимо опредѣлить свои отношенія къ туземцамъ и землѣ, а послѣднимъ, по той же самой причинѣ, это было совершенно неумно. Спрашивается неслѣдуетъ ли отсюда, что жь тутъ сравнивать? Вѣдь никто не сравниваетъ Кенгера съ Диономъ сиракузскимъ, Аполлонія

тіянскаго съ Пушкинымъ? Если хотите провести параллель между русской и европейской исторіей, возьмите эпохи сходныя; на-примѣръ, сравните съ новымъ порядкомъ вещей, въ отношеніи къ сословіямъ и землѣ, появившимся на Западѣ съ основаніемъ государствъ, ту эпоху русской исторіи, когда начали у насъ юридически обозначаться сословія и ихъ отношенія, вопросъ о поземельномъ владѣніи и собственности. Такое сравненіе будетъ по-крайней-мѣрѣ возможно, при всемъ прочемъ различіи обстоятельствъ и времени, по однородности, единичности предмета. А вы, не вникая ни въ духъ времени, ни въ вопросы, разрешаемые внутри общества, довольствуетесь одними чисто-внѣшними, случайными признаками, на основаніи ихъ считаете эпохи однородными и сличаете ихъ! Какихъ же плодовъ ожидать отъ такой невозможной работы? Но этого мало. Одна ошибка непременно влечетъ за собой другую. Изъ словъ самого г. Погодина слѣдуетъ, что нашимъ первымъ князьямъ вовсе и не думали о томъ, о чемъ должны были думать и заботиться основатели новыхъ европейскихъ государствъ. Стало-быть, для первыхъ и не существовали вопросы, которые были разрешаемы послѣдними. Но такъ-какъ эти вопросы не были совершенно-случайными, а необходимо условивались и обуславливаются внутреннимъ бытомъ каждаго государства (таковы вопросы о поземельномъ владѣніи, объ отношеніи сословія между собою и къ верховной власти, о положеніи церкви и ея отношеніяхъ къ государству, и множество тому подобныхъ), то и для нашихъ князей эти вопросы равно или поодино должны были возникнуть, и въ-самомъ-дѣлѣ они мало по малу опредѣлялись и получали свое рѣшеніе, какъ видно изъ нашихъ законодательныхъ памятниковъ. Состояніе, предшествующее этому рѣшенію, было неопредѣленное, юридически-несуществовавшее, неопредѣленное, слѣдовательно, никакъ нельзя сравнивать съ юридическимъ, опре-

дѣльными и обозначенными бытомъ наступившимъ въ Европѣ вѣстѣ съ основаніемъ государствъ; ибо для насъ еще предстояло получить ту или другую форму, то или другое опредѣленіе, лучшее или худшее въ сравненіи съ европейскимъ, а Европа получила его съ самаго начала. Такъ мы понимаемъ и такъ, вѣроятно, понимаютъ всѣ, хоть сколько-нибудь знакомые съ первыми началами правовѣдѣнія и исторіей законодательства. Сравнивая начало европейскихъ государствъ съ началомъ русскаго, вслѣдствіе свѣдѣній основатели западныхъ государствъ опредѣляли такіа-то отношенія такъ-то и такъ-то, а Рюрикъ и его ближайшіе преемники оставили эти отношенія неопредѣленными, потому что имѣли другія цѣли. Но г. Погодинъ беретъ за дѣло иначе. Для него этихъ важныхъ различій не существуетъ. Въ его глазахъ Клодвигъ и другіе отобрали землю у туземцевъ, *обратили* ихъ въ рабовъ, а основатели русскаго государства *оставили* имъ и земли и свободу. Что жъ, хотѣли бы мы спросить, они утвердили за ними и то и другое *закономъ*? Нѣтъ! Они ни о томъ, ни о другомъ и не думали. По крайней мѣрѣ, туземцы старались утвердить за собой эти важныя привилегіи жалованными грамотами? И того не было. Такъ вотъ что! Напрасно же подробно изясняется г. Погодинъ «какъ первоначальное отячіе русскаго князя отъ западнаго короля утвердилось окончательно». Мы повѣрили бы ему на слово, что оно и первоначально было окончательнымъ, ибо между ними не было никогда ни малѣйшаго сходства.

Совершенно то же самое должно сказать и о боярахъ (т. е. дружинникахъ) въ сравненіи съ западными феодалами. О ихъ значеніи разсуждать нельзя, потому что и оно не было юридическое. Г. Погодинъ приведетъ нѣсколько фактовъ въ доказательство, что они не имѣли большого значенія, а мы приведемъ тоже нѣсколько въ доказательство противнаго. Въ результатъ полу-

чится нуль, т. е., что ихъ значеніе и права, какъ неопредѣленные, не были именно такими-то, слѣдовательно, не были никакими. — Изъ чего видитъ авторъ, что Ярославъ поступалъ съ важными мужами, подобно Владимиру, какъ съ слугами: однихъ удерживалъ, другихъ отсылалъ отъ себя, — не знаемъ. Въ туземныхъ источникахъ на это нѣтъ никакихъ данныхъ.

Сравненіе нашихъ «мужей» по городамъ съ западными феодалами неудачно, потому что о послѣднихъ мы знаемъ многое, о первыхъ почти ничего — и еще потому что, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ, у насъ сначала, кажется, былъ феодализмъ подобный западному. А если шатко первое положеніе, то по тому самому шагу и выводы, будто наши бояре были подчинены (безусловно) князю и будто потому боярство въ западномъ смыслѣ отстранилось. (Объяснить причины послѣдняго явленія очень трудно. Думая строками такого вопроса не рѣшить).

Также не видимъ мы, чтобы дружина находилась въ совершенной зависимости отъ князя, особливо сначала.

Откуда взялъ авторъ, что туземцы не питали у насъ никакой неадаптивности къ пришельцамъ? Данные противъ — есть. Данныхъ въ пользу этого нѣтъ — ни одной.

За тѣмъ слѣдуетъ сравненіе законовъ салическихъ съ Русскою Правдою. На Западѣ за убійство Франка-побѣдителя платилось больше, чѣмъ за убійство туземца покореннаго, а у насъ за Русса и Славянина была одна и та же вира. Этотъ фактъ въ-самомъ-дѣлѣ весьма-важенъ для характеристики отношеній туземцевъ къ пришельцамъ въ Россіи, въ варяжскій періодъ. Но пока мы не знаемъ ничего вѣрнаго и даже вѣроятнаго о времени и способѣ составленія Русской Правды, — нельзя строить на немъ теорій. Русская

Правда — странный, загадочный памятник древности, столько же важный по своему содержанию, сколько мало опредѣленный и обследованный. До сих поръ это камень преткновенія для филологовъ, историковъ и юристовъ. Впрочемъ, допустивъ даже, что «Правда» действительно составлена при Ярославѣ, слѣдовательно, въ первой половинѣ XI вѣка, какъ думаетъ г. Погодинъ, мы все-таки не можемъ согласиться, что «въ основаніи Государства у насъ была положена любовь, а на Западѣ ненависть» (стр. 510). Этого вовсе не слѣдуетъ изъ того, что у насъ бралась одинакая вира за Русина и Славянина, а въ Европѣ разная: большая за Франка, чѣмъ за Римлянина. Если такое постановленіе у насъ въ Россіи привалажить Ярославу — не мудрено, что и при немъ Русинъ и Славянинъ различались уже только по названію, а не въ самомъ дѣлѣ. Враждебность, противоположность между тѣми и другими съ славизаціей Варяговъ-Руси могла и даже должна была исчезнуть послѣ столькаго времени. И такъ, отсюда о прелебывшемъ заключать нельзя. Наконецъ, положимъ, что и въ древнѣйшія времена это положеніе уже существовало и только впервые записано Ярославомъ: мы и въ этомъ случаѣ все-таки не видимъ никакой возможности объяснить его любовью, которую, какъ извѣстно, безъ положительныхъ и ясныхъ доказательствъ нельзя принимать за движущій рычагъ въ исторіи народовъ, особливо разноплеменныхъ, еще грубыхъ и неустоенныхъ. Предложимъ здѣсь нѣсколько равныхъ возможныхъ объясненій.

Во-первыхъ, мы знаемъ, что Варяги, пришедшіе къ намъ, не помышляли основать государство, не помышляли даже завять землю и твердо сѣсть на одномъ мѣстѣ. Это сдѣлалось какъ будто случайно, печально, отчасти, можетъ-быть, противъ ихъ воли. При такомъ положеніи вещей, Варяги-Русь

не могли и подумать объ опредѣленіи своихъ гражданскихъ и юридическихъ отношеній къ туземцамъ — отношеній, которыя необходимо раждаются съ осѣдлостью и поземельною собственностью. Единственное отношеніе, существовавшее между ними — дань, была опредѣлена, да и той взималось иногда больше, нежели сколько слѣдовало. Вотъ почему, какъ намъ кажется, противоположность между пришельцами и туземцами не могла обозначиться рѣзко, выпукло. Между ними, не смотря на то, что дружина у насъ удержалась, не было безпрестанныхъ, постоянныхъ отношеній. Военственная шайка жила грабежомъ, при столкновеніяхъ, вѣроятно, не щадя жителей городовъ и селъ, но она безпреставно переходила съ мѣста на мѣсто, проводила время въ походахъ. Съ этой точки зрѣнія, не трудно понять на первый взглядъ странное уравненіе въ вирахъ Руонна съ Славяниномъ, тѣмъ болѣе, что по всѣмъ вѣроятіямъ убіеніи дружинника-Русса наказывалось не граждански, вирою, а войной, истребленіемъ убійцы и грабежомъ его имущества; напротивъ, оскорбленіе Славянина Руосомъ оставалось, по-крайней-мѣрѣ часто, безъ всякаго возмездія и наказанія. Замѣтимъ, что законъ не говоритъ ни слова объ убіеніи Славянина Руосомъ, или Русса Славяниномъ, а просто объ убіеніи того и другаго. Тожество виры за Русса и Славянина, при почти несуществующихъ между обоими постоянныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, и слѣдовательно, при невозможности выработаться живому сознанію взаимной противоположности — явленіе очень-естественное и простое. Оно свидѣтельствуетъ о неопредѣленности тогдашняго быта, о крайней его негражданственности, никакъ не болѣе. Равнодушіе, бессознательность, а не любовь родили этотъ законъ, которому такъ старается г. Погодинъ, придать смыслъ, какого онъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Но что противоположность между Руссами и Славя-

нами была, и что при другихъ условіяхъ она могла развиться въ сословное или другое рѣзкое гражданское отличие—это видно изъ сказки о парусахъ шелковыхъ и холстяныхъ на норманскихъ и славянскихъ лодкахъ.

Во-вторыхъ, нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что опредѣленіе вирѣ за лица, исчисленные въ «Правдѣ», составлено не вдругъ, а постепенно, т. е., что вира опредѣлена для всѣхъ нихъ не сразу, а въ разные времена, и въ «Правдѣ» эти различныя законодательныя постановленія только собраны въ одну статью. Съ этой точки зрѣнія, уравненіе Славянъ съ Руссами въ отношеніи къ вирамъ объясняется еще лучше, естественнѣе; судя по взаимнымъ отношеніямъ Варяго-Руссовъ и Славянъ, это уравненіе должно было возникнуть поздно, когда Варяги успѣли на мѣстѣ, что совпадаетъ съ утратою ими рѣзкой особенности, национальности и снѣженіемъ ихъ съ Славянами.

Предложимъ, наконецъ, и третье тоже довольно-вѣроятное объясненіе. Мы видимъ, что по мѣрѣ того, какъ наши князья укрѣпляются, они утрачиваютъ, мало-по-малу, свой воинственный, характеръ и становятся болѣе правителями, нежели предводителями дружинъ. Таковъ уже Владимиръ. Онъ входитъ во внутреннее управленіе, почета о дѣлахъ вѣшскихъ. Съ тѣмъ вѣстѣ измѣняются и отношенія его къ дружинѣ; онъ болѣе повелитель, начальникъ, чѣмъ товарищъ, соратникъ своихъ дружинниковъ. На новыхъ выходцевъ съ сѣвера онъ смотритъ неодобрительно, обращается съ ними, какъ съ чужими, а не какъ съ братьями. Очень естественно, что ему не могло представляться такъ рѣзко различіе между Славянами и Руссами, какъ его предшественникамъ; онъ былъ уже нечѣ предводитель дружины, чѣмъ господннвъ надъ своими владѣніями, и въ Руссахъ и въ Славянахъ равно видѣлъ своихъ подвластныхъ.

Въ Ярославѣ эти черты выступаютъ еще рѣзче. Очень-естественно, что ему и не пришла въ голову мысль различать въ нравахъ Руссовъ и Славянъ, которые одинаково ему служили и повиновались. Словомъ, уравнианіе ихъ въ отношеніи къ вирамъ, весьма-легко могло быть принятымъ дѣйствіемъ возрастающей княжеской власти.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ дѣло объясняется гораздо-естественнѣе, вѣроятнѣе, правдоподобнѣе, нежели посредствомъ любви, невозможнаго интроедѣнта въ первоначальныхъ отношеніяхъ Славянъ и Варяговъ. Еслибъ именована, призывавшія Варяго-Руссовъ, даже выговорили себѣ гражданское равенство съ пришельцами — все-таки это было бы не дѣломъ любви, а дѣломъ юридической предусмотрительности въ нашихъ предкахъ, дѣломъ осторожности, недоверчивости.

На страницѣ 510 авторъ говоритъ:

«Къ историческимъ, бытовымъ, (фактическимъ) отличіямъ присоединились, что очень-удивительно для мыслящаго наблюдателя, совершенныя по соответственнымъ отличіямъ физическимъ и нравственнымъ.»

Особенно-удивительнаго мы въ этомъ ничего не видимъ. Напротивъ, было бы изумительно и не вѣроятно, еслибъ отличія историческія, фактическія, шли въ разрывъ съ физическими и нравственными. И тѣ и другія условія, взаимно воедѣйствуя другъ на друга, производятъ то цѣлое, которое анализируетъ наука, отыскивая причины его. Удивляться согласію, единству въ исторіи, значить не понимать ея главныхъ, основныхъ законовъ.

Физическія и нравственныя отличія между европейскими государствами и Россіей, подмѣчены, какъ намъ кажется, очень-вѣрно, и очерчены удачно.

Вообще, эта вторая половина статьи значительно лучше, основательнее первой, хотя и здесь опять многие выводы кажутся нам ложными, или слишком-рашительными.

Сначала, авторъ говоритъ о про- странствѣ Россіи. Оно своей огром- ностью мѣшало вдругъ покорить ее и влствовать надъ ней. Избытокъ земли не могъ породить за нее враждебныхъ столкновеній. Потому народонаселеніе, многочисленность и племенное единство Славянъ должно было рано поглотить иноземный элементъ, явившійся къ намъ въ лицѣ Варяговъ-Руси. У насъ они ослабѣли, а въ Европѣ тузем- цы огорманнлись. Съ мыслью, будто- бы многочисленность Славянъ дѣла- ла Руссовъ осторожными, воздержны- ми и содѣйствовала къ поддержанію между тѣми и другими пріязни — мы не совсѣмъ согласны. Во-первыхъ, ес- ли отношенія опредѣлялись опасені- емъ, страхомъ, то о добромъ согласіи и пріязни не можетъ быть и рѣчи. Та- кая связь черезъ-чуръ не прочна. По- тому авторъ забываетъ, что Славяне тогда не составляли одного плѣга, а были раздроблены на совершенно-от- дѣльными племена. Необразованность и пространство мѣшали имъ соединить- ся между собою на общее дѣло, а по- одиночакъ они были слабѣ Руси. Во- обще, такихъ тонкихъ политическихъ соображеній въ то время нѣчего и ис- кать, и еслибъ Варяго-Руссы могли бояться Славянъ, то послѣдніе легко могли бы и выжить ихъ изъ Россіи. — Потому авторъ обращаетъ вниманіе на заселеніе сплошное, но раздѣленное естественными преградами, которое дѣлало невозможными быстрое завое- ваніе. Единственными путями сообще- ній были рѣки и воды; слѣдовательно, страны, лежашія въ глуши, долго оста- вались независимыми. Видность зем- ли долго воздерживала пришельцевъ отъ желанія въ ней поселиться; кли- матъ, такъ рѣшительно опредѣляющій первоначальный бытъ народовъ, дѣ-

лалъ Славянъ уступчивыми и равно- душными. Тому же содѣйствовали ге- ографическое положеніе земли, систе- ма рѣкъ, отдаленность отъ морей, ха- рактеръ Славянъ, ихъ первобытная ре- лигія, и потомъ восточное исповѣданіе, нами принятое; наконецъ, самое обра- зованіе чисто-природное, а не граж- данское, — слѣдовательно, собственно говоря, отсутствіе всякаго образованія, всякой цивилизаціи. Всѣ эти причины дѣйствительно придали нашей исторіи совершенно-другой характеръ, нежели какой имѣла исторія Европы, совер- шавшаяся подъ другими, отчасти-про- тивоположными условіями.

При исчисленіи этихъ причинъ, ав- торъ продолжалъ смотрѣть съ ложной точки зрѣнія, какъ началъ, хотя они и должны были, кажется, вывести его на прямой путь. Чтѣ изъ всѣхъ нихъ слѣ- дуетъ? Конечно, не доброе согласіе ме- жду пришельцами и туземцами, но то совершенно-неопредѣленное отноше- ніе, которое показываетъ, что исторія на этомъ пространствѣ земли еще не начиналась. Во всѣхъ исторіяхъ пері- оду борьбы, дѣятельности, движеній, рѣзкаго опредѣленія предшествуетъ эпоха дремоты, бездѣйствія; противо- положности живутъ одна вопл другой безъ столкновенія, и нельзя еще прови- дѣть, чтѣ изъ нихъ будетъ и какъ оѣ взаимно опредѣлятся. Такое состояніе, строго говоря, не можетъ быть назва- но историческимъ, и такая жизнь ис- торической живнью. Всѣ выводы, со- ображенія, какъ бы они остроумны ни были, не ведутъ здѣсь ни къ чему, все- го менѣе къ объясненію характера по- слѣдующей исторіи. Исторія тевереш- ныхъ европейскихъ государствъ нача- лась совершенно-иначе. Отъ-того, съ самаго начала и обозначились чер- ты, сопровождавшія ее развитіе до послѣдшаго времени. Авторъ знаетъ, что самой цѣрки Карла придали свою печать, напѣшила ее сообразно съ своимъ характеромъ, тогда-какъ наша осталась чистою, неперанесенною,

точно въ томъ видѣ, въ какомъ перешла къ намъ изъ Византии.

Также страшными кажутся намъ слова автора, будто новое гражданское образованіе принято у насъ къ дереву свѣжему, дикому, а тамъ, т. е., на Западѣ, къ старому и гнилому (стр. 517). О какомъ гражданскомъ образованіи говорить онъ? Признаться, мы не знаемъ! Что Варяги первые основали у насъ иѣчто похожее на государство и привнесли съ собою какую-то гнѣн гражданскаго порядка—это правда. Но отъ этихъ слабыхъ зачатковъ до гражданскаго образованія такъ же далеко, какъ отъ земли до неба. Не забудете, что и Варяги-Русь были такіе же дикари и варвары, какъ и мы. Вся разница между ними и нами въ томъ только состояла, что они были дружинники, а мы народъ патріархальный.

Въ томъ же тонѣ, какъ и вся статья, написано и заключеніе:

«Эти различія развивались впоследствии, и представили изъ Русской Исторіи, при общемъ (родовомъ) ея поблдіи, при единствѣ цѣли, совершенную противоположность съ Исторіей и Западныхъ Государствъ, что касается до ея путей, средствъ, обстоятельствъ, формы происшествій,—противоположность, которую представляетъ наша жизнь и теперь, несмотря на усилія, преобразованія, перемены, время..... Вотъ что издается неизменно изъ виду разсуждая о Русской Исторіи въ какомъ бы то ни было ея періодѣ, происноса приговоръ ея событіямъ, разбирая ея достоинства и недостатки, хвала и порицанія дѣйствующія лица, взывая желанія или опасенія для будущаго времени. Иначе мы будемъ впадать въ дѣтскія ошибки, то есть искать таинствъ и чудесъ, для которыхъ не было причинъ, и оставлять безъ вниманія другія, которые были, драгоцѣннѣйшія, потому что изъ нихъ вытекаетъ—

Предложу для ясности простое сравненіе: хорошо ли бѣ мы поступили, если бросили рожь нашу кормилицу и принялись вездѣ сѣять манса, обильные разсказами объ его слаости и вкусѣ? Мы должны бѣ скоро умереть съ голоду, потому что не готовились бы мансу на цѣлое народонаселеніе, хоть бы вздумали стрѣнить вездѣ оранжерей. Провишество не имѣютъ такой очевидности и осознательности, какъ естественныя произведенія, и много времени проходитъ иногда, много употребляется труда, пока откроется удивленному взору внутреннее значеніе того или другаго, но сибѣ можно сказать, даже судя по одному, разобранному нами теперь, началу, что мы должны отказать отъ своего прошедшаго существованія, т. е. своей Исторіи, (что впрочемъ и дѣлаютъ иѣкоторые), должны необходимо допустить нѣдѣльное заключеніе, что нынѣшняя Россія произошла изъ ничего, если будемъ прикладывать западную масштабъ изъ Русской Исторической жизни. Нѣтъ! Западу на Востокѣ быть нѣльзя, и солнце не можетъ закатываться тамъ, гдѣ оно восходитъ» (стр. 517 и 518).

Дѣйствительно, русская исторія представляетъ совершенную противоположность исторіи западныхъ государствъ, и даже теперь мы видимъ то же самое, хотя уже не столько рѣзко, какъ прежде. Но, повторяемъ, это не та противоположность, которая коренится въ одной почвѣ и, можетъ-быть, въ двухъ величинахъ, равныхъ между собою. Это противоположность предметовъ разнородныхъ, которые потому только и совершенно-различны, что рѣшительно не имѣютъ ничего общаго между собою, ни одной точки одинаковой. Славянскій міръ и Россія, можетъ-быть, по преимуществу, почва для будущаго, тогда-какъ жизнь европейскихъ государствъ уже обозначилась...

Во всем прочемъ мы согласны съ авторомъ, но думаемъ, что, понявъ, какъ мы съ нимъ соглашаемся, онъ этого самъ не захочетъ. Прикладывать къ русской исторической жизни западный масштабъ невозможно—это вполне-вѣрно. Но что жъ изъ этого слѣдуетъ? Не то ли, что мы и не должны любить то, что европейскіе народы любятъ, не должны стремиться къ одному съ ними? Кажется, на это намекаетъ авторъ, по-крайней-мѣрѣ это его затаенная мысль. Если такъ, онъ жестоко ошибается! Отъ одного конца земли до другого всѣ народы стремятся къ одному идеалу, только многоразличными путями. Исторія изслѣдуетъ эти условія, дѣлаетъ прозрачной оболочку, въ которую облекаются внутренніе стремленія и помыслы, сознательные и безсознательные, сознательно и безсознательно. Въ чемъ задача историка? Выяснить событіе, періодъ, эпоху, такъ, какъ будто-бы мы сами въ ней жили и дѣйствовали. Если эта цѣль достигнута, мы за тысячу лѣтъ предъ симъ, въ тридевятой землѣ, увидимъ дѣйствующиимъ лицомъ такого же человека, каковы всѣ мы грѣшныя. Разница будетъ въ большей или меньшей его развитости, совершеннолѣтій. Стремленіе человека къ полному, всестороннему нравственному и физическому развитію и есть движущее начало исторіи, главная причина измѣненій, реформъ и переворотовъ. Въ этомъ смыслѣ есть, конечно, и въ Россіи люди, которые смотрятъ на наше прошедшее, какъ на состояніе неудовлетворительное въ сравненіи съ послѣдующимъ, даже маловажное и во всякомъ случаѣ незаслуживающее того, чтобъ объ немъ сожалѣть, или тѣмъ менѣе желать и чаять его возвращенія. Но что нѣкоторые, по словамъ автора, отъзываются отъ своей исторіи—это

нелѣзность, о которой не стоитъ и говорить. Нельзя отказаться отъ того, что дѣйствительно было. Можно только судить его, судить очень-строга, непристрастно и желать, чтобъ оно оставило по себѣ какъ-можно-менѣе слѣдовъ, и чтобъ эти слѣды изгладилась какъ-можно-скорѣе. — Наконецъ, что Западу нельзя быть на Востокѣ, Востоку на Западѣ—это такая асгрономическая истина, противъ которой трудно спорить, пока солнце восходитъ на востокѣ и заходитъ на западѣ.

Этимъ выводомъ собственно и оканчивается книга. Въ видѣ особыхъ прибавленій мы находимъ еще двѣ статьи. Одна, представляя неоспоримыя доказательства, что *изъ* Риги-Русь, если не съ самаго начала, по-крайней-мѣрѣ въ-послѣдствіи, и уже съ Олега, завоевывали славянскія племена—силится доказать, что все-таки завоеванія у насъ не было, а постепенное, мирное занятіе. Вторая содержитъ въ себѣ письмо къ академику Солицеву о памятникахъ искусства и жизни изъ норманскаго періода. Выводъ тотъ, что изъ первыхъ трехъ-сотъ лѣтъ нашей исторіи можно собрать и представить *до ста рисунковъ*. Давай Богъ! Интересно однако, что изъ этихъ памятниковъ можетъ быть болѣе пятидесяти можно снять съ натуры *ничтоже сумняся*; нѣсколько должно возстановить по значительнымъ даннымъ; нѣсколько надо со-здать по указаніямъ лѣтописи (стр. 344). Конечно, г. Солицевъ не послѣдуетъ совѣтамъ автора, ибо воссоздавать или просто создавать памятники не значитъ сообщить намъ тѣ, которые мы имѣемъ. Въ г. Погодинѣ, очевидно, говоритъ страсть къ эпохѣ, которую онъ преимущественно любитъ, а не хладнокровный, разсудительный историкъ. Иначе онъ не далъ бы такого не-историческаго совѣта.

Книга напечатана исправно, хотя и не красиво. Не хорошо то, что выносятся съ важными ошибками. Въ учебниках весьма-часто невѣрны. Намъ случилось справиться съ нѣкоторыми, и никакъ нарочно большая часть оказалась съ важными ошибками. Въ учебномъ сочиненіи это не послѣдній недостатокъ.

ВГ
НА.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФЕВРАРЬ 1847 ГОДА.

86) Полное Собрание Сочинений Русскихъ Авторъ. Сочинения Ломоносова. Тома второй и третій. Изданіе Александра Смирдина. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Въ 16-ю л. 587 и 719 стр.

Прекрасное изданіе А. Ф. Смирдина продолжается съ удѣшительною быстротою. Въ январѣ вышелъ первый томъ «Сочиненій Ломоносова», въ проломѣ мѣсяцѣ вышли второй и третій — послѣдніе томы. Второй томъ заключаетъ въ себѣ шесть разсужденій изъ области естественныхъ наукъ и изложеніе основаній металлургіи. Въ третьемъ томѣ помѣщены слѣдующія сочиненія: *Краткій Россійскій Летописецъ*, *Древняя Россійская Исторія*, *Російскія Грамматика и Риторика*. Чл. Т. LI. — Отд. VI.

дѣмся въ непродолжительномъ времени представить читателямъ полную и обстоятельную статью о Ломоносовѣ.

87) Жизнь и Сочиненія Ивана Андреевича Крылова. Соч. академика Михаила Лобанова. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Жернакова. Въ 8-ю д. л. 84 стр.

Эта брошюрка появилась въ одно время съ статьею того же содержания, написанною г. Шетневскимъ и помѣщенной въ «Собраніи Сочиненій Крылова», изданномъ г. Юнгмейстеромъ. Сравнивъ обѣ статьи, нельзя не дойти до заключеній, крайне-невыгодныхъ для критико-біографическаго произведенія академика Лобанова. Трудъ покойнаго переводчика французскихъ классическихъ трагедій заключаетъ въ

себѣ довольно-бесвязный сборъ небольшого количества фактовъ, изъ которыхъ весьма-немногіе даютъ какое-нибудь понятіе о личности великаго баснописца: большая часть изъ нихъ изображаютъ свойства второстепенныя, мало-интересующія при изученіи такого человѣка, какъ Крыловъ, и даже болѣе достойныя названія прищечекъ, чѣмъ характеристическихъ чертъ. Самые анекдоты, рассказанные г. Лобановымъ, почти всѣ уже извѣстны, или по-крайней-мѣрѣ въ иной формѣ подтверждаютъ то, что давно уже знаетъ всякій изъ тысячи другихъ анекдотовъ. Кто не знаетъ, что Крыловъ былъ глѣнивъ и любилъ покушать? Да спрашивается: много ли это намъ его объясняетъ и стоитъ ли наполнять его биографію рассказами о такихъ вещахъ? Право, читая сочиненіе покойнаго академика, можно подумать, что слушаешь биографію пустѣйшаго человѣка, рассказываемую добренькимъ его пріятелемъ. Случайно въ этомъ разсказѣ попадутся кое-какія интересныя подробности, но чтобы услышать ихъ надо выслушать много ненужнаго. Въ статьѣ г. Лобанова наши мы всего-на-все два истинно-замысловатые анекдота, которые и передадимъ далѣе.

Сочиненіе г. Плетнева диаметрально-противоположно статьѣ академика Лобанова: прочитавъ его, вы можете составить себѣ самое ясное и живое понятіе о характерѣ великаго поэта и отдать себѣ полный отчетъ во вліяніи вѣдшихъ обстоятельствъ на его развитіе. Есть, пожалуй, и въ этой биографіи подробности маловажныя, если рассказать ихъ отрывочно, не связавъ ничѣмъ съ главными пунктами картины, какъ это и слѣлалъ г. Лобановъ; но въ статьѣ г. Плетнева эти подробности имѣютъ смыслъ и жизнь, потому что получаютъ свѣтъ отъ существенныхъ частей жизнеописанія. сверхъ-того, не мало интереса сообщаетъ этой статьѣ то, что въ ней обращено вниманіе и на историческое развитіе общества, окружавшаго по-

эта, между-тѣмъ, какъ въ биографіи Лобанова нѣтъ и тѣмъ этого пріема.

Наконецъ, огромная разница—въ мой оцѣнкѣ произведеній Крылова. Плетневъ выразилъ свое сужденіе и по и рѣзко, обративъ особенное вниманіе на тѣ произведенія, которыя сихъ-поръ оставались безъ оцѣны. Напротивъ того, г. Лобановъ говоритъ съ увѣренностью только о басняхъ, е. о тѣхъ произведеніяхъ Крылова, которыхъ высокое достоинство право цѣлою Россіей и отчасти Европой между-тѣмъ, какъ обо всемъ, что имъ по Крыловымъ до 1806 года, выжается уклончиво, двусмысленно, и ко, пересылая свои отзывы общими-мѣстами или ограничиваясь вложемъ ихъ содержанія. Стоитъ только сравнить отзывы обоихъ критиковъ прозаическихъ сочиненій разбираемаго ими автора, чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ. Вотъ что говорить объ нихъ г. Лобановъ:

«Съ 1790 по 1801 годъ онъ находился въ отставкѣ. Въ это время, т. е., съ по 32 годъ своей жизни, онъ занялся словесностью: участвовалъ въ пяти журналовъ: 1) Почта Душова, которую давалъ вмѣстѣ съ капитаномъ Рыжовымъ въ 1789 году; 2) Зрѣніемъ, которая была редакторомъ, вмѣстѣ съ Клунинымъ и другими товарищами, въ 1790 году; 3) С. Петербургскій Меркурій, въ 1793 году. Въ этомъ журналѣ напечатаны нѣкоторые изъ его тогдашнихъ сочиненій: оды, пѣсни и посланія. Прозаическія сочиненія его молодости, и журнальныя статьи и между ними, и похвальные рѣчи, первая: какъ убогий въ 1793 году; вторая: Ералашенду, и третья: Каибъ—отличаются остроуміемъ и кастию. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ статьи сатирической умъ Крылова мѣняется пороки. Въ введеніи къ Зрѣнію сказано, что этотъ журналъ издавался съ тою цѣлью, чтобы пороки, представляемый во всей гнусности, вселить въ обращение, а добродѣтель, изображаемая во всей красотѣ, пѣлила собою читателя. Патриотизмъ Крылова, вполне развитійся въ послѣднихъ его комедіяхъ, умъ и на 24 году его жизни вслѣдъ рѣшительнаго выказывался, и русская душа его, на

колебания въ своихъ правилахъ и думѣхъ, не измѣнившись въ теченіи почти 77 — лѣтней жизни ни отъ какихъ постороннихъ вліяній и призывовъ временныхъ, издѣ и всегда искала пользы своему отечеству, и нѣтъ сомнѣнія, что перо его не мало содѣйствовало къ смягченію и укрощенію нравовъ. (Стр. 3—4).

Вотъ все, что рѣшился сказать г. Лобановъ о превосходныхъ журнальныхъ статьяхъ Крылова. Хороши ли онѣ, плохи ли — это, какъ видите, осталось загадкой для читателя. Кажется, покойный академикъ больше всего старался о томъ, чтобы не провѣнести никакого приговора о предметѣ, нетронутомъ другими. Этими онъ живо напомнилъ намъ нашу старую телеграфскую критику, въ которой главной задачей считалось — не сказать ничего рѣшительнаго ни *pro* ни *contra* разбираемаго автора, а между тѣмъ все-таки поговорить и о достоинствахъ и о недостаткахъ его. Разборъ сочиненій Крылова, написанный г. Плетневымъ, совершенно чуждъ этой старинной манеры. Вотъ небольшой отрывокъ изъ отзыва его о журнальныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ Крыловымъ въ журналъ его «Почта Духовъ»:

«Нельзя читать безъ удивленія писемъ этихъ, когда сравнишь съ ними сочиненія прочихъ писателей нашихъ въ прозѣ, относящихся къ одному съ ними времени, и когда подумаешь, что ихъ писалъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ, выросшій въ провинціи, не получившій ни воспитанія, ни даже обыкновенныхъ школьныхъ знаній. Разнообразіе предметовъ, до которыхъ онъ касается, выборъ точекъ вѣрнія, гдѣ становится какъ живописецъ, изумительная смѣлость, съ какою онъ преслѣдуетъ бичемъ своимъ самыя раздражительныя словеса, и въ то же время характеристическая, никогда не покидавшая его иронія, рѣзкая, глубокая, умная и вѣрная — все и теперь еще, по истеченіи слишкомъ полу столѣтія, несомнѣнно свидѣтельствуеетъ, что передъ нами группа, постановка, краски и выразительность гениальнаго сатирика. Крыловъ эмилъ одимъ одимъ юморомъ

стихической прозы своей доказалъ, что наееседа опрачмечимъ еъ послѣдствіи баснями, онъ опрачмечиво сошелъ съ попрѣща счастливейшимъ правописателемъ. Тутъ онъ и языкомъ Русскимъ далеко опередилъ современниковъ. Въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду жизни его, вы чувствуете, какъ рабски подчинился онъ образцамъ, заимствуя изъ нихъ извѣстныя выраженія, изысканность украшеній, обороты и неестественный тонъ. Но въ прозѣ ни отъ кого независимъ онъ. Кромѣ легкаго, правильнаго и сильнаго языка, изумляютъ читателя новыя мысли, безъ малѣйшей натяжки связываемыя съ шутками въ разговорахъ». (стр. XXII—XXIII).

Этихъ выписокъ довольно, чтобы дать понятіе объ относительномъ достоинствѣ обѣихъ статей. Скажемъ коротко: статья г. Лобанова не даетъ почти никакого понятія ни о личности Крылова, ни о достоинствѣ его сочиненій, между тѣмъ, какъ статья г. Плетнева воспроизводитъ передъ глазами читателей всю исторію этого необыкновеннаго человѣка и заключаетъ въ себѣ удолетворительный разборъ его произведеній. По-крайней-мѣрѣ, что касается до насъ, то статья г. Плетнева помогла намъ повѣсть характеръ Крылова, какъ человѣка, и разгадать то, что до-сихъ-поръ казалось намъ въ немъ страннымъ и загадочнымъ. Но результаты нашего изученія такъ близки къ результатамъ самого биографа, выраженнымъ имъ въ началѣ его сочиненія, что мы предпочитаемъ привести здѣсь собственныя слова его:

«Въ лицѣ Ивана Андреевича Крылова мы видѣли въ полномъ смыслѣ Русскаго человѣка, со всѣми хорошими качествами и со всѣми слабостями, исключительнаго по своимъ свойствамъ. Гений его, какъ баснописца, признанный не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, не защитилъ его отъ обыкновенныхъ нашихъ нерасположеній въ жизни, посреди которыхъ Русскіе иногда способны всѣхъ удвѣлять проницательностію и вѣрностію ума своего, а иногда предаются непростительному хладнокровію въ дѣлахъ своихъ. Судьба не благоприятствовала Крылову въ дѣлѣ»

ствъ и лишила его тѣхъ пособій къ постепеннымъ успѣхамъ въ литературѣ и обществѣ, которыми другихъ надѣляютъ рожденіе, воспитаніе и образованіе. Но онъ, какъ бы на перекоръ счастью, въ послѣдствіи времени приобрѣлъ все, что необходимо писателю и гражданину. Онъ даже успѣлъ развить въ себѣ нѣсколько талантовъ, составляющихъ роскошь и для счастливо рожденнаго молодого человѣка. Побѣдвши первыя препятствія къ благополучію и удовольствіямъ жизни, онъ на время ослабилъ дѣятельность свою въ расширеніи знаний и съ непонятнымъ равнодушіемъ провелъ нѣсколько лѣтъ почти безъ дѣла. Наконецъ снова и почти безсознательно принялся Крыловъ за тотъ родъ поэзіи, которому нынѣ обаявъ безсмертіемъ своимъ.

И вотъ Крыловъ достигнулъ тогда истинной славы, всеобщаго уваженія, самой чистой къ нему привязанности тѣхъ, которые были къ нему близки и вполнѣ оцѣнили даръ его. Счастье вознаградило его за всѣ лишеныя молодости. Онъ былъ обезпеченъ на всю жизнь. Казалось, передъ любознательнымъ, тонкимъ и свѣтлымъ умомъ его открылись всѣ пути къ безконечной дѣятельности литератора. Но онъ и своею поэзіею занимался только какъ забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искусство не влекло его къ себѣ. Дѣятельность современниковъ не возбуждала его участія. Онъ чувствовалъ выгоды и безопасность положенія своего, и не оказалъ ни одного покушенія расширить тѣсную раму своихъ умственныхъ трудовъ. Такъ одинокимъ успѣлъ и счастье усыпить въ немъ силу духа! Въ своемъ праздномъ благодушіи, въ своей безжизненной мудрости онъ похоронилъ, можетъ быть, нѣсколькокихъ Крыловыхъ, для которыхъ въ Россіи много еще праздныхъ мѣстъ. Странное явленіе: съ одной стороны гешій, по слѣдамъ котораго уже идти почти не куда; съ другой—недвижный умъ, шагу не переступающій за свой порогъ.» (Стр. I—III).

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ началѣ своего поприща, Крыловъ выпѣлъ жадной дѣятельности, трудился съ жаромъ и не стѣснялся ничѣмъ для выраженія своихъ мыслей. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался журналистомъ и переходилъ

отъ одного изданія къ другому видимо съ цѣлью усовершенствоваться дѣло. Съ каждымъ разомъ расширялъ онъ программу. Что же касается до направленія статей, которыя писалъ онъ для своихъ журналовъ, объ этомъ можно заключить изъ нѣсколькихъ отрывковъ, которые мы здѣсь приведемъ. Вотъ, на-примѣръ, отрывокъ изъ письма судьи къ сыну, появившійся намъ наудачу въ «Почтѣ Духовъ»:

«Ты пишешь, что тебѣ несносна приказная служба и просишь дозволенія ее оставить. — Съ чего ты это забралъ себѣ въ голову, другъ мой? Да знаешь ли ты, что твой дѣлъ нажилъ въ этой службѣ болѣе сорока тысячъ рублей; твой отецъ приобрѣлъ большой каменный домъ, въ четыре этажа; да и ты, мой свѣтъ, доколѣ не наживешь хотя посредственной деревеншки, доколѣ я тебя изъ этой службы не выпущу, или не буду надъ тобою мое благословеніе; а ты знаешь, что этимъ шутить дурно.

«Низко ходить на поклонъ къ своему судья!—Вотъ какой вздоръ! Да я, братъ, и выросъ въ приходѣ у своихъ командировъ, за то нынѣ и у себя въ приходѣ людей выращиваю. Учительство, другъ мой, шеп не вывихнетъ, а гордымъ и Богъ противится. Будто велика бѣда въ праздникъ сходить къ судья на поклонъ! Вѣдь чего же дѣлать. Къ обѣдню, съешь ты мнѣ. — Къ обѣдню, другъ мой, успѣешь и отъ начальника, а если и никогда будетъ, то Богъ не возьметъ. Онъ до насъ милостивъ и не прогнѣвается, если иногда и прогуляешь обѣдню; а свѣтънѣкъ станетъ сердиться, если не придешь къ нему въ праздникъ поутру, и можешь за это отомстить. Богъ, по великой своей благодати, конечно проститъ, когда покаешься; а бояре вѣдь и поклонія не принимаютъ.» (Стр. 130.)

А вотъ начало «Похвальной рѣчи къ памяти моему дѣдушкѣ», которая помѣщена во второмъ журналѣ Крылова «Зритель», и которая, по нашему мнѣнію, есть образцовое произведеніе въ своемъ родѣ:

«Любезные слушатели!
«Сегодня микутъ ровно годъ, какъ собакъ всего свѣта лишился лучшаго сво-

его друга, а здѣшній округъ разумѣйшаго помѣщика: годъ тому назадъ въ этотъ точю день, съ неустрашимостію погнась за зайцемъ, свернулся онъ въ ровъ и раздѣляя смертную чашу съ гвѣдою своею лошадей прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную ихъ привязанность, не хотѣла, чтобъ изъ нихъ одинъ перешелъ другаго, а мѣръ между тѣмъ потерялъ лучшаго дворянина и знатнѣйшую лошадь. О комъ изъ нихъ болѣе должно намъ сожалѣть? Кого болѣе восхвалять? Оба они не уступали другъ другу въ достоинствѣхъ, оба были равно полезны обществу, оба вели равную жизнь и, наконецъ, оба умерли одинакою, славною смертью.

«Со всѣмъ тѣмъ дружество мое къ покойному складываетъ меня на его сторону и обязываетъ прославить память его; потому-что, хоть многие говорятъ, что сердце его было, такъ сказать, стойломъ его гвѣдой лошади, но я могу похвалиться, что послѣ нее, войкольникъ любилъ меня болѣе всего на свѣтѣ, и если бы и не былъ онъ мнѣ другомъ, то одинъ достоинства его не заслуживаютъ ли похвалы, и не должно ли возвысить память его, какъ память дворянина, который служилъ примѣромъ нашему окольному дворянству.

«Не думайте, любезные слушатели, чтобъ я выставлялъ его примѣромъ въ одной охотѣ, итѣ; это было одно изъ послѣднихъ его дарованій; но онъ, кромѣ этого дарованія, имѣлъ тысячу другихъ, причинныхъ и необходимыхъ нашему брату, дворянину: онъ показалъ намъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолудниковъ вырабатываютъ въ годъ; онъ сильные подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ два, три, съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдѣть въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искусствомъ дѣлалъ гостямъ своимъ пріятныя нечаянности. Такъ, государи мои! часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ его блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за его столомъ голодною смертью; глядя на кажлаго изъ нихъ, мы заключали, что на сто верстъ вокругъ его деревень итѣ ни корки хлѣ-

ба, ни чухотной курицы, — но какое пріятное удивленіе! садясь за столъ находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ его владѣніяхъ. Искуснѣйшіе изъ насъ не постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ; и мы принуждены были думать, что онъ великолѣпные свои пиры создалъ изъ ничего. Но я замѣчаю, что восторгъ мой отвлекаетъ меня отъ порядка, который я себѣ назначилъ. Обратимся къ началу жизни нашего героя: этимъ средствомъ мы не потеряемъ ни одной черты изъ его похвальныхъ дѣлъ, которыми многие изъ васъ, любезные слушатели, подражаютъ съ великимъ успѣхомъ. Начнемъ его происхожденіемъ.

«Сколько ни бредятъ философы, что, по родословной всего свѣта, мы братья, и сколько ни твердятъ, что мы дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи; и если уже необходимо надобно, чтобъ наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся признать нашими протцемъ осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Ничто такъ человѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе: это первое его достоинство. Пусть кричатъ ученые, что великомя и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели; если это правда, то тутъ не вина благородныхъ, но вина природы, что она производитъ ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолудниковъ, и что никакими выгодами не отличаетъ нашего брата, дворянина: это знакъ ея лѣности и нераченія. Такъ, государи мои! И если бы эта природа была существо, то ей очень было бы стыдно, что тогда, какъ самому послѣднему червяку удѣляется она выгоды, свойственныя его состоянію; когда самое мелкое насекомое получаетъ отъ нея свой цвѣтъ и свои способности; когда, смотря на всѣхъ животныхъ, кажется намъ, что она неисчерпаема въ разнообразности и въ изобрѣтеніи, — тогда, къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ, дворянинъ, отъ мужика, и не прибавила намъ ни одного пальца, въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ. Не уже ли же она болѣе нечется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣщивать шнагу, съ ко-

торую бы, кажется, надлежало намъ родиться. Но какъ бы то ни было, мы нашли средство поправлять недостатки природы и забывались отъ опасности быть признанными за животныхъ одного рода съ крестьянами.

«Имѣть предка разумнаго, добродѣтельнаго и принесшаго пользу отечеству — вотъ что дѣлаетъ дворянина, вотъ что отличаетъ его отъ черни и отъ простаго народа, котораго предки не были ни разумны, ни добродѣтельны и не приносили пользы отечеству. Чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ такой предокъ, тѣмъ блистательнѣе ваше благородство; а эти-то и отзывается герой, которому я дерзаю сплетать достойныя похвалы; ибо болѣе трехъ сотъ лѣтъ прошло, какъ въ родѣ его появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ такъ много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣнія его не были уже болѣе нужны такія явленія, и оно до теперешняго времени прибавлялось безъ умныхъ и безъ добродѣтельныхъ людей не теряя ни мало своего достоинства.» (Стр. 265—268.)

Чего бы, кажется, можно было ожидать отъ двадцати-четыре-лѣтняго молодого человѣка, которому принадлежатъ эти страницы? Акидова сила дышетъ въ каждой строчкѣ приведеннаго нами отрывка; а почти такковы и всѣ журнальныя статьи его... Но не дожидаясь еще и тридцати-лѣтняго возраста, нашъ Акидъ совершенно измѣняется. Добившись извѣстности, онъ бросился въ омутъ свѣтскихъ развлеченій, тратилъ время и нравственныя силы свои за карточными столами, по протекціи вступилъ, наконецъ, въ службу, потомъ долго жилъ въ деревнѣ одного вельможи въ двойномъ характерѣ — любезнаго компаніона и учителя княжескихъ дѣтей. Такъ прошло *одиннадцать лѣтъ!* И во весь этотъ періодъ времени не писалъ онъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній да карикатурной комедіи «Трумфъ», о происхожденіи которой простодушный биографъ его, г. Лобановъ, рассказываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ 1798 году, Крыловъ находился въ поѣздѣ князя Сергія Федоровича Голи-

цына, бывшаго въ-послѣдствіи Римскаго военнымъ-генералъ-губернаторомъ. П пригласенію хозяина, чтобъ молодые люди, находившіеся тогда въ его домѣ, бы думывали какія-нибудь забавы и веселились, Крыловъ, будучи въ самомъ юмористическомъ расположеніи духа, написалъ Трумфа. При чтеніи его, говорили онъ, всѣ помирали со смѣху» (стр. 24).

Наконецъ, въ 1806 году, васкучивъ пошлою жизнью, Крыловъ поѣхалъ изъ симбирской деревни князя Голицына въ Петербургъ. Проѣздомъ провезъ онъ нѣсколько времени въ Москвѣ, гдѣ жили въ то время Карамзинъ, Дмитриевъ и Жуковский. Онъ познакомился съ ними и особенно сблизился съ Дмитриевымъ. «Желая, говоритъ г. Плетневъ, войти съ нимъ въ такія отношенія, которыя бы касались предмета, для нихъ обоихъ равно важнаго, Крыловъ въ свободное время перевелъ изъ Лафонтена двѣ басни: *Дубъ и Трость* и *Разборчивую Носычу*. Дмитриевъ, прочтавъ ихъ, нашелъ переводъ Крылова очень счастливымъ и достойнымъ прелестнаго подлинника. Тогда онъ началъ уговаривать будущаго соперника своего не оставлять этого рода поэзіи, который, по его мнѣнію, болѣе другихъ удался ему и можетъ со временемъ составить его славу. Крыловъ послѣдовалъ совету законнаго судьи въ этомъ дѣлѣ и въ Москвѣ же перевелъ еще изъ Лафонтена: *Старикъ и трое молодыхъ*» (Стр. XLII).

Повозращеніи въ Петербургъ, Крыловъ на нѣкоторое время проснулся отъ своей дремоты: въ 1807 году онъ поставилъ на театрѣ двѣ комедіи: *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ*, а въ 1808 году вышло первое изданіе его басенъ. Но успѣхъ этихъ произведеній снова усыпилъ его проснувшую дѣятельность. Въ 1811 году онъ избранъ былъ въ дѣйствительные члены *Бесѣды Любителей Русскаго Слова*... Не можетъ-быть не всякому извѣстно, что такое эта *Бесѣда*. Надо справиться въ статьѣ г. Плетнева.

«Въ 1810 году, въ домъ пѣвца Фелицы, устроилась *Беседа Любителей Русскаго слова*. Всѣ извѣстные въ Санктпетербургѣ литераторы, всѣ любители и покровители наукъ приняли участіе въ этомъ патриотическомъ дѣлѣ. Беседа образована была на подобіе какого нибудь кружка. Она раздѣлялась на четыре разряда. Въ каждомъ изъ нихъ находились председатель, дѣйствительные члены и сотрудники. Сверхъ того было четыре почетныхъ и неопредѣленное число почетныхъ членовъ.

Вмѣстѣ съ нею издавалась особая книжка, въ которой печатано было все, прочитанное и одобренное въ Бесѣдѣ (стр. LI).

Въ концѣ того же (1811) года, Крыловъ избранъ былъ членомъ Россійской Академіи; а въ 1812 году поступилъ на службу въ Императорскую Публичную Библиотечку. «Съ этой эпохи» (говоритъ г. Плѣтневъ) «начинается для нашего поэта новая жизнь, тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная. До 1841 года, не перемѣнялъ онъ ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры» (стр. LIII). «Кромѣ выходовъ къ должности, очень легкой и неголовомолочной, кромѣ рыбодовъ къ обѣду въ *Англійскій Клубъ* (гдѣ онъ послѣ игралъ нѣкоторое время по привычкѣ въ карты, а подъ конецъ только дремалъ) и на вечеръ иногда къ Оленевымъ, Крыловъ ничего не полюбилъ какъ человѣкъ общественный и образованный, какъ писатель гениальный. Онъ продолжалъ отъ скуки сочинять иногда новыя басни, а больше читалъ самые глупые романы, особливо старинные, читалъ не для приобрѣтенія новыхъ идей, а чтобъ убить только время» (стр. LVI).

Впрочемъ, дѣлность, неражество и апатичность великаго баснописца такъ извѣстны, что о нихъ нечего распространяться. Лучше приведемъ въ заключеніе нѣсколько разсказовъ, изображающихъ другія черты характера, которыхъ образованіе совершенно объясняется предъидущимъ. На этотъ

разъ, мы воспользуемся статью академика Лобанова.

Стр. 57. «Онъ все хвалитъ изъ учтивости; но въ глубинѣ души своей немногое одобряетъ. Нѣкто изъ писателей напечаталъ въ предисловіи къ плохому и вездѣ отверженному своему сочиненію похвалы, слышанныя имъ отъ Ив. Ан. — Вотъ вамъ конфетка за неосторожныя ваши похвалы, — сказалъ ему Н. И. Гнѣдичъ; но Ив. Ан., забывши этотъ урокъ, продолжалъ слѣдовать настоянной своей системѣ.

Стр. 58. «...Физическая-ли тяжесть (?), крѣпость-ли нервовъ (?), любовь-ли къ покою (?), лѣнь и безжизненность (?), или чуждость семейныхъ связей (?) была тому причиною, что его не такъ то легко было подвинуть на одолженіе или на помощь ближнему. Онъ всячески отклонялся отъ соучастія въ судбѣхъ того или другаго, всѣмъ желалъ счастья и добра, но въ немъ не было горячихъ порывовъ, чтобъ доставить ихъ своему ближнему.

Стр. 63. «На одномъ литературномъ обществѣ, на которомъ былъ и самъ Иванъ Андреевичъ, и который начался залпомъ эпиграммъ нѣкоторыхъ людей противъ нѣкоторыхъ лицъ, Иванъ Андреевичъ не кончивши супу, исчезъ. Я взглянулъ — мѣсто его пусто! обращаюсь глазами къ хозяйкѣ дома—и его нѣтъ пусто. Спрашиваю хозяйку, она отвѣчаетъ: «Ему сдѣлалось дурно, онъ вышелъ вонъ.— Пришедшій между-тѣмъ хозяинъ повторилъ то же самое, прибавивъ, что Иванъ Андреевичъ, посидѣвши на крыльцѣ, сказалъ: *Нѣтъ, что-то не здоровится, я ужь лучше побреду домой*, и ушелъ. Рѣзкія выходы прекратилась, обѣдъ продолжался мирно, и вечеръ прошелъ приятно.

«Я тотчасъ понялъ моего сосѣда, и на другой день зашелъ къ нему. Вчера вамъ сдѣлалось дурно, Иванъ Андреевичъ? Да, отвѣчалъ онъ: такъ что-то стоимось. И! полжите, Иванъ Андреевичъ, я разгадалъ вашу тошноту. Вамъ опротивѣли неприличные разговоры за столомъ; но, вѣдь кто-жъ васъ не знаетъ: къ чистому не пристанетъ нечестное. — *Нѣтъ*, сказалъ Иванъ Андреевичъ: *еще таки лучше быть подальше отъ зла! Вѣдь могутъ подумать: онъ тамъ былъ, стало быть дѣлать изъ образъ мыслей.*

Стр. 67. «Гнѣдичъ, переводчикъ Иллиды, ближайшій сосѣдъ, сослуживецъ, ве-

дневный собесѣдникъ и добрый товарищъ его, человекъ высокой души и сѣтлаго ума, удрученный болѣзнію, оставила службу и окончившая литературное свое поприще, удостоилась получить 6000 р. пенсін отъ Государя Императора. Вдругъ Крыловъ пересталъ къ нему ходить; встрѣчаясь въ обществѣ не говорилъ съ нимъ. Изумленный Гидеичъ, да и всѣ, видѣвшіе эту внезапную въ Крыловѣ перемену, не постигали, чѣмъ это значило. Такъ прошло около двухъ недѣль. Наконецъ, образумившись, Крыловъ приходитъ къ нему съ пошанною головою: Николай Ивановичъ, прости меня.— Въ чемъ, Иванъ Андреевичъ? Я вижу вашу холодность и не постигаю тому причину.— Такъ пожелай же обо мнѣ, почтенный другъ: я полагивалъ твоей пенсін, и полагивалъ твоему счастью, которая ты совершенно достоинъ. Въ мою душу вверилось такое чувство, которымъ я самъ изумлюсь.»

Кто бы, кажется, могъ ожидать всего этого отъ издателя «Почты Духовъ» и «Зрителя»? Однакожь, прочитавъ его біографію, разгадаешь всѣ эти печальные факты.

88) Слава о Вѣщемъ Олгѣ. Сочиненіе Д. Минаева. Изданіе Х. С. Иванова. Санктпетербургъ. 1847. Въ тѣхъ И. Фишона. Въ 8-ю д. л. 94 стр.

Еслибъ не особенныя обстоятельства, можно было бы очень коротко раздѣлаться съ новымъ произведеніемъ г. Минаева, назвавъ его «Славу о Вѣщемъ Олгѣ» разволненіемъ пушкинской «Пѣсни о Вѣщемъ Олгѣ». Но г. Минаевъ такой сочинитель, котораго непремѣнно надо превозносить до небесъ: иначе онъ печатно распуститъ о рецензентѣ Богъ-знаетъ чѣмъ. По крайней мѣрѣ, мы испытали дѣйствіе его глѣва. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, мы публично сказали, что переводъ «Пѣсни о Полку Игоревомъ», принадлежащій сочинителю *Славы о Вѣщемъ Олгѣ*, исполненъ невѣрностей и вовсе не отличается такимъ эстетическимъ достоинствомъ, которое заставляло бы читателя извинить переводчику его отступленія отъ древняго текста. Сверхъ того, отважились мы

доказать выписками, что г. Минаеву вращается въ «Словѣ о Полку Игоревомъ» то, чѣмъ по современнымъ понятіямъ, составляетъ его противоположную сторону — именно изысканность образовъ и витіеватость выраженій. Все это навлекло на насъ сильное негодованіе «Баяна» (г. Минаевъ стоитъ на томъ, чтобы называть свои поэмы «баянками»: мы такъ ужасаемъ его произведенія, что забываемъ впередъ и даемъ ему самому тѣло «баяна»). Въ примѣчаніи къ изданной цѣпѣ «баянкѣ», онъ отпусти намъ, расхуливъ критика, котораго мы поправили его переводъ «Слова». Такъ какъ во всѣхъ журналахъ и газетахъ, кромѣ «Отч. Записокъ», трудъ г. Минаева встрѣтилъ единодушное одобреніе, то мы принимаемъ стрѣлы его прямо на себя и съ полнымъ свирепіемъ (которое внушено намъ неслучайно нравственными письмами одного извѣстнаго писателя) публично и торжественно предаемъ себя на судъ читателей нашего журнала, выписывая слѣдующія строки изъ примѣчанія къ баянкѣ г. Минаева:

«Представляемая мною Баянка (*), это историческая фантазія, но съ Русскою рѣчью на языкѣ, въ своеобразной афористикѣ на глѣхъ.

Но, кажется, нѣкоторые гг. рецензенты пожелали именемъ Индійской Богини разстрѣлять подобныя сочиненія, и изольютъ постои.»

(* Примѣчаніе г. Минаева. «Баянка. Если вы, г. критикъ, еще на рукахъ коремилницы, обмолвились, на радость нашей муттерхенъ словомъ: Фаттеръ? Въ такомъ случаѣ, я обязанъ объяснить, это совершенно новое для васъ выраженіе. Нашъ языкъ до такой степени неслепрегрѣна земщиной, что онъ въ современной литературѣ похожъ на Венгерскаго барсбашника въ цимерованной курткѣ. Ради этого широкихъ причинъ, я рѣшился безъ вашего соѣта выставить свои разсказы подъ роднымъ стогомъ, заглавля слово: пѣса, Баянкой. Нашъ дѣтей гутсбага сѣвера еще съ колыбели барскама

«Можетъ быть, этимъ сторожевымъ разбирателямъ, правится чистое поле Русской поэзии и прозы, идѣ они какъ баскаки разгуливаютъ безданию и невообразно на страхъ воздѣлывателей слова, и гениально засыпаютъ подъ стукъ вътрєнныхъ мельницъ, на которыхъ обирается иностранная дикаша для уютенія благосклонной публики.

«Гуляй дума (душа?) Вкругъ молчаніе, справа, слева, — пусто; нѣтъ ни вѣстрѣчниковъ, ни поперечниковъ; подъ ногами растетъ трѣнка-трава, а цветутъ колени коровыя позабудки, а чуть кто выльзнетъ изъ родимой осоки, души ея маповалъ какъ слезамъ! Не давай открывать ротъ въщателю; иначе, дескать, они переростутъ тѣнь нашего мѣщинства, и мы будемъ также оцупью разбирать проклятое русское богатѣйство, какъ обоили его съ флегматическимъ недоуразумлєемъ вокругъ перевода нашей древней поэмы С. о П. Нюрл.

«Если вы, г. критикъ, хотите выдолотъ дурную траву съ нашихъ нивъ, идѣ пробиваются первые ростки сказаній въ душь народномъ; для этого прежде всего должно имѣть въ Русскомъ тѣль Русскую душу! начитаться хорошеко нашей грамоты; изучитъ народные пѣсни и былины, чтобъ създѣти съ честью и славою въ гору познаній, и тамъ намѣтятся хоть шапкой жикой воды изъ Словенскихъ колодецевъ, и вѣспрыснуть ея ваши мертвые сужденія. Теперь же въ этой долинь, идѣ вы стоите подъ зустылымъ жумаломъ разномастныхъ живнѣй, естъ ваши фальш-фейеры незамѣтно поаскутѣ, и еще не въ воздухъ, а въ ствалъ скороначительной трубки — зусиано перал! Вашъ театралный громъ не залуцаетъ Русскихъ витязей — кольчужниковъ, которые не пользуетъ освѣщеніемъ болотныхъ свѣтляковъ, одни будутъ умѣть найдти дорогу къ Рускому сердцу». (Стр. 73—76).

Пораженный громомъ этой рѣчи, рецензентъ «Отч. Записокъ» не находитъ ничего лучше сдѣлать, какъ пасть во прахъ предъ новой баянкой.

«Русскія мамушки сладкозвучными на-сѣивамъ. Баю, на языкѣ Руссиновъ значатъ: говорю, рассказываю, даже припѣваю. Вотъ корень разбираемаго слова, котораго стебель вы не отыскивали въ царствѣ извѣстныхъ вамъ растеній».

Не найдись баянь, — можетъ-быть, рецензентъ вздумалъ бы опять дѣлать ему свои замѣчанія; можетъ-быть, — почему знать? — можетъ-быть, сказалъ бы онъ, что содержаніе «Славы о Вѣщенъ Олєгѣ» такъ ничтожно, что его едва стагетъ на балладу, да и ту — де-скать тогда только можно прочесть съ нѣкоторыми удовольствіемъ, когда она написана такъ, какъ умѣлъ писать олимпъ Пушкинъ. Чтѣ же касается до амплификацій г-на Минаева, можетъ-быть, этотъ рецензентъ назвалъ бы ихъ огнѣнно скучными. Ко всему этому, можетъ-быть, прибавилъ бы онъ, что слогу и языку г. Минаева — пестрая смѣсь образовъ и выраженій старпныхъ и народныхъ съ новѣйшими и книжными, а для примѣра сослался бы, хоть, на слѣдующіе стихи:

Смотрите жъ, гдѣ Греція?
Она по лѣсамъ своимъ,
Отъ нашихъ ранъ лечится;
Она какъ мертвецъ теперь,
Подъ чарой волшебника
Стоитъ привидѣніемъ:
Черты у ней холодны,
Уста болью скорчены,
Руки въ низъ опущены,
Мускулы наталуты!
Она, эта Греція,
Восточно-богатая,
Въ рабыни къ намъ просится:
Чтѣбъ быть золотую дань
Олегу правителю.

Очень можетъ быть также, что рецензентъ замѣтилъ бы г-ну Минаеву, что тайна простонароднаго языка русской сказки не заключается въ диктилическомъ окончаніи стиховъ (— о о). Пожалуй, при этомъ случаѣ, онъ не удержался бы замѣтить, что и Илья Муромецъ написалъ стихами съ диктилическими окончаніями, и что всѣ-таки въ «Ильѣ Муромцѣ» нѣтъ ни на во-лось народности... Но не перечестъ всего, на что могъ бы отвѣтиться этотъ «баскакъ», какъ называется споего критика г. Минаевъ, еслибъ баянь не привалъ противъ него рѣшитель-

ныхъ иѣръ заблаговременно. Теперь онъ поетъ другую иѣсию; теперь онъ сознается, что г. Минаевъ великій поэтъ, что изъ пустѣйшей легенды, изъ которой Пушкинъ могъ создать не болѣе, какъ леговую балладу,—онъ, г. Минаевъ, далеко превосходящій Пушкина силой творческаго духа, сотворилъ поэму неслыханной красоты и недосыгаемой глубины, что русская древность, воспроизведенная его неподражаемымъ искусствомъ, предстаетъ предъ наумленными взорами настоящихъ поколѣнй во всемъ блескѣ своего превосходства, и что даже приищаніе къ «Славѣ о Вѣщемъ Олгѣ» исполнено ума и граціи. Чтобы оправдать этотъ отзывъ, мы ближе познакомимъ читателей съ содержаніемъ «Баянъ».

Она раздѣляется на четыре части или главы.

Гл. I. *Сборъ дружины.* Князь Владимиръ пируетъ съ дружиной. Баянъ завѣщаетъ его иѣсіями и поетъ о «Вѣщемъ Олгѣ». На девяти страницахъ рассказывается, какъ собирались русскіе витязи по приглашенію Олега — грабить Грецію и какъ своими рѣчами возбуждалъ ихъ Олегъ на это предпріятіе.

Сказалъ Олегъ рѣчь свою,
Сказалъ и взглянулъ вокругъ:
— «Что жъ вы стали витязи,
• Стали не похваляете:
• Природною долею,
• Заносчивой волею,
• Сбруей, дорогимъ сѣдломъ,
• Детучимъ орломъ-конемъ?» (Стр. 15).

Изъ дружины олимпъ за другимъ выходятъ — Норманъ, Новгородецъ, Кіевлянинъ, Муромецъ, Ростовецъ; каждый изъ нихъ похваляется своими національными доблестями, и, не жадъ бранныхъ словъ отдѣлываютъ другъ друга на славу. Новгородецъ говоритъ Норману:

• Знаемъ не по слуху мы —
• Вашихъ храбрыхъ витязей!
• На бой вы собираетесь
• Походкой боярскою;

«Съ поля жъ растекается
• Рысью помордискую» и проз. (Стр. 17).

Ростовецъ говоритъ Муромцу:

«Кричите филинъ по лѣсу,
• Бранить филинъ птицъ дневныхъ;
• Филинъ не выдалъ близни:
• Ни блага кречета,
• Ни черного ворона!
• Такъ вамъ ли, мяшатишками,
• Тянутся на ратовьѣ,
• Съ Ростовскою Мерею», и т. д. (Стр. 22).

Этотъ въ высшей степени занимательный споръ витязей наполняетъ десять страницъ баянъ. Въ заключеніе Ростовецъ подражалъ съ Муромцемъ, чѣмъ и оканчивается первая глава.

Гл. II. *Походъ на Царьградъ и пророчатель.*—Самое начало этой главы показываетъ, какъ глубоко проникъ г. Минаевъ своимъ образомъ — т. е. «Словомъ о Полку Игоревомъ», и какъ много выиграло его искусство отъ усвоенной имъ манеры неизвѣстнаго сочинителя «Слова». Что можетъ быть великолѣпнѣе и смѣлѣе сѣдующихъ ивербодъ:

Тутъ махнулъ Олегъ — золотымъ шитомъ,
Надъ собою сверкнулъ — кладещомъ-мечемъ;

Какъ рать его вѣрчалъ,
Съ песковъ поднималася;
Вставала до звездъ она,
Въ чель, съ яснымъ мѣсяцемъ;
Громовою тучею
На бой ополсается;
И только бы заркнуть ей —
Богатырскимъ голосомъ;
И только бы свистнуть ей —
Молдечскимъ посетомъ;
Казалось бы вихрь прошелъ
Вокругъ и поволоку;
Казалось бы дробину —
Подложья у дальнихъ горъ;
Буиры бы песчаные,
Какъ бисеръ рассыпались...

Пропускаемъ безъ выписокъ семьдесятъ страницъ, заключающихъ въ себя рассказъ о встрѣчѣ Олега съ волжкомъ, такъ же, какъ и описаніе воинственныхъ подвиговъ и шумныхъ пировъ

его дружины. За неудобством переписыванія цѣлой главы, остается молча удивляться — откуда берется у нашего баяна способность писать так много стиховъ на тему столь бѣдную въ глазахъ обыкновеннаго смертнаго. Грабежи и попойки—вотъ всего-на-все два камешка, выблещіеся въ калейдоскопъ его темы (кажется, и мы начинаемъ понемножку усваивать узорчатую манеру выраженія); а между-тѣмъ, сколько перестановленій тутъ сдѣлаво! Смѣшно теперь и вспомнить о Пушкинѣ съ его коротенькой балладой!

Гл. III. *Договоръ съ царемъ Греціи.* Третья глава есть истинное торжество творческой фантазіи: она заключаетъ въ себѣ мастерски-опоэтизированные г. Минаевымъ статьи олегова договора съ греческимъ императоромъ! Поэты влагадутъ этотъ мирный трактатъ въ пяти пунктахъ съ поразительною аккуратностью историка и съ неподражаемою мудреватостью *народнаго* поэта. Вотъ для образца пунтъ III-й:

Когда Леонъ Греческій,
Узнаетъ, что Кіевъ нашъ
Ниветъ дѣтей—князей! —
И что эти соколы,
Растутъ неображены;
Роскошными лествами
Въ пирахъ ненакормлены;
Тогда Леонъ Греческій,
Обязанъ въ судахъ своихъ,
Послать нашимъ княжичамъ —
Обновы богатыя.
А эти наследники
Въ Руси называются:
Ростовъ съ Переславлемъ,
Да Муромъ съ Черниговымъ,
Да Любичъ съ Новгородомъ!
И вѣщій нашъ Князь Олегъ
Клянется: огнемъ, грозой
Перуна небеснаго,
Не тронуть концомъ копья
Богатыхъ вѣхъ волостей,
Вокругъ Царя-Города.

Гл. IV. *Вѣщій конецъ Олега.* Глава эта очень похожа на балладу Пушкина; но само-собою разумѣется, что у г. Минаева рассказъ вышелъ несравнен-

но-изящнѣе, а, главное, сильнѣе. У Пушкина Олегъ говоритъ:

Кудесникъ! ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и домыиъ носилъ бы меня.

А у г. Минаева та же мысль выражена слѣдующимъ образомъ:

Разумныя рѣчи и вѣщій языкъ,
Я чтилъ, какъ святую судьбину;
Но ослабѣ мнѣ красный пожелелъ старикъ,
Кто-бы, я долю, обрѣкъ на осину.

Поэма г. Минаева, кромѣ примѣчаний въ прозѣ, снабжена крайне-любопытнымъ предисловіемъ въ стихахъ. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомиться читателей и съ этимъ произведеніемъ нашего поэта.

Въ началѣ предисловія, г. Минаевъ вспоминаетъ о томъ времени, когда Русскіе уиорствовали обращаться къ западной цивилизаціи:

Давно ли Русь, потуши взоры,
Фату съ очей своихъ сняла;
И старосвѣтскіе уборы
Въ сундукъ наследный заперла?

Ее страшилъ паряль робрана,
Корсета сталь, высокий токъ,
И неразученный урокъ
На ладъ парижскаго бокмана. (Стр. II).

Но скоро, изволите видѣть, лукавымъ Западу обольстивъ насъ своей грѣшной цивилизаціей:

Все отзывалось новизною;
Свѣтлицы были на растворя;
И мы младамеческой душою
Влюбились въ празничный просторъ.
(Стр. IV).

Что жъ изъ этого вышло? А вотъ что:

И Русь теперь въ одеждѣ новой,
Стоитъ какъ Янусъ двух-головой,
Вдругъ на два полюса смотря:
Назадъ, въ поля свои родины,
Впередъ, за дальнія моря

Равно для сердца дорогія!
Здѣсь родилась она, цвѣла,
Молитвы первая читала;
А тамъ въ отчизнѣ идеала
Идеализмъ переняла.

Однакожь, говоритъ поэтъ, нынѣче
Русь поумнѣла; но, — прибавляетъ
онъ, —

..... на утрѣ дней
Еще шалить, блажить ребенокъ;
Ему теперь всего страшнѣй
Сивильяникъ сброшенныхъ тележокъ.

На этомъ основаніи, г. Минаевъ не
надѣется, чтобъ сказки его могли
имѣть успѣхъ у современниковъ. За то
онъ устремляетъ взоръ полный надежды
въ отдаленное будущее и заключаетъ
свое предисловіе слѣдующими сти-
хами:

Я сказку длинную мою
Съ престопа родными мечтани,
Архивной пылью отдаю.
Но можетъ быть настанутъ годы,
Когда мой легкой, слабый трудъ,
Раскрывъ заброшенные своды,
Потомки добры прочтутъ!

Какъ тутъ понимать эпитетъ «доб-
рые» — не знаетъ.

89) Шекспиръ. *Съ англійскаго*. Н.
Кетчера. Выпускъ четырнадцатый. Все
хорошо, что хорошо кончилось.
Москва. 1846. Въ тѣл. Н. Степанова.
Въ 8-ю д. л. 128 стр.

Пріятно видѣть, что г. Кетчеръ про-
должаетъ свой прекрасный, хоть и не
слишкомъ-благодарный трудъ съ тою
же добросовѣстностью, какою отличал-
ся онъ и въ началѣ предпріятія. Какъ
ничтожны въ сравненіи съ его лагер-
ротипическою реставраціею всѣ суще-
ствующіе у насъ *вольные* переводы въ
стихахъ, переводы съ претензіей при-
мѣнять произведенія великаго поэта
XVI столѣтія къ требованіямъ настоя-
щаго времени, *поправить* его ошибки,
смягчить тонъ и краски и проч., и
проч.! Съ помощью этого перевода,

Русскій, незнающій по-англійски, не
жетъ составить себѣ почти такое ж
вѣрное сужденіе о Шекспирѣ, какъ
Англичанинъ, потому-что и тому и дру-
гому нельзя въ этомъ случаѣ обойтись
безъ руководства опытнаго филолога
знатока англійской старины, — а г. Кет-
черъ въ этомъ отношеніи выдержитъ
соперничество съ любыми артеомъ
гомъ.

Комедія, переводъ которой состо-
яетъ четырнадцатымъ выпускомъ ег
изданія, принадлежитъ къ числу тѣхъ
второстепенныхъ или даже третесте-
пенныхъ произведеній Шекспира, ви-
санныхъ на скоро для сцены. Но в
ней поражаетъ читателя удивительно
искусство въ построеніи пьесы и не-
истощимое, даже утомительное остро-
уміе разговоровъ между дѣйствующи-
ми лицами. При чтеніи, чувствуешь
что подобныя произведенія въ см
время и на своемъ мѣстѣ должны бы
имѣть успѣхъ, можетъ-быть, гораздо
больше, чѣмъ первоклассныя содланн
того же великаго поэта: такъ много в
ней колкихъ современныхъ намековъ,
портретовъ и желчныхъ выходовъ, и
въ то же время такъ много сильныхъ
идей, имѣвшихъ въ то время живы
интересъ вознзны. Противовѣрство
типическій духъ господствуетъ въ во
динъ отъ начала до конца.

) Матильда, записки молодой
женщины. Соч. Евгенія Сю. (1) *осте-
ра* Парижскихъ Тайнъ. и . Вѣчага
Жида. Переводъ съ французскаго, *перс-
смотрѣнный и исправленный* В. Строе-
вымъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ тѣл.
Жернакова. 13 частей. Въ 12-ю д. л.
Въ I-й — 247, во II-й — 151, въ III-й —
172, въ IV-й — 167, въ V-й — 156, въ
VI-й — 165, въ VII-й — 149, въ VIII-й —
159, въ IX-й — 159, въ X-й — 140, въ
XI-й — 158, въ XII-й — 160, въ XIII-й —
176 стр.

Литературная дѣятельность Сю
Сю представляетъ два періода, су-
отличающіеся одинъ отъ другаго.

Первые романы его появились въ концѣ двадцатыхъ годовъ, и, не смотря на недостатки, праспорѣчиво смядѣтельностью о политическомъ призваніи писателя. Въ нихъ просвѣчивала личность молодого человѣка, заплатившаго дань впечатлѣніямъ эпохи, въ которую суждено было ему начать жизнь самостоятельную, освободиться отъ опеки родителей и воспитателей, узавать жизнь на самомъ дѣлѣ. Французское общество доживало въ ту пору мелкую драму. Паденіе авторитетовъ и замѣнительностей времени нидерин и реставаціи, жалкая развязка великихъ, благородныхъ замысловъ, печальное, хотя и неизбежное возвращеніе въ старому, безотрадному порядку вещей,—все это не могло не отозваться болѣзненно въ сердцѣ человѣка съ душой пылкой и воспринчивой. Передъ молодымъ морякомъ еще живо рисовались блестящія карьеры, громкія побѣды и обольстительная слава современниковъ великаго императора; чуднымъ грёзы навѣвала на него дѣтопись геройскихъ подвиговъ французскаго флота: дѣтопись забытая и неопѣванная потому только, что всѣ усилія Наполеона въ борьбѣ съ Англіей окончилась ничѣмъ и памятны лишь великими утратами, понесенными Франціей. Сю всталъ еще то общество, гдѣ являлись отверженными и забытыми люди, потратившіе лучшую часть жизни для славы Франціи, пролившіе страшную энергію на какой-нибудь вѣрренной низъ корветтѣи окончившіе свою трудовую службу нищетою, удержавъ за собой только преждевременныя морщины, смуглый цѣтъ лица отъ плаванія подъ тропиками, да утратившіи свое значеніе крестикъ почетнаго легіона, который щедро раздавался парикмахерамъ и поставщикамъ... И что виѣнялось въ вину этимъ почтеннымъ ветеранамъ? — Любовь къ отечеству и восторженная преданность императору! А этотъ императоръ умираетъ подъ карауломъ у Англичанъ,

И маршалы всѣ измѣнили
И продали шпагу свою.

« Не такъ ли гибнетъ и все великое въ мірѣ: восклицали въ порывѣ близорукаго романтизма растроганные и возмущенные юноши: гдѣ же справедливость, руководящая поступками сильныхъ міра сего? »

И это сѣтованіе, это отчаяніе отозвалось въ нихъ юношескою дѣятельности. Первая себѣча, первая невзгода на поприщѣ службы они подвигали подъ одну категорію съ горькими превратностями неопѣванного, израненнаго героя, котораго привыкли всякій день встрѣчать около *hôtel des Invalides*, суроваго, грустнаго, бѣднаго... Необходимые толчки, поучительныя страданія, безъ которыхъ не устанавливается, не выясняется мысли въ головѣ человѣка и не развивается, не ограничивается его молодое сердце, пылкіе романтики принимали за доказательство безвыходности своего положенія и господства въ мірѣ абсолютнаго зла.

Все это отчасти можно приѣмнить къ личности Сю, особенно судя по направленію первыхъ его романовъ.

Гдѣ же болѣе могло развиваться грустное воззрѣніе на жизнь, какъ не въ той сферѣ, которую онъ избралъ съ молодю? Правда, есть носошница: « кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молится ». Очень-хорошо, — но можно ли опять винить и того, кто внадѣтъ въ ультра-пессимизмъ послѣ зрѣлища гибели корабля, на которомъ потонули мать съ груднымъ ребенкомъ, дѣвушка помолвленная на палубѣ фрегата за мичмана, въ глазахъ ея сорваннаго вѣтромъ съ яхты, наконецъ цѣлымъ экипажъ закаленныхъ въ бою героевъ, — и все отъ того, что на голову опытному лейтенанту посаженъ капитанъ-солдатъ, незнающій морской практикы, хорошій бухгалтеръ въ адмиралтейскомъ департаментѣ или фельдфебель линейнаго полка... между-тѣмъ, какъ крейсера варварійцевъ, или судно контрабандиста или торговца неграми, спаслось искусствомъ капитана, наем-

наго лощана, пирата, которого голова давно отбита не въ одну сотню шайств...

Съ другой стороны, кто легче можетъ убѣдиться въ непрочности всѣхъ самыхъ святыхъ привязанностей человѣческихъ, какъ не тотъ, кто, не разъ видѣвъ смерть лицомъ-къ-лицу, и притомъ смерть, отъ которой нельзя посторониться—смерть не отъ горячки, не отъ пули или всадрона, не отъ гильотины, противъ которыхъ есть медицина, лодка кварта и терція, секундантъ - посредникъ и милость короля, а смерть отъ прихоти неутомимой стихіи, которая губитъ безъ разбора и готова поглотить въ свои холодныя объятія и героя и труса, и невинное дитя и закосѣлаго убійцу... смерть отъ голода и жажды, когда человѣкъ готовъ растерзать собственное дитя, когда изъ-за стакана воды хватаются за ножи товарищи, не разъ спасавшіе другъ другу жизнь въ кровопролитномъ abordажѣ, и цѣлыя сотни голосовъ сливаются въ оливъ вопль проклятія и ненависти...

Наконецъ, самая морская дисциплина, можетъ-быть, и разумная въ основаніи, но ужасная, неутомимая въ приложеніи, влечетъ иногда за собой тайкія послѣдствія, что невольно содрогнешься отъ ужаса и душа превсполнится невыносимой болью. Лейтенантъ Пьеръ Гюэ въ роковую минуту гибели Саламандры, заперъ невѣжественнаго капитана корветты въ каюту и энергически распорядился своими спастъ экипажъ отъ смерти. За нарушение морскаго устава и за неповиновеніе начальнику, онъ разстрѣлянъ по возвращеніи въ отечество! Никто не станетъ говорить о несправедливости такого-то параграфа морскаго устава французскаго кодекса, но всякій смутится духомъ читая этотъ разсказъ.

Такимъ-образомъ, съ одной стороны, въ первыхъ произведеніяхъ Сю выразился характеръ эпохи отрицанія абсолютнаго усиленія и оптимизма, наведеннаго на людей сначала могуществомъ и славой Наполеона, а потомъ

неисповѣдимымъ водвореніемъ Бурбоновъ и восстановленіемъ всѣхъ на время забытыхъ формъ и условій общаго житія,—отрицанія разумнаго, не рѣзкого и благого, но строгаго, радикальнаго, опирающагося на анализъ дѣятельности; съ другой стороны, та средина, въ которой Сю росъ и развивался, образъ жизни на кораблѣ и нескончаемая борьба со всѣми привязанностями въ человечествѣ ужасами—войною, бурей, голодомъ, чумою, бунтомъ,—и непривязанными — отчужденіемъ отъ общества, пассивнымъ положеніемъ на кораблѣ въ качествѣ втораго лейтенанта или и еще менѣе, униженіемъ и сомнѣніями, которыхъ вѣчѣмъ разогнать въ сообществѣ добрыхъ, но не мудрыхъ моряковъ, придали яркіи колоритъ его морскимъ романамъ. Въ лицѣ Сю выразился и морякъ; и юноша современной ему эпохи; если бѣдность внутренней жизни моряковъ отозвалась въ его романахъ, за то всѣ силы свои положилъ онъ на воспроизведеніе того, что составляло предметъ его живыхъ симпатій: никто изъ французскихъ писателей не образовалъ такъ живописно быта моряковъ. Отношенія матросовъ, ихъ правязанности, ненависти, ихъ разгулъ, ихъ безусловную покорность начальнику, наконецъ, ихъ суевѣрія, прищты, отчаянная, бѣшеная храбрость, — все это съ удивительной живостью передано въ «Саламандрѣ», «Атар-гуль», «Корсарѣ» и др., болѣе или менѣе удачныхъ произведеніяхъ Сю. Ни у кого не найдете вы такихъ роскошныхъ картинъ моря во всевозможныхъ моментахъ, отъ штилей до свирѣпаго урагана; и притомъ, море тропическое имѣетъ у него особый оттѣнокъ и разнится отъ Средиземнаго, а Средиземное нарисовано не такъ, какъ Архипелагъ или Антильское.

Извѣстно, какъ, за недостаткомъ предмета, на которомъ бы человѣкъ могъ сосредоточить всю любовь свою, бываетъ онъ способенъ пріймать съ къ предмету, не заключающему въ себѣ прямыхъ данныхъ для возмущенія къ

себѣ такого чувства,—къ лицу ничтожнаго характера, къ животному, къ вещи... Такіе факты не рѣдки между моряками, и всего поразительнѣе привязанность ихъ къ своему кораблю: кто же лучше умѣлъ одушевить этотъ плавающий, оснащенный корабль, какъ не Сю? придать личность фрегату, бригу, гоелетѣ, линейному кораблю, осмыслить, какъ органы живаго тѣла, ихъ высокія, затѣйливыя свасты! Съ какою болью, съ какимыъ страстнымыъ чувствомъ выводитъ онъ въ бой свою щеголеватую, злую Саламандру, съ какимыъ неподдѣльнымъ отчаяніемъ изображаетъ послѣднія минуты этой *доблестной корветки* (*villante corvette*). Его сердце стонетъ отъ каждаго удара, врывавагося въ ея стройный остоветъ, отъ каждаго скрипа гбквхъ, уходящихъ въ небо мачтъ...

Глазъ моряка часто по мѣсяцамъ не видитъ отраднаго берега; за то никто такъ живо не чувствуетъ всѣхъ красотъ твердой земли, какъ онъ; никто не хватается съ такимъ бѣшенствомъ за всѣ позволенныя и невозможныя наслажденія, представляемыя ему бойнымыъ населеніемъ портового города, за трудовое золото, которое накопилося въ кошелькѣ въ-продолженіе кампаній. Какъ прекрасенъ этотъ дивный, неуловимый морякъ лицомъ — къ — лицу съ *цивилизованнымы* ростовщиками, купцами, прелестницами всѣхъ націй! какъ торопливо, какъ жадно тѣшится онъ запретнымыъ плодомъ: пить, играть, вѣжиться, покуда не взовется на корабль сигналъ къ отплытію...

Но вотъ подходитъ корабль къ давно-ожидаемому берегу: какой теплый ландшафтъ выступаетъ изъ-подъ пера Сю—будь то роскошный берегъ Прованса, въ благоуханную лѣтнюю ночь: матросы тайкомъ ушли съ корветки и ивруютъ за городомъ, покуда не схватится за ноги съ провансалами...; или берега Малой-Азіи, Смирна, великолѣпный городъ Востока, городъ золота и солнца, городъ зеленыхъ и красныхъ кіосковъ, мраморныхъ фонтановъ, брызжущихъ прозрачною во-

дой, наполненной ароматами, городъ осыненный пальмами и смоковницами, городъ опиума и кофе, городъ въ полномъ смыслѣ слова... (*)

И отъ этого земнаго рая, бѣдный эникуреецъ будетъ оторванъ съ первымыъ попутнымыъ вѣтромъ, для того, чтобъ плыть дальше по невѣдомому назначенію морскаго министерства, въ какой-нибудь чумный, унылый портовой городокъ, и тамъ, можетъ-быть, умереть въ судорогахъ въ карантинѣ!..

Жизнь моряка по совершенной противоположности съ жизнью осѣдлою, имѣетъ свои очевидныя и невыгодныя послѣдствія. Если человекъ, выросшій на палубѣ и не разъ перешедшій тропики, морякъ любовательный и сдурившійся съ своимъ бытомъ, совершенно утрачиваетъ склонность къ неприличной семейственности и взаимнѣй того усвоиваетъ прекрасное качество — общительность и признаніе единства интересовъ того кружка, къ которому онъ принадлежитъ на основаніи единства цѣли, ихъ связующей, если онъ исполнительъ въ трудѣ, терпѣливъ въ невзгодахъ, безстрашенъ въ опасностяхъ, за то вътъ ничего удивительнаго, что онъ, если не навсегда утратилъ способность къ въкоторымыъ прекраснымыъ человѣческимъ чувствамыъ, то по-крайней-мѣрѣ отзывается о нихъ съ ироніей и насмѣшкой. Женщина, досозданная и возвеличенная современнымыъ образованнымыъ обществомыъ—для него не существуетъ. Онъ знаетъ только одну женщину — мать, которую оставилъ еще ребенкомъ; когда же выросъ на-стойко, что женщина получала для него иное значеніе, тогда она являлась ему только въ образѣ тѣхъ, едва-промелькнувшихъ въ его жизни эфемерныхъ созданій, въ которыхъ онъ бывалъ влюбленъ, которыя его ласкали, дурачили, обирали, а можетъ-быть и въ-самомъ-дѣлѣ любила за молодость и неистраченные силы, до перваго попутнаго вѣтра.

(*) La Salamandre. Chapitre XXVII. *Buono Viage.*

Таковъ является Сю въ своихъ морскихъ романахъ. Вѣроломство женщины—любимая его тема, точно такъ же, какъ и непрочность отношеній, основанныхъ на чувствѣ. Обыкновенно, страшные герои его кровавыхъ разсказовъ, до поднятія занавѣса любили юную дѣву всѣми силами души, адресовали къ ней всѣ помысленія, берегли для нея поцалуй и улыбку. Но далѣе всегда оказывается, что означенныя дѣвы болѣе склонны любить такого человѣка, который не берегъ своихъ улыбокъ, поцалуевъ и страстныхъ обѣщаній, любилъ много разъ въ своей жизни, съ утратою юношеской свѣжести, способности увлеченія и самопожертвованія, во взаиміи того людей самосознающихъ и постигающихъ вполне смыслъ каждаго произносимаго ими слова—людей бережливыхъ на чувство, осторожныхъ въ своихъ изліяніяхъ, и потому самому требующихъ преданности и ничего съ своей стороны не обѣщающихъ. Юноша, на основаніи такого простаго и натурального факта, терзается, кланяетъ судьбу, и нерѣдко дѣлается презлымъ человѣкомъ, находитъ удовольствіе въ очень-умныхъ сарказмахъ на жизнь и людей вообще и на женщинъ особенно, и въ очень-вредномъ употребленіи опиума или просто вина въ значительномъ количествѣ... Одинъ принимаетъ за формулу всей своей жизни слова *s'attendre à tout, pour ne s'étonner de rien*, другой стоитъ на томъ, что «золото единственный двигатель въ человѣческомъ обществѣ», всѣ же вообще придерживаются той мысли, что на свѣтѣ *добродѣтель страждетъ, а пороки торжествуютъ*.

Не смотря на недоказательность этого положенія, нельзя не согласиться, что, вѣруя въ него искренно, Сю приводитъ читателя къ суровому убѣжденію въ *дѣйствительности зла*, и странно было бы назвать такое убѣжденіе неосновательнымъ, а гнѣзъ болѣе опаснымъ, безнравственнымъ. Сю съ-молода сильнѣе другихъ прочувствовалъ ту мысль, что ни энергія, ни благость,

ни любовь, ни дружба не обезпечиваютъ человѣка отъ бѣдствій и не могутъ служить ручательствомъ за послѣдующіе его поступки—за то, что когда-нибудь онъ не окажется самымъ злостнымъ, самымъ возмутительнымъ человѣкомъ, что въ немъ не отравится въ увеличенномъ видѣ всѣ злодѣянія, отъ которыхъ нѣкогда пострадалъ онъ самъ...

Эта мысль важна именно потому, что она доказываетъ непрочность личныя, индивидуальныя добродѣтели и ведетъ прямо къ тому убѣжденію, что законъ добродѣтели и обезпеченности человѣка заключается въ организаціи общества. Сю выразилъ эту мысль какъ поэтъ, не *доказавъ* ее, но *пластически*, и если она повторяется во всѣхъ его морскихъ романахъ отъ «Саламандры», «Плика и Пломъ» до «Артюра», то это доказываетъ, что она пришла къ нему по силамъ и притомъ безъ сомнѣнія имѣетъ нѣкоторую важность, потому что ею опредѣляется дѣятельность первыхъ годовъ таланта писателя.

Въ «Артюра», который былъ написанъ въ 1839 году, Эженъ Сю попробовалъ переимѣнить мѣсто дѣйствія, отъказался отъ любовныхъ ему корабля и океана, и вышелъ на твердую землю. Но въ этомъ первомъ опытѣ онъ еще является неопытнымъ морякомъ. Та же *profession de foi* господствуетъ и въ этомъ романѣ; но Сю какъ-то трудно ладить съ обществомъ гостей: на первыхъ порахъ онъ оказывается плохимъ знатокомъ сердца женщины, и, кромѣ прекраснаго эпизода любви Артюра и *M-me de Senafiel*, романъ вообще слабъ: Сю задалъ себѣ нѣсколько трудныхъ психологическихъ задачъ, утомился рѣшеніемъ ихъ, выникъ въ скучныя, мелочныя описанія всѣхъ страннѣйшихъ и важнѣйшихъ занятій своего героя, и, чтобъ отдохнуть какъ-нибудь, нарочно вывелъ его въ море, нарочно выдумалъ для него фантастическую экспедицію на фрегатѣ, сооруженномъ самимъ Артюромъ (денегъ у героя, какъ водится, вдоволь), ведетъ его на сраженіе

ие, и тутъ опять слышится пѣснь лебедя: еще разъ встрѣчаемъ страницы того же пламеннаго, боелюбиваго мотылька, того же страстнаго совершанія влчественной картины океана, — да въ идуть интриги за интригой, странность за странностью, одна другой не раздоподобнѣе. И весь этотъ рассказъ кончится опять къ тому, что если не въ обществѣ людей, то въ самомъ челоѣкъ, какъ бы хорошъ онъ ни былъ, съ начало зла, вѣчно работающее въ немъ, ваталивающее его на паугу, отравляющее ему лучшія минуты жизни. Артуръ — это Чайльд-Гарольдъ Эжена Сю.

Съ лѣтами, умный челоѣкъ нашего времени неминуемо долженъ оставить первоначальное убѣжденіе въ несправедливости зла, и, признавъ существованіе зла за фактъ несомнѣнный, дать въ себѣ мѣсто другому убѣжденію, именно, что въ сложномъ механизмѣ общества и въ нашей жизненной путаницѣ всегда можно отыскать смыслъ, согласить все, по-видимому, противорѣчація одно другому явленія, и чрезъ весь хаосъ золь и бѣдствій, безпрестанно обрушивающихся на страдающее большинство челоѣческаго населенія, провести разумную мысль, не столь скорбную и юношески-сокрушительную: много на свѣтѣ зла; но челоѣкъ сильный и любящій, не оставаясь безвольнымъ совершателемъ печальныхъ явленій общественной жизни, путемъ тяжелаго опыта находить положительныя способы улучшенія собственнаго положенія, и, пристрастно научая мало-утѣшительную действительность, предусматриваетъ счастливую будущность челоѣчества.

Къ такой мысли невольно приводитъ читателя послѣдующими романами Сю, въ особенности Парижскимъ Тайнами. Виѣсто нескончаемой протестаціи на господство зла и безотрадность жизни, если только будемъ въ нее всматриваться (и не пить опиума!) и анализировать каждое явленіе, — авторъ «Саламандры» поставилъ се-

бѣ задачею изобразить въ широкихъ рамкахъ всю бездну несчастій, тяготящихся надъ классомъ немущихъ, безотвѣтныхъ предъ закономъ, малолѣтныхъ, лишенныхъ воспитанія, слабоумныхъ, больныхъ и всей многочисленной страдающей братіи. Парижъ доставилъ ему богатый матеріалъ, и чего не находили мы въ его знаменитомъ романѣ! Въ какомъ рубщикѣ, въ какихъ струнычѣ, въ какой обилной наготѣ предстаютъ предъ нами существа, прекрасныя по своей природѣ! Кто не содрогнется отъ ужаса, читая, напримеръ, описаніе ареста несчастнаго Мореля, брѣшлянчика? Можетъ ли быть что-нибудь возмутительнѣе брака прекрасной д'Арвилъ съ челоѣкомъ воспитаннымъ, богатымъ, благороднымъ, но одержимымъ падуchoю болѣзнію?... Всѣмъ извѣстно, какое могущественное впечатлѣніе произвелъ въ обществѣ этотъ романъ, составившій славу Эжену Сю и поставившій его во главѣ современныхъ беллетристовъ; но какъ не сознаться, что, виѣстѣ съ поворотомъ въ понятіяхъ Сю, оказался и прямой упадокъ его поэтическаго дарованія? Не по силамъ прилисли ему великія социальныя тѣмы, и въ изображеніи челоѣческихъ золь и болѣзней онъ только тамъ и прекрасенъ, гдѣ приходится ему рисовать картину бѣдствія, доведеннаго до послѣдней степени, бѣдствія, при мысли о которомъ книга выпадаетъ изъ рукъ и долго не можешь одуматься... Но это сбѣлалъ Сю для того, чтобы помирить челоѣка съ жизнью, преисполненною страданій, но все-таки прекрасною. Чѣмъ доказалъ онъ неосновательность юношеской своей формулы: *зло господствуетъ на землѣ*? Онъ вывелъ цѣлый рядъ людей мудрыхъ и непогрѣшимыхъ въ своихъ поступкахъ, невредимыхъ въ геройскихъ подвигахъ, охраняемыхъ таинственными, безусловно-преданными имъ лицами втораго порядка. Въ-сгдѣ за ними изобразилъ онъ цѣлую фалангу исполнителей добродѣтели и порока, людей, никогда не падающихъ, никогда не измѣняющихъ однажды навсегда

задуманному благому намеренію или злону умыслу. Въ заключеніе награды всѣхъ пострадавшихъ сторичею, подвелъ подъ гильотину или уморилъ еще ужаснѣйшимъ образомъ всѣхъ жившихся въ наличности злодѣевъ, которые еще не успѣли въ продолженіе рассказа перерѣзать другъ друга, а въ II части, героя своего, Родольфа, стоящаго превыше всѣхъ смертныхъ, сочелъ бракомъ съ очень-милою дамочю, въ общему удовольствію нѣжныхъ читателей, и такимъ образомъ явился партизаномъ другой формулы: *добродетель ея мѣръ торжествуетъ, а пороки всегда бываютъ наказаны.*

Прекрасно! Но изъ романа Сю оказывается, что порокъ наказывается отъ руки Родольфа, или друзей и безпродолжительныхъ исполнителей его велѣній: Мура, Давида, Шуринера и друг.? А что стало бы съ интересными страдающими его повѣсти безъ этого рыцаря угнетенной невинности? Доказалъ ли онъ ясно, какъ день, что наказаніе за преступленіе заключается уже въ самомъ преступленіи, и что, дѣлая зло, человекъ наноситъ величайшее зло самому-себѣ? Или, наконецъ, рѣшилъ ли онъ вопросъ, подъ вліяніемъ чего развились идеальные злодѣи въ родѣ Феррана или, что еще непонятнѣе, въ родѣ Сесилии?—Авторъ не даетъ отвѣта.

И странно, утрированные характеры прежнихъ романовъ Сю производили несравненно-болѣе впечатлѣнія! Почему? потому-что они создались безъ усилий, безъ задней мысли врачевать общество...

Изъ всего этого можно заключить, что поэтическая дѣятельность Сю кончилась съ его послѣдними морскими романами, — а на поприщѣ социальнаго писателя первые опыты его имѣли огромный успѣхъ еще въ-слѣдствіе послѣднихъ проблесковъ угасающаго таланта. Первое условіе бельетристическаго романа — воспроизведеніе дѣйствительности, а въ «Парижскихъ Тайнахъ», романъ чрезвычайно-длиною, хотя и нравственною, можно найти много имѣть спл-

санныхъ съ природы; сверхъ-того, книга имѣетъ еще достоинство, а несоставляющее условія хорошаго мана: многія положенія уголовнаго полицейскаго права разобраны съ безпристрастіемъ и глубокою емъ человека, проникнутаго любовью къ человечеству. Эти краснорѣчивыя страницы, внушенные Сю наизусть сочиненіемъ Паранъ-Дюшатлѣ: *De prostitution dans la ville de Paris*, или отголосокъ во французскомъ и вительствѣ, — а такая услуга сто всякой другой.

Но до появленія «Парижск Тайнъ», Сю подарилъ публику проведениемъ, рѣзко разграничившимъ риды его литературной дѣятельности это сочиненіе послужило намъ докъ высказать свое мнѣніе объ этомъ писателѣ. Мы говоримъ о немъ многоимномъ и весьма-поучительны его романъ *Mathilde ou téméraire d'une femme*, который дѣтъ семь разъ очень читался, а теперь забытъ и однакожь вышедъ нынче въ русскомъ переводѣ.

Какъ фактъ въ литературной дѣятельности Сю, «Матильда» заслуживаетъ вниманіе, хотя въ этомъ романѣ болѣе нежели гдѣ-нибудь, преобладаютъ всѣ недостатки этого романиста и не оказывается обыкновенныхъ достоинствъ. Одно дѣльное замечаніе можно вывести изъ этого сатирическаго и дѣтски-надменнаго романа (смотря на то, что въ злодѣяхъ и умсахъ и тутъ имѣтъ недостатка), и то вопреки мысли, руководившей Сю въ созданіи его, — именно: характеръ Матильды ясно показываетъ, какое глубокое вліяніе можетъ имѣть марсельское воспитаніе на самое лучшее общество въ свѣтѣ.

Матильда, справедливо названная одной пародіи *malheureuse par profession et pleurichieuse par tempérament* хотя и изображена стараниями г. Со со всѣми совершенствами и проделками, но въ рѣчахъ и поступкахъ ея постоянно оказывается отсутствіе той самородной энергіи, той оцмъ литературы

которая преимущественно правится въ человѣкъ людямъ натуральнымъ. Разбравъ умные отвѣты и благородные поступки этой цѣвнино-страждущей и современно-награжденной героини, такъ-разъ различишь то, чего ни подъ какимъ видомъ не сказала и не сдѣлала бы она въ дѣйствительности, но что заставилъ ее сдѣлать авторъ, — и то, что въ самомъ дѣлѣ вытекаетъ изъ сущности ея характера добраго, но загнаннаго и обезличеннаго. Матильда — это абстрактъ, фамильная добродѣтель въ отвѣченіи. Желающіе да научатся!

Поэтому-то и неудивительно, что даже пустынкія дѣвочки готовы стоять за Урсуду и отзываются о добродѣтельной Матильдѣ съ скептическимъ равнодушіемъ.

Читая этотъ романъ, невольно подумаешь, что Сю раскаялся и плакался горько о прежнихъ своихъ никого-неугодящихъ и вовсе-несмиряющихъ духъ «Саламандрахъ», «Корсарахъ» и пр., и потому, на первыхъ порахъ, прежде чѣмъ основался съ новымъ своимъ вѣроваемъ, успѣшилъ внушить своимъ читателямъ успокоительную мысль, что все дѣлается къ лучшему, что на свѣтѣ добрыхъ людей много, что Богъ не безъ милости, такъ-что иной прекрасный юноша, плѣняясь воспитаннымъ, благороднымъ и храбрымъ Ронгюномъ, щедрымъ и богатымъ лядюшкой Мортелемъ, черезъ чуръ добрымъ, простодушнымъ Семеренемъ и исполненіемъ желаній всѣхъ благомыслящихъ людей многочисленнаго персонала, выведеннаго г-мъ Сю, — рѣшительно укрѣпится въ оптимизмъ и махнетъ рукой на анализъ съ его послѣдствіями. Спрашивается: для чего жь читать такую книжку? Спросите лучше, для чего переводить романъ въ тринадцать частей, изъ котораго только и узнаете, что все на свѣтѣ дѣлается къ лучшему? Наконецъ, съ какою стати платить за такой романъ, въ русскомъ переводѣ, 4 рубля серебромъ? — и еще за переводъ, въ которомъ слишкомъ-часто попадаются фразы въ родѣ слѣдующихъ:

«Находась посреди мыслей, отъносился къ предметамъ столь ему извѣстнымъ, г. Семерень выражался свободно» и пр. (Часть V, стр. 29).

«Я была очень удивлена этой шуткой». (Ч. V, стр. 55).

«Я собольноговала къ ея моральнымъ страданіямъ». (Ч. V, стр. 77).

«...у меня достаеа силы, погребетъ себя въ скучную и низкую (?) жизнь (??!), чтобъ дать моему мужу время приобрести такое богатство, которое могло бы удовлетворить вкусу моему къ рококамъ», и проч. (Ч. VIII, стр. 3).

«Требуйте отъ меня все возможные жертвы». (Ч. VIII, стр. 44).

«...случай не вонце отдалъ вамъ душу мою (!), я вами только и существую» (Ib. стр. 45).

«...вы не могли обходиться со мною иначе, и потому-то вы не имѣли ни жалости, ни прощенья» (!). (Ib. стр. 80).

«Матильда... стала искать его (письмо) между своею персическою» (Ч. XIII, стр. 171).

«Безполезно описывать глубокою (?) счастіе и святость (?) упоеніе, присутствующае при этомъ бракѣ».

Видно, это-то и называютъ надатели переводомъ нересмотрѣннымъ и исправленнымъ!

Лучше всего цѣну этого произведенія для русской публики знали надатели, и потому изъ предосторожности, на заглавіи поставили: «Матильда, сочиненіе Сю, автора «Парижскихъ Тайнъ» и «Вѣчнаго Жида».

90) Черкешенка. Романъ Александра де-Лаверня. Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ. 1846. В 8-ю д. л. 131 стр.

Мы всегда радуемся появленію романовъ и повѣстей, сообщаящихъ читателямъ какія-нибудь полевыя свѣдѣнія, хотя бы эти произведенія и не заключали въ себѣ замѣчательныхъ художественныхъ достоинствъ. Прогнанники несистематическаго распространения образованности посредствомъ легкой литературы поморщатся отъ этихъ словъ; они называютъ вреднымъ

хлагомъ всю эту массу отрывочныхъ свѣдѣній, случайно приобретаемыхъ известнымъ классомъ любителей легкаго чтенія, и мечтаютъ о средствахъ къ составленію и распространенію въ публикѣ систематическихъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній. Совсе не имѣя странной претензіи доказывать преимущество отрывочныхъ свѣдѣній предъ систематическимъ знаніемъ, и раздѣляя отъ всей души желаніе помянутыхъ господъ — видѣть на русскомъ языкѣ популярныя и отлично-составленныя руководства къ всевозможнымъ наукамъ, мы думаемъ, однакожъ, что и отрывочныя свѣдѣнія, разливаемые въ обществѣ бельетристичкой, приносятъ ему огромную, хотя и мало замѣтную пользу, и что въ нѣкоторомъ отношеніи этотъ способъ просвѣщенія массъ гораздо-дѣйствительнѣе и обширнѣе въ своемъ дѣйствіи, чѣмъ самыя совершенныя курсы. Спрашивается: много ли найдется въ толпѣ людей, лишенныхъ образованія, такихъ, которые страдаютъ отъ этого недостатка, и такихъ, которые чужды ложнаго стыда — въ вѣрлыхъ лѣтахъ взять въ руки учебное руководство и превратиться въ школьникъ? Да и то сказать, у многихъ не хватитъ и терпѣнія выучиться въ тридцать, сорокъ лѣтъ тому, что такъ легко дается въ дѣтствѣ и въ юности. То-то я есть, что такіе люди будутъ исключеніями изъ большинства: поэтому нечего останавливаться на тѣхъ средствахъ, которыя только для нихъ и годятся; еще болѣе несправедливо унижать тѣ изъ нихъ, которыя, если не такъ роскошны, то по-крайней-мѣрѣ ужъ несравненно-болѣе по плечу большому числу грамотныхъ. Между этими мѣрами первое мѣсто занимаетъ бельетристика, а между бельетристическими произведеніями — романъ, повѣсть и драма. Талисманъ этого рода сочиненій заключается, разумѣется, въ сказочномъ интересѣ, до котораго обыкновенно лакомы люди необразованные или малообразованные. При чтеніи белье-

тристическихъ произведеній всагнѣно схватываютъ они урывками разрозненныя свѣдѣнія, и какъ бы то ни было, по понятіямъ и потребностямъ своимъ становятся мало-по-малу гораздо-выше тѣхъ, которые ровно ничего не читаютъ. Частотн отрывочныя свѣдѣнія, доставшіяся имъ путемъ легкаго чтенія, подстрекаютъ ихъ любопытство самую своею недостаточностью, и по-крайней-мѣрѣ поселяютъ въ нихъ глубокое уваженіе къ полному знанію. Будьте увѣрены, что человѣкъ, пристрастившійся къ легкому чтенію, непремѣнно пожелаетъ, чтобы сынъ его былъ образованъ какъ-можно-лучше. Иногда онъ, пожалуй, и поворчитъ за ученость, но это просто отъ достойной уваженія досады, что у самого ея немного.

Романъ г. де-Лавернья — весьма посредственное произведеніе, если снотрѣть на него со стороны художественности: нѣтъ въ немъ ни живыхъ характеровъ, ни искусно-выдержанныхъ сценъ; но занимательность завязки, а главное, очень-вѣрное изображеніе одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ новой исторіи — именнo, эпохи регента Филиппа Орлеанскаго, — ставятъ его выше большинства романовъ, переведенныхъ на русскій языкъ безъ разбора.

Языкъ переводчика не отличается ни изяществомъ, ни безукорывленною правильностью.

91) Музей Современной Иностранной Литературы. Санктпетербургъ. 1847. Въ тѣмъ. Е. Фишера. Въ 8-ю д. л. 56 и 128 стр.

Тысяча-первое превращеніе покойной «Библіотеки Романовъ», начавшейся съ незапамятныхъ временъ — съ 1782 года, въ Москвѣ, подъ именемъ «Городской и Деревенской Библіотеки», перенатой потомъ, уже послѣ Петербургомъ въ 1833 — 1834 годахъ, снова появившейся въ Москвѣ, въ издавіи книгопродавца Улитина, опять переѣхавшей въ Петербургъ подъ названіемъ «Карманной Библіотеки».

«Экономической Библиотеки» и пр., въ мильяторныхъ книжечкахъ, и наконецъ распахнувшейся теперь широкими листами подъ громкимъ именемъ «Музея Современной Иностранной Литературы». Видно, у насъ много охотниковъ до романовъ, если всѣ эти предприятия такъ ревностно бѣгутъ другъ за другомъ. Но отъ-чего же всѣ они бывали такъ кратковременны? Подождали ли они публики? утомлялись ли сами издатели?—Богъ-знаетъ. Но сколько ни было въ нашей памяти попытокъ издавать эти собранія романовъ, повѣстей и пр., — всѣ онѣ какъ-то скоро прекращались. Да не будетъ того же и съ новымъ «Музеемъ»!

Изданіе это, какъ говоритъ программа, раздѣляется на два отдѣла, которые будутъ издаваться выпусками въ четыре печатные листа каждый. Первый отдѣлъ будетъ заключать въ себѣ романы, второй «повѣсти, рассказы, новеллы (тѣ же повѣсти?), анекдоты и мелкія литературныя статьи, помѣщаемыя въ фельетонахъ иностранныхъ журналовъ и въ литературныхъ сборникахъ, или выходящія за границу отдѣльными брошюрами». Въ первомъ отдѣленіи нумерація страницъ будетъ отдѣльная для каждого романа. Когда переводовъ романовъ одного и того же писателя будетъ издано столько (въ какое бы то время ни пришлось), что можетъ составиться томъ отъ 16 до 20 и болѣе листовъ, редакция доставитъ немедленно *приобретателямъ* для каждого такого тома: биографическую статью объ авторѣ и его сочиненіяхъ, заглавные листы, оглавленіе, обертку и указаніе для переплета.

Все это прекрасно; только зачѣмъ же программа, еще ничего не вида, называетъ будущихъ читателей или покупателей «Музея» — *приобретателями*? Вѣрно, она забыла то опредѣленіе, какое далъ Гоголь этому слову въ «Мертвыхъ Душахъ», охарактеризовавъ имъ Павла Ивановича Чичикова...

Такимъ-образомъ (продолжаетъ программа), *первое отдѣленіе* Музея составитъ Библиотеку Романовъ, которая, пополняясь постоянно въ-теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, доставитъ переводы лучшихъ произведеній всѣхъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ писате-

лей, не смѣшанно, но отдѣльно по авторамъ расположенные, въ одинаковомъ, вѣстательномъ, удобномъ форматѣ и въ прекрасномъ изданіи, а второе отдѣленіе — Библиотеку Повѣстей, Рассказовъ и пр.

Что сказать обо всемъ этомъ? — Больше ничего не говорить и сами издатели... Остается развѣ замѣтить, что мы не нашли въ первомъ выпускѣ одного изъ свойствъ изданія — именно «прекраснаго направленія», обѣщаннаго программой. Не то, чтобъ направленіе «Музея» было дурно или что-нибудь такое... о, нѣтъ! избави Боже! А просто въ «Музее» нѣтъ рѣшительно никакого направленія. Даже романъ Диккенса, «Сверчокъ», прекрасный въ художественномъ отношеніи, съ этой стороны не имѣетъ ничего замѣчательнаго. А ужъ что касается до рассказовъ «Глазъ», «Хосе-Хуанъ» и проч., то и художественность большей части изъ нихъ еще подлежитъ величайшему сомнѣнію.

92) О Всенародномъ Распространеніи Грамматности въ Россіи на религиозно-нравственномъ основаніи. Книжка вторая. Москва. Въ университетской тип. 1846.

Почтенный авторъ лежащей передъ вами брошюры, не принадлежа къ поклонникамъ Запада, совѣтуетъ, однакожь, искренно и сильно, распространять грамоту всенародно. Отсюда и видно, что послѣдователи Востока не совсѣмъ konsekventны въ своемъ ученіи, или существуетъ столько же возрѣвѣній на Востокъ, сколько умовъ.

Въ двухъ пунктахъ мы совершенно согласны съ почтеннымъ авторомъ брошюры, и оба искренно уважаемъ. Одинъ — прекрасное побужденіе, которымъ онъ руководствуется, говоря о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи. Это побужденіе — любовь къ отечеству, любовь къ тому классу общества, который всего больше требуетъ любви, желаніе внести свѣтъ и въ хижины. Кто лишень способности сочувствовать этому желанію, съ тѣмъ нечего говорить. Второй пунктъ, на которомъ мы сходимся съ почтеннымъ авторомъ, есть тотъ, что учить крестьянъ грамотѣ надобно

и надобно. Это ясно каждому, как бы ни утѣряли насъ въ противномъ.

Но мы не согласны съ г. Масловымъ въ мнѣніи о тѣхъ сдѣланныхъ, которыхъ онъ ожидаетъ несомнѣнно отъ предлагаемаго ученія, въ понятіи о тѣхъ плодахъ, которые возрастутъ, по его мнѣнію, изъ посѣянныхъ сѣмянъ. • Ученье, соединенное съ трудолюбіемъ и нравственно-религіознымъ воспитаніемъ • говоритъ авторъ — • вотъ • чего требуетъ народное образованіе. Справедливо; но такое ученье прилично не однимъ крестьянамъ, а всѣмъ живущимъ въ мірѣ. • Образованіе. — говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ брошюры — прилично назначенію каждаго класса работающихъ, соединенное съ трудолюбіемъ и съ правилами исповѣдуемой вѣры, введенными, чрезъ исполненіе ихъ, въ привычку, которая есть вторая натура — вотъ единственное основаніе народной нравственности. Опять справедливо; но это основаніе необходимо каждому классу общества, не однимъ земледѣльцамъ, промышленникамъ и фабричнымъ.

Каждое ученіе хорошо лишь тогда, когда оно не остается только ученіемъ, но переходитъ въ дѣло, въ жизнь, точно такъ же, какъ нравственность прочна только въ томъ случаѣ, когда она не обязана измѣнять своей сущности при переходѣ изъ одного мѣста въ другое, изъ яснаго сословія въ высшее и наоборотъ. Но если жизнь противорѣчитъ на каждомъ шагѣ словамъ книги, если одни и знать не хотятъ той нравственности, которую считаютъ чистѣйшею для другихъ, тогда или надобно жить иначе, или учиться не тому. Такъ, на-примѣръ, высшій законъ человѣческихъ дѣйствій внушаетъ намъ «не дѣлать того другимъ, чего не хочешь себѣ», или «какъ желаешь, чтобы другіе съ тобою поступали, поступай и ты также съ ними» (стр. 26). Я знаю этотъ законъ, и вамъ онъ очень-хорошо извѣстенъ; однакожь оба ли мы равномѣрно исполняемъ его? Я, частію по собственному произволу, частію по невозможности, не дѣлаю вамъ того, чего не желаю себѣ; вы же, по волѣ и по возможности, поступаете со мной такъ, какъ не хотите, чтобы поступали съ вами. У меня въ рукахъ только отрицатель-

ный способъ нравственнаго дѣйствія: у васъ и отрицательный и положительный. Я, относительно васъ, существъ зависящее и пассивное: моя нравственность немного надѣлаетъ подвиговъ, вы, относительно многихъ, существъ активное, и ваша безнравственность сотворитъ много проказъ. Ковчею моя чистая совѣсть послужитъ мнѣ утѣшеніемъ, но останавливаться на одномъ утѣшеніи — мало. Вы хотѣли только отирать мои слезы, а я требую веселія, удовольствія, радости. Забота о чистотѣ моей совѣсти, по заботѣ хоть немного о моемъ счастьи — сначала вышнемъ, въ естественномъ, безъ котораго мнѣ въ ученье не пойдетъ въ голову, а потомъ о внутреннемъ — о счастьи ума и сердца.

Вотъ что мы думали, читая и перечитывая благонамѣренную брошюру г. Маслова. Не напрасно возвращается онъ къ мыслямъ, высказаннымъ прежде, повторяетъ и поясняетъ ихъ: предметъ такъ важенъ, что трудно въ разсужденіи объ немъ выйти, безъ въпросительныхъ знаковъ, совершенно рѣшившимъ всѣ недоумѣнія. Твердая мысль требуетъ твердаго основанія, а есть такія основанія, которыя никогда не увядаютъ мысли...

93) *Житіе и Писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго. Съ присовокупленіемъ предисловія на книгѣ Св. Григорія Синаита, Филовея Синайскаго, Исидора Пресвитера и Нила Сорскаго, сочиненныхъ другомъ его и сподвижкомъ, старцемъ Василіемъ Полномерульскимъ, о умной трезвеніи и молитвѣ. Изданіе Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Москва Въ университетской типографіи 1847. Въ 8-ю д. л. 318 стр.*

Издатель этой книги говоритъ въ предисловіи, что подвиги, наставленія и писанія старца Паисія имѣли великое вліяніе на російскіе монастыри; ибо многіе изъ Россіянъ, ищущихъ спасенія и отречшихся міра, странствуя въ Палестинѣ, Афонской Горѣ и Молдавіи, находили въ обителяхъ его величайшую душевную пользу, научаясь, примѣромъ его жизни и наставленій, подвигамъ монашескимъ и внутреннему дѣланію умной молитвы. По возвращеніи въ Россію, они передавали пробрѣтенное ими духовное сокровище и

ругихъ — нѣкоторые, начальствуя надъ обителями, а нѣкоторые находясь въ числѣ братства.

По словамъ того же предисловія, не менѣе подвиговъ и наставленій устныхъ, способствовали къ распространенію духовнаго просвѣщенія и книжные труды Пансіа, переводы отечественныхъ писаній, нѣзъ которыхъ нѣтъ вовсе не были переведены на славянской языкъ, а переводъ другихъ такъ былъ перевъ и во многихъ мѣстахъ искаженъ ошибками, что сдѣлался почти неудобопонятнымъ; старецъ Пансіій испранилъ его по греческимъ подлинникамъ со всевозможною тщательностью. Въ переводѣ съ греческаго книга *Добротолубіа*, о въ которой собраны писанія 24 Богомудрыхъ отцевъ и сподвижниковъ, руководствующихъ къ высшему христіанскому любомулю, кониъ очищается, просвѣщается и возводится къ соединенію съ Богомъ христіолюбивая душа посредствомъ *внутренней, дѣятельной и созерцательной молитвы, непрестанно совержаемой умомъ въ сердце*. Гавриилъ, митрополитъ санктпетербургскій, уважавшій отца Пансіа, желалъ издать въ свѣтъ эту книгу и неоднократно просилъ его о томъ; но старецъ долго не рѣшался на это, частію по чувству смиренія, частію по опасенію, чтобъ люди самоудѣльные не стали превратно толковать содержащееся въ ней ученіе. Наконецъ, ученикъ старца, Аванасій, доставилъ митрополиту и греческій подлинникъ и старцевъ переводъ, который, по рассмотрѣніи его людьми, знающими греческій языкъ, напечатанъ въ первый разъ въ 1793 году, потомъ, вторымъ изданіемъ, въ 1822, и третьимъ въ 1832 г. Кромѣ *Добротолубіа*, старецъ Пансіій перевелъ книгу учителя внутренней жизни, св. Исаака Сирина. Сверхъ-того хранятся въ рукописяхъ изъясненные имъ древніе славянскіе переводы писаній Макарія Великаго, Іоанна Лѣтвачиника, св. Варсаногія, Фалассія и Симеона новаго Богослова, а нѣзъ санихъ переведенныхъ книгъ: Максима Исповѣдника по вопросу и

отвѣту, Феодора Студита, житіе Григорія Синаита, слова Григорія Паламы и другія.

Въ первомъ писаніи старца Василія, въ предисловіи на книгу св. Григорія Синаита, разсуждается объ умномъ безмолвіи, иначе о *дѣлательной умной молитвѣ, или молитвѣ зрительной и духовной*, которая противопоставляется моленію внѣшнему, состоящему единственно въ пѣніи псалмовъ, тропарей и каноновъ. Пѣсенное моленіе, говоритъ старецъ Василій (стр. 103), *«ва-помощь и младенчество ума нашего — предаша намъ Отцы на время, аю до — пошалу обучающеса, восхедимъ на — стениъ умнаго дѣланія, а не до кон-чины на томъ пребудемъ»*. Любопытны, въ этомъ ученіи о соверцательной молитвѣ, нѣкоторые психологическія возвращенія, которыя мы выпишемъ слово въ слово (стр. 113 и 114):

«Удивленія и ужаса достойно и сіе, како мѣдши мѣдушіи Писаніе, не испыту-ютъ сего: друзія же, ниже вѣда, ниже вопрошаа, дерзають своимъ разумомъ на сіе умное вниманіе, еще же и глаголють, яко вниманіе и молитва въ части желательной должно дѣйствовать; то бо глаголють есть среда чрева и сердца: се же есть первая и самоизвольная прелесть. Не точию бо молитвы и вниманія въ сей части не подобаеть дѣйствовать, но и самую ту теллоту, приходящую отъ похотныхъ части на сердце въ часть молитвы, весьма не примати. Среда же глаголется чрева самое то сердце, по святому Феофилактору, а же не при пупѣ, ни посредѣ персей, но подъ лѣвымъ сосцемъ имать свое мѣсто. Тако бо растиниеса тричастное души: словесное въ персѣхъ; яростное или ревностное въ сердцѣ; желательное же въ чреслахъ при пупѣ, къ нему же и діаволь имать удобный входъ, по Іову: воспѣнія то и разжизаа, аки пѣявица и жабы во озерѣ блатномъ, имѣя пищу и наслажденіе похотную сладость. Сего ради рече Григорій Синаитъ: нужда не мала, еже достигнути истину явственнѣ, и чисту быти отъ сопротивныхъ благодати, яко во образѣ истинны въ новоначальныхъ паче обыче діаволь прелесть свою показовати, преобразуа лукавая своя, аки духовна: ина въ-сто мныхъ вутрь естественныхъ чреслъ

преобравя, яко же хощеть, мечтательнѣ: и вмѣсто убо теплоты свое жженіе наводя, вмѣсто же веселія радость безсловесную и сладость мокротную принося. Полезно же мнитсѣ и о семъ дѣлателю знати, яко жженіе или теплота отъ чреслъ исходитъ къ сердцу, овогда сама о себѣ, кромѣ помысловъ блудныхъ, естественнѣ. И сія не суть прелесть, но естества, рече Святый Каллистъ Патріархъ. Аще же имать кто и сія, яко отъ благодати суть, а не отъ естества, се есть востынину прелесть. Сія же, рече, какова суть, потребно есть подвизающемуся небреши о сихъ, но отсмѣати. Овогда же, смѣшивши діавольное свое жженіе, съ похотію нашею, привлекаетъ умъ въ блудныя помыслы: и се есть прелесть несомнѣнно. Аще же тѣло все растеплѣвается, и умъ есть чистъ и безстрастенъ, и аки бы прилѣпленъ есть, яко же покрыватсѣ ему во глубинѣ сердца, начинающа и кончающа молитву въ сердцѣ: се востынину отъ благодати, а не отъ прелесть.»

Правила, какиимъ образомъ умъ долженствовалъ упражняться въ молитвѣ, основывались на вышешоказанномъ различіи душевныхъ способностей и на различіи органовъ, въ которыхъ каждая способность имѣла свое пребываніе. Въ предисловіи къ Главизнамъ Филоея Синайскаго, тотъ же старецъ Василій рассуждаетъ такъ (стр. 128 и 129):

«Таковая убо видящия, подобаетъ въ самомъ началѣ обучати умъ въ часть молитвы, еже стояти съ верху сердца в зрѣти во глубину того, а не на половинѣ съ боку, или на концѣ съ низу. Вина же снмъ таковая есть: егда умъ стоитъ съ верху сердца, и посредѣ того дѣйствуетъ молитву, тогда, аки царь сидя на высотѣ, признаетъ со всякою свободою на вся плѣжущія снизу злыя помыслы, и разбиваетъ тѣхъ о камень имене Христова, аки вторымъ Вавилонскія младенцы. Ктому же и толкаго ради удаленія отъ чреслъ, можетъ всячески убѣжати жженія похотнаго, сушаго въ естествѣ нашемъ чрезъ преступленіе Адама. Аще же на половинѣ сердца отъ персей начинается кто вниманіе творити въ молитвѣ: тогда, ово за случающееся оскудѣніе теплоты сердечнаго, ово же взнемогающу уму и

притупляющу зрѣніе свое частымъ дѣствіемъ молитвы, или самимъ подвизаніемъ брани отъ врага, низпадаетъ умъ съ о себѣ къ чресламъ и смѣшается съ теплотою похотною, хотѣ и не хотѣ, аки сближаяся той, творящи молитву, на половинѣ сердца.

«Нѣдци же отъ искренняго неразумнѣннѣ, паче же рещи, не вѣдуще, что есть верхъ, или среда сердца, и что есть половина, и что конецъ того, начинаютъ дѣйствовать молитву снизу на концѣ сердца при чреслахъ, и тако частію умъ ка сающеса сердца и частію чреслъ, сами о себѣ призываютъ прелесть, яко же обличницы змиа: нѣсть бо мощно тако творящима вниманіе убѣжати приобшениа зрѣніа.

«Друзи же, послѣднимъ неразуміемъ и грубостію недугующе, не вѣдають или самаго того мѣста сердечнаго, полъ дѣлыми сосцемъ и бокомъ сушаго, но иже тое посредѣ пуна чревата быти, мрзакотъ, увы ихъ прелесть! тако дѣйствовать умомъ молитву. Прочее, позамысливъ отъ таковыхъ знаменій, подобаетъ, яко же речеся, творити умомъ вниманіе и молитву посредѣ сердца съ верху отъ сосца, а не на половину отъ персей, навзваче же низу отъ чреслъ.»

Болѣе-подробное и систематическое (хоти неоконченное) сочиненіе о сущенной умной молитвѣ, называемой иначе художествомъ духовнымъ, принадлежитъ самому Паисію. Оно раздѣлено на нѣсколько главъ, въ которыхъ понавзывается, что умная молитва есть дѣланіе древнихъ святыхъ отцовъ, что она есть художество духовное, что она такое по качеству и дѣйству, какого требуетъ приготовленія, и какъ, съ самаго начала, должно обучаться ей. Вотъ какъ опредѣляетъ ее Григорій Сивантъ (стр. 230):

«Молитва есть Апостоловъ проповѣданіа, вѣры дѣйство, паче же вѣра нехотѣтельна любя, Ангельское движеніе, сила плотныхъ, дѣло и веселіе ихъ, благоустройство Божіе, извѣщеніе сердца, снмѣннѣ надежда, освященія знаменіе, святости образованіе, Божіе познаніе, Крещенія явленіе, бани очищеніе, Духа Святаго обречение, Исусово радование, веселіе души,

милость Божія, примиренія знаменіе, Христова печать, луча мысленнаго солища, девница сердець, Христіанству утвержденіе, примиренія Божія явленіе, благодать Божія, премудрости Божія, паче же самопремудрости начало, Божіе явленіе, монаховъ дѣло, безмолвствующихъ жителъство, паче же безмолвію вина, Ангельскаго жителъства знаменіе.»

Правила, какъ надобно обучаться дѣйствовать умомъ въ сердца божественную молитву, заключаются въ слѣдующемъ (стр. 235):

«Сѣдъ въ келліи безмолвнѣй, и во единомъ особѣ углѣ, внемли творити, еже глаголю тебѣ: затвори дверь, и возми умъ твой отъ всея суеты, таже утверди къ персемъ твою брану, движа чувственное око со умомъ. Придави же и поздраннаго духа явленіе, еже не дерзостно отдыхати: и испашый мысленнѣй внутрь во утробѣ обрести мѣсто сердечное, идже либъ пребывать естество шнудъ вся душевныя силы: и первѣ убо тму обратиши и лебелство неослабно. Пребывающу же тебѣ, и сіе дѣло ночь и день творящу, обратиши, о чудесе! непреставное веселіе. Кунно бо егда обратишь умъ мѣсто сердечное, абіе видить, аже никогда же видати: видати бо посредѣ сердца воздухъ, и себе свѣтла всего и разсужденія исполнена.»

94) Краткія Поученія протоіерей Родіона Путятина. Изданіе шестое. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 174 стр.

— Еще Девять Краткихъ Поученій протоіерей Родіона Путятина. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 37 стр.

Духовное краснорѣчіе, по самой сущности проповѣдуемыхъ имъ истинъ, не можетъ представлять того разнообразія, какое находится въ произведеніяхъ краснорѣчія свѣтскаго. Истинны и правила, возвѣщаемыя духовнымъ ораторомъ, непреложны и требуютъ служенія неважнѣнаго... Поэтому напрасно стала бы мы искать внутренней оригинальности и внутреннего разнообразія, т. е. оригинальности и разнообра-

вія мысли въ словахъ церковныхъ. Каждая оригинальность, какъ умственное самонадѣяніе, не должна тутъ имѣть мѣста. Выше всего должно быть тутъ смиреніе, подчиненіе самости догмату или нравственному предписанію; каждое разнообразіе, какъ протівное единству неизмѣннаго устава, должно и осуждаться этимъ уставомъ

Въ чемъ же можетъ заключаться особенность проповѣднаго слова, отличительность, индивидуальность духовныхъ вѣтій? Она можетъ заключаться въ преобладаніи той или другой душевной способности, которая отражается въ словѣ: рѣчи одного проникнуты чувствомъ, оиъ увлекаетъ слушателей своимъ собственнымъ, искреннимъ увлеченіемъ; рѣчи другаго обнаруживаютъ преимущественно силу мысли, убѣждаютъ слушателей путемъ наслѣдованія, сколько ово совмѣстиво съ догматами; третій, наконецъ, вводитъ въ свои рѣчи изобразительность, плодъ особенно-развитаго воображенія. Оригинальность духовнаго ораторства есть большее или меньшее умѣнье развить текстъ, отыскать въ немъ мысли, согласныя съ общей системой христіанскаго ученія. Его разнообразіе есть разнообразіе внѣшнее, состоящее въ различіи выраженія и объема. Но непреложность ученія кладетъ свою печать и на самый слогъ, сообщая ему, по-большой-части, одинакія формы, одинакіи цѣтъ.

Чѣмъ труднѣе поразитъ слушателя оригинальностью внутреннею или внѣшнею, тѣмъ, разумѣется, достойнѣе похвалы тѣ проповѣдники, которые дѣйствительно увлекаютъ слушателей, хотя въ разныхъ степеняхъ. Съ этой точки зрѣнія, «Краткія Поученія» протоіерей Родіона Путятина не безъ причины пользуются вниманіемъ христіанской публики: шестое изданіе уже само-по-себѣ говоритъ въ пользу ихъ достоинствъ. Достоинства эти составляютъ: краткость (отъ-чего они и получили свое названіе), простота выраженія и сердечность, если можно такъ выразиться, т. е. присутствіе те-

плаго чувства, увлекающаго слушателей своею искренностью.

95) Краткая Священная История Церкви Ветхаго Завета, составленная Николаевской, что въ Воробьицкй церкви священникомъ, Московскою 2-й Гимназiи и Константиновскою Медресею Института законоучителейъ М. Богдановичемъ. Изданiе третье. Печатанное съ изданiя 1844 года. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 215 стр.

Полезное руководство, написанное соответственно требованiямъ учащихся: кратко, просто и между-тѣмъ безъ опущенiя того, что нужно для полноты учебника. Оно принято уже во многихъ казенныхъ и частныхъ заведенiяхъ.

96) Чтенiя въ Императорскомъ Обществе Исторiи и Древностей Россiйскихъ при Московскомъ Университетѣ. Засѣданiе 28-го декабря 1846 года. № 5. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 72, 100, 58 и 94 стр.

Первая статья *Изслѣдованiй* принадлежитъ г. Бѣляеву: о несторовой лѣтописи. Это—обзоръ лѣтописи, съ нѣкоторыми объясненiями и замѣчанiями, нужными для удобнѣйшаго ея уразумѣнiя. Цѣль обзора — увѣриться въ достоинствѣ несторовой лѣтописи, въ которомъ (замѣтимъ кстати) никто теперь и не сомнѣвается; разногласiе можетъ касаться только степени достоинства. Другая статья есть дополненiе къ помѣщенной въ предъидущей книгѣ статьѣ: «Кириллъ и Меодiй, славянскiе просвѣтителн». Дополненiе рѣшаетъ вопросъ о шестидесяти книгѣхъ, переведенныхъ, по свидѣтельству Юанна Экзарха, св. Меодiемъ. Митрополитъ Евгений думалъ, что здѣсь разумѣются шестидесять книгъ церковнаго устава, — книги богослужевныя, какъ-то Октоихъ и проч. Новицкiй догадывался, что св. Меодiй перевелъ только каноническiя книги св. писанiя. МакариЙ доказывалъ, что переведены не только каноническiя, но и

апокрифическiя книги св. писанiя. Авторъ статьи (Филаретъ, епископъ рязскiй), основываясь на особомъ сочиненiи Дамаскина, вѣроятно, переведенномъ Иоанномъ Экзархомъ, рѣшаетъ, что св. Меодiй перевелъ каноническiя книги св. писанiя, но не перевелъ апокрифическихъ.

Въ отдѣлѣ *Отечественныхъ Материаловъ* помѣщены первая и вторая книги первой части сочиненiя инженер-генерал-майора Александра Рибельмана: «Лѣтописное повѣствованiе о Малой-Россiи, ея народѣ и казакахъ вообще». Это другое сочиненiе того же автора; первое (о донскихъ казакахъ) напечатано въ предъидущихъ номерахъ. Издатель (г. Бодливскiй) составилъ подробное оглавленiе всему сочиненiю и указатель важнѣйшихъ собственныхъ именъ и замѣчательныхъ предметовъ. Онъ же обѣщаетъ присоединить къ концу сочиненiя подробное жизнеописанiе автора.

Материаловъ Иностранныхъ въ этой книгѣ два: «Историческое разсужденiе о Галицiи и Лодомирiи», сочиненiе Сума, и «Историческiй памятникъ о Пинскѣ, найденный г. Мошисевичемъ: о бунтѣ города Пинска и объ усмиренiи онаго въ 1648 г.»

Смѣсь составляютъ слѣдующiя статьи: 1) Опись книгамъ, поступившимъ въ 1676 г. изъ Воскресенскаго Монастыря и принадлежавшаго ему Иерскаго Подворья въ патриаршую ризницу казны. Патриархъ Никонъ, знаменитый исправленiемъ богослужевныхъ книгъ, собиралъ для этого книги изъ Греции, афонскихъ и русскихъ монастырей, составляющiя большую и лучшую часть синодальной библiотеки. 2) Акты, доставленные г. Борзовымъ изъ Шум: допросныя рѣчи Шумъ о набѣгѣ Литовцевъ на Шумъ и ея окрестности; Запись въ крестьяны 1685: Усыпальница (мѣсто погребенiя, памятникъ) рода Собакиныхъ. 3) Троицкiе походы, т. е. царскiя путешествiя, выѣзды въ Троицко-Сергиеву-Лавру. 4) Два историческiя разсужденiя (третье и четвертое) о Малороссiи и Мало-

россиянъхъ, г. Ф. Миллера: первое о Запорожцахъ (съ приложеніями), второе—краткая выписка о Малороссійскомъ народѣ и Запорожцахъ. 3) Продолженіе сочиненія г-на Венелина: «Окружныя жители Балтійскаго-Моря—Славяне».

97) Достопамятности Москвы. Тетрадь седьмая. Изданіе Корнилія Тромоинна. Москва. 1847. Въ 4-ю д. л. 81 — 128 стр.

Содержаніе этой тетради состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: первый—описанія поштенныхъ прежде рисунковъ, второй—приваженія. Описанія рисунковъ, поштенныхъ въ 1-й и 6-й тетрадяхъ, семь: письмо и гербъ патріарха Никола, Слова начальныя изъ грамматы временъ царя Михаила Теодоровича (образецъ каллиграфіи), билетцы для пропуска въ Успенскій Соборъ, Грановитую Палату и на галерею Ивановской Колокольни во время коронаванія императрицы Елизаветы Петровны, Ладанница (книжка или ковчегъ) Успенскаго Собора, терновъ Троицкая, именуемая Грузинскія Божія Матери, что въ Китаѣ-городѣ, близъ Варварскихъ-Воротъ, въ Икитивахъ, Царскія хоромы въ сѣвѣ Коломенскомъ, Царь Алексій Михайловичъ. Къ 7-й тетради приложенъ одинъ только рисунокъ—портретъ князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, находящійся въ Архангельскомъ Соборѣ, въ придѣлѣ Іованна Предтечи, надъ гробомъ князя. — Приваженія шесть (24—29): Симонъ Теодоровъ Ушаковъ, московскій царскій иконописецъ и граверъ, одинъ изъ трудолюбивыхъ художниковъ XVII столѣтія; Родъ сирскаго Царевича Василія Алексѣевича; О старинномъ русскомъ платьѣ изъ Топографіи Россійской, на латинскомъ языкѣ, въ Лейденѣ, 1630 года; Проншествія въ 1812 году, во время пребыванія въ Москвѣ Французовъ, а Савинскомъ Архіерейскомъ Поповѣ (въ Москвѣ, на Тверской-Улицѣ), описанныя Московскаго Императорскаго Университета Татіановской Епархіи настоятелемъ іеромонахомъ Іо-

ною и онаго дома священникомъ Іоанномъ (изъ рукописной тетради, хранящейся въ библиотекѣ Святотроицкія Лавры); Выписки изъ летописца, содержація разныя происшествія московскія, 1330 — 1643 годовъ; Избраніе на царство Михаила Теодоровича и о вѣчаніи и о царствованіи его. — Сверхъ того, издатель напечаталъ письмо Петра I-го къ цесаревнамъ Аннѣ Петровнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ, отъ 17 мая 1722 г., въ точномъ снимкѣ, и криптографическое; иначе стеганографическое (тайнописное, цыфирью), письмо Петра I къ бригадиру Яковлеву, отъ 17 апрѣля 1711 г. Письмо начинается обыкновенными буквами: «Когда къ тебѣ Королевскаго Величества Польскаго указъ будетъ итти обще съ войски его Саксонскими куда бѣ выбудъ для наступленія на шведскія войска, и тебѣ по тѣмъ указамъ поступать», а потомъ идетъ криптографія, которая въ переводѣ значитъ слѣдующее: «Кромѣ одного сего слычу, что ежель бѣ Шведы изъ Помораніи вошли въ Польшу, а Король бѣ Польской велѣлъ Саксонскимъ войскамъ и тебѣ съ войски нашими итти туда, и тогда тебѣ по тому указу не итти въ Саксонію, но ретироваться къ Лифляндамъ, но сіе держать въ секретѣ».

Седьмою тетрадкою оканчивается изданіе «Достопамятностейъ Москвы»: издатель ихъ, г. Тромоиннъ, скончался.

98) Частная Фармакологія, или наука о лекарствахъ, составляющая докторомъ І. Фр. Зобернгеймомъ для академическаго и практическаго употребленія. Съ нѣмецкаго 5 изданія, перевелъ и съ нѣкоторыми дополненіями; издалъ ординаторъ московскаго военнаго госпиталя Михаилъ Вейсбергъ. Въ 2-хъ частяхъ. Часть I. Первая тетрадь. Изданіе второе, исправленное и умноженное. Москва. Въ тѣмъ. В. Кирилова. 1847. Въ большую 8-ю д. л. 208 стр.

Вышедшая нынче тетрадь заключаетъ въ себѣ: классъ I, наркотическія средства, а именно: а) наркотическія

чистая; б) наркотическія горькія, и в) наркотическія острія. Классъ II, острія средства; а именно: а) острія чистая; б) острія мочепонная; в) острія рвотная, и г) острія проносная.

Второе изданіе этого полезнаго труда г. Вейсберга вполне доказываетъ, что у насъ въ Россіи стоить только издавать хорошія и нужныя книги, — охотниковъ покупать ихъ найдется много. Вторыхъ изданій, какихъ бы то ни было книгъ, у насъ, вообще, очень-мало, и еще менѣе мы ихъ встрѣчаемъ между медицинскими сочиненіями; это, конечно потому, во-первыхъ, что русская медицинская литература еще не совсѣмъ развита и обработана; и во-вторыхъ, что число читателей медицинских книгъ не очень-велико, при всемъ томъ «Частная Фармакологія» г. Вейсберга, въ прошломъ 1846 г. только оконченная, ужъ вновь издается, и собственно потому-что ей много требуется: значить, до хорошаго много охотниковъ. Конечно, книга г. Вейсберга заслуживаетъ одобреніе во всѣхъ отношеніяхъ: содержаніе ея богато не только для медицинскаго, но и для всѣхъ другихъ сословій; слогъ ея пріятенъ для знающаго и любящаго русскій языкъ, наружная и внутренняя отдѣлка изящна. Въ новомъ изданіи своей книги, г. Вейсбергъ слѣлалъ много пополненій, не только противъ прежняго изданія, но даже противъ самаго нѣмецкаго оригинала: первыя страницы вышедшей нынѣче тетради вполне въ томъ убѣждаютъ. Г. Вейсбергъ рѣшился издать всю свою книгу въ 4 тетрадяхъ. Каждая часть будетъ состоять изъ двухъ тетрадей, а все изданіе изъ двухъ частей; тетрадь будетъ заключать въ себѣ около 13 листовъ, такъ-что обѣ части составятъ около 52 листовъ, между-тѣмъ, какъ въ первомъ изданіи обѣ части содержали въ себѣ 75 печатныхъ листовъ. «Этого излишекъ листовъ» говоритъ г. Вейсбергъ «равно и новыя пополненія, помѣщены въ большемъ, противъ прежняго изданія, форматѣ бумаги и въ болѣе-сжатомъ печатаніи. Такъ желали многіе

врачи, особенно въ военной службѣ находящіеся, которые не имѣютъ возможности таскать съ собою большой громады книгъ». Жаль только, что второе изданіе остановило на время продолженіе печатанія общеданныхъ, г. Вейсбергомъ «Токсикологіи» и «Общей Фармакологіи», которыхъ ждутъ съ такимъ нетерпѣніемъ; но мы надѣемся, что г. Вейсбергъ, цѣня взаимно вниманіе любителей медицины къ его трудамъ, постарается удовлетворить ихъ желанію, и чѣмъ скорѣе онъ слѣлаетъ это, тѣмъ будетъ лучше.

99) Діететика Биркининныхъ, Родильницъ и Дятки, составленная докторомъ медицины Александромъ Никитинымъ. Санктпетербургъ. 1847. В 8-ю д. л. 62 стр.

Книжечка г. Никитина заключаетъ въ себѣ полный сводъ предписаній для сохраненія здоровья беременныхъ, родильницъ, зародышей и младенцевъ. Ни одинъ совѣтъ не предположенъ имъ на вѣру и выводится съ возможною ясностью и популярностью, какъ слѣдствіе изъ законовъ анатоміи и физиологіи человѣка. Такимъ-образомъ, сочиненіе г. Никитина можно назвать одною изъ полезнѣйшихъ настольныхъ книгъ въ каждой семьействѣ и вѣрнѣйшимъ противоудѣстнѣемъ неумѣстности, безпечности и преразсудкамъ, упрочивающимъ господство болѣзней и увеличивающимъ смертность. Но самыя эти бичи здоровья и жизни — неумѣстность, безпечность и преразсудки, не служатъ ли препятствіемъ и къ распространенію такихъ сочиненій, какъ «Діететика» г. Никитина? Есть ли на свѣтѣ какое-нибудь рациональное искусство, которое встрѣчало бы въ человѣчествѣ такой ожесточенный антагонизмъ, какъ медицина, и есть ли на свѣтѣ антагонизмъ болѣе неразумный и болѣе неслѣдательный? Пусть бы имѣлъ онъ источникомъ твердое убѣжденіе въ шаткости анатомическихъ и физиологическихъ теорій, служащихъ медицинѣ основаніемъ; пусть бы съ своею

стороны и медики продолжали играть роль непреложных знакоковъ, отъ одной воли которыхъ зависить здоровье и жизнь человѣка: тогда было бы еще можно считать ихъ шарлатанами и шарлатанами *промышленности*, не вѣрять имъ ни въ чѣмъ, и предоставить здоровье свое и жизнь волѣ Божіей. Но какой же медикъ нашего времени вѣрять въ непреложность какой-нибудь абсолютной медицинской теоріи? Кто изъ нихъ не убѣжденъ, что медицина еще менѣе совершила въ своемъ развитіи, чѣмъ физіологія, что девять десятыхъ ея предписаній выведены единственно изъ опыта, и потому самому даютъ мѣсто тысячамъ исключеній? Наконецъ, кто же изъ нихъ въ наше время станеть скрывать это убѣжденіе отъ остальнаго человѣчества? Что такое въ настоящее время отношеніе пациента къ врачу? Не что иное, какъ отношеніе невѣжды къ человѣку, знакомому, *по мнрѣ возможности*, съ анатоміей и физіологіей и съ безчисленными множествомъ опытовъ-дознанныхъ средствъ къ возстановленію разстроеннаго человѣческаго организма. Но разсуждать такимъ образомъ значить разсуждать теоретически, и приведенное нами опредѣленіе, справедливое въ глазахъ людей образованныхъ и мыслящихъ, никогда не приходить въ голову большинству болѣющаго человѣчества, котораго нельзя назвать ни образованнымъ, ни мыслящимъ. И долго еще будетъ встрѣчаться въ мирѣ человѣкъ, который всю жизнь не ставитъ въ грошъ докторовъ, а кончаетъ тѣмъ, что обратится, наконецъ, къ бабѣ, которая лечитъ зашептываніями и зачленками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой-нибудь декоръ изъ невѣсть-какой драмы, которая, Богъ-знаетъ почему, воображаетъ ему именно средствомъ противъ его болѣзни.

Особенную ненависть къ медицинѣ докторовъ питаютъ женщины. Это объясняется очень-просто. На убѣжденіе женщины (мы не говоримъ объ исключеніяхъ) не дѣйствуетъ никакая ло-

гика, кромѣ логики сердочнаго участія. Представьте сеі какое угодно дѣло ясно, какъ день: если только въ словахъ вашихъ не видить она ничего, кромѣ выушеній здраваго смысла, или если вы не принадлежите къ близкіимъ ей людямъ, въ участіи которыхъ она не сомнѣвается, можете быть увѣрены, что убѣжденія ваши не будутъ имѣть никакого успѣха. Пусть же попробуетъ вваться за ваше дѣло какая-нибудь знакомая этой женщины, хоть никуда не годная сама-по-себѣ, но близкая ей, на-примѣръ, по сплетнямъ, которая страшаетъ вѣсть съ нею на цѣлый уѣздъ, или какой-нибудь абсолюто-праздный и давно-выжившій изъ ума дядя, котораго она привыкла видѣть каждый день у себя за семейнымъ самоваромъ,—можно побиться объ закладъ, что ваше дѣло въ вѣрныхъ рукахъ—и у никуда-негодной пріятельницы и у абсолюто-празднаго дяди. Таковы женщины; всякій это знаетъ, и никому не можетъ быть удивительно, что медикъ, человѣкъ посторонній, не сблизившійся съ женщиной ни участіемъ въ занимающихъ ее сплетняхъ, ни фактомъ ежедневнаго присутствія при разливаніи чая, можетъ быть умнѣйшимъ, ученѣйшимъ и искуснѣйшимъ человѣкомъ и все-таки не пользоваться въ глазахъ пациентки никакимъ авторитетомъ. Тѣмъ менѣе доверится она книгѣ человѣка, котораго никогда не видала въ глаза и который незнакомъ ни съ кѣмъ изъ ея родныхъ и знакомыхъ.

Г. Никитинъ избралъ такой предметъ, въ которомъ прекрасный полъ менѣе всего слушается мужчинъ вообще и медиковъ въ-особенности. Во время беременности и родовъ матери семейства, домъ ея болѣе, чѣмъ когда-нибудь наполняется доброжелательницами: супругъ, родственники и знакомые мужескаго пола утрачиваютъ всѣ права на участие въ сеймахъ и сеймикахъ, собирающихся для разрѣшенія діететическихъ вопросовъ. На сторонѣ женщины — гордое сознаніе своего превосходства, и въ-самомъ-дѣ-

дѣ, все говорить въ пользу ихъ опытности... Старухи, особенно мать родильницы, приобрѣтаютъ силу несокрушимую и обнаруживаютъ такое презрѣніе къ хозяину дома, что ему дѣйствительно ничего не остается дѣлать, какъ только покориться своей участи, т. е. слушать изъ-за дверей, что приговорятъ дамы, или заниматься своими дѣлами, предоставивъ судьбу жены и чада наслѣдственной мудрости родственницъ и пріятельницъ страждущей. Сверхъ-того, иѣжныя мужья обыкновенно такъ терзуются при беременности и родахъ женъ, что сами впадаютъ въ какую-то женственность и готовы подчиниться приговору чьего-ни-попало участія. Такимъ-то образомъ все, кромѣ здраваго смысла и рациональной медицины, имѣетъ дѣлъ въ этотъ критическій періодъ, и принявъ это все къ надлежащему соображенію и обсужденію, мы глубоко и скорбно сожитаемся — будетъ ли книжечка г. Никитина имѣть тотъ успѣхъ, котораго она вполне достойна по своей прекрасной дѣлѣ.

100) О Гальвано-магнитномъ леченіи. *Большая, издаваемая посредствомъ гальвано-магнитныхъ токовъ. Разсужденіе, читанное въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ въ собраніи звезданія Физико-Медицинскаго Общества действительнымъ членомъ ономъ Фр. Бѣлявскимъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1846. Въ 8-ю д. л. 34 стр.*

Г. Бѣлявскій написалъ книгу: «О гальвано-магнитномъ леченіи», которая вскорѣ выйдеть изъ печати. Разсужденіе служитъ ей иѣкотораго рода вступленіемъ, наложившемъ предшествующимъ, въ которомъ авторъ, объяснивъ кратко гальваническія явленія, говоритъ объ исключительныхъ условіяхъ во время дѣйствія гальванизма на живуюную эконومیю, о болѣзняхъ, належаемыхъ гальванизмомъ, о врачебныхъ условіяхъ, при которыхъ гальвано-магнитные токи дѣйствуютъ благотворно на живыя органическія тѣла, и о случаяхъ, при которыхъ возбращается

употребленіе гальваническаго тока. Въ заключеніи помѣщены выводы изъ предшествовавшихъ статей. Семьдесятъ-семь болѣзней излечиваются гальванизмомъ: обшашіе утѣшительное! Впрочемъ, гальвано-магнитное леченіе, какъ видно изъ врачебныхъ условій, не требуетъ къ себѣ слѣпой вѣры. Твердая рѣшимость на короткое время, безъ большихъ лишеній привычекъ жизни и діеты, достаточна будетъ для убѣжденія каждого на самомъ дѣлѣ. Эти благоразумныя слова ученаго разсужденія напоминали намъ совершенно-противныя слова нѣкихъ магнитизеровъ, которые требуютъ отъ больныхъ слѣпой вѣры, а отъ магнитизера — чистѣйшей нравственности!

101) О Климатѣ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. *Написанъ П. Преображенскимъ. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 128 стр.*

Ясное, простое и дѣльное изложеніе такого важнаго предмета, какова климатологія. Такъ-какъ климатъ каждой страны опредѣляется количествомъ атмосферной теплоты и влажности, а большее или меньшее количество теплоты и влажности въ воздухѣ зависитъ отъ мѣста, которое страна занимаетъ на поверхности земнаго шара, отъ естественнаго положенія страны и отъ окружающей окрестности, то книга г. Преображенскаго и раздѣляется на три отдѣла: въ первомъ говорится о географическомъ или общемъ климатѣ, во второмъ — о физическомъ климатѣ, въ третьемъ — о климатѣ дѣльномъ. Первый отдѣлъ, обширнѣйшій, подраздѣляется на нѣсколько статей, въ которыхъ рассматривается климатъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Здѣсь авторъ показываетъ вліяніе теплоты и влажности на растенія, способъ опредѣлять теплоту и влажность атмосферныхъ явленій, вліяніе вліяніе на климатъ и произрастенія, раздѣленіе климата и раздѣленіе Россіи на различныя области естественнаго климата. Въ отдѣлѣ о климатѣ дѣ-

стною разсматриваются перемены, производимыя въ климатѣ различными предметами: присутствіемъ горъ, водъ и большихъ лѣсовъ, вѣтрами, увеличеніемъ народонаселенія и обработкою полей, и нечисляются средства, помощію которыхъ можно измѣнить климатъ страны.

102) Описаніе Турецкой Войны 1828 и 1829 годовъ. Соч. Н. Лукьяновича. Съ приложеніемъ двухъ картъ и шестнадцати плановъ. Части третья и четвертая. Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Праца. Въ 8-ю д. л. Въ III-й части 233, въ IV-й — 268 стр.

Первыя двѣ части этой книги изда ны въ 1844 году, и мы тогда же высказывали свое мнѣніе о трудѣ г. Лукьяновича. Авторъ поступилъ очень осмотрительно, назвавъ свою перечень военныхъ дѣйствій *описаніемъ*, а не исторіей войны, потому-что нельзя писать исторію событія, къ которому мы еще такъ близки по времени. Краснорѣчивый военный писатель нашъ, генерал-лейтенантъ А. И. Михайловскій-Данилевскій, создалъ эту истину, также далъ своей превосходной картинѣ отечественной войны скромное имя «Описанія».

Двѣ первыя части «Описанія Турецкой Войны 1828 и 1829 годовъ» заключаютъ въ себѣ подробное изображеніе военныхъ событій похода 1828 года. Походъ этотъ, кончившійся покореніемъ крѣпостей Варны и Ахалцыха, привелъ войска наши къ подошвѣ Балкановъ и въ средину Азіатской-Турціи, далъ намъ возможность стать твердою ногою въ завоеванныхъ земляхъ. Съ наступленіемъ зимы 1828 года, громъ оружія сползъ въ пустыняхъ Булгаріи и Азіатской-Турціи. Всѣ главныя мѣста, занятыя Русскими отъ береговъ Дуная до Варны, и даже самаго отдаленнаго поста въ Правлахъ, были приведены въ оборонительное положеніе. Одною изъ первыхъ

заботъ главнокомандующаго было принятіе мѣръ противъ чумной заразы. Климатъ, столь неблагоприятный жителямъ сѣвера, имѣлъ пагубное вліяніе на армію; въ-теченіе зимы неложно было укомплектовать ее людьми и лошадами. Съ наступленіемъ глубокой осени, большая часть непріятельской арміи расположена была на зимнихъ квартирахъ. Главная квартира арміи въ Европейской-Турціи находилась въ Шумгѣ. Въ твердой рѣшимости продолжать борьбу съ Россією, султанъ не внималъ никакимъ убѣжденіямъ. Дѣятельность его была изумительна. Недовольный въ прошедшемъ году дѣйствіями обоихъ главнокомандующихъ арміямъ, въ Европейской и Азіатской-Турціи, онъ смѣнилъ ихъ. Въ званіе верховнаго вѣзира возведенъ былъ Решидъ-паша. Чрезвычайно дѣятельныя мѣры принималъ султанъ и въ Азіатской-Турціи для остановленія успѣховъ русскаго оружія, встревожившихъ Константинополь въ прошедшемъ году: Число всѣхъ войскъ, которыя предположено было собрать къ веснѣ въ Азіатской-Турціи, простиралось до двухъ-сотъ тысячъ. Семь обширныхъ магазиновъ въ Арзуруѣ были наполнены продовольствіемъ. Главный планъ султана для войны 1829 года въ Европейской-Турціи состоялъ въ томъ, чтобъ, съ наступленіемъ весны, частию своей арміи напасть на Варну и оврестныя мѣста, занимаемыя Русскими, а другою частию вторгнуться въ Малую-Валахію. Въ Азіи же, волею султана было — возвратити отъ Русскихъ всѣ области, утраченныя тамъ Портою въ прошедшемъ году. Въ-теченіе зимы, русскія войска, расположенныя за Дунаемъ, были часто тревожимы непріятельскими партіями, посылаемыми для нападенія на отдѣльные мѣсты. Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Европейской-Турціи; до прибытія къ дѣйствующей русской арміи неваго главнокомандующаго, графа Дибича, назначеннаго на мѣсто графа Витгенштейна. Вступленіе графа Дибича въ это высшее званіе было

оснащено было покореніемъ города *См-зополя*. По одностороннимъ показаніямъ вѣдѣнныхъ Турковъ, прибѣгавшихъ въ русскій лагерь изъ крѣпостей по Дунаю, тамъ былъ величайшій недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ; то же самое было и въ Шумлѣ. Соображая всѣ мѣстные обстоятельства, Дибичъ призналъ полезнымъ приблизить свою главную квартиру къ Дунаю, а въ первыхъ числахъ апрѣля подступилъ къ *Силестрии*. Покореніе этой крѣпости неоспоримо принадлежитъ къ числу событий, заслуживающихъ почетное мѣсто въ военныхъ лѣтописяхъ. 19-го іюня, русскія знамена развѣвались уже на стѣнахъ этой крѣпости.

Первая сѣверная оборонительная линія Оттоманской-Имперіи—Дунай; вторая, также естественная оборонительная линія—Балканскій-Хребетъ. Въ предначертаніяхъ графа Дибича было: перейти черезъ Балкавы въ соседствѣ моря, и, пользуясь содѣйствіемъ черноморскаго флота, вторгнуться во внутреннія области Турціи. Но для перехода черезъ Большіе-Балкавы, необходимо было сперва переправиться черезъ *Камчикъ*; рѣчка эта незначительной ширины, но быстра, и въ большей части своего теченія довольно-глубока, такъ-что броды, на ней существующіе, весьма-неудобны. На берегахъ *Камчика*, защищавшаго вступленіе въ Балкавы, непріятель имѣлъ сильныя укрѣпленные посты. Взявъ съ бою всѣ переправы на этой рѣчкѣ, русскія колонны двинулись въ Балкавы. По переходѣ черезъ нихъ, первою заботою графа Дибича было—войти въ сношеніе съ адмираломъ *Грейгомъ*, начальникомъ черноморскаго флота, который, съ самаго открытія кампаніи 1829 года, дѣятельно помогая успѣхамъ русскаго оружія на Черномъ-Морѣ. Вообще должно сказать, что черноморскій флотъ не только служилъ сухопутнымъ войскамъ сильною опорой во время высадокъ, снабжая продовольствіемъ армію, находившуюся за Балканами, но и самъ дѣятельно дѣйствовалъ съ успѣхомъ.

Послѣ разбитія турецкаго корпуса при *Сливно*, главнокомандующій ускорялъ движеніе арміи къ *Адрианополю*. Здѣсь считалось до восьмидесяти тысячъ жителей; половина изъ нихъ были бухамедане. Мѣстоположеніе этого города способно для упорной защиты: оно пересѣчено глубокими оврагами и покрыто виноградными садами; ихъ окружали насыпи и рвы. Нѣсколько вѣковъ совершенной тишины до такой степени здѣсь успокоивали умы туземцевъ, что самые военачальники сомнѣвались владѣть русскія войска передъ воротами древней столицы Турціи. Успѣхъ русскаго оружія могъ доставить, безъ большаго кровопролитія, и Шумлу въ наши руки, но дальнѣйшія дѣйствія противъ этого города прекратились извѣстіемъ о заключеніи мира съ Портою.

Представивъ общій очеркъ военныхъ дѣйствій 1829 года въ Европейской-Турціи, бросимъ бѣглый взглядъ на войну въ Азіи.

Средства главнокомандующаго на Кавказѣ далеко не соотвѣтствовали рѣшительнымъ усиліямъ Порты: силы закавказскаго корпуса не составляли и одной десятой части того огромнаго вооруженія, которымъ Порта угрожала намъ въ Азіи, среди собственнымъ ея владѣніямъ, на всемъ пространствѣ театра войны. Неожиданное событіе въ Персіи—гибель русской миссіи въ *Тегеранѣ*, отъ вторженія убійцъ въ домъ посольства, поставила въ чрезвычайное затрудненіе политическія отношенія Россіи съ этою державою, требуя не только разрыва, но и самой войны съ нею. Въ то же время, Турки отяжились на предпріятіе, прежде у нихъ неслыханное,—на походъ въперс. Всѣ рѣшительныя, что убіеніе русскаго посланника (*) не было дѣломъ преднамѣреннымъ: *Аббасъ-Мирза*, наследникъ персидскаго престола, надѣлъ себя и на весь дворъ трауръ и, какъ

(*) Неизвѣстнаго *Грибоедова*, автора пьесы «Горе отъ Ума».

ость, желая примириться съ Россією; но, съ другой стороны, шахъ, отецъ его, подстрекаемый Портою, готовалъ къ войнѣ. Обстоятельства благоприятствовали ожиданіямъ Персія. Турки ждали военныхъ дѣйствій. Умы на Кавказѣ возмущались; жители свѣшили крывать свои имущества, другіе ушли на границу; многіе угрожали явнымъ возстаніемъ.

Главная защита Ахалцыха не оставила стремленія отважнаго непріятеля. Число войскъ его возрастало. Въ такое важное время, черезъ горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ, сильныя отряды Турковъ стеклись отсюда къ Ахалцыху и Араруму. Война разгоралась. Непріятель всачески старался побудить завоеванныя Русскими области къ возстанію, но безъ большаго успѣха, и также безплодны были его старанія возстановить противъ насъ Персію. Шахъ еще колебался, но Аббасъ-Мирза, поставленный между юною и безусловною покорностью, избралъ послѣднее. 24 іюня, Русскіе взяли крѣпость Гасданъ-Кале, служащую ключомъ къ Араруму, а черезъ три дня покорился и этотъ городъ, построенный во времена византийскихъ императоровъ, заключая въ суровости шести верстъ до ста тысячъ жителей, средоточіе управленія и торговли Азіатской-Турціи, мѣсто сообщенія между Курдистаномъ, Персією и Константинополемъ, укрѣпленной, защищаемый полуторастами пушками, снабженный обильными запасами, магазиномъ и арсеналомъ. Арарумъ обѣщалъ огромныя выгоды и дорого стоилъ русскому оружію.

Названіе Адрианополя и Арарума произошло въ жителяхъ Константинополя въ министерствѣ Оттоманской-Имперіи сильное впечатлѣніе. Въ то же время, блокада Дарданеллъ, лишивъ Константинополь подвоза жизненныхъ припасовъ, угрожала голодомъ столицѣ султана. Встревоженные жители собирались толпами, съ отчаяніемъ на лицахъ; на площадяхъ слышались жалобныя крики. Волненіе народное уси-

ливалось. Еще въ началѣ августа, прибылъ въ Константинополь прусскій генералъ Мюффлигъ, чтобъ увѣрить Порту въ готовности русскаго Императора къ открытію переговоровъ о мирѣ, если сама Порта не представитъ къ тому препятствій. Порта, убѣжденная представленіями иностранныхъ пословъ, согласилась начать мирные переговоры и послала въ главную квартиру двухъ своихъ савошниковъ. 16-го августа, они прибыли въ Адриано-поль... Наконецъ, 17-го октября, во дворцѣ Эски-Сараѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе графъ Дибичъ, совершено было торжественный размѣнъ ратификацій мирнаго трактата, подчисаннаго въ Адриано-поль.

При самомъ отъѣздѣ изъ Адрианополя, графъ Дибичъ сказавъ находящемуся при немъ генералу А. И. Михайловскому: «Надобно проститься съ залогомъ (въ Эски-Сараѣ), гдѣ подписанъ миръ. — и они вошли туда вдвоемъ. Окинувъ взглядомъ обширную залу, Дибичъ, послѣ минутнаго молчанія, прозянесь: «путешественники долго будутъ приходить сюда». Г. Михайловскій-Давилевскій отвѣчалъ ему: «зала и весь Эски-Сараѣ разрушатся, — останется исторія». Удалаясь изъ эски-сарайской залы, графъ Дибичъ приказалъ снять со стѣны и взять въ воспоминаніе одну изъ многочисленныхъ досокъ съ изрѣченіемъ Корана. На этой доскѣ было написано золотыми буквами: «Все въ мирѣ—суета!»

По заключеніи мира, въ Адриано-поль нашли пріютъ ученые и художники. Гг. Седжеръ и Дезарно, прибывшіе за Балкавы, занялись, первый—археологическими разысканіями, а второй—святіемъ видовъ съ мѣстъ, прославленныхъ недавними побѣдами Русскихъ. Труды Седжера изданы на французскомъ языкѣ съ гравюрами; произведенія Дезарно заслужили одобреніе любителей художества.

При составленіи «Описанія Турецкой Войны», авторъ имѣлъ въ виду многіе офенціальныя документы, сверхъ

того пользовался сочинениями и извѣстными лицъ, бывшихъ участниками или по крайней мѣрѣ очевидцами подвиговъ соотечественниковъ на поляхъ Турціи. Книга господина Лукьяновича отличается прекраснымъ изложеніемъ, сильнымъ и сжатымъ, задана вѣздно, съ планами и картами, и по справедливости займетъ видное мѣсто въ нашей военной литературѣ.

103) Дополненія къ Русской Нумизматикѣ Средняго Вѣка. *Изданъ Я. Рейхель 1-й. Санктпетербургъ 1847. Въ тип. Экспед. заготовленія государственныхъ бумагъ. Въ 8-ю д. л. 29 стр.*

Брошюра эта заключаетъ въ себѣ описаніе пятидесяти монетъ, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма рѣдки. Къ описанію приложены весьма-хорошо слѣданные снимки. Однимъ словомъ, — трудъ не безполезный для занимающихся русскою исторіею.

104) Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. Владимира Иславина. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Мил. Гос. Издуч. Въ 8-ю д. л. 142 стр.*

По свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ съѣрвь Россіи, архангельскіе Самоѣды находятся въ жалкомъ состояніи. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе г. министра государственныхъ имуществъ: по его порученію, г. Иславинъ отправленъ былъ министерствомъ для изслѣдованія на мѣстѣ причинъ бѣдственнаго состоянія дикарей, кочующихъ между рѣкою Мезенью и Уральскимъ-Хребтомъ, въ странѣ, извѣстной подъ общимъ названіемъ *Мезенской-Тундры*. Ему же поручено было г. министромъ составить предположенія о мѣрахъ къ возстановленію прежняго благосостоянія Самоѣдовъ, продолжавшагося до тѣхъ поръ, пока эта небольшая горсть монгольскаго племени не раздѣлала ни съ кѣмъ своего пользованія широкими тундрами, необозримыми стадами оленей и удобными мѣстами для рыбной

и звѣриной ловли. — Сочиненіе, изданное г. Иславинымъ, заключаетъ въ себѣ въ высшей степени любопытное описаніе быта архангельскихъ Самоѣдовъ и еще болѣе-внимательное изслѣдованіе ихъ отношеній въ русскимъ и зырянскимъ промышленникамъ, поселившимся въ томъ краѣ въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ. Сверхъ-того въ книгѣ этой разсѣяно нѣсколько чрезвычайно-важныхъ замѣчаній о промышленности и бытѣ русскихъ переселенцевъ. Чтoby ознакомить читателей съ прекраснымъ трудомъ г. Иславина, заимствуемъ изъ него нѣсколько чертъ, въ полной увѣренности, что любители живыхъ и умныхъ статистическихъ описаній поспѣшатъ обзавестись его книгой.

Описаніе быта дикихъ племенъ представляетъ много сторонъ, любопытныхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Для читателей, непривыкшихъ и несклонныхъ углубляться въ смыслъ ежедневныхъ явленій жизни цивилизованныхъ обществъ и наслаждаться анализомъ разнообразныхъ и постепенныхъ успѣховъ ихъ развитія, описанія эти имѣютъ всю прелесть новизны, какъ изображенія предметовъ очевидно и разительнo противоположныхъ тому, что кажется ненаблюдательному и мало мыслящему человѣку вполне извѣстнымъ и нисколько-незамѣчательнымъ. Другую крайность представляютъ люди, доведенные близорукимъ анализомъ и трепетностью малодушной натуры своей до ребяческаго сомнѣнія въ выгодахъ цивилизаціи. Первымъ кидаются на описанія дикихъ народовъ точно такъ же, какъ бѣгутъ въ балаганъ заѣзжаго промышленника, показывающаго человѣка съ двумя пальцами на рукахъ. Какъ не проникнуться имъ интересомъ также зрѣльца, когда въ человѣкѣ съ десяти пальцами вътъ для нихъ нечто заманчиваго, загадочнаго, диковиннаго вниманія и размышленія! Точно также, какъ не полюбобытствовать прочесть книгу, въ которой описываются люди, живущіе въ дѣсахъ и

устынныхъ, питающіеся сырымъ мясомъ, неупотребляіе ни ножей, ни иголокъ ни носовыхъ платковъ? Другіе, приходя въ отчаяніе отъ черныхъ горюхъ образованной жизни и приняая за цивилизацію сумму воле, сопряженныхъ съ слабымъ ея развитіемъ, обращаются къ тѣмъ же книгамъ въ надеждѣ отыскать въ дикомъ быту элементы того идеальнаго благосостоянія общества, которыхъ не находятъ они въ ядрахъ образованности. Авторы путешествій къ дикимъ народамъ часто сами впадаютъ въ одну изъ этихъ крайностей: одни изъ нихъ, идѣвъ на малоизвѣстный островъ Тиллаго-Океана или въ дѣственные лѣса Америки, смотреть на новый міръ, отрывшіеся ихъ праздною наблюденію, какъ на кусткамору, въ которой только то и интересно, что заключаетъ въ себѣ уродство и странность. Прочитайте описаніе, составленное такимъ путешественникомъ, и вы увидите перелъ собою не людей, задержанныхъ въ развитіи силою враждебныхъ обстоятельствъ мѣстности, климата и исторіи, а какія-то особенныя существа, занимающія средину между человекомъ и животными. Другіе не преминутъ попочивать вась другого рода карриатурой: насылая свои рассказы оболстительными терминами — свобода, довольство, простота нравовъ и т. п. они бьются вое всѣхъ силъ, чтобъ опознать передъ вами картины вѣрскаго эгоизма, заглушенныхъ потребностей и грубаго удовлетворенія животныхъ нуждъ. Но изъ этого, разумѣется, отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ изученіе быта дикихъ народовъ не имѣло интереса для людей, неподходящихъ ни подъ одну изъ поименованныхъ нами категорій. Дѣло только въ томъ, что образованный и дальновидный наблюдатель интересуется ими со сторонъ совершенно-противоположныхъ. Уродства дикой жизни человека занимаютъ его не сами-по-себѣ, а какъ проявленія началъ, задерживающихъ его развитіе: онъ вовсе не видитъ въ дикарѣ существа особеннаго, оби-

женнаго природою; напротивъ, вась заимательность изслѣдованія этого существа сосредоточивается для него только на сочувствіи къ однородному съ нимъ существу, наимѣншему средствъ развить въ себѣ вась полноту потребностей и силъ, образующихъ *человѣчскій характеръ*. Съ другой стороны, никогда не увлечется онъ своей симпатіей до неразумнаго предпочтенія животнаго существованія дикихъ племенъ, несопряженнаго, конечно, съ множествомъ воле полуобразованности, — условіямъ того быта, въ которомъ человекъ проявляется человекомъ. Однимъ словомъ, совнаніе и живое чувство превосходства цивилизаціи предъ неразвитіемъ не повинетъ его ни на минуту, и, наблюдая дикость, онъ будетъ служить все-таки цивилизаціи — опытнымъ изслѣдованіемъ силъ, противодѣйствующихъ ея успѣхамъ. Часто это изслѣдованіе открываетъ ему въ первый разъ глаза на такія проявленія дикости, которыя встрѣчаются и въ обществахъ, называемыхъ образованными. Часто доходитъ онъ этимъ путемъ до плодотворной критики многихъ черныхъ сторонъ полудивиализаціи, прикрытыхъ обманчивыми формами, но въ сущности заключающихъ въ себѣ то же, что во вась наготѣ бросается въ глаза въ обычаяхъ дикаго племени.

Г. Неславинъ можетъ быть смѣло названъ искуснымъ наблюдателемъ, васьколько - незараженнымъ ни предубѣжденіемъ противъ жалкихъ существъ, которыхъ бытъ удалось ему изслѣдовать, ни смѣшнымъ пристрастіемъ къ такъ-называемымъ преимуществамъ дикаго состоянія человека. Въ составленномъ имъ описаніи быта Самоѣдовъ вась подробности такъ умно выбраны, что между ними нѣтъ ни одной недостойной вниманія мыслящаго человека и неполноценной общечеловѣческаго интереса. Такъ, на-пр., при описаніи домашняго быта Самоѣдовъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на положеніе женщины у этого народа. Нельзя не одобрить этой внимательности, потому-что ничѣмъ такъ хоро-

шо не измѣряется степень развитія общества, какъ положеніемъ въ немъ ливъ слабѣйшихъ по натурѣ своей и тѣмъ самымъ предоставленныхъ природой на произволъ сильныхъ. Вотъ нѣсколько подробностей, показывающихъ, далеко ли ушли Самоѣды въ этомъ отношеніи.

«Самоѣдка или, какъ называютъ ее Русскіе, *ивька*—не смѣетъ переступить чрезъ *синкиуй* (мѣсто въ чумѣ, т. е. шалашъ самоѣдскомъ, противоположное входу, считающееся священнымъ и служащее хранилищемъ лучшихъ вещей и самыхъ лакомыхъ припасовъ): это значило бы опоганить святыню, и онѣ такъ строго чтутъ этотъ обычай, что рѣдко случается, чтобы *ивька* погрѣшила противъ него: оно было бы вѣрнымъ предзнаменованіемъ какой-нибудь бѣды, и конечно послѣ этого промыселъ былъ бы неудаченъ или же въ слѣдующую ночь волкъ зарѣзалъ бы нѣсколько оленей въ стадѣ; одно средство для предохраненія себя въ такомъ случаѣ отъ бѣды — бросить въ *синкиуй* горящій уголекъ, такъ какъ «огонь все очищаетъ». Вообще, по понятіямъ Самоѣдовъ, женщина почитается столь нечистою, что опоганиваетъ всякую вещь, черезъ которую переступить: веревка ли она, топоръ ли, оленья ли шкура и т. д. все дѣлается нечистымъ и непримѣнно должно быть окурено или верескомъ или, что еще дѣйствительнѣе, оленьимъ саломъ. Женщина и у крещеныхъ Самоѣдовъ считается нечистою, но они мало-помалу отстаютъ отъ обычая окуривать опоганенныя вещи.» (Стр. 25).

Униженіе, которому подвергаются у Самоѣдовъ родильницы, возбуждаетъ глубокое негодованіе:

«Для родильницы ставится особый чумъ, называемый *самай-мидко* — поганый чумъ, если онъ есть, а если нѣтъ, то она родитъ въ томъ же чуму, въ которомъ живетъ семейство; но для очищенія чума послѣ родовъ, бабка, наливъ въ котелъ воды, спускаетъ въ него березовую губку, варитъ ее на огнѣ и тою водою кропятъ вещи и людей, находящихся въ чуму..... «Въ продолженіи 8-ми недѣль, родильница почитается столь нечистою, что не смѣетъ даже раздѣлать нища съ мужемъ. По прошествіи этого времени ее

окуриваютъ верескомъ или оленьимъ саломъ, а чумъ переносятъ на другое мѣсто. Отъ этого обычая и крещеные еще совершенно отстать не могутъ.» (Стр. 120—121).

Какъ трогательны послѣ этихъ обратительныхъ подробностей дѣлаются изображенія общечеловѣческихъ чертъ этого униженнаго, втоптанныго въ грязь существа. Вотъ мѣсто, котораго нельзя читать безъ особенной внимательности въ бѣдныхъ *ивьках*:

«Волосы Самоѣдки заплетаются, по Русски, въ двѣ косы, къ которымъ привѣшиваютъ красные и желтые сукошныя лоскутки и ленты яркихъ цвѣтовъ, въ ушахъ носить серьги, а нити на шеѣ бусы и разнаго рода ожерелья; ферровьеры также въ большемъ употребленіи и обыкновенно состоятъ изъ металлическихъ цвѣточекъ, у богатыхъ даже и серебряныхъ, опутываемыхъ въ нѣсколько рядовъ вокругъ головы. — Русскіе и Зыряне, достающіе имъ этотъ товаръ, пользуются ихъ слабостью и разумѣтся берутъ за все въ три-дорога, а Самоѣдки, даже и бѣдныя, не могутъ отказать себѣ въ удовольствіи утѣшаться красными и желтыми сукошными и звонкими побракушками...» (Стр. 32).

Но особенно интересны въ описаніи самоѣдскихъ обычаевъ тѣ черты грубости, которыя невольно раздражатъ въ умѣ читателя любопытныя слабости. Вотъ, на-примѣръ, какіе низмыи исполнены понятія Самоѣдовъ о бракѣ и какъ мало заботятся эти дикари прикрывать ихъ пріятными и тонкими продѣлками:

«Отецъ женитъ дѣтокъ своихъ, не спрашивая напередъ ихъ на то согласія, и случается такъ, что родители совсѣтаютъ сына съ самаго его малолѣтства, иногда даже и на несовершеннолѣтней дѣвкѣ. Тогда отецъ, для переговоровъ съ родителями невѣсты, посылаетъ къ нимъ родственника или знакомаго сватомъ, но Сам. Эву, который съ шонволокомъ или варильнымъ крюкомъ въ рукѣ, отправляется въ невѣстныя чумы, по прибытіи туда объявляетъ отцу или посланнику его и кладетъ ему на колѣни ласку крас-

ную или бурную. Для опредѣленія этихъ состоянiя жениха; самъ выходить изъ чула, а иногда и утѣжаетъ тогда же обратнo къ хозяину своему. Если подарокъ понравится отцу, и онъ пожелаетъ отдать дочь свою замужъ, то оставляетъ его у себя; если же нѣтъ, то немедленно стѣсляетъ обратно. Въ первомъ случаѣ свать снова ѣдетъ въ чулъ будущаго тестя, но этотъ разъ беретъ только одну бирку и молча подаетъ ее тестю, который намѣтаетъ на ней столько рубжковъ; сколько желаетъ взять за дочь свою оленей, песцовъ и т. д. и отдаетъ ее свату; свать, если удостоенъ въ томъ отъ хозяина, срѣзываетъ съ бирки число рубжковъ, которое ему кажется лишнимъ. Условившись наконецъ въ цѣнѣ, каждый изъ нихъ, на обонхъ конпахъ палочки, кладетъ клеймо свое, рассказываетъ бирку на две и тотъ и другой беретъ каждый по половинкѣ. Въ продолженiе всей этой сдѣлки не говорится почти ни слова и только дѣйствуютъ посредствомъ знаковъ.

Цѣны самоѣдскимъ иестьямъ бывають довольно значительныя, сообразяясь съ красотой и молодостью иестьмы и съ богатствомъ жениха» и пр. (Стр. 126 и 127).

Богослуженiя у Самоѣдовъ нѣтъ никакого. Жрецы ихъ — тадибем, занимаются почти исключительно шарлатанскимъ леченiемъ болѣзней и равнаго рола предсказанiями. Вотъ что между прочимъ рассказываетъ о нихъ г. Иславнъ:

«Самоѣды прибѣгаютъ обыкновенно къ Тадибею для излеченiя отъ болѣзней, для предсказанiя — успѣшенъ ли будетъ промыселъ, для указанiя — кто похитилъ изъ стада оленей и т. д. Тогда Тадибей, чтобы испытать сперва въ состоянiи ли онъ излечить больнаго, начинаеть дѣлать надъ самимъ собою разнаго рода встязанiя; садится подъ большой пологъ, гдѣ ставитъ подлѣ себя котелъ съ теплою водою, но нѣсколько человекъ съ каждой стороны попеременно обязываютъ ему веревкой то руку, то ногу, то голову и тпуть съ обонхъ сторонъ; тогда видно, какъ Тадибей бьется подъ пологомъ и слышно какъ у него будто отрываются члены; если по окончанiи всего этого испытанiя Тадибей выйдетъ цѣлъ и невредимъ, то значить, что въ

немъ дѣйствуетъ высшая сила и что успѣхъ въ леченiи несомнителейъ. Во время вдохновенiя онъ дѣлаетъ будто вознаеть себя помполъ или ножъ въ одинъ бокъ, а изъ другаго вынимаетъ его и даже присутствующимъ позволяетъ дѣлать тоже надъ собою, и если не покажется ни капли крови, а только опустея слѣды на одеждѣ Тадибея, то это предрѣкаеть счастливымъ успѣхъ и проч. (Стр. 110—111).

Прочтатъ рассказы г. Иславина о шарлатанствѣ тадибеевъ, мы не могли не вспомнить нѣсколькихъ фактовъ, которыхъ сами были очевидцами въ странѣ, играющей огромную роль въ просвѣщенiи человѣчества. Одинъ изъ этихъ фактовъ приводитъ Валери въ своемъ Путешествiи по Италiи. Выписываемъ нѣсколько строкъ изъ его разсказа:

«Въ сентябрѣ 1826 года, я присутствовалъ (въ Неаполѣ, въ церкви Св. Январiя) при совершенiи чуда надъ кровью. Стаклянкъ съ кровью св. Январiя хранятся въ особомъ шкапу позади алтаря. Отъ этого шкава есть всего на все два ключа, изъ которыхъ одинъ находится у представителя города, другой у архiепископа Случалось, если чудо слишкомъ долго, не совершалось, что народъ кидался съ озлобленiемъ на маотрашцевъ, которыхъ всѣхъ почитаетъ онъ Англичанами и еретиками.

На этотъ разъ чудо совершилось въ полдень, такъ какъ мнѣ предсказали люди, соавтовавшие зайти въ церковь именно объ эту пору; пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ счастливую новость.» (Voyage en Ital., t. XII, ch. VII).

Но перейдемъ теперь ко второй задачѣ г-на Иславина — къ послѣдованiю отношенiй, существующихъ между Самоѣдами и переселенцами изъ Русскихъ и Зырянъ. Въ продолженiе всего сочиненiя, чуть не на каждой страницѣ упоминается о притѣсненiяхъ, претерпѣваемыхъ Самоѣдами отъ этихъ промышленниковъ. Авторъ не жалѣеть фактовъ для доказательствъ той мысли, что эти притѣсненiя со-

ставляют единственную причину разорения дикарей. В главѣ заглавы идут факты историческіе: г. Иславинъ доказываетъ свидѣтельствами летописей и сохранившимися до сихъ поръ грамматиками, что Самоѣды были первыми обитателями и владѣтелями тундры. Но, по нашему мнѣнію, эти историческія доказательства никакъ не могутъ имѣть силы дородовъ юридическихъ. Они дѣйствительно убѣждаютъ въ томъ, что Самоѣды первые заняли Мезенскую-Тундру; но слѣдуетъ ли изъ этого, что Русскіе и Зыряне не имѣли права въ послѣдствіи также поселиться въ этихъ мѣстахъ? Здѣсь неумѣсто было бы пустяться въ размышленіе о разумности или неразумности права завладѣнія землею; но, смотря на вопросъ даже съ общепринятой и тысячелѣтними утвержденной точки зрѣнія, нельзя не замѣтить, что Самоѣды, какъ народъ кочевой, не могутъ претендовать на это право даже и на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ оно приписывается народу осѣдлому, занимающемуся промыслами, предполагающими признаніе поземельной собственности. Ни Русскіе, ни Зыряне не отнимали у Самоѣдовъ ни земли, ни оленей, рѣшительно ничего; а дѣло въ томъ, что беспечныя дикарямъ, почти-незнакомымъ съ торговлею, дѣйствительно пришлось плохо, когда въ пыстынѣ, гдѣ они нѣкогда кочевали одни, вдругъ появились промысловики, неутомимые, ловкіе и оборотливые. Изъ одного оленеводства извлекли они такія выгоды, о какихъ и не помышляли ихъ дикіе соперники, ограничивающіеся употребленіемъ въ пищу мяса оленя да приготовленіемъ изъ шкуры и жилъ этого животного одежды, ремней и нитокъ въ домашнемъ обиходѣ. Для Русскихъ и Зырянъ, напротивъ того, оленеводство служитъ источникомъ множества продуктовъ, которыми они ведутъ дѣятельный торгъ. Одниъ этотъ промыселъ могъ бы уже сдѣлать ихъ значительными капиталистами. Но они не ограничиваются имъ, употребляя часть

своихъ капиталовъ на пріобрѣтеніе хорошихъ снастей для забройной и рыбной ловли, которая опять приноситъ имъ огромныя выгоды. За неимѣніемъ добрыхъ снарядовъ, Самоѣды и въ этомъ отношеніи отстали отъ своихъ осѣдлыхъ соперниковъ: они принуждены бываютъ или брать у нихъ снасти на прокатъ, платя за пользованіе дорогою цѣною, или плати къ нимъ въ долю, что дѣлается также на условіяхъ крайне невыгодныхъ для дольщиковъ. Если присоединить къ этому экономическія преимущества осѣдлой жизни предъ кочевую, то мы получимъ уже много данныхъ, которыми объясняются бѣдственныя для Самоѣдовъ результаты соперничества съ Русскими и Зырянами. Г. Иславинъ въ книгѣ своей развиваетъ эту мысль во всемъ ее объемѣ и очевидности. Не понимаемъ послѣ этого, о какихъ же притѣсненіяхъ говоритъ онъ такъ часто? Правда, Самоѣды вошли въ долги, и значительная часть ихъ, поэтому, живетъ въ работникахъ, т. е., въ кабалѣ у Русскихъ и Зырянъ; правда и то, что всѣхъ промысловиковъ нѣрѣдко пользовались и до сихъ поръ не перестаютъ пользоваться ихъ страстью къ вѣнству, какъ Живы въ западныхъ губерніяхъ; но первое обстоятельство — опять — таки неминуемый результатъ превосходства, втораго же — какъ оно ни постыдно для сильныхъ, все-таки нельзя назвать притѣсненіемъ, а скорѣй обольщеніемъ. Одну только протѣлку изъ описанныхъ г. Иславинимъ находимъ мы достойною часто употребляемаго имъ названія — притѣсненіе: это то, что Русскіе и Зыряне, пользуясь легковѣріемъ Самоѣдовъ, забираютъ ихъ въ кабалу подъ предлогомъ долговъ вымышляемыхъ, сдѣланныхъ будто-бы ихъ отцами и дѣдами. На такое плутовство тѣмъ необъяснимо было указать, что оно легко можетъ быть устранено введеніемъ строгихъ юридическихъ формъ. Какъ бы то ни было — это частный случай, изъ котораго не слѣдуетъ угадывать извѣстнаго, въ слѣдствіе необходимаго, ка-

тя и довольно-тягостнаго общенія съ русскими и зырянскими промышленниками. Самоѣды отстаютъ мало-помалу отъ своей дикости. Большая часть изъ нихъ приняла уже христіанскую вѣру. Впрочемъ, въ заключеніи своей книги, г. Иславинъ обнаруживаетъ взглядъ на отношенія Самоѣдовъ къ ихъ соперникамъ, совершенно-согласный съ нашимъ. Вотъ собственные слова путешественника:

« При этомъ, хотя кратко-обрисованномъ очеркѣ настоящаго быта Самоѣдовъ, неизлишне было бы упомянуть и о состояніи нынѣ существующаго у нихъ административнаго порядка, еслибъ не представлялось, что частію по замѣчаніямъ мѣстнаго начальства, частію же по нашимъ предположеніямъ, прежнія постановленія вскорѣ подвергнутся измѣненію и могутъ быть приняты новыя мѣры для устройства этого народа.—Но даже и при новомъ, лучшемъ порядкѣ вещей *нельзя предсказать Самоѣдамъ счастливой будущности*: племя это должно въ непродолжительномъ времени слиться съ народомъ сильнѣйшимъ—это слишкомъ естественный ходъ вещей, явленіе повторяющееся каждый разъ, при столкновеніи болѣе развитаго народа съ полудикимъ, необразованнымъ племенемъ, — и какъ могутъ быть печальны, неведальныя Самоѣды устоять противъ нравственнаго надъ ними вліянія бойкихъ предприимчивыхъ Зырянъ и Русскихъ? Богатые слишкомъ нуждаются въ нихъ для сбыта промысловъ, бѣдные слишкомъ привыкли считать ихъ своими властителями, и бѣднымъ трудно представить себѣ, чтобы они могли существовать безъ Зырянъ и Русскихъ, а весь народъ слишкомъ страстно преданъ горячимъ напиткамъ, чтобы когда-либо могъ самостоятельно управлять собою и удержать хотя малую часть неутраченнаго еще достоянія своего. » — (Стр. 141.)

Вотъ это справедливо! Не понимаемъ только, почему же авторъ отказывается Самоѣдамъ въ счастливой будущности. Вѣдь находить же онъ, что при жаждѣ самостоятельности своей, они вполне несчастны: отъ-чего же не допустить, что, по слиянію съ Русскими и Зырянами, они сдѣлаются счастлив-

ѣе, усвоивъ себѣ хоть половину тѣхъ свойствъ, которыя теперь даютъ этимъ переселенцамъ такой важный перевѣсъ надъ дикими обитателями тундры? Въ, еслибъ г. Иславинъ привиделъ къ числу тѣхъ мыслителей, которые въ народѣ больше всего уважаютъ его оригинальность, т. е. уклоненіе отъ общечеловѣческаго характера, и утверждаютъ, что національная особенность то же, что личностъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, тогда мы нисколько не удивились бы его сомнѣнію и объяснили бы его скорбью о предстоящей уtratѣ самоѣдской народности... Но мы не замѣтили въ немъ никакихъ странныхъ теоретическихъ предубѣжденій, что и заставляло насъ указать на мелкіе промахи, встрѣчающіеся въ весьма-маломъ количествѣ въ его прекрасномъ сочиненіи.

Въ заключеніе нашего отзыва, не можемъ не заимствовать изъ книги г. Иславина нѣсколько въ высшей степени любопытныхъ фактовъ относительно быта Русскихъ и Зырянъ, поселившихся въ странѣ Самоѣдовъ.

« Трудно повѣрить, чтобы въ такомъ отдаленномъ и, по общепринятому понятію, пустынномъ, заброшенномъ краѣ, было столько распространено между крестьянами богатства и благосостоянія: не говоря уже о значительномъ (для крестьянина) состояніи человѣкѣ 15-ти Ижемскихъ крестьянъ, изъ коихъ каждый имѣетъ по нѣсколько тысячъ (до 6,000) оленей и по нѣсколько десятковъ тысячъ чистаго капитала, даже у многихъ бѣдныхъ печорскихъ крестьянъ болѣе встрѣчаешь достоянія, чѣмъ во многихъ губерніяхъ пространной Россіи. »

« Между Ижемскими оленеводцами богатымъ почитается только тотъ, у котораго отъ 1,000 до 5,000 или 6,000 оленей; тѣ, которые имѣютъ ихъ отъ 500 до 1,000 принадлежатъ къ *среднему состоянію*, а имѣющіе 100, 200, 300 оленей считаются *бѣдными*, между тѣмъ какъ Самоѣды бѣднымъ почитаются только тогда, когда имѣютъ менѣе 50 оленей » (Стр. 74 — 75).

Въ самомъ быту своемъ, переселенцы отличаются развитіемъ потребно-

стей, неслыханнымъ между крестьянами внутреннихъ губерній. Но г. Иславинъ весьма-справедливо упрекаетъ ихъ въ жадности; эта слабость ведетъ ихъ къ неизмѣрному вылавливанію рыбы и заѣрой, которое имѣетъ слѣдствіемъ своимъ ежегодное уменьшеніе тѣхъ и другихъ. Замѣчательно, что священникъ Вельяминовъ говоритъ то же самое о промышленникахъ Алеутскихъ-Острововъ.

Остается пожелать, чтобы у насъ повывалось побольше такихъ сочиненій, какъ «Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту» г. Иславина.

106) Руководство къ Всковщей Исторіи. Соч. орд. профессора, Д-ра Ф. Лоренца. Часть II. Отдѣленіе I. Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 8ю д. л. 808 стр.

Нѣкоторые критики (между прочими г. Герцъ, авторъ недавно вышедшаго въ свѣтъ Историческаго Сборника) упрекали г. Лоренца за то, что онъ не изложилъ исторіи литературы среднихъ вѣковъ въ томъ видѣ, въ какомъ изложена нѣтъ исторія древней литературы. Въ предисловіи къ нынѣ вышедшему изданію перваго отдѣленія второй части «Руководства», авторъ излагаетъ причины, заставившія его отогнать отъ плана, котораго держался при изложеніи исторіи древней литературы. Вотъ главный аргументъ его:

«Развитіе западнаго образованія (въ средніе вѣка) не вездѣ происходило единообразно, ни одинакимъ образомъ. Поэтому невозможно изобразить въ общахъ литературныхъ обзорѣхъ, ни того участка, которое принимали въ образованіи отдѣльные народы, какъ скоро въ нихъ пробуждалась свободная дѣятельность духа, ни тѣхъ обстоятельствъ, которыя у однихъ содѣйствовали успѣхамъ образованія, у другихъ же препятствовали имъ; это должно перенестись съ общими движеніемъ исторической жизни: (VIII—IX).

Что касается до насъ, мы въ этомъ случаѣ совершенно-согласны съ г. Ло-

ренцомъ и полагаемъ даже, что исторія много выигрываетъ разомъ со стороны единства и со стороны разнообразія, если представлять въ одной картинѣ развитіе всѣхъ ступеней общественной жизни. Поэтому, мы скорѣи готовы радоваться отсутствію въ «Руководствѣ» тѣхъ исторіи литературныхъ обзорѣній, отдѣленныхъ отъ изложенія политическихъ событій.

Второе изданіе перваго отдѣленія второй части не представляетъ никакихъ замѣненій противъ перваго, и потому остается радоваться самому факту его появленія.

107) Картина Земли для наглядности при преподаваніи физической географіи, составленная А. Ф. Постельсомъ. Съ литографированными большими рисунками. Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Праца. Въ 4-ю д. л. 7 стр.

Вѣроятно, не одному педагогу случилось замѣчать, что переходъ ребенка отъ лѣности къ привлеканію болѣею частью происходитъ отъ того, что одинъ какой-нибудь предметъ преподаванія прійдется ему сильно по сердцу и непримѣтно (по причинѣ неразрывной связи всѣхъ наукъ), завлечетъ въ изученіе всего остальнаго. Этотъ фактъ лучше всего доказываетъ, что еслибъ всѣ науки излагались для дѣтей занимательно, то количественное отношеніе лѣнивыхъ учениковъ къ прилежнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отношеніе числа школьныхъ наказаній къ школьнымъ наградамъ, имѣлось бы самымъ пріятнымъ образомъ. При убійственной сухости, которою перрѣдко отличается начальное преподаваніе, — обвиненіе дѣтей въ лѣности и сопряженное съ нимъ изставленіе ихъ изъ школьной плоти со всѣми влѣніями его на ихъ нагнія души, исполнено обратительной ироніи: бранять и наказывать ребенка за то, что онъ случайно не находитъ интереснымъ, а учитель — виновникомъ его скуки — не назваться за строгость и неумисность!

Финская географія привалю-

жить къ числу тѣхъ наукъ, которыя сильно интересуютъ дѣтей, если учитель увидитъ сколько-нибудь оживить ея преподаваніе. Но вотъ, что говорить объ этомъ А. Ф. Постельсъ, — на педагогическую опытность котораго нельзя не полагаться, — въ предисловіи къ изданной имъ «Картинѣ Земли»:

«Наблюдая нѣсколько лѣтъ за преподаваніемъ Географіи въ учебныхъ заведеніяхъ, я убѣдился, что большая часть дѣтей встрѣчаетъ неодолимые трудности въ приобрѣтеніи такихъ понятій, которыя съ перваго взгляда кажутся весьма простыми и доступными самому юному возрасту. Это явление, безъ сомнѣнія, известно всякому учителю Географіи, хорошо знающему свое дѣло. Оно объясняется весьма просто: ребенокъ можетъ представить себѣ ясно тѣ вещи, которыя онъ часто видѣлъ, и если не всегда въ состояніи дать имъ точное и логическое опредѣленіе, то это приписать должно единственно недостатку способности выражать мысли словами. За то ребенокъ, отъ роду не видавшій извѣстныхъ предметовъ, при всей ясности объясненія оныхъ учителемъ и при всей своемъ прилежаніи, рѣдко успѣетъ усвоить себѣ опредѣленія объ ихъ понятіи. Въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ я встрѣчалъ дѣтей, которыя, не выѣзжая никуда изъ столицы и не имѣвъ случая видѣть ни горы, ни моря; ни озеръ, ни болотъ, ни многихъ другихъ предметовъ, о которыхъ говорится въ началахъ физической Географіи, не могли составить себѣ сколько-нибудь яснаго понятія о ихъ видѣ, и выучивали только голыя ихъ опредѣленія по прилжаннымъ руководствамъ».

Изъ этого слѣдуетъ, что еще и о не необходимости ясно изложенія наукъ педагогъ долженъ толковать господамъ-наставникамъ юношества.

«Гдѣ при преподаваніи естественныхъ наукъ, недостаетъ природы», продолжаетъ г. Постельсъ: «тамъ учитель обязанъ объяснить ее черченіемъ мѣломъ на доскѣ, въ самой классѣ, или изображеніемъ въ рисункахъ; ибо одно только словесное объясненіе вещественныхъ предметовъ, при отсутствіи, неудовлетворительно. Но такъ какъ по сіе время еще не было издано, въ вѣ-

дѣ общаго обзоренія, изображенія предметовъ, упоминаемыхъ въ Географіи, то я составилъ идеальную картину, заключающую въ себѣ все, что относится до науки этой и можетъ быть выражено въ очеркахъ и представлено въ перспективѣ. (Стр. VI.)

Какъ видно изъ этихъ выписокъ, главная цѣль г. Постельсы состояла въ уясненіи предметовъ, составляющихъ тѣло физической географіи. Но можно смѣло сказать, что трудъ его вышелъ гораздо-важнѣе и совершеннѣе, чѣмъ самъ онъ думаетъ, потому-что его «Картина» вполне удовлетворяетъ и друго-му высшему условію преподаванія — условію занимательности. Во-первыхъ, самая наглядность предметовъ излагаемой науки — великое средство заинтересовать ребенка. Во вторыхъ, г. Постельсъ попалъ на настоящій путь между двумя крайностями, убивающими занимательность преподаванія — между излишнею полнотою и излишнею краткостью. Пространныя руководства къ географіи (да и не къ одной географіи) большею частью наполняются такими подробностями, которыя понятны и интересны только при знаніи другихъ наукъ, особенно естественныхъ; а краткія — заключаютъ въ себѣ слишкомъ-сухую выжимку, состоящую изъ опредѣленій предметовъ часто уже извѣстныхъ самому малому дитяти. Все искусство учителя въ отношеніи къ занимательности въ томъ и состоитъ, чтобъ избѣжать этихъ двухъ недостатковъ. «Картина Земли» можетъ служить образцомъ такого искусства. Ея нельзя назвать курсомъ физической географіи, потому-что она заключаетъ въ себѣ только смыслъ предметовъ этой науки; но нельзя не назвать превосходной программой, опредѣляющей предѣлы яснаго и занимательнаго преподаванія избраннаго предмета.

Названія предметовъ, изображенныхъ въ «Картинѣ», напечатаны на трехъ языкахъ — по-русски, по-французски и по-нѣмецки. — Автографическое исполненіе «Картинны» весьма-очетливо.

107) *Краткія Правила преподаванія русскаго языка и грамматики для Русскихъ, Виктора Полоцова, инспектора классовъ Михайловскаго Воронежскаго Кадетскаго Корпуса. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 12 ю д. л. 78 стр.*

Цѣль этихъ правилъ сдѣлать болѣе доступною для массы народа (какъ говорить самъ авторъ) Русскую Граматику для Русскихъ..

108) *Новая Библиотека для Воспитанія, издаваемая Петромъ Рѣвнымъ. Книжка III. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 16-ю д. л. 200 стр.*

Мы посмотримъ на Библиотеку для Воспитанія, какъ на собраніе статей для чтенія дѣтямъ, какъ на Дѣтское Чтеніе, и съ этой стороны вышедшія три кивжки могутъ удовлетворить требованіямъ критики. Въ третьей помѣщены слѣдующія статьи: *Атлантическій Океанъ*, извлеченіе изъ нѣмецкаго сочиненія: Zimmermann's das Meer, гдѣ разсказана исторія Колумба, *Странствованія Одиссея*, и нѣмецкая народная сказка *Первый Герцогъ Церингенскій* - повѣствованіе о томъ, какъ могущественные нѣкогда герцоги церингенскіе проиязли изъ низкаго рода, изъ сословія угольщиковъ.

109) *Альманахъ для Дѣтей, составленный П. Фурманомъ. Съ картинками. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Жернакова. Въ 16-ю д. л. 181 стр.*

Изящно-изданная книжечка, вмѣщающая въ себѣ двѣ комедіи и одну драму, сочиненія А. С—ны, и еще драму въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ, подъ которой подписано—Э. Г—ръ Въ одной изъ комедій А. С—ны объясняется, что воровать не годится, потому что воровъ берутъ въ полицію. Вотъ что говоритъ шведъ, Агаея Павловна, Лизѣ, укравшей у нея золотыя часы:

«Да! это ужасно!... Ты не хотѣла подумать о пагубныхъ послѣдствіяхъ воров-

ства!.. Развѣ ты не знаешь, какъ зываютъ воровъ? Развѣ тебѣ неизвестно, что ихъ съ позоромъ заключаютъ въ мрачную тюрьму; они лишаются свободы и напекаютъ на себя общее презрѣніе...

Что было бы съ тобою, еслибъ торговка отвела тебя прямо въ полицію! (Стр. 110).

«Вообще чрезвычайно - прискорбно видѣть, когда на дѣтей дѣйствуютъ страхомъ: «Выучи урокъ», говорятъ маленька ребенку: «а то въ гости не поѣдешь». Не капризьтесь, сузари, папенька осерчаютъ, ровги задуютъ. Не бери этого, серденько, маленька увидятъ, забранятся. И ребенокъ изъ страха учится, не капризничаетъ и не воруешь; но что изъ него выйдетъ?

Картинки въ альманахѣ, составленномъ г. Фурманомъ, не дурны: впрочемъ, онѣ заимствованы по-болшой части изъ чужихъ изданій. Вообще альманахъ чистенькій. При томъ распролажъ его должна способствовать его цѣль: онъ продается въ пользу Санктпетербургской Дѣтской Больницы. Цѣна 1 р. 50 к. сер.

110) *Сынъ Рыбака, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Повесть для дѣтей. Сочиненіе П. Фурмана. Съ 8-ю литографированными картинками. Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Жернакова. Въ 12-ю д. л. 124 стр.*

Книжка эта уже не составлена, и сочинена г. Фурманомъ, и сочиненія гораздо-лучше составленной; въ ней думе только картинки, но за то она написана умно, живо и интересно. Она заслуживаетъ полнаго вниманія родителей и дѣтей. Намъ остается пожелать ей еще нѣсколько изданій.

111) *Историческія Животныя Съ картинками. Москва. Въ тип. Сенина. 1847. Въ 8-ю д. л. 94 стр.*

Подъ этимъ именемъ собраны всѣ извѣстныя анекдоты объ андроклессомъ лвѣ, неровной тигрицѣ, барсахъ Геліогабала, сен-бернарскихъ со-

бавахъ, Бупе-фалъ, калигуловомъ конѣ, и проч., и проч. Дети прочтутъ эти неждоты съ удовольствіемъ, тѣмъ-бо-ѣе, что приложенныя картинки очень-недурны, печать тоже, однимъ сло- юмъ, книжка издана хорошо, къ чему насъ вовсе не приучили московскіе кни- олѣбъщники. Должно замѣтить, одна- юмъ, что авторъ или переводчикъ ногъ бы выразиться о животныя по- проше и во многихъ мѣстахъ попра- вильнѣе. Торжественность рѣчи не- прилична при разсказѣ о такихъ тва- рахъ, которыя хотъ и принадлежать къ историческимъ, но все-таки покор- ны человѣку. Другое дѣло, еслибъ ав- торъ говорилъ о человѣкѣ — тутъ тор- жествуйте какъ угодно: вѣдь человѣкъ есть именно принадлежность исторіи; это собственно - историческое живот- ное.

112) Правило Русской Калигра- фии или Россійскія Прописи. Из- данная И. П. Лоскутовымъ. Санктпе- тербургъ. 1847.

Прописи эти не отличаются ни осо- бенными достоинствами, ни особенны- ми недостатками. Такъ-себѣ, хорошія прописи.

113) Сказокъ Мужичекъ. Русская сказка въ дѣйствіи. Соч. Павла Ваненко. Москва. Въ тип. Лазар. Иуст. Вост. Лыкова. 1846. Въ 12 ю д. л. XX, 291 стр.

Новое сочиненіе г. Ваненко показы- ваетъ, что онъ не теряетъ своего та- ланта и не хочетъ оставить прежняго направленія. Превжія сочиненія свои писалъ онъ провой, во вотъ уже другое, въ которомъ онъ вооружился стихомъ въ очень-недурнымъ.

114) Новый Французскій Бук- варь или лучший способъ научиться правильно читать и писать по француз- ски, содержащій въ себѣ упражненія въ чтеніи, краткій словарь, грамматиче- скія упражненія, разговоры, басни, по- словицы, примѣры для пере- водовъ. Составленная (букварь-то?) А. Се-

рафимовичемъ Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. А. Сычева. Въ 8-ю д. л. 87 стр.

Букварь, составленная г. А. Сера- фимовичемъ, представляетъ учебнику слѣдующее:

«*E*, (accent grave) аксантъ *гравэ*, про- износится съ большимъ отверстіемъ рта, напр. *succès* (сюксе), успѣхъ.

«Чтобы правильно и хорошо читать, должно каждый слогъ произносить гром- ко и ясно.

Nous vous remercions.

Qui fait on? что дѣлають?

Din-t-on? не обѣдаютъ ли?

Mouque-t-on? Не кушаютъ ли? (Стр. 67).

Il n'aime la paresse. Онъ любитъ лѣ- вость.

Je sois dans ma onzième année. Мнѣ однадцатый годъ.

Ce n'est pas encore fort âgé. Это еще не великъ возрастъ.

Il mange — онъ кушаетъ (стр. 69).

Quel âge votre saur?

C'en un enfant encore.

Ils ont garçon et une fille. Есть сынъ и дочь.

Où dors? Куда это?

Ma cheve amé. Моя любезная подруга.

Mon cher fanfan, Милое дитя мое.

La pomme est le fruit du pommier ; on fait du cidre avec des pommes, quand elles ont été écrasés dans un pres- soir.

Antisphène disait : que...

Accordez a nous — даруй намъ.

Вотъ начало одной басни:

«*Le lion honorait un lidors d'une intime familiarité. Mais est-il bien vrai, Monsieur les lions, dit un jour le lidors, que le chant d'un misérable coq vous met si facilement en fuité.* — Левъ удостоилъ одного зайца своего короткаго знакомства. Правда ли, спросилъ его однажды заяцъ, что васъ львовъ, голосъ бѣднаго пѣтуха легко про- гоняетъ.»

А вотъ начало другой:

«*Est la peine de travailler tout lété, pour faire un si petit amos?* — Стоитъ ли труда работать цѣлое лѣто, для собра- нія такихъ малостей.»

И эту книгу прочать въ руковод- ство!!.. Остается питать надежду, что всякій, кто просмотритъ хоть одну страничку этого изданія, — отложить его въ сторону, на прилавокъ книжна- го магазина.

116) Сельское Чтеніе. Книжка сторал, изданная княземъ В. О. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ. Изданіе третье. Санктпетербургъ. 1847. Вь тип. И. Глазунова и Коми. Вь 8-ю д. л. 149 стр.

«Сельское Чтеніе», вромѣ несомнѣнаго безотносительнаго достоинства содержащихся въ немъ статей, имѣетъ въ литературѣ нашей ту важность, что это—единственное въ своемъ родѣ сочиненіе для простаго народа: покушенія господъ индустриалестовъ составить что-нибудь въ томъ же родѣ безъ пособія таланта и спеціальныхъ знаній, до-сихъ-поръ остаются совершенно-безуспѣшными. Поэтому, каждое новое изданіе этого крестьянскаго альманаха составляетъ весьма-пріятное явленіе.

117) Гран-Пасьянсъ, или собраніе разныхъ видовъ этой игры. Съ 30-ю таблицами. Составилъ А. А — въ. Санктпетербургъ. 1847. Вь тип. Жернакова. Вь 16-ю д. л. 83 стр.

«Издавая такое собраніе пасьянсовъ, мы вполне увѣрены, что достигнемъ предполагаемой цѣли, то есть, доставимъ для многихъ пріятное и веселое развлеченіе въ минуты скуки, въ долгіе зимніе вечера, въ одиночествѣ, или даже вѣрное средство къ приобрѣтенію и поддержанію хорошей памяти. Также будемъ способствовать дальнѣйшему развитію и распространенію этого веселаго занятія...» (Введеніе).

Составитель этой книжицы, быть-можетъ, и достигнетъ предполагаемой цѣли — доставитъ пріятное и веселое развлеченіе въ одиночествѣ; но мы рѣшительно не беремся объяснить — какими образомъ гран-пасьянсъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрное средство къ приобрѣтенію и поддержанію хорошей памяти. Впрочемъ, если г. составитель «Гран-Пасьянса» написалъ эту фразу и безъ убѣжденія въ ея справедливости — все-таки она доказываетъ великую истину — именно, что человѣку тяжело сознание бесполезности дѣлъ, творимыхъ имъ въ мірѣ, и книгъ, издаваемыхъ безъ всякой надобности...

Всего замѣтательнѣе въ изданномъ нынѣ руководствѣ къ пріятнымъ и

веселымъ развлеченіямъ нѣкоторыя названія гран-пасьянсовъ, на-примѣръ: *Угадай! Двое на одно, Бѣлѣ масло* (такъ называется, потому-что *давать рукамъ большое движеніе* (стр. 16) *Слѣпой, Эюиста, Вальтеръ-Скотта Двойной Вальтеръ-Скотта, Бредулія* проч. Всѣхъ пасьянсовъ 46. Г. А — въ извѣщаетъ въ своемъ предисловіи бы городное желаніе способствовать дальнѣйшему развитію и распространенію этого веселаго занятія. И повидно ли онъ звался за дѣло? Не упустилъ ли онъ изъ вида господствъ другого занятія — преферанса? Намъ сдается, что въ минуты скуки, въ долгіе зимніе вечера, чтобъ не быть въ одиночествѣ, современный человѣкъ скорѣе засядетъ съ домашними или съ знакомыми на вѣсколько добрыхъ пудовъ чѣмъ станетъ бить масло. Или раскладывать «Бредулію» да «двойного Вальтера Скотта».

118) Комедія съ Дядюшкой. Оригинальная шуточная оперетка-водевилъ въ одномъ дѣйствіи. П. И. Григорьевъ 1-го. Санктпетербургъ. 1846. Вь тип. К. Крайя. Вь 8-ю д. л. 34 стр.

119) Красноврскій Купецъ. Комедія-водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Н. Акседа. Сюжетъ заимствованъ изъ Скриба. Санктпетербургъ 1847. Вь тип. в. Крайя. Вь 8-ю д. л. 40 стр.

110) Маскарадъ въ Оперномъ Театрѣ, или Проказы Женатаго. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ Переводъ съ французскаго А. Н. Андреева Санктпетербургъ. 1847. Вь тип. К. Крайя. Вь 8-ю д. л. 54 стр.

1121) Ворона въ павлиньихъ перьяхъ, или Слуга-Графъ, Графъ-Слуга. Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ. 1846. Вь тип. К. Крайя. Вь 8-ю д. л. 26 стр.

Почти всѣ эти пьески выходятъ въ ряда абсолютно-плохихъ издѣлій, въ некоторыхъ яные актёры губятъ свои дарованія. Лучшая изъ нихъ — «Комедія съ Дядюшкой»: въ ней есть капля жизни, и нѣкоторыя сцены рѣшительно замѣтны. По-крайней-мѣрѣ, лицу дядюшки искусный актёръ легко можетъ при-

ать какой-нибудь характеръ. Но все-о больше понравилось намъ обращеніе къ публикѣ, которыми, по завеле-ному обычаю, ограничивается воедвиль въ которомъ авторъ выразилъ очень-рѣдкую скромность своихъ притваз-ій:

Если вы здѣсь не скушали,
Какъ случалось иногда,
Стало быть мы угадали,
Что вамъ нравится всегда.

«Красноярскій Купецъ» очень-плохъ о завязкѣ, которая приводитъ въ от-звнне своею неестественностью; но въ емъ очень-неудурны куплеты.

«Маскарадъ въ Оперномъ Театрѣ» олженъ быть очень-забавенъ на снѣ-ѣ, при ловкой игрѣ актѣровъ. Кое-ка-ія неудобства супружескаго сожитія ыставлены въ немъ очень-ловко, и вель завязки стануть искуено.

«Ворону въ павлиньихъ перьяхъ» по-казалитъ рѣшительно не за что: содер-жаніе избитое, лица — походить на ку-шолъ, да и переводъ — съ грѣхомъ по-лоламъ. Впрочемъ, вотъ что поестъ, въ заключеніе воедвиль, одво мѣзъ дѣйстви-ующихъ лицъ къ публикѣ:

Вы насъ приговоромъ своимъ пошадите,
У васъ смисхожденія мы просимъ все-гда,

Поль крымшико ваше насъ только при-мите,
Намъ критиковъ перья не страшимъ то-гда.

122) Мстиславлевъ или сдана горо-да Моплева. Историческій романъ изъ царствованія Царя Алексѣя Михайло-вича въ 1654 году. Въ двухъ частяхъ. Соч. Н. Г. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1846. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части — 75, до 11-й — 81 стр.

Прованеденіе, соединяющее въ себѣ Марлинскаго и г. В. Потапова, выво-дящее на сцену Русскихъ и Поляковъ, изъ которыхъ первые говорятъ на ма-веръ Поляковъ, а послѣдніе на манеръ Русскихъ, путаница и фразы, по-томъ фразы и путаница, не послѣ-довательно, а современно, не съ отды-хомъ, а безпрерывно — вотъ намъ «Мстиславлевъ». Сочинитель скрылъ-свое имя за таинственными точками, намекая какъ-будто на родство свое съ извѣстнымъ авторомъ... Впрочемъ, по-слѣ явленія нѣкоторыхъ предисловій и писемъ, мы должны быть готовы на все, на все: можетъ-статься, творецъ «Мстиславлева» и дѣйствительно сродни извѣстному автору; но не можетъ стать-ся, чтобъ самъ извѣстный авторъ напи-салъ «Мстиславлева».

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Къ читателямъ «Отечествен-ныхъ Записокъ».

Въ послѣднее время у насъ замѣтна стала особенная любовь къ изслѣдова-нію своего, роднаго и народнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что чувство это никогда не угасало; вниманіе наше только вре-менно обращено было на другой, не жель важный предметъ: на общее обра-зованіе и ученіе, которое намъ дол-жно было себѣ усвоить, и, болшею частію, вскати первоначально виѣ оте-чества. Но «познай самого-себя» — это воедвое наставленіе, которое мы встрѣ-чаемъ въ различныхъ выраженіяхъ

едва-ли не у всѣхъ народовъ, достиг-шихъ нѣкоторой степени самознанія. И нашъ народъ говоритъ: «знай себя, указывай въ своемъ домѣ»; «не хо-зяинъ тотъ, кто своего хозяйства не знаетъ»; «далеко глядѣть, а полъ но-сомъ не видѣть»; «потужи о себѣ, а потомъ и о другихъ»; «пригляди за своимъ (за собой), а потомъ и за чу-жнимъ» и проч.

Описаніе земли и мѣстности (геогра-фія, топографія, орографія, гидрогра-фія и проч.) не уйдетъ отъ насъ, если можно такъ выразиться; деслтъю года-ми раньше или позже мы всюду най-демъ то же, что было. Статистика, ко-

торая неизменно должна положить въ основаніе изысканій своихъ числительныя данныя, долго еще должна будетъ у насъ перебиваться тѣмъ, что Богъ послалъ. Она же, статистика, измѣняется со-дня-на-день, и уловить всё необходимыя данныя въ одинъ срокъ — чрезвычайно-трудно, а данныя отрывочныя, одновременныя, безсвязныя, ведутъ только къ ошибочнымъ заключеніямъ. Но этнографія, или описаніе всего домашняго и житейскаго быта нашего—въ настоящее время едва ли не важнѣе того и другаго. Важнѣе она потому, что народный бытъ нынѣ довольно быстро измѣняется, и по мѣрѣ измѣненія этого точныя свѣдѣнія о немъ гибнутъ невозвратно; а между тѣмъ, всё данныя, собранныя на этомъ урожайномъ полѣ, *всегда* будутъ для насъ одинаково-важны и полезны: всякое извѣстіе о томъ, каковъ былъ народъ, насущный и нравственный, остается всегда одинаково-цѣннымъ, никогда не старѣется, а напротивъ, дѣлается тѣмъ важнѣе и дороже, чѣмъ болѣе самый бытъ этотъ отъ времени измѣнился. Книга Кошкина, или Котошкина, — какъ бы его ни звали, — въ то время, когда была написана, собственно для Русскихъ не могла быть любопытною, потому-что въ ней содержалось одно только обиходное, всякому извѣстное; но теперь — кому она теперь не дорогъ и не будетъ ли она еще важнѣе черезъ сто или двѣсти лѣтъ? Напротивъ, всё космографія, современныя Кошкину, заброшены и забыты, потому-что новыя, болѣе-точныя и вѣрныя описанія должны были ихъ вытѣснить и даже сдѣлать вовсе-негодными. Они любопытны только — какъ образчики тогдашнихъ понятій и свѣдѣній, а частію даже какъ образчики невѣжества.

Изъ числа многихъ, трудившихся съ любовью и сознательностью на поприщѣ изслѣдованія нашего народнаго быта, снѣжемъ теперь нѣсколько словъ о *Владимирѣ Ивановичѣ Далѣ*, — въ боллетристической литературѣ нашей составившемъ себѣ почетное имя

подъ псевдонимомъ *Казака Дунаева*, — котораго самое направленіе нѣсколько отличается отъ направленія прочихъ изслѣдователей Руси (на-примѣръ, г. Свєгирева и Сахарова), тѣмъ, что В. И. Далъ вовсе не занимается старинной, бытомъ прошлымъ, ни даже изслѣдованіями учеными, а ограничилъ изысканія свои *настолицамъ*, устремилъ всё силы и средства на собраніе и сводъ того, чтѣ нынѣ составляетъ весь житейскій бытъ *русскаго народа*.

Первыя замѣтки этого рода, въ записныхъ книжкахъ В. И. Дала, относятся къ 1819 году, за 28 лѣтъ назадъ-когда онъ, окончивъ курсъ ученія въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, ѣхалъ на службу въ черноморскій флотъ. Съ тѣхъ-поръ немного прошло такихъ дней, въ которые бы онъ не написалъ чего-нибудь въ свою книжку. Народныхъ сказокъ, т. е. записанныхъ со словъ народа, у него собрано болѣе *четырехъ тысячъ*; пословицъ, не считая поговорокъ, болѣе *десяти тысячъ*; сверхъ-того, у него есть значительное собраніе словарей мѣстныхъ нарѣчій, описаніе разныхъ празднествъ, обрядовъ, повѣрій, суевѣрій и проч. Собраніе русскіяхъ пѣсень у него незначительно, ибо онъ пересталъ заниматься этимъ съ-тѣхъ-поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что г. Кирѣевскій, въ Москвѣ, занялся исключительно собраніемъ пѣсень; но В. И. Далъ, какъ самъ говоритъ, не перестаетъ усердно желать, чтобъ этотъ кладъ въ рукахъ г. Кирѣевского не погибъ какою-нибудь несчастною случайностью, а былъ наконецъ выданъ въ свѣтъ...

Исполнится ли, нѣтъ ли, это его желаніе, но В. И. Далъ просилъ насъ обратиться ко всѣмъ читателямъ нашихъ съ покорнѣйшею просьбою — «стоять за землю Русскую», помочь ему въ общемъ дѣлѣ и спасти, хотя бы лептѣ съ брата, отъ-чего можно бы не только развиться убогому, но и десятицею разбогатѣть богатому. Вели бы, на-примѣръ, каждый изъ гг. полписчиковъ «Отечественныхъ Записокъ»

рисунокъ, — говоритъ примѣрно, — по одной сказочкѣ, по пяти пословицъ, да о десяти словъ изъ быта простолюдина, то набралось бы влругъ 4,000 сказокъ, 20,000 пословицъ и поговорокъ и 40,000 словъ! Въ этихъ присылкахъ могутъ часто встрѣчаться одинакія сказки, пословицы и слова, — что ужасы! чѣмъ больше будетъ вариантовъ, тѣмъ лучше. Каждое описаніе ѣстныхъ обрядовъ, повѣрій, рода свазнъ, семейнаго и домашнаго быта простолюдина, пословицы, поговорки, присловья, похвалки, присказки, прибаутки, байки, побасенки, притчи, сказки, были, преданія, загадки, скороговорки, причитанья, пѣсни, думы, — рассказы о нравахъ и бытѣ, простонародный языкъ въ выраженіяхъ своихъ, оборотахъ, слогѣ, складѣ и словахъ (съ показаніемъ ударенія), — обычаи, обряды, игрища, игры, празднества, — мѣсяцесловъ земледѣльца, особености въ промыслахъ и занятіяхъ, — повѣрья, суевѣрья, примѣты, — заклятія, заговоры, волховство, волшебство, знахарство, колдовство, народное врачеванье — зелья, привѣскы, ладони и прочая, и прочая, и прочая. все это, по частямъ, каждому доступно и знакомо, и общими усиліями могло бы составить одно цѣлое этнографическое сочиненіе, неоплатное никакими богатствами!

В. И. Даль просилъ насъ при этомъ случаѣ поблагодарить тѣхъ доброхотныхъ дателей, которые уже доставили, частію ему непосредственно, а частію чрезъ Редакцію *Отечественныхъ Записокъ*, запасы изъ числа поминуванныхъ; а именно: гг-жь Благово (Тверской-Губ.), Моисееву (Курской), Морданову (Новгородской), Соколову (Оренбургской); гг. Афанасьева, въ Онегѣ; Базилевскаго, въ Холмогорахъ; Борисова и Харитоновна, въ Шенкурскѣ; Гуськова, въ Саратовѣ; Гулина, въ Полтавской-Губерніи; Дараганъ, Паршина, Сахарова, въ Санктпетербургѣ; Егорова, въ Иркутскѣ; Карпеухова въ Чердыни; Кузнецова, въ Астрахань и Архангельскѣ; Казина, въ Ар-

хангельскѣ; Лажечникова, въ Твери; Манжоса, въ Уфѣ; Погодина, въ Московскѣ; Сергачова, въ Пермѣ; Ушакова, въ Новгородской-Губерніи, и проч.

Итакъ, къ дѣлу, читателя! Не хотимъ и думать, чтобъ вы всею душою не сочувствовали благородному и безкорыстному труду В. И. Даля, который, — скажемъ кстати, — настренъ, коль-скоро обстоятельства ему позволятъ, приступитъ къ издаванію собраныхъ имъ запасовъ и ждетъ только допояленій къ нимъ. Вы знаете Даль, — знаете, что едва-ли кому-нибудь изъ русскихъ писателей, бывшихъ и сущихъ, такъ извѣстенъ русскій человѣкъ со всехъ сторонъ своихъ, какъ даровитому Казаку Луганскому. Онъ воспользуется вашими присылками, какъ никто другой не сумѣетъ воспользоваться. Помогите же ему въ его прекрасномъ дѣлѣ! Шлите все, что есть у васъ въ означенномъ выше родѣ, адресуя или прямо на имя В. И. Даля, въ Санктпетербургъ въ домъ г. Министра *Внутреннихъ Дѣлъ*, или же въ Редакцію *Отечественныхъ Записокъ*, которая съ особеннымъ удовольствіемъ предлагаетъ свое посредничество въ этомъ дѣлѣ. Всякое ланіе благо; и многое и малое найдетъ свое мѣсто, послужитъ для пополненій, исправленій и для опредѣленія, въ какихъ именно мѣстахъ и что именно въ народѣ извѣстно. Чѣмъ ближе и вѣрнѣе свѣдѣнія эти будутъ списаны со словъ народа, тѣмъ они будутъ драгоценнѣе. Ожидаемъ — и увѣрены, что г. Даль не будетъ долго ждать отвѣта на свой вызовъ.

Въ послѣднихъ числахъ февраля появилось нѣсколько замѣчательныхъ книгъ, о которыхъ мы представимъ отчеты въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, — именно:

Взглядъ на Современное Положеніе Уголовнаго Судопроизводства, сочиненіе нашего давнѣшняго юриста-писателя П. И. Дегая;

Еврейскія Религіозныя Секты въ Россіи, составл. г. Григорьевымъ;

Анатомія и Физиологія Чловѣка и Животныхъ, составленные г. Жюмжуинымъ и великоблѣнно-изданныя г. Ольхинымъ;

Первый выпускъ *Полнаго Нѣмецко-Русскаго Словаря*, составленнаго В. А. Эртелемъ, трудолюбивымъ лексикологомъ, издавшимъ недавно весьма-полный «Французско-Русскій Словарь»; и наконецъ

Систематическій Ревистръ Русскимъ Книгамъ съ 1834 по 1846 годъ, издавннй г. Ольхинымъ и представляющій итогъ всей нашей литературной дѣятельности въ-теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, — итогъ не совсѣмъ-утѣшительный: въ пятнадцать лѣтъ не болѣе 6815 книгъ, и въ томъ числѣ многое-множество азбукъ, армарочныхъ романовъ, журнальныхъ статей, отпечатанныхъ отдѣльными брошюрами, и пр., и пр.

Кстати о каталогѣхъ. Въ книжномъ магазинѣ Грѣфа составленъ, подъ названіемъ: *Antiquariats-Lager der Gräffschen Buchhandlung*, каталогъ всѣхъ нѣмецкихъ книгамъ и изданіямъ, находящихся въ этомъ магазинѣ, который напечатанъ до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Этотъ много-сложный трудъ предвринать не съ тѣмъ, чтобъ посредствомъ новаго звазыва публики сбыть какъ-нибудь книги старыя и ненужныя: въ такомъ случаѣ трудъ этотъ остался бы совершенно-безплоднымъ, потому-что новыя каталогомъ невозможно же заставить раскупать книги, въ которыхъ бы никто не нуждался; напротивъ, наданіе этого каталога предпринято съ мыслью облегчить трудъ людей, нуждающихся въ книгахъ прежнихъ изданій. Естественно, что во всякомъ большомъ складочномъ мѣстѣ какаго бы то ни было товара есть много вещей таковыхъ, которыя никогда не найдутъ себѣ сбыта и будутъ лежать по шкафамъ цѣлыя десятки лѣтъ; такъ и въ книжномъ ма-

газинѣ: въ изданіионъ вышнхъ каталогѣ г. Грѣфа есть много книгъ, которыя только-что даромъ бременнать полки и будутъ вѣчно лежать въ библиотечномъ архивѣ: но вѣстѣ съ тѣмъ, магазинъ этотъ богатъ обширною и полною коллекціею книгъ прежнихъ лѣтъ, во всѣхъ отрасляхъ литературы французской и нѣмецкой, — такою коллекціею, изъ которой есть чѣмъ попользоваться занимающимся специальными предметами. Теперь напечатанъ только первый выпускъ этого каталога, съ буквы *A до E*, но и въ этой небольшой частичѣ заключается много книгъ, чрезвычайна-примѣчательныхъ или рѣдкихъ; таковы-образомъ, можно указать на изданіе Лктеровой Библии, на саксонскомъ діалектѣ, 1599 года, и нѣмецкомъ, 1670 года; на Шпенгелеву Библиотеку Путешествій, въ 24 томахъ; на сдѣлавшіяся теперь очень-рѣдкія автентическія сочиненія Бѣттингера; и давніе 1687 года Путешествія въ Персію и Остиндію Шардена; на Сиболдику Крейпера (по нѣмецки); переводъ 1757 года Дюгальдова «Китаа»; Неландскую Эду, 1777 года; Бауеровъ переводъ съ арабскаго исторія ливанствій. *Абуль-Ферадша*, 1783 года и т. д. Послѣ окончанія каталога нѣмецкихъ книгъ г. Грѣфъ начнеть печатать не меньше примѣчательный каталогъ французскихъ книгъ изданія прежнихъ лѣтъ. Цѣны назначены весьма-умѣренныя, съ уступкою 25 процъ при покупкѣ на сумму до 50 р. сер., 33¹/₂ процентозъ при покупкѣ на сумму до 200 р. сер. и 50 процъ. при покупкѣ, превышающей сумму 200 р. сер. Каталогъ этотъ не можетъ быть вуженъ большинству публики, и потому печатается только въ числѣ 300 экзemplаровъ; но можно надѣяться, что онъ принесетъ людямъ, занимающимся отдѣльными отраслями наукъ желаету пользу и сдѣлаетъ для нихъ немалую выгоду и сдѣлаетъ по многимъ толстымъ томамъ каталоговъ для того, чтобъ отыскать ту или другую старую книгу.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Die Erosien der Geschichte der Menschheit, eine historisch-philosophische Skizze von E. F. Apelt, Dr. (Эпоха истории человечества, историко-философский очерк доктора Е. Ф. Апельта).

Нынешние ученые Германии резко отличаются от прежних; это как будто совсем новые люди, люди совсем другой породы, другого покрова. Еще тридцать или сорок лет назад, название немецкого ученого было однократно с названием схоластика, а немецкое ученое сочинение значило одно и то же, что сочинение сухое, мелочное, книжное, главное же, лишенное всякой изящности формы, всякой занимательности и привлекательности для большинства публики; немецкий ученый даже гордился тем, что держится в какой то осо-

бенной, недостижимой для всех сфер, что его произведения не сближаются с массою произведений, составляющих пищу цѣлаго народа; ему казалось, что наука принадлежность особой касты, что до нея не смѣи прикасаться никто съ неочищенными устами, что амврозію эту суждено пить однимъ богамъ Олимпа; прочей же черни лучше обойтись и безъ нея. Отъ-того на Олимпѣ германскихъ ученыхъ никто не заглядывалъ, а всѣ смирено обходили его, занимаясь своими надобностями, и боги судили и рядили о чемъ хотѣли, вели свои завуалированныя бравады только-что съ бѣльшимъ трескомъ и шумомъ. Подальше отъ этого Олимпа стояли не одни простые люди: съ ними вѣсть отъ него уходила и люди великіе, потому-что они чужды кастъ и лучше всѣхъ слышать въ себѣ однихъ,

чѣмъ должна быть наука, слышать настоящую ея мѣру и отношеніе къ дѣйствительной жизни; если прибавить къ этому тотъ извѣстный фактъ, что истинно-глубокому и великому произведенію, по содержанію, непременно будетъ сопутствовать истинность и великость формы, тогда понятно, что такіа произведенія не станутъ ниже, если будутъ существовать еще болѣе высокіа, еще болѣе великіа произведенія; одни другихъ не исключаютъ, не дѣлаютъ ненужными, точно такъ, какъ въ жизни человѣческой возрастъ юношескій не будетъ казаться чѣмъ-то отсталымъ, ненужнымъ, когда наступитъ пора мужества: всѣ возрасты неуничтожимы, какъ нижнія кольца ствола пальмы, и ни одинъ не можетъ снавзать, чья роль важнѣе, кто необходимѣе. По этой-то всегдашности, неуничтожимости произведеній великихъ людей, обыкновенно прежде всего и начинаютъ въ исторіи разсматривать ихъ дѣйствія, ихъ произведенія, какъ ярко вырѣзывающіеся въ воздухѣ маяки. Но настоящая задача исторіи не они, точно такъ, какъ у машины, мѣряющей для насъ время, задача показывать не минуты и секунды, а часы: всякому глазу замѣтенъ быстрый ходъ минутной стрѣлки, и много пройдетъ минутъ и секундъ прежде, чѣмъ незамѣтно - подвигающіеся часовая стрѣлка пройдетъ одну только часть времени. Такъ проходятъ быстрѣе, сильнѣе ходомъ много великихъ людей, и каждый изъ нихъ приноситъ новое совершенство, а между-тѣмъ, неподвижная масса всего народа едва подвинется на одну едва замѣтную линію. Не такъ бываетъ съ произведеніями, принадлежащими массѣ народа. Когда появляется новый родъ, всѣ прежніе болѣе не годятся, они уже постарѣли, потому что нуть идетъ все одной и той же линіей, но пройденное уже не возвращается; всякій новый шагъ дѣлаетъ ненужными прежніе, какъ отжившія свою набожность подиостки. Такіе шаги впередъ необходимо различать и указывать,

какъ новый результатъ, который тотчасъ же начнетъ образовываться еще въ новыя формы.

Цѣлый незамѣтно - совершившійся часъ прошелъ надъ Германією; если оборотиться назадъ и посмотреть, огромное разстояніе лежитъ между *тогда* и *нынче*; надъ самою народною массою, надъ германскимъ ученымъ міромъ прошелъ этотъ часъ, и разнища между двумя эпохами такъ велика, что нельзя ея не замѣтить: она кидается въ глаза. Съ-тѣхъ-поръ, какъ всѣ начали интересоваться наукою, съ-тѣхъ-поръ, какъ наука начала становиться нужною всѣмъ классамъ общества и потеряла іероглифическое, понятное однимъ адептамъ значеніе, необходимо измѣнились темы большинства ученыхъ, составляющихъ чернь, толпу при великихъ людяхъ науки, которые не ошибаются въ выборѣ темы, потому что могутъ заниматься одною истинною: весь простой народъ ученыхъ пересталъ сидѣть за олимпическими темными или микроскопически-уточенными темами, вывелъ на сцену сюжеты новыя, въ-самомъ-дѣлѣ принадлежащіе къ области науки, которые по своей истинности захватываютъ вниманіе каждаго и разработываніе которыхъ приноситъ все новыя и новыя, непрестанно-нужныя плоды. Теперь, можетъ-быть, больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, вѣмѣнкій профессоръ одинъ изъ самыхъ главныхъ работниковъ всеобщаго дѣла: ужь это не крахотки профессора, что на кафедрѣ читаютъ разъ-выученную тетрадку, и которые когда-то въ юности, когда еще были свѣжи, принимались за какую-нибудь новую свою мысль, еще слышали необходимость работать и производить, и по-крайней-мѣрѣ стремились что-нибудь сделать, а потомъ, нѣсколько пожизни, ужь и не переставали пѣть свою однажды - затѣвную на вѣки - вѣковъ пѣсню—безжизненную, мертвую. Нынче это поколѣніе, еще существовавшее въ нѣкоторыхъ странахъ, въ Германіи кончилось: выжившія

германская наука—молодой прорывающей силой, выходящей жизнью и интересом, с новыми раскрывающимися вокруг просвѣтами и далекими в них видами, с новыми открытіями; а дѣтели этого поприща, волнуемые новою, шевелящеюся и не дающею покоя мыслью, горячіе, страстные—это нѣмецкіе профессора, прежніе представители сонливости, неужности и скуки. Стоятъ посмотрѣть на многочисленныхъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе прибавляющихся сочиненій, стремящихся проникнуть свой предметъ насквозь, близко и чувствительно, не бесплодно тронуть жизнь—ездѣ прочтаете на заглавіи, что авторъ профессоръ одного изъ многочисленныхъ университетовъ или учебныхъ заведеній Германіи, или докторъ, или кандидатъ на одну изъ ученыхъ степеней. Чтѣ на пишется лучшаго—дѣло ученаго, больше не прячется отъ толпы, но жадно ищущаго близко идти съ своимъ народомъ, поднимать его незамѣтно-взвощеюся спиралью на трудныя крутизны истины.

Переиѣнились сюжеты—переиѣнился языкъ, форма. Изъ топорнаго, нескладнаго, вѣчно-темнаго, съ безконечными періодами, которыхъ съ разу никогда не одолѣешь, языкъ ученыхъ сталъ дѣлаться стройнымъ, чѣмъ-то живымъ, какъ сами новыя мысли и тѣмы,—наконецъ, изящнымъ. Теперь бы заикались съ перваго шага глазами того, кто выступилъ бы съ формами прежнихъ нѣмецкихъ сочиненій, кто не искалъ бы художественности формы, достигая возможнаго по даннымъ силамъ, кто вздумалъ бы говорить, даже и дѣло, изъ-за какого-то тумана выраженія, точно изъ-за колючихъ кустовъ, въ которые прежде, чѣмъ войдешь, испариваешь себѣ лицо и руки. Есть степеня художественности формы, доступныя не однимъ художникамъ, но *должественноиціа непременно* составлять принадлежность каждому человѣку, каждаго дѣла, и теперь ихъ требуютъ неотговорочно, точно по общему согласію, такъ-что всякое нарушеніе

этого самаго законнаго требованія точно же причисляется къ преступленіямъ неизвиняемымъ.

Сочиненіе іенскаго профессора Апельта, *Эпохи Исторіи Человѣчества*, и по содержанію и по формѣ вполне принадлежитъ германской современности; оно облечено въ новую, занимательную, изящную форму, разработываетъ прекрасный новый сюжетъ, за который еще никто не принимался и который такъ простъ и необходимъ, что, кажется, будто самъ давно долженъ былъ представляться уму каждаго. Это исследование вопроса: *какое вліаніе имѣли великія географическія и астрономическія открытія на человеческую образованность и жизнь?* Никто не сомнѣвается, что, кромѣ лучшаго познанія земли, послѣ все болѣе и болѣе распространявшихся *географическихъ* открытій и кромѣ полнѣйшаго познанія небесныхъ тѣлъ послѣ новыхъ *астрономическихъ* открытій, должны были получиться результаты общіе, тотчасъ возиѣвшіе вліаніе на участь рода человеческого. Но въ первый разъ разглядѣть, въ чемъ состояло это дѣйствіе, въ исторіи можетъ не всякій; пусть же одинъ съ лучшимъ духовнымъ чутьемъ челоѣкъ схватитъ одинъ конецъ нитки, которой начала не различить на клубкѣ между тысячами другихъ, рядомъ тутъ же лежащихъ,—потомъ уже легко и свободно пойдетъ разсуживаться однажды вѣрно-угаданная нитка. Все сочиненіе г. Апельта, принятое съ одною мыслью, обременено, однакожь, тяжелыми наростами, безобразящими его; но какъ элементъ совсѣмъ развородный съ самою вещью, они легко отдѣляются отъ настоящаго тѣла сочиненія и не набрасываютъ портящей навсегда тѣни на то, чтѣ прекрасно и истинно и чтѣ составитъ великую заслугу г. Апельта.

Никакое челоѣческое дѣло не бываетъ слѣдствіемъ одной причины: всегда нужно нѣсколько причинъ для полноты и зрѣлости; какъ произведенія духов-

ных побуждений будутъ крайности и односторонности, точно такими же крайностями будутъ произведенія стороны челоѣка, считаемою болѣе грубою, менѣе благородною и возвышенною, и изъ этихъ двухъ натуръ своихъ челоѣкъ сложенъ такъ крѣпко, такъ нераздѣлимо, что гдѣ началось дѣйствіе одной натуры, туда тотчасъ притечетъ побужденіе и другой. Всякій разъ, когда, вмѣсто двухъ своихъ крыльевъ, челоѣкъ прійдется дѣйствовать однимъ, его всего потянетъ кривой линіей въ сторону, и начнетъ онъ перекашиваться все болѣе и болѣе, все дальше и дальше отъ настоящей челоѣческой середины. Разнородность и равнокачественность побуждений такъ необходима всякому челоѣческому дѣлу для того, чтобъ оно носило печать полноты и совершенства, что никакому самому благородному и высокому стремленію никогда не удавалось сдѣлать такое дѣло, если къ безилотной, зѣриро-высокой мысли не примѣшивалось побужденіе матеріальныхъ, корыстныхъ, меркантильныхъ. Рыцарски-безкорыстныя и чистыя задумыванія приводили на дѣлѣ совѣтъ не къ тѣмъ результатамъ, на которые надѣялись, и нужно было дѣйствованіе самыхъ прозаическихъ, самыхъ низкихъ побуждений для того, чтобъ изъ цѣлаго этого разнокачественнаго стремленія выдѣлывался результатъ великій и высокій. Едва-ли не справедлива та мысль, что у всѣхъ начинаній загорѣвшихся огнемъ лучшаго стремленія, выросли плоды самые горькіе, совѣтъ нечаянные, нежданые, и что отъ побужденій эгоистическихъ выходила польза самая нужная для другихъ—выигрыши тоже нечаянные, нежданые. Но послѣднее случалось только тогда, когда въ предметѣ стремленія или исканія была хоть частица истины, способная къ развитію. Это исторія всѣхъ важныхъ открытій, а потому нельзя воображать, чтобъ и великія географическія открытія нѣсколькихъ послѣднихъ столѣтій имѣли поводомъ одну высокую мысль—развивать знаніе

и науку. Совѣтъ имѣть: прежде, чѣмъ правительства сдѣлали изъ нихъ дѣло государственное, взяли на себя все распоряженіе,—когда открытія географическія были дѣломъ каждаго, частные люди со всѣхъ сторонъ стремились по новымъ путямъ въ новыя страны, кто рассчитавъ вѣрную купеческую прибыль, кто ведомый мистицизмомъ, кто наконецъ жаждой открытія. Пусть только въ далекой перспективѣ покажется возможность чего-нибудь новаго, умъ и расчетливость съ неудержимомъ силою и страстью будутъ туда рваться, и если очень-часто ученость и чистая любовь къ истинѣ поведутъ туда новые поля, за то еще чаще принесетъ пользу цѣлому міру эгоистическая, совѣтъ не братская расчетливость. Желаніе блага и всякое прекраснородіе порхаетъ по верхамъ и не воззается въ глубь прадѣла, за то безошибочною проницаемостью одаренъ глазъ расчета,—онъ оглядитъ предметъ, истощитъ его и дороеся до бьющейся жилы. А этого-то и надобно: въ рукахъ у перваго хозяина дѣло истины никогда долго не залежится; по заведенному механизму природы, маленькое сѣмечко разрастется великаномъ, котораго больше не сдерживаетъ, которымъ больше не обладать одному,—и вотъ новыя сокровища потянулись въ общую сокровищницу. Нужно было соединиться множеству обстоятельствъ говорить г. Апельтъ: чтобъ вызвать то фантастическое настроеніе духа, которое одушевляло предпріятія конкистадоровъ (открывателей-завоевателей). Пламенное воображеніе Арабовъ и норманскій рыцарскій духъ сливались въ Испаніи и югозападныхъ странахъ Европы въ какую-то удивительную смѣсь. Вдохновенные греческіе духомъ, страшный Данте и вѣчно думающій Петрарка уже настроили свои лиры на свой, народный ладъ. Буря романтическихъ фантазій, ливнувшая на Востокъ безцѣльные походы народовъ, стала мало-по-малу смягчаться тихимъ расцвѣтаніемъ промышленности

германскихъ народовъ. Технические открытія начали увеличивать естественныя силы человѣка; воскресшими астрономическими познаніями расширился его обыкновенный кругозоръ. Путешествія Марко Поло и Николо Контти раскрыли взорамъ Европейцевъ внутренность Азіи и наклонили исканія той эпохи къ странамъ припостей и золота. Какъ во времена аргонавтовъ и блужданій одиссеевыхъ, снова стали стремиться «къ концамъ земли». Но теперь было счастливѣе, чѣмъ въ младенческія времена человечества: благоприятный успѣхъ увѣнчалъ смѣллыя предпріятія подвинувшейся впередъ породы. То, что ложилось преградами геройскому духу Алесандра, что загрозило дорогу завоеваніямъ Аравитянъ, потеряло теперь свой страхъ, и могущественно стремящійся духъ человѣческой разогналъ киммерійскую ночь, покрывавшую прежде волны океана. Куда прежде завосили только грезы человѣческой фантазіи, черезъ глубины Атлантическаго-Океана, которыхъ никто не переѣзжалъ еще, повелъ теперь Колумбъ испанскіе корабли. У незнакомаго берега бросаетъ онъ якорь и *новый міръ* открывается подъ стопами Европейцевъ. Арабскіе географы называли Атлантическій-Океанъ «моремъ праковъ, за которымъ никто не знаетъ что дѣлается». У этихъ географовъ есть сказаніе о попыткѣ безпокойныхъ искателей приключеній съискать границы Атлантическаго-Океана. Они рассказываютъ, что въ XII столѣтіи, когда Лиссабонъ былъ еще подъ властью Аравитянъ, многіе жители этого города предприняли путешествіе по этимъ невѣстнымъ водамъ. Черезъ 35 дней послѣ своего отплытія, они приплыли къ островамъ, гдѣ узнали, что послѣ 30 дней путешествія на западъ, больше нельзя ѣхать по океану: темнота препятствуетъ.

Колумбъ не принадлежитъ къ числу искателей приключеній; но у него было я чистой, свѣтлой мысли откры-

тія; онъ думалъ и писалъ за какіе-нибудь полтора года до смерти, что рожденъ на свѣтъ привести въ исполненіе предсказанія пророка Исаи, и что черезъ 150 лѣтъ будетъ конецъ свѣта. Виѣсть съ коммерческими, самыми главными интересами, побуждавшими тогда всѣхъ къ открытіямъ, были интересы религиозные: сколько времени изъ рода въ родъ носились сказанія, еще раннѣйшія всѣхъ греческихъ сказаній,—о раѣ на землѣ, потомъ у Грековъ о блаженномъ садѣ гесперидскомъ, объ Элизіумѣ, еще позже объ Эльдорадо; наконецъ, сами Колумбъ и Абульфеда были увѣрены, что гдѣ-то на землѣ есть куполообразныя страны (какъ Колумбъ называетъ — «подобныя сосу на груди женщины»), которыя приготовлены для будущей нашей жизни и гдѣ жилъ только-что созданный человѣкъ; наконецъ, вѣрили, что въ этихъ странахъ все счастье, всѣ богатства. Когда Европа перенесла трудную операцію крововливанія, совершенную надъ нею многочисленными обступившими болѣзненнымъ одрѣ ея новыми народами, когда послѣ мучительной, оцѣпняющей болѣзни, природа взяла свое, всталъ больной съ своей постели еще съ лихорадкой на щекахъ и съ какишъ-то броженіемъ въ головѣ. Первый выходъ былъ его на востокъ; силы восстанавлились и обновлялись посредіи кровавыхъ и безплодныхъ битвъ; но когда кончилась трудный кризисъ и пришла надобность жить опять обыкновенно, здоровою жизнью, въ глубинѣ памяти его остались всѣ слышанныя имъ преданія Греціи, Востока и Аравіи о золотомъ раѣ. Разомъ поѣхали, поплыли во всѣ концы, гдѣ только гнѣдилось что-нибудь темное, неизнаемое; точно горячка открытія овладѣла всѣми, всѣ сдѣлались открывателями, всѣ толковали цѣлый день о новыхъ земляхъ, о раѣ, который надо же отыскать и который все глубже и дальше уходитъ предъ всѣми концами. Между-тѣмъ, смѣсь гадяемаго и дѣйствительно-находящаго больше и больше начинала распадаться, приходилось

наконецъ отказываться отъ всякихъ изобрѣтений древнихъ и новыхъ временъ предъ фактами. Куда ни придуть, куда ни приѣдутъ,—опять тѣ же люди, опять та же природа, юная и свѣжая, все живетъ и чувствуетъ, какъ и у насъ, нѣтъ никого и ничего сверхъестественнаго, свыше-человѣческаго, нѣтъ никакихъ добрыхъ духовъ-покровителей, одни вездѣ только люди и люди; нѣтъ никакихъ закравивъ и эстрадъ у земли: отовсюду она скруглена, закончена, нигдѣ не оставлено потайнаго мѣстечка, чтобъ тамъ жить по секрету. Пришлось разставаться съ мистическими мечтами, всегда столько любезными человѣку; пришлось оставить въ сторонѣ вдохновенныя рѣчи и надежды, всегда столь легкія, и пришлось серьезно заниматься дѣломъ труднымъ, серьезнымъ, разглядывать (вмѣсто прежней пустой фантазмагорической игры) и разъяснять дѣйствительность, которая неотступно присутствовала со всѣхъ сторонъ съ новыми задачами, съ новыми фактами.

«Конечнымъ слѣдствіемъ великихъ географическихъ открытій» — говорятъ Апельтъ — «было исчезновеніе добрыхъ духовъ съ земли. Блаженные страны, Элизіумъ, также и садъ эдемскій, сначала отодвинулись къ самымъ отдаленнымъ морскимъ берегамъ и за океанъ; потомъ, какъ Эльдorado въ мавританскихъ владѣніяхъ, появлялся съ земли на облака и наконецъ стали искать себѣ спасенія между звѣздамъ. Но когда расцвѣтавшая астрономія и въ построеніи неба разрушила архитектурическое волшебство, — страна обитованія исчезла, и изъ воздушныхъ пространствъ. Куда ни заносила зрительная труба взглядъ человѣка, вездѣ туда слѣдовала необходимость вычисления со своею законностью, не давая пространства воздушному міру всего невидимаго. Небесная механика разбила въ дребезги артистелевъ свѣтящійся міръ звѣздъ, небо Клопштока, эмпирей прежнихъ учителей и за то подарила намъ міростроеніе массивныхъ, тяжелыхъ мировыхъ тѣлъ. Всѣ гомини и добрыя волшебницы покинули родъ человѣчскій и переселились въ страну вымысла и сказочности.»

Въ первыхъ двухъ параграфахъ своего сочиненія (первомъ, о *смысли великихъ географическихъ открытій на ходъ исторіи образованности*, и второмъ, *шарообразность земли и смѣніе ея на форму человеческой жизни*), г. Апельтъ въ занимательныя рамки своего разсказа сжалъ всѣ предположенія древнихъ и новыхъ народовъ о земномъ шарѣ, какъ, они думали, расположена наша земля, какъ построена, и съ тѣмъ мѣстѣ какъ они постоянно чего-то ждали отъ обитованныхъ земель и духовъ для полноты блаженства на землѣ; въ небольшомъ пространствѣ онъ съ удивительнымъ умѣньемъ разсказалъ замѣнителныя путешествія, рѣшившія участь новой Европы, — рѣшившія, говоритъ мы, потому-что съ-тѣхъ-поръ вошла въ настояція права наука, ололѣвъ первенствовавшее дотогѣ воображеніе и фантазію. «Съ-тѣхъ-поръ, образуемъ и живительнымъ началомъ во всѣхъ отношеніяхъ нашей жизни для языка, закона, торговли, войны, промышленности, слѣдился духъ науки». Эту-то мало-по-малу входившую всюду наукообразность обрисовываетъ г-нъ Апельтъ, какъ она стала вноситься въ исследованія о поверхности земли, какъ съ изобрѣтеніемъ компаса и способа вычисленія долготы не стало больше препятствій ни передъ какими путешествіями, перестали болѣться пустыни и праковъ моря, нашлись пути по твердой землѣ всюду, между-тѣмъ, какъ прежде не знали, куда и собираться идти; какъ тотчасъ же началась новая эпоха для естественныхъ наукъ, больше всего вытѣсняющихъ всякое гаданіе.

Какъ тѣ два параграфа посвящены географіи, такъ третій (*открытіе истинной системы міра и законовъ природы*) посвященъ астрономіи. За періодомъ географическихъ открытій немедленно слѣдовалъ періодъ великихъ открытій астрономическихъ, — за періодомъ наблюденій періодъ математики. Этотъ періодъ, строго-научный, вѣрщій одному только доказательству и

воступающий ни шагу дальше, невозвратно убавя и мнѣческую космологию поэтовъ, и мировыя картины философозъ греческихъ, и математическія выдумки, астрологию александрійской школы. Какъ нужно это считать? Дѣломъ ли случайности, или слѣдствіемъ какой-то таинственной связи, что едва въ одной области дѣйствія разработалась часть какой-нибудь мысли и въ этой области нѣтъ больше средства къ разработыванію, мысль эта перебрасывается въ другую область и опять доводится до крайней возможности своего развитія, чтобы еще дальше идти по новымъ жиламъ, нести по нимъ все больше и больше просвѣтляющуюся кровь? На этотъ вопросъ не найдешь никакого рѣшенія на страницахъ безответной исторіи, у которой есть только слова «Божественной Комедіи»: *Guarda e passa* (смотри и проходи мимо). Только-что замолкла горячка открытій географическихъ, которая полосой прошла надъ Европой, та же самая страсть отыскиванія устройства и регулирующаго порядка міра, — подобно тому, какъ горящая головня, перебрасывается съ одной вровли во время пожара на другую, — перебросилась въ сферу астрономіи; въ то самое время, когда Колумбъ и смѣлый купецъ-путешественникъ Мартинъ Беханиъ умирали (около 1507 года), Коперникъ принимался за свою революціонныя выкладки, показавшія, міръ устроены совсѣмъ не такъ, какъ воображала тысячелѣтія. Съ Коперникомъ новая мысль заносилась надъ Европой, съ нимъ началось тѣсное преемство великихъ людей астрономіи, близко слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, между тѣмъ, какъ прежде этихъ двухъ эпохъ географія и астрономія, великія открытія подавали другъ другу руку сивозъ далекаго станціи. Но если въ географическихъ открытіяхъ математика была помощницею, руководствующимъ началомъ, — для астрономическихъ открытій она была единственною быющею жиюю, въ которой въ одной была живень, двигающая впередъ. Отъ этого, между-

тѣмъ, какъ всѣ дѣйствія географическихъ открытій шли вразбросъ, несвязной кучей, маневръ астрономіи совершился стройно, въ строгой системѣ. Коперникъ вывелъ землю изъ среды міра, вслѣдъ за нимъ Галилей равнилъ начало относительности всякаго движенія и тѣмъ тотчасъ же разложилъ на куски воображаемую шарообразность вселенной съ ея спокойной и недвижной серединой. Не спрашивался даже у опыта, только посредствомъ простаго геометрическаго построенія, онъ опредѣляетъ законъ паденія и пути падающихъ тѣлъ. Кеплеръ первый, черча и вычисляя, заставилъ природу отвѣчать на свои вопросы. Найденные имъ законы и въ первый разъ выговоренная мысль, что неподвижныя звѣзды — солнца, навсегда уже прогнали вѣрованія въ кристаллы сферы неба. Охвативъ все ему предшествовавшее, Ньютонъ открылъ законы природы и положилъ основаніе математической философіи природы.

«Съ непреоборимою силою очевидности (говоритъ авторъ) показалъ онъ, что сила, царящая въ глубинахъ лазурнаго прострѣкта и влекущая планеты по ихъ чуднымъ путямъ, не что другое, какъ тяготѣніе; такое же, какое и у нашей земли. Онъ опредѣляетъ законъ ихъ дѣйствія, и что бы ни открыла новаго на небѣ труба наблюдателя, всѣ дрожанія, движенія и даже возмущеніе небесныхъ тѣлъ, — всѣ они въ прекрасномъ согласіи становятся подъ этотъ законъ. Таинства исчезаютъ изъ эвтернаго звѣзднаго міра, развивающаяся теорія въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлаетъ новый шагъ прежде наблюденія (*), возвѣщая съ твердою увѣренностью то, чего еще никогда не видели, и Лапласъ вѣнчаетъ свою небесною механикою достославно-начатое дѣло. Аристотелева философія природы, ставшая всѣ періодическія измѣненія въ зависимость отъ кругообращенія сферъ, астрологическіе сны, привлазавшіе судьбу къ ходу небесныхъ свѣтилъ, — исчезли. Что ни воспамянить съ громовымъ

(*). Нынѣшнее открытіе Леверрье еще разъ подтверждаетъ слова г. Апельта.

трескомъ далекій кровъ небесный, что не даетъ склоненіе такому, вѣчно-возобновляющемуся ходу иглы-путеводительницы, что не даетъ форму всему существующему на землѣ, все, вмѣстѣ съ цвѣтомъ раздѣлившася свѣтлаго луча, все видншь прикованнымъ неразрываемымъ законамъ природы къ неизмѣннымъ началамъ механики... — «Математика и наблюденія показали намъ законность и безконечность вселенной. Въ этомъ мірозданіи царствуетъ строгая необходимость неупросимой судьбы. Все повинуетъ здѣсь только закону тяжести... Въ небѣ открыла законъ, существующій и въ природѣ...»

Для этого третьяго параграфа было не меньше богатства матеріаловъ, какъ и для первыхъ двухъ; тамъ раздвигались пространства земли, здѣсь раскрылось небо въ его безпредѣльности; наука и опытъ, вмѣсто прежде-предполагавшейся на землѣ безгранничности, именно показывала ограниченность ея, опредѣленность размѣровъ, а тамъ — вывели міръ изъ шарообразной стеклянной кѣтки и раздвинули его пространства до безконечности. Подобно путешествіямъ открывателей, самый высочій интересъ представили для разсказа г. Апельтъ изумительныя открытія четырехъ астрономовъ-Коломбовъ, и четыре великія жизни начерчены съ тою же всѣмъ-доступною простотою и стройнымъ изяществомъ, которыми сопутствовали автору въ первомъ отдѣлѣ его наслѣдованій.

Связующею картинною между этими двумя періодами міропознаванія, г. Апельтъ вставилъ изображеніе природы во всѣхъ ея частяхъ, какъ она стала являться, когда съ нея слернуто было затканное волшебствами и облитое яркими цвѣтами покрывало. Нѣчего бояться, что безъ внимательства всего сверхъестественнаго, природа останется гола, бѣдна, что ей нужно блистательное театральное освѣщеніе живой картины, которое изъ живаго, прекраснаго тѣла дѣлаетъ ярко-раскрашенное фарфоровое

лицко; фантастическое, бальное освѣщеніе нужно нездоровому, поблѣдншему и поблекшему; всему же здоровому и свѣжему гораздо-выгоднѣе — день съ своимъ простымъ, естественнымъ свѣтомъ. Такъ, въ самой природѣ, столько красоты, что она не только не потеряла и не обдѣлила съ-тѣхъ-поръ, какъ съ нея слили всю узорчатую филигранную работу чужаго вѣшательства, все сверхъестественное, таинственное и загадочное, но она выиграла тысячами новыхъ цвѣтовъ, будто отъ проглянувшего вдругъ на небѣ солнца. Почувствовавшая надобность живописать, изображать природу, являлась съ тѣхъ поръ, какъ природа перестала быть чьимъ-то произвѣніемъ, чьимъ-то выраженіемъ, а стоять крѣпко и надежно, опиралась сама на себя. Роль человѣческой неотрываемо привязанъ къ естественнымъ условіямъ органической природы, — и прекрасно, картинно прослѣдилъ г. Апельтъ сквозъ природу зависимость всего существующаго, изъ виду одной цѣли; такой сюжетъ, какъ твердая оболочка земная съ ея неровностями, составляющими для насъ красоту, и органическая растительность, пышно одѣвшая со всѣхъ сторонъ шаръ земной, необходимо представлялъ свѣжія и сочныя краски мастерской кисти г. Апельта.

Истинное и прекрасное неизвѣстнѣе труднѣе ложнаго и плохаго: отъ-того каждая черта истины достается за цѣлыя груды очень-легко производимой неправды, и это преимущественно бываетъ у людей только-что талантливыхъ. Такъ и у г. Апельта все достоинство его книги въ первыхъ трехъ параграфахъ перваго тома; послѣдній, четвертый параграфъ и весь второй томъ послужили выраженію вѣдистой его таланта мысли. Бластательно вынесши на свѣтъ и развили новую идею, обогатившую исторію, онъ показываетъ путь изученія и выводомъ и дѣлается въ страну односторонняго убѣжденія и недоказуемыхъ истинъ. *Вид*

едважно показавъ наступившій періодъ математическаго доказательства, безъ котораго больше ничему не вѣрится, въ возглагошаетъ:

« Не далеко то время, когда прояснится истинный нравъ и истина просіяетъ въ своемъ естественномъ свѣтѣ. Сосудъ разламывается, и созрѣвающій плодъ вѣетъ вонъ. Вся наша образованность быстрыми шагами стремится на встрѣчу простому и высокому вѣрованію.»

А въ другомъ мѣстѣ:

« Я вижу занимающійся свѣтъ въ глубокой дали: денница ли это новаго дня, или вечерній лучъ гаснущей звѣзды, — намъ будущее скоро откроетъ это.»

Онъ нигдѣ не высказываетъ ясно, въ чемъ состоятъ эти ожиданія будущаго, въ чемъ опредѣлительныя формы, въ которыхъ должны для будущаго появиться эстетическія дензнамъ его; но, какъ кажется, ожиданія эти состоятъ въ томъ общемъ предположеніи, что настоящимъ, естественнымъ вѣрованіемъ сдѣлается эстетическое *миросозерцаніе*.

« Мифологія, символика и обрядность положительной религіи, говоритъ онъ, не опредѣлены необходимо никакимъ филологическимъ принципомъ, но онѣ могутъ быть обсуждаемы только по эстетическимъ и политическимъ положеніямъ; онѣ не результатъ познанія, но только дѣло вкуса и политики. Религія же хочетъ мучить не земнымъ желаніемъ, а вѣрой надеждъ; она должна возвышать чело-вѣка надъ всѣмъ земнымъ, она должна вѣдать ему миръ съ самимъ собою и судьбою. Она дѣйствуетъ не посредствомъ вліанія государственной власти, но посредствомъ обаянія, производимаго на человеческое сердце. Но это обаяніе состоитъ не въ чародѣйствѣ природы, въ могуществѣ эстетическихъ идей. Настоящее обаяніе лежитъ единственно въ архистественномъ волшебствѣ красоты. Истина въ убѣжденіяхъ не будетъ больше разделять народы, но естественно, и безусловно то, чтобъ каждое общество само сохранило въ сердцѣ память о своихъ предкахъ и тѣло ихъ вѣрованій.»

Въ первой части, какъ мы выше сказали, авторъ назвалъ всеоудушевляющимъ и всеобразующимъ началомъ нашей жизни науку; во второй таинное началомъ онъ называетъ возвышенное настроеніе чувства (т. I, стр. 140, т. II, стр. 401). Развивъ пространно всю исторію дензна въ Англіи (потому что въ одной Англіи это ученіе, начинающееся скептицизмомъ и кончающееся какимъ сдруженіемъ вѣровавшей съ наукою, могло найти себѣ почву для продолжительнаго существованія) — развивъ эту исторію, г. Апельтъ находитъ себѣ самую твердую опору для будущаго въ трансцендентальномъ идеализмѣ Канта, — впрочемъ, только въ той сторонѣ его, которая можетъ повровительствовать деизму. Но трансцендентальный идеализмъ Канта прежде всего составляетъ различіе между *предметомъ въ действительности* и *предметомъ въ идеѣ*. По неизбежной и свойственной разуму призрачности, идеи тотчасъ принимаютъ видъ объективности. Подобно тому, какъ горизонтъ, охватывающій ландшафтъ, самъ-по-себѣ не что-нибудь дѣйствительное, но только дѣйствіе перспективы, такъ и трансцендентальныя идеи, ограничивающія чувственный міръ, не что-нибудь дѣйствительное въ чувственномъ мірѣ, но только что соединительныя точки для направляющихся линий нашего опыта. Все равно какъ въ перспективѣ, — мы принимаемъ за предметъ тотъ пунктъ, гдѣ сходятся въ высшемъ единствѣ различныя нити нашего познанія. Такимъ образомъ, единственное употребленіе, которое можетъ дѣлать изъ идей спекулятивный разумъ, состоитъ только въ томъ, чтобъ пользоваться ими какъ регуляторомъ, для принесенія высшаго систематическаго единства въ наше познаніе. Таково ученіе Канта объ этомъ предметѣ. Но подобное честное и строгое признаніе въ своемъ безсиліи открыть, по-крайней-мѣрѣ теперь, что-нибудь больше, не могло приходиться по вкусу г. Апельты, воплѣтъ убѣжденнаго и не хотящаго его таинничать на неконечной дорогѣ.

А потому онъ съ распростертыми объ-
ятіями бросился въ ученіе Фриза, объ-
щавшее окончаніе неконченнаго и не-
узрѣннаго Кантомъ. Итакъ, для г-на
Апельта Фризь, непривзающій выше-
приведеннаго дѣленія Канта, называю-
щій его трансцендентальнымъ призрак-
омъ и провозгласившій, для водворе-
нія единства, *законъ самодоврія разума*,
которое приводитъ къ желанному окон-
чанію, къ эстетическимъ идеямъ, пра-
вильнымъ жизнью человѣка, такъ-что
больше нѣтъ никакой темноты, никако-
го неотвѣченнаго вопроса, этотъ фило-
софъ Фризь—естественно для г. Апель-
та послѣдній и высшій философъ. Еще
въ концѣ перваго тома, дошедши въ
своей исторіи деизма до Фриза, авторъ
восклицаетъ: «Великая платонова зада-
ча рѣшена, религіозныя вѣды оправды-
ваются и развиваются; онѣ безъ посред-
ства астрономическихъ мнѳовъ и исто-
рическихъ сказаній помирились съ на-
турализмомъ фанатки. Деизмъ совер-
шилъ свой путь.»

Противъ подобнаго результата о пре-
ращеніи того огня, который вѣчно
будетъ горѣть и вѣчно волновать стре-
мящейся духъ человѣческій, кажется,
не стоитъ ничего отвѣчать. Въмѣсто то-
го, чтобъ слушать бессмысленныя рѣ-
чи ограниченной самоувѣренности и
довольства, обратите только слухъ и
вѣрніе къ тому, что совершается те-
перь въ Германіи, гдѣ, какъ въ огром-
ной кузницѣ, отовоюду слышится шумъ
и громъ отъ поднимającychся и опуска-
ющихся молотовъ, вующихъ раскален-
ное желѣзо;—посмотрите на кровавый
потъ на челѣ работниковъ, воруочаю-
щихъ ужъ не празднаыя слова, а тяже-
лыя массы, и пробивающихся сквозь
непроходимыя лѣса ошибокъ и заблу-
жденій довѣсколькихъ крупицъ чиста-
го золота, — тогда вы скажете, что
все конечно, что пройдена вся до-
рога!..

Въ самомъ началѣ своей книги, г.
Апельтъ поставилъ особливый отдѣ-
ленъ, чѣмъ-то въ родѣ вступленія, *Кар-*

тину Исторіи Человѣчества, для того,
говорить онъ, чтобъ эта «Картина»
встрѣчала дружественнымъ пріѣтомъ
всякаго входящаго въ чертогъ его кни-
ги. Развѣ только-что для этой цѣли и
можетъ служить «Картина Исторіи Че-
ловѣчества», потому-что никакого дру-
гаго назначенія она не выполняетъ; у
ней какая-то странная, неопредѣленная
физиономія, составленная изъ произ-
вольныхъ чертъ, такъ-что никакъ нель-
зя догадаться, почему такая-то черта
вставлена тутъ, почему въ изображеніе
«Исторіи Человѣчества» вошли несма-
многія черты, которыхъ бы, каза-
лось, надобно было требовать и ожи-
дать послѣ приведеннаго заглавія. Да-
же и прекрасный способъ выраженія
ничего не придаетъ отсутствію мыс-
ли, и несвязанные никакою общемою
связью, никакимъ общимъ намѣреніемъ
лоскуточки совѣсьмъ не составятъ кар-
тины; а что, если и прекрасный спо-
собъ выраженія измѣняется, приходи
всегда только на вѣдь прекрасной и
истинной мысли? Сначала, авторъ за-
водитъ рѣчь о кочующихъ народахъ;
естественно ожидать постепеннаго пе-
рехода къ осѣлости, къ этой осѣлѣ,
когда народы стали дѣлаться земле-
пашцами изъ пастырей; но, вмѣсто то-
го, г. Апельтъ прямо приступаетъ къ
Египту, и притомъ къ одному разсказу
объ архитектурическихъ его работахъ
и оставшихся до-сихъ-поръ монументахъ.
Про Илію только-что сказано,
что изъ нея распространилась древняя
религія на близъ-стояшіе народы; да-
лѣ Аравія и древняя караванная тор-
говля, непрѣмѣнное упоминаніе про
верблюда, «корабля пустыни» и вра-
стность дѣвясъ и ничего не дѣлая слы-
шать хитросплетенныя сказки. Та-
кимъ-образомъ начертана и вся прочая
«Картина Исторіи Человѣчества»; но
всего удивительнѣе, что, при переходѣ
въ Европу, авторъ особенно оставилъ
дѣлаетъ свое вниманіе на Фингалъ и
Оссіанъ. Какую такую роль оба эти
лица играли въ исторіи человѣчества и
почему не помануто тутъ же и про мно-
гія другія мѳологіи, научныя по делу-

пающія этой, — ненавѣстно. По прочтеніи этой картины, остается какое-то смутное впечатлѣніе, чуть не смѣшное, въ которомъ себѣ трудно дать отчетъ. Еще можно объяснить всё односторонности и недостатки втораго тома, потому-что заблужденіе можно опровергать, даже можно иногда уважать его, но капризное игранье важнымъ предметомъ, особенно если видишь, что авторъ могъ бы при своихъ средствахъ хорошо обдѣлать предметъ, — непростительно; вмѣсто серьѣзнаго дѣла, въ этой несчастной картинѣ онъ ищетъ только живописныхъ словъ и, кажется, что такъ-какъ Оссианъ представлялъ для этого богатую пищу, онъ именно за него и ухватился съ этою цѣлюю.

Между-тѣмъ, взявъ образцомъ для своей картинности живописаній Ал. Гумбольдта, онъ на каждомъ шагу приложить слова этого великаго писателя, и себѣ же на бѣду: у Гумбольдта нѣтъ фразъ, нѣтъ погони за эффектною; въ его даже самыхъ небольшихъ сочиненіяхъ нѣтъ произвольнаго, вставленнаго или пропущеннаго безъ внутренней необходимости, по одному непонятному капризу; отъ этого вся рѣчь его получаетъ благообразную стройность, въ которой слышатся стройность самой мысли всего созданія, не говоря уже объ индивидуальности и роскоши картинъ, тонкости слога изложенія и неподражаемости благозвучія языка, о чемъ упоминаетъ и самъ г. Апельтъ, у котораго въ «Картинѣ Исторія Человѣчества» именно и нѣтъ индивидуальности фнзіономическихъ чертъ: все очень сбивается на лоскутность подражанія, которому до самостоятельнаго образца — какъ до неба, и поставить рядомъ со своею клячею чудеснаго красавца-кона значить сразу убить плохую лошаденку, запретить смотреть на нее.

Итакъ, книга г. Апельта собственно состоитъ изъ трехъ нара-

графовъ: вступительной картины и всего втораго тома нельзя считать однимъ тѣломъ съ этими тремя параграфами; между ними легла слишкомъ разительная противоположность во всемъ, и остается только желать, чтобъ для этой книги была возможна операція, которая избавила бы лишила отъ загромождающихъ и безобразящихъ ее пристроекъ, надстроекъ и чулановъ.

ALLEGHEINE AESTHETIK, in akademischen Lehrvorträgen von Fr. Thiersch (Вскошца Эстетика, изложена въ академическихъ лекціяхъ Фр. Тиршемъ).

Въ европейскихъ литературахъ нельзя не замѣтить поразительнаго факта, именно, что какъ-будто въ нихъ произошло полюбовное специальное размежеваніе: каждая литература взяла себѣ по удѣлу, и на чужіе участки больше никогда не объявляетъ претензій. Всѣ пашни и сѣнокосы, дуга и лѣса доходятъ до граничныхъ межъ, съ почтеніемъ огибаютъ ихъ и строго остаются въ предѣлахъ размежеванія, которое когда и какъ случилось — неизвѣстно. Определеннаго названія книги появляются только у такихъ-то и такихъ-то націй; книгъ съ такими-то заглавіями и не ищи у всѣхъ другихъ. Такимъ-образомъ, сказать: эстетика, значитъ сказать немецкая книга, и въ этомъ никогда не ошибешься. Не только у тѣхъ народовъ, у которыхъ литература вмѣстѣ со многими другими сторонами жизни заснула или дремлетъ, не появляется сочиненій объ эстетикѣ, но и у народовъ живущихъ, движущихся, на-примѣръ, у Французовъ, Англичанъ, этого рода сочиненій совѣтъ нѣтъ. Еще у Англичанъ отъ времени до времени показываются сочиненія «о симметріи», «о красотѣ», имѣющія цѣлюю (какъ сказано въ ихъ предисловіяхъ) распространять и утверждать въ англійскомъ народѣ чувство красоты и пониманіе ея; даже и теперь еще въ Лондонѣ таятся сочиненіе подобнаго рода, которое

вышло откуда только семь томовъ; но эти книги до такой степени никому не нужны по своему содержанію, что ихъ даже нигдѣ не знаютъ. Въ Германіи же пишется много эстетикъ главнѣйше потому, что это одна изъ самыхъ важныхъ отраслей преподаванія въ тамошнихъ университетахъ и учебныхъ заведеніяхъ, но какъ прилѣпный предметъ, къ какому-нибудь другому знанію, по какъ самостоятельный и необходимый предметъ изученія для всякаго образовывающагося челоука. Отъ этого въ одной Германіи вся художественная сторона произведеній челоуческихъ излагается совокупно, не отрывочными замѣтками, которыхъ бы нужно было искать въ видѣ немногихъ чертъ въ многочисленныхъ разнородныхъ сочиненіяхъ. Отъ этого уже происходитъ и то, что наука эта, строго систематизирующая, даетъ въ головѣ Германца систематическіе осадки съ опредѣлительной фізіономіей, съ однимъ направленіемъ, стремившимся обобщать, приводить къ одному знаменателю и уничтожать разрозненность, разбросанность отдѣльныхъ замѣтокъ и чертъ. Такииъ-образомъ, — если взять для примѣра живопись, — въ одной Германіи мы найдемъ вотъ - какія тѣмы, задаваемые себѣ для разсмотрѣнія, и связанное, логически-послѣдовательное разсмотрѣніе ихъ: 1) *особый характеръ живописи: главное назначеніе содержанія ея, чувственный принципъ художественнаго исполненія*; 2) *особливое опредѣленіе живописи: романтическое содержаніе, ближайшее опредѣленіе чувственаго матеріала, художественная концепція, сочиненіе и характеризованіе.*

Итакъ, это уже великое дѣло, что существуетъ эстетика, что она получила настоящую степень гражданства между прочими науками; но ей не достаетъ, — и это главный, вопіющій ея недостатокъ, — не достаетъ того, чтобъ у ней, какъ у естественныхъ наукъ, прежде всякой системы началась анатомія данныхъ фактовъ,

анатомія существующихъ произведеній искусства, потомъ сравнительная анатомія, возводящая наконецъ, на степень общей системы. Слушателямъ предлагается ученіе о томъ или другомъ искусствѣ, заключающее болѣе или менѣе истинны въ своихъ общихъ положеніяхъ; но ни слушатели, ни самъ излагатель не знаютъ въ лицо тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ предположено строить зданіе, а планъ и фасадъ для него уже начерчены болѣе или менѣе дѣльно. При подобномъ изложеніи *предполагается*, что произведенія искусствъ какъ на ладони у той и у другой стороны. Но что, если бы съ подобными предположеніями начинали курсъ естественныхъ наукъ, или читали философію исторіи прежде, чѣмъ вложена была сама исторія? Это была бы такая странность, которая всѣмъ кидалась бы въ глаза, — однакожь на сторонѣ искусства это никому не кажется странностью. Мы сказали, что такое знаніе предполагается; но есть ли возможность ему существовать, когда явившимся доселѣ на свѣтъ произведеніемъ изящныхъ искусствъ не только нѣтъ анатоміи, но даже нѣтъ свода ихъ, подобнаго тому, какой содалъ Бюффонъ для исторіи животныхъ своею описательною зоологіею? Правильно считать описанія произведеній искусствъ чѣмъ-то въ родѣ беззвучной игры на инструментѣ, гдѣ увидишь искусство и мастерство, бѣглость, но никакого тона не услышишь; влюбленнымъ описаніямъ никто не вѣритъ и не обращаетъ на нихъ никакого особеннаго вниманія; но имъ необходимо существовать и сдѣлать свое дѣло: какъ описательной зоологіи Бюффона *вѣдъ* точно такъ же не уважалъ животное, если его никогда не видать въ натурѣ или въ рисункѣ, но всѣмъ извѣстна польза, принесенная естественнымъ наукамъ этими сочиненіемъ, предшествовавшимъ сравнительной анатоміи.

Ничего нѣтъ страннѣе музыковъ и музыкальныхъ исполненій какихъ бы то ни было пьесъ въ концертахъ и те-

взглядъ: слушатель и зритель ходитъ точно въ какомъ-то дремучемъ лѣсу, котораго онъ не можетъ обоарить никакимъ образомъ; онъ можетъ только пѣлаться то за тотъ, то за другой повзвѣншійся (Богъ-знаетъ какъ иной разъ навыворотъ) сучокъ, который онъ себѣ и сломитъ на память. Все прочее лежитъ какой-то темной, густой массой, въ которой онъ ничего не различаетъ. Чего не знаютъ, то свято уважаютъ безъ всякаго разбора; отъ этого-то въ «святяницѣ» искусствъ (т. е. въ такомъ мѣстѣ, куда никто не входитъ) существуетъ такое множество знаменитыхъ именъ и произведеній, столько же, сколько по прежнему считали ихъ состояло во всѣхъ литературахъ.

Какъ ни молода русская литературная критика, какъ ни не давно она существуетъ, у ней начато такое дѣло, которое врядъ-ли существуетъ у другихъ: это непрелѣтное разставленіе произвоителей искусства по ступенямъ дѣятельности большими группами, — не опредѣленіе цифрами и вѣсомъ кто сколько потянетъ, но разграниченіе больше или меньше возвышенной сѣры дѣятельности, показаніе силъ, органовъ, которыми обладалъ авторъ, и дальше которыхъ ему пельза было производить. Между-тѣмъ, всѣ другія критики, не смотря на свои великія достоинства, не чувствуютъ надобности вычеркнуть много произведеній и многихъ авторовъ изъ списка великихъ. У сколькихъ народовъ еще до-сихъ-поръ *Виргилій, Аріостъ, Данте* илутъ рука-объ-руку съ Гомеромъ, *Мольеръ* съ Шекспиромъ и т. д., при чемъ, разумѣется, и критика должна имѣть такой оборотъ: у *Ивана Ивановича* была голова по кожа на рѣдкѣ хвостомъ внизъ, а у *Ивана Никифоровича* на рѣдкѣ хвостомъ вверхъ; *Иванъ Ивановичъ* художавъ и высокаго роста, *Иванъ Никифоровичъ* немного ниже, но за то распространяется въ толщину. *Иванъ Ивановичъ* только послѣ обѣда лежитъ въ

одной рубашкѣ подъ вѣтсомъ, ввечеру же надѣваетъ белешу и идетъ куда-нибудь; *Иванъ Никифоровичъ* весь день на крыльцѣ; *Иванъ Ивановичъ* брѣветъ бороду въ недѣлю два раза, *Иванъ Никифоровичъ* одинъ разъ и т. д. Т. е. и *Иванъ Ивановичъ* хорошъ и *Иванъ Никифоровичъ* тоже, оба хороши, только въ разныхъ родахъ, оба молодцы хоть куда. Въ противоположность такому способу сужденія, совершающагося склоненіе русской критики (и, слѣдовательно, русской публики) къ совсѣмъ иной сторонѣ анализа — явленіе самое утѣшительное и многообѣщающее.

Это все совершается даже въ области литературы, но и въ и поминна о подобномъ движеніи въ области художественной критики, и еще, вѣроятно, долгое время надобно будетъ ждать, чтобъ и тутъ, какъ сквозь рѣшету, простѣли всю разнообразную, разнокалиберную, разносоставную массу, и показали въ-самомъ-дѣлѣ художниковъ отдѣльно отъ людей просто-талантливыхъ, но имѣвшихъ историческое значеніе для своего или послѣдующаго времени въ какомъ-нибудь отношеніи по своему искусству и, наконецъ, людей, только-что занимавшихся искусствомъ и больше ничего недѣлавшихъ. Теперь же, покада существуетъ такое огромное число художественныхъ славъ и знаменитостей, это уже одно число заставляетъ подовѣрвать, что въ общей массѣ, за урядъ съ другими, много незаконныхъ лавровыхъ вѣткочъ, покоящихся на головахъ совсѣмъ того недостойныхъ, такъ-что славакъ этимъ при первомъ прикосновеніи критики прійдется спускаться на другія ступени, и большія полчища великихъ быстро станутъ рѣдѣть, сохранятъ въ своихъ рядахъ весьма-немногихъ избранныхъ.

Естественныя науки основаны на наблюденіи; отъ него онѣ ни на шагъ, и отъ-того-то въ нихъ такъ много сдѣлано, такъ много открыто; одно откры-

тие приготовить нуть и возможность другому. У науки объ искусствѣ подобный же материалъ, требующій, чтобъ держалась наблюдёнія, неслѣдованія: только тогда наука эта дастъ удовлетворительные результаты; но такъ-какъ этихъ неслѣдованій и не начинали, то выходитъ, что у этой науки нельзя и спрашивать того, въ чемъ именно и состоитъ ея сущность, того, для чего она и существуетъ. У ней нѣтъ выдѣлываемыхъ результатовъ, которые бы передавались для продолженія работы изъ одной закрывшейся, кончившей свое дѣйствіе мастерской, въ другую,—нѣтъ единственно-настоящаго предмета занятія. Она теперь точно книга, начавшаяся съ пятого тома.

Выше было сказано, что излагающіе эстетику не обладаютъ первоначальными матеріалами своей науки: это требуетъ подтвержденія фактами. Безъ всякаго сравненія, лучшая изъ всѣхъ существующихъ эстетикъ — эстетика Гегеля. Мало того, что она лучше всѣхъ другихъ, она еще и сама въ себѣ *положительно-превосходна* до тѣхъ-поръ, пока не спускается въ конкретную область каждаго искусства въ особенности; здѣсь тотчасъ оказывается ея безпомощная слабость, шаткость и, наконецъ, иногда фантазёрство, выдаваемое за дѣло. Еслибъ его «систему отдѣльныхъ искусствъ» раздѣлить на составныя части и раздать по рукавъ *настоящимъ* художникамъ для оцѣнки (потому-что художественной критики не существуетъ и нѣтъ судейскаго трона, къ которому бы должна была приступить эта книга), всѣ бы принуждены были сказать, что 1) эта система занимается одною общою формою, 2) какъ все общее, поверхностное, она не можетъ быть полезна ни художнику, ни массѣ публики, потому-что въ ней нѣтъ никакихъ подробностей о самыхъ предметахъ искусствъ, а если и встрѣчаются эти подробности, то никогда не различить, куда какое искусство принадлежитъ,—не такъ, какъ въ естество-

знаніи, которое показываетъ каждое животное въ его индивидуальности, и видѣтъ въ его видовыхъ и родовыхъ отношеніяхъ. У Гегеля и помина нѣтъ о такой оцѣнкѣ произведеній искусства: они только нѣрѣдка появляются въ видѣ уединеннаго прилѣпа, да и то съ ссылкой на мнѣніе о нихъ тѣхъ или другихъ лицъ; самъ же авторъ не говоритъ ничего рѣшительнаго.—Такъ, на-пр., въ статьѣ о скульптурѣ, упоминая объ Аполлонѣ Бельведерскомъ и Венерѣ Медичейской, Гегель говоритъ:

«Во время Лессинга и Винкельмана этия статуи и платили дань иностранченнаго почитанія, какъ высшимъ идеаламъ искусства; теперь же, съ-тѣхъ-поръ, какъ узнали произведенія болѣе глубокаго по выраженію, а по формѣ болѣе живыя, у нихъ побавилось цѣнности, и ихъ относятъ къ болѣе уже позднему времени, когда у гладкости работы было въ виду правящееся и пріятное, а не строгіе, настоящіе стволы. Оливъ англійскій путешественникъ (Mogn. Chron. 26-го июля 1826) называетъ даже Аполлона театральнымъ шеголемъ (theatrical coxcomb), а Венерѣ хотъ и даетъ большую цѣнность, симметрію и стыдливую грацію, но видѣтъ и лишнюю всякихъ ошибокъ бездушность, отрицательное совершенство и — *a good deal of insipidity* (порядочную дозу бессмысленности).»

Кто такой этотъ путешественникъ и почему нужно полагаться на этотъ приговоръ? наконецъ, кто это *убавилъ цѣнности* у Аполлона и Венеры?—на это все нѣтъ никакихъ отвѣтовъ. Послѣ Винкельмана открыты изъ скульптурныхъ произведеній перваго достоинства только эгинскіе барельефы и Венера Мило, но въ-слѣдствіе превосходства этихъ произведеній никто не думалъ унижать все колоссальное достоинство Аполлона и Венеры, кромѣ развѣ неизвѣстнаго англійскаго путешественника. Притомъ, кажется, этотъ путешественникъ не зналъ, что голу Венеры Медичейской считаютъ не подлинною, а приставною, и статуя эта высоко цѣнится не за выраженіе

головой, а за необыкновенную красоту тела: шеи, груди, спины, всего торса, ног в верхней части рук (оконечности которых также приставны) и за ту позу чудесной красоты, которая давалась только лучшему времени Греции; но хотя голова приставная, все-таки ни один человек не согласится в ней увидеть бессмысленности, а почувствует прелесть поворота ее, раскрывшаго вместе съ стройностью, съ которою сложилась прическа, все изящество затылка, обыкновенно въ статуях пропадающее для глазъ. На то, что Аполлонъ театральнѣйшій щеголь, просто вѣчего отвѣчать: такъ трудно войти въ подобное обвиненіе и понять его.

Продолжая брать примѣры изъ скульптуры, мы встрѣчаемъ такое положеніе у Гегеля: «Говоря вообще, отлѣвныя статуи стоятъ самостоятельно, сами для себя; группы же и еще больше барельефы все больше-и-больше начинаютъ отказываться отъ этой самостоятельности и употребляются архитектурой для цѣлей этого искусства». Кажется, эти слова относятся къ греческой скульптурѣ, а не къ скульптурѣ вообще. Но и у Грековъ скульптура служила не украшеніемъ, а была сама главнымъ дѣломъ, сама жила содержаніемъ, въ которомъ читали всѣ какъ въ книгѣ, и не была арабеской, на которую едва смотрятъ. У греческой скульптуры была такая же для каждого зрителя важность, какъ у каждой трагедіи, которую Грекъ пришелъ слушать въ свой театр, и которая со два души подвигала самые дорогіе интересы для него самого и для его отечества. Но еслибъ даже и допустить, что въ-самомъ-дѣлѣ барельефы и группы служили у Грековъ украшеніями, это не доказываетъ, чтобъ таково было назначеніе ихъ по самой ихъ натурѣ, чтобъ это было настоящее условіе ихъ существованія. Никакъ еще не опредѣлено съ удовлетворительностью, какимъ-образомъ и надобно ставить статуи и барельефы,

но еще больше не опредѣлено полный объемъ сюжетовъ, свойственныхъ скульптурѣ, — это задачи неочятныя; следовательно, не выходитъ ли преждевременно и безплодно говорить о раздѣленіи скульптуры на самостоятельную и вспомогательную? Можетъ-быть, именно этого-то дѣленія и не должно существовать.

Въ примѣръ фантазерства, вмѣсто положенія серьезнаго, научнаго, можно привести изъ гегелевой эстетики слѣдующія мѣста о готической архитектурѣ:

«То впечатлѣніе, которое должно производить теперь искусству, въ противоположность ясной открытости греческихъ храмовъ, должно съ одной стороны состоять въ умиреніи духа, который, отдѣлившись отъ вышней природы и всего мірекаго, замыкается самъ въ себя; съ другой стороны, въ торжественной возвышенности, которая стремится и уносится за предѣлы разсудочно-ограниченныя. А потому, если зданія классической архитектуры раздвигаются въ ширину, то противоположный, романтический характеръ христіанскихъ церквей состоитъ въ впростаіи изъ земли и стремленіи къ вышнему... — «Внутреннее пространство не должно быть пространствомъ абстрактно-ровнымъ, пустымъ, у котораго нѣтъ никакихъ различій и нѣтъ примѣровъ, но требуетъ формы конкретной, и потому различествующей по отношенію къ длинѣ, ширинѣ, вышинѣ и очертанію этихъ пропорцій. Кругъ, квадратъ, форма продолговатая, съ ихъ одинаковостью заключающихъ стѣнъ и покрыши не годятся бы. Волнованіе, различеніе, прищипленіе духа въ его возвышеніи отъ земнаго къ безконечному, къ возмемому и высшему не было бы выражено архитектурно въ этомъ пустомъ однообразіи квадрата.» — «Такъ-какъ стремленіе должно высказаться главнымъ характеромъ, то вышнія столбовъ превышаетъ ширину ихъ основанія въ степени, неизмѣримой для глаза. Столбы дѣлаются тонки, тонки и длинны, и уходятъ въ вышину такъ, что глазъ не можетъ одинъ разомъ обсервировать всю форму, но принужденъ ходить кругомъ, дѣлать вверхъ, покуда, успокоившаяся, достигнетъ тихо-складывающагося скрученія»

столбчатых арокъ, какъ и духъ въ благоговѣнн своемъ поднимается отъ почвы преходящаго безпокойный, волнуемый, и находить успокоеніе въ одномъ Богѣ.» — «Всѣ окна колоссальной величины, для того, чтобъ взоръ, покоящійся на нижней части ихъ, не обнималъ сразу и верхней, и чтобъ, подобно тому, какъ у сводовъ, былъ возводимъ туда. Именно это-то и образуетъ безпокойство полета вверхъ, которое должно быть сообщено зрителю. Сверхъ того, оконницы только на половину прозрачны отъ росписныхъ стеколъ. Частію онѣ изображаютъ священныя сказанія, частію же онѣ дѣлаются просто цѣптыми, для того, чтобъ распространять полумракъ и заставить блистать горячія свѣчи, потому-что здѣсь долженъ давать свѣтъ не день вѣншей природы, а другой день.»

Послѣ этого, можно вообразить, что художники среднихъ вѣковъ были такіе водчѣ, какіе представляются въ романахъ, и съ устремленными въ небо взорами восклицали: я создамъ, я создамъ... и за этимъ длинная тирада о томъ, какъ духъ будетъ возлетать и уноситься, какъ вся природа, небеса, земля, море и камни прійдутъ слушаться его глагола, бездушныя твердыни улягутся подъ его величіемъ въ стремящійся въ звѣздамъ храмъ или хранилищу, и духу человѣческому тепло, спокойно и удобно будетъ возлетать и возноситься, потому-что куда ни посмотритъ человѣкъ по стѣнамъ, вездѣ уже изображено это возлетаніе. Между-тѣмъ, гораздо-полезнѣе было бы указать на изумительную механику тогдашней архитектуры, которая, не умѣвъ раскинуться въ ширину и въ высоту видѣтъ, пустилась въ одну высоту, точно такъ, какъ когда корень дерева живъ и могучъ, пусть налегшій камень придавить его и загородитъ настоящую его дорогу, или загородитъ вдовольну, — корень не станетъ спокойно лежать и гложуть; живущія въ немъ силы не позволяютъ бездѣйствіеннаго спокойствія: онъ найдеть себѣ новую, хотя бы и въскъ ведущую дорогу, а все-таки дастъ развиться дереву. При этомъ односторон-

немъ развитіи нельзя довольно надвинуться, какъ художественное чувство тогдашняго водчества умѣло придать столько настоящей красоты этимъ одностороннимъ и недостаточнымъ формамъ, что иногда можно забыть, и обратиться себя передъ лицомъ полной красоты. — Съ другой стороны, изъ разсказа Гегеля о готической архитектурѣ невольно представишь себѣ, что архитекторы среднихъ вѣковъ держали расчетъ на продѣлки въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлались въ мѣсячныхъ лодкахъ, гдѣ посредствомъ различныхъ декоративныхъ и машинныхъ средствъ старались произвести извѣстное напряженное расположеніе духа, нужное по расчету для какихъ-нибудь цѣлей. Но искусство занимается не тѣмъ *эфектомъ*, который будетъ распространенъ его произведеніемъ, а самими этими произведеніемъ, создаетъ его въ полнотѣ истины и красоты и больше ничего не хочетъ. Если же кто-нибудь вздумалъ бы приводить въ дѣйствіе такія премудрости, какія разсказываетъ Гегель про готическую архитектуру, дѣйствуя не по дѣйствительнымъ, настоящимъ требованіямъ необходимости и надобности чисто-матеріальной, исполненіе которой складывается само-собой, какъ органическое тѣло, въ формы красоты, а слѣдуя только капризнымъ, резонерскимъ выдумкамъ, — такой человѣкъ показалъ бы только, что у него нѣтъ никакой способности къ архитектурному дѣлу, и что онъ не водчій, а хитро-сплетающій умникъ. За то и умничанье такого человѣка, когда получить матеріальное исполненіе, мало того, что бываетъ неуложно и уродливо, но, что еще хуже, оказывается въ самокъ жестокомъ разладѣ съ дѣйствительными потребностями жизни, — въ родѣ того, какъ во время французской революціи у всѣхъ на умѣ была только античность, древность, ничто нынѣшнее не казалось хорошо, стали подражать Грекамъ и Римлянамъ даже во всѣхъ домашнихъ утваряхъ, не подумавъ даже, будетъ ли это нынѣ годиться.

Между-прочимъ, завели вездѣ античныя стулья съ широко-выгбавшимися впередъ ножками; и въ-самомъ-дѣлѣ, стулья эти казались всѣмъ очень-хороши, да только одна бѣда: на нихъ нельзя было садиться, и, вмѣсто того, чтобъ находить въ каждомъ стулѣ искомое удобство, объ него ушибали ногу.

Такихъ примѣровъ, какіе мы представили въ-отношеніи къ скульптурѣ и архитектурѣ, въ системѣ отдѣльныхъ искусствъ Гегеля очень-много, особенно въ статьѣ о музыкѣ, и всѣ они показываютъ одно и то же: что ему все-всѣмъ незнакомы въ сущности предметы, о которыхъ онъ говоритъ, и что свѣдѣнія о нихъ и мысли достались ему не какъ плодъ разсматриванія и изученія, а какъ что-то извѣстное по наслышкѣ, или по преданію, что и самъ повторяетъ безъ всякаго внутренняго убѣжденія, чего не разсмотрѣлъ самъ, потому-что не могъ или пренебрегъ внимъ, и отъ-того не питаешь къ этимъ машинально-повторяемымъ положеніямъ ни сочувствія, ни страсти, которыя бы одни могли заставить разглядывать пристально и вѣрно.

Эстетика мюнхенскаго профессора Тирша страдаетъ еще больше гегелевскаго сочиненія недостатками всѣхъ эстетикъ, когда вступаетъ въ область отдѣльныхъ искусствъ, хотя и заключаетъ въ себѣ много прекрасныхъ сторонъ въ общемъ развитіи началъ искусства. Но съ самыхъ почти первыхъ страницъ, во вступленіи еще, она должно опредѣляетъ значеніе всей гегелевой эстетики, и такъ-какъ именно этотъ предметъ трогаетъ самую первую основанія философіи искусства, то надобно прежде всего здѣсь остановиться.

Г. Тиршъ обвиняетъ эстетику Гегеля въ томъ, что она ставитъ духъ человѣческій выше всего существующаго, что для нея художественная красота есть красота, родившаяся изъ духа и получившая новое рожденіе, и на

сколько духъ и произведенія его стоятъ выше природы и ея явленій, на столько и художественно-прекрасное стоитъ выше красоты природы, — такъ-что, разсматривая формально, даже дурная мысль, какъ она кому пришла въ голову, стоитъ выше всякаго естественнаго произведенія, потому-что въ такой мысли все-таки присуща духовность и свобода. Далѣе говорить г. Тиршъ, что въ силу такого опредѣленія красота природы совершенно исключается изъ эстетики, и эта наука ограничивается только художественно-прекраснымъ, что этимъ самымъ вся полнота природы, въ противоположность духу, спускается на степень чего-то подчиненнаго, что гегелево ученіе, подобно Фихтеву, превратилось въ области искусства въ суровый реализмъ и, какъ ученіе Фихте, имѣло слѣдствіемъ иронію, такъ ученіе Гегеля породило юморъ.

Противъ этихъ обвиненій можно только привести слова самого Гегеля, какъ онъ выводитъ необходимость художественной красоты; это лучше всякихъ доводовъ уяснитъ все дѣло:

«Человѣческое тѣло стоитъ на гораздо-вышей степени противъ тѣла животнаго, ибо на немъ безостановочно проявляется, что человѣкъ одно одушевленное, чувствующее тѣло. Кожа не покрываетъ растительно-безжизненной силой, бѣние крови просвѣчиваетъ на всей поверхности, бьющееся сердце жизненности какъ-будто присутствуетъ повсюду и проступаетъ внѣшнимъ проявленіемъ какъ особенность оживленности, какъ сама волнуемая жизнь. Точно такъ кожа является вездѣ чувствительною, вездѣ обнаруживаетъ *la morbidesza*, цвѣтъ тѣла и нервовъ, эту вѣчную пытку для художниковъ. Но сколько человѣческое тѣло ни проявляетъ во внѣшности свою жизненность въ противоположность тѣлу животныхъ, но на этой поверхности столько же выражается недостаточность природы въ раздробленіи кожи въ бородачкахъ, морщинахъ, поркахъ, волоскахъ, жвакахъ и т. д. Сама кожа, которая длетъ просвѣчивать сквозь себя внутренней жизни, —

только покрывка для самосохранения снаружи, только целесообразное средство, служащее природной недостаточности. Но огромное преимущество, отличающее явление человеческого тела, состоит в чувствительности, которая, если постоянно и не доказывает настоящего ощущения, то по крайней мере доказывает возможность его. Но вместе с тем здесь оказывается и тот недостаток, что это ощущение вырабатывается наружу во всех членах не как ощущение, внутренне само в себя сосредоточившееся, но как ощущение, посвященное в тело (как часть органов и их формы) животным отправлением, между тем, как другая часть ощущений принимает в себя ближайшее выражение жизни душевной, ощущений и страстей. С этой стороны душа с своею внутреннею жизнью не просвѣчивает сквозь действительность телесной формы. — Человѣчeskій организм, хотя и не в такой степени, как организм животных, подпадает в своемъ телесномъ бытѣ зависимости отъ вѣшнихъ силъ природы, зависимости, близкой къ зависимости животных, и ничѣмъ не закрытый выставляетъ дѣйствию такой же случайности неудовлетворенныхъ потребностей природы, разрушительныхъ болѣзней, точно такъ же, какъ и всякаго рода нужды и бѣдствія. Поднимаясь выше въ непосредственную действительность духовныхъ интересовъ, зависимость тутъ только является в самой совершенной относительности. Здесь разверзается вся ширина прозы въ человѣческомъ существованіи. Уже этого рода и противоположность просто физическихъ цѣлей жизни противъ болѣе высокихъ цѣлей духа, изъ которыхъ одинъ другимъ могутъ мешать, препятствовать и другъ друга задушать. Потому отдѣльный человѣкъ для того, чтобы сохранить себя въ своей отдѣльности, долженъ многообразно дѣлать себя средствомъ для другихъ, служить ихъ ограниченными цѣлями, и точно также извѣдывать другихъ, для удовлетворенія собственныхъ интересовъ, на степень просто средствъ. Такимъ образомъ, индивидуумъ, какъ онъ является въ этомъ мірѣ вседневности и прозы, дѣйствуетъ не изъ собственной полноты и не изъ самого себя, но дѣлается понятенъ изъ *всего* дру-го. Потому что отдѣльный человѣкъ стоитъ въ зависимости отъ вѣшнихъ влі-

ній, законовъ, государственныхъ поста- новленій, гражданскихъ отношеній, кото- рымъ ему встрѣчаются по дорогѣ и передъ которыми онъ долженъ склоняться, по- свѣтъ ли онъ ихъ какъ что-то свое му- тренное, или нѣтъ. — «Конечно, у насъ посредственной человѣческой дѣятельности и у ея явленій и органической нѣтъ недостатка въ системѣ и полнотѣ дѣятельности, но все цѣлое является только огромною массою отдѣльныхъ занятія и дѣятельности раздѣляются и безконечное множество частей, такъ что на каждого отдѣльнаго человѣка можетъ прійтись только по частикѣ цѣлага, и сколько бы индивидуумы со своими собственными цѣлями ни держались у этого общаго и требовали на сцену того, что производятъ ихъ отдѣльными интересомъ, — самостоятельность и свобода изъ воли все-таки остается больше или меньше формальною, опредѣленною вѣшними обстоятельствами и случаями, попри- стваванною плотинами естественности.» — «Естественная жизнь не поднимается выше ощущенія, остающагося въ самомъ себѣ, не проникая полноты действительности, и сверхъ того находитъ себя непосредственно-условленною, ограниче- нною и зависимою, потому что она не свободна и опредѣлена не сама собою, но чѣмъ другимъ. Та же судьба постигаетъ непосредственную, конечную действительность духа въ его знаніи, волѣ, его явленіяхъ, дѣйствіяхъ и судьбахъ. Потому что хотя и здесь образуются болѣе-существенные центральные пункты, но зато тутъ всего только и есть, что центральные пункты, у которыхъ столь же мало истины, сколько у особенныхъ отдѣльностей самихъ-по-себѣ; и они проявляютъ истину посредствомъ всей своей совокупности, когда находятся въ-отношеніи одинъ къ другому. Вотъ причина, по которой тутъ не можетъ снова находить въ конечности существованія и ограниченности его и вѣшней его необходимости — непосредственнаго зрѣлища своей настоящей свободы и не можетъ наслаждаться ею, и вотъ почему онъ принужденъ выполнять потребности этой свободы на другой, болѣе-высокой почвѣ. Такая почва — искусство, а действительность идеалъ его.

Итакъ, необходимость художественно-прекраснаго ведется изъ недостатка, в самомъ посредственной дѣятельности, и ради его должна быть поставлена въ томъ, чтобъ

онъ представлялъ проявленіе жизненности и особенно проявленіе вложенія духа наружно и во всей свободѣ, и чтобъ онъ дѣлалъ видѣніе сообразнымъ съ понятіемъ его. Тогда только впервые истинное подмито изъ всей своей временной обстановки, изъ своего разбѣга во всё края по волнамъ конечнаго, и вѣсть съ тѣмъ приобрѣло видѣніе проявленіе, изъ котораго проглядываетъ не недостаточность природы и прози, но бытіе, достойное истины, которое и само стоитъ въ свободной самостоятельности, потому что у него есть назначеніе въ самомъ-себѣ, и это назначеніе не внесено въ него чѣмъ-нибудь постороннимъ.

Таковы слова Гегеля; можно ли же нести всего этого повторять, что по гегелеву ученію *«во всей природѣ не живетъ красота, но что она присуща только тому, что непосредственно находится въ отношеніи съ идеєю свободно и самостоятельно, следовательно, что красота присуща только духу и ея проявленіемъ въ искусство»*. Такое сужденіе показывается чѣмъ-то нарочно придуманнымъ, потому что невозможно до такой степени добросовѣстно ошибаться въ смыслѣ и намѣреніи словъ Гегеля. Гдѣ въ нихъ есть намѣреніе отнять красоту у природы, придать ее однимъ произведеніямъ искусства? Напротивъ, нѣтъ почти ни одного сочиненія Гегеля, гдѣ бы онъ своимъ чуднопластическимъ языкомъ не далъ почувствовать какую-нибудь новую, неизслышанную черту великой, исполненной красоты, фивіоніи природы; но только, какъ духъ болѣе-могучій, чѣмъ цѣлые десяти тысячъ людей, онъ и различилъ тотъ вопросъ, къ которому приходятъ всё да такъ съ нимъ перѣшаннымъ и остаются весь вѣкъ свой. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ слышать и читать взвѣшиваніе красотъ природы (въ томъ числѣ и человѣческой красоты) и красотъ, вложенныхъ человѣкомъ въ произведенія искусства. Известно, какъ рѣшаются всегда на словахъ и бумагѣ такія пренія и взвѣшиванія: либо ничѣмъ не порѣшаются, остаются *дѣломъ вкуса* каждаго, либо (и это гораздо чаще) дадутъ

побѣду природѣ. Еще обыкновеннѣе, что люди, попавъ въ Италію, или Грецію, или Швейцарію и т. д., съ перваго шага уже распространяются передъ природою и въ *уносіи* повторяютъ: что ваши книги, что ваши картины! одинъ кусочекъ вотъ этого ландшафта стоитъ милліона книгъ и картинъ. Также стоитъ спросить любаго, даже не влюбленнаго, а просто восхищающагося прекрасной женщиной, что для него значить статуя, картина? Непосредственная, движущаяся жизнь дѣйствуетъ столь сильно, что, кромѣ этого условія, всё прочіе точно не существуютъ; къ прочимъ онъ точно со всѣмъ глухъ.

Но что жъ, однако, значить тотъ часто пропускаемый всѣми безъ вниманія фактъ, что въ живой женщинѣ, въ настоящемъ развертывающемся передъ нами ландшафтѣ довольно и одной частицы той красоты, которая никогда не была бы въ состояніи удовлетворить въ произведеніи искусства, и которая неудовлетворительна до такой степени, что люди самые глухіе къ искусству говорятъ: этого мало. Пускай самый влюбленный живописецъ, которому любезная женщина представляется сіяющимъ въ горнѣхъ свѣтѣ божествомъ, — пусть онъ съ своимъ влюбленнымъ чувствомъ, размахнувшимся полными крыльями, приобрѣтшимъ какія-то несслышанныя новыя способности, перенесетъ своими сверкающими красками дорогой образомъ на полотно, — облитъ всё обступившіе картину скажутъ: мало. Пусть точно такъ будетъ влюбленъ живописецъ въ природу, пусть онъ со всею обнявшею его страстью повторитъ видѣнное и почувствованное отъ природы, — всей переданной красоты еще будетъ мало до-тѣхъ-поръ, покуда эта красота и эта природа не слѣлаются тѣломъ невидимаго скелета, могущаго создаться только въ духѣ человѣка. Тогда вся эта природа, съ *заслужившими* частями, не будетъ больше слышима, какъ музыка съ тая-

стенными, неразгаданными только что леплющими звуками, а послышится многозначительно-рѣчью съ пониженнымъ содержаніемъ, гдѣ каждое слово слышно и приходится поражающей стрѣлой. Въ одинъ голосъ всѣ до сихъ-поръ звали Рафаэля первымъ изъ первыхъ въ его искусствѣ: ему ли было не знать, кто красивѣе всѣхъ изъ женщинъ! Но кто же изъ всѣхъ, видѣвшихъ его Форнарину, могъ видѣть въ ней что-нибудь, кромѣ недурной,стройной женщины? Теперь, лучше, чѣмъ въ его время, знаютъ различіе между матеріалами искусства и матеріалами дѣйствительности, такъ-что даже и французскому живописцу нашего времени не пришло бы въ мысль вставить женщину самую лучшую, какую онъ знаетъ, прямо живѣемъ въ картину. Въ одно мгновеніе она, едва дѣйствительность прикоснулась къ искусству, все измѣнилось, превосходное сдѣлалось порядочнымъ, порядочное вестернимо-дурнымъ, дурное—отвратительнымъ. Этого мало, что природа и искусство стоять на разныхъ степеняхъ, это дѣйствительно несомнѣнно, дѣйствующія на совѣсть-развѣя требованія человѣческой натуры. При всемъ природномъ мы силою дышащей въ немъ жизни *подкуплены* въ его пользу, слѣпнемъ, глухнемъ; такъ близко подступаемъ, что захватывается дыханіе, и неровно-забившееся сердце разомъ понесется по красотамъ формы, вынесетъ внаружу и слезы и восторги прежде, чѣмъ нашу пашь будетъ тотъ вѣчный скелетъ, который одинъ можетъ дать жить этой красотѣ и безъ котораго она какъ сорванный цвѣтокъ, лишенный жизни за нѣсколько часовъ, но еще на нѣсколько времени благоухающій и прекрасный.

Духъ человѣческій, поднимающій совланную природу изъ ея ограниченности и несовершенства къ солнцу идеала, противъ котораго она заиграетъ и заблеститъ какъ пылникъ въ столбѣ свѣта, — духъ этотъ обладаетъ силою *«возводитъ дѣйствительность въ перлы созданія»*, и по этому самому акту онъ

стоитъ неизмѣримо-высоко надъ своимъ матеріаломъ; но изъ этого никакъ еще не выходитъ, чтобъ природа сама-по-себѣ была лишена красоты.

Профессоръ Тиршъ, доказывая, что весь новѣйшій юморъ—послѣдствіе философіи Гегеля, считаетъ этотъ юморъ наклоностью ума отбрасывать отъ себя все произведенное въ области эстетики и искусства какъ устарѣлое, изъ какой-то своевольной потѣхи. Но если и дѣйствительно юморъ нашего времени долженъ быть въ корняхъ своихъ прослѣженъ до философіи Гегеля, то, конечно, у него не тотъ капризный смыслъ потѣхи, какой ему здѣсь придается, а трагически-серьезный и задумчивый взглядъ—слѣдствіе близкаго и не шуточного вникновенія въ ходъ исторіи. Нынѣшній юморъ—это новый органъ духовного зрѣнія, для полноты котораго мало ли сколько еще не достаетъ органовъ. Если же эстетика Гегеля дѣйствительно показала бы, что много есть вещей состарѣвшихся и больше не требующихъ однажды-налаженного уваженія, то это было бы огромнымъ ея достоинствомъ; но, какъ выше уже сказано, именно этой-то стороны у эстетики нѣтъ, а г. Тиршъ не подтвердилъ своихъ словъ никакимъ доказательствомъ изъ эстетики, про которую онъ говоритъ, такъ-что нельзя ничего и отвѣчать на слова его.

Не соглашаясь съ положеніемъ Гегеля объ отношеніяхъ искусства и природы, г. Тиршъ считаетъ ихъ совершенно-равными элементами прекраснаго, а назначеніемъ эстетики полагаетъ развитіе законовъ, по которымъ изящное проявляется и въ природѣ и въ человѣческомъ духѣ и изображается искусствомъ. Но въ такомъ опредѣленіи столько неправды, что самъ же авторъ на дѣлѣ доказываетъ другое; самъ же онъ принужденъ держаться ближе простой правды, такъ-что съ самаго начала *красота природы и человеческаго духа отодвинуты въ эстетику въ общемъ смыслѣ и въ ней забыты, а эстетика въ тѣсномъ смыслѣ за-*

нимается уже у него общепринятыми искусствами, — но только съ такими различіемъ отъ новѣйшихъ эстетикъ, что онъ по прежнему порядку включаетъ въ число изящныхъ искусствъ и миміку, т. е., просто говоря, танцевальное искусство.

Эстетика г. Тирша не принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя, раскрывая на что-нибудь глаза всѣхъ, ведутъ впередъ: нѣтъ, это такое сочиненіе, которое похоже на зеркало, въ небольшомъ пространствѣ собранное всѣ лица, находящіяся въ комнатѣ: кто имъ посмотреть въ него, ничего новаго не увидитъ; за то въ немъ уже все выразится, что ни есть дѣйствительнаго. Любопытно было бы, чтобъ многіе, чтобъ даже всѣ прочитали это сочиненіе: почти всѣ читатели найдутъ въ немъ повтореніе общепринятыхъ мыслей, вѣрованій и убѣжденій (если такія есть), повтореніе, выраженное часто довольно-изящно, съ небольшою, но запугивающимъ, но только привѣтливый, нужнымъ всякому про случай запасомъ учености, — словомъ, найдутъ такую книгу, которая бы очень и очень могла понравиться, какъ благонамѣренная, неотсташая отъ вѣка и поучительная (потому-что поучительною называется всегда такая книга, которую сразу раскусить каждый, а та, изъ которой въ-самомъ-дѣлѣ было бы чему учиться, называется скучною и сухою). Отъ этого-то въ книгѣ г. Тирша и статья о мимическомъ искусствѣ есть только выраженіе общепринятой мысли, что танцевальное искусство стоитъ на одной доскѣ и съ поэзіей, и съ музыкой, и съ скульптурой. Даже люди, сколько-нибудь поднавшіеся отъ уривия «глубокаго моря», всегда готовы сказать: развѣ въ танцевальномъ искусствѣ нѣтъ граціи, нѣтъ красоты? а если есть, то чѣмъ же оно хуже всякихъ другихъ искусствъ? Конечно, все это въ немъ есть, но вѣдь есть же, или должна же быть стройность, красота и во всякомъ кораблѣ? Не-уже-ли изъ этого

слѣдуетъ, что искусство строить корабли — изящное искусство, и что оно должно быть занесено въ эстетику, для изслѣдованія законовъ, по которымъ должно дѣйствовать? Въ мимическомъ искусствѣ должно было бы наводить на подозрѣніе уже одно то обстоятельство, что у этого искусства нѣтъ твердаго выраженія, нѣтъ знаковъ, которые бы могли задерживать сочиненное. Но это только доказательство побочное, а главное оружіе противъ мимики состоитъ въ томъ, что это лишь одна изъ вѣтвей искусства актѣра, слѣдовательно, вѣтвь, разросшаяся уродливо-широко, беззаконно, такъ-что погнула само дерево. Въ-самомъ-дѣлѣ, вообразимъ себѣ, что нѣтъ мимическаго искусства (здѣсь нельзя не замѣтить, что о танцевальной сторонѣ какъ-то умалчиваютъ, а держатъ въ виду одну пантомиму, какъ - будто уже давно молча созвались, что изъ первой ничего никогда не выйдетъ): нѣтъ ли большой вѣроятности ожидать, что чего требуютъ отъ мима — красоты и граціи, того станутъ тогда требовать и отъ актѣра, отъ котораго именно красоты-то и граціи нынче вовсе не требуютъ, какъ-будто это не по его части, а если и есть въ немъ эти красота и граціи, то пусть онѣ идутъ въ придачу къ прочему. Зачѣмъ же это такъ? По всей справедливости, кажется, отъ актѣра надобно было бы настоятельно требовать этихъ достоинствъ, какъ самаго перваго условія, безъ котораго онъ и артистомъ быть не можетъ... Но не имѣя здѣсь цѣлью разсматривать искусство актѣра и границы, въ которыхъ ему необходимо существовать, мы, однакожь, должны были упомянуть о такомъ странномъ отвѣтвленіи, которое наконецъ появилось во многихъ эстетикахъ въ видѣ цѣлаго, отдѣльнаго искусства образовательнаго, ставшаго на ряду съ архитектурой, живописью и т. п., между-тѣмъ, какъ о настоящихъ исполнителяхъ искусства ни въ какой эстетикѣ и поминать нѣтъ! Въ дѣйствіяхъ прежде всего надобно держаться того порядка, кото-

рый существует на-самомъ-дѣлѣ: что равнородно, того не помирить; такъ точно, если въ дѣйствительности есть *отрядъ* исполнителей, которые стоятъ совсѣмъ особнякомъ отъ авторовъ самого дѣла, то и въ наукѣ, о томъ разсказывающей, должно поставить точно такой же отрядъ совсѣмъ-отдѣльно, особнякомъ, не стараясь, для докончанія какой-нибудь геометрической плановой фигуры, насильно втискивать то, что само-собою просится вонъ, совсѣмъ въ другое мѣсто.

Между-тѣмъ, кажется, можно различить довольно-ясвенно, почему г. Тиршу захотѣлось включить въ эстетику мимическое искусство. Во-первыхъ, отъ этого искусства нѣтъ никакого прохода: оно такъ сильно владѣетъ сердцемъ; и еслибъ можно было допросить самыя тайныя глубины сердца большинства людей, можетъ-быть, вышло бы, что оно самымъ сильнымъ, то-есть, самымъ тѣлеснымъ образомъ (подобно цыганской пляскѣ и пѣнію) дѣйствуетъ на это большинство; во-вторыхъ, это искусство у человѣка ученаго, каковъ г. Тиршъ, тотчасъ возбуждаетъ память о Греціи и Римѣ, гдѣ оно было необходимо въ условіемъ воспитанія и жизни (ѣвропѣ, пошло бы и въ эстетику, еслибъ тогда были эстетики); наконецъ, на г. Тирша всего соблазнительнѣе должна была дѣйствовать мысль: сочинить *дѣл*, совсѣмъ-новыя, *тріады* искусствъ: первую составляютъ искусства, сросшіяся съ организмомъ человѣка, искусства, изображающія прекрасное въ той степени, какъ оно проявляется посредствомъ человѣческаго организма, слѣдовательно, представляющія его всегда движущимся и правящимъ (музыка, поэзія, мимика); вторая *тріада*—искусства, обращающіяся съ матеріалами земными, независимыми отъ человѣческаго организма, — искусства, представляющія прекрасное въ известномъ моментѣ развитія и потому принужденныя показывать всѣ части вмѣстѣ и рядомъ (архитектура,

живопись, скульптура). Манера систематизировать, выдѣлывать рамки, влиять въ нихъ что придется, —своего рода страсть; изъ-за нея можно попортить многія хорошія намѣренія, многіе свѣтлые, ясные взгляды; разъ пустившись, приходится все коверкать, ломать, давить съ-плеча, что бы тамъ ни вышло потомъ. Тутъ ужъ нечего смотрѣть на всякаго рода странности, которыя придется выговаривать: ничего! можетъ-быть, выдѣлетъ только оригинальнѣе. Нечего тутъ спрашивать, что это значить, напр., что поэзія и музыка имѣютъ дѣло съ организмомъ человѣка? Хотя музыка употребляетъ въ дѣло тоны, но только иной разъ (въ пѣніи и духовыхъ инструментахъ) человѣкъ долженъ издавать эти тоны своимъ голосомъ; въ прочихъ случаяхъ его организмъ столько же дѣйствуетъ въ музыкѣ, сколько въ живописи, или скульптурѣ: руки нужны и для инструмента музыкальнаго, и для кистей, и для рѣзца. Что же касается до поэзіи, то произносимыя слова (за исключеніемъ драматическаго искусства) послѣднее дѣло, такъ-что даже очень-рѣдко читается что-нибудь вслухъ, и все равно, читаетъ ли авторъ или кто другой. Когда г. Тиршу разъ повранилась мысль, онъ отъ нея не такъ-то скоро отдѣлывается: мало того, что онъ придумалъ общее троякое раздѣленіе: у него и всѣ послѣдующія дѣленія подобнаго же рода; главными законами у него являются опять трое: единство и многообразіе, ритмъ и расчлененіе, выраженіе и стиль. Потомъ и въ отдѣльныхъ искусствахъ поидеть то же самое: такъ, въ архитектурѣ, внѣшняя поверхность должна дѣлиться по отношенію къ ширинѣ, длинѣ и вышинѣ; вышину строенія должно дѣлить (и будто-бы это правило греческой архитектуры) на три части: основаніе, на которомъ должны стоять колонны, плоскость стѣнъ, кровли, —соловомъ, все продолжается въ такомъ же порядкѣ. Но, можетъ-быть, покажется неѣроятнымъ, что, разъ рѣшившись ввести въ кругъ изящныхъ искусствъ

инику, г. Тиршъ считаетъ въ области ея танцваніе на канатѣ, верховую ѣзду, фехтованіе! И однакоже, все это изображено на страницахъ 190, 369, 370 его книги...

Между-тѣмъ, изъ области всеобщихъ, никому-нестранныхъ понятій никакъ не выходить до-сихъ-поръ такіа опредѣленія, что архитектура есть застывшая музыка, ритмъ музыки то же самое, что симметрия въ архитектурѣ, на томъ только основывается, что и музыка и архитектура имѣютъ корни свои въ математикѣ. Но что жъ изъ этого слѣдуетъ? Ужъ никакъ не то, чтобы архитектура была застывшая музыка; оба искусства такъ различны и по средствамъ, а главное по намѣреніямъ, что не можетъ быть никакого мѣста подобному сравненію. Притомъ же, положимъ, будетъ доказано, что это сравненіе справедливо, что изъ этого выйдетъ?—ровно ничего. Еще есть одна любимая прищелка у весьма-многихъ, занимающихся дѣлами поверхностно и остающихся въ словахъ и сравненіяхъ: это сравнивать краски и тоны, словомъ, называть, что такое значитъ эта краска, что такое вотъ этотъ тонъ; бывший прежде въ большой извѣстности Гофманъ въ одномъ своемъ сочиненіи написалъ цѣлый рядъ аккордовъ (довольно-пустыхъ), наставивъ за каждымъ по главной цѣпи словесныхъ комментаріевъ; но стоитъ каждому читателю эту статью, изъ любопытства припомнить себѣ, какое дѣйствіе произвело на него именно это мѣсто? никакого, съ тою разницею, что незнающіе музыкой по-крайней-мѣрѣ думали, что въ этихъ аккордахъ въ-самомъ-дѣлѣ заключается что-нибудь великое, могущественное; а занимавшіеся сколько-нибудь музыкой, знали, что и въ музыкальныхъ аккордахъ ничего нѣтъ, какъ и въ комментаторскихъ словахъ. Отъ чего же послѣ многочисленныхъ прищелокъ недѣйствительности все-таки продолжается эта игра въ тономъ столбцѣ? отъ-того же, отъ чего и воръ несправильно: онъ все надѣется чего-то.

Всѣхъ заблужденій и ошибокъ нельзя перечислить въ книгѣ г. Тирша, точно такъ же, какъ невозможно пытаться разсматривать и разбирать совокупность обиходныхъ мыслей, которыми подвергнутъ каждый въ продолженіе цѣлаго дня, и на которыя столько похожа книга баварскаго профессора; если же мы распространились о его сочиненіи, то потому только, что и у насъ найдутся эстетики, которые готовы повторять въ научительномъ видѣ нелѣпности ученаго Нѣнца. Отказываясь идти далѣе за г. Тиршемъ, мы однакожъ считаемъ нужнымъ указать на одну мысль, но весьма-характеристическую, къ которой онъ пришелъ также въ-слѣдствіе желанія строить системы. Это въ статьѣ о іератическомъ стилѣ: авторъ рассказываетъ, что іератическій стиль въ греческой архитектурѣ (древній, первоначальный), представителемъ котораго былъ дорическій ордеръ, долженъ былъ выражать своими тяжеловѣсными массами глубокомысленность, важность и серьезность, что онъ долженъ былъ перейти въ болѣе-легкія, свободнѣе-развитаго и болѣе-гармонически связанные плоскости и линии, отысканныя аттической утонченностью и умомъ, которыми было суждено въ вѣкъ Фидіаса и Перикла, въ Пропілеяхъ, Акрополисѣ, Партеонѣ разрѣшить дорическую серьезность тѣмъ чистымъ развитіемъ архитектурныхъ формъ, которыя въ одно время чуднымъ образомъ соединяютъ достоинство съ красотою въ цѣломъ и въ частяхъ.

Разсмотрѣніе этого положенія важно потому, что когда докажется ложность его, то вмѣстѣ съ тѣмъ докажется ложность и другаго, весьма-общепринятаго мнѣнія.—Нельзя сравнивать стиль, предшествовавшій у Грековъ классическому, съ іератическимъ стилемъ вообще, на-примѣръ, съ іератическимъ стилемъ цѣлаго искусства Египта, который, собственно говоря, какъ бы его ни дѣлили по эпохамъ, все-таки болѣе ничего, какъ іератическій въ сравненіи съ послѣдующимъ развитіемъ

искусства. Первоначальный греческий стиль архитектуры не был так молод и невыработан, что когда наступила пора бóльшого развитія Греціи и когда развился новый стиль, то ему бы пришлось быть убиту, умереть; вѣтъ, въ немъ были такіе элементы, которые позволяли жить ему всегда, такъ-что какое бы развитіе теперь и въ-послѣдствіи ни получила архитектура, этотъ стиль не только можетъ, но и долженъ существовать наравнѣ съ прочими: его надобно принимать не какъ степень неразвитости, но какъ особенное, всегда законное выраженіе известной стороны греческаго таланта въ архитектурѣ. Между-тѣмъ нельзя того же сказать о всѣхъ другихъ іератическихъ стиляхъ искусства: они доказываютъ незрѣлость, показываютъ первыя попытки, первыя шаги, которые имѣютъ только историческое значеніе и больше ничего не значатъ, ни на что другое не годятся, когда развилась бóльшая степень совершенства. Такимъ образомъ ни одно произведеніе искусства не станетъ теперь повторять іератическій стиль не только египетской архитектуры или скульптуры, но и іератическій родъ скульптуры греческой, — не станетъ повторять, потому-что дѣйствительно нѣтъ въ томъ никакой надобности; тутъ можетъ дѣйствовать только прихоть, желаніе употреблять формы несовершенныя, неготовыя, когда есть формы лучшія, полнѣйшія. Совсѣмъ не такъ съ дорическимъ стилемъ греческой архитектуры: его употребленіе никогда не кончалось и никогда не кончится, потому-что въ немъ невозможно найти *отсталость* отъ требованій искусства и красоты. Изъ этого выходитъ, что не у всѣхъ греческихъ искусствъ было то равенство, или, точнѣе, то равновѣсіе, которое всѣ съ одного голоса приписываютъ имъ: напротивъ, не только нѣтъ такого равенства и равновѣсія, но у каждого искусства своя особенная исторія, непохожая на исторію другихъ искусствъ, совсѣмъ другая фазіонія, совсѣмъ другое

стремленіе, — точно трубочки разной длины и толщины, составляющія любимыи инструментъ бога Папа: пусть прекрасный топъ выйдетъ изъ этого разнороднаго соединенія, топъ бóлье-полезный, чѣмъ у всѣхъ другихъ народовъ, но для этого нѣтъ никакой надобности доказывать, будто у Грековъ точно по одному обрѣзу всѣ искусства пришли равными, съ одинаковыми тенденціями, съ одинаковою степенью развитія, будто стриженныя въ одну нитку дерева. Гораздо-лучше, забывъ такую фальшивую систематичность, дать деревьямъ расти, какъ имъ прірода приказываетъ, и они представлятъ чудныя красоты, развернутся прекрасной картиной вмѣсто прежней жеманной и патапнутой кустости; такъ точно лучше было бы, вмѣсто того, чтобъ подводить искусство Греціи подъ одинъ уровень, рассмотреть направленіе каждаго, опредѣлить, сколько своего пути прошло каждое изъ нихъ, и по какому пути шло оно. Но этого не дѣлается, потому-что строить системы очень легко всякому, пожалуй, хоть по двадцати на день, а заниматься дѣломъ и изслѣдованіемъ очень-трудно.

Впрочемъ, книга г. Тирша, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не трогаетъ отдѣльных искусствъ и системъ, а занимается общимъ опредѣленіемъ и отношеніемъ искусства, представляетъ много хорошихъ сторонъ; такъ, на-примѣръ, онъ очень-хорошо излагаетъ тѣ качества, которыя нужны для составленія художника, степень образованности, ему необходимую, совокупное дѣйствованіе нѣсколькихъ искусствъ вмѣстѣ, и т. д. Однимъ изъ лучшихъ нѣтъ должно счесть то, гдѣ онъ показываетъ законъ, по которому искусство можетъ быть обнимаемо и понимаемо всѣми:

«Если искусство (говорить онъ), сама образующаго духа, имѣющее способность осуществлять истину посредствомъ красоты, то оно не можетъ стоять чѣмъ-то особеннымъ, отдѣльнымъ отъ прочихъ вещей, но на него должно смотрѣть какъ на особенное направленіе одной всеобщей силы;

она только особенное проявленіе всеобщей потребности дѣйствовать, производить и образовывать. У этой потребности корень въ самыхъ внутреннихъ глубинахъ природы; она обнаруживается въ естественной потребности животнаго, въ его художественной способности, усложненной тою потребностью, и просвѣтляется въ челоѣкѣ до стремленія къ свободной дѣятельности духа, къ обнаруженію ея божественной природы. Этимъ самымъ раскрывается, въ какой степени способность къ искусству должна быть почтенна способностью всеобщей, такъ-то по духу каждый изъ насъ — художникъ: каждый принимаетъ участіе въ этой всеобщей потребности и въ челоѣческой способности къ произвожденію. То же самое говоритъ Шиллеръ словами: въ каждомъ сокрытъ идеальный челоѣкъ. Изъ этого слѣдуетъ всеобщая возможность восприниманія и уразумѣнія искусства, — потому-что, если оно есть нѣчто лежащее въ насъ сокрытымъ, то выходящее намъ на встрѣчу, какъ произведеніе этой сокрытой способности, будетъ нами признаваться и будетъ понимаемо какъ что-то собственное намъ, какъ выраженіе того, что мы чувствуемъ въ себѣ тайнаго, невыраженнаго. Справедливо говоритъ Гёте: «кого ты понимаешь, того чувствуешь себѣ родственнымъ».

THEATER UND KIRCHE IN IHREM GEGENSEITIGEN VERHÄLTNISS, HISTORISCH Dargestellt von Doctor Heinrich Alt. (Театръ и Церковь въ ихъ обоюдномъ отношеніи, исторически представленны докторомъ Гейнрихомъ Альтомъ).

Книга эта нуждалась бы въ хорошемъ переводѣ на русскій языкъ, потому-что она въ занимательномъ изложеніи рассказываетъ результаты изслѣдованій, слишкомъ-мало вездѣ извѣстныя. Если свести счетъ всему тому, что мы знаемъ фактовъ о театрахъ древнихъ и новыхъ народовъ, выйдетъ на повѣрку очень-мало, и съ такимъ запасомъ не далеко уйдешь. Къ тому же у насъ почти нѣтъ книгъ, въ которыхъ бы можно было найти хорошую, дѣльную исторію всѣхъ театровъ. Еще труднѣе отыскать книгу, которая бы рассказывала не про одніи пьесы, а привязывала весь театръ къ жизни

народовъ. Именно такого-то, рѣдко находимаго содержанія, книга г. Альта: она прежде всего представляетъ множество матеріаловъ, а потомъ сводитъ ихъ для выраженія одной главной мысли.

Г. Альтъ задалъ себѣ задачу доказать три пункта: 1) театръ въ древности и на Западѣ вездѣ вачать на лонѣ самой перини, ею порожденъ; 2) историческій ходъ событій далъ развиваться настоящимъ силамъ театра, и, слѣдовательно, вставилъ его разойтись съ первоначальнымъ своимъ лономъ; въ слѣдствіе нѣкоторыхъ уклоненій отъ настоящаго пути, театръ сталъ казаться чѣмъ-то беззаконнымъ, непріязненнымъ; 3) наконецъ признано, что въ театрѣ лежитъ основаніе глубже простой забавы, потѣхи; когда разъ сознано такое основаніе, непріязненность больше не можетъ имѣть мѣста. — Намѣреніе книги весьма-дѣльно и она чрезвычайно-занимательна.

Извѣстно, что въ Греціи театръ начался отъ бахусовыхъ правдствъ, но понятія объ этомъ у всѣхъ очень-неопредѣленны, очень-темны; между-тѣмъ, въ книгѣ г. Альта съ увлекательною занимательностью рассказано прибытіе въ Грецію изъ Индіи новаго бога и новаго богослуженія; какъ этотъ богъ съ сербязною фязіономією, со строгимъ, важнымъ богослуженіемъ тотчасъ же сталъ въ рѣзкій контрастъ съ легкою, сіяющею толпою греческихъ боговъ; какъ къ этому таинственному богу, столько противоположному челоѣческой свѣтлой натурѣ прежнихъ боговъ, Греки тотчасъ привязали таинственные силы природы, оставивъ своимъ богамъ все челоѣческое для управленія; какъ наконецъ, для этого таинственнаго, опаснаго бога изобрѣли формы богослуженія, которыхъ не было ни у кого изъ другихъ боговъ, и въ этихъ формахъ зародился хоръ, раздѣленный на двѣ части, отвѣчающія другъ другу или одному возглагошающему, — а хору этому данъ былъ хвалебный тонъ, или

льстивый, возносящий рассказ. Из этого-то первоначального хора мало-по-малу возникъ театръ. Прошедши древній театръ во всей подробности, г. Альтъ рассказываетъ, какъ начался во второй разъ театръ, будто-бы замолкшій вмѣстѣ съ концомъ древняго міра. Считаютъ, что въ средніе вѣка церковь своими мистеріями и моральностями завязала вновь только-что развязавшуюся нить: г. Альтъ не согласенъ съ этимъ и говоритъ, что сценичность и представленіе оставались безъ перерыва въ праздникахъ народныхъ, все больше и больше принимавшихъ характеръ разыгрываемыхъ сценъ; съ этой стороны, г. Альтъ рассматриваетъ непрекращавшійся въ самыя первыя времена среднихъ вѣковъ родъ актёровъ, мимовъ, а также праздники, наковы, ва-пришёръ, ослиный и правдикъ шутовъ. Самая слабая сторона книги г. Альта — опера, въ которой онъ точно не у себя дома и принужденъ ограничиваться историческими, не совсѣмъ-вѣрными подробностями; за то онъ совершенно-пол-

ный хозяинъ въ греческомъ и римскомъ театрѣ; особливо нельзя не обратить вниманія на прекрасныя страницы, гдѣ онъ рассказываетъ про римскую публику и овладѣвшую ею страсть представлять, не по художественному призванію, а такъ, показывая, по модѣ, что подало поводъ г. Альту съ рѣдкимъ искусствомъ начертить физиономію римскаго народа. Иной разъ, при многочисленныхъ, приводимыхъ имъ подробностяхъ изъ Светонія и другихъ писателей, точно будто видишь что-нибудь изъ тогдашней жизни. Индійскій и китайскій театръ также представляютъ много заманчивости; изъ многочисленныхъ изысканій и познаній своихъ, авторъ извлекъ для этихъ двухъ театровъ интересные подробности, почти всею неизвѣстныя.

Мы не дѣлаемъ выписокъ, ибо твердо надѣемся, что эта книга появится въ русскомъ переводѣ, или, крайней мѣрѣ, что изъ нея будутъ переведены на русскій языкъ мѣста удобныя для перевода.

VIII.

С М Ъ С Ъ.

Б И О Г Р А Ф И И.

С Е Н А Н К У Р Ъ,

авторъ «Оберманна».

(Окончаніе.)

Лонъ, 14 мая, восьмой годъ.

Я находился близъ Саоны, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы гуляли нѣкогда съ тобою, когда, по выходѣ изъ лѣтъ младенчества, бредили - Тиніаномъ, мечтали о счастіи, и имѣли намѣреніе наслаждаться жизнью. Я смотрѣлъ на эту рѣку, которая текла точно такъ же, какъ и тогда, на это осеннее небо, столь же спокойное, столь же прекрасное, какъ и въ то время, отъ котораго, увы! уже ничего не осталось. Показалась карета; я продолжалъ свой путь, слѣдя глазами за пожелтѣлыми листьями, которые разносились вѣтромъ по засохшей травѣ и пыльной дорогѣ. Карета остановилась; мадамъ Дел.™ была одна съ своею дочерью, нѣтъ шести. Я сѣлъ въ карету и доѣхалъ до нихъ загороднаго дома, куда не хотѣлъ войти. Тебѣ извѣстно, что мадамъ Дел.™ нѣтъ еще двадцати-пяти лѣтъ и что она очень перемѣнилась; юрѣчь ея полна той же простой и

нужной граціи; въ глазахъ ея выраженіе болѣе грустное, но не менѣе прекрасное. Мы ничего не говорили о ея мужѣ; ты припоминаешь себѣ, что онъ старше ея тридцатью годами, и что это банкиръ очень - свѣдущій, когда дѣло идетъ о золотѣ, но ничтожный во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Бѣдная женщина! Вотъ потерянная жизнь; а судьба, казалось, общала ей жизнь такую счастливую! Чего не доставало ей, чтобъ быть достойною счастія и составить счастіе другаго? Сколько ума! сколько души! чистоты голубиной! Все было напрасно. Вотъ уженазвать лѣтъ не видалъ я ея. Она отослала свою карету въ городъ: я приказалъ остановиться и вышелъ на тотъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтился съ нею; я оставался здѣсь долго.

Когда я возвращался домой, ко мнѣ подошелъ какой-то пожилой, немощенный человекъ, убитый, казалось, несчастіемъ; онъ пристально всматривался въ меня, назвалъ меня по имени, и попросилъ милостыни. Въ настоящую минуту, я никакъ не могъ узнать его; но потомъ мнѣ стало грустно, когда я припомнилъ, что это могъ быть не кто иной, какъ нашъ старый учитель, такой трудолюбивый и такой добрый. Сегодня утромъ я всадъ разбѣдывалъ о немъ; но не знаю, удастся ли

мнѣ отыскать жалкій чердакъ, на которомъ онъ, безъ сомнѣнiя, доживаетъ дни свои. Несчастливцевъ вѣрно подумалъ, что я не хочу узнать его! Если я отыщу его, то надобно, чтобъ онъ нѣмѣлъ комнату и нѣсколько книгъ, къ которымъ онъ такъ привыкъ: мнѣ кажется, онъ хорошо еще сможетъ разбирать ихъ. Напиши, что долженъ я обшарить ему отъ тебя: дѣло идетъ не объ одной минутѣ, а объ остаткѣ его жизни.

Богѣ часа, думаю, колебался я въ недоумѣнiи, куда направить мнѣ свою прогулку. Хотя это мѣсто было дальше отъ моего жилища, но меня что-то влекло туда: то была, очевидно, потребность грусти, которая согласовалась бы съ грустью, уже наполнившею мою душу.

Я бы охотно сталъ утверждать, что никогда богѣ не увижусь съ нею. Это было дѣломъ рѣшеннымъ, а между тѣмъ... Мысль объ ней, хотя ослабленная умнѣнiемъ, временемъ, самымъ даже ослабленiемъ во мнѣ вѣры въ слепкомъ-обманутыя и слишкомъ-безполезныя чувствованiя,—мысль о ней была тѣсно связана съ моимъ бытiемъ и моимъ существованiемъ посреди мiра. Эта мысль врывалась въ мою душу, какъ неизгладимое воспоминанiе о прошломъ сновидѣнiи, какъ эти мечты о счастьи, которыхъ забыть невозможно, но которыхъ намъ уже не погнѣтатъ.

Ибо я уже человѣкъ вполне соврѣшнiй. Незагоды заросли меня: благодаря судьбѣ моей, у меня не было иного наставника, кромѣ той частички разума, которую ны, не вѣдая почему, получаемъ свыше. Я не подъ игомъ страстей; желанiя не увлекаютъ меня, и не прельщаютъ меня сладострастiю. Я покинулъ всѣ эти ничтожныя забавы души ослѣпить: не буду смѣшновъ восторгами романтическими, не буду обмануть прекраснымъ чувствомъ. Созналъ, что я въ состоянiи равнодушно взглянуть на счастливо-выдавшееся мѣстоположенiе, чудное небо, подвигъ добродѣтели, трогатель-

ное арѣлище; и, еслибъ стоило, то могъ бы, какъ человѣкъ лучшаго тона, вѣчно вѣвать, съ вѣчною улыбкою на устахъ забавляться, будучи пожиремъ скорбiю, и умирать отъ скуки съ величайшимъ спокойствiемъ и достоинствомъ.

Въ первую минуту, я былъ изумленъ, увидя ее, и теперь я все еще изумленъ потому-что не вижу, къ чему можетъ это повести. Но развѣ это необходимо должно повести къ чему-нибудь! Сколько бываетъ случаевъ отрывчатыхъ, безъ послѣдствiй, или не мѣкующихъ за собою результатовъ, нами извѣстныхъ! Никакъ не могу забавиться отъ этого, такъ-сказать, инстинкта, который ищетъ послѣдствительности во всемъ, особенно же въ дѣлѣ случая. Я забавляюсь этимъ страннымъ направлениемъ: оно не раз доставляло намъ поводъ посмѣяться вмѣстѣ; и въ настоящемъ случаѣ, я вовсе не нахожу этого неудобнымъ.

Безъ всякаго сомнѣнiя, еслибъ я зналъ, что встрѣчусь, я не пошелъ бы въ эту сторону: впрочемъ, думаю, я поступилъ бы глупо. Мечтатель долженъ все видѣть, и мечтателю, къ несчастiю, вѣчего много опасаться. Къ-тому же, должно ли набѣгать всего, что имѣетъ отношенiе къ жизни души, всего, что напоминаетъ душѣ о ея утратахъ? и если бъ это было и должно, то возможно ли? Ароматическое духовное, звукъ, лучъ свѣта равно высклакутъ мнѣ, что въ природѣ человѣческой есть нѣчто другое, кромѣ пищеваженiя и сна. Радостное трепетанiе въ сердцѣ несчастливца, или вздохъ человека, наслаждающагося жизнью, все будетъ свидѣтельствовать предо мною о той таинственной комбинацiи, которой безконечныя ряды вмѣщаются и безпрерывно мѣняются вѣчнымъ разукраси-емъ...

Возвратясь на берегъ Саоны, я говорилъ себѣ: око человеческое непостижимо! Не только оно принимаетъ въ себя, такъ-сказать, безконечность, но и воспроизводитъ ее. Оно сохраняетъ цѣлую вселенную; но то, что выража-

отъ само оно, еще безграничнѣе вселенной. Всеувлекательная грація, сладостное и проникающее душу краснорѣчіе, выраженіе, которое превышаетъ предметы, имъ выражаемые, гармонія, составляющая связь всего міра, — все, все это въ очахъ женщины. И все это, даже еще болѣе, слышится въ звукахъ голоса той, которая чувствуетъ. Говоритъ ли она — она влечетъ насъ забвенія и чувства и мысли, пробуждаетъ душу отъ ея летаргій, увлекаетъ и вводитъ ее въ область моральной, нравственной жизни. Она поетъ, и кажется, что все приходитъ въ движеніе, все иѣняется и иѣсто и обрываетъ, и создаются новыя чувствованія. Жизнь не походитъ болѣе на живые обыкновенія: все въ ней полно прелести, одушевленія, упоенія. О, какъ мы холодными кажутся тогда эти люди, которые такъ сильно хлопочутъ насъ-ва такихъ мелочей жизни! Какое ничтожество! Какъ тяжело жить межъ существъ въ одно и то же время и шумныхъ и иѣмыхъ!

Я хочу продолжать видѣться съ нею. Она не ожидаетъ болѣе ничего; намъ будетъ хорошо видѣсть...

Я уже представляю себѣ, съ какою привлекательною и видѣть томною граціею принимаетъ она общество, которое надобно ей, и съ какимъ нетерпѣніемъ ждетъ она, когда наступитъ завтра этихъ дней удовольствія.

Мнѣ ежедневно приходится испытывать все ту же скуку. Концерты, вечера, всѣ эти выдумки для провозженія времени — работа такъ-называемыхъ счастливицевъ: она въ тягость самимъ имъ, какъ тяжка работа поденщику-многочаду; еще болѣе: она не приноситъ съ собою своего утѣшенія и ничего не производитъ.

Лионъ, 18 мая, VI.

Судьба всѣми силами старается привести человѣка снова подъ то же иго, которое онъ хотѣлъ свергнуть на зло судьбѣ. Чтò вышло изъ того, что я бросилъ все, въ намѣреніи искать жи-

зни болѣе свободной? Если я и видѣлъ вещи по мнѣ, то развѣ многодомъ и не пользуюсь ими: это только удвоило во мнѣ нетерпѣніе обладать ими.

Я не рабъ страстей, а болѣе несчастливъ: ихъ суетность не обманетъ меня; но, наконецъ, должно же, чтобъ жизнь была чѣмъ-нибудь наполнена? Когда существованіе пусто, можетъ ли оно удовлетворять? Если жизнь сердца не что иное, какъ ничтожество, исполненное волненій, то не лучше ли промѣнить ее на ничтожество болѣе-спокойное?

Я хотѣлъ знать, чтò могу сдѣлать: не говорю, чтò сдѣлаю. Я не чувствую ни отчаянія, ни страсти; мнѣ довольно увѣренности, что безполное бремя можетъ быть сброшено, когда оно будетъ слишкомъ угнетать меня. Уже съ давнихъ поръ жизнь томитъ меня, и томитъ ежедневно все болѣе и болѣе; но я не отчаиваюсь. Но какое-то неопредѣленное чувство не позволяетъ мнѣ погубить невозвратно бытіе мое. Еслибъ нужно было выбирать теперь же немедленно, или разорвать всѣ узы, или оставаться здѣсь неизбежно еще въ-продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, — я увѣренъ, что не поколебался бы въ выборѣ; но я не такъ тороплюсь, потому-что и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ могу исполнить то же, чтò и теперь, и притомъ Альпы единственное мѣсто, гдѣ я могу угаснуть, какъ хочу.

Лионъ, 29 мая, VI.

Я нѣсколько разъ перечиталъ съ начала до конца письмо твое. Оно диктовано слишкомъ-живымъ участіемъ. Чтò твою дружбу; я почувствовалъ, что я не вовсе сирота въ мірѣ, какъ думалъ прежде. Но знай, что если много можно возражать человѣку, увлекаемому страстью и отчаяніемъ, за то ничего нельзя сказать тому, кто спокойно размышляетъ о концѣ своемъ.

Это не значитъ, чтобъ я на что-нибудь рѣшился. Скука гнететъ меня,

отвращеніе отъ всего меня уничтожаетъ. Но я знаю, что зло во мнѣ самоѣ. О, зачѣмъ не могу я довольствоваться только ѣдою и сномъ! потому-что я и ѣмъ и сплю. Я влачу жизнь не очень-несчастную. Каждый изъ дней моихъ сносенъ, но ихъ совокупность тяготитъ меня. Необходимо, чтобъ существо организованное дѣйствовало, и дѣйствовало согласно своей природѣ. Довольно ли ему имѣть пристанище, теплый, спокойный уголокъ, питаться вѣчными плодами, быть окружену ропотомъ водъ и ароматами цвѣтовъ? Но вы удерживаете его въ неподвижномъ состояніи: и эта вѣга томитъ его, эти благовонія надѣждуютъ ему, эти избранныя лства не питаютъ его. Возьмите прочь и дары свои и дѣянія: пусть онъ дѣйствуетъ, пусть даже страдаетъ; пусть дѣйствуетъ, — въ этомъ и состоитъ наслажденіе и жизнь.

Между-тѣмъ, апатія какъ-бы сроднилась съ моею природою; кажется, и мысль о жизни дѣятельной пугаетъ и давитъ меня. Мелочя мнѣ противны, я по привычкѣ занимаюсь ими. Все великое всегда будетъ прельщать меня, а между-тѣмъ изъ дѣянъ я побоялся бы отважиться на такіе подвиги. Не знаю, что я за существо, не знаю, что я люблю, чего хочу; я стѣваю безъ причины, желаю безъ предмета желанія, и ничего не вижу, кромѣ того, что я не на своемъ мѣстѣ.

Не знаю, чего хочу. Счастливъ тотъ, кто хочетъ только дѣлать свое дѣло; онъ самъ можетъ поставить передъ собою цѣль. Ничто великое (глубоко это чувствую), ничто возможное человѣку и высокое по его мысли не доступно моей природѣ: и при всемъ томъ, я также это чувствую, жизнь моя погублена, посушена въ корнѣ; она уже поражена смертью; ея волненіе такъ же тщетно, какъ неумѣранно: она могущественна, но бесплодна, праздна и пламенна посреди мирнаго и вѣчнаго труда существъ. Не знаю, чего хотѣть... Я бы хотѣлъ быть счастливымъ! Но какой человѣкъ имѣеть пра-

во требовать счастья на землѣ, гдѣ вѣсн тратятъ жизнь свою на то только, чтобъ уменьшить свои страданія?

Тотъ только жилъ вполне, кто провелъ всю жизнь свою въ занятіяхъ, разнообразныхъ съ его характеромъ, или же тотъ, чей геній обвиняетъ различные предметы, кого судьба ведетъ по всѣмъ положеніямъ, возможнымъ человѣку, и кто во всѣхъ ихъ умѣетъ быть тѣмъ, чего требуетъ его настоящее положеніе..... Но человѣкъ долженъ такъ мало жить, и прочность того, что онъ оставляетъ по себѣ, такъ подвержена сомнѣнію! Еслибъ сердце его не было алчно, можетъ-быть, разумъ посоветовалъ бы ему жить только безъ скорбей, распространяя вокругъ себя счастье на вѣсколькихъ друзей, которые бы достойны были тѣмъ пользоваться, не разрушая его творенія.

Страшно скончать дни свои съ словами: «ни одно сердце не было счастливлено мною; я не устроилъ ничей судьбы; я прошелъ жизнь безразличнымъ и ничтожнымъ, подобно леднику, который въ горныхъ пещерахъ устоялъ отъ палающаго зноя юга, но который не спустился въ долину своимъ водами увлажить пажити, иссушенную жгучими лучами солнца!»

Люль, 2 августа, VI.

Настаетъ день, и я опять грустенъ, чувствую себя печальнымъ и безпокойнымъ; не могу остановиться ни на чемъ и не предвижу, чѣмъ мнѣ заполнить такое множество часовъ. Когда день во всей своей силѣ, онъ мнѣ невыносимъ; уйду куда-нибудь въ темное мѣсто, стараюсь чѣмъ-нибудь занять, и запираюсь отсюда, чтобъ не видать безоблачнаго неба. Но когда свѣтъ дневной умѣряется, и я чувствую вокругъ себя это очарованіе счастливаго вечера, сдѣлавшесса для меня столь чуднымъ, я предаюсь печали; при моей жизни, исполненной удобствъ, я взнемогаю отъ горечи болѣе нежели человѣкъ, удрученный не-

счастьемъ. Мнѣ говорятъ: «ну, вы теперь успокойте».

Такъ покоенъ на своемъ скорбномъ ложѣ человекъ, разбитый параличомъ. Изживать дни цвѣтущаго возраста подобно тому, какъ старикъ проводитъ свои дни покоя! Вѣчно ожидать, и ничего не надѣяться; вѣчная тревога безъ желаній и пустое волненье; часы постоянно-ничтожные; разговоры, въ которыхъ набираютъ только слова и стараются ничего не сказать; обѣды, за которыми ѣдятъ отъ скуки; холодныя, неоживленные загородныя прогулки (только и желаешь, какъ бы скорѣе кончились); друзья безъ задушевности; удовольствія для вида; смѣхъ для того, чтобы занять людей, которые вѣвають подобно тебѣ; и ни одной радости отъ души въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ! Такъ жить ежеминутно: тѣло безъ дѣятельности, голова въ волненіи, душа въ страданіи, и даже во снѣ не быть свободнымъ отъ этой грусти, тоски томительной, — это медленная агонія сердца: вѣтъ, не такъ долженъ жить человекъ!

3 амуета.

Если онъ такъ живетъ, скажутъ мнѣ, значитъ, онъ долженъ такъ жить: все, что существуетъ, — въ порядкѣ вещей; иначе, гдѣ бы надо было искать причину, еслибъ онъ не были въ природѣ? Согласенъ: но этотъ порядокъ переходящъ

Скажутъ, быть-можетъ, что не слѣдуетъ думать о благѣ, которое можетъ существовать только въ воображеніи, ни о совершенномъ счастьи, но что слѣдуетъ останавливаться мыслью только на мелочныхъ подробностяхъ жизни, которыя прямо полезны и возможны при настоящемъ порядкѣ вещей; что и бесполезно и странно говорить о совершенствѣ, недостаткомъ человеку, а въ-особенности людямъ вообще? Но и сама природа приготавливаетъ всегда болѣе за тѣмъ, чтобы получить менте. Изъ тысячи зеренъ, одно просябнетъ. И мы хотѣли бы знать, въ

чемъ состоитъ возможно-лучшее на землѣ, не потому, чтобы мы надѣялись до него достигнуть, но чтобы болѣе имѣть возможности къ нему приблизиться, нежели въ томъ случаѣ, когда бы мы имѣли предъ собою метою нашихъ усилій только то, что дѣйствительно могутъ произвести наши усилія. Я нахожу въ себѣ самомъ, въ собственныя моихъ чувствованіяхъ примѣръ ограниченный, но вѣрный; и наблюдая единственнаго человека, которого могу знать, стараюсь дознаться, какимъ можетъ быть человекъ вообще.

Одни вы умѣете выполнить жизнь свою, люди съ сердцемъ простымъ и правдивымъ, полные довѣрчивости и теплоты душевной, чувствованія и спокойствія, вы, которые исполнѣе ощущаете бытіе свое и хотите сами видѣть созданіе дней своихъ! Ваше счастье въ порядкѣ и мирѣ домашнемъ, на непомраченномъ челѣ друга, на счастливыхъ устахъ женщины. Вамъ ли въ городахъ нашихъ подвергать себя жалкой посредственности, высокомирной скукѣ? Не забываютъ природы: не давятъ своего сердца въ жертву суетному тревоженію дусмысленныхъ страстей; ихъ предметъ всегда отдаленный, утомляетъ и останавливаетъ жизнь до поры немощнаго возраста, который уже слишкомъ поздно опланиваетъ ничтожество, погубившее способность творить благо.

Я похожъ на тѣхъ несчастливцевъ, у которыхъ какое-нибудь сильное впечатлѣніе навсегда раздражило чувствительность извѣстныхъ фибръ, и которые неизбежно впадаютъ въ свою манию всякій разъ, какъ ихъ воображеніе, будучи поражено подобнымъ предметомъ, возобновляетъ это первое ощущеніе. Эта потребность искать результатовъ при видѣ данныхъ, этотъ истинникъ, отвращающійся отъ тщеты земнаго... думаешь ли ты, что я могу побѣдить его? Не видишь ли, что онъ во мнѣ, что онъ сильнѣе моей воли?... Не видишь ли, что я не на своемъ мѣстѣ, изолированъ

посреди людей, и не нахожу ничего вокруг себя?.. Говорать, будто время течетъ быстро только для человѣка счастливаго, но это неправда: я вижу, что оно идетъ теперь съ такою быстротою, какъ никогда не шло прежде. О, пусть послѣдній изъ людей никогда не будетъ такъ счастливъ!

Всегда и во всемъ люди напрасно истрачиваютъ жизнь свою; потому они сердятся на самихъ-себя: думая, что виноваты сами. Не смотря на нашу снисходительность къ собственнымъ нашимъ слабостямъ, можетъ-быть, мы въ этомъ случаѣ слишкомъ-строги къ себѣ, безвинно приписываемъ себѣ то, чего не могли избѣгнуть. По прошествіи времени, мы забываемъ подробности этой неизбѣжной судьбы, непроницаемой въ своихъ причинахъ, и едва ощутимой въ результатахъ своихъ.

Человѣкъ наслаждается здоровьемъ, дружбою, видитъ у себя въ рукахъ все, что нужно для жизни довольно-счастливой: всѣ средства совершенно просты, совершенно естественны; мы имѣемъ ихъ, а—смотришь, они ускользаютъ изъ рукъ нашихъ. Какимъ образомъ это дѣлается? Отвѣтъ былъ бы и длиненъ и затруднителенъ: я предпочелъ бы его многимъ философскимъ трактатамъ; его не найдти ни даже въ трехъ тысячахъ *законовъ* Пинеора.

Повторяю, время бѣжитъ съ быстротою, усиливающеюся по мѣрѣ того, какъ человѣкъ близится къ старости. Мои погибшіе дни гурьбою собираются позади меня; они наполняютъ смутное пространство своимъ безцвѣтнымъ тѣнью; ихъ длинныя остовы грозятся другъ на друга; это туманный призракъ надгробнаго памятника. И когда тревожный взглядъ мой отвращается отъ этого призрака и хочетъ отдохнуть на нѣкогда-счастливой цѣпи дней грядущаго, то находитъ, что много и много измѣнились ихъ полныя формы, ихъ блестящія образы. Ихъ колерить неблекъ: это покры-

тое завѣсою пространство, украшавшее ихъ небесною прелестью посреди чаръ неизвѣстности, теперь являетъ обнаженными ихъ сухіе и грустные призраки. Мерцаніе погребальныхъ свѣточей тускло освѣтило ихъ посреди вѣчной ночи, и я вижу, вижу, какъ послѣдній изъ нихъ близится къ пропасти, ничего не имѣя передъ собою.

Помнишь ли наши суетныя желанія, наши ребяческіе замыслы? радость при видѣ яснаго неба, забвеніе міра и свободу пустыни!

Очарованіе юнаго сердца, которое вѣруеть въ счастье, которое хочетъ того, чего ищетъ, и не вѣдаетъ жизни! Простота надежды, что сталося съ тобой? Безмолвіе лѣсовъ, прозрачныя воды, плоды земные, сладостная лржба—тогда довольствовались насъ. Миръ дѣйствительности не имѣетъ въ себѣ ничего, что бы замѣнило эти потребности чистаго, безхитростнаго сердца, неопытнаго ума, эту первую грѣзу первыхъ лѣтъ жизни.

Когда въ очастливый часъ чело наше невзначай озарится противъ блаженствомъ, часъ, что идетъ и нимъ, снѣшитъ запечатлѣть на томъ же челѣ черты грусти и душевной истомы, морщины, надоевныя горечью, которыя навсегда изглажаютъ съ него первобытную чистоту невѣстности.

Юность моя уже далече: съ-тѣх-поръ, разстѣяныя мгновенія, могутъ привести мнѣ на память идею о счастьи, не составляють и два въ моей жизни, который бы я согласился пережить снова. Тѣмъ и отличается жалостная судьба моя: есть люди гораздо-несчастнѣе меня, но не знаю, былъ ли когда кто-нибудь меньше меня счастливъ. Я говорю самъ себѣ, что человѣкъ склоненъ къ жалобѣ, что вслѣмъ чувствуетъ всѣ подробности своихъ собственихъ несчастій, тогда-какъ считаетъ не-такъ важными или не вѣдаетъ скорбей, снѣдающихъ ближняго, и при всемъ томъ считая справедливою мысль мою, что нельзя меньше меня наслаждаться, меньше

жить, меньше находить удовлетворенія потребностямъ души своей.

Но я не ощущаю вѣтерпѣнія, раздражительности; чувствую въ себѣ упадокъ силъ, уныніе. Иногда, правда, вдругъ, неожиданнымъ движеніемъ порываюсь я изъ тѣсной сферы, въ которой чувствовалъ себя сдвиннымъ. Этотъ порывъ бываетъ такъ быстръ, что я не успеваю предупредить его...

Я задаю себѣ вопросъ: что я дѣлаю? зачѣмъ не начну жить? какая сила приковываетъ меня, когда я свободенъ? какая слабость удерживаетъ меня, когда я ощущаю въ себѣ энергію, которой сдвинные порывы свѣдаютъ мою душу? чего жду я, ничего не надеясь? чего ищу, ничего не любя, ни чего не желая? какой неизбежный рокъ невидимо принуждаетъ меня дѣлать то, чего я не хочу?

Такъ, кажется, легко избавиться отъ этого ужаснаго состоянія! и уже пора! Но едва высказано это слово,—порывъ остываетъ, энергія гаснетъ, и вотъ я снова погруженъ въ сонъ, посреди котораго уничтожается жизнь моя. Время течетъ однообразно: я встаю нѣ хотя, ложусь измученный, пробуждаюсь безъ желаній. Я запираюсь у себя дома и скучаю; ухожу куда-нибудь и стѣваю. Пасмурную погоду нахожу грустною, ясную—безполезною. Жизнь городская для меня нелѣпа, сельская—противна. Я страдаю, смотря на несчастныхъ, и не обманусь наружностью такъ-называемыхъ счастливицевъ. Я горько смѣюсь, видя, какъ люди терзаются; и когда нѣкоторые изъ нихъ болѣе спокойны, улыбаюсь при мысли, что ихъ считаютъ довольными.

Я вижу все, что есть смѣшнаго въ моемъ образѣ жизни; мнѣ становится досадно, и я смѣюсь надъ своимъ не-терпѣніемъ. Между-тѣмъ, отъискиваю въ каждой вещи этотъ странный и двойственный характеръ, дѣлающій ее средствомъ къ нашимъ бѣдствіямъ, и эту противоположную комическую сторону, которая дѣлаетъ изъ великаго противорѣчивое зрѣлище,

гдѣ все важно посреди суеты всего существующаго. Такимъ-образомъ, я кидаясь въ житейскій омутъ, очертаю голову. Волнуюсь безъ цѣли, потому что не нахожу для себя дѣятельности; говорю затѣмъ, чтобы ни о чемъ не думать; одушевляюсь, при оцѣпѣннѣи всѣхъ чувствъ моихъ. Мнѣ кажется, что я шучу: я смѣюсь сквозь слезы, а люди находятъ меня веселымъ. «Вотъ, что хорошо, то хорошо», говорятъ они: «онъ взялся за умъ». И дѣйствительно, пора взяться за умъ: дольше нѣтъ возможности вытерпѣть.

Метеремъ, 4-го септѣмбра, VI.

... Какъ смѣшны, какъ суетны заботы человѣка! Какъ безразсудны эти терзанія, чтобы устроить мелочи жизни, которыя расчѣтъ дуновения времени. Смотрѣть, наслаждаться тѣмъ, что проходитъ мимо насъ, воображать, увлекаться: вотъ въ чемъ должно состоять все наше существованіе. Но расчитывать, устривать, похвалять, обладать,—какое безуміе!

Парижъ, 2-го септѣмбра, VII.

Развѣ самыя великія имена были имена людей справедливыхъ? Когда мы можемъ творить добро, будемъ творить его, и если жребій не допустить насъ совершить великое, не оставимъ по-крайней-мѣрѣ того, что не будетъ вознаграждено славой; бросимъ ась сомнѣнія, и будемъ добры въ безвѣстности. Довольно и безъ насъ людей, которые, гоняясь за славой, будутъ двигать судьбами цѣлыхъ народовъ; а мы потщимся дѣлать только то, что могло бы привести съ собою славу, и будемъ равнодушны къ этой прихотливой судьбы, которая часто присуждаетъ славу счастью, отказываетъ въ ней иногда истинному герою и столь-рѣдко награждаетъ его чистоту побужденій.

Вотъ уже нѣсколько дней я очень тесную и прѣстѣиъ привычкамъ жив-

ни. Мнѣ скучно въ Парижѣ—не потому именно, чтобъ этотъ городъ мнѣ рѣшительно не нравился, но потому что я нигдѣ не люблю жить мимоходомъ.

Парижъ, 9-го октября, VII.

Сколько я знаю Францію, Шессель и Фонтенблô—два единственныхъ въ ней мѣста, гдѣ я охотно согласился бы остановиться, но я желалъ бы жить въ одномъ Шесселѣ. Я скоро приѣду тула къ тебѣ.

Я говорилъ уже тебѣ, что въ Шесселѣ и осины и березы совсѣмъ не такія, какъ другія осины и березы; тамъ и каштановыя деревья, и пруды, и лодка—все не такъ, какъ-бы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Тамошнее осеннее небо подобно небу родины. Этотъ мускатный виноградъ, эти блѣдые маргаритки, которыхъ ты не любилъ и которыхъ мы теперь любимъ вмѣстѣ съ тобою, и запахъ шессельскаго сѣна въ этой прекрасной житницѣ, гдѣ мы прыгали, когда я былъ ребенкомъ! Чтô за сѣно! чтô за сливочный сыр! чтô за коровы! Какъ пріятно катились каштаны, высыпанные изъ мѣшка на полъ надъ моею комнатою. Этотъ звукъ такъ напоминаетъ молодость!..

Мой другъ, нѣтъ больше счастья. У тебя—дѣла, должностныя занятія: твоя ревность зрѣетъ, твое сердце не вмигъ няется, а мое чувствительно сжалось. Тебѣ некогда больше печь въ золѣ каштаны; тебѣ должны ихъ приготовить; чтô сдѣлалъ ты съ нашими удовольствіями?

Я буду къ тебѣ черезъ недѣлю: это рѣшено.

Фрейбургъ, 11 марта, восьмой годъ.

Не знаю, чтô бы я дѣлалъ, еслибъ не получилъ этого наслѣдства: я рѣшительно его не ожидалъ, и, между-тѣмъ, больше былъ утомленъ настоящимъ, нежели безпокоился о будущемъ.

Надобно было, наконецъ, отправиться: наѣ было въ одно и то же время и

хорошо и очень-дурно. Я пользовался благами, которыхъ такъ многіе ищутъ, не зная ихъ, другіе осуждаютъ въ досады; не имѣть ихъ, живучи въ обществѣ, было бы очень прискорбно, между-тѣмъ, какъ обладаніе ими приносить мало наслажденій. Я не изъ числа тѣхъ, которые ни за чтô считаютъ избытокъ... Я имѣлъ въ Лионѣ приличное помѣщеніе, лошадей и столъ, за который могъ приглашать дру... друзей.

Между-тѣмъ, вотъ я и въ Швейцаріи, безъ удовольствія, половину сутокъ не знаю, на чтô и рѣшиться.

Тунъ, 2-го мая, VIII.

Все на свѣтѣ угасаетъ; человѣкъ тихо, постепенно развиваетъ существо свое: точно также оно и исчезаетъ.

Я чувствую теперь только то, чтô выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей. Мой слухъ могутъ расшевелить только романтическія звуки, и только новыя мѣста могутъ вратить мнѣ на память то, чтô я любилъ, когда былъ моложе.

Изъ замка де-Шюпрю, 22 мая, VIII.

... Въ два часа мы отправились уже въ лѣсъ искать землянику. Она покрывала горныя склоны; мѣстами ягодами только-что выходила, но большая часть изъ нихъ уже созрѣла, краснѣлись ярко и благоухали ароматомъ. Земляника одно изъ прелестнѣйшихъ произведеній природы: она провзрастаетъ въ обилии даже въ странахъ полярныхъ: на мой взглядъ, она то же между плодами, чтô фіалка между цвѣтами: благоуханіе распространяется легкимъ дыханіемъ вѣтра, когда она встаетъ, по-временамъ, подъ сводъ дровесныхъ стѣней и тихо колеблетъ колючіе вустарники и цвѣкія лѣаны, повисшія на стволахъ высокихъ деревьевъ. Этотъ ароматъ уносится въ сѣны густыя сѣны вмѣстѣ съ теплымъ дыханіемъ почвы, болѣе открытой въ томъ мѣстѣ,

гдѣ спѣетъ земляника; онъ мѣшается здѣсь съ влажною свѣжестью, и кажется, какъ-будто онъ исходитъ отъ иховъ и терній. Дикія гармоніи! Вы образованы изъ такихъ контрастовъ.

Между-тѣмъ, какъ мы едва чувствовали движеніе воздуха посреди этой свѣжей и мрачной пустыни, порывистый вѣтеръ гулялъ свободно по вершинамъ елей; ихъ вѣтви живописно трепетали, нагибаясь къ вѣтямъ, которые ихъ отгаливали. По-временамъ высокіе стволы разлучались, раскачиваясь, и тогда видно было, какъ ихъ пирамидальныя головы озарялись дневнымъ блескомъ, поверхъ тѣней этой безмолвной земли, въ которой увлажнялись ихъ корни.

Наполнивъ свои корзины, мы вышли изъ лѣса, одни веселые, другіе довольные. Мы пошли узкими тропинками, чрезъ луга, огороженные плетнями, вдоль которыхъ насажены высокіе боярышники и огромныя дикія груши. Земля еще патриархальная, между-тѣмъ, какъ люди уже давно привыкли это состояніе! Мнѣ было хорошо, хотя я, собственно говоря, не ощущаю удовольствія. Я говорилъ самъ-себѣ, что человѣкъ испытываетъ чистыя удовольствія, когда онъ, такъ сказать, только отвѣдываетъ удовольствія, что экономія въ наслажденіяхъ составляетъ искусство счастья, что для чистоты удовольствія недостаточно ему быть безукоризненнымъ или безъ всякой примѣси, но необходимо, чтобы человѣкъ не исчерпывалъ его равномъ, а могъ питать надежду въ будущемъ насладиться самыми очаровательными его общаніями. Человѣкъ тогда только вполне пользуется настоящимъ, когда ожидаетъ по-крайней-мѣрѣ такого же будущаго, и перестаетъ быть счастливымъ, желая быть совершенно счастливымъ. По этому-то закону природы, первая любовь разливается на жизнь человѣка такое невыразимое очарованіе. Для нашихъ наслажденій необходимо нѣсколько недлительности, продолжительности при ихъ прогрессивномъ возрастаніи и

нѣкоторой неопредѣленности въ ихъ конечномъ предѣлѣ. Намъ нужно было бы постоянное, привычное сладострастіе, а не обыкновенныя и переходящія волненія: намъ нужно было бы спокойное обладаніе, довольствующееся само собою въ своемъ домашнемъ мирѣ, а не эта лихорадка удовольствія, которой грядущее упоеніе уничтожаетъ въ пресыщенности наши утомленные сердца. Но самъ разумъ нашъ не можетъ ли мечтать, въ обществѣ безпокойномъ, объ этомъ состояніи счастья безъ удовольствій, объ этомъ такъ худо-понятномъ спокойствіи, объ этомъ постоянномъ и простомъ довольствіи, при которомъ не думаютъ наслаждаться, при которомъ не ищутъ нужды желать?

Таково должно бы быть сердце человѣческое; но человѣкъ измѣнилъ свою жизнь, искавилъ свое сердце, и колоссальныя тѣни стали утомлять его желанія, потому-что естественныя пропорціи настоящихъ существъ показались слишкомъ-малыми его безумному величію...

Глубокой оврагъ окружаетъ лѣсъ, принадлежащій замку; онъ взрытъ въ очень-крутыхъ и очень-длинныхъ скалахъ; на вершинѣ этихъ скалъ, въ глубинѣ лѣса, кажется, была каменоломня; углы, оставшіеся въ-слѣдствіе этой работы, закруглены временемъ; но отъ этого составилась родъ ограды, обрамляющей почти половину восьмиугольника: на этомъ пространствѣ удобно могло помѣститься шесть или восемь человѣкъ. Подравнивъ нѣсколько камни и додѣлавъ ступеньки, которые должны были служить буфетомъ, мы устроили круговое сѣдалище изъ большихъ сучьевъ, засыпавъ ихъ листьями. Столъ состоялъ изъ доски, поставленной на деревянные отрубки, оставленные здѣсь рабочими, которые вырубали по близости нѣсколько десятковъ буюкаго лѣса.

Все это было приготовлено утромъ и сохранилось въ глубокой тайнѣ. Мы привели своихъ гостей, у которыхъ въ рукахъ были корзины съ набран-

ною земляничною, въ это дикое убѣжище вовсе-неожиданно. Дамамъ повинуясь эта изящная простота посреди сцены ужаса. Сосновыя вѣтви были зажжены на углу скалы, нависшей надъ пропастью, которая была не такъ страшна, заслоняясь вѣтвями буковъ. Ложки, сдѣланныя изъ зеленицы, прекрасныя фарфоровыя чашки, корзинки, сплетенныя изъ сучьевъ боярышника, — все это было расставлено въ безпорядкѣ по каменнымъ ступенькамъ вмѣстѣ съ тарелками густыхъ горныхъ сливокъ и чашками, полными этихъ вторыхъ сливокъ, которыми одна только годна для кофе, и которыхъ миндальный вкусъ и легкій ароматическій запахъ извѣстны, какъ говорятъ, лишь въ странахъ альпійскихъ. Въ кадкахъ со льдомъ стояла разсахаренная вода, припасенная для земляника.

Все было приготовлено, все было, казалось, предвидѣно; но когда надо было варить кофе, вышло на повѣрку, что не было самой простой вещи — воды. Привалились соединять веревки, которыми, по-видимому, не имѣли инаго назначенія, какъ связывать вѣтви, принесенныя для нашихъ сѣдалищъ, и приклонять тѣ, которые служили намъ тѣнью; дѣло не обошлось безъ нѣсколькихъ разбитыхъ графиновъ; но наконецъ удалось наполнить два графина студеною водою потока, бѣжавшаго на триста футовъ ниже того мѣста, гдѣ находилось наше общество.

Всегда была самая дружеская; смѣляясь отъ души. Погода стояла прекрасная; вѣтеръ вылъ въ этой дикой, широко-глубокой ложбинѣ, тамъ, гдѣ потокъ, бѣлый отъ пѣны, катился межъ угловатыхъ скалъ. Въ лѣсу слышно было кукованье кукушки, и всѣ эти грустные звуки отдавались отголосками въ лѣсахъ нагорныхъ; издали слышенъ былъ звонъ большихъ колокольчиковъ изъ стада коровъ, входящихъ на Кузинбергъ. Дикій запахъ жженой ели соединялся съ этими звуками горъ, и посреди простыхъ пло-

довъ, въ пустынномъ убѣжищѣ, дымился кофе за дружескою трапезою.

Тѣ только изъ насъ наслаждались этою минутою, которые не чувствовали ея нравственной гармоніи. Печальная способность думать о томъ, что не присуще!.. Но между нами не было и двухъ сердець подобныхъ. Таинственная природа не поумѣла въ каждомъ человѣкѣ цѣли его жизни. Пустота и гнетущая истина въ сердцѣ того, кто ищетъ только самого-себя: увлекательная иллюзія, очарованіе можетъ прійти только отъ того, кого любишь. Человѣкъ не чувствуетъ суетности благъ, оставшихся на долю другому, и каждаго такимъ образомъ себя обманываетъ, и сердца, соединенныя дружбою, дѣлаются истинно-счастливыми посреди ничтожества всѣхъ благъ самихъ по себѣ.

Я предался мечтамъ вмѣсто того, чтобъ наслаждаться удовольствіемъ. Между-тѣмъ, мнѣ надо немного, но необходимо, чтобъ и это немного было гармоническое: самыя искуствительныя блага не могли бы привлечь меня, еслибъ я нашелъ въ нихъ разладницу, и самое непринятное наслажденіе, ничѣмъ не возмущаемое, вполне удовлетворляетъ мои желанія. Вотъ отъ-чего простота для меня необходима: она одна полна гармоніи. Сегодня мѣстоположеніе было прекрасно. Наша живописная зала, нашъ сельскій очагъ, навечерье, состоявшее изъ плодовъ и сливокъ, наша минутная задумчивость, пѣніе птицъ, и вѣтеръ, безпрестанно бросающій въ наши чашки листки ели, — этого было довольно: но потокъ въ тѣнѣ и отдаленные горные звуки, — этого было уже слишкомъ: внималъ я одному я.

Вильгельмъ, 16 июля VIII.

Я посѣтилъ почти всѣ доступныя къ обитанію долины, лежащія между Шарне, Туномъ, Сіономъ, Сев-Морисомъ и Веве. Я вновь увидѣлъ горы, которые видѣлъ уже около селъ дѣтъ назадъ. Во мнѣ не было теперь

чувства того возраста, который жадно ищетъ увидать дикія красоты. То были все старыя имена; но я, также пошу все то же мнѣ! У Шильйона свѣтъ я на берегу, прислушивался къ волнамъ и старался еще и еще ихъ слышать. На томъ мѣстѣ, гдѣ я бывалъ нѣкогда, этотъ берегъ, столь прекрасный въ моихъ воспоминавіяхъ, эти волны, какихъ нѣтъ во Франціи, и горныя вершины, и Шильйонъ, и Леманъ, ничто не поразило меня, ничто меня не удовлетворило. Я смѣлъ тамъ, какъ бы сидѣлъ и на другомъ гдѣ-нибудь мѣстѣ. Я снова обрѣлъ мѣста, но не могу возвратитъ прошлаго.

Чѣмъ сталъ я теперь? Еслибъ я не чувствовалъ еще стройности природы, еслибъ не любилъ еще быть причиною добраго дѣла, то подумалъ бы, что чувство вѣшнаго во мнѣ угасло, что прекратила свое существованіе та часть бытія моего, которая сопрягается съ порядкомъ природы.

Ты не ждешь отъ меня ни историческихъ повѣствованій, ни описаній, какія дѣлаешь тотъ, кто путешествуетъ для наблюденій, для собственнаго своего образованія, или для ознакомленія публики съ новыми мѣстами. Не отшельнику говорить тебѣ о людяхъ, которыхъ ты выдаешь чаще, нежели онъ. У него нѣтъ приключеній, и онъ не напишетъ тебѣ романа изъ своей жизни. Но мы условились, что я буду продолжать говорить тебѣ обо всемъ, что чувствую... Я часто удивляюсь, отъ чего не живемъ мы вмѣстѣ: это мнѣ кажется какимъ-то противорѣчіемъ, невозможностью. Какая-то непостижимая судьба увлекла меня—куда, невѣдомо, тогда-какъ я могъ бы остаться, тамъ, гдѣ живешь ты, не могши увлечь тебя съ собою.

Но теперь я одинъ, и нѣкому подержать меня. Четыре дня назадъ, я разбудилъ человѣка, умирающаго посреди свѣговъ на Санецѣ. Жена его и двое дѣтей, которые живутъ нинѣ и для которыхъ онъ, кажется, вполнѣ и мужъ и отецъ, недобно тому,

какъ бывала нѣкогда патриархи и какъ бываетъ еще и теперь въ горахъ и пустыняхъ, всѣ трое слабыя и полумертвыя отъ страха и голода, олицкали его посреди скалъ и на двѣ ледника. Мы шли нинѣ на встрѣчу. Представь себѣ восторгъ жены и дѣтей... И весь остатокъ дня я дышалъ какъ человѣкъ свободный, и весь день былъ дѣятельнѣе обыкновеннаго. Но потомъ, то же по-прежнему, безмолвіе вокругъ меня, и нѣтъ ничего, что дало бы мнѣ почувствовать, что я существую.

Я искалъ по всѣмъ долинамъ, гдѣ бы могъ построить себѣ жилище: мнѣ нужна нѣсколько-умѣренная температура, хорошее мѣстоположеніе, ручей и вдали шумъ водопада, или волны озера.

Наконецъ, я нашелъ такое мѣсто; оно принадлежитъ тремъ владѣльцамъ: одинъ изъ нихъ, говорятъ, не намѣренъ продавать, а между-тѣмъ мнѣ нужно все.

Если ты знаешь какую-нибудь новую карту Швейцарціи, или топографическую карту нѣкоторыхъ изъ ея частей, то пришли мнѣ. Тѣ, которыя мнѣ удалось найти, полны ошибокъ, хотя новѣйшія выполнены съ большимъ стараніемъ и очень-отчетливо обозначаютъ положеніе многихъ мѣстъ. Надо признаться, что немного странъ, которыхъ планъ такъ трудно исполнить.

Я думалъ попытаться начертить планъ небольшого пространства между Вевѣ, Сен-Жигуфомъ, Эгль, Сепѣ, Эггавомъ, Монбвонномъ и Сенсалеми, въ томъ все предположеніи, что приобрѣту то мѣсто, о которомъ говорилъ тебѣ, близъ нѣка Жаманъ, который я положили на планъ въ вершинѣ моихъ главныхъ треугольниковъ. Я предполагалъ провести въ этой утомительной работѣ несносное для меня время жаровъ и лѣсныхъ дней. Я бы завялся этимъ еще въ прошломъ году, но отдумалъ. Когда я съ точностью вызналъ бы всѣ проходы, всѣ склоны, всѣ вѣды, мнѣ нѣчего было бы больше искать. Лучшее сохранитъ единственное средство убивать невыносимыя зиму-

ты смукн, блуждая по новымъ мѣстамъ, ница съ нетерпѣніемъ того, что меня вовсе не интересуютъ, взгляда ревностно на самыя неприступныя скалы ва тѣмъ, чтобъ вытѣрить угольъ, повѣрить ливію, и потомъ забыть это и снова возвратиться для наблюденій, какъ человѣкъ, у котораго есть цѣль.

Сен-Сафоренъ, 26 іюня VIII.

Не рассказываю, что взялъ съ собой Гацца. Скажи Т^т, что я благодарю ее за такого человѣка. Онъ кажется мнѣ чистосердечнымъ и способнымъ къ правдивости. Онъ смысленъ и къ-тому же играетъ на рожкѣ съ такимъ вкусомъ, какъ я не ожидалъ.

Вечеромъ, лишь-только всходить луна, я беру двѣ лодки. Со мною сидятъ только одинъ гребецъ; и когда мы выѣзжаемъ на средину озера, у него есть съ собою про запасъ бутылка вина: онъ сидитъ-себѣ и не проронитъ ни словечка. Гацца сидитъ въ другой лодкѣ; гребцы гребутъ дружно нѣсколько поотдалъ отъ моей лодки, которая остается неподвижною или слегка-колеблемою чуть-замѣтными волнами. У него съ собою рожокъ, и два женскіе голоса затягиваютъ пѣсню.

Это славный мальчъ, и я удержу его у себя, потому-что онъ находитъ свою долю довольно-пріятною. Онъ сказалъ мнѣ, что ни о чемъ не заботится и надеется, что я навсегда оставляю его при себѣ. Думаю, что онъ правъ; и мнѣ ли отнять у себя единственное благо, человѣка, довольнаго своею судьбою?

Наконецъ, мнѣ удалось найти счастливаца; это — мой слуга, и я ничего не сдѣлалъ для него, только обращаюсь съ нимъ, какъ съ человѣкомъ. Я уважаю его потому-что онъ нисколько не удивляетъ меня обращеніемъ: онъ находитъ его очень-обыкновеннымъ и не употребитъ его во зло. Къ-тому же, не правда, будто-бы доброта вызывала обыкновенно продрозасть; вызывасть ее не доброта, а слабость. Гацца очень видитъ, что я говорю съ нимъ съ нѣкоторою довѣрчивостію; но онъ оче-

хорошо знаетъ, что я смогу говорить съ нимъ голосомъ господина.

Люблю слушать пѣсни, которыми словъ не понимаю. Эти слова всегда портятъ только весь эффектъ. Для меня почти небывалое дѣло, чтобъ идея, ими выражаемая, были согласны съ идеями, которыя порождаются самими звуками.

Страстно люблю слушать, какъ поютъ въ ладъ два голоса или нѣсколько голосовъ вмѣстѣ: мелодія выражаетъ тогда всю свою силу и всю свою простоту. Что до ученой гармоніи, не понимаю ее прелесть: не яная музыки, не могу наслаждаться тѣмъ, что есть не иное что, какъ искусство и трудности.

Прекрасно озеро, когда луна серебрить наши два паруса; охъ Шильюна повторяетъ звуки рожка, и громадная стѣна Мельери противополагаетъ иракъ свой кроткому блеску неба и отраженію свѣта въ выблихъ водахъ; волны разбиваются о наши остановившіяся лодки, и далеко разносится ропотъ волнъ, катящихся по безчисленнымъ валунамъ, свесеннымъ съ горъ въ строю Вендзою.

Ты, который умѣешь наслаждаться, зачѣмъ нѣтъ тебя здѣсь, чтобъ слушать два женскіе голоса на водѣ, в-среди ночи!

Прудъ въ Шесселъ! Тамъ прогулки наши были менѣе прекрасны, но зато болѣе счастливы. Природа гнететъ сердце человѣка, но взаимность услаждаетъ его: друзья взаимно подкрѣпляютъ себя,—поговаряютъ, и все забывается.

Рѣшено: я приобрѣту въ свое владѣніе землю, о которой писалъ тебѣ; но надобно повременить еще нѣсколькимъ дней. Я прикажу немедленно начать работы: уже пора.

Іюль, VIII.

Я все забываю попросить у тебя пѣсню съ *Руководства Мечтателя* (*Manuel de Pseudophanes*): не знаю, какимъ образомъ я потерялъ ту, которую

берегаль у себя. Я не найду въ этихъ тропкахъ ничего новаго, но, читая ихъ ю утромъ, буду живо представлять себѣ, какъ долженъ я стыдиться столь многихъ слабостей.

Я вѣтреваясь присоединить къ нимъ примѣчаніе о некоторыхъ правилахъ гигиены, о вещахъ, относящихся къ индивидуальной и мѣстной привычкамъ, которыя вообще, какъ я думаю, считаютъ не слишкомъ-важными. Аристидъ не могъ предписать ихъ моему мнимому ученику или своимъ настоящимъ ученикамъ; во это примѣчаніе будетъ гораздо-полезнѣе, нежели общія мысли, для поддержанія во мнѣ того физическаго благосостоянія, которое въ свою очередь подирѣвляеть нашу душу.

Я чувствую въ себѣ два зла: одно изъ нихъ, быть-можетъ, уничтожить меня; но я живу между ними обоими, потому-что они противоположны. Безъ той привычки грустить, безъ этого унынія, кинящая во мнѣ дѣятельность давно бы пожрала меня, и также напрасно: мое грустное расположеніе духа по-крайней-мѣрѣ ослабляетъ ее. Разумъ могъ бы ее утишить; но межъ этихъ двухъ великихъ силъ, разумъ мой слабъ: все, что онъ можетъ—призывать на помощь одну изъ нихъ, когда другая беретъ верхъ. Такихъ образомъ прозлабеть человѣкъ, а иногда и насыщаетъ.

Юль, VIII.

Была полночь: луна скрылась; озеро было въ волненіи; небеса прозрачны; ночь черна и прекрасна. На землѣ было что-то неопредѣленное. Слышались колыхавіе березъ, и листья осины падали на землю; сосны издавали дивнѣйшій ропотъ; романтическіе звуки спускались съ горъ; высокіе валы накатывались на берегъ. Тогда озорный орелъ началъ свое клѣкваніе въ скалахъ, изрытыхъ пещерами, и когда онъ пересталъ, волны ударились не съ такимъ напоромъ; безмолвіе было торжественно.

По-временамъ, посреди тишины, раздавался голосъ соловья, вторившій-

ся эхомъ,—это пѣніе счастливыхъ пестчей, прелестное выраженіе персональной мелодіи, невыразимый порывъ любви и грусти, сладострастный, подобно пожигающимъ меня стремлѣніямъ, простой, таинственный, неизмѣримый, подобно любящему сердцу.

Я мечталъ о веснѣ тѣснаго міра и о веснѣ моей жизни. Я видѣлъ, какъ эти годы, печальные и бесплодные, переходятъ изъ грядущей вѣчности въ вѣчность погибшую. Я видѣлъ, какъ настоящее, всегда смутное и никогда вновь не наступное, отрывается отъ смутнаго будущаго свою неопредѣленную цѣль, какъ оно приближаетъ мою наконецъ видимую смерть, влечитъ во мракъ ночи призранны дней мнѣ и разсвѣаетъ ихъ, настагаетъ послѣднюю тѣнь, также холодно помираетъ этотъ день, послѣдній въ моей жизни, и закрываетъ вѣчную пучину.

Какъ-будто всѣ люди не прошли, и не прошли вотще! Чего хочу я? и что я? Чего требовать отъ природы?

Существо изолированное никогда не можетъ быть совершенно: бытіе его неполно; и отъ-того существо это никогда не можетъ быть ни истинно-счастливао, ни истинно-добро.

Любовь должна царствовать на землѣ, на которой, вѣсто того, господствуетъ честолюбіе. Любовь, это—пламя кроткое и плодотворное; эта теплота небесъ одушевляетъ и обновляетъ, заставляетъ родиться и цвѣсть, даетъ и цвѣтъ, и грацію, и надежду, и жизнь. Честолюбіе — бесплодное пламя; оно горитъ подо льдами, помираетъ, ничему не давъ жизни, изрыгаетъ немощныя пещеры; слышенъ глухой звукъ его опустошеній, и вдругъ разверзается бездны, и цѣлые вѣка отчаянія надъ странною, которая однимъ часъ только дивилась его блеску.

Когда человѣкъ, вступающій на морщице жизни, впервые ощутить въ себѣ новое сладостное душевное волненіе, онъ съ радостью предается ему, требуетъ его отъ всей природы, все-

торгается мнѣ; въ любви поставляетъ все свое существованіе, и во всемъ не видитъ ничего, кромѣ одной любви. Всякое другое чувство терлется въ этомъ глубокомъ чувствѣ, всякая мысль наводитъ все на тотъ же предметъ, и на немъ покоится всякое упованіе. Всюду грусть, пустота, отчаяніе, когда любовь удаляется; при ея приближеніи, всюду радость, надежда, счастье. Голосъ, слышимый вдали, звукъ въ воздухѣ, движеніе сучьевъ, трепеть волъ, все возбуждаетъ ее, все выражаетъ, все подражаетъ ея напѣвамъ и усиливаетъ желаніи. Грація природы — въ движеніи руки; законъ міра — въ выраженіи взгляда. Для любви утренная заря пробуждаетъ все живущее и расширяетъ небо; для нея полуденные лучи солнца плодотворно проникаютъ землю, влажную подъ мѣсяцъ лѣсовъ; для нея вечеръ готовитъ свое таинственное мерцаніе, располагающее къ очаровательной меланхоліи. Воклюскій источникъ, скалы Мейльери, аллея Шамплеусъ — таинственные пріюты нѣжной страсти! Безмолвіе слушать покровомъ мечтатъ любви; ропотъ волъ провакаетъ ее сладострастнымъ воланіемъ, ярость волъ внушаетъ ей бурные порывы, и все манитъ къ ея наслажденіямъ, въ ночь тихую, осеребренную луною, въ минуты, когда сладострастіе таетъ въ тѣняхъ и свѣтѣ, въ пустынномъ убѣжищѣ, въ воздухѣ и въ водахъ и въ самой ночи.

Счастливое упоеніе! единственная минута счастья, оставшаяся человѣку! Этого пѣтѣнъ рѣній, уединенный, мгновенный гость подъ туманнымъ небомъ, беззащитное игралище вѣтровъ и бурь, сохнетъ и увядаетъ, не распустившись: холодный воздухъ, дуновение вѣтра губитъ надежду въ засохшей и беззвучной почвѣ. Идешь далѣе, все еще надеешься, слышишь; подальше, на почвѣ столь же безплодной, видишь цвѣты столь же непрочные, минутные, и которые также погибнуть безпощадно. Счастливы обладающій тѣмъ, чего человѣкъ долженъ искать, и наслаждающійся тѣмъ, что человѣкъ долженъ

перечувствовать. Не счастливы и тотъ, говорятъ люди, кто ничего не ищетъ, ничего не чувствуетъ, не ищетъ вуды ни въ чемъ, и для кого существовать значитъ жить!

Странна мудрость, противящаяся естественному порядку вещей! Всякая способность, всякая энергія — совершенство. Прекрасно господствовать надъ своими страстями, но глухо рукоплескать безмолвію чувствъ и сердца; это значитъ считать себя совершеннымъ тѣмъ именно, чѣмъ человѣкъ наименѣе способенъ быть совершеннымъ.

Не осужу того, кто не любилъ, но осужу того, кто не можетъ любить. Обстоятельства рѣшаютъ нашу привязанность; но чувства врождены человѣку, котораго нравственная организація совершенна: неспособный любить необходимо бываетъ неспособенъ ни къ какому великодушному чувству, ни къ какой высокой страсти. Онъ можетъ быть честнымъ, добрымъ, смѣшлѣвымъ, благороднымъ; онъ можетъ быть противнымъ и даже добродѣтельнымъ по размышленію; но онъ не человѣкъ, въ немъ нѣтъ ни души, ни генія: я бы могъ быть съ нимъ знакомъ; онъ приобрѣлъ бы мою довѣренность и даже уваженіе, но никогда не былъ бы моимъ другомъ. Сердца истинно-чувствительныя! Вы, которыхъ злая судьба угнетала съ самой весны жизни, кто будете порицать васъ за то, что вы не любите? Вашей душѣ свойственно было всякое благородное чувство, весь огонь страстей былъ заключенъ въ вашемъ мужественномъ сердцѣ. Любовь была ему необходима, она должна была питать его и окончательно образовала бы его для всего великаго; но ничто не было даво вамъ: безмолвіе любви было началомъ ничтожества, посреди него раго гаснетъ жизнь ваша.

Чувство всего справедливаго и честнаго, потребность порядка и нравственныхъ прилчій ведетъ необходимо къ потребности любить. Прекрасно — предметъ любви; гармонія — въ при-

цпнъ и цпль. Любовь не существуетъ, по-истинѣ, безъ очарованія тѣлесной красоты; но, кажется, она еще болѣе зависитъ отъ умственной гармоніи, отъ прелести мысли, отъ глубины чувства.

Союзъ, надежда, обожаніе, очарованіе идутъ всегда постепенно до совершеннѣйшей дружбы; она наполняетъ душу, расширяющуюся отъ этой прогрессіи. Здѣсь останавливается и отступаетъ вспять человекъ пламенный, но безъ истиннаго чувства, и которому потребно одно только наслажденіе. Но не такъ измѣнчивъ человекъ любящій: тѣмъ больше любимъ онъ, тѣмъ больше онъ любитъ; тѣмъ больше обладаетъ желаемымъ, тѣмъ больше хулитъ то, чѣмъ обладаетъ. Та, которая отдалась ему, дѣлается необходимою для его бытія; годы наслажденія не измѣнили его желаній: они прибавили къ его любви довѣренность счастливой привычки и радости свободной, но нѣжной дружбы.

Сен-Северинъ, 10 июля, VIII.

Нѣтъ ни тѣни смысла въ моемъ здѣшнемъ образѣ жизни. Знаю; что дѣлаю глупости, а между-тѣмъ все продолжаю попрежнему... Половину дня и половину ночи провожу на озерѣ и такъ привыкаю къ качавью волнъ и къ шуму воды, что мнѣ скучно послѣ того на неподвижной землѣ и въ тишинѣ луговъ.

Одни принимаютъ меня за человека, которому любовь вскружила голову, другіе утверждаютъ, что я Англичанинъ, одержимый сплингомъ... должно положить конецъ моимъ вочнымъ похождениямъ, потому-что люди наиболѣе-здоровомыслящіе жалуютъ меня, а наилучшіе принимаютъ за сумасшедшаго.

Возвращаясь съ озера, я обыкновенно сажусь писать, и ложусь спать уже съ наступленіемъ дня. Однажды люди, принадлежащіе къ прислугѣ эстиванцы, услышавъ шумъ въ мо-

ей комнатѣ, и удивленные тѣмъ, что я всталъ такъ рано, вошли спросить меня, не угодно ли мнѣ чего утромъ. Я отвѣчалъ имъ, что никогда не ужинаю, и что ложусь спать. Я встаю не раньше полудня или часа; пью чай, пишу; потомъ, вмѣсто обѣда, пью еще чай, не тѣмъ ничего, кромѣ хлѣба съ масломъ, и тотчасъ же иду на озеро.

Досадно, что я не подумалъ прежде, какой эффектъ могутъ произвести всѣ эти странности. Я не люблю, чтобы меня замѣчали; но я узналъ объ этомъ тогда, когда мой странный образъ жизни уже обратился въ привычку; и теперь разговоръ было бы не меньше, еслибъ я измѣнилъ его для нѣсколькихъ дней, которые еще проведу здѣсь...

Чай — одно изъ важныхъ средствъ коротать скуку самымъ тихимъ образомъ. Изъ всѣхъ ядовъ, доставляющихъ наслажденіе человеку, я думаю, это одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе пригодны въ скукѣ. Онъ производитъ въ сердцѣ слабое и продолжительное волненіе, переходящее въ успокоительную слабость, которая избавляетъ насъ отъ нашей несчастной силы. Я привыкъ къ чаю въ Парижѣ, потомъ въ Ливонѣ; но здѣсь я имѣлъ безразсудство употреблять его слишкомъ неумѣренно. Одно меня утѣшаетъ: у меня будутъ земля и работники, это займетъ меня и удержитъ. Въ настоящее время, я дѣлаю себѣ много зла; но положись на меня, я сдѣлаюсь умнѣе по необходимости.

Я примѣчаю, или по-крайней-мѣрѣ думаю такъ, что перемѣна, происшедшая во мнѣ, во многомъ была подготовлена ежедневнымъ употребленіемъ чая и вина. Я думаю, что, при всѣхъ прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, люди, пьющіе одну только воду, гораздо-долѣе сохраняютъ нѣжность чувствованій, и, такъ-сказать, свою первоначальную душевную чистоту. Употребленіе возбуждающихъ средствъ приглушаетъ наши органы. . . .

Какъ-скоро я сдѣлаюсь владѣльцемъ собственности, у меня не будетъ недостатка въ средствахъ проводить время. Заботы о постройкахъ, хозяйствѣ вотъ что займетъ мою внутреннюю дѣятельность, волненія которой не даютъ мнѣ покоя въ моемъ бездѣйствіи. Я постепенно буду употреблять вина все меньше и меньше, отъ чая же хочу отвыкнуть вовсе, и буду пить его только нарѣдка.

Что до скуки, то думаю, что я не буду больше знать ее; подчинивъ всѣ свои привычки общему плану, я буду заботиться всегда; вмѣсто желаній и наслажденій, я буду ощущать удовольствіе, съ какимъ человѣкъ дѣлаетъ то, что считаетъ хорошимъ.

Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я раздумывалъ для себя счастье, котораго мнѣ не назначено судьбою, или которое, по-крайней-мѣрѣ, еще очень-далеко отъ меня. Я воображаю себѣ только, что не буду чувствовать тягосты времени; буду имѣть возможность предупредить скуку, или же не буду скучать иначе, какъ по-свѣдому.

Сен-Сафоренъ, 14 іюля, VIII.

Нѣтъ, никогда не забуду, что деньги — одно изъ величайшихъ средствъ въ рукахъ человѣка, и что посредствомъ ихъ онъ проявляетъ себя такимъ, каковъ онъ есть

Чувствуя важность времени и важность денегъ, съ трудомъ рѣшишься потерять хоть одну минуту или одинъ батцъ. Между - тѣмъ, потокъ вещей увлечаетъ насъ; какою-нибудь условное привилегіе уноситъ за собою двадцать лундоровъ, между-тѣмъ, какъ несчастливцевъ не могъ выпросить у насъ и одного эю. Случай даетъ намъ и отнимаетъ отъ насъ гораздо-больше, не желая сколько нужно для утѣшенія страдальца. Другой случай осуждаетъ на бездѣйствіе того, чей гевій былъ бы благоворень для цѣлаго общества. Ядро размокаетъ драгоценную голо-

ву, которую всѣ считали предназначеною для великихъ дѣлъ и которая готовилась для этихъ подвиговъ трудами многолѣтними. Въ такой невѣроятности, подъ закономъ необходимости, чѣмъ дѣлаются наши расчеты и точность въ подробностяхъ жизни?

Сколько деньгами можно предупредить, изгладить бѣдствій! сколько дать утѣшенія, сколько доставить удовольствій, которыя всѣ нѣкоторымъ образомъ здѣсь, въ кошелкѣ золота, какъ сѣмена, скрытыя и забытыя, могущія произвести чудные плоды полъ рукою человѣка съ добрымъ сердцемъ! Цѣлое селеніе въ бѣдности и униженіи; отъ пужды и заботъ убиты сердца жителей; всѣ страждутъ, всѣ въ раздраженномъ состояніи. Дурное расположеніе духа, несогласіе, болѣзни, дурная пища, жалкое воспитаніе дѣтей, несчастныя привычки, — все, все можетъ быть измѣнено. Слова могутъ быть возвращены согласіе, порядокъ, миръ, доверчивость и самая надежда, и счастливые нравы! Велика плодотворность денегъ!

19 іюля, VIII.

Наконецъ я у себя дома, и гдѣ же? въ Альпахъ! Немного гдѣ назадъ, это было бы для меня величайшимъ счастьемъ; теперь я нахожу здѣсь удовольствіе въ томъ, что буду звать. Ко мнѣ пришли рабочіе изъ Грюйера строить деревянный домъ и устроить печи на здѣшній манеръ.

Если улучишь свободную минуту, набросай на бумагу свои мысли объ всѣхъ мелочахъ, какія только прийдутъ тебѣ въ голову: я устроиваюсь надолго и, можетъ-быть, на всю жизнь; не хотѣлось бы дѣлать такъ, чтобъ мнѣ передѣлывать снова.

Адресуй письма: въ Инсбрукъ, черезъ Вевѣ.

Иммигрантъ, 25 июля, VIII.

Въ-самомъ-дѣлѣ, уютное убѣжище по ионитромское ущелье: надо мною только черныя ели, голыя скалы, да неконечныя небеса; а внизу далеко лежатъ земля, водѣываемыя рукою моряка

Им., 27 июля, VIII.

Узнавъ съ удовольствіемъ, что Фоминъ возвратился изъ Сен-Доминго; и говорить, что онъ разорился и, въ обавокъ, женатъ. Мнѣ сказали, что у него есть какое-то дѣло въ Цюрихѣ, и что онъ въ скоромъ времени долженъ туда отправиться.

Посоветуй ему захватить сюда: онъ улетѣть хорошо принять... Братъ нашъ Дельмаръ, можетъ-быть, предъавачевъ мнѣ. — Надежда блеснула въ моемъ сердцѣ. Скажи мнѣ что-нибудь про него, ты, который его лучше знаешь. Поздравь его сестру со спасеніемъ его отъ этого послѣдняго несчасія при переѣздѣ... Нѣтъ, ничего не говори ей отъ меня; пусть лучше не воскресаетъ прошлое

Им., 16 июля, девятый годъ.

Когда я представляю себѣ твою заботу и видишь съ тѣмъ спокойный бразъ жизни, твои ревностныя занятія и потомъ отдыхъ посреди развлеченій, то почти готовъ порицать независимость, которую, однакожь, при семъ томъ люблю, люблю всею душою. Неоспоримо, что человѣку необходима цѣль, которая бы обольщала его, какое-нибудь понужденіе, которое бы его увлекало. Между-тѣмъ, се бы его увлекало. Между-тѣмъ, неоспоримо быть свободнымъ, выбирать то, что соотвѣтствуетъ нашимъ средствамъ, и не быть рабомъ, который рудится всегда надъ чужою работою. Но мнѣ слишкомъ-много времени чувствовать всю бесполезность, всю суетность того, что я дѣлаю. Эта холодная цѣпка настоящей стоимости вещей вѣдь близка къ совершенному безразію по всему на свѣтѣ.

Ты продаешь Шассоль: хочешь приобрести владѣніе близъ Бордо. Неужели мы никогда не увидимся? Тебѣ было такъ хорошо! но судьбы каждого человѣка должны совершиться....

Им., 28 июля, IX.

Я не буду болѣе ждать лучшихъ дней. Мѣсяцы сближаютъ другъ друга, годы идутъ за годами; все обновляется, — тщетно! я остаюсь все тѣмъ же. Посреди всего, чего желалъ я, я недоволенъ ничѣмъ; я не приобрѣлъ ничего, не обладаю ничѣмъ: въ продолжительномъ безмолвіи скука сдѣлаетъ мое существованіе. Суетныя ли житейскія заботы заставляютъ меня забывать о природѣ, или бесполезная жажда наслажденія снова влечетъ меня подъ сѣнь лѣсовъ,—все та же пустота всюду окружаетъ меня, и всякое время года, кажется, все болѣе и болѣе распространять ее вокругъ меня. Грустно, безутѣшно провелъ я пору зимнихъ сумраковъ. Природѣ, не мнѣ улыбулась весна. Дни, полныя жизни, пробудили къ жизни все живущее: ихъ неупротинное пламя истонило, не ожививъ, меня, и я сталъ сиротой посреди міра счастливыхъ. И теперь цвѣты отцвѣли, прошла и зима; жара все жарче, дни долше, ночи прекраснѣе. Счастливое время года! Красныя дни для меня бесполезны, короткія ночи прискорбны мнѣ. Миръ снѣгѣ! ропотъ прибоа волнъ! безмолвіе! луна! птицы, оглашавшія вѣчь своимъ пѣніемъ! чувства юности, что стало съ вами?

Остались одни привраки: они предстаютъ предъ меня; они проходятъ, проходятъ снова, удаляются, подобно тучѣ, несущейся по небу, полъ тысячу блѣдныхъ и исполненныхъ образцовъ. Напрасно стараюсь я тихо вступить въ ночь могилы: я не могу сомкнуть глазъ. Эти привраки жизни безпрерывно появляются, безмолвно рѣзаясь перело мною; они приближаются, убѣгаютъ, прячутся въ бездны и снова выступаютъ оттуда: я вижу все, и ни тѣмъ не поражается слухъ

мой,—эго дытъ; я нищу ихъ, но ихъ нѣтъ болѣе. Прислушиваюсь, зову, но не слышу и своего голоса, и остаюсь въ пустотѣ невыносимой, одинъ, въ жертву неизвѣстности, тревогъ душевныхъ и изумленія, посреди тѣней, бродящихъ въ вѣномъ, неослаеомомъ пространствѣ. Таинственная природа! роскошь твоя гнететъ меня, и твои благодѣянія свѣдаютъ меня. Чтѣ мнѣ въ этихъ долгихъ дняхъ твоихъ? Заря ихъ занимается слишкомъ рано, ихъ жгучій полдень истощаетъ меня; а раздражающая душу гармонія божественныхъ вечеровъ невыносима для моего испепелѣвшаго сердца: гений, засыпавшій подъ этими развалинами, содрогся отъ движенія жизни . . .

Им., 12 октября, IX.

Я долженъ написать тебѣ нѣчто о причудахъ нашего здѣшняго образа жизни... Фосальбъ и я, мы не дѣлаемъ рѣшительно ни одного шага другъ безъ друга. Изъ его спальни проведенъ шнурокъ въ мою спальню и въ мой кабинетъ; этимъ путемъ мы безпрестанно переговариваемся другъ съ другомъ...

Недавно мы уговорились, что тотъ изъ насъ, кто, проснувшись, не будетъ въ состояннн уснуть въ-продолженіе получаса, долженъ разбудить другаго: терпѣть, такъ терпѣть выѣстѣ. Увидавъ какой-нибудь необыкновенный сонъ, каждый изъ насъ обязанъ рассказать его тотчасъ же, чтобъ не забыть. Утромъ, за чаемъ, мы принимаемъ за истолкованіе этихъ сновъ по правиламъ древней таинственной науки.

Теперь я опять узналъ хоть нѣсколько, что значить сонъ, съ тѣхъ-поръ, какъ бросилъ кофе и пью мало чаю: вмѣсто чаю, пью иногда молоко или просто стаканъ воды. Бывало, я спалъ, такъ-сказать, не замѣчая того, не ощущая ни уснокоенія, ни наслажденія. Засыпая и пробуждаясь, я былъ рѣшительно тотъ же, что и среди дня; но

теперь, въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ, я испытываю это постепенное, сладостное ослабленіе силъ, предвѣщающее забвеніе жизни, и котораго ежелевневный возвратъ дѣлаетъ жизни сносною несчастливцу. Въ такомъ состояннн, въ постели хорошо, даже когда и не спишь. Къ утру, я ложусь ничкомъ. Тогда я не то, чтобъ спалъ не то, чтобъ проснулся, но мнѣ хорошо. Въ это-то время я мечтаю въ своей койствн. Въ эти минуты затншыя люблю созерцать жизнь; тогда мнѣ кажется, что она чужда мнѣ, и что я играю въ ней никакой роли...

Обыкновенно говорятъ, будто ночныя грѣзы зависятъ отъ нашихъ впечатлѣнннхъ, въ-теченіе предшествывавшихъ дней. Все, чтѣ мы можемъ вообразить, не можетъ быть образованнн иначе, какъ изъ того, чтѣ есть; но въ нашихъ грѣзахъ, равно какъ и въ нашихъ ображенннхъ, изъ этого матеріала комбинируется нѣчто новое, неизвѣстное ни малѣйшаго соотношенія съ предшествовавшими. Нѣкоторые изъ этихъ грѣвъ возвращаются постоянно въ одномъ и томъ же видѣ, со всѣми малѣйшими подробностями, между-тѣмъ, какъ мы ни сколько не думаемъ о нихъ въ промежутокъ времени между ихъ различными появленіями. Я видѣлъ въ снѣ мѣстоположенія прекрасннхъ альпійскихъ, прекрасннхъ тѣхъ, такія могъ вообразить себѣ, и видѣлъ всегда все одними и тѣми же. Еще въ дѣтствѣ очутился я однажды въ снѣ близь одного изъ первѣйшихъ городовъ Европы. Это мѣстоположеніе совершенно не походило на настоящее окрестности этой столицы, которая никогда не видѣлъ; и вслѣдствіе снѣ, вижу во снѣ, что путешествуя въ такую страну такую, какъ въ первый разъ явилась она мнѣ въ сновидѣннн, такую, какова, знаю, она на самомъ дѣлѣ.

Можетъ-быть, двѣдцать или тридцать разъ видѣлъ я во снѣ это швейцарское мѣстоположеніе, которое

нѣ было мнѣ известно уже прежде пер-
го изъ этихъ сновидѣній, и тѣмъ не
менѣе оно всегда являлось мнѣ во снѣ
овершенно не въ томъ видѣ, какъ
ощущается въ природѣ, а какъ яви-
лось мнѣ во снѣ въ первый разъ.

Нѣсколько недѣль назадъ, мнѣ при-
нилась такая очаровательная доли-
на, расположенная столь совершен-
но по моему вкусу, что я сомнѣваюсь,
ожетъ ли подобная долина существо-
вать въ действительности. Еще въ по-
лѣдную ночь видѣлъ я ее же, и въ
обавокъ нашелъ въ ней какого-то ста-
рика: онъ стоялъ одинъ-одинешенекъ
подъ хлѣбъ у дверей жалчайшей
хижины. Я ожидалъ насъ: сказалъ
мнѣ: «я знаю, что вы должны
рѣидти сюда; чрезъ нѣсколько дней
она уже не будетъ, и вы найдете
здѣсь перемины». Потомъ мы очути-
лись съ нимъ на оверѣ, въ челянокѣ,
оторый онъ перевернулъ, бросившись
въ воду. Я пошелъ ко дну; я тонуть
... проснулся.

Фонсальбъ говорить, что такой сонъ
влженъ быть пророческимъ, и что я
вижу и подобное озеро и подобную
оливу. Для того, чтобы сбился сонъ,
мы положили, если мнѣ удастся когда-
нибудь найдти такое мѣстоположеніе,
о я поѣду водою, только съ тѣмъ усло-
віемъ, чтобъ лодка была прочно по-
строена, время тихо, да не было бы
маснаго старика.

20 ноября, IX.

Чѣмъ болѣе узнаю Фонсальба, тѣмъ
олюе вижу, что мы останемся вмѣстѣ.
Мы уже рѣшили такъ: сама природа
ѣшила это прежде насъ... Онъ зай-
метъ здѣсь твое мѣсто, если только но-
вый другъ можетъ занять старого
рута двадцати лѣтъ нашей жизни и
сли только я смогу найдти въ судьбѣ
моей хоть тѣнь нашихъ былыхъ мечта-
ній.

Им., 30 ноября, IX.

... Должно признаться, не люблю
рошакъ, комыхъ дней; хочу сказать:

не люблю ихъ больше. Хорошая пого-
да усиливаетъ прелесть бытія лѣтомъ,
посреди природы; всѣ чувствуютъ
такъ. Но я, я не люблю хорошей пого-
ды. Напрасно боролся я съ этимъ вну-
треннимъ болѣзненнымъ расположе-
ніемъ; но я почувствовалъ свое бессиліе,
и тогда придумалъ другое: я обо-
шелъ зло, котораго не могъ встребить.
Фонсальбъ былъ синхондителикъ къ
моей слабости: мы будемъ прерывать въ
столомъ въ эти безоблачные дни, столь
радостные для всѣхъ и столь тягост-
ные для меня. Тѣ дни будутъ посвя-
щены нѣгѣ; мы начнемъ ихъ поздно,
и будемъ проводить при огнѣ свѣчъ.
Если встрѣтитея какая-нибудь инте-
ресная, забавная книга, мы отложимъ
ее для этихъ дней. После объѣда за-
проема, съ виномъ и легкимъ пун-
шемъ...

Такимъ образомъ настанетъ пол-
ночь, и мы набавимся... да, набавимся
отъ времени, отъ времени драгоцѣнна-
го и невозвратнаго, котораго часто
бываетъ невозможно не терять, а еще
чаще невозможно любить.

.....

Безъ числа.

Я никогда еще не рассказывалъ те-
бѣ, въ какомъ однажды находился я
затруднительномъ положеніи, желая
совершить переходъ чрезъ Италия-
скія-Альпы.

Живо припомнилъ я себѣ это обстоя-
тельство, прочитавъ гдѣ-то: «мо-
жетъ-быть, настоящая жизнь дана
намъ за тѣмъ, чтобъ мы, не смотря на
свои слабости, встрѣчали случаи вы-
полнять съ энергіею то, чего требуетъ
рѣшительная минута». Такимъ-обра-
зомъ употреблять всѣ силы свои кста-
ти, безъ страха и страха, значило
бы вполне быть человѣкомъ. Но намъ
рѣдко удается такое счастье. Чтѣ до
меня, то я испыталъ это только впо-
ловину въ этихъ горахъ, — вполонину,
потому-что дѣло шло только о моемъ
собственномъ спасеніи.

Я не могу передать тебѣ этого про-
исшествія безъ подробностей совер-

дневно-личныхъ: оно и все состоитъ изъ нихъ.

На пути въ Аосту, я былъ уже въ Валисѣ: въ гостинницѣ услышалъ я, какъ одинъ незнакомецъ говорилъ, что онъ не отважился бы одинъ, безъ проводника, перейти чрезъ Сен-Бернаръ. Я тотчасъ возвѣдлъ наѣбренье совершенно этого перехода одинъ: я думалъ, что по расположенію ущелій и по направленію воль мнѣ удастся дойти до страннопріимнаго дома, опередивъ погонщиковъ муловъ и не осѣдомлясь у нихъ ни о чемъ.

Я вышелъ изъ Мартиньи пѣшкомъ въ очень-хорошую погоду. Въ нетерпѣніи увидать по-правней-дѣрѣ надале какое-нибудь замѣчательное мѣстоположеніе, я шелъ скоро, тѣмъ-болѣе, что выше Сен-Бразшѣ не встрѣчалъ рѣшительно ничего подобнаго. По прибытіи въ Лидаль, я представилъ себя, что вплоть до страннопріимнаго дома не найду ничего и похожаго на гостинницу. Въ лиддской же гостинницѣ вышелъ весь хлѣбъ, и не было даже никакихъ овощей. Оставалась только кусокъ баранины, къ которому я и не прикоснулся. Я выпилъ немного вина; но въ такой необычайный часъ этого было достаточно, чтобъ усыпить меня.

Со мною не было часовъ, и въ минуту моего пробужденія, я и не подозревалъ, что проспалъ нѣсколько часовъ. Снова пустился я въ путь съ мыслью дойти до цѣли: я не имѣлъ болѣе никакой надежды. Природа не всегда поощряетъ иллюзіи, которыя она же сама намъ предопредѣлила. Нечѣмъ было развлечься: ни красоты долинъ, ни странности нарядовъ, ни даже обычнаго дѣйствія горнаго воздуха. Небо совершенно измѣнило видъ свой. Мрачныя облака заволокали вершины, къ которымъ я приближался; однакожь все это не могло вывести меня изъ заблужденія на-счетъ времени, потому-что на этой высотѣ облака часто собираются съ большою быстротою.

Нѣсколько минутъ спустя, показавъ снѣгъ. Я прошелъ селеніе Сен-Шерръ,

не обратясь ни къ дому съ вопросомъ. Я твердо рѣшился продолжать свое предпріятіе, не заирая на стужу и хотя передо мною не было протопанной дороги. Какъ бы то ни было, я не могъ и думать идти впередъ съ уверенностью. Я принималъ скалы тогда только, когда ватапливался на нихъ, но думалъ, что это происходитъ отъ густоты облака и отъ снѣга. Но когда тѣна сдѣлалась такою черною, что она ночь могла объяснить ее, тогда наконецъ, я нашелъ свое положеніе.

Увидѣвъ, что сбился съ дороги, я остановился, чтобъ подумать насчетъ, что предпринять; но руки мои совершенно ооченѣли, и мнѣ нельзя было стоять на одномъ мѣстѣ. Но если невозможно было выжидать утра на томъ мѣстѣ, до котораго я дошелъ, то равнымъ образомъ казалось невозможнымъ добраться до монастыря, отъ котораго, можетъ-быть, раздѣляли меня цѣлыя бездны. Оставалось одно: прислушаться къ шуму воль, чтобъ приблжаться къ главному потоку, который съ водопада на водопадъ долженъ былъ проходить по близости вслѣднихъ жилыхъ мѣстъ, влѣкшимъ мной при моемъ восхожденіи. Прямую сказать, я находился въ совершенномъ иракѣ и посреди скалъ, изъ которыхъ съ трудомъ вышелъ бы даже левъ. Меня покрѣпляла очевидность опасности. Должно было или погибнуть, или не медля добраться до селенія, которое, приискренно, находилось въ разстояніи около трехъ лѣ.

Мнѣ скоро посчастливилось дойти до потока, который слѣдовало не покидать болѣе. Если бъ я снова попалъ между скалъ, то, можетъ-быть, не сумѣлъ бы спуститься съ нихъ. В-зловину-уровненіемъ дѣйствіемъ гномъ ложе Дрансы должно было представлять неровности менѣе-опасныя и нѣкоторыхъ мѣстахъ, нежели безпрерывныя нагоры сосѣднихъ мѣстъ. Тогда-то возникла борьба съ препятствіями; тогда-то началось наслажденіе необычайное, все болѣе и болѣе усиливавшееся отъ самой разлчнцы скалъ

ности. Я вступилъ въ шумный и неровный потокъ съ рѣшимостью предаться его влеченію, доколѣ моя отчаянная попытка не окончится или каинтъ-нибудь обдѣлается, или тѣмъ, что я завяну желанный огонекъ въ селеніи. Такимъ-образомъ, я предался теченію этихъ студеныхъ водъ. Когда онѣ ниспадали съ высоты, я падалъ вмѣстѣ съ ними. Однажды паденіе было столь-сильно, что я почтительно концы уже бликалъ, но довольно-глубокой бассейнь принялъ меня. Не знаю, какинь способомъ я оттуда вышелъ: мнѣ кажется, что, за невозможностью дѣйствовать руками, я уцѣпился зубами за какой-то скалистый выступъ. Чтѣ до глазъ, то они вовсе не были мнѣ полезны, и я, думаю, закрывалъ ихъ, ожидая слишкомъ-сильнаго столкновенія. Я двигался впередъ съ жаромъ, котораго не могла охладить никакая усталость, а чувствовалъ себя счастливымъ тѣмъ, что слѣдую опредѣленному побужденію и продолжаю усилія, имѣющія цѣль. Начиная привыкать къ этимъ судорожнымъ движеніямъ, къ этой отвагѣ, я забылъ о селеніи Сен-Шерръ, единственноиъ убѣжищѣ, до котораго ногъ достигнуть. Но вдругъ мелькнулъ огонекъ; я увидѣлъ его съ равнодушіемъ, которое, безъ сомнѣнія, зависѣло болѣе отъ необдуманности, нежели отъ настоящаго мужества; тѣмъ не менѣе я оправился, какъ только ногъ, къ этому обиталищу, жители котораго сидѣли у огня. Небольшое окно изъ кухни заирывалось ставнемъ, въ которонъ былъ обломанъ уголь: этому случаю я былъ обязанъ своею жизнью.

То была гостиница, какиа встрѣчается въ горахъ. Естественно, здѣсь не было многого, но я нашелъ услуги, въ которыхъ нуждался. Меня поадили у камина, гдѣ я провелъ часъ или больше, въ забвеніи этого восторженнаго состоянія, котораго дикое блаженство было испытано мною. Я былъ имъ чтоженъ и жаловъ со времени своего освобожденія; исполнялъ все, чего отъ меня хотѣли: мнѣ давали горячаго ви-

на, не зная, что мнѣ надо было что-нибудь болѣе питательное.

Одинъ изъ моихъ хозяевъ видѣлъ, какъ я вечеромъ всходилъ на гору во время свѣжвой мятели, которой боятса даже сами горы, и онъ рассказывалъ потомъ въ селеніи: «Сегодня вечеромъ какой-то чужеземецъ выбирался туда, наверхъ; теперь надо считать его погибшимъ». Когда же эти добрые люди узнали въ-последствіи, что я погубъ бы неизбежно безъ ихъ равнодушнаго ставна, одинъ изъ нихъ вскричалъ на своемъ простомъ нарѣчій: «Боже мой, Боже мой! отъ чего зависить жизнь наша!»

На другой день мнѣ принесли новое платье, обушенное и по возможности зачищенное; но я не могъ освободиться отъ довольно-сильнаго лихорадки, и потому же свѣтъ, выпавшій на нѣскольکو футовъ, не позволялъ мнѣ пуститься въ дорогу. Полдня провелъ я съ священникомъ этого маленькаго селенія и обѣдалъ съ нимъ: я не ѣлъ ничего уже болѣе сорока часовъ. На другой день, свѣтъ весь сталъ отъ утреннаго солнца; я прошелъ безъ проводника очень-трудныхъ пять лѣтъ, и этимъ движеніемъ освободился отъ лихорадочныхъ припадковъ..... Вечеромъ остановился я въ небольшомъ итальянскомъ селеніи Сен-Ремі. Дуара въ своемъ теченіи разбивается объ уголь стѣнъ гостиницы. Окно мое оставалось отвореннымъ, и всю ночь этотъ шумъ попеременно то пробуждалъ, то усыплялъ меня, къ моему величайшему наслажденію.

Гораздо-пониже, въ долину, я встрѣтилъ людей съ такими же огромными зубами, какиа сильно поражали меня по-ту-сторону Сен-Бернара, во время моихъ первыхъ посѣщеній Валлиса. Въ разстояніи четверти лѣтъ отъ Сен-Мориса стоитъ селеніе, по своему мѣстоположенію такъ хорошо укрытое отъ холодныхъ вѣтровъ, что тамъ во всякое время года могли бы расти на чистомъ воздухѣ лавровыя и гранатовыя деревья; но жители, конечно, объ этомъ и не думаютъ! Слишкомъ хоро-

шо предохраненные отъ стужи и пораженные кривизною, они равнодушно провябають при подошвѣ своихъ громадныхъ скалъ, не зная даже, къ чему служитъ это движеніе чужеземцевъ, переходящихъ въ столь-близкомъ разстояніи съ другаго берега рѣки. Я далъ себѣ слово посмотрѣть поближе, при возвращеніи моемъ въ Швейцарію, на этихъ людей, услышенныхъ въ тяжкомъ неšťжествѣ; они бѣдны, сами того не зная, и немощны, не ощущая страданія: я думаю, что эти бѣдняки счастливѣ насъ.

Безъ мелочныхъ подробностей моего разсказа онъ былъ бы мало интересенъ даже и для тебя, не смотря на твою дружбу ко мнѣ. Что до меня, то мнѣ очень памятна эта усталость, которой я тогда не чувствовала, но которая лишила меня навсегда твердости въ ногахъ. Еще меньше могу забыть, что до-сихъ-поръ я былъ наиболѣе одушевленъ, наименѣе недоволенъ собою, наименѣе далекъ отъ упоенія блаженства въ тѣ два часа моей жизни, когда, проникнутый холодомъ, употребляя страшныя усилія, увлекаемый иногда изъ пропасти въ пропасть, прежде нежели мнѣ удавалось замѣтить ихъ, и, къ удивленію моему, выходя изъ нихъ живымъ и невредимымъ, я все говорилъ себѣ, и говорилъ просто въ моей гордости, безъ свидѣтелей: «И въ эту минуту еще я хочу того, что обязанъ выполнить; и дѣлаю то, чего хочу.»

Тихина долины, кроткія занятія пастушеской жизни, удовлетвореніе въ дружбѣ прочной и вполне раздѣленной, которой всегда такъ искала душа его,—вотъ послѣднія извѣстныя намъ минуты жизни Оберманна. Онъ уже не заботится создать для себя *романтическое* счастье, онъ уже смотритъ на это заблужденіе юности съ постояннымъ презрѣніемъ. И это происходитъ отъ благородной ненависти, питаемой несчастливцами къ тѣмъ надеждамъ, которыя ѣдкогда ихъ лелѣли, къ тѣмъ

благамъ, которыя ускользнули отъ нихъ... Но Оберманнъ покоряется своей участи; онъ старѣеть: его грусть стихаетъ, привычки домашней жизни поглощаютъ его тревоги и волненія, и онъ отдается, бѣдный, спасительной безпечности. Одно только пламенное чувство сохраняется Оберманнъ въ своей свѣжести—благодарность и любовь къ красотѣмъ и дарамъ природы... Онъ оканчиваетъ свою ксенодѣю прекрасною и поэтическою рѣчью къ полевымъ цвѣтамъ и тихо закрываетъ книгу, въ которой погребены его мечты, тревоги, страданія.

Вотъ послѣднія слова его: «Если я достигну старости, если когда-нибудь, еще полный мыслей и убѣжденный въ несправивности людей, буду имѣть вождя друга, который приметъ мое прощаніе съ землею, — пусть поставятъ мой стулъ на зеленѣющій лугъ, пусть передъ глазами моими цвѣтутъ кроткія маргаритки подъ солнцемъ, подъ этими неманѣвшими небесами, — для того, чтобы, оставивъ эту преклоняющую жизнь, я ощущалъ въ себѣ что-нибудь изъ безконечныхъ очарованій души человеческой.»

«Такова внутренняя исторія Оберманна», говоритъ Жоржъ Замль. «Быть-можетъ, въ самой природѣ его лежала невозможность оповѣствовать свою жизнь въ формѣ прогрессивнаго развитія, ибо Оберманнъ непрестанно орицается не только значенію дѣйствій и мыслей, но даже значенію самыхъ желаній... Какъ же допустить прогрессъ при такомъ страшномъ развитіи?»

«Эта грустная недѣлительность, къ которой заключена судьба Оберманна, была слѣпшюмъ - исключительно въ 1804 году, то-есть, въ эпоху его признанія, и потому произведеніе Соммеруа не могло обратить на себя вниманія. Въ эту эпоху только-что окончилась великая мистицикація, называвшаяся консульствомъ. Она приготовлялась необычайною ловкостью съ 1799 г., и

вдругъ открылась торжественно среди звуковъ оружія, среди оглушительнаго грома пушекъ, въ упорительномъ чадѣ побѣдъ, возбуждѣвъ противъ себя только бовсмыльное негодование и отпоръ кокачливый. Приготовленія къ войнѣ и мечты о славѣ занимали тогда всѣ умы. Чувство вѣншней энергіи прежде всего пробудилось въ юномъ поколѣніи; потребность дѣятельности мужественной и воинской кипѣла во всѣхъ сердцахъ. «Оберманнъ съ своею созерцательностью и правдою, чуждый всѣмъ націямъ, во Франціи еще болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, не могъ возбудить въ себѣ сочувствія. Не заботясь изучить и понять людей своего времени, онъ не былъ никѣмъ ни изученъ, ни понятъ, и прошелъ въ сматонной толпѣ, заглушенный шумомъ и громомъ, не удостоивъ даже замѣтить это всеобщее волненіе. И когда, послѣ надевія имперіи, во Франціи была основана конституціонная монархія, по прилѣру англійской,—англійские обычаи и литература незамѣтно стали господствовать во Франціи. Бриганская поэзія, хотя болѣе мистическая, привела Французовъ къ тому же самому результату посредствомъ болѣе-глубокой мечтательности. Эти и другія причины быстро преобразовали духъ французской націи и вѣдрили въ немъ сомнѣніе. А чтожь такое «Оберманнъ», какъ не типъ сомнѣнія? Рожденный тридцатью годами ранѣе своего срока, онъ вполне представляетъ современное состояние умовъ, начавшееся во Франціи съ 1830 года.

«Между-тѣмъ, со времени своего появленія въ свѣтъ, «Оберманнъ» возбуждалъ сочувствіе въ сердцахъ, правда, очень и очень-немногихъ, но за то эти немногіе вполне ему сочувствовали. Эти аденты прилѣпились къ нему со всѣмъ жаромъ души и хранили свой энтузіазмъ, какъ сокровище, которыми они не хотѣли подѣлиться съ преврѣнною въ ихъ глазахъ толпою. Эти страждущія души, родственныя душѣ Оберманна, безусловно дивились его величію и отрицали его недостат-

ки. И мы были въ числѣ ихъ, когда, будучи моложе, и посреди страданія ощущая болѣе энергіи, гордились тѣмъ, что повншаемъ Оберманна и готовы были ненавидѣть всѣхъ тѣхъ, чьи сердца не трепетали при чтеніи этого высокаго созданія.

«Но страданіе Оберманна мало-помалу стало доставаться на долю большому числу людей, и въ наше время, быть-можетъ, многіе поражены имъ; ибо наша эпоха отличается весьма-многобразными душевными болѣзнями, которыя до-тѣхъ-поръ не были наблюдаемы, а отнынѣ слѣдзались развительными и смертельными.

Въ-продолженіе перваго патнадцатилѣтія XIX вѣка, шумъ лагерный не только не позволялъ людямъ задумываться и погружаться въ самихъ-себя, но онъ былъ причиною искаженія, даже въ душахъ сильныхъ, чувства чести. Раздраженное, но не развитое, это чувство обезсильилось въ своемъ полетѣ, встрѣчая повсюду предметы суетные и ничтожныя. Человѣкъ, бывшій вѣмъ въ государствѣ, все умѣлъ устроить такъ, что даже великіе люди незамѣтно увлеклись вѣмъ съ толпою дѣтскимъ честолюбіемъ.

«Въ наше время, конечно, честолюбіе является уже гораздо въ обширнѣйшей и благороднѣйшей формѣ. Мы знаемъ, что теперь, для осуществленія честолюбивыхъ замысловъ человѣка, остается одно только средство: образованіе ума, изученіе діалектики, развитіе мысли.

«Но вѣмъ съ этими отрадными надеждами, съ этими высшими требованіями, честолюбіе приняло въ наше время какой-то особенный, болѣзненный характеръ. Оно находится въ раздражительномъ, лихорадочномъ состояніи. Люди, подвигнутые на огромные труды, въ напряженіи своей духовной дѣятельности вдругъ почувствовали страшное утомленіе и жгучую тоску. Всѣ пружины личнаго интереса, всѣ смлы эгоизма, черезъ иѣру натянута и развитыя, породили

богънами незлобыми, страдавша чудовищныя, которыя психологія не успѣла еще внести въ свои страницы.

Вторженіе этихъ богънней въ общество должно было произвести зародышъ новой поэзіи. Если справедливо, что литература есть выраженіе осуществляющихся фактовъ, живописъ всего видимаго, или откровеніе действительныхъ и возможныхъ чувствъ, то литература иицеримъ должна была отразить въ себѣ образъ ииберии и воспроизвести всю пышность, весь минутный блескъ иишнихъ событий. Ея не могло быть доступно знаніе сокровенныхъ страданій души. Углубиться въ изученіе совѣсти можно только въ послѣдствіи, когда сама совѣсть будетъ играть болѣе-важную роль въ жизни... Психологія, рассматриваемая съ поэтической точки, была доселѣ неполною и поверхностною, потому-что для нея не доставало фактовъ, наблюдений,—потому-что богъзны, узванныя и опредѣленныя сегодня, вчера еще не существовали.

Съ каждымъ днемъ расширяется иииза скорбей и страданій. Съ каждымъ днемъ обогащаются наблюденія поэта и философа. Новѣйшая цивилизація указала намъ не на одиѣ богъзны Вергера, Рене и Оберманна, и книга, въ которой Господь отиѣтилъ число этихъ страданій, можетъ - быть, открыта только еще на первой страницѣ.....

КАРТИНЫ ИЗЪ ИТАЛІИ.

Статья четвертая и послѣдняя.

(Окончаніе).

Римъ.—Быстрая диграма.

Воспользовавшись спокойнымъ промежуткомъ времени между концомъ карнавала и началомъ страстной недѣли, когда всѣ газетные ииностранцы

разбѣжались послѣ перваго и не начали еще стекаться для послѣдней, мы принялись добросовѣстно рассматривать Римъ. Выходя изъ дома ежедневно рано по утрамъ и возвращаясь довольно поздно подъ вечеръ, я дунаю, мы познакомились, наконецъ, съ каждымъ камнемъ, съ каждымъ столбомъ въ городѣ и его окрестностяхъ; въ особенности мы осмотрѣли такую бедную церковь, что я наконецъ рѣшился отказаться отъ половины ихъ, иначе я бы въ жизнь свою не заглянулъ въ-послѣдствіи, по доброй волѣ, ни въ какую церковь. И между-тѣмъ, я устраивалъ наши поѣздки такими образомъ, что почти всякій день находилъ время заглянуть въ Коллизей, или въ открытую Campagna, за гробницею Цепилинъ Метеллы.

Въ этихъ экспедиціяхъ мы часто встрѣчались съ обществомъ английскихъ туристовъ, съ которыми я ииѣлъ пламенное, но несполнашеное желаніе завести разговорное знакомство:—то былъ какой-то мистръ Дэвисъ съ супругою и иѣсколькими родственниками. Невозможно было не знать имени мистриссъ Дэвисъ, потому-что она была центромъ своего общества, которое безпрестанно за тѣмъ или другимъ ииѣло въ ней надобность, а общество ея являлось вездѣ. Въ-продолженіе страстной недѣли, оно присутствовало при каждой подробности каждой сцены, каждой церемоніи. Недѣли двѣ или три до страстной недѣли, оно посѣщало всѣ гробницы, всѣ церкви, всѣ развалины, всѣ картинныя галереи: каждый разъ, что я встрѣчался съ мистриссъ Дэвисъ, я никогда не замѣтилъ, чтобъ она молчала хоть съ минуту. Глубоко подъ землею, на самыхъ высочайшихъ галереяхъ Церкви-св.-Петра, за гердомъ, въ исторической Campagna, или задыхаясь въ Жидовскомъ-Кварталѣ, мистриссъ Дэвисъ была вездѣ та же. Я не думаю, чтобъ она когда-нибудь что-нибудь видѣла или даже на что-нибудь смотрѣла: она вѣчно носила иио всѣхъ силъ чего-то, заваливащаго

ся въ большой плетеной соломенной корзинкѣ, которая висѣла у нея на рукѣ; въ этомъ хранилищѣ она безпреставно шаряла и рылась между несчетнымъ множествомъ англійскихъ гдѣвыхъ монетъ, лежащихъ на днѣ его, подобно пескамъ морскимъ. Общество сопровождалось всюду патентованнымъ чичероне; если онъ, по яснымъ равнымъ древности, хоть случайно взглядывалъ на мистриссъ Дэвисъ или обращался къ ней, она сейчасъ же его обрѣзывала:— Ахъ, Боже мой! да перестанетъ ли этотъ человекъ надоедать мнѣ! Я не понимаю ни одного слова изъ всего, что ты тутъ толкуешь и не пойму, хоть ты болтай безъ умолку до того, что лицо у тебя почернѣетъ. Мистеръ Дэвисъ ходилъ всегда въ широкомъ скюртукѣ табачнаго цвѣта и не выпускалъ изъ рукъ большого зеленого зонтика; его постоянно пожирало какое-то копотливое любопытство, заставлявшее его приподнимать покрывши уразъ и гробничъ и разсматривать хранившійся въ нихъ пепелъ, какъ пикльсы; кромѣ того, онъ вычерчивалъ наконечникомъ своего зонтика по всѣмъ надписямъ, приговаривая съ глубокомысленною задумчивостью: «Вотъ это В; а это R, такъ-то мы живемъ на свѣтѣ, не правда ли? Археологическія привычки эти заставляли его часто отставать отъ своихъ, а тогда мистриссъ Дэвисъ и вся ихъ компанія мучилась безпокойствомъ и безпреставно опасалась, что мистеръ Дэвисъ пропадетъ: тогда всѣ они принимались громко кликать его, и часто въ такихъ мѣстахъ, гдѣ подобныя восклицанія были страннѣе, неумѣстнѣе и несвоевременнѣе всего на свѣтѣ. Наконецъ, когда онъ медленно вытѣзалъ изъ какой-нибудь гробницы, какъ миролюбивый мертвецъ, говоря: «вотъ и я!» мистриссъ Дэвисъ невинно отвѣчала: «Ты будешь непременно похороненъ заживо гдѣ-нибудь за границей, Дэвисъ; не стоить труда и предостерегать тебя!»

Мистеръ и мистриссъ Дэвисъ, и всѣ ихъ общество, прибыли сюда изъ Лон-

дона, вѣроятно, въ девять или десять дней. Восемнадцать столѣтій тому назадъ, римскіе легіоны Клавдія протестовали противъ того, чтобъ идти въ отечество мистера и мистриссъ Дэвисъ, говоря, что оно находится за предѣлами свѣта.

Въ числѣ второстепенныхъ достопримѣчательностей Рима, одна позабавило меня до крайности: это широкія ступени, ведущія отъ Piazza de Spagna въ церкви Trinita del Monte. Ступени эти служатъ главнымъ сборнымъ пунктомъ «натурщиковъ», которые постоянно тутъ бродятъ, въ ожиданіи нуждающихся въ нихъ художниковъ. Въ первый разъ, когда я туда пришелъ, мнѣ казалось непостижимымъ, почему эти лица мнѣ знакомы, почему я выдавалъ ихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, во всѣхъ возможныхъ позытурахъ костюмахъ, и какими образомъ они являются передо мною теперь въ Римѣ, какъ воплощенные дошлые. Наконецъ, я догадался, что произошла съ ними во многихъ галереяхъ и на выставкахъ художественныхъ произведеній. Я увидѣлъ тутъ старика съ длинными сѣдыми волосами и почтенною бородой, который, сколько мнѣ поинтересъ, изображенъ чуть-ли не на большей части современныхъ картинъ, значащихся въ каталогѣ нашей Королевской Академіи: это модель для патриарховъ или добродѣтельныхъ старцевъ; онъ никогда не покидаетъ длиннаго посоха, котораго каждый сучокъ и каждую кривизну выдавалъ я переданными съ величайшею вѣрностью на несчетномъ множествѣ картинъ. Потомъ тутъ другой, въ синемъ плащѣ, который всегда прикидывается спящимъ на солнцѣ (если оно свѣтитъ), но который, разумѣется, всегда бодрствуетъ и всегда заботится о живописномъ положеніи своихъ ногъ: это натурщикъ для *dolce far niente*. Потомъ является еще одинъ, въ темномъ плащѣ: онъ стоитъ прислонившись къ стѣнѣ, со сложенными подъ плечомъ руками и выглядываетъ неподобья; глаза его только-что можно

раземотрѣть изъ-подъ нахлобученной шляпы:—это образецъ для убійцъ. Еще одинъ, постоянно смотрящій черезъ плечо и какъ-будто намѣревающійся уйти, но всегда остающійся на мѣстѣ:—это надменный или презрительный. Что же касается до натурщиковъ для картинъ «семейнаго счастья», они должны быть очень-дешевы, потому что ихъ разсыпано несчетное множество по всѣмъ ступенямъ. Замѣчательно, что все это величайшіе негодяи и шууты, какіе только есть на свѣтѣ, приготовленные заранѣе для своего званія и немнѣющіе соперниковъ ни въ Римѣ, ни въ какой бы то ни было обитаемой части земнаго шара.

Въ Римѣ, какъ и вездѣ въ Италіи, похороны и погребальныя процессіи неспрѣйтно поражаютъ иностранца равнодушіемъ, съ которымъ обращаются съ тѣлами покойниковъ. Похороны обыкновенно бываютъ черезъ сутки послѣ смерти человѣка, а иногда даже черезъ полчаса.

Въ Римѣ ямы или погреба устроены такимъ же образомъ, какъ въ Генуѣ, — въ обширномъ, пустомъ, открытомъ пространствѣ за городомъ. Я разъ посѣтилъ кладбище въ полдень и увидѣлъ у дверей одной изъ ямъ простой сосновый гробъ, некрашенный, необитый ничѣмъ, склоченный на скорую руку, такъ-что копыто перваго проходящаго мула могло бы легко разбить его; онъ былъ небрежно вываленъ на землю и лежалъ на боку, предоставленный вѣтрамъ, дождю и солнцу. — «Зачѣмъ оставили его здѣсь?» спросилъ я у человѣка, показывавшаго мнѣ это мѣсто. — Его привезли полчаса тому назадъ, *signore*. — Я вспомнилъ, что встрѣтилъ процессію, возвращавшуюся крупною рысью въ городъ.

— Когда же спустятъ его въ яму?

— Когда пріѣдетъ телега съ другими и яму отоврутъ.

— А что стоитъ привезти покойника сюда такъ какъ привезли этого, а не въ общей телегѣ?

— Десять скуддъ (*). Прочія тѣла, за которыя не платятъ ничего, отвозятся въ церковь *Santa Maria della Consolazione* и доставляются сюда ночью всѣ вмѣстѣ въ телегѣ.

Я посмотрѣлъ съ минуты на гробъ, на который были вычарованы двѣ начальныя буквы имени покойника, и отвернулся съ выраженіемъ лица, я полагаю, показывавшаго, что мнѣ все не нравится такое обращеніе съ усопшими. Проводникъ мой, вида это, пожалъ плечами съ большою жестокостью и снисалъ съ пріятною улыбкой:— Не оувъ умеръ, *signore*, онъ умеръ. Почему же нѣтъ?.

Изъ безчисленнаго множества переквей есть одна, о которой счтано должнымъ сказать нѣсколько словъ:— это церковь *Agia Coeli*, построенная, какъ полагаютъ, на мѣстѣ древняго храма Юпитера Феретрїа. Она замѣчательна тѣмъ, что служитъ хранилищемъ *Vambino* (**), изображающаго какую-то святыню. Мнѣ пришлось видѣть его вотъ какимъ образомъ:

Мы вошли въ церковь однажды подлѣ вечера и бродили по длинной перспективѣ ея мрачныхъ сводовъ (всѣ церкви, построенныя на развалинахъ языческихъ храмовъ, мрачны и угрюмы), какъ вдругъ обѣгаетъ нашъ бравый курьеръ, оскала губы отъ уха до уха, и проситъ насъ слѣдовать за нимъ, не теряя ни минуты, потому-что будутъ показывать *Vambino* отборному обществу. Мы поспѣшили за нимъ въ родѣ часовни или ризницы, подлѣ главнаго алтара, но не въ самой церкви, гдѣ уже собралось «отборное общество», состоявшее изъ двухъ или трехъ кавалеровъ и столькихъ же дамъ, католиковъ, но только не Итальянцевъ. Молодой монахъ съ визлыми щеками зажгъ тамъ свѣчи, а другой надѣвалъ священническое облаченіе поверхъ сво-

(*) Около 14 руб. серебромъ.

(**) *Vambino* — младенецъ.

ей грубой темной расы. Свѣчи стояли на чемъ-то въ родѣ алтара, надъ кото- рыми, на возвышеніи, яросовались двѣ фигуры, наклоненныя надъ деревян- нымъ ящикомъ или запертымъ гробомъ.

Монахъ съ звальными щекани, замеш- ши свѣчи, сталъ на колѣни въ одномъ углу передъ этою группой, а другой монахъ, надѣвъ вышитыя золотомъ съ блестящими перчатки, снялъ съ боль- шую почтительностью ящикъ и поста- вилъ его на алтарь. Потомъ, съ мно- гими колѣнепреклоненіями и читая равныя молитвы, онъ открылъ ящикъ и вынулъ изъ него нѣсколько атла- сныхъ и кружевныхъ покрововъ. Да- ны стояли на колѣняхъ съ самаго на- чала, навалеры ихъ также оуства- лись благочестиво, когда монахъ вы- нулъ *Vampino*; онъ былъ одѣтъ въ атласъ и золотое кружево, и горѣла наизъ жаръ драгоценными камнями. Едва-ли было какое-нибудь мѣсто на ея маленькой груди или шеѣ, кото- рое не сверкало бы богатыми при- ношеніями вѣрующихъ. Монахъ вы- нулъ его изъ ящика и обнесъ по всѣмъ колѣнепреклоненнымъ, прикладывая лицо *Vampino* ко лбу каждого и давая имъ целовать его ножку. Когда это кончилось, онъ снова уложилъ его въ ящикъ, и тогда поклонники встали, подошли къ ящику и принялись по- томомъ разсуждать о бриллиантахъ. Потомъ онъ уложилъ все какъ слѣ- дуетъ, поставилъ на мѣсто, закинулъ, и снялъ съ себя облаченіе, а товарищъ его погасилъ свѣчи. Послѣ этого имъ вручили обычную плату, и всѣ разо- шлись.

Всеперъ послѣ того, я встрѣтилъ это- го самого *Vampino* на улицѣ, несоме- не съ большою церемоніей въ домъ од- ного большого Римлянина. Его съ этою цѣлью часто возносятъ по Риму. Во- обще, цѣлительныя свойства *Vampino* пользуются большою довѣренностью и даютъ херешій доходъ религіозному братству, которое имъ обладаетъ.

Въ числѣ народа, приходящаго по- даться въ Церковь-св.-Петра не во

время свѣщеннодѣйствія, есть также школьники и семинаристы изъ духов- ныхъ и не духовныхъ училищъ. Они входятъ обыкновенно по двадцати или по тридцати разомъ и становятся на колѣни одинъ за другимъ, въ длинный рядъ, ни въ аррьергардѣ угрюмаго учителя въ черномъ одѣваніи. Про- бывъ съ минуто у главнаго алтара, они встаютъ и направляются къ капеллѣ Богоматери и снова опускаются въ томъ же порядкѣ на колѣни.

Внутренность всѣхъ церквей пред- ставляетъ одинакое зрѣлище: вездѣ раздается то же однообразное, без- выразительное пѣніе; вездѣ тѣ же темныя зданія, которыя кажутся еще темнѣе, когда войдешь въ нихъ съ Божіаго свѣта; вездѣ одинаково тускло горятъ лампы; тотъ же на- родъ стоитъ на колѣняхъ; какая бы разница ни была между тою или другою церквю въ архитектурѣ, величинѣ, украшеніяхъ и богатствѣ, — на все-таки вездѣ одно и то же. Во всѣхъ видахъ гразные вищія, которые приостава- ливаются, чтобъ просить милостыни; у дверей каждой толпятся жалкіе кагѣ- ни, выставлющіе на показъ свое без- образіе и язву; вездѣ слѣпцы, потря- хивающіе горшечками, куда имъ опу- скаютъ подаваніе; вездѣ на алтаряхъ то же разнообразіе произведеній масте- ровъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ; вездѣ та же смѣсь благоговѣнія съ не- приличіемъ, набожности съ безчув- ственностью: люди стоятъ на колѣняхъ на помостѣ и громко харкаютъ на его плиты; приостанавливаютъ свои моли- твы для мірскихъ дѣлъ и разговоровъ, а потомъ принимаются за нихъ снова съ того мѣста, на которомъ молитва была прервана. Въ одной церкви ка- кая-то дама, молившаяся очень-набо- жно на колѣняхъ, встала, чтобъ вру- чить намъ свою карточку, которая ре- комендовала ее какъ учительницу му- зыки...

Всѣ церкви вообще снабжены мно- жествомъ разнаго рода мѣстностицъ для принятія привошеній благочести- выхъ богомольцевъ. Иногда служитъ

Для этого жестяная кружка, иногда личинокъ, изъ котораго доньги употребляютъ на расходы, требуемые на содержаніе церкви, иногда комель съ колокольчикомъ, привѣшенный на концѣ длинной палки, разнородный ревищный дьячокъ между народомъ: словомъ, всѣхъ этихъ приспособленій, въ разныхъ видахъ, достаточно въ любой церкви. На открытомъ воздухѣ, на улицахъ и дорогахъ — въ нихъ также нѣтъ недостатка: вы плетете-себѣ, задумавшись, какъ вдругъ ванъ суютъ подъ носъ жестяной сундучекъ изъ какой-нибудь часовни или заброшеннаго въ сторонѣ домика; на сундучкѣ надпись: «Для душъ въ чистилищѣ», что повторить ванъ нѣсколько разъ податель съ большою настойчивостью.

Въ тюрьмахъ Mamertine есть одна верхняя камерка, расположенная надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ, какъ говорятъ, была темница св. Петра; теперь она служитъ моленной. Она очень низка и тѣсна, и въ ней носится вранъ и холодъ тюремный, какъ-будто они поднялись туманомъ снизу, сквозь каменный потолокъ массивной, старой темницы. Стѣны этой моленной увѣшаны разными обитыми приношеніями, въ числѣ которыхъ многія странно разногласятъ съ ея цѣлью: на-примѣръ, ржавые книжки, ножи, пистолеты, палицы, и вообще брудяи насилія и убійства, привнесены сюда, и повѣшены на стѣны, чтобъ умиротворить разгнѣванные небеса: какъ-будто кровь на нихъ высохнетъ въ священномъ воздухѣ и не будетъ нѣтъ голоса, чтобъ вопіять о наказаніи. Моленная эта такъ тѣсна, молчалива и мотыльна; подземелья внизу такъ черны, голы, сыры и душны, что она невольно удерживаетъ себя въ памяти отдѣльное мѣсто и не перенѣшивается съ прочими предметами, мелькающими въ воображеніи, какъ призракъ смутнаго сна.

Страшно подумать, въ какія неизмѣримыя пещеры, подтапывающіяся подъ городомъ, ведутъ нѣкоторыя изъ

римскихъ церквей. Подъ многими изъ нихъ склепы и обширныя подземныя часовни, которыя въ старину были бѣлыми, таинственными приваллексиотами вѣгическихъ христовъ и т. д. Подъ церковью San Giovanni e San Paolo, входъ въ страшный радъ ущелья, вѣщечныхъ въ камнѣ и проведенныхъ, какъ говорятъ, до самаго Коллея — онѣ запущены и непригодны; факелы проводниковъ освѣщаютъ трепетно-краснымъ мерканіемъ длинные ряды цѣлыхъ перспективъ сѣдоевъ, развѣтляющихся направо и нѣлѣво, подобно улицамъ мертвато города, свѣтъ ихъ показываетъ холодную сырость, капающую вдоль стѣнъ и медленно скользящую въ дуги, которыя попадаются тамъ-и-сямъ, и которыя никогда не видали и никогда не увидать ни одного солнечнаго луча. Но нѣтъ-однихъ, куда зазирались дикіе взоры, предназначенныя для амтеатра; другіе говорятъ, что это были темницы для приговоренныхъ гласиторовъ; третьи полагаютъ, что подземелья эти служили и для того и для другаго. Но самая ужасная и потрясающая душу легенда та, что въ вернемъ подземельѣ пещеры расположены въ два этажа — первые христовы, предназначенныя для растерзанія дикимъ звѣремъ въ армянцахъ Коллея, слышавши какъ алкавшія кроки ихъ животныя ревъмъ вину; наконецъ, ихъ выводили изъ подземнаго вранъ на арміи свѣтъ, на просторную арену, окруженную безчисленными зрителями, и жадные сосѣди ихъ радостно выпрыгивали вслѣдъ за ними...

Подъ церковью San Sebastiano, на двѣ мили за городскими воротами того же имени, по Анжизанской Дорогѣ, входъ въ римскія катакомбы — внутреню каменоломни, но въ послѣдствіи убѣжища преслѣдуемыхъ христовъ. Въ эти могильные переходы любовательные проникли ниль на двадцать; но они составляютъ цѣны лабиринтовъ, ниль на шестьдесятъ въ окруженности.

Тощій французскій монахъ, съ асышии, но буждеющими глазами,

былъ единственнымъ нашимъ проводникомъ въ эти глубокиа и страшныя подземелья. Узкіе переходы и завороты то въ ту, то въ другую сторону, вмѣстѣ съ дѣйствиельнъ тяжелого и мертвого воздуха, вскорѣ сбили всѣхъ насъ съ толка, такъ-что мы потеряли всякое соображеніе о пути, которыми шли. Мы невольно прашла въ голову мысль: что, если съ нами вдругъ сдѣлается припадокъ и онъ вышибетъ у насъ факелы, или хотъ просто сдѣлается съ нами обморокъ, что тогда будетъ съ нами! Мы шли впередъ, между могилами мучениковъ; проходили просторныя подземныя дороги, покрытыя сводами и распространяшія отъ себя отрасли во всѣ стороны; но боковыя вѣтви эти были завалены горами камней, чтобъ тамъ не могли находить себѣ убѣжища разбойники и убійцы, и чтобъ они не образовали подъ Римомъ другаго народонаселенія, еще худшаго, чѣмъ то, которое обитаетъ въ вѣчномъ городѣ. Могила, могила, все могила, — могила мужчинъ и женщинъ, могила ихъ маленькихъ дѣтей, которыя нѣкогда бѣжали къ своимъ гонителямъ съ криками: «мы христіане! мы христіане!» чтобъ быть убитыми вмѣстѣ съ своими родными; могила, гдѣ на каменныхъ гробахъ грубо начѣчена пальцеваа вѣтвь мученичества, а подлѣ, въ маленькихъ виадѣвахъ, стоятъ сосуды съ кровью праведныхъ страдальцевъ; могила людей, жившихъ здѣсь дѣлье годы, поучавшихъ остальныхъ и проповѣдывавшихъ имъ истину, надежду, утѣшеніе съ грубыхъ алтарей, которые и теперь свидѣтельствуютъ о ихъ непоколебимой твердости; наконецъ, могила гораздо-обширнѣе, но за то гораздо-ужаснѣе всѣхъ прежнихъ, гдѣ сотни людей, захваченные врасплохъ, были согнаны вмѣстѣ и всѣ выходы имъ завалены: ихъ погребали важно, и они медленно умирали съ голода!

• Торжество нашей святой вѣры не надъ землею, не въ великолѣпныхъ церквахъ, сказалъ монахъ, когда мы

пріостановились въ разокъ межъ двухъ переходовъ, окруженные со всѣхъ сторонъ костями и прахомъ: — вотъ оно! Между могилами мучениковъ! Онъ былъ по-видимому человекъ кроткій и степенный, и говорилъ отъ чистаго сердца. Остальное воспоминаніе мое о римскихъ переквахъ походить на смутный сонъ, въ которомъ перебѣтываются священные аданія всѣхъ видовъ и величинъ; изверженныя колонны языческихъ храмовъ, открытыя и принужденныя поддерживать, подобно исподинамъ, крещія христіанскихъ переквей; картины дурныя и дивныя; народъ на колѣняхъ, курчащіяся омиами, брещанье колокольчиковъ и по-временамъ, шуртѣка, густой гулъ органа. Усталая память выводитъ меня снова на широкія паперты, на ступеняхъ которыхъ спятъ лучи людей или грѣются на солнцѣ, и она бредеть дальше, между локотьями, равнородными замахами, налѣцанамъ и лачугами какой-нибудь старинной итальянской улицы.

Утромъ въ субботу (8 марта) отрубили здѣсь голову какому-то преступнику. Деять или десять тысячцевъ тому назадъ, онъ убилъ баварскую графиню, которая шла на поклоненіе въ Римъ, одна и вѣщомъ, и совершила этотъ благочестивый подвигъ уже въ четвертый разъ. Онъ увидѣлъ въ Витѣрбо, гдѣ тогда жилъ, какъ она размѣнивала какую-то золотую монету. Онъ тотчасъ же послѣдовалъ за набожною пилигримкой, сопутствовалъ ей на разстояніи болѣе сорока миль подлѣ извѣстнѣешихъ предлоговъ заштыты; наконецъ, нападъ на нее недалеко отъ Рима, въ Сатрагна, около мѣста изываемаго (несправедливо) Гробницею Перона, ограбилъ и убилъ ее ея же собственныиъ странническимъ посохомъ. Онъ былъ недавно женатъ и подарилъ женѣ своей кое-что изъ отнятыхъ у баварской графини вещей, сказать, что купилъ это на рынкѣ; но жена его видѣла пилигримку, когда она проходила черезъ городъ, и узнала въ числѣ подарковъ од-

му бездлушнику, которую у нея замѣтила. Тогда разбойникъ сошелся ей во всемъ: его схватили на четвертый день послѣ свершенія убійства.

Въ этой непонятной странѣ нѣтъ опредѣленнаго времени ни для суда, ни для расправы, а потому убійца просидѣлъ въ тюрьмѣ до-сихъ-поръ. Въ пятницу, когда онъ обѣдалъ съ прочими узниками, къ нему пришелъ съ объявленіемъ, что ему завтра отрубятъ голову, и увели его. Вообще говоря, здѣсь очень-рѣдко казнятъ въ великомъ по-сту; но, принявъ въ расчетъ важность его преступленія, рассудили, что лучше показать надъ нимъ примѣръ строгости теперь, когда со всѣхъ сторонъ стекаются въ Римъ пилигримы изъ страстной вѣдѣль. Я слышалъ объ этомъ въ пятницу вечеромъ и видѣлъ во всѣхъ церквахъ печатныя объявленія, приглашавшія вѣрующихъ молиться о спасеніи души преступника, а потому и рѣшился пойти посмотреть на его казнь.

Она была назначена въ четырнадцать съ половиною часовъ, по римскому времечисленію, или въ четверть десятого утромъ. Со мною было двое знакомыхъ, и такъ-какъ мы ожидали многочисленнаго стеченія народа, то забрались на мѣсто въ половинѣ восьмого. Казнь должна была свершиться въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, но съѣзду церковь San Giovanni decollato. Улица эта, подобно всѣмъ, составляющимъ большую часть Рима, обставлена ветхими домами, которые, по-видимому, не принадлежатъ никому и никогда не были обитаемы; они выстроены безъ всякаго плана, безъ всякой особенной потребности, не снабжены окончинами, и походять на покинутыя пивоварни, или могли бы быть складочными амбарами, еслибъ въ нихъ что-нибудь хранилось. Противъ одного изъ нихъ, выдѣленаго, были воздвигнуты подмостки — неуклюжіе, некрашеные, полуглиняные, футуръ въ сѣмъ вышнюю, съ высокимъ рамомъ надъ ними, похожую на вѣтвицу; между вертикальными столбами ее задвигъ полкъ

съ тѣмъ же массою жерлва, готовый опуститься на шею жертвы и блестящій на солнцѣ, которое по-временамъ выглядывало изъ-за облаковъ.

Около эшафота толпились темные люди, да и тѣхъ не подвигали къ нему отрядъ павскихъ драгунъ. Человѣкъ двѣсти или триста нѣшихъ солдатъ было полъ оружіемъ, раздѣлившись преспокойно на кучки, между которыми поварно и по-трое прогуливались офицеры, болтая между собою и куря сигары.

Въ концѣ улицы была открытая площадка, заваленная мусоромъ, остолкини и равными соромъ, какъ и вслѣдъ въ Римѣ. Мы забрались во что-то въ родѣ прачешнаго сарая, принадлежавшаго къ одному изъ живыхъ домовъ; стоя тамъ на старой телегѣ, среди груды ломаныхъ колесъ, мы глядѣли сквозь широкое рѣшетчатое окно на эшафотъ и вдоль улицы, круто заворачивавшей направо. Перспектива отличалась толстыми офицерами въ треугольной шляпѣ.

Прошло девять часовъ, пототъ десять, и ничего не произошло. Колокола звонили по-прежнему; Римляне нашего класса, съ буйными лицами, въ синихъ и рыжихъ плащахъ, въ лямочкахъ, приходили и уходили, раздушно разговаривая о разныхъ разностяхъ; между ними скитались тѣ же женщины и ребятишки. Разошлись сигары, съ наполненными горшками угольями глинянымъ горшкамъ въ рукѣ. провозглашалъ во все горло о своемъ товарѣ. Продавецъ принимаетъ рѣдѣлъ свое вниманіе между эшафотомъ и покупщиками. Мальчишки цѣплялись и пробовали забрѣсть на стѣны ближней ограды, но отидли на явѣ. Художники, въ неостыжншихъ шляпахъ среднѣхъ вѣковъ и съ бородами, не принадлежащими никакимъ временамъ, бросали вобрать себя живописно-надписные вымплы на окружающую ихъ толпу. Одинъ господинъ, безъ сомнѣнія тѣмъ принадлежавшій къ знаменитѣйшимъ итальянскимъ искусствомъ; протѣлъ въ

ногахъ съ отворотами, съ висшею до груди рыжею бородою и длинными, ярко-огненными волосами, залетенными въ двѣ косы по обѣ стороны лица, которыя спускались ему чуть не до пояса.

Прошло одиннадцать—все по прежнему. Въ толпѣ пронесся ропотъ, что преступникъ не хочетъ исповѣдаться: въ такомъ случаѣ духовенство владѣть имъ до звона Ave Maria, т. е. до солнечнаго заката. Народъ началъ по великому расходитьсѣ. Офицеры пожимали плечами и смотрѣли соннито. Драгуны, проѣзжавшіе по-временамъ мимо нашего окна, чтобъ прогнать накую-нибудь несчастную телегу или вонючій набріолетъ, которые удно расположились на видномъ мѣстѣ и уже были усыпаны любопытными, сдѣлались сердитыми и ядно начали терять терпѣніе. Толстый офицеръ, оканчивавшій собою перспективу улицы, вынюхалъ цѣлую табакерку табачу.

Вдругъ послышался звукъ трубъ. «Сиріе!» пронеслось между кучками пѣхотинцевъ, которые тотчасъ же выстроились и расположились вокругъ помоста. Драгуны послакали въ галопъ по своимъ мѣстамъ, и гильйотина сдѣлалась центромъ тѣса штыковъ и свѣтлыхъ палашей. Народъ столпился тѣснѣе вокругъ солдатъ. Длинный потокъ взрослыхъ и ребятишекъ, сопровождавшій процессію отъ самой тюрьмы, вдругъ разлился по всѣмъ свободнымъ мѣстамъ.

Черезъ краткій промежутокъ времени показалось нѣсколько монаховъ, шедшихъ отъ церкви къ эшафоту; надъ головами ихъ видѣлось распятіе подъ чернымъ балахонномъ. Его обнесли кругомъ подножія помостковъ и обратили къ преступнику, чтобъ онъ могъ видѣть священный символъ искупленія до конца послѣдней минуты. Вокорѣ явился на платформѣ и онъ, босикомъ, со связанными руками и обрѣзаннымъ до плечъ воротничкомъ рубашки: молодой человекъ лѣтъ двадцати-шести, одоровавшій,

стройный, блѣдный, съ небольшими черными усами и темноволосый.

Онъ, какъ говорили, отказывался отъ исповѣди потому-что ему не позволяли увидѣться передъ смертью съ женою; ее привели къ нему подъ конвоемъ, и посылка за нею была причиною долгаго промедленія.

Онъ тотчасъ же сталъ на колѣни подъ ножомъ гильйотины; положилъ шею въ выемку поперечной доски; выемка другой доски сверху обхватила ее совершенно; подъ нимъ былъ привѣшенъ кожаный мѣшокъ. Лезвие звукнуло, и голова сватилась въ мѣшокъ. Палачъ вынулъ ее за волосы и обнесъ вокругъ эшафота, показавъ во всѣ стороны народу. Послѣ этого ее воткнули на шесть и утвердили его въ землю, чтобъ вся длинная улица могла видѣть голову. Глаза головы были обращены къ верху, какъ-будто преступникъ не хотѣлъ видѣть въ послѣдніи мгновенія кожаного мѣшка, а устремилъ взоры на распятіе. Она была блѣдна, холодна, безцвѣтна, какъ восковая.

Эшафотъ и земля подъ нимъ были залиты кровью. Страннѣе всего показалось мнѣ совершенное уничтоженіе шеи: голова была отхвачена такъ, что казалось, будто лезвие сава не задѣло скулы или уха, а между-тѣмъ на трубѣ не было ни малѣйшаго признака шеи.

Всѣ присутствующіе смотрѣли на казнь, на мертвую голову и на обезглавленный трупъ съ самымъ убійственнымъ равнодушіемъ. Никто не обнаружилъ ни ужаса, ни жалости, ни отвращенія, ни негодованія. Пока трупъ укладывали въ гробъ, я чувствовалъ нѣсколько разъ, стоя подлѣ эшафота, какъ любопытныя руки запыскались въ мои пустые карманы. Вообще, врѣище было грустное и омерзительное. Мнѣ памято, правда, еще одно обстоятельство, котораго нельзя пропустить безъ вниманія: спекулирующіе на выигрыши въ лоттерей стараются на самыхъ видныхъ мѣстахъ и считаютъ выбрызгиваемыя капли

время въ той или другой части афишета; потому они продаются билеты съ нумерами этихъ часовъ, которые всегда приносятъ счастье—таково, по крайней-мѣрѣ, общее повѣрье.

Наконецъ, труппъ уехали, но въ театръ, подмостки разобрали, и вся отвратительная машина исчезла. Представленіе кончилось.

Изъ всѣхъ римскихъ дворцовъ, Ватиканъ, наполненный сокровищами искусства, съ своими необъятными галереями, великолѣпными лестницами и безчисленными амондалами залъ занимаетъ первое и высшее мѣсто. Въ немъ много превосходнѣйшихъ статуй и ливныхъ картинъ, но такъ же, — да не сочтутъ этого сродью, — значительное количество всякой дряни. Сколько здѣсь статуй и картинъ, неимѣющихъ рѣшительно никакого достоинства, кромѣ своей древности! А между-тѣмъ, мы восхищаются люди съ притязаніями на изысканный вкусъ и считающіе себя знатоками.

Признаюсь съ полнымъ чистосердечіемъ, что я не могу оставлять у дверей итальянскихъ дворцовъ, или гдѣ бы то ни было, своихъ собственныхъ убѣжденій о томъ, что истинно и натурально, какъ-бы я оставилъ обувь сроду у дверей нечести, еслибъ путешествовалъ на Востокѣ. Не могу забыть, что есть извѣстныя выраженія лицъ для извѣстныхъ страстей, что есть на свѣтѣ такая прозаическая вещь, какъ пропорциональность человѣческихъ рукъ, ногъ и головъ, а потому, встрѣчая изображенія, которыя рѣко противорѣчатъ этимъ понатіямъ, чувствую себя не въ силахъ восхищаться ими, гдѣ бы я ихъ ни находилъ; въ такихъ случаяхъ, добросовѣстнѣе всего сознаваться въ этомъ, не притворяясь восторженно-удивляющимся тамъ, гдѣ не чувствуешь ни малѣйшаго удивленія, ни восторга.

Мнѣ кажется, что рѣшительные и безразборчивые восторги, которыми предается масса критики, не-

сообразны съ истинною сѣнзой дѣйствительно-великихъ и дѣйствительно-превосходныхъ произведеній искусства. Я, на-примѣръ, не могу во-стичь, какимъ-образомъ отчаянный защитникъ картинъ безъ всякаго достоинства можетъ возвыситься до понятія божественной красоты титанова .Успенія Богоматери-, которое въ Венеціи; или какъ человекъ, проникнутый этими дивными произведеніями или чувствующій красоту великой картины Тинторетто, изображающей Собраніе Блаженныхъ, которая также въ Венеціи, можетъ находить въ «Страшномъ Судѣ» Микель-Анджело какую-нибудь общую мысль или господствующее чувство, которыя бы гармонировали со своимъ предметомъ. Тотъ, кто будетъ созерцать великую картину Рафаэля, «Преображеніе», а потомъ пойдетъ въ другую залу Ватикана и остановится передъ другой картиной того же Рафаэля, изображающей въ фронтальной карриатурѣ, какъ чудовищно наша Леонъ IV оставилъ распространеніе пожара — и если онъ скажетъ, что восхищается обѣими картинами, какъ твореніями великаго гениа, то долженъ, мнѣ кажется, не имѣть никакого изыскаго вкуса въ отношеніи этихъ двухъ случаевъ.

Легко сомнѣваться въ чемъ-нибудь, но по моему часто правила искусства были соблюдаемы слишкомъ строго: что, на-примѣръ, хорошаго или криваго въ томъ, когда мы знаемъ вѣрнѣе, что такая-то фигура должна обращаться такъ-то, что другая должна лежать тутъ-то и въ такомъ-то положеніи, или что въ извѣстныхъ частяхъ картинъ должны быть драпировки, расположенныя извѣстными способами. Я не обвиняю живописцевъ, если въ итальянскихъ картинахъ галерей вижу головы, которыя вовсе не соответствуютъ изыскаго, въ истинно-достойныхъ произведеніяхъ: головы эти носятъ на себѣ юнастырскій отпечатокъ, и подобны мнѣ очень-часто попадаются между первыми живыми обитателями

настрыей, слѣдственно, виновать не художникъ, а тщестловіе и невѣжество тѣхъ, кто заказывалъ ему писать себя... Я подозреваю, что даже великіе художники дѣлали это изъ необходимости, потому-что, будучи подъ властію и въ большой зависимости отъ духовныхъ и монаховъ, они должны были изображать и на полотнѣ цѣлую безду духовныхъ и монаховъ.

Необычайная прелесть и граціозность статуй Кановы, дивная важность и спокойствіе многихъ древнихъ скульптурныхъ произведеній, огонь и энергія многихъ другихъ—все это, каждое въ своемъ родѣ, выше всякихъ похвалъ, а въ-особенности послѣ произведеній Берини и учениковъ его, которыхъ статуи и барельефы наполнены всѣ церкви Рима, начиная съ Собора-св.-Петра. Въ художественномъ отношеніи, на мой вкусъ, три божества Прошедшаго, Настоящаго и Будущаго, красующіяся въ китайской коллекціи, въ Лондонѣ, лучше любой изъ этихъ исковерканныхъ фигуръ, у которыхъ каждая складка драпировки выворочена на вынанку, каждая жилка или артерія толщиною съ указательный палецъ, которыхъ волосы похожи на гнѣзда игривыхъ змѣй, а позы пристыдили бы самаго выломаннаго фигляра. Я искренно убѣжденъ, что нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ не наберется такого невозможнаго множества безобразій, вышедшихъ на свѣтъ изъ подъ рѣзца ваятеля, какъ въ Римѣ.

Въ Ватиканѣ есть, между-прочимъ, прекрасное собраніе египетскихъ древностей. Потолки зала, въ который онѣ разставлены, изображаютъ усыпанныя звѣздами небеса пустыни. Мысль можетъ показаться странною, но это очень-эффектно. Угрюмые, чудовищные получеловѣки египетскихъ храмовъ кажутся еще угрюмѣе и чудовищнѣе подъ темно-синими небомъ, которое отбрасываетъ странную, неопредѣленную, таинственную тѣнь на всѣ предметы: они кажутся подъ покровомъ торжественной ночи.

Т. II. — Отд. VIII.

Въ палацкахъ частныхъ людей, картины разставлены самыя выгодныя для эффекта ихъ образомъ. Ихъ рѣдко набирается въ одномъ мѣстѣ столько, чтобъ онѣ переѣшивались въ глазахъ, или чтобъ вниманіе зрителя было развлечено ихъ множествомъ; а также толпы зѣвакъ и любителей рѣдко мѣшаютъ вамъ разсматривать ихъ на свободѣ. Тамъ красуются безчисленные портреты Рембранта, Тиціана и Фан-Дейка; головы Гвидо-Рени, Доминикина и Карло-Долоче, разныя картины Корреджіо, Мурильйо, Рафаэля, Сальватора-Розы и Спальмолетто: трудао найдти выраженія для похвалъ многимъ изъ нихъ—такова ихъ вѣжность и граціозность, ихъ красота и высокое достоинство.

Портретъ Беатриче ди-Ченчи, въ палаццо Барбарини, такая картина, что ее невозможно забыть. Сквозь дивную прелесть и кротость лица проглядываетъ что-то сверхъестественное. Голова ея драпирована бѣлымъ покрываломъ, изъ-подъ котораго выпадаютъ свѣтлыя волосы. Она какъ-будто вдругъ обратилась къ вамъ; въ глазахъ ея, чрезвычайно-вѣжныхъ и кроткихъ, видно выраженіе, какъ-будто она сейчасъ только превозмогла дикость внезапнаго ужаса и отчаянія, и чувствуетъ только небесную надежду, прекрасную горестъ и полную безнадѣжность на всякую помощь. Преданія говорятъ, будто Гвидо-Рени написалъ этотъ портретъ на-камнѣ ея казни; по другимъ разсказамъ, онъ написалъ его на память, видѣвъ несчастную красавицу на пути къ эшафоту. Я охотно вѣрю, видя ее на полотнѣ, что она обратилась къ нему вдругъ, когда она стояла въ толпѣ, послѣ перваго взгляда на сѣкиру, и впечатлѣла въ душѣ его взоръ, который остался въ его памяти такъ же неизгладимо, какъ въ моей, какъ-будто и я былъ самъ подлѣ него, въ предсмертную минуту злополучной дѣвочки. Преступный валаццо Ченчи, занимающій цѣлымъ кварталъ, стоитъ угрюмый и заброшенный, и разваливается мало-по-малу

ду; мнѣ часто представлялось, будто я видѣлъ это прелестное лицо въ его большихъ окнахъ, на мрачномъ подъѣздѣ, или являющимся изъ темноты его увывлыхъ галерей, по которымъ бродятъ теперь духи и тѣни. Исторія несчастной Беатриче написана на этой картинѣ, на лицѣ погибшей дѣвушки, собственною рукою природы!

Я видѣлъ въ палаццо Спада статую Помпея, ту самую, у подножія которой палъ Юлій Цезарь: это страшная, суровая фигура! Я вообразилъ себѣ статую болѣе нѣжной отдѣлки, которой отличительныя черты смѣшивались въ отуманенныхъ взорахъ того, чья кровь обограла его подножіе, и вдругъ, въ самый моментъ смерти, онѣ мелькнули передъ нимъ въ строгомъ величіи, какъ являютъ теперь.

Прогулки по окрестностямъ Рима очаровательны и были бы исполнены прелести даже по однимъ разнообразнымъ видамъ дикой Сабрагна; но здѣсь каждый шагъ земли по всѣмъ направленіямъ исполненъ воспоминаній. Вотъ, на-примѣръ, Альбано, съ прелестнымъ озеромъ, котораго берега окружены деревьями; съ видомъ, которое, конечно, нисколько не улучшилось со времени Горация и въ наши дни никакъ не оправдываетъ его поэтического ванагирника. Вотъ неоприятный Тиволи, съ рѣкою Авіо, которая оворачиваетъ съ своего пути и падаетъ очертя голову съ восьмидесяти футовъ, отыскивая свое прежнее русло; тамъ, на высокомъ утесѣ рисуется живописный храмъ свивиллы; водопады меньшихъ размѣровъ искрятся и блестятъ на солнцѣ; одна пещера, подлѣ которой страшно клубится рѣка, внизу, между нависшими утесами, открываетъ угрюмый зѣвъ свой, смоченный рѣною и брызгами. Вотъ Villa d'Este, заброшенная и разрушающаяся между рошачи печальныхъ сосенъ и кипарисовъ, гдѣ она покоится въ мертвенной важности. Вотъ Фраскати и на утесѣ надъ нимъ развалины Тускулума, гдѣ Циперонъ жилъ, писалъ и украшалъ свое жилище, котораго остатки и те-

перь видны, и гдѣ родился суровый Катонъ. Мы видѣли развалины амтеатра этого умершаго города въ сѣрый, пасмурный день, когда рѣно задувалъ мартовскій вѣтеръ и разбросанные камни стариннаго города лежали на одинокой высотѣ, мертвые и увывые, какъ пенеланде давно-погашаго пожара.

Однажды мы отправились маленькимъ обществомъ, втроемъ, въ Альбано, который въ четырнадцать миль отъ Рима, съ намѣреніемъ прійти туда, по давно-заброшенной и заросшей Аппіановой-Дорогѣ. Мы тронулись въ путь въ половинѣ восьмагаго утра и черезъ часъ очутились въ открытой Сабрагна. На разстояніи пѣтихъ двенадцати миль мы карабкались по непрерывному ряду грядъ, холмовъ и развалинъ. Развалившіеся гробницы и храмы; обломки колоннъ, карнизовъ, пьедесталовъ; большіе куски мрамора и гранита; растрескавшіеся и обвалившіеся арки, заросшія травами и кустами; обломковъ столько, что ихъ стало бы на постройку обширнаго города—все это валялось на землѣ и окружало насъ со всѣхъ сторонъ. По временамъ, сложенные на-живую-руку стѣны, сооруженныя изъ этихъ остатковъ пастухами, пересѣкали намъ дорогу; иногда останавливали насъ ровъ между двумя осыпавшимися каменными оградами; иногда самые обломки, выкатывавшіеся изъ-подъ нашихъ ногъ, затрудняли намъ путь; но все это были развалины. Иногда попадался намъ кусокъ старинной дороги, надъ остальною почвою; иногда мы выслѣживали ее подъ наносной землею и травой, какъ-будто она была тутъ похоронена, но вся дорога была развалиной. Вдали, колоссальные остатки водопроводовъ поднимались надъ равниною; каждый долетавшій до насъ вѣтерокъ колыхалъ молодую траву и свѣжіе цвѣты, выросшіе на цѣпяхъ мильхъ развалинъ. Невидимыя колонки, которые одни нарушали наружную тишину этихъ мѣстъ, смѣли свѣтъ гнѣзда въ развалинахъ; угрюмые не-

стужи, одѣтые въ барабаны шкуры и выглаживавшіе на насъ по-временамъ исподлобья, изъ своихъ договорищъ, были жителями развалинъ. Видъ пустынной Самрагна въ одномъ направленіи, гдѣ она была почти гладкою равниной, напоминалъ мнѣ сѣверо-американскія степи. Но что значить одиночество мѣста, гдѣ никогда человѣкъ не жилъ, въ сравненіи съ пустыней, гдѣ могучее племя оставило слѣды свои на землѣ, съ которой оно исчезло, гдѣ мѣста послѣдствіа отдохновенія его усопшихъ разсыпались въ прахъ какъ они, гдѣ разбитые песочные часы времени не болѣе, какъ кучка правдой пыли! Возвращаясь въ городъ около солнечнаго заката и оглядываясь назадъ на пройденный нами въ то время путь, я почти былъ убѣжденъ, что солнце уже больше не взойдетъ, и что оно свѣтило въ послѣдній разъ на умершей и уничтоженной сирѣ.

Возвращеніе въ Римъ при лунномъ свѣтѣ послѣ такой прогулки, было самымъ приличнымъ заключеніемъ такого дня. Узкія улицы безъ троттуаровъ, заваленныя въ каждомъ темномъ углу грудами мусора и всякой нечистоты, представляють по своимъ склизкимъ рамбрамъ, грязи и темнотѣ, самую рѣзкую противоположность съ широкою площадью передъ какою-нибудь церковью; въ центрѣ этой площади стоятъ покрытый іероглифами обелискъ, привезенный изъ Египта во времена императоровъ, и смотритъ съ удивленіемъ на окружающее его чуждое зрѣлище; или древняя колонна, съ которой сброшена разрушавшая ее статуя, и которая держитъ на себѣ христіанскаго святаго: какъ, на-примѣръ, вмѣсто Марка-Аврелія поставленъ св. Павелъ, или вмѣсто Гривна св. Петръ. Потомъ видишь громады зданій, сооруженныя изъ разобранныхъ частей Коллизея, которыя заслоняють собою луну, какъ горы; а между-тѣмъ, лучи ея пробиваются въ другихъ мѣстахъ сквозь полуразвалившіяся арки и треснувшія стѣ-

ны такъ же свободно, какъ выходитъ жизнь изъ свѣжей смертельной раны. Маленькій городокъ, состоящій изъ жалкихъ домовъ, окруженныхъ оградями и запертыхъ дверьми на запоръ—это Жидовскій Кварталъ, гдѣ Жиды запираются на ночь, когда пробьетъ восемь часовъ: жалкое и грязное мѣсто, густо-населенное, наполненное зловоніемъ, но гдѣ люди промышленны и куютъ себѣ деньги. Днемъ, проходя по узкимъ улочкамъ этого квартала, видишь всѣхъ жителей за работой: они подновляютъ старыя платья и заключаютъ между собою торги.

Когда выйдешь изъ этихъ лоскутковъ густой темноты снова на лунный свѣтъ, зрѣніе и слухъ вознаграждаются серебрянымъ фонтаномъ Треви, который бьетъ сотнею ключей по поддѣльнымъ скаламъ. Въ тѣсной улицѣ за нимъ балаганъ, окруженный деревьями и освѣщенный шаликами, привлекаетъ лѣнныя Римлянъ къ своимъ курящимся костюмамъ съ горячимъ булыгономъ и парею цвѣтноты капустой, къ подносамъ съ жареною рыбой и бутылкамъ съ виномъ. Огибая крутой заворотъ, вдругъ слышишь тяжелый стукъ колесъ: кучеръ вашъ останавливается и снимаетъ шляпу передъ медлительнымъ возомъ, предшествуемымъ человекомъ съ большимъ распятіемъ, факельщикомъ и священникомъ: это телега смерти; на ней везутъ трупы бѣдныхъ за городъ, на Campo Santo, гдѣ ихъ бросягъ въ одну изъ ямъ, которую въ эту ночь завалятъ камнемъ и запечатають на цѣлый годъ.

Но проѣзжаете ли вы мимо обелисковъ или колоннъ, мимо древнихъ храмовъ, театровъ, домовъ, портиковъ или форумовъ,—странно видѣть, какъ каждый обломокъ, гдѣ только возможно, перелитъ въ новѣйшее строеніе или приспособленъ къ нуждамъ новѣйшихъ временъ: изъ нихъ строятъ стѣны, жилища, амбары, конюшни; дѣлають употребленіе, къ которому они никогда не были предназначены, и соединяють съ вещами самыми неудобосоединяемыми. Бездна развалинъ древней мѣсто-

логія и обломковъ старинныхъ преда- ній и обычаевъ служатъ теперь покло- невію христіанскихъ алтарей.

Выглянувъ изъ одной части города за стѣны его, видишь старинную при- земистую пирамиду, въ которой поко- ятся прахъ Каія Цестія, и которая от- брасываетъ отъ себя при лунномъ свѣ- тѣ тѣнью треугольную тѣнь: въ ма- ленькомъ саду подлѣ нея могила наше- го поэта Шелли (Shelley), а еще бли- же къ пирамидѣ лежатъ кости Китса (Keats).

Страстная недѣля въ Римѣ, какъ по- лагаютъ, имѣетъ много привлекатель- наго для посѣтителей вѣчнаго города; но я бы совѣтовалъ тѣмъ, кто ѣдетъ въ Римъ собственно для Рима, избѣгать церемоній этой эпохи, за исключені- емъ только богослуженія перваго дня св. Пасхи. Церемонія вообще самая скучная и утомительная; жара и дав- ка при каждой неспосы; шумъ, тол- котия, суматоха, такъ-что можно сой- дти съ ума. Мы перестали посѣщать этого рода зрѣлища въ самомъ началѣ ихъ и снова обратились къ развали- намъ. Мы, однако, опять вмѣшались въ толпу для нѣкоторыхъ изъ любо- пытѣйшихъ церемоній, о которыхъ я долженъ нѣсколько распространиться.

Въ среду на страстной недѣлѣ мы не могли попасть въ Сикстову Капеллу, по- тому-что она была биткомъ набита на- родомъ еще прежде, чѣмъ мы пришли, а мы пришли довольно-рано; публика тамъ толкалась, жалась, спорила и шумно тѣснилась снова, когда выно- сили изъ капеллы какую-нибудь лану въ обморокъ, какъ-будто человѣкъ пятьдесятъ могло помѣститься тамъ, гдѣ она была. Надъ входомъ въ ка- пеллу, висѣлъ тяжелый занавѣсъ, и человѣкъ двадцать ближайшихъ къ нему снаружи держали его со сторо- ны въ сторону, чтобъ онъ не опу- стился совершенно и не мѣшалъ имъ слушать пѣніе Miserere. Слѣдствіемъ этого была величайшая суматоха: мно- гіе путались въ складкахъ драпировки занавѣса; иногда возмущаяся толпа вносила его на головахъ въ самую ка-

пеллу, какъ полу огромной палатки, и вытѣснялась съ нимъ назадъ, при чемъ раздавались крики и жалобные голоса.

Сидя въ нѣкоторомъ разстояніи от- туда, между двумя или тремя напси- ми камергерами, которые были очень- утомлены и считали минуты на своихъ часахъ, намъ лучше были слышны про- дѣлки съ занавѣсомъ, чѣмъ слышно пѣ- ніе Miserere. Иногда только долетал до нашего слуха печальный голосъ, которые возвышались хорошъ и ра- давались весьма-грустно и трогательно, а потомъ замирали снова въ тихіе, почти-неслышимые намъ напѣвы.

Въ другой разъ, мы присутствовали при поднятій мощей въ Соборѣ-св. Петра, что произошло между стѣною и семью часами вечера и было пораз- тельно темнотою всей церкви и бел- ною стѣншагося туда народа. Мощи выносились поочередю, тремя духо- ными сановниками и помѣщались на высокомъ балконѣ подлѣ главнаго ал- таря, который былъ только одинъ освѣщенъ; прѣла, сто - двѣнадцать лампъ горятъ постоянно у алтаря, а, кромѣ того, двѣ колоссальныя воско- выя свѣчи подлѣ черной статуи св. Петра, но это освѣщеніе ничтожно для такого необъятнаго зданія, и оно остается все въ торжественномъ пра- кѣ. Этотъ иракъ, обращеніе взгля- нца къ балкову и колѣнопреклоненіе благочестивыхъ, имѣли что-то особен- но-эффектное.

Въ четвергъ мы пошли смотрѣть, какъ папа переносилъ св. причастіе изъ Сикстовой Капеллы въ Capella Pe- olina, въ Ватиканѣ: церемонія, служа- щая эмблемою положенія во гробъ Спасителя передъ Его воскресеніемъ. Мы ждали въ обширной галереѣ видѣті со множествомъ народа, изъ котораго три четверти были Англичане, съ час- нымъ около того, пока въ Сикстовой Ка- пеллѣ опять пѣли Miserere. Галерея эта соединяла обѣ капеллы; обще- вниманіе сосредоточивалось на двери, въ которую папа долженъ былъ вой- дти съ Тѣломъ Христовымъ. Каждый разъ, что она отворялась, мы видѣли,

однако, не больше, какъ челоѣка на лѣстницѣ, который зажигалъ несметное множество лампъ; но при каждомъ отвореніи этой двери всѣ съ шумомъ устремлялись къ лѣстницѣ и къ ламповщику, въ родѣ того, какъ тяжелая британская конница бросалась въ атаку при Ватерло. Къ счастью, зажигателя лампъ, ни онъ, ни лѣстница его не были сбиты и столтаны. Наконецъ, когда зашлись всѣ свѣчи и лампы, отворилась дверь Сикстовой Капеллы, и раздавшееся изъ нея пѣніе возвѣстиво шестые его святѣйшества. Тутъ солдаты папской гвардіи раздвинули толпу и выстроились въ двѣ линіи лицомъ-къ-лицу, вдоль всей галереи; наконецъ, показавшая процессія.

Сначала шли пѣвчіе; потомъ множество духовенства попарно; каждый неся по большой зажженной свѣчѣ. Пѣніе было очень - однообразно и скучно. Процессія тихо подвигалась впередъ, въ капеллу; монотонные напѣвы продолжались, и наконецъ явился самъ папа, подъ бѣлымъ атласнымъ балахвномъ, въ полномъ облаченіи первосвященника, неся въ обѣихъ рукахъ накрытое покровомъ причастіе; кардиналы и каноники окружали его въ пышныхъ и блестящихъ костюмахъ. Солдаты гвардіи преклонили колѣни; всѣ присутствующіе низко поклонились, и онъ вошелъ въ капеллу, у дверей которой змѣтили балахвнъ бѣлымъ атласнымъ волтикомъ, распущеннымъ надъ его головой. За нимъ слѣдовало еще нѣсколько паръ духовныхъ савонниковъ, которые также вошли въ капеллу. Потомъ заперли ея двери, и все кончилось; зрители бросились къ выходу, какъ-будто дѣло шло о жизни и смерти, торопясь поспѣть на какое-нибудь другое зрѣлище.

Одна изъ любимѣйшихъ и наиболѣе посѣщаемыхъ церемоній въ церкви св. Петра—исключая воскресенія и понедѣльника святой недѣли, когда допускаются туда всѣ классы народа—та, когда папа ноетъ ногмъ тринадцать челоѣкамъ, представляющимъ двѣнадцать апостоловъ и Іуду Искариотскаго.

Она совершается въ одной изъ капеллъ собора, которую по этому случаю украшаютъ какъ-можно-роскошнѣе. Всѣ тринадцать сидятъ въ это время рядомъ, на высокой скамьѣ, и на нихъ устремлены взоры несметнаго числа Англичанъ, Французовъ, Американцевъ, Швейцарцевъ, Нѣмцевъ, Русскихъ, Шведовъ, Норвежцевъ и другихъ пришельцевъ всѣхъ народовъ. Всѣ тринадцать одѣты въ бѣлое и на головахъ ихъ бѣлыя шапки. Въ рукѣ каждаго букеть.

Такъ-какъ двѣ большія ложи, назначенныя для помѣщенія дамъ, были уже переполнены, и пробраться ближе не было никакой возможности, мы удалились вмѣстѣ съ многочисленною толпою другихъ любопытныхъ, чтобъ успѣть видѣть Тайную Вечерю, гдѣ папа, самъ своей особой, прислуживаетъ за столомъ тѣмъ же тринадцати; послѣ страшной толкотни на крыльцѣ Ватикана и нѣсколькихъ частныхъ стычекъ съ швейцарскою гвардіею, вся толпа втиснулась въ покой. То была длинная галерея, драпированная всѣмъ бѣлымъ и краснымъ, гдѣ также была устроена ложа для дамъ (онѣ обязаны являться въ такихъ случаяхъ въ глубокомъ траурѣ и носить черныя покрывала), а королевская ложа для непопавшаго короля и его свиты. Столъ, убранный какъ на бальномъ ужинѣ, стоялъ на возвышенной платформѣ у одной изъ стѣнъ галереи. Ножи и вилки были разложены на ближайшей къ стѣнѣ сторонѣ стола.

Покой былъ наполненъ мужчинами-иностранцами; народу бездна; жаръ нестерпимый, и давка по-временамъ ужасная. Она достигла высшей степени, когда вкатился сюда потокъ зрителей съ обряда омовенія ногъ: тогда раздались такіе крики и вопльсы, что отрядъ пьемонтскихъ драгунъ пришелъ на выручку швейцарской гвардіи и помогъ ей уговорить публику.

При добываніи себѣ выгодныхъ мѣстъ, дамы оказывали особенно-снѣрѣпыми. Одна знакомая мнѣ была схвачена въ далекой ложѣ какою-то

дожею барыней за талию и вытиснута со своего мѣста; другая дама, стоявшая въ заднихъ мѣстахъ ложи, улучшила свою позицію, втыкая большую булавку въ стоящихъ впереди ея зрительницъ.

Апостолы и Иуда Искариотскій явились на площадкѣ послѣ долгаго ожиданія и расположились передъ столомъ, предводительствуемые св. Петромъ; зрители долго глядѣли на нихъ, пока двѣнадцать нюхали протяжно свои букеты, а Иуда, двигая губами, какъ-будто внутренно творилъ молитву. Тогда папа, въ багряномъ облаченіи, съ бѣлою атласною скуфьей на головѣ, явился среди толпы кардиналовъ и другихъ сановниковъ; онъ взялъ небольшой золотой рукомыльникъ и плеснулъ нѣсколько воды на руки апостола Петра, тогда-какъ одинъ изъ его святи держалъ золотой тазъ, другой — тонкое полотенце, а третій — букетъ самого папы, который былъ ему на это время переданъ. Его святѣйшество исполнилъ довольно-почтѣнно обрядъ омовенія рукъ надъ каждымъ изъ тринадцати, при чемъ Иуда казался особенно-растроганнымъ: потомъ всѣ устлѣли за столъ, Петръ на первомъ мѣстѣ, а папа произнесъ молитву.

На столѣ было бѣлое и красное вино, а обѣдъ казался вообще очень-короткимъ. Кушанья были раздѣлены на порціи, для каждаго поравну; кардиналы подносили каждое блюдо папѣ на колѣняхъ, а тотъ подавалъ его тринадцати угощаемымъ. Невозможно выразить, какъ Иуда томился надъ своими кушаньями, наклонивъ голову на сторону, какъ-будто у него вовсе не было аппетита. Петръ не говорилъ ни слова ни съ кѣмъ. Кушанья состояли преимущественно изъ рыбы и зелени. Папа подавалъ также вино всѣмъ тринадцати; въ-продолженіе всей трапезы, читали евангеліе, — во чтенія никто не могъ слышать.

Ужинъ пилигримовъ, когда вельможи и знатныя дамы, въ знакъ смиренія, прислуживали пилигримамъ и отирали имъ ноги, вымытыя заранѣе, —

привлекъ также множество народа. Но изъ всѣхъ церемоніаловъ страстной недѣли ни одинъ не поразилъ меня столько, какъ церемонія Святой Лѣстницы, la Scala Santa, при которой я присутствовалъ нѣсколько разъ и которую лучше всего видѣлъ въ страстную пятницу.

Святая лѣстница эта состоитъ изъ двадцати-восьми ступеней, которыя, по сказаніямъ, принадлежали дому Пилата Понтіійскаго и по которымъ спустился самъ Спаситель, выходя изъ храмины суда. Богомольцы поднимаются по ней вверхъ не иначе, какъ на колѣняхъ; на вершинѣ ея капелла съ мощами, въ которую они заглядываютъ сквозь желѣзные рѣшетки оконъ и потомъ спускаются по двумъ боковымъ лѣстницамъ.

Въ страстную пятницу, тутъ было человекъ около ста, которые въ одно время медленно и тяжело поднимались на колѣняхъ по этимъ ступенямъ; другіе, готовившіеся подниматься, или уже спустившіеся, — были и такіе, которые были уже разъ наверху и готовились подниматься въ другой разъ, — стояли на паперти внизу, гдѣ какой-то старикъ потряхивалъ жестянымъ ящикомъ, чтобы напомнить имъ о душевнѣйшемъ денежномъ приношеніи. Большая часть этихъ богомольцевъ были мужчины и женщины простаго званія, пришедшіе, по-видимому, изъ деревень; въ числѣ ихъ было, впрочемъ, четыре или пять іезуитовъ и съ солдюжины хорошо-одѣтыхъ дамъ. Цѣлая школа мальчиковъ, человекъ въ крайней-мѣрѣ двадцать, была уже на половинѣ лѣстницы, и всѣ они очевидно наслаждались своимъ вѣществомъ. Они поднимались всѣ вѣстѣ; но остатокъ богомольцевъ давалъ имъ по возможности больше простора.

Въ свѣтлое-воскресенье, такъ же, какъ въ великій-четвертокъ, папа съѣзжаетъ своимъ благословеніемъ весь народъ съ балкона Собора-св.-Петра. Въ этотъ разъ, въ воскресенье, погода была особенно прекрасна, воздухъ чистый, благоуханный, небо удивительно

снѣе. Въ четверть былъ проливной дождь; но за то теперь всё сто фонтановъ Рима искрились какъ алмазы на свѣломъ солнцѣ. Жалкія улицы, таящіяся на пѣлыя мѣли, по которымъ мы ѣхали въ опредѣленномъ порядкѣ, поддерживаемомъ папскими драгунами, пестрѣлись такими яркими цвѣтами, что вся ветхость и дряхлость ихъ исчезла. Простой народъ ходилъ въ самыхъ щеголеватыхъ нарядахъ; люди побогаче выѣхали въ лучшихъ своихъ экипажахъ; кардиналы неслись къ церкви Рыбаря въ паравныхъ каретахъ; натянутая роскошь выставила на солнцѣ свои протертые лаврен и порыжѣлыя треугольныя шляпы; всё экипажи пѣлаго Рима были заняты варанѣе, — все стремилось на большую площадь св. Петра.

Тутъ собралось по-крайней-мѣрѣ полтораста тысячъ человѣкъ! Не знаю числа экипажей, но для всѣхъ ихъ было мѣста довольно и еще съ запасомъ. Вся широкая паперть церкви была усыпана народомъ; тамъ толпилось множество *contadini* изъ Альбано, которые особенно любятъ красный цвѣтъ; вообще, пестрая смѣсь всѣхъ костюмовъ производила удивительный эффектъ. Ниже ступеней паперти были выстроены войска, которыя издали казались цвѣтами исполнискаго цвѣтника. Угрюмые Римляне, живые и веселые поселане сосѣднихъ мѣстъ, группы богемальцевъ изъ отдаленныхъ частей Италіи, любопытные иностранцы всѣхъ націй, — все это шумѣло и жужжало на чистомъ воздухѣ, какъ рой безчисленныхъ вѣсковыхъ; а между-тѣмъ два прелестнѣйшіе фонтана били высоко надъ всѣми, отражая солнечные лучи радугами въ своихъ брызгахъ и переляхъ.

Яркій коверъ былъ навѣшенъ вдоль всего высокаго балкона, а огромное окно, изъ котораго папа являлся, было драпировано краснымъ; надъ всѣмъ балкономъ протянули наметъ, чтобъ защитить внутренность его отъ солнечныхъ лучей. Къ приближенію полудня, всѣ глаза обратились къ окну, и скорѣ

явилось у него на носилкахъ кресло, за которымъ слѣдовали исполнискія опандала изъ павлиньихъ перьевъ. Тогда папа, котораго едва можно было разсмотрѣть за высотой балкона, — всталъ и расиростеръ свои руки; тотчасъ же всѣ зрители на площади сняли шляпы и шапки, а нѣкоторые преклонили колѣни. Пушки съ Крѣпости-св.- Ангелъ отозвались громомъ своимъ; раздались грубые звуки, барабанный бой, стукъ оружія, а потомъ вся огромная масса народа раздѣлилась вдругъ на малыя кучки и разбрелась во всѣ стороны.

Какъ прекрасенъ былъ полдень, когда и мы въ свою очередь поѣхали съ площади! Тибръ пересталъ быть мутнымъ и желтымъ, но слѣбался синимъ; всѣ старые мосты какъ-будто зардѣлись свѣжимъ румянцемъ и помолодѣли. Пантеонъ съ своимъ величественнымъ фасадомъ, изрытымъ и избороденнымъ временемъ, какъ старое морщинистое лицо, будто стряхнулъ съ себя нѣсколько столѣтій. Каждая грязная и запустѣлая хижина вѣчнаго города казалась новѣе и свѣжѣе. Самая тюрьма въ многолюдной улицѣ, гдѣ толпились пѣшеходы и рыскали экипажи, даже и она какъ-будто озабрилась чуднымъ блескомъ этого дня; заключенные въ ней бѣдняки, которыхъ лица не могли высунуться на свѣтъ изъ-за толстыхъ рѣшотокъ, протягивали руки сквозь ржавыя перекладины, чтобъ насладиться хоть частичкою солнечныхъ лучей, наполнявшихъ всю улицу.

Но когда наступила лунная безоблачная ночь, большая площадь св. Петра опять наполнилась народомъ, и весь соборъ, отъ паперти до креста, освѣтился безчисленными огнями, которые обводили всѣ очерки зданія и мерцали по всѣмъ колоннадамъ, окружающимъ площадь. Когда большой колоколъ пробилъ половину восьмагаго, — разомъ, въ одно мгновеніе, масса ярко-краснаго огня разлилась отъ вершины купола до крайнихъ оконечностей креста: это было сигналомъ появленія несметнаго множества

огней, такихъ же красныхъ, ослѣпительныхъ и огромныхъ, изъ всѣхъ наружныхъ частей исполнискаго собора. Каждый карнизъ, каждая капитель, малѣйшее гѣбовое или скульптурное украшеніе обрисовались ясно и отчетливо при этомъ необычайномъ освѣщеніи; черное, массивное основаніе огромнаго купола казалось совершенно-прозрачнымъ!

На пороховая нитка, ни проводникъ электричества не могли бы передать пламя быстрѣе и внезапнѣе, чѣмъ оно разлилось въ эту вторую иллюминацію. Когда мы уѣхали съ площади и глядѣли на соборъ съ одного отдаленнаго возвышенія, два часа спустя, онъ блестялъ и горѣлъ, какъ огромный алмазъ въ тишинѣ спокойной ночи! Всѣ части его были также строго пропорціональны; ни одинъ уголъ огненныхъ линий не притупился; не пропало ни одного атома его лучезарности.

На слѣдующую ночь, втораго дня пасхи, былъ пушечъ большой фейерверкъ съ Замка-св.-Ангела. Мы наняли себѣ коннату въ одномъ изъ противоположныхъ домовъ и въ-время пробралась на мѣсто сквозь густую толпу, которая набилась на площадь и во всѣхъ ведахъ къ ней аллелухъ и до того заглушила мосьтъ черезъ Тибръ, что, казалось, онъ сейчасъ рухнетъ въ рѣку со всѣми толпившимися на немъ народомъ. Мосьтъ этотъ, по которому приближаются къ замку, украшенъ весьма-уродливыми статуями; между ними поставили большіе сосуды съ зажженною налей: пламя ея странно отсвѣчивалось на лицахъ людей и не менѣе странно на возвышавшихся надъ ними каменныхъ карриатурахъ.

Зрѣлище началось страшнымъ залпомъ изъ пушекъ. Потомъ, въ-продолженіе двадцати минутъ или получаса, весь Замокъ Св. Ангела превратился въ одну массу движущагося огня, въ лабиринтъ крутящихся огненныхъ колесъ всѣхъ цвѣтовъ, величинъ и скоростей, а между-тѣмъ ракеты взлетали къ небу — не по одной, не по десяти, а по цѣлымъ сотнямъ. Окончательный

букетъ, la girandola, походилъ на взрывъ всего массивнаго замка, только безъ дыма и пыли.

Черезъ полчаса разошлись всѣ несчетные зрители этой великолѣпной потѣхи; луна глядѣла спокойно на морщинистое отраженіе свое въ струяхъ мутнаго Тибра, и только съ полуднины мальчишекъ рыскало тамъ и сямъ, освѣщая землю передъ собою зажженными огарками, въ валежѣ поживитесь чѣмъ-нибудь обреченнымъ при такой страшной давкѣ.

Для противоположности, мы потянули послѣ всѣхъ этихъ огней, послѣ всей трескотни, въ старыи, развалившійся Римъ, чтобъ проститься въ послѣдній разъ съ Колизеемъ. Я видѣлъ его и прежде при лунномъ свѣтѣ, но въ эту ночь его страшно одиночество было въѣ всякаго описанія. Прозрачные столбы Форума; триумфальныя арки древнихъ императоровъ; огромныя груды развалинъ, которыя нѣкогда были ихъ дворцами; заросшія травой ограды, обозначавшія могилы разрушенныхъ храмовъ; камни Via Sacra (священной дороги), сглаженные слѣдами ногъ древнихъ Римлянъ, — казалось, что по всему этому печально бродятъ тѣни прежнихъ кровавыхъ правдествъ, посѣщая мертвую спелу, разграбленную алчностью; но все еще не разрушенную до тла; казалось, мертвецы дико ломаютъ себѣ руки, переселившись въ пробивающіеся вѣдѣ кусты бурьяна и травы; казалось, жалобы ихъ раздаются изъ каждой трещины и расцѣлины величавыхъ арокъ, которыя сами не болѣе, какъ гѣвъ того, что онѣ были прежде!

Отдыхая на другой день на трагѣ пустынной Campagna, на пути во Фьоренцію, и прислушиваясь къ шѣвию жворонковъ, мы увидѣли небольшой деревянный крестъ, воздвигнутый на мѣстѣ, гдѣ была умерщвлена несчастный пилигримка, баварская графиня. Мы бросили туда нѣсколько камешковъ, какъ будто для начала кургана, который послѣ воздвигнется въ ея память, подумали, не предстонтъ ли и намъ

такая же участь, и оглянулись назадъ, на Римъ.

Быстрая диорама.

Мы ѣдемъ въ Неаполь, переступивъ за порогъ вѣчнаго города, у воротъ La Giovanni Latetano, гдѣ два послѣдніе предмета, на которыхъ останавливается вниманіе отъѣзжающаго пассажира, или два первые, на которые смотритъ пріѣзжающій — гордая церковь и распадающаяся развалина, то и другое достойныя эмблемы Рима.

Дорога пролегаетъ черезъ Capriana, которая смотритъ торжественнѣе въ ясный день, какъ теперь, чѣмъ въ пасмурную погоду, подъ мрачнымъ небомъ: далекое протяженіе развалинъ видно яснѣе; солнечные лучи, пробиваясь сквозь своды полуразсыпавшихся водопроводовъ, показываютъ въ печальной дали другіе полуразрушенные водопроводы. Когда мы миновали все это и оглянулись назадъ изъ Альбано, намъ казалось, какъ-будто все темное, волнующееся пространство пустыни походило на озеро столчей воды, или на широкий потокъ безжизненной Леты, который обхватилъ стѣны Рима и отдѣлил его отъ всего міра! Какъ часто ходили встарину гордые легіоны по этой степи, которая теперь такъ безжизненна и безлюдна! Какъ часто глядѣли повикшіе духомъ плѣнники на отдаленный городъ и видѣли, какъ изъ него радостно высыпалъ народъ, чтобъ привѣтствовать возвращеніе ихъ побѣдителей! Сколько буйства, веселья, разврата и убійствъ видѣли въ полнотѣ, бѣшеномъ разгарѣ стѣны тѣхъ замысловатыхъ дворцовъ, которые теперь не больше, какъ груды мусора и разброшенныхъ обломковъ мрамора! Какой ослѣпительный блескъ огней, какой ревъ народныхъ смутъ, какой плачь олода и заразы проносился надъ долиною равниной, гдѣ теперь слышенъ только шумъ вѣтра, и гдѣ одинокія щерицы весело и безъ помѣхи играть и грѣются на солнцѣ!

Обозы съ виномъ, которыхъ каждая телега управляется оборванными крестьянникомъ, лежащимъ вдоль легкихъ навѣсомъ изъ барахлихъ шкуръ, на цыганскій образецъ, уже перестали являться, и мы съ трудомъ поднимаемся на гористыя мѣста, гдѣ растутъ деревья. На слѣдующій день, мы ѣдемъ по прекрасной дорогѣ, отгнѣненной безконечными аллеями и проведенной черезъ Понтийскія-Болота, уютительноравнинно-плоскія и пустынные, поросшія мѣстами кустарникомъ или затопленныя водою. По-временамъ проѣзжаемъ мимо одинокаго сторожеваго домика, или мимо заброшенной и заглохшей лачужки. Пѣсколко пастуховъ ѣзжаетъ на берегахъ придорожной канавы; иногда плоскодонная лодка лѣзиво танется по ней бечевой. Нередко встрѣчается всадникъ, съ положеннымъ поперекъ сѣдла длиннымъ ружьемъ, сопровождаемый сердитыми собаками; но вообще, здѣсь все мертво и движется только вѣтръ и тѣни, пока мы не очутились въ виду Террачины.

Какъ синее и свѣтлое море, натянутое свои волны подъ окнами гостиницы, столь знаменитой въ разбойничьихъ повѣстяхъ! Какъ живописны большіе утесы и пики скалъ, нависшіе надъ нашею завтрашнею узкою дорогой, гдѣ арестанты работаютъ въ каменоломняхъ наверху, а стерегущіе ихъ часовые бредятъ по заморю! Всею ночью море ропщетъ подъ мерцающимъ звѣздъ, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня перспектива вдругъ расширяется какъ-будто чудомъ, и вдали, черезъ море, виднѣтъ Неаполь съ своими островами и дышащій пламенемъ Везувій. Черезъ четверть часа, все исчезло какъ видѣніе, и опять не видать ничего, кромѣ моря и неба.

Переѣхавъ черезъ два часа неаполитанскую границу и укротивъ съ трудомъ голоднѣйшихъ изъ таможенныхъ и солдатъ пограничной стражи, мы въѣзжаемъ, черезъ безвратый порталъ, въ первый неаполитанскій городъ — Фонди. Замѣтьте Фонди, ради всего грязнаго и нищенскаго!

Возмо́жий каналъ грязи и поносевъ тянется по срединѣ жалкой улицы, на-злаженный танныи же возючиии ка-везками, которыхъ струи медленно пол-зуть изъ гадкихъ домищенъ. Во-всюкъ Фовди итъ ни двери, ни окна, ни ставни, ни крыши, ни стѣны, ни столба, которые бы не были гнилы, ветхи, полуживы. Можно подумать, что всѣ несчастныя событія, которыя пришлося вытерпѣть этому городу, со-вѣсти осадими и грабежами Барбарос-сы и другихъ, произошли не далѣе, какъ въ прошломъ году. Какъ тощія собани, шпыряющія по жалкой улицѣ, до-сихъ поръ живы и не пожраны го-лодными обывателями — это одна изъ мудренѣйшихъ задачъ въ свѣтѣ.

Люди здѣсь всѣ съ впадыми цена-ми, тощѣ, угрюмые, все нищѣ; но это еще ничего, а надобно смотрѣть на нихъ, какъ они собираются около врозжихъ путешественниковъ. Одни, до того лѣнивые, что не хотятъ сойдти съ своего крыльца, или, можетъ-быть, благоразумно не доверяя своей особы-вѣткости ступеней, вытягиваютъ изъ оновъ тощія руки и воютъ; другіе тол-дятся около насъ, дерутся между со-бою, толкаютъ другъ друга и настоя-тельно просятъ милостыни ради люб-ви къ Богу. Группа грязнѣйшихъ ребя-тишекъ, почти нагихъ, кричитъ то же-оное; но вдругъ они замѣчаютъ, что-покрытая лакомъ карета отражаетъ ихъ фигуры, и они начинаютъ ска-зать, кричаться, дѣлать гримасы, вос-тущаясь тѣмъ, что все это повторяет-ся въ ихъ импровизированномъ зерка-лѣ. Полоумный казѣка, собирающійся ударить мальчишку, котораго рѣвкіе-кряки заглушаютъ его собственныя-мольбы о подаваніи, замѣчаетъ свой-сердитый образъ на панели кареты; онъ-вдругъ останавливается разящую-руку, высовываетъ языкъ и начина-етъ усмѣхаться, качать головою и бол-тать. Пронзительный крикъ, возбуж-денный этики продавками, будитъ съ-полдюжины дакихъ фигуръ, заверну-тыхъ въ порыжѣдые и оборванные-плащи и свавшихъ на ступеняхъ цер-

ковной шаперты подлѣ разломленныхъ-для продажи горшковъ и корзинокъ. Они встаютъ, приближаются и вагло-требуютъ подаванія: «Я голодежъ. Дай-те мнѣ что-нибудь. Слушайте, signor, я голодежъ!» Потомъ отвратительная-старуха, боясь, что опоздала, ко-выляетъ по улицѣ, протянувъ одну-руку, а сама чешется во всю дорогу-другую и кричитъ залого до того, что-ее можно разслышать: «Carità! carità! Прекрасная барыня, подайте мнѣ-милостыню!» Наконецъ, мелькаютъ мимо-насъ члены благочестиваго братства, которое хоронитъ покойниковъ: всѣ-они въ маскахъ, порыжѣлыхъ чер-ныхъ одеждахъ, обитыхъ снизу и съ-пятнами многихъ грязныхъ зимъ ихъ-сопровождаетъ священникъ и кресто-носецъ. Окруженные этики призра-ками, мы выѣзжаемъ изъ Фовди: вслѣдъ намъ глядятъ зловѣщіе глаза-изъ тьмы каждой едва-живой лачуги, какъ свѣтящіяся частицы ихъ грязи-и гнилы.

Прекрасное горное ущелье съ разва-линями форта на неприступной высо-тѣ, называемаго но предавию фортами-Фра-Диаволо; старинный городъ Штри-похожій яздами на замысловатую за-тѣю кондитора и выстроенный на от-вѣсной скалѣ, на которую забараются-по длиннымъ рядамъ круглыхъ ступе-ней; прекрасный Mola di Gaeta, кото-раго вина, подобно винамъ Альбаю, выродились со времени Горации, если-допустить, что онъ зналъ толкъ въ-виѣ, чего, кажется, нельзя отвергать въ-человѣкѣ, который такъ любилъ насла-ждаться виномъ и такъ хорошо воспе-валъ его. Еще ночь на дороге, въ Santa-Агата; на другой день отдыхъ въ Ка-пуѣ, очень-живописной, но теперь-врядъ-ли столько же соблазнительной-для путешественника, какъ былъ въ-тогда для воинствъ Аннибала древній-городъ того же имени; потомъ ровная-дорога между виноградными кустами, которые тянутся красивыми гирлянда-ми и фестонами отъ дерева къ дереву:-наконецъ, вотъ и Везувій недалеко! Вершина и конусъ его подлѣ свѣтомъ;

дымъ виситъ надъ нимъ какъ густое облако въ тяжелой атмосферѣ дня. Наконецъ, мы спускаемся подъ гору и внахлываемъ въ Неаполь.

Прямо на встрѣчу намъ, вверхъ по улицѣ, тянется похоронная процессія. Тѣло, въ открытомъ гробѣ, несутъ на чемъ-то въ родѣ паланкина, покрытое яркими покровомъ, пунсовымъ съ золотомъ. За гробомъ идутъ люди въ маскахъ и бѣлыхъ одеждахъ. Но если на первый случай встрѣтило насъ зрѣлище смерти, то и жизнь имѣетъ здѣсь самыхъ дѣятельныхъ представителей: кажется, будто весь Неаполь вѣчно за дверями и безпрестанно рыскаетъ взадъ и впередъ пѣшкомъ и въ экипажахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, обыкновенные веттурино, запряжены тройкою въ рядъ; лошади покрыты пестрою сбруей, со множествомъ мѣдныхъ украшеній, и всегда несутся во весь духъ. Но потому, однако, чтобъ имъ приходилось везти легкіе грузы: въ самомъ маломъ веттурино помѣщается по крайней мѣрѣ шестеро внутри, четверо спереди, четверо или пятеро прицѣпляются сзади, да еще двое или три болтаются ввинувъ, въ сѣтѣ или кошелѣ, подвѣшенномъ подъ осью, гдѣ они едва не задыхаются отъ пыли и грязи. Шуму и движению помогаютъ еще кукольные комедіи, буффы — пѣвцы съ гитарами, рассказники повѣстей, чтецы стиховъ, бездна дешевыхъ представлений съ паяцами и фиглярами, барабанами и тубами, раскрашенными выѣсками съ изображеніемъ показываемыхъ въ балаганахъ чудесъ, и любопытные зѣваки, удивляющіеся около нихъ толпами. Оборванные лазорони дремлютъ подъ воротами, аркамы и въ канавкахъ; щегольски-разряженная знать рыщетъ въ экипажахъ по Кіаіа, или гуляетъ въ публичныхъ садахъ: уличные писцы, торча за своими конторками и чернильницами подъ портникомъ большаго театра Сан-Карло, ждутъ себѣ кліентовъ.

Вотъ, на-примѣръ, идетъ въ цѣпяхъ арестантъ, которому нужно написать письмо къ своимъ родственникамъ. Онъ подходитъ къ публичному писцу, сидѣ-

щему подъ угловою аркой, и торгуется съ нимъ, получивъ на это напередъ позволеніе отъ своего нововываго солдата, который присловляется къ стѣнѣ и zaczynaетъ щелкать орѣхи. Арестантъ диктуетъ писцу на ухо то, что ему нужно, и такъ-какъ самъ онъ не учился грамотѣ; то смотритъ ему пристально въ лицо, чтобъ прочесть во взорахъ писца, дѣйствительно ли онъ его не обманываетъ. Черезъ нѣсколько времени, арестантъ дѣлается краснорѣчивымъ и сбивается съ толку. Секретарь приостанавливается и потираетъ себѣ подбородокъ. Арестантъ предается съ жаромъ своему многословію и сопровождается его энергическими жестами. Наконецъ секретарю удается поймать идею этой болтовни, и онъ, какъ чловѣкъ, умѣющій превращать мысли въ слова, принимается писать, приостанавливаясь по-временамъ, чтобъ полюбоваться своимъ писаньемъ. Арестантъ смотритъ на него молча, а солдатъ продолжаетъ флегматически грызть орѣхи. «Не нужно ли написать еще что-нибудь? — Нѣтъ. — Ну, такъ слушай, мой другъ», и онъ читаетъ письмо отъ начала до конца. Арестантъ въ восторгѣ. Письмо сложено, адресовано, передано ему; онъ платитъ секретарю, который послѣ этого лѣниво откидывается на своемъ стулѣ и беретъ за книгу; арестантъ поднимаетъ пустой мѣшокъ; солдатъ бросаетъ орѣховыя скорлупы, взваливаетъ ружье на плечо, и они отправляются далѣе.

Зачѣмъ нищіе безпрестанно постукиваютъ себя правою рукою по подбородку, когда вы на нихъ смотрите? А зачѣмъ, что въ Неаполѣ на все есть своя пантомима и что это означаетъ голодъ. Человѣкъ, который тамъ съ кѣмъ-то спорить и кладетъ ладонь правой руки вдоль верха лѣвой, а потомъ шекаетъ обоими большими пальцами въ подражаніе движенію ослиныхъ ушей, выводитъ своего противника изъ терпѣнія и бѣситъ его до отчаянія. Двое, напр., торгуются за рыбу и покупщикъ, сказавъ свою цѣну, выворачиваетъ вообразимый карманъ жилета и ухо-

дуть, не говоря ни слова: онъ достаточно ясно далъ уразумѣть продавцу, что, по его мнѣнію, рыба слишкомъ дорога. Двое встрѣчаются въ каретѣ; одинъ, дотронувшись раза два или три до своихъ губъ, поднимаетъ къверху всѣ пять пальцевъ правой руки и потому проводитъ рукою горизонтальную черту впередъ; другой киваетъ отрывисто головою и продолжаетъ ѣхать: онъ приглашенъ на дружескій обѣдъ въ пять съ половиною часовъ и будетъ тамъ непременно.

Во всей Италіи, особенное движеніе руки, въ сгибѣ кисти, съ поднятымъ указательнымъ пальцемъ, означаетъ отказъ, единственный отказъ, который понимаютъ итальянскіе нищіе; но въ Неаполѣ пять пальцевъ служатъ особенною азбукою, изъ которой составляется плодотворный языкъ.

Все это и много продѣлокъ уличной жизни, виѣсть съ ѣдою макаронъ по вечерамъ, продажею цвѣтовъ въ продолженіе дня, нищенствомъ и воровствомъ во всѣ часы дня и ночи, можно видѣть на взморьѣ, гдѣ весело блестятъ волны залива. Но, любители и охотники живописнаго, не упускайте изъ вида грязнаго разврата, униженія и всего отвратительнаго, неразлучно связаннаго съ веселою неаполитанскою жизнью! Нехорошо находить Сент-Джайльсъ такнишъ гадкишъ, а Porta Caruana такою пріятельною. Мнѣ все-таки кажется, что въ сибгахъ и льдахъ сѣвернаго полюса больше добраго, чѣмъ подъ яркишъ солнцемъ очаровательнаго и цвѣтущаго Неаполя.

Капри—иногда омерзительный по воспоминаніямъ о Тиверіи, Исхія, Прочіа и тысячи отдаленныхъ предестей залива, лежатъ тамъ, въ синемъ морѣ, и видъ ихъ измѣняется по двадцати разъ въ день: все это или кажется близкою подлѣ рукою, или далеко, или вовсе исчезаетъ изъ глазъ, смотря по ясности или пасмурности дня. Чудеснѣйшая страна въ свѣтѣ разстилается теперь персѣдъ нами. Направнися ли мы къ миссонскому берегу великобѣннаго вода-

наго амфитеатра и поѣдемъ черезъ гротъ Позилиппо къ Собачьему-Гроту, и потомъ къ Байѣ; или пустимся другимъ путемъ, къ Везувію и Сорренто,—все это непрерывный рядъ очарованій. Въ послѣднемъ направленіи, гдѣ надъ всѣми дверьми и сводами красуются безчисленныя изображенія San Gennaro (св. Январія), который протягиваетъ руку, чтобъ остановить ярость горящей горы, мы съ удовольствіемъ ѣдемъ по желѣзной дорогѣ, вдоль прелестнаго взморья, мимо города Торре-дель-Греко, выстроеннаго на пеплѣ прежняго города, погибшаго за сто лѣтъ во время изверженія Везувія; мимо шлюскокрышихъ домовъ, житницъ и макаронныхъ фабрикъ, къ Каstellамаре, котораго разрушенный замокъ служитъ убѣжищемъ рыбакамъ и стоитъ посреди моря на грудѣ скалъ. Здѣсь кончается желѣзная дорога; но отсюда мы можемъ продолжать ѣхать вдоль непрерывно—слѣдующихъ одинъ за другимъ восхитительныхъ заливовъ, по единственныхъ мѣстоположеніямъ, спускаясь съ высочайшей вершины горы Sant Angelo до самаго взморья, между виноградниками, ольчковыми деревьями, апельсиновыми и лимонными садами, крутыми, скалистыми утесами, зелеными оврагами, по подножіямъ покрытыхъ снѣгомъ высотъ, черезъ маленькіе города, гдѣ стоятъ у дверей хорошенькія темноволосыя женщины, мимо очаровательныхъ лѣвннхъ вилокъ, къ Сорренто, гдѣ Тассъ вдохновлялся окружающими его красотами природы. На обратномъ пути, вы можете карабкаться по высотамъ надъ Каstellамаре и видѣть въ просвѣтахъ между зелеными вѣтвями деревьевъ, какъ внизу крутятся прозрачныя волны; видѣть бѣлые дома отдаленнаго Неаполя, которые въ такомъ разстояніи кажутся едва-отличительными пятнами. Возвращеніе въ городъ по взморью, при солнечномъ закатѣ, когда съ одной стороны море горитъ багровымъ отблескомъ, а съ другой темнѣется гора съ своими дымошъ и пламенемъ, — достойное заключеніе такого дня.

Церковь у Porta Caruana, — подлѣ рыбаго рынка, въ гравітѣишемъ кварталѣ гразнаго Неаполя, гдѣ началось возмущеніе Мазаньелло—замѣчательна потому - что она была сценою одной изъ первыхъ прокламацій его къ народу, и что на паперти ея несметное множество нищихъ непрерывно стучитъ себѣ по подбородку. Соборъ съ прекрасною дверью и колоннами изъ африканскаго и египетскаго гранита, украшенными вѣсегда храмъ Аполлона, заключаетъ въ себѣ застывшую кровь Сев-Дженнаро или св. Януарія: она хранится въ двухъ хрустальныхъ пузырькахъ, запертыхъ въ серебряный ковчегъ и разжижается три раза въ годъ. къ большому удивленію и казиданію народа. Въ это же самое время камень, на которомъ святой скончался мученическою смертью и который въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, слегка краснѣетъ.

Дряхлые старики, живущіе въ лачугахъ у входа въ древніа катакомбы и живущіе тамъ, повиданному, своей очередей, считаются членами страннаго братства, называющагося Королевскою Богательней и обязаннаго присутствовать при всѣхъ похоронахъ. Двое изъ этихъ древнихъ призраковъ бредутъ съ зажженными восковыми свѣчами, чтобъ показать любопытнымъ входъ въ пещеры смерти, такъ же равнодушно, какъ еслибъ они сами были безсмертны. Катакомбы эти служили кладбищемъ за триста лѣтъ. Въ одномъ мѣстѣ ихъ большая яма, наполненная костями и черепами, останками, какъ говорятъ, страшной смертности, причисленной въ Неаполѣ чумою; въ остальныхъ мѣстѣхъ ничего, кромѣ пыли. Онѣ состоятъ изъ просторныхъ корридоровъ и лабиринтовъ, высѣченныхъ въ скалѣ. Въ концѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ длинныхъ переходовъ видишь иногда неожиданные проблески свѣта, проникающіе туда сверху: они пронзаютъ странный и могильный эфементъ при блескѣ факеловъ, среди пыли и темныхъ сводовъ, какъ-будто и они мертвы и погребены.

Темерѣннее кладбище дальше, на одномъ холмѣ между городомъ и Везувіемъ. Старый Campo Santo, со своими тремя стами шестидесятью-пятью янами, употребляется только для тѣхъ, кто умираетъ въ больницахъ, тюрьмахъ, или кого нѣкому похоронить. Красное новое кладбище, недалеко оттуда, хотя еще не кончено, но имѣетъ уже между своими кустами и цвѣтами много могилъ и воздушныя колоннады. Многіе могутъ сказать, что нѣкоторыя изъ памятниковъ слишкомъ вычурны и причудливы, но затѣмъ всеобщій блескъ природы оправдываетъ такой вкусъ, который во всякомъ другомъ мѣстѣ показался бы неумѣстнымъ.

Если Везувій страшенъ и величественъ, когда глядишь на него отсюда, изъ новаго жилища мертвецовъ, то онъ несравненно торжественнѣе, съ своимъ чернымъ дымомъ, если смотрѣть на него отъ могильныхъ развалинъ Геркулана и Помпеи!

Стоя на большой рыночной площади Помпеи и глядя сквозь арки разрушенныхъ храмовъ Юпитера и Нимфы, черезъ верхіа развалины домовъ, которыхъ таинственнѣйшія саатилаща теперь открыты взорамъ провановъ, на Везувій, свѣтлый и снѣжный въ тихомъ отдаленіи, — теряешь счетъ времени и незольно погружаешься весь въ странное и печальное созерцаніе губителя и погубленнаго, смѣшавшихся въ прекрасную, спокойную картину. Потомъ, идучи далѣе, видишь на всякомъ шагу разныя мелочи, остатки ежедневной жизни, которыя свидѣлствуютъ какъ-будто о недавней обитаемости этой почвы: ва-примѣръ, на каменной закраинѣ давно-мскохнаго колодца, слѣды веревки, протершей въ немъ желобокъ, когда изъ него ведромъ доставали воду, слѣды колесъ на мостовой улицъ, каменія пролитыхъ напнтковъ на каменномъ залавѣхъ внюторговли; кувшины частныхъ погребовъ, убранные за столько столѣтій и нетронутые до-сихъ-поръ, все это дѣлаетъ одинокость и мертвенность по-

гибшаго города въ тысячу разъ поразительнѣе, чѣмъ еслибъ volcano въ ярости своей свесъ его съ лица земли и утопилъ на днѣ морскою.

Когда Помпею потрясло подземнымъ ударомъ, предшествовавшимъ пагубному нверженію, каменотесы наскрѣпали изъ камня новыя украшенія, взаимнѣ обвалившихся, для храмовъ и другихъ зданій, которые тогда пострадали. Вотъ ихъ работа, за городскими воротами, какъ-будто они оцѣль прійдутъ сюда завтра и снова пріймутся за рѣзцы и молотки.

Въ погребѣ дома Діомиды, гдѣ нашли у самой двери нѣсколько скелетовъ, виднѣтъ отпечатокъ тѣлъ ихъ на волѣ, которая потомъ отвердѣла, между-тѣмъ, какъ внутренности и мясо тѣлъ истлѣли внутри ея совершенно, а остались однѣ только кости. Такъ точно на театрѣ Геркулана комическая маска, плававшая на горячемъ и еще жидкомъ потокѣ лавы, отпечатала на немъ свои черты, которыя сохранились, когда лава превратилась въ твердый камень: теперь она показываетъ свое фантастическое лицо иностранцу, какъ за двѣ тысячи лѣтъ оно показывалось зрителямъ этого самаго театра.

Послѣ прогулки по улицамъ, домамъ и всѣмъ тайникамъ храмовъ давно исчезнувшей съ лица земли религіи, встрѣчая безпрестанно какіе-нибудь свѣжіе слѣды самой отдаленной древности, какъ-будто время остановилось послѣ этого страшнаго, губительнаго удара, и больше не было ни дней, ни ночей, ни годовъ, ни столѣтій—ничто не поражаетъ столько, какъ доказательства проникательнаго свойства волны, которая съ неотразимою силой всѣмъ овладѣла. Въ винныхъ погребахъ, на-примѣръ, она наполнила собою всю глиняную посуду, вытѣснивъ вино и наполнивъ ихъ цылью до краевъ. Въ гробницахъ, она выжала вонъ пепель изъ погребальныхъ урнъ и насыпалась въ нихъ сама. Рты, глаза, черепы скелетовъ набиты плотно этою страшною начинкой. Въ Геркуландѣ, гдѣ разрушительный элементъ

былъ другаго и болѣе-тяжелаго свойства, онъ затопилъ все, какъ море. Вообразите себѣ наводненіе, достигшее наибольшей своей высоты и превратившееся въ ираморъ — вотъ то, что здѣсь называютъ лавой.

Нѣсколько работниковъ рыли угрюмый колодезь, у входа въ который мы теперь стоимъ, и заступы ихъ остановились на каменныхъ скамьяхъ театра—они нашли погребенный городъ Геркуландъ. Спустился внизъ съ зажженными факелами, мы были поражены стѣнами чудовищной толщены, которыя поднимаются между скамьями, загораживаютъ сцену, выставляютъ свои безобразныя формы въ самыхъ несвойственныхъ мѣстахъ и перемѣшиваютъ все, какъ въ безпорядочномъ снѣ. Сначала мы не можемъ вѣрить, ни представить себѣ, что это вкатилось сюда и залило цѣлый городъ; что все, чего здѣсь нѣтъ, вырублено изъ отвердѣвшей какъ крѣпкій камень массы. Но, поглядевъ и сообразивъ все, невозможно не предаться самымъ невыразимо-ужасительнымъ размышленіямъ.

Живоньса, украшающая стѣны многихъ безкрышыхъ помещений обоевъ городовъ, или съ большою осторожностью перевезенная въ неаполитанскій музей, свѣжа и нова, какъ-будто стѣны эти только вчера были расписаны. Тутъ изображены разные предметы спокойной домашней жизни, на-примѣръ: стѣнные припасы, личина, кушныи, стаканы и т. п., сюжеты изъ обществѣннхъ классическихъ исторій, или изъ мифологіи, но все выражено просто и отчетливо; купидоны, играющіе и ссорящіеся между собою, или занятые какими-нибудь работами, театральныя воспоминанія; поэты, читающіе свои произведенія друзьямъ; тутъ видны надписи мѣломъ на стѣнахъ политическія шутки, или объявления, или негнрные рисунки школьникоу, словомъ, тутъ все, что только можетъ оживить и населить въ фантазіи удивленнаго посѣтителя погибшаго, безжизненнаго мѣста. Тутъ видишь убогую мебель всякаго рода — диваны, стулья,

постели, столовую и кухонную посуду, ронесловенныя орудія, хирургическіе инструменты, театральныя костюмы, монеты, нарядныя уборы, связки ключей въ костлявыхъ рукахъ скелетовъ, шлемы стражей и воиновъ, домашніе колокольчики, которые звонятъ теперь тѣмъ же звономъ, что и старину...

Самыя незначительныя изъ этихъ предметовъ усиливаютъ замѣчательность Везувія и облачаютъ его совершенно волшебнымъ и сверхъестественнымъ обликомъ. Когда глядишь изъ этихъ разрушенныхъ городовъ на сосѣднія земли, поросшія прекрасными виноградниками или роскошными деревьями, и вспомнишь, что дома за домами, храмы за храмами, владія за владіями и улицы за улицами покоятся еще и теперь подъ корнями спокойной растительности, ожидая своей очереди показаться на Божіи свѣтъ, — воображеніе невольно поражается дивною таинственностью судьбы, и Везувій становится грознымъ гениемъ сцены. Отъ каждаго остатка погубленныхъ или вѣкогда живыхъ, обитавшихъ и окруженныхъ жизнью предметовъ, мысль и взоръ невольно переносится къ его дыму, поднимавшемуся черными клубами къ небесамъ. Онъ передъ нами, когда мы бродимъ по мертвымъ улицамъ; надъ нами, когда мы стоимъ на разрушенныхъ стѣнахъ; онъ видѣнъ во всякомъ просвѣтѣ, между колоннами нарваши, сквозь даждую трещину стѣнъ и ограды пустыхъ строеній, между гирляндами и листьями каждаго причудливаго винограднаго куста. Отойдя къ Пестуму, чтобы видѣть громадную владію, изъ которыхъ самое молодое выдвинуто за цѣлыя столѣтія до Р. Х. и которая высится и теперь въ одинокомъ величій надъ пораженной злокачественными испареніями равниною, — опять невольно обращаешься къ Везувію, олицетворенному року этихъ странъ, который какъ-будто выжиласть новаго страшнаго случая къ опустощеніямъ.

На солнцѣ было очень-тепло, когда мы возвращались изъ Пестума, хотя въ тѣни температура была очень-прохладна; но солнце сіяетъ ясно; на северѣ небѣ нѣтъ ни облачка, и въ эту ночь будетъ полнолуніе. Ничего, что свѣтъ и лѣдъ лежатъ густыми пластами на вершинѣ Везувія; ничего, что мы проходили пѣшкомъ цѣлый день и что злобшіе предостерегатели удерживаютъ, будто-бы иностранцамъ не должно бывать на гортъ въ ночное время, въ равнину весеннюю пору: мы воспользуемся прекрасною погодою и отправимся въ Розину, деревушку на подошвѣ горы; приготовимся добрыми какъ-можно скорѣе до дома путешественниковъ, и пусть закаты солнца встанутъ на насъ на половинѣ горы, полная луна на самомъ верху, и полночь, когда мы будемъ спускаться!

Въ четыре часа по полудни страшная суматоха на маленькомъ дворѣ и въ конюшняхъ синьора Сальваторе, верховнаго вожатая съ золотымъ галуномъ на околышѣ шапки; тридцать человекъ проводниковъ ниспаго разряда суетятся, толкаются, кричатъ, бранятся безъ отдыха: они сдѣлаютъ съ полдюжины лошадокъ, готовятъ трое носилокъ и нѣсколько здоровыхъ шестовъ, все для всхода путешественниковъ на Везувій. Каждый изъ тридцати ссорится съ двадцатью-девятью остальными и пугаетъ бѣдныхъ четвероногихъ; все, что только можетъ вѣсниться на дворикъ синьора Сальваторе изъ остальныхъ обитателей деревушки, толпится тутъ и принимаетъ дѣйтельное участіе въ шумѣ, побранкахъ и суматохѣ.

Послѣ сильныхъ споровъ, громкихъ ругательствъ и такого шума, какъ-будто Неаноль берутъ приступомъ, процессія трогается въ путь. Начальникъ проводниковъ, которому заплачено за всѣхъ, ѣдетъ впереди, въ нѣкоторомъ разстояніи; остальные тридцать идутъ пѣшкомъ; вторымъ изъ нихъ несутъ носилки, которые споры понадобятся, а прочіе двадцать-два не-

оступно надобѣдаютъ своимъ попростотамъ.

Нѣсколько времени подвигаемся мы постепенно по каменнымъ проходамъ, похожимъ на грубо-исѣченные широкія крыльца. Наконецъ, оставя ихъ и красующіеся по обѣ ихъ стороны виноградники, мы выходимъ въ мѣста горы, бесплодныхъ, гдѣ лава видѣется всюду огромными ржавыми массами; кажется, будто здѣсь земля была шариата громовыми ударами. Мы приостанавливаемся, чтобъ видѣть закатъ солнца, который разливаетъ красные лучи свои на всю эту пустыню; потомъ, румянецъ зари мало-по-малу темнѣетъ и наступаетъ ночь, торжественная, безмолвная, невыразимая, незабвенная!

Уже было совершенно-темно, когда, послѣ многихъ изворотовъ, мы очутились у подножія конуса, гдѣ вся наша партія свѣсилась; онъ чрезвычайно-крутъ, и съ этого мѣста кажется, будто онъ поднимается вертикально. Единственный слабый свѣтъ отражается свѣгомъ, глубокимъ, твердымъ и бѣлымъ, покрывающимъ весь конусъ; воздухъ провзательнѣе-холодный. Проводники наши не взяли съ собою факеловъ, зная, что луна взойдетъ прежде, чѣмъ мы достигнемъ вершины. Двое носилокъ предназначены двумъ дамамъ нашей экспедиціи, а третья одному тяжеловѣсному господину, который присоединился къ намъ изъ любезности; его несутъ пятнадцать чело-вѣкъ, а для каждой изъ дамъ по полдюжины носильщиковъ. Мы, вѣсеходы, вооружаемся посохами, и такимъ образомъ всѣ трогаются дальше, и начинается трудное восшествіе по свѣту.

Мы поднимаемся вверхъ долго; глаза проводниковъ смотрятъ недовольными глазами на одного изъ общества, на Итальянца, хотя и хорошо знакомаго съ Везувіемъ, когда тотъ замѣчаетъ, что такъ-какъ зола покрыта въ теперешній морозъ свѣгомъ и льдомъ, то трудно будетъ спускаться. Вниманіе наше устремлено на носилки, авто-

рыхъ движенія неправильны, смотри потому, на что ступаютъ носильщики, которые по-временамъ скользятъ и спотыкаются; особенно страшно смотрѣть на тяжелого господина, который кажется весь въ ракурсѣ.

Восходъ луны оживляетъ угонленныхъ носильщиковъ. Поощряя друга друга обычнымъ ободреніемъ: «свѣтъ! друзья! будутъ макароны!» она ретиво лѣзетъ въ гору.

Сначала, лунный свѣтъ показался только узкою, блестящею полоскою на закраинѣ вершины горы; но мало-помалу онъ-равнился по всему бѣлому скату ея, заигралъ на прозрачной водѣ залива и обозначилъ дали весь Неаполь съ окрестными деревнями. При этомъ очаровательномъ освѣщеніи, мы поднимаемся на площадку вершины, въ царство огня, на стоицившійся кратеръ, образуемый огромными массами камней и пепла; изъ каждой трещины, изъ каждой щели выходятъ жаркій, сѣристый дымъ, между-тѣмъ, какъ изъ другого конического холма, который поднимается утесомъ на концѣ площадки, вырываются страшные клубы пламени и черного дыма, огренинаго его багровыми отблесками; среди его мелькаютъ раскаленные до красна камни и куски пемзы, которые взлетаютъ въ воздухъ какъ перья и падаютъ какъ массы свинца. Какими словами выразить страшное величіе этой картины!..

Истерзанная почва подъ ногами, дымъ, удрушительный сѣрый занозъ, страхъ провалиться въ какую-нибудь трещину, остановка за какими-нибудь товарищемъ, котораго не доискиваемся въ темнотѣ, потому-что густой дымъ совершенно заслонилъ луны, истеричный шумъ тридцати проводниковъ и тришлый ревъ горы, — все это вмѣстѣ оглушаетъ до того, что нельзя въ силахъ стоять на ногахъ. Но, притачивъ дамъ черезъ площадку и черезъ другой потухшій кратеръ и подвожію жерла теперешняго вулкана мы приближаемся къ нему съ противоположной стороны, садимся на

горячей золой и молча смотримъ вверхъ: дѣйствія внутри конуса намъ невозможно видѣть, потому-что край его теперь на сто футовъ выше, чѣмъ онъ былъ за шесть недѣль тому назадъ.

Пламя и ревъ волкана имѣютъ въ себѣ что-то особенное, порождающее непреодолимое желаніе приблизиться. Мы не въ силахъ утерпѣть, и двое изъ насъ, въ сопровожденіи главнаго проводника, принялись карабкаться вверхъ на рукахъ и колѣнахъ, чтобъ попытаться заглянуть во внутрь кратера; между-тѣмъ, остальные тридцать проводниковъ поднимаютъ страшный вопль и кричатъ намъ въ голосъ, что предпріятіе наше опасно: они зовутъ насъ назадъ и пугаютъ до сумасшествія остальное общество.

Крики ихъ, дрожаніе тошкой коры, окружающей клокочущее жерло, которая того-и-гляди треснетъ подъ нами и мы исчезнемъ въ огненной пропасти (въ чемъ заключалась главная опасность нашей попытки); пламя, вылетававшее клубами намъ прямо въ лицо; дождь раскаленной до красна золы и захватывавшіе дыханіе дымы и сѣрные газы—все это отуманивало и ошеломяло насъ. Но все-таки мы добрались до завранны и заглянули на одно мгновеніе въ адъ клокочущаго огня. Потомъ мы скатились внизъ, черные, опаленные, одурманенные, оборванные.

Кому не случалось читать тысячу разъ, что самый легкій способъ спуститься съ конуса—это скользить внизъ въ золой, которая накопляется подъ ногами и уменьшаетъ скорость движенія; но, перейдя на обратномъ пути черезъ оба потухшіе кратера и очутившись на краю крутаго спуска, мы не нашли никакого слѣда золы, какъ намъ предсказывалъ тотъ изъ нашихъ спутниковъ, котораго мы назовемъ мистеромъ Пиклемъ изъ Портчи, и который навлекъ на себя отиизъ замѣчаніемъ недовольный взглядъ главнаго проводника: весь скатъ былъ покрытъ гладкимъ льдомъ.

Т. LI. — Отд. VIII.

Что тутъ дѣлать! человекъ десять или двѣнадцать изъ нашихъ проводниковъ осторожно берутся за руки и составляютъ изъ себя цѣпь; передовые пробиваютъ какъ могутъ окованными пальцами своими грубую тропинку во льду, и мы готовимся слѣдовать за ними. Спускъ страшно-крутъ, а потому дамъ вынимаютъ изъ носилокъ и каждая изъ нихъ помѣщается между двумя человекѣми самыхъ опытныхъ и осторожныхъ изъ нашихъ крикуновъ, между-тѣмъ, какъ другіе придерживаютъ ихъ сзади за платья, чтобъ онѣ не упали впередъ. Толстаго господина также уговариваютъ отказаться отъ носилокъ; но онъ и слышать объ этомъ не хочетъ, основываясь на томъ, что, вѣроятно, его пятнадцать носильщиковъ не повалятся всѣ разомъ, а слѣдственно ему безопаснѣе положиться на нихъ, чѣмъ на свои собственные ноги.

Такимъ порядкомъ начинаемъ мы спускаться то на ногахъ, то скатываясь по льду, но гораздо-медленнѣе и спокойнѣе, чѣмъ шли вверхъ, и въ безпрестанномъ опасеніи, чтобъ кто-нибудь не полетѣлъ сзади и не спшибъ съ ногъ передовыхъ. Носилкамъ нѣтъ возможности быть впередъ, потому-что нужно еще прокладывать дорогу; тяжеловѣсный господинъ, котораго носильщики безпрестанно спотыкаются или скользятъ, и котораго ноги болтаются въ воздухѣ надъ нашими головами, держитъ всѣхъ въ постоянномъ страхѣ. Мы прошли нѣкоторое разстояніе безъ всякихъ особенныхъ приключеній, хотя каждому случилось поскользнуться и упасть по нѣскольку разъ, какъ вдругъ мистеръ Пикль изъ Портчи, только-что начиная удивляться такому необыкновенному счастью, спотыкается, падаетъ и катится кубаремъ внизъ по всему скату конуса! Онъ имѣлъ столько присутствія духа, что не ухватился ни за кого и не увлекъ никого за собою.

Мы глядѣли на него сверху, и при лунномъ свѣтѣ, онъ казался ядромъ, катящимся по бѣлому льду. Почти въ тотъ же моментъ раздается крикъ сзади:

VIII.

дорогамъ, что
 Монте-Кассин
 лсокомъ утесъ,
 (жермано, и те
 въ туманнаго ут
 ну приближаемъ
 въ колокола нос
 тройномъ возду
 мся къ монасты
 :кѣ, на мулахъ,
 ничего, кромѣ
 ый движется на
 важно, какъ по
 . Наконецъ, по
 ромада званія;
 и его обрисовы
 среди густыхъ
 въ черныя тѣни
 :дъ по четвероу
 коло статуй свя
 дра и сестры ег
 . между древни
 въ, который ка
 щему колоколу. |
 смотреть! Трудн
 го хитреца, кото
 себя больше дом
 , стоящій тепер
 юй, наклонивъ г
 творясь, будто
 гую сторону, тог
 ь того, внимате
 ѣтителей и слуш
 шимъ напряжен
 ковымъ кажется
 въ привратникъ!
 Какъ воздвиглось
 роеніе на такой вы
 камня, мрамора и
 ояжена съ велича
 :дъ, будучи вѣско
 :ево, выжжено, пот
 :вѣлими, оно возобн
 :двиль и сдѣвалось о
 :ды его видимъ, съ
 :вышно-убранною ц
 :вопросы воровъ о
 :карканьемъ, привѣ
 :дущихъ въ ворот
 :орзвнами. Кресты
 :очень-жалкими, и,
 :не вѣжественны до не

становится средоточіемъ общаго интереса. Мальчикъ былъ уже злѣсь и одѣтъ для своей роли; одежда на немъ темнаго цвѣта и въ обтяжку, съ одними только лѣвыми рукавомъ, а правая рука остается голою до плеча, въ совершенной готовности опуститься въ таинственное хранилище.

Среди молчанія и тихаго шопота въ залѣ, всѣ смотрятъ съ глубокимъ любопытствомъ на юнаго жреца Фортуны. Многіе развѣдываютъ, сколько ему лѣтъ отъ роду, съ намѣреніемъ воспользоваться этимъ числомъ для слѣдующей лотереи; много ли у него братьевъ и сестеръ; какихъ лѣтъ его отецъ и мать; есть ли у него на лицѣ родимыя пятнышки или ямочки; гдѣ они и сколько ихъ, и тому подобное. Но вотъ является предпоследній судья: это маленький старичекъ, котораго всѣ боятся за его дурной глазъ; при видѣ его раздался общій ропотъ, но вниманіе присутствующихъ развлечено приходомъ священника, который идетъ къ своему мѣсту, въ сопровожденіи мальчика, несущаго его духовное облаченіе и сосудъ со святою водою.

Наконецъ, явился послѣдній судья и занялъ свое мѣсто за полукруглымъ столомъ!

Слышенъ ропотъ общаго, неукротимаго волненія, среди котораго священникъ облачается. Послѣ этого онъ произноситъ шопотомъ молитву, и, обмывъ кисть въ сосудъ святой воды, окропляетъ ею ящичъ и мальчика, которые оба поднимаются на столъ для принятія благословенія. Мальчикъ остается на столѣ, а ящичъ поднимается служителемъ, который держитъ его обѣими руками надъ головою и похваливаетъ публичъ съ края площадки; онъ весело потряхиваетъ имъ, какъ будто говоря: — Смотрите, господа, тутъ нѣтъ обмана!

Наконецъ, ящичъ поставленъ передъ мальчикомъ, и онъ, поднимъ напередъ-обнаженную руку вверхъ, запускаетъ ее туда въ отверстіе, продоланное въ крышкѣ; онъ вынимаетъ билетикъ съ номеромъ, навернутый на

что-то твердое, который отдастъ ближайшему подлѣ себя судѣ. Тотъ развертываетъ его нѣсколько и передаетъ президенту, подлѣ котораго сидитъ. Президентъ развертываетъ его окончательно, очень-медленно, при чемъ саро Iazzagone наклоняется ему черезъ плечо; потомъ президентъ показываетъ развернутый билетикъ трибуну, и тотъ, взглянувъ на него съ жадностью, восклицаетъ громкимъ и рѣзкимъ голосомъ: «Sessenta due!» (шестьдесятъ-два), выражая послѣднюю цифру пальцами. Увы! Саро Iazzagone поставилъ свою ставку не на этотъ номеръ. Лицо его выгибается, а глаза дико блуждаютъ вокругъ.

Послѣ этого вынимаются всѣ остальные билетики; по-дѣрѣ-того, какъ это дѣлается, лицо саро Iazzagone выгибается болѣе и болѣе, потому-что онъ, повидимому, рассчиталъ какъ-нибудь лучше выборъ своего номера; наконецъ, когда вышелъ послѣдній номеръ и все-таки не его, онъ всплескиваетъ руками и поднимаетъ глаза къ потолку съ выраженіемъ горькаго упрека, обращеннаго къ его святому патрону, за то, что онъ такъ жестоко наивилъ его надеждамъ. Надѣюсь, что саро Iazzagone не откажется за это отъ какой-нибудь попытки на выигрышъ.

Кто выигравшіе—неизвестно никому; вѣроятно, они не присутствовали при тиражѣ. Жаль было смотрѣть на грусть ошибившихся въ расчетъ бынаковъ: проходя черезъ дворъ, они казались такими же унылыми, какъ арстанты, выглядывавшіе на нихъ изъ за рѣшетокъ тюрьмы, которая тамъ принадлежить къ этому зданію; или какъ облонки чловѣческихъ голосъ, болтающихся снаружи на цѣпяхъ, въ воспоминаніе добраго стараго времени, когда владѣльцы ихъ были тутъ названы для назиданія своихъ окружающихъ.

Мы выѣжаемъ изъ Неаполя на великолѣпномъ разсвѣтѣ чуднаго дня, по дорогѣ въ Капуу; потомъ протраствуемъ два три на арстанты

пыль дорогамъ, чтобъ видѣть монастырь Монте-Кассино, выстроенный на высокомъ утѣсѣ, надъ городкомъ Сан-Джермано, и терпящійся въ облакахъ туманнаго утра, въ которое мы къ нему приближаемся.

Гулъ колокола носится таинственно въ спокойномъ воздухѣ, пока мы подвигаемся къ монастырю по извилистой дорожкѣ, на мулахъ, а между-тѣмъ не видно ничего, кромѣ сѣраго тумана, который движется надъ нами медленно и важно, какъ погребальная процессія. Наконецъ, передъ нами шумная громада зданія; сѣрыя стѣны и башни его обрисовываются какъ призраки среди густыхъ паровъ.

Двѣ черныя тѣни бродятъ взадъ и впередъ по четверугольной площадкѣ, около статуй святаго патрона монастыря и сестры его; а за ними прыгаетъ между древними арками ручноі воронъ, который каркаетъ въ отвѣтъ гудящему колоколу. Какимъ іезуитомъ онъ смотритъ! Трудно найти вкрадчиваго хитреца, который бы чувствовалъ себя больше дома, чѣмъ этотъ воронъ, стоящій теперь у дверей затрапезной, наклонивъ голову на бокъ и притворясь, будто онъ смотритъ въ другую сторону, тогда какъ, напротивъ того, внимательно разглядываетъ посѣтителѣ и слушаетъ ихъ рчи съ большимъ напряженіемъ. Какимъ безтолковымъ кажется въ сравненіи съ нимъ привратникъ!

Какъ воздвиглось это необычайное строеніе на такой высотѣ, куда доставка камня, мрамора и желѣза была сопряжена съ величайшимъ трудомъ? Какъ, будучи нѣскольکو разъ разграблено, выжжено, потрясено землетрясеніями, оно возобновилось изъ развалинъ и сдѣлалось опять такимъ, какъ мы его видимъ, съ величолѣпною и пышно-убранною церковью? На эти вопросы воронъ отвѣчаетъ своимъ карканьемъ, привѣтствуя крестьянъ, идущихъ въ ворота съ ношами и корзинами. Крестьяне эти кажутся очень-жалкими, и, по обыкновенію, невѣжественны до нелзя: они просятъ

милостыни, пока монахи поютъ въ часовнѣ — на это имъ опять отвѣчаетъ воронъ своимъ карканьемъ, лукаво поводя глазами.

Пусть онъ-жаркается и поводитъ глазами у монастырскихъ воротъ, а мы снова спустимся внизъ, сквозь густыя облака. Вышедъ изъ нихъ, мы въ виду деревни, которая далеко внизу, и названной зеленѣющей страны, пересѣкаемой ручейками и рѣчками: все это пріятно видѣть послѣ мрака и пасмурности угрюмаго монастыря.

Мы опять ѣдемъ дальше, по грязнымъ дорогамъ, черезъ самыя жалкія и едва живыя деревушки, гдѣ ни въ одной лачугѣ нѣтъ цѣлаго окна, ни на одномъ жителѣ цѣлой одежды, ни малѣйшаго признака сѣбстваго въ дражныхъ лавочкахъ. Женщины носятъ ярко-красныя корсеты, зашнурованные спереди и сзади, бѣлыя юбки и неаполитанскій головной уборъ изъ сложеннаго четверугольникомъ холста: уборъ этотъ первоначально предназначался для того, чтобъ было удобнѣе носить тяжести на головѣ. Мужчины и дѣти облачены во все, что они могутъ найти. Солдаты такъ же грязны и такъ же жадны, какъ одѣшнія собаки. Гостиницы — такія заколдованныя мѣста, что онѣ гораздо-заваннѣе и привлекательнѣе лучшихъ парижскихъ отелей. Есть, наприимѣръ, одна въ Вальмонтоне, къ которой приближаются черезъ трясину глубиною почти до колѣна. Внизу кака-то дикая колоннада; темный дворъ, наполненный пустыми конюшнями и сараями, и предлинная кухня съ длиннѣйшею скамьею и такимъ же столомъ, гдѣ толпятся вокругъ огня партія путешественниковъ съ двумя монахами въ серединѣ, пока имъ готовится ужинъ. Поднявшись по лѣстницѣ въ верхній этажъ, очутишься въ сложеной изъ кирпичей галереѣ, съ весьма-маленькими окнами, въ которыя вставлены осколки пузырчатыхъ стеклышекъ; всѣ выходящія изъ нея двери — а ихъ дюжинъ около двухъ — давно уже не держатся на петляхъ; голая доска на

возлахъ служить вмѣсто стола, за которыми человекъ тридцать могутъ удобно обѣдать; каминъ въ ней величавою съ добрую комнату, а когда втрещать на его огнѣ пуки соломы и хвороста, то пламя осѣщаетъ самыя сверхъестественныя и уродливыя фигуры, нарисованныя углемъ по бокамъ его предыдущими путешественниками. На столѣ горитъ неровнымъ огнемъ простая деревенская лампадка, а вокругъ него суетится безъ устали желтая карлица, которая безпрестанно чешетъ себѣ голову и поднимается на дыпочки, раскладывая изуродованные в тупые ножи и привскакивая, чтобъ заглануть въ глиняные кувшины съ водою. Кровати въ сосѣднихъ комнатахъ самой ненадежной конструкции. Въ цѣломъ домѣ вѣтъ идеи зеркала, а ушывальный приборъ тождественъ кухонной посудѣ. Но желтая карлица ставитъ на столъ добрую флагу превосходнаго вина, и, въ числѣ полдюжины другихъ кушаній, двѣ трети жаренаго козленка, отъ котораго поднимается горячій паръ. Она столько же добродушна, сколько грязна, — а это много. И такъ, пьемъ изъ флаги за здоровье карлицы, и да благоденствуетъ ея заведеніе!

Оставя Римъ въ другой разъ за собою, а съ нимъ пилигримовъ, возвращающихся въ дома свои — каждый съ неважбъимымъ посохомъ и деревянную чашкою, съ просьбою о подавни, ради любви къ Богу, — мы подѣзжаемъ по прелестнымъ мѣстоположеніямъ къ водопадамъ Терни, гдѣ вся рѣка Велино стремится внизъ съ скалистой высоты, среди блестящей пѣны и радужныхъ брызговъ. Перуджіа, сильно укрѣпленная природою и искусствомъ, на высотѣ, поднимающейся отвѣсно съ равнины, гдѣ пурпуровыя горы рисуются на отдаленномъ горизонтѣ — блеститъ яркими цвѣтами въ рыночный день. Пестрота эта выставляется какъ нельзя лучше ирачными, но богатыя готическія зданія. Помость рыночной площади усыпана разными деревенскими произведеніями. По все-

му скату крутаго холма, гдѣ видѣть дорога къ городу, подъ стѣнами его, происходитъ шумная продажа телятъ, барановъ, свиней, лошадей, шудовъ и быковъ. Гуси, куры и индѣйки сѣло хлопчоту подъ самыми копытами четвероногихъ; а покупщики, продавцы и зрители толпятся вездѣ и загораживаютъ дорогу, по которой мы съ шумомъ скатываемся на нихъ.

Вдругъ слышимъ металлическій звукъ подъ ногами нашихъ лошадей. Почтальионъ останавливаетъ ихъ. Опустившись въ сѣдлѣ и возведя глаза къ небу, онъ восклицаетъ: «О Юпитеръ всемогущій! одна лошадь потеряла подкову!»

Онъ взиралъ на это страшное вѣдствіе и на отчаянные взгляды и жесты, къ которымъ способенъ только итальяскій веттурино, на съ въ непродолжительномъ времени выручилъ смертный кузнецъ, и мы достигли помощію его Кастильиове въ ту же ночь, и Аренцо на другой день. Разумѣется, что въ прекрасномъ соборѣ ея служили обидно; солнце посылало во внутрь храма лучи свои, между колоннадами, сквозь росписныя окна, полускрывая въ тѣни, полуобнаруживая стоявшія на колоннахъ фигуры.

Но сколько красоты совершенно другаго рода открывалась нашимъ глазамъ, когда, въ ясное утро, мы смотримъ съ высоты холма на Флоренцію! Вотъ она передъ нами, въ осѣщенной солнцемъ долиинѣ, свѣтлая своимъ выющимся Арно, закрытая со всѣхъ сторонъ красивыми холмами: куполы, башни, дворцы ея поднимаются блестящими массами изъ среды роскошной страны и сіяютъ на солнцѣ какъ золото!

Великолѣпно-серьезны и ирачны улицы прекрасной Флоренціи! Крикія старинныя зданія ея отбрасываютъ отъ себя густыя тѣни на землю рыку. Чудные дворцы, выстроеныя для обороны въ смутныя времена, съ малѣйшими, недовѣрчивыми окнами, которыя защищены тяжелыми желѣзными рѣшотками, и съ толстѣйшими стѣна-

ни, сложенными изъ грубыхъ, массивныхъ камней, — смотреть нахирусь, въ угрюмомъ величіи, на каждую улицу. Въ серединѣ города, на Площади Великаго-Герцога, украшенной прекрасными статуями и фонтаномъ Нептуна, — возвышается Palazzo Vecchio, съ огромными нависшими бойницами и Вольшою-Башней, которая стережетъ весь городъ. На дворѣ его, достойномъ замка Отранто по своей обширности и мрачности, видѣнъ массивный подъездъ, по которому можетъ подняться самый тяжелый экипажъ, запряженный самыми дюжими лошадьми. Большая зала дворца сохранила еще на стѣнахъ своихъ, полинялыхъ и обсыпавшихся, живопись, изображающую торжества фамиліи Медичи и войны старинныхъ Флорентинцевъ. Тюрьма близехонько подлѣ, на сосѣднемъ дворѣ зданія — старое и печальное мѣсто, гдѣ нѣсколько чело-вѣкъ заперто накрѣпко въ тѣсныхъ кельяхъ, похожихъ на печи; другіе плѣнники выглядываютъ изъ-за рѣшетокъ и просятъ подаванія; нѣкоторые разговариваютъ со своими друзьями, которые курятъ для очищенія воздуха; другіе покупаютъ у торговокъ вино и фрукты, но всё грязны, жалки и гадки. — «Они довольно веселы, *signore*», сказалъ нѣ тюремщикъ: «всѣ они запачканы кровью. прибавилъ онъ, указавъ рукою на три четверти всего зданія. Не прошло часа времени, какъ восьмидесятилѣтній старикъ, заспоривъ съ семнадцатилѣтнею дѣвушкой, у которой онъ что-то покупалъ, убилъ ее всежомъ на рынкѣ, полную прекраснѣйшихъ цвѣтовъ: убійцу привели сюда, для дополненія числа.

Изъ четырехъ старинныхъ мостовъ, перекрывающихъ Арно, самый очаровательный Ponte Vecchio, покрытый лавками брильянщиковъ и золотыхъ-дѣлъ-мастеровъ. Въ самомъ центрѣ его остается пустое пространство, въ которое могъ бы вѣститься дождь; видъ оттуда въ обѣ стороны и вверхъ очарователенъ: глазамъ открывается си-

нее небо, вода и богатые зданія. Надъ всѣми строевіями моста тянется крытая Галерея-Великаго-Герцога, проведенная для соединенія потайнымъ ходомъ двухъ большихъ дворцовъ; она идетъ дальше между улицами и домами, въ духѣ истиннаго деспотизма, не зирая ни на какія препятствія.

Великій герцогъ, какъ членъ Compagnia della Misericordia, имѣетъ другой, гораздо-достоинѣйшій способъ проходить инкогнито по улицамъ, въ черной мантии съ капюшономъ. Братство это состоитъ изъ людей всякаго званія, безъ разбора какихъ-либо свѣтскихъ отличій. Если случится съ кѣмъ-нибудь несчастіе, долгъ членовъ поднимать страдалца и доставить его бережно въ больницу; если гдѣ-нибудь обнаружится пожаръ, они тотчасъ же являются на мѣсто и подаютъ всю возможную помощь; въ числѣ ихъ обязанности самая обыкновенная та, что они ухаживаютъ за больными и утѣшаютъ ихъ; за это, по уставамъ своимъ, они не могутъ ни брать денегъ, ни ѣсть, ни пить въ домѣ больнаго. Тѣ, которыхъ очередь исправлять чело-вѣколюбивыя должности общества, собираются въ самое короткое время по звону большаго колокола башни; говорятъ, что многіе видѣли, какъ самъ великій герцогъ вставалъ при этихъ звукахъ изъ-за стола и удалялся туда, куда его требовалъ призывъ братства.

На другой обширной площади, гдѣ продаются на заставкахъ и на мостовой старья желѣзные вещи и равныя бездѣлицы, красуются вмѣстѣ: соборъ съ великолѣпнымъ куполомъ, прекрасная итальянская готическая башня, колокольня и крестильня съ бронзовыми дверями. Тутъ же, посреди мостовой, небольшой отдѣльный четвероугольникъ, называющійся камнемъ Данте, куда онъ, по преданію, выносилъ свой стулъ и гдѣ сидѣлъ, погруженный въ поэтическое созерцаніе. Не знаю, удерживался ли онъ въ своемъ горькомъ изгнаніи отъ проклятій на самые камни улицъ неблаголарной Флорен-

ціи краткимъ воспоминавіемъ этого мѣста, гдѣ онъ мечталъ о маленькой Беатриче!

Капелла Медичи, которые были добрыми ангелами и злыми демонами Флоренціи; церковь Санта-Кроче, гдѣ погребенъ Микель-Анжело и гдѣ каждая плита напоминаетъ краснорѣчиво о великихъ людяхъ; безчисленныя церкви, изъ которыхъ многія снаружи не больше, какъ неоконченныя массы сложныхъ кирпичей, но внутри торжественны и спокойны — вотъ что останавливаетъ нашу блужданія по городу.

Музей натуральной исторіи соответствуетъ гробницамъ въ церквахъ и монастыряхъ; онъ славится въ цѣломъ свѣтѣ своими восковыми препаратами, которые изображаютъ сначала листья, стѣмена, растенія, животныхъ низшаго разряда; потомъ, поднимаясь постепенно къ болѣе-совершеннымъ созданіямъ, доходить черезъ отдѣльные органы человеческого тѣла до цѣлаго состава, превосходно изображеннаго, какъ-будто тотчасъ послѣ смерти. Трудно выдумать болѣе-торжественныя, печальныя и поразительныя напоминанія нашей бренности, какъ эти подражанія юности и красотѣ, которые тутъ лежатъ передъ нами, въ послѣднемъ свѣтѣ.

За городскими стѣнами мы видимъ всю прелестную долину Арно, монастырь Fiesole, башню Галилея, домъ Боккаччіо, старыя виллы и загородныя дома; безчисленныя точки, исполненныя глубокаго интереса, блестящія среди очаровательнѣйшаго мѣстоположенія, освѣщеннаго яркимъ солнцемъ. При возвращеніи оттуда въ городъ, улицы его, съ мрачными, величавыми, угрюмыми дворцами, кажутся еще занимательнѣе, и тѣмъ болѣе, что преданія ихъ не ограничиваются одними подвигами войны и желѣзной силы, но передаютъ воспоминанія о торжествующемъ распространеніи мирныхъ наукъ и искусствъ.

Сколько свѣта разлилось на міръ изъ угрюмыхъ дворцовъ Флоренціи! Здѣсь, въ галереяхъ, открытыхъ всякому

любопытному, стоятъ безсмертныя произведенія древнихъ скульпторовъ рядомъ съ работами Микель-Анжело, Кановы, Тициана, Рембрандта, Рафаэля, твореніями поэтовъ, историковъ, философовъ — этихъ знаменитыхъ историческихъ лицъ, въ сравненіи съ которыми законныя въ желѣзо войны кажутся такими малыя и слабыя, и такъ скоро забываются. Здѣсь труды великихъ гениевъ переживаютъ опрокинутыя твердыни осады и обороны; преданія о тиранніи многихъ, или нѣсколькихъ избранныхъ, превращаются въ лишнюю значенія сказку, а гордость и могущество не болѣе, какъ жалкій вракъ! Священный огонь, зажженный лучами небесными въ суровыхъ улицахъ и громадныхъ дворцахъ и башняхъ, продолжаетъ горѣть ярко и свѣтло, тогда-какъ треснувшее пламя войны давно умолило и домашніе огни цѣлыя поколѣнія давно потухли, — такъ же точно, какъ тысячи за тысячами лицъ, разгоряченныхъ битвою и буйными страстями, исчезли съ древнихъ площадей и изъ мѣстъ прежнихъ народныхъ скупщицъ, а между-тѣмъ, лице неизвѣстной флорентинской красавицы, сохраненное отъ забвенія кистью живописца, продолжаетъ жить въ вѣчной юности и прелести...

Оглянемъ Флоренцію, пока она еще видна; а когда сіяющая куполъ ея исчезнетъ изъ глазъ, мы поѣдемъ по вселой Тосканѣ, въ которой столько свѣтлыхъ воспоминаній. Вообще, Италія выигрываетъ гораздо-болѣе, когда о ней вспоминаешь. Теперь настало уже лѣто; Генуя, Миланъ, озеро Комо далеко за нами; мы отдыхаетъ въ швейцарской деревнѣ Файдо, вблизи страшныхъ скалъ и горъ, вѣчныхъ снѣговъ и ревущихъ водопадовъ великаго Сен-Готарда; мы слышимъ въ послѣдній разъ, въ этомъ странствіи, звуки итальянскаго языка. Простимся же ласково съ Италіей, гдѣ столько дурнаго и столько дивнаго, помня только удивленіе, возбуждающееся въ насъ ея красотами, при-

родными и искусственными, которыхъ тамъ такая неисчислима бездна; сохранивъ также доброе воспоминаніе о народѣ, отъ природы добродушномъ и терпѣливомъ. Многіе годы пералѣнія, дурнаго управленія и тяжкаго гвѣта трудились надъ переработкою его врожденныхъ свойствъ и подавили духъ его. Государи, для которыхъ единство его было пагубно, а раздѣленіе составляло славу, подрывли корень его національности и были причиною искаженія языка; но добрыя качества были въ немъ всегда, какъ и теперь, и, можетъ-быть, изъ этого пепла воспреснетъ наконецъ благородная нація. Будемъ держаться этой надежды! Сохранимъ уваженіе къ Италіи хоть за то, что каждый обломокъ ея падшихъ храмовъ, каждый камень ея заглушенныхъ дворцовъ и терницъ говоритъ намъ, что колесо времени катится къ предназначенной вышше цѣли, и что свѣтъ, въ существенномъ отношеніи, сдѣлался лучшимъ, болѣе кроткимъ, болѣе утѣреннымъ, болѣе снохождительнымъ, болѣе чело-вѣколюбивымъ!

СТРАДАНІЯ САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ВЕРТЕРА.

Рассказъ.

Не помню, кто-то уфрлягъ, чуть-ли даже не Поль-де-Кокъ въ одномъ изъ романовъ своихъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительнѣе, какъ переѣзды съ одной квартиры на другую. Такое мнѣніе съ перваго взгляда кажется впрямую гаснонадою, но въ сущности оно не безъ основанія. Разуmidtся, заѣсъ идетъ рѣчь не о переѣздахъ и переборкахъ, совершаемыхъ помощію дюжины ломовыхъ извозчиковъ, полдюжины баронъ или извода носильщиковъ, но говорится просто о тѣхъ скромныхъ комнаткахъ съ *отомленіемъ* и *прислуною*, начинаемыхъ еще болѣе - скромными

жильцами. (Такіе жильцы, какъ извѣстно, не обременены излишнимъ количествомъ движимаго имущества: чайникъ, подушка, тросточка, двѣ, три книжонки, пальто и шляпа, вотъ ихъ богатство). Согласитесь, что если изъ этихъ господъ найдется челоѣкъ наблюдательный, то для него переборка не тягостна, а наслажденіе, ибо, не причиняя безпокойства, она доставляетъ ему всякій разъ богатое поприще для наблюдений. Сдѣлавшись, на-примѣръ, обывателемъ какого-нибудь дома, вы уже какъ-бы составляете одно цѣлое съ остальными его жителями; между ними и вами образуется что-то въ родѣ родственной откровенности и сближенія. Каждый жилецъ знаетъ напередъ, что что бы ни случилось у него въ квартирѣ, сосѣди рано ли, поздно ли, непременно узнаютъ о томъ. Мелочныя лавочки, куда неминуемо должны стекаться новости всѣхъ этажей, служатъ въ подобныхъ случаяхъ какъ-бы ключомъ къ открытіямъ. Навлѣвъ комнату въ квартирѣ ирриного, расчелдываго семейства, вы уже поневолѣ становитесь членомъ этого самаго семейства; передъ вами раскрываются сами собою сокровеннѣшя его тайны, вы какъ-бы свой челоѣкъ, — и лица, которыя вчера оскорбились бы вашимъ взглядомъ, нынче очень-охотно являютъ передъ вами во всей наготѣ своей. Наконецъ, сколько встрѣчаете вы забавнаго во время отыскиванія себѣ жилища, сколько сценъ застигнутыхъ врасплохъ, сколько мелочей, способныхъ иногда очеркнуть съ одного маха характеристику лица или даже цѣлаго семейства! Каждая новая квартира, сталкивая васъ съ людьми равныхъ званій, сословіи, характеровъ, неминуемо сближая съ ними, вынуждая даже входить иногда въ ихъ внутреннюю, повседневную жизнь, доставляетъ вамъ лучшей способъ къ ихъ изученію. Это ясно. По-крайней-мѣрѣ, я испыталъ этотъ способъ на дѣлѣ и исполнѣ отдаю ему справедливость. Не проходило ни однаго раза безъ того, чтобы я не повалъ на слѣдъ какой-нибудь интересной интриги, или не вывѣдалъ случайно тайны, или, наконецъ, не сдѣлалъ важнаго открытія по части физиологін. Въ доказательство, скажу хоть то, что случилось со мною,

не далѣе двухъ недѣль назадъ, въ покой моей квартирѣ.

На другой день послѣ переѣзда, приѣхавъ было я переставлять мебель, которая, мимоходомъ замѣчу, принадлежить не мнѣ, а хозяину; мнѣ больно было видѣть, что коммодъ, единственный предметъ роскоши новаго жилища, скромничаль и прятался за перегородкою, тогда какъ безспорно могъ занять первое мѣсто между двумя изящными стульями и искалеченнымъ диваномъ. Я рѣшилась переставить его во что бы ни стало на болѣе почетное и видное мѣсто. Когда дѣло было слажено, и я взглянулъ случайно на прежнее мѣсто, занимаемое коммодомъ, то, признаюсь, чуть не вскрикнулъ отъ удивленія. Тамъ лежала такая странная груда хлама, сора и пыли, что, мнѣ кажется, во сто лѣтъ не накопилось бы столько. Я собиралась уже попросить хозяина, чтобъ онъ избавилъ меня отъ подобнаго сокровища, какъ вдругъ замѣтилъ выходящую изъ пыли тетрадку. Я нагнулася, потащилъ, и что бы вы думали? — глазами моимъ представилось слѣдующее: *Journal Alexis et Catherine*. Такое заглавіе хоть кого бы въ состояніи было заинтересовать. Представте же себѣ, что стало со мною, человѣкомъ по природѣ въ высшей степени любопытнымъ! Я приступилъ къ чтенію. — Ну, что вамъ сказать?

Журналъ *Alexis et Catherine* показался мнѣ до того достойнымъ вниманія, что я не почелъ себя въ правѣ скрыть его отъ свѣта и рѣшилась сообщить его вамъ, читатели.

Ручаюсь, по-крайней-мѣрѣ, что осюпору вы еще нигдѣ не встрѣчали такой искренней, наивной исповѣди человѣка. Въ этомъ отношеніи, журналъ *Alexis et Catherine* превосходить записки Сильвіо - Пеллико, маркиза Креки, Бенвенуто Челлини и даже самаго Жанъ-Жака Руссо. Личность автора проглядываетъ тутъ со всѣми ея оттѣнками и такъ бойко и рѣзко, что съ третьей же страницы вы какъ-бы видите автора цѣликомъ передъ собою, — и когда на другое утро призвалъ я хозяина, чтобъ убѣдиться, былъ ли содѣланный мною герой вѣрнѣе съ дѣйствительностью, то, въ величайшему своему изумленію, увидѣлъ, что не только

не ошибся, но даже угадалъ отъ первой до послѣдней черты его. — Итакъ, передаю вамъ, читатели, найденное мною сокровище *es tunc samoni sede* (говорю это не шутя), какъ вамъ его. Надѣюсь, оно доставитъ вамъ удовольствіе... Жаль только, что мало; а конца — Богъ-знаетъ гдѣ искать!

X.

Сентябрь.

18 час. Суббота. Былъ у Софи, которая поразила меня своею печалью. Я спрашивалъ причину этой скуки, но не могъ узнать ничего, — только и слышалъ: «Я бы не хотѣла, чтобъ ты узналъ... но ты узнаешь отъ кого-нибудь». Я просилъ, умолялъ ее, и она, какъ мнѣ казалось, собиралась открыть мнѣ что-то важное, но приходъ ея брата Ковдраши уничтожилъ все: она отошла къ окну, и видно было, какъ катились у ней слезы; она была вся въ волненіи, грудь ея часто подымалась, лицо ея горѣло... По прошествіи нѣкотораго времени, она видимо успокоилась, но наблюдательнымъ глазъ замѣтилъ бы это ужасное, адское спокойствіе... Во все это время я говорилъ съ ея братомъ, который ничего не могъ сказать, но онъ, разговаривая со мною, сказалъ мнѣ: «да, Иванъ Ивановичъ, вы скоро будете видѣть благополучіе моей сестрицы». Какъ громомъ пораженный, я наслушавъ нашелся, что отвѣчать, но и то довольно-тихо: «отъ всей души желаю...» Мое смятеніе онъ замѣтилъ, спрашивалъ, что это значитъ, — и я что-то отвѣчалъ; мнѣ помогла отдѣлаться отъ вопроса Софи; разговоръ привалъ совсѣмъ-другой оборотъ, но что мнѣ было дѣлать? я принужденъ былъ уѣхать домой и, признаюсь, цѣлую ночь никакъ не могъ заснуть: меня безпокоили слова ея брата...

19 чис. Воскресенье. Былъ въ трактирѣ, Мысль-Доброй-Надежды, на службѣ, потомъ у М*, отъ котораго заѣхалъ къ Н*, гдѣ я видѣлъ Софи и отъ нея узналъ въ половину разгаданную мною причину печали: ея рука назначаетса какому-то Свинухину... Я хотя и былъ увѣренъ въ любви ея ко мнѣ, но скрытность ея поселила во мнѣ несносную, мучительную ревность... Мнѣ казалось, что этотъ деревенщина овладѣетъ моею Софи, которая такъ пламенно, такъ невинно предлагалась мнѣ... но, видя ея слезы, ея отчаяніе, видя, съ какимъ жаромъ негодования говорила о предложении руки Свинухинымъ... у меня не осталось ни малѣйшей тѣни ревности... Я былъ счастливъ, доволенъ своею судьбою, которая восслава въ путники моей жизни такого добраго, милого ангела... между-тѣмъ, какъ долженъ бы скучать, терзаться...

При прощаніи, Софи обѣщавалась въ среду прислать мнѣ письмо, изъ котораго узнаю всѣ подробности предложенія Свинухину... подошла ко мнѣ, схватила мою руку, прижала къ своей груди; я слышалъ, какъ сильно билось ея сердце—прильнулъ своими устами къ ея рукѣ, она къ моей щекѣ, и такъ пробыли бы мы довольно-долго, но стукъ двери вывелъ насъ изъ такого положенія... Я уже хотѣлъ уйти, какъ она бросилась ко мнѣ; я сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ и наши уста слились въ одинъ поцалуй... Я простился съ нею... но какъ? Чтѣ тогда чувствовало мое бѣдное сердце, одному Богу извѣстно... я превозмогъ себя, — мнѣ больно было спотрѣть на нее... Какъ она переиѣнилась въ такое короткое время! гдѣ тѣ вырвительные глаза? въ нихъ уже не блеститъ радость, удовольствіе, они показываютъ одну мучительнѣйшую тоску... бѣдная, несчастная Софи, какъ ты страдаешь!

Я проклиналъ себя, проклиналъ ту минуту, когда увидѣлъ ее... Не зная меня, она не имѣла бы несчастій...

Вечеромъ былъ въ Александринскомъ-Театрѣ—но моя душа, моя мысль находилась у Софи, которая какъ видѣніе носилась въ глазахъ моихъ. Ночь провелъ въ безпокойномъ снѣ; нѣсколько разъ вставалъ и прохаживался по корридору...

20 чис. Понедѣльникъ. Былъ скученъ и мнѣ всѣ надобно. Ночь провелъ болѣе-спокойно, потому-что утомился.

21 чис. Вторникъ. Ничего особеннаго не случилось, — былъ какъ и всегда скученъ, ночью долго не могъ уснуть.

22 чис. Среда. Утромъ противъ обыкновеннаго былъ скученъ; вечеромъ ко мнѣ приходила Софи, которая, какъ зашито, была равнодушна къ своей судьбѣ, говорила со мной довольно-хладнокровно и даже заштила мнѣ, что я въ эти дни пополнѣлъ съ лица: это мнѣ показалось довольно-страннымъ. Я ожидалъ совсѣмъ противнаго.—Спросилъ письмо, она и тутъ отвѣчала хладнокровно, съ улыбкою: «Ивинни, я не окончила; маленька за мною присылала», и не хотѣла дать, но я упрямилъ—и мнѣ было отдано письмо. Я думалъ, что тучи, собиравшіяся надъ нами, уже расходятся и для насъ настаетъ опять прежній день, прекрасный, торжественный, гдѣ наша любовь, какъ неизгнѣнное, величественное солнце, взойдя на горизонтъ, бросаетъ свои лучи, которые, не встрѣчая въ атмосферѣ большого сопротивленія, достигаютъ до земли и оживотворяютъ ее, — я думалъ: такъ и наша любовь взойшла на горизонтъ и своими лучами будетъ согрѣвать наши сердца въ-продолженіе этого прекраснаго дня; но жестоко обманулся, чтѣ узналъ изъ ея письма; все было по-прежнему: судьба, какъ грозный, недовольный повелитель, стояла передъ нами и грозилла своимъ жезломъ... По уходѣ ея, ко мнѣ пришли: брать мой Петръ Ивановичъ и одинъ чиновникъ; послѣ еще пришелъ Краснопузовъ. Не видя, какъ отъ нихъ отдѣлаться, я собрался переписывать

одну бумагу, которую далъ мнѣ па-
домъ столоначальникъ, но по своему
разстройству и невнимательности за-
дѣлалъ ее чернилами. — Всѣ эти обстоя-
тельства соединились какъ-бы на зло,
къ довершенію моего несчастья—я уже
ожидалъ, представлялъ себѣ, какъ Ни-
колай Пвановичъ будетъ сердиться,
ходить, разсуждать о неосторожности
и проч...

Ночь провелъ хорошо и видѣлъ во
снѣ Софи, которая подошла, когда я
лежалъ на постели, и пробудила меня
своимъ поцалуемъ; проснувшись, я
еще чувствовалъ этотъ жаркій поца-
луй и мысленно отвѣчалъ ей тѣмъ
же... Я опять легъ, хотѣлъ заснуть,
чтобъ возобновить свое сновидѣніе,—
но мое желаніе не исполнилось: хотя я
и заснулъ и видѣлъ во снѣ, но только не
милую мою добрую Софи, а какія-то
неопредѣленныя формы.

25 чис. Четвертокъ. Былъ весьма-
скученъ и не зналъ, чѣмъ себя раз-
сѣять, пускался въ различные толки, но
ничего не могъ для себя сдѣлать... ме-
ня что-то такое тяготило. Я готовъ
былъ передать кому-нибудь всѣ свои
несчастья и даже часть ихъ разска-
залъ; но изъ разсказаннаго мною, осо-
беннаго ничего нельзя было вывести
или заключить, потому-что говорилъ
слишкомъ запутанно. Ночь провелъ
не такъ спокойно.

24 чис. Пяница. Провелъ день,
какъ многіе проводятъ, въ заведеніи...
Во снѣ видѣлъ: своихъ родителей, къ
которымъ подходилъ къ рукѣ; когда
вприсѣлъ отъ знакомыхъ, дорога была
грязная; видѣлъ какъ я будто-бы пу-
тешествовалъ по самой Фонтанкѣ и
какъ вышелъ изъ оной, перелѣзая
черезъ перилы,—однимъ словомъ, всю
ночь тревожили меня различныя глу-
пыя грѣзы.

25 чис. Суббота. Зашелъ къ Н* и
тамъ получилъ письмо отъ Софи, изъ
котораго узналъ, что ее братъ осталъ

ся дома, и потому она не можетъ при-
нять. Просила меня, чтобъ я написалъ:
согласенъ ли прійти на другой день
въ семь часовъ?..

О, Боже! Тебѣ одному извѣстно, ка-
кія тогда мысли тяготили мою грудь;
но Ты великъ! благъ! милосердъ! Ты
успокоилъ меня! Ты не допустилъ вы-
полнить ихъ...

На ея письмо я отвѣчалъ запискою...
Я никакъ не могъ перенести, чтобъ не
видать моей Софи, и рѣшился на все...
былъ вторично и видѣлъ Софи,—полу-
чилъ нѣсколько поцалуевъ и отправи-
лся домой. Ночью долго не могъ уснуть
и не хотѣлось спать; но природа одер-
жала побѣду: мои глаза сомкнулись, и
я забылся на нѣсколько минутъ...

26 чис. Воскресенье. Былъ у М*, а отъ
него зашелъ къ Н*. Меня встрѣтила
Софи, поздоровалась со мной и сѣла на
диванъ; я, помѣстившись рядомъ съ
нею, спросилъ: что значить, что я не
могу при братьяхъ ее видѣть? Она от-
вѣчала: «не моя воля, а воля братьевъ».
и разсказала всѣ нѣры, принятыя къ
прекращенію нашего свиданія. Меня
это весьма поразило; я чувствовалъ,
что не буду въ силахъ оставаться до-
лѣе, отказалъ себѣ въ удовольствіи... и
простился.

Чтобъ сколько-нибудь себя рассѣять,
поѣхалъ въ Александринскій-Театръ,
и, къ моему удивленію, былъ если не
веселъ, то и не скученъ. Но что было
послѣ окончанія спектакля? Меня уже
ничто не могло рассѣять; тутъ-то мнѣ
представились всѣ ужасы мученія,
которыя должны послѣдовать въ раз-
лукѣ; но я о себѣ такъ не думалъ, какъ
о моей Софи: я мужчина... она же де-
вушка, созданіе слабое...

Ночь... о Боже! я не забуду во всю
свою жизнь этой мучительной ночи!
она вѣрнется въ моей памяти!.. Я ду-
маю, даже утреннѣе, что самый адъ не
могъ бы сравниться съ тѣмъ мученіемъ,
которыя я тогда претерпѣлъ...

27 чис. Понедѣльникъ. Такъ было скучно, что п..... какъ дитя... Душа моя изъ департамента стремилась къ Софи, и я рѣшился сейчасъ же быть у ней; сталъ проситься—столоначальникъ не отпустилъ; но все-таки мое намѣреніе не перемѣнилось,—напротивъ, оно болѣе увеличилось, и я хотѣлъ уйти безъ позволенія... но мое желаніе не исполнилось... надо мной трунили товарищи... Ночь провелъ какъ и въ воскресенье.

28 чис. Вторникъ. Скука до того одождла, что я забылъ мать, отца, братьевъ... одна только Софи послалась предо мною, какъ ангель-хранитель, отклоняла отъ отчаянныхъ мыслей...

29 чис. Среда. Та же скука, сильная, несносная, мучительная скука! Я забывалъ себя, Бога, отчаявался и готовъ былъ прекратить эти муки однимъ разомъ; но Софи, эта добрая Софи, явилась предо мной и забавила отъ...

30 чис. Четвертокъ. О Боже! я не могу вспомнить безъ содроганія, до чего довелъ меня скука; но Тебѣ возсылаю мольбы! Ты вѣрно услышалъ молитвы моего ангела и не допустилъ кончить отчаяннаго намѣренія...

Послѣ такого поступка я не могъ еще опомниться, не могъ собрать свои силы, чтобъ хоть сколько-нибудь побить покойнѣе... я дѣлалъ все въ какомъ-то чадѣ, или какъ-будто-бы во снѣ; былъ у Софи и встревожилъ ее своимъ видомъ, разстройствомъ... Я не помню, о чемъ мы говорили, не помню, какъ съ ней простился... но помню, что у нея былъ, что она просила прійти на другой день...

Ночь могъ ли провести спокойно въ такомъ состояніи души? я былъ несчастенъ!..

Боже! прошу, умилосердись надо мной! прійми мое раскаяніе!.. Дай мнѣ силы! пошам мнѣ твердость духа въ

несчастіи, научи меня, какъ переносить ихъ!..

ОКТАБРЬ.

1 чис. Пятница. Былъ у Софи... в до такой степени былъ разсѣянъ, что по уходѣ отъ нея не могъ ничего припомнить; одинъ послѣдній слова, желаніе ее *видѣть меня*, какъ-то вѣзались въ памяти... Помнится также, какъ-будто сновъ сонъ, что былъ братъ ея и говорилъ со мной; но о чемъ, ужъ это для меня загадка: я былъ тогда какъ-будто въ летаргическомъ снѣ.

2 чис. Суббота. Меня ужасно поразило, что я назначенъ начальникомъ отдѣленія въ воскресенье дежурить. Зная, что онъ своего рѣшенія не перемѣняетъ, я мучился, тревожился... я рѣшился во что бы то ни стало отпроситься и съ тѣмъ намѣреніемъ пошелъ къ нему. Говорилъ, что мнѣ нельзя, необходимо; онъ не соглашался; но я былъ твердъ въ своей просьбѣ... и получилъ отпускъ, съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобъ прійти въ воскресенье вечеромъ... Мнѣ было все равно тогда: у нея гнѣдились въ головѣ отчаянныя мысли!.. я хотѣлъ еще разъ видѣть мою Софи, прижать въ послѣдній разъ къ груди своей и въ ея объятіяхъ забыть все вѣчное!..

Мои желанія сбылись, но не всѣ: я опять былъ спасенъ отъ самоубій... моею доброю Софи... На мѣсто благодарности, которую она заслужила своимъ поступкомъ, самой чистой, пылкой любви, что я ей предлагалъ?.. О Боже! прости меня, я былъ въ отчаяніи, я не зналъ, что я говорилъ!.. Она же, — эта добрая душа... что она мнѣ ни говорила, я былъ непоколебимъ, и она, о, Боже! до чего довелъ ее? согласилась на все...

Покорность, съ которою она привнесла себя въ жертву для моего спокой-

ствѣд, воскресила въ моей груди добрыхъ качества... но не на долго: они заглушились... и я опять былъ подобіе сатаны...

Уже поздно, поздно за полночь, я какъ-то почувствовалъ себя, свое настоящее положеніе и ужаснулся само-го-себя... спрашивалъ: отъ-чего все это происходитъ? но въ отвѣтъ ничего не было... Чего мнѣ не доставало?

Я былъ любимъ взаимно, и какъ любить? какъ ни одинъ изъ смертныхъ... Мною по-временамъ управляетъ какой-то злой духъ... забываю себя, мать, отца, всю, всю вселенную, иногда даже самого...

3 час. *Воскресенье.* Хотѣлъ идти къ дялюшкѣ, но меня тревожило состояніе Софи; какъ я ее оставилъ, въ какомъ положеніи? вѣрно не могла заснуть ни на минуту послѣ такого съ нею обхожденія и моего разстройтва; а желалъ ее утѣшить, выпросить для себя прощеніе... Но что случилось? противное! въ обладаніе мною во всей силѣ вступилъ злой духъ... у меня явилась прежнія мысли, прежнія мученія, и я, не взирая ни на ея слезы, ни на прихвѣры, которые говорила... они на что! я, какъ хищный звѣрь караулитъ свою добычу, дожидаясь отвѣта ея... и дождавшись, поступилъ съ ней—не какъ разбойникъ, нѣтъ! это было бы хорошо, но какъ злой демонъ... Нѣтъ, не могу! не въ силахъ болѣе владѣть! въ глазахъ у меня какая-то ночь...

4 час. *Понедѣльникъ.* Зачѣмъ я пережилъ эту ночь? Нѣтъ! лучше бы совсѣмъ не былъ на свѣтѣ... что я сдѣлалъ? Преступникъ! злодѣй! И меня еще можетъ терпѣть небо, держать земля... ахъ! угрызенія совѣсти ужасны!..

5 час. *Вторникъ.*
6 час. *Среда.*

Нѣтъ! прочь за-
мѣтки, это нестер-
пимо, мучительно
припоминать!..

Вечеромъ послалъ записку къ Софи... Мнѣ представился случай сказать ей нѣсколько словъ, но такъ несвязно и глупо, что я не знаю пойметъ ли она, чего я желаю... такую беспорядочную записку написалъ отъ-того, что торопился.

7 час. *Четвертокъ.* Выпалъ первый снѣгъ, и природа, какъ-бы засыпавшая, закутывалась въ его покровъ до пріятнаго пробужденія, до благотворной весны. Пернатые, чувствуя приближеніе зимы, давно уже оставили оглашать воздухъ, взвились и полетѣли туда, гдѣ нѣтъ зимы, гдѣ... Звѣри прятались въ вырытыя заранѣе норы... даже самый человекъ, почувствовалъ первыя обязанности Борея, завертывался потеплѣе. Все движущееся закипѣло, забѣгло... Русскія барышни съ своими разрушительными отъ перваго мороза пухлячками щечками, съ блестящими глазками, радовались наступленію зимы, радовались наступленію баловъ, концертовъ, и проч., и проч.

У русскихъ барышень зимою несравненно болѣе удовольствій, чѣмъ лѣтомъ.

И русскій мужичокъ, нахлопывая рукавичками, уже съ болѣею охотою садится на облучокъ, и замотавъ возжи на руки, надѣвъ шапку на бекрень, пріосанясь и приболрясь, размахивая кнутомъ, понесется, покрикивая на лошадушекъ, вдоль деревни маленькою рысцою и лишь-только приближится къ концу оной, то взгаркнетъ, засвиститъ и полетитъ какъ стрѣла, приговаривая: ахъ! ну, покатывай! съ горки на горку! дасть баринъ на водку! Потомъ, приложивъ одну руку къ щекѣ, другою придерживая возжи, затанецъ пѣсню, и вальнется колокольчикъ, постукивая и побрякивая, такими мелодическими звуками, какъ-бы вторить ему..

Ахъ! зимы, какъ я люблю тебя! какъ обожаю! Ты столько думъ наводишь... такъ разыгрываешь воображеніе...

Но, грусть, — зачѣмъ ты запада въ мою грудь?.. Ты не даешь наслаждаться ничѣмъ; у меня въ головѣ много и ничего...

8 час. *Пятница.* Нѣтъ! вѣрно, мнѣ никогда уже невидать веселыхъ дней. никогда не возвратитъ спокойствія... радѣть будетъ преслѣдовать одна тоска...

9 час. *Суббота.* Я заболѣлъ!.. Отъ вѣи и послѣднее... отняли... велѣтъ слѣзть дома... какъ надо! какъ наскучило!.. Еслибъ былъ въ состоянн... О! я не знаю, что бы я сдѣлалъ...

Безчеловѣчные! мнѣ все равно... одну бы минузу, одинъ бы взглядъ — и довольно...

Софи! ты сегодня не увидишь меня!.. мнѣ не говорить съ тобой, не...

Что ррн сдѣлали?.. Имъ вѣрно шепнуть злой духъ... Я согласился бы лучше на другое наказаніе, лишь-бы только увидать мою Софи, сказать ей здравствуй...

10 час. *Воскресенье.* ... скуна, ужаснѣйшая... я ждалъ все Софи...

11 час. *Среда.* Я предчувствовалъ... ждалъ мою Софи... но, точно, предчувствія меня не обманули—она пришла... Ахъ! какъ я былъ радъ, былъ доволенъ своею судьбою! Я хотѣлъ благодарить, — но не могъ. Всѣ слова не выразили бы и малѣйшей доли того чувства, которымъ было наполнено мое сердце... она мнѣ что-то говорила, но я не слушалъ. Я только смотрѣлъ на нее и не вѣрилъ своимъ глазамъ: точно ли это она? не сонъ ли это? Нѣтъ, это точно она, моя милая, добрая Софи... Она заботилась обо мнѣ, сирашивала: кто приходилъ въ воскресенье ко мнѣ?.. имѣю ли табакъ? и предложила мнѣ денегъ. Я вспыхнулъ; мнѣ стало досадно, но, не желая обнару-

жить ей этого чувства — отвѣчалъ съ замѣшательствомъ, что мнѣ не надо, что скоро получу... Нѣтъ! она все-таки предлагала, но также съ какимъ-то замѣшательствомъ. Я подумалъ, можетъ-быть, она замѣтила мою досаду и сама разсердилась...и, чтобъ ее успокоить, взялъ отъ нея деньги, положилъ въ ея же кошелекъ, который она мнѣ подарила, но далъ себѣ клятву сохранить его до самаго конца, моей жизни...

При прощаннн она мнѣ сказала, что у ней есть письмо для меня, и не одно еще, а два — думалъ, что она шутитъ; сказала: «Два! въ-самомъ-дѣлѣ? давай сюда!» И что же? Точно, она вынула свертокъ бумаги и отдала мнѣ. Я все-таки и здѣсь не вѣрилъ, —развернулъ и увидѣлъ письма. Мнѣ не хотѣлось ихъ взять, спрашивалъ: «зачѣмъ ты все пишешь, а не хочешь сказать мнѣ такъ»; она отговорилаь тѣмъ, что мало времени, что прихожу поздно; а потомъ прибавила: «Непрѣмѣнно отвѣчай на эти письма, а то сколько не писала—не отвѣчаешь...» Что мнѣ было дѣлать?.. я простился съ ней; она ушла, у меня хлынули слезы; я плакалъ какъ дитя... Меня безпокоили письма, я боялся ихъ распечатать; я уже читалъ въ нихъ приговоръ себѣ, но какъ не читать? Она проситъ отвѣта. О, Боже! помоги мнѣ, я просилъ Его со слезами... и послѣ моей молитвы мнѣ какъ-то стало легче. Принялся распечатывать письма, но боялся сломать печати... вынулъ, прочиталъ... Ахъ! что она пишетъ!.. Нѣтъ! лучше бы не читать... она проситъ, чтобъ я отказался отъ нея, оставилъ, забылъ... О, Боже! дай мнѣ силы, молю Тебя, защити насъ... помоги намъ...

Еще проситъ, чтобъ я на это согласился именно — для моего счастья... а развѣ я буду счастливъ безъ нея, моей, милой, доброй Софи?.. Ахъ если это она мнѣ такъ написала, то вѣрно грусть ея очень, очень-сильна... и послѣ этого, чтобъ я забылъ ее; она то-

го хочеть... нѣтъ! это не она писала, это грусть-тоска!..

14 чис. Четвертокъ.

15 чис. Пятница.

{Что мнѣ замѣ-
чать, когда всѣ
мои мысли, все
—занято ею?

16 чис. Суббота. Я поправился и по-
бѣжалъ скорѣе къ Софи... видѣлъ! по-
цаловалъ и ушелъ—общаясь быть въ
семь часовъ... у ней была маменька...

Я у нея опять; сижу, цалую, обни-
маю, прижимаю къ груди своей, и
самъ думаю: вотъ сейчасъ спросить
отвѣта! Такъ и случилось... Я задумал-
ся... слышу: она уже спрашиваетъ от-
вѣта; спрашиваетъ—читалъ ли я? От-
вѣтилъ: нѣтъ! но сейчасъ же повер-
нулъ на другомъ, вынулъ письма и ска-
залъ: вотъ они, потому началъ ихъ чи-
тать, спрашивая значенія нѣкоторыхъ
недописанныхъ мыслей и дѣла нѣ-
которые вопросы; она что-то отвѣча-
ла... и я ихъ спряталъ. Потому я
увлекся, забылся... страсти мои раз-
бушевались; она не могла противо-
стоять мнѣ и... нѣкоторое время мы
молчали, она первая прервала это мол-
чаніе, но чѣмъ? опять прежнимъ: про-
сила отвѣта... Что мнѣ отвѣчать? Я
опять началъ читать письма и требо-
валъ значенія всякаго слова... въ двер-
ри начали стучаться, въ корридорѣ
послышались шаги, я спряталъ пись-
ма, — явился ея братъ. Мы поклонил-
лись съ нимъ, я закурилъ трубку, ко-
торую мнѣ бросила Софи... Она не
помню что такое у него спрашивала...
я хотѣлъ уже уйтти, но онъ загово-
рилъ со мной, спрашивалъ—не прохо-
дилъ ли я мимо ихъ департамента? я
отвѣчалъ, что да, но онъ мнѣ не вѣ-
рилъ... мы съ нимъ долго говорили...
Я понялъ, однако, изъ словъ его, что
если дольше останусь и встрѣчу его
брата, то получу непріятности. Я хо-
тѣлъ просить объясненія, но Софи... я
удержался, выкурилъ еще трубку,

взялъ одну папироску, простился съ
ея братомъ, и пошелъ; меня проводи-
ла Софи; я ее спросилъ: что значить
намекъ брата? она отвѣчала: «да вѣрно
отъ-того онъ сказалъ, что я жаловался
на свою голову, и онъ, думая, что я хо-
чу спать, сказалъ тебѣ». Но все равно,
пускай они что хотятъ говорить, я
перенесу и готовъ перенести все для
моей Софи.. Ночью видѣлъ во снѣ
что Софи у меня сидѣла... я ее цю-
валъ и такъ проснулся...

17 чис. Воскресенье. Въ семь часовъ
вечера. Я у Софи, сижу, наслаждаюсь
ею, думаю: ахъ! мнѣ бы многіе позави-
довали; какъ я люблю и глѣбъ! я
увѣренъ, что въ цѣлой вселенной едва-
ли найдется подобная моей Софи въ
любви.—Правда, я согласенъ, что луч-
ше ея наружностью найдется, но ва-
ружностію и только! больше уже не
нищи ничего, а то... нѣтъ! уже это дру-
гой кто-нибудь скажетъ, а не я... нѣтъ,
дальше не могу, не въ силахъ замѣ-
чать... я оставилъ ей дневникъ свой,
но послѣ раскаялся...

18 чис. Понедѣльникъ. Я самъ не
знаю отъ-чего, но меня ужасно трево-
жило, что я отдалъ свой дневникъ Со-
фи... Я ее изумил своимъ приходомъ:
она не думала меня увидѣть... была въ
большомъ неглиже, собиравась идти,
какъ она мнѣ сказала, въ накаралъ
(т. е. въ баню)... просила меня, чтобы
я пришелъ въ половинѣ седьмого, а
теперь можетъ застать брата... про-
стился съ ней и ушелъ домой... но вы-
ходъ изъ воротъ — встрѣтилъ ея бра-
та...

*

ДРУЗЬЯ ЗА ГРОБОМЪ.

Китайская повесть.

КИТАЙСКІЯ ГРОБНИЦЫ.

(Отрывокъ изъ путешествія въ Китай *.)

Гонг-Конгъ, 15 ноября, 1844.

... Туземцы южныхъ провинцій Китая не имѣютъ, подобно Европейцамъ, правильныхъ кладбищъ; гробницы ихъ разсыпаны тамъ-и-сямъ по скатамъ холмовъ, вообще въ самыхъ живописныхъ мѣстахъ. Богатые обыкновенно далеко относятъ своихъ покойниковъ и прибѣгаютъ къ совѣту гадалага при выборѣ мѣста для гробницы. Гадалага провозжаютъ покойника до назначеннаго мѣста и съ самоувѣренностью опредѣляютъ положеніе могилы и почву, которой должно быть преданъ прахъ усопшаго. Найдя мѣстоположеніе неудобнымъ, гадалага ведетъ процессію къ другому пункту, гдѣ всѣ признаки окажутся благоприятными. Многія китайскія селенія, кажется, сами назначаютъ эти признаки еще до смерти. Одинъ изъ богатѣйшихъ купцовъ нашихъ приводитъ тому примѣръ: посѣтивъ однажды стараго кантонскаго Гауква, онъ увидѣлъ передъ нимъ блюдо съ нѣсколькими пригоршнями земли; старикъ долго и внимательно разсматривалъ всѣ кучки и наконецъ, указавъ на одну изъ нихъ, назначилъ почву, которой хотѣлъ быть преданъ послѣ смерти. Не менѣе важенъ выборъ мѣстоположенія. Счастливымъ мѣстомъ для могилы считается холмъ, съ котораго виднѣтся живописная бухта или озеро, еще лучше, если у подножія его извиаается рѣка. Для большей вѣрности своихъ соображеній, гадалага-распорядитель похоронъ вооружается компасомъ. Эти люди, какъ увѣрялъ меня одинъ умный, знакомый

мнѣ Китаецъ, иногда съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ описываютъ будущее блаженство тѣхъ, которые ницѣ подчиняются ихъ распоряженіямъ. Они щедро сулятъ имъ послѣ смерти несметныя богатства и почести въ награду за уваженіе къ праху родителей. Онъ сравниваетъ эти богатства и почести съ водворотомъ, эмблемою безконечнаго блаженства.

Между этими велегрѣшными гадалагами часто встрѣчаютъ плуты, которые умѣютъ ловко пользоваться народными предразсудками. Случается, что они приходятъ къ родственникамъ умершаго, уже нѣсколько времени спустя послѣ похоронъ и настоятельно требуютъ перенесенія гроба на другое мѣсто. Встрѣтивъ сомнѣніе, они готовы поддержать свои требованія множествомъ доводовъ и доказательствъ, ясныхъ какъ день, но обыкновенно кончаютъ словами: «Какъ хотите! Да и ницѣ-то что за дѣло? Но не забудьте, что и вы умрете и не найдете успокоенія въ могилѣ, потому-что и ваши дѣти и родственники пренебрегутъ моими совѣтами». Бѣдные Китайцы трусятъ и платятъ все, что отъ нихъ требуютъ, лишь бы возобновить похороны своихъ родственниковъ.

Путешествуя на югѣ Китая, я часто встрѣчалъ гробницы въ самыхъ безмолвныхъ горныхъ мѣстахъ. Вообще онѣ мало разнятся между собою наружнымъ видомъ: на двѣ полукруглаго углубленія, подъ камнемъ, на которомъ высѣчена надпись, покоится тѣло усопшаго. Богатые выкладываютъ полукругіе камнемъ или кирпичомъ и украшаютъ гробницу барельефами. Впередъ гробницы обыкновенно устроена терраса. Келлерн, ученый синологъ, говорилъ мнѣ, что надгробныя надписи Китайцевъ всегда просты, состоятъ лишь изъ имени покойника и времени его смерти. Законнѣе этихъ надписей могъ бы служить примѣромъ нашимъ громкимъ эпитафіямъ, которыя отличаются такою тщеславною болтливостью. Иногда (я не утверждаю, чтобъ это дѣлалось постоянно), по прошествіи времени, достаточнаго для превращенія трупа въ скелетъ, родственники вынимаютъ кости изъ гроба, и, тщательно уложивъ ихъ въ глиняную урну, ставятъ ее на вершину горы. По-

(*) Помѣщенъ это письмо англійскаго заведова Р. Фортьюна въ видѣ предисловія къ слѣдующей за нимъ китайской повѣсти.

временамъ все семейство навѣщаетъ урны и гробницы своихъ предковъ, начиная съ самаго старшаго: сжигаютъ благовонія, читаютъ молитвы, и обѣдаютъ по окончаніи церемоніи.

Въ окрестностяхъ Эмуи, весьма-населеннаго города, при похоронахъ слѣдуютъ другимъ обычаямъ: огромность населенія тому причиною. Тамъ встрѣчаются кладбища, подобныя европейскимъ; однакожь богатые все-таки отнеситъ останки своихъ родныхъ на горы, какъ въ южныхъ провинціяхъ.

Чѣмъ далѣе подвигаешься къ сѣверу, тѣмъ рѣже встрѣчаются гробницы полукруглой формы, и вышній видъ ихъ болѣе разнообразится. Въ Чу-санѣ, Нинг-по и другихъ мѣстахъ этой провинціи, большая часть гробовъ поставлена на поверхности земли и покрыта соломой. Ихъ можно было встрѣтить вездѣ, при дорогахъ, по рѣчкамъ и каналамъ, въ рощахъ и другихъ уединенныхъ мѣстахъ... Иногда, если солома сгата, дерево гроба сгнило, и голыя кости попадаютъ на глаза прохожимъ. На островѣ Чу-санѣ цѣлый холмъ покрытъ черепами и разными костями всѣхъ родовъ; отправляясь въ рощу за травами, я самъ часто проваливался въ развалившіеся гробы.

Однако, богачи этого округа съ большими почестями хоронятъ своихъ родственниковъ; иные воздвигаютъ даже каменные памятники. Мнѣ случалось видѣть на островѣ Чу-санѣ три или четыре истинно-великолѣпныя гробницы; онѣ построены не въ видѣ полукруга, какъ въ Южномъ Китаѣ, а четырёхугольникомъ, и украшены барельефами работы извѣстныхъ художниковъ. Въ Китаѣ, какъ въ Европѣ, и почти на всемъ земномъ шарѣ вѣчнозеленый кипарисъ и ель, посвящены могиламъ. Китайцы сажаютъ ихъ обыкновенно полукругомъ, а иногда замѣняютъ растеніемъ *photinia serrulata*.

Развѣзжая по округу Шангае, я встрѣтилъ большія званія, построенныя богачами по-видимому для того, чтобъ служить имъ послѣднимъ жилищемъ. Въ одной изъ комнатъ зданія иногда видѣлся гробъ передъ алтаремъ, со всею утварью для служенія идолопоклонническаго. Въ извѣстные дни на алтарѣ совершаются разные набожные обряды, сжигаются благо-

вопія съ молитвами. Эти скорбные храмы строятся большею частію изъ пихты; иногда покойника хоронятъ внѣ храма, а внутри находятся только алтарь, утварь и помѣщеніе для сторожа съ его семействомъ.

Но самую замѣчательную изъ всѣхъ китайскихъ гробницъ я видѣлъ въ окрестностяхъ города Лонг-ки-фо. Она построена на отлогости небольшого холма, и по-видимому принадлежить одному изъ важнѣйшихъ лицъ въ городѣ. Съ подножья холма широкая лѣстница ведетъ къ памятнику; по сторонамъ ея разставлены въ самомъ странномъ порядкѣ нѣсколько каменныхъ статуй; сколько я помню, вижу стоитъ пара коней, далѣе, двѣ собаки, потомъ двѣ кошки, пара осѣдланныхъ и взвзданныхъ коней и, наконецъ, два великана-жреца. Въ послѣдствіи, я видѣлъ въ Нинг-по двѣ или три гробницы, подобныя этой, только въ меньшемъ размѣрѣ.

Китайцы иногда долго не расстаются съ своими умершими родственниками. Этому обычаю одинаково слѣдуютъ богатые и бѣдные. Судя по множеству гробовъ, встрѣчающихся въ домахъ, можно полагать, что они во нѣсколько лѣтъ оставляютъ у себя покойниковъ. Эти гробы изъ толстыхъ, хорошо-сколоченныхъ досокъ, даже замазаны, для предупрежденія вредныхъ испареній.

Безъ сомнѣнія, многія изъ почестей, отдаваемыхъ мертвымъ, просто обычай, освященные вѣками; но не ужели нельзя искать источника нѣкоторыхъ изъ нихъ въ искренней признательности къ усопшему? Развѣ Китаецъ не можетъ сохранить память о друзьяхъ, родныхъ, которыхъ онъ любилъ въ жизни? Посѣщая могилы отцовъ, онъ можетъ вспомнить, что и его лѣта и внуки также прійдутъ поклониться праху его, исполнить обрядъ, который ны встрѣчаемъ, хотя въ разныхъ формахъ, у всѣхъ народовъ, дикихъ и образованныхъ.

Р. Ф.

Въ царствѣ Тси когда-то жили двѣ бѣдняки. Съ самаго дѣтства, ихъ соединяла нѣжнѣйшая дружба. Однажды изъ нихъ, Куан-Чунгъ, провѣдъ былъ

Ю; имя другаго Пао-шо, по прозванію Сіуен-дае. Въ царствованіе Ванг-Кунга, первый, Пао-шо, сдѣлавъ судьей: вѣрный данной клятвѣ, онъ употребилъ всѣ средства, чтобъ друга его Куан-Чунга сдѣлалъ министромъ, и постоянно старался быть ниже его. Они управляли государственными дѣлами въ примѣрномъ согласіи, составивъ какъ-бы одно лицо.

— Я участвовалъ въ трехъ сраженіяхъ, говаривалъ Куан-Чунгъ: — я три раза обращался въ бѣгство; однакожь Пао-шо не считаетъ меня трусомъ; ему извѣстно, что у меня есть престарѣлая мать, и хотя меня три раза отставляли отъ должности, онъ увѣренъ въ моей сыновней любви. Хотя я не всегда соглашаюсь съ его мнѣніемъ, иногда даже спорю съ нимъ, онъ не считаетъ меня глупцомъ; онъ знаетъ, что я всегда дѣлюсь съ нимъ, что всегда даю ему большую часть, выигралъ ли я или проигралъ; онъ убѣжденъ, что я не скучу. Онъ звалъ меня бѣднымъ; жизнью я обязанъ моимъ родителямъ; но знаетъ меня лишь Пао-шо.

И до вышшняго дня, говоря объ истинныхъ друзьяхъ, всегда называютъ Куана и Пао. Разскажемъ теперь исторію двухъ друзей, подобныхъ Куану и Пао, которые, будучи сведены случаемъ, пожертвовали одинъ за другаго живью и оставили по себѣ незабвенную память.

Это было во время Чюен-дзіеу, когда Юен-вангъ, царь Тсу, окружая почестями послѣдователей Конфуція и Лао-дзю, призывалъ къ себѣ мудрецовъ и ученыхъ. Желавшіе воспользоваться милостью государя, со всѣхъ сторонъ стекались на вою его.

Въ горахъ Ци-ши, къ западу отъ Кіанга, въ то время жилъ глубоко-ученый мужъ, котораго имя Цо, и прозвище Пе-тао. Лишившись родителей еще въ первой молодости, онъ съ жаромъ предавался ученымъ занятіямъ, — изыскивалъ лучшую систему управленія государствомъ и средство осчастливить народъ.

Пе-тао было около сорока лѣтъ: сильные васаллы средней шиверы въ это время явно стремились къ независимости. Мало было князей истинно-добродѣтельныхъ; самозванцамъ же, которые уважали только право сильного, не было счета. До-сихъ-поръ, Цо-пе-тао не искалъ должностей и чиновъ; но когда до него дошли слухи, что Юен-вангъ, владѣтель Тсу, страстный любовникъ добродѣтелей и правосудія, призываетъ къ себѣ всѣхъ ученыхъ и мудрецовъ, онъ уложилъ свои книги, простился съ родными и соседями, и направилъ путь въ царство Тсу.

Небольшими переходами достигъ онъ Юнч-ти. Это было зимой.

Не смотря на вѣтеръ и дождь, Цо-пе-тао не унывалъ. — Однажды, промокнувъ до костей, онъ подошелъ къ селенію; начинало смеркаться. — Озираясь, чтобъ найти убѣжище отъ непогоды, онъ замѣтилъ не вдалекѣ, посреди бамбуковаго гѣсу, свѣтъ огонька. Онъ тотчасъ повернулъ въ ту сторону, и скоро увидѣлъ маленький домикъ, крытый соломой и огражденный бамбуковымъ заборомъ. — Вошедъ въ ограду, онъ слегка постучалъ въ дверь. Дверь отворилась; на порогѣ показалась человѣческая фигура и Цо-пе-тао не замедлилъ сдѣлать ей должные поклоны.

— Вашъ нижайшій слуга изъ Си-кианга, началъ онъ: — имя его Цо-пе-тао; путь его лежитъ въ царство Тсу. Остановленный дождемъ и не находя гостиницы, онъ проситъ у васъ ночлега. Завтра рано утромъ онъ опять отправляется въ путь. Ему невѣстно, будетъ ли исполнена его просьба.

Услышавъ такую рѣчь, незнакомецъ поспѣшилъ отвѣтить на поклоны и пригласилъ путника войти въ жилищу.

Окинувъ комнату взоромъ, Цо-пе-тао увидѣлъ въ ней только провату, заваленную книгами. Изъ этого онъ заключилъ, что находится у ученаго, и принялся дѣлать предписанные поклоны.

— Безъ церемоній, лучше посушите свое платье, сказалъ невѣстный и бросилъ нѣсколько бамбуковъ въ огонь. Пока Цо-пе-тао грѣлся и сушилъ свое платье, хованнъ приготовилъ ужинъ и, поставивъ бутылку вина передъ гостемъ, сталъ подчивать его самымъ вѣжливымъ образомъ. — Пе-тао спросилъ его имя.

— Имя вашего низжайшаго слуги Янгъ, отвѣтилъ тотъ, прозвище—Кіо-ягай. Рано я лишился своихъ родителей; съ-тѣхъ-поръ живу одинъ въ этой дѣжнѣ и нахожу самое пріятное развлеченіе въ ученыхъ занятіяхъ. Подельныя работы теперь окончены, и встрѣча съ такимъ ученымъ докторомъ, пришедшимъ издалека, истинное счастье. Сожалѣю только, что домъ мой въ такомъ жалкомъ состояніи, и смиренно испрашиваю извиненія.

— Въ такую погоду найдти кровь, пищу и вино—это превышаетъ мои самыя дерзкія ожиданія, отвѣтилъ Цо-пе-тао.—Могу ли я не быть признательнымъ?

Они легли, но долго, до глубокой ночи продолжали разговаривать о своихъ ученыхъ занятіяхъ и уснули только на разсвѣтѣ.

Между-тѣмъ, дождь не переставалъ. Кіо-ягай уговорилъ Цо-пе-тао обождать непогоду, и вскорѣ истощилъ всѣ свои запасы.—Между ними завязалась тѣснѣйшая дружба. Кіо-ягай, будучи пятью годами моложе Пе-тао, обходился съ нимъ, какъ съ старшимъ братомъ.

По прошествіи трехъ дней, непогода утихла, и дороги сдѣлались проходимыми.

— Мудрый братъ мой, сказалъ Пе-тао:—своими талантами и добродѣтелями заслуживаетъ быть министромъ. Но онъ лѣгче тонкій шолкъ бамбуковъ и любитъ журчанье источника въ глухомъ лѣсу. Это достойно самаго искренняго сожалѣнія.

— Я не прочь отъ должности, отвѣтилъ Кіо-ягай:—но до-сихъ-поръ не искалъ мѣста.

— Государь Тсу возразилъ Пе-тао:—призываетъ къ себѣ ученыхъ всей имперіи; отъ-чего же братъ не рѣшится идти со мной?

— Я готовъ повиноваться приказаніямъ моего старшаго брата.

Кіо-ягай тотчасъ сдѣлалъ всѣ приготовления и запасы, необходимые для этого путешествія.—Друзья вмѣстѣ вышли изъ хижины, и направились къ югу.

Послѣ двухдневнаго похода, дождь возобновился: они принуждены были остановиться въ трактирѣ, гдѣ скоро большая часть ихъ припасовъ пришла къ концу. Замѣтивъ это, они рѣшились идти далѣе, невзирая на непогоду.—Дождь лилъ какъ изъ ведра, жалобно вылъ порывистый вѣтеръ, и скоро страшная вихрь снѣжила вихрь и дождь. Друзья стремились все далѣе на югъ; путь ихъ пролегалъ черезъ горы Лянгъ. Встрѣтившіеся имъ деревосѣки убѣждали ихъ воротиться, говоря, что на сто ли кругомъ нѣтъ и слѣда человѣческихъ жилищъ: только глубокія ущелья и безплодная пустыня, жилище волковъ и тигровъ.

— Что скажешь, мудрый братъ мой? спросилъ Пе-тао.

— Давно уже вѣдѣстно, отвѣтилъ Кіо-ягай:—что жизнь, смерть и все предопредѣлено; дошедши до свѣтлора, дойдемъ и далѣе, отбросивъ всякую мысль объ отступленіи.

Еще цѣлый день они шли неостанавливаясь и провели ночь въ дремучихъ гробницахъ. Холодный вѣтеръ продувалъ ихъ легкую одежду. На слѣдующій день, вьюга усилилась; въ горахъ снѣга выпало на цѣлый футъ. Пе-тао началъ изнемогать: ему не по силамъ было бороться съ холодомъ.

— Намъ остается пройти болѣе ста ли безлюдной пустыней, сказалъ онъ:—мы слишкомъ-легко одѣты, и запасы наши замѣтно истощаются.—Если только одинъ изъ насъ пойдетъ далѣе, онъ, вѣроятно, достигнетъ царства Тсу; продолжая же путь вмѣстѣ, мы замерзнемъ или умремъ голодною смертью. И къ-чему послужитъ наша

смерть посреди растений и деревьев?... Я сниму свою одежду и отдамъ ее моему добродѣтельному брату. Пусть онъ возьметъ и запасы, которые еще остаются: они поддержатъ его силы до конца путешествія. Я же останусь здѣсь и умру. Когда государь Тсу увидитъ моего брата, онъ тотчасъ сдѣлаетъ его важнымъ государственнымъ человѣкомъ, — тогда будетъ время вѣнчаться моими похоронами.

— Какъ, братъ мой можетъ предаваться такимъ мыслямъ! отвѣтилъ Кіо-нгай. — Конечно, мы не отъ однихъ родителей, но развѣ родство плоти могущественнѣе узъ добродѣтели? Я никогда не перевесъ бы мученій совѣсти, еслибъ оставилъ тебя, о братъ мой, одного на произволъ судьбы, а самъ пошелъ искать почестей! Нѣтъ, я никогда не соглашусь на это.

И Пе-тао, поддерживаемый Кіо-нгаемъ, прошелъ еще десять ли.

— Рѣюга усиливается, а я не въ силахъ сдѣлать шагъ болѣе, сказалъ совершенно-ослабѣвшій Пе-тао.

Отъискивая убѣжище, они увидѣли на краю дороги пустой пень тутоваго дерева, въ которомъ человѣкъ легко могъ укрыться отъ снѣга. Кіо-нгай помогъ своему другу помѣститься внутри пня. Пе-тао попросилъ его высѣчь огня, ударивъ камень о камень, и зажечь нѣсколько сухихъ вѣтвей. Исполнивъ его просьбу, Кіо-нгай обернулся и увидѣлъ Пе-тао совершенно-нагимъ; платье свое сложилъ онъ въ кучи подлѣ себя.

— Къ-чему братъ мой сдѣлалъ это? вскричалъ Кіо-нгай внѣ себя отъ удивленія.

— Я разсудилъ, сказалъ Пе-тао: — что намъ осталось лишь это средство. — Пусть братъ мой перестанетъ заблуждаться; пусть онъ поторопится взять это платье, остающіеся припасы и отправится въ путь. — Я умру здѣсь!

Кіо-нгай зарыдалъ, обилъ брата говоря: — мы должны жить и умереть вмѣстѣ; мы не можемъ разстаться.

— Если мы умремъ здѣсь съ голоду, кто же похоронитъ наши бѣлые кости?

— Такъ я же сниму свою одежду, сказалъ Кіо-нгай, и отдамъ ее моему старшему брату. Пусть онъ беретъ и припасы; если надо умереть, такъ сдѣлаетъ умереть младшему брату.

— Я всегда былъ чрезвычайно-нѣженъ и слабъ, возразилъ Пе-тао: — и хотя младшій братъ мой не силенъ, но въ сравненіи со мною онъ очень-крѣпокъ. — Его познанія гораздо-обширнѣ моихъ, и если король Тсу его увидитъ, то вѣрно дастъ ему важное мѣсто. — И стѣбитъ ли толковать о моей смерти? Не оставайся здѣсь долѣе, братъ мой, удались немедленно.

— Оставить брата умирать голодной смертью у этого дерева, а самому идти искать почестей — развѣ такъ поступаетъ человѣкъ добродѣтельный? Я этого не сдѣлаю.

— По собственному желанію, сказалъ Пе-тао: — оставилъ я горы Хи-ши; случайно вошелъ въ домъ моего брата, и съ первой встрѣчи мы стали друзьями. Скоро я открылъ въ моемъ братѣ рѣдкія сокровища познаній и убѣдилъ его искать должности. — Къ - несчастію, вѣтеръ и дождь противодѣйствуютъ намъ. Это судьба моя; я долженъ покориться. Но если я сдѣлаюсь причиной смерти брата, это будетъ грубая ошибка съ моей стороны.

Съ этими словами онъ хотѣлъ броситься въ рѣку, которая тутъ протекала. Но Кіо-нгай съ плачемъ удержалъ его въ своихъ объятіяхъ, хотѣлъ закутать одеждою и снова укрыть въ пнѣ. — Пе-тао противился. — Кіо-нгай хотѣлъ настаивать. Вдругъ Пе-тао измѣнился въ лицѣ; холодъ окостенилъ его члены; онъ не могъ говорить, и только знаками просилъ брата удалиться. — Кіо-нгай старался согрѣть своего друга, но холодъ уже проникъ до начала жизни. Члены его вытянулись; грудь судорожно вздымалась, и дыханіе готто было остановиться.

— Если я еще останусь здѣсь, подумалъ Кіо-нгай: — то самъ замерзну; кто тогда похоронитъ моего брата?

Онъ опустился на колѣни передъ Пе-тао, и, проливая горькія слезы, сказалъ ему:

— Удаляясь, недостойный братъ твой надѣется на покровительство твоего духа. Если онъ сдѣлается въ-сколько-извѣстнымъ, то общается тебѣ великолѣпныя похороны.

Пе-тао кивнулъ ему головой, хотѣлъ говорить, но дыханіе его остановилось: Кіо-нгай взялъ одежду и припасы, но все еще не могъ оторвать глазъ отъ друга. Наконецъ, онъ пощипалъ съ растерзаннымъ сердцемъ и глазами, полными слезъ. — Пе-тао умеръ въ нѣтъ тутоваго дерева.

Оцѣпенѣлый и полуертвый отъ голода, Кіо-нгай добрался до царства Тсу. Онъ остановился въ гостиницѣ и на слѣдующій день вошелъ въ городъ.

— Владѣтель Тсу, сказалъ онъ первому, попавшемуся ему на встрѣчу: — призываетъ къ себѣ умныхъ и мудрецовъ. Какъ же къ нему попасть?

— Двери дворца открыты для всѣхъ иностранцевъ, отвѣтили ему. — Тамъ Пей-чунгъ, въ званіи шанг-та-фу, принимаетъ ученыхъ всей имперіи.

Кіо-нгай пришелъ къ указанному ему мѣсту въ то самое время, когда Пей-чунгъ сходилъ съ колесницы. — Кіо-нгай подошелъ къ нему и, скрестивъ на груди руки, отвѣсилъ низкій поклонъ. Пей-чунгъ поспѣшилъ отвѣтить на поклонъ, ибо тотчасъ замѣтилъ, что Кіо-нгай, хотя и покрытъ рубищемъ, однако человекъ не дурнаго вида.

— Откуда ученый докторъ? спросилъ онъ тотчасъ.

— Вашъ покорнѣйшій слуга, Янг-Кіо-нгай изъ Лонг-чеу, отвѣтилъ онъ. — Услышавъ, что великій государь призываетъ къ себѣ ученыхъ, я поспѣшилъ на зовъ его.

Пей-чунгъ ввелъ его въ домъ, назначенный для иностранцевъ, и приказалъ угостить яствами и виномъ. Кіо-нгай

провелъ тамъ ночь. На слѣдующій день, Пей-чунгъ пришелъ убѣдиться въ его познаніяхъ. Кіо-нгай отвѣчалъ на всѣ вопросы: рѣчь его была рѣдкою. Пей-чунгъ былъ восхищенъ и тотчасъ поспѣшилъ дать Юен-Вангу отчетъ объ эвменѣ. Государь приказалъ позвать къ себѣ Кіо-нгай и спросилъ его какимъ-образомъ увеличить богатства и силы государства? Кіо-нгай, немедля много, предложилъ десять плановъ, удивительно-приспособленныхъ къ нуждамъ времени. Царь былъ въ восторгѣ, приказалъ задать пиръ въ честь Кіо-нгай, возвелъ его въ званіе чунг-та-фу, и подарилъ ему сто унцией золота и сто кусковъ шелковой матеріи самыхъ различныхъ цвѣтовъ.

Кіо-нгай дѣлалъ поклонъ за поклономъ, и глаза его наполнились слезами.

Юен-Вангъ спросилъ причину его грусти. На вопросъ царя, Кіо-нгай разсказалъ, какъ Цо-пе-тао сваялъ съ себя одежду, отдалъ всѣ принасы и умеръ въ пустынѣ. Юен-Вангъ и весь дворъ его были глубоко тронуты.

— Что же угодно вашей милости? прервалъ его царь.

— Вашъ министръ, отвѣчалъ Кіо-нгай: — желаетъ получить отпускъ, чтобы отправиться въ горы *Ліанг*. Прелавъ землѣ прахъ Цо-пе-тао, онъ вернется на службу къ великому государю. Юен-Вангъ взвелъ покойнаго Цо-пе-тао въ званіе чунг-та-фу, приказалъ сдѣлать великолѣпныя похороны и назначилъ отрядъ всадниковъ въ конной къ колесницѣ Кіо-нгай.

Простившись съ царемъ, Кіо-нгай поспѣшилъ въ горы *Ліанг*. Онъ шельлъ трудъ Цо-пе-тао въ томъ же положеніи, какъ оставилъ его: трудъ былъ совершенно-свѣжъ. Кіо-нгай сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ своему другу, потомъ приказалъ свитѣ своему собрать старшинъ изъ окрестностей и съ ними выбралъ мѣсто могилы у источника Пу-танга. Впереди протекла широкая рѣка, сзади могила устроилась въ гигантскую отлогость горы, съ правой и съ лѣвой стороны ее огра-

ничивалъ рядъ холмовъ: нельзя было найти мѣста, которое бы соединяло въ себѣ болѣе благопріятныхъ признаковъ.

Трупъ Цо-пе-тао вымыли благоводами, украсили знаками и колпакомъ та-фу и въ двойномъ гробѣ опустили въ могилу, окруженную насыпью и усаженную деревьями. Шагахъ въ тридцати отъ могилы выстроили храмъ для надгробныхъ жертвоприношеній. Статуя Цо-пе-тао изъ обожженной глины украсила внутренность его, а надпись на столбѣ увѣковѣчила имя покойника. Даже для сторожа не забыли построить возлѣ насыпи кирпичный домикъ. Когда постройки были окончены, начались жертвоприношенія. Всѣ присутствовавшіе проникнуты были глубокою печалью; старшины же и спутники Кіо-нгай плакали навзрыдъ.

По окончаніи церемоніи, всѣ удалились. Кіо-нгай приказалъ освѣтить храмъ и провелъ тамъ всю ночь, проливая горькія слезы. Вдругъ холодный вѣтеръ съ шумомъ ворвался въ храмъ и едва не задулъ лампъ. Когда внутренность храма вновь освѣтилась, Кіо-нгай увидѣлъ въ тѣни человѣческую фигуру. Изъ груди незнакомца вырывались тяжелые вздохи: онъ стоялъ въ нерѣшимости, подвинуться впередъ или нѣтъ.

— Кто тамъ? закричалъ Кіо-нгай: — кто осмѣлился войти сюда ночью, не смотря на строгое запрещеніе?

Отвѣта не было. Кіо-нгай подошелъ къ незнакомцу, и тотчасъ узналъ Цо-пе-тао.

— Духъ брата моего еще не удался, вскричалъ онъ съ удивленіемъ. — Вѣрно какая-нибудь важная причина заставила его навѣстить своего младшаго брата.

— Благодарю моего добродѣтельнаго друга, что онъ не забылъ меня. сказалъ Цо-пе-тао: — едва ступилъ на стѣну почестей, онъ и спросилъ у государя позволеніе похоронить меня. Я ему объявилъ высокимъ званіемъ, которыми меня почтили. Гробы мои и памятники красота неукоразненной. Од-

но лишь — вблизи моей могилы гробница Книг-ко. Этотъ человекъ при жизни возмущался противъ государя Тсианъ и былъ убитъ, претерпѣвъ поражение. Духъ его заносчивъ и дикъ. Каждую ночь онъ приходитъ ко мнѣ, вооруженный мечомъ, и ругается надъ мной, говоря: «Жалкій нищій, умершій съ голоду и холоду какъ ты осмѣлился лечь мнѣ на плечи, лишить меня воды и вѣтра моего? Если ты тотчасъ не покинешь эти мѣста, я разорю твою могилу, выну трупъ твой и по полямъ размечу куски его!» Находясь въ такомъ отчаянномъ положеніи, я пришелъ къ моему брату съ просьбою перенести тѣло мое въ другое мѣсто и спасти меня отъ ужаснаго несчастія.

Кіо-нгай хотѣлъ ему отвѣтить, но вѣтеръ снова задулъ нѣсколько лампъ, и тѣнь исчезла. Кіо-нгай хотя принялъ это явленіе за сонъ, однакожь всѣ обстоятельства ясно вѣздались ему въ память.

Только-что начало сѣтать, онъ поспалъ за старшинами и спросилъ ихъ: нѣтъ ли какой могилы въ сосѣдствѣ гробницы Цо-тао? Ему отвѣтили, что вблизи, подъ сѣнью кипариса, находится могила Книг-ко, а передъ нею храмъ, посвященный духамъ.

— Человекъ этотъ, сказалъ Кіо-нгай: — убитъ въ возмущеніи противъ царя Тсианъ. Отъ-чего же могила его здѣсь?

Узнавъ, что Книг-ко убитъ и трупъ оставленъ на полѣ битвы, Као-пейн-ли, житель этой страны, принесъ его сюда и похоронилъ на этомъ мѣстѣ. Это былъ знаменитый духъ, и жители окрестныхъ странъ воздвигли ему храмъ, въ которомъ четыре раза въ годъ приносятъ жертвы, чтобъ онъ даровалъ имъ счастье и богатство.

Кіо-нгай не сомнѣвался болѣе въ дѣйствительности видѣнія. Окруженный всѣмъ коварствомъ своимъ, онъ отправился въ храмъ Книг-ко и, погрозя кулакомъ изображенію его, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Наслѣдникъ престола царства Іенъ поддерживалъ тебя, невѣстнаго под-

даннаго. Помощь знаменитой красавицы и богатыя награды служили ему порукой твоей преданности. Не придумавъ плана для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, онъ послалъ тебя въ царство Тсинъ, чтобы тамъ поднять знамя бунта и убить тебя. Въ этой странѣ ты обманывалъ жителей, а теперь пользуешься ихъ жертвоприношеніемъ. Ты даже осмѣлился безпокоить брата моего, Цо-пе-тао, одного изъ извѣстѣйшихъ ученыхъ нашего времени, человѣка добраго, великодушнаго и справедливаго, человѣка истинно-ученаго? Но знай, что я разрушу храмъ твой, разрою могилу, и навсегда отрѣжу тебѣ корни и вѣтви за малѣйшую обиду, нанесенную моему брату.

Съ этими словами онъ повернулся и пошелъ молиться на могилу Цо-пе-тао.

— Пусть старшій братъ увѣдомитъ меня, сказалъ онъ:—если Книг-ко еще разъ прійдетъ къ нему съ угрозами.

Онъ рѣшился провести ночь въ храмѣ и опять освѣтилъ его.

Цо-пе-тао не замедлилъ явиться.

— Благодарю брата моего за то, что онъ сдѣлалъ, сказалъ онъ со вздохомъ:—но у Книг-ко множество приверженцевъ и вся страна приносятъ ему жертвы. Я прошу моего брата сдѣлать нѣсколько чучелъ изъ соломы, вооружить ихъ, одѣтыхъ въ разноцвѣтныя платья, и сжечь передъ моей могилой. Съ помощію ихъ я надѣюсь обезоружить Книг-ко.

И онъ исчезъ съ послѣдними словами.

Кіо-нгай приказалъ надѣлать къ слѣдующей ночи множество чучелъ, одѣлъ ихъ въ разноцвѣтныя шелковыя платья, далъ каждому въ руки копье или мечъ, и, исполняя вѣщанія Цо-тао, сжегъ всѣхъ передъ могилою. По окончаніи церемоніи, онъ опять обратился къ своему другу, прося увѣдомить, окажется ли это средство действительнымъ. Кіо-нгай отправился въ храмъ. Всю ночь слышала шумъ дождя, свистъ вѣтра и стукъ

оружія. Кіо-нгай вышелъ, чтобы узнать причину этого шума: Цо-пе-тао бросился къ нему на встрѣчу.

— Люди, сожженные моимъ братомъ, оказались бесполезными, сказалъ онъ. Као-ціен-ли поддерживаетъ Книг-ко, и скоро прахъ мой будетъ мигнать изъ могилы. Я надѣюсь, что братъ мой схоронитъ меня въ другомъ мѣстѣ, предупредить угрожающую опасность.

— Этотъ человѣкъ рѣшился еще разъ поругаться надъ моимъ братомъ! вскричалъ Кіо-нгай.—Такъ я же самъ пойду съ нимъ сражаться.

— Братъ мой только человѣкъ, возразилъ Цо-тао:—мы же всѣ духи. Храбрый человѣкъ можетъ воспротивиться своимъ ближнимъ, но какъ бороться съ тѣнью? Чучелы немогли имѣть своимъ оружіемъ, но не могли обратиться въ бѣгство этихъ смѣлыхъ духовъ.

— Поди, братъ мой, сказалъ Кіо-нгай.—До завтра. Я знаю, что нѣтъ остается дѣлать.

На слѣдующій день, онъ отправился въ храмъ Книг-ко. Осмысляя изображение его ругательствами, онъ разбилъ его и готовился сжечь храмъ, но старшины убѣдительно стали просить пощады.

— Это священный огонь цѣлаго селенія, говорили они ему.—Страшное бѣдствіе грозитъ народу, если вы его разрушите.

Вслѣдъ за ними и всѣ жители соединились, чтобы просьбами своими смягчить сердце Кіо-нгай. Онъ не могъ устоять,—вернулся въ храмъ и написалъ слѣдующее посланіе къ царю Тсу:

«Цо-пе-тао снабдилъ вашего министра пищею, и, сохранивъ его жизнь, далъ ему случай представиться самому владыкѣ, который осыпалъ его благодарностями, облекая въ высокое званіе, далъ ему все, чтобы сдѣлать жизнь его пріятною. Нынѣ министръ долженъ истощить свое сердце, чтобы называть другу своему благодарностию.»

Отдать это посланіе одному изъ свя-
той снаты, онъ пошелъ съ ними къ мо-
гиламъ Цо-пе-тао, и тамъ, проливая
горькія слезы, сказалъ:

— Брата моего Цо-пе-тао преслѣ-
дуетъ могущественная тѣнь Кинг-ко.
Ничѣмъ онъ не можетъ избавиться
отъ гоненій: я этого не потеряю.
Еслибъ я разрушилъ храмъ, разрылъ
погилу Кинг-ко, то, можетъ-быть, на-
мелкъ бы бѣдствія на эту страну. Лучше
умереть и сдѣлаться духомъ горныхъ
источниковъ, чтобъ помочь брату сра-
жаться съ ужасною тѣнью. Вы похо-
роните тѣло мое съ правой стороны
погилы Пе-тао. Въ жизни и смерти я
хочу быть возлѣ него. Вернитесь
къ Теу и отдайте это посланіе госуда-
рю. Я настоятельно прошу государя
слѣдовать совѣтамъ его министра, и
неизвѣстно покровительствовать го-
рамъ, рѣкамъ и духамъ, которые
управляютъ произведеніями земли.

Съ послѣдними словами, онъ про-
извелъ себя мечомъ. Послѣ тщетныхъ
усилій привести Кіо-нгай къ жизни,
спутники положили его въ двойной
гробъ и похоронили возлѣ Цо-пе-тао.

Ночью дождь и вѣтеръ усилились;
все небо было въ огнѣ; страшные пе-
рекаты грома сливались со стукомъ
оружія, который слышенъ былъ на
нѣскольکو ли кругомъ. Пораженная
молніей, могила Кинг-ко разверзлась,
и обнаженные кости его разсыпались
по равнинѣ; кипарисъ, осыпавшій мо-
гилу, вырванъ съ корнемъ; храмъ сло-
рѣлъ, и на мѣстѣ его осталась без-
плодная земля; старшины, пораженные
ужасомъ, приносили жертвы и падали
лицъ передъ могилами Цо-пе-тао и
Янг-кіо-нгай.

Вернувшись въ царство Теу, конвой
покойнаго министра рассказавъ все,
что случилось. Чтобъ почтить па-
мять своего достойнаго совѣтника,
Юен-Вангъ поручилъ одному изъ су-
дей построить храмъ передъ могилою
Кіо-нгай и возвелъ его въ званіе
шанг-та-фу. Въ указѣ, которымъ на-
значалась постройка храма, онъ на-
Т. К. — Отд. VIII.

звалъ *храмомъ верности и добродѣ-
ли*.

Надпись увѣковѣчила это происше-
ствіе. Священный огонь сохранился
до нашихъ дней; душа Кинг-ко, вавсе-
гда уничтожена, хотя сельскіе жители
и продолжаютъ приносить жертвы по
четыре раза въ годъ для искупленія
душъ.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ послѣднее время, нѣсколько разъ
возникалъ въ нашей литературѣ во-
просъ о томъ, что журналы уничтожи-
ли у насъ книги. Было много и жалобъ
и оправданій; потомъ, и обвинители и
обвиненные, высказавъ каждый съ
своей стороны что слѣдуетъ, замолча-
ли и передали дѣло, какъ говорится въ
протоколахъ, суду и волѣ Божіей. Дѣ-
ло это и не могло рѣшиться иначе, по-
тому-что оно было казуемое, такое,
для котораго, по новизнѣ его, нѣтъ за-
кона, — въ которомъ никто никому
не указъ. Теперь этотъ вопросъ при-
помнился намъ не прямо, а посред-
ственно, и вотъ какимъ путемъ. Нача-
ло 1847 года ознаменовалось въ мі-
рѣ нашей журналистики нѣкоторымъ
движеніемъ, подтверждающимъ од-
ну всѣмъ извѣстную истину, что мы
идемъ впередъ. Если эта истина не
новость, то изъ этого еще не слѣдуетъ,
что о ней и говорить не нужно. Не-
льзя не говорить о такомъ предметѣ,
на который опирается много стремле-
ній, въ которомъ кроется много возбу-
ждающей силы, который служитъ без-
молвнымъ оправданіемъ многимъ сло-
вамъ и дѣламъ, донныи неизбавившим-
ся отъ странныхъ осужденій. Жур-
нальныхъ объявленія на 1847 годъ воз-
будили печатныя насмѣшки — что жъ?
Насмѣшка дѣло не обидное, потому-
что все, даже самое хорошее, имѣетъ

свою смѣшную сторону, и тотъ, въ комъ есть призваніе острить, найдетъ эту смѣшную сторону и съостритъ — на здоровье! Остриякъ то же, что какой-нибудь эквилибристъ: ловко проплывалъ на канатѣ—закричать ему: *bravo!* и рукоплесканіями награждать; не съумѣвъ отличиться—острота падеть на его же голову: остриякъ осмѣютъ молча, остриякъ будетъ стыдно и, пробуждаясь когда-нибудь отъ сна, подобно господину Голядкину, припомнитъ онъ, въ сѣ того ни съ сего, свою неловкую острогу и покраснѣетъ самъ передъ собой, тоскливо покраснѣетъ. Здѣсь, конечно, не говорится о тѣхъ людяхъ, которые успѣли изжить свою литературную совѣсть, или совѣсть не воспитали ея сознаниемъ. Тѣ люди рѣдко острятъ, зная, что остроты ихъ всегда выходятъ тяжелы; они предпочитаютъ другія орудія, держатся другой системы, — системы серьезныхъ увѣреній, положи руку на сердце, разныхъ прищипокъ къ благопріятнымъ для нихъ, хотя бы даже и болѣзненнымъ фактамъ, и чаще пишутъ свои обвиненія, нежели печатаютъ. О такихъ людяхъ неохотно говорится.... И такъ, дѣло въ журнальныхъ объявленіяхъ. Они возмѣщали о вновь-возникающихъ или возраждающихся издавнѣхъ и — не обманули: изданія эти дѣйствительно появились въ свѣтъ; слѣдовательно, и остротъ пока можно не слушать. Но вопросъ о поглощеніи книгъ журналами? И безъ того въ книжномъ мірѣ было бѣдно-бѣдно; а теперь новые и обновленные журналы проглотятъ и послѣдніе остатки... А что жь? пусть ихъ! Въ настоящее время меньше, нежели когда-нибудь, можно жалѣть объ этой грозной *потравѣ*: журналы наши — какъ вы ихъ ни олицетворяйте, составьте изъ нихъ какой угодно неуклюжій маскараль въ иноскавательномъ смыслѣ, — они все-таки дѣлаютъ свое дѣло и, дѣлая дѣло, дошли до того, что перестали быть сборниками, — начали мало-по-малу опредѣляться. Чувствуешь и приближительно угадываешь, что вотъ, на-примѣръ,

того-то такой-то журналъ не скажетъ. Слово: *направленіе* стало какъ-то особенно въ ходу... Журналы развиваются въ отношеніи не однихъ объемовъ. Во многомъ ихъ упростили и обновили: обвиняли въ томъ, что они говорятъ иногда слишкомъ-высоко, обвиняли въ «завиральныхъ идеяхъ», обвиняли въ томъ, что большинство публики не читаетъ ихъ существенныхъ отдѣловъ — во всемъ обвиняли. Но говорить этого кажется, начинаетъ смолчать... Весело видѣть, какъ добрая мысль чуть не силою пробивается въ толпу, какъ робкая толпа сначала дичится и сторонится, потомъ озираетъ новую гостью, потомъ, мало-по-малу, нечувствительно подчиняется ея магическому взгляду — начинается знакомство. Одно твердо-принятое направленіе порождаетъ другое, противоположное, возникаетъ борьба, слѣдовательно, живая. Чѣмъ нужды, что въ эту борьбу иногда вмешивается немножко-темная сторона? Развѣ невзрачная изнанка кулисы нарушаетъ красоту великолѣпной декорации? Декорация все-таки изящна, и вѣрно изображаетъ мѣстность, и соотвѣтствуетъ дѣйствию... Не жалѣйте же о поглощеніи книгъ журналами: отъ этого никто не будетъ въ нападѣ, и развитіе литературы и успѣхъ ея за дачъ пойдутъ едва-ли не быстрѣе.

Изъ возродившихся или преобразовавшихся періодическихъ изданій всего болѣе обращаютъ теперь на себя вниманіе публики *Санктпетербургскія Ведомости*—газета политическая и литературная. Эта газета избѣгла свой форматъ и ввела у себя фельетонъ. Преобразование вовсе-немажорное: форматъ — внушающій довѣріе въ характеръ европейскихъ газетъ, большой, огромный, съ пятью столбцами, слѣдовательно, дающій газетѣ возможность достигнуть полноты. Если же она достигнетъ полноты, то и хорошо и довольно: остальное зависть не совѣсть отъ нея. Правда, тамъ, кромѣ оффиціальной части, помѣщаются и другія статьи, выборъ которыхъ зависитъ отъ редакціи. Что жь? въ *Санкт-*

петербургскихъ Вѣдомостяхъ • есть статья, черезъ которую съ чувствомъ глубокаго уваженія невольно отступаешь, оставляя ихъ неприкосновенными въ пользу читателей, въ пищу ихъ уму и сердцу. Далѣе, фельетонъ. Здѣсь необходимо повторить слово: *направленіе*, потому что фельетонъ — личность газеты, ея, такъ-сказать, индивидуальная сторона, органъ ея мнѣній... Еслибъ намъ позволено было судить о всѣхъ по себѣ, мы бы прямо сказали, что фельетонъ • Санктпетербургскихъ Вѣдомостей • производитъ пріятное впечатлѣніе на душу читателя: онъ благороденъ и чистъ; нѣтъ въ немъ никакихъ темныхъ побужденій; сверхъ того, онъ разнообразенъ, хотя это же самое свойство разнообразія какъ-будто мѣшаетъ положительно опредѣлить его направленіе, его задушевную мысль, можетъ-быть, по русской поговоркѣ: «сколько головъ, столько умовъ», а можетъ-быть и по другимъ причинамъ. Есть въ этомъ фельетонѣ милая болтовня, и всякій желающій можетъ вдоволь наслушаться тамъ болтовни порадочнаго свѣтскаго человека; есть взгляды, на-прим., взглядъ на русскую литературу въ 1846 году, отличающійся *алатей серединой*, характеромъ благоразумно-нейтральнымъ, вершинистельностью мнѣній. Взглядъ говорить о двухъ противодѣйствующихъ литературныхъ партіяхъ и находить въ каждой изъ нихъ односторонности, хотя и самъ тутъ же впадаетъ въ односторонность: изъ всѣхъ явленій литературы 1846 года, не безъ основанія назвавъ по имени одного г. Достоевскаго, онъ въ *Дюймовикъ* и *Прозарчилъ* видитъ только утомительность и скуку и смѣло утверждаетъ, что только самые прілежные читатели, и то по обязанности, прочли эти повѣсти до конца. Впрочемъ, вообще, фельетонъ этотъ такъ мило-вѣтренъ, что смѣшно бы было называть ему какую-нибудь отвѣтственность въ сужденіяхъ о предметахъ серьезныхъ. По-крайней-мѣрѣ, что касается до насъ, мы все ему прощаемъ: онъ сталъ въ такую позицію,

которая явно показываетъ, что онъ ни за что не отвѣчаетъ, лишь бы только пріятно было пробѣгать его передъ обѣдомъ или тотчасъ послѣ обѣда, т. е. въ такое время, когда все, что сколько-нибудь отзывается серьезною мыслью, тяжело и неумѣстно. Придирчивые люди, пожалуй, стали бы, на-примѣръ, требовать отъ него отчета — какъ это выдумалось ему воскликнуть по случаю выхода нѣсколькихъ русскихъ журналовъ къ новому году: зачѣмъ они всѣ въ разныхъ оберткахъ, зачѣмъ не соединились они въ одну книгу? Спорачить, эти серьезные господа доказали бы, какъ дважды-два — четыре, фельетону, что онъ не понимаетъ значенія журналистики, если полагаетъ, что въ журнальномъ мірѣ не должны существовать партіи, т. е. мнѣнія, одно съ другимъ несогласныя и противодѣйствующія одно другому. Но не будетъ ли эта придирчивость педагогическимъ крючкомъ? Вы видите, что люди собрались шутить, смѣяться, острить, хохотать, и предаются этому такъ беззаботно, такъ искренно, что и со стороны дѣдается весело, глядя на ихъ невинный смѣхъ и вязично-развязныя позы; а вы пристаеете къ нимъ съ вашей несносной логикой да съ серьезными вопросами! Этими вы испортили все дѣло... Есть еще въ фельетонѣ • Санктпетербургскихъ Вѣдомостей • живыя сужденія о театрѣ, особенно объ Итальянской Оперѣ, и о многомъ любопытномъ въ нашей насущной жизни, шевелящемъ насъ въ настоящую минуту. Но главное въ этомъ фельетонѣ — все — такі шутки и остроты, остроты локкя, смѣлыя и особенно профорныя: зайдетъ рѣчь о чемъ-нибудь, хоть бы, на-прим., о гимнастикѣ, и вотъ одна острота летитъ черезъ весь фельетонъ и не смотритъ, что встрѣчается ей на пути; попался случайно глубокой вопросъ, на-прим., о значеніи женщины въ обществѣ, острота и его подъ себя — и вопросъ разлетается въ дребезги... Наконецъ, есть тамъ остроумные разсказы, на-прим., объ аристократиче-

ской продѣлкѣ какой-то княгини съ однимъ смѣшнымъ поэмомъ... разскавъ премидый! При этомъ, нельзя не остановиться надъ однимъ обстоятельствомъ. Замѣчали ли вы, какая странная переиѣна дѣлается всегда съ русскимъ фельетонистомъ, когда вздумается ему описывать высшее общество? Это очень - любопытно. Представьте себѣ, онъ въ этихъ случаяхъ самъ прикидывается аристократомъ и говоритъ о высшемъ обществѣ, какъ о предметѣ совершенно ему знакомомъ! Высшее общество, какъ извѣстно, не читаетъ русскихъ книгъ, слѣдовательно, не будетъ повѣрять, вѣрно ли оно въ нихъ описывается; а средній кругъ, разумѣется, не судья въ этомъ дѣлѣ, потому - что судить объ немъ на - обумъ или со словъ читаемыхъ имъ писателей. Вотъ такимъ-то образомъ дѣло и слаживается: писатель выдумываетъ объ аристократахъ что ему угодно, а читатели, довольные, сверхъ всего, уже и тѣмъ, что онъ вводитъ ихъ въ очарованный кругъ высшаго общества, вѣрять ему съ простодушіемъ, очень-естественнымъ въ ихъ положеніи. Одна изъ вѣчныхъ замашекъ нашихъ аристократическихъ разсказовъ заключается въ томъ, чтобъ всѣхъ аристократовъ изображать людьми безпощадно-остроумными, людьми, которые не могутъ слова сказать безъ того, чтобъ не зарѣзать кого-нибудь самую ядовитую острою. Поселивъ въ своей публикѣ такое мнѣніе объ аристократическомъ языкѣ, писатель начинаетъ и самъ изъясняться обо всемъ убійственно-аристократически, то-есть убійственно - остроумно... Но это мы сказали такъ, къ слову, и смѣшнымъ возвратиться къ «Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ». Впрочемъ, изъ всего сказаннаго уже слѣдуетъ, что фельетонъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» очень-живъ и разнообразенъ; а «Санктпетербургскія Вѣдомости» газета прекрасная, такая только можетъ существовать у насъ въ настоящее время. Кромѣ описанныхъ нами

достоинствъ, въ цѣломъ этой газеты есть еще что-то, завѣрающее въ ея будущихъ успѣхахъ, которыхъ мы желаемъ ей отъ всей души.

Здѣсь же считаемъ умѣстнымъ обратитъ вниманіе читателей на другое вновь-возникшее у насъ на Руси изданіе, на *Московский Городской Листокъ*.

Съ началомъ нынѣшняго года, Москва минуло 700 лѣтъ. Эта цѣра, вѣроятно, сдѣлала значительное впечатлѣніе на Москву, можетъ-быть, заставила ее о многомъ задуматься и, какимъ бы то ни было спѣшеніемъ идей, навела на мысль сдѣлать себѣ, для дня рожденія, подарокъ. Ничего лучшаго не могла Москва придумать, какъ подарить себѣ «Листокъ», ежедневную летучую газету, избравшую своимъ предметомъ, по ея собственному выраженію, *l'intérêt du moment*. Это выраженіе, если понять его какъ слѣдуетъ, имѣетъ глубокой смыслъ для газеты; а газета, избравшая его девизомъ и пользовавшая свой девизъ какъ слѣдуетъ, имѣетъ глубокой смыслъ для общества. Интересы настоящей минуты, общіе всѣмъ намъ, пока еще неуловимы; они еще не нашли для себя ни твердаго слова, ни на-крѣпую порѣшеннаго дѣла. Сложившаяся у насъ поговорка: «что городъ, то и родъ», не утратила своей силы и вѣду имѣетъ прирѣченіе. Есть между нами отдѣльные міры, вращающіеся въ сферѣ своихъ помысловъ, и непріязненно поглядывающіе на все, что не принадлежитъ къ этой сферѣ. А между-тѣмъ, они сами себѣ не всегда признаются въ своей исключительности, то изъ самолюбія, то по упрямству... Изъ этого, кажется, слѣдуетъ, что отыскать и выразить опредѣленнымъ словомъ нашъ современный интересъ, ту мысль, ту завѣтную душу, которая бы шевелила и наклоняла къ одну извѣстную сторону *каждую* изъ насъ, очень-трудно, и до-тѣхъ-порѣ будетъ трудно, пока все исключительное не сознаетъ своей исключительности, не перестанетъ быть исключительнымъ и не примыслетъ къ той сферѣ

рѣ, которая дѣйствительно движется какиъ-нибудь разумнымъ современнымъ интересомъ.

Хорошо высказаться: потому-что это значитъ—сознать себя; хорошо и быть высказану: потому-что это значитъ получить средства къ сознанию. Высказать обществу самое это общество; рассказать ему его вчерашнюю и сегодняшнюю жизнь во всѣхъ ея чертахъ; показывать каждому члену этого общества его-самого и ту среду, въ которой провелъ онъ вчерашній день и незамѣтно проведетъ еще много такихъ дней—вотъ задача, которую избралъ, или по крайней мѣрѣ долженъ былъ избрать себѣ Московскій Городской Листокъ. Говоримъ: долженъ былъ, потому-что для газеты подобнаго рода, предпринятой на разумномъ основаніи, не можетъ быть иной задачи, иной цѣли.

Москва заключаетъ въ себѣ отдѣльный міръ... Блестящій образчикъ этого міра далъ намъ Грибоѣдовъ, и съ той поры весь петербургскій грамотный людъ, не бывшій или не живавшій въ Москвѣ, составлялъ себѣ о ней понятіе болѣе или менѣе по этому образчику. Впрочемъ, признаемся, мы, принадлежащіе къ числу живавшихъ въ Москвѣ, по уже давно неживущихъ въ ней,—въ послѣднее время стали думать, что «особый отпечатокъ», который, по словамъ Фамусова, есть на всѣхъ московскихъ, давно успѣлъ сгладиться и оттънокъ московской наивной патриархальности остался только въ преданіяхъ. Поэтому «Листокъ» возбуждалъ въ насъ живое любопытство, и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно обрадовалъ насъ, польстилъ нашему самолюбію, ибо въ его появленіи мы хотѣли видѣть подтвержденіе своей мысли. Взвѣсивъ за «Листокъ», мы съ перваго же раза забыли и надежды, и самолюбіе, и всѣ свои личные виды, невольно подчинившись его вліянію. Вотъ какъ это случилось: въ первомъ номерѣ новой московской газеты говорится, что «Листокъ» намѣренъ изображать всю московскую

жизнь, разложивъ ее на элементы: науку, благотворительность, изящныя искусства, торговлю, фабрики, мануфактуры, моды, увеселенія *высшю круа*, обычая... Это пышное обѣщаніе, согласовавшееся съ нашимъ сердечнымъ желаніемъ, привело насъ въ восторгъ. Каково же было въ восторженномъ—то состояніи читать дальше, что многія любопытныя черты на роднаго быта можно подмѣчать на базарахъ, рынкахъ и простонародныхъ гульбищахъ (какая *юношеская свѣжесть* въ этихъ словахъ!). Далѣе: Мы будемъ по возможности присматриваться и прислушиваться ко всякой пульсаціи, ко всякому живчику, принявъ девизомъ *l'intérêt du moment*. Мы будемъ ловить всякое событіе, и стараемся сохранить всю *свѣжесть* его, *сожаты* на листокъ... Помните ли, читатели, какое ощущеніе происходило въ челоуѣкѣ, когда онъ, послѣ долгой зимы, въ первый разъ отворить у себя окно, и пахнѣтъ ему въ лицо теплый весенній вѣтеръ? невыразимо-пріятно!.. Точно такое ощущеніе произвели въ насъ вышеприведенныя слова «Листка»: молодое, теплое и полно жизни! Увы! то была лучшая минута изъ всѣхъ, проведенныхъ нами за «Листкомъ»; мы не можемъ забыть этой минуты, не можемъ вспомнить о ней безъ особаго удовольствія. Минута невозвратима! За нею послѣдовали только безпрестанные переходы отъ надежды къ разочарованію... Вслѣдъ за незабвенной минутой, попали мы на статью, въ которой Москва обнаружила странную черту—обидчивость; и обижается она тѣмъ, что будто-бы заносчивый Петербургъ считаетъ ее отсталую. Вслѣдствіе этого, заносчивый изображенъ сатирически въ лицѣ удивительнаго статскаго совѣтника, который держится того мнѣнія, что въ Москвѣ нѣтъ французскаго табака, а въ губернскихъ городахъ всѣ городскія власти должны идти къ нему, вновь прибывшему столичному статскому совѣтнику, на поклонъ. Боже мой! что за наивный

статскій совѣтникъ! И какой свѣтлой! Какъ сатирически описанъ! Потому стали насъ поражать наши собственные промахи. Приступаемъ, на-приимѣръ, съ самымъ беззаботнымъ настроеніемъ, съ желаніемъ побесѣдовать съ Москвою, спросить ее о томъ, какъ она поживаетъ; открываемъ «Листокъ», и вдругъ беззаботность должна сторониться, чтобы дать мѣсто серьезной мысли: представляется важная статья, въ родѣ «Лекціи г. Шевырева», или «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей». Конечно, науки полезны, въ этомъ спора нѣтъ; наука должна идти впередъ всего, — такъ сказано и въ первомъ номерѣ «Листка». Ну! думаемъ себѣ, прослушаемъ лекцію, а послѣ поговоримъ. Прослушали лекцію, всю, до конца. Чтѣ же потомъ? О чемъ шла рѣчь? Приѣхали въ Москву *такіе-то*, а выѣхали изъ Москвы — *такіе-то*, и только. Но мы незнакомы съ этими приѣхавшими и выѣхавшими, и потому не можемъ сочувствовать ихъ приѣзду и выѣзду. Правда, Москва, можетъ-быть, пишетъ «Листокъ» для себя; приѣхавшіе и выѣхавшіе имѣютъ для нея глубокій смыслъ: она съ ними знакома, — въ Москвѣ, говорятъ, всѣ знакомы между собою. Намъ только теперь пришло въ голову, что мы тутъ на чужомъ пиру незваные гости... Однако, если вспомнишь первую минуту нашего знакомства съ «Листкомъ», становится какъ-то грустно: жаль дорогой надежды узнать Москву во всѣхъ чертахъ ее внутренней и вѣшней жизни, разложенной на составные элементы — науку, благотворительность, изящныя искусства, торговлю, фабрики, мануфактуры, моды, увеселенія высшаго круга, обычаи... и проч. «Черты изъ Жизни Университета» занимаютъ три номера. Прекрасно! Но вѣдь же эти любопытныя историческія черты вступаютъ, т. е. вытѣсняются изъ «Листка» живыя, подвижныя черты настоящей московской жизни?.. Вспомнивъ неумѣстность работы въ чужомъ дѣлѣ, мы смирились, погрузились въ важныя статьи и от-

части утѣшились. Тамъ нашли мы средство знакомиться съ Москвою по-крайней-мѣрѣ посредственно, чрезъ знакомство съ взглядами тамошнихъ мыслителей на предметы, достойныя всеобщаго вниманія. На эту мысль привела насъ статья о Жоржѣ Зандѣ, статья, въ которой замѣтно высказывается личность автора, вступившая, какъ показалось намъ, въ періодъ переходный. Раздумье его о Жоржѣ Зандѣ глубоко; но результатомъ этого раздумья вышло сомнѣніе: онъ колеблется между двумя убѣжденіями: что кроется въ произведеніяхъ Жоржа Занда, несбыточные ли мечты, или предчувствіе чего-то должствующаго совершиться... Такое чисто-сердечное раздумье крайне-приятно. Лишь было бы у автора побольше вѣры въ будущіе успѣхи человечества, и тогда онъ не замедлитъ рѣшить свой вопросъ... Строго-сумрачное впечатлѣніе, произведенное на насъ важными статьями, совершенно исчезло предъ бѣглыми разсказами г. Вельтмана. «Листокъ» еще въ самомъ началѣ намекнулъ читателямъ, что онъ не надѣется набрать картинъ собственно московской жизни для каждаго изъ своихъ номеровъ (номеръ 1, стр. 3). Признавая всю основательность подобнаго опасенія, мы примолчимъ здѣсь, что ничѣмъ нельзя такъ удобно заставить пробѣлать въ легкой газетѣ, какъ статейкой въ родѣ «Ильи Ларина». Это контуръ, набросанный карандашомъ на лоскутѣкъ бумаги; но чтѣ за свободная, ловкая рука его набросала! И какъ вѣренъ этотъ контуръ!

Еще одно обстоятельство поразило насъ въ «Листкѣ»: онъ, кажется, не слишкомъ горячо стоитъ за собственныя мнѣнія. На-приимѣръ, въ одномъ номерѣ помѣстилъ онъ статью о пребываніи Каравзина въ Москвѣ; а въ другомъ опроверженіе на эту статью съ замѣчаніемъ редакціи, въ которомъ она кается въ грѣхѣ напечатанія опровергаемой статейки. Можетъ-быть, чрезъ нѣсколько дней въ томъ же номерѣ «Листка» явится опроверженіе на

опроверженіе, съ новыиъ испренииъ раскаяніиъ редакціи? Почему же и не такъ? смиреніе — высокая добродѣтель... Но скажите, сдѣлайте милость, какъ согласить двѣ статьи, касающіяся вопроса о свободной торговлѣ, въ которыхъ одна въ номерѣ 6, а другая въ номерахъ 19 и 21? Онѣ смотрятъ врознь, рѣшительно въ разныя стороны.

Наступила масляница, распоясался весь русскій людъ на пиры и гулянье, распахнулся и «Листокъ» шире обыкновеннаго... Эта *распахка* ярче всего обнаружилась въ восторженномъ описаніи праздника, того самаго праздника, съ котораго авторъ описанія уѣхалъ въ собственной каретѣ (это значитъ въ описаніи). Чудное описаніе! Это — хвалебная пѣснь всѣмъ диковнѣиъмъ праздникамъ—ярмаркѣ, цѣлѣточной бесѣдѣ, медвѣдю и его жомотому, Цыганамъ, живымъ картинамъ и многому иному. Хвалитель воспѣлъ «сіе празднество» провозю; но въ пѣснѣ его есть и стихи, сложенные отрядомъ прибывшихъ съ Запада рыцарей, которые привѣтствовали хозяина и гостей такъ:

«Мы къ вамъ въ гости, въ добрый часъ,
Бдемъ веселиться;
Слухъ несетъ, что у васъ
Есть чѣмъ похвалиться.

«Будто-бъ къ вамъ изъ-за морей
Взидитъ людъ кормиться,
Что чужихъ богатырей
Край вашъ не боится,

«Будто, идъ-бъ вы ни прошли,
Всюду барски жили,
Всюду пиръ съ собой несли,
Золотамъ сорили.» и пр.

«Наково на Западѣ-то сочиняютъ по-русски!» восклицаетъ въ сердечномъ увлеченіи авторъ описанія. Да, хорошо! А какъво хозяину-то и гостямъ-то праздника, давнаго въ 1847 году отъ Р. Х., стало отъ этого средне-вѣковаго комплимента?

Довольно, совершенно-довольно! Мы удовлетворены... Теперь мы поняли,

съ какой стороны должно браться за «Листокъ» и чего въ немъ искать. Онъ, можетъ-быть, ивыиъ, новыиъ путемъ, привелъ насъ къ желанной цѣли: черты Москвы проясняются перелъ нами. Продолжайте, ново-рожденная газета, вы будемъ читать васъ съ любопытствомъ, съ жадностью, чего желаемъ и всѣмъ сущимъ на Руси читателямъ! Съ одною только, единственною просьбою обратились бы мы къ вамъ, еслибъ вы позволили: съ просьбою—давать намъ понятіе о вкусахъ московской публики, замѣчая успѣхи, которые имѣютъ въ ней различныя уместныя проявленія. Почему, на-примѣръ, не сказать, какъиъ вновь-появившимся литературнымъ произведеніемъ бываетъ увлечена московская публика? Потому, представляете же вы: *зрѣлища*. Отъ-чего же бы не приболзвить, каково шли эти зрѣлища, въ какой степени они были удачны и какъ были приняты зрителями?.. Вы скажете, что желаніе это внушено намъ эгоизмомъ? Признаемся; но этотъ эгоизмъ лучше всякаго другаго: онъ благонамѣренный. До-сихъ-поръ, мы встрѣтили въ «Листкѣ» всего-на-все одну статью въ этомъ родѣ—именно о концертѣ г. Сальви, помѣщенную въ номерѣ 34-иъ. Правда, что по своей глубокой оригинальности, одна такая статья стоить десяти, но это оригинальность чисто-личная: не вѣрится, чтобъ она могла назваться иѣстною, московскою. Вотъ нѣсколько фразъ: «однообразные мотивы итальянской музыки не могли замѣнить созданій великихъ маэстровъ, каковы Веберъ и Мейерберъ» (сказано по поводу «Фенеллы», «Роберта» и «Жадовки!»); «въ самой *Lucini*... *могсеах d'ensemble изъ рукъ вонъ плыли*, кромѣ финала втораго акта; раздались звуки *fra rosota* (росо а ше) *risovero*... этого страстнаго вдохновенія Довизетти, этого *trait de génie*, вырвавагося у *весьма посредственнаго маэстро*» (вотъ какъ!) и проч... Въ этой же статьѣ предпочтеніе, оказанное петербургскою публикою г. Гуаско перелъ г.

Сальви отнесено къ страсти ея по все-
му новому, при чемъ весьма-наивно
упущено изъ вида, что о пѣвцѣ судить
не по одной сладости голоса, но и по
художественности пѣнія.

Мы кончили; но все еще какъ-то
жалъ намъ разстаться съ «Листкомъ»,
и потому, оставляя на нѣсколько ми-
нуть другое, припасенное въ умѣ, рѣ-
шаемся теперь же сообщить читате-
лямъ тѣ новости, которыя прочли мы
въ «Листкѣ».

Первая новость—траурная, и, вѣроят-
но, самой большей части нашихъ чи-
тателей уже извѣстная; но умолчать о
ней нельзя, потому-что нельзя оста-
ться къ ней безучастнымъ... Языковъ
умеръ, — Языковъ, современникъ Пу-
шкина, его товарищъ, вѣвочка изъ
потухшаго соавтѣдія!.. Чтѣ говорить
по случаю этой печальной вѣсти? Су-
дить о поэтѣ? И судъ и хвала ужъ бы-
ли высказаны при жизни его, слѣдо-
вательно, ему въ глаза. Не повторять
же старое надъ новой могилой! Оста-
ется помянуть его добромъ. Помяните
же, читатели, добромъ Языкова, при-
помянувъ тѣ пріятныя минуты, которыя
нѣкогда испытали вы подъ влияніемъ
его звѣвшаго, поучительнаго стиха.
Можно бы и распространить эти по-
мянки; но къ чему же тревожить до-
брожелателей? Въ пылу сочувствія,
имъ можетъ показаться, что мы отсту-
паемся отъ своихъ мнѣній, и это ихъ
огорчить...

Переходимъ къ пріятной вѣсти.
Князь М. А. Оболенскій порадовалъ
всѣхъ подвизающихся на поприщѣ
русской исторіи: онъ нашелъ подлин-
ную рукопись *Георгіа Амартола*. Тѣмъ,
кто —

...рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли,

можетъ-быть, покажется страннымъ,
чему всѣ эти люди такъ обрадовались;
а между-тѣмъ, радость понятна. Хро-
нику Амартола, уже болѣе двадцати
лѣтъ тому назадъ, извѣстнѣйшій архе-
графъ Н. М. Строевъ съ торжествомъ
обнаружилъ ученому свѣту, признавъ

ее несомнѣннымъ источникомъ дѣтскихъ
преподобнаго Нестора. Съ-тѣхъ-поръ,
ученые все искали ея подлинныя,
и все не находили. Послѣ этого я-
сно, отъ-чего эта хроника важна для
русской археологіи: вопросъ, служи-
ли она источникомъ Нестору, вызы-
ваетъ вопросы о самой дѣтописи Несто-
ра; по распространяться объ этомъ и-
жнокъ предметѣ здѣсь, конечно, не
мѣсто, тѣмъ болѣе, что объ этомъ го-
ворено было нами въ прошломъ нѣс-
цѣ, въ отдѣлѣ Критики. Въ статьѣ, во-
мѣщенной въ «Чтеніяхъ Общества Лю-
бителей Исторіи и Древностей Россій-
скихъ», князь Оболенскій рассказываетъ,
какъ случилось его открытіе. За-
мѣтить надо, что въ славянскихъ пере-
водахъ хроники Георгіа Амартола
представляются двѣ редакціи: болгар-
ская и сербская. Въ спискахъ обѣихъ
редакцій за самой хроникой, доведен-
ной до кончины императора Михаила,
сына Θεофилова, слѣдуютъ продолже-
нія, несходныя въ спискахъ той и дру-
гой редакціи. Ученый Гарать, въ вѣ-
данномъ имъ каталогѣ греческихъ ру-
кописей Королевско-Баварской Библіо-
теки, говоря объ одной изъ нихъ, в-
ключающей въ себя хронику Амарто-
ла, замѣчаетъ, что переписчикъ до-
полнилъ ее дѣтописью Льва Грамматика.
Это замѣчаніе подало князю Обо-
ленскому мысль — сличить дополненія
въ спискахъ болгарскихъ и сербскихъ
съ Львомъ Грамматикомъ и другими
Византийцами, которые писали послѣ
Амартола, и потому при позитивней
перепискѣ его хроникъ могли быть
употреблены для ея дополненія. Съ
этой цѣлію, князь Оболенскій потребо-
валъ изъ Московской Синодальной Би-
бліотеки, по составленному Маттеемъ
описанію хранящихся тамъ рукописей,
Хронику Символа Логовета. Предпри-
нятое за тѣмъ сличеніе дѣтописей при-
вело его къ слѣдующимъ результатамъ:

1) что продолженіе хроники Амар-
тола въ спискахъ болгарской редакціи
составляетъ дѣтопись неизвѣстнаго
Феофанова продолжателя;

2) что въ спискахъ сербской редакціи за хроникой Амартола слѣдуетъ повѣствованіе Георгія Инока (Georgii Monachi Vitae Imperatorum Recentiorum);

и 3) что греческая рукопись Синодальной Библіотеки, названная хроникой Симеона Логоета, названа такъ ошибочно; что это напротивъ—Хроника Георгія Амартола, совершенно соотвѣтствующая славянскому ея переводу сербской редакціи.

Вотъ все, что считали мы нужнымъ сообщить объ этомъ важномъ открытіи; но въ заключеніе нельзя не прибавить другаго, тѣсно-связаннаго съ нимъ извѣстія, рассказаннаго тѣмъ же «Листкомъ». Онъ говоритъ, что профессоръ О. М. Бодянский собираетъ надать славянскій переводъ обѣихъ редакцій хроники Амартола по всѣмъ доступнымъ спискамъ, вмѣстѣ съ вновь-открытымъ текстомъ, и сверхъ того, на основаніи сербскаго и болгарскаго переводовъ, составить къ нимъ грамматику и словарь.

Еще новость, сообщенная «Листкомъ». Въ Москвѣ, въ домѣ Засѣцкаго, гдѣ водолечебное заведеніе, выставлено для публички и продается собраніе оригинальныхъ очерковъ, эскизовъ и рисунковъ знаменитѣйшихъ художниковъ. «Листокъ» рассказываетъ исторію этого собранія такимъ образомъ. Посоль императрицы Екатерины при вѣнскомъ дворѣ, князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, былъ другомъ Кауница. По случаю возникавшихъ тогда во Франціи политическихъ волненій, многія картинныя галереи, музеумы и пр. стали добычею торгашей. Поэтому и въ Вѣну навезено было съ разныхъ сторонъ много картинъ, эстамповъ и картоновъ лучшихъ школъ и первостепенныхъ художниковъ. Князь Голицынъ, страстный къ художествамъ, при содѣйствіи всемогущаго Кауница, не щадилъ ничего для пріобрѣтенія изящныхъ рѣдкостей и достигъ своей цѣли: собралъ собственноручные очерки, рисунки и картины всѣхъ первыхъ мастеровъ... Отъ собирателя художе-

ственное сокровище перешло къ брату его, обер-камергеру князю Александру Михайловичу Голицыну, который, по замужеству внуки его съ княземъ А. И. Долгорукимъ, передалъ коллекцію князю Долгорукому; а князь Долгорукий въ духовномъ завѣщаніи назначилъ своими душеприкащиками князя Сергія Михайловича Голицына и Ф. Н. Глинку, которому, незадолго до смерти, и передалъ свое задушевное сокровище, завѣщавъ продать его (*все безъ раздробленія и изъ Россіи*) въ пользу *четырехъ сиротъ*. Въ этомъ собраніи, между прочими рѣдкостями, пахотятся: рисунокъ «Преображенія» и, какъ рассказываетъ въ «Листкѣ» г. Рабусъ, «книжечка по наружности ничтожная», заключающая въ себѣ оригинальные очерки Гольбейна «Далса Смерти». «Московский Городской Листокъ» увлекъ насъ въ Москву. Возвратимся домой, гдѣ мы еще не кончили рѣчи о новыхъ явленіяхъ петербургской журналистики.

Прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о журналѣ, возникшемъ не сей-часъ, а уже года два тому, и возникшемъ чуть-ли не экспромтомъ. Это — *Финскій Вѣстникъ*, который въ нынѣшнемъ году выходитъ уже ежемѣсячно, а не 6 разъ въ годъ, какъ выходилъ прежде. Одинъ оригинальный человекъ имѣлъ привычку часто повторять поговорку, сложенную едва-ли не имъ самимъ: «главное дѣло — не конфузиться!» Эта поговорка идетъ къ «Финскому Вѣстнику». При первомъ появленіи этого журнала, никто не обнаружилъ къ нему горячаго сочувствія. Одни улыбаются, другіе взглянули вопросительно... Странное названіе и исключительное назначеніе были, можетъ-быть, тому причиною. Холодный пріемъ не сконфузилъ молодого журнала, и вотъ — онъ пошелъ и мало-по-малу какъ-будто пріосанился. Въ послѣдствіи и исключительное назначеніе отчасти перестало быть исключительнымъ; въ программѣ его явилась мысль, выведенная изъ глубокой современной потребности, — мысль

в *слабости науки съ осмѣло*. Эта-то мысль, надъ которой иные, говорятъ, такъ неглубоко зашѣлились, и вызвала наше слово о «Финскомъ Вѣстникѣ», тѣмъ болѣе, что въ немъ уже видѣются вѣстими признаки ея осуществленія... Статей его мы называть теперь не будемъ, потому-что... потому-что не хотимъ оскорблять его скромности. Положимъ, онъ иногда и ошибается въ своихъ сужденіяхъ; но ошибиться—не бѣда, были бы добрыя побужденія... за нихъ-то мы и рады «Финскому Вѣстнику».

Смысл Отечества!.. Помнявъ, что у нашего отечества былъ такой «Сынъ», но вдругъ онъ исчезъ, ступивался, какъ говоритъ Достоевскій, — умеръ, или пропалъ безъ вѣсти — не знаемъ. Теперь опять появился... Но это не тотъ, это другой. Видно, Богъ далъ новорожденнаго,—здравствуй, малютка! Осмотрѣли мы «Сына» тщательно. Оказалось, что ничего! ребенокъ какъ ребенокъ.. Изъ любви къ отечеству, конечно, мы желали бы ему больше счастья въ дѣлахъ, желали бы его дѣлать больше даровъ небесныхъ; но мало ли какихъ желаній можетъ внушить любовь!.. «Сынъ» пока занимается скалочками и басенками,—пускай! это хорошо! Басни изощряютъ умъ. Это, разумеется, шалость, но шалость не вредная... Вотъ когда «Сынъ» возмужаетъ въ интеллектуальномъ-то отношеніи, разовьется; когда окружающіе предметы перестанутъ быть для него безразличными, — тогда онъ будетъ смотрѣть на вещи иначе, не увлекаясь ничѣмъ—ни предразсудками, ни предубѣжденіями; тогда онъ самъ откажется отъ своихъ басенокъ, обратится въ баснямъ И. А. Крылова и изъ житейской мудрости увидитъ ясно, что законъ равной общественной жизни повелеваетъ выикать въ ея потребности, въ настоящій порядокъ дѣлъ, дѣйствовать сообразно этимъ потребностямъ, этому порядку... Итакъ, остается желать «Сыну» роста не по днямъ, а по часамъ, какъ русскому богатырю, преуспѣвать и глубже сознавать, чего тре-

буется отъ него та среда, въ которой ему довелось родиться и жить.

Журналъ «Репертуаръ» и журналъ «Пантеонъ» слѣлись въ одно—«Репертуаръ и Пантеонъ». Слѣваніе случилась, кажется, въ добрый часъ. Программа журнала полна и разнообразна; исполняется она удовлетворительно, а потому и цѣль журнала удовлетворяется. Если театральная лѣтопись, «обозрѣнія иностранныхъ театровъ» и тому подобныя вещи будутъ занимать значительную долю на страницѣхъ этого журнала, въ ущербъ плохимъ постановкамъ и прочему не идущему къ дѣлу балласту, то «Репертуаръ и Пантеонъ» получитъ благое значеніе, и театръ-ный міръ выдвинется у насъ ближе на сцену общественнаго вниманія. Сколько можно судить о дѣлѣ по началу, намъ кажется, что въ нынѣшнемъ году «Репертуаръ и Пантеонъ» пойдетъ лучше прошлагодняго. Въ первомъ номерѣ его замѣтно присутствіе одного важнаго элемента, котораго въ прошлѣмъ году мы вовсе не замѣтили. Этотъ элементъ... назовите его — трудомъ, заботливостью, прилежаніемъ, добросовѣстностью — какъ угодно. Только дѣло въ томъ, что книжки «Репертуара и Пантеона» въ 1846 г. отзывались немилостивою торпливостью изложенія и носили на себѣ непріятный отпечатокъ работы проворной, видливой и довольшей тому, на комъ она лежала, и потому самому вѣчно казавшейся какій-то недоноскомъ. Просматривая это изданіе въ прошедшемъ году, мы всегда сами чувствовали какую-то боль: насъ преслѣдовалъ Богъ-знаетъ откуда являвшійся блѣдный ликъ пролетарія, задавленнаго трудоюю жизнью; казалось, онъ хотѣлъ сказать, что все бремя работы, поддерживающей голодное человечество, люди ввалили на него, и онъ покорился имъ, какъ безотѣтное колесо машины; казалось, онъ хотѣлъ сказать, что ему все равно — что работать, какъ работать, для чего работать, лишь бы только не придушили для него чего-нибудь еще хуже...

Еще возрожденіе: *Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній*. Этому журналу желали бы мы особеннаго счастья, потому-что подобными изданіями у насъ на Руси какъ-то рѣдко счастливится, не смотря на то, что они *общеполезны*. Дѣло, конечно, въ томъ, что читатели этихъ изданій — все хозяева; чѣмъ больше будетъ у насъ хозяевъ, тѣмъ больше *общеполезныхъ* читателей. По мѣрѣ потребности развивается производительность; поэтому, мы готовы заключить, что у насъ число хозяевъ увеличивается: *Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній* выходитъ бодрѣ своихъ предшественниковъ и въ языкѣ не затрудняется. Не ставемъ разсматривать, о чемъ онъ говоритъ и о чемъ долженъ говорить: онъ можетъ говорить рѣшительно обо всемъ, потому-что онъ *общеполезный*: пускай всякій находитъ въ немъ что-нибудь для себя полезное.

Впрочемъ, какъ мы ни восхищаемся умноженіемъ числа нашихъ журналовъ, а пересчитывать ихъ всѣхъ не беремъ: ихъ у насъ много... Чего у насъ нѣтъ въ этомъ родѣ? Однихъ губернскихъ вѣдомостей... но здѣсь придется воззвать къ губернскимъ литераторамъ, чтобъ они были поборѣ къ намъ, жаждающимъ послушать ихъ о многомъ и многомъ. Они ужъ слишкомъ скромничаютъ, слишкомъ чинятся: не хотятъ ни на минуту распахнуться, вѣчно въ мундирѣ на всѣ пуговицы, гоcho въ присутствіи...

Повторяемъ: чего у насъ нѣтъ по части изданій! Любители всѣхъ возможныхъ изящныхъ искусствъ могутъ удовлетвориться нашими изданіями. Для любителей музыки есть новое изданіе: *La Russie Musicale*, неразрывно связанное съ другимъ изданіемъ — *Le Monde Musical*. Это двойственное изданіе, кажется, очень-хорошее: объявленіе было привлекательное, названія лестныя... Намъ очень нравится; но подписчики... странные люди!.. Одинъ нашъ знакомый, желая окончателно усовершенствоваться въ музыкѣ, пожелалъ имѣть и *Музыкальную Россію* и *Музыкальный*

Міръ. Подписался — и накликалъ на свою невинную голову черену мелкихъ огорченій. Въ объявленіи не было сказано, на какомъ языкѣ будутъ эти изданія; отъ какой-то газеты услышалъ онъ, что текстъ будетъ на французскомъ и на русскомъ; ему хотѣлось русскаго, а текстъ оказался французскимъ — первое огорченіе! Объявленіе общало въ каждомъ номерѣ *Музыкальной Россіи* помѣщать *rebus* и отгадавшимъ — *partiturъ оперы*. Другъ нашъ, страстный охотникъ до *rebus*; а *rebus*, съ первымъ появленіемъ журнала, неизвестно почему, *отмигались*, — второе огорченіе! Объявленіе говорило, что при каждомъ номерѣ *Музыкальной Россіи* къ тексту будетъ прилагаться или новая музыкальная пьеса, или портретъ какого-нибудь артиста. Подписчику хотѣлось какъ-можно-побольше нотъ, — а приложенія со вторымъ номеромъ *прекратились*. Другъ обратился въ контору; контора очень-разсудительно объяснила, что приложеній не нужно, потому-что пьесы, назначенныя въ эти приложенія, всѣ есть въ *Музыкальномъ Мірѣ*, — третье огорченіе! По съ третьимъ огорченіемъ другъ нашъ упалъ духомъ и загрустилъ. Мы предлагали ему для развлеченія прочесть текстъ *Музыкальной Россіи*; онъ обидѣлся: а, говорить, не пятилѣтній ребенокъ, чтобъ читать *Education musicale maternelle*. Но онъ вабылъ, что издатели объявили давать своимъ подписчикамъ концерты даромъ. Какъ-разъ въ это время являются билеты: концертъ 18 февраля! Другъ, страстный любитель музыки, совершенно ожилъ и расцвѣлъ душою. Полетѣлъ въ концертъ; но... скоро воротился съ отчаяніемъ на лицѣ и слезами на глазахъ. Чтѣ такое? — Концерта не было. Отъ-чего? Но другъ не сталъ объяснять, отъ-чего не было концерта, а пошелъ, развернулъ *Музыкальный Міръ* и въ порывѣ тоски заигралъ какой-то галопадъ...

Это — для любителей музыки; а для любителей живописи есть *Ералашъ*.

Назадъ тому нѣсколько два, говорили мы о первыхъ четырехъ тетрадахъ «Ералаша»; теперь вышла еще одна; но эта одна заставила насъ неприятно задуматься о каррикатурѣ вообще и о приложеніи ея — не къ русскимъ нравамъ, а къ *русскому праву*... Ужь не тяжело-вать ли этотъ нравъ для живой, игривой каррикуры? Не слишкомъ ли размахиста русская рука для подобной шутки? Мы ждемъ отъ каррикуры только смѣха, хотимъ, чтобъ она пробуждала въ насъ олимпъ добродушный смѣхъ; а между-тѣмъ, перебирая каррикуры «Ералаша», въ нѣмъ нѣтъ невольно корчимъ гримасу, выражающую какое-то неприятое чувство. Отъ-чего это?.. Впрочемъ, въ другой разъ, надумавшись, мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе; а можетъ-быть, къ тому времени, для нашего соображенія, еще выйдеть тетрадь «Ералаша», чему мы будемъ очень-рады.

А теперь у насъ произошла другаго рода ералашъ по случаю объявленія о предпріятіи г-нъ Крайнемъ *Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ для всѣхъ сословій, заключающемъ въ себѣ до 50,000 словъ по разнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ*, — 8 томовъ, каждый въ 480 страницъ. Ералашъ вышелъ, конечно, не въ словарь, котораго еще нѣтъ, а въ заключеніи, которое мы вывели изъ объявленія. Для насъ вотъ что непонятно: во всѣхъ восьми томахъ будетъ 3840 стр., на каждую страницу приходится круглымъ счетомъ по 13 словъ. Но если допустить, что $\frac{1}{2}$ т. е. 2000 словъ, потребуютъ по одной страницѣ и 3000 по полустраницѣ, то эти 5000 словъ займутъ 3500 стр.; а остальныя 45,000 словъ поселатся на 340 страницъ, по 132 слова на каждой, что фивически-невозможно! Тутъ что-нибудь одно: или редація не обдумала напередъ, что она хочетъ дѣлать, и пустила объявленіе наобумъ, или статьи словаря будутъ такъ коротки, что едва-ли пригодятся кому-нибудь изъ русскихъ читателей. Самая мысль — издать *справочный энциклопедическій*

словарь намъ кажется весьма-странною: кому онъ у насъ нуженъ? Другое дѣло — полный энциклопедическій словарь, въ родѣ того, какой началъ-было г. Плюшаръ, или какіе существуютъ у Французовъ, Нѣмцевъ и Англичанъ: это была бы книга въ высшей степени полезная и для настоящей минуты необходимая. А то справочный... кому въ немъ и о чемъ справляться? Надо напередъ научиться, узнать многое, чтобъ могла прійти охота вести справку, — а полный-то энциклопедическій словарь и научаетъ и снабжаетъ справками... Съ удовольствіемъ и въобщемъ читателей, что мы нѣмъ основательную надежду видѣть въ скоромъ времени на русскомъ языкѣ полный энциклопедическій словарь въ 35 или 40 томахъ, составленный по образцу лучшихъ и политѣйшихъ иностранныхъ словарей, со включеніемъ всего относящагося къ Россіи. Уже составилась компанія для изданія этого словаря съ огромнымъ капиталомъ, обещивающимъ издержки на нѣсколько лѣтъ. Теперь идутъ совѣщанія по поводу предварительнаго плана изданія и составленія алфавита всѣхъ словъ, долженствующихъ войти въ лексиконъ... Но мы еще возвратимся къ этому словарю въ скоромъ времени и извѣстимъ подробнѣе объ этомъ колоссальномъ предпріятіи. А между-тѣмъ, подождемъ, что-то скажетъ намъ этотъ *справочный словарь г. Крайя*.

— Изданіе г. Бернадскаго *Сто рисунковъ къ Мертвымъ Душамъ* продолжается весьма-успѣшно. Вышедшіе въ послѣднее время XIII, XIV и XV выпуски вполнѣ оправдываютъ наше предположеніе объ этомъ замѣчательномъ изданіи. Чтобы лучше опредѣлить значеніе и достоинство этихъ рисунковъ и показать, въ какой мѣрѣ они выполняютъ условіе живописнаго изданія, скажемъ нѣсколько словъ объ иллюстраціи и политипажной живописи вообще и потомъ уже перейдемъ къ сужденію о картинахъ этихъ трехъ выпусковъ.

Каждому из нас доводилось не раз испытать необходимость графической передачи своего представления на бумагу. Как много иногда выигрывает в разговорѣ человекъ, владеющій карандашомъ, или, пожалуй, хоть шиломъ или углемъ, потому-что нѣсколькими линиями онъ болѣе знакомитъ слушателей съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь, нежели тотъ, кто станетъ приводить цифры, опредѣляющія размеры фигуры, и на словахъ объяснять игру линий, которую нѣ трудно удержать въ памяти и восстановить въ образахъ!

Но, очевидно, существуетъ большая разница между отчетливыми рисунками предмета и тѣмъ въ-скорю наметаннымъ очеркомъ, который дѣлаетъ человекъ, объясняющій намъ какой-нибудь предметъ. При словесной передачѣ мыслей, не только нѣтъ необходимости чертить предметъ въ трехъ проекціяхъ, съ соблюденіемъ всѣхъ тѣней и полутоновъ, но почти всегда достаточно изображеніе существенной части предмета, или даже только тѣхъ линий, которыя не выступаютъ въ совершенной ясности предъ глаза слушателей; и, если кромѣ контура, допустить нѣсколько рѣзкихъ штриховъ, для показанія главныхъ выпуклостей и вогнутостей фигуры, то цѣль вполне достигнута.

Подобные очерки бываютъ необходимы въ двухъ случаяхъ. Во-первыхъ, когда рѣчь идетъ о предметѣ весьма-сложномъ и когда нужно его изобразить въ немногихъ чертахъ, или, наоборотъ, когда мы интересуемся знаніемъ какой-нибудь отдѣльной части, мало замѣтной и теряющейся въ ансамблѣ фигуры. Положимъ, что рѣчь идетъ о монументальномъ храмѣ съ двумя вѣжами колоннъ, съ фронтономъ обращенными на всѣ стороны свѣта, съ куполомъ уходящимъ въ небо... Вмѣсто того, чтобы чертить планъ, фасадъ и разрѣзъ зданія, съ соблюденіемъ всѣхъ архитектурныхъ мелочей, достаточно изобразить квадратный корпусъ храма, слегка намѣтить нѣста

для колоннъ и тщательно вывести кривую купола, неудачно статуаго и какъ-бы приплюснутаго званіе, и цѣль рисунка — показать причину некрасивости построенія — достигнута.

Въ противоположность тому, положимъ, что, говоря о характерѣ зданія, случилось говорящему коснуться орнаментовъ, помѣщенныхъ въ фронтоны, и долго и много говорить о какомъ-нибудь заинтересовавшемъ его фавнѣ, и въ-особенности о его счастливо-насаженныхъ рожахъ и очертавіи нижней челюсти. Невыносимая потребность въ точности передать слушателямъ то, что особенно казалось ему поразительнымъ въ фигурѣ фавна, наталкиваетъ его на карандашъ, и онъ чертитъ рожи, чертитъ капризный изгибъ ослабленной челюсти, вовсе не заботясь о барельефѣ, изображающемъ всѣмъ извѣстный мифъ, ни о козлиныхъ ногахъ фавна, ни о размерахъ фронтона и всего зданія, которое вовсе не просится на рисунокъ. Нужны были, пришлось изъ слову рожи — вѣхъ и нарисовалъ онъ: эти рожи, эта челюсть — изображеніе того, что не поддавалось слову, и потому тутъ рисунокъ получаетъ значеніе слова. Вы рассказывали слушателямъ, а не рисовали, случайно начертили рожи фавна потому только, что не нашли словъ, вполне выражающихъ игру нѣкоторыхъ линий на лѣпной фигурѣ.

Другой примѣръ. Хочетъ изобразить позу человекъ, давно всѣми замѣченнаго на улицѣ, такъ, чтобы съ перваго взгляда всякій могъ узнать его. Не рисовать же портретъ отсутствующаго господина, котораго, впрочемъ, и нельзя заставить посидѣть съ полчаса на мѣстѣ. Притомъ, лицо его можетъ быть и не выразительно, и не составляетъ главнаго въ его фигурѣ. Присмотритесь къ замѣчной особѣ свади, взгляните въ расплеченные швы его пальто demi-vas, превосходно свидѣтельствующіе о складѣ спины, изучите посадку его шляпы à-la Polka и изгибъ затылка, фасонъ помехъ... Чертите, что видите. Фигура живо на

доминирует оригиналь; всё въ одинъ годось говорятъ: это онъ, это Z. Z., никто другой, какъ онъ. Кажется, цѣль рисунка достигнута, и нѣтъ никакой надобности на подобный предметъ тратить много времени и силъ.

Если подобные очерки много помогаютъ при словесномъ общеніи мыслей, тѣмъ болѣе должна быть понятна важность ихъ въ текстѣ художественнаго произведенія, гдѣ на каждомъ шагѣ представляются различные образы, способные привлечь вниманіе каждаго. Очевидно, очерки такого рода преимущественно важны въ тѣхъ случаяхъ, когда изображеніе не додолжно дышало и ярко, а это особенно можно признать къ тѣмъ мелкимъ подробностямъ разсказа, которыхъ поэтъ чуть коснулся и которые такимъ образомъ оправдываются въ общей картинѣ, имъ нарисованной, и ускользаютъ отъ вниманія читателя. Еслибъ можно было проникнуть въ тайну художественнаго труда, посмотреть какъ писатель великое произведеніе, просмотрѣть первоначальную рукопись автора, то безъ сомнѣнія на поляхъ много нашлось бы странныхъ, недокопченыхъ эскизовъ; по-крайней-мѣрѣ, это признакъ слишкомъ-общій. Откуда же вытекаетъ эта потребность чертить на поляхъ листа образы еще смутно представляющіеся уму? Не доказываетъ ли это фактъ примаго сходства живаго слова съ пластическимъ изображеніемъ на бумагѣ? Чуть-набросанный рисунокъ какъ-бы знакомитъ пишущаго съ едва-зародившеюся мыслью, которую онъ спѣшилъ воплотить хотя бы въ трехъ-четырехъ черточкахъ, усиляетъ ее, наводитъ его на новый смыслъ, напоминаетъ слова, до того неприходившія ему на память.

Послѣ этого понятна значеніе политипажнаго рисунка для читателя, можетъ, въ первый разъ отъ-рода провидѣвшаго о мысляхъ, высказанныхъ по-этомъ, никогда не встрѣчавшаго лицъ, выведенныхъ въ его произведеніи, не-знакомаго съ мѣстностью, гдѣ совершалось описываемое событіе...

Вотъ назначеніе политипажной живописи, по нашему мнѣнію. Очевидно, для нея существуютъ свои условія, различныя отъ условій другихъ родовъ живописи. Странно и неумѣстно было бы требовать отъ политипажной тонкой, мелкой отдѣлки, разительнаго сходства въ лицѣ, анатомической правильности фигуръ, точнаго соблюденія раамѣровъ алавій, какъ отъ полной картины. Никогда не должно забывать, что политипажъ, не то—рисунокъ, не то—слово, недосказанное по-этомъ... Достаточно, если живописными вставки напоминаютъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, ускоряютъ процессъ пониманія художественнаго текста. Поэтому живописецъ имѣетъ полное право нѣсколько утрировать изображаемые имъ образы, если усиленіе въ-которыхъ чертъ способно придать болѣе выразительности предмету и лѣнѣ, полнѣе передать идею писателя.

А между-тѣмъ, какъ часто случается слышать строгія сужденія о рисункахъ, помѣщенныхъ на страницахъ книги, рисункахъ, вырѣзанныхъ на деревѣ, оттиснутыхъ въ двухъ и болѣе тысячахъ экземпляровъ: лица не довольно-оттѣнены, стати лошади плохи, строеніе поставлено неумѣстно... Спрашивается, можно ли быть такъ възыскательному къ эскизу, главное условіе котораго—глубокое пониманіе художественной мысли, а вовсе не отчетливое (minutioux) исполненіе? И что доказываютъ нѣкоторые политипажники, доведенные до такой высокой степени чистоты и тонкости отдѣлки, что сами рисовальщики признаютъ ихъ за гравюры на стали? Только то, что всегда человѣкъ можетъ создать себѣ безвольную трудность, и если захочетъ, то преодолѣть ее. Что жъ удивительнаго, что можно очень-точно гравировать на деревѣ? Можетъ-быть, можно и на жѣлѣ и Богъ-знаетъ на какомъ матеріалѣ. Не-уже-ли потому, что скрипачи играютъ иногда (для эффекта) цѣлымъ месомъ на одной струнѣ, можно предвѣщать эту игру игрѣ на четырехъ-струнахъ? Тошно такъ и тутъ.

Назначеніе политипажной живописи и гравированія совершенно различно, и нѣтъ никакой надобности первой поддѣлываться подъ послѣднее. По крайней мѣрѣ, лучшіе политипажисты въ Европѣ, Гранвилъ и Гаварни, никогда не прибѣгаютъ къ подобнымъ утонченностямъ, и по ихъ-то произведеніямъ можно составить понятіе о значеніи современной политипажной живописи.

Рисунки гг. Вернардакаго и Агина представляютъ не столько образецъ политипажной живописи, какъ мы ее понимаемъ, сколько переходъ отъ политипажа къ *гравюру на деревѣ*. Иначе оно и быть не могло, потому-что задача, которую задали себѣ художники—издать галерею портретовъ къ «Мертвымъ Душамъ», не вполне соответствуетъ назначенію и средствамъ политипажа. За то, рисунки эти служатъ доказательствомъ, до чего можетъ быть доведено политипажное искусство. Художники не должны и удивляться, если мы судили и будемъ судить рисунки ихъ строго; но потому-что самыя достоинства ихъ работы вызываютъ новыя требованія со стороны публики. Многие изрекши строгій приговоръ ихъ рисункамъ: это только доказываетъ, что отъ портрета и отъ гравюры требуется многого.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы имѣли случай назвать тѣ рисунки, которые наиболѣе отличаются по сочиненію и воспроизведенію драгоценныхъ подробностей отечественнаго быта. Но до сихъ-поръ такихъ рисунковъ вышло немного. Что же касается до *портретовъ*, то между ними нашлось много такихъ, которые насъ сильно порадовали.

Прежде всего, не можемъ не изъяснить искренней благодарности художникамъ за друга нашего Чичикова. Мы не встрѣтили его болѣе въ томъ обидномъ искаженіи, въ какомъ представалъ онъ на картинкахъ первыхъ выпусковъ. Напротивъ, онъ изображенъ милостивымъ, гладенькимъ, полнень-

глазками, въ костюмѣ безукоризненномъ; такъ-что глядя на картинку, чувствуешь то удовольствіе, съ которымъ иногда смотришь на плутоватаго чело-вѣка, лонко лавирующаго и выходящаго чистымъ изъ путаницы, въ которую забрался онъ не безъ основанія... Входивъ въ его положеніе, и какъ дѣти, слушающа сказку, симпатизируютъ удалому разбойнику и его отчаяннымъ подвигамъ, — такъ тутъ взрослый, совершеннолѣтній и благонамѣренный зритель съ какими-то непостижимымъ участіемъ смотритъ на этого Чичикова, подвизающагося въ дѣлѣ небываломъ и страшномъ... Вывезетъ или не вывезетъ тебя твоя сноровка?.. Смотри, держись... Не удастся тебѣ въ другой разъ утѣшать себя пословицей: «защипилъ, поволокъ, сорвалось, не спрашивай...» (Мертв. Души, стр. 449). Тутъ если сорвется, такъ прійдется тебѣ нехорошо, неловко, — а главное скучно, разнообразія никакого въ жизни, дѣятельность самая ничтожная...

Откуда навѣялись эти размышленія?.. Съ какой стати такъ заинтересоваться сдѣлкой Чичикова, сдѣлкой мечтательной и опасной? Отъ-того, что передъ нами лежитъ рядъ рисунковъ, изображающихъ падатю гражданскаго суда въ различныя моменты и съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Канцелярія палаты (рис. 40) изображена превосходно. Болѣе другихъ лицъ поражаетъ тутъ, какъ и въ книгѣ Гоголя, «свѣтло-сѣрая куртка», которая «своротивъ голову на бокъ и «положивъ ее почти на самую бумагу, «выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протоколъ объ оттаганьѣ земли, или опискѣ имѣнія, и проч.»

Эта фигура, какъ и весьма-многогія въ рисункахъ г. Агина, черчена со словъ книги, подобно какъ очерчены чиновники, играющіе въ вистъ; но художникъ является въ этомъ рисункѣ наивнымъ исполнителемъ программы, можетъ-быть, не довольно-полной, представленной Гоголемъ. За то, какъ хороша фигура чиновника, раздраженнаго утратой пробы съ казенной чер-

пальницы! Сверхъ-того, всѣ чиновники размѣщены и разсажены очень ловко; одинъ безъ иамаги переписываетъ, весь ушелъ въ бумагу; другой читаетъ перои, прищуря глазъ разглядываетъ расщепъ; третій ищетъ дѣло въ шкафу, четвертый укоряетъ стагаго... Еще одинъ перечитываетъ составленный докладъ, и грозно, не оборачиваясь, отдааетъ его переписать звѣающе-му исполнителю. Весь рисунокъ дышетъ канцелярiей... Лица чиновниковъ прекрасны; ни одно не похоже на карриатуру; напротивъ, надъ нѣкоторыми можно призадуматься.

Сцена объясненiя Чичикова съ Иваномъ Антоновичемъ, секретаремъ крѣпостной экспедиции (рис. 50), нарисована не менѣе удачно, и, что главное, этотъ рисунокъ доказываетъ идеальность героевъ Гоголя. Каждая выведенная имъ личность — представитель цѣлой группы людей, схожихъ другъ съ другомъ во многихъ чертахъ, но не смотря на то людей разныхъ покрововъ, разныхъ возрастовъ... Мы представляли себѣ это лицо не совсѣмъ-такимъ, какъ оно является у г. Агина; по словамъ Гоголя, Иванъ Антоновичъ имѣлъ «уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черныи, густой; вся средняя лица выступала у него впередъ и пошла въ носъ, словомъ, это было то лицо, которое называютъ въ обществѣ кувшипыиъ рыломъ». На рисункѣ же за столомъ сидитъ фигура гораздо-помоложе, худощавая и съ маленькой лысиной. Она не довольно обрюзгла, недовольно закалена и одеревенѣла, но, не смотря на то, это именно *кувшипые рыло*, плутъ, и лѣтъ черезъ десять будетъ именно тѣмъ, о чемъ говоритъ Гоголь.

Разговоръ о побаливанiи полсницъ въ комнатѣ присутствiа между Чичиковымъ и предсѣдателемъ переданъ не дурно; только поза Чичикова немножко карриатурна; онъ слишкомъ изогнулся и рукой держится за поясницу, какъ-будто сейчасъ ушибся въ дверяхъ, а не жалуется на боль, съ ко-

торому давно пора свыкнуться, а не жеть-быть, и несуществующую вовсе.

«Совершенство купчей» ищетъ всѣ тѣ же достоинства и недостатки. Чрезвычайно-хороша небрежная поза Ивана Антоновича, который стоитъ у стола изогнувшись и занувистъ правую руку въ карманъ шальваровъ. Не беремся судить о фигурѣ сына протопопа отца Кирила, тоже служившемъ въ налагать. Испитая фигура семинариста не дурна, только все-таки, кажется, она поставлена тутъ только для эффекта. Всѣхъ лучше маленькая фигура одного изъ приглашенныхъ свидѣтелей, во словамъ Собакевича «даромъ бременящихъ землю» (стр. 283), должно быть Бѣгущина или Трухачевского.

«Попойка у полицмейстера» была бы превосходна, еслибъ не утрировали черезъ-чуръ фигуры полицмейстера, человека очень ловкаго, сметливаго, практическаго и бывшаго въ оргiахъ по поводу купчихъ и всякаго рода дѣловыхъ актовъ; а тутъ онъ расходится такъ, какъ прилично было бы Ноздреву. Фигуры Чичикова, Мавилова и особенно предсѣдателя, который развѣжился, обнимаетъ, цалуется Чичиковъ и вообще дошелъ до самыхъ трогательныхъ влiяний, — вполне удовлетворительны.

Пропустимъ нѣсколько картинокъ, и скажемъ только о двухъ самыхъ замѣчательныхъ, изображающихъ появленiе Чичикова на балѣ у губернатора и разговоръ его съ благоухающими ланями города N. (рис. 60). Если группа чиновниковъ, бросающихся обнимать «своего дорогаго Павла Ивановича», нарисована карриатурно, если полицмейстеръ вышелъ болѣе похожъ на брандмейстера, кричащаго на пожаръ, тѣмъ на подлиннаго полицмейстера, отца и благодѣтеля города, за то съ эти недостатки выкупаются удивительно-хорошо исполненною фигурою губернатора, который былъ «ни толстъ, ни тонкъ собой, имѣлъ на шеѣ Адаму, и поговаривали даже, что былъ красавецъ изъ завѣдъ; впрочемъ, былъ большой добрякъ, и даже самъ выш-

валъ иногда по тюлю. Все, что можно допустить въ чертахъ этого мужа, по тѣмъ даннымъ, которыя представилъ въ поэмѣ своей Гоголь, все отразилось на этомъ лицѣ, полномъ привѣта, радушія, кротости и удовольствія при видѣ Павла Ивановича, котораго онъ страхъ-какъ полюбилъ за *благонамренную наружность* и тѣмъ показалъ способность — по глазамъ читать въ душѣ человѣка. Еще разъ должны мы повторить, что г. Агния обладаетъ особеннымъ даромъ изобрѣтать самыя тонкія, самыя неуловимыя проявленія русской натуры, тогда-какъ движенія простыя, грубыя, *мускульныя*, если можно такъ выразиться, не ведѣтъ равно ему удаются. Посмотрите, какъ хороши Чичиковъ, пробирающійся между дамскихъ платьевъ (рис. 60). Вотъ ужъ подлинно идетъ — земля не зацѣпится... Чтò за пріятность, чтò за милая, чуть-чуть блуждающая на лицѣ улыбка; какъ много утонченности, чего-то извѣжнаго въ его плоской маншкѣ и женоподобно-подвизанномъ жабо? Какъ ясно, что это именно тотъ человѣкъ, который искренно любитъ свою наружность, особенно подбородокъ «совсѣмъ круглый», склоненъ былъ назвать себя въ уединеніи «мордашкой», слегка потрепать по щекѣ и надѣлать себѣ много «пріятныхъ сюрпризовъ» — подмигнуть бровью и «сдѣлать что-то языкомъ»; наконецъ, человѣкъ, мечтающій о «бабѣшкѣ», о «дѣтской» и сильно заботающійся о будущахъ своихъ потомкахъ.

О провинціальныхъ дамахъ скажемъ только, что на рисунокѣ вполне передано все сказанное о нихъ Гоголемъ. Эти «презентабельныя», «возбудительныя», «неумолимо-правдивыя» и ультра-цивилизованныя особы, остаются провинціальными дамами, не смотря на привлекательныя, располагающія къ нѣгѣ формы, плотныя, крѣпко зашнурованныя талии и пышную драпировку платья чуть не въ девять полотнищъ...

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ слѣдующихъ выпусковъ изданія, вполне заслуживающаго вниманія людей, которые

ставятъ во что-нибудь «Мертвыя Души». Впрочемъ, нельзя допустить, чтобъ трудъ художника талантливаго и мыслящаго — не пробудилъ живаго чувства въ обществѣ, знакомомъ съ гениальнымъ произведеніемъ Гоголя.

— Съ нѣкотораго времени у насъ, по крайней-мѣрѣ въ нашей литературѣ, образовался странный силлогизмъ:

Я былъ за границей, я вѣрую въ прогрессъ, я жажду дѣйствовать на пользу родины, но дѣйствовать умомъ.

Поступаю на службу — форма пугаетъ меня, я связанъ, меня не понимаютъ; иду въ отставку, ѣду въ деревню, и... и пропаду тамъ.

По неволе пропадетъ тотъ, у кого нѣтъ воли надъ собою. Бѣда не въ томъ, что вы владѣлецъ, а въ томъ, что, освободивъ свой умъ отъ предрассудковъ, научившись понимать вещи ясно, вы не хотите или лучше не долго хотите привести свою свѣтлую мысль въ исполненіе и отказываетесь отъ нея при первомъ столкновеніи съ противникомъ; даже завидѣвъ его издали сворачиваете съ своей дороги и съ презрительной улыбкой причесаете въ кусты или придорожную канаву, борюча въ свое оправданіе:

O rus!

И что же? — противникъ вашъ пройдетъ преспокойно и, наперекоръ вашему смыслу, пойдетъ далеко; а вы или пропали безвѣстивъ въ кустахъ, или, чтò еще хуже для вашего поколѣнія, загрязнились въ канавѣ... Конечно, изъ всего этого противникъ вашъ не извлечетъ для себя ничего лестнаго; потому-что рано или поздно онъ встрѣтится съ другимъ, болѣе твердымъ противникомъ, который докажетъ ему свое превосходство на дѣлѣ; но зачѣмъ же жаловаться на бѣдную rus, когда въ ней-то именно и приволье, и просторъ для благородной жажды дѣятельности?

На такія мысли навела насъ статья, помѣщенная въ январской книжкѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: *Помѣстѣ Буромка, въ Полтавѣ*.

ской Губерніи. Это отчетъ о пятилѣтней дѣятельности помѣщика — отчетъ не о томъ, какъ онъ передѣлалъ на пользу науки тысячу взятыхъ наудачу и ни на чемъ несоснованныхъ опытовъ различныхъ посѣвовъ и запашекъ; но о томъ, что сдѣлалъ онъ въ эти пять лѣтъ на пользу пяти тысячъ человѣкъ, постоянно обезпечивавшихъ его благосостояніе. Однимъ словомъ, это отчетъ человѣка предъ собственною его совѣстью, отчетъ, подобный которому люди почти никогда не пишутъ. — Помѣстье Буромка состоитъ изъ трехъ деревень и принадлежитъ дѣйствительной тайной совѣтницѣ Фроловой-Багрѣвой, урожденной графинѣ Сперанской. До поступленія Буромки въ личное управленіе нынѣшней владѣлицы, т. е. до 1842 года, имѣніе это доведено было до крайней степени запущенія и разстройства. Изъ 4,913 душъ обоего пола крестьянъ, числившихся по ревизіи 1834 года, потеряно было однимъ перевѣсомъ умершихъ надъ родившимися 540 человѣкъ, и кромѣ того 126 крестьянъ бѣжали неизвестно-куда. Изъ остальныхъ половина найдена больными скорбутомъ и невозможіемъ силъ отъ недостаточной и дурной пищи. Количества крестьянскаго скота уменьшилось также почти вдвое противъ того, какое находилось при покупкѣ имѣнія покойнымъ графомъ Сперанскимъ въ 1831 году. Крестьяне, бѣдные, привыкшіе къ пьянству и отъ природы лѣнныя, въ слѣдствіе дурнаго управленія и разныхъ другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, дошли до высшей степени развитія этихъ пороковъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до совершеннаго къ себѣ равнодушія.

Понятно, что не легко даже навязать насильно доброе дѣло людямъ, доведеннымъ до такого положенія; но буромская помѣщица, огорчаясь малоуспѣшностію своихъ заботъ и стремленій, не пришла отъ того въ уныніе, не отказалась отъ нихъ малодушно, не стала, какъ сдѣлали бы многіе на ея мѣстѣ, приписывать эту малоуспѣ-

шность неблагодарной, несправиводливой природѣ крестьянъ. Только съ такою твердостью буромская помѣщица могла привести въ исполненіе свои планы, въ которыхъ выступаетъ не одна доблестная душа, задумавшая ихъ, но и рѣдкая меткость взгляда на потребности тѣхъ, для кого онѣ задуманы. Въ буромскомъ имѣніи учреждены дѣтскіе пріюты, начальное и рисовальное училища, ремесленные школы, больница и сберегательная сиротская касса.

Все это хорошо, скажутъ многіе, но возможно только при тысячахъ, а не сотняхъ душъ. Чтобъ доказать несправедливость этого, къ несчастію, весьма-ходячаго возраженія, рѣшился сдѣлать извлеченіе для тѣхъ, кто не имѣетъ случая прочесть самую статью оффиціального журнала.

Въ каждой изъ трехъ деревень, составляющихъ буромское помѣстье, заведены пріюты въ обыкновенныхъ мужицкихъ хатахъ, въ которыхъ смотрятъ за дѣтми и готовятъ имъ пищу шесть простыхъ крестьянокъ. Круглыя сироты живутъ и воспитываются въ этихъ пріютахъ. сверхъ-того, всѣ крестьянки, отправляясь на работы, приводятъ съюда своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Тутъ дѣти бѣгаютъ, рѣвуются, а которыя постарше, занимаются легкими работами въ саду, находящемся при каждомъ пріютѣ.

Въ начальномъ училищѣ обучаютъ чтенію, писанью и счисленію по первымъ четыремъ правиламъ арифметики. Въ теченіе дѣтнихъ мѣсяцевъ, учатся только въ утренніе часы, а въ послѣобѣденное время воспитанники работаютъ на табачной плантаціи, доходы съ которой обращаются въ капиталъ училища.

Для обученія ремесланъ, при прежнему управленіи, отдавали сиротъ на нѣсколько лѣтъ къ городскимъ мастерамъ; но какъ при этомъ не обращалось вниманія ни на способности и расположенія отдаваемыхъ, ни на надворъ за нихъ успѣхами, а съ другой стороны не затруднялись нѣкто и

выборомъ мастеровъ, которымъ отдавали дѣтей, стараясь только заключить съ ними какъ-можно-болѣе выгодныя условія, то все это и окончилось самымъ жалкимъ образомъ: въ тридцати отданныхъ въ обученіе сиротъ, только одинъ научился ремеслу какъ должно. Въ-слѣдствіе этого неудачнаго опыта, равно какъ и въ-слѣдствіе наблюденія, что люди, прожившіе въ городѣ пять или семь лѣтъ, возвращаются потомъ къ сельской жизни весьма-неохотно и чувствуютъ себя въ деревнѣ несчастными, вызваны были хорошіе мастера всякаго рода для обученія ремесламъ воспитанниковъ училища, которые оказывали къ тому способности и охоту.

Буромская больница находится въ завѣдываніи медика Прейса и содержится въ экономическомъ отношеніи на слѣдующихъ основаніяхъ: за cadaго больного платится по 25 коп. асс. въ день; за людей сосѣднихъ помѣщиковъ берется 9 р. асс. въ мѣсяцъ, а сами помѣщики, желающіе поступить въ больницу, должны платить по 15 р. асс. На этихъ условіяхъ, въ-теченіе трехъ первыхъ годовъ, принято было—1,591 человекъ больныхъ. Изъ нихъ вылечено—1,475; отпущено невылеченными—20, умерло—69; за тѣмъ оставалось для дальнѣйшаго леченія—26.

Какъ образчикъ годовыхъ больничныхъ счетовъ, можетъ быть приведенъ слѣдующій за предпоследній (1845) годъ:

Приходъ.	
Къ 1 мая 1844 года оставалось въ больничной кассѣ	572 р. асс.
Вновь поступило за буромскихъ больныхъ	1,435 —
За постороннихъ	2,210 —
Итого 4,217 р. асс.	

Расходъ.	
На пищу для больныхъ и больничной прислуги	998 р.
На одежду для больничныхъ служителей	183 —

Помощнику врача за 6 мѣсяцевъ (послѣ которыхъ онъ былъ уволенъ за неадаптованностью)	400 р.
Жалованья больничной прислугѣ	400 —
На лекарства и другія медицинскія потребности	644 —

Итого 2,625 р.

Такимъ-образомъ, въ остаткѣ оказалось 1,591 р. Изъ этихъ денегъ 1,400 р. отложены для приращенія процентами; а остальные оставлены на потребности больницы.

Какъ много медицинская полиція содѣйствовала увеличенію народонаселенія, показываетъ слѣдующая таблица ролившихся и умершихъ въ Большой и Малой-Буромкѣ въ-теченіе 1843 и 1844 годовъ:

Родилось обоаго пола	344
Умерло	196

Слѣдовательно, народонаселеніе увеличилось 148

Наконецъ, самое замѣчательное изъ буромскихъ учреждений, болѣе прочихъ оставившащее на себѣ вниманіе — это сберегательная сиротская касса.

Вотъ на какихъ основаніяхъ она существуетъ: 1) Всякое имущество малолѣтнихъ, остающихся сиротами, обращается въ наличныя деньги и поступаетъ въ эту кассу, которая поручена на сохраненіе и отвѣтственность пяти зажиточныхъ крестьянъ. 2) Кроме сиротскихъ денегъ, принимаются также и добровольныя вклады. 3) Третьимъ источникомъ составляютъ штрафы, которымъ подвергаются крестьяне, провинившіеся въ чемъ-либо противъ распорядительныхъ установленій, дѣйствующихъ въ помѣстьѣ. Впрочемъ, провинившіеся лишаются этихъ денегъ не навсегда: они получаютъ ихъ обратно, когда признаются достойными того отъ попечителей кассы. 4) За всѣ вклады выдается по четыре процента, и проценты ежегодно присоединяются къ капиталу. Добровольнымъ вкладчикамъ производятся выдачи по востре-

бозанію; а сиротамъ — обыкновенно при обезвѣденіи ихъ хозяйствомъ. 5) Оборота кассовыхъ денегъ состоитъ въ томъ, что онѣ даются займы на порукахъ крестьянамъ, нуждающимся въ нихъ для покупки скота, за 6 процентовъ; а на остальную сумму покупается для продажи молодой рогатый скотъ.

Мы кончили и увѣрены, что подобныя учрежденія возможны и въ помѣстьяхъ гораздо-меньшаго развѣра противъ буромскаго. Скажемъ больше: намъ кажется, что подобныя учрежденія возможны даже для самыхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ; добро вѣжетъ людей крѣпко между собою; для благой цѣли можно составить союзъ одному помѣщику съ сосѣдями, особенно съ живущими въ одномъ селѣ съ нимъ.

Твердо вѣруемъ мы въ истинность нашихъ убѣжденій, но, признаемся, не съ спокойнымъ чувствомъ кончаемъ къ несчастію уже длинную статью. Возражать намъ! Вотъ увидите, что возражать!

Впрочемъ, за отвѣтомъ дѣло не станетъ: скажемъ свое мнѣніе и въ поторонней бесѣдѣ, если рѣчь зайдетъ о предметѣ, вызывающемъ на размышленіе, каковъ, на примѣръ, предметъ статьи г. Калиновскаго, помѣщенный въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. (№ 8 и 9): *О необходимости учрежденія въ Россіи высшихъ сельско-хозяйственныхъ институтовъ для дворянскаго сословія.*

Мысли г. Калиновскаго вливаются въ послѣдовательности такого рода:

Сельская промышленность у насъ, по своей обширности, составляетъ главнѣйшій источникъ народнаго благосостоянія, и на этомъ пути многого идетъ у насъ лучше, нежели шло прежде; но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны сознаться, что Россія еще не представляетъ состоянія сельскаго хозяйства въ томъ совершенствѣ, въ какомъ оно находится въ другихъ образованныхъ государствахъ Европы. Гдѣ же начальная точка этой *маломодности*? — Въ по-

лосальныхъ развѣрахъ нашего общества, въ разнообразіи его климатахъ, въ разнообразіи малочисленнаго и неравномерно-распределеннаго народонаселенія. Какъ же помочь горю? какии бы удобнѣйшимъ образомъ вдохнуть въ жизнь русскаго народа — усовершенствованное сельское хозяйство?..

Почтенный авторъ статьи, пробывшій два года въ Гогенгеймскомъ Высшемъ Земледѣльческомъ Институтѣ (близъ Штутгарта), замѣчаетъ, что мы еще не испытали одного средства къ необходимому усовершенствованію нашей народной промышленности: — именно, высшихъ сельско-хозяйственныхъ институтовъ. Правда, у насъ при университетахъ и лицеехъ открыты кафедры сельскаго хозяйства, налажены земледѣльческіе журналы, книги, газеты, въ губернскихъ городахъ читаются публичныя лекціи объ этомъ важномъ предметѣ и, сверхъ-того, существуютъ разныя общества сельскаго хозяйства; но все это, по мнѣнію г. Калиновскаго, не можетъ исполнить удовлетворять важному призванію, важнымъ *интеллектуальнымъ* потребностямъ будущаго рациональнаго помѣщика. Ему необходимо пробить отъ двухъ до четырехъ дѣтъ въ высшемъ сельско-хозяйственномъ институтѣ. И сколько тогда явится прекрасныхъ чиновниковъ для Министерства Государственныхъ Имуществъ!...

Проекта учрежденія подобнаго заведенія въ статьѣ г. Калиновскаго нѣтъ. Иначе мы вѣрно имѣли бы случай доказать, что всякая прививная идея, невызванная современными ей потребностями, можетъ быть приведена въ исполненіе только иѣрами всильнейшими, которыя необходимо разрушаютъ восторженныя мечты увлеченнаго учредителя. Да, мы думаемъ, что необходимости въ учрежденіи высшихъ специальныхъ институтовъ сельскаго хозяйства для дворянскаго сословія въ настоящее время — не настоятъ.

Замѣчая съ каждымъ днемъ развивающуюся у насъ жажду *сдохнуть въ жизнь русскаго народа усовершенствованное сельское хозяйство*, мы невольно начинаемъ сомнѣваться: принесетъ ли *ожидаемую* пользу это усовершенствованіе нашимъ земледѣльцамъ; не забываютъ ли русскіе агрономы главнаго условія, на которомъ они заключили контрактъ съ наукою, именно, что рациональное хозяйство возможно только при рациональныхъ отношеніяхъ основныхъ элементовъ всякаго богатства, то есть труда и капитала?.. Между фермеромъ и русскимъ земледѣльцемъ большая разница. Специальное образованіе благоудѣтельно для мастера, ремесленника, но не для чиновника, не для помѣщика, отъ образа мыслей котораго зависитъ благосостояніе часто тысячей людей. Понимаемъ мы важность земледѣльческихъ школъ и открытыхъ при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ кафедръ сельскаго хозяйства; но какіе, для кого полезны помѣщики вышли бы изъ высшаго сельско-хозяйственнаго института?.. Званіе чиновника, а равно и помѣщика, требуетъ не столько специальныхъ знаній, сколько свѣтлаго взгляда на вещи, который пріобрѣтается только многостороннимъ образованіемъ. Кто имѣетъ дѣло не съ плугомъ или мертвою буквой, какъ земледѣлецъ или писецъ, а съ людьми, съ общественными отношеніями людей, тотъ долженъ знать прежде всего законы общественной жизни.

Нѣтъ, почтенный собесѣдникъ, хорошо можетъ быть только то учрежденіе, которое не уничтожаетъ, или крайней-мѣрѣ не мѣшаетъ развиваться лучшему. Полезны, на-примѣръ, въ высшей степени сельскія школы; хорошо всякія общества, составленныя на пользу отечества; но что бы вышло изъ такого общества, еслибъ оно, не дождавшись полезныхъ дѣйствій отъ своихъ членовъ, вдалуало раздавать имъ награды впередъ, для поощренія?..

И много такого придти намъ на умъ; а потому перейдемъ поскорѣе изъ явленій, въ которыхъ обнаруживается благодатная русская природа. Мы хотимъ говорить о бывшей *въ селѣ Боголюбовѣ выставкѣ сельскихъ произведеній* («Журн. Мин. Гос. Имущ.» номеръ 2). Явленіе утѣшительное не по одному плану, но и по результатамъ: ибо выставка эта, не смотря на то, что была еще первою Володѣнско-Губернскіи, имѣла 253 мѣстныхъ представителей, изъ которыхъ (замѣчательныя цифры) 197 крестьянъ государственныхъ, 18 удѣльныхъ, 16 помѣщичьихъ, 22 изъ дворянъ, духовнаго и городскихъ сословій. Разнородныхъ продуктовъ и издѣлій представлено было всего 530, въ томъ числѣ отъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ 68, отъ людей разныхъ сословій 23, отъ государственныхъ крестьянъ 386 и отъ удѣльныхъ 54. Всѣхъ наградъ роздано: 7 медалей, 6 похвальныхъ листовъ, 139 денежныхъ премій.

Къ-сожалѣнію, мы не знаемъ, въ чемъ состояли усовершенствованія или изобрѣтенія, удостоенныя этихъ наградъ. А какую бы пользу могли принести подобныя свѣдѣнія! Намъ извѣстно одно, именно: помѣщикомъ Вологодской - Губерніи, г. Семиградскимъ, представлена была рожь въ зернѣ и снопахъ, и по способу, которымъ сѣялась она, заслужила особенное вниманіе. Объ этомъ способѣ посѣва г. Семиградскій сообщилъ слѣдующее:

«Въ бытность мою въ деревнѣ моей, Вологодской-Губерніи въ Вельскомъ-Уездѣ, которая находится сѣвернѣе 61° с. ш., въ 1839 году червь истребилъ озими на большомъ пространствѣ; всеню крестьяне перепахали эти мѣста подъ посѣвъ овса. Для опыта, я приказалъ по овсу посѣять рожь въ половину того количества, какое бы они сѣяли по своему обыкновенію. Этотъ овесъ на то дѣло росъ роскошнѣе, чѣмъ прочій, ими посѣянный, а рожь, пустя перья, укоренялась, образовала сильныя кусты и покрыла землю зеленымъ. Въ свое время овесъ сжать, рожь осталась. Въ послѣднихъ числахъ августа, оставшись на свободѣ, она пошла въ ростъ; чтобы не допустить ея въ трубку — ее скорнили овцами;

такъ она и зимовала. На слѣдующій 1841 годъ рожь родилась въ сильныхъ кустахъ, ростъ былъ до 3 аршинъ, колосъ болѣе $3\frac{1}{2}$ вершковъ, зерно крупное.

«Опытъ этотъ повторенъ мною въ нѣднѣ графа В. Н. Зубова, Владимирской Губерніи и уѣзда въ селѣ Старомъ Фетининѣ, на оставленной въ озимомъ полѣ 1844 года экономической десятицѣ. 1845 года, весною послали на ней небеснаго ячменя двѣ четверти и ржи, въѣсто четверти, какъ бы это слѣдовало, послали только 3 четверика, и то не лучшей, а довольно посредственнаго достоинства. Результатъ былъ тотъ же, какъ и въ моей деревнѣ. Ячмень выросъ и сжатъ, рожь осталась въ кустахъ, въ сентябрѣ пустилась въ ростъ, ее скормили овцами. Пшеницаго лѣта, она росла кустами и въ каждомъ кустѣ было отъ 20 до 38 колосовъ, вымолочено 3 четверти, 4 четверика, 1 гарнецъ.

«Судя по этимъ опытамъ, можно вывести слѣдующія заключенія: 1) весною сѣять рожь нѣтъ никакой опасности, потому что лѣто не составляетъ времени, въ которое растетъ ея стебель, а только уснаждается ея корень, выдерживая въ послѣдствіи сильныя морозы и всякія непогоды; 2) чрезъ этотъ способъ посѣва ржи, остается въ амуксѣ одна только уборка хлѣба, тогда какъ нынѣ въ это время производится и жатва, и обработка пашни, у многихъ же и необходимая для полученія сѣмянъ молотба; 3) однажды воздѣланныя поля пойдутъ подъ посѣвъ двухъ хлѣбовъ и дадутъ двѣ жатвы; 4) ржи будетъ сѣяться половина сѣмянъ; 5) при трехпольномъ хозяйствѣ, одно поле будетъ оставаться для отдыха на цѣлый годъ; и наконецъ 6) показавшійся нынѣ червь для озимей вообще гибеленъ; этой же ржи, сѣянной весною, онъ вредить не можетъ, по величинѣ въ осеннее время ея корня».

Однимъ словомъ, выгоды неисчислимыя представляются отъ такого посѣва, если усердные на попрощѣ пылливости агрономы наши позаботятся удостовериться въ полезности его собственными опытами и не встрѣтять при томъ столь же неисчислимыхъ неудобствъ.

Впрочемъ, объ открытіи г. Семивградскаго мы сообщаемъ, такъ-сказать, ex officio, а сочувствіе наше возбуждено

другимъ фактомъ боголюбивской выставки; именно: многочисленностью представителей ея изъ того сословія, заурядность и неподвижность котораго представляется иногда въ собственное оправданіе людьми si-devant восторженными. Сочувствуемъ этому факту тѣмъ болѣе, что онъ служитъ какъ-бы официальнымъ опроверженіемъ тѣхъ нѣднѣ о природѣ нашего крестьянина, которые въ послѣднее время родились въ нѣкоторыхъ головахъ, внавшихъ крѣпкому слову извѣстнаго писателя (см. статьи по этому предмету въ «Выбранныхъ Мѣстахъ изъ переписки съ друзьями Гоголя»). Этотъ писатель съ увѣренностію высказываетъ едва-ли не египетскую мысль, что при управленіи населеннымъ нѣднѣмъ можно дѣйствовать на пользу ближняго только или крѣпкимъ, или непонятнымъ для ближняго словомъ. Не желая беспокоить философа-наставника классическимъ диспутомъ, приведемъ нѣсколько мыслей о природѣ русскаго крестьянина изъ статьи другаго писателя, подтверждающаго нѣднѣ свои фактами. Статья эта напечатана въ номерахъ 49, 50 и 51 Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. 1845 года:

«Природныя свойства Русскаго крестьянина суть драгоцѣнныя сокровища въ рукахъ того, кто сумѣетъ понять его. Мужикъ нашъ добръ, богобоязливъ, сострадателенъ, великодушенъ, трудолюбивъ, сметливъ, признателенъ, хлѣбосоль, учтивъ и послушенъ, словомъ — склоненъ ко всему общественнымъ добродѣтелямъ. Надо умѣть только обходиться съ нимъ. Заслужить любовь, уваженіе и довѣренность крестьянъ — есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ для помѣщика: пріобрѣтеніе этихъ чувствъ отъ подчиненныхъ всегда служило и будетъ служить надежнѣйшимъ основаніемъ и обезпеченіемъ всякой власти; чувства же эти пріобрѣтаются строгою справедливоścią, умѣною ласкою и рашушою заботливостію о благѣ подчиненныхъ. Прежде всего соблюдайте въ отношеніи къ крестьянамъ строгую справедливость. Нѣтъ челоука, отъ ребенка до старика, который бы не отли-

чужь справедливости отъ несправедливости, пока нагодится въ зрѣломъ разсудкѣ. Несправедливость спосать, когда нельзя увлечься отъ повиненія, но съ неудовольствіемъ; она всегда раздражаетъ терпящаго противъ обидчика, и болѣе всего внушаетъ неуваженіе, ибо источникомъ ея предполагается: злоба, глупость, слабость характера, корытолюбіе и другія низкія качества.

«Второе дѣло — твердость, соединенная съ кротостію обращенія. Если мужикъ дѣйствительно виноватъ, докажите это ему безъ сердцовъ, не прибывая къ ругательствамъ, какъ можно хладнокровіемъ. Виновный не будетъ на васъ въ претензіи за наказаніе, не станеть злобствовать; а если вы въ добавокъ уменьшите заслуженную мѣру наказанія, то будетъ еще взмъ примателевъ: такова добрая Русская натура. За тѣмъ не всякое же лыко въ строку: если не было злаго умысла, то нерѣдко довольно и того, что помыслить ему голову, доказать, что онъ заслуживаетъ этого наказанія, да и объяснить, что въ надеждѣ на исправленіе, прощаете его на первый разъ: повѣрьте, что у многихъ это подѣйствуетъ на исправленіе ихъ нравственности не менѣе наказанія. Благородное самолюбіе — успѣшнѣйшій двигатель, нежели страхъ наказанія, и приноситъ несравненно лучшіе плоды. — Да какое же можетъ быть самолюбіе у мужика? возразятъ, пожалуй, нине. — Да у кого же его нѣтъ? отвѣтимъ мы, и въ доказательство приведемъ два примѣра...»

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ выписывать этихъ двухъ прекрасныхъ, и между-тѣмъ весьма-обыкновенныхъ случаевъ, — тѣмъ болѣе, что мы намѣрены заимствовать еще слѣдующее окончаніе статьи:

«Хотите ли приобрести довѣренность крестьянъ? Не общайте имъ никогда того, въ чемъ вы сами не увѣрены, чтобы могли исполнить; а какъ скоро общала что — исполняйте непременно, чтобы они были увѣрены, что ваше слово свято. Вздумаете ли дѣлать какіе опыты по хозяйству — пусть крестьяне знаютъ, что это только опыты. Утверждайте превосходство одной методы предъ другою тогда только, когда можете доказать его удачнымъ опытомъ. Русскій му-

жикъ любознательнъ и помятливъ: онъ охотно выслушаетъ ваши доказательства, и пойметъ если они изложены будутъ съ потребною ясностію и простотою; а какъ скоро пойметъ превосходство нововведенія передъ старинною, то перейметъ его охотно и безъ принужденія. Держите мужиковъ такъ, чтобы они могли приходиться къ вамъ безъ страха, довѣрчиво объяснять свои нужды и довѣрчиво брать помощи и добраго совѣта. По возможности удовлетворяйте ихъ просьбамъ съ радушіемъ; а если нельзя, то отказывайте съ ласкою, и такъ, чтобы они были убѣждены, что только необходимость причиною вашего отказа. Имѣйте пощечіе о большихъ, принимайте участіе въ ихъ скорбахъ, словомъ — обращайтесь съ ними, какъ съ людьми Богомъ вѣренными вашему пощечію и покровительству. И не думайте, чтобы такого рода управленіе было затруднительно; напротивъ, при доброй волѣ, оно очень легко: стоитъ только преодолѣть нѣкоторыя безпокойства свачала, а тамъ богоугодныя занятія ваши обратятся въ привычку, и все пойдетъ, какъ по маслу.»

Все это такъ наглядно-справедливо, такъ прямо вытекаетъ изъ сущности самаго дѣла и тѣкъ, казалось намъ, извѣстно всѣмъ, что мы, можетъ-быть, и не рѣшились бы слишкомъ распространяться, еслибъ не узнали, изъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ (1847 г., номеръ 2), что гораздо-простѣйшіе вопросы сельскаго хозяйства, еще не получены для новыхъ окончательнаго рѣшенія, что даже понятіе объ *управляющемъ* есть предметъ спорный. Такъ новосильскій помѣщикъ г. Мисоѣдовъ, въ доказательство, какое странное понятіе многіе помѣщики соединяютъ съ словомъ *управляющій*, рассказываетъ (въ номерѣ 3 Земл. Газ. 1847 года) анекдотъ, какъ одинъ изъ его знакомыхъ зашелъ къ сосѣду своему, помѣщику Цыпуничину, къ которому вошелъ его управитель въ изорванномъ сюртукѣ, кававшемся съ одного бока полуфракомъ, подпоясаннымъ веревкою, за которую висѣла нагайка; въ сапоги его, намазанные дегтемъ, были опущены неопредѣленнаго цвѣ-

та брюки. Это былъ человекъ лѣтъ 50, плѣшивый, съ краснымъ носомъ, съ очками на лбу, съ синяками подъ глазами. Цыпувичкинъ, по уходѣ этого управителя, примолвилъ: хотя мой управитель и выгнанный подъячій, хотя и колотятъ его пьяненькаго мужики, однакожь ужъ за то и дѣло свое знаетъ; если вежу, то такъ отшлѣиваетъ нагайкой, что будутъ помнить до новыхъ вѣтниківъ. А сказки какія мнѣ рассказываетъ по почанъ, Бову и Еруслана, какъ по писанному. Чудныя способности! — Въ слѣдъ за тѣмъ г. Мисофдовъ приводитъ слѣдующее мнѣніе своихъ сосѣдей: какъ управляющій, такъ и управитель мнѣнія суть лица полноѣ доврѣнныя отъ владѣльцевъ, и управляющіе мнѣніемъ *самопроизвольно*. И потому они должны быть люди благонравные, образованные въ хозяйствѣ теоретически и практически, слѣдовательно мнѣствъ съ тѣмъ званіе это (не смотря на происхожденіе и чинъ) должно быть наряду почетнаго гражданства. — Намъ кажется (продолжаетъ Журналь Министерствъ Государ. Имущ.), что всѣ недоразумѣнія о существѣ управляющаго, управителя и прикащика исчезли бы сами собою, еслибъ исчезла нагайка и понятія о ней, оставленныя намъ въ наслѣдство татарскии игомъ. Тогда этотъ, по-видимому, сильный рычагъ нашего сельскаго хозяйства замѣнился бы вначаломъ нравственнымъ; исчезла бы прелесть чудныхъ разсказовъ о Бовѣ и Ерусланѣ. Тогда, вмѣсто произвольнаго управленія доврѣнными мнѣніями заступило бы мѣсто законное управленіе. Тогда званіе управляющаго, управителя и прикащика слѣвалось бы почетнымъ само-собою, какъ всякое занятіе, безъ всякихъ дипломовъ и привилегій. Въ природѣ вещей существуетъ удивительная связь, надобно только умѣть понимать ее.

Да и о такихъ ли еще предметахъ затѣваютъ споръ люди, выпустившіе изъ вида связь существующихъ

въ природѣ вещей! На-пр., «Московскій Городской Листокъ» съ улыбкой говорить, — о чемъ бы вы думали? о смысленности и сметливости простаго русскаго человека!.. И по какому поводу? Въ слѣдствіе такого случая, что читательницы «Листка» вѣрно впередъ будутъ остерегаться статей за скрѣпю миеа «Скальдъ», разсказавшаго этотъ случай, и разсказавшаго, какъ нарочно, прекраснымъ читательницамъ, съ предположеніемъ: еслибъ *сударыня* читательница *изволила быти ею жемюю!!!* Не чувствуетъ ли «Листокъ» потребности въ высшемъ сельско-хозяйственномъ или иномъ законѣ институтѣ для дворянскаго сословія!..

— Есть признаки, что людямъ, посвятившимъ себя служенію наукъ и въ престанному пребыванію въ храмѣ этой строгой богини, часъ-отъ-часу становится все скучнѣе и томительнѣе итъ высокое уединеніе. Многія вещи кажутся намъ обыкновенными и естественными потому только, что ихъ ниемъ намъ применялись прежде, нежели мы успѣли хоть разъ глубоко подумать о нихъ. А если выкинуть, на-примѣръ, въ положеніе человека, который лучшею частью своего существа живетъ въ мірѣ, доступномъ только малому числу людей, можетъ-быть, не связанныхъ съ нимъ никакими житейскими узами, и въ то же время на каждомъ шагу сталкивается съ толпами людей вокругъ него лицами, къ которымъ влечетъ его инстинктъ общительности, и эти лица не понимаютъ и не могутъ понять его лучшихъ мыслей, не могутъ сочувствовать его вѣтѣйшимъ цѣлямъ и желаніямъ, не понимаютъ, когда онъ заговоритъ своимъ *собственнымъ* языкомъ, языкомъ строгой мысли, — если выкинуть въ положеніе такога человека, подумать объ отношеніяхъ его къ окружающимъ его мѣвшимъ братьямъ, эти отношенія покажутся очень-странными, даже несносными, если только исключительное совершеніе безплотныхъ истинъ не успѣло иссушить души посвященнаго жреца и не совсѣмъ ослабило въ него вразум-

ность къ дольной жизни. Такое положеніе, такіа отношенія, естественно, должны побуждать избранниковъ науки тѣснѣе сближаться съ меньшими, дружелюбнѣе заговаривать съ ними, для взаимной пользы и удовольствія: переливать въ простодушную, но, по природѣ всѣхъ людей, любовнательную массу накопившіяся въ мыслящей головѣ истины и, въ замѣнъ того, воспринимать черты дѣйствительной жизни, той жизни, которую научнымъ истинамъ суждено питать и озарять. Однимъ изъ признаковъ такого естественнаго побужденія намъ кажутся публичные лекціи, которыя у насъ, въ добрый часъ молвить, безпрестанно прибываютъ. Не надъ всякимъ изъ публичныхъ курсовъ легко произнести личный судъ: оцѣнкою подобнаго курса иногда можетъ служить только количество (и, конечно, качество) всего того, что вынесутъ изъ него слушатели въ умъ и въ память. Предполагается, что на публичную лекцію придутъ не студенты съ познаніями болѣе или менѣе равными, не люди исключительно-преданные извѣстной отрасли знаній и жаждущіе глубже проникнуть въ нихъ, а придетъ такъ-называемая публика, люди всѣхъ чиновъ и званій, придетъ оторвавшіеся отъ дѣлъ житейскихъ, чтобъ часть-другой поучиться уму-разуму, потомъ прямо воротиться къ тѣмъ же житейскимъ дѣламъ и тутъ же, если можно, къ первому представившемуся случаю приложить услышанное, — потому-что для людей, занятыхъ дѣлами практической жизни, пріобрѣтеніе знанія только тогда имѣетъ значеніе, когда это знаніе можно употребить въ дѣло. И притомъ, подобные слушатели, взятые въ ихъ общихъ чертахъ, могутъ опредѣлять степень истинности преподаваемаго не иначе, какъ самыми ослонъ, внося воспринятую и понатую по крайнему разумнѣю мысль въ собственную жизнь. Поэтому, тяжкій грѣхъ ляжетъ на душу публичнаго преподавателя, если онъ дастъ своимъ слушателямъ ложный взглядъ на вещи, неумышленно или съ умысломъ; если

заговорить черезъ-чуръ мудроно, такъ-что публика или не пойметъ его, или пойметъ превратно; если заговорить о такомъ предметѣ, въ которомъ и самъ онъ и вся ученая братія только гадаютъ, смекаютъ и путаются; если, наконецъ, и при умѣственномъ выборѣ предмета посягнуть онъ на права здоровой логики, въ защиту произвольно-построенной теоріи, непроходимо-гуманной доктрины, или, что всего хуже, какой-нибудь изъ темнаго источника излившейся цѣли... Все это, конечно, говоритъ нами безъ всякаго прииѣненія, единственно по поводу пріятнаго явленія — умноженія у насъ публичныхъ чтеній, которыя болѣею частію, по самымъ предметамъ, не допускаютъ вложенныхъ нами опасеній. Таковы, напр., чтенія въ домѣ Вольнаго Экономическаго Общества о теплородѣ, магнетизмѣ и электричествѣ, — въ Москвѣ, опытной технической химіи Геймана, органической химіи Ласковского... хотя въ программахъ послѣдней, отъ свойства ли самой науки, или отъ способа выраженія преподавателя, встрѣчаются такіа вещи, въ которыхъ простому практическому челоуку не добиться толку: напримеръ, какъ постигнуть онъ, что такое химическое значеніе образа осини?.. Профессоръ Шевыревъ читаетъ исторію поэзіи (Гомеръ, Данте, Шекспиръ). Тутъ дѣло эстетики, дѣло высшей потребности общества; тутъ — если даже не брать въ расчетъ достоинствъ чтеній — самый предметъ ихъ, самая рѣчь о Гомерѣ, Данте, Шекспирѣ — ведетъ прямо къ предполагаемой цѣли: вливаетъ живительную струю въ духъ общества... Но, между всѣми этими курсами, особенно замѣчательно объявлено объ *Энциклопедіи Медицины*, преподаваемой господиномъ Зацѣпнянымъ. Прочитавъ въ № 27 Московскаго Городскаго Листка программу этой энциклопедіи медицины, и прочитавъ ее всю до конца, мы, въ глубокомъ смущеніи, невольно задали себѣ странный вопросъ: покойный «Маякъ» не былъ ли журналомъ медицинскимъ?.. При-

верженцы «Маяка», скорбящiе о его мирномъ успокоенiи, если вы еще существуете, спѣшите на лекцiю въ почтенному господину Зацѣпину: онъ въ 40 часовъ разовѣтъ предъ вами то, что тщетно развивалъ «Маякъ» въ продолженiе нѣсколькихъ дѣтъ! Купите за 15 руб. сер. эти наставленiя, сложите ихъ на сердцѣ и—ради здраваго смысла—не расточайте бисера суетному свѣту: онъ или не пойметъ васъ, или смутится предъ высотой вашихъ мечтанiй; онъ слишкомъ твердо стоитъ на землѣ; ему не улетѣть съ вами въ ту страну соверщанiй, гдѣ и медицина, и все творенiе, и Западъ съ способностью *дѣловой*, и Востокъ съ способностью *духовной*—все это обнимается *чувствомъ къ престестественному!*..

Вы думаете, что это собственно медицина, думаете, что г. лекторъ дастъ вамъ точное понятiе о наукѣ, раскроетъ ея основныя начала, которыя успѣла разработать *житейская* или *дѣловая* способность человѣчества, т. е. мудрый опытъ, обобщенный разумомъ?—Успокойтесь: дѣловая способность—принадлежность Запада, а почтенный лекторъ человекъ восточный: онъ одаренъ способностью *духовной*, проникнуть *чувствомъ* къ престестественному, и потому будетъ развивать такой предметъ, такую науку, которой онъ и самъ не можетъ назвать предѣла. Это что-то безграничное, какъ пространство вселенной, неопредѣленное, смутное. Повторю: о результатѣ курса г. Зацѣпина можно приблизительно судить по сравненiю съ «Маякомъ»; ибо въ началахъ умолкнувшаго журнала и вытѣвавшаго курса много родственнаго...

Есть еще особый родъ публичныхъ лекцiй, неходящихъ въ разрядъ тѣхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Тамъ мы разсматривали предметъ чтенiя, способъ изложенiя этого предмета и образъ воззрѣнiя на него; поэтому могли дѣлать заключенiе, напр., о чтенiяхъ г. Зацѣпина по одной изъ про-

граммъ. Но прiйдите въ полную, блестящую аудиторiю графа де-Сюзора, прислушайтесь къ его чтенiю, потомъ оглянитесь на многочисленное собранiе,—и вы невольно зададите себѣ вопросъ: что приковываетъ вниманiе слушателей, чему они сочувствуютъ? Нельзя же сочувствовать такой исторiи литературы, въ которой, вмѣсто критики и эстетическаго взгляда, одни анекдоты о французскихъ писателяхъ съ насильно-пришитыми (правда, искусною рукою) къ этимъ анекдотамъ нравственными сентенцiями!— Или, можетъ-быть, особенно занимательны наставленiя графа въ обычаяхъ парижскаго *bon ton*?—Но у насъ ходитъ такое повѣрье: «le-plus mauvais ton c'est de parler du bon ton».—Что же, наконецъ, увлекаетъ слушателей? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить одна фраза, которую мы мелькомъ слышали даже въ самой аудиторiи: «c'est quelque chose de piquant». Вотъ тайна чтенiя, которую мы назовемъ *сансерiе*, не умѣя перевести этого слова. Слушатели очень-часто встрѣчаютъ въ чтенiяхъ графа де-Сюзора вещи, противорѣчащiя ихъ убѣжденiямъ, что и составляетъ *quelque chose de piquant*: оно производитъ легкое раздраженiе, не столько въ душѣ, сколько въ слухѣ, и тѣмъ доставляетъ прiятность, минутное, но за то довольно-оригинальное наслажденiе. Такъ, наприм., въ одну изъ послѣднихъ лекцiй, графъ де-Сюзоръ высказалъ ту мысль, что русская публика имѣетъ превратное понятiе о французской литературѣ, считаетъ ея великихъ дѣятелей посредственными, а посредственныхъ—великими, и что, поэтому, приложивъ онъ—*tous êtes je ne dirai pas le mot — trompés*. (пукоплексанiя). Конечно, эта истина остается истиною только для самого лектора; потому-что даже цитаты изъ авторовъ, которыхъ онъ рекомендовалъ намъ въ великие, цитаты, привлеченныя въ доказательство величiя этихъ авторовъ,—скорѣй подтверждаютъ наше, нежели его мнѣнiе. Притомъ, почтенный г. лекторъ упустилъ изъ

вида, что французская литература — достояніе не одной Франціи, а всей просвѣщенной Европы, къ которой и мы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, считемъ себя причислить; что источники, по которымъ изучалъ графъ свою отечественную литературу, доступны и намъ; что мы могли воспользоваться ими удачнѣе, нежели онъ воспользовался источниками нашей литературы (какъ это обнаружилось въ началѣ курса, когда онъ упоминалъ о нѣкоторыхъ изъ русскихъ литераторовъ); что великіе французскіе писатели прочтены нами и признаны великими, согласно съ мнѣніемъ всего читающаго и мыслящаго міра. Да и самъ графъ де-Сюзоръ едва-ли вѣрить своимъ словамъ: замѣтно, что онъ, если не путемъ психологій, то по-крайней-мѣрѣ съ помощью какого-то чуткаго инстинкта, постигъ искусство имѣть дѣло съ людьми... При этомъ хотѣлось бы намъ повторить одну изъ приведенныхъ нами его фразъ; но... къ-чему же повто- рять!..

Совершенно противоположность чтеніямъ графа де-Сюзора составляетъ лекція *о легкой поэзіи XVIII вѣка*, читанная г. Рюдъ въ залѣ Второй Гимназіи. Еще въ прошломъ году намъ удалось слышать его публичную же лекцію о Гомерѣ и убѣдиться, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ большей частью своихъ соотечественниковъ, занимающихся у насъ преподаваніемъ французской литературы и чтеніемъ публичныхъ лекцій объ этомъ предметѣ. Большая часть этихъ господъ воображаетъ, что познаній, приобрѣтенныхъ ими нѣкогда въ коллегіи (au collège), черезъ-чуръ достаточно для того, чтобы совершенно удовольствоваться русскую публику. Ни мало не подозрѣвая, что образованная часть ея давно уже отбросила школьныя ученія, которыхъ сами они нисколько не опередили, они предстаютъ передъ нею съ своими отсталыми и затверженными взглядами, съ своей элементарной эрудиціей, съ своимъ риторическимъ краснорѣчіемъ и принимаются за изъ-

ображеніи исторіи великой литературы своего отечества, въ полной увѣренности, что каждое слово ихъ будетъ принято съ простодушнымъ восторгомъ. Результатъ этихъ чтеній, разумеется, таковъ, что лучшая часть публики не удовлетворяется. Повторяемъ, что г. Рюдъ составляетъ блестящее исключеніе изъ большинства Французовъ, считающихъ себя въ правѣ судить у насъ во всеуслышавіе о французской литературѣ. Его чтенія могли бы быть замѣчены и въ Парижѣ; это человѣкъ ученый въ полномъ смыслѣ слова, человѣкъ занимающійся наукой по призванію и совершенно-проникнутый сознаніемъ современныхъ идей. Онъ основательно знакомъ съ исторіей, понимаетъ ее самымъ правильнымъ образомъ и отличается способностью передавать духъ времени немногими рѣзкими чертами. Въ изъясненіи его вѣтъ и тѣни школьной рутинѣ: оно самостоятельно и живо. Въ русской публикѣ допускаетъ онъ столько развитія, что не считаетъ нужнымъ искажать передъ ней истину, и, сколько можно заключить изъ чтеній его, въ противномъ случаѣ согласился бы лучше молчать, чѣмъ обезображивать факты и перетолковывать ихъ сущность по примѣру другихъ... Прослушавъ его лекцію *о легкой французской поэзіи XVIII вѣка*, мы пожалѣли только о томъ, что онъ не открылъ полнаго курса исторіи французской литературы. Касаясь вопроса о томъ, что представляло французской литературѣ XVIII столѣтія и какое отношеніе имѣла она къ литературѣ текущаго столѣтія, г. Рюдъ обнаружилъ такой свѣтлый общій взглядъ на исторію этой литературы и такую живую потребность обнять мыслью всецѣлостъ составляющихъ ее фактовъ, что мы не могли не подосадовать на тѣсноту избранной имъ рамы. Петербургская публика, вѣроятно, будетъ ему очень благодарна, если на будущій годъ онъ расширитъ предѣлы своего преподаванія.

— Обозрѣвая помѣщаемыя въ раз-

ныхъ періодическихъ изданіяхъ свѣдѣнія о всѣхъ родахъ нашей общественной дѣятельности, не можемъ не обратить особеннаго вниманія на развивающіеся у насъ ученые общества.

5-го февраля было обыкновенное ежемѣсячное собраніе Русскаго Географическаго Общества, которое въ короткое время своего существованія сдѣлало столько прекрасныхъ начинаній, неоставляющихъ никакого сомнѣнія въ неисчислимыя пользахъ, готовящихся отъ него наукѣ. Оно будетъ издавать «Географическій Ежегодникъ», состоящій изъ статей, «которые занимательностью предмета и заманчивымъ изложеніемъ могли бы привлечь большое число читателей». Такое намѣреніе какъ нельзя больше соответствуетъ современной потребности — внести интересы науки въ массу общества. Независимо отъ «Ежегодника», будутъ продолжаться изданіемъ «Записки Общества», которыя будутъ носить на себѣ преимущественно ученый характеръ.

Важнѣйшимъ деломъ извѣстныхъ намъ предпріятіемъ Географическаго Общества можетъ почесться экспедиція на Сѣверный Уралъ. Она будетъ состоять изъ горныхъ инженеровъ: полковника Гофмана и майора Стражевскаго, кандидата Ковальскаго (по части астрономіи) и г. Брандта (для занятій по естественнымъ наукамъ); сверхъ-того, въ экспедицію назначены два топографа. Предполагено, что экспедиція начнетъ свои дѣйствія въ половинѣ мая нынѣшняго года отъ Чердыни, и слѣдуя по западному склону хребта, дойдетъ до Оранца, а потомъ, перейдя на восточный склонъ, пройдетъ на югъ сколько позволитъ время года. Гг. Гофманъ и Стражевскій будутъ какъ-можно чаще отдѣляться отъ экспедиціи для изслѣдованія окрестныхъ долинъ и рѣкъ, представляющихъ, вѣроятно, лучшіе геогностическіе разрѣзы. Въ теченіе зимы они займутся отчетами о лѣтнихъ работахъ; а лѣтомъ 1848 года, экспедиція послѣдуетъ часть хребта отъ Оранца

до Ледовитаго Моря. Слѣдуя отъ Оранца, она поднимется на хребетъ къ источникамъ рѣки Лѣнвы и направится къ сѣверу; по восточному склону дойдетъ до рѣки Кары в Ледовитаго Моря, и возвратится на югъ по западному склону, вдоль рѣки Баратанги, до впаденія Лѣнвы въ Усу. Такимъ образомъ уничтожится важный пробѣлъ въ нашей отечественной географіи, который, по непостижимой причинѣ, до сихъ-поръ такъ долго существовалъ въ ней.

Кромѣ уральской экспедиціи, предметами собранія 5 февраля были: читанный дѣйствительнымъ членомъ А. П. Заблоцкимъ *Взглядъ на исторію развитія статистики въ Россіи*, и рѣчь дѣйствительнаго члена Я. В. Ханькова, въ которой онъ говорилъ о необходимости *установить въ русскомъ языкѣ географическую терминологию* изданіемъ терминологическаго географическаго словаря. Вопросъ этотъ будетъ разсматриваться въ совѣтѣ общества, и потому о немъ нечего еще теперь распространяться.

Наконецъ, г. помощникъ представителя, вице-адмиралъ Ф. П. Литке, сообщилъ собранію предложеніе, слѣланное британскому адмиралтейству и Лондонскому Астрономическому Обществу сэромъ Джономъ Россомъ, достигнуть сѣвернаго полюса, отправясь во льду отъ Шпицбергена въ саняхъ, запряженныхъ шведскими лошадьми, — предложеніе, впрочемъ, отвергнутое британскимъ адмиралтействомъ.

Общество *Археологическо-Нумизматическое* занимается тою областью знаній, которая у насъ представляетъ поле мало-воздѣланное. Кругъ нашихъ ученыхъ, подвизающихся на поприщѣ археологіи, въ особенности нумизматики, тѣсенъ; да и для развитія его не слишкомъ-много насущныхъ побужденій: на долю этихъ людей выпадетъ трудъ упорный, отчасти сухой, невѣдннй въ глазахъ большинства; чтобы посвятить себя этому труду, нужно много терпѣнія, самоотверженія и безкорыстной любви къ предмету; а во-

жетъ-быть, сверхъ этого, нужна еще особая способность прилипать къ полнѣмъ и продолжительнымъ вниманіемъ ко всякому куску, осколку, къ ржавой, ничтожной монеткѣ или металлу, въ которыхъ смыслъ еще неизвѣстно откроется ли и когда откроется. Поэтому, учрежденіе Общества Археологовъ и Нумизматовъ въ высшей степени полезно; оно необходимо оживитъ у насъ этотъ родъ ученой дѣятельности. Но о результатахъ дѣйствій этого общества, только-что учрежденнаго, мы еще мало знаемъ положительнаго, и потому будемъ ждать его дальнѣйшаго развитія.

Въ *Императорскомъ Минералогическомъ Обществѣ*, въ первый засѣданіи его послѣ лѣтнихъ вакансій, происходили крайне-любопытныя чтенія директора общества, С. С. Куторги, о цѣляхъ и результатахъ путешествія его по Санктпетербургской-Губерніи, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ. Извѣстно было, что площадь Санктпетербургской-Губерніи, въ 850 квадратныхъ миль, вмѣщаетъ въ себѣ формации: *третичную, девонскую и силлурійскую*. Побуждаясь несомнѣнною пользою подробнаго геогностическаго познанія страны, профессоръ С. С. Куторга принялъ намѣреніе постепенно опредѣлить: 1) поверхностное протяженіе упомянутыхъ формаций; 2) точно провести линіи, разграничивающія ихъ, или линіи, въ которыхъ онѣ краями своими налегаютъ одна на другую; 3) опредѣлить порядкомъ напластованія каждой изъ нихъ; 4) собрать окаменѣлости ихъ, и 5) изучить наносы, ихъ покрывающіе. Часть Царскосельскаго-Уѣзда была уже прежде изслѣдована имъ вмѣстѣ съ Ф. И. Вертомъ. Теперь, въ засѣданіе 22 сентября, онъ изложилъ дальнѣйшія изслѣдованія свои по первымъ четыремъ пунктамъ; 6 октября сообщилъ наблюденія, сдѣланныя имъ надъ наносами въ уѣздахъ Царскосельскомъ, Ямбургскомъ, Гдовскомъ и Лугскомъ; 20 октября говорилъ о ландшафтахъ Санктпетербургской-Губерніи, объясняя причину

отсутствія высокихъ горъ горизонтальнымъ положеніемъ пластовъ всѣхъ формаций; наконецъ, 3 ноября, по поводу вопросовъ и объясненій, возникшихъ при чтеніи изъ журнала собранія статьи о ландшафтахъ, С. С. Куторга изложилъ въ главныхъ чертахъ общій законъ всей органической природы, по которому формы организмовъ существуютъ только опредѣленное время.—Сверхъ-того, въ упомянутыя засѣданія, дѣйствительный членъ П. И. Евреинновъ сообщилъ обществу образецъ вновь-открытаго имъ природнаго сплава платины, и прочитана была записка дѣйствительнаго члена Норденшильда о вновь-открытомъ минералѣ въ изумрудныхъ рѣскахъ близъ Екатеринбурга. Минералъ этотъ находится вмѣстѣ съ хризоберилломъ, имѣетъ сложеніе листоватое, подобно слюдѣ, и цвѣтъ серебристо-бѣлый; онъ имѣетъ свойство пережигать свой цвѣтъ по различному направленію спайности: удѣльный вѣсъ его 3,007; а твердость отъ 5 до 5 съ половиною. По химическому разложенію оказалось, что онъ состоитъ изъ кремнезема, глинозема, извести, марганцоваго окисла и воды.

Вотъ сущность того, что въ послѣднее время сообщили о себѣ публикѣ наши ученые общества. Но съ словомъ «общество» связалась у насъ мысль объ обществахъ другаго рода, извѣстныхъ подъ именемъ благотворительныхъ. Въ этой сферѣ доблестныхъ дѣлъ и доблестныхъ увлеченій есть у насъ одно явленіе, передъ которымъ всякому человѣку, любящему себя по добрыхъ, слѣдуетъ преклониться съ чувствомъ глубокой благодарности. Это явленіе—*Общество Посещенія Бѣдныхъ*, только еще на дняхъ заговорившее о себѣ гласно. Не можемъ представить себѣ человѣка, въ которомъ бы это общество не возбуждало живѣйшаго сочувствія. Дѣйствія его отличаются тѣмъ превосходнымъ свойствомъ, которое нерѣдко упускаетъ изъ вида благотворительность: они не похожи на варужное замазываніе щелей, на

заглаживание на-спору-руку прорѣхъ в пельявозъ, но проиваютъ глубоко въ самому корню золъ и, въ случаѣ возможности вырвать этотъ корень, стремятся, по-крайней-мѣрѣ, облегчить участь бѣдника на долго, если не навсегда. Вотъ въ чемъ состоитъ образъ этихъ дѣйствій: на особыхъ членовъ, назвѣстныхъ подъ именемъ *мощителей*, возлагается обязанность лично быть у просящаго помощи, распознать его самого и обстоятельства, въ которыхъ онъ находится, распознать причины его нищеты, его горя, узвать его надежды и желанія. Все узванное посетитель передаетъ обществу, которое въ лицѣ дежурнаго члена-распорядителя ежедневно выслушиваетъ эти известія и тутъ же рѣшаетъ, что нужно сдѣлать и чѣмъ можно помочь просящему... Выше этого еще не восходила и врядъ-ли скоро возвысится наша благотворительность; по-крайней-мѣрѣ, трудно придумать для частнаго человека другой болѣе-гѣрный, болѣе-дѣйствительный путь къ облегченію участи бѣдныхъ. Сколько чудовѣршихъ сторонъ въ этомъ *разумномъ*! Сколько драгоцѣнныхъ дѣяньныхъ можетъ собраться о томъ классѣ, который такъ громко просить участія у людей обезпеченныхъ. Но это не такой предметъ, чтобы, говоря о немъ, можно было ограничиться одними восклицаніями. По поводу появившагося въ послѣднихъ числахъ февраля полугодичнаго отчета общества, мы постараемся въ слѣдующей книжкѣ поговорить объ этомъ дѣлѣ обстоятельнѣе.

— Не можемъ умолчать объ одной недавней новости, имѣющей важное значеніе не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ, но тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ мало ожидать отъ нея. Мы говоримъ объ *Училищѣ для дѣтей Горцевъ*, открытомъ 20 ноября прошлаго года въ Новороссійскѣ. Оно основано на 25 воспитанниковъ и предназначено преимущественно для дѣтей чужихъ фамилій племени *Адине* (соб-

ственно черкесскаго). Воспитанники состоятъ на полномъ казенномъ содержаніи и живутъ въ самомъ заведеніи, помѣщающемся въ нарочно-устроенномъ для того казенномъ домѣ; родственники допускаются для свиданія съ ними во всякое время. Возрастъ для приема назначенъ отъ 7 до 12 лѣтъ; курсъ продолжается 4 года; положено преподавать Коранъ, чтеніе и письмо по-турецки, русскую грамматику, арифметику, географію и исторію. Штабъ преподавателей состоитъ изъ одного учителя, муллы и переводчика черкесскаго языка въ должности гувернера. Сверхъ-того, назначены директоръ, инспекторъ и надзиратель. Все это весьма-сообразно съ цѣлію, и заведеніе, по-вторяемъ, обѣщаетъ много добраго для будущности одичалаго племени, которому мы, стоящіе выше его, обязаны помогать въ дѣлѣ развитія.

— Вотъ что сообщаетъ намъ штаб-лекарь Брандовъ *объ угарѣ и способѣ ея леченія*.

Угаръ обыкновенно происходитъ отъ преждевременнаго закрытія печныхъ трубъ; при этомъ отдѣляется въ значительномъ количествѣ углекислый газъ, который дѣлаетъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и, дѣйствуя на мозгъ и всю нервную систему, какъ средство одуряющее и приволяющее мозгъ въ бездѣйствіе, входитъ въ самую кровь, обугливаетъ ее, лишаетъ ея естественнаго состава, чрезъ что она, отъ потери равновѣсія между жидкими частями и шариками ея, раздражаетъ еще болѣе нервную систему и самый мозгъ, производитъ при легкомъ угарѣ тяжесть въ головѣ, круженіе, тошноту, даже рвоту, ослабленіе во всемъ тѣлѣ, и т. п.; при сильномъ же угарѣ — бездѣйствіе мозга, отъ прилива крови къ которому больные часто поражаются апоплексическимъ ударомъ.

Особенно страдаетъ у насъ отъ угара высшій классъ, у котораго устройство нѣтъ, речей, бѣтъ и страсть къ сбереженію тепла во время холода чѣ-

сто заставляют испытывать во всей силѣ дѣйствіе угара.

Тѣсное помѣщеніе этого класса послужило, кажется, поводомъ къ открытію подавать помощь угорѣвшимъ холодными средствами; по-необходимости вынося ихъ на открытый воздухъ, трутъ сивгомъ или обливаютъ холодною водою; угорѣвшій дышетъ свѣжимъ воздухомъ, холодныя средства раздражаютъ кожу, чѣмъ отвлекаютъ отъ мозга кровь, судорожное оцѣпенѣніе мозга разрѣшается, и умиравшій возвращается къ жизни. Средство это призвано и врачами, и какъ общепринятое употребляется надлежащимъ образомъ.

Но кто же можетъ отвѣчать за пользу этого средства въ рукахъ низшаго класса? Не разбирая ни пола, ни возраста, ни состоянія здоровья угорѣвшаго, они выносятъ его на чистый воздухъ даже зимою, кладутъ на сивгъ, обрываютъ, трутъ имъ, пока больной не очнется. Можно ли ручаться, что такое леченіе не будетъ имѣть гибельныхъ для больного послѣдствій?

Давно уже извѣстно врачамъ употребленіе теплой воды при спазматическомъ состояніи желудка, кишекъ, конечностей, какъ средство утишающее спазмы. При дѣйствіи угара на мозгъ, въ началѣ происходитъ то же спазматическое сжатіе желудка, — слѣдовательно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что теплая вода съ пользою можетъ быть употреблена при угарѣ; кромѣ того, дабство въ подачѣ таковаго пособія, какъ средства, немогущаго имѣть вредныхъ для угорѣвшаго послѣдствій, даетъ въ этомъ случаѣ теплой водѣ преимущество передъ холодною.

Г. Брандовъ, слышавъ давно уже отъ своихъ товарищей о благотворномъ дѣйствіи теплой воды на угорѣвшихъ, въ продолженіе нѣсколькихъ уже лѣтъ употребляетъ это средство, и собственнымъ опытомъ убѣдился въ несомнѣнной его пользѣ, — даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ безъ медицинскаго пособія нельзя было отвѣчать за

жизнь угорѣвшаго. — По предлагаемому имъ способу должно поступать слѣдующимъ образомъ:

Угорѣвшаго кладутъ на правый бокъ, лицомъ къ низу, и, подерживая ему голову, безпрестанно обливаютъ ему затылокъ теплою водою въ 28° Р. (*) (какъ можетъ вынести рука) въ теченіе четверти часа и болѣе, пока больной не очнется. Въ крайнихъ, весьма-рѣдкихъ случаяхъ, г. Брандовъ ставилъ горячницы на конечности, клистиры съ уксусомъ, дѣлалъ кровопусканія. Мѣру поливанія опредѣляетъ всегда почти самъ больной: сначала ощущеніе отъ воды ему пріятно, но наконецъ онъ проситъ перестать. По словамъ больныхъ, поливаніе сначала избавляетъ ихъ отъ нестерпимаго стѣсненія въ головѣ; но какъ-только оно проходитъ, начинается какал-то колючая боль въ мозгу и напоръ къ нему крови. Изъ этого, ясно, что теплота разрѣшаетъ спазматическое оцѣпенѣніе мозга и доступаетъ къ нему крови усиливается, почему больной и не можетъ болѣе выносить поливанія теплою водою. Средство это дѣйствуетъ большею частію безъ помощи другихъ медицинскихъ средствъ, и притомъ такъ скоро, что въ короткое время больной забываетъ, въ какомъ находился онъ положеніи.

— Статистика, внѣшняя и внутренняя торговля, внутреннее рѣчное судоходство, равные пути внутреннего сообщенія, устроенные какъ отъ правительства, такъ и частными акціонерными компаніями — вотъ предметы, которые теперь постоянно и серьезно занимаютъ всѣхъ и каждого. Постараемся по возможности удовлетворить любопытству читателей въ этомъ отношеніи. Начнемъ движеніемъ торговли санктпетербургскаго порта въ 1848 году.

Навигація открылась 13 апрѣля, а закрылась 21 ноября.

(*) При подачѣ помощи дѣтямъ, температуру воды понижаютъ, смотря до ихъ возраста.

Отпущено всего на 44,819,426 р. с.

Въ томъ числѣ объявлено:

	руб. сер.
Русскими купцами	на 26,609,465
Иностранными гостями	— 18,047,790
Шкиперами и пассажирами	— 162,171

Итого — 44,819,426

Въ 1845 году было — — 37,221,141

Привезено всего на 55,725,286 р. 30 в.

Въ томъ числѣ объявлено:

	на
Русскими купцами	48,119,748
Иностранными гостями	— 7,416,912
Шкиперами и пассажирами	— 188,626

Итого — 55,725,286

Въ 1845 году было на 54,596,304 р. с.

Таможенныхъ сборовъ поступило въ Санктпетербургской Таможнѣ — 14,440,310 р. сер.—Въ приходѣ кораблей было съ товарами 1249, съ балластомъ 317, всего 1566 (въ 1845 году всего 1395); въ отходѣ кораблей 1563 (въ 1845 году всего 1390).

Весь оборотъ отпуска и привоза въ 1846-й превышаетъ 1845-й годъ на 8,727,267 р. сереб. Кораблей въ приходѣ было 171-въ болѣе; и число кораблей 1566 хотя не *taxatum* (около 1700), котораго иногда достигало это число, но при всемъ томъ относится къ очень-счастливымъ годамъ. Замѣтимъ, что числа отпуска 26,609,465 р. и привоза 48,119,748 р. объявленныя русскими купцами, въ существѣ ничего не показываютъ, потому-что эти числа относятся только къ тому, кто подалъ объявленіе и предъявилъ пошлины въ таможенную; это касается собственно до административнаго порядка, между-тѣмъ, какъ большею частію происходитъ такъ, что иностранный гость или контора, получая товаръ изъ-за границы, предъявляетъ его только по коносаментамъ, а русскій купецъ, покупая у него, условливается и предъявить товаръ дѣйствительно и внести пошлины, — или также русскій купецъ при продажѣ своего товара на биржѣ условливается предъявить его и заплатить пошлины, хотя бы и не самъ отправлялъ его за границу.

Пониженіе въ Англии тарифа на ввозимый туда хлѣбъ состоялось въ прошедшемъ году довольно-поздно; однакожъ, успѣло оказать свое вліяніе на нашу торговлю. При первыхъ извѣстіяхъ о совѣщаніяхъ парламента по этому предмету, русскіе купцы стали заботиться объ особенной заготовкѣ хлѣба. Его было изготовлено въ одномъ приволжскомъ краѣ до 8 милліоновъ четвертей. Отпускъ хлѣба во всей Россіи увеличился въ 1846 году втрое-кратно до 1 милліона четвертей. Кромя пониженія тарифа въ Англии, этому способствовали еще неурожай хлѣба и картофеля въ Англии, Бельгій, Франціи и Германіи; первыя три требовали пшеницу, послѣдняя—рожь.

Отъ нынѣшняго 1847 года надо ожидать еще большаго. Прежде мы отпускали всѣ хлѣбѣ въ зернѣ; теперь поступило требованіе изъ Ирландіи и на ржаную муку. Въ прошедшемъ январѣ въ нѣсколько дней куплено здѣсь 200,000 четвертей ржаной муки, цѣна которой повысилась съ 3 до 6 рублей серебромъ.

Требованіе на эту муку, втрое-кратно, еще увеличится, и предстоитъ вопросъ — въ состояніи ли мы будемъ удовлетворить будущимъ требованіямъ за границу безъ ущерба потребленію Петербурга.

Сколько извѣстно, ржаной муки теперь находится въ частныхъ рукахъ на продажу:

	Кулей.
Въ Петербургѣ по 1-е января	368,000
По Шлиссельбургскому пути, отъ Шлиссельбурга до Новгорода.	250,000
Отъ В. Волочка до Корчевы.	100,000
По маринскому пути.	100,000
Въ Рыбинскѣ на выюнкѣ.	207,000
Отъ Рыбинска до Нижняго Новгорода.	480,000
Итого	1,565,000

Въ прошедшемъ году было привезено въ Рыбинскъ частной ржаной муки 2,375,608 кулей. Число это и количество запаса остановили бы дальнѣйшія отправки, но теперь, по причинѣ

требований, для опять пришло быстрое ходъ.

Если принять, что въ 1847 будетъ доставлена въ Петербургъ только половина прошлогодней заготовки въ Рыбинскѣ, т. е. 1,187,804 к., то съ итогомъ прошлогодней заготовки запасъ будетъ 2,752,804. На это можно рассчитывать. По сложности годовъ съ 1836 по 1842, Петербургъ потребляетъ въ годъ 712,000 кулей. Возьмемъ это число въ полтора раза и вычтемъ изъ запаса—получимъ 1,684,804 куля, которые могутъ быть въ этомъ году отпущены за границу.

—Съ основанія Одессы самый значительный годъ въ отношеніи торговли былъ 1845, имѣвшій общаго, по привозу и отпуску, оборота 26,190,102 р. серебромъ. Итогъ оборота 1846 года былъ 30,508,462 руб., въ томъ числѣ отпуску на 22,763,055 руб. и привозу на 7,745,407 руб. сер. Итакъ, прошедшій годъ превзошелъ 1845 на четыре съ половиною милліона р. серебромъ. Одесса одна изъ главныхъ житницъ Европы; но въ настоящее время она еще не можетъ соперничать въ цѣнѣ зерноваго хлѣба съ другими портами. Ниже мы увидимъ, что правительство сильно заботится объ улучшеніи путей къ Одессѣ. До окончанія этого дѣла, одесская торговля не будетъ имѣть рѣшительной самостоятельности, хотя и есть достаточныя причины думать, что она не будетъ упадать. Отпускъ отсюда состоитъ наиболѣе изъ хлѣба, сала, шерсти, масличныхъ сѣмянъ и проч. Привозъ иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ простирается въ годъ на одинъ милліонъ руб. сер. съ небольшою, и потому не можетъ оправдывать жалобы тѣхъ, которые думаютъ, что эти товары подрываютъ русскія фабрики. Усиленіе отпуски въ 1846 году произошло также отъ особеннаго запроса хлѣба (пшеницы) за границу, по случаю пониженія англійскаго тарифа, и еще болѣе по случаю неурожая на Западѣ. Пшеницы отправлено 1,955,316 четв., на 15,294,641

руб. Самый сильный отпускъ этого хлѣба по количеству былъ въ 1845 году—1,777,087 четв., а по цѣности въ 1817 году на 11,410,369 руб. серебромъ. Всего же отпущено разныхъ сортовъ хлѣба зерномъ и мукою въ 1846 году 2,267,653 четверти.

— Говоря о южной торговлѣ, нельзя не сказать нѣсколько словъ о Гирлахъ (новомъ портѣ въ устьѣ Днѣстра), Бердянскѣ и Мариуполѣ.

Суда, поднимавшіяся по Днѣстру отъ Херсона до Николая, нагружались хлѣбомъ въ Николаѣ и возвращались. Пять дѣтъ назадъ, обидливое днѣпровскаго ложа противъ селенія Бабина (на таврической сторонѣ) не позволило судамъ идти выше селенія Гирлъ. Отъ Херсона до Гирлъ три дна пути при попутномъ вѣтрѣ. Такии образомъ, селеніе Гирлъ отъ мелководія Днѣпра мало-по-малу стало захватывать Николаѣ. Съ 1843 года, судоходство въ Гирлахъ установилось. Въ 1844 году, число пришедшихъ изъ Херсона лодокъ и судовъ уже простиралось до 113. Въ 1845 году, не смотря на цѣлую воду и возможность достиженія до Николая, въ Гирлахъ было 96 судовъ. Въ 1846 году было болѣе ста судовъ, забравшихъ слишккомъ 15,000 четвертей ржи и пшеницы. Глубина Днѣпра около Гирлъ отъ двадцати до тридцати футовъ. Селеніе это находится въ 138 верстахъ отъ Херсона, въ 160 отъ Екатеринослава, въ 350 отъ Елизаветграда и въ 300 отъ Одессы; по теченію Днѣпра отъ Николая до Гирлъ не болѣе 154 верстѣ.

Не будемъ описывать всей мѣстности около селенія Гирлъ, но обратимъ вниманіе читателей на другое обстоятельство. Селеніе это, такъ же, какъ и пристань или портъ при немъ, принадлежитъ частному лицу. Владѣлецъ устроилъ на свой счетъ каменные владенія, какъ для пристанища судорабочимъ и подводчикамъ, такъ и для складки подвояннаго уже сухимъ путемъ хлѣба, а также и удобную при-

станъ; оборотъ выкапихъ не положено. Крестьяне зажиточны и богатыютъ...

Главное преимущество Бердянска, какъ известно, состоитъ въ томъ, что онъ открытъ для судоходства почти круглый годъ. Отпускъ хлѣба торжествуетъ и здѣсь; онъ простирался въ 1846 году до 280,000 четвертей на сумму до 2 мил. руб. сер. и состоялъ болѣею частію изъ красной пшеницы.

Но если Бердянскъ беретъ преимущество своимъ портомъ, то Мариуполь имѣетъ другое важное преимущество. За хлѣбомъ у него недалеко ходить: онъ въ окрестностяхъ. Число переселенцевъ-хлѣбопашцевъ съ каждымъ годомъ увеличивается, и земледѣліе изобилуетъ своими произведеніями: Количество разнаго зерна, добываемаго этими земледѣльцами при изобильномъ урожаѣ, можетъ простираться до 700 тысячъ четвертей. Покупщики, нахо-

дя хлѣбъ близъ порта, прибавляютъ къ многимъ расходамъ, такъ-чтобы хлѣбъ ходилъ здѣсь 60 в. с. дешевле противъ другихъ городовъ на берегахъ Азовскаго-Моря. Послѣ этого, странно читать, напр., слѣдующее: «Заграничная от-пуская въ Мариуполь торговля въ прошедшемъ 1846 году, чрезъ не-вѣстныя отъ насъ причины, бы-въ сравненіи съ требованіями въ статкахъ здѣшнихъ negociантовъ, са-мая ограниченная, и именно пше-ны отправлено 198,805 и лишкаго ст-мени 18,930 четв., да шерсти овецей сырца 2,700 пуд. и жельза колеснаго 300 берковц.; всего на сумму 1,236,020 руб. сер.»

— Что касается до внутреннего судо-ходства, то оно представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ 1846 году всего отправлено и сплавлено съ пристаней:

1) Въ караванахъ.

а) Къ Петербургу:	Плотовъ.	Судовъ.	На сумму р. с.
Въ Моршанскомъ	•	487	6,611,356.
— Солпенскомъ	•	543	3,379,401.
— Новоторжскомъ	•	157	695,720.
— Верхневолжскомъ	•	583	7,229,371.
— Тверскомъ	•	753	5,014,784.
Итого	•	2,523	22,930,632.
б) Къ Москвѣ:			
Въ Орловскомъ	•	152	891,936.
в) Къ Ригѣ:			
Въ Порѣцкомъ	24	154	2,095,134.
— Бѣльскомъ	•	712	5,254,164.
Итого	24	866	7,349,298.
Всего въ караванахъ	24	3,541	31,171,866.

2) Отдѣльно по мнрѣ нагрузки.

а) Къ Петербургу:			
По рѣкамъ Мологѣ и Чагодошѣ	•	868	684,000.
— рѣкѣ Тверцѣ	•	68	476,000.
— рѣк., впад. въ Ильмень и Ладугу	712	512	5,024,000.
Итого	712	948	6,184,000.
б) Частію къ Петербургу и частію къ Москвѣ:			
По нижней части Волги	114	4,424	18,426,000.
— рѣкамъ Камѣ и Вяткѣ	•	1,586	15,210,000.
— рѣкамъ Клязьмѣ и Тезѣ	•	275	698,000.
Итого	114	6,285	34,334,000.

в) Къ Москвѣ:

По рѣкамъ Ока и Зупѣ 814 3,214,000.

г) Къ Ригѣ съ беревиной системы по рр. Западн Двина, Улла и Межа . 934 1,389 1,724,000.

д) Къ Юрбургу:

Съ Волыни и по рѣкѣ Нѣману . . . 1,672 815 4,128,000.

е) Къ Одессѣ:

По рѣкѣ Днѣстру 870 463,000.

ж) Къ Киеву, Кременчугу, Херсону и Одессѣ по рѣкамъ Днѣпру, Деснѣ и Сожѣ . 1,095 1,696 5,614,000.

з) Къ Ростову:

По рѣкѣ Дону 142 398 2,016,000.

и) Къ Архангельску:

По сѣвернымъ рѣкамъ 219 612 3,415,000.

Всего не въ караванѣхъ . . . 4,908 13,327 61,092,000.

Всего же по 1 и 2 таблицамъ . 4,932 16,868 92,263,866.

Больше противъ 1845 года . . . 1,183 865 11,284,866.

Большая часть всего этого судоходства была направлена къ Петербургу и отъ него по тремъ системамъ:

По тихвинской: судовъ	4,613.	Больше противъ 1845 г.	1608.
на сумму	12,780,000.		2,532,000.
— маринской: судовъ	1,729.		131.
на сумму	13,459,000.		414,000.
— вышневолоцкой: судовъ	5,089.		311.
на сумму	33,481,000.		10,875,000.
— Ладожскому-Каналу: судовъ	17,817.		700.
плотовъ	1,116.		636.
на сумму	49,020,000.		9,407,000.

По шлюзу Волги и по тремъ сѣвернымъ системамъ судоходство въ 1846 году достигло такой значительности, каковой до-сихъ-поръ не было призра. До сентября мѣсяца на Волгѣ, отъ Рыбинска до Твери, было не больше 8 вершковъ воды, и потому купечество находилось въ тревожномъ состоянiи; во устроенное недавно верхневолжское оставшковское водохранилище спускали воды спасло низовый караванъ (до 3,000 барокъ), который настiю достигъ Петербурга, частiю прошелъ всѣ трудныя мѣста.

Блаозерскiй-Каналъ хотѣли открыть въ концѣ лѣта, 6 августа, но успѣлъ уже принести пользу торговлѣ.

Рѣка Шексна, впадающая въ Волгу близъ Рыбинска, вытекаетъ изъ Блаозера. Въ послѣднее съ другой стороны впадаетъ рѣка Кожва, служащая первою ступенью Маринскаго-Канала. Какъ, Блаозеро на пути судоходства изъ Волги въ маринскую систе-

му, озеро Онегу, рѣку Свирь, Ладожскiй-Каналъ и Петербургъ. — Маринская система открыта для судоходства въ 1810 году. Кладъ идетъ отъ Рыбинска по рѣкѣ Шекснѣ на безгалубныхъ судахъ: баркахъ, полубаркахъ, коломеняхъ и тихвинкахъ. По непрочности своей, суда эти доходятъ только до Крокинской Пристанн (близъ истока Шексны изъ озера). Итакъ, кладъ должна перегружаться на суда озерныя съ надувою и морскою оснасткою. На озерѣ свирѣистуютъ бури. Съ другой стороны, большая, на двѣ версты вдающаяся въ озеро мель - Бродъ, не позволяетъ озернымъ судамъ подходить къ пристани; перегрузка производится на открытомъ мѣстѣ озера посредствомъ третьихъ лодокъ или наузковъ. Противные вѣтры и послѣ этого задерживаютъ судъ по двѣ недѣли. Въ бури погибаетъ ежегодно на Озерѣ товара на 1,000,000 руб. сер. Два существующiе парекода и дорожа обходятся

наемщикамъ, и недостаточны числомъ, и сами боятся бурь. Отсюда родилась мысль устроить обходной около озера каналъ; въ 1818 году даже приступлено было къ работамъ; но въ 1834 произведены новыя изысканія, а въ 1839 году оконченъ былъ проектъ. Мая 16 1843 года работы канала снова начаты и окончены въ прошедшемъ 1846 году. По газетнымъ извѣстиямъ, съ 6 августа по 8 октября по каналу прошло 674 судна съ кладью слѣшкомъ на 3,500,000 руб. сер. На весь переходъ канала суда употребили 37 часовъ, и, разумѣется, не погибло ни одного, тогда-какъ въ это самое время на озерѣ свирѣпствовали такіа бури, какихъ не запомнятъ.

Каналъ, обходя южную и юго-западную часть озера, имѣетъ 63½ версты длины и соединяетъ Шексну съ Ковжею. Ширина канала на поверхности воды 11, на днѣ 8 сажень, глубина 1 саж.—Для сокращенія издержекъ, каналъ сдѣланъ не въ уровень, но выше озера; иначе выемка земли была бы слѣшкомъ-огромна. Теперь онъ какъ длинный ящикъ, наполненный водой, которая поддерживается въ немъ двумя шлюзами съ козца у Шексны и однимъ у Ковжи. Пороги первыхъ двухъ въ 6½ футовъ, а третьяго 7½; каждый шлюзъ есть камера, запертая двумя воротами,—длина ея между воротъ 22 сажени, ширина 30 футовъ, но для уменьшенія расхода воды изъ самаго канала, при проходѣ мелкихъ судовъ, въ камерахъ (въ 7½ саж. отъ нижнихъ воротъ) устроены третьи ворота, дѣйствующіе только тогда, когда нужна камера не длиннѣе 15 сажень. Каналъ наполняется водою изъ рѣчекъ, пересекающихъ его и впадающихъ въ озеро; при этихъ пересѣченіяхъ также нужны поддерживающія воду сооруженія; поэтому съ озерной стороны канала на этихъ рѣчкахъ устроено 7 водоспусковъ, и, кромѣ того, одинъ для снабженія города Бѣлозерска проточною водою. Съ западной стороны канала устроено 5 водоспусковъ для управленія протекающими водами; главныи же водохранилищемъ для питанія ка-

нала служатъ озера (въ 20 верстахъ отъ Бѣлозера) Лосское, Авацкое и Илозеро, соединенныя между собою разными протоками и рѣчкою Куноустью. При истокѣ послѣдней изъ Лосскаго Озера устроена плотина съ тремя ледорѣзами и вращающимися контрфорсами. Все водохранилище содержитъ въ себѣ до 3,000,000 куб. саж. воды.

Сооруженіе новаго канала есть такой подарокъ внутренней торговлѣ, котораго она не забываетъ никогда; и настоящій подарокъ непременно скажется пониженіемъ цѣнъ въ Петербургѣ на товары, идущіе сюда по шаришской системѣ. Каналъ этотъ стоилъ: за земляныя работы 1,301,776 р. 81½ коп., за гидротехническія постройки 148,995 руб. 55½ коп. и за гражданскія завіаи по управленію каналомъ, 75,476 руб. 19½ коп., всего: 1,526,248 р. 57 к. сер.

Обиѣръ судовъ, вошедшихъ въ каналъ, производится въ городѣ Бѣлозерскѣ. При этомъ же городѣ, на отмени озера устроена гавань на 300 судовъ, для временной остановки проходящихъ, для нагрузки отправляющихся изъ города Бѣлозерска, для разгрузки и зимовки судовъ, которыя до-сихъ-поръ зимовали въ Рыбинскѣ, и нѣтъ другой удобной пристани ближе къ Петербургу. Такимъ-образомъ, суда будутъ приходить въ Петербургъ нѣсколькими недѣлями раньше.

Дѣлѣпръ доставляетъ товары на югъ изъ - за 1000 и болѣе верстъ. На сѣверѣ зимній путь служить прекраснымъ естественнымъ средствомъ для перевозки тяжестей; къ нему прибѣгаютъ всѣ почему-либо невоспользовавшіеся лѣтнимъ воднымъ путемъ; на югъ другое дѣло,—здѣсь зима не снѣжная, но болѣе грязная и, особливо для перевозки на дальнія разстоянія, вовсе-неудобная. Поэтому южные жители дорого цѣнятъ существованіе Дѣлѣпра.

Все протяженіе Дѣлѣпра составляетъ 1600 верстъ. При Оршѣ и Могилѣ онъ имѣетъ не болѣе 35 саж. ширины; въ Кіевѣ 230; въ Кременчугѣ 300; въ Екатеринославѣ 700; и наконецъ, при

устьѣ въ гирлахъ и въ Лиманѣ отъ 7 до 10 верстъ. Длина Лимана 60 верстъ. Отъ верховья Днѣпра до впаденія въ него рѣки Свиной, на протяженіи 123 верстъ, сплавъ бываетъ только весной. Отсюда, то-есть, отъ Смоленской-Губерніи, до самыхъ пороговъ, находящихся ниже Екатеринослава, судоходство производится во все время года, свободное отъ льдовъ. Въ порогахъ же судоходство возможно до межени въ продолженіе очень-короткаго времени. Судя по свѣдѣніямъ съ 1832 по 1842 годъ, самое продолжительное судоходство было въ 1837 году, съ 30-го марта по 2 іюля; а кратчайшее — въ 1835 г., съ 1-го по 31-е мая. Глубина рѣки до пороговъ во всякое время года слишкомъ-достаточна; въ порогахъ же въ межень бываетъ отъ 5 до 6 футовъ; скорость теченія до пороговъ отъ 20 до 25 саж. въ минуту; а въ порогахъ отъ 100 до 150 саж. — Въ части Днѣпра, отъ Смоленской-Губерніи до границы Кіевской съ Полтавской, есть каменные гряды, заборы, карчи, деревья и мели. Далѣе до Екатеринослава тѣ же препятствія становятся уже значительными и фарватеръ рѣки извѣлисть.

Въ показаніяхъ чиселъ о судоходствѣ по Днѣпру часто встрѣчаются недоразумѣнія, потому-что эти числа иногда относятся къ судоходству въ порогахъ, иногда вообще по всему Днѣпру. Такъ судоходство всего Днѣпра простирается ежегодно до 1400 судовъ и 2100 плотовъ, на сумму до 4½ милліоновъ руб. серебр. Между-тѣмъ, какъ въ 10 лѣтъ (съ 1832—1842) черезъ пороги пропущено всего только 2986 судовъ и 4939 плотовъ, на сумму до 10 милліоновъ руб. серебр. Остальная кладь отъ разныхъ мѣстъ, выше пороговъ находящихся, перевозится гужомъ къ Одессѣ и портамъ въ устьяхъ Днѣпра, или идетъ снизу вверхъ по Днѣпру, или, наконецъ, перевозится изъ одной губерніи въ другую для мѣстнаго потребленія. Въ 1845 году, необыкновенно большая вода, съ одной стороны, способствовала судоходству, съ другой — вредила ему, зато-

пивъ всѣ пристани, въ томъ числѣ и Кременчугскую. Последняя приставъ составляетъ южный предѣлъ ввознаго судоходства выше пороговъ. Сюда привозятъ сухимъ путемъ значительное количество крымской соли, которая отправляется вверхъ уже водою. Съ верхнихъ пристаней, въ Кременчугъ приходитъ грузъ изъ городовъ: Борисова, Писка, Мозыря, Кіева, Брянска, Ржищеза, Новгородъ-Сѣверска, Черкасъ, Гомеля, Трубчевска, Быхова и изъ разныхъ мѣстечекъ, прилегающихъ къ рѣкамъ и приставямъ Днѣпра. Въ 1845 году, въ Кременчугѣ разныхъ товаровъ нагружено на 1,141,231 руб. серебр. — Съ пристани мѣстечка Лоево (Черниговской-Губерніи) товары идутъ въ Борисовъ, Могилевъ, Бобруйскъ, Свислочь, Жлобинъ, Оршу и въ мѣстечко Шкловъ; нагружено здѣсь въ томъ же году на сумму 667,879 руб. сер., разгружено на 235,624 руб. сер. — Въ Екатеринославской [Пристани нагружено и отправлено внизъ въ Херсонъ и вверхъ въ Кременчугъ на 203,302 руб. сер. и осталось привезенныхъ товаровъ на 246,078 руб. серебромъ. Изъ этого видно, что Кременчугская Пристань самая важная на Днѣпрѣ; отсюда товары развозятся во всѣ стороны.

Семь верстъ выше пороговъ находится приставъ Каменская, гдѣ принимаются всѣ мѣры къ сплаву черезъ пороги, и при этомъ производится наемъ лодчановъ. Лодчанъ здѣшній, можетъ-быть, лучшіе въ Россіи; прежде, судоходства чрезъ пороги вовсе не было; только плоты пускались на провозъ рѣки, и уцѣлѣвшія бревна собиравались ниже пороговъ; нынѣ же, при высокой водѣ и въ тихую погоду, судоходство совершается благополучно. Съ 1832 — 1842 годъ разбилось 49 судовъ и 107 плотовъ, утонуло 30 чело-вѣкъ; самый счастливый годъ 1835-й — разбился 1 плотъ; самые несчастные года 1837-й — потонуло 19 чело-в. и 1839-й — разбилось 9 судовъ и 31 плотъ. Самая высокая вода въ порогахъ бываетъ около 9-го мая. Отъ Кре-

менчуга до Екатеринослава суда идутъ 150 верстъ въ 14 дней, а въ порогахъ по 60 верстъ въ день.

Всѣ трудности судоходства чрезъ пороги происходятъ отъ того разстройства для торговли въ короткой статьѣ представить трудно; приведемъ только конечный результатъ этого — разность цѣнъ въ нѣкоторыхъ придѣпровскихъ губерніяхъ съ цѣнами въ Одессѣ въ другихъ портахъ. Въ Херсонѣ бревно сосновое длин. 3 саж. иногда стодитъ болѣе 5 руб., а сажень дровъ болѣе 12 руб. серебр.; пшеница въ Киевской и Полтавской Губерніяхъ продается по 1 р. 50 к. и 2 р. серебр., а въ то же время въ Одессѣ по 5, 6 р. и болѣе; овесъ выше пороговъ стодитъ менѣе 30 коп. серебр. за четверть, а въ Одессѣ 1 р. 50 к. и 2 р.; рожь въ Киевской и Полтавской Губерніяхъ иногда вовсе не продается, по неимѣнію покупателей, а въ Одессѣ доходить до 3 руб. серебр. и т.

Съ давнихъ поръ правительство заботилось о приведеніи судоходства чрезъ пороги въ безопасное состояніе. Въ 1796 году, нижевер-генералъ Деволантъ составилъ проектъ улучшенія пороговъ для сплаваго судоходства; по проекту этому произведены нѣкоторыя работы въ порогахъ—Старокайдакомъ, Сурскомъ, Лаханскомъ, Будилковскомъ и Невасытвенскомъ. Въ настоящее время, по давности, работы эти пришли въ разстройство. Въ 1824 и 1825 годахъ составлено было три проекта: на сплавное судоходство, взводное и на сплавное и взводное вѣсть (послѣдній состоялъ въ каналѣ, обходящемъ совершенно всѣ пороги; онъ долженъ былъ стодитъ 20 миліон. руб ассигнал.). Въ 1826 году представлено было еще два проекта на сплавное и взводное судоходство, и въ 1833 году, по первому изъ нихъ производились работы въ Старокайдакомъ Порогѣ. Съ 1843 года работы по улучшенію всѣхъ пороговъ утверждены на 5 лѣтъ, и распределены съ 1845 года. Въ каждомъ порогѣ предполагенъ каналъ шириною 15 саж., глубиною 6 футовъ,

и длиною сообразно паденію вышеле порога; оконечности каналовъ будутъ находиться въ плесахъ на тихой водѣ выше и ниже порога.

Рѣка Десна, протекающая 800 верстъ по губерніямъ Смоленской, Орловской и Черниговской, впадаетъ въ Дѣпръ въ 7 верстахъ отъ Киева. Она способна къ судоходству только весной; на ней три пристави: Брянская, Трубчевская и Сосницкая, на которыхъ грузятся пенька, масло, стекло, деготь, желѣзо, вода и мѣлъ, на сумму до 2 мил. руб. серебр. въ годъ. Все это идетъ внизъ; сюда же ввозится только соль изъ Кременчуга.

Донъ, орошая на протяженіи 1,000 верстъ губерніи: Разанскую, Орловскую, Воронежскую, Донскую Землю и губернію Екатеринославскую, впадаетъ множествомъ гирлъ въ Азовское Море близъ Ростова. Онъ судоходенъ начиная отъ г. Задонска, а отъ Ростова доступенъ уже морскимъ ивельнымъ судамъ; и потому этотъ городъ есть уже крайній верхній морской портъ. По Дону сплавляется лѣса и хлѣба ежегодно на сумму до 5½ миліон. руб. сер.

— Недавно состоялось Высочайшее повелѣніе о наименованіи новаго шоссе, которое устроивается отъ Москвы къ Бресту-Литовску, — *Московско-Варшавскимъ Шоссе*, и объ установленіи дорожнаго шоссеинаго сбора на тѣхъ частяхъ, которыя приведены къ окончанію. Шоссе это идетъ отъ Москвы на Подольскъ, Серпуховъ, Малоярославецъ, Бобруйскъ и Брестъ-Литовскъ. Часть его отъ Москвы до Малоярослава окончена еще въ прежнее время. — Другая часть Московско-Варшавскаго Шоссе, на другомъ концѣ его, начата работами въ 1843 году и окончена въ 1846-мъ. — Эта часть: отъ Бобруйска до Бреста-Литовска; она имѣетъ 383 версты 341 саж., стоила 3 280,165 руб. сер. и открыта 1-го декабря. На третьей средней части отъ Малоярослава до Бобруйска работы начаты въ 1844 году и по предположенію будутъ кон-

ченны въ концѣ 1848 года; тогда все Московско-Варшавское Шоссе будетъ кончено на протяженіи до Бреста-Литовска.

— Въ прошедшемъ году, низовая часть Волги, кромѣ усибшняго судоходства, ознаменовалась еще новымъ событіемъ. Вновь - устроенные частныя парходы дѣлали между Самарой и Рыбинскомъ опытные рейсы съ грузомъ, и, если не ошибаемся, плату брали по 15 коп. серебр. съ пуда. Положимъ окончанія навигаціи 1847 года: тогда только можно будетъ сказать объ успѣхѣ этого дѣла; а теперь ограничимся извлеченіемъ изъ объявленія конторы этого парходства:

«Желающіе транспортаровать товары отъ Волжскихъ приставей и городовъ между Самарой и Рыбинскомъ, благоволятъ обращаться въ контору парходства, въ Казань. — Для этой цѣли имѣются: три пархода: «Никита Всеволожской» — съ машиною во 100 силъ, — другой «Всеволодъ» — въ 24 силы, и третій «Ужга» — также въ 24 силы; кромѣ этого хорошо-устроенныя крытые волжскіе подчалки разныхъ размѣровъ, поднимающіе въ сложности до 50 тысячъ четвертой. — Парходы начнутъ первый рейсъ немедленно по вскрытіи и очищеніи рѣки Волги отъ льда 1847 года, съ обязанностию доставить кладъ изъ села Лыскова до г. Рыбинска въ 18 дней. Изъ Рыбинска отбудутъ назадъ буксировкою и въ послѣднихъ числахъ мая будутъ, по желанію владѣльцевъ, или въ г. Сызрань у устья р. Камы, или въ Самарѣ; второй рейсъ парходы начнутъ не позже 2-го іюня и отправятся въ Рыбинскъ, дѣлая по 35 верстѣ въ сутки.»

Другое объявленіе — отъ компаніи желѣзо-конной дороги между Волгою и Довономъ:

«По очисткѣ отъ снѣга на всемъ иностранствѣ линіи дороги, съ 17-го числа января, начата, изъ посада Дубовки въ Качалинскую Станицу, перевозка на вагонахъ 200 тысячъ пудовъ пшеницы, за контрактванной отъ купца Масленникова. Подобной перевозкѣ въ настоящее время, въ тамошнемъ степномъ

краѣ, никогда не существовало и не обыкновеннымъ дорогамъ.»

Нельзя не порадоваться этому предпріятію, но мы были бы еще болѣе рады, еслибъ компанія, воспользовавшись имѣющимся у ней въ рукахъ дѣльными, издала: исторію своихъ дѣйствій, техническое описаніе работъ дороги, съ генеральнымъ планомъ и подробными чертежами, и наконецъ статистическое описаніе торговли того края, съ предполагаемыми и осуществляющимися на дѣлѣ выгодами компаніи отъ облегченія дорогою торговыхъ сообщеній.

— 26-го января было общее годовое собраніе акціонеровъ Царскосельской Желѣзной Дороги.

Выгоды компаніи не подлежатъ уже сомнѣнію: она раздаетъ теперь своимъ акціонерамъ дивиденда почти 8% нарицательной цѣны акцій. — Первоначальная или нарицательная цѣна ихъ была 57 р. 14²/₃ к. серебр. (200 руб. асигнац.); существующая теперь торговая цѣна ихъ вышѣняется отъ 64—66 руб. серебр. Правдивая, что послѣдняя цѣна, конечно, была бы выше, если бы въ началѣ предпріятія, по новости тогда дѣла и прихоти публики, акція не подверглась сильному ажіотажу. Ажіотажъ — могущій рычагъ въ рукахъ новоучреждающейся компаніи, но нужно умѣнье владѣть имъ, а первый вывозный учрежденія компаніи Царскосельской Желѣзной Дороги, г. Герстнеръ, этимъ-то умѣньемъ и не обладалъ вполне. Онъ имѣлъ сильную способность возбуждать въ публикѣ живое участіе къ дѣлу и тѣмъ произвести ажіотажъ, но не умѣлъ остановиться на мѣрахъ, требуемыхъ благоразуміемъ... Тѣмъ болѣе надо отдать справедливость настоящему управленію компаніи; ему предстояло бороться съ сильными препятствіями, и мы видѣли, что оно успѣваетъ преодолевать ихъ.

Всего въ 1846 году по дорогѣ проѣхало 713,193 путника, но не по всей

длинь пути; по разложени же этого числа на одинъ путь всей дороги, получимъ 493,004 человекъ. Выручено отъ движенія 246,456 р. 52 к., отъ другихъ предметовъ 12,341 р. 45 к., всего 258,799 руб. 97 коп. — Израсходовано 118,762 руб. 69 коп., чистой прибыли 140,035 руб. 28 коп. — Последнее число распредѣляется: на проценты и погашеніе займовъ 29,999 р. 40 к., на дивидендъ за весь 1846-й годъ 78,750 руб.; на жалованье директорамъ 8,802 руб. 80 коп. и въ запасный капиталъ 22,483 р. 8 к. серебромъ. Кромѣ всѣхъ этихъ суммъ, отдѣляемыхъ изъ валоваго дохода, компаніи предстоятъ еще: расходы по движенію, и (кромѣ отдѣленія въ запасный капиталъ, который служитъ для ликвидаціи даже самыхъ акцій) составленіе другаго капитала для главныхъ исправленій дороги и возобновленія разныхъ составныхъ частей. — Последній предметъ есть главное обстоятельство, съ которымъ борется нынѣ правленіе компаніи, и, надо сказать, выходитъ, хотя еще не вышло, изъ борьбы съ честію.

Въ 1846 году, всѣ паровозы въ сложности прошли 93,935 верстъ, въ 3,669 поѣздахъ со среднею скоростью 33²/₁₀ верстъ въ часъ. Это мало; средняя скорость поѣздовъ не должна бы удалаться отъ 40 верстъ въ часъ, балансируя между 45 и 35 верстами. Знаемъ, что не всѣ дороги и за границей представляютъ этотъ результатъ, но по крайней-мѣрѣ вычисленія позволяютъ желать такой скорости.

Въ мастерскихъ компаніи приготовляются новая карета «салонъ-вагонъ», и восьми-колесная линейка на девятисто-шесть мѣстъ. Не знаемъ еще, что это за левиааны, но радуемся всякимъ нововведеніямъ.

Несчастныхъ случаевъ въ 1846 году не было.

Нельзя не поблагодарить компанію за попеченіе ея о доставленіи бѣднѣйшему классу народа удобныхъ средствъ къ переѣздамъ. Въ 1840 году число путниковъ этого класса было 133,000, а въ 1846 году 257,000.

Въ годовомъ вѣзданіи компаніи сдѣлано новое предложеніе. Дѣло идетъ о продолженіи Царскосельской-Желѣзной Дороги далѣе на 22 версты до Гатчины. Конечно, устройство этой новой дороги для существующей компаніи выгоднѣе принять на себя, нежели для всякой другой; она забывается при этомъ случаѣ отъ многихъ расходовъ, пользуясь разными частями устройства Царскосельской Желѣзной Дороги; если продолженіе до Гатчины будетъ стоить не болѣе 800,000 р. сер. для Царскосельской-Желѣзной Дороги, то новой компаніи, конечно, будетъ стоить вдвое. Наконецъ, возобновленіе Гатчинскаго Императорскаго Дворца, переводъ туда уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, существованіе тамъ Отдѣленія Воспитательнаго Дома и постоянное пребываніе-гарнизона и кавалерійскаго полка, кажется, могутъ обѣщать компаніи достаточный доходъ.

Еще обращаемся къ правленію. Мы знаемъ о дѣлахъ компаніи по конечнымъ выводамъ въ отчетахъ и количеству дивиденда, розданнаго акціонерамъ. Но желали бы еще, для пользы предпринимательной и промышленной части публики, чтобъ правленіе надало полную исторію всего своего дѣла въ — отношеніи административномъ, экономическомъ и техническомъ, какъ во время самаго устройства дороги, такъ и при извлеченіи выгоды отъ движенія и наконецъ, при ремонтѣ: какъ ни коротка дорога, какъ ни ограничена ея цѣль, — подобное сочиненіе сдѣлалось бы основною наставительною книгою для всѣхъ будущихъ частныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

*

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Извѣстіе о необыкновенномъ дѣйствіи *паровъ ваира* на организмъ приято было во Франціи, если не шло-

вѣрчиво, то по крайней мѣрѣ осторожно; конечно, ни одинъ человѣкъ съ ученымъ направленіемъ не станетъ открыто говорить, что онъ не сомнѣвался въ дѣйствительности этого способа; но, если благоразуміе требуетъ отчасти сомнѣваться въ общаніяхъ, которыя еще могутъ и не сбыться, то съ другой стороны, почему и не приходить въ восторгъ при видѣ дѣйствительныхъ, всюду подтверждаемыхъ успѣховъ фанты?—Гр. Ру, Вельпо, Малень единогласно провозглашаютъ объ удивительныхъ результатахъ, достигнутыхъ ими въ ихъ опытахъ. Къ этимъ вневѣмъ, неизвѣстнымъ уже по своему авторитету, рѣшаемся присоединить и нмѣ г на Ложье, не смотря на бесполезность его первыхъ попытокъ, отъ которыхъ, впрочемъ, и не отрекаются опытниѣше нѣкъ экспериментаторовъ.

Конечно, дѣйствіе вѣбра не одинаково; они неизвѣстны какъ сонъ, какъ разные роды опьянѣнія. Одни отъ дѣйствія вѣбра впадаютъ въ полную безчувственность, другіе не теряютъ сознанія о томъ, что вокругъ нихъ происходитъ; большею же частію погружаются въ сонъ, во время котораго нмѣ представляются грѣзы болѣе или менѣе живыя.—Сны эти чрезвычайно разнообразны: иногда они нисколько не обнаруживаются и не оставляютъ по себѣ никакого воспоминанія, а иногда обнаруживаются припадкомъ смѣха, криками печали или иной страсти, сопровождаемой даже сильными жестами. Иногда, наконецъ, какъ при обыкновенномъ снѣ, вѣшнія ощущенія, неопредѣленно воспринятая, странно перетолковываются большимъ и являютъ въ связи съ дѣйствіемъ, составляющимъ предметъ сна. Напримеръ, если оперируемаго возьмутъ за руку, чтобъ удобнѣе проавести операцію, то не операція его занимаетъ: ему представится, что онъ посреди друзей и ближнихъ, что одинъ изъ нихъ схватилъ его за руку и нѣшаетъ ему дѣйствовать. Нѣтъ сомнѣнія, что операторы не разъ будутъ свидѣтелями пространныхъ нипровизацій. Но

дѣло въ томъ, что врачи и безъ того уже потрѣнные нашихъ слабостей,—и станутъ ли они, занятые важною операціею, употреблять во зло возбужденныя дѣйствіемъ паровъ вѣбра признанія, выражаемыя безсвязнымъ, прерывистымъ бредомъ?

Не смотря на разнообразіе этихъ побочныхъ феноменовъ, нечувствительность въ боли при опьянѣніи, производимомъ вѣбромъ, постоянна и удивительна; какъ только поглощеніе вѣбрныхъ паровъ начнетъ тревожить больного, дѣйствіе этихъ паровъ всего сильнѣе обнаруживается отсутствіемъ вѣшнаго ощущенія (боли). При ослабленіи этого дѣйствія, послѣ всего возвращается способность чувствовать боль. Постоянное наблюденіе этихъ фактовъ служить сильнымъ доказательствомъ, подтверждающимъ новыя идеи г. Герди, изложенныя въ его *Physiologie philosophique des sensations*. Въ ученномъ анализѣ различныхъ образовъ чувствовать, г. Герди дошелъ до выводовъ, заставившихъ его отвергать давно и повсюду принятую классификацію пяти чувствъ; онъ предложилъ новую теорію, по которой количество чувствъ нашихъ гораздо значительнѣе. Не входя въ разсужденіе о томъ, дѣйствительно ли древнѣе, и въ особенности Аристотель, ошиблись, принявъ теорію пяти чувствъ, а также о томъ, совершенно ли несогласна съ нею классификація чувствъ, принятая г. Герди, мы указываемъ на этотъ гениальный взглядъ, состоящій въ томъ, чтобъ различать осязаніе въ тѣсномъ и осязаніе въ обширномъ смыслѣ, смотрѣть на то и на другое, какъ на различныя чувства; первое, какъ служащее намъ для опредѣленія съ точностью температуры тѣла, гладкости или шероховатости ихъ, сырости или влажности, для узнанія ихъ твердости, формы, объема, направленія, положенія и количества; второе, какъ преимущественно назначенное къ воспріятію впечатлѣній боли и передающее смутныя впечатлѣнія отъ прикосновенія постороннихъ тѣлъ безъ означенія ихъ осязатель-

ныхъ свойствъ. Принявъ это раздѣленіе, мы въ состояніи будемъ представлять себѣ то особенное дѣйствіе, которое производитъ на нервные узлы пары эфира, скажемъ, что онъ парализуетъ чувство боли.

Должно ожидать важныхъ результатовъ отъ различныхъ примѣненій новаго дѣйствозателя, при помощи котораго можно приложить къ изученію живаго человѣка методу, похожую на употребляемую художникомъ при разсматриваніи сложной машины, механизмы которой ему хочется узнать; эта метода состоитъ въ томъ, чтобъ, оставивъ одно или другое колесо, опредѣлить его назначеніе и важность по безпорядку, оказавшемуся въ окончательномъ результатѣ; подтвержденіемъ этого могутъ служить слѣдующіе случаи:

Г. Вельпо привелъ, посредствомъ эфира, въ безпамятство больного, страдавшаго опухолью уха позади угла челюсти и близь слуховаго канала. Онъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи, потому-что, подлѣ вліяніемъ эфира, ему грезилось, что онъ играетъ на бильярдѣ. Не смотря на то, операція удалась. Очнувшись, больной рассказалъ весь свой сонъ, прибавивъ, что хотя онъ былъ очень заинтересованъ игрою, но тѣмъ не менѣе слышалъ шумъ ножа, раздѣлявшаго его ткани.

Г. Вельпо рассказываетъ также объ одномъ изъ своихъ учениковъ, который, дѣлая надъ самимъ-собою опыты, до того свѣлся съ вдыханіемъ эфира, что можетъ располагать вліяніемъ на себя эфира по собственному произволу. Онъ перестаетъ вдыхать эфиръ въ то время, когда общая чувствительность теряется и остаются еще повнзательная способность и свобода движенія. Въ этомъ состояніи онъ можетъ, что почти нейтрально и чудовищно, дѣлать себѣ по собственному произволу разсѣченія, внимательно разбирать жилы и нервы, — однимъ словомъ: рѣзать самого-себя безъ всякой боли... Достоинство недюжинныхъ здѣсь

влеченій подтверждается и опытами, произведенными у насъ въ Петербургѣ.

14 февраля во Второмъ Военно-сухопутномъ Госпиталѣ произведена безъ боли операція отнятія женской правой груди, при помощи вдыханія воздуха, насыщеннаго парами эфира. Операцію совершалъ великій анатомъ своего столѣтія, профессоръ Императорской Медико-Хирургической Академіи, П. П. Пироговъ. Приборъ, употребленный для вдыханія паровъ эфира, сдѣлалъ инструментальный мастеръ Рокхъ, по модели Шарьера. Операція утѣчалась полнымъ успѣхомъ. Собственно отнятіе груди продолжалась полторы минуты; больная не чувствовала никакой боли и, пришедъ въ себя, не хотѣла вѣрить, что ей отняли грудь. Кровотеченіе, противъ обыкновеннаго, было незначительное. Въ тотъ же день, въ томъ же госпиталѣ, и съ такимъ же успѣхомъ произведена г. Пироговымъ еще одна операція надъ мужчиною. 16 февраля г. Пироговъ сдѣлалъ двѣ операціи по новому способу въ Обуховской-Больницѣ. Въ Первомъ Военно-сухопутномъ Госпиталѣ уже совершено нѣсколько такихъ операцій.

Очевидцы операцій г. Пирогова рассказываютъ нѣсколько фактовъ, имѣющихъ много общаго съ тѣмъ, что сейчасъ говорили мы объ образѣ ослѣпленія отъ вдыханія паровъ эфира. Напримѣръ, въ одномъ больномъ, подвергнутомъ опыту въ Военно-сухопутномъ Госпиталѣ, первое дѣйствіе ослѣпленія выразилось громогласнымъ ура! За тѣмъ послѣдовало восклицаніе: рая стараться! — Начинается! примолвилъ больной нетвердымъ голосомъ, и потомъ, во время производимой надъ нимъ довольно-мучительной операціи, произносилъ нѣрѣдка несвязные звуки; а когда пришелъ въ себя (уже по окончаніи операціи), то первымъ словомъ его было: «отъ и прекрасно!» Онъ рассказалъ, что боли никакой не чувствовалъ, видѣлъ какія-то сказочныя чудеса и вообще ощущалъ что-то очень-пріятное.

— Въ послѣднее время, въ Англіи, въ сильномъ ходу вопросъ о преобразованіи системы воспитанія. Чтобъ дать понятіе о томъ, откуда возникъ этотъ вопросъ, считаемъ за лучшее представить краткій обзоръ современнаго состоянія публичнаго обученія въ Англіи, въ томъ видѣ, какъ онъ положенъ однимъ изъ профессоровъ Лондонскаго Университета.

На вопросъ: что сдѣлано въ Англіи для воспитанія высшаго, средняго и низшаго сословія? профессоръ отвѣчаетъ:

• Въ высшемъ сословіи, ребенокъ, предоставленный сначала заботливости гувернанты, сдается потомъ на руки наставнику, или помѣщается въ какой-нибудь частный пансіонъ, по указанію мамы. Это первое поприще воспитанія; второе — въ одной изъ большихъ публичныхъ школъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ Этонъ, потомъ слѣдуютъ: Винчестеръ, Вестминстеръ, Гарро и Рюлжбъ. Въ этотъ періодъ, оканчивающійся на 18 или 19 году, при юномъ патриціи обыкновенно состоитъ особый репетиторъ. Отсюда шлютъ его въ Оксфордъ или Кембриджъ, гдѣ благородные или квази-благородные *«tanquam nobiles»* (*) получаютъ въ восьмомъ классѣ дипломъ лиценціата, а неблагородные и не квази-благородные — въ одиннадцатомъ классѣ дипломъ бакалавра. Итакъ, воспитаніе этого класса, оканчивающееся вообще на двадцать-первомъ или двадцать-второмъ году, безъ сомнѣнія, самое дорогое изъ всѣхъ воспитаній въ мірѣ. Въ чемъ же состоитъ

этотъ продолжительный курсъ образованія будущихъ владѣльцевъ огромныхъ помѣстій, провинціальныхъ правителей и британскихъ законоположниковъ? Гувернанта учитъ дѣтей чтенію, письму и началу арифметики; наставникъ посвящаетъ его въ таинства глаголовъ *любить* и *быть* по-латинскъ, по-французски, по-гречески и по-англійски, и только весьма-немногіе изъ нихъ пускаются въ основанія литературы, исторіи, геометріи и алгебры; но повторяемъ — весьма-немногіе.

• Приготовительныя заведенія большею частью дополняютъ уроки наставника при содѣйствіи плѣтки, уничтожительнаго подчиненія малевыхъ большимъ, и другихъ обычаевъ, установленныхъ прихотливыми школьными кодексами. Этонъ или Винчестеръ получаютъ юному уже болѣе или менѣе загроубѣлаго въ этомъ приготовительномъ воспитаніи, отъ-души ненавидящаго оставленную школу, читающаго довольно-бойко, но пишущаго съ трудомъ и безъ орфографіи; большею частію затрудняющагося надъ тройнымъ правиломъ или даже надъ нѣсколькосложнымъ дѣленіемъ; ковертающаго, можетъ-быть, нѣсколько французскихъ словъ и кое-какъ весьма-неясно *объясняющую* нѣкоторыхъ легкихъ латинскихъ и греческихъ авторовъ. Въ публичной школѣ, его подвигаютъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ званій, оставая въ прочихъ почти въ первобытномъ состояніи. Впрочемъ, кромѣ весьма-немногихъ школъ, ученики занимаются въ нихъ почти-исключительно объясненіемъ латинскихъ авторовъ, вызучиваніемъ на память извѣстнаго количества стиховъ Овидія, Виргилія и Горация и кое-чего греческаго, такъ-что лучшій ученикъ школы можетъ не имѣть ни малѣйшаго понятія объ основныхъ правилахъ арифметики, не уметь отличить династій Тудоровъ отъ Стуртовъ, воображать, что Америка открыта Вашингтономъ, и что нѣкто Колумбъ надблалъ въ ней много шума; наконецъ, сомнѣваться въ томъ, земля ли вертится около солнца, или солнце вокругъ земли.

(*) Студенты раздѣляются на два разряда: на благородныхъ, истыхъ, наследственныхъ аристократовъ и простыхъ (*nobiles* и *commons*); но непервородные сыновья перовъ и первородные баронетовъ причисляются къ благороднымъ подъ названіемъ *tanquam nobiles* и носятъ особый костюмъ. Даже простые съ финансовыми средствами получаютъ въ Оксфордѣ званіе *gentlemen-commoners*, а въ Кембриджѣ *fellow-commoners* и пользуются особыми преимуществами.

Все это приобретаетъ не менѣе, какъ за 150 фунт. стерл. (около 3,750 р. ас.) въ годъ.

Послѣ публичной школы слѣдуетъ университетъ. Въ Оксфордъ и Кембриджъ поступаютъ студенты двухъ разрядовъ: знающіе нѣчто и желающіе узнать болѣе, или ничего незнающіе и рѣшившіеся, сколько отъ нихъ будетъ зависѣть, ничего не узнать. Первые съ помощію особаго репетитора изучаютъ Аристотеля, обременяютъ свою память содержаніемъ исторій Геродота, Фукидида и Тита-Ливія, освоятся съ формами схоластической логики и съ нѣкоторыми руководствами богословія. Немногіе слѣдятъ за курсомъ математики. Исторія, науки эстетическія, географія, философія обозначаются на студенческомъ языкѣ общимъ именемъ *ничканья* (*сгом*). Въ Кембриджѣ, прилежный студентъ находитъ въ постоянной борьбѣ съ тонкостями греческаго и латинскаго словосочиненія, переводитъ извѣстныя мѣста изъ греческихъ и латинскихъ авторовъ на несовсѣмъ-чистый англійскій языкъ и извѣстные отрывки англійскихъ авторовъ на греческій и латинскій языки стихами или прозой. Что касается до втораго разряда поступающихъ въ университеты, которые начинаютъ безъ ничего и кончаютъ съ тѣмъ же, то они наволняютъ модные полки, захватываютъ нисшія дипломатическія мѣста, или пускаются въ администрацію и представляютъ собою рѣзкіе примѣры того, что собственно называется въ Англии *благовоспитанностью*. Такимъ-образомъ, *сельтъ* наполняется людьми съ пустыми головами, безъ знаній и безъ правилъ, но ловкихъ въ сѣдлѣ, знатоковъ въ искусствѣ стрѣлать и обыкновенно, — благодаря не столько дисциплинѣ наставниковъ, сколько товарищей, — съ нѣкоторымъ чистосердечіемъ. Такое воспитаніе, конечно, могло быть достаточно для Персовъ временъ Кира, но не для современныхъ потребностей Англии.

• Юноши средняго сословія состав-

ляютъ двѣ категоріи: одни посвящаютъ себя ученому званію, другіе готовятся для флота, для арміи, для торговли и другихъ поприщъ, которые, по общепринятому мнѣнію, не требуютъ высшаго образованія. Для первыхъ, кромѣ университетовъ и публичныхъ школъ, существуютъ особые пансіоны, извѣстные подъ названіями *grammar-schools* и *proprietary-schools*; а для вторыхъ — множество различныхъ заведеній того же рода, отличающихся особенно своею дешевизною.

Въ многочисленныхъ *grammar-schools* воспитаніе ограничивается почти — совершенно латинскимъ и греческимъ языками, которые идутъ очень плохо, но лучше, нежели математика и новые языки; географіи, исторіи и физическихъ наукъ какъ-будто и небыло. Лучшія изъ всѣхъ, конечно, *proprietary-schools*, основанныя въ послѣднее десятилѣтіе различными обществами акціонеровъ. Здѣсь древніе языки по-крайней-мѣрѣ не даютъ математикъ, исторіи и новыхъ языковъ. Что касается до пансіоновъ *торговскихъ*, то въ нихъ главный предметъ составляетъ ариметика и преимущественно такъ-называемыя правила сѣншенія, товарищества, выписленія процентовъ и переложенія. Все это преподается безъ доказательствъ учителями, которые большею частію ограничиваютъ свои обязанности повѣркою дѣйствій ученика съ принятымъ руководствомъ, при оговоркѣ, что еслибъ начать объяснять правила и все, что изъ нихъ слѣдуетъ, то вопросамъ не было бы конца... Истинно же необходимыхъ въ торговомъ воспитаніи знаній, каковы физическая географія, торговля и мануфактурная экономія, торговое и народное право, — въ этихъ заведеніяхъ и слѣдовъ нѣтъ.

• Для образованія нисшихъ классовъ въ Англии существуетъ множество школъ, такъ-что при полномъ штатѣ учениковъ, въ нихъ бы могла получить воспитаніе $\frac{1}{10}$ всего молодаго поколѣнія. Но школы эти организованы такъ дурно и обученіе въ нихъ такъ дуре-

живо, что родители отдають туда дѣтей воохотно; потому едва можно считать одного учащагося на 53 неподучающихъ никакого образованія. Главное препятствіе къ развитію первоначальныхъ школъ состоитъ въ недостаткѣ хорошихъ преподавателей, и правительство уже обратило на это вниманіе, такъ-что теперь довольно-много заведеній, устроенныхъ исключительно для образованія учителей.

— По свидѣніямъ, объявленнымъ въ послѣднее время отъ французскаго правительства, общая сложность торговыхъ оборотовъ Франціи простиралась въ 1845 году на 2,427 милліоновъ фр. Въ эту сумму *привозимыя* статьи входятъ на 1,240 милліон., а *вывозимыя* на 1,187 милліон. Въ послѣднее пятилѣтіе, числа эти возрасли на 61 процентъ противъ пятилѣтія съ 1831 по 1835 годъ, и на 20 процентовъ противъ пятилѣтія съ 1836 по 1841 годъ. Торговый оборотъ 1845 года въ сравненіи съ оборотомъ 1844 года увеличился на 88 мил. Морская торговля доставила 1,736 мил., а сухопутная только 691 мил. и французскія суда участвовали въ первой на 808, а иностранныя на 928 мил. Больше всѣхъ привозятъ во Францію Соединенные-Штаты и Бельгія (первая на 146, вторая на 9 мил.), а главный вывозъ въ Англію, въ Соединенные-Штаты и Алжиръ, гдѣ, конечно, первую потребительницею стотысячная французская армія. Значительнѣйшіе изъ привозныхъ товаровъ суть: хлопчатая бумага, шелкъ, шерсть, масляничныя сѣмена, лѣсной товаръ, каменный уголь, сырыя кожи, льняная и пеньковая пряжа; а вывозные: шелковыя ткани, хлопчатобумажныя и шерстяныя издѣлія, вина, льняныя и пеньковыя ткани.

— Изъ такихъ же оффиціальныхъ источниковъ о бельгійской торговлѣ видно, что тамъ въ 1845 году общій оборотъ простирался на 677 мил. фр., т. е. составлялъ болѣе, нежели четверть всей французской торговли, между-

тѣмъ, какъ населеніе Бельгіи въ 8 разъ менѣе населенія Франціи. Притомъ же не далѣе какъ въ 1840 году этотъ итогъ едва доходилъ до 430 мил. Изъ всего оборота *привозъ* простирался на 366 съ половиной, а *вывозъ* на 309 съ половиной мил. (первый на 60, а второй на 26 мил. болѣе противу 1844 года).

Главное мѣсто въ бельгійской торговлѣ занимаетъ, конечно, Франція, отсутствующая въ Бельгію на 57 и получившая оттуда на 109 мил. фран. Поэтому слѣдуютъ:

	доставила:	получила:
Англія	100	20
Герм. тамъ союзъ	36	98
Голландія	42	44
Россія	28	1
Соединен. штаты	29	8½
Прочія американскія государ.	43	5.

Главные предметы бельгійской промышленности суть: добываніе каменнаго угля, выдѣлка желѣза, льняное и шерстяное производство. 307 угольныхъ копей, доставляющихъ три съ половиной милліона тоннъ каменнаго угля, занимаютъ 37,000 рабочихъ, употребляя около 800 машинъ (23,000 конныхъ силъ), и производятъ ежегодно на 40 мил. цѣнности, треть которой вывозится за границу. Желѣзное дѣло даетъ въ годъ сыраго матеріала на 50 мил., изъ которыхъ на 17 отпускается за границу. Льняное производство занимаетъ 400,000 человекъ и доставляетъ на 100 мил. издѣлій, при отпускѣ въ чужіе края на 40 мил. Сукояное производство кормитъ до 45,000 рабочихъ и доставляетъ слишкомъ на 20 мил. издѣлій, изъ которыхъ третья часть идетъ за границу. Одна внутренняя перевозка туземныхъ товаровъ, не считая транзитныхъ товаровъ (составляющихъ до 1,200,000 тоннъ), занимаетъ почти шестую часть всего населенія Бельгіи...

Огромные коэффициенты вероломнаго богатства; а между-тѣмъ, пауперизмъ идетъ своей дорогой также впередъ! Число бѣдныхъ Бельгійцевъ, внесенныхъ въ списки благотворительныхъ конторъ, простирается отъ 7 до 800,000,

что составляет почти пятую часть четырехмиллионнаго населения страны... И не въ одной Бельгiи обнаруживается этотъ страшный прогрессъ: по вычислениямъ г. Дегерици, бѣдность ежегодно вытѣсняетъ въ другія части свѣта среднимъ числомъ: изъ Англiи 70,000 чел., изъ Германiи 60,000 чел., изъ Бельгiи 10,000 чел., изъ Францiи 4,000 чел., изъ прочихъ странъ Европы 5,000 человекъ. Танимъ - образомъ Европа ежегодно теряетъ черезъ переселенiе среднимъ числомъ отъ ста-пятидесяти до ста-шестидесятитысячъ человекъ.

— Въ январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» мы сообщили объ ученыхъ инструкцiяхъ, которыми Парижская Академiя Наукъ снабдила большую морскую экспедицiю, отправленную французскимъ правительствомъ для изслѣдованiя Амазонской-Рѣки. Экспедицiя эта, по важности ожидаемыхъ отъ нея результатовъ, обращаетъ на себя уже и теперь вниманiе ученаго мiра, а потому считаемъ уместнымъ прибавить о ней нѣкоторыя историческiя и географическiя подробности.

Мараньонъ, или, иначе, Амазонская-Рѣка, — одна изъ огромнѣйшихъ рѣкъ на всемъ земномъ шарѣ, и соперничаетъ съ Ниломъ и Миссиссипи. О ней много спорныхъ показанiй: такъ, напримеръ, французскiя газеты, толкуя объ экспедицiи, упоминаютъ объ озерѣ *Lauri* или *Lauricocha*, какъ объ источникѣ Мараньона, между-тѣмъ какъ озеро это, находясь въ Андахъ (въ Перу), служитъ истокомъ только одной вѣтви, а именно рѣкѣ *Тупурагуа* или *Неоому-Мараньону*, который сливается съ *Укавали* или *Старымъ-Мараньономъ*; послѣ этого слиянiя образуется рѣка, которая, до впаденiя въ нее Рiо Negro, называется *Солимоенсомъ*, а отсюда уже принимаетъ названiе Амазонской-Рѣки. Если же изъ двухъ первыхъ рѣкъ должно выбрать одну, какъ настоящiй истокъ всего Мараньона, то скорѣе это будетъ *Укавали*, наивѣстнѣйшiй въ верховьяхъ своихъ, до слиянiя съ рѣкою *Ауримакомъ*, подъ названiемъ *Вини* или *Царо*. Итакъ, — вотъ

географическiй вопросъ остающiйся неразрѣшеннымъ!

Кромѣ упомянутыхъ рѣкъ, Мараньонъ принимаетъ много другихъ, и бѣсейтъ его обвиняетъ разныя провинцiи Боливiи, Перу, Колумбiи и Бразилiи. Въ Атлантическiй-Океанъ онъ впадаетъ на самомъ экваторѣ въ бразильской провинцiи Парѣ, соединясь недалеко отъ устья рукавомъ *Тажуру* съ рѣкою *Парѣ* или *Токантимъ*, и образовавъ такимъ образомъ большой островъ *Марахо*. Въ рукавѣ *Тажуру* вода соленая. Вся длина Мараньона около 5,500 верстъ; общая ширина устья или бухты, образуемой Амазонской-Рѣкой, около 300 верстъ. — Не можемъ пропустить безъ вниманiя также одного обстоятельства, весьма-важнаго потому уже, что извѣстны только два мѣста на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ обстоятельство это существуетъ въ противорѣчiи съ общими законами образованiя и теченiя рѣкъ, и въ которыхъ никто не вѣрилъ до заснѣдательствованiя его барономъ Гумбольдомъ. Если двѣ рѣки истекаютъ изъ одной и тѣхъ же высотъ, и плутъ по разнымъ долинамъ, то естественно, что онѣ или совершенно сольются въ одну рѣку, и тогда и долины сойдутся въ одну общую долину, или на всемъ своемъ пути остаются раздѣленными строгомъ тѣхъ высотъ, изъ которыхъ истекаютъ рѣки. Естественнаго сообщенiя водъ между двумя текущими по разнымъ долинамъ рѣкъ нѣтъ, — развѣ только во влажности болотъ при самыхъ истокахъ; но эти болота не могутъ служить сообщенiемъ даже для перѣездовъ на малыхъ лодкахъ. Если общество той страны находитъ полезнымъ устроить сообщенiе между двумя такими рѣками, то дѣлаетъ поперекъ раздѣляющаго ихъ отрога каналъ съ двумя въ обѣ стороны наклонными и раздѣленными посредствомъ шлюзовъ вѣтвями; верхняя точка этого канала, называемая *раздѣльнымъ пунктомъ*, питается особыми, находящимися на вершинахъ отрога водами. Устроить же каналъ просто *соединительный*, т-есть, безъ

равдѣльнаго пункта и безъ вѣтвей, и трудно и дорого, во-первыхъ, потому что трудно прискать такія точки на каждой рѣкѣ, которыя бы находились на одной и той же математически-точной высотѣ, чтобъ въ противномъ случаѣ не образовалъ теченія въ каналъ и не обратилъ въ него одной изъ двухъ рѣкъ; — во-вторыхъ, что прорыть каналъ поперекъ всего отрога до горизонта воды въ обѣихъ рѣкахъ — дѣло несбыточное по огромной пѣниности своей. Итакъ, слияніе двухъ рѣкъ въ одну бываетъ часто, но сообщенія между ними естественнымъ каналомъ — обыкновенно нѣтъ. Изъ этого два исключенія: Мараньонъ и Орекоко, — Дивиръ и Бугъ. Орекоко не въ самыхъ истокахъ своихъ, но въ верхнихъ только частяхъ соединяется естественнымъ каналомъ, называемымъ *Cassiquiare*, съ рѣкою *Pio-Neiro*, впадающею въ Мараньонъ. Каналъ *Cassiquiare*, въ которомъ теченіе, вѣроятно, не обращено преимущественно ни въ которую сторону, а вливается то туда, то сюда, способенъ, но неизвѣстно въ какой степени, къ сообщенію на лодкахъ. — Такимъ образомъ — это необыкновенно замѣчательный случай естественнаго сообщенія между двумя рѣками; онъ считается европейскими учеными единственнымъ, потому что имъ неизвѣстны обстоятельства естественнаго же сообщенія между Пиною — притокомъ Припечи, впадающей въ Дивиръ, и Мухавецъ, текущихъ въ Бугъ, который идетъ въ Вислу. Пивскія болота, или, лучше сказать, значительная часть Пивскаго-Узъда, до такой степени затопляются весенними водами, что въ это время нѣтъ никакого другаго сообщенія по узъду, какъ на лодкахъ отъ ворчмы до ворчмы. Тогда Пина и Мухавецъ, можно сказать, сливаются въ одно озеро и имѣютъ естественное водное сообщеніе. Для болѣе-удобнаго же сообщенія между ними во всякое время, былъ прорытъ въ 1775 году каналъ; онъ носилъ названіе Королевскаго (нынѣ Дивировско-Бугскій); въ послѣднее время на каналъ этотъ снова

было обращено вниманіе, и неизвѣстно, что, при оцѣнкѣ разныхъ системъ устройства его, одно предположеніе состояло именно въ томъ, чтобъ сдѣлать каналъ этотъ открытымъ, безъ шлюзовъ, то есть, просто соединительнымъ. Хотя собственно каналъ уже оконченъ, но въ настоящее время еще производится нѣкоторыя работы по всей этой системѣ сообщенія, и подробнаго описанія канала и системы не было еще обнаружено.

Возвращаемся къ Амазонской-Рѣкѣ. Она открыта въ 1500 году Винсентомъ Пиисовомъ, однимъ изъ первыхъ спутниковъ Христофора Колумба; потомъ Ореллана изслѣдовалъ ее въ 1539 году. На этомъ дѣло почти остановилось, потому что она была посѣщена только по частямъ или случайно. Португалія и Бразилія затрудняли всегда попытки путешественниковъ. Въ іюлѣ 1841 года французское правительство, отправило въ бразильскую провинцію Парáбригъ *La Boulonnaise*, подъ командою лейтенанта Тарди-де-Монтравеля, съ незначительнымъ порученіемъ; состоящая же цѣль этой послыци было изслѣдованіе Амазонской-Рѣки. Не смотря на протесты Бразилія и даже Англіи, г. Монтравель частію исполнилъ порученіе, изслѣдовавъ низовья рѣки, и возвратился во Францію въ 1845 году. Но переписка между правительствами продолжалась, и нынче Бразилія согласилась, подъ нѣкоторыми условіями, на отправленіе новой экспедиціи.

Въ новую экспедицію назначены: корветъ *Astrolabe*, сдѣлавшій уже многія кампанія, какъ подъ настоящимъ своимъ именемъ, такъ и подъ прежнимъ *La Coquille*, — и новый пароходъ въ 80 силъ *Alecton*. Командиръ перваго — г. Монтравель, онъ же и начальникъ экспедиціи; командиръ втораго — г. Мансель. Не смотря на полученное со стороны Бразилія согласіе на эту экспедицію, принцъ жуанвиальскій снабдилъ г. Монтравеля еще рекомендательными письмами къ императору бразильскому. *Alecton* отправится пре

жде и будетъ ждуть *Astrolabe* въ Кашивѣ, главномъ городѣ Французской-Гвианы, на которой, по близости ея къ Амазонской-Рѣкѣ, вѣроятно, отравится польза отъ исслѣдованія этой рѣки. Гвианы также забыты. Экспедиція, вѣроятно, ближе познакомитъ Европу и съ ними.

— Японія — вотъ еще страна, о которой и вообще мало и давно уже мы не имѣли новыхъ свѣдѣній. Путешествія гг. Рикорда и Головинна и плѣны послѣдняго, едва ли не единственно лучшіе источники для изученія ея. Поэтому весьма интересно услышать новыя о ней вѣсти и надѣяться, что новая французская экспедиція доставитъ пищу ученому свѣту.

Китайская экспедиція подъ начальствомъ г. Жагрене имѣла между прочимъ цѣлю описаніе странъ, находящихся на самомъ восточномъ краю нашего материка, то-есть, кромѣ Китая, еще: Бирманской Имперіи, королевства Сіамъ, Имперіи Ан-намъ съ тремя ея королевствами: Кохинхиной, Тонкиномъ и Камбоджемъ, и наконецъ Японской Имперіи.

Инструкціи, подобныя инструкціямъ г. Жагрене, были даны отъ французскаго правительства также и контр-адмиралу Сесилью, командирующему французскимъ флотомъ въ Индійскомъ-Морѣ.

Путешествіе г. Жагрене, какъ извѣстно, мало принесло пользы.

Г. Сесиль, понимая лучше свои обязанности, поступилъ иначе. Скажемъ между прочимъ, что онъ въполнѣ заслужилъ общее расположеніе и уваженіе въ тѣхъ странахъ; Французъ или нѣтъ, вслѣдствіи прибгающій къ нему находилъ въ немъ заступника; путешествіе его въ Кохинхину было какъ-нельзя-болѣе счастливо; императоръ ан-намскій находится съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ и по настоянію его освободилъ французскихъ миссіонеровъ, которые уже были обречены на жестокія пытки. И такъ, поддерживаемый всеобщимъ уваженіемъ, г. Сесиль

рѣшился, въ исполненіе данныхъ ему инструкцій, посѣтить Японію.

Японія имѣетъ около 25 милліоновъ жителей; она постоянно закрыта для всѣхъ націй. Китайцы, Корейцы и Голландцы — оная только принимаютъ, и то собственно въ портѣ Нагасаки, выходящемся на островѣ *Kiu-Siu*. Но г. Сесиль направился на Иедо, правительственную столицу имперіи, на островѣ Нифонѣ. Завидя его, прибрежныя баттарен открыли огонь по шлюпкамъ, посланнымъ на берегъ съ «Клеопатры», и г. Сесиль удалился безъ вреда, но не оставилъ своего намѣренія. Въ виду того же острова, онъ встрѣтилъ командора Бидла съ эскадрою изъ трехъ американскихъ судовъ; оба начальника условились взаимно и, по послѣдне-полученнымъ свѣдѣніямъ, приготовлялись къ серьезному нападенію на Мійако, резиденцію Данри, духовнаго государя или собственно императора Японіи.

Чѣмъ бы ни кончилась экспедиція г. Сесиль, можно полагать, что онъ сумѣетъ, если и не съ полнымъ успѣхомъ, привести ее къ концу; но-крайней-мѣрѣ, онъ не пропуститъ случая изучить сколько возможно страну и установить хотя бы и слабыя съ нею сношенія. Всѣ, кто хоть немного интересовался путешествіями въ новыхъ, неизвѣстныхъ странахъ, знаютъ, что успѣхъ въ упрежденіи дружескихъ съ ними сношеній зависѣлъ всегда не отъ инструкцій и предписаній европейскихъ правительствъ, но отъ личнаго характера начальниковъ экспедицій. Поэтому есть вѣроятность въ успѣхѣ и, можетъ-быть, многіе уже ждуть съ нетерпѣніемъ того времени, когда передъ Европой раскроется новый японскій миръ.

— Вотъ нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній относительно желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ, — свѣдѣній, могущихъ служить дополненіемъ къ статьѣ о желѣзныхъ дорогахъ, напечатанной нами въ прошломъ году и къ картѣ, прилагаемой къ этой статьѣ.

Дорога отъ Орлеана до Шатору будетъ открыта 1 июля нынѣшняго года. Препятствій не предвидится никакихъ.

Дорога отъ Парижа до Гавра также приводится къ окончанію. Всѣ испытанія разнымъ сооруженіямъ дороги, посредствомъ накладыванія тяжестей, уже окончены, освидѣтельствованы, и тяжести снимаются. Вслѣдъ за этимъ приступаютъ къ испытаніямъ другого рода, возкою тяжестей и вѣзю.

При работахъ на дорогѣ изъ Парижа въ Бордо, въ одномъ подземельѣ случилось несчаствіе: столбы, поддерживавшіе своды, были раздавлены, и самые своды разтрескались; впрочемъ, строители тотчасъ же приняли должныя мѣры.

На сѣверной дорогѣ, въ Бельгій, недавно опять былъ невыгодный для нея случай; рѣшетка отвалилась отъ топки пароваго котла, уголья посыпались по дорогѣ, и поѣздъ, задержанный этимъ происшествіемъ, опоздалъ тремя часами.

Французскіе журналы замѣчаютъ, что частое повтореніе разнаго рода происшествій на сѣверной дорогѣ происходитъ отъ дурной работы машинъ, что компанія худо заботилась о выборѣ заводчиковъ для заказа паровозовъ. Мы съ своей стороны прибавимъ, что едва-ли не главная причина всѣхъ несовершенствъ этой дороги — поспѣшность, съ которою ее строили.

Французское правительство учредило особую комиссію, обязанную какъ разсматривать всѣ мѣры, вносящіяся къ предупрежденію несчастій на желѣзныхъ дорогахъ, такъ и изыскивать и искоренять причины случившихся уже несчастій. Въ послѣднее время, ей предложенъ былъ вопросъ, какимъ образомъ должно укрѣплять дилижансы во время возки ихъ по желѣзнымъ дорогамъ на платформенныхъ вагонахъ. Вопросъ комиссіею рѣшенъ; но надо замѣтить, что дилижансы должны, можетъ-быть, болѣе всѣхъ пострадать отъ устройства желѣзныхъ путей, такъ-что и теперь уже желѣзные дороги иногда имъ мѣшаютъ. Ди-

лижансы, конечно, ходять по такимъ дорогамъ, гдѣ нѣтъ рельсовъ; но иногда они выѣзжаютъ на линіи желѣзныхъ дорогъ, слѣдуютъ нѣсколько времени по одному съ ними пути, и потомъ опять сворачиваютъ. Въ этомъ-то случаѣ, когда они идутъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, поѣзды послѣднихъ могутъ помогать имъ, ставя ихъ на платформенные вагоны и перевозя такимъ образомъ на нѣкоторыя разстоянія. Это — помощь изъ состраданія со стороны поѣздителя. И въ-самомъ-дѣлѣ, надо же, по словамъ французскихъ журналовъ, чѣмъ-нибудь утолить горе дилижансовъ и предвидимость кончины ихъ дѣлать для нихъ менѣе и менѣе чувствительною. Впрочемъ, говоря серьёзно, въ дѣлѣ перевозки путниковъ и паровозамъ и дилижансамъ-всѣмъ будетъ мѣсто; только дилижансы должны будутъ обратиться на другія дороги, можетъ-быть, даже на побочныя, съ тѣмъ, чтобы подвозить путниковъ со стороны на желѣзныя дороги.

— Мы говорили въ январьской книжкѣ «Отца. Записокъ» объ успѣхѣ устройства электрическихъ телеграфовъ въ Сѣверо-Американскихъ-Соединенныхъ-Штатахъ. Теперь парижскіе журналы толкуютъ объ этомъ и укоряютъ своихъ земляковъ за то, что другіе опередили Францію. Къ тому, что было нами прежде сказано, прибавимъ теперь нѣсколько словъ, чтобы показать, съ какою скоростью сообщаются въ Америкѣ извѣстія. Въ Албани было какое-то общественное собраніе, журналъ котораго интересовалъ нью-Йорскихъ жителей, и черезъ три часа послѣ закрытія этого собранія, на улицахъ нью-Йоркскихъ, за 242 версты отъ перваго, уже разносили печатный журналъ въ четыре столбца, содержащій въ себѣ до 25,000 буквъ, въ которомъ помѣщенъ былъ подробный протоколъ всего собранія. Два часа было употреблено на передачу телеграфомъ извѣстій и часть на переводъ, наборъ и печатаніе.

Европейцы, не успѣвъ еще извлечь всей пользы изъ электрическихъ телеграфовъ, предлагаютъ уже новые, атмосферическіе. Г. Браше, изобрѣтатель, описываетъ ихъ очень съ выгодной стороны: коробчатые поршни, заключивъ въ себѣ цѣлыя кипы писемъ, журналовъ и проч., двигаются не отъ пустоты, производимой въ трубѣ машиною, но силою сжатого воздуха. Трубы у него не подвержены сплющиванію, какъ трубы безвоздушной системы: а отсутствіе всякихъ щелей, клапановъ, магнитовъ, даетъ имъ преимущество надъ системами Клегга и Самуды, Галлета, Жюбера. Коробчатый поршень долженъ пролетѣть въ двѣ минуты 100 льё (367 верстъ) и перенести цѣлый коробъ новостей, — а электрическій телеграфъ въ такой промежутокъ времени можетъ сообщить только строчку!

Нѣкто г. Госсаръ предлагаетъ, для произведенія пустоты въ трубахъ атмосферической системы, зажигать въ нихъ пары горючаго масла и пр. Не знаемъ, какъ г. Госсаръ произведетъ горѣніемъ пустоту: можетъ быть, онъ перейдетъ отъ однихъ газовъ къ другимъ, меньшей плотности; или онъ, можетъ быть, обратитъ всѣ газы внутреннейности трубы въ кусокъ твердаго тѣла... Подробнаго описанія мы не читали, а нашли заключеніе, что способъ г. Госсара можетъ быть удобенъ только въ маломъ видѣ, а не на большихъ протяженіяхъ, и потому къ желѣзнымъ дорогамъ непримѣнимъ.

На сев-герменской атмосферической желѣзной дорогѣ былъ второй опытъ въ присутствіи гораздо-большаго числа приглашенныхъ гостей. Тутъ были и посторонніе инженеры и разные ученые академики, и пр. Такъ какъ и этотъ опытъ только предварительный, то мы ограничимся однимъ замѣчаніемъ, что въ этотъ разъ опытная ѣзда, впрочемъ, съ большимъ числомъ вагоновъ, наполненныхъ пассажирами, была вполне удачна. Вскорѣ будетъ произведенъ третій опытъ осо-

бою для этого назначенною коммиссіею.

— Состояніе Французской Оперы весьма-сомнительно. Не разсматривая вопроса финансового, скажемъ нѣсколько словъ о музыкальныхъ ресурсахъ этого несчастнаго театра. Упадокъ учрежденія, которое было и могло бы еще быть такъ прекрасно и полезно для Франціи,—учрежденія, на которое Франція привыкла смотрѣть какъ на точку опоры своихъ претензіямъ на славу въ области изящнаго—упадокъ этого учрежденія очевиденъ. Вотъ, что говоритъ объ этомъ Берлиозъ (который, кстати сказать, теперь уже въ Петербургѣ и приготовляетъ свои колоссальные концерты) въ «Бльетонѣ» *Journal des Débats* :

«Какое изъ музыкальныхъ произведеній могло бы поддержать Французскую Оперу? Робертъ-Дьяволъ? Но Гардонн оставилъ сцену; Дюпрѣ—чтобы справиться съ своею ролюю, неказилъ ее, и даже то, что осталось въ этой роли, онъ поетъ съ усиленіемъ, столь же тяжкимъ ему-самоу, какъ зрителямъ. Гугеноты? Но гдѣ же взять Валентину? гдѣ взять истинную трагико-лирическую артистку, съ настоящимъ, обширнымъ сопрано, каковаго требуютъ всѣ страстныя, широкою рукою написанныя роли? Вильгельмъ Телль? Но онъ безжалостно обрѣзанъ; съ-тѣх-поръ, какъ Дюпрѣ взялъ на себя роль Арнольда, изъ выкинутыхъ нѣтъ можно составить цѣлую оперу; роль Матильды со всѣми выпусками все еще трудна для молодой пѣвицы, которая ее исполняетъ.—Люція? Дюпрѣ всегда хорошъ въ роли Эдгаро, — но помните: у него осталось только шестъ нотъ! Барруалѣ прекрасенъ въ роли Астона; но за то исполненіе цѣлой оперы можетъ ли выдержать соперничество съ *Theâtre-Italien*?»

Упомянувъ объ операхъ композитора Галеви, писанныхъ для *государственной оперы*, и отозвавшись о ней Берлиозъ, продолжаетъ:

«Удивительно ли послѣ этого, что

композиторы не оказывают большого желанія писать для театра, на которомъ исполняется удовлетворительно одна только опера— *L'Amé en reine*, оперетка миленькая, съ легонькою музыкой? но скажите — для чего дается Французской-Оперѣ вспомошествованіе въ 600,000 фр. ежегодно? Не для того ли, чтобъ на ея сценѣ успѣшно исполнялась легонькая опера въ двухъ актахъ?.

Видя, въ какомъ состояніи находится опера, г. Пиллѣ обратился къ Россини, который и поставилъ на сцену *Oréga-Français Роберта Брюса*, пастьчю въ 3-хъ актахъ.

Въ чемъ не обвиняли (прибавляетъ другой фельетонистъ) гениальнаго Россини? Одни говорили, что у него нѣтъ мелодіи, другіе, что мелодіи уже слишкомъ-много; что онъ постигаетъ гармонію, и что у него нѣтъ гармоніи; творца *Il Barbiere* укорали въ недостаткѣ сценическаго таланта; творца *Монсея* въ недостаткѣ важности; творца *Осады Коринѳа* — въ недостаткѣ полноты; творца *Stabat*, что онъ не религіозенъ; творца *Графа Ори*, что онъ безцвѣтенъ; творца *Вильгельма Телля*, что у него нѣтъ драматизма; однимъ словомъ — творца двадцати произведеній—удивительныхъ, разнообразныхъ, мелодическихъ, богато-инструментованныхъ, могущественныхъ, — укорали въ томъ, что онъ одиобразенъ, что онъ, собственно, написалъ только одну оперу, что онъ... и пр., и пр.

Это говорилось о произведеніяхъ Россини, а вотъ, что говорили объ немъ, какъ о человѣкѣ: 1) Россини существо безчувственное; а онъ вѣрилъ въ дружбу, любовь, боготворилъ отца и мать! 2) Россини эгоистъ; а онъ всегда давалъ совѣты, помогалъ, рекомендовалъ и поощрялъ всѣхъ артистовъ, къ нему обращавшихся; Россини завистникъ: а онъ, будучи директоромъ Итальянскаго Театра, велѣлъ поставить на сцену этого театра *Il Scociato* Мейер-Бера, и въ настоящее время ставятъ *Роберта-Дьявола* на болоньской сценѣ, гдѣ

ни разу не давалъ ни одного изъ своихъ произведеній; 3) что Россини гарпагонъ: а онъ подарилъ издателю своихъ произведеній манускриптъ превосходныхъ *Вечеровъ*, чтобъ вознаградить его за неуспѣхъ, который имѣлъ сначала *Графъ Ори*; 4) что у Россини ледяное сердце, что онъ не любитъ искусства и не признаетъ своихъ произведеній, до того, что возвратился въ Болонью и не хочетъ видѣть представленій *Монсея*, *Графа Ори*, *Осады Коринѳа* и *Вильгельма Телля* — дававшихся какими-то лоскутьями, въ видѣ подставокъ, при открытіи занавѣса, для того, чтобъ дать время *beau monde* отобѣдать какъ слѣдуетъ до начатія балета; 5) что Россини лѣнтивъ: а онъ написалъ съ пол-сотни партитуръ...

Изъ всѣхъ этихъ обвиненій, вѣроятно, два перейдутъ къ отдаленному потомству, именно, что Россини обжора, не вѣрующій ни во что, кромѣ накаронъ, и что онъ толстобрюхий мезостомель, надѣвающійся надъ всѣми и въ особенности надъ тѣми, кто смѣется надъ нимъ-самимъ, надъ критикомъ его враговъ и надъ музыкою его собратьевъ; фарсёръ, который, написалъ 50 оперъ, имѣлъ всегда въ виду мистифицировать современниковъ. Вы, быть-можетъ, полагаете, что онъ писалъ, повинуясь своему влдохновенію, чтобъ прославиться? Вы ошибаетесь. Онъ писалъ, чтобъ посмѣяться надъ вами, надъ мною, надъ всѣмъ свѣтомъ. Когда онъ писалъ знаменитое тріо въ *Вильгельмѣ Теллѣ* — онъ хохоталъ, какъ сумасшедшій: люди, которые, обыкновенно, все знаютъ, скажутъ вамъ, что онъ присутствовалъ при первомъ представленіи своихъ оперъ не иначе, какъ разговаривая за кулисами, задыхаясь отъ смѣха и надѣваясь надъ публикой. Самый *Робертъ Брюсъ* есть послѣдняя выходка противъ Парижанъ, которые имѣли слабость воздвигнуть ему статую...

Сюжетъ *Роберта Брюса* взятъ изъ эпизода войны Роберта Брюса съ королемъ англійскимъ Эдуардомъ II.

Слова написаны гг. Фавсомъ и Ройдъ. Артуръ, офицеръ въ службѣ Эдуарда, влюбленный и любимый Марією, дочерью Доглеса-Чернаго, засталъ шотландскаго короля, окруженнаго англійскими войсками, съ своею возлюбленною. Артуръ, ослѣпленный ревностію, не узнаетъ Роберта. Марія обращается къ своему любовнику и умоляетъ его о великодушій; въ слѣдствіе чего Артуръ спасаетъ Роберта; Робертъ, уходя, даетъ ему дубовую вѣтку, которую Артуръ во время войны долженъ носить на каскѣ: по этой вѣткѣ Робертъ узнаетъ своего великодушнаго врага, и ихъ мечи никогда не скрестятся. Далѣе, Артуръ, обвиненный предъ англійскимъ королемъ въ спасеніи Роберта, приговоренъ къ казни. Но Эдуардъ, оставившій до завтра *свои* дѣла и предавшійся удовольствіямъ, находится посреди танцовщицъ и менестрелей, окруженъ войсками Роберта. Эдуардъ въ пѣлну, Артуръ спасенъ и женится на Маріи. Брюсъ восклицаетъ: «Шотландія, ты независима!» Хоръ подхватываетъ: «безсмертіе Роберту!»

Успѣху перваго представленія познѣшало стеченіе многихъ обстоятельствъ.

Пѣвецъ Беттини два раза разбился на высокой нотѣ, которую Рубини абордировалъ всегда съ такимъ успѣхомъ. Г-жа Штольцъ, еще не оправившаяся отъ болѣзни, пѣла дурно. Когда въ залѣ послышался шумъ и ропотъ, г-жа Штольцъ, не кончивъ аріи, остановилась, потомъ быстрыми шагами прошла по театру, разорвала плавокъ на мелкіе куски, бросила ихъ на сцену и сказала: «Не постигаю, какъ можно до такой степени оскорблять женщину». Вотъ, что видно изъ письма г-жи Штольцъ къ редактору «Journal des Débats»: Не прошло двѣнадцати дней, какъ г-жа Штольцъ освободилась отъ первой опасной болѣзни; вондѣясь на свои силы, она велѣла объявить о первомъ представленіи «Роберта Брюса», съ нетерпѣніемъ ожидаемаго публикою. Ночью, нака-

нувъ представленія, г-жа Штольцъ почувствовала снова боль въ груди; она перемогалась цѣлое утро, но къ вечеру, утомленная борьбой и сильною болью, не могла уже выйти изъ своей комнаты, и потому спектакль отиѣли. Публика была очень недовольна: равнесся слухъ, что представленіе отиѣнено по *капризу* пѣвицы. Едва оправясь отъ вторичной болѣзни, г-жа Штольцъ рѣшилась исполнить роль. За день до представленія, она получила множество писемъ, подписанныхъ вымысленными именами, въ которыхъ говорилось, что ее хотятъ оскорбить, что ей даже не позволяютъ окончить роль... Два такіа письма она сохранила и копию съ одного изъ нихъ послала къ редактору «Journal des Débats». Она вышла изъ терпѣнія, потому что изъ партера долетѣли до нея *клевветы*: эта обида заставила ее остановить пьесу. О дальнѣйшихъ представленіяхъ оперы Россини газеты говорятъ, что «Робертъ Брюсъ» оправился теперь отъ перваго паденія; «музыка великаго маэстро» пишетъ одинъ фельетонистъ, «не можетъ не имѣть успѣха: достаточно того, чтобъ ее пѣли, а въ первое представленіе не пѣли».

— Новый театръ въ Парижѣ, *Историческій*, — *Théâtre Historique*, — о которомъ столько было толковъ по тому поводу, что къ нему принимались два имени — Александра Дюма, его основателя, и герцога Монпансье, его покровителя, выпросившаго у короля дозволеніе на постройку его, — этотъ театръ наконецъ открытъ. 21 февраля на немъ дана въ первый разъ *La Reine Margot* (Королева Марго) драма *в пяти актахъ и въ пяти картинахъ* гг. Александра Дюма и Огюста Макэ... Содержаніе этой драмы, кажется, намъ ужъ слишкомъ знакомо, потому что, говорить, въ нее вошелъ цѣлкомъ весь романъ того же имени, съ такими *увольствіемъ* прочитаннымъ *всѣмъ студентамъ* на землѣ читаемыми *романами*. На другой день послѣ *представленія*, Жюль Жаненъ въ «Journal des Débats»

расписался о немъ такимъ-образомъ: спектакль начался въ 6 часовъ и — дѣло почти невѣроятное — очень-немногіе изъ зрителей вышли не дослушавъ до послѣдняго слова безконечной сказки; самъ герцогъ Монпансье явился на этотъ драматическій праздникъ однимъ изъ первыхъ, а вышелъ однимъ изъ послѣднихъ. Слава долготерпѣнью парижской публики! Спектакль продолжался почти до трехъ часовъ утра, начавшись въ половинѣ 7-го наканунѣ; слѣдственно, зрители должны были выспаться въ новорожденномъ театрѣ *восемь часовъ сряду...*

Гораздо-любопытнѣе описаніе самаго театра. На первый надержки для его построения назначено было 1,500,000 фр.; за отель Foulon, бывший недалеко отъ Олимпійскаго-Царя на той же сторонѣ бульвара; заплачено мильионъ; за сломку его 600,000 и за возведеніе зданія театра, подъ надзоромъ архитекторовъ Дрѣ и Сешана, 600,000 франковъ.

Фасадъ совершенно соответствуетъ назначенію зданія, которому суждено увидѣть столько восторговъ и слезъ. Но обѣ стороны входа возвышаются двѣ громады колонны; внизу на равнѣ съ *geh-de-chaussée* двѣ 10-ти футовые статуи представляютъ Трагедію и Комедію; выше, между колоннъ, въ углубленіи, изображены богини храма: Певія, Трагедія и Комедія, окруженныя героями драматическаго искусства. Кого-кого тутъ нѣтъ! Софоклъ, Эсхилъ, Эврипидъ, Шекспиръ, Корнель, Расинъ, Шиллеръ, Вольтеръ, Глюкъ, Тальма, Арпстофанъ, Менаандръ, Мольеръ, Гёте, Сервантесъ, Моцартъ и пр. Наконецъ, Мариво, подающій руку намзель Марсъ. Потонъ — сцены изъ лучшихъ драматическихъ произведеній.

При входѣ расположены кассы. Кѣсивницы устроены такъ удобно, что въ каждый родъ мѣстъ публика входитъ особымъ путемъ: встрѣчи и толкотня совершенно-устранены.

Зала имѣетъ форму эллипсиса и расположена такъ хорошо, что изъ всѣхъ

ея частей — изъ ложъ, галерей, амфитеатра — видна вся сцена. Слѣдовательно, рѣшена самая трудная задача, какая только можетъ встрѣтиться въ устройствѣ театра.

Ложи перваго яруса идутъ кругомъ; а втораго и третьяго перерываются въ срединѣ, гдѣ оставлено мѣсто для свободнаго входа въ два огромныя амфитеатра, изъ которыхъ первый этажъ вмѣщаетъ въ себя до 200 зрителей, а второй — просторный и хорошо-освѣщенный, кажется, готовъ принять къ себѣ всю массу той счастливой публики, которой нужно за малую плату навеселиться вдоволь.

Сцена Историческаго-Театра обширностью уступаетъ только сценѣ Оперы, а высотой не уступаетъ даже и оперной; задняя часть ея шире, нежели передняя, что представляетъ большое удобство для декоратора и машиниста.

— Что касается до произведеній, для которыхъ воздвигаются подобныя зданія, то вотъ замѣчательнѣйшія изъ парижскихъ новостей по этой части:

Trois Rois, Trois Dames (Три Короля, Три Дамы), *комедія въ трехъ актахъ*, соч. Леона Говлана.

Сцена представляетъ комнату, раздѣленную на два рабочіе кабинета двойными ширмами. Двѣ молоденькія женщины, сидя у бюро, трутятся надъ огромными столбцами цифръ, которыя мужа ихъ велѣли повѣрить; одна г-жа Матьё, другая — г-жа Бланшаръ. Онѣ недавно замужемъ и, увы! не знаютъ другаго удовольствія, какъ переписывать коммерческую корреспонденцію, держать книги и проч. Бѣдняжкамъ скучно — счетовъ и писемъ имъ хоть бы и никогда не видать; онѣ знаютъ, что есть удовольствія другаго рода, что есть и маскарады, и балы, и молодежь пріятной наружности, съ пріятною улыбкой, съ пріятною фразой... Онѣ знаютъ, что многое-многое лучше безконечныхъ столбцовъ цифръ...

Душить запертая клятка
Птичку вольную покой...

Входить мужа, смотреть на итоги, находить, что все вѣрно, и важная улыбка не удовольствія, а удовлетворенія, улыбка, приличная людямъ, нѣмъющимъ конторы въ старомъ и новомъ свѣтѣ, блуждаеть по губамъ ихъ. Матѣ подходит къ женѣ и говорить, что у него добры вѣсти.

— Ахъ, мы вѣрно ѣдемъ въ итальянскій театръ, на балъ, на вечеръ, въ маскарадъ, залепетала обрадовавшаяся супруга.

— Нѣтъ, желѣзная дорога, кажется, останется за мной.

Въ это время вбѣгаетъ въ комнату г. Дюмартель, отуманенный веселостью. Онъ смѣется, онъ въ восторгѣ, однимъ словомъ, онъ въ своей тарелкѣ: ему, счастливому смертному, пришла гениальная идея отправиться на балъ Оперы съ своею богиней; онъ сдѣлалъ ей хорошенькое домино изъ розоваго атласа, обшитаго бѣлымъ кружевомъ, и принесть его съ собою въ картонкѣ. Бѣдныя затворницы примѣряютъ соблазнительное домино; но, увы! въ чему это? Ихъ мужа непоколебимы и щетинятся при одномъ словѣ балъ. Дюмартель вовсе не такого мнѣнія. Онъ признаеть полную свободу: супруга веселится сама-по-себѣ, мужъ самъ-по-себѣ, изъ чего и выходитъ, что они оба много веселятся.

Дюмартель уходитъ и уносить свое розовое домино, вселивъ въ сердца молодыхъ женщинъ пламенное желаніе ѣхать въ маскарадъ.

Не надѣясь уговорить почтенныхъ супруговъ, г-жи Матѣ и Бланшаръ рѣшились однѣ отправиться на балъ, взявъ съ собою только стараго слугу, на котораго могли положиться. Какъ нарочно, мужа ихъ, эти дикіе, неукротимые труженики, должны провести ночь за работой, слѣдовательно, нельзя ожидать ихъ нашествія на супружескія спальни.

Во второмъ актѣ представляются зрителямъ наши зараженные труженики, проводившіе всю ночь за конторками.

Блескъ огня ступеньвается, какъ во время ужина Лукреціи Борджіа; свѣсъ занавѣсы пробивается рассвѣтъ.

Матѣ всталъ съ мѣста, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ подошелъ къ Бланшару и признался ему, что онъ безъ ума отъ г-жи Матѣ и что купилъ ей превосходный брильянтовый уборъ. Бланшару захотѣлось поларить точно такой же своей женѣ: — Возьми этотъ, сказалъ Матѣ: — въ магазинѣ есть другой. Бланшаръ отправляется въ спальню, полагая, что съ брильянтовою вещью никогда не можетъ быть равно забудить жену; о, ужасъ! г-жи Бланшаръ нѣтъ! Матѣ отправился къ своей женѣ, чтобъ посмотреть не у нея ли въ комнатѣ супруга пріятеля — въ спальнѣ нѣтъ ни той, ни другой! Гадѣдышко опустѣло-голубки улетѣли.

Можно себѣ представить бѣшенство мужа, особенно деспота Матѣ. Мажу-тѣмъ, бѣгланки возвратились, боясь послѣдствій... что, какъ мужа узнають!.. Почти въ то же время входитъ Дюмартель: онъ, не встрѣтивъ въ маскарадѣ своей богини, для которой надѣвалъ домино, ходилъ одинъ. Вдругъ попалась ему парастрыхъ домино, которыми онъ куртизанка, дѣлалъ признанія и которыя вошли въ одинъ съ нимъ домъ, — коротко сказать, онъ былъ съ ними такъ любовенъ, что нашлъ дуэль. Молодой человекъ, цокровительствовавшій стрѣльничимъ домино, старался поссориться съ Дюмартелемъ и наконецъ поссорился. Дюмартель пришелъ за секундантами. Бланшаръ, боясь бѣды отъ завальчивости Матѣ, вмѣсто его карточки подалъ другую, какого-то Дюпона, жившаго нѣкогда въ Предмѣстьи-Венде, а въ настоящее время на островѣ Морисъ, въ 2000 миляхъ отъ Парижа. Матѣ отправился въ означенное предмѣстье и у перваго попавшагося дворника спросилъ гдѣ живетъ г. Дюпонъ? — Въ третьемъ. — Выг. Дюпонъ? — Я. — Были вы сегодня ночью въ Оперѣ. — Нѣтъ. — Пристала ли вы къ двумъ женщинамъ? — Нѣтъ.

Вы поссорились съ г. Дюмартелем?—
Нѣтъ, я портиной, оставьте меня въ по-
кой.

Матѣ отправился къ другому двор-
нику. На этотъ разъ ему отъѣчали, что
Дюпонъ живетъ въ шестомъ этажѣ.

— Вы г. Дюпонъ?—Я. — Вы были въ
Оперѣ? — Нѣтъ. — Приставали вы къ
двумъ дамамъ? — Нѣтъ. — Назначена у
васъ дуэль?—Нѣтъ, у меня подагра, и я
никогда не выхожу со двора.

Матѣ, наконецъ, наткнулся на пол-
ковника Дюоца, который былъ и въ
Оперѣ, и къ двумъ дамамъ приста-
валъ, и дуэль у него назначена.

— Вы мнѣ надобно, сказалъ нако-
нецъ полковникъ: — хотите драться, я
къ вашимъ услужу.

— И я ранилъ полковника, прибавилъ
Матѣ.

Такимъ образомъ, честный негоци-
антъ отмстилъ любовнику жены своей;
но ему этого мало — онъ хочетъ от-
мстить и жемъ; въ это время входитъ
г. Блесуръ, и Дюмартель узнаетъ въ
немъ своего противника.

— А! такъ вы источникъ всѣхъ не-
пріятностей, сказалъ Матѣ:—хорошо!
вы любите мою жену, возьмите же ее
себѣ. Письмо полковника полагаетъ
конецъ непріятной сценѣ; изъ письма
явствуетъ, что полковникъ ужиналъ
не съ г-жею Матѣ, а съ г-жанин Дю-
плез и Дюмартель.

Четы бросились другъ другу въ объ-
ятія, а Дюмартель глубоко вздохнулъ.

Рассказанное вами содержаніе пье-
сы Леона Гозлана даетъ читателямъ
только слабое понятіе о ея достоин-
ствѣ; нашъ разговоръ — все равно, что
скелетъ прекрасной женщины. Подоб-
ныя провведенія рѣдко появляются
на сценахъ. Пьеса эта замѣчательна
во всѣхъ отношеніяхъ: въ ней блещетъ
умъ и истинное искусство. Успѣхъ
былъ совершенный.

Реквот рекру (Повѣщенный
Пьерро), пантомима съ вымплицами,
палацами, различными плутнями и дру-
гими пріятными вещами, соч. Шанфлѣ-
ри (На Théâtre des Funambules).

Кассандръ хочетъ выдать заужъ
дочь свою Коломбину за того, кто
больше дастъ, какъ на аукціонѣ: невѣ-
ство, что пролазаемая вещь остается
за тѣмъ, кто наддастъ хоть копейку.
Ярдыкъ съ надписью: Кто принесетъ
1000 франковъ, тотъ можетъ жениться
на Коломбинѣ, навѣщаетъ всѣхъ и
каждаго о желаніи отца-Кассандра.

Арлекинъ, Пьерро и Полишинель
жаждутъ этого брака; но, увь! у чле-
новъ этого тріо карманы пусты, а
требованія Кассандра ограничиваются
именно тѣмъ, чтобы у жениха было
1000 франковъ.

Пьерро встрѣчаетъ какого-то капи-
тана въ шинкѣ отца-Кассандра и пред-
лагаетъ незнакомцу играть въ карты;
но Пьерро не везетъ, и онъ проигры-
ваетъ сумму, которой у него никакъ
не наберется; въ закладъ онъ оставя-
етъ свой бѣлый балахонъ, бѣлые баш-
маки и такого же цвѣта штаны, и ос-
тается въ *déshabillé*, какъ вдругъ яв-
ляется сивѣйоръ Полишинель. Это без-
покойное, неусидчивое лицо опроки-
дываетъ стулья, скачетъ по столамъ и,
какъ лисица, шныряющая около дере-
ва, на которомъ усѣлись тетерева, ос-
лѣпляетъ человѣка, котораго хочетъ
одурачить своимъ фарсированнымъ
буйствомъ. Полишинель занимаетъ мѣ-
сто Пьерро, и такъ-какъ онъ придержи-
вается того правила, что всѣ сред-
ства, ведущія къ достиженію цѣли,
хороши, то, при помощи Пьерро,
принимается за честный промыселъ,
результатъ котораго—объиграть невѣр-
ника. Помѣстясь свадн незнакомца,
Пьерро, посредствомъ выразительной
пантомимы, передаетъ Полишинелю,
какія карты на рукахъ капитана.
И бѣдный капитанъ остался безъ ко-
пейки! Не смотря на то, что Пьерро
ревностно помогалъ Полишинелю, ему
ничего не досталось; незнакомецъ, уда-
ляясь, закричалъ Пьерро: «Пьерро, ты
будешь повѣшенъ!»

Арлекинъ, который, при покрови-
тельствѣ еси, досталъ денегъ, женитъ-
ся на Коломбинѣ. Все готово къ свадь-
бѣ... Какъ вдругъ...

Но, довольно! Рассказать все, что творится въ этой исторіи, невозможно. Пьерро и воромъ-то дѣлается, и бьютъ-то его, и къ живописцу-то онъ причесъ въ манекенъ, и въ матрацъ, и на матрацъ-то этотъ садятся Арлекинъ и Коломбина, матрацъ переворачивается, Арлекинъ и Коломбина пугаются, и въ тюрьму-то сажаютъ молодца, и взъ-полъ пола является незнакомецъ и говоритъ: «Пьерро! тебя повѣсятъ!» и къ судьямъ-то его приводятъ, и штуки разные онъ тутъ продѣлываетъ. Наконецъ, и висѣлица явилась, и повѣсили Пьерро, и волшебница явилась, и увела его въ адъ... Что еще? Дѣ, Арлекинъ женился на Коломбинѣ...

Мармонтель рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что мадамъ Наварръ была къ нему очень благосклонна, а потомъ вдругъ его бросила. «Лихорадка говоритъ онъ: которую я почувствовалъ въ тотъ самый вечеръ, когда узналъ о своемъ несчастіи, еще забавлялась надо мною, какъ вдругъ, по утру, ко мнѣ вошелъ красивый молодой человекъ и объявилъ мнѣ свое имя. Это былъ кавалеръ Мирабо. «Милостивый государь», сказалъ онъ: «я являюсь къ вамъ подъ двумя титулами: во-первыхъ, какъ искренній другъ вашего друга — покойника маркиза де-Вовенарга, моего товарища въ королевскомъ полку. Мнѣ пріятно было бы заступитъ мѣсто, которое онъ занималъ въ вашемъ сердцѣ. Другое прозванье не можетъ мнѣ быть благопріятно: я наследовалъ послѣ всѣхъ мадамъ Наварръ. Она питаетъ къ вамъ глубокое уваженіе и, сказать откровенно, я не разъ ревновалъ... она всегда отвывается о васъ съ нѣжностію; при возможности отъѣздить изъ Брюсселя, она убѣдительно просила меня явиться къ вамъ и искать вашей дружбы.» — Господинъ кавалеръ, отвѣчалъ Мармонтель: — вы видите, я болѣнъ, — болѣнъ такъ же, какъ и вы; и, признаюсь вамъ, не могу такъ скоро подружиться съ человекомъ, причинившимъ мнѣ столько зла. Но ваше благород-

ство и откровенность внушаютъ къ вамъ уваженіе, и такъ-какъ я уже принесенъ въ жертву, то мнѣ по-крайней-мѣрѣ пріятно, что я жертва такого человека, какъ вы. Сядьте и потолкуемъ о нашемъ другѣ де-Вовенаргѣ, потолкуемъ и о мадамъ Наварръ: какъ о томъ, такъ и о другой я могу сказать только хорошее.

Послѣ долгаго разговора, Мирабо сказалъ: «Надѣюсь, вы не разсердитесь, если узнаете, что мадамъ Наварръ отдала мнѣ ваши письма; вотъ они: изъ нихъ видно ваше прекрасное сердце и умъ. Въ то же время она поручила мнѣ взять у васъ ея письма.» — Была ли она такъ добра, чтобъ написать ко мнѣ два слова для уполномоченія меня? спросилъ Мармонтель. «Нѣтъ; она такъ же, какъ и я, думала, что вы мнѣ подтвердите на-слово.» — Извините, я не могу вручить вамъ ея письма; но есть средство помириться... Мармонтель взялъ свои письма и бросилъ ихъ въ огонь съ письмами мадамъ Наварръ. Потомъ, обратясь къ Мирабо, онъ прибавилъ: — Долгъ мой исполненъ, жертва принесена.

Изъ этого эпизода мармонтелевыя мемуаровъ, Ипполитъ Лука сдѣлалъ прекрасную комедію, написанную искусно, мило и пріятно, подъ заглавіемъ:

MADemoiselle NAVARRE (Мадамъ Наварръ), комедія-водевилъ въ одномъ актѣ.

А вотъ и новая опера:

LE SULTAN SALADIN (Султанъ Саладинъ), комическая опера въ одномъ актѣ, соч. Дюпена, музыка Бордеса.

Простякъ, скарденной наружности и притомъ еще весь въ долгахъ, хочетъ жениться на хорошеишкѣ, молодой и богатой особѣ. Другой субъектъ, счастливейе обставленный въ отношеніи фигуры, ума и денегъ, не призналъ руки этой особы: онъ ея и не желалъ даже. Въ одинъ прекрасный день онъ ее увидѣлъ. Прекрасный тотъ день былъ день свадьбы простяка и

привлекательной наружности и хорошею, умной и богатой особы; при видѣ могущественной красоты, намъ Франтъ проклялъ свою неосмотрительность. Чтобъ поправить ошибку и употребить съ пользою оставшееся время, онъ вознамѣрился представиться перелъ будущимъ мужемъ и дядей невѣсты дуракомъ, извѣстнымъ подл именемъ султана Саладина, который воображаетъ, что онъ мужъ всѣхъ хорошею женщинъ. Такимъ образомъ, quasi-дуракъ можетъ ухаживать за мамзель Эстеллою на глазахъ жениха, который только смѣется надъ претензіями несчастнаго соперника. Эстелла, однакожъ, тотчасъ поняла, что глупость новаго обожателя очень неглупа. Но приближается роковая минута. Молодой человекъ тщетно старается объяснить дядѣ Эстеллы запутанность финансовъ жениха ея, но на это не обращаютъ вниманія и все приписываютъ глупости. Отворяются двери и входитъ нѣсколько человекъ съ приказаніемъ задержать жениха Эстеллы (того, у котораго наружность непривлекательная) за долгъ въ 12,000 франковъ. Начальникъ эскадры не знаетъ въ лицо того, кого надо арестовать. Кто здѣсь женихъ дочери хозяина дома? — Я, отвѣчаетъ султанъ Саладинъ. Его хотятъ увести; обвинявшіеся нѣсколькими словами съ начальникомъ, Саладинъ соглашается за нимъ послѣдовать, съ условіемъ оставить четырехъ человекъ у дверей невѣсты: Предосторожность, которую онъ взялъ, чтобъ въ его отсутствіе настоящей дуракъ не женился на Эстеллѣ. Настала часъ церемоніи... Шумъ, гамъ... нельзя пройти къ невѣстѣ... Въ это время, возвращается quasi дуракъ, показываетъ дядѣ Эстеллы письмо, изъ котораго видно, что должникъ не quasi-дуракъ, а настоящий, проситъ у дяди извиненія, что, не зная племянницы, не принялъ руки ея, и кончается эта пьеса свадьбою quasi-дурака съ хорошею, богатую Эстеллою, какъ этого и надо было ожидать...

Хорошо, еслибъ никогда не вало бы-

ло ожидать появленія такихъ пустяковъ на сценѣ!

IRENE OU LE MAGNETISME (Ирена или Магнитизмъ). Комедія-водевилъ въ двухъ актахъ, соч. гг. Скриба и Локруа.

Молодая Ирена, удивленіе версальскаго двора въ царствованіе Людовика XVI, провожаетъ отца своего адмирала де-Бриенна, до Тулона, откуда адмиралъ отправится въ море. Ирена влюблена въ графа Анри де-Кирмона; но страсть Ирены никому не извѣстна: она хранитъ ея въ своемъ сердцѣ, какъ хранятъ брильянтъ въ сокровищницѣ. Графу, ученику Мессера, удалось однажды въ рождѣ обаять силою своего магнетизма прекрасную Ирену: чудныя очи закрылись и душа ея, доселѣ обитая дѣтвенною пеленою стыдливости, высказалась, какъ высказываетъ человекъ во снѣ звѣтныя мысли. Графъ упоенъ былъ красотою Ирены... ему показалось, что онъ ея не достоинъ: онъ оставилъ родину, думая

... Что небо
Ясное полудня,
Снѣгъ олимпъ и мирта,
Музыкальный голосъ,
Жаркія лобзанья
Женъ высокогрудыхъ
Испытатъ недуги
Страждущаго сердца...

Но напрасно — любовь не проходила. Возвращаясь во Францію, графъ остановился въ Тулонѣ, въ гостинницѣ, въ одно время съ адмираломъ де-Бриенномъ. Тутъ графъ воспользовался своею магическою властію — вторично усыпилъ Ирену и заставилъ ее снова высказаться. — Да, я люблю тебя, провознесла Ирена: люблю безумно; но презираю тебя, презираю твою жизнь. Что же долженъ я сдѣлать, чтобъ быть достойнымъ васъ? возразилъ графъ. — Надо ѣхать въ Америку. Вашингтонъ и вся юная Франція спѣшатъ освободить эту землю, готовую принять свободу-

отправляйся съ ними; возвратись по-крытый славом, и я твой.

Въ эту минуту въ залу входитъ адмиралъ и видитъ, что дочь его, полуодѣтая, тихо возвращается въ свою комнату. Онъ вообразилъ, что дочь его просто обезчещена—о магнетизмѣ онъ ничего не слышалъ.

Годъ спустя послѣ этой сцены, мы видимъ г. Бриенна морскимъ министромъ. Дочь слѣдалась ему ненавистна; онъ не хочетъ, чтобъ она долѣе носила его имя,—надо выдать ее замужъ. Ви контъ Аннибалъ де-Бутевиль человѣкъ такой, какой нуженъ: онъ по-уши въ долгахъ, слѣдовательно, отказа ждать ничего. Ирену не спросили и обѣщали съ человѣкомъ, котораго она ненавидитъ. Какъ нарочно въ это время графъ Клермонъ возвратился, покрытый славомъ. Ирена не знаетъ, что тайна ея известна графу; дѣло слѣвало—она замужемъ, надо притворяться, и вотъ молодая начинаетъ говорить съ графомъ о политикѣ, о финансахъ и о войнѣ. Приведенный въ отчаяніе спокойствіемъ и холодною Ирены, графъ объявляетъ Аннибалу, что жена Аннибала влюблена въ него—графа де-Клермона. Черезъ два часа положено драться.

Пока Аннибалъ отправился за свидѣтелями, случай свелъ графа съ Иреною, и графъ опять надумалъ усыпить ее... О, это ужъ слишкомъ-часто! даже немного и случившато. О, небо! она его любить, никогда не переставала любить... ее насильно выдали за ненавистнаго викарѣ. Отецъ въ отчаяніи, потому-что дочь обезчещена; Ирена страдаетъ, потому-что всю жизнь любить графа, а ее выдали за Аннибала; графъ тоже страдалецъ, потому-что всѣ средства, которыя онъ употреблялъ для погнана страсти изъ сердца, не помогли и теперь—предметъ его страсти замужемъ; у графа и Аннибала дуэль... Но не пугайтесь, все кончится благополучно: является на сцену баронесса *** и узнаетъ въ лицѣ викарѣ Аннибала де-Бутевиль своего супруга! Разгадку угадать не трудно...

Можно было бы кое-что сказать о недостаткахъ этой пьесы; но она вышена такъ умно и изящно, что эти выкупаются нѣкоторыми странностями.

— Въ Парижѣ существуетъ Общество Концертовъ (Société des Concerts), которые исполняются въ Консерваторіи. Объ этомъ обществѣ теперь много не говорить, потому-что слава его упрочена, оркестръ доведенъ до совершенства, программы почти всегда прекрасны, наконецъ, зала всегда полна. Теперь въ Парижѣ, въ Консерваторіи, составилось другое общество. Нѣсколькимъ артистамъ пришла счастливая мысль пополнить дѣль уже нѣсколько дѣтъ существующаго общества, которое популярно въ Парижѣ монументальными твореніями, писанными для оркестра и хороше; итъ новаго общества — исполненіе музыкальныхъ пьесъ *комнатныхъ*, какъ, напримеръ, трио, квартетовъ и сонатъ Бетховена, Гайдна и Моцарта. Концерты эти будутъ даваться въ малой залѣ Консерваторіи каждое воскресенье, свободное отъ концертовъ большаго общества. За усиліяхъ этого предприятия можно поручиться,—говорятъ французскіе журналы,—и съ талантами артистами, какъ Галле и многою дружины, трио на фортецяно и квартетъ могутъ съ честью ратовать противъ увертюры и симфоній, исполняемыхъ большимъ оркестромъ Консерваторіи. «Очень-жаль», прибавляютъ эти журналы: «что новое общество не долее удержитъ одного изъ лучшихъ талантовъ Европы для квартета — г. Грасси, солиста въ московскомъ театрѣ. Онъ глубоко постигаетъ этотъ родъ музыки. Возвращаясь въ Россію, г. Грасси въ Брюсселѣ давалъ концертъ, который долго не вылеталъ изъ памяти слушателей. Но въ первомъ первенствѣ остается за г. Грасси, который теперь уже въ Петербургѣ, и который вездѣ на пути своемъ срываетъ лавровые вѣнки. Вспомните слѣдила толпа, вездѣ концерты производили фуроръ въ Парижѣ»

Берлинъ, Кёнигсбергъ ему дѣлади баснословныя предложенія...

— По поводу Берлина, мы не можемъ удержаться, чтобъ не упомянуть объ ощущеніи, которое произвела тамъ Віардо-Гарсія: роль Валентины въ оперѣ «Гугеноты» принесла ей полный успѣхъ: она пѣла ее по-нѣмецки. «А мы, Парижане», говоритъ Берліозъ: «соотечественники (?) г-жи Віардо, столько разъ оцѣнявше высокій талантъ ея, могущественное выраженіе ея голоса, мы принуждены слушать въ оперѣ, въ важнѣйшихъ роляхъ, вѣвиць втораго, третьяго и даже четвертаго разряда!» Отъ-чего же это Гарсія—соотечественница г. Берліоза? Развѣ потому-что она вышла замужъ за г. Віардо, который дѣйствительно соотечественникъ Французовъ?

— Въ Парижѣ вышелъ альбомъ подъ заглавіемъ: *Подснѣжникъ (Fleurs de Neige)*, гдѣ собраны любимыя аріи Жени Линдъ, между прочимъ и шведскія. Слава Жени со всякимъ днемъ видается въ вѣнокъ ея новыя вѣтки. Когда объявлено было, что она дастъ въ Вѣнѣ три представленія, пѣлый городъ, именно Граць, ушелъ въ столицу, чтобъ услышать великую артистку. Объявленіе объ этихъ представленіяхъ было напечатано въ вѣнскомъ журналѣ «*Neobachter*» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Знаменитая Жени Линдъ, первая пѣвица Европы, дастъ три представленія на сценѣ вѣнскаго театра. Слушатели стекаются въ столицу со всѣхъ пунктовъ имперіи, и это всеобщее стремленіе не должно никому удивлять, потому-что Жени Линдъ—геній—*Denk Jenny Lind ist ein Genie!*» Если такъ сильно стремленіе публики слышать великую пѣвицу, какимъ же градусомъ обозначить стремленіе директоровъ всѣхъ европейскихъ театровъ, чтобъ аванжировать ее? Г. Лумлей, директоръ лондонскаго театра, объявилъ, что Жени приняла его предложеніе и приѣдетъ въ Лондонъ.

— Присутствіе Мейер-Бара въ Вѣнѣ было праздновано артистами: поетами, живописцами, музыкантами. Когда Мейер-Баръ вошелъ въ богато-убранную и залитую потокомъ свѣта залу, его пригѣтствовали шумнымъ рукоплесканіемъ. Потомъ ему поднесли альбомъ въ бархатѣ съ золотомъ, украшенный прозведеніями славныхъ артистовъ; тутъ были и музыкальныя пьесы, и стихи, и живопись. Правднство открылось стихами Кайзера, арранжированными Прохомъ для декламациі, съ аккомпаньеманомъ. Въ условленное время открыли бюстъ великаго артиста, превосходно сдѣланный, съ лаврою, украшенной лавромъ. Во время ужина читались стихи и исполнялись музыкальныя прозведенія. Наконецъ, артисты единогласно рѣшили выбить медаль въ честь виновника торжества. Изъ Тамисвара (въ Венгріи) пишутъ, что тамъ встрѣчали другаго артиста: «Листу, при его вѣздѣ въ городъ, воздвигнута была триумфальная арка; по окончаніи третьяго концерта, ему поднесли золотой вѣнокъ».

— Въ отношеніи къ музыкальнымъ оригинальностямъ упомянемъ о четырехъ Венгерцахъ, которые теперь въ Парижѣ; Венгерцы эти составляютъ кватуоръ инструментально-вокальный или вокально-инструментальный, или наконецъ инструментальный безъ инструментовъ. Дѣло въ томъ, что они исполняютъ музыкальныя пьесы, подражая голосомъ виолончели, рожку и гобой, и исполняютъ съ совершенствомъ.

— Изъ Песта (въ Венгріи) пишутъ отъ 2 февраля: «Нашъ большой, великолѣпный нѣмецкій театръ, сегодня, между третьимъ и четвертымъ часомъ утра, сдѣлалъ добычку пламени. Пожаръ былъ такъ силенъ, что театръ превратился въ развалины въ нѣсколькихъ минутъ; остались только обгорѣлыя стѣны. По счастью, бібліотека и всѣ акты и документы спасены.»

— Изъ Константинополя пишутъ въ

Парижъ: «Сообщаю вамъ чудо: пьесы Мольера будутъ переведены на турецкій языкъ; трудъ уже начатъ. «Le Malade imaginaire» и «Georges Dandin» играны были въ присутствіи султана турецкими актѣрами, одѣтыми въ костюмы вѣка Людовика XIV. Прогрессъ ли это, вѣтъ ли, тѣмъ не менѣе доказательство чудной перемѣны въ мусульманскомъ образѣ мыслей и одинъ изъ признаковъ наступленія самаго любопытнаго времени!»

— Извѣстно, что, такъ-называемые *мелодическіе органы* имѣютъ ту особенность, что въ нихъ трубки замѣнены тоненькими мѣдными пластинками, приводимыми въ вибрацію токомъ воздуха. Звукъ этихъ органовъ издавался съ нѣкоторою медленностію, потому что металлическія пластинки требуютъ нѣсколько времени (конечно весьма мало), чтобъ подчиниться дѣйствию воздушнаго тока и придти въ вибрацію. Слѣдствіемъ такого недостатка было, что на этихъ органахъ можно было выражать чувства болѣе или менѣе серьезныя, торжественныя или грустныя. Это былъ инструментъ для церкви, капеллы, инструментъ, соответствующій гимнамъ, молитвамъ, мечтаніямъ, гармонія оксіановской; инструментъ этотъ никогда не можетъ выразить порыва: въ немъ нѣтъ блеска и быстроты. Г. Мартинъ, чтобъ пособить горю, придумалъ молоточки, въ родѣ молоточковъ въ фортепьяно. Эти молоточки, ударяя по пластинкѣ въ ту самую минуту, когда клапанъ пропускаетъ воздухъ, способствуютъ тому, чтобъ пластинка издавала звукъ безъ замедленія. Въ этомъ можно убѣдиться, пробѣжавъ по клавишамъ органа безъ дѣйствія мѣховъ; тогда выходятъ звуки высокіе и сухіе, единственно отъ удара молоточковъ по металлическимъ пластинкамъ. При дѣйствіи же воздуха, ноты выходятъ звучны и могущественны, и звукъ можетъ продолжаться неопредѣленно, начиная съ *pianissimo* до *forte* и производитъ, обратнo, *decrescendo*. Это открытіе гг. Александръ

отецъ и сынъ принесли и усовершенствовали во многихъ отношеніяхъ. Кромѣ того, они нашли средство уничтожать несообразность черезъ-чуръ сильныхъ, важныхъ звуковъ, отъ-чего происходила иногда неясность и смѣшеніе звуковъ. Средство это весьма-просто: все зависитъ отъ нажатія клавиша, соответствующаго желаемой нотѣ. Теперь *мелодическій органъ* — инструментъ совершенный и способный въ исполненію всякаго рода музыки.

— Изъ Улма (въ Вюртембергѣ) пишутъ отъ 8 февраля: «Въ прошлую пятницу между седьмымъ и восьмымъ часомъ утра, въ холодное, ясное время, когда солнце подымалось съ необыкновеннымъ по времени года блескомъ, мы увидѣли явленіе, извѣстное подъ именемъ миража. Съ вершины колокольни улмскаго собора подыалась узкая полоса темнаго дѣтѣ въ вертикальномъ направленіи. Близъ этой полосы нарисовалось изображеніе верхней половины колокольни собора съ ея башенками и всѣми многочисленными готическими украшеніями. Это изображеніе такъ вѣрно, что его можно бы было снять посредствомъ лаггеротина. Феноменъ являлся и исчезалъ восемь разъ и всякій разъ продолжался отъ 3 до 4 минутъ; цѣлѣ изображенія то блѣднѣлъ, то темнѣлъ. Такого оптическаго явленія въ нашихъ странахъ никогда не бывало.»

— Въ послѣднее время, въ Сѣверной Америкѣ, на оверѣ Онтарио, было явленіе, необыкновенное по своимъ огромнымъ размѣрамъ. Воды всего этого обширнаго озера вдругъ какъ-будто хотѣли выступить цѣлою массою изъ своего ложа; она пошла вверхъ по вдающимся въ озеро рѣкамъ, хлынула въ бухты и заливы, свесли плотнымъ и проч. Черезъ 10 или 12 минутъ, эти воды стали приходить въ прежніе мѣды, но опустились до горизонта, нѣсколько-высшаго противъ первоначальнаго. Потомъ, иногда черезъ 8, иногда черезъ 12 минутъ, воды опять

лись снова и снова опускались, что повторялось нѣсколько разъ. Въ устьѣ рѣки Дженесѣ вода то опускалась на два фута ниже обыкновеннаго горизонта, то поднималась на два фута выше. Суда на прибрежной стоянкѣ часто садились на голый песокъ. Въ Освего, за 10¹/₂ верстѣ отъ перваго мѣста, въ Корбургѣ, нѣсколько на западъ отъ горюлка Дженесѣ и на части озера, прилегающей къ Канадѣ, за 90 верстѣ отсюда же, вездѣ было то же явленіе; но съ наибольшею силою оказалось оно за нѣсколько мгновеній до заката солнца. Причину этого явленія ищутъ въ вихрѣ, который, крутясь, пронесся въ тотъ день надъ озеромъ отъ Пиагарскаго Округа къ сѣверо-востоку и оставилъ страшныя слѣды опустошенія даже за 75 верстѣ на западъ отъ Рочестера. Онъ продолжался *не болѣе трехъ минутъ*, охватывалъ пространство *въ ширину около $\frac{3}{4}$ мили* (1 верста и 65 саж.) и сопровождался молніей и громомъ.

— Последнее время богато новыми учеными открытіями: планста Нептунъ — заслуга Леверрье и торжество науки; хлопчато-бумажный порохъ Шёнбейна съ послѣдовавшими за нимъ *ксилондиномъ, пироксилиномъ, этерилиномъ*, и пр.; гомеографія — искусство переводить всякаго рода рукописи, литографіи, печать, гравюры и проч. на камень, не портя и не нзмѣняя оригинала, — открытіе чрезвычайно-важное для промышленности и книгопечатанія; новая математическая теорія движенія луны Делонэ; тождество законовъ электромагнетизма съ законами физиологій животныхъ; Бюллара и Маттеучи; открытіе неточности маріотова закона; нечувствительность пациентовъ при хирургическихкихъ операціяхъ отъ вдыханія азота, замѣченная Джексономъ, и пр. и пр. Обо всѣхъ этихъ открытіяхъ мы или уже говорили, или будемъ говорить, когда найдемъ ясныя, безошибочныя показанія. Теперь можно упомянуть еще о двухъ весьма-важныхъ открытіяхъ. Г. Грове, англійскій уче-

ный, говорятъ, нашелъ средство разлагать на химическія начала воду посредствомъ одной теплоты. О точномъ изслѣдованіи этой находки еще нѣтъ вполне-достоверныхъ свѣдѣній. Второе открытіе, которому, конечно, порадуется гѣнь Шампольона, принадлежитъ іезуиту Секки (Secchi), библіотекарю Римской Коллегіи; онъ нашелъ связь между фоветическими и символическими начертаніями. 14 января, въ засѣданіи Римской Археологической Академіи, онъ читалъ объ этомъ открытіи въ-присутствіи ученыхъ кардиналовъ Остини, Кастракане доли-Антельминелли, Медзофанте и Альтиери, и получилъ всеобщія одобренія и поздравленія.

— Французскія газеты сильно заняты процессомъ Александра Дюма съ журналами. Странно было встрѣтить на длинныхъ столбцахъ «Journal des Débats» и «Presse» безпрестанныя цифры, — и что жь означаютъ эти цифры? строя произведеній плодovitаго романиста. Александръ Дюма считаетъ своимъ произведеніямъ по строкамъ: въ такую-то газету надо долать 6,000 строкъ, въ другую дано 32,000, въ третью — въ-продолженіе столькихъ-то лѣтъ, надо поставить столько-то тысячъ строкъ...

Вотъ въ чемъ состоитъ процессъ г. Дюма. Гг. Веронъ и Жиранденъ, директоры газетъ «Constitutionnel» и «Presse», въ мартѣ 1845 г. заключили съ г. Александромъ Дюма контрактъ, по которому неутомимый романистъ обязался быть исключительно ихъ сотрудникомъ. За это Дюма долженъ былъ получать 63,000 франковъ въ годъ, и поставлять по десяти томовъ ежегодно въ оба журнала; по существенное условіе контракта состояло въ томъ, чтобъ Дюма не писалъ ни въ какомъ другомъ журналѣ, кромѣ «Presse» и «Constitutionnel».

Скоро Дюма нарушилъ условія, что и подало поводъ къ процессу.

Для объясненія дѣла приводинъ нѣкоторые пункты самаго процесса.

1) Г. Дюма продалъ г. Верону право издать въ «Constitutionnel» десять томовъ его романовъ.

2) Г. Дюма объявляетъ, что онъ, для исполненія условій съ другими журналами, долженъ помѣстить въ «Journal des Débats» пять томовъ *Comte de Monte-Christo*; въ «Siècle» — *Fils de Milady ou Vingt ans après* и еще шесть томовъ: *Vicomte de Bragelonne*. Однимъ словомъ, независимо отъ контракта съ «Constitutionnel» и «Presse», г. Дюма долженъ выдать известное число томовъ издателямъ газетъ «Journal des Débats», «Siècle» и «Commerce».

3) Въ продолженіе пяти лѣтъ, съ 1-го апрѣля 1844 года, г. Дюма обязывается производить не болѣе восемнадцати томовъ въ годъ: девять для Эниля Жирардена и девять для г. Верона.

4) Въ выборѣ сюжета для каждаго романа, г. Дюма долженъ снестись съ г. Верономъ.

5) Половина девяти томовъ, или по крайней мѣрѣ четыре тома, должны быть доставлены г. Верону начиная съ марта къ 1-му октября, а остальные съ октября къ 1-му апрѣля 1846 года.

6) Г. Дюма обязывается протестовать противъ всякаго объявленія, противнаго настоящему контракту, и помогать г. Верону въ преслѣдованіи такихъ объявленій, и пр. и пр.

Наступилъ октябрь прошлаго года. Газета «Siècle» объявила, что она напечатаетъ конецъ *Mouquetaires*. Вслѣдъ за тѣмъ появились извѣстія въ различныхъ журналахъ объ изданіи въ нихъ произведеній Александра Дюма. Не смотря на это, Александръ Дюма не принималъ никакихъ мѣръ; все это и подало поводъ къ процессу, который 19-го февраля кончился тѣмъ, что г. Дюма *приговорили* написать въ теченіе 1847 года *тридцать-два тома* романовъ; если же онъ пропуститъ назначенные ему въ 1847 году сроки, то обязанъ платить газетѣ «la Presse» по 100 франковъ за каждый день промедленія, въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ, послѣ чего судъ постановитъ новое рѣшеніе. Къ уплатѣ этого штрафа, какъ,

скоро онъ возвысится до 800 франковъ, г. Дюма можетъ быть присужденъ тѣлесно, *contraint par corps*, то-есть можетъ быть посаженъ въ тюрьму въ случаѣ неуплаты. Итакъ, съ одной стороны—слѣдуетъ написать тридцать-два тома романовъ, которые едва-ли можно только переписать въ назначенное время, а съ другой—тысячные штрафы или тюрьма. Пріятное положеніе!

— Семидесятилѣтній цыганъ Магридонъ, велъ, повиданному, жизнь безпокойную, переѣзнилъ много промысловъ, но все не въ прокъ и вѣтъ за бродяжество и нищенство. Его привели въ судъ. — Президентъ. Имѣешь ты какия-нибудь средства къ существованію? — Цыганъ. То-то и бѣда, что много ихъ было! — Президентъ. Какимъ ремесломъ ты занимаешься? — Цыганъ. Былъ и контрабандистомъ. — Президентъ. Это по-твоему тоже ремесло? — Цыганъ. Претяжелое; — ночи не спишь, дѣлаешь Богъ-вѣсть какия продѣлки, того-и-гляди, что достается. — Президентъ. Однако, это не честное ремесло и противно законамъ. — Цыганъ. Послѣ отворилъ я двери въ Олимпійскомъ-Циркѣ, носилъ горшки съ цвѣтами на рынокъ Мадлены. — Президентъ. Ты, кажется, никогда не былъ прилежнымъ работникомъ? — Цыганъ. Всегда дѣлалъ больше тѣхъ, которые получаютъ по сту тысячъ лировъ дохода. — Президентъ. Въ ночь съ 7 на 8 января тебя взяли на площади? — Цыганъ. Правда, — вѣчѣмъ было заплатить за квартиру, и хозяину вздумалось меня выгнать. — Президентъ. Слѣдовательно, ты самъ признаешься, что не имѣлъ пристанища? — Цыганъ. Разумѣется, если спалъ подъ открытыми небомъ. — Президентъ. Это еще не все. Въ то время, какъ тебя взяли, ты просилъ милостыню. — Цыганъ. Для того, чтобъ было чѣмъ заплатить за квартиру. — Президентъ. Но ты худо выбираешь время для сбора подалий. — Цыганъ. Не я выбиралъ, а нужда.

Притомъ же я человекъ не опасный: хилый старикъ, никого я не испугаю.—
Президентъ. Если бы судъ вынулъ тебя, чѣмъ бы ты сталъ жить?—
Цыганъ. Ужъ право не знаю. Для контрабанды ноги плохи: всегда найдутся негодяи, которые прежде меня доберутся до заставы; горшки съ цѣтями: тяжелы...—Президентъ. Ну, а если судъ отошлетъ тебя въ комитетъ приарьвнн нищихъ?—Цыганъ. Вотъ славно; хорошій ты человекъ; давай же его сюда, комитетъ-то! оно мнѣ кстати!—Судъ приговорилъ Магеридова къ заключенію на 24 часа, съ тѣмъ, чтобъ потомъ отослать его въ комитетъ приарьвнн нищихъ. — Магеридонъ. Видите, господа! по чести, пока живъ, буду ваше добро помнить; развѣ только вспоминать-то мнѣ недолго придется...

Теперь о бальных нарядах говорить почти нечего, потому что балы кончились съ масляницей. Положимъ, что въ концертахъ наряды также бываютъ довольно-красивы; но это случается очень рѣдко. Большею частью вы видите тутъ платья и головные уборы, уже не въ первый разъ надѣванные, и вообще во всемъ костюмѣ мало замѣтно оригинальности.

Утренніе наряды на-дняхъ показались въ большомъ количествѣ; теплая погода и солнце—рѣдкость въ Петербургѣ—вызвали всѣхъ на Невскій-Проспектъ. Мы видѣли бархатные капоты и съ атласными отворотами, и съ аграмантовыми пуговицами, и съ атласными пуговицами; и наконецъ съ металлическими пуговицами; вообще, для уборок платья или капотовъ употребляютъ большею частью пуговицы, атласъ, бархатъ, аграмантъ и кружева; но кружева помѣщаются вездѣ, и всегда они бываютъ кстати.

Турецкія шали предпочитаютъ всѣмъ мантильямъ.

Платки должны быть непремѣнно вышитыя вглядь или въ тамбуръ шелкомъ, и сверхъ того еще обшиты кружевами; очень-красивы платки, вырѣзанные фестонами, которые вышиты цвѣтнымъ шелкомъ; но такіе платки уже не обшиваются кружевами.

Вышивка съ каждымъ днемъ становится необходимою. Нигдѣ не встрѣтишь ни одной манишки, ни носоваго платка, ни утренняго чепчика, ни пеньюара безъ вышивки; но трудно рѣшить, который родъ вышиванья теперь больше нравится, въ тамбуръ или

вглядь, потому что вещи, вышитыя и однимъ и другимъ манеромъ, одинаково въ большомъ употребленіи.

Разныя такъ-называемыя галантейныя вещи въ большомъ ходу. Брошки дѣлаются немновѣрною величиною, а также и серьги, которыя-своими огромными кольцами напоминаютъ наряды нашихъ бабушекъ, и, разукрасясь, съ такими огромными кольцами невозможно надѣвать подѣсокъ. Впрочемъ, есть фасоны серегъ немного-граціознѣе, напр. посрединѣ кольца вставленъ большой камень или кораллъ, или яхонтъ, или изумрудъ, или даже большая буса, и кругомъ маленькой золотой ободочекъ; иногда еще отъ этого ободочка спускаются небольшія золотыя привѣски.

Воротнички начинаютъ по-пению прибавляться въ объемѣ; форма ихъ, въ сравненіи съ прошлымъ и третьимъ годомъ, значительно прибавилась; но первое условіе для моднаго воротничка—не быть обшиту кружевомъ. Воротничокъ долженъ быть или весь кружевной, или весь вышитый.

Манишки очень-красивы, когда онѣ такъ вышиты, что въ эту вышивку можно продергивать ленты. Широкія ленты вмѣсто галстуховъ все еще въ модѣ, и, кажется, съ-каждымъ днемъ все болѣе-и-болѣе нравятся.

О шляпкахъ и бурнускахъ пока еще ничего нельзя сказать рѣшительнаго. Говорятъ, что къ святой-недѣлѣ, не смотря на то, что она будетъ очень-рано, чуть не зимой,—появятся новыя «весенніе» фасоны и шляпокъ и бурнусовъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

П. А. РАТЬКОВА И К^о,

въ Санктпетербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ Городской
Думы, въ домъ Розова.

(ЦѢНЫ НА СЕРЕБРО.)

ПИСЬМА о ХИМИИ и ея приложеніяхъ къ промышленности, физиологін и земледѣлію. Соч. Юстуса Либиха. Перев. Г. Дымчевича, члена Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи и другихъ обществъ. Съ примѣчаніями переводчика. Спб. 1847. Цѣна 1 р. 50 к. вѣс. за 2 ф.

МАТИЛЬДА. Соч. Евгенія Сю, автора «Парижскихъ Тайнъ» и «Вѣчнаго Жида». Переводъ съ французскаго, пересмотрѣнный и исправленный В. М. Строевымъ. Въ 13-ти частяхъ. Спб. 1847. Цѣна 4 р. вѣс. за 5 ф.

ОПЫТЪ ГРАММАТИКИ АЛЕУТСКО-ЛИСЬВСКАГО ЯЗЫКА, Священника И. Веніамінова въ Аналашкѣ. Спб. 1846. Цѣна 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ЗАМѢЧАНІЯ о КОЛОШЕНСКОМЪ и КАДЬЯКСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ и отчасти о прочихъ Россійско-Американскихъ, съ приспособленіемъ Россійско-Колошенскаго словаря, содержащаго болѣе 1,000 словъ, изъ коихъ на нѣкоторыхъ сдѣланы поспенія, составилъ Иванъ Веніаміновъ, въ Санктѣ. Спб. 1846. Цѣна 50 к., вѣсов. за 1 фунтъ.

СЫНЪ ТАЙНЫ. Романъ Поля Феваля. Въ 8 частяхъ. Спб. 1847. Цѣна 2 р. 50 к., вѣс. за 4 ф.

КОНЧАНА, Царевна Татарская. Соч. А. Ишимовой. Спб. 1847. Цѣна 40 к., въ перкѣ 50 к., вѣс. за 1 ф.

МАСКАРАДЪ въ ОПЕРНОМЪ ТЕАТРѢ или проказы женатыхъ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. А. Н. Андѣева. Спб. 1847. Цѣна 30 к., вѣс. за 1 ф.

ОПИСАНІЕ ПУТИВЛЬСКОЙ-МОЛАНСКОЙ, Рождество-Богородицкой общежительной Сафроніевской пустыни, находящейся въ Курской Епархіи. Спб. 1846. Цѣна 30 к., вѣс. за 1 ф.

ЧТЕНІЕ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Засѣданіе 28 декабря 1846 г. № 5-й Москва. 1847. Цѣна 1 р. 20 к., вѣс. за 2 ф.

ГРАН-ПАСЬЯНСЪ, или собраніе всѣхъ видовъ этой игры. (Съ 30-ю таблицами). Составилъ А. А.—въ. Спб. 1847. Цѣна 1 р. вѣс. за 1 ф.

О ДОИНЫХЪ КОРОВАХЪ, новое открытіе или способъ по одному взгляду узнавать количество ежедневнаго удоя, качества молока и время доенія каждой коровы въ продолженіи стельности. Франца Генова, члена Земледѣльческаго Комитета въ Бордо, удостоеннаго этимъ обществомъ золотой медали 20 августа 1847 года, и проч. Переводъ со втораго изданія, съ 72 литограф. рисунками коровъ. Москва 1846. Цѣна 1 р. 50 к., вѣс. за 2 фунта.

ИВАНЪ МАЗЕПА, Гетманъ Малороссійскій. Историческій романъ въ четырехъ частяхъ. Москва 1846. Цѣна 1 р. 50 к., вѣс. за 2 фунта.

МСТИСЛАВЛЕВЪ, или слава города Могилева. Историческій романъ изъ царствованія Царя Алексѣя Михайловича, въ 1634 году, съ двумя картинками, гравированными на деревѣ. Въ двухъ частяхъ. Москва 1847. Цѣна 2 р., вѣс. за 2 ф.

КНИЖКА ДЛЯ МЯДЬХЪ ДѢТЕЙ, содержащая въ себѣ: рассказы и поэтическіе стихи. Москва 1846. Цѣна 1 р. вѣс. за 1 ф.

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИИ КОНСУЛЬСТВА вЪ ИМПЕРІИ во Франціи. Сочиненіе А. Тьера, полный переводъ О. А. Кони. Спб. 1847. Въ 8-ю л. л., на лучшей вел. бумагѣ. Къ этой части предложена отличнѣе-гравированная и отпечатанная въ Парижѣ картинка, изображающая Императора Наполеона, предъ войсками при Аустерлицѣ. Цѣна 1 р., вѣс. за 1 ф.

То же части: первая, вторая, третья, четвертая и пятая. Спб. 1846. Въ 8-ю л. л. на лучшей веленовой бумагѣ, съ шестью превосходно-гравированными въ Лондонѣ и отпечатанными въ Парижѣ портретами. Цѣна за каждую часть 1 р., вѣс. за 1 ф.

РУКОВОДСТВО къ Добыванію всякаго рода поташа, съ приложеніемъ тѣхъ ремеслъ и производствъ, въ которомъ онъ главнѣйше употребляется, какъ то: 1) приготовленіе всякаго рода стекла. II. Добываніе квасцовъ. III. Бѣленіе всякихъ полотенъ; шерсти и нитокъ, по усовершенствованнымъ способамъ. IV. Приготовленіе Берлинской лазури. V. Приготовленіе поташныхъ солей, употребляемыхъ въ красильномъ и другихъ искусствахъ, и пр. и пр., съ чертежами. Книга для хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ. Составилъ А. А.—въ. Спб. 1847. Цѣна 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

СѢЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ. Книжка вторая, издавшая княземъ В. О. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ. Изданіе третье. Спб. 1847. Цѣна 30 к., вѣс. за 1 ф.

Тоже Книжка первая. Спб. 1847. Цѣна 30 к., вѣс. за 1 ф.

Иногородныя особы, желающія выписывать книги въ переплетѣхъ, шитыя за обыкновенный переплетъ въ простой корешокъ 25 к. сер., въ сѣдланный съ французской бумагой 40 к. сер. За переплетъ книгъ въ четверть листа и листъ цѣна возвышается, а также при переплетѣ книгъ въ сатинъ, шангрень, бархатъ, съ золотымъ обрѣзомъ и т. п.

Кромѣ книгъ, здѣсь поименованныхъ, господа иногородныя могутъ адресовать свои требованія къ общепозначенной магазинъ, П. А. Ратькова и Ко., за всеми вообще другими книгами, и учебными пособіями, картами, глобусами и проч. Требованія исполняются съ точностію и аккуратностію, съ первою же отходящею почтою.

КУРСЪ ЭСТЕТИКИ или НАУКА ИЗЯЩНАГО. Соч. В. Ф. Гегеля, перевелъ Василій Модестовъ. Спб. 1847. Въ 2 частяхъ. Цѣна 3 р., вѣс. за 3 ф.

КРАТКІЯ ПОУЧЕНІЯ протоіерея Родиона Пугачева. Изданіе шестое. Москва 1847. Цѣна 1 р. 20 к., вѣс. за 2 ф.

СТО РИСУНКОВЪ изъ Сочиненія Н. В. Гоголя: «Мертвые Души». Рисовалъ А. Агитъ. Гравировалъ на деревѣ Е. Бернарскій. Все изданіе будетъ состоять изъ 25 выпусковъ, каждый выпускъ состоятъ изъ 4-хъ рисунковъ, въ форматъ названа Мертвыхъ Душъ, подлинная цѣна 10 р., съ перес. 11 р. 50 к., при подлинскѣ вышедшія 16 тетрадей выйдутъ.

ДАГЕРТИНЪ СОВРЕМЕННОСТЕЙ. Карикатура. Выпускъ третій. Содержаніе: 1) Въ нашъ вѣкъ обѣщаетъ достойно одарить достойный человѣкъ. 2) Что ты тутъ дѣлаешь? Удерживаюсь отъ пьянства. 3) Дѣтъ кометы. 4) Печатная процессія Азанаса Ивановича. 5) Магазины издѣлій Россійской мануфактуры. Спб. 1847. Цѣна 50 к., вѣс. за 1 ф. Тоже Выпускъ второй 50 к. и первый 1 р., вѣс. за 1 ф.

МЕТОДА РОБЕРТСОНА. Практическіе уроки Англійскаго языка, съ грамматическимъ ихъ обзоромъ. Въ пользу Русскихъ, составилъ Яковъ Лангенъ. Спб. 1847. Цѣна 50 к., вѣс. за 1 ф.

Ноты:

БАРКАРОЛЛА. Слова О. А. Кони. Музыку посвящаетъ А. Лазареву, Г. К. Аргольдъ. Цѣна 85 к., вѣс. за 1 ф.

ПѢСНЬ ПЕРДИ. Слова Е. Бернета, музыка А. В. Лазарева. Цѣна 1 р.

РОМАНСЪ. «Не спиши моя красавица постои», слова А. Ф. Воейкова, музыку посвящаетъ Варварѣ Васильевнѣ Богубулатовой, Александръ Лазаревъ. Ц. 75 к.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ КОММИССИОНЕРА БИБЛИОТЕ ЗЪ
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

И. А. ЖУКОВЪ.

Въ Санктпетербургъ, въ Гостиномъ-Дворъ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
LE PETIT LIVRE DE L'AMOUR DE DIEU, par le comte de Stolberg, trad. de l'allemand par L. Boré. Un vol. 18. Paris. 1846	• 50	HISTOIRE MEDICALE ET PHILOSOPHIQUE DE LA FEMME, considérée dans toutes les époques principales de sa vie, par Menville, 3 vol. 8. Paris . . .	6 40
HISTOIRE DE LA VIE DE N. S. JESUS CHRIST et des actes des apotres, par de Ligny. 8 édit. 2 vol. 8. Paris	2 30	PRECIS DE LA CHIRURGIE ELEMENTAIRE, Leçons, professées à l'hopital militaire, par Moreau-Boutard. Un vol. 18. Paris.	• 65
ANNUAIRE ENCYCLOPEDIQUE pour 1847. Un vol. 18. Paris. 1847	• 15	SOMNOLOGIE MAGNETIQUE, ou recueil des factes et opinions somnambuliqnes, pour servir à l'histoire du magnetisme humain, par Loisson de Guinmont. Un vol. 8.	1 70
HISTOIRE DE LA LEGISLATION ROMAINE, par Ortolan. Un vol. 8. Paris	1 30	TRAITÉ PRATIQUE DES MOTEURS HYDRAULIQUES ET À VAPEUR, par Armengaud. Un vol. gr. 8. avec pl. Paris	4 25
RÉFLEXIONS HISTORIQUES ET PHILOSOPHIQUES sur les revolutions dans les bases fondamentales de la constitution des Etats, par J. Cohen. Un vol. 8. Paris. 1846	2 15	ESSAI SUR LA PHILOGOLOGIE SLAVE et de l'influence politique et religieuse qui l'a dérivée. in 8. Paris. 1846	• 70
DES CHANGEMENTS DANS LE CLIMAT DE LA FRANCE, histoire de ses revolutions météorologiques, par Fuster. Un vol. 8. Paris	2 25	JOURNAL DES DEMOISELLES, augmenté du Journal des Jeunes personnes du magasin des Demoiselles de la Brodeuse, et du Moniteur de la mode, 12 cahiers gr. in 8 par an, avec modes et broderie.	2 50
FABRICATION ET RAFFINAGE DU SUCRE.—Dissertation sur l'évaporation des liquides sucrés, par E. Degrand, brochure . . .	• 25	Franç de port pour l'intérieur . . .	3 75
ANNUAIRE DE L'HORTICULTEUR amateur et commerçant pour 1847	• 25	HISTOIRE PITTORESQUE DES PASSIONS CHEZ L'HOMME ET LA FEMME. Un vol. gr. in 8. Paris. 1846	
HISTOIRE DES MEMBRES DE L'ACADEMIE ROYALE DE MEDECINE, par Pariset. 2. vol. 12.	2 .		

	P. K.		P. K.
LETTRÉS ET PIÈCES RARÉS OU inédites, publiés par Matter.		expliquées par H. Fortoul. Un	
Un vol. 8. Paris. 1846	2 15	vol. 18. Paris. 1846	2 .
BONHEUR ET MALHEUR DANS LE MARIAGE, par Saunders. Un		ПОМАИЫ.	
vol. 12. Paris. 1846	1 .	LES GRANDS DANSEURS DU ROI,	
TRAITÉ DE LA LEGISLATION SPÉCIALE DU TRÉSOR PUBLIC en matière contentieuse, par Dumesnil. Un vol. 8. Paris. 1846	2 15	par Rabou. Un vol. 60
LA DANSE DES MORTS, dessinée par Hans Holbein, gravée sur pierre par J. Schlotthauer,		CHARLES MANDEL, par Melanie Waldor, 2 vol.	1 20
		LE DERNIER COLONEL, par St. Felix. Un vol. 18 60
		DEUX DIANES, par Dumas, tome 1 et 2, in 18.	1 20
		LE PASTEUR D'HOMMES, par Souvestre. Un vol. 60

У М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ-Проектъ, противъ Малой - Морской,
въ домъ Паскаля № 41.

Пьесы для флейты.

Серебрянъ. Р. К.

BRISCIARDI. I.	Fantaisie pour la flûte avec piano sur l'opéra Dom Sebastien. op. 24.	1	72
—	Fantaisie sur une chanson populaire pour la flûte avec piano. op. 25.	1	43
—	La Styrienne. Morceau de concert pour la flûte avec piano. op. 29.	1	15
—	Nocturne pour la flûte avec piano op. 32	1	43
—	Duo concertant pour piano et flûte sur «i due foscari». op. 33	2	29
—	Divertissement sur des motifs de Giovanna d'Arco de Verdi. op. 34.	2	•
DIABELLI. A.	Productionen im häuslichen Freundschafts-Zirkel für Flöte mit Piano. N° 56, 57. Schubert, Mélodies, 2 тетради, каждая	1	43
—	N 58. Balle, Ouverture de l'opéra: les quatre fils d'Haymon.	1	15
—	N 59, 60, 61, 62. Quatre potpourris de l'opéra: les quatre fils d'Haymon. 4 тетради, каждая.	1	43
—	N 63, 64, 65. Quatre potpourris de l'opéra: la fille du regiment, 4 тетради, каждая.	1	43
FORDE. W.	Six Trios pour 3 flûtes sur des airs favoris choisies des oeuvres de Rossini. 6 тетрадей, каждая	•	85
—	12 mélodies italiennes pour piano et deux flûtes. 12 тетрадей, каждая	•	50
FRISCH. R.	Fantaisie et variation brillantes pour la flûte avec piano. op. 20.	1	72
HALEVY. F.	Ouverture de l'opéra: les mousquetaires de la Reine, arr. pour deux flûtes.	1	•
—	Les mousquetaires de la Reine. Opéra comique, arr. pour deux flûtes. En 3 suites. 3 тетради, каждая.	1	72
—	Les mousquetaires de la Reine. Opéra, arr. pour flûte seule. 2 Suites. 2 тетради, каждая.	1	•
JANSA. L.	Der junge Opernfreund. Ausgewählte Melodien für die Flöte mit Piano. N 22. Flotow, Alessandro Stradella (85 коп.) N 23. Balle, Die Zigeunerin (85 коп.) N 24. Weber, Euryanthe (85 коп.) N 25. Verdi, Ernani.	•	85
KUMMER. G.	Vingt-sept pièces de musique très faciles et progressives pour deux flûtes. op. 114.	2	29
—	24 Etudes mélodiques dans tous les tons majeurs et mineurs pour la flûte. op. 110.	2	•
KÜFFNER. I.	Repertoire de nouvelles danses favorites pour la flûte seule	1	15
POLKAS	nationales pour deux flûtes.	1	43
—	Les mêmes polkas pour flûte seule.	1	•
REMUSAT.	Album du jeune flûtiste. Six airs variés pour la flûte seule. 2 Suites.	1	15
STRAUSS. I.	Walzer für Flöte mit Piano. op. 184, 185, 186, каждый.	•	85
TULOU.	11-me grand solo pour la flûte avec deux violons, Alto, Basse et Cbasse. op. 93.	2	29
—	Le même solo avec piano. op. 93.	2	•

WALCKIERS. E. Fantaisie sur l'opéra: Les mousquetaires de la Reine pour la flûte avec piano. op. 84	2 29
DIABELLI. A. Der musikalische Gesellschafter in einsamen Stunden. Periodisches Werk für die Flöte. N 69. Lucia di Lammermoor. N 72. Mélodies de Schubert. N 75. Nabucodonosor. N 76. Don Pasquale. N 77. Maria di Rohan. N 78 Les quatre fils d'Haymon, каждый номеръ	1 15

Пьесы для фортепьяно.

HENSELT. A. Quatre Romances sans paroles. op. 17.	1 .
DÖBLER. Th. Le postillon. Rondeau brillant sur une mélodie de S. A. S. le prince de Hohenzollern—Hechingen. op. 63.	1 .
— La Suppliante. Ballade op. 65. 75
СЮПИН. F. Barcarolle. op. 60 (1 r. 15 c.) Polonaise-Fantaisie. op. 61. (1 r. 58 c.) Deux nocturnes. op. 62.	1 29
ДАМЦКЕ. B. Gage d'amitié. op. 29 50
LISZT. F. Schubert's Märsche, uebertragen. — Märsches de F Schubert transcrites. Liv. 1. (1 r. 43 c.) liv. 2. (2 r.) liv. 3	2 .
— Müller-Lieder von Fr. Schubert, liv. 1, 2, 3, каждая тетрадь.	1 15
— Tarentelle di bravoura, d'après la tarentelle de la muette de Portici.	1 72
— L'idée fixe. Andante amoroso 58
LVOFF. A. Ouverture de l'opéra Ondine transcrite par Damcke.	1 15
MAYER. Ch. Trois grandes études. op. 91, liv. 1, 2, 3, каждая	1 15
PFEIFFER. O. Nocturne 50
ROSELLÉN. H. Les mousquetaires de la Reine. Fantaisie. op. 86	1 72
SCHUMANN. R. Concerto. op. 54. avec Orchestre (8 r. 58 c.) pour piano seul.	3 43
ТВАЛБЕРГ. S. Decameron N 4. Fantaisie sur l'opéra Norma de Bellini. op. 57.	1 15
Voss. Ch. Olga, mélodie russe 60
— Les Huguenots. Fantaisie brillante.	1 29
— Czaar uud Zimmermann. Fantaisie.	1 29
— La part du diable. Fantaisie	1 43
BERNARD. M. Collection d'airs favoris de l'opéra italien à Saint-Petersbourg, transcrits pour piano. N 24. Air de l'opéra: i Lombardi. (30 c.) N 25. Air de l'opéra: la fille du regiment. 60

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.* получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.*, пользуются означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодой этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованиями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го марта третья тетрадь Музыкальнаго Журнала «НУВЕЛИСТЪ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Mayer*, Caprice en forme d'étude. — *Thalberg*, Berceuse. — *Dobrzinky*, Resignation, morceau de Salon. — *Boyer*, La pervenche, valse. — *Burgmüller*, Redowa-Polka. — *Rosellen*, Divertissement espagnol. — *Burgmüller*, Fantaisie brillante sur Ernani de G. Verdi. — *Romanys*, Погубилъ меня, пьеса. — *Jouret*, Mignon de Götthe, mélodie. — Музыкально-Литературное Прибавленіе № 3.

Годовая подписка 10 руб. сер., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер.

1867

3

